

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

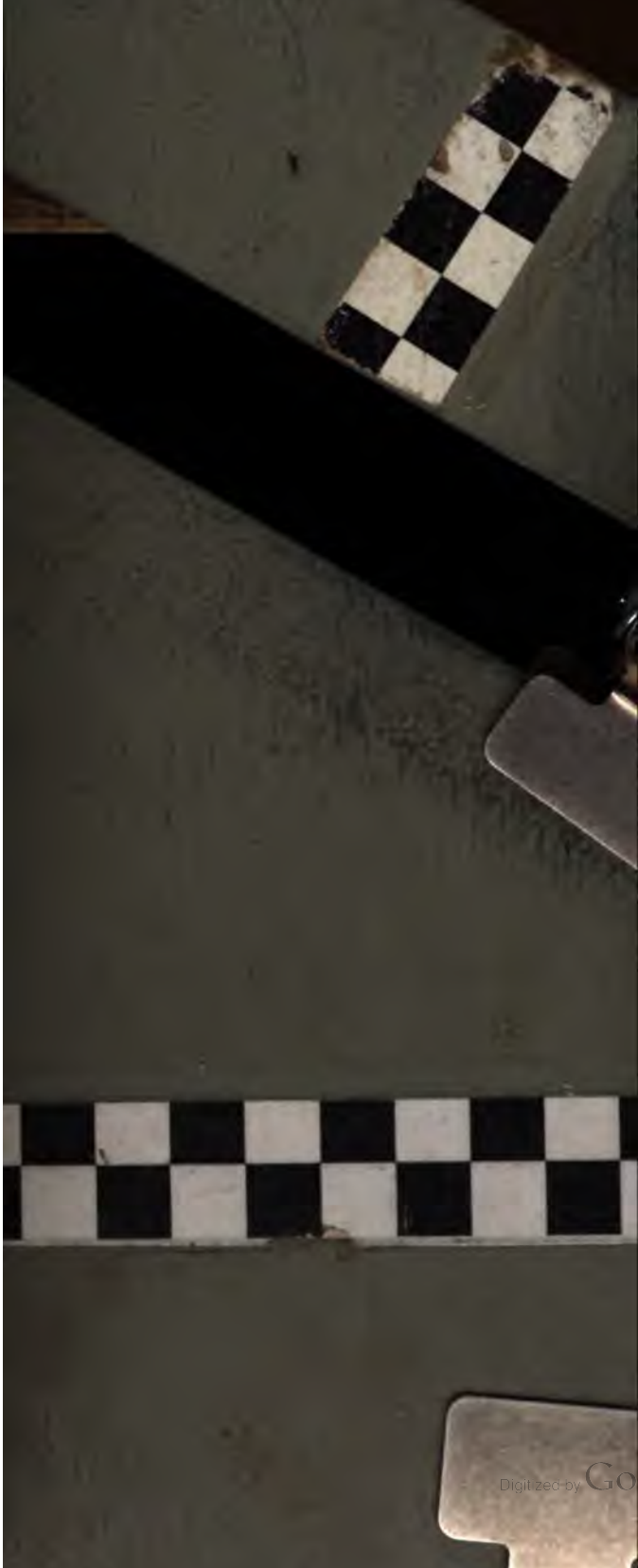
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

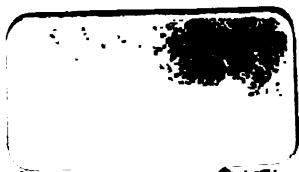
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

№. 278975 d. 80

ies. 278975 d. 80

И

Digitized by

Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАДІСКИ

1878

№ 5 МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейнаа, № 2).

I. — ЖЕНИТЬБА БЪЛУГИНА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Соловьева.	5
II. — НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. (Его жизнь и поэзія).	93
III. — УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратскаго.	117
IV. — БУЗНЕЦЪ. (Памяти Н. А. Милютина). (<i>Стихотвореніе</i>). Н. Некрасова	166
V. — ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ). Н. Максимова.	167
VI. — РАЦИОНАЛИЗМЪ НА ЮГЪ РОССІИ. Емельянова.	199
VII. — ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго.	231
VIII. — ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ. Романъ Дженса Гринвуда, автора «Исторія Найденныша». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—64).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

IX. — ЭКСКУРСІИ ДѢЛЬЦОВЪ ВЪ ОБЛАСТЬ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ	1
X. — ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ ВЪ МІРѢ НОВЫХЪ СУДОВЪ. Н. С.	32
XI. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Стачки и ихъ быстрое прекращеніе.—Банкетъ рабочихъ ассоціацій и рѣчь Луи Влана.—Приостановка парламентской сессіи.—Амнистія по дѣламъ печати въ сенатѣ.—Де-Брольи и Парисъ противъ Савари и Дюфора.—Окончательное принятіе бюджета.—Увеличеніе содержаній по поводу выставки.—Фарсъ, разграниченный сенаторомъ.—Мирная сессія генеральныхъ совѣтовъ.—Рѣчь Барду при открытіи «коллежа Паскаля». — Выборы 7-го апрѣля.—Разстройство въ рядахъ бонапартистовъ.—Заявленія Рауля Дювала, Дюпона и Дюге де-ла-Фоконри.—Статьи о союзахъ 1870 г.—Исторія съ военнымъ министромъ.—Случай съ Гелзеномъ и Мирибелемъ.—Территориальная армія и циркуляръ къ жандармамъ.—Антиреспубликанская магистратура.—Поѣздка Гамбетты и наследство Тьера.—II. Театръ и музыка.—«Семейство Фуршамб», комедія Эмиля Ожье, на сценѣ театра «Французской Комедіи». — «Бразилька», мелодрама Поля Мёриса въ театрѣ «Ambigu». —	

(См. страницу 3-ю).

277

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

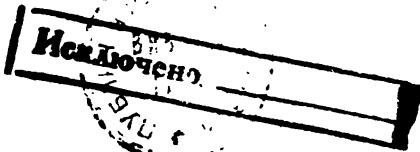
ГОДЪ Сороковой.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХХVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейналъ, № 2).

1878.

ЖЕНИТЬБА БЪЛУГИНА.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Л И Ц А :

Гаврила Пантелѣичъ Бѣлугинъ, богатый купецъ, фабрикантъ, лѣтъ 55-ти; живетъ постоянно на фабрикѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Москвы, нрѣдка прѣзжаетъ въ Москву къ сыну.

Настасья Петровна, жена его, полная женщина; одѣвается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платокъ, голова повязана.

Андрей Гаврилычъ, ихъ сынъ, лѣтъ 27 ми; одѣтъ современно, но съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ франтовства; живетъ постоянно въ Москвѣ, занимается дѣлами отца и имѣетъ свои обороты.

Василій Сыромятовъ, молодой, богатый фабрикантъ, сосѣдь старика Бѣлугина по фабрикамъ, пріятель Андрея; одѣтъ небрежно, панталоны въ сапоги; немного шеголяетъ прстонародностью въ словахъ и манерахъ.

Таня, сестра Сыромятова, молодая дѣвушка; одѣта богато.

Николай Егоровичъ Агишинъ, человекъ безъ опредѣленнаго положенія, съ ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще интересная; по костюму и манерамъ джентльменъ.

Пріемная комната: въ глубинѣ входная дверь; по стѣнамъ тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обѣ стороны, ближе къ аван-сценѣ, боковыя дѣсны; налѣво отъ актеровъ, подлѣ двери, большое конторское бюро и высокій табуретъ; направо на стѣнѣ два фамильные портрета плохой, дешевой работы, въ большихъ золоченныхъ рамахъ; посрединѣ большой столъ, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столѣ модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Андрей Бѣлугинъ (*выходитъ изъ боковой двери слева и становится подлѣ бюро*), потомъ Агишинъ.

Андрей (*съ неудовольствіемъ*).

Кто тамъ еще?.. Эхъ!.. (*Изъ средней двери входитъ Ашиинъ*).
А, Николай Егорычъ... мое почтенье... здравствуйте!.. (*подаетъ руку*). Вернулся изъ Питера?..

Агишинъ.

Да, вчера... и вотъ заѣхалъ на тебя поглядѣть, мой милый... Но, кажется, я не во время... такъ говори прямо... я послѣ могу!..

Андрей.

Родители съ фабрики пріѣхали...

Агишинъ (*указывая на шляпу*).

А это что?.. Этихъ вещей твои родители, я думаю, не носятъ, да и прародители не носили!..

Андрей.

А это знакомые съ ними виѣстѣ... тоже одинъ фабрикантъ съ сестрой...

Агишинъ.

Ну, я тебя не задержу... я на десять словъ... Миѣ только нужны кой-какія свѣдѣнія... бывалъ ты безъ меня у Карминыхъ?..

Андрей.

Заѣзжалъ иногда..

Агишинъ (*съ притворнымъ участіемъ*).

Ну, что-жь, Андриша, мой милый, какъ дѣла твои?..

Андрей (*строго*).

Какія такіа дѣла?

Агишинъ.

Ну, твое ухаживанье, любовь, обожаніе, что ли?.. Кто-жь тебя знаетъ!.. Тронулъ ты ея сердце, или ужъ совсѣмъ покорилъ?..

Андрей.

Это ужъ мое дѣло! Ты разговоры эти лучше предоставь!..

Агишинъ (*съ улыбкой*).

Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тутъ есть небольшая разница.

Андрей.

Ну, тамъ оставь или предоставь—это все одно... а только я тебя прошу, что-бы этихъ разговоровъ не было, потому я не люблю!..

А Г И Ш И Н Ъ.

А, вонъ оно куда пошло!

А Н Д Р Е Й.

Да, потому что надъ тѣмъ, я самъ не шучу, надъ тѣмъ и другимъ не позволю!..

А Г И Ш И Н Ъ.

Значить: это—святыня... въ которой прикасаться нельзя?..

А Н Д Р Е Й.

Ну, да ужъ какъ хочешь, такъ и понимай!..

А Г И Ш И Н Ъ.

Какъ онѣ поживаютъ? здоровы?

А Н Д Р Е Й.

Ничего.. слава Богу!..

А Г И Ш И Н Ъ.

Ты когда у нихъ былъ въ послѣдній разъ?

А Н Д Р Е Й.

Вчера.

А Г И Ш И Н Ъ.

А когда опять собираешься? сегодня, я думаю!

А Н Д Р Е Й.

Мудренаго нѣтъ, что и сегодня!..

А Г И Ш И Н Ъ.

Ежедневно, значить...

А Н Д Р Е Й.

А хотя бы и такъ, хоть бы на день пять разъ. У тебя, что-ли, позволенья мнѣ спрашивать?..

А Г И Ш И Н Ъ.

Да что ты сердилшься? Для меня совсѣмъ не лишнее знать твои намѣренія въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь и я тоже живой человѣкъ, и я могу чувствовать врасоту Елены. Ты имѣешь ли это въ виду?..

А Н Д Р Е Й.

Ну, такъ что-жь? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступнаго просишь?

А Г И Ш И Н Ъ.

Нѣтъ, за что брать отступное! Да ты и не дашь: шансы у насъ неравны. Гдѣ ужъ мнѣ соперничать съ тобой! И если ты..

А Н Д Р Е Й.

Да... если а!.. Потому что-жь будетъ?

А Г И Ш И Н Ъ.

Зачѣмъ же я буду мѣшать тебѣ безъ всякой пользы для себя? Умнѣе и честнѣе съ моей стороны отступиться; будемъ дѣйствовать заодно!

А Н Д Р Е Й.

Да что за разговоры, что за стачка!.. Это дѣло чистое.

А Г И Ш И Н Ъ.

Ну, какъ знаешь... Вотъ что: коли ты прїѣдешь сегодня раньше меня, такъ не говори, что меня видѣлъ.

А Н Д Р Е Й *(съ досадою)*.

А какая мнѣ надобность разговаривать про тебя!..

А Г И Ш И Н Ъ.

А если и спросятъ, такъ, сдѣлай милость, скажи, что не видѣлъ: мнѣ хочется сюрпризомъ явиться!..

А Н Д Р Е Й.

Да ладно... что объ этомъ толковать-то! *(съ улыбкою)*. Сюрпризъ! Какой же это сюрпризъ? По нашему, привести изъ Питера подарокъ тысячи въ три — вотъ это сюрпризъ!

А Г И Ш И Н Ъ.

Ишь у тебя замашки-то какія! Вотъ и поди соперничай съ тобой! Нѣтъ, видно, вашему брату безъ бою уступать нужно!.. *(Подавая руку)*. Ну, я тебя задерживать не хочу... Порученія твои я исполнилъ, объ этомъ послѣ... До свиданья, сегодня вечеромъ! Пооди къ своимъ гостямъ, занимай ихъ... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

А Н Д Р Е Й *(одинъ)*.

А Н Д Р Е Й.

Занимать гостей... Вотъ пытава-то!.. *(Смотритъ въ дверь направо)*. Прощай, Таня!.. Какую я сейчасъ съ тобою подлость сдѣлаю, такъ, кажется, убить меня... убить!.. Думалъ: будемъ вѣкъ съ тобою другъ на друга радоваться!.. вѣдь вонъ она сидеть: такая веселая, смѣется чему-то, лицо такое доброе... и не ожидаетъ! Злодѣй я, злодѣй!.. Да что-жь дѣлать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. Отъ своей судьбы не уйдешь!.. И сталъ я ничѣмъ, ничѣмъ не лучше всякаго разбойника и всякаго безчестнаго!.. *(Садится къ столу и опускаетъ голову на руки; входитъ Сыромятовъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

А Н Д Р Е Й и С Ы Р О М Я Т О В Ъ.

С Ы Р О М Я Т О В Ъ.

Что ты ушелъ отъ насъ? Аль куревомъ занимаешься, не хотѣлъ чадить при гостяхъ?..

АНДРЕЙ.

НѢтъ.

СЫРОМЯТОВЪ.

Такъ что-жь съ тобой... ужь здоровъ ли ты?..

АНДРЕЙ.

Ничего, здоровъ!.. *(Какъ бы про себя)*. А еще людей бранимъ, людей судимъ, а сами хуже, можете быть, тѣхъ, что...

СЫРОМЯТОВЪ.

Ты ужь, я вижу, заговариваться сталъ... Да что ты рехнулся, что ли, въ самомъ дѣлѣ?.. Ты лучше за докторомъ пошли.

АНДРЕЙ.

Не вылечить меня никакой докторъ! *(Встаетъ)*. Измѣнникъ я своему слову и, значить, безчестный человѣкъ!

СЫРОМЯТОВЪ.

Да ты въ загадки-то не играй!..

АНДРЕЙ.

А вотъ, братъ Вася, и разгадка всему этому: полюбилъ я твою сестру и по рукамъ мы ударили—такъ вѣдь?..

СЫРОМЯТОВЪ.

Такъ, не перетакивать стати!..

АНДРЕЙ.

А теперь не могу!.. Простите вы меня... простите!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Да ты полно шутить-то... не къ мѣсту!

АНДРЕЙ *(горячо)*.

Да я и не шучу... Съ чего ты выдѣлъ, что я шучу?.. не до шутокъ мнѣ!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Однако, сюрпризъ важный!..

АНДРЕЙ.

Ну, да вотъ хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мнѣ... легко мнѣ будетъ твоей сестрѣ въ глаза взглянуть?..

СЫРОМЯТОВЪ.

Гм.. исторія, братецъ ты мой!.. По пріятельски, удружилъ!.. Ты знаешь ли, какъ это, по нашему, по-русски, называется?.. Вѣдь этотъ твой пассажъ для сестры и для всей нашей фамилиі безчестье и мараль!.. Ты подумалъ ли объ этомъ?

АНДРЕЙ.

Безъ тебя все это я давно знаю. Да что-жь мнѣ дѣлать, коль я другую полюбилъ!.. Разсказать тебѣ вдругъ мои чувства—я не могу... да и словъ такихъ не знаю... а вотъ возьми ты, разорви грудь мою, да и погляди самъ, что тамъ дѣлается!.. Вотъ

не уйдешь нигуда отъ этого... не спрячешься... судьба, одно слово—судьба!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Стало быть богаче или лучше невѣсту нашель?

АНДРЕЙ.

Да не то, Вася, совсѣмъ не то!..

СЫРОМЯТОВЪ.

А коли не то, такъ какія-жь съ твоей стороны оправданія?.. Какъ же ты, братецъ ты мой... хорошаго семейства дѣвушка и по нашей сторонѣ, можно сказать, первая невѣста по капиталу и по всему... какіе-жь у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

АНДРЕЙ (*прозя пальцемъ*).

Шшш... осторожно!.. не заикайся!..

СЫРОМЯТОВЪ (*заво*).

Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочимъ, интересно знать этотъ самый сюжетъ!..

АНДРЕЙ.

Что тутъ знать?.. Красота—ума помраченье! вотъ и знай!..

СЫРОМЯТОВЪ.

А изъ какихъ онѣ будутъ?..

АНДРЕЙ.

Да изъ какихъ бы то ни было!.. Ну, просто тебѣ сказать: семейство хорошее... живетъ дѣвушка, барышня съ маменькой, живутъ, признаться, не богато... познакомиль меня съ ними Агишинъ... но только ужъ насчетъ образованія... ума!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Съ романсами, значить? вотъ какъ!..

АНДРЕЙ.

Сразу можетъ погубить человѣка... за одинъ взглядъ, за одну улыбку, куда хочешь и на что хочешь готовъ!.. Ахъ, Вася, такая это красота, такая красота!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Насъ никакимъ товаромъ не удивишь... знавали мы и атласныхъ, и бархатныхъ...

АНДРЕЙ.

Не то, говорю тебѣ, не то!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Значить, ужъ самыхъ высшихъ сортовъ!..

АНДРЕЙ.

Да что тебѣ говорить!.. Ты такихъ и не зналъ никогда, и не видывалъ!..

Сыромятовъ.

Познакомь, такъ увидимъ... не ударимъ лицомъ въ грязь... обращение понимаемъ... можемъ карманомъ тряхнуть; чай, самъ знаешь, мы цыганкамъ за пѣсни по триста рублей бросали!..

Андрей (съ изумомъ).

Оставь... оставь... я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупыя... и больше ничего!..

Сыромятовъ.

Какое дѣло, такія и слова... глупое дѣло, такъ и слова глупыя, потому серьезнаго я тутъ ничего не вижу!..

Андрей.

Нѣтъ, ужь такъ-то серьезно, что хотъ въ петлю полѣзай... Прежде то я бывалъ у нихъ не часто... такъ, думалъ, для времяпровожденія, а теперь каждый день тянется, хотъ взглянуть только!.. А она... она-то какъ будто шутить надо мною: то задумается, да такъ глядитъ, такъ глядитъ!.. а мнѣ такъ подошло... ну, прямо тебѣ скажу: не жить безъ нея... хотъ руки на себя накладывай!.. либо она... либо...

Сыромятовъ.

А коли такъ круто пришло, такъ что-жь ты зѣваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хотъ сегодня.. ямскую тройку съ наборомъ... маменьку убаготворить, а съ дочкой, какъ потемнѣе станетъ... куда-нибудь подальше!..

Андрей (хватая его за плечи).

Не будь ты Василій Сыромятовъ, задушилъ бы тебя за эти слова!..

Сыромятовъ (отстраняясь).

Не горячо ли будетъ!.. Остыньте маленько!..

Андрей.

Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, в дѣло, коли Богъ дастъ, будетъ честное.

Сыромятовъ.

Честное! а съ нами твое дѣло честное? Стало быть, мы хуже другихъ, съ нами можно все... дескать, не вышутъ, таковскіе... Нѣтъ, ты ошибся, и у насъ тоже своя амбиція есть, да еще побольше, чѣмъ у другихъ прочихъ... за себя постоять можемъ!..

Андрей.

Ну, мсти; ну, дѣлай, что хочешь, я не бѣгу, не прячусь, я самъ отдаюсь... А что ее обидѣтъ или чувства мои душевныя трогать, я никому... отцу родному не позволю!

Сыромятовъ.

Вотъ тебѣ сказъ короткій: не будь ты мнѣ другъ, все одно, что братъ, я-бъ съ тобою живъ не разстался; ужь то ли, сѣ ли,

а, по крайности, разстрамилъ бы тебя на весь свѣтъ!.. А теперь коть и обидно, а больше-то мнѣ тебя жалко! Оплелли!.. да и что-жь не оплести, коли самъ въ петлю лѣзеть... затануть только по-грѣшеч!..

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, Вася, нѣтъ, я самъ!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Ты одурѣлъ, такъ и не видишь; а у меня разумъ при себѣ!.. хоть ты мнѣ образъ сними, все-таки скажу, что ловушка!.. Да и всѣ то же скажутъ, кого ни спроси!..

АНДРЕЙ.

Вася, послѣдняя у меня просьба къ тебѣ!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Что еще?

АНДРЕЙ.

Пошли ко мнѣ сестру на минутку!

СЫРОМЯТОВЪ.

Для чего это? Она теперь тебѣ чужая!..

АНДРЕЙ.

Надо сказать ей!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Скажемъ и безъ тебя!

АНДРЕЙ.

Ужъ все-таки честнѣй самому!..

СЫРОМЯТОВЪ.

Амбиція не велить, вотъ что я тебѣ скажу!..

АНДРЕЙ.

Да вѣдь не на радость себѣ я ее видѣть хочу, а на муку!.. Передъ ней виноватъ, ей и виниться долженъ!.. простить—гдѣ ужъ!.. А хоть и бранить будетъ, все же въ глаза, все легче!.. а можетъ, и пожалѣеть!.. у нея душа добрая!..

СЫРОМЯТОВЪ.

На минуту, пожалуй, а потомъ и прощай, братъ Андрей, прощай!.. Мы вѣдь тужить долго не будемъ: у насъ женихи и сейчасъ готовы!.. такія невѣсты не засиживаются!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНДРЕЙ (*одимъ*).

АНДРЕЙ.

Вѣдь вотъ только десять словъ сказать, а тамъ и легче будетъ, какъ гора съ плечъ свалится; да какъ ихъ, эти слова-то,

выговоришь?.. Готовы они, на губахъ вертятся, а изнутри-то съѣсть какъ огнемъ жжетъ!.. (*Садится къ столу и снимаетъ съ пальца кольцо*). Ужъ рѣшено, кончено, обдуманно, а точно что живое отрываю отъ себя!.. Да и та мысль въ голову лѣзеть... не отдать бы мнѣ своего счастья съ этимъ кольцомъ!.. (*Входитъ Таня*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

АНДРЕЙ и ТАНЯ.

ТАНЯ (*тихо и доверчиво*).

А?.. что?.. Что тебѣ?..

АНДРЕЙ.

Присядь на минуточку... (*Таня садится къ столу*). Ежели теперь человекъ своего слова не оправдываетъ, такъ не всегда же это отъ подлости, потому другой разъ самъ въ себѣ не вѣритъ!..

ТАНЯ.

Да про что ты?..

АНДРЕЙ.

Ежели человекъ не въ себѣ...

ТАНЯ.

Разлюбилъ, что ли?..

АНДРЕЙ.

Конечно, ужъ мнѣ противъ тебя оправданія нѣтъ...

ТАНЯ.

Я ужъ давно угадываю... давно ждала!

АНДРЕЙ.

Я кругомъ виноватъ предъ тобою!..

ТАНЯ.

Ну, что же? что я могу? Вѣдь насильно любить не заставишь!

АНДРЕЙ.

Ну такъ вотъ объ чемъ я тебя прошу... (*максимально поднимаетъ кольцо къ Танѣ, она отталкиваетъ кольцо рукой*). Позабудь ты меня!

ТАНЯ (*со слезами*).

Забуду я тебя или нѣтъ—тебѣ что? Тебѣ одно, чтобы помѣхи не было... Ты, можетъ, боишься? такъ напрасно!..

АНДРЕЙ.

Чего мнѣ бояться?.. Я тебя знаю... твою душу...

Таня.

Коли ты лучше меня нашель, какъ тебя удержишь?.. Ужь мы всегда такіа несчастныя!..

Андрей.

Нѣтъ, ежели ты сердиться или бранить, такъ ужъ ты брани меня одного, а ея, Таня, не проклинай!..

Таня.

Да и тебя бранить что пользы? Богъ съ тобой!..

Андрей *(со слезами)*.

Такъ прощаешь? прощаешь?..

Таня.

Что-жь мнѣ тебѣ сказать? Обидно мнѣ, горько мнѣ!.. Да ты самъ-то ужъ не плачь—это мое дѣло! Что-жь тебѣ сказать? Ну... Богъ съ тобой!.. вотъ одно... что-жь еще?..

Андрей.

Ну, спасибо тебѣ, спасибо!.. Ангельская ты душа—вотъ что!.. а я... ну, прощай!.. *(быстро уходитъ въ дверь направо)*.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Таня, потомъ Сыромятовъ.

Таня *(вслухъ Андрею, качая головой)*.

«Ангельская душа!» На языкѣ-то у тебя медъ, а подъ языкомъ-то ледъ!.. Говорить: не брани ея, а кого-жь мнѣ бранить-то, какъ не ея? Она мое счастье-то отняла. *(Входитъ Сыромятовъ)*. Кто она такая, скажи ты мнѣ?

Сыромятовъ.

Ну, какже! очень нужно тебѣ знать!.. Наблюдай свою амбицію... амбицію наблюдай!.. Смѣяться тебѣ надо ему въ глаза, а не плакать!..

Таня.

Не шутокъ вѣдь это... не засмѣешься... вѣдь я любила его!..

Сыромятовъ.

Любила, такъ и плачь себѣ дома, а при людяхъ ронять себя намъ нейдетъ! Надо такъ изъ себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кѣмъ не погонимся!.. Сбирайся.. пойдемъ!..

Таня.

Да ужъ пойдемъ, чего дожидать?.. *(Надѣваетъ шляпку)*.

СЫРОМЯТОВЪ.

Высоко, братъ Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! какъ бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себѣ рубать, чтобъ подъ силу было!.. (*Входятъ Настасья Петровна и Гаврила Пантелъичъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

СЫРОМЯТОВЪ, ТАНЯ, НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА и ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Батюшки, что это?! Куда вы поднялись?

СЫРОМЯТОВЪ.

Завсегда такъ бываетъ-сь, что гости посидятъ, посидятъ, да и пойдутъ!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

И вправду, куда вы? Не гонимъ, кажется...

СЫРОМЯТОВЪ.

Покуда не гонять... а ждать этого самаго не желаемъ!.. (*разкланиваясь*). Гаврила Пантелъичъ, Настасья Петровна, чувствительно вами благодарны за вашу ласку... на угощеньи много до вольны!.. Ну, и кажется, при всемъ томъ мы увидимся не скоро...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ (*взглянувъ на жену*).

• Настасья?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Не придумаю, что за оказія такая!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

Да ты не комедію-ль ломаешь?..

СЫРОМЯТОВЪ.

Наша комедія сейчасъ кончается, а будетъ у васъ своя, новая... такъ и ожидайте... прощенья просимъ!..

ТАНЯ.

Прощайте! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ и НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ (*помолчавъ*).

Настасья, говори, что у насъ такое?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Не знаю, Гаврила Пантелѣвичъ, не придумаю!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Да что-жь, чортъ возьми, затѣвнѣе на насъ нашло, что-ли?..
Гдѣ Андрей?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелѣвичъ!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Кто обѣлены-то объѣлся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, въ полномъ разумѣ, не бросаюсь по стѣнамъ и вижу всѣхъ, какъ есть... Ты кусаться не стала-ли?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да и я въ здоровомъ разсудкѣ. Съ чего мнѣ?

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Говори, выкладывай! Причешь что-нибудь... отъ васъ вѣдь сыры-боры возгораются!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Не грѣши, Гаврила Пантелѣвичъ! Я, видите Богъ, ничѣмъ не причинна.. и сама съ мыслями не сберусь, откуда взялось такое!.. (*Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢЖЕ И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Батюшка, и вы, матушка, должны я вамъ открыть свою душу, и ужь судите меня, какъ вамъ Богъ на сердце пошлетъ!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Ну, вотъ постой, что такое?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

АНДРЕЙ.

Сыромятова Тая—моя невѣста; мы по любви сошлись и съ вашего благословенія, но только теперь мои чувства совсѣмъ другія...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ (*про себя*).

Вотъ у кого горячка-то, вотъ оно что!..

АНДРЕЙ.

Теперь мои чувства совсѣмъ другія, которыя даже невозможно преодолѣть...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Что ты, Богъ съ тобой, что ты?.. опомнись!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Парня лечить надо, а мы съ тобой смотримъ!.. На ногахъ человѣкъ, съ виду-то какъ и быть слѣдуетъ, а какой бредъ у него!..

АНДРЕЙ.

Ежели вы считаете, что эти мои слова—бредъ, такъ ужъ этотъ бредъ мнѣ на всю жизнь... съ нимъ мнѣ и умирать надо!.. А я считаю, что я въ полномъ разумѣ и даже прошу вашего продолжительнаго благословенья!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А какъ же Таня-то?.. нешто можно?.. Что ты, что ты?..

АНДРЕЙ.

Съ Таней у меня объясненіе было... я ей во всемъ по душѣ открылся... Сколько я теперь за Таню страдаю, да можетъ и впередъ буду страдать—это только грудь моя знаетъ... Но дѣло это промежъ насъ кончено, нарушено и повороту нѣтъ съ! (*Гаврила Пантелѣвичъ, пощипывая бороду, косится на сына*).

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, срамъ какой!.. и откуда это... какимъ вѣтромъ занесло?.. (*съ любопытствомъ*). Андрюша, кто-жъ она такая? гдѣ нашелъ? изъ какихъ?..

АНДРЕЙ.

Семейство хорошее, честное-съ, состояніе средственное, спрота, родитель померъ... живеть съ маленькой... и такое мое къ ней чувство!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, ай, ай!.. ахъ, бѣда какая, бѣда кака!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Полоумная!.. васъ обоихъ вмѣстѣ на цѣпь-то посадить!.. Тутъ видимое дѣло: человѣка надо скорѣй водой... ушата два вылить, а она его разсирасиваетъ.. бобы съ нимъ разводны!..

АНДРЕЙ.

Вся ваша воля... но я не въ горячкѣ, не сумасшедшій... я въ памяти...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Да когда-жъ эдакіе одержимые сами понимаютъ, что они съума сошли!.. Ихъ и уговаривать нечего... а просто везать...

АНДРЕЙ.

Не сумасшедшій я, очень даже далеко отъ этого.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

А коли такъ, разговоръ у насъ съ тобой короткій будетъ: вы-
Т. ССХХХVIII — Отд. I.

кинь ты сейчас все это изъ головы — и брось!.. Невѣста у тебя есть, и другой не будетъ. А этихъ твоихъ променадовъ я и знать не хочу, ты бы стыдился про нихъ и говорить родителямъ!.. А чтобъ поскорѣй конецъ всему этому сдѣлать — на будущей недѣлѣ у насъ свадьба будетъ! Вотъ тебѣ и сказъ!

АНДРЕЙ.

Тамъ ужъ какъ вамъ угодно, а только той свадьбѣ не бывать-сь!

Гаврила Пантелѣвичъ.

Какъ такъ? волѣ родительской противиться, законъ почитать!.. или ужъ нынче власть родительская ничего не значить?..

АНДРЕЙ.

Я вамъ завсегда покорялся и завсегда буду покоряться; а это не такое дѣло-сь: это дѣло сердечное. Если у васъ есть власть приказать моему сердцу разлюбить, такъ я самъ прошу васъ, прикажите!.. Коли оно васъ послушаетъ, я очень радъ буду.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Да я твоего сердца и знать-то не хочу! Сердце!.. ишь, что выдумалъ!.. Нешто такъ родителямъ отвѣчаютъ?.. (*жестъ*). Говори ты съ нимъ, образумь его... а мнѣ васъ и видѣть-то противно!.. (*Машетъ руками, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

АНДРЕЙ И НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА (*садясь къ столу*).

Ахъ, Андриуша, что ты затѣялъ?..

АНДРЕЙ (*садясь съ другой стороны*).

Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя отъ того зависеть, такъ не мѣшайте хоть вы-то!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А Таня то... какая дѣвушка... какая жена-то была бы тебѣ!

АНДРЕЙ.

Значить: не судьба! Что жъ дѣлать-то!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А эту-то ты знаешь ли? Какой характеръ у нея? да еще будетъ-ли любить-то тебя?.. (*скороговоркой*). А какъ зовуть-то ея?..

АНДРЕЙ.

Еленой.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Что жъ? ничего, нима хорошее! да подумай, Андрияша, дѣло большое, вѣжовое!..

АНДРЕЙ.

Да ужъ думано и передумано!.. Я сегодня хочу ѣхать руки просить...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Сегодня? ахъ, бабушки!

АНДРЕЙ.

И если будетъ отъ нея согласіе, такъ повѣрьте, что счастливѣй меня вы человѣка въ мірѣ не найдете! Хотите вы моего счастья?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, буди воля Господня!.. *(входитъ Гаврила Пантелѣвичъ. Настасья Петровна и Андрей встаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАЦАТОЕ.

ТѢЖЕ И ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Ну, урезонила хоть малость?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да ужъ видно, Гаврила Пантелѣвичъ...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Что видно?... Что видно-то?.. Я ничего покормѣсть не вижу...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Видно, что кому на роду написано, такъ ужъ... нынче хочеть ѣхать руки просить...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Руки просить? Что жъ намъ теперь, родителямъ-то, какъ быть?.. Что дѣлать намъ подобаеть, на его безуміе глядя?..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Не знаю, бабушка Гаврила Пантелѣвичъ!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Не знаешь? такъ я тебя научу! Вотъ первое: не умѣла ты своимъ бабьимъ, сорочьимъ языкомъ вразумить свое дѣтище, такъ прикуси твой языкъ—и молчать тебѣ на вѣки!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Слушаю, Гаврила Пантелѣвичъ!

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

И не единого чтобъ слова!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Молчу, молчу!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

А второе...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Что второе-то?..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Второе-то: бери икону... (*Андрей покорно опускаетъ голову*).

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, батюшка, Гаврила Пантелѣвичъ! Ахъ, Андриуша родной!..

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Будь надъ нимъ Господне и наше благословеніе!.. Пуцай, по крайности, коли онъ будетъ послѣ плакаться, такъ на себя... а не на насъ!.. Давай икону!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Лица:

Нина Александровна Кармина, пожилая дама, съ разстроенными нервами.

Елена Васильевна, ея дочь, дѣвушка немного за 20 лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья; въ манерахъ видна избалованность ж привичка повелѣвать.

Андрей Гавриловичъ Бялугинъ.

Николай Егорычъ Агишинъ.

Человѣкъ Карминныхъ.

Гостиная въ квартирѣ Карминой. Небольшая комната, не богато, но чисто меблированная; въ глубинѣ отворенная дверь въ залу; направо, въ углу, боковая дверь; на лѣвой сторонѣ два окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЕЛЕНА, одна, сидитъ въ креслѣ и перелистываетъ книгу, потомъ кладетъ книгу на столъ и подходитъ къ окну.

ЕЛЕНА.

Какая тоска невыносимая! Ни дѣла, ни мѣста не найду. Дни идутъ, таятся какіе-то мертвые, какъ будто жизнь моя остановилась! Хотѣлъ вернуться черезъ двѣ недѣли, а вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Гдѣ онъ пропадаетъ? Какъ разлука развиваетъ и укрѣпляетъ страсти!.. Пока онъ былъ подлѣ меня, я не замѣчала, какъ сильна привязанность; я не замѣ-

чала, что онъ мнѣ необходимъ!.. Но вѣдь мы и воздуха не за-
мѣчаемъ кругомъ себя, а между тѣмъ, безъ него жить нельзя—
дышать нечѣмъ! Но что же онъ? Затѣмъ онъ медлитъ? Робость
въ немъ предполагать нельзя... то въ его словахъ страстность,
то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразуміе! Или
это расчетъ, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и онъ
для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, за-
ставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для
меня недоразумѣніе... (*смотритъ въ окно*). Ахъ, милый Андрей-
ша Бѣлугинъ!.. Вотъ это душа простая... хъ-ха-ха! и что-то въ
рукахъ держать! А какой у него рысакъ... вотъ прокатиться бы!..
(*Садится къ столу и беретъ книгу. Входитъ Андрей Бѣлугинъ,
во фракъ, въ рукахъ большой букетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ЕЛЕНА И АНДРЕЙ БѢЛУГИНЪ.

ЕЛЕНА (*идетъ*).

И безъ доклада?..

АНДРЕЙ (*сконфузясь*).

Виновать-съ!.. я... вотъ какое невѣжество!

ЕЛЕНА (*сметая*).Ну, да бѣда небольшая! (*встаетъ и подаетъ руку*). Здрав-
ствуйте!

АНДРЕЙ.

Ваше здоровье, Елена Васильевна?

ЕЛЕНА.

Какъ нельзя лучше! (*указывая на цветы*). А это что такое?АНДРЕЙ (*подавая цветы*).

Позвольте вамъ поднести, Елена Васильевна!

ЕЛЕНА.

Что вамъ за фантазія пришла?

АНДРЕЙ.

Такъ, желательно было-съ... Не откажите принять...

ЕЛЕНА (*беретъ*).Мегсі!.. прелесть какой букетъ! (*садится и нюхаетъ*).. Гдѣ вы
достали?

АНДРЕЙ.

Да помилюйте.. да гдѣ угодно-съ! Нешто рѣдкость какая!

ЕЛЕНА.

Да, конечно, для васъ все не рѣдкость... садитесь-же!..

АНДРЕЙ.

Нѣтъ-съ, ни сидѣть... ни стоять!.. а бѣжать бы куда-нибудь безъ оглядки!..

ЕЛЕНА.

Вотъ странное настроеніе! Вы не знаете, Агишинъ... онъ не пріѣхалъ еще изъ Петербурга?..

АНДРЕЙ.

Нѣтъ-съ... Что мнѣ?.. я не знаю-съ...

ЕЛЕНА.

Ну, а съ вами что такое случилось?..

АНДРЕЙ.

Такъ, вдругъ-съ... такое расположеніе бываетъ, что всѣ мысли перепутаны и точно въ туманѣ!..

ЕЛЕНА.

А можно спросить о причинѣ? «Такъ вдругъ»... Да вѣдь отъ чего-нибудь это нашло на васъ!

АНДРЕЙ.

Пушай же цвѣты вамъ это скажутъ-съ!..

ЕЛЕНА.

Цвѣты? они молчатъ... только хорошо пахнутъ... свѣжіе!..

АНДРЕЙ.

Нѣтъ-съ... они говорятъ...

ЕЛЕНА.

Очень тихо, значить... я не слышу!..

АНДРЕЙ.

Они говорятъ съ, говорятъ про любовь того человѣка, который, можетъ, самый несчастный!..

ЕЛЕНА.

Не понимаю!..

АНДРЕЙ.

И нельзя вамъ понять-съ: у васъ все будто какъ шутка, вы все смѣетесь... но вамъ шутить можно, а мнѣ нельзя-съ: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

ЕЛЕНА.

Ахъ, говорите яснѣй!..

АНДРЕЙ.

Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь — не шутка... не шутка-съ: тутъ вся моя жизнь въ ней-съ! Елена Васильевна, у меня всё рѣшено-съ, и теперь я вашей руки прошу-съ... Отвѣчайте мнѣ, Елена Васильевна... прямо отъ души... и прошу васъ сію минуту-съ... ждать мнѣ, по моимъ чувствамъ, никакъ не возможно-съ! (*Смотритъ въ окно. Елена наклоняется къ букету*).

ЕЛЕНА (как бы про себя).

Вот неожиданность!

АНДРЕЙ.

Если я скажу глупость, оскорбил васъ, такъ прямо и говорите... и больше вы меня не увидите!..

ЕЛЕНА (помолчавъ).

А давно вамъ это въ голову пришло?

АНДРЕЙ.

А съ той самой минуты, какъ я васъ увидѣлъ съ! У меня была и невѣста, но это дѣло я покончилъ; теперь только вашъ отвѣтъ съ...

ЕЛЕНА.

Но вы зависими... вы принадлежите своему кругу... у васъ свой особый мiръ, а я выросла и образовалась совершенно въ другой сферѣ; у меня свои привычки, вкусы, стремленiя и *пердѣлать я не могу!*

АНДРЕЙ.

Зависимости у меня нѣтъ съ: я имѣю собственный капиталъ отъ бабушки и живу совсѣмъ отдѣльно отъ родителей; а въ отношенiи того, что вы говорите, я принадлежу чему-то... такъ этого нѣтъ съ!.. а я буду принадлежать только той особѣ... кого я люблю съ!..

ЕЛЕНА.

Но послушайте... у меня дурной характеръ: я капризна, иногда просто зла и никому и ничего не уступаю, если вздумаютъ меня стѣснать! И мало-ли какiя мнѣ могутъ придти фантази: вдругъ мнѣ все надоѣсть... я захочу себѣ свободы... полной свободы...

АНДРЕЙ.

Ну, и что же съ?.. и все это какъ вамъ угодно съ, я на все готовъ... Мнѣ ничего не нужно съ... овромья... ну, чтобы вы, чтобы я могъ назвать васъ съ!.. (Елена задумчиво нахлебается къ чашкамъ и вдругъ громко смѣется).

ЕЛЕНА.

Простите, я совсѣмъ о другомъ: мнѣ пришла въ голову одна такая смѣшная вещь!..

АНДРЕЙ (со вздохомъ).

Да съ, я такъ и понимаю, что это не во мнѣ, потому смѣяться теперь надо мною... грѣхъ!.. Уже это надо совсѣмъ никакой души не имѣть!..

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, право же нѣтъ! я не такая дурная! а право совсѣмъ другое мнѣ пришло... Ну, хорошо! Дайте мнѣ одной немного по-

думать, и я скажу вамъ!.. а вы ступайте, ну, прокатитесь... Чрезъ часть вы узнаете!..

АНДРЕЙ.

Только какъ мнѣ этотъ часъ дологъ покажется!..

ЕЛЕНА.

А вы съѣдите въ кондитерскую, привезите мнѣ конфетъ... вотъ вы и не увидите, какъ время пройдетъ!.. Да не будьте такъ серьезны... я не люблю серьезнаты!..

АНДРЕЙ.

Такъ до свиданья съ! Со всѣмъ трепетомъ!.. *(идетъ)*.

ЕЛЕНА *(проводя его до двери)*.

Ахъ, безъ трепета, пожалуйста! *(Андрей уходитъ)*.

ЕЛЕНА.

Ха, ха, ха! Я купчиха Вѣлугина! Ха, ха, ха... пынная, разряженная, съ своимъ Андреемъ Гаврилычемъ рядомъ, въ розовой коляскѣ, на рысакахъ... Ха, ха, ха... молодые Вѣлугины! Помните Эленъ Кармину? это она! Ха, ха, ха... И разговоры... злыя насмѣшки, изъ подъ которыхъ такъ и сквозитъ зависть!.. Вотъ новость, вотъ событие!.. *(Входитъ Нина Александровна)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ЕЛЕНА И НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА *(замытля четоть)*.

Какой бузеты! Кто это?..

ЕЛЕНА.

Женихъ!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что ты говоришь? Какой женихъ?..

ЕЛЕНА *(смѣется)*.

Право, мама!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, что тебѣ за охота мучить меня?

ЕЛЕНА.

André Bélouguin сдѣлалъ сейчасъ мнѣ предложеніе!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, неужели? да нѣтъ, ты шутишь?!

ЕЛЕНА.

Не вѣришь? Ха, ха, ха... что-жъ тутъ удивительнаго?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, конечно, ты шутишь, и больше ничего!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нисколько! Я—невѣста, мамаша... я приняла предложеніе.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, перестань; пожалѣй мои нервы.

ЕЛЕНА.

Повѣрь же, наконецъ! (*Обнимаетъ мать*). Мама, а развѣ плохо жить на свѣтѣ купчихѣ Бѣлугиной?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да, можетъ быть, ей и очень хорошо жить, но ты—не купчиха Бѣлугина, ты не должна была, ты не могла принять этого предложенія!.. фи!..

ЕЛЕНА.

Ну, разумѣется, я не пойду за него ни за что на свѣтѣ! Но позвольте же мнѣ хоть помечтать о богатствѣ и посмѣяться.. Этого смѣха, мама, намъ на долго хватить. (*Уходитъ*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какіе, право, нынче эти люди смѣлые стали! Ну, какъ это возможно!..

(*Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА И АГИШИНЪ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Николай Егорычъ! ахъ, какъ неожиданно! Ну, слава Богу! А ужъ мы надумались о васъ... здравствуйте, здравствуйте, наконецъ-то! Ну, какъ вы съѣздили, благополучно?

АГИШИНЪ.

Очень благополучно. Какъ ваше здоровье?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да все нервы, по обыкновенію... рѣшительно покоя не даютъ!

АГИШИНЪ.

Здоровье Елены Васильевны?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Она у меня цвѣтетъ! А я, повѣрите-ли, вотъ увидела васъ. вдругъ, ну, и вся какъ разбитая! Да садитесь-же!

АГИШИНЪ (*садясь*).

Не хорошо, Нина Александровна.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да ужъ что хорошаго...

Агишинъ

А знаете ли вы, отчего это у васъ? отъ дурного воспитанія.

Нина Александровна.

Ахъ, что вы, что вы!.. мое воспитаніе было отличное!

Агишинъ.

Нѣтъ, дурное, сентиментальное: лишнее развитіе возвышенныхъ чувствъ въ ущербъ разсудку, страстные порывы къ идеальному. А такъ какъ въ жизни-то все реальное, идеальнаго ничего нѣтъ — вотъ и пойдутъ разочарованія, разстройство нервовъ; да этого еще мало: семейныя драмы, разбитыя жизни! Вотъ гдѣ источникъ то мигреней, Нина Александровна, въ возвышенныхъ чувствахъ!..

Нина Александровна.

Васъ послушай только, такъ вы наскжете!

Агишинъ.

Еслибъ въ дѣвушкахъ развивали побольше разсудокъ и трезвый взглядъ на вещи, такъ повѣрьте, что онѣ были бы счастливыя и ужъ навѣрное здоровыя!

Нина Александровна.

Со мною-то вы что хотите говорите, только ужъ дочери, пожалуйте, этихъ мыслей...

Агишинъ.

Нина Александровна, если вы желаете счастья Еленѣ Васильевнѣ, такъ учите ее брать отъ жизни только то, что она даетъ, и не мечтать объ идеалахъ.

Нина Александровна

Какъ приважется мигрень! Да вотъ Лена идетъ, а я ужъ извините, отдохну пойду. (*Уходитъ. Входитъ Елена*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Агишинъ и Елена.

Елена.

Боже! вы здѣсь, а я и не знаю, маменька и не скажетъ!

Агишинъ (*прячя рукопожатіе*).

Да, я давно уже...

Елена.

Когда вы изъ Петербурга?

Агишинъ.

Вчера утромъ.

ЕЛЕНА.

Какъ же вы смѣли такъ долго не явиться?

АГИШИНЪ.

Не притворяйтесь строгою; вѣдь я не повѣрю, чтобы мое отсутствіе было очень замѣтно для васъ!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я ужасно хандрила все это время, не съ кѣмъ слова сказать! Что вы тамъ дѣлали?

АГИШИНЪ.

У меня умерла тамъ какая-то тетуська... Что то оставила, нужно было получить... но, къ моему сожалѣнію, вышло очень немного!..

ЕЛЕНА.

Я думала, что вы гдѣ-нибудь за океаномъ!

АГИШИНЪ.

Какъ здоровье ваше?

ЕЛЕНА.

Я говорю вамъ, что хандрю!

АГИШИНЪ.

Безъ причины?

ЕЛЕНА.

Я сама не знаю, что со мною... тоска, чѣмъ то недовольна, куда-то рвусь!

АГИШИНЪ.

Полнота, избытокъ силъ! Вы, какъ роскошная весенняя природа, которая послѣ ясной погоды вдругъ хмуриться начинаетъ; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить накопившееся электричество.

ЕЛЕНА.

Вы думаете?

АГИШИНЪ.

Ахъ, что мой Андрюша? бывасть онъ у васъ?

ЕЛЕНА.

Очень часто... онъ смѣшнить... онъ меня ужасно смѣшнить!

АГИШИНЪ.

Влюбленъ, а думаю, да еще какъ влюбленъ! не то, что мы!..

ЕЛЕНА.

А какъ же?

АГИШИНЪ.

А какъ влюбляются люди необразованные: отъ всей души, то есть отъ всей своей первобытной дикости! А кстати, какъ вы смотрите на него?

ЕЛЕНА.

Онъ — ничего, такъ себѣ, русскій молодець... кажется, добрый и нѣжный человекъ. Я вѣдь сужу его по его же словамъ: онъ мнѣ всю свою душу открываетъ.

АГИШИНЪ.

Да съ, и вотъ этотъ Андрюша — миллионеръ: по завѣщанію бабушки имѣетъ свой огромный капиталъ. да къ тому-жъ еще единственное и любимое чадо у своихъ богатыхъ родителей. А какая нѣжность, какая деликатность чувствъ! Явленіе замѣчательное въ настоящее время...

ЕЛЕНА.

Я его не разберу — что онъ: глупъ или юнъ еще очень?

АГИШИНЪ.

Пороку онъ, конечно, не выдумаетъ, а поразовется, такъ будетъ человекъ какъ слѣдуетъ, для домашняго обихода, разумѣется! Вообще, этотъ Андрюша — драгоценность; онъ очень удобенъ!

ЕЛЕНА.

Для кого?

АГИШИНЪ.

Для жены, для женщины которая съумѣетъ понять, какъ дорога, при полномъ довольствѣ, полная свобода и независимость! Благоразумная дѣвушка едва ли оттолкнетъ его!

ЕЛЕНА.

Знаете-ли, вѣдь онъ, голубчикъ, влюбленъ въ меня безъ ума, безъ памяти!

АГИШИНЪ.

Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo, она должна дойти до геркулесовыхъ столбовъ. Съ перваго раза, какъ онъ увидалъ васъ, такъ и обомлѣлъ!

ЕЛЕНА.

Ну, такъ я вамъ еще новость скажу: онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе сегодня, не болѣе получаса тому назадъ...

АГИШИНЪ.

Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

ЕЛЕНА.

Я отъ хохота говорить не могла.

АГИШИНЪ.

Каковъ Андрюша? Молодець, право, молодець!..

ЕЛЕНА.

Вообразите, передъ вами купчиха Вѣлугина! Ха, ха, ха!

АГИШИНЪ.

Я въ этомъ ничего не нахожу смѣшного; да я думаю, и вса-

ий тоже, кто желает вамъ добра. Но съ чѣмъ же онъ ушелъ отъ васъ?

Елена.

Ему сказано, что подумаютъ, какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но довольно объ этомъ! Расскажите что нибудь о себѣ: что вы тамъ видѣли въ Петербургѣ? тамъ, говорятъ, очень много хорошенькихъ женщинъ... тамъ у васъ есть и знакомья; помните, вы говорили о какихъ-то двухъ дамахъ, которыми вы интересовались?

Агишинъ.

Видѣлъ и ихъ; но одна изъ нихъ непомѣрно толстѣетъ, много спитъ и начинаетъ очень сладко поглядывать на своего супруга, а другая худѣетъ до невозможности...

Елена.

Значитъ, вамъ было не очень весело?..

Агишинъ.

За кого-жъ вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня въ жизни, кромѣ забавы, ничего нѣтъ? что я порхаю, какъ мотылекъ, и ни въ груди, ни въ головѣ не таю, не берегу ничего серьезнаго?

Елена.

Я вѣдь васъ не знаю, я сужу по вашимъ же словамъ.

Агишинъ.

Да я не спорю съ вами; прежде, можетъ быть, я и былъ таковъ, но не теперь!

Елена.

А теперь что же?

Агишинъ.

Въ эту поѣздку я убѣдился, что у меня на душѣ что-то неладно! Повѣрите-ли, я въ первый разъ въ жизни мучительно ощутилъ чье то отсутствіе и страдалъ! Чувство странное, тревожное... Передо мной носился, меня преслѣдовалъ женскій образъ; онъ занялъ мой мозгъ, всю мою душу!..

Елена.

Но позвольте спросить: кто же та женщина или дѣвушка?

Агишинъ.

Она? да, она—дѣвушка...

Елена.

Такъ вѣдь она можетъ быть вашей!..

Агишинъ.

Боже мой! да смѣли я, нищій, нищій, мечтать о такомъ счастьи! Что я могу? Втиснуть ее въ жалкую будничную рамку жизни, сдѣлать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить

созданье, въ которомъ все прелестно, все изящно, все музыка... и переселить ее въ кухню!.. Да и я, я самъ люблю изящество во всемъ! Я самъ артистъ! Обладаніе обожаемой женщиной я не могу себѣ иначе и представить, какъ въ роскошной обстановкѣ, какъ...

ЕЛЕНА (*тихо*).

Продолжайте...

АГИШИНЪ.

Ахъ! есть голубой Неаполитанскій Заливъ, есть Сорренто...

«Тамъ голубыя небеса
«И фиолетовыя горы».

тамъ жизнь, тамъ рай; не даромъ Италію такъ любятъ поэты...

ЕЛЕНА.

Значить, у васъ надежды нѣтъ?

АГИШИНЪ.

Надежда? Какая во мнѣ надежда!.. Во мнѣ—бышенство! Я готовъ на все, на всякія жертвы, чтобы только вырвать эту страсть изъ души! Но уже невозможно, ужъ поздно!.. (*Молчаніе*). Одну, одну мечту могу еще я дѣлать въ душѣ своей...

ЕЛЕНА (*почти шопотом*).

Какую, какую?

АГИШИНЪ.

Пусть она принадлежитъ другому!

ЕЛЕНА (*какъ уколота*).

Ахъ..

АГИШИНЪ.

Да, пусть она принадлежитъ другому, но пусть она оставитъ въ душѣ своей хоть маленький уголокъ, гдѣ-бы я, страдалецъ, могъ найти для себя отдыхъ, примиреніе съ жизнью, освѣженіе! Эта интрига потребуетъ отъ нея, конечно, маленькой борьбы съ предрасудкомъ, маленькой сдѣлки съ своей совѣстью...

ЕЛЕНА.

Но если сдѣлка съ совѣстью, такъ ужъ это не маленький уголокъ!

АГИШИНЪ.

Но и эта мечта моя разлетается, какъ дымъ! Нѣтъ, она еще слишкомъ идеальна; для нея обыкновенная житейская исторія, которую мы видимъ на каждомъ шагѣ, можетъ показаться чѣмъ-то ужаснымъ, чудовищнымъ; самая сладость, изящество утонченнаго наслажденія можетъ ей показаться даже преступнымъ... ей представляется фурія, эвмениды, которыя будутъ преслѣдовать ее до конца жизни!..

ЕЛЕНА.

Но кто же это она?

АГИШИНЪ.

И вы спрашиваете? вы не знаете? Неужели вы ждете от меня, чтобы я назвала по имени? Нужно ли?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, не нужно!..

АГИШИНЪ.

И вотъ, чтобы заморить, задушить эту страсть, я ѣду въ провинцію, поступлю гдѣ-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!

ЕЛЕНА.

И на долго?

АГИШИНЪ.

На два, на три года, почему я знаю? пока уляжется все, успокоится въ душѣ, пока овладѣю собой!.. Однако, прощайте! Вамъ нужно подумать надъ роковымъ для человѣка отвѣтомъ, вѣдь и Андрей—тоже человѣкъ!.. А мнѣ... у меня горитъ голова, мнѣ нуженъ воздухъ!..

ЕЛЕНА (*рѣшительно*).

Пріѣзжайте сегодня, пріѣзжайте! Я васъ прошу, я вамъ приказываю!

АГИШИНЪ.

Хорошо; если вамъ угодно, заѣду; я сдѣлаю одинъ визитъ не подалеку. До свиданія! (*подастъ руку Еленѣ*). Какая рука... какое теплое, энергическое пожатіе! Не бѣгайте отъ счастья. бросьте предрасудки, берите отъ жизни все, что она можетъ дать вамъ!.. Не бѣгайте отъ счастья!.. (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА.

Ой, какъ сердце бьется! Что за день для меня! И сейчасъ пріѣдетъ Андрей... (*Молчаніе*). Значитъ, сдѣлаю съ совѣстью? Такъ, что-ли? Ахъ! (*садится*). Но что жъ это со мной? Я въ первый разъ въ жизни какъ будто начинаю двояться. Я сильна и смѣла, я готова на эту обольстительную сдѣлку съ совѣстью; но и совѣсть вступаетъ въ свои права, я ощущаю въ себѣ нравственное паденіе и немножко презираю себя!.. Но вѣдь это слабость, слабости! Онъ называетъ это слабостью; онъ, единственный авторитетъ для меня, онъ... называлъ это слабостью! Такъ это слабость и есть! Нѣтъ, рѣшено! конечно, надо брать отъ жизни то, что она даетъ... а то послѣ жалѣть, плакать будешь!.. Ахъ, какъ неясно, какъ темно все въ головѣ! Ну, такъ пускайся... а тамъ ужъ что выйдетъ, рѣшить сама жизнь!.. (*Входитъ Нина Александровна*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ЕЛЕНА И НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, ну что-же ты... ты только все смѣлась?! Нужно-же ему отвѣтъ какой-нибудь дать!

ЕЛЕНА.

Мама... я иду... иду за него.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, Боже!.. что ты!..

ЕЛЕНА.

Что же, мама... это для меня партія хорошая. Чего-жь ждать-то? Мы живемъ на послѣднее, изо дня въ день, а впереди намъ грозитъ нищета! Ни къ физическому, ни къ умственному труду я не способна—я не такъ выросла, не такъ воспитана. *(Со слезами)*. Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться! Такъ лучше вѣдь идти за Андришу, чѣмъ весь свой вѣкъ сидѣть въ обѣдномъ углу съ бессильной злобой на людей!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не наша сфера, мой другъ; ихъ дикая жизньъ, дикіе нравы... Что заговорять!.

ЕЛЕНА.

Да что намъ за дѣло до разговоровъ? Будемъ выше предразсудковъ! За то жизнь можно устроить, какъ хочется, средствъ будетъ много!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

ЕЛЕНА.

Я, мама, постараюсь привыкнуть къ нему!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА *(со слезами)*.

Лена, Лена! И ты рѣшаешься! Твой умъ, красота—и кому?..

ЕЛЕНА *(обтираетъ и чмлауетъ мать)*.

Что ты, мама! Не плачь! Да теперь-то мой умъ и красота и найдутъ себѣ мѣсто! Посмотри, какъ я заживу богато, а сколько у меня будетъ блестящихъ поклонниковъ! Какой выборъ будетъ!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!.

ЕЛЕНА.

Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ до чего доводить обстоятельства! Въ другомъ положеніи я не допустила-бы и мысли, чтобы ты... моя Лена... мое безцѣнное сокровище...

ЕЛЕНА.

Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ, успокойся. (*Уходятъ. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АНДРЕЙ (*однѣ*).

АНДРЕЙ.

Однако, никого нѣтъ. Я, кажется, мѣшаться въ умѣ начинаю, по маленьку... потому пѣсня какая-то лѣзетъ въ голову совсѣмъ не къ мѣсту! (*Подходитъ къ окну*). Вонъ Илья сидитъ на козлахъ, куклѣкъ шампанскаго держать; вонъ сѣрый что-то вздрагиваетъ, ушами поводитъ. Эхъ, сѣрый, куда то ты помчишь меня отсюда! (*Входятъ Нина Александровна и Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

АНДРЕЙ, НИНА АЛЕКСАНДРОВНА И ЕЛЕНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Здравствуйте, Андрей Гаврилычъ! (*садится. Елена останавливается, прислонясь къ стѣнѣ*). Садитесь, прошу васъ!

АНДРЕЙ.

Нѣтъ-съ, я ужь... я такъ-съ!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы сдѣлали предложеніе моей дочери?

АНДРЕЙ.

Такъ точно-съ, потому любовь моя къ Еленѣ Васильевнѣ...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ога такъ еще молода; но я—не такая мать, чтобы принуждать. Воля ея... я люблю Лену, она одна только привязываетъ меня къ жизни... (*слезы*). Она, ея счастье... Я прошу небо!..

АНДРЕЙ.

Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-съ..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Пусть она сама!

Т. ССХХХVIII. — Отд. I.

ЕЛЕНА.

Я согласна...

АНДРЕЙ (*дѣлаетъ шептъ, вскрикивая*).

Елена Васильевна, вѣрять-ли съ?

ЕЛЕНА (*съ улыбкой*).

Я согласна!

АНДРЕЙ (*бросаетъ и цѣлуетъ руку
Нина Александровна*).

Нина Александровна! Такое для меня счастье!!!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я отдаю вамъ все, что имѣю дорогого!

АНДРЕЙ.

Дорогого-съ!.. Такъ и блюсти будемъ, какъ самое дорогое.
Кто теперь счастливѣй-то меня на свѣтѣ?

ЕЛЕНА (*шутливо*).

Найдется кто-нибудь!

АНДРЕЙ (*цѣлуетъ руку Елены*).

Невозможно-съ! Брошусь, право брошусь съ колокольни съ
какой-нибудь!

ЕЛЕНА.

Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

АНДРЕЙ.

Цѣль останусь, невредимъ, не беспокойтесь! Нина Алексан-
дровна, позвольте же по русски, съ бокалами-съ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да у насъ ничего нѣтъ, такъ неожиданно!

АНДРЕЙ.

У насъ есть въ запасѣ очень достаточно. (*Бросается въ залу*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, а ты меня оставишь одну?..

ЕЛЕНА.

Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будетъ первое условіе!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*цѣлуетъ дочь*).

Дитя мое, дорогая моя! (*Андрей возвращается и за нимъ
человѣкъ съ подносомъ, на которомъ бутылка шампанскаго и
бокалы*).

АНДРЕЙ.

Нина Александровна, прошу васъ, за наше будущее! (*Беретъ
бокалы*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*встаетъ и беретъ
бокалы*).

Будьте счастливы! Берегите ее!..

АНДРЕЙ.

Объ этомъ ужъ не извольте беспокоиться! (Чокаются. Нина Александровна немного отпиваетъ, ставитъ бокалы и садится).

АНДРЕЙ.

Елена Васильевна, теперь нашъ-съ!.. (Елена беретъ, чокаются и пьютъ).

ЕЛЕНА.

Хорошее вино.

АНДРЕЙ.

Ничего-съ: вино, какъ вино! А только какъ будто это одна штука, все мнѣ кажется.

ЕЛЕНА.

Да и вся жизнь—штука! Шутя люди живутъ и умирають. (Входитъ Амишинъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢЖЕ И АГИШИНЪ.

АНДРЕЙ.

Вотъ онъ, какъ разъ! (Бросается и хватается Амишина въ объятия). Николай Егорычъ, голубчикъ, чудеса! Поздравь, выпей!

АГИШИНЪ (беретъ бокалы).

Выпить я выпью, а съ чѣмъ и кого поздравить прикажете?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Поздравьте жениха и невесту.

АГИШИНЪ (холодно).

Поздравляю васъ, Елена Васильевна и Андрей Гаврилычъ! (Пьетъ и ставитъ бокалы).

ЧЕЛОВѢКЪ (уходитъ въ залу).

АНДРЕЙ.

Да, вотъ какъ Николай Егорычъ! (обнимаетъ Амишина). Другъ ты мнѣ, другъ единственный и навѣки. Ты всему моему счастью—главная причина; ты мнѣ первый указалъ Елену Васильевну, ты же меня и познакомилъ съ ними! Я этого вѣтъ не забуду! А вотъ мы съ тобой сейчасъ за здоровье Елены Васильевны снова выпьемъ. Для такого случая и новое вино нужно, свѣжее; а это ужъ выдохлось. (Уходитъ въ залу).

АГИШИНЪ (съ презрительной улыбкой).

Онъ счастливъ, какъ глупый школьникъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Николай Егорычъ, не осуждайте насъ.

*

Агишинъ.

Какъ я смѣю осуждать васъ! и за что? Вы становитесь выше общественныхъ предразсудковъ, вы, для счастья дочери, смѣло идете на встрѣчу пересудамъ и осужденьямъ! Я долженъ только удивляться вашему уму и геройству Елены Васильевны...

Елена.

Это не геройство!

Агишинъ.

Такъ что же?

Елена (*тихо*).

Это сдѣлка съ совѣстью, о которой вы говорили! Я не хочу пропустить случая и хочу взять отъ жизни все, что она можетъ дать мнѣ.

Агишинъ (*тихо*).

И отворить двери райа тому, кто такъ долго томится у ихъ порога! (*Входитъ Андрей, за нимъ человекъ съ бутылкой шампанскаго и двумя стаканами на поднось*).

Андрей (*Аншину*).

Теперь мы съ тобой выпьемъ, по душѣ... безъ фальши, какъ друзья, какъ братья, за дорогое, безцѣнное здоровье Елены Васильевны!

Агишинъ (*береть стаканы*).

Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играетъ, какъ это вино! (*пѣтъ*).

Андрей (*береть стаканы*).

Я говорить не умѣю; но пусть жизнь моя вамъ докажетъ, сколь душевно я люблю васъ, и что нѣтъ того на свѣтѣ...

Агишинъ.

Сбился, Андрюша.

Андрей (*сквозь слезы*).

Постой! И нѣтъ того въ мѣрѣ, какъ Богъ святъ, что-бъ я не сдѣлалъ, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Нина Александровна.

Елена.

Андрей.

Агшинъ.

Гаврила Пантелайчъ.

Настасья Петровна.

Человѣкъ Каринныхъ.

Небольшая семейная комната въ квартирѣ Каринныхъ. Двѣ боковыя двери: одна налѣво отъ астеровъ, въ гостиную, другая, направо, во внутреннїя комнаты; мебель мягкая, обитая французскимъ ситцемъ; съ правой стороны тѣлой же маленькій диванчикъ и круглый столъ. Вечеръ, на столѣ свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*сидитъ въ задумчивости и нохатъ стиртъ*), ЕЛЕНА (*въ длинной батистовой юпкѣ, въ кружевной кофтѣ, уже совсѣмъ причесанная, лицо осыпано пудрой входитъ изъ двери справа*).

ЕЛЕНА.

Что ты, мама? Что съ тобой? Опять нервы?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, я себя браню, я очень глупо поступила.

ЕЛЕНА.

Какъ, что такое?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена, назвала гостей, и старики Бѣлугины будутъ... Ужь коли звать гостей, такъ надо было хоть занять денегъ, да...

ЕЛЕНА.

Да балъ задать?..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Балъ не балъ, а все же надо было приличный вечеръ сдѣлать... Наговорили всѣмъ, что выдаю дочь за миллионера, всѣ придутъ въ ожиданїи чего-то особеннаго... А что у насъ?

ЕЛЕНА.

Ну, вотъ мы имъ этого миллионера и покажемъ. Чего-жъ еще?..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

У тебя все шутки, а мнѣ, право, такъ человекъ такъ неприятно!.. (*Входитъ Андрей Бѣлугинъ во фракѣ, въ рукахъ шляпа, въ которой два бархатные футляра*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ЕЛЕНА И АНДРЕЙ.

ЕЛЕНА.

Скажите, пожалуйста!.. онъ безъ церемоніи, прямо...

АНДРЕЙ.

Ничего-съ...

ЕЛЕНА.

Куда вы? Подите вонъ! Сюда безъ спроса не ходятъ!

АНДРЕЙ.

Ничего-съ...

ЕЛЕНА.

Рано, рано еще, видите, я не одѣта!

АНДРЕЙ.

Это для насъ ничего-съ.

ЕЛЕНА.

Для васъ ничего, да для меня...

АНДРЕЙ.

И для васъ ничего, потому я въ другую сторону смотрѣть буду.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, какой онъ милый!..

ЕЛЕНА.

Ну, что вамъ надо?

АНДРЕЙ.

Дѣло есть спѣшное; я вчера забылъ-съ. (*Ставитъ шляпу на столъ. Нина Александровна съ любопытствомъ заглядываетъ въ нее*). Можетъ, деньги нужны-съ?..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы особенно нужны были...

АНДРЕЙ.

Вы извините, я не съ тѣмъ, чтобы-съ... Всяко бываетъ-съ... Тамъ особенно или неособенно!.. Ну, тамъ фрукты, али вино, али что другое-съ, только чтобы самое рѣдкое-съ, чего на свѣтѣ не бываетъ!.. Вотъ двѣ тѣневыхъ. (*Нина Александровна подходитъ къ нему, онъ даетъ двѣ сторублевая ассигнаціи*). И, пожалуйста, не жалѣйте-съ... Если еще что понадобится, такъ только одно слово!

ЕЛЕНА.

Мама, ну, вотъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Taisez vous!

ЕЛЕНА.

Faites vos préparatifs sans tarder!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

А l'instant!.. Какой онъ милый!.. (Андрею). Напрасно вы беспокоитесь; но все таки это не лишнее, и я вамъ очень благодарна. Какой онъ милый, Дена!.. (Уходитъ, заглянувъ еще въ шалю).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ЕЛЕНА И АНДРЕЙ.

ЕЛЕНА.

Ну, уходите-же! Мнѣ стыдно.

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, какъ уходить съ! (вынимаетъ бумажники и достаетъ изъ него билеты). Это вотъ вамъ. Елена Васильевна, приданое съ чтобы не слезали... (подаетъ билеты Еленѣ).

ЕЛЕНА.

Что такое?

АНДРЕЙ.

Билеты, именныя, ваши-съ!

ЕЛЕНА.

На что мнѣ они, что мнѣ съ ними дѣлать?

АНДРЕЙ.

Да что вамъ угодно. Тутъ семьдесятъ пять тысячъ.

ЕЛЕНА.

Такъ много!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не возьму!

АНДРЕЙ.

Что за много-съ!.. Вы меня обяжете съ!.. Неужели я семидесяти пяти тысячъ не стою? Да мнѣ давали за невѣстами по сту тысячъ и больше, да я не бралъ, а у васъ только семдесятъ пять съ!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, мнѣ страшно, я боюсь..

АНДРЕЙ.

Это отъ непривычки обращаться съ этимъ товаромъ; а мы такъ ихъ пошвыриваемъ довольно равнодушно. (Беретъ руку Елены и вкладываетъ билеты). Чего ихъ бояться съ? Положите ихъ; они будутъ лежать смирно, ни шумѣть, ни бунтоваться не

будутъ, а, въ случаѣ надобности, сослужать вамъ службу, какую прикажете... Не лишнее-съ...

ЕЛЕНА.

Мнѣ кажется, что я отнимаю у васъ, лишаю васъ чего то, обижаю васъ!

АНДРЕЙ.

Не сумлевайтесь, не обидите! У насъ, купцовъ, все разсчитать, и обидѣть насъ таки довольно мудрено. Это только мой годовой доходъ, барышъ, прибыль, значить-съ; а капиталъ—онъ въ неприкосновенности.

ЕЛЕНА.

Какой вы добрый и благородный человекъ!

АНДРЕЙ.

Да что такое, помигуйте-съ! (*Достаетъ изъ шляпы футляръ и поднимъ Еленѣ*), Деньги—это само собой съ, то ваше собственное, про то и говорить нечего; а это прошу принять, какъ подарокъ отъ жениха съ!

ЕЛЕНА (*раскрывъ футляръ*).

Ахъ, браслетъ, звѣзды, брилліанты!

АНДРЕЙ.

Вотъ извольте надѣть сегодня, при свѣчках-то они и играютъ.

ЕЛЕНА.

Но зачѣмъ такъ много брилліантовъ! Вѣдь это очень дорого.

АНДРЕЙ.

А себя-то вы что-жь дешево цѣните! По моему, такъ для васъ дорогого ничего нѣтъ-съ! Вѣдь и брилліанту мѣсто нужно. Ну, что онъ значить въ магазинѣ, въ футлярѣ? Да другая и надѣнетъ, такъ ни красы, ни радости, только на брилліанты и смотрѣть, а не на нее; а коли на васъ брилліанты, такъ они сами радуются; не они васъ красятъ, а вы имъ цѣны придаете.

ЕЛЕНА.

Merci, merci!.. Какъ хорошо! Кто выбралъ?

АНДРЕЙ.

Самъ, у Фульда-съ!

ЕЛЕНА.

У васъ и вкусъ есть! (*кладетъ футляръ на столъ*).

АНДРЕЙ.

Ужъ по невѣстѣ можно судить, что у меня вкусъ есть-съ.

ЕЛЕНА.

И остроуміе! Поминутно новыя достоинства открываются!

АНДРЕЙ.

Теперь, я думаю, скоро наши будутъ.

ЕЛЕНА.

А я еще не одѣта!

АНДРЕЙ.

Поспѣете... только они не надолго, ужь вы не обидьтесь и не удерживайте ихъ; и то на силу уговорилъ, они только взглянуть... на васъ! Такъ ужь вы имъ во всемъ блескъ!.. Ужь я васъ прошу-съ!..

ЕЛЕНА.

Ужь не беспокойтесь!.. Это не ваше дѣло! (*Вплывъ на А дresa*). Ай, завить!

АНДРЕЙ.

А что же-съ?

ЕЛЕНА.

Да не хорошо. Ну, что за баранъ!.. Извольте все это уничтожить!

АНДРЕЙ.

Такъ я, пожалуй, хоть подь гребенку-съ!

ЕЛЕНА (*мидитъ ему волосы рукой*).

Волосы такіе хорошіе!

АНДРЕЙ (*ловитъ ея руку и цѣлуетъ*).

Очень я вамъ благодаренъ, что интересуетесь! Такъ аля-дьябль-съ, или прикажете аля-капуль! Нынче въ модѣ-съ!

ЕЛЕНА.

Да ни à la diable, ни à la Капуль—никакъ; а просто натурально!

АНДРЕЙ.

Такъ точно и будетъ-съ! Сейчасъ къ парикмахеру! А какія вы въ этомъ нарядѣ... Ужь очень-съ!.. Смертушка моя приходитъ-съ.

ЕЛЕНА.

А кто сказалъ, что смотрѣть не буду?

АНДРЕЙ.

Да никакой возможности нѣтъ утерпѣть-съ! Вотъ плечико просвѣчиваетъ.. вѣдь ужь это что такое! Еслибы только осмѣлится!..

ЕЛЕНА.

Что?

АНДРЕЙ.

Устами.

ЕЛЕНА (*оглядываясь, подставляетъ плечо*).

Ну, цѣлуй и убирайся!

АНДРЕЙ (*поцѣлываетъ ее плечо*).Лечу-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕЛЕНА, ПОТОМЪ НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

ЕЛЕНА.

Я богата!... Это совсѣмъ что-то новое, только хорошее!... Это какъ то поднимаетъ меня, дѣлаетъ солиднѣе, устойчивѣе, и немножко... вотъ мнѣ самой смѣшно... немножко какъ будто умнѣе! (*Входитъ Нина Александровна*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Покажи-ка, покажи, что онъ подарилъ тебѣ?

ЕЛЕНА (*задумчиво*).

Вонъ посмотри, мама.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*открываетъ футляръ*).

Ахъ, ахъ, какая прелесть! И какъ вѣдь это дорого, должно быть.

ЕЛЕНА.

Конечно дорого; но вотъ это дороже.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что же, что еще?

ЕЛЕНА (*подавая билеты*).

Вотъ на, сойти!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Билеты купеческаго банка!... По десяти тысячъ!... Боже мой!.. Лена!... Пять, шесть, семь!... (*разсматриваетъ послѣдній билетъ*).
Семьдесятъ пять тысячъ! Вѣдь это цѣлое состояніе!

ЕЛЕНА.

Ну, не очень большое, а все-таки состояніе. Да, по нынѣшнему времени; когда деньги такъ дороги и такъ нужны, интересны всѣмъ, получить такую сумму намъ... намъ, когда у насъ ничего, то есть почти ничего...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена, я въ себя придти не могу! Это такая неожиданная радость... радость за тебя, дитя мое!

ЕЛЕНА.

Значить, главное сдѣлано. Теперь, что бы впереди ни было, что бы съ нами ни случилось, мы съ тобой покойны, мы обеспечены! Возьми, убери ихъ: пригодятся на черный день! Видишь, я не даромъ пожертвовала собой!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*цѣлуя дочь*).

Чудесная, золотая головка!... Я такъ рада, такъ рада... (*Взяла*

мать на дочь). Лена! видно, я малодушнѣе тебя: я чуть не прыгаю отъ радости при видѣ такого богатства, а ты и не улыбнешься!

ЕЛЕНА.

Эти деньги—не все для меня; мнѣ этого мало; я еще молода, мама, я не жила, меня манить жизни!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Конечно, ты все-таки жертва.

ЕЛЕНА.

Не то, мама, не то...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

А что же, другъ мой?

ЕЛЕНА.

Мама, мы сдѣлаемъ уговоръ...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Изволь, какой тебѣ угодно.

ЕЛЕНА.

Мама, я скоро буду богатой, независимой женщиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы съ тобой любили другъ друга по-прежнему... ну, по-прежнему, какъ тогда, когда я была еще ребенкомъ! И потому я прошу тебя, чтобы ни одного упрека, ни одного востого взгляда, если...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что «если»?

ЕЛЕНА.

За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена, мнѣ одно только нужно, чтобы ты была счастлива!... Съумѣй только быть счастливой!

ЕЛЕНА.

Постарайсь. (*Обнимаетъ мать*). Мама! я могла бы вѣдь этого и не говорить тебѣ, такъ цѣни же мою любовь и дѣтскую преданность. Теперь пора одѣваться; я невѣста и хочу быть красавицей! (*Уходитъ*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ нынче дѣвушкамъ-то, какъ посмотрю я, смѣлы стали, какъ рѣшительно переступаютъ онѣ этотъ порогъ!... А мы-то, бывало... и себя я помню, и другихъ... сколько думъ, сколько гаданій! сколько слезъ!... Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замужъ, мужъ-то тебя балуетъ, радить, какъ куклу, да и вертить, какъ куклой... Кто-то прѣвхалъ, кажется. Хорошо, коли это изъ близкихъ. (*Отворяетъ дверь въ истинную*). А, это Николай Его-

рычь, свой человекъ! Пожалуйте, пожалуйте сюда! У насъ еще никого нѣтъ! (*Входитъ Агшинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нина Александровна и Агшинъ.

Нина Александровна.

Милости просимъ! Побесѣдуйте, пока гостей нѣтъ, да и Лена еще одѣвается.

Агшинъ.

Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? у васъ теперь большая забота!

Нина Александровна.

Ну, ужъ теперь заботы у меня почти нѣтъ!

Агшинъ.

Что же такъ?

Нина Александровна.

Благодаря щедрости и благородству милаго Андрея Гаврилыча... Онъ цѣлое состояніе, онъ семьдесятъ пять тысячъ подарилъ Ленѣ!

Агшинъ.

Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще отъ него будетъ! только умѣючи повести себя съ нимъ.

Нина Александровна.

Какъ это умѣючи?

Агшинъ.

Съ достоинствомъ. Не радоваться, не удивляться его подаркамъ, а принимать ихъ равнодушно, съ холодностью, какъ должную дань. Надо ему дать почувствовать, что всѣ его дары — ничто въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ, которое вы ему дали. Однимъ словомъ, надо его такъ выдержать, чтобы онъ съ удовольствіемъ вознѣлъ воду, когда его запрягутъ. Да, вы создали себѣ блаженную будущность, Нина Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна.

Я искала блаженной будущности не для себя, а для дочери.

Агшинъ.

Объ ней не беспокойтесь: она умна и, вѣроятно, устроитъ свое счастье. Въ ея положеніи только нужно...

Нина Александровна.

Что нужно?

АГИШИНЪ.

Отказаться отъ идеальныхъ взглядовъ и полегче глядѣть на разные долги и обязанности...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какой вы опасный человѣкъ!

АГИШИНЪ.

Слишкомъ много чести для меня. Все, что я могу, краснѣя, признать за собой—это небольшой практическій умъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Но вотъ и Лена готова, а я ужь пойду, займусь хозяйствомъ.
(Уходитъ. Входитъ Елена).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

АГИШИНЪ, ЕЛЕНА и потомъ НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

АГИШИНЪ.

Честь имѣю кланяться! Самый ранній гость.

ЕЛЕНА.

Какъ я рада, что еще никого нѣтъ. Мы можемъ поговорить свободно.

АГИШИНЪ.

Вы сегодня оборожительны.

ЕЛЕНА.

Да, я постараюсь немножко украсить себя, но сегодня не для васъ. Я сегодня дебютирую въ очень трудной роли и еще робѣю, еще не увѣрена въ своихъ силахъ.

АГИШИНЪ.

Очень естественно: всѣ дебютанты робѣютъ. Это пройдетъ скоро. Поживете и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, повѣрьте, смѣлѣе! Жизнь не стоитъ того, чтобы надъ ней задумываться; вся она—не что иное, какъ комедія.

ЕЛЕНА.

Неужли только комедія?

АГИШИНЪ.

И очень, очень несерьезная. Что у васъ сегодня?

ЕЛЕНА.

Во-первыхъ, будетъ появленіе родителей Бѣлугиныхъ, потомъ найдутъ наши добрые знакомые. Бѣлугины, разумѣется, будутъ изслѣдовать меня, а наши знакомые—Андрея Гавриловича. Каждому будетъ интересно подглядѣть на лицѣ моемъ какое нибудь движеніе, слѣды душевной мѣки или тому подобное; но никто ничего не увидитъ: я останусь загадкой!

АГИШИНЪ.

Браво!

ЕЛЕНА.

Чтобы имѣть побольше свободныхъ минутъ, я распорядилась насчетъ музыки, будемъ танцевать съ вами. Но, признаюсь, меня всѣ эти церемоніи, всѣ эти представленія очень утомляютъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта комедія поскорѣй кончилась. А для отдыха, я сейчасъ послѣ свадьбы хочу ѣхать за-границу... Какъ вы находите мой замыселъ?

АГИШИНЪ.

Безподобно!

ЕЛЕНА.

Я ужь говорила вчера André: онъ согласенъ. Но онъ, по своимъ дѣламъ, не можетъ ѣхать на долго; онъ только проводить меня и пробудетъ недѣли двѣ со мной, потомъ вернется въ Москву, а я останусь съ папаша.

АГИШИНЪ.

Я радъ за васъ, что вамъ пришло это въ голову: это очень счастливая мысль!

ЕЛЕНА (съ волненіемъ).

Не угодно ли и вамъ съ нами? Я васъ приглашаю.

АГИШИНЪ.

Благодарю васъ! Я и самъ давно мечтаю о такой прогулкѣ. Маленька будетъ при васъ или вы при маленькѣ?

ЕЛЕНА.

Чему же это мѣшаетъ? Мама меня никогда не стѣсняла и впередъ стѣснять не будетъ.

АГИШИНЪ.

Это хорошо, что Андрюша ѣдетъ съ вами.

ЕЛЕНА.

Почему же?

АГИШИНЪ.

Надо его помаленьку приучать къ той роли, которую онъ... то есть, которую вы заставите его играть въ послѣдствіи...

ЕЛЕНА.

Какъ жестки эти слова!

АГИШИНЪ.

Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin!...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (съ дѣтствомъ).

Лена, Бѣлугины пріѣхали. (Уходитъ).

ЕЛЕНА.

Пройдите впередъ или оставайтесь здѣсь. Мама ихъ, вѣроятно, приведетъ сюда.

АГИШИНЪ.

Ступайте одѣ; я пройду здѣсь и явлюсь въ залу. Я ходъ знаю... (*Елена уходитъ*). Пова дѣло идетъ хорошо, а дальше, конечно, пойдетъ еще лучше. То только и хорошо, то только и удастся, что умно задумано. Главное дѣло составить планъ, а строить ужъ не хитро. (*Уходитъ направо. Слѣва выходятъ: Нина Александровна, Гаврила Пантелѣвичъ, Настасья Петровна, Елена и Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ, НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА, ЕЛЕНА И АНДРЕЙ, ПОТОМЪ ЧЛОВѢКЪ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Пожалуйте, пожалуйте, здѣсь у насъ уютная семейная комната, мы ужъ будемъ, какъ свои. Я такъ давно желала познакомиться... такъ рада...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

И-да-съ, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, ужъ нельзя безъ этого.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Приветъ Господы!

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ (*къ Еленѣ*).

Ну съ, любите да жалуйте, ужъ какіе есть, не взъщите!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*указывая на диванъ*).

Прошу васъ! (*Бѣлугини садятся на диванъ; Нина Александровна въ креслѣ рядомъ съ Гаврилой Пантелѣвичемъ; Елена и Андрей стоятъ подлѣ Настасьи Петровны. — Гаврила Пантелѣвичъ, не обращая ни на кою вниманія и врозь отъ нихъ, глядя на потолокъ комнаты. Человѣкъ подаетъ на подносѣ чай Бѣлугинимъ и уходитъ*).

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Еще не зная и не видя васъ, я уже васъ полюбила.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

За что-жь бы это, къ примѣру, вамъ полюбить насъ?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ! вашъ сынъ, моя Лена—это такъ близко и намъ... я такъ люблю мою Лену!...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Ну, то они, а то мы. Конечно, давай Богъ ладу и намъ, а имъ совѣтъ да любви!

Нина Александровна.

Я надѣюсь... у Лены такой прекрасный характеръ... такое доброе сердце!

Елена.

Мама, ты приписываешь мнѣ такія добродѣтели, которыхъ у меня нѣтъ.

Нина Александровна.

Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь себя, ты такъ молода!

Настасья Петровна *(къ Еленѣ)*.

Да, коли вышло у васъ такое согласіе съ Андрюшей, такъ ужъ полюбите его... Онъ у насъ такой хорошій, добрый. А намъ бы глядѣть на васъ да радоваться... Ужъ позвольте. *(Целуетъ Елену)*.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Безъ любви, да безъ согласія, моль, что ужъ! А чтобъ надо по закону: да боятся и да любить жена мужа своего! Къ примѣру, вотъ мы съ Настасьей Петровной тридцать лѣтъ прожили, а этой музыки, чтобъ варауль вричать, не бывало. Выругаешь ее, когда подъ горячую руку — смолчить; послѣ ужъ развѣ выговорить, если не по резонту обиды. Ну, и измѣны какой другъ другу—это ужъ избави и храни Заступница! Я—топоръ, она — пила на этотъ счетъ, еслибъ что!

Нина Александровна.

Ахъ, еслибъ вы знали мою жизнь съ мужемъ... Я скоронила его три года назадъ... Ахъ, это было дружество съ перваго дня и до конца! Я не утѣшена послѣ моей потери, и вотъ только она одна привязываетъ меня къ жизни.

Елена.

Мама, кто-то пріѣхалъ.

Нина Александровна.

Поди, Лена, встрѣть. *(Елена уходитъ, за ней Андрей.)*

Гаврила Пантелѣвичъ *(Посматривая на потолокъ и указывая рукой)*.

А въ этомъ мѣстѣ протекаетъ!

Нина Александровна.

Ахъ, ужъ и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелѣвичъ.

А къ примѣру, какъ плата отъ васъ?

Нина Александровна.

Мы платимъ очень дорого... восемьсотъ рублей въ годъ.

Гаврила Пантелвичъ.

И-да, за такія хоромы дороговъно!... Ну, да и за восемь сотъ царскихъ палатъ не наймешь.

Человѣкъ (съ дверяхъ).

Софья Николаевна прѣехали-съ.

Нина Александровна.

Ахъ, простите, мой дорогіе, я васъ оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые....

Гаврила Пантелвичъ.

Что-жь?... ничего-съ, мы и одни посидимъ!

Настасья Петровна.

Вн, пожалуйста, безъ церемоній... не стѣсняйте себя...

Нина Александровна.

Я сію минуту! Миѣ такъ много еще хочется говорить съ вами (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гаврила Пантелвичъ и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелвичъ (вслѣдъ Нинѣ Александровнѣ).

Объ чемъ это, не слыхать-ли? Кажется, все переговорили, все ненужное-то, а нужного-то у насъ... не бывало. Стало быть, я говорить... больше не о чемъ!..

Настасья Петровна.

Кажется, она—дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелвичъ.

Али да охи! Какъ словно ее кто поджариваетъ!

Настасья Петровна.

Ну, какъ, Гаврила Пантелвичъ, на твои глаза?

Гаврила Пантелвичъ.

Эго чего?

Настасья Петровна.

Нареченная-то дочка наша?..

Гаврила Пантелвичъ.

Пышность, форсъ! Ну, а что тамъ дальше-то—неизвѣстно.

Настасья Петровна.

Ужъ очень, Гаврила Пантелвичъ, въ ней эта великолѣпность! И словно какъ не дѣвушка, а дама какая высокая... какъ смѣло матери отвѣчаетъ! такъ и отрѣзала.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Потому что ты—дура! Ничего въ томъ и образованіе, чтобъ за словомъ въ карманъ не дѣвать.

Настасья Петровна.

Любить-то она его будетъ ли?

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ну, это старуха на двое сказала... ничего... гонку она ему дастъ!

Настасья Петровна.

Какъ же это?

Гаврила Пантелѣвичъ.

По всей видимости, а такъ думаю: друга себѣ заведетъ она, а другъ этотъ самый послѣ свадьбы мужа будетъ рожки ему строить, носы наставлять... Чортушка, молю, ты чортушка, спасибо тебѣ! Поишь, кормишь жену-то для чужихъ.

Настасья Петровна *(въ слезахъ)*.

Какъ же это Андриуша Таню-то смѣнялъ?

Гаврила Пантелѣвичъ *(иронно)*.

Настасья, аль ты привязъ забыла?

Настасья Петровна *(отирая глаза)*.

Молчу, молчу, Гаврила Пантелѣвичъ, только что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Опять?

Настасья Петровна.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка!

Гаврила Пантелѣвичъ.

А вотъ что: не пора ли гостямъ ко двору?..

Настасья Петровна.

Что ты, что ты, Гаврила Пантелѣвичъ! Посидимъ хоть немножко—обидятся.

Гаврила Пантелѣвичъ.

А коли намъ здѣсь дѣлать нечего, коли мнѣ не по душѣ! Чего еще, угощенія, что-ли, ждать хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна *(закачавъ головой)*.

Ахъ, конфузъ вѣдь это!

Гаврила Пантелѣвичъ.

Опять ты языкъ свой!..

Настасья Петровна.

Охъ, молчу.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ну! *(Входитъ Нина Александровна, Елена и Андрей)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гаврила Пантелѣвичъ, Настасья Петровна, Елена,
Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна.

Тысячу разъ простите, мои дорогіе; мнѣ такъ совѣстно... я
васъ оставила!

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ничего-съ... Намъ, однако, и время... часы поздніе...

Нина Александровна.

Ахъ, что вы, что вы! Не обижайте насъ!..

Настасья Петровна.

Она вѣдь у меня—сирой человекъ, Гаврила Пантелѣвичъ: они
не могутъ никакъ долго, не привычка-съ!..

Гаврила Пантелѣвичъ (*клямясь*).

Просимъ прощенья!.. Уже извините-съ!

Нина Александровна.

Какъ вамъ угодно; я стѣснять васъ не смѣю. Но позвольте
мнѣ сожалѣть и надѣяться, что въ будущій разъ... Ахъ, я и
сама къ вамъ!..

Гаврила Пантелѣвичъ.

Милости просимъ!..

Нина Александровна (*обнимая Настасью
Петровну*).

Какъ я жалѣю, какъ я жалѣю!

Настасья Петровна.

Вы, пожалуйста, себя не безпокойте. А только что Гаврила
Пантелѣвичъ, они у насъ—такіе люди, что имъ никакъ невозможно:
имъ стѣснительно. Уже позвольте... (*цѣлуетъ Елену*).

Андрей (*подходя къ отцу*).

Сами изволите видѣть... Что же вы скажете?

Гаврила Пантелѣвичъ (*у двери*).

Ну, что ужъ! Ослѣпили, братецъ, вотъ какъ! Настасья Петровна...

Настасья Петровна.

Иду, иду, Гаврила Пантелѣвичъ... (*Обнимаясь съ Ниной Алек-
сандровной*). Имъ, знаете, Гаврилѣ Пантелѣвичу, часикъ поси-
дѣть—и довольно. А то ужъ снять сюртукъ да отдохнуть требо-
вается. (*Идетъ. Нина Александровна, Елена и Андрей за нею*).
Куда же вы, затѣмъ безпоковнтесь?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, ужъ я васъ провожу... Ахъ, какъ мнѣ больно, какъ мнѣ больно!..

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, такъ ужъ Андриуша-то съ Еленой Васильевной пушай останутся, пушай забавляются... (*Гитрилла Питтельмихъ, Настасья Петровна и Нина Александровна уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ЕЛЕНА И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я васъ не стою, что это одно только счастье мнѣ необыкновенное съ?

ЕЛЕНА.

Ну, это какъ знать, кто кого стоить!

АНДРЕЙ.

А и во мнѣ есть съ (*ударяя себя въ грудь*), много есть съ... развѣ только не захотите обратить вниманія!

ЕЛЕНА.

Поживемъ, такъ узнаемъ другъ друга!

АНДРЕЙ.

А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется-бъ, сквозъ землю! Всѣ на меня смотреть, а я ни повернуться, ни слова сказать... Стаканъ чуть не уронилъ, чай на какую-то даму на платье пролилъ!

ЕЛЕНА (*смѣется*).

Это ничего... Конечно, лучше стакановъ не ронять и платьевъ не обливать! А конфузиться нечего: какъ умѣете, такъ и держите себя!

АНДРЕЙ.

Я это понимаю-съ!

ЕЛЕНА.

Прибодритесь, имѣйте побольше достоинства, ведите себя просто, какъ всегда! Вѣдь все это страшная пустота: болтають, сплетничаютъ, говорятъ пошлыя любезности или пускають шпальки другъ въ друга..

АНДРЕЙ.

Ужъ я теперь вооружусь! А вотъ я сейчасъ для курама стаканъ шампанскаго выпью. (*Цѣлуетъ руку Елены*). Поддержали вы меня-съ.

ЕЛЕНА.

А вотъ много поцѣлуешь и вообще нѣжностей я не люблю! Да еще вамъ приказъ: не извольте гоняться за мною, держитесь подалше!..

АНДРЕЙ.

И не подойду теперы! (У двери). Человѣкъ! Дай-ка, братецъ, сюда бутылочку шампанскаго.

ЕЛЕНА.

Когда будемъ танцовать, можете только надриль...

АНДРЕЙ.

Слушаю-съ... (Елена, кокетливо ударивъ его по плечу отеромъ, идетъ быстро въ комнату).

АНДРЕЙ (ловить ее и целуетъ ее руку).

Не могу! Послѣдній разъ! (Елена уходитъ).

АНДРЕЙ.

Эхъ, вся эта канитель—и къ чему? Тоска здѣсь смертная... Взять бы въ саночки да въ Стрѣльну на своихъ сѣрыхъ!.. Эхъ, морозъ-морозецъ, аленькія щечки!.. (Входитъ Агшинъ).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

АНДРЕЙ, АГИШИНЪ И ЧЕЛОВѢКЪ СЪ БУТЫЛКОЙ ШАМПАНСКАГО.

АНДРЕЙ.

А, вотъ онъ! Поди-ка, поди-ка сюда! (Горячо схватываетъ Агшинъ въ объятія).

АГИШИНЪ (освобождаясь).

Стой, стой, задавишь!

АНДРЕЙ (ударяя его по плечу).

Эхъ, вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

АГИШИНЪ (пожимаясь).

Эта сила и свѣжесть у нихъ, у чертей, завидная!

АНДРЕЙ.

Садись, выпьемъ. (Сажаетъ на диванъ. Человѣку). Ну-ка, послужи; налей намъ, да и убирайся, а бутылку оставь! (Человѣкъ наливаетъ и уходитъ).

АНДРЕЙ.

Ну-ка, давай по душѣ... (Чокаются и пьютъ). Слажи-ка ты миѣ, ты, человѣкъ разумный, образованный: любить она меня или нѣтъ?

АГИШИНЪ.

Если теперь еще не любить, такъ потому ужъ любить не-
премѣнно!..

АНДРЕЙ.

Почему такъ?

АГИШИНЪ.

Потому что свѣжесть, сила—чего же еще! Ужъ какъ тамъ ни
финти передъ женщиной, а коли натуры мало, такъ не много
возьмешь! А у васъ этой здоровой любви...

АНДРЕЙ.

Да ужъ, братъ, душу-ли за нее положить, въ охапку ли взять
по-крѣпче—ужъ этого у насъ такъ-то много, что и дѣвать не
знаемъ куда.

АГИШИНЪ.

Все это хорошо, а совѣсть-то у тебя есть? Когда же мы?..

АНДРЕЙ.

Что-же это? Насчетъ чего?

АГИШИНЪ.

А прощанье съ холостой жизнью—холостая пирушка? У не-
вѣсть бываетъ дѣвишникъ, а мы мальчишникъ сдѣлаемъ!

АНДРЕЙ.

И разотлично! Такъ распорядись. Хочешь—у меня дома, а то
такъ за крестовскую! Только, чтобы ужъ въ присядку съ тобой
танцевать. *(Ударяетъ ею рукой по плечу).*

АГИШИНЪ.

Ой, ой! ужъ ты выражай чувства какъ-нибудь иначе, а не
дерись!

АНДРЕЙ.

Ну, теперь пойду приглашу танцевать какую-нибудь барышню.
куражу довольно! только все кислота какая!... *(уходитъ).*

АГИШИНЪ.

Милъ, милъ! Ну, что за Андриша у меня! Только какія у
нихъ длани!... Вотъ такъ, сохрани Богъ, попадешься! Нѣтъ,
тутъ подумаешь! *(Входитъ Елена).*

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

АГИШИНЪ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА *(опускается на диванъ).*

Я бѣжусь... я просто зарыдать готова!..

АГИШИНЪ *(садится рядомъ).*

Что съ вами?

ЕЛЕНА.

Я совсѣмъ не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорить мнѣ!

АГИШИНЪ.

Что за ажитация! Я отъ васъ не ожидалъ. Будьте благоразумны.

ЕЛЕНА.

Но изъ чего-же я бьюсь, изъ чего-же я бьюсь, скажите?

АГИШИНЪ.

Изъ того, чтобы приготовить себѣ пріятную жизнь въ будущемъ.

ЕЛЕНА.

Я васъ возненавижу!... Въдѣ все это фразы, холодныя фразы. Я еще не такъ пала, чтобы притворяться по холодному расчету!... Гдѣ-же мнѣ поддержка? Гдѣ же та страсть, ради которой я играю комедію? гдѣ-же она... моя опора? Въдѣ иначе я должна презирать себя!

АГИШИНЪ (*береть ея руку*).

Чего-же, чего-же вамъ нужно? (*цѣлуетъ ея руки*). Я люблю васъ, люблю больше своей жизни, но развѣ здѣсь мѣсто, здѣсь время...

ЕЛЕНА.

Ну, вотъ только мнѣ и нужно, только мнѣ и нужно!... А то я изнемогаю! (*Шепотомъ*). Давно-бы, давно...

АГИШИНЪ (*цѣлуетъ ея руки*).

О, дѣлая жизнь не стоитъ этой минуты! (*Андрей показывается въ дверяхъ и уходитъ*).

ЕЛЕНА (*замытливъ Андрея, остается*).

Онъ видѣлъ!

АГИШИНЪ.

Ничего, пусть привыкаетъ... Приласкать немножко—вотъ и все! (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА.

Но все-таки надо поправлять дѣла... Теперь у меня опять силы, и вотъ сейчасъ проба! (*Отходитъ къ створамъ. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

АНДРЕЙ И ЕЛЕНА.

АНДРЕЙ (не замечая Елены).

Мнѣ потудилось, мнѣ потудилось!... (Хлопнется себя за голову).
Нѣтъ, я видѣлъ, здѣсь, здѣсь... Господи! или въ самомъ дѣлѣ
потудилось, что-ли! (Стоитъ съ задумчивостью. Елена подходитъ къ нему сзади).

ЕЛЕНА.

Объ чемъ, объ чемъ? Развѣ женихи задумываются? (Андрей молча смотритъ на нее).

ЕЛЕНА.

Что за грозная туча на челѣ вашемъ?

АНДРЕЙ.

Такъ, мнѣ что-то потудилось или померещилось!

ЕЛЕНА (хохочетъ).

Ха, ха, ха! Не те-ли, что у меня Агшиниѣ руки цѣловалъ?
Ха, ха, ха! Извольте сейчасъ его вызвать на дуэль! Хотя я еще
и не ваша, хоть онъ, какъ старый знакомый, могъ горячо пожела-
ть мнѣ счастья и цѣловать мои руки—но вы вызовите его
на дуэль и убейте, убейте непременно!

АНДРЕЙ.

Если такъ-съ, извините!

ЕЛЕНА.

Ахъ, это мило! Онъ ревнивъ, онъ... Отелло! (смеется). Это
мнѣ нравится. Значить, онъ и впередъ будетъ ревновать, а кто
ревнуетъ, тотъ любить!

АНДРЕЙ.

Вотъ все и свалилось! Вы все можете—и погубить, и осчаст-
ливить человека! (Беретъ руку и шлепаетъ). Эта ручка-съ... ну,
одно слово вашъ-съ—что хотите, то со мною и дѣлайте!

● (За сценой музыка).

ЕЛЕНА.

Пойдемте танцовать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВѢРТОЕ.

Л И Ц А .

Гаррига Пантелѣичъ.

Настасья Петровна.

Андрей Гарригичъ.

Елена Васильевна.

Илья Александровичъ.

Актингъ.

Прохоръ, слуга Андрея Бѣлугина.

Декорация перваго дѣйствія. Та же комната, но богаче отдѣланная и обставленная. Семейные портреты стоятъ на полу, а вмѣсто нихъ виситъ дорогая картина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прохоръ (*одинъ, обметаетъ мебель*).

Прохоръ.

Старикъ съ фабрики прѣехали; два раза прислали узнать, дома-ли. Ну, гдѣ, молъ, скоро-ль ихъ дождешься? За городъ кататься поѣхали! Авось хоть при старикахъ-то угомонятся немножко, а то вѣдь это наказанье сущее: каждый день либо съ утра до поздней ночи, либо съ вечера на всю ночь, а ты до четырехъ утра не спи, дождайся ихъ! (*Подходя къ портретамъ*). Чтѣ эти иконы-то тутъ стоятъ! Превратъ бы ихъ, да не знаю куда повѣсить. (*Входитъ Настасья Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прохоръ и Настасья Петровна.

Прохоръ.

Сами пожаловали...

Настасья Петровна (*садясь*).

Ждала, ждала, да ужъ моченьки моей вѣтъ... Часа четыре, какъ съ желѣзной дороги прѣехала; сижу у окна, да гляжу, какъ сытъ.

Прохоръ.

Теперь, чай, скоро будутъ; потому если на вечеръ вуда, такъ переодѣться домой зайдутъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ тебя звать-то?

ПРОХОРЪ.

Прохоромъ, сударыня!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты, что-ли, Прохорушка, Андриюшу-то одѣваешь?

ПРОХОРЪ.

Нѣтъ, у нихъ свой камердинеръ есть; а мое дѣло—передняя, да вотъ комнаты убрать, ну, опять у стола—мале-ли дѣла!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А почиваютъ то они гдѣ?

ПРОХОРЪ.

Андрей Гавриловичъ (*показывая направо*) вотъ здѣсь, на своей половинѣ, а Елена Васильевна (*указывая направо*)—у себя, на своей-съ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ, врозь?

ПРОХОРЪ.

Такъ точно. Какъ слѣдуетъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Неужели и все такъ?

ПРОХОРЪ.

Все такъ-съ, какъ слѣдуетъ, какъ завсегда у господъ бываетъ—на двѣ половины.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да вѣдь мужъ-то и жена—одно, какія-жь тутъ двѣ половины? Коли Богъ сочеталъ во одно, на что-же пополамъ-то дѣлить?

ПРОХОРЪ.

Ужь это не нашего ума дѣло. Стало быть, такъ слѣдуетъ. Надо полагать, что такъ лучше, либо мода такая, а то кто-бы имъ велѣлъ!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Что это ты, ужъ не врешь-ли, Прохорушка?

ПРОХОРЪ.

Что мнѣ, помилуйте! Обыкновенно двѣ половины: и гости—если къ Андрею Гавриловичу или по дѣламъ, такъ они у себя принимаютъ; а если къ Еленѣ Васильевнѣ—такъ онѣ на своей половинѣ принимаютъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

И гости-то разные?

ПРОХОРЪ.

Разные-съ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а чай какъ по утру?

ПРОХОРЪ.

Завсегда врозь: потому Андрей Гавриловичъ раньше встануть и чай пьютъ, а если Елена Васильевна позже—и кофе кушаютъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

А обѣдаютъ?

ПРОХОРЪ.

Кушаютъ вмѣстѣ, ужь это вездѣ такъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, то-то ужь, а то вѣдь это все одне, что чужіе. А согласно живутъ-то?

ПРОХОРЪ.

А этого мы знать не можемъ, потому рѣдко ихъ и видишь: только что за столомъ-съ. Когда Андрей Гавриловичъ вечеромъ покойной ночи желаютъ, такъ ему ручку даютъ поцѣловать; по утру тоже, когда съ добрымъ утромъ—опять ручку даютъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Все ручку, да ручку. *(Качаетъ головой)*.

ПРОХОРЪ *(прислушивается)*.

А вотъ, должно быть, и прѣехали: что-то задвигали въ передней и дверями хлопаютъ, и разговоръ слышно.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ я въ Андришкины комнаты пойду. Коли это мой старикъ, такъ ты не сказывай, что я здѣсь. *(Уходитъ въ дверь направо. Прохоръ уходитъ въ переднюю. За сценой голосъ Елены Васильевны: «Пустите, что за глупости! Пустите, говорю я!» Вбѣгаетъ Елена, за ней входитъ Андрей)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЕЛЕНА И АНДРЕЙ.

ЕЛЕНА.

Сумасшедшій, что вы дѣлаете?

АНДРЕЙ.

А что такое? ничего-съ!...

ЕЛЕНА.

Я вѣдь не ребенокъ; можно-ль носить на рукахъ, да еще на лѣстницу?

АНДРЕЙ.

Ничего съ, своя ноша не тянется. Я васъ и дальше хотѣлъ нести, да кабы не вырвались, дотащилъ...

ЕЛЕНА.

Куда это дальше?

АНДРЕЙ.

До самого до мѣста....

ЕЛЕНА.

До каковаго?

АНДРЕЙ,

Да вѣдь устали, отдохнуть захотите—такъ ужъ я прямо въ спальню и хотѣлъ доставить.

ЕЛЕНА.

Вотъ какъ! Это очень мило.

АНДРЕЙ.

Такъ я сію минуту-съ!

ЕЛЕНА.

Ну, нѣтъ, не трудитесь! Я и сама дойду, на столько-то силъ у меня хватитъ. До свиданія!

АНДРЕЙ.

Куда-же вы?

ЕЛЕНА.

Я пойду переодѣнусь. (*Идетъ къ двери, Андрей за нею*). Нѣтъ, нѣтъ, отправляйтесь на свою половину.

АНДРЕЙ.

Только и всего-съ?

ЕЛЕНА.

Чего же вамъ еще?

АНДРЕЙ.

Не много-съ...

ЕЛЕНА.

Ахъ, нѣтъ! вы очень нынче умно вели себя, васъ слѣдуетъ наградить. (*Гладитъ по волосъ Андрея и цѣлуетъ*).

АНДРЕЙ.

Что-же это, насмѣшка-съ? Нѣтъ-съ, ужъ лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-съ. Другой разъ заиграете, такъ, пожалуй, и не отыграетесь отъ меня.

ЕЛЕНА.

А, вотъ какъ! Ну, такъ я буду осторожнѣе. Прощайте!

АНДРЕЙ.

Однако, что-жъ это за тиранство, Елена Васильевна?

ЕЛЕНА.

Какое тиранство? Ахъ, отстаньте, пожалуйста!

АНДРЕЙ.

Какъ оставить? Поговорить надо, я желаю-съ!

ЕЛЕНА.

Послѣ какъ-нибудь. (*Хочетъ идти*).

АНДРЕЙ. (*Беретъ ее за руку*).

Нѣтъ, ужъ извините. Откладывать зачѣмъ-же—очень нахитило. Вотъ почти мѣсяцъ вы моей женой считаетесь, а жена-ли вы мнѣ? Какая моя жизнь? Забрался, было, въ мечтахъ-то выше облака, да вотъ и свалился. Вѣдь я васъ любилъ, выше всего на свѣтѣ ставилъ... Вы думаете, легко мнѣ говорить теперь въ глаза, что вы меня обманули?

ЕЛЕНА.

Чѣмъ обманула? Какъ?

АНДРЕЙ.

Да такъ, хуже чего не бываетъ; и обманывали насъ и грабили—это съ нами за нашу глупость случалось, а такой обиды и во снѣ не снилось, и врагу не пожелаемъ. Чтò я для васъ сдѣлалъ—объ этомъ я говорить не стану, потому что вы за попрекъ сочтете, но я вамъ душу, душу отдалъ-съ... Понимаете ли, душу отдалъ...

ЕЛЕНА.

Ахъ, тише, пожалуйста.

АНДРЕЙ.

Да чтò мнѣ тише? Я у себя дома. Я со всѣмъ трепетомъ просилъ руки вашей, вы изволили согласиться; какія же мысли вы тогда въ головѣ держали? Опять же, въ первыи вы очень веселымъ духомъ объявили ваше желаніе. Значить: стоя-то подъ вѣнцомъ, общаясь передъ Богомъ быть мнѣ женой, вы задумывали изъ меня, на потѣху своимъ пріятелямъ, сдѣлать шуту...

ЕЛЕНА.

Какой вздоръ вы говорите!

АНДРЕЙ.

Не вздоръ, а все такъ точно-съ. Ваши пріатели меня поздравляюгъ, счастливецемъ зовутъ, а вы на эти ихъ слова подсмѣиваетесь. Развѣ я не вижу?

ЕЛЕНА.

Къ чему этотъ разговоръ?

АНДРЕЙ.

А вотъ къ чему-съ: цѣлый мѣсяцъ я дѣлалъ для вашего удовольствія все, чтò вамъ было угодно; дѣла свои бросилъ и чуть не молился на васъ; но только изъ этого хорошаго ничего для меня не вышло, окромѣ стыда и конфуза... Но я имѣю свою гордость—довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своимъ купеческимъ дѣломъ, а вы живите какъ знаете, я вамъ мѣшать не буду. Ужъ на вашу половину я проесться больше не стану, а если вы, паче чаянія, почувствуете ко мнѣ расположеніе, такъ милости просимъ ко мнѣ, на мою-съ.

ЕЛЕНА.

ВЫ нынче не въ духѣ...

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, я довольно равнодушенъ, а если меня что за сердце возьметъ, такъ я съ вами не такъ заговорю, да не дай Богъ намъ съ вами этого дожидаться! *(Елена, съ удивленіемъ озлянувшись на Андрея, уходитъ съ двери направо).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНДРЕЙ, ПОТОМЪ НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ *(подумавъ).*

Думай, не думай, а дѣло—дрянь. Пойти счетами заняться. *(Идетъ къ двери направо. Настасья Петровна выходитъ ему на встречу).* Маменька!.. *(Цѣлуетъ мать).* Ну, слава Богу, на силу-то вы собрались!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Слышала твой голосъ, да боялась войти: думала съ кѣмъ чужимъ разговариваешь. Съ самимъ, Андрюша, пріѣхала, съ самимъ; все хворалъ, да вотъ собрался, съ тобой объ дѣлахъ потолковать хочеть.

АНДРЕЙ.

Ну, ужъ обрадовали, маменька! Чайку не угодно-ли?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Мы давно съ машины-то; ужъ два раза напилась отъ скуки, ожидавши васъ.

АНДРЕЙ.

Да присядьте, потолкуемъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, нѣтъ, нѣтъ! *(Садясь).* Развѣ на минутку... Вѣдь гроза надо мной: украдкой, Андрюша, къ вамъ взошла-то, а то не велѣлъ; строго-на-строго приказывалъ, чтобъ не смѣла. Теперь отдохнуть легъ — такъ я сюда: сердце-то ужъ очень рвалось. *(Встаетъ и обнимаетъ Андрея).* Дай же мнѣ хоть посмотрѣть на тебя хорошенько!

АНДРЕЙ.

Все такой-же, маменька.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, Андрюша, нѣтъ, и слѣда твоей прежней красоты не осталось! Что ты это, Андрюша, какъ худъ-то сталъ, голубчикъ?

АНДРЕЙ.

Что вы, маменька? Такъ вамъ показалось!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА (*садясь*).

Нѣтъ, Андрияна, совсѣмъ цѣту въ тебѣ не стала. Ну, скажи же ты мнѣ про ваше житье-бытье!

АНДРЕЙ.

Живемъ... ничего съ... веселимся...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Конечно, нельзя же! спервоначала надо ее потѣшить; ну, а потомъ пора и къ дому приучать. Что она, съ тобой-то какъ?

АНДРЕЙ.

Да она ничего съ... ласкова, шутить...

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да какъ же это все шутить? Что ужъ весело ей, что-ли, очевѣ?

АНДРЕЙ (*съ юркой улыбкой*).

Живемъ да радуемся съ... Вчера въ маскарадъ, сегодня въ театръ, завтра на балъ куда-нибудь, либо за-городъ—такъ тебя и носить! Отъ веселья да отъ музыки голова кругомъ пошла, а новыхъ друзей, новыхъ пріятелей и не сочтешь. Всѣ тебѣ руки жмутъ, поздравляютъ, «счастливецъ, говорятъ, ты, счастливецъ!» Ну, если люди счастливецемъ называютъ, такъ, стало быть, счастливецъ и есть!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ-то такъ, да что-то рѣчи-то твои не хороши! Ты бы толкомъ поговорилъ со мною.

АНДРЕЙ.

А вотъ къ вамъ внизъ сойду, тогда и поталкуемте.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

И изъ-подъ вѣнца-то видѣть васъ Богъ не привелъ: самъ прихворнулъ, меня не пускаетъ, плакала, обливалась. И хвораетъ-то, да и сердится; недѣли двѣ, какъ туча черная, бродилъ, подступу не было. А потомъ, какъ фабрику то распустилъ, дѣла поразстроилъ, хорошихъ приказчиковъ да мастеровъ своимъ характеромъ поразогналъ, такъ и поотмѣлъ и объ тебѣ вспомнилъ. Сталъ жаловаться, что ты его забылъ, да бросилъ. А твоя ли вина? Онъ не то, что тебя видѣть, и слышать про тебя не хотѣлъ... Охъ, Андрияша, и не слѣдъ бы мнѣ, а ужъ скажу: не родительское въ немъ чувство говорить, а за карманъ онъ бьется...

АНДРЕЙ.

Нешто я не понимаю? Да это все одно съ. Изъ меня лаской-тятенька все могутъ сдѣлать, потому что мы къ родительской ласкѣ не приучены и никогда ея не видимъ. Да и не отъ-кого съ; лаской изъ нашего брата хоть веревки вей. Какъ Сыромятовъ поживаетъ? Что Таня?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Видно, помнишь? Житовъ, мучникъ, за нее свѣтается.

АНДРЕЙ.

Да, слышала и я. Житовъ—человѣкъ хорошій, съ душой, ужь пусть-бы хоть ей-то Богъ счастья далъ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА (*вдрузь остаеть*).

Батюшки, никакъ самъ?

АНДРЕЙ (*прислушивается*).

Да, надо быть, что онъ-съ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Вынеси, Заступница!

АНДРЕЙ.

Пожалуйте сюда. (*Провожастъ ее въ дверь налево*). Тамъ корридоромъ пройдетъ. (*Идетъ въ переднюю, на встрѣчу ему выходитъ Гаврила Пантелъичъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

АНДРЕЙ И ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

АНДРЕЙ.

Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

Да вотъ задумалъ побывать въ Москву, поглядѣть, какъ вы тутъ.

АНДРЕЙ.

Мы, слава Богу-съ! (*Подвигая кресло*). Милости прошу, пожалуйте-съ! Чайку не прикажете ли?

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

Присѣсть присяду; а чаю не надо. (*Садится*). А я вотъ, братъ, призадумываться сталъ.

АНДРЕЙ.

Что же такое, насчетъ чего-съ?

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

Хворость, братъ, одолеваетъ, да и духъ не тотъ, не прежній. Зачѣмъ? для чего? Думаю: суета суетъ все это! Хочу, братъ, о душѣ подумать, а то пристигнетъ часъ воли Господней—и покатиться путемъ не усидишь.

АНДРЕЙ.

Съ чего же такія мрачности у васъ въ головѣ-съ?

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪИЧЪ.

Да веселиться-то мнѣ нечего. Коли силъ нѣтъ, такъ безъ помощника плохо

А н д р е й .

А я то съ?

Гаврила Пантелъвичъ.

На приказчиковъ какая ужь надежда! Воровать другъ передь другомъ въ запуски—вотъ на это ихъ взять!

А н д р е й .

Да я-то на что же съ?

Гаврила Пантелъвичъ.

Ну, гдѣ ужь тебѣ? Нѣтъ, не туда дѣло поѣхало!

А н д р е й .

Почему же такъ? Я при дѣлѣ быть могу.

Гаврила Пантелъвичъ.

Ты-то, пожалуй, да принцесса-то твоя—не низко ли ей покажется?

А н д р е й .

Это дѣло до нея не касающее.

Гаврила Пантелъвичъ.

Ну, какъ, братецъ! Она, къ примѣру, такое пирожное, сидить и на фортепьянѣ играетъ, а ты изъ красильни, какъ шутъ какой, въ кубовой краскѣ въ залу-то ввалился! Такъ одно къ другому не подходитъ.

А н д р е й .

Ничего съ! Коли имъ неудобно, я одинъ уѣду; а онѣ могутъ въ Москвѣ остаться.

Гаврила Пантелъвичъ.

Въ конторѣ безпорядки, книги позапущены, приказчиковъ по разогналъ, полученія плохи!

А н д р е й .

Это ужь на что хуже съ!

Гаврила Пантелъвичъ.

Пока ты наблюдалъ, такъ дѣло шло въ лучшемъ видѣ, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хотъ прикончить фабрику-то, такъ въ тужь пору.

А н д р е й .

Нѣтъ, какъ можно съ, дѣло миллионное! Для васъ все суета, а я—человѣкъ молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелъвичъ.

Убытковъ боюсь. Фабрика—такая машина, что, коли она въ порядкѣ, такъ барышъ, а коли порядку нѣтъ, такъ она года въ два все твое состояніе съестъ. Такъ вотъ я затѣмъ въ Москву-то: поговорить съ тобой. Приходи внизъ завтра пораньше, потолкуешь, на чемъ-нибудь надо рѣшить. Я думаю здѣсь въ Мо-

Т. ССХХХVIII. — Огд. I.

5

свѣ пожить: захвораетъ, такъ дохтура близко; помолиться когда, такъ сватыни много.

А Н Д Р Е Й.

Милости просимъ: я низъ отдѣлалъ, тамъ для васъ всякое спокойствіе будетъ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ужъ видѣлъ, что отдѣлалъ—швыряй деньги-то! (*Замытля портреты*). Эге! вотъ ты ихъ куда разжаловалъ, стариковъ-то!

А Н Д Р Е Й.

Я хотѣлъ ихъ туда внизъ съ...

Гаврила Пантелѣвичъ.

Ну, да, подальше куда-нибудь, чтобъ съ глазъ долой: на чердакъ или въ сарай ихъ, чтобъ не зазорно было, что у насъ, моль, дѣды—не князья, не бояре...

А Н Д Р Е Й.

Нѣтъ-съ, не потому-съ...

Гаврила Пантелѣвичъ.

А кто, Андрей, намъ съ тобой деньги-то далъ? откуда всѣ эти шелки да бархаты, и кто намъ эти палаты выстроилъ?

А Н Д Р Е Й.

Все это я понимаю-съ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

А каково было наживать то ему? Вѣдь онъ въ лапоткахъ въ Москву-то пріѣхалъ, на себѣ воду возилъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, и подѣждемъ, и на морозѣ...

А Н Д Р Е Й.

Все это при немъ и останется-съ.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Если ты труды его ни во что ставишь такъ хоть за умъ-то шочи! Ума-то въ этой головѣ было не то, что у насъ съ тобой!

А Н Д Р Е Й.

Да я за все его почитаю и уважаю.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Поглядывай на него почаще, такъ самъ умнѣе будешь. (*Стромо*). Подай мнѣ ихъ, я имъ мѣсто найду!

А Н Д Р Е Й.

Извольте-съ. Я давно Прохору говорю, чтобъ онъ ихъ внизъ свесъ. Вы напрасно въ сердце приходите изволите.

Гаврила Пантелѣвичъ.

Не напрасно! Погляди на себя хорошенько, то-ли ты дѣлаешь-то? Ты, можетъ, думаешь, что родители-то—звѣри, что они къ дѣтямъ все съ сердцемъ, да съ грозой; такъ нѣтъ, брать, и то-скажутъ по васъ иногда, бываетъ, что и до слезъ... (*утираетъ глаза и, махнувъ рукой, идетъ къ двери*).

АНДРЕЙ (*останавливая стца*).

Позвольте-съ! Что же такъ со слезами уходить, будто я васъ обидѣлъ? Вѣдь я вашъ сынъ-то; нужды нѣтъ, что я хожу во фракъ, а и во мнѣ тоже этой дикости довольно достаточно. Вы меня за самое сердце задѣли, а я—русскій человекъ: въ такомъ разѣ могу все, чтѣ есть для меня дорогого, сейчасъ пополамъ, да на двое. Скажите одно ласковое слово, такъ все брошу, и не то, что конторщикомъ или машинистомъ, кочегаромъ у васъ на фабрикѣ буду.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Ну, ну, Богъ съ тобой! Родня мы, родня, вижу.

АНДРЕЙ.

Крутое сердце у меня, татенька.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Да вижу, вижу...

АНДРЕЙ.

Но и не дуракъ при томъ...

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Заходи завтра утромъ, столуемся. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ. ШЕСТОЕ.

АНДРЕЙ, потомъ ПРОХОРЪ.

АНДРЕЙ (*берется за голову*).

Въ самомъ дѣлѣ, на дѣдушку-то посматривать: не поумнѣю ли? Нѣтъ, конечно, надо приставать куда-нибудь, къ одному берегу. Бариномъ мнѣ не быть, такъ хоть купцомъ-то остаться порядочнымъ. Довольно разыгрывалъ дурака; пора за умъ зяться. Вотъ когда думать-то моей глупой головѣ, да думать такъ, чтобъ лобъ трещалъ; а чтѣ обдумаю—хорошо ли, дурно ли—такъ ужъ завинтить на-крѣпко. Прохоръ! (*Входитъ Прохоръ*). Не пуцяя ко мнѣ никого.

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ.

АНДРЕЙ.

Ни одного человекъ. (*Уходитъ въ дверь на тѣло. Входитъ Елена Васильевна*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ЕЛЕНА и ПРОХОРЪ.

ЕЛЕНА.

Кто былъ здѣсь?

ПРОХОРЪ.

Гаврила Пантелѣвичъ и Настасья Петровна прѣехали съ фабрики, такъ приходили къ Андрею Гаврилычу.

ЕЛЕНА.

А гдѣ онъ, Андрей Гаврилычъ?

ПРОХОРЪ.

У себя въ кабинетѣ. Не приказали беспокоить: дѣломъ заняты.

ЕЛЕНА.

Ко мнѣ, кромѣ Агишина, никого не принимать.

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).(*Нина Александровна входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ЕЛЕНА, НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ПОТОМЪ ПРОХОРЪ.

ЕЛЕНА.

Мама, что ты такая кислая?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я совсѣмъ умираю отъ мигреней; да и ты сегодня что-то не въ духѣ.

ЕЛЕНА.

Мнѣ скучно, мнѣ тяжело, мнѣ надоѣла моя жизнь!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена, какъ я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскисаться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не будетъ общаго; ты, до сихъ поръ, несколько, кажется, не сошлась съ нимъ.

ЕЛЕНА.

Да, онъ мнѣ чужой, совершенно чужой. Я замѣчаю, что онъ гораздо лучше, серьезнѣе, умнѣе, чѣмъ я прежде о немъ думала; въ немъ есть рѣшительность, отвага. Я его уважаю и даже, нельзя сказать, чтобы я была къ нему совсѣмъ равнодушна; ка-

что-то довольно теплое, какъ бы родственное чувство есть къ нему.

Нина Александровна.

Что-жь тебѣ еще?

Елена.

Но, мама, въ немъ нѣтъ этого «чего-то», что нравится женщинамъ, что ихъ покоряетъ. Такой недостатокъ уничтожаетъ все въ мужчинѣ. Мнѣ иногда очень жаль его, особенно когда я вижу его отчаяніе; но чтобы оказывать ему ничтожную ласку, мнѣ надо сдѣлать надъ собой большое насиліе.

Нина Александровна.

Ты его уважаешь, этого, кажется, довольно бы...

Елена.

Для меня мало.

Нина Александровна.

Но чѣмъ же все это кончится?

Елена.

Не знаю; но, кромѣ того, есть еще помѣха... Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна рѣшиться моя участь. Можетъ быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалѣй...

Нина Александровна (*вслухъ*).

Лена, Боже мой! Дитя мое, что у тебя въ головѣ?.. (*Входитъ Прохоръ*).

Прохоръ.

Г. Агишинъ!

Елена.

Просить. (*Прохоръ уходитъ*), Ничего, ничего, мама; это я такъ, я сильно выразилась. Иди, прилягъ, успокойся! Мы послѣ поговоримъ.

Нина Александровна.

Ну, хорошо; ну, Богъ съ тобой! Я знаю, что ты меня пожалѣешь. (*Целуетъ дочь и уходитъ. Входитъ Агишинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Елена и Агишинъ.

Агишинъ.

Ваше здоровье?

Елена.

Какъ всегда.

Агишинъ.

Попадите, Елена Васильевна, половина моихъ пріателей готовы въ сумасшедшій домъ! Только и рѣчей, только и вопросовъ, что о васъ.

Елена.

Я не очень малодушна, меня это не радуетъ нисколько. Напротивъ, я страдаю, очень страдаю.

Агишинъ.

Что съ вами? это меня пугаетъ.

Елена.

Я сгорая, не одумавшись, сдѣлала самый важный шагъ въ жизни, я поторопилась выйти замужъ. Съ перваго же дня замужества я почувствовала раскаяніе: я сдѣлала дурное дѣло.

Агишинъ.

Мнѣ кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена.

Я чувствовала и чувствую раскаяніе, только я стараюсь заглушить его въ себѣ—но не въ силахъ! Когда я вынудилась въ эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мнѣ невыносима, что я не та, какою я себя представляла, что я лучше! А ужъ дурное дѣло сдѣлано, и его ужъ не веротишь.

Агишинъ.

Вамъ надо отдохнуть, вамъ надо отдохнуть! Успокойтесь немного, а потомъ... скоро мы съ вами за границу, подъ другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая...

Елена.

Но я притворяться не могу и не стану.

Агишинъ.

Посмотрите на другихъ женщинъ: какъ легко онѣ...

Елена.

Не говорите мнѣ, не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ! Я не хочу ихъ ни судить, ни брать съ нихъ примѣра. Я чувствую, чувствую всѣмъ моимъ существомъ, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадею, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли...

Агишинъ.

Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена.

Нѣтъ, какое идеалы? это просто отвращеніе! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое; но знаю, что безъ этого чувства человѣкъ не человѣкъ.

Агишинъ.

Или вы существо особенное, или я совсѣмъ не понимаю жен-

щины! По моему, что за любовь, что за страсть без интриги, без проступка!

ЕЛЕНА.

Проступокъ ужъ сдѣланъ, да не проступокъ, а преступленіе. Развѣ не преступленіе то, что я сдѣлала съ Андреемъ? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сдѣлалась его женой, хотя по имени только; но вѣдь это имя—чужое; и состояніе, которымъ я пользуюсь—чужое! Вѣдь это воровство!

АГИШИНЪ.

Но чего же вы хотите?

ЕЛЕНА.

Чего я хочу? Я скажу всѣмъ, и скажу рѣшительно: я хочу открыто разойтись съ мужемъ.

АГИШИНЪ.

Что вы, что вы! Вѣдь это позоры!

ЕЛЕНА.

Да, позоры! Я хочу, чтобъ всѣ знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затѣмъ жить, какъ сердце хочетъ. Поворотъ, однимъ поворотомъ только могу я теперь частію искупить мое преступленіе и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

АГИШИНЪ.

Но... но... я не понимаю, что же дѣлать?

ЕЛЕНА.

Очень просто! ну, хотя бы такъ: завтра, послѣ завтра мы съ вами вдвоемъ за границу!

АГИШИНЪ.

Гм... да... И это у васъ рѣшено?

ЕЛЕНА.

Да, рѣшено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мнѣ только кажется такъ?

АГИШИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, а только такой шагъ!

ЕЛЕНА.

Да какой же еще шагъ? Всякій другой хуже, безнравственнѣе!

АГИШИНЪ.

Нужно приготовиться, нужно обдумать: послѣдствія слишкомъ серьезны.

ЕЛЕНА (съ интонаціею).

Такъ вотъ что! Вы не готовы, вамъ нужно еще обдумать!

АГИШИНЪ.

Не за себя! Боже мой, поймите, за васъ! Такія вещи подъ минутной вспышкой не дѣлаются, тутъ нужно все...

ЕЛЕНА.

Минутная вспышка! Чувство такое созрѣвшее и сильное, что я не подорожила ничѣмъ, пошла на преступленіе—и вы осмѣлились назвать его минутной вспышкой!

АГШИИНЪ.

Извините, простите!.. Нѣтъ, вотъ что! За себя я на все, на все готовъ, умереть на плахѣ готовъ за васъ; но любя васъ, я дорожу вами и трепещу за каждый вашъ шагъ; я думаю надъ каждымъ вашимъ движеніемъ! Я хочу видѣть самое отдаленное будущее, знать самыя крайнія послѣдствія.

ЕЛЕНА.

Довольно, довольно!.. Я вѣрю вамъ; да, я вижу теперь, что и мнѣ нужно подумать. (*Отворачивается въ сторону. Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЕЛЕНА, АГШИИНЪ и АНДРЕЙ.

АГШИИНЪ.

Здравствуй, другъ!

АНДРЕЙ (*холодно*).

Наше вамъ почтеніе!

АГШИИНЪ.

Что съ тобой? Ты еще отъ маскарадовъ не очнулся?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, очнулся, отъ всѣхъ маскарадовъ очнулся.. А много я ихъ видѣлъ—и вчера, и сегодня, и въ маскарадѣ маскарадъ, и дома маскарадъ!

АГШИИНЪ.

Что за разговоръ, мой другъ? Ты чѣмъ-нибудь взволнованъ. огорченъ?

АНДРЕЙ (*сухо*).

Это ужъ мое дѣло! (*Еленѣ*). Я хотѣлъ съ вами, Елена Васильевна—собственно съ вами—побесѣдовать: но вѣдь мы еще успѣемъ, всегда можемъ... (*съ горькой улыбкой*). Свои люди!.. Извините, что помѣшалъ! Извольте продолжать вашъ разговоръ съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЕЛЕНА и АГИШИНЪ.

АГИШИНЪ.

Что съ вами? Овъ звѣремъ смотрите! Минута, кажется, не совсѣмъ удобная, чтобы намъ съ вами продолжать начатой разговоръ. (*Подходитъ и беретъ ее за руку*). Завтра или надняхъ мы возобновимъ его.

ЕЛЕНА.

Не поздно ли будетъ?

АГИШИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свиданія! Такъ, такъ, такъ, отлично! Смѣлый, рѣшительный шагъ въ жизни—это очень хорошо! Мы поѣдемъ, мы съ вами поѣдемъ. До свиданія! (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА (*вслѣдъ ему*).

Не поѣдешь ты, не поѣдешь: вижу я теперь тебя! И для него-то столько жертвъ и такія страданія! Но что же я? гдѣ я? зачѣмъ я здѣсь? (*Въ слезахъ закрываетъ лицо руками*). Какое я жалкое созданіе, какое ничтожное!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

АНДРЕЙ.

Не плачьте, я васъ сейчасъ утѣшу.

ЕЛЕНА (*съ грустью*).

Ахъ, это вы! Что вы?

АНДРЕЙ.

Вы плачете, можетъ быть, отъ того, что себѣ стѣсненіе чувствуете, такъ я вамъ свободу дамъ-съ! Да и мнѣ она нужна. Какъ бы вы меня ни цѣнили — шутомъ ли, дуракомъ ли — это ваше дѣло съ; только вѣдь и шуту отдохнуть надо! А если все его поминутно дразнить, такъ онъ озлобится и звѣремъ станетъ! И давайте мы съ вами на чистоту, отъ чистаго сердца, значить! И словъ будетъ не много—къ чему они-съ? все дѣло, какъ истинный день видно! Все наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А къ кому—объ этомъ говорить не нужно съ... А зачѣмъ вы меня къ этому дѣлу припутали и надъ сердцемъ моимъ надругались — это мы разбирать не будемъ; это ужъ послѣ пусть

Богъ расудить! А теперъ намъ одно: чтобы каждому по своей дорогѣ, чтобы другъ другу не мѣшаты! И отличное будетъ дѣло-съ: вы ужъ поѣзжайте съ нимъ за границу, какъ вы изволили собраться; денегъ у васъ довольно-съ... Извините-съ, я васъ деньгами не попрекаю... я вамъ даже вотъ что скажу: если мало будетъ, еще возьмите-съ! души не жалѣлъ для васъ, пожалѣйте ли денегъ-съ! Такъ вотъ и извольте ѣхать... А я ужъ... ну, ужъ я тамъ свой предѣлъ найду-съ, а вамъ и не интересно, да и знать обо мнѣ не для чего съ!.. Только, любя васъ, я вамъ признаюсь, хотъ и не надо бы, что мнѣ будетъ не такъ ужъ больно весело, какъ вамъ!.. *(Сквозь слезы)*. И что погибли на свою бездольную голову я буду очень радъ-съ.

ЕЛЕНА *(съ рыданіемъ)*.

Да хотъ не плачьте, это невыносимо!

АНДРЕЙ.

Да-съ, объ чемъ плавать? Это точно-съ: плакать ужъ нечего, поздно!.. Только вотъ что-съ, вы уѣзжайте скорѣй, скорѣй, говорю вамъ!.. И ради Бога, ради самого Бога, чтобы ничего промежъ вами на глазахъ моихъ!.. Потому я еще люблю васъ, съ собою не совладаю и могу быть страшень. Я убью васъ, его — ко мнѣ ужъ давно къ горлу подступаетъ и грудь давить! Я домъ зажгу и самъ въ огонь брошусь!.. Ради Бога, пожалѣйте вы меня и себя... Собирайтесь — и Богъ съ вами! Прощайте! *(Быстро уходитъ въ среднюю дверь. Елена, рыдая, падаетъ въ кресло)*.

Занавѣсъ.

ДВѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Лица:

Гаврила Пантелѣичъ.
Настасья Петровна.
Андрей Гаврилычъ.
Елена Васильевна.
Нина Александровна.
Сыромятовъ.
Таня.
Агшинъ.
Прохоръ.

Декорация четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ЕЛЕНА (*выходятъ изъ боковой двери справа*), потомъ ПРОХОРЪ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ это неприятно, какъ это неприятно! Вотъ какія дурныя заманки у этихъ людей! Какъ ты разстроена, бѣдная Лена! (*Елена заглядываетъ въ дверь направо*). Чтѣ, нѣтъ его тамъ?

ЕЛЕНА.

НѢТЬ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не умѣютъ они вести себя, никакой въ нихъ порядочности нѣтъ, никакого снисхожденія къ женскимъ нервамъ.

ЕЛЕНА.

Гдѣ онъ, чтѣ съ нимъ? Убѣжалъ вчера, какъ сумасшедшій, и вотъ до сихъ поръ его нѣтъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Кто жъ его знаетъ! Вѣдь это ужъ такіе люди: они своя чувства умѣрать не умѣютъ, у нихъ все черезъ край—и хорошее и дурное, и радость и горе. Отъ радости они готовы влѣсаться и обнимать всякаго встрѣчнаго, а горе или въ вѣнѣ топятъ, или чтѣ-нибудь еще хуже.

ЕЛЕНА.

Мама, ты меня пугаешь...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Кажется, тебѣ его жалко немножко?

Елена.

Очень естественно: у него горя не было—откуда оно перешло къ нему, отъ кого?

Нина Александровна.

Разумѣется, какъ его не жалѣть! и мнѣ его жалко, ужь давно жалко...

Елена.

Надо будетъ успокоить его; страшно видѣть людей, которые собою владѣть не умѣютъ.

Нина Александровна.

Да, да. А вѣдь я думала, что ты, послѣ вчерашняго, сердилъся на него.

Елена.

За что? Онъ былъ правъ по своему, совершенно правъ. Я должна была ждать этой выходы: вѣдь онъ не кула же, наконецъ! Да въ его словахъ и не было ничего обиднаго, въ нихъ было гораздо больше любви, чѣмъ упрековъ. Неизвѣстно, кто сильнѣе въ это время страдалъ: я или онъ.

Нина Александровна.

Все-таки не мѣшало ему быть деликатнѣе и не доводить тебя до обморока. Ты разстроилась и не спала всю ночь, бѣдная моя Лена!

Елена.

Я привыкла не спать по ночамъ, а по утру—я сама не знаю зачѣмъ—я все слушала, не будетъ ли звонка въ передней. Меня сначала удивило, а потомъ испугало, что онъ совсѣмъ не явился домой. Ахъ, какъ онъ меня любитъ, какъ сильны страсти у этихъ простыхъ людей!

Нина Александровна.

Тѣмъ лучше: значить, тебѣ только приласкать его немного, и онъ опять—твой покорный рабъ.

Елена.

Безъ сомнѣнiя, я объ этомъ и не безпокоюсь нисколько. Но у меня еще какъ-то не все ясно въ головѣ; мнѣ чего-то недостаать, не хватаетъ рѣшительности и что-то мѣшаетъ.

Нина Александровна.

Я была бы очень рада, Лена, еслибъ ты освободилась отъ дурныхъ влiянiй.

Елена.

Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много передумала и почувствовала въ эту ночь.

Нина Александровна.

Слушайся болѣе голоса сердца, Лена! Совѣсть, долгъ—не пус-

ты слова. Кто думаетъ ихъ заглушить въ себѣ, тотъ ни поко-
есть, ни счастливъ быть не можетъ.

ЕЛЕНА *(подумавъ)*.

Да, да, правда твоя. *(Входитъ Прохоръ изъ средней двери съ чемоданомъ)*. Андрей Гаврилычъ еще не бывалъ?

ПРОХОРЪ.

Никакъ нѣтъ-съ; они внизу, у Гаврилы Пантелѣича, тамъ в-
чай кушали.

ЕЛЕНА.

А когда же онъ домой прѣхалъ?

ПРОХОРЪ.

Да они вчера не поядно-съ; только прошли другимъ ходомъ:
не хотѣли звонить, чтобы васъ не беспокоить.

ЕЛЕНА.

Мама, мы ошиблись: онъ имѣетъ снисхожденіе къ женскимъ
нервамъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ихъ не скоро поймешь, мой другъ.

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же ты чемоданъ несешь?

ПРОХОРЪ.

Да хочу уладываться: на фабрику ѣдутъ — только позавтра-
кать. Сейчасъ приказали здѣсь у нихъ запуску накрывать..
(Уходитъ въ дверь налево).

ЕЛЕНА.

На фабрику... онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вѣроятно, отецъ посылаетъ; онъ самъ не знаетъ. Ну, теперь
твое волненіе кончилось. Ахъ, у меня тамъ кофе стынеть..
*(Уходитъ направо. Входитъ Андрей; на немъ теплый кафтанъ
съ меховой опушкой, подпоясанъ ремнемъ, въ русские высокіе
сапожки)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ЕЛЕНА И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Съ добрымъ утромъ-съ! *(Кланяется и почтительно цѣлуетъ
руку Елены)*.

ЕЛЕНА.

Гдѣ вы были?

АНДРЕЙ.

Гдѣ я былъ то-съ? А вамъ на что же? у тетенки былъ.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, гдѣ вы вчера были?

АНДРЕЙ.

Пріятеля встрѣтилъ, Сыромятова. У него и былъ съ. Да это ужь мое дѣло.

ЕЛЕНА.

Да, конечно, извините. Я совсѣмъ не то хотѣла спросить. Вы здоровы?

АНДРЕЙ.

Что-жь это вамъ вдругъ такая особенная печаль обо мнѣ пришла?

ЕЛЕНА (*строю*).

Отвѣчайте на вопросъ! Вы здоровы?

АНДРЕЙ.

Слава Богу-съ!

ЕЛЕНА.

Съ меня и довольно. Я желала знать о вашемъ здоровьѣ, потому что беспокоилась за васъ. Вы вчера были такъ разстроены..

АНДРЕЙ.

Это съ нами случается съ, пошумимъ... Такъ неужто съ этого хворать? Это ужь много будетъ!

ЕЛЕНА (*осматривая его*).

Что вы, въ маскарадъ собрались?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, на фабрику-съ. Извините, что въ такомъ видѣ! Теперь же до моды: надо за работу приниматься.

ЕЛЕНА.

Да ничего, это къ вамъ идетъ.

АНДРЕЙ.

Идетъ ли, неидетъ ли—ужь на это мы не смотримъ. Теперь время зимнее, у насъ на фабрикѣ и нѣмцы, и англичане въ такихъ тулупчикахъ ходять. Потому—бѣгать по корпусамъ то въ ткацкую, то въ лоботорію...

ЕЛЕНА.

Въ лабораторію...

АНДРЕЙ.

Такъ точно-съ. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и въ красильнѣ, промежду чанами, вертѣтся во фракѣ-то—оно не очень способно.

ЕЛЕНА.

И вы на долго ѣдете?

АНДРЕЙ.

Не знаю-съ. Мѣсяца три пробуду, а можетъ, и больше. Да что и въ Москвѣ-то дѣлать? какая тутъ радость особенная?

ЕЛЕНА.

Да, вотъ какъ!

АНДРЕЙ (*прислушиваясь*).

Кажется, наши идутъ-съ, ко мнѣ на закуску-съ. Такъ ужь вы меня не конфузьте! А какъ будто между нами ничего не было. Разъѣдемся съ миромъ: и на фабрику, вы—заграницу. (*Входятъ Сыромятовъ и Таня*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

АНДРЕЙ, ЕЛЕНА, СЫРОМЯТОВЪ И ТАНЯ.

АНДРЕЙ (*Елент*).

Это мой старый пріятель-съ...

СЫРОМЯТОВЪ.

Ужъ извините-съ. Сыромятовъ по фамиліи, Василій Ивановъ-съ.

АНДРЕЙ (*Елент*).

А это его сестра-съ, Татьяна Ивановна Сыромятова. (*Таня*). Супруга моя, Елена Васильевна.

ТАНЯ (*подавая руку Елент*).

Очень пріятно познакомиться.

СЫРОМЯТОВЪ.

Ну, ужь! гдѣ намъ знакомство такое? (*Елент*). Не важная-съ особа: за мучника выходить.

АНДРЕЙ.

Да капиталъ-то у этого мучника больно здоровъ; онъ всѣхъ насъ купить. (*Таня*). Видно, у васъ на фабрикѣ воздухъ очень здоровъ.

ТАНЯ.

Почему такъ?

АНДРЕЙ.

По красотѣ вашей сужу. Вы еще лучше прежнего стали, много превосходитѣ.

ТАНЯ.

Такъ мнѣ и надобно: вѣдь я—невѣста.

АНДРЕЙ (*Таня*).

А если я опять, по старому, начну вамъ свою любовь выражать, вашъ мужъ меня на дуэль не вызоветъ?

ТАНЯ.

Не знаю.

СЫРОМАТОВЪ.

Что за дуэль! У насъ такъ не водится. По нашему, полюбому—вотъ и все...

АНДРЕЙ.

Хорошее обыкновеніе у васъ, и другимъ перенять его не мѣшаетъ.

ТАНЯ.

Я-то поправилась, а вы-то на что похожи? Что вы, нездоровы были или что съ вами?

АНДРЕЙ.

Я ничего-съ, я здоровъ и всѣмъ доволенъ.

ТАНЯ (Еленѣ).

Ужъ вы, Елена Васильевна, берегите его, чтобъ онъ здоровый былъ, веселый—вотъ какъ я.

ЕЛЕНА.

Я очень-бы рада была, еслибъ онъ былъ здоровъ и веселъ.

ТАНЯ.

Любить его надо хорошенько, вотъ онъ и веселъ будетъ.

ЕЛЕНА.

Хорошо, я послѣдую вашему совѣту. А скажите, пожалуйста: у васъ тамъ, на фабрикѣ, я думаю, тоска невыносимая...

ТАНЯ.

Нѣтъ, отъ чего-же? У насъ знакомство большое, иностранцевъ много, англичанъ; у нихъ жены—такія музыкантши. Всѣ газеты получаемъ, журналы.

ЕЛЕНА.

Но вѣдь тамъ ничего достать нельзя. Вотъ, напримѣръ, приданое: неужели за всякою малостью въ Москву ѣздить?

ТАНЯ.

Кто и въ Москву ѣздитъ, далеко-ли тутъ? А мы мало зачѣмъ сюда ѣздимъ.

ЕЛЕНА.

Неужели тамъ покупаете?

ТАНЯ.

Нѣтъ, мы изъ Парижа выписываемъ. Отъ насъ туда постоянно ѣздить, рѣдкій мѣсяцъ оказіи не бываетъ; какъ что новое, сейчасъ и получаемъ. Мнѣ однѣхъ шляпокъ съ дюжиною привезли—любую надѣвай.

ЕЛЕНА.

Вотъ какъ! Вамъ позавидуешь.

АНДРЕЙ (Сыроматову и Танѣ).

Пожалуйте ко мнѣ, пожалуйста закусите!

ТАНЯ (Еленѣ).

А вы что-жъ?

ЕЛЕНА.

Я не хочу.

АНДРЕЙ.

Имъ еще рано, онъ только-что всталъ. *(Провождаетъ Сироматовъ въ дверь направо).* А вотъ и татенька съ маменькой! *(Входитъ Гаврила Пантелъвичъ и Настасья Петровна).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНДРЕЙ, ЕЛЕНА, ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪВИЧЪ И НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ.

Пожалуйте съ! Съ женой прощался-съ.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪВИЧЪ *(кланяясь).*

Нельзя-же. Честь честью.

АНДРЕЙ.

Вѣдь кто знаетъ, скоро-ль увидимся.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, Елена Васильевна, здравствуйте!

АНДРЕЙ.

Пожалуйте, маменька.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЪВИЧЪ *(жестъ).*

Иди, иди! *(Гаврила Пантелъвичъ, Настасья Петровна и Андрей уходятъ въ дверь направо. Входитъ Нина Александровна).*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ЕЛЕНА И НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

ЕЛЕНА.

Маменька, что-жь это такое?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что, что?

ЕЛЕНА.

Онъ меня совсѣмъ знать не хочетъ! Онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Тебѣ такъ показалось, Лена.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ. Онъ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжаетъ на фабрику и

объявляеть мнѣ объ этомъ совершенно равнодушно, какъ по-сторонней женщиѣ. Гдѣ-жъ его обожаніе?

Нина Александровна.

А ты давеча говорила, что онъ тебя очень любить...

Елена.

А вы давеча говорили, что стоить только приласкать его немножко.

Нина Александровна.

Кто-жъ ихъ разбереть? Мы обѣ ошиблись!

Елена.

Ни малѣйшей даже теплоты, ни малѣйшаго участія ко мнѣ.

Нина Александровна.

Да на чтѣ тебѣ его участіе? Слава Богу, что не сердится, изъ себя не выходитъ. Онъ увѣжастъ на фабрику—ну, и Богъ съ ними! Ты сама желала свободы.

Елена.

Конечно, свобода для женщины—дѣло дорогое; но чтѣ же онъ думаетъ обо мнѣ? Я не могу допускать, чтобъ меня подозрѣвали въ чемъ-нибудь дурномъ. Развѣ легко сносить презрительное обращеніе? Да и отъ кого-же еще? Отъ человѣка, котораго я считала гораздо ниже себя... Чтѣ за преступленіе я сдѣлала? Если я нѣсколько виновата, такъ и онъ не правъ; въ немъ нѣтъ ни ласкосты, ни хорошихъ манеръ... Я не обнаруживаю большой любви къ нему; но я не могу... и все-таки онъ не имѣетъ права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтобъ онъ простился со мной, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, почтительно, нѣжно...

Нина Александровна.

Все это ты ему скажи, Лена.

Елена.

Ахъ, мама, могу-ли я? Я вся разбита, я теряю голову, умъ... Я не могу управлять, владѣть собой. Поговори, мама, ты съ ними!

Нина Александровна.

Хорошо, поговорю. Но какъ я его увижу? У него теперь гости.

Елена.

Вѣроятно, онъ выйдетъ; придетъ-же онъ хоть поклониться намъ.

Нина Александровна.

Да, конечно. Пойдемъ, отдохни, успокойся. Ты не спала, вотъ и разстроилась! (*Уходятъ направо. Входятъ Андрей и Прозора*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

АНДРЕЙ, ПРОХОРЪ, ПОТОМЪ АГИШИНЪ.

АНДРЕЙ.

Какой тамъ дуракъ накрывалъ? Шампанскаго нѣтъ. Скажи, чтобъ подали бутылки двѣ, три. Нешто проводы безъ шампанскаго бывають?

ПРОХОРЪ.

Слушаю съ. *(Идетъ къ двери и встрѣчается съ Амшинымъ. Андрей идетъ къ двери нальсо; но, увидавъ Амшина, останавливается у двери).*

АГИШИНЪ *(не видя Андрея).*

Его дама?

ПРОХОРЪ.

Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч!

АГИШИНЪ.

А!... Онъ дома?

ПРОХОРЪ.

Дома съ, да и родители его здѣсь.

АГИШИНЪ.

Семейная картина! Ну, такъ я послѣ зайду. Ты не говори, что я былъ.

АНДРЕЙ *(подходитъ къ Амшину и беретъ его за руку).*

Нѣтъ, что-жь, куда-же бѣжать? Ужь это вачѣмъ-же?

АГИШИНЪ.

Новый способъ имѣть гостей! Тащить ихъ силой, за ворота! Но я, другъ мой, зашелъ многоходомъ... мнѣ очень нужно тутъ, недалеко, но одному дѣлу...

АНДРЕЙ.

Ну, да полно городить-то! Сюда шелъ; здѣсь твои всѣ и мысли и все—здѣсь и ждутъ тебя. А меня и сунуло тебѣ на встрѣчу. Ну, да ничего, я сейчасъ ѣду на фабрику.

АГИШИНЪ.

Ты говоришь какукъ-то дичь! И вообще я замѣчаю 'съ нѣкоторыхъ норъ, что ты ко мнѣ страшно относишься. Ты что-нибудь имѣешь противъ меня? Если мы съ тобой не объяснимся и если мы не станемъ по старому пріятельми, то я долженъ буду разсѣяться съ тобой на всегда, какъ мнѣ ни пріятно знакомство съ вашимъ домомъ.

АНДРЕЙ.

«Что-то» да «как-то»—это все канитель! Ну, какого еще чорта! А по нашему—на чистоту! Коли заговорили, такъ давай договаривать. Ты думаешь, я вашихъ штукъ не вижу? А если вы хотѣли меня дурачить, такъ ошиблись!..

АГИШИНЪ.

Но я не понимаю.. я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...

АНДРЕЙ.

Полно, Николай Егорычъ, полно! Что тѣнь-то наводитъ—дѣло ясное. На дуэли мы съ тобой драться не будемъ: коли дѣло плохо, ты его стрѣльбой не поправишь; сколько ни пали, а черное бѣлымъ не сдѣлать! А если у васъ дальше пойдетъ и шапки свои ты не оставишь, такъ, пожалуй, ноги я тебѣ переломлю; за это я не ручаюсь, отъ меня станется. Вотъ теперь разговаривай съ женой. Прохоръ, доложи Еленѣ Васильевнѣ, что господинъ Агишинъ желаетъ ихъ видѣть. (*Прохоръ уходитъ въ дверь направо*). А со мною говорить больше не объ чемъ: я все сказалъ, что тебѣ знать нужно. (*Уходитъ въ дверь направо*).

АГИШИНЪ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть дѣло съ этими дикими. Какой дурацкѣй апломбъ! Какая увѣренность въ своихъ супружескихъ правахъ! То-ли дѣло—развитые, современные мужья! Они какъ-будто конфузятся, стыдятся своего привилегированнаго положенія и ужъ нисколько не вѣрятъ въ неприкосновенность своихъ правъ. Порядочный мужъ, коли замѣтитъ что-нибудь такое, онъ сейчасъ устранить себя... Какъ-нибудь да устранить... ну, тамъ застрѣлится, что-ли... А этотъ говорить: «ноги переломлю»... Да онъ и сдѣлаетъ... Вотъ такъ и гляди теперь по всѣмъ сторонамъ, такъ и поглядывай. (*Входятъ Елена и Прохоръ, который проходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

АГИШИНЪ, ЕЛЕНА, ПОТОМЪ НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

ЕЛЕНА.

А, Николай Егорычъ! какъ кстати! я васъ ждала. Ну, что-же, мы ѣдемъ за-границу? Вы обдумали, рѣшили, готовы?

АГИШИНЪ (*оглядываясь*).

Что вамъ угодно? Что вамъ угодно? (*Тихо*). Да, я готовъ.

ЕЛЕНА.

Ну, такъ пойдете и объявимъ объ этомъ открыто мужу. Надо

же его, бѣднаго, развязать и дать ему право совѣмъ освободиться отъ меня.

Агишинъ (*умбаясь*).

«Бѣдному!» А вы, кажется, начинаете чувствовать нѣжность къ вашему мужу?

Елена.

Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы, говорите: готовы?

Агишинъ.

Что вы меня такъ строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какія у васъ средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена.

У меня семьдесятъ пять тысячъ... то есть, нѣтъ, меньше: мама, по своей добротѣ, роздала въ займы больше половины своимъ знакомымъ, съ которыхъ никогда не получишь.

Агишинъ.

Такъ вѣдь это нищенство! Васъ замучаетъ только одно сожалѣніе о покинутой роскоши, о кружевахъ, о бархатѣ. Ужъ до любви ли тутъ! Вотъ еслибъ вы успѣли въ этотъ мѣсяцъ, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состояніемъ тысячъ въ триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно и счастливо, какъ душѣ угодно.

Елена.

Значить, по вашему, чтобы быть счастливымъ, надо прежде ограбить когонибудь?

Агишинъ.

Ну, да какъ хотите, рассуждайте; а вы сдѣлали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить—характера не хватило. Вотъ плоды сентиментальнаго воспитанія.

Елена.

Да, то есть, умъ-то вы успѣли во мнѣ развратить, а волю-то не умѣли—вотъ вы о чемъ жалѣете! Помѣшали вамъ мои хорошіе природные инстинкты. А я этому очень рада...

Агишинъ.

Такъ объ чемъ же намъ еще разговаривать, madame Бѣлугина?

Елена.

Да я и не желаю съ вами разговаривать никогда и ни о чемъ, monsieur Агишинъ.

Агишинъ.

И прекрасно. Желаю вамъ всякаго благополучія. (*Входитъ Нина Александровна. Агишинъ раскланивается и уходитъ*).

Елена.

Мама, я прогнала Агишина.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Миѣ онъ давно не нравился, я только боялась сказать тебѣ. (*Андрей выходитъ изъ двери*).

ЕЛЕНА.

Сдѣлай же то, о чемъ я тебя просила: поговори съ нимъ. (*Уходитъ въ дверь направо. Андрей выходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Гдѣ же Агшинъ?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лена его прогнала.

АНДРЕЙ.

Что же такъ-съ: чѣмъ не кавалеръ? За что же гнать хорошаго человека? А я было, признаться, хотѣлъ ему стаканъ шампанскаго предложить.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Андрей Гаврилыч!

АНДРЕЙ.

Что прикажете?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я съ вами хочу поговорить о Ленѣ...

АНДРЕЙ.

Насчетъ чего съ?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы обижаете жену.

АНДРЕЙ.

Помилуйте, что вы! могу ли я?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы ее вините...

АНДРЕЙ.

Въ чемъ это? и не думай-съ!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

А вы сами неправы...

АНДРЕЙ.

Чѣмъ же съ?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Знаете, въ васъ нѣтъ этого «чего-то»...

АНДРЕЙ.

Да чего—чего-то?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вот этого, что нравится женщинамъ, что поворочеть ихъ. Ахъ, въ васъ совсѣмъ нѣтъ...

АНДРЕЙ.

Да ужъ сколько не ахайте: коли нѣтъ, такъ гдѣ же мнѣ взять?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Еслибы вы были нѣсколько образованнѣе...

АНДРЕЙ.

Да Богъ съ вами! Когда мнѣ теперь для васъ образовываться! до того ли мнѣ? у меня фабрика остановилась! Нѣтъ, это пустой разговоръ-съ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Она, конечно, чувствуетъ и сама, что несовсѣмъ права передъ вами...

АНДРЕЙ.

Да-съ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Она дѣйствительно доставила вамъ много огорченій...

АНДРЕЙ.

Ну, такъ что же-съ? Пусть и покается!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, развѣ вы не знаете, какъ всякой женщинѣ трудно сознаться передъ мужчиной въ своей винѣ? А тѣмъ болѣе моей Лейбъ, потому что она не знаетъ, не увѣрена, какъ будутъ ея слова приняты вами: достаточно ли вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унижительной для нея?

АНДРЕЙ.

Такъ кому-жъ нужно: нешто кто ихъ заставляетъ?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, ей самой нужно. Она не хочетъ, чтобы у васъ осталось неудовольствіе на нее; она не можетъ быть покойна, ей будетъ больно, очень больно.

АНДРЕЙ.

Стало быть, я же виноватъ. Этого никакъ понять невозможно, да и не до того мнѣ теперь: серьезныя дѣла въ головѣ. Чего же имъ нужно еще отъ меня?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, очень просто! Чтобы вы не сердцались на нее, не жаловались; чтобы вы пощадили ее: у ней натура нѣжная, деликатная—она вся въ меня.

АНДРЕЙ.

Все же это не дѣло и не въ порядкѣ-съ. Между мужень и женой—какіе посредники! Ваши слова для меня—ровно ничего-съ: можетъ, она совсѣмъ и не думаетъ того, что вы говорите; а одна только это ваша фантазія. Нешто такія дѣла черезъ пословъ дѣлаются? Да ужъ если вамъ это очень нужно, такъ скажите, что я ихъ прощаю, прощаю—вотъ и все!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ, неужели только?

АНДРЕЙ.

Вотъ еще-съ. (*Подаетъ записку*). Онѣ хотять ѣхать за границу, такъ, чтобъ своихъ денегъ не тратили: по этой запискѣ имъ выдадутъ изъ конторы сколько нужно, на расходы. Здѣсь обозначено-съ. Вотъ теперь все-съ. Я сейчасъ уѣзжаю на фабрику мѣсяца на три; видѣться намъ не зачѣмъ-съ: дальніе проводы—лишнія слезы. Да и не встаетъ: меня старики провожаютъ, такъ пристойно ли имъ будетъ глядѣть на насъ? Зачѣмъ прощайте. (*Уходитъ. Входитъ Елена*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Ну, что онъ, что?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (*со слезами*).

Ахъ, Лена, ахъ, Лена!

ЕЛЕНА.

Что съ тобой, мама?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ ужасный человѣкъ, онъ не желаетъ тебя видѣть! Я это предчувствовала, предчувствовала...

ЕЛЕНА.

Да что? говори, мама!

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ возьми! (*Подаетъ записку*). Онъ даетъ тебѣ денегъ на поѣздку за границу.

ЕЛЕНА.

Да что онъ говорить-то?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена, онъ велѣлъ сказать, что прощаетъ тебя.

ЕЛЕНА.

«Прощаетъ»!.. Какъ, что ты говоришь, мама?

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

«Да скажете ей, что я ее прощаю». И видѣться съ тобою не
хочеть.

ЕЛЕНА.

Онъ меня прощаетъ! Скажите! Да онъ мужикъ, невѣжда! Я
въ себя придти не могу.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена, какъ трудно говорить съ нимъ! Точно тяжесть ка-
кую поворачиваешь. У меня отъ него мигрень расходилась.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, я не могу... я не могу стерпѣть такой обиды. Я должна
ему высказать.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Но что же, что, Лена?

ЕЛЕНА.

А то, что онъ, при своемъ ничтожествѣ, не смѣетъ такъ пре-
зрительно относиться къ людямъ, которые...

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Оставь, Лена!..

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ! позови его, мама, сейчасъ позови!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (съ дѣрзкимъ видомъ).

Андрей Гаврилычъ, подите сюда: Лена васъ просить! (Входитъ
Андрей).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ЕЛЕНА и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Что за дѣла-съ?

ЕЛЕНА.

Кто же вамъ далъ право такъ третировать меня?

АНДРЕЙ.

Что такое-съ? И не слыживалъ такихъ словъ.

ЕЛЕНА (со слезами).

Вы меня прощаете? Какую-же вину вы мнѣ прощаете? Что
вы думаете обо мнѣ?

АНДРЕЙ.

А не виноваты, такъ объ чемъ толковать?

ЕЛЕНА.

Но гдѣ вы меня оскорбили! Какъ вы смѣли такъ грубо
обойтись со мной?

Значить, смѣлъ-сь.

АНДРЕЙ.

Да по какому праву?

ЕЛЕНА.

Потому—мужъ съ.

АНДРЕЙ.

Значить, мужъ имѣеть право и напрасно обижать жену?

ЕЛЕНА.

АНДРЕЙ.

А хоть и напрасно, да, ежели любя, такъ бѣда не велика: не въ судъ на мужа идти!

ЕЛЕНА *(со слезами)*.

Но что-жь, по вашему, должна дѣлать жена, если ее напрасно обидать?

АНДРЕЙ.

Да разное бываетъ съ: дурныя, да злыя сердятся, да бранятся.

ЕЛЕНА.

А хорошия, честныя?

АНДРЕЙ.

Сами догадайтесь...

ЕЛЕНА *(сдѣлавъ движение)*.

Неужели-же?..

АНДРЕЙ.

Не знаю съ...

ЕЛЕНА *(бросаясь ему на шею)*.

Такъ, что-ли?..

АНДРЕЙ *(отирая слезы)*.

Само собой, что такъ-то лучше.

ЕЛЕНА *(прилекая къ нему)*.

Да, хорошо мнѣ здѣсь, хорошо!

АНДРЕЙ.

Давно бы вамъ-съ!

ЕЛЕНА.

Но зачѣмъ-же ты такъ грубо обходишься со мной?

АНДРЕЙ.

Я-то грубо? Да я нынче разъ десять заплакать собирался, только удерживался, притворялся...

ЕЛЕНА.

Развѣ ты притворялся?

АНДРЕЙ.

Да-съ. Эта мысль мнѣ вчера въ голову пришла. Думал себѣ: пробовать и ласками, и слезами—не выходитъ; дай, я свой форсъ на себя возьму. Вотъ и вышло.

ЕЛЕНА.

Маменька, мы опять въ немъ ошиблись.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Лена! я въ себя не могу придти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

ЕЛЕНА.

Маменька, какъ этотъ форсъ къ нему идетъ! какая энергия. Теперь онъ настоящій мужчина!

АНДРЕЙ.

Да я и всегда такой, только передъ вами мокрой курицей былъ, потому—очень обожалъ! А теперь я по другому буду: вотъ какъ-съ! *(Обнимаетъ Елену и цылуетъ. Входятъ Гаврило Павтевичъ, Настасья Петровна, Сыромятовъ и Таня.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ЕЛЕНА, АНДРЕЙ, ГАВРИЛО ПАНТЕВИЧЪ, НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА, СЫРОМЯТОВЪ И ТАНЯ.

АНДРЕЙ *(не выпуская Елены)*.

Ужъ извините-сь, съ женой заигрался. Плачетъ, на фабрику со мной просится. *(Елена)*. Такъ, что ли, говори!

ЕЛЕНА *(потупясь)*.

Такъ.

АНДРЕЙ.

Говорить, что ты тамъ одинъ, бобылемъ будешь жить! Не уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. *(Елена)*. Такъ что ли?

ЕЛЕНА.

Да, хорошо, такъ, такъ.

АНДРЕЙ.

И въ гости, и прокатиться все-таки съ хорошенькою женою лучше. *(Елена)*. Такъ вѣдь?

ЕЛЕНА.

Такъ, такъ.

АНДРЕЙ.

Тамъ всё, говорятъ, съ женами; что-жь тебѣ на чужое счастье смотреть? еще что-нибудь въ голову придетъ...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, ужъ я этого не говорила.

АНДРЕЙ.

Такъ взять, что ли?

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Бери, Андрюша, бери!

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Молчи! забыла, что тебѣ сказано!

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Молчу, батюшка, молчу!

АНДРЕЙ.

Ужь, видно, взять...

СЫРОМЯТОВЪ.

Вотъ и чудесно. Семейное отдѣленіе займемъ, шампанскаго прихватимъ, чтобъ веселѣй ѣхать было!..

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Поѣзжай, Лена! А я сберусь, да завтра же къ вамъ приѣду.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Батюшка Гаврила Пантелѣвичъ, плавать-то можно?

ГАВРИЛА ПАНТЕЛѢВИЧЪ.

Плачь себѣ на здорье!

ТАНЯ (*Елент*).

Это очень пріятно, что вы къ намъ ѣдете.

ЕЛЕНА.

Я у васъ всѣ шляпки пересмотрю; я и себѣ изъ Парижа выписывать буду.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

Да какъ же вамъ тамъ жить-то будетъ? Вѣдь у насъ въ домѣ двухъ половинъ нѣту...

ЕЛЕНА.

Ахъ, не беспокойтесь, и ненужно совсѣмъ!

АНДРЕЙ.

Ну, ужъ я для пріѣзда такой балъ задамъ, что въ Москвѣ нашу музыку слышно будетъ!..

Знается.

Н. Соловьевъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ).

Да не подумаетъ читатель, чтобы въ статьѣ моей онъ нашелъ полную и всестороннюю характеристику Николая Алексѣевича Некрасова, и какъ поэта, и какъ журналиста, и какъ человѣка. Представить такую характеристику—иными словами значило бы произнести полный судъ надъ умершимъ литературнымъ дѣятелемъ. Но не говоря уже о томъ, что въ виду только что закрывшейся могилы, подобный судъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ, въ журналѣ, находившемся подъ его завѣдываніемъ, онъ и невозможенъ, по недостатку какъ исторической перспективы, такъ и историческихъ данныхъ. Для такой полной характеристики необходимо, чтобы были изданы массы писемъ, воспоминаній, записокъ и всевозможныхъ документовъ, по которымъ можно было бы судить о разнообразныхъ отношеніяхъ покойнаго къ массѣ людей всевозможныхъ слоевъ общества и лагерей въ теченіи сорока-лѣтней литературной дѣятельности его. При такихъ условіяхъ понятно, что не только полная характеристика, но и мало-мальски обстоятельная біографія Н. А. Некрасова возможна будетъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ двадцать или тридцать.

Цѣль моей статьи предполагается гораздо болѣе специальная. Я намѣренъ представить характеристику лишь одной поэтической дѣятельности Н. А. Некрасова, значенія его стихотвореній, какъ въ настоящее время, такъ и по отношенію къ прошлому нашей литературы. Біографическія данныя, которыя у меня подъ рукою и которыя будутъ представлены ниже, какъ ни скудны они сами по себѣ для полной и всесторонней характеристики личности Н. А. Некрасова, будутъ для насъ вполне достаточны, если они познакомятъ насъ, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ жизни сложился талантъ Некрасова и въ какую сторону они направили его.

Съ перваго, поверхностнаго взгляда, поэзія Некрасова представляеть въ себѣ не мало загадочнаго, можетъ показаться даже стоящею въ вопиющемъ противорѣчій съ тѣми элементарными данными, какія выработаны относительно соотвѣтствія общихъ условій жизни поэта и характера его поэзіи. Дѣтство и юность Н. А. Некрасова мало кому извѣстны, но за то всѣ отлично знаютъ, что въ продолженіи послѣднихъ 30 лѣтъ Н. А. Некрасовъ пользовался полнымъ обезпеченіемъ и комфортомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что по происхожденію принадлежалъ онъ къ дворянскому классу. Сооставляя эти два факта, слѣдовало бы ожидать, что стихотворенія Н. А. Некрасова должны были бы принадлежать къ той художественно-созерцательной школѣ поэзіи, которая развилаь именно на этой самой почвѣ дворянскаго комфорта.

Нужно ли повторять въ сотый разъ, что отсутствіе въ личной жизни всякихъ гнетущихъ насущныхъ вопросовъ и мелочныхъ дряблѣ, отдаленность той скорбной среды, гдѣ эти вопросы и дряблѣ составляютъ всю суть существованія, изящный декорумъ, неизмѣнно окружающій человѣка съ младенчества и до могилы, легкость исполненія всякихъ желаній и прихотей— все это вмѣстѣ весьма естественно исполняетъ духъ человѣка эллинискимъ ликованіемъ и благодушіемъ, при которыхъ развивается наклонность видѣть въ поэзіи исключительно эстетическое наслажденіе созерцанія божественныхъ сферъ такъ называемаго «прекраснаго». Такова поэзія А. Толстаго, А. Майкова, Тютчева, Фета и проч. Казалось бы, что и муза Некрасова, выросшая на той же почвѣ, должна была бы принадлежать къ той же школѣ чистаго искусства. Между тѣмъ, поэзія Некрасова представляеть изъ себя нѣчто диаметрально противоположное. Если бы вы начали читать стихотворенія Некрасова, не имѣя главнѣйшихъ свѣдѣній о его жизни, вы подумали бы, что онъ вышелъ изъ народа или, по крайней мѣрѣ, очень близко стоялъ къ народной средѣ и что въ тоже время это былъ человѣкъ, котораго жизнь весьма не баловала. Въ самомъ дѣлѣ: какимъ бы образомъ человѣкъ, прожившій всю жизнь въ нѣгѣ и холѣ, могъ бы такъ чутко постигать всю суть необъятныхъ народныхъ страданій и скудныхъ народныхъ радостей, какъ постигалъ ихъ Некрасовъ? Какъ могъ бы человѣкъ, получившій эlegantное, салонное воспитаніе, писать такимъ богатымъ, образнымъ, и въ тоже время простымъ, чисто-народнымъ языкомъ, какимъ написано большинство его произведеній. А главное дѣло — какъ бы могъ счастливый человѣкъ налить въ своихъ произведеніяхъ такую массу скорби— скорби, потрясающей васъ до глубины души

во многихъ наиболѣ лирическихъ его произведеніяхъ? Въ нашей лирикѣ вообще не мало налето всякаго рода скорби. Возьмите вы, напримеръ, Полежаева. Всѣмъ извѣстно, что это былъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ русскихъ поэтовъ, что жизнь его въ самой цвѣтущей юности была разбита самымъ безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, и естественно, что всѣ стихотворенія его проникнуты мрачнымъ и безотраднымъ отчаяніемъ. Но какъ ни много скорби выражается въ стихотвореніяхъ Полежаева, ни одно не способно заволновать, потрясти вашу душу въ такой степени, какъ многія стихотворенія Некрасова. Конечно, большую роль играетъ здѣсь разница въ силѣ таланта. Но одна эта разница еще ничего не объясняетъ. Все-таки остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему же именно сила была употреблена такъ, а не иначе? Что заставило Некрасова свою большую силу употребить на выраженіе никакихъ иныхъ чувствъ, какъ именно на выраженіе скорби, подобно Полежаеву, поэту, о правахъ котораго на подобную же трату своего маленькаго таланта не можетъ быть никакихъ сомнѣній?

Подобныя кажущіяся противорѣчія между жизнію Н. А. Некрасова и характеромъ его стихотвореній обращали на себя вниманіе весьма многихъ, и не разъ прорывались въ литературѣ замечанія и даже прямыя указанія на нихъ. Составилось даже ходячее мнѣніе, за которое особенно крѣпко держались литературные враги покойнаго поэта, что будто Н. А. Некрасовъ искусственно настраивалъ себя на гражданскую скорбь, подъ вліяніемъ разныхъ модныхъ идей, и что поэтому вся эта скорбь дѣланная, напускная. Но противъ подобнаго злостнаго предразсудка лучшимъ опроверженіемъ представляются самыя стихотворенія Н. А. Некрасова и то неотразимое дѣйствіе, которое производятъ они на каждого читателя, мало-мальски свѣжаго и незараженнаго никакими предвзятыми предубѣжденіями. Извѣстное дѣло, что какъ бы ни былъ великъ талантъ и какииъ бы искусствомъ ни обладалъ онъ по части поддѣлыванья къ чужимъ чувствамъ, онъ никогда не будетъ способенъ всецѣло овладѣть душою читателя, если въ самомъ сердцѣ писателя не найдется никакихъ струнъ, соответствующихъ выражаемому чувству. Самое большее, что ему можетъ удаться, это съ точною вѣрностью передать внѣшній, такъ сказать, обликъ чувства, дать вамъ объективное представленіе о способахъ и мотивахъ его выраженія; но между подобнымъ объективнымъ представленіемъ и личнымъ проникновеніемъ даннымъ чувствомъ лежитъ непроходимая пропасть.

Что бы вы ни говорили о возможности имѣть такіе вос-

примчивые нервы, которые могли бы мгновенно отзываться на какія угодно чувства, совершенно независимо от субъективной настроенности поэта, вы не убьдете въ томъ, чтобы субъективная настроенность не играла здѣсь никакой роли, чтобы поэтъ могъ уподобиться музыкальному инструменту, способному безразлично извлекать какіе угодно звуки. Не говоря уже о томъ, что самая эта нервная воспримчивость можетъ или притупляться, или, напротивъ того, обостряться подъ вліяніемъ личныя условія жизни поэта, но и оставаясь тою же самою, она непремѣнно, подвергаясь вліянію этихъ условій, должна направляться въ ту или другую сторону.

Чтобы разрѣшить эти мнимыя противорѣчія, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ жизни Н. А. Некрасова. Они тотчасъ же покажутъ намъ, откуда взялись скорбные звуки некрасовской музы. Въ томъ то и дѣло, что подъ наружнымъ видомъ счастливецъ, которому многіе завидовали, въ лицѣ Н. А. Некрасова таился человекъ, испытавшій много тяжелыхъ минутъ въ своей жизни. Это обстоятельство именно и дѣлало его столь чуткимъ въ народную горю, по пословицѣ, «сердце сердцу вѣсть подаетъ»; оно-то, конечно, и было причиною, что музы ласково войдущей и прекрасной не поминилъ надъ собой онъ гѣсны сладкогласной, и что напротивъ того рано надъ нимъ

. отяготѣли уны
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдъ и вѣковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ ..

Отецъ Н. А. Некрасова, Алексѣй Сергѣевичъ, былъ помѣщикъ средней руки, армейскій офицеръ, не блестящій, какъ видно, особеннымъ образованіемъ, судя по слѣдующимъ стихамъ изъ поэмы «Мать»:

Безспорно онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣть ли онъ ими подписать?

Большую часть своей службы онъ состоялъ въ гражданскихъ должностяхъ, то при какомъ-нибудь полку, то при какомъ-нибудь генералѣ. Эти адъютантскія должности соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ—въ Херсонской Губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и влюбился въ старшую дочь его

Александрѣ Андреевнѣ, которая и съ своей стороны отвѣчала склонности молодого русскаго офицера. Но о согласіи родителей, игравшихъ въ Варшавѣ видную роль, нечего было и думать. Что могло быть общаго между бѣднымъ, едва грамотнымъ армейскимъ офицеромъ и дочерью знатнаго польскаго богача, получившей высшанное образованіе, красавицы, окруженной поклонниками, по богатству и знатности не уступавшими ей родителямъ? Тогда, не долго думая, Алексѣй Сергѣевичъ увезъ свою возлюбленную прямо съ бала и обвѣнчался съ нею по дорогѣ въ свой полкъ. Разгѣванный тесть отвергъ свою дочь и не выдалъ ей капитала, назначеннаго ей въ приданое. И вотъ жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панни съ перваго же дня потянулась среди всякаго рода лишеній и дрягъ походной армейской жизни. Пространствовавъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской Губерніи и уѣзда, въ селцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, на знаменитой владимірской дорогѣ.

Въ опроверженіе тѣхъ ложныхъ слуховъ, какіе ходятъ на Руси объ обширныхъ будте бы наследственныхъ владѣніяхъ Н. А. Некрасова, считаю нелишнимъ сообщить объ этомъ предметѣ свѣдѣнія, переданныя мнѣ сестрою покойнаго поэта, Анною Алексѣевною Буткевичъ. «Сельцо Грешнево, сообщаетъ она:—начинавшееся и оканчивавшееся столбами съ надписью столько-то душъ, принадлежавшихъ гг. Некрасовымъ, составляла только небольшую часть родовыхъ нашихъ помѣстій, находившихся кромѣ Ярославской, еще въ Рязанской, Орловской и Симбирской губерніяхъ. Въ одно время, довольно отдаленное, все имѣніе представляло въ цѣломъ нѣсколько тысячъ душъ. Изъ нихъ прадѣдъ нашъ (воевода) проигралъ половину; дѣдъ нашъ, штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ, проигралъ вторую; отцу нашему проигрывать было нечего, а въ карты играть онъ тоже любилъ. Къ выходу его въ отставку, по случаю раздѣла имѣнія съ братьями, на всѣхъ т. е. трехъ братьевъ и двухъ сестеръ оставалось 400 душъ».

Изъ этого сообщенія мы можемъ заключить, что имѣніе родителей Н. А. Некрасова едва ли превышало 100 душъ. Между тѣмъ, семейство Алексѣя Сергѣевича было весьма многочисленно: всего было 13 братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ въ живыхъ остались въ настоящее время лишь два брата Н. А. Некрасова, Константинъ и Федоръ Алексѣевичи и одна сестра, Анна Алексѣевна. Алексѣй Сергѣевичъ, повидимому, не отличался скопидомствомъ, жизнь велъ разгульную, страстно любя охоту и карты; кромѣ того, велъ какія-то тяжбы по имѣнію, что еще болѣе

разстраивало благосостояніе семьи и послѣдняя становилась не рѣдко въ затруднительное положеніе. Соображая все это, мы можемъ заключить, что если на долю Н. А. Некрасова и досталось кое-что родовое, то это могли быть лишь жалкія крохи.

× «Сельцо Грешнево, сообщаетъ далѣе сестра покойнаго поэта:— стоитъ на нивовой ярославско-костромской дорогѣ. Трактъ этотъ назывался Владимірскимъ и Симбирскимъ. Барскій домъ выходилъ на самую дорогу, и все, что по ней ѣхало и было видно, начиная съ почтовыхъ троекъ и кончая арестантами, закованными въ цѣпи въ сопровожденіи конвойныхъ, было постоянной пищей нашего дѣтскаго любопытства. Во всемъ остальномъ Грешневская усадьба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго типа тогдашнихъ помѣщичьихъ усадебъ. Мѣстность ровная, плоская, перерѣзываемая извилистою рѣчкою Самаркою. Передъ нею пастбища, луга, нивы, а позади безконечныя дремучіе лѣса, сливающіеся съ горизонтомъ. Невдалекѣ Волга.

«Въ самой усадьбѣ болѣе всего замѣчательнъ старыи обширный садъ, обнесенный рѣшетчатымъ заборомъ, остатки котораго сохранились донинѣ. Ничего остальнаго нѣтъ и слѣда. Гдѣ стоялъ обширный домъ, тамъ теперь скромное зданіе съ надписью: «Распивоchno и на выносъ»—и ничего больше. Самый трактъ, по случаю сильныхъ весеннихъ разливовъ, давно упраздненъ: почтовая гоньба идетъ теперь по другому, высокому берегу Волги, гдѣ въ старое время почта ѣздила только весной, по случаю бездорожицъ. Куда какъ глухо тамъ теперь стало. Не вѣрится, что 20 верстъ до Ярославля и 40 до Костромы».

Николай Алексѣевичъ родился во время еще походной жизни отца, въ 1821 году 22 ноября, въ Подольской Губерніи въ Винницкомъ Уѣздѣ, въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя. По крайней мѣрѣ, въ памяти его живо сохранился со всѣми подробностями эпизодъ вступленія въ наслѣдственный пріютъ, между тѣмъ, какъ ему было тогда всего три года. «Я помню, рассказывалъ онъ впоследствии матери:—какъ мы подѣхали къ дому, какъ меня взяли на руки; кто-то свѣтилъ, идя впереди, и внесли въ комнату, въ которой былъ на половину снятъ полъ и видѣлись земля и поперечины. Въ слѣдующей комнатѣ я увидалъ двухъ старушекъ, сидѣвшихъ передъ нагорѣвшей свѣчей, другъ противъ друга, за большимъ столомъ (это были бабушка и тетка Алексѣя Сергѣевича). Онѣ вязали чулки и обѣ были въ очкахъ». Хорошая память всю жизнь составляла одно изъ главныхъ качествъ ума Н. А. Некрасова.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой, такъ

рано пробудившейся памяти. Помѣщицья жизнь обернулась къ мальчику (не тѣми вѣжущими и усыпляющими сторонами, какими прославилась знаменитая «Обломовка», а, напротивъ того,) мрачными курлесовскими чертами, напрягающими и раздражающими нервы, преждевременно ожесточающими или запушывающими. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Я считаю не лишнимъ припомнить читателю эти стихотворенія, приводя изъ нихъ извлеченія. Такъ, лирическое стихотвореніе «Родина» всецѣло посвящено воспоминаніямъ дѣтства:

И вотъ они опять, знакомы мѣсть,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, бесплодна и пуста,
Темла среди пирровъ, бессмысленнаго члнства,
Разврата грязнаго и мелкаго гннства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ жнть послѣднихъ барскихъ посовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но ненависть въ душѣ лостыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ пощичкомъ и я;
Гдѣ отъ души моею, доврменно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...

Вотъ сѣрый старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщины, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ,
А встарь? Но помню я, здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце нило,
Я въ нилѣ убѣдалъ.

Нѣтъ! въ юности моею, мятежной и суровой,
Отрадаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему началу здѣсь, въ краю моемъ родимомъ..
И съ отвращеніемъ кругомъ кидалъ взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ снній боръ—
Въ томашій лѣтній зной защита и проклада—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликовацій
Глухой и вѣчный гудъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются еще въ болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ:

Рога трубать ретиво,
 Пугая ранний сонъ дѣтей,
 И воють псы нетерпѣливо...
 До солнца сѣли на коней —
 Ушли... Орды вооруженной
 Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ,
 И бѣдный домъ, какъ осажденный,
 Свободно переводитъ духъ.
 Мѣняя быстро постъ невольный
 На празднословье и вино,
 Спѣшаютъ забыться рабъ довольный.
 Чо есть одна: ей все равно!
 В. ея духъ свѣтлѣй не станеть,
 Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
 И сечь перерезанный не манить,
 И утро къ жилицѣ не зоветъ.
 Скорѣй затворница нѣмая,
 Рыданьемъ душу освѣди!
 Терпи любя, терпи чрощая,
 И лучшей участи не жди..

Осаду не надолго сняли...
 Вотъ вечеръ— снова роль трубить.
 Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
 Но мать остаться имъ велеть:
 Изъ взоръ унылъ, не вылетѣть лепеть...
 Опять содомъ, тревога, трепеть!
 А ночью свѣчи зажжены,
 Обычный ширъ кипитъ мятежно,
 И блѣдный мальчикъ у стѣны
 Прижавшись, слушаетъ прилежно
 И смотритъ жадно (узнаю
 Привичку дѣтскую мою)...
 Что слышать? пѣсни удалца
 Подъ топотъ пляски удалой;
 Гладить, какъ чаши круговня
 Пустѣють быстрой чередой;
 Какъ на лету куски хватаютъ
 И ротъ захлопываютъ пси,
 Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
 Большия дядины усы...
 Сидѣтся гости надъ ребенкомъ
 И чей-то голосъ говорить:
 «Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
 Какимъ-то травленнымъ волченкомъ?
 Поди сюда!» Блѣднѣетъ мать;
 Волченочъ смотреть и ни шагу.
 «Упрямство надо наказать —
 Поди сюда!» — Волченочъ тягу...
 «Ату его!» — Тяжелый сонъ!
 Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ —
 Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не излеченъ
 И никому не благодаренъ.

Для дополненія нерадостной картины, представьте вы себѣ, что тутъ же на глазахъ мальчуга плавала и увядала молодая, прекрасная женщина, угнетенная безобразіемъ всего этого содома, непригубтая и оскорбленная во всѣхъ своихъ самыхъ заветныхъ чувствахъ—и эта женщина была мать несчастнаго ребенка. Вышедшая изъ болѣе цивилизованной среды и получившая блестящее образованіе, она, конечно, была лучомъ свѣта среди того непрогляднаго мрака, какой окружалъ дѣтство Н. А. Некрасова. Вліяніе ея на дѣтей было, конечно, громадно и нужно ли прибавлять, что въ высшей степени благотворно. Недаромъ Н. А. Некрасовъ такъ часто вспоминалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ и постоянно относился къ ней съ страстнымъ благоговѣніемъ, какъ къ своему ангелу хранителю, которому онъ обязанъ въ себѣ всѣмъ святымъ и хорошимъ. Такъ, въ поэмѣ «Мать», специально посвященной ея воспѣванію, вотъ что свидѣтельствуетъ онъ о ея благотворномъ вліяніи на всѣхъ окружающихъ и на него въ томъ числѣ:

Душа твоя—она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупницъ
Въ величьи дѣлѣ, неудовинныхъ глазомъ
Я повялъ ихъ—я пагъ передъ ними ницъ,
Я ихъ мою (даруй мнѣ силы небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободнъ дать рабу.

Но лишній разъ не стало чувство страха
Его души—ты то дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣ къ небесамъ...
Бить можетъ, даръ бѣдѣ капли въ морѣ,
Но двадцать лѣтъ! Но тысячи сердецъ,
Чей идеалъ—убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ—наслѣдственные нравы
То покидалъ, то буино проявлялъ,
Но если онъ въ безуміи забави
Въ недоброй часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годнъ,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко страхнулъ съ годами
Съ души тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизньъ борьбой

[The main body of the page contains extremely faint and illegible text, appearing as a series of horizontal lines and scattered characters. The text is likely bleed-through from the reverse side of the page.]

влиять и властительно подѣйствовать на волю и на нѣны темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь...»

Въ дореформенной помѣщичьей жизни мы встрѣчаемъ многочисленныя примѣры, что дѣти, воспитавшіяся при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ воспитывался Н. А. Некрасовъ, въ первые же годы дѣтства получали стремленіе сближаться съ народомъ. Естественно, что ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общій гнетъ или общее горе. Отъ шума и содома грязныхъ оргій и дикихъ порывовъ необузданнаго гнѣва малютки убѣгали въ дѣвичьи, въ людскіе флигеля, а не то и въ деревню, если она была по близости отъ усадьбы. Тамъ они находили свои дѣтскія привязанности среди простаго люда, страдали за нихъ и съ ними, плакали и заступались за своихъ любимцевъ. Одинъ изъ сверстниковъ Н. А. Некрасова, еще болѣе знаменитый, чѣмъ онъ, и принесшій своему отечеству еще болѣе значительныя заслуги, провелъ свое дѣтство подъ такимъ же гнетомъ со стороны родительскаго деспотизма, и онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ этотъ гнетъ вліялъ на сближеніе его съ слугами. Тоже самое, безъ сомнѣнія, было и съ Н. А. Некрасовымъ, какъ мы уже отчасти видѣли въ одномъ изъ приведенныхъ нами стихотвореній:

Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,

Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце ныло.

Я къ плетъ убѣгалъ.

«За нашимъ садомъ, сообщаетъ объ этомъ предметѣ сестра покойнаго поэта:— непосредственно начинались крестьянскія избы. Я помню, что это сосѣдство было постояннымъ огорченіемъ для нашей матери: толпа ребятишекъ, нарочно избиравшая для своихъ игръ мѣсто возлѣ рѣшетки усадебнаго сада, какъ магнитъ притягивала туда брата, никакія преслѣдованія не помогали. Впослѣдствіи онъ продѣлалъ лазѣйку и при каждомъ удобномъ случаѣ вылѣзалъ къ нимъ въ деревню, принималъ участіе въ ихъ играхъ, которыя не рѣдко оканчивались общей дракой. Иногда, высмотрѣвъ, когда отецъ уходилъ въ мастерскую, гдѣ доморощенный столарь Баталинъ изготовлялъ незатѣйливую мебель, братъ зазывалъ къ себѣ своихъ пріятелей. Бѣловолосыя головы одна за другою пролѣзали въ садъ, разсыпались по аллеямъ и начинали безразличное опустошеніе отъ цвѣтовъ до зеленой смородины и пр.; слыша гамъ, старуха нянька, принаровнившаяся выживать «пострѣловъ», трусила съ другого конца сада, крича: «баринъ, баринъ идетъ». Спугнутые ребята бросались опретью къ своей лазѣйкѣ. Впослѣдствіи, когда братъ уже былъ въ гимназій и прѣзжалъ въ деревню на каникулы, сношенія с

пріателями возобовлялись: онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, бродилъ съ ними по дѣсамъ или отправлялся на рѣку удить рыбу. Еще поздиѣе, когда пріѣзжалъ уже изъ Петербурга (съ 1844 года), тѣ же пріатели возили его въ своихъ незатѣливыхъ экипажахъ на охоту».

Въ тоже самое время, какъ было уже говорено выше, передъ окошками родительской усадьбы постоянно мелькали сцены изъ народной жизни весьма мрачнаго характера: бурлаки, окал и вехтя, тянули свои ямки, оглашая окрестность своими заунывными пѣснями; по дорогѣ проходили, звѣня цѣпами, этапы съ каторжниками. Прибавьте къ этому, что одно время отецъ его былъ исправникомъ и любилъ часто, скуки ради, брать сына въ разъѣзды по дѣламъ службы. Такимъ образомъ, мальчикъ 12—13 лѣтъ присутствовалъ при разныхъ сценахъ народной жизни, иногда очень печальныхъ и раздражающихъ душу, при уголовныхъ слѣдствіяхъ, при вскрытіи труповъ и кулачныхъ расправахъ въ духѣ прежняго времени. Все это и само по себѣ должно было тяжело дѣйствовать на воспримчивые нервы мальчика, но это дѣйствіе, конечно, было еще сильнѣе на ребенка несчастнаго и угнетеннаго, ребенка, который самъ дрожалъ, какъ осинный листъ, смотря, какъ въ ногахъ у его отца валялся, прося помилованія, какой-нибудь провинившійся мужикъ, весь въ грязи и крови... Понятно (послѣ того), что (въ то время, какъ) заунывныя пѣсни и жалобы бурлаковъ (безслѣдно пронеслись мимо ушей не одного изъ нашихъ поэтовъ, подобно Н. А. Некрасову проведшихъ дѣтство на Волгѣ, на послѣднѣго они произвели такое потрясающее впечатлѣніе, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ намъ въ своей поэмѣ «На Волгѣ»:

«Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что рассказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
«Сиди, рюдименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что сдѣлаюсь со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубоко;
Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣтлая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзительнъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же сѣмыхъ волгъ»

Иномъ музкою полнъ!
 О, горько, горько я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки,
 И въ первый разъ ее называлъ
 Рѣвою рабства и тоски!
 Что я въ ту пору замыслилъ,
 Созвавъ товарищей дѣтей,
 Какія клятвы я давалъ—
 Пускай умреть въ душѣ моей,
 Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!

Началомъ своего умственного развитія Н. А. Некрасовъ былъ обязанъ, въ свою очередь, конечно, матери, о чемъ онъ свидѣтельствуесть въ своей поэмѣ «Мать».

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
 Когда у догорѣваго огня
 Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
 Мнѣ въ сумерки мерещилось порою,
 И голосъ твой мнѣ слышался въ потьмахъ,
 Исполненный мелодій и ласки,
 Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
 О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.
 Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
 Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
 То образы вѣкъ ихъ живаго міра
 Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
 И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
 Гдѣ ты душой страдалица жила.
 Когда кругомъ насилье линовало,
 И стая псовъ на царствѣ зашумала,
 И въяга въ овна была и мела!

Рано, съ семилѣтняго возраста началъ мальчишкѣ писать стихи и у матери его сохранялись первыя его безсвязныя младенческія вирши, (начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
 Сей слабый трудъ
 И рассмотрите,
 Годится ли куда нибудь.

Впослѣдствіи онъ читалъ все безъ разбора, что попадалось въ руки и, по собственнымъ словамъ его, «что прочтается, тому и подражаетъ». Такимъ образомъ къ 15 годамъ составила у него уже цѣлая тетрадь, съ которой онъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Въ подѣ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчишкѣ попалъ вдругъ на безграничную свободу почти вполне самостоятельной жизни: онъ поступилъ въ гимназію приходящимъ, а для жительства ему съ бра

томъ была нанята отдѣльная квартира въ городѣ, а къ нимъ приставленъ былъ для прислуживанья и надзора крѣпостной человекъ, при чемъ, конечно, ужь праздники и канкулы братья проводили дома, въ деревнѣ.

Такой внезапный переходъ отъ строгости домашней ферулы на безграничную свободу, при отсутствіи всякаго разумнаго надзора и попеченія за дѣтьми, самъ по себѣ не представлялъ ничего утѣшительнаго. Но ало еще увеличивалось недобросовѣстностью дядьки. Ему полагалось на содержаніе, какъ себя, такъ и дѣтей по 50 копеекъ въ сутки, и деньги сдавались ему на руки, но онъ 20 копеекъ удерживалъ себѣ и тратилъ ихъ на выпивку, просиживая по цѣлымъ днямъ въ кабацѣ, а тридцать копеекъ отдавалъ дѣтямъ, предоставляя имъ кормиться на нихъ, гдѣ и какъ угодно. Они не отставали отъ своего пестуна и въ свою очередь шатались по трактирамъ.

Квартира Некрасовыхъ сдѣлалась притономъ всякаго рода гимназическихъ шалостей, сначала дѣтскихъ, а потомъ уже и не дѣтскихъ. Учене шло при этомъ, разумѣется, не завидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожъ, все-таки въ теченіе шести лѣтъ онъ дотянулъ кое какъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастью, примѣшались весьма натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ между прочимъ написалъ нѣсколько шуточныхъ и слабренныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли они до начальства, оставаться долге въ гимназій было немислимо.

Въ одно время съ этимъ преждевременнымъ выходомъ изъ гимназій произошло событіе, произведшее на юношу не менѣе потрясающее впечатлѣніе: это была смерть любимаго брата Андрея, первая потеря близкаго человека. По словамъ сестры Николая Алексѣевича, эта потеря произвела сильный нравственный переворотъ въ юношѣ: онъ словно очнулся отъ той распущенности, въ какой провелъ свои гимназическіе годы, и впервые серьезно задумался о своей участи. Подобныя размышленія, безъ сомнѣвія, еще болѣе обострялись тѣмъ опальнымъ положеніемъ, какое испытываетъ въ родительскомъ домѣ юноша, исключенный изъ училища. Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназій, рѣшилъ послать его доканчивать ученіе въ Петербургъ въ «Дворянскій полкъ» (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывшій на Петербургской Сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдашнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути въ военную службу. И вотъ

съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ генералу Полозову и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-лѣтній мальчикъ одинъ одинёхонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни. Въ которомъ это было году, объ этомъ существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Такъ, въ краткой біографіи, приложенной къ изданію стихотвореній Н. А. Некрасова «Русская бібліотека» вып. VII, и написанной со словъ Н. А. Некрасова, означенъ 1839 г. Между тѣмъ, по сообщенію сестры покойнаго, онъ отправился въ Петербургъ въ 1838 году. Самъ же Николай Алексѣвичъ, при мнѣ и при другихъ свидѣтеляхъ, говорилъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1837 году, именно въ годъ смерти Пушкина, при чемъ онъ особенно подчеркивалъ это совпаденіе. Это послѣднее извѣстіе вполне согласуется и съ разказами Н. А. о первыхъ своихъ мытарствахъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ представлялъ себя во время этихъ мытарствъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ; въ 1839 же году ему было уже 17 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, годъ, въ который Н. А. Некрасовъ прибылъ въ столицу, принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ, какъ въ русской жизни вообще, такъ въ литературѣ въ особености. Жизнь, казалось, совершенно замерла и омонѣла. Ни малѣйшаго просвѣта въ будущемъ, ни тѣни какого-либо движенія въ настоящемъ. Разъединенность, мелкость интересовъ, скука и апатія безусловно царствовали во всѣхъ слояхъ общества. Только въ Москвѣ шевелилось въ тиши кое-что похожее на нѣкоторое умственное броженіе, въ отвлеченныхъ сферахъ метафизики. Тамъ слагались новыя философско-литературныя партіи, готовыя лѣтъ черезъ пять выступить на состязаніе, воспитывались и развивались новыя, могучія силы. Петербургъ же представлялъ изъ себя полнѣйшую мерзость, заустѣвнiя, совершенно согласно съ слѣдующимъ началомъ одного малоизвѣстнаго стихотворенія Н. А. Некрасова:

Въ то время пусто и мертво
 Въ литературѣ нашей было.
 Скончался Пушкинъ—безъ него
 Любовь къ ней въ публикѣ остыла.
 Ничья могучая рука
 Ея не направляла къ цѣли,
 Лишь два задорныхъ полка
 На первомъ планѣ въ ней шумѣли.

Это была эпоха триумвирата Сенковского, Греча и Вулгарина, которые безусловно царили въ петербургской прессѣ, раздавали вѣнки на славу и безсмертіе своимъ приверженцамъ и кліентамъ и глу-

жились свысока надъ такими дорогими русскими именами, какъ Гоголь и Лермонтовъ. Полевой въ это время не тревожилъ уже молодня сердца задоромъ романтическаго свободомыслия. «Телеграфъ» давно былъ закрытъ, и издатель его мыкался по петербургскимъ редакціямъ и книжнымъ лавкамъ, принимаясь до кумовства съ вышепоименованными триумвирами и подлаживаясь подъ господствующій въ литературѣ ихъ камертонъ, ругаль Гоголя, ставилъ на сцену патриотическія драмы и издавалъ спекулятивныя книжки, помышляя лишь о прокормленіи семейства. Бѣлинскій былъ извѣстенъ въ этой литературѣ, какъ недоучившійся мальчишка, задорный московскій крикунъ, раздражающійся гегелевскими цитатами съ чужого голоса, и надъ нимъ тоже глумились свысока. Его звѣзда только что восходила. Онъ сотрудничалъ еще въ жалкихъ, едва влчавшихъ свое существованіе московскихъ журнальцахъ, и къ тому же былъ увлеченъ въ то время правымъ лагеремъ гегелизма, что въ сильной степени затемняло его природное, гениальное, критическое чутье. Литературныя свѣтила первой величины, Жуковский, Лермонтовъ—чуждались литературныхъ кружковъ и пребывали въ великосвѣтскихъ и придворныхъ сферахъ. Гоголь, только-что замышлявшій «Мертвыя Души», бѣжалъ за границу, смущенный и разочарованный тѣми враждебными толками, какіе возбудилъ въ полуобразованномъ обществѣ его «Ревизоръ»; онъ былъ уже исполненъ мистицизма и былъ уже объятъ той душевной болѣзней, которая разрушила его талантъ и свела его въ древневременную могилу. Литературныя кружки состояли изъ посредственностей, въ родѣ Кукольника, Воейкова, Р. Зотова, Тимофеева, Варнета, Межевича и т. п., которые воображали себя гениями и, въ напыщенномъ самолюбіи, то ублажали другъ друга грубою лестью, то грызлись, осыпая другъ друга оскорбительными колкостями и бранью устно и печатно. Въ то же время, на первомъ планѣ во всѣхъ этихъ кружкахъ господствовала спекуляція. Это былъ вѣкъ необузданнаго литературнаго ажіотажа, когда впервые люди вполне ясно сознали, что литература не есть одно безкорыстное служеніе музамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и коммерческое дѣло, при удачномъ веденіи котораго можно наживаться. И вотъ различнаго рода литературныхъ дѣлъ мастера и лавочники, люди безъ всякихъ убѣжденій, безъ знанія дѣла, иногда и съ весьма покладливою совѣстью, съ алчностью ухватились за эту сторону литературной промышленности—и духъ спекуляціи всецѣло воцарился въ петербургской литературѣ, заразивъ даже и такія когда-то почтенныя личности, какъ Н. А. Полевой. Въ печати духъ этотъ выразился цѣлымъ рядомъ эфемерныхъ изда-

вій, въ родѣ «Панорамы С.-Петербурга» Вашуцкаго, энциклопедическаго лексикона Плюшара, «Утренней Зари» Владиславлева, массы всякаго рода альманаховъ, сборниковъ и дубочныхъ, на скорую руку состряпанныхъ изданій для полуобразованнаго класса, исторій великихъ людей, сказокъ, иностранныхъ романовъ скабрёзнаго содержанія, и т. п. Еще болѣе усилился этотъ спекулятивный духъ, когда перестали разрѣшать основаніе новыхъ журналовъ; тогда существовавшіе журналы стали перепродаваться за значительныя суммы. Нѣкоторые изъ немногихъ, имѣвшихъ привилегіи на изданіе журналовъ и кое-какъ издававшіе ихъ—ловко воспользовались этимъ и перепродавали ихъ, дѣлая такимъ образомъ очень хорошія спекуляціи. Вотъ въ этомъ-то омутѣ пришлось провести Н. А. Некрасову первые самыя вѣжные и впечатлительные года своей юности. Очень можетъ быть, что этой школою онъ былъ обязанъ и тѣмъ литературно-промышленнымъ практицизмомъ, какой развился въ немъ во времени знакомства съ Бѣлинскимъ. Вы подумайте только, что юный, 16-ти лѣтній литературный работникъ, какъ воль трудившійся ради скуднаго заработка, вмѣсто какого-либо правильнаго развитія въ разумномъ кружкѣ, въ духѣ тѣхъ или другихъ идей, только и слышалъ, что одни спекулятивно-копеечные расчеты; вокругъ него то и дѣло раздувались и лопались литературно-коммерческія предпріятія и долгое время, цѣлыя годы, литературное дѣло было обращено къ нему преимущественно своею матеріально-промышленною стороною.)

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ Дворянскій полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юности. Глушицкій началъ отговаривать своего товарища отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекъ его, что Некрасовъ рѣшился во что бы то ни стало идти въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ и они вдвоёмъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять Дворянскій полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ,

узналъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспылялъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложитъ своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, такъ чтобъ онъ впредь не рассчитывалъ ни на одну копейку родительской помощи, а существовалъ какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней. Тогда Глушицкій принялъ еще болѣе горячее участіе въ своемъ обездоленномъ товарищѣ и предложилъ ему жить вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. На возраженіе Некрасова, что у него нѣту никакихъ средствъ, онъ отвѣчалъ: «что у него тоже очень мало, но какъ-нибудь переберемся».

И вотъ Некрасовъ поселился къ Глушицкому на Малую Охту. Довольствоваться имъ приходилось дѣйствительно очень немногимъ: у Глушицаго былъ еще крѣпостной мальчишка, представленный къ нему родителями — и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей вухмистерской. Приятныя, должно быть, впечатлѣнія оставили на себѣ эти пятнадцати-копеечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьезно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перебрался къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного поспытѣе, хотя и довольно иногда безпокойно. Это былъ человекъ добрый и очень усердно занимался со своимъ ученикомъ классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовленіе Успенскаго оказалось такимъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на приемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; «но въ фивическихъ наукахъ, читаемъ мы въ біографіи при «Русской Библіотекѣ» г. Стасюлевича: самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ фивики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже приобретена на экзаменахъ географіи у профессора Касторскаго».

«Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣ-

нился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ— историко-филологическій), и обнадежилъ Некрасова общаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтъ. На основаніи этого общанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаментъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтъ о немъ не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839 — 1841 годовъ».

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми урочками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. «Ровно три года, говорилъ Некрасовъ:—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отпрашивался въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объясняли причину болѣзни продолжительнымъ голодавіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже, молодой и крѣпкій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою болѣзнію. Приходилось пользоваться милостью квартирныхъ хозяевъ, какаго-то отставнаго унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей Улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяйка, рассказываетъ онъ:—еще ничего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слы-

шались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не стануть и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Развѣзжей на Выборгскую Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжался надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то почевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ которой мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь почевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.»

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною нищетою, голодомъ и трупобными сценами притона нищеты, Н. А. Некрасовъ выдалъ передъ собою картины сытой и праздной роскоши и даже самъ порою участвовалъ на ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена, читаемъ мы въ вышеупомянутой біографіи «Русской Библіотеки»:—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодѣжь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копеекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ, — и не только сближался, но, благо-

дари своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе иѣмецкихъ кейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взросшій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнью и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ и хорошо известны».

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и безсрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сразу по приѣздѣ въ Петербургъ, 15-ти лѣтъ, за черныя литературныя труды, въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальныхъ работъ, навертывающихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной газетѣ» А. Краевского, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полеваго, съ которыми познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ», писалъ водевили для Александринскаго театра («Шидя въ мѣшкѣ не утайшь», ориг. водев. 1841 г.; «Ф. А. Бобъ», ориг. водев. 1841 г.; «Актеръ», оригин. водев. 1841 г.; «Вотъ что значить влюбиться въ актрису», перев. вод. 1841 г.; «Дѣдушкины попуган» перев. вод.), былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу (Такова, напримѣръ, сказка «Баба-яга», лѣтъ черезъ тридцатя вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля приходилась на рецензіи. «Разбирать приходилось, рассказывалъ Николай Алексѣевичъ: — всякія книги, какія только попадались подъ руки, не одні художественныя, но подъ часъ и самыя ученыя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это, ко-

нечно, не хватало; за то выручала публичная библиотека. Пойдешь туда, подымеешь всю ученость по предмету книги, ну и ничего, сходило съ рудъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайностей нищеты Григорій Францовичъ Венецкій, бывший тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ и чѣмъ-то въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ—неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человекъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ приготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятіе при этомъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу, по крайней мѣрѣ, отъ прелестей ноялеговъ подъ открытымъ небомъ. Венецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Мечты и звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще на столько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить вѣскольکو деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, еслибы его не склонили къ тому Венецкій, обязавшись продать по билетамъ заранее рублей на 500. Уже и принявшись за изданіе, Некрасовъ колебался, и на него нашло такое однажды раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла; но было уже поздно: Венецкій успѣлъ уже продать до сотни билетовъ и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьи Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принялъ, рассказывалъ Некрасовъ:—сѣденькій, согнутый старичекъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣскольکو дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотвореній, сказалъ, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавилъ:

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу.

Я сказалъ ему на это, что теперь уже поздно, и объяснилъ почему.

— Тогда снимите съ книги ваше имя, посоветовалъ Жуковскій».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамиліи Н. Н. Это небольшая книжонка въ восьмую долю листа, напечатанная на сѣрой бумагѣ, въ 103 страницы, въ типографіи Егора Алипанова. На заглавной страницѣ выставленъ 1840 годъ, цензурная же отиѣтка съ подписью цензора А. Фрейганга помѣчена 25-го іюля 1839 года. Книга наполнена небольшими лирическими стихотвореніями

вполнѣ дѣтскаго характера. Вы не найдете въ нихъ ни ма-
лѣйшаго проблеска позднѣйшаго некрасовскаго таланта. Это
рядъ несвязныхъ и безсодержательныхъ виршей, какія въ то
время писались весьма многими четырнадцатилѣтними гимнази-
стами подъ обаяніемъ блестящей плеяды предшествовавшихъ
поэтовъ, виршей въ родѣ нижеслѣдующихъ:

Я не сплю, не сплю—не спится,
Сердце грустію томится,
Сердце плачетъ въ тишинѣ,
Сердце рвется къ вышинѣ,
Къ безмятежному эоэру,
Гдѣ одѣта къ порфиру,
Блещетъ яркая звѣзда.
Ахъ туда, туда, туда,
Къ этой звѣздочкѣ унылой,
Чародѣйственною силой
Завеси меня мечта!.. и пр.

Я считаю не лишнимъ выписать изъ этого изданія въ цѣломъ
видѣ лишь одно стихотвореніе, замѣчательное тѣмъ, что это
было первое, появившіяся въ печати стихотвореніе Некрасова
въ «Сынѣ Отечества» 1838 г. Оно носитъ заглавіе «Мысль»:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію ночного покрывала,
Едва согрѣтъ остатками огня,
Уже давно погаснуваго дня.
Спи, старецъ, спи!.. отраднago покоя,
Минути усладитъ заботы сѣдин.
Воспоминаемъ минувшей старины.
И можетъ быть, въ тебѣ зажжетоя ретивое,
Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,
И вспыхнетъ для тебя прекрасное былое!..
И можетъ быть, распустится зерно
Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,
И новой жизни заглохшія могли,
Печальный міръ, повѣютъ надъ тобой!
И снова ты проснешься отъ дремоты,
И снова юноша съ пылающей душой,
Забудешь старне, утраченне годы,
И будешь жить ты живнѣю молодой,
Какъ въ первый день созданія природы!..

Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала.
Скрой безобразья наготы,
Опять подъ иррачной розой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты,
Ты не можешь обманеть очи!..

Изданіе это встрѣтило, какъ всѣмъ извѣстно, безпощадный

отзывъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Это былъ одинъ изъ тѣхъ краткихъ отзывовъ, какіе можно встрѣтить въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ по поводу безпрестанно появлявшихся въ то время изданій стихотвореній юныхъ поэтовъ, претендовавшихъ на славу Пушкина.) Бѣлинскій въ своей рецензій не входитъ вовсе и въ разборъ стиховъ Некрасова, а ограничивается нѣсколькими бѣглыми мыслями о томъ, какой промахъ дѣлаютъ люди, не одаренные поэтическимъ талантомъ, выступая на литературное поприще со стихами. Проза для нихъ благодарнѣе стиховъ. «Если въ прозѣ нѣтъ даже чувства и воображенія, то могутъ быть умъ, остроуміе, наблюдательность, или хоть гладкій языкъ... Если стихи пишетъ человекъ, лишенный отъ природы всякаго чувства, чуждый всякой мысли, неумѣющій владѣть стихомъ и римою, онъ, подъ веселый часъ, еще можетъ позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имѣетъ свою цѣну, а потому В. К. Третьяковскій, «профессоръ эрвенціи, и паче хитростей поэтическихъ» — есть безспорный поэтъ, но прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣтить все знакомыя и истертыя чувствованія, общія мѣста, гладкіе стишки, (и много-много если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ римованныхъ строчекъ,) воля ваша, это чтеніе, или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть въ журналѣ извѣстіе въ родѣ «Выѣхалъ въ Ростовъ». Посредственность въ стихахъ, нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и звуки г. Н. Н.».

Вотъ и вся рецензія Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ короче и сжатѣе она. Впрочемъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Библиотека для чтенія» и «Современникѣ» Плетнева, Некрасовъ прочелъ болѣе лестныя для себя рецензіи, видѣвшія въ его стихахъ проблески таланта и возлагавшія на него надежды. Книга, розданная на комиссію въ разные магазины, конечно, не пошла и въслѣдствіи Некрасовъ, какъ извѣстно, самъ ее скупалъ и истреблялъ, подобно Гоголю, истребившему такимъ образомъ своего «Ганца-Кюхельгартена».

У С Т О И.

И пойдутъ она, солнышекъ палимы...
В. А. Некрасовъ.

Исторія одного поселка.

ГЛАВА I.

Какъ онъ народился.

Кому приходилось, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ послѣ освобожденія, ѣхать по средней полосѣ Россіи, омываемой притоками Оки и верховьямъ Волги, тому не могло не броситься въ глаза одно новое явленіе, вызванное новыми условіями народной жизни. Это — новые выселки, поселки, хутора, двора въ три-четыре, не больше, попадающіеся чаще всего вблизи деревень, селъ и городовъ, въ одной или двухъ верстахъ отъ нихъ, не дальше. Эти хутора или выселки ютятся или на спускахъ къ рѣкѣ, гдѣ всегда имѣется мельница, или пропадають въ ложинѣ, окруженной моремъ ржи, или мелькають на подсыѣхъ, изъ-за белѣсовато-зеленыхъ березъ, осинъ и ольхъ. Они не всегда однообразны. Ихъ внѣшній и внутренній видъ варьируется различнымъ образомъ, смотря потому, изъ какихъ бытовыхъ началъ выросъ тотъ или другой. Если среди трехъ-четырехъ изъ выселка вы замѣтите низенькій, длинный домикъ съ желѣзной крышей, съ палисадникомъ вокругъ — вы не ошибаясь можете сказать, что тутъ помѣстился землевладѣлецъ изъ благородныхъ, какой-нибудь полуразорившійся помѣщикъ, смиренно подчинившійся силѣ вещей, надѣвший поддевку и черные сапоги, не ради щегольства и форса народностію, а ради необходимыхъ требованій сельскаго хозяйства. Къ этому домику примыкають обыкновенно двѣ-три избы для найщиковъ — стараго двороваго, съ которыми баринъ любитъ вспоминать о прежнемъ житьѣ, и теперь

еще изрѣдка ходить на охоту, и кого-нибудь изъ «анювъ», ловко умѣющихъ обдѣлывать дѣлшки на базарахъ и ярмаркахъ — и, наконецъ, для рабочихъ. Эти хутора еще носятъ названія барскихъ усадѣбъ, во-первыхъ, вѣроятно, потому, что тутъ живетъ самъ баринъ, во-вторыхъ, потому, что часто на лѣто баринъ отдаетъ свой домикъ по дачи городскимъ барамъ, если это не вдалекѣ отъ города, или желѣзнодорожныхъ станцій.

Но когда маленькій пятиконный домикъ замѣняютъ хоромы, нѣчто въ родѣ растолстѣвшей и разползшейся въ ширь и въ высь крестьянской двѣэтажной избы, съ желѣзной крышей, украшенной всевозможными вычурными фигурами, флюгерами и желѣзными драконами на водосточныхъ трубахъ, на каменномъ фундаментѣ, по срединѣ котораго непременно имѣется желѣзная, зеленая дверь, съ болтами и замками, ведущая въ кладовую, а кругомъ этой растолстѣвшей избы тянутся длинные, бревенчатые, крытые тесомъ сараи, около которыхъ съ утра до ночи снуютъ здоровые мельники и кручники, съ выкрашенными мукой спинами, красными лицами и испачканными мукой же бѣлыми носами, здоровыя телеги, обтнутыя желѣзомъ и ширококрупныя лошади съ толстыми мохнатыми ногами — то это, навѣрное, купецкій хуторъ. Этотъ купецъ арендаторъ или собственникъ имѣетъ въ ближайшемъ городѣ бакалейную или мясную торговлю, каменный домъ и нѣсколько лавокъ, и навѣзжаетъ сюда только «прокладиться» съ начальствомъ или приятелями, или прожить недѣли двѣ-три во время уборки хлѣба. Въ прочее же время эти хоромы обыкновенно обитаютъ чады, домочадцы и сироты почтеннаго купчины, вообще разные родственники, которые, по своему низкому званію и по мужицкимъ свѣчамъ и обычаямъ, не удостоиваются жить въ городскомъ домѣ.

Виселки третьего рода представляютъ нѣчто среднее между вышеописанными: они, обыкновенно, бѣднѣе на видѣ, малы, и въ то время, какъ купецкій хуторъ, всей своей несуразной образиной, выражаетъ явное желаніе еще болѣе растолстѣть и разбухнуть отъ внутренней полноты жизни, эти маленькіе виселки, напротивъ, какъ будто торопятся съжиться, съузаться елико возможно, спрятаться совсѣмъ отъ людского глаза, какъ будто стыдно имъ стоять на юру, на голомъ холмѣ, среди жидкаго ржаного поля. Ихъ маленькіе, трехъ-оконные, съ высокими крышами, образующими большіе чердаки, домики, напоминающіе «людскія избы» въ помѣщичьихъ домахъ, смотрятъ голо, неуютно, неприглядно. Обитатели ихъ ходятъ въ городской одеждѣ: женщины въ платьяхъ, мужчины въ пальто и

рыжикъ пиджакахъ, но сапоги носить большіе и штаны въ сапоги. Впрочемъ, вся одежда такъ и говорить, что она взята «съ барскаго плеча», какъ и самыя домики, выстроенныя изъ подареннаго добрымъ и признательнымъ бариниомъ лѣса, какъ и сама топчая земля, подаренная тѣмъ-же добрымъ и признательнымъ бариниомъ на смертномъ одрѣ, въ уваженіе долгихъ и неусыпныхъ лакейскихъ трудовъ. Это—«дворовые» поселки.

Наконецъ, послѣдній и самый замѣчательный родъ выселокъ, это—выселокъ крестьянъ-собственниковъ. Выселки эти не носятъ на себѣ никакого особенно-рѣзкаго характера, какъ предыдущіе; они ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ поселеній, кромѣ размѣровъ; ихъ часто можно принять за маленькія деревушки. Только иногда явится въ нихъ нѣчто новое, заявляющее обособленіе, въ родѣ, напр., житницы, построенной не съ боку избы, какъ въ деревнѣ, а саженахъ воста, прямо противъ оконъ; или овинъ выстроенъ не сзади избы, а гдѣ-нибудь сподручнѣе, и овинъ большой, подъ широкимъ навѣсомъ; часто онъ ставится поперекъ улицы поселка, составляемой съ одной стороны жилыми избами, съ другой не жилыми помещеніями: сараями, житницами, клѣтами, такъ что, вѣхавъ съ одного конца въ выселокъ, вы рискуете попасть въ другомъ концѣ прямо въ широкія ворота овиннаго сарая, подъ навѣсомъ котораго расположенъ чистый, гладкій токъ. Иногда можно замѣтить въ немъ стремленіе хоть чѣмъ-нибудь выбиться изъ общаго деревенскаго склада. Этотъ переходный колебательный характеръ народившагося «мужицкаго» выселка можно, впрочемъ, замѣтить только при тщательномъ наблюденіи. При поверхностномъ же взглядѣ, вы не найдете ничего, рѣзко разграничивающаго его отъ обыкновеннаго склада крестьянской жизни. Обитатель этого выселка—тотъ-же мужикъ, онъ носитъ ту же сермягу, какъ и его односельчане, живущіе скопомъ, въ полверстѣ отъ него; онъ также ходитъ на общественныя сборы, какъ и они. Баба этого выселка—таже деревенская баба, только развѣ поступъ у нея постепеннѣе, да кланяется она солиднѣе, да сукно на поддевѣ потоньше. Какъ онъ не чуждается деревни, такъ и деревня продолжаетъ, по прежнему, браться съ нимъ, и деревенская кумуша или старуха, такъ же какъ и деревенскій балагуръ и словоохотливый мужикъ охотно забредаютъ въ выселокъ «посудачить» на завальняхъ, отправляясь за ушедшей скотиной, съ хворостиной или обратю въ рукахъ. Однимъ словомъ, выселокъ крестьянъ-собственниковъ не выработалъ еще себѣ никакихъ органическихъ особенностей, которыя такъ же рѣзко отрѣзали бы его отъ деревни, какъ рѣзко отрѣзались купецъ-

кій хуторъ и дворовый выселокъ. Этотъ выселокъ констатируетъ пока не болѣе, какъ фактъ земельного обособленія и выдѣленія, а знаменуетъ... Но что должно знаменовать выростаніе на русской почвѣ этихъ выселковъ—это можетъ сказать только тщательное знакомство съ внутренней жизнью, совершающейся въ этихъ малыхъ, обособляющихся единицахъ массы, въ этихъ клѣточкахъ, изъ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нѣкогда создавался громадный и могучій тысячелѣтній колоссъ—русская община, и на которыя она выражаетъ, по мнѣнію другихъ, замѣтныя поползновенія дифференцироваться, покорная вліянію столь же сильныхъ факторовъ, какъ сильны и тѣ «устои», на которыхъ раньше совершилась интеграція.

Нельзя сказать, чтобы подобныхъ выселковъ было уже очень много, но есть такі; нельзя сказать, чтобы они уже ясно намѣчали поворотъ теченія народной жизни подъ напоромъ дѣйствующихъ извнѣ силъ и категорически указывали на ясное тяготѣніе этой жизни къ дифференцированію или обособленію. Если эти выселки суть признаки дифференцированія, то съ другой стороны вмѣстѣ столько же явленій и обратнаго порядка, когда община поглощаетъ въ себя все больше и больше элементовъ, прежде обособленныхъ. Такимъ образомъ, это скорѣе процессъ исканія русла, въ которое стремится вылиться море народной жизни, всколебленное и взбаламученное взаимодействіемъ новыхъ и разнообразныхъ факторовъ, подобно тому, какъ рѣка, прорвавъ державшую ее въ тискахъ плотину, разливается по долинѣ тысячу мелкихъ ручьевъ, которые, извиваясь и скользя, стремятся найти общее русло, чтобы слившись съ немъ, покатиться плавно и величаво въ могучемъ теченіи.

Эти выселки—тѣ ручьи, тѣ «пробы», тѣ вѣшки, которые проводить и ставить невидимая рука, намѣчая новое русло народной жизни. Въ этихъ выселкахъ нѣтъ еще ничего яснаго, опредѣленнаго, ничего не выработалось такого органическаго, что окончательно разъединило бы ихъ съ прежними устоями народной жизни; даже того, что они представляютъ собою фактъ земельного обособленія, нельзя утверждать положительно; нужно сказать лучше: это фактъ только усадебнаго обособленія, такъ какъ собственно земельныя отношенія въ большинствѣ случаевъ еще носятъ на себѣ смѣшанный, двойственный характеръ общинно-подворнаго владѣнія.

Что же, однако, прибавили эти «новые» выселки къ общему виду нашей обширной родины? Для художника и эстетика они скрасили пейзажъ. Не дурно, когда голыя, выжженные поля то тамъ, то здѣсь оживляются маленькими оазисами выселковъ,

картинно брошенными на это сѣрое полотно, убійственно-однообразно гланущееся цѣлмя сотни верстъ. Для домерзцаго экономиста и культурменша, съ примѣсью англійскаго лордства, это благодѣтельные задатки излюбленной европейской культуры и цивилизаци. Не дурно, когда вокругъ этихъ выселковъ раскинутся уваженныя поля, когда собственность ограничится красивой неприступной изгородью, и на пашткахъ появится сельскій рабочий, высокій, рослый, получающій хорошую плату, какъ нѣмецкій батракъ: большой буттербродъ съ картофелемъ при восходѣ солнца и отправленіи на работу, большой буттербродъ съ сыромъ и стаканъ кофе—за завтракомъ; жирный обѣдъ послѣ полудня и, наконецъ, послѣ 12—15 часовой работы буттербродъ съ свинной mit Seidel Bier. Однимъ словомъ, рабочий, выхоленный, какъ его крѣпкая и статная лошадь... И надъ всѣмъ этимъ недремлющій глазъ ученаго арендатора и классически-образованнаго культурменша. Не дурно!..

Для насъ, это любопытное и поучительное явленіе. Изучайте образующійся организмъ въ самомъ началѣ, пока еще онъ представляетъ *tabula rasa*, пока въ немъ идетъ хаотическая борьба за преобладаніе тѣхъ или другихъ элементовъ. Послѣ будетъ уже поздно, и борьба будетъ тяжела. Подсмотри́ть необходимые элементы развитія въ ребенкѣ—великая и единственная задача педагога. Подсмотри́ть въ образующейся кѣлочкѣ новыхъ народныхъ устоевъ борьбу разнообразныхъ элементовъ, различить здоровые отъ больныхъ, наследственные отъ приобретенныхъ и изучить возможные результаты ихъ взаимодействія—такова одна изъ задачъ любящей свой народъ интеллигенціи.

«Волчій поселокъ» былъ одинъ изъ выселковъ послѣдней разновидности. «Волчьимъ» онъ прозванъ потому, что пераие устои его заложены были мужикомъ, по прозвищу Волкъ, Мосей Волкъ. А Мосей былъ прозванъ Волкомъ потому, что любилъ лѣсъ и въ давнія времена, еще до воли, служилъ лѣсникомъ, былъ недружелюбенъ, хмуръ, молчаливъ и задумчивъ. Послѣдними качествами онъ отличался потому, что ему въ голову еще въ молодости засѣла «идея». Но когда эту «идею» ему удалось реализовать, то вышеописанныя его качества значительно смягчились и ступсевались. Тѣмъ не менѣе, прозвище «Волкъ» осталось на вѣки за нимъ и его потомствомъ.

Что это была за идея—мы сейчасъ увидимъ. Не вдалекѣ отъ деревни Дергачи стояла молодая, веселая, березовая барская роща, на спускѣ къ узкой, но глубокой, поросшей осокой рѣчкѣ. Мосей «влюбился» въ эту рощу, такъ какъ Мосей былъ мужикъ-

эстетичнѣ, одинъ изъ тѣхъ дѣтей природы, которыя ея великіе феномены наградили такими нѣжными и ласкательными именами, каковы: «зоринька ясная», «солнце красное», «мать земля-ворканица» и т. п. Влюбившись въ роцу, Мосей упросилъ барина поставить его въ сторожа къ роцѣ («въ ногахъ валялся у барина!»). Баринъ согласился. Два года холилъ онъ ее, отъ семьи отбился, отъ деревни, каждое дерево, какъ свой глазъ беречь. Но скоро стали доходить до Мосея слухи (можетъ быть, просто хотѣли пошутить надъ нимъ), что баринъ хочетъ продать роцу. Загрустилъ Мосей, заугрюмѣлъ и, наконецъ, однимъ утромъ, явился къ барину, опять упалъ на колѣни и сталъ просить отнустить его «на сторону» съ тѣмъ, что черезъ пять лѣтъ онъ вернется и купить роцу. Съ барина закладъе передъ образомъ вялъ, что тотъ до его прихода никому роци не продастъ. Черезъ пять лѣтъ вернулся: сапоги кувшинные, на плечахъ сибиря; бурмистръ его въ передній уголъ садить... Гдѣ пропадалъ откуда и какъ нажилъ денегъ, чтобъ заплатить барину за роцу, Мосей не любилъ рассказывать.

Но когда была реализирована эта первая «идея», у Мосея явилась другая. Какъ она къ нему попала въ голову, какъ результатъ опыта, или какъ темный наслѣдственный инстинктъ, или то просто было личное желаніе сдѣлать неприкосновеннымъ и закрѣпить «завѣтомъ» то, что стоило трудовъ цѣлой жизни—это вопросъ нерѣшенный. Такъ или иначе, эта «идея» была очень опредѣленно выражена рядомъ слѣдующихъ своеобразныхъ положеній.

Вернувшись изъ своего безвѣстнаго скитанія, купивъ у сосѣднаго помѣщика излюбленную имъ роцу съ пустошьми: Могки и Кочен, Мосей сейчасъ же отрясъ прахъ съ ногъ своихъ. Снялъ свою цивилизованную чуйку, облекся въ прежнюю сермягу и ушелъ въ роцу, построивъ въ ней малую избу. Влнзъ этой малой избы запустилъ онъ улья, пригласилъ къ себѣ ходить за пчелами старую бобылку Оеклушу, и «ушелъ» отъ жизни, «отрѣшился», оставивъ свою семью жить «на всемъ прежнемъ положеніи» въ селѣ, какъ жила она и въ то время, когда онъ находился въ «безвѣстномъ сокрытіи». Такимъ образомъ, въ общемъ строѣ, семья, съ его прибытіемъ, имѣвшимъ для нея такое важное значеніе, какъ приобрѣтеніе крупной, по крестьянству, собственности—не измѣнилась ни на волосъ. Но чтобы и «напередъ» не было повадно» семьѣ имѣть поползновеніе выйти изъ прежняго положенія, Мосей, какъ только пришелъ, сдѣлалъ самый категорическій заказъ своимъ сыновьямъ, въ особенности старшему, Ванифантію, уже давно мечтавшему, что отецъ возъ-

метъ его съ собой въ столицу, заказъ «не тожко проситься, ниже помышлять объ отходѣ въ столицу, пока Госнодь-Богъ грѣхамъ терпитъ и голодомъ не гонитъ». Такой заказъ привелъ всѣхъ въ немалое удивленіе, такъ какъ на селѣ давно рѣшили, что Мосей всѣхъ сыновей, а старшаго намначе, поведетъ по своей дорогѣ, да и Ванифантій былъ въ этомъ увѣренъ. Когда высказаны были Мосею эти недоумѣнія, онъ отвѣчалъ коротенько «грѣха много!» Что разумѣлъ онъ подъ этимъ, онъ врядъ ли бы обстоятельно разъяснилъ, такъ какъ, вѣроятно, больше чувствовалъ достовѣрную возможность этого грѣха, чѣмъ могъ ясно сформулировать свои предчувствія. Онъ могъ только чувствовать, что между его хожденіемъ въ столицу по «идеѣ» и между хожденіемъ за наживой была большая разница; что, достигнувъ исполненія «идеи», человекъ могъ остановиться; наживѣ же нельзя положить и конца врад. А была ли въ Ванифантій эта «идея»? Нѣтъ, Мосей видѣлъ, что никакой такой не было. Было одно: явился изъ столицы отецъ съ деньгами, значить, и сынъ долженъ идти туда за ними же; если отецъ принесъ 100 рублей, то сынъ долженъ ужъ принести 200.

Такимъ образомъ, этотъ «заказъ» Мосея объясняется тѣмъ, что Мосей былъ мужикъ «идейный». Такіе мужики есть, но бабъ больше. И странницъ вѣдь больше, чѣмъ странниковъ; и фанатичекъ больше, чѣмъ фанатиковъ. Суть не въ томъ, какая «идея» можетъ быть у мужика или бабы, важно то, что «идея» можетъ имѣть мѣсто. И такъ, Мосей былъ мужикъ «идейный»; онъ умѣлъ въ своей головѣ «прикинуть» кое-что къ чему-либо и сдѣлать выводъ; каковъ этотъ будетъ выводъ—это другой вопросъ, но могъ все же съ большою или меньшею вѣроятностію «провидѣть» результаты. Примѣровъ этихъ «идейныхъ» бабъ и мужиковъ мы могли бы привести много и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ таковыхъ имѣется въ обществѣ, но врядъ ли это нужно. Крупные изъ нихъ всякому извѣстны изъ исторіи; заурядные — на глазахъ у тѣхъ, которые умѣютъ видѣть. Я знаю, на примѣръ, одну крестьянскую дѣвку, которой пришла «идея» создать общежительство, въ которомъ нашли бы пріютъ странники, болящіе и сироты. Это была самая простая, черная крестьянская дѣвка, болтливая, мужиковатая, здоровая. Для этой цѣли она примкнула къ церковнымъ ходамъ съ чудотворными иконами: носила свѣчи, самыя иконы, кружки и пр. Это дало ей возможность входить въ сношенія съ богатыми купцами и проповѣдовать свою идею подъ прикрытіемъ репутаціи богобоязненной дѣвки. Настойчивость и умѣнье ея въ этомъ случаѣ были изумительны. Я не знаю, удалось ли ей осуществить свою «идею», или она наеле-

тѣла съ ней на какой-нибудь «ромонъ» въ видѣ становаго, но несомнѣнно, что дѣло у нея подвигалось впередъ успѣшно. Этого примѣра нова достаточно, чтобы читатель могъ согласиться, что «идейные», какъ бабы, такъ и мужики, существуютъ и что существуютъ ихъ не мало. Расколъ — вотъ знаменитое созданіе «идейнаго» мужика и бабы. Нужно прибавить, что эти «идеи» у народа вовсе не такъ произвольны и не такъ ясно составляютъ чисто личную принадлежность, какъ это бываетъ съ людьми общества; напротивъ «идейный» мужикъ всегда носитъ какую-нибудь идею, тѣсно связанную съ экономическимъ, нравственнымъ или умственнымъ общенароднымъ строемъ. Вотъ почему она «понятна» народу: выразившись въ одной личности, она, такъ сказать, составляетъ только квинтъ-эссенцію того, что выработано уже заранѣе народной жизнью.

Какъ пѣсня народа развится отъ пѣсни образованнаго поэта общностью своего смысла и чувства, такъ и мужицкая «идея» отличается такою же общностію. Мужикъ — не философъ, не умѣетъ предаваться спекулятивнымъ упражненіямъ, и потому его идея есть идея, существовавшая раньше его, и выработанная народомъ сообща. Идея образованнаго человѣка, напротивъ, носить на себѣ слѣды индивидуальности. «Идейные» люди и въ народѣ пользуются уваженіемъ. Народъ знаетъ, что «идейный» человѣкъ рѣдко сбивается съ пути, а потому то, что позволено «идейному» человѣку, не позволено простому смертному. Такъ смутно чувствовалъ и Мосей; онъ не видѣлъ въ своемъ сынѣ «идейнаго» мужика и не пустилъ его туда, гдѣ не «идейный» мужикъ сдѣлается просто мошенникомъ. Но онъ, напримѣръ, находилъ, что его дочь, дѣвица Ульяна, — сила, «идейная» сила, и ничего не сказалъ, когда она ушла, послѣ смерти своего жениха, найденнаго замерзшимъ у села, когда онъ возвращался съ заработковъ въ побывку, ушла на Афонъ и въ старый Іерусалимъ, гдѣ пропала три года. Онъ на нее надѣялся, ибо чувствовалъ въ ней присутствіе «идеи».

Но одного этого «заказа», вѣроятно, показалось Мосею недостаточно, и онъ, чтобы уже окончательно отрѣзать своей семьѣ возможность выйти «изъ прежняго, вообще мужицкаго, положенія», продѣлалъ одну очень внушительную церемонію.

Когда Мосей рѣшилъ «отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ», и, скинувъ синюю чуйку, облока въ сермягу, онъ явился въ правленіе и заявилъ, что часть приобрѣтенной имъ, вмѣстѣ съ рощей, въ пустошахъ пустопорожней земли отдаетъ въ пользованіе общинѣ, которая въ землѣ нуждается, а ему съ ней дѣлать нечего. «Одному съ семьей всей не поднять, а батраковъ нанимать — завода заводить не жадаеть; при себѣ же оставляетъ одну рощу

которую издавна возлюбилъ». Сказавъ это, Мосей, при первомъ же порадиѣ земли, самъ сдѣлалъ на свою землю жеребьи, и вмѣстѣ съ другими вынулъ жеребій для своихъ сыновей. Община не осталась ему неблагодарной и неоцрила его разными льготами: по рекрутству, общественной службѣ.

Послѣ этого, Мосей ушелъ въ свою избу, въ роццу, куда, по смерти своей жены, какъ мы сказали, пустилъ жить старую бо-былку Феклушу.

Его три сына, изъ которыхъ былъ женатъ только старшій Ванфантій, и дочь, дѣвица Ульяна, остались на селѣ, сна всемъ прежнемъ положеніемъ.

Шли годы. Кончилась, наконецъ, «неурядица эмансипаціи», выражалась стилемъ помѣщиковъ того времени, завершенная нарѣзкой надѣловъ, размежеваніемъ чрезполосныхъ владѣній и, наконецъ, «упраздненіемъ» мировыхъ посредниковъ, главныхъ героевъ того бурнаго времени; наступилъ порядокъ, долженствовавшій покониться на двухъ вѣтахъ мѣстной администраціи — исправникѣ и непремѣнномъ членѣ... Но едва почувалось въ воздухѣ приближеніе этого возжелѣннаго порядка, какъ вдругъ всѣмъ мужикамъ сдѣлалось отчего-то жутко. Ихъ какъ будто испугала та математическая строгость и опредѣленность, съ которою отмежевывались границы ихъ полей. Прежде, во времена посредниковъ, каждый лишній клочекъ земли былъ какъ будто спорный, питалась надежда, что этотъ лишній клочекъ земли, «хоша и не нашъ а, можетъ, и нашъ будетъ», вѣрилось въ возможность, что «еще, можетъ, и оставятъ», въ возможность какъ ни какъ сговориться съ баринномъ... «Все же вѣдь живой человекъ... Можетъ, какъ ни то уговоримъ. Изъ за лишняго клочка не станетъ тягаться». Но наступилъ порядокъ, и все принуждено было «сократиться», съжаться, установиться въ отрѣзанныя каждому стойла. Господа вздохнули, потому что періодъ ихъ психической «неустойчивости» кончился, такъ какъ теперь каждое мужицкое нападеніе на ихъ сердобольныя души отпарировалось словами: «законъ, батюшка, законъ». Теперь ужъ все кончено. И землемѣры разъѣхались. «Да-съ, теперь ужъ все взвѣшено и опредѣлено»... И мужики поняли, что точно все взвѣшено и опредѣлено. А такъ какъ, собственно говоря, взвѣшено и опредѣлено было только одно отношеніе земель мужицкихъ къ барскимъ, распределеніе же мужицкой земли было предоставлено «народному обычаю», то эта опредѣленность предстала мужику во всемъ ея ужасѣ, а «народ-

ный обычай» распределенія подвергся такому тяжелому испытанію, какому онъ не подвергался, вѣроятно, ни разу во все свое тяжелое историческое существованіе. Заинтересованные интеллигентные люди, въ приличномъ отдаленіи, стали наблюдать за любопытнымъ зрѣлищемъ «мірскаго распределенія земли» и тайно и явно говорили: «а ну-ка посмотримъ, какова пресловутая сила этого излюбленнаго народнаго обычая!» И когда сила народнаго обычая, въ этомъ тяжеломъ испытаніи, кое гдѣ ослабѣвала, кое-гдѣ отдалялась отъ истиннаго пути, интеллигентные зрители, съ видомъ людей, которыхъ завѣтныя предположенія оправдывались, пожимали плечами и «разочаровывались» въ пресловутую силу народнаго обычая. А народный обычай, поднимаемая тяжесть равномѣрнаго справедливаго распределенія, крахтѣлъ, натуживался изъ послѣднихъ силъ, чтобы побороть ужасную дилемму...

Деревню Дергачи, къ которой принадлежалъ Мосей, обурялъ именно такой ужасъ передъ «опредѣленностію», когда почувалось приближеніе «порядка» за «неурядицей». Нужно замѣтить, что баринъ у дергачевцевъ былъ, по своему, человекъ хорошій, «народолюбець», поклонникъ старозавѣтныхъ народныхъ обычаевъ и дѣятельный ихъ защитникъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. У этого-то добраго и слабаго человека долгое время дергачевцы, безъ особыхъ препятствій, запахивали цѣлые загоны полей, вѣруя и надѣясь, что еще какъ-нибудь мы съ баринкомъ споемся! Сердобольный баринъ, хотя и поругивался, но, въ виду не совсѣмъ еще точнаго опредѣленія границъ, считалъ несправедливымъ обвинять мужиковъ въ захватъ. Такъ шло дѣло до пріѣзда въ нѣтніе супруги барина, барыни уже совсѣмъ другого закала, и до прибытія землемѣра. Скоро, очень скоро, эти двѣ личности, при помощи г. исправника, ввели въ отношенія мужиковъ къ барину «порядокъ» и опредѣленность, которые сразу заявили себя передъ дергачевцами одновременнымъ повышеніемъ податей и урѣзаніемъ области ихъ пользованія землею до 1½ десятины надѣла, въ который оказался врѣзаннымъ даже одинъ клочекъ земли, уступленный Мосеемъ общинѣ. До того доведена была «опредѣленность». Когда дергачевцы протестовали было противъ такой черезъ чуръ своеобразной опредѣленности, имъ сказали, что земля эта барская, такъ какъ Мосей, во время крѣпостнаго права, не смѣлъ покупать земли на свои имя. «А если и купить, такъ, значить, она ему не нужна, когда онъ вамъ отдастъ». Дергачевцы только вкрякнули, а Мосей и совсѣмъ боялся слово пикнуть, чтобы и послѣднюю землю съ рощей не взяли.

Итакъ, воцарился «порядокъ». Порубки, покашиванія и запа-

хиванія оказались невозможными... Передъ дергачевцами стояла одна математическая опредѣленность, въ видѣ $1\frac{1}{2}$ десятины надѣла, а выгонъ, лѣсъ, луга—все это отошло за границы «опредѣленности». Дергачевцы приступили къ провѣркѣ той сказки, которая рассказываетъ, какъ двое голыхъ нашли одну рубаху и какъ они «распредѣляли» ее между собою. Думали-думали нищіе, какъ имъ быть, и никакъ не рѣшили. Пошли къ судьѣ; судья потребовалъ доказательствъ «первородства», но никто изъ нихъ доказать этого не могъ. Пошли къ попу; попъ сказалъ: «отдайте, братія, рубаху мнѣ, а сами идите съ миромъ, дабы не возгорѣлась между вами вражда». Не понравилось—пошли къ книжникамъ; книжники сказали:—кто изъ васъ кого поборетъ, тому, какъ сильнѣйшему, и рубаху отдать. Не понравилось и это—пошли къ исправнику. Исправникъ какъ крикнетъ на нихъ:—«полюбай оба въ рубаху!.. И чтобы не ссориться! услышу—совсѣмъ отниму!»—Перетрусили нищіе, залѣзли въ рубаху. Только силъ нѣтъ такъ жить, съ голоду помрешь. Пошли потихоньку на мірской сходъ. Мірской сходъ думалъ-думалъ, наконецъ, такое рѣшеніе установилъ: «какъ-никакъ, братцы, а не иначе вамъ придется, чтобы поочереды носить. Пуцай изъ васъ нынѣ одинъ рубаху надѣнетъ, да хлѣбъ доставать идетъ, а другой дома сидитъ. Придетъ первый—второй ступай. Мы и все такъ живемъ». Попробовали нищіе, и вышло, что мірское слово всего лучше.

Итакъ, передъ дергачевцами вдругъ встала дилемма «распредѣленія» рубахи. Затрещалъ «народный обычай», приходилось не «такъ или иначе» выпутываться, а непременно, неизбежно, съ соблюденіемъ справедливости. Много рѣшеній перепробовали дергачевцы; пробовали залѣзть всѣ въ одну рубаху, но, кромѣ того, что руки себѣ связали, ничего не вышло. Пробовали ходить за совѣтомъ къ судьямъ, и къ книжникамъ, и въ левитамъ, но дѣло выходило еще хуже. Наконецъ, остановились на такомъ «мірскомъ» рѣшеніи: «пуцай половина дергачевцевъ съ хлѣбовъ отойдетъ на-сторону, а половина дома останется».

Между тѣмъ, къ этому времени, семья Мосей Волка «набрала въ себя большую силу»: съ самимъ Мосеемъ она считала уже 10 душъ, пять мужеска и пять женска пола. Такая огромная семья должна была, конечно, поглощать значительную долю общественныхъ земельныхъ жеребьевъ. Когда вступила въ силу «опредѣленность», оставаться на общинной землѣ, имѣя пусто-порожнюю свою, было уже не въ порядкѣ вещей. Такъ или иначе, нужно было выселиться: Мосей принужденъ былъ, такимъ образомъ, значительно поступиться своимъ «заказомъ». Первымъ дѣломъ предстала настоятельнѣйшая необходимость поскорѣе

«осѣсть» на свою землю, чтобы кота фактомъ заселенія укрѣпить ее за собой; а вторымъ дѣломъ, дергачевцы прямо заявили Мосею, что «какъ-никакъ, а тебѣ съ семьей въ собственники идтить надоть, потому у васъ земля есть своя, а у общины и безъ васъ дѣлать нечего». Однимъ раннимъ утромъ, большая двухъэтажная изба Мосея, съ пристроенной къ ней кельей, искони стоявшая среди деревни Дергачи, оказалась уже безъ крыши. Сыновья Мосея желѣзными ломами «разорали дѣдовское гнѣздо», снимая вѣнецъ за вѣнцомъ изъ крѣпкихъ, чуть не въ аршинъ въ діаметрѣ дѣдовскихъ бревенъ, какихъ теперь нигдѣ не найдешь ужъ, складывали на лошадей, а бабы отвозили ихъ на новое мѣсто, на собственныя пустоши Мочки и Кочки.

— Смотри, братцы, не очень шибко бейте — таракановъ не разгоните, шүтили дергачевцы, покрикивая работавшимъ на избахъ братьямъ-Волякамъ:—вѣдь они дѣдовскіе, старожилы тараканы-то! Пушай съ вами переѣзжаютъ... Разбѣгутся—пути не будутъ!

— Ульяна, поди, ужъ полную пазуху набрала! За этимъ дѣло у бабъ не станетъ, отшучивались братья.

— Ну, вы теперь у насъ собственники, какъ быть, заправскіе будете! опять шутили дергачевцы, когда выѣзжалъ изъ Дергачей послѣдній возъ, съ послѣднимъ вѣнцомъ отъ Мосеевой избы.

— Что говоритъ! Купцы! отшучивались снова, въ свою очередь, молодые Воляки. — Ну, такъ прощайте, братцы! Приходите къ намъ новоселье праздновать. Вотъ какъ только избы поставимъ!

— Ладно, ладно!

На мѣстѣ Мосеевской избы, можетъ быть, носившемъ на себѣ уже цѣлое столѣтіе избы всевозможныхъ сортовъ—осталась только груда мусора, въ которой копошились ребятишки, отыскивая «клады». Впрочемъ, поиски ихъ были совершенно напрасны. Степенная хранильница дѣдовскихъ обычаевъ, келейница, «пущенная по граматы» еще съ малыхъ лѣтъ, Ульяна (крестьяне звали ее, впрочемъ, Ульяндя, на монашескій манеръ, въ отличіе другихъ Ульянъ и Ульяшекъ, и ради вѣщаго чествованія), дочь Мосея ни подъ какимъ видомъ не позабыла захватить съ собою ничего изъ «дѣдовскаго». Она даже бережно перенесла на новое мѣсто ласточьино гнѣздо и сворешницу. Съ послѣднимъ же возомъ не забыла прихватить въ мѣшечекъ и «дѣдовской земли».

Ставить избы на «новомъ мѣстѣ» «сбилъ» дергачевскій міръ «помочь» Мосею, и не прошло двухъ недѣль, какъ вмѣсто прежней большой избы поставлено было три, которыя и примкнули къ одноконной избушкѣ, въ которой проживалъ Мосей.

Переселеніе, видимо, доставило Мосею большое удовольствіе.

Старикъ, уже сгорбленный и сѣдой, съ утра до поздняго вечера, съ палкой въ рукахъ, слѣдилъ за работами, побряхтывая и балагурия съ дергачевцами. Дергачевцы, вида такое благодушное настроеніе Мосей, какъ-то и сами настроивались на этотъ тонъ.

— А что, дѣдушка Мосей, вѣдь гляди, мы тебѣ тутъ цѣлую деревню выведемъ... Что ни есть помѣщикъ, за первый сортъ будешь!..

— Чтѣ жь!.. Дѣло доброе! Поселокъ мы поставимъ, устой укрѣпимъ, а потомъ пундай добрые люди живутъ-поживаютъ, да Мосей вспоминаютъ! говорилъ Мосей.

— То-то!.. Мы про это же! А знаешь ли, дядя Мосей, ужъ взялъ бы ты на себя съ міра тяготы малую толику; пустилъ бы ты поселиться и Сатира Кривого. Чтѣ ему у насъ дѣлать? Мужикъ, ты знаешь, онъ и хорошій, а ладащій... На заработки ему ужъ не видти, надѣлъ взять—податей всѣхъ не подыметъ, а насъ утѣснить. А у тебя было бы ему куда подъ-силу...

— Ну, что-жь!.. Сатиръ Кривой — такъ Сатиръ Кривой!.. Селитесь, селитесь!.. Миѣ и умирать веселѣе будетъ... На людяхъ и смерть красна. Мы бы сообща и новинку подыали, естати. Не батраковъ стать нанимать!

— Это вѣрно. Ну, а земли у тебя еще вдостоль хватить. Вѣдь не малячить ты ей будешь... Мы тебя знаемъ. Отъ кого другого, а отъ тебя этого не станется. Ты живешь по дѣдовскимъ завѣтамъ.

— Зачѣмъ малячить! Земли хватить, хоша на цѣлую деревню хватить.

— Такъ, такъ... Такъ ужъ ты Сатира-то Кривого пристрой при себѣ. Мы ему всѣмъ міромъ снесемъ избу и поставимъ. А что насчетъ нашихъ съ тобой земель, мы ужъ другъ отъ друга отбиваться не станемъ: мы тебя и въ выгонѣ, и въ луга пустишь. Сочтемся... Люди свои!

— Люди свои! Люди не чужіе!

— Мы съ тобой изъ вѣковъ крѣпко связаны, такъ намъ другъ друга обижать вѣчего. А значить, все къ тому, чтобы тяготы нести сообща и впредь! все громче и громче выкрикивали дергачевцы на ухо дяди Мосей (онъ туговать сталъ на ухо въ послѣднее время).

— Такъ, такъ... Какъ ужъ по дѣдовскому завѣту, такъ чтобы и навѣковѣчно!

— Ну, те-то. Мы тамъ на міру закажемъ, а ты своимъ ребята въ завѣтъ поставь!

— Это ужъ первое дѣло!

Т. ССXXXVIII.—Отл. I.

— Такъ, значить, и порѣшили? Селиться безъ сомнѣнія?

— Селитесь, селитесь! повторялъ дѣдъ Мосей, сидя на обручѣ, поправляя кивками головы большую грешневикою шляпу, поглаживая самодовольно сѣдую бороду и мигая красными вѣками больныхъ, уже подслѣпыхъ глазъ.

— Онъ же вѣдь тебѣ, Сатиръ-то Кривой, будетъ не то, чтобы совсѣмъ чужой, опять выкрикивали дергачевцы, чтобы ужъ достоль убѣдить дѣдушку Мосея въ необходимости снятъ съ міра тяготу, въ лицѣ Сатира Кривого.

— Такъ ли мы говоримъ, дѣдушка?.. Все одно выходить, какъ бы, значить, въ одну семью идетъ...

— Такъ, такъ. По мнѣ—все одно, только бы человекъ былъ душевный...

— Да онъ, Сатиръ-то, подхватилъ староста: —душевный... Тебѣ ли сказывать объ этомъ! Что насчетъ души—тутъ сомнѣній нѣтъ. Только вотъ на міру ему жить, съ своимъ характеромъ, трудненько. Теперь же онъ какъ разъ въ такой нотѣ: податей платить у него желанія, чтобы, значить, послушно, безъ ссоры—нѣтъ; съ начальствомъ у него тепереча переборы... Земли теперича онъ потребуетъ, а чтобы отдать за нее, смиренно, что полагается—отъ него не жди. Потому онъ теперь, самъ знаешь, третій годъ въ одержаніи. Ну, а міръ все въ отвѣтъ. Будь у насъ земли вдоволь—да мы бы, конечно, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ! Живи, сдѣлай милость!.. Такъ ли? А у тебя ему будетъ чудесно!.. Начальство-то къ вамъ сюда, поди, и не заглядывать. Въ адакомъ райскомъ мѣстѣ онъ, Сатиръ-то, совсѣмъ ангелъ будетъ! А при всемъ при томъ они съ Уляндей-то Мосевоной, знаешь, пріятели—водой не разлей!

Покончивъ, такимъ образомъ, дипломатическій походъ на дѣда Мосея, служившій, въ нѣкоторомъ родѣ, продолженіемъ необходимости «распредѣлать» ниспосланную міру рубаху, и убѣдившись, что дѣдъ Мосей не прочь «и впредь дѣлать тяготы съ міромъ», дергачевцы, въ лицѣ того же хлопотливаго дипломата-старосты Макридія, совсѣмъ измотавшагося на неблагодарномъ дѣлѣ приведенія въ гармонію интересовъ управляемыхъ и управителей—тотчасъ направились къ Сатиру. Вошли въ избу—въ избѣ никого нѣту, кромѣ куръ. Заглянули на дворъ—только лошадь свободно ходитъ, путаясь въ поводу.

— Эй ты, Сатиръ! Дома, чтѣ-ли? окликнули дергачевцы.

— Ну-у, дома! кто-то лѣниво и сердито проворчалъ съ задворокъ. Пошли на задворки. На задворкахъ сидитъ, задомъ къ избѣ, на корточкахъ, длинный и сухой, какъ жердь, Сатиръ и плавить въ желѣзной ложѣ свинець.

— Сатирь! ошликнули мужики.

— Да ну!

— Мы пришли.

— А кто васъ звалъ?

Сатирь сидѣлъ на корточкахъ и не считалъ нужнымъ обертываться.

— Мы, братъ, пришли избу сносить.

— Чью?

— Твою.

— Куда?

— Къ Мосею.

— По чьему приказу?

— Какой тутъ приказъ! Мы хлопочемъ, чтобы какъ тебѣ лучше...

— А кто васъ просилъ?

— Кто просилъ?.. Чать мы — миръ. Мы, братъ, худого не вздумаемъ... Мы, Сатирушка, на душу этого грѣха не возьмемъ, заговорилъ староста Макридій: — мы все, чтобы какъ лучше... Если придется — вернешься къ намъ, не обидимъ... Усадьба за-всегда за тобой будетъ, по закону...

И староста распространялся о томъ, какъ прекрасно будетъ жить Сатиру у Мосея.

Сатирь сталъ наливать пули.

— Ну, такъ что-же ты молчишь? Господи! разсердился наконецъ староста: — что это за человѣкъ? что это я съ нимъ тяготы понесъ! Слышишь что-ли? Вѣдь сносить будемъ.

— Да ну, дуй васъ горой — снесите! Что вы ко мнѣ привязались!.. Что вы мнѣ отдышки не дадите! крикнулъ, вскакивая, Сатирь и бросилъ ложку.

— Тыфу, Мать Пресвятая Богородица! Когда я только развяжусь съ вами! Лѣшій! Домовней! ругался Сатирь, между тѣмъ, какъ кривой глазъ, упорно обращенный на дергачевцевъ, приводилъ ихъ въ сильное смущеніе.

— Да ты что ругаешься? Мы для тебя же, дурака, чтобы какъ лучше было. Всѣмъ миромъ...

Сатирь опять присѣлъ на корточки.

— Такъ ты слышишь, что-ли, скажи хоть разъ по человѣчески: согласенъ, что ли? Такъ мы и знать будемъ.

Сатирь молчалъ.

— Ты то посуди: вѣдь миръ съ тобой смаялся!

Сатирь молчалъ.

— Вѣдь драсть тебя — одно приходится. Вотъ до чего ты хочешь миръ довести!

— Тыфу! окончательно рассердился Сатиръ и такъ плюнулъ въ свою теплинну, что она затрещала.

— Да вы что? вскопичивъ, закричалъ онъ на дергачевцевъ: — А? вы когда спокой мнѣ дадите?

— Да вѣдь мы—миръ! толкомъ тебѣ говорить!

— Миръ!.. Миръ! повторялъ въ волненіи Сатиръ: — Да развѣ миръ то за тѣмъ установленъ, чтобы жилы изъ человѣка тянуть?

— Да ты постой...

— Вѣдь вы, Господи благослови, какъ день-то денской начнется, дадите ли съ своимъ миромъ человѣку отдышку-то? Кто обявываетъ меня вамъ каторжную-то ламку тянуть?

— Кто?.. кто?.. Начальство!

— Начальство?! Такъ ты такъ и говори, пустая твоя борода! накинулся Сатиръ на старосту, махая руками и уставившись на него страшнымъ врывнымъ глазомъ:—ты миромъ-то не суй... Богохульнишь!

— Чтò ты кричишь? осердился и староста.

— Пустая борода!

— Ругатель—одно слово!..

Миръ!.. Холуй—вотъ вы кто!

Сатиръ растеръ сапогами теплинну, схватилъ ложку и пули—и ушелъ въ овинь.

Мужики смотрѣли ему вслѣдъ.

— Ушелъ! сказалъ староста Макридій и въ отчаяніи взмахнулъ руками.

— Чего тутъ стоять-то! Пойдемте.

Пошли. Но на улицѣ опять остановились передъ Сатириной избой и стали смотрѣть на нее.

— Чего смотрѣть-то, сказалъ Макридій:—сносить надо!

— Безъ спосу-то?

— Да чтò ждаты-то? Сноси и шабанъ, коли онъ счастья, можно сказать, своего не понимаетъ.

— Безъ согласу—нельзя, заговорили мужики:—это чтò жъ будетъ!

— Да вѣдь мы—миръ! увѣрялъ староста.

— Миръ! Миръ!.. Миръ не на то установленъ, чтобы человѣка утѣснять... Безъ согласу—нельзя.

— Нѣтъ! нужно пождать.

— Сатириныхъ бабъ разыскать надо. Пушай онѣ его спросать.

Разыскали Сатириную дочь. Послали ее къ отцу въ овинь за рѣшенемъ. Вышло разрѣшене. Въ два дня изба Сатира была свезена и поставлена у Мосея въ поселкѣ общими силами дергачевцевъ. Макридій былъ доволенъ.—Дѣдъ Мосей опять сидѣлъ,

съ налочкой, около плотниковъ, и, поглаживая бороду, приговаривалъ:—Ну, что-жь, пускай съ Господомъ растетъ нашъ поселокъ! То намъ и честь, что люди нами не брезгаютъ! Селитесь, селитесь!

А Сатирь, въ тотъ же день, какъ дергачевцы приступили къ сносу избы, ушелъ на охоту и вернулся, когда уже было все кончено. Онъ постоялъ у своего пенелница, поглядѣлъ кругомъ, плюнулъ и пошелъ въ Волчій поселокъ.

Сатирь былъ чудакъ, одинъ изъ тѣхъ чудаковъ, которыхъ русская жизнь производитъ иногда ради скорбнаго юмора и ироніи надъ своими историческими судьбами. Сатирь долгое время жилъ въ дворнѣ. Обязанность его была—доставлять къ барскому обѣду возможныхъ сортовъ дичь. Если онъ зашивалъ недѣли на двѣ, его въ наказанье производили въ мужики, отнимали у него ружье и заставляли пахать. Сатирь не унывалъ и только жаловался, что ему не даютъ покоя; пахать онъ лѣнился, но, сознавая, что онъ почему-то еще обязанъ работать на барина — пахалъ. Когда у барыни недоставало дичи, она приходила къ заключенію, что Сатирь, вѣроятно, достаточно наказанъ, и приказывала его вновь «произвести въ охотники». Всѣ эти «производства» развили въ Сатирѣ, съ одной стороны, значительную безпечность, съ другой—желаніе свободы, чтобы его весь міръ «оставилъ въ покоѣ». Ему и снилось, и грезилось, когда онъ будетъ въ состояніи охотиться по охотѣ, а не по приказанію, пахать, когда самъ захочетъ, и дичь носить къ себѣ, а не на барскій столъ. Наконецъ, онъ какъ-то разъ бросился къ барину въ ноги, прося «на вѣки опредѣлить его въ крестьянство». Баринъ согласился, и Сатирь сталъ полнымъ мужикомъ. Это было не задолго до воли. Но, попавъ въ мужики, Сатирь скоро увидалъ, что «покою» тутъ тоже немного, однако, онъ смирился и утѣшалъ себя мыслію: вотъ придетъ воля—тогда ужъ оставить ко мнѣ приставать, тогда ужъ—покой! Пришла «воля». Сатирь былъ такъ увѣренъ, что его ужъ теперь никто «не убезпокоитъ», что совсѣмъ отдался охотѣ. Понятно, что разочарованіе не заставило себя ждать, въ лицѣ Макридія и дергачевского міра, съ его повинностями, податями, надѣлами и передѣлами, сельскими и волостными сходами. Занятый охотой и вполне убѣжденный, что онъ ужъ теперь—человѣкъ совсѣмъ «вольный», Сатирь обрабатывалъ свой надѣлъ спустя рукава, сколько могъ самъ сдѣлать съ дочерью—и довольствовался, если ему хватало на прожитіе. Денегъ у него никогда не было, а какія были—онъ и тѣ тратилъ на порохъ. Понятно опять, что такая «безпечность», при бѣдности вообще дергачевского міра и

при увеличивавшихся съ каждымъ годомъ податяхъ—была, по меньшей мѣрѣ, очень странна; о чемъ тотчасъ же, въ лицѣ опять-таки Макридія, и дали почувствовать Сатиру. Сатиръ обругался. У Сатира Макридія свелъ тѣлку. Сатиръ плюнулъ. На другой разъ, у Сатира Макридія продалъ корову. Сатиръ разодрался. Дергачевскій міръ попробовалъ Сатира высѣчь «легоныю». Сатиръ, наконецъ, озлобился на всѣхъ и на вся. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это «убѣжденіе» Сатира въ неосновательности его надеждъ на «полный покой», еслибы дергачевскій міръ, въ виду распредѣленія рубахи, не переселилъ его къ Мосею. Сатиръ ожилъ. Повидимому, здѣсь онъ достигъ если не полного, то уже значительнаго осуществленія своихъ надеждъ. Мосей его не притѣснялъ. Макридія приходилъ только за подушными. Но испытанія для Сатира не кончились; впереди ожидали его еще горнія.

Сатиръ, однако, былъ далеко не однимъ звеномъ, которымъ дергачевскій міръ нравственно связывалъ себя съ Мосеемъ. Не прошло и полгода, какъ дергачевцы, въ лицѣ неусыпно дѣятельнаго своего представителя, старосты Макридія, опять уже вели дипломатическіе подходы подъ благодущнаго Мосея и его дочь, степенную начетчицу Ульяною, имѣвшую большое вліяніе на самого старика Мосея и, въ качествѣ старшей въ семьѣ, пользовавшуюся особымъ уваженіемъ отъ младшихъ ея членовъ.

— Такъ вотъ какія у насъ, можно сказать, прокламаціи выходятъ, Ульянея Мосевна, жалобно говорилъ Макридія:—то есть не приведи Богъ!.. Еслибы, то есть, не жаль міра было, плюнулъ бы, можно сказать, съ большимъ удовольствіемъ... Потому, при эдакой, можно сказать, полосѣ, сообразиться некогда. Только ты въ одномъ мѣстѣ починилъ—глядь, въ другомъ прорвало!.. А тамъ, Господи благослови, въ третьемъ!

— Чтò говорить! Ровно какъ бы и еще тяжелѣе жить людямъ стало, замѣчала Ульянея.

— А я-то про чтò говорю?! Вотъ, вотъ это самое и есть. Теперь вотъ у насъ солдаточка есть одна, Сиклетя... Знаешь чать, дѣдушко Мосей?

— Знаю, какъ своихъ не знать...

— Ну, вотъ! Да не родня ли еще она тебѣ будетъ? Гляди, что родня!

— Нѣтъ, не родня... совсѣмъ не родня.

— О? Ну, не родня такъ не родня, все одно... Да, такъ вотъ эта солдатка теперь при семействѣ осталась, ребятишки малъ-мала меньше... Пришла это на міръ—реветъ: хошь бы какую-да и есть поддержку на пропитаніе... Думали-думали это мы, хо-

тѣли ей огородецъ вырѣзать... да у кого отрѣжешь? Какія у насъ палестины-то тамъ? Можно сказать, блохъ негдѣ повернуться! Тоже всякій дорожится, всякому свое дорого...

— Это чтѣ говорить!

— То-то!.. Такъ ты какъ насчетъ этой солдатки-то понимаешь? Вѣдь тоже мірская тягота, хоша мы и не обязаны, какъ значить солдатка—отрѣзанный ломоть... А я тебѣ скажу—женщина она дорогая! Смиреница. Ребятишки-это, малыши—водой не замути!.. Ей-Богу, не вру!.. Не ревутъ даже—вотъ какая благодать!..

— Такъ-такъ!.. Знаемъ мы ее.

— Такъ ужь не примешь ли ты еще тяготы съ міра? А? Солдатку-то?

— Ну, что-жъ, солдатку такъ солдатку! Селитесь, селитесь!

— Ну, вотъ! Я вотъ сейчасъ бѣгомъ... всѣ ужь міромъ опять ей келейку перенесемъ. А что ужь насчетъ міра какая если тебѣ помочь нужна, такъ ужь будь безъ сумнѣнія — отказу тебѣ не будетъ... Ужь этому повѣрь!

— Да мы вѣримъ!

— Ужь тебѣ отъ міра всякое уваженіе... Вудь въ надеждѣ! Ты думаешь, можетъ, что мы твоей добротой пользуемся, такъ это ты напрасно, ошибаешься... Мало ли у насъ тутъ вонъ кулаковъ-то появилось! Да развѣ мы къ нимъ идемъ? Потому, мы знаемъ: ни они отъ насъ ничего не жди, ни мы отъ нихъ. А мы съ вами какъ бы сообща.

— Сообща—на чтѣ лучше!

— Такъ ужь я солдатку эту увѣдомлю... Вѣдь ей много ли надо? чтобы только не умереть, единственно... Гдѣ нибудь ей клочекъ выдѣлишь, и пушай, съ Господомъ, копаются съ ребятишками: капустки насадить, огурчиковъ. Вотъ ей и божія пища!

— Ладно, ладно! Селитесь, селитесь! Къ міру ближе—теплѣе!

— Это вѣрно... По старинному, такъ говорили.

И низенькій, юркій Макридій, вѣчно въ синемъ суконномъ разлетаѣ, съ неизмѣнной биркой въ рукахъ, труспой бѣжалъ къ своей деревнѣ, размахивая руками и, по обыкновенію, продолжалъ разговаривать самъ съ собою.

Дней черезъ пять, къ одному боку выселка примкнула и келейка солдатки Сиклетек, огласившая выселокъ гомономъ ребятишекъ отъ полугодогового до семилѣтка, и громкимъ крикомъ самой Сиклетек, цѣлый день творившей надъ этой ребячей стаей материнскій судъ и расправу.

За солдаткой Сиклетекей, Богъ вѣсть откуда явился, мѣсяца черезъ три, старый, сгорбленный заптатный пономарь Θεоти-

мычь, въ сопровожденіи того же дипломатическаго Мауридія. И снова дергачевскій міръ, устами послѣдняго, убѣждаетъ Мосея принять тягу съ міра въ лицѣ старика Θεотимыча; при чемъ прибавляется, «что хоша мы и не обязаны, да для ради родительскаго поминовенія—было бы очень хорошо!» И «для ради родительскаго поминовенія» старику Θεотимычу выпрашивается «самый, то есть увромный уголышекъ гдѣ-нито», и Θεотимычь поселится въ выселкѣ.

Замѣчательно, что такія отношенія дергачевского міра нисколько не стѣсняли Мосея; напротивъ, это дѣлало ему большую честь, онъ гордился такимъ довѣріемъ къ себѣ міра, это было по старинному. Нисколько дергачевцы не чувствовали «угрызений совѣсти» за эту эксплуатацію Мосеевскаго добродушія, потому что тутъ и не было эксплуатаціи, а была солидарность въ принятіи общей мірской тяготы. Выкажи только Мосей, хоть словомъ, что онъ не хочетъ жить по старинному, что онъ хочетъ маклачить и землей, и своимъ вліяніемъ, и своимъ достаткомъ, однимъ словомъ, стать кулакомъ, дергачевскій міръ никогда не пришелъ бы къ нему съ такого рода «душевыми» предложеніями; но за то и Мосей тогда не могъ бы разсчитывать ни на какую солидарность съ міромъ, ни на какую «помочь» съ его стороны, помочь, конечно, вызванную душевнымъ расположеніемъ, а не денежными или иными разсчетами. Такія отношенія къ міру со стороны Мосея вовсе не были какимъ нибудь особенно нравственнымъ самопожертвованіемъ; напротивъ, они были выгодны для Мосея, полезны, но полезны «по старинному». И если эти отношенія могутъ показаться кому-либо слишкомъ идеальными, то это потому, что выгоды «новаго времени» слишкомъ различны съ выгодами «по-старинѣ».

Такъ или иначе, впрочемъ, къ тому времени, когда начинается нашъ разсказъ, Волчій поселокъ представлялъ довольно оригинальное поселеніе, съ явнымъ стремленіемъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, превратиться въ свою очередь въ новый дергачевскій міръ. Вполнѣ вѣроятно, что съ теченіемъ времени стерлось бы всякое воспоминаніе о «собственномъ владѣніи», когда-то «осѣвшаго» на этомъ мѣстѣ старика Волка, и никакіе юрсты въ мірѣ не откопали бы и слѣда какихъ либо данныхъ «къ возстановленію нарушенныхъ правъ собственности».

Примыкая задами къ березовой рошѣ, вытянулась по косогору, съ отлого сбѣгающей внизъ къ рѣчкѣ и мельницѣ зеленой лужайкой, шесть избушекъ поселка: одна изъ нихъ — самая большая, въ три окна въ улицу, и въ двѣ большія половины во дворъ — была келья Ульянеи, гдѣ жилъ теперь Мосей, уже со-

всѣмъ охрипѣвшій, глухой и слѣпой. Эта изба была «общая». Здѣсь собирались братья Волки для совѣтовъ, и вся семья—для обѣдовъ и ужиновъ по праздникамъ; въ трехъ сосѣднихъ избахъ, въ два окна каждая—жили три брата съ семьями: старшій Ванифантій «большакъ», къ которому перешло первенство въ семьѣ за старчествомъ Мосея, вдовецъ, съ двадцати-лѣтнею дочерью Лусей, главный хозяинъ и управитель выселка, почтенный мужикъ лѣтъ 50-ти. Слѣдующій за нимъ—Вахромей; у него жена Прасковья и два малолѣтка; третій братъ—Архипъ, больше извѣстный подъ именемъ Хипы; у него жена Федосья и одинъ малолѣтокъ. За этими тремя избами слѣдуютъ «избенки» чуждака Сатира съ дочерью, «солдаточки», съ цѣлой стаей ребятишекъ, и не то изба, не то шалаши какого-то неизвѣстнаго человѣка, молчаливаго, смирнаго. Какимъ онъ образомъ попалъ въ выселокъ—неизвѣстно никому. Только въ одно утро онъ предложилъ Ванифантiю съѣздить за него попахать. Ванифантiй, думая, что это новый поселенецъ, принятый Мосеемъ, отдалъ ему лошадь и соху. Незнакомецъ пропахалъ весь день и слѣдующій, и еще слѣдующій. Работалъ онъ изумительно много и скоро. Назвалъ онъ себя, шутилъ, Иваномъ Забытымъ. И черезъ недѣлю всѣ уже въ поселкѣ знали Ивана Забытаго, какъ роднаго. Никому его присутствiе не было въ диво; для всѣхъ онъ какъ будто давно былъ необходимымъ человѣкомъ.

— Иванушко! перенеси ко мнѣ борть съ дерева, просила Оеклуша.

— Чтѣ-жь! Съ удовольствiемъ, говорилъ Иванъ, добродушно улыбаясь.

— Иванушко! посмотри, родной за ребятишками, кричала Ульяна, поручая ему стаю своихъ учениковъ.

— Чтѣ-жь, съ удовольствiемъ, говорилъ Иванъ и принималъ на себя должность надзирателя.

— Ахъ, Иванушко, присмотри ты за моими голыями-то, дорогой! я вотъ только въ деревню за заступомъ... А вотъ малому-то сунь сеску — онъ и пуцай лежить! говорила солдатка Снедотья.

— Съ удовольствiемъ! опять отвѣчаетъ Иванъ и садится съ ребятишками у солдатенной избы, дѣлаетъ имъ чужи и кубари, няньчить на рукахъ ребенка.

Черезъ двѣ недѣли, онъ импровизировалъ въ выселкѣ кузницу, дѣлалъ мѣхи, на первый разъ изъ старыхъ голенищъ. И кузнецомъ онъ оказался великолѣпнымъ.

— Золотой мужикъ у насъ Иванушко, говорили поселенцы

Волчьего выселка: — и откуда это Господь къ намъ его при-
слалъ?

Но Иванъ обыкновенно отшучивался на этотъ счетъ — и ни-
кто такъ и не добился, кто онъ, откуда. Волки думали, что его
поселили къ нимъ, по обыкновенію, Дергачевцы; Дергачевцы
думали, что сами Волки его откуда-ни то привлекли своимъ
«мирнымъ житіемъ». Впрочемъ, всѣмъ было вѣдомо, что онъ
податей не платитъ. Ванифантій, послѣ устройства кузницы, со-
всѣмъ сталъ безъ ума отъ Ивана, умилившись передъ его умѣ-
лостью, бывалостью и усердіемъ, несмотря на то, что въ по-
слѣднее время «большакомъ» стали овладѣвать какія-то сму-
щенія.

Такъ народился и заселился этотъ невеликій поселокъ, кото-
рый прозвать дергачевскій міръ — «волчьимъ».

ГЛАВА II.

Какъ въ немъ жили.

Если вы хотите познакомиться съ «благомысленными людьми»
деревни, приходите въ осенній праздникъ, послѣ окончанія гѣт-
ней страды, въ село Доброе, гдѣ есть большая старинная цер-
ковь съ посѣрѣвшей колокольней въ формѣ сахарной головы,
съ большой луговойной вокругъ нея, покрытой сочной зеленой
муравой, съ длиннымъ пяти-оконнымъ «батушевымъ домокомъ» и
палісадникомъ, противъ алтаря. Свѣтлый, прохладный осенній
день, въ это время, больше всего собираетъ въ церковь дере-
венскаго люда. Около десяти часовъ. Обѣдня уже скоро отой-
детъ, но народъ все еще идетъ въ церковь. Запоздавшія по хо-
зяйству бабы трусдой бѣгутъ отъ села, на-скоро поправляя плат-
ки на головахъ и завертывая въ ручники восковыя свѣчи... Отъ
церкви падаетъ на луговину длинная тѣнь. Въ ней пріютились
слѣпые, нищіе, деревенскіе ребятишки, предпочитающіе больше
быть около церкви, чѣмъ въ ней, и лошади, съ отпущенными
неводами, заложеныя въ телеги. Около нихъ-то преимуще-
ственно и бесѣдуютъ ребятишки. Но особымъ ихъ вниманіемъ
пользуется одна большая, сивая лошадь, которую они кормятъ
изъ рукъ свѣжей травой. Эта лошадь исключительно оставлена
подъ ихъ присмотръ. Ребятишки давно уже опѣнили достоин-
ства, и самой сивки, и большой телеги, и теперь скучали, сидя въ
кружкѣ передъ мордой сивки, добродушно жевавшей, глядя на
нихъ, подглядываемую ей траву. Зазвонили, наконецъ, къ отхо-

ду. Народъ медленно двинулся изъ церкви. Ругавшіеся у паперти сѣдые нищие тотчасъ же затанули свои «стихи». Завоевали гроши, надавая въ подставленные деревянные чашки. Деревенскій дурачекъ Филипушка затанулъ бессмысленно «ма а а-а!», приставая къ выходящимъ съ врозьнутой рукой. Низенькая, худенькая старушка, покрытая по самыя глаза синимъ платкомъ, стала около него и молча кланяется въ поясъ проходящимъ.

— Прими, христа-ради! говоритъ сѣдой мужикъ въ шляпѣ грешневикомъ, вынимая изъ кошель мѣдакъ, и, сгорбившись и покряхывая, проходитъ далѣе, опираясь на длинную палку. Молча раскланиваются съ нимъ встрѣчные.

— Ну-у! Спасибо, спасибо! ворчитъ старикъ, махая рукой, и, не снимая шляпы, кланяясь съ народомъ.

— Къ намъ не пожалуешь-ли, Иванъ Ѳедотычъ! говоритъ высокій, плотный мужикъ, новичокъ-старшина, въ синей сибиркѣ, раскланиваясь полуочтительно, полувывсокомѣрно съ старикомъ.

— Ваши гости, ваши гости! пересиливая одышку, проговорилъ старикъ:— только неколи теперь... Недосуѣ... Дарья, Дарья!.. Гдѣ запропастилась! сердито кричитъ онъ, подходя къ своей телегѣ.

— Ребятишки! сбѣгай въ деревню, посмотри Дарью Ивановну, приказываетъ старшина: — дѣдушка, молю, дожидается.. Заѣхали бы, Иванъ Ѳедотычъ!.. Чѣмъ Богъ послалъ угостились бы...

— Нѣту, нѣту... Спину разломилъ, ворчитъ старикъ.— Къ намъ коли чтѣ...

А между тѣмъ народъ не перестаетъ отвѣшивать низкія поклоны, проходя мимо старика. Но старикъ не считаетъ нужнымъ постоянно снимать шляпу и кланяться.

— Ну-у! Спасибо, спасибо, продолжаетъ ворчать онъ полусердито, полудобродушно, помахивая рукой на привѣтствіе.

— Василий! приказываетъ старшина первому попавшемуся парню:— поди, внизудай кобылу-то Ивану Ѳедотычу!..

Парень подходитъ къ лошади старика и, молча снявъ картузъ и загѣвъ опять плотно натанувъ его на кудравую голову, начинаетъ взнуздывать лошадь.

Но едва успѣваетъ, крихтя, старикъ поднять ногу на колесо, чтобы загѣвъ въ телегу, какъ около него раздается голосъ смиреннаго мужика.

— Иванъ Ѳедотычъ, будь добръ—на минутку бы... Загляни, сдѣлай милость!

— Охъ! чтѣ у тебя?

— Посоветоваться бы... Такие дѣла, такіе дѣла — не приведи Господи! А-ахъ!.. отчаянно машетъ рукой мужикъ.

— Ладно. Заѣди ко мнѣ. Приходи какъ ни то...

— Да когда мнѣ ходить-то! Вѣдь до тебя-то почестъ пять верстъ будетъ! А дѣло то кипить!.. сдѣлай милость! Загляни ко мнѣ...

— Эхъ! крикнулъ старикъ:—спинушку разломилло... Печки просятъ. Ну, ладно! Заѣду ужъ...

— Такъ вѣрно? говоритъ обрадовавшійся мужикъ.

— Вѣрно, вѣрно... Эхъ! Теперь заѣдешь, того гляди до обѣда не выберешься, опять крикитъ старикъ, заѣзая въ телегу. А смиренный мужикъ трусцой пускается бѣжать на село, чтобы успѣть раздобыть самоваръ, кунить на пятакъ серебра чаю съ сахаромъ въ лавочкѣ и бараномъ и достойно принять «благомысленнаго» старика.

Иванъ Ѳедотичъ—одинъ изъ «благомысленныхъ» людей добросельскаго міра. Весь вѣкъ жилъ «по правдѣ», предъ неправдой былъ «крѣпко», «Бога помини», умѣлъ во время «отрѣшиться» отъ зла и уцѣлѣть—вотъ смыслъ его жизни; вотъ права его на репутацію «благомысленнаго» мужика, на уваженіе и память своихъ сообщниковъ. Пока Иванъ Ѳедотичъ собирался уѣзжать, изъ церкви выходила другая личность, передъ которою также разступался народъ, кланялись бабы и снимали мужики шапки. Это была высокая, худая, нѣсколько сутуловатая, одѣтая «по старинѣ», въ синій сарафанъ, въ большіе «коты» и въ черныя кафтанъ, повязанная большимъ чернымъ платкомъ, пожилая, но еще не старая женщина; степенно-серьезно смотрѣло ея лицо; глубокія складки лежали по щекамъ, и морщины по лбу.

— Иди, иди, Лупенька! Иди! Не засматривайся по сторонамъ... Давай дорогу и другимъ пройти! говорила она ровнымъ спокойнымъ голосомъ своей бойкой черноглазой племянницѣ, тихонько поталкивая ее въ спину передъ собой.

— Къ намъ не пожалуете-ли, Ульянея Мосевна! говоритъ опять плотный старшина, не кланяясь, но полу-почтительно, полу-небрежно снимая картузь:—не оставьте... Премного бы насъ удовольствовало... И въ то время, какъ старикъ Иванъ Ѳедотичъ считалъ себя, по старости лѣтъ, въ правѣ не откланиваться на привѣтствія, Ульяна Мосевна спѣшила не только отвѣчать на нихъ мѣрными кивками головы, но cadaго кланявшагося, въ особенности бабъ, поименовать по отчеству.

— Ваши гости! ваши гости, Сила Титичъ! За ласку примите

спасибо... Будетъ время, васъ не минуемъ.—Бъ намъ милости просимъ.

— Гаврило! Иванъ! Соберите кобылу-то Ульянѣ Мосевнѣ!.. приказываетъ опять плотный старшина. — А то заѣхали бы!.. Чѣмъ Богъ послалъ угостилась бы. Около, значить, самоварчика. Супругу бы навѣстили...

— Какъ она?

— Пухнетъ-съ. Истинно Господне наказаніе!

— Чтѣ-жъ баночки-то?

— Наставляли съ... Оттануло малую мѣру. Предполагаемъ съ фельдшеромъ пиввицу припустить...

— Водянка, смотри того, будетъ?

— Надо поларать-съ. Потому—пухнетъ-съ.

— Заѣду, заѣду!.. нельзя не заѣхать.

— Просимъ не оставить.

Телега и сивка, предоставленная исключительно подъ присмотръ деревенскихъ ребятшекъ, принадлежали Ульянѣ Мосевнѣ.

— Ну, чтѣ, ребята, присмотрѣли благополучно? спрашивала она ребятшекъ.

— За первый сортъ!.. Откормили такъ, хоть на убой—такъ впору! Мы, тетенька Мосевна, все здѣсь были! заявили ребятки.

— Ну, хорошо, хорошо... Вѣдите къ Сафроничу, и я туда какъ разъ послѣю... Мы у него за пятакъ сахарной ланши закупимъ.

— Ладно!

— Заверни, Мосевна, къ намъ-то! Бога для, сударка! тихо шептала какая-то старушка, когда Ульяна Мосевна садилась въ телегу.

— Ай, чтѣ у васъ?

— Вѣда родная! Не говори! Самъ-то ходитъ ровно очумѣлый. А сама-то пластомъ лежить. Того гляди—руки бы не наложила. Просить сама-то: новови, говорить, Мосевну, хотя бы я съ ней словечко перемолвила... Хотя бы душу-то отвела...

— Да чтѣ у васъ такое?

— Сѣкли, родная. Въ волости сѣкли. А вѣдь ужъ мужикъ въ лѣтахъ. Ребятки тоже не грудные... Какъ имъ глаза-то показать! Ну, и мечется.

— Спаси, Господи, сохрани и помилуй! Заѣду, Митревна, сейчасъ заѣду.

Плотно сжала строгія губы Ульяна Мосевна, покачала голо-

ной и, мѣрно раскланываясь съ пешимъ по улицѣ народомъ, тихо двинулась съ своей племянницей къ селу.

— Ульянея Мосевна! Ко мнѣ-то, ко мнѣ-то не забудь, касатка! кричитъ ей кака-то бабенка:—заждалась я ужъ тебя!

Вечерніе сумерки давно уже спустились на село Доброе, а лошади «благомысленныхъ» людей еще не исчезаютъ съ сельской улицы; то у однихъ, то у другихъ ворота стоятъ ихъ крѣпкія, купецкія телеги. Ждали телегу Ульяны и у малой, подпертой колыма дряхлой избянки Митревны, пока больная, «сама не въ себя» бабенка «отводила, душу», выплакивая передъ Мосевной свое горе, ждала она и у Сильвестра, непокладистаго, крутого мужика, пока Мосевна уговаривала его пустить въ ней ребятишекъ въ науку, ждала и у избы старшины, гдѣ «пукла» головица, отъ неумѣреннаго и тайнаго употребленія тайной «красной водочки», пока Мосевна ощупывала ей «отѣшшія» ноги и животь и рекомендовала ей цѣлый ворохъ цѣлебныхъ средствъ; ждала и у «батушкина дома», гдѣ словоохотливая понады успѣла высыпать ей цѣлый коробъ сплетенъ, пока Мосевна дождалась, когда батюшка отыщеть ей старый требникъ съ цѣлебными молитвами; ждала и у сельсваго кабака, пока зоркій глазъ Мосевны искалъ въ кабацкой толпѣ одного «женина мужа», сбѣжавшаго отъ больной жены и ребятишекъ.

Бывали случаи, что телега Ульяны Мосевны останавливалась и у волостнаго правленія, и у мірской сходки—и не рѣдко прѣязвала домой Ульяна Мосевна только на третій день, побывавъ и въ селѣ, и въ ближайшихъ деревняхъ. Давно уже она совершаетъ такіе объѣзды, осеннею и зимнею порой, еще съ тѣхъ поръ, какъ семья Мосей жила въ деревнѣ Дергачи и не выселялась.

Что-же такое «благомысленный» деревенскій человѣкъ? Ничего особеннаго—для насъ, и очень многое—для народа. Это не болѣе какъ личность, случайно поставленная въ выгодныя экономическія условія, давшія ей возможность сохранить долю относительной независимости, и, въ тоже время, личность, настолько нравственно стойкая, чтобы «жить по правдѣ», «отрѣшиться отъ неправды и лицепріятія», личность, которую, вслѣдствіе этого, ничто не заставляетъ кривить душой, а потому каждое ея слово есть слово правды и убѣжденія. Понятно, что это возможно только при одномъ условіи, которое называетъ народъ «отрѣшеніемъ»; а это послѣднее влечетъ за собою, какъ неизбежное слѣдствіе, готовность на подвигъ. Въ подвигѣ и отрѣшеніи—вся сила «благомысленнаго» человѣка деревни. Благомысленный человѣкъ, виѣсть съ тѣмъ—органическій народный

типъ. Его выработали темныя историческія судьбы народа, лишеннаго благъ цивилизаціи. Благомысленный деревенскій человекъ, это—народный публицистъ, это—руководящій органъ, совѣтникъ и охранитель дѣдовскихъ устоевъ; это—врачъ духовный и, вмѣстѣ, нервѣдо тѣлесный. Въ «смутныя времена», во времена «людскаго шатанія», экономическихъ неурядицъ, колебанія устоевъ—происходятъ-ли они въ цѣломъ государственномъ организмѣ, или въ малой деревенькѣ—народъ выдвигаетъ изъ себя «благомысленныхъ людей». Кузьма Мининъ—вотъ историческій типъ «благомысленнаго» человека народа. Иванъ Федотычъ и Ульяна Мосевна—заурядные типы благомысленныхъ людей добросельскаго міра. Благомысленные люди консервативны; это не люди движенія, а носители вѣковыхъ традицій, упорные быки, о которые разбивается часто все, что имѣетъ намѣреніе подкосить стоящія за ними устои народной жизни. Благомысленный человекъ можетъ быть только «человекъ деревни», и всему, что имѣетъ поползновеніе реформировать устои этой деревни, волей-неволей приходится прежде всего считаться съ благомысленнымъ человекомъ. Ульяна Мосевна была «благомысленная женщина» добросельскаго міра; эти женщины извѣстны въ народѣ подъ именемъ—«начетчицъ», «незамужницъ», «Христовыхъ невѣстъ», а то и просто благомысленныхъ бабъ.

Зайдите въ знойный июльскій или августовскій день, въ самый разгаръ деревенской страды, въ какую угодно убогую деревеньку, загляните въ ту или другую нивеньку, дряхлую дву-обонную избушку, всю вросшую въ землю, тамъ, среди общаго безмолвія и пустоты, вы найдете въ большинствѣ случаевъ маленькую дѣвушку, лѣтъ пяти-шести, блѣдную и болѣзненную, съ большимъ вздутымъ животомъ и тонкими ногами. Эти хрупкія слабыя ноги не держатъ ея, и еще съ самаго рожденія она не становилась на нихъ. Молча сидитъ этотъ ребенокъ по цѣлымъ днямъ на лавкѣ, въ углу избы, закутанный въ старыя полушубокъ, и то безучастно глядитъ своими большими грустными глазами (взглядъ этихъ глазъ всегда немовѣрно жалокъ), какъ братишки возятся на полу съ котятками, то по цѣлымъ часамъ—одинъ одинопенецъ, оставленный въ страдную пору—вслушивается въ жужжанье мухъ, носящихся стаями надъ нимъ. И никого, никого кругомъ, кромѣ такихъ же, какъ и онъ, маленькихъ ребятшекъ, никого—цѣлые часы! Развѣ только отецъ прійдетъ захватить забытый топоръ, сурово окрикнувъ у воротъ баковней-парнишекъ, сурово посмотритъ на больного ребенка, войдя на секунду въ избы, отмахнетъ отъ его соннаго личика мухъ, броситъ ему ложку, вмѣсто игрушки,—и опять уйдетъ. И

опять дѣвочка одна дѣлне томительные часы. Въ полдень на-вернется мать, пришедшая захватить жницамъ обѣдъ въ поле, поглядитъ ребенка по головѣ, посмотритъ на нее какъ-то боязливо-задумчиво, поставитъ передъ ней чашку съ варенымъ картофелемъ и скажетъ: «пожуй, пожуй, болѣзнаа!»—Не хотца! протанеть шопотомъ ребенокъ.—«Чтѣ же, косатка? Али чтѣ болитъ? Позыву-то вишь у тебя на пицу нѣтъ.... Болитъ, молъ, что ли, чтѣ?—Нѣту, ничего не болитъ.... «Эко дѣло, эко дѣло!» только скорбно проговоритъ про себя мать, покачаетъ головой и начнетъ кутать опять ребенка полушубкомъ.—«Чего ты застряла тамъ, Аграфена? кричатъ въ окно бабы:—иди скорѣе! Вѣдь мы ждемъ! не одну тебя будутъ на перевозѣ-то переправлять!—«Иду, иду! Охъ, сейчасъ только вотъ дѣвчонку то приберу!» И мать бросается изъ избы, наскоро захвативъ хлѣба и кувшинъ съ квасомъ.... До глубокаго вечера ребенокъ опять остается одинъ, въ сообществѣ только неугомонныхъ мужъ, предоставлен-ный всѣмъ случайностямъ, которыя вздумаетъ ниспослать на его бѣдную, беззащитную голову суровая мужицкая судьба.... «Не скорѣла бы какъ—ни то.... Мальчишки-то малъ-мала меньше.... Чего съ нихъ взять! Спалать ее того гляди, а то—прибить, пожалуй, тоскуетъ на жнитвѣ мать.—Чего, голубушка! Пришла этто я вчера, а Ванифалка то мой стовгъ около нея да кричить, пузанъ эдакій:—ступай со мной играть! Чего ты со мной не играешь? Вишь какал мнѣ свуга.... Вотъ призову я ребятшекъ, палками тебя стонимъ съ лавки-то! А она, милые, смотритъ на него такъ жалобно, словечка не скажетъ»—Ну, все одно—не жалецъ она у тебя.... Она ужъ—божья, утѣшатъ мать сердобольная бабы:—какъ никакъ, а скоро ее прибереть». Да, много прибираетъ Господь по нашимъ деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, этихъ жертвъ народной безкормицы и безразсвѣтной деревенской тьмы. Много мрѣтъ ежегодно по деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, но много остается ихъ и въ живыхъ, наполняя наши деревни огромнымъ контингентомъ тѣхъ нѣмыхъ свидѣтелей народнаго горя, тяжесть прокормленія которыхъ опять таки несетъ на себѣ скудная крестьянская закрома и которыхъ народъ окрестилъ скорбными именами «блаженнѣнкихъ», «дурачковъ», «продивыхъ», «божьихъ людей». Рѣдко, но случается, что изъ контингента этихъ обреченныхъ на вымирание, но спасенныхъ волею случая какъ-къ «выправляются» настоящіе люди, обыкновенно, впрочемъ, съ слабыхъ физическимъ развитіемъ, но за то съ сосредоточенной душой. Лишенные возможности подымать тяжесть полевыхъ трудовъ, эти «спасенные», обыкновенно женщины, отдають, въ свою очередь, всѣ свои за-

боти и привязанности такимъ же дѣтямъ, какими выросли онѣ. И благо той деревнѣ, въ которой проявится такая «спасенная»; она не съ одной матери сниметъ бремя тоски и заботъ объ оставленныхъ въ страду, на произволъ судьбы, ребятишкахъ.

Такова была и Ульяна Мосевна: въ дѣтствѣ она была «обрѣченная», въ юности—«спасенная». Къ десяти годамъ, хотя медленно, но стала Ульяна выправляться; къ 12—она уже выглядывала за ворота. «Вишь ты, не беретъ Господы! И что ей за судьба будетъ? Куда она, такая ледящая, годится? думалъ Мосей, глядя на ея сухую, съ блѣднымъ лицомъ, фигуру, и покачивая головой:—какъ ни какъ надо ее по грамотѣ пустить.... Больше въ ней проку не будетъ!» рѣшилъ онъ и отвелъ ее къ одной мѣстной начѣтчицѣ. Это было спасеніемъ для Ульяны. Освобожденная отъ тяжелыхъ работъ, она стала «выправляться», и къ 16 годамъ могла уже помогать матери по хозяйству. Господа ея, какъ «обреченную» на смерть, не трогали, а чтобы не замѣтили какъ-нибудь «съ барскаго двора», что Ульяна «выправляется», мать ея, Аграфена, теперь насильно заставляла ее сидѣть дома и не показываться на улицу. Но нельзя было укрыть восемнадцатилѣтнюю дѣвку отъ деревенскихъ парней. Въ тихія лѣтнія ночи часто слышался на задворкахъ Мосеевой избы чей-то шепотъ, раздавались чьи-то задержанные подѣлви. Парень попался Ульянѣ хорошій, обѣщаль жениться, но барыня, какъ разъ въ это время, ссадила его на оброкъ, и онъ ушелъ въ столицу на заработки, поклявшись Ульянѣ черезъ годъ непремѣнно обвѣнчаться съ нею. Ушелъ парень, Ульяна совсѣмъ скрылась въ своей избѣ, а немного спустя, въ обвинѣ Мосея, тихо, до того тихо, что никто не слыхалъ даже изъ чуткихъ до этихъ дѣлъ сосѣдокъ, народилось малое «незаконнорожденное» существо. Къ великому счастью Мосеевой семьи, существо это жило всего одинъ часъ. Бабкой была Аграфена, восприемникомъ—Мосей. Тую же ночью, взявъ Мосей мертваго младенца, завернулъ его въ пазуху и, сказавши семьѣ: «Убью, ежели только слово на вѣтеръ вынесете!»—унесъ его къ себѣ въ лѣсъ (какъ извѣстно, онъ былъ лѣсникомъ). Этой же ночью онъ скронилъ его въ лѣсныхъ дебряхъ. Тайна Ульяны осталась на вѣки тайной. Ульяна ждала теперь жениха, и женихъ дѣйствительно вернулся къ назначенному сроку, но вернулся мертвымъ: его нашли замерзшимъ и занесеннымъ вьюгой, въ полуверстѣ отъ деревни. «Чего тутъ? Видимо—судьба! Только смотри у меня—еще не дурить!» прикрывнулъ Мосей на Ульяну. Ульяна, скрытно отъ всѣхъ, собралась на богомолье. Мосей махнулъ рукой: «Пущай! Ей ужъ одна утѣха!» Только черезъ три года

вернулась Ульяна домой. Но больше скрываться было нельзя. На «барскомъ дворѣ» уже ее намѣтили и погнали на барщину. Здѣсь столкнулась она съ Сатиромъ. Онъ только-что овдовѣлъ и остался одинъ съ трехлѣтней дочерью. Дочь эту онъ любилъ, съ охоты носилъ ей то земляники, то голубицы, то цвѣтовъ. Ульянѣ понравилось это. Ей хотѣлось выйти за Сатира замужъ. Но Сатиръ былъ еще тогда молодъ и, какъ вся дворня, хвастливъ и разгуленъ, между тѣмъ какъ Ульяна, въ двадцать пять лѣтъ, выработала, уже въ себѣ ровный, спокойный, сосредоточенный характеръ. Въ первый же день ихъ любовнаго объясненія, Сатиръ похвастался въ кабацѣ, такъ, совсѣмъ зря, безъ всякаго умысла, потому что и самъ сталъ-было любить Ульяну. Въ Ульянѣ словно что порвалось. «Не судьба мнѣ!» рѣшила она уже въ послѣдній разъ, и съ тѣхъ поръ стала избѣгать Сатира. Сатиръ былъ изумленъ, но ему было и горько. Онъ уважалъ Ульяну за ея любовь къ его дочери, за ея строгій, степенный характеръ. Онъ видѣлъ, что ему ужъ не вернутъ ея. Къ этому времени овдовѣлъ старшій братъ Ульяны, Ванифантій, и она, замѣнивъ оставшимся сиротамъ, Лушѣ и Петру, мать, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась и полной хозяйкой въ семьѣ, такъ какъ мать у нея умерла еще раньше, а Мосей жилъ уже въ своей роцѣ. Сатиръ долго кутилъ, потомъ вдругъ рѣшился: пришелъ онъ къ Ульянѣ, съ дочерью на рукахъ, и смиренно просилъ её принять къ себѣ, пока на ноги не станетъ дѣвчура. «А то вѣдь, при нашемъ проваленномъ житьѣ, ни за грошъ загибнешь! Не ужъ-то прогонишь, ее-то?» съ тайной боязнью спросилъ Сатиръ. Но Ульяна не прогнала. Аннушка, дочь Сатира, была первой дѣвушкой, взятой Ульяной со стороны, въ «поученіе». Сатиръ долго опять послѣ того кутилъ и, наконецъ, совсѣмъ заугрюмѣлъ. Съ каждой охоты приносилъ онъ какой-нибудь презентъ своей дочуркѣ и Ульянѣ Мосевнѣ. Молча клалъ свой презентъ на столъ, угрюмо поглаживалъ дочь по головѣ, сумрачно взглядывалъ на Ульяну Мосевну—и тотчасъ же, нахлобучивъ на уши картузь, уходилъ, широко шагая, изъ избы. Ни на какія приглашенія остаться, ни на какія угощенія онъ не сдавался. Давно уже выросла дочь Сатира и вела свое собственное хозяйство у отца, давно уже Сатиръ переселенъ былъ дергачевскимъ міромъ въ Волчій поселокъ—а онъ и до сего времени, неуклонно и также молча, какъ добровольный оброкъ, носить съ каждой охоты «презенты» предмету своей чистой, но неудачной любви....

Въ одинъ изъ осеннихъ дней, Ульяна Мосевна, по обычаю «благомысленныхъ людей», навѣщала знакомыхъ и незнакомыхъ бабъ добросельскаго міра, жаждавшихъ «отповѣдать» ей накопившіяся за дѣто горести и невзгоды. Впрочемъ, теперь уже рѣже дѣлала свои объѣзды Ульяна Мосевна, да и ѣздила уже одна; какъ минуло Лушѣ шестнадцать лѣтъ, она перестала ее брать съ собою, а теперь Лушѣ шелъ уже двадцатый годъ. Ульяна Мосевна успѣла побывать и въ селѣ Добромѣ, и въ деревняхъ Подпалихѣ съ Поджарихой, и теперь вѣзжала въ родные Дергачи, чтобы отсюда отправиться въ свой поселокъ.

Копавшаяся у околицы малая дѣвчушка, съ бѣлыми расстепанными косичками, въ синемъ крашенниномъ сарафанѣ, какъ только замѣтила знакомую лошадь, бросилась бѣжать по Дергачевской улицѣ, выпятившись впередъ животомъ и сверкая голенастыми, сожженными на солнцѣ ногами.

— Мосевна! ѣдетъ! Мосевна-а! Мосевна-а! пронзительно кричала она на всю улицу, пока не высыпала ей навстрѣчу цѣлая гурьба ребятишекъ всевозможныхъ калибровъ и разновидностей: тутъ были большоголовые и малоголовые, бѣловолосые и черноволосые, мальчишки, подпоясанные подъ самое брюхо, съ ключиками на поясахъ, и дѣвчонки съ поясами чуть не на самой груди. Вся эта гурьба тотчасъ же приняла подъ свое покровительство сивую кобылу Ульяны Мосевны.

— Ну вонъ, прѣехала! сказалъ староста Макридій, стоявшій среди дергачевского міра, по какому-то поводу собравшагося у старостиной избы.

— Эй, благомысленная! А мы къ вамъ было въ выселокъ собрались всѣмъ міромъ! говоритъ Макридій, раскланиваясь съ Мосевной и махая, по обыкновенію, руками.

— Али что у васъ? Милости просимъ.

— Да что! Такія дѣла, такія дѣла... Только единственно, какъ міръ жалѣючи, началъ свою обычную пѣсню староста Макридій, безъ которой онъ ни разу не начиналъ никакого разговора съ тѣхъ поръ, какъ стали его выбирать въ старосты.

Подожли мужики. Одни сняли шляпы, другіе, по близкому знакомству, не сочли нужнымъ.

— Такъ что жъ, ступайте, милости просимъ...

— Да мы вотъ тебя поджидали... Когда ты прѣдешь...

— Что жъ я-то?.. Есть тамъ и безъ меня хозяева. Наше дѣло бабье...

— Чего тутъ — безъ тебя! Безъ тебя — нельзя... Тутъ дѣло такое... тутъ дѣло душевное. Ты скоро ли уравишься?

— Да вотъ съ матерями-то хотѣлось бы кое-что перемолвить.

— Ну, ну, ступай... Мы подождем! Да не долго судачьте там!..

— Хорошо, хорошо! Мы уж как нитѣ сокротимся...

Дѣйствительно, Ульяна Мосевна повернула дѣло скоро: не осталась дожидаться ни самоварчика, которымъ было уже раздо былись нѣкоторыя бабы, ни конца ихъ рассказамъ. Бабы остались, конечно, не совсѣмъ довольны нынѣшнимъ посѣщеніемъ. Но онѣ были люди «близкіе, свои» и потому во всякое время, въ особенности осенью и зимой, могли съ лихвою наверстать прерванные разговоры.

Пока Ульяна Мосевна собесѣдовала съ дергачевскими бабами, дергачевцы давно уже успѣли переговорить и перешутить съ обитателями Волчьего поселка. Шли они въ выселокъ, медленно и лѣниво двигая ногами, заложивъ руки за спины, «балуясь» съ «общественной собачкой» Шаркѣмъ, — всюду сопровождавшею дергачевскій міръ, если онъ собирался подѣ предводительствомъ Макридія. Прежде всего встрѣтили они старика Мосея.

Въ грубой синей рубахѣ и портахъ, въ большихъ сѣрыхъ валеныхъ сапогахъ, сидѣлъ онъ, какъ неподвижная статуя на заваливѣ своей уже дряхлой, полуразвалившейся «сторожки», въ которой онъ прожилъ почти половину своего долгаго вѣка и теперь предоставленной въ полное распоряженіе неизмѣнной спутницы его уединенія, пасѣчницы Феклуши. Съ боку «сторожки», на луговинѣ, вдавшейся въ самую рощу, стояли улья. Красное, какъ кровь, солнце спускалось далеко за рѣчкой и лѣсомъ. Косыми лучами, скользившими по желтой живѣ и побурѣвшей ставѣ, прямо ударило оно въ окна выселка, въ высокіе, стройные, серебристые стволы березъ. Прямо ударило оно и въ морщинистое, словно мхомъ, заросшее волосами лицо Мосея.

Дергачевцы, предводимые Макридіемъ, въ вѣчномъ разлетѣ, въ числѣ пяти мужиковъ, подошли къ Мосею.

— Здорово, дѣдушко!.. какъ можется? крикнулъ на ухо, ударивъ его по плечу, Макридій.

— Али кто говорить со мной? прошамшаль старикъ. — Не слышу, нѣтъ ужъ, ничего теперь не слышу и не вижу, ребяташки... Чтѣ внутреннимъ окомъ — только то и чую.. Вотъ я на солнышко-то вышелъ посидѣть... Солнопѣку-то я чую..

— Не слышишь? сказали дергачевцы: — Ну, Богъ съ тобой!.. Сиди, сиди, коли пригрѣло... Тебѣ только теперь и счастье, ежели пригрѣеть. Чтѣ говорить, все равно, значить, какъ малый ребенокъ... Право! Правду говорить пословица: «чтѣ малый, чтѣ старый — единственно!» резонировали дергачевцы, подвигаясь къ «настоящему» выселку. — Вотъ теперь чтѣ хошь съ нимъ дѣлай!..

Выведи вотъ его въ рошу, оставь тамъ—такъ съ голоду и помереть... Покличеть, покличеть, всплакнеть, какъ ребенокъ, упадетъ—тутъ ему и смерть...

— Зачѣмъ такъ!.. этого не бываетъ... Собачку вотъ—и ту такъ нельзя, замѣтилъ одинъ изъ Дергачей:—такъ въ людяхъ не полагается...

— Кто говорилъ, что полагается!.. Да вотъ хорошо—у нихъ семья большая, хорошо вотъ онъ устоя укрѣпилъ за свой вѣкъ крѣпкій, живутъ теперь они въ достатѣ, въ семьѣ вла нѣту... Чтѣ говорить—приглядать за ними!.. А возьми вотъ наше дѣло, ежели Господь попуститъ—доживешь, такъ тоже радости мало! Вотъ хопа въ Подпалихѣ взять Филимона, (ровесникъ поди Мосею то будетъ)—чтѣ! Пришелъ я какъ-то въ страду къ нимъ, въ деревнѣ никѣмъ никого нѣту, а онъ лежитъ въ избѣ на печкѣ, не слышитъ, не видитъ ничего. Кругомъ—только куры одиѣ... Долго ли до грѣха! Ну, грѣшнымъ часомъ, ребятишки что-нито сблудать, займется изба-то огнемъ—и словечка не промолвить, спорить! Кто вспомнить, что въ избѣ Филимонъ на печи лежитъ?

-- Да, это по нашимъ мѣстамъ не въ рѣдкость, подтверждали дергачевцы.

— А и семья придетъ—не лучше. Въ семьѣ у нихъ раздоръ, безхлѣбца. Самъ, большакъ-то, крутой, ребятишекъ половъ дворъ, бабы ровно оглашенные другъ на дружку, изъ-за куска хлѣба видаются. Только рукой махнешь! Видѣлъ я, сунуть старику-то чашку съ тюрей—и жуеть онъ цѣлый день, а попроси чего другого—загадьятъ: «Хошь бы умиралъ скорѣе! гдѣ намъ взять лучше-то?.. И то реблячій хлѣбъ заѣдаешь».

Въ недавнее время, среди Волчьего поселка, появились качели; вывелъ ихъ для дѣвокъ все тотъ же дошлый до всего Иванъ Забитый. Бабы Волчьего поселка были очень довольны этимъ нововведеніемъ (въ дергачевскомъ мирѣ никогда прежде не было этого завода; въ деревняхъ обыкновенно такъ случается, что если не было въ данной мѣстности искони завода выводить качели, то ни въ одной деревнѣ ихъ и не встрѣтишь; но уже если гдѣ такой обычай привился, то качели вдругъ становятся необходимой принадлежностью не только каждой деревни, но каждой избы). Они тотчасъ-же сдѣлали качели излюбленным мѣстомъ для своихъ вечернихъ посидѣлокъ. А въ осенніе вечера, когда страдныя работы болѣе или менѣе «свалили» — бабы въ особенности любили бесѣдовать тутъ.

Подошли къ бабамъ. Прасковья, жена Вахромея, рубаху чинила и изрѣдка глядя по головѣ сидѣвшаго съ ней, на голой

землѣ, полугодоваго ребенка. «Нижки, нижки, Сысюшко! приговаривала она:—на, вотъ, камешекъ!» и опять принималась шить. Тутъ же рядомъ съ ней пристроилась и солдатка Силетая съ ребятишками различныхъ возрастовъ, отъ семилѣтняго пузана, на правахъ старшаго, колотившаго всѣхъ малыхъ, до трехлѣтней дѣвчонки въ пестромъ чепцѣ, составленномъ изъ разныхъ лоскутковъ. Федосья, жена Хипы, сердито смотрѣла въ сторону и о чемъ-то обрывисто говорила. У солдатки ребятишки дразнили другъ друга, рѣвѣли и не давали ей слушать. Она кричала на нихъ; «У! воженые! Да дадите ли вы мнѣ хоть словечко выслушать!» и ловила одного за волосы, другого кормила шлепками. На доскѣ качели сидѣла Луша и, тихо покачиваясь, смотрѣла веселымъ, хитро-насмѣшливымъ взглядомъ изъ-подлобья на бабъ.

— Здорово, молодухи, кланялись дергачевцы: — что вы тутъ судачите?

— Вотъ бабѣ лѣто празднуемъ!.. Вишь, оно у насъ какое веселое — любо! иронически оборвала жена Хипы Федосья и въ негодованіи сложила на колѣняхъ руки.

— А гдѣ у васъ мужики?

— Ищи ихъ, мужиковъ то!.. Кабы у насъ мужики настоящіе были...

— Какихъ же еще захотѣла?

— Развѣ это мужики! Бабы-то у нихъ все одно—коровы; поставили въ хлѣвъ — стой. А сами вонъ въ лѣсу живутъ, или вонъ мой—на пристани живьемъ-живеть... По кулачнымъ боямъ ходитъ...

— А то съ тобой сидѣты!

— А чего же? То и мужъ... А развѣ у насъ мужъ?.. Какая имъ объ насъ забота? Тѣ же работницы. Терплю, терплю, да вотъ завачусь куда-нибудь въ худой часъ. Все одно! Пушай! За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ... А имъ чужой вѣкъ заѣдать нечего.

— Полно пустое молоть... Это все отъ того, что у васъ ребятишки умираютъ, ребятишекъ нѣтъ; вотъ тебя тоска-то и мучитъ! замѣтила смиренная Прасковья.

— Бабу только и сократить, что ребятишками — это вѣрно, подтвердали дергачевцы.

— И хорошо, что нѣту, по крайности, одной веревкой межъ нами меньше... Отпрошусь вотъ на зиму къ матери, и все. Село у насъ фабричное, веселое—хоть часокъ поживу!

— Ай да шилохвостаа!.. Вонъ она какъ вертитъ! шутли дергачевцы.

— Потерпи и терпѣные слюбится! опять наставляла Прасковья:— и то сказать, никто тебя тануль...

— Всѣ танули, да всѣ и обманули... Вотъ, говорили, счастье Оедосѣ— въ богатую семью идти! А какое счастье! отъ мужиковъ отстали, а къ купцамъ не пристали!..

— О, дуй васъ горой! разсердился Макридій:— на бабу, истинно сказано, и угодинокъ не угодите! Бьютъ васъ мало... Гдѣ, спрашиваютъ, Ванифантій-то?

— Въ избѣ у себя... Гость у него, отвѣтила Прасковья.

— Вонъ тетушка. Ульяна прѣѣхала, вскрикнула Луша, вскакивая съ качели.

Низенькая, приземистая и коренастая, вся въ отца, съ высокой грудью и розовыми щеками, Луша, бросивъ мужикамъ свой обычный, хитро-веселый взглядъ изъ подлобья, побѣжала навстрѣчу телегѣ Ульяны Мосевны.

— Ну, вотъ и ладно, коли прѣѣхала, засуетился Макридій:— подождите тутъ, приказалъ онъ мужикамъ:— а я вотъ сейчасъ Ванифантія вызову.

Но какъ разъ ему навстрѣчу вышелъ Ванифантій, плотный, низенькаго роста, съ широкой бородой, степенный мужикъ и, какъ всѣ степенные мужики, ходившій медленно; любившій поглаживать бороду и постоянно какъ бы соображать что-то «по хозяйству». Рядомъ съ нимъ шель незнакомый дергачевскому міру человекъ, въ сибирскѣ чернаго сукна, въ кувшинныхъ блестящихъ сапогахъ, которыми онъ ступалъ легко, не всей ступней, не по медвѣжьимъ, какъ ступали искони всѣ дергачевцы, а слегка поскрипывая и какъ бы чуть-чуть замѣтно приподнимался на ходу на носки. Онъ былъ въ картузѣ, съ подстриженной русой бородкой; сѣрые глаза его увѣренно, бойко и пронизательно глядѣли кругомъ, хотя вся фигура его выражала сдержанное почтеніе.

— А дочка при васъ будетъ... при родителяхъ? спрашивалъ онъ Ванифантія, сляясь своимъ истребиннымъ взглядомъ разглядѣть сидѣвшихъ у качели бабъ.

— При родителяхъ, отвѣчалъ Ванифантій, что то бережно заворачивая въ бумажку и пряча въ карманъ.

— Такъ-съ! И наблюдательный взглядъ незнакомаго молодца быстро обошелъ весь поселокъ.

— Райскія у васъ мѣста! Если бы это подлѣ столицы— блаженство! замѣтилъ онъ.

— Мѣста ничего!

— Только въ запущеніи... Дигости очень достаточно.

— Этого у насъ много... Извѣстно, лѣсъ...

— Вотъ мы и опять въ вамъ! заговорилъ Макридій, не кланяясь ни съ Ванифантиемъ, ни тѣмъ болѣе съ незнакомымъ молодцомъ, и замахалъ руками.

— По Андренному дѣлу?..

— По нему самому...

Ванифантій врянулъ и помолчалъ...

— Ну, да ладно, сказалъ онъ:—какъ вотъ наши—посмотрите... Эй, бабы! Кликните-ка, гдѣ братья-то! приказалъ онъ бабамъ.

— Архипъ то на мельницѣ былъ, а Вахромея чать у Сатира, откликнулась Прасковья.

— Кликните ихъ... Шли бы сюда... Да вотъ еще Ульяны нѣтъ...

— Приѣхала, и Ульяна приѣхала... Слава-те Господи—всѣ въ сборѣ... Задержки не будутъ! Вотъ я, стой самъ сбѣгаю—кликну ее, засуетился дѣятельный Макридій.

— Такъ пока счастливо оставаться! сказалъ молодецъ въ сибиркѣ, когда подошли дергачевцы.

— Погоди... Вотъ познакомясь съ нашими-то... Вотъ сейчасъ всѣ соберутся... всей семьей...

— По земельному дѣлу?

— По земельному...

— Гм... по нашему занятію, любопытно...

Скоро всѣ собрались у житницы, стоявшей противъ Ванифантевой избы. Ванифантій съ гостемъ и два дергачевца присѣли на широкомъ, шедшемъ вокругъ всей избы крыльцѣ. Тутъ же присѣлъ въ уголь и Вахромея, съ трубкой, низенькій, худой, съ цыганскимъ лицомъ и черными кудрявыми волосами, мужикъ лѣтъ тридцати. Хипа, высокій, широкій въ плечахъ, молчаливый, съ большими добрыми глазами, мѣстный силачъ и младшій братъ, остановился невдалекѣ.

— Братья будутъ? спросилъ молодецъ въ сибиркѣ.

— Они самыя.

Хипа только мотнулъ головой, а Вахромея посмотрѣлъ сбоку на молодца, сиюнулъ и проделжалъ сопѣть трубкой.

Пришла и Ульяна съ Макридіемъ.

— Тетенька будете Петру-то Ванифантъичу? спросилъ, вставъ и снимая картузь, молодецъ, когда Ульяна подошла къ мужикамъ и степенно поклонилась имъ кивкомъ головы.

— Тетка была, сказала она, пристально всматриваясь въ незнакомаго молодца:—а вы развѣ изъ тѣхъ мѣстъ?

— Изъ столицы... Наказывалъ поклонъ передать, какъ выходить, мы пріатели будемъ.

— О?.. Ну, какъ оны, Петруша-то? спросила Ульяна Мосевна совсѣмъ другими голосомъ.

— Въ благоденствіи... Общались скоро самъ бить...

— Ой-ли? Ну, ну... пора, давно пора... Пять годовъ не видѣла... Такъ ты, родной, въ пріятельствѣ съ ними? совсѣмъ разчувствовалась Ульяна Мосевна:—вѣдь я ему, почестъ, мать родная была. Сама выходила.

— Такъ точно-съ. Петръ Ванифантьичъ сообщали...

— Такъ неужто? А? обратилась Ульяна Мосевна къ Ванифантію.

— Говорять, ѣдетъ; вратъ не стануть, сказалъ Ванифантій и похѣвъ въ карманъ.

— Ну, вотъ у васъ и праздникъ! И мы попразднуемъ, заговорилъ Макридій:—оно же теперь въ самый разъ... Поди, чать, купецъ-вупцомъ. Медвѣжье-то обличіе, поди, все сошло: слѣда не сыщешь!

— Трудновато, замѣтилъ, самодовольно улыбаясь, Ванифантій и, бережно вынувъ изъ бумажника фотографическую карточку, подавъ ее Ульянѣ.

— Лобуйся!

— Натасъ, натасъ! закачала головой Ульяна Мосевна и, прищуриваясь, съ широкой улыбкой стала всматриваться въ портретъ.

— Да вѣтъ! Ужъ будто какъ и не признаешь совсѣмъ! Можеть, оно такъ и нужно!.. Дѣло столичное, замѣтила въ концѣ концовъ Ульяна Мосевна.

— Ну-ка, ну-ка покажи! засучивая рукава, сказалъ Макридій: — каковы наши молодцы выправляются тамъ? Тоже свои, лестно!

— Какъ не лестно! замѣтили и мужики:—вѣстѣ, Богъ дастъ, жить будемъ! И всѣ сгрудились около Макридія, который держалъ карточку обѣими руками, отставивъ ее отъ себя на приличную дистанцію, чтобы видно было всѣмъ.

Иронически сбоку глядѣлъ на карточку Вахромей. Молча, съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, поглядывалъ Хипа; изъ-за спины Ванифантія глядѣли изъ подлобья хитро-насмѣшливые, черные глаза Луши, и даже, словно откуда-то издалека, сверкалъ единственный глазъ неизвѣстно когда подошедшаго Сатира. Карточка, между тѣмъ, была очень обыкновенная и далеко не казистая, и по ней дѣйствительно не особенно легко было признать оригиналъ; вообще карточки, встрѣчающіяся въ деревняхъ, отличаются замѣчательнымъ несходствомъ, главнымъ образомъ потому, что народъ любитъ сниматься во весь ростъ,

«во всемъ востояѣ» неизрѣнно, хотя бы и въ ущербъ величинѣ и сходству собственнаго лица: онъ не любитъ поясныхъ портретовъ. Въ виду этого будутъ понятны замѣчанія, которыя дѣлали дергачевцы, что «сапоги важно выведены, надо полагать съ глянцею, купецкіе... и кафтанъ не нашими чета: прѣдѣтъ, дѣвки наши только держись» и т. п. И только одинъ Вахромей взглянулъ поглубже, въ суть вещи.

— Схожи! сказалъ онъ, иронически подмигнувъ молодцу въ сибирѣ.

— Нѣтъ, мало, отвѣчалъ тотъ:— съѣмка эта самая не въ куражѣ была...

— Я говорю, на тебя похожъ, внушительно пояснилъ Вахромей.

— Это точно, межъ нами сходства много.

— То-то!..

— Ну, будетъ. Сглазите еще! сказалъ Ванфантій и отобралъ отъ дергачевцовъ карточку. Подошли было и бабы съ ребятишками на рукахъ, еще издали почувшія «что то новое». Но на предложеніе Макридія «ужъ и бабамъ показать москвича» Ванфантій только проворчалъ: «Ну, наболтаютъ тутъ еще зря! На бабье слово удержу нѣтъ!» — и, опять бережно завернувъ карточку въ бумажку, спряталъ въ карманъ.

Дергачевцы еще продолжали дѣлать свои замѣчанія насчетъ «москвичей», а Ульяна Мосевна вступила было въ подробные распросы молодца въ сибирѣ о своемъ племянникѣ Петрѣ, но Ванфантій прямо заявилъ, что пора приступить къ дѣлу.

— Такъ гдѣ онъ, Андрей-то?

— Вотъ здѣсь, здѣсь, засуетился Макридій: — Андрей! Поди сюда... Выйди, братецъ! Чего прячешься? Эхъ, братецъ! Отвыкъ и отъ людей, по «темнымъ»-то сиди!

Изъ среды дергачевцевъ выдвинулся шага на два мужичекъ, лохматый, ичесанный, въ истрѣпанной совсѣмъ ситцевой рубахѣ, мужичекъ, что называется, «оброшенный», по прозвищу Клопъ.

— Я не прячусь. Чтѣ прятаться! Я вотъ здѣсь... Мое дѣло передъ Богомъ правое, смиренно проговорилъ Клопъ, смотря въ землю и пошевеливая носкомъ сапога попавшюся подъ ногу щепку.

Но мы должны здѣсь вернуться нѣсколько назадъ. Съ переселеніемъ въ Волчій поселокъ «солдаточки», дергачевскій міръ прекратилъ свои «дипломатическіе подходы» подъ благодуннаго Мосея; тѣмъ болѣе, что «душевные» отношенія между нимъ и дергачевцами установились прочно и таковыми пребывали неизмѣнно, да и случаевъ, которые бы подвергали ихъ отъ вре-

мѣнѣ до времени испытанію, не подвергивалось. А эти «душевные» отношенія еще болѣе закрѣпились по слѣдующему обстоятельству. Вскорѣ по переселеніи въ Волчій поселокъ, Мосей, воспользовавшись переѣздомъ на отдыхъ въ свою усадьбу старика-барина, выпросилъ уступить ему сосѣднюю съ его ренчѣй порубь. Баринъ ему продалъ, а дергачевцы «сообща» выморочивали ее, «подняли невинну» и связали ее у Мосея «мѣзь третьей четверти». Эти «душевные» отношенія нисколько не измѣнились, когда большакомъ въ семьѣ Волковъ сталъ Ванифантій, тѣмъ болѣе, что сдѣлалось это совсѣмъ незамѣтно: Мосей старѣлъ и дряхлѣлъ исподволь и поэтому все чаще прибѣгалъ въ виду какихъ нибудь сложныхъ рѣшеній къ семейному совѣту. Въ этомъ семейномъ совѣтѣ преобладающимъ значеніемъ пользовались Ульяна Мосевна и Ванифантій, къ которымъ и перешло все заглядываніе хозяйствомъ, а младшіе братья, по молодости и полному равнодушію, рѣдко вмѣшивались въ дѣла, привыкнувши жить «за отцовскимъ глазомъ». Такимъ образомъ, положеніе семьи Волковъ не измѣнилось ни въ чемъ, развѣ въ томъ, что Ванифантій, какъ только ослѣпъ и оглохъ Мосей, тотчасъ же отправилъ сына Петра въ Москву, къ одному купцу, не желая пускать его, «ради его худобы и книжнаго пристрастія», по земельному тяжелому дѣлу,—такъ объяснялъ онъ свое рѣшеніе.

Между тѣмъ, дергачевскій міръ продолжалъ, изъ года въ годъ, терзаться разрѣшеніемъ той дилеммы, о которой мы говорили въ первой главѣ, и этому терзанью не видѣлось «конца краю». То они пробовали брать у сосѣднихъ землевладѣльцевъ землю въ аренду, то приговаривали «отойти съ хлѣбовъ половинѣ міра на сторону», то бросались въ торговлю, перенимая у сосѣднихъ губерній кустарные промыслы, но проклятые мужицкіе вопросы такъ же не поддавались разрѣшенію, какъ не поддаются подобныя же «проклятые вопросы» разрѣшенію людей интеллигентныхъ. Однимъ словомъ, хроника дергачевского міра представляла одно сплошное метаніе изъ огня въ поляны. Каждый годъ приносилъ дергачевскому міру какую нибудь задачу, которую ему требовалось разрѣшить сообразно его вѣковымъ традиціямъ. Одну изъ этихъ задачъ задалъ ему въ послѣднее время «смиранный» мужичокъ Клопъ.

Плохо жить вообще смиреннымъ людямъ, но въ періоды общественной «безтолочи», въ періоды поголовнаго «метанія», смиренный человекъ, наименѣе вооруженный противъ всякихъ случайностей, которыми полны эти періоды, наименѣе подготовленный извиваться и увертываться подъ ихъ ударами, безусловно обреченъ на гибель. При первой же такой случайности его охва-

тывает «оторопь». Пришибленный ею, онъ начинаетъ метаться нѣтъ съ дружкин, но безъ всякаго толку, безъ всякаго соображенія, еще болѣе увеличивая общую безтолочь и сутолоку, сбивая съ толку и тѣхъ, которые намѣревались-было выбраться на свѣтъ божій, принимая на себя ругань и окрики тѣхъ, которымъ подвергивался подъ ноги.

Нѣчто подобное представляетъ собою и «смиранный» Клопъ. Отецъ огромной малолѣтней семьи, которую онъ любилъ какую-то исключительную, даже надобдливую любовью, онъ не могъ прокормить ее; съ полуторадесятиднаго надѣла хлѣба едва хватало до Рождества; онъ ревѣлъ въ избу вмѣстѣ съ голодными ребятишками и женой, ревѣлъ на міру; міру было самому не легче—и Клопа ругали, а Клопъ не переставалъ тащить на міръ всё свои личныя невзгоды. Мало этого, въ «оторопи» у него «опускались руки», онъ не успѣвалъ усмотрѣть даже за семьей; то ребятишки подпалать избу, то упадетъ развалившійся сарай, который онъ позабылъ подпереть новыми жердями, и пришибетъ «останную» корову, то жена родитъ «мертвенькаго», и испуганный Клопъ тащить его тихонько хоронить въ лѣсу, но на него доносить. Наѣзжаетъ судъ. Кричить на Клопа становой, кричитъ пощъ, кричить староста, кричитъ весь дергачевскій міръ, сбивтый съ ногъ наѣдомъ суда. Смиранный Клопъ уничтоженъ..

И такіе мужики встрѣчаются въ каждой деревнѣ. Заверните въ любую, и вы, навѣрно, встрѣтите тамъ не то избу, не то шалашъ, наскоро поставленный на свѣжемъ пепелищѣ. Около шалаша копаются стая полунагихъ ребятишекъ. «Чьи это?» спрашиваете вы.—Да вотъ мужичокъ у насъ есть... такъ «незадашный» мужичокъ... Совсѣмъ съ пахлей сбился...—«Что же такъ?»—Да Господь вѣдаетъ!.. Такъ ужъ божье произволенье..—«Пьяница онъ?»—Нѣту, какой пьяница!.. Отецъ любящій, къ семьѣ приверженъ какъ нельзя лучше... А такъ—полоса, значитъ.. Прошлымъ годомъ корова пала, позатретьимъ годомъ изба сгорѣла (внѣш, дворецъ какой поставилъ!), а вотъ зимой лошадей свели... «Гдѣ же онъ самъ-то?»—Да вотъ тоже, грѣшнымъ часомъ, въ тюрьму угодилъ... и совсѣмъ по чужому дѣлу... Такъ ужъ, выходитъ, потерялся...—Тое самое случилось и съ Клопомъ. Ушелъ-было онъ на заработки, да угодилъ, по подозрѣнію въ сообществѣ съ какими-то грабителями, въ тюрьму, и тоже потому, что «оторопь» взяла... «Чѣмъ бы мнѣ, дураку, сбѣжать, а у меня языкъ отнялся, руки-ноги затряслись», объяснялъ Клопъ. Его взяли вмѣстѣ съ грабителями, которые не задумались запутать его въ свое дѣло: Два года сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, два

года въ арестантскихъ ротахъ, пока, наконецъ, не были посланы запросъ дергачевскому міру: «Желають ли оны принять обратно въ сельское общество бывшего подъ судомъ крестьянина деревни Дергачи Андрея Клопа?»—а иначе, дескать, онъ будетъ отправленъ по этапу на поселеніе въ мѣста «не столь отдаленныя». Завыли Клоповы ребяташки, завыла жена. Дергачевцы только руками махнули: «пущай приходитъ... Мужикъ-то ужъ оны оченъ душевный! Хоть и самимъ тѣсно, да ужъ какъ нито»... Пришелъ Клопъ—нужно «приспособить его къ роду жизни». Вотъ это-то и составляло одну изъ тѣхъ задачъ, которыя предоставлены рѣшать исключительно мужицкому міру и отъ рѣшенія которыхъ считаютъ себя свободными всѣ другіе интеллигентные и неинтеллигентные «міры», къ ихъ, конечно, благоденствію и способу...

— Ну, такъ какъ дѣла? спросилъ Ванифантій Клопа. Клопъ переступилъ еще два шага, намѣреваясь что-то сказать.

— Погоди, постой, сказала Макридій, отстраняя рукой Клопа и деспотически подсаживаясь къ Ванифантію и Ульянѣ:—вотъ что, благомысленные, самую эту прокламацію мы оставимъ, потому, это дѣло извѣстное... Качества этого самаго мужичка тоже ужъ, можно сказать, намъ доподлинно знакомы... Такъ мы объ этомъ рѣчь-то прекратимъ! Такъ ли? А будемъ, значить, такъ говорить: какъ значить у насъ съ родителемъ вашимъ завѣтъ былъ положенъ, чтобы все сообща и чтобы какъ можно другъ отъ друга не отбиваться—такъ, думается, и впредь надлежить быть.. А старые завѣты рушить намъ нечего! Такъ ли?

— Такъ, такъ. Да развѣ мы рушили, Макридій Сафроничъ? спросила Ульяна.

— Зачѣмъ рушить? Какъ можно родительскіе завѣты рушить! подтвердилъ и Ванифантій.

— А я про что-жь? Вотъ я про это самое... Я къ тому и рѣчь веду, чтобы молъ и напредки намъ не рушить, а въ согласіи пребывать. Вотъ!

Тутъ Макридій поправилъ рукава и пустился въ пространныя объясненія на счетъ тѣхъ всѣмъ мужикамъ любезныхъ вопросовъ, что молъ, «земля-матушка, земля-кормилица», что «смирному мужичку безъ земли—не жить, что ему безъ земли сгинуть надо» и т. п. Въ концѣ-концовъ, оказывалось, «что хона и мірская тягота, да гдѣ же мы ему земли возьмемъ? До перепису ниже клочка взать намъ негдѣ. Потому, теперь всякому тоже свое дорого. Вонъ у удѣльныхъ, какъ у нихъ, Господи бла- гослови, земли-то въ мѣру, такъ на эти самые случаи «отмѣт-

ныя земли» приспособлены¹... А у насъ не то что отбитыя земли имѣть, не на что, можно сказать, курицу выпустить! заключилъ Макридій.

— На этотъ случай, кажись, заработки предусмотрены, замѣтилъ вскользя московскій молодець.

— На заработки! крикнули дергачевцы:—а ты знаешь ли, что такое заработки-то?.. Аршинничать или маклачить на заработкахъ-то легко. А ты вотъ поди спину около кулей потри. А коли вотъ мужичекъ-то, будемъ говорить, отецъ любашій, къ семьѣ привержень, а семьѣ-то онъ вотъ четвертый годъ не идалъ, такъ какъ ему за заработками-то бѣгать! Ему только объ одномъ стараться, какъ бы отъ дѣтешекъ совсѣмъ не отбиться, да душу въ конецъ не загубить. Ты вотъ знаешь-ли: коли теперь этого мужичка опять отъ семьѣ отбить, такъ онъ и совсѣмъ ума рѣшится?

— Не загубите! прошепталъ Клопъ:—взщемило, въ острогѣ-то сидѣвши. Все представленія были, все будто вокругъ меня дѣтешки... Лагу, а мнѣ быдто шепчуть: «тятка, сдѣлай конька... Конька мнѣ, тятка, изъ полѣна выруби»... говорилъ Клопъ, стыдливо утирая глаза рукавомъ рубахи.

— Ишь вонъ! Да! Ужъ мы пробовали его на заработки-то гонять.. Легко сказать: «заработки!» говорили мужики, избѣгая смотрѣть въ лицо Клопу.

— Ну, не реви, прикрикнулъ Макридій на Клопа:—пора тебѣ бросить это поведеніе-то! Будь же, братецъ, посурьезнѣй! Эдакъ, ежели мы всѣ зарежемъ, хорошаго мало будетъ! Эхъ, братецъ! Будь вполне мужикомъ, какъ надлежитъ—бяхти и крѣпись, то и чести! поучалъ Макридій:—молчи! Будь степеннѣй! А ужъ вы, благомысленные, такъ скажемъ, обратился онъ къ Ванифантію и Ульянѣ:—съ міру тяготы возьмите и теперь, какъ по прежнему, озимку-то поднять ему не откажите... Вѣдь ему много-ли надоть?.. Ежели бы раздобыться десятинкой, только—и довольно пока... И вполне даже достаточно! Такъ-ли?—И Макридій уставился глазами на Ванифантія и Ульяну.

— Какъ вы, братья... Ты какъ Ульяна? спросилъ Ванифантія.

¹ Фактъ существованія въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ общинахъ «отбитыхъ земель» на случай разрѣшенія мирскихъ задачъ, подобнаго приведеннаго нами, между прочимъ, съ особенною убѣдительносію доказанъ недавно однимъ начинающимъ писателемъ и изслѣдователемъ народнаго быта, г. Харламовымъ, въ небольшой, но интересной статьѣ «Факты общиннаго владѣнія» («Московское Обозрѣніе, № 1, 1878 г.»).

— Мое слово было тебѣ сказано:—изъ тѣхъ загоновъ, намъ корысть не велика—пущай пользуется, отвѣчала Ульяна Мосевна:—мы всѣ люди свои... Отъ своихъ намъ не отбиваться. Какъ ужъ отъ батюшки идетъ, такъ и будетъ.

— Это такъ... вѣрно. Я за этимъ не стою. Только вотъ, Петюшка прописываетъ мнѣ... Кто его знаетъ? Пишетъ: «а земля вы, родные, распущать по чужимъ рукамъ подождите, придержите, пишеть, при своихъ рукахъ... И отъ того намъ будетъ всѣмъ большая польза!..»

Ванифантій сказалъ и вдругъ замолчалъ.

Мужики притихли. Нѣкоторые изъ дергачевцевъ загнули руки за спины и придвинулись поближе къ Ванифантію, а Макридій до того былъ весь вниманіе, что, казалось, готовъ былъ вскочить Ванифантію въ самые глаза. Вахромей пересталъ сопѣть трубкой, и только по лицу Хины витало прежнее добродушное безучастіе.

— Петюшка—паренекъ еще неразумный... ласково замѣтила Ульяна Мосевна.—Мало ли чего онъ тамъ въ городѣ наслушается: живеть середь купцовъ, прикащиковъ. У него ужъ мірскаго разума нѣту...

— Вотъ, вотъ, благомысленная! истинно твое слово! У него этого разума быть не можетъ... Это, значить, наше поведеніе мужицкое! подхватилъ Макридій:—будемъ такъ говорить: почему мы изъ вѣсковъ крестьяне, купцы—купцами и баре—барами? Потому—у насъ свое поведеніе, а у купцовъ свое...

— Ну, и что-жь пишеть? чтобы значить, такъ и такъ съ землей обращеніе имѣть? интересовались дергачевцы.

— Ка-акже! все это росписалъ какъ быть надлежитъ: и строеніе надворное, и рошу, и землю—все размещевалъ, всему свое приложеніе...

— Уставщикъ! проговорилъ Вахромей.

— Больно уменъ ужъ! замѣтилъ Хина и весь просіялъ невнятной улыбкой.

— Уменъ, слова нѣтъ! подхватилъ Ванифантій, снова самодовольно поглаживая бороду:—что еще? въношь, а объ своихъ мысли не оставляетъ. За это дѣло—похвали! Ну, такъ какъ-же намъ Андрея-то? Если погодить, пока Петюшка пріѣдетъ?..

— Совѣтую, проговорилъ мосвовскій молодець.

— Кто пріѣдетъ? вдругъ круто спросилъ Вахромей, все еще сидя вдали, на самомъ концѣ крыльца.

Ванифантій ничего не сказалъ.

— Петръ Ванифантъичъ, отвѣтилъ за него молодець.

— Кто онъ такой будетъ, Петръ-то Ванифантьичъ? продолжалъ допрашивать издали Вахромей.

— Погодите! чтѣ пустое болтать! строго сказала Ульяна Мосевна.— Намъ, почтенный молодецъ, обратилась она къ москвичу:— Петръ Ванифантьичъ—не указъ. Мы по дѣдовскимъ завѣтамъ живемъ. И Петру Ванифантьичу наипаче надлежитъ тѣмъ завѣтамъ слѣдовать.

— Еще и старичекъ-то вашъ, благодареніе Господу, аживѣ! Вонъ онъ, старичекъ-то божій! Мало, что онъ слѣпой... Слѣпцу-то Господь самъ тайное все открываетъ. Мы вонъ ниче съ нимъ бесѣдовали, а онъ и говоритъ: «я, говорить, ребатушки, внутреннимъ окомъ чудесно все вижу!» не то чистосердечно, не то тонко-дипломатически замѣтилъ какъ бы вскользя Макридій, показавъ въ сторону сидѣвшаго все еще у своей вбушки Мосея.

Всѣ какъ-то неволью обернулись къ роцѣ и посмотрѣли на неподвижную фигуру слѣплого старика.

— Приходи, Андрей Терентьичъ! Приходи безъ сумлѣнья! рѣшила Ульяна Мосевна:—мы тебѣ три загона подъ озимую отрѣжемъ...

— Ну, такъ, такъ-такъ! сказала и Ванифантій:—и то правда! Дѣло выходитъ, какъ бы, значить, общее, мірское...

— Да ужъ, какъ ископа! Ну, вотъ и помогай Господь!.. Беритесь по-рукамъ! заторопился Макридій.

— Дай Богъ совѣтъ да любовь, проговорила, крестясь, Ульяна Мосевна.

— На чтѣ лучше! поддакивалъ Макридій:—вотъ и, опять значить, мы завѣтъ укрѣпимъ... Такъ-ли? Чтобы сообща... Вѣдь мы только до передѣлу... Вотъ у насъ черезъ два года передѣлъ будетъ, какъ ни какъ, можетъ, собьемся гдѣ ни то въ ренту землицы прихватить... Да мы тогда, благомысленные, васъ утруждать и не помыслимъ! Боже упаси!.. Да мы тогда отъ васъ всѣхъ, пожалуй, опять къ себѣ переправимъ: и Сатира возьмемъ, и солдаточку возьмемъ, коли вамъ утѣсненье будетъ...

— Зачѣмъ такъ, зачѣмъ! Не приведи до этого Господи! Это равно, что изъ избы вѣнецъ вынуть: изъ дома благодать вонъ... Нашъ поселокъ сообща былъ закрѣпленъ, говорила Ульяна Мосевна, пока Макридій, Клопъ и братья Волки, размахивая руками, хлопали другъ друга по широкимъ ладонямъ.

— Поправляйся! сказалъ законично Вахромей, а Хина только пожалъ своей могучей рукой руку Клопа и улыбнулся.

Долго еще раздавались взаимныя пожеланія и укрѣпенія во

взаимной помощи, «все чтобы сообща, какъ изъ вѣковъ, такъ чтобы и навѣковѣчно».

— А условіе у насъ будетъ одно, говорилъ Ванифантій Клопу:—братъ намъ съ тебя, скорбнаго, нечего, пока не управишься... семья у тебя большая... А такъ будемъ: у насъ въ чемъ несправка—ты прійдешь, поможешь, у тебя коли въ чемъ недостача—мы не оставимъ...

— А насъ всѣхъ міръ честной не оставитъ, коли Господь бѣдой попуститъ! вставила Ульяна Мосевна.

— Да ужъ это будьте въ надеждѣ, благомысленные. Міръ—не одинъ человекъ. На міру обману меньше! увѣрялъ представитель дергачевского міра.

Всѣмъ вдругъ стало какъ-то веселѣе. Смиранный Клопъ въ умилени только и повторялъ: «по гробъ жизни! Въ вѣки вѣчные не забуду! Дѣтишкамъ въ завѣтъ поставлю... Благомысленные мои!»

— А какъ-никакъ требовалось бы того... по обычаю спрыснуть, не смѣло и ухмыляясь во весь ротъ, заявилъ одинъ дергачевецъ. Согласились и спрыснуть, на какой разъ думали раздобыться четвертухой водки отъ Ванифантія.

Такъ разрѣшилась, въ общему удовольствію, задача, заданная смиреннымъ Клопомъ дергачевскому міру, и только одинъ москвичъ остался, повидимому, не особенно доволенъ такимъ ходомъ дѣлъ. Все время онъ изрѣдка вздыхалъ, изрѣдка окидывалъ мужиковъ пронизательными взглядами.

— Выходить, по вашимъ мѣстамъ не въ цѣнѣ стоитъ земля-то? наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ онъ Ванифантія и Ульяну Мосевну.

— Нѣтъ, ничего. По вашимъ мѣстамъ земли мало. Съ землей здѣсь кулаки дѣла хорошіе ведутъ. Цѣну подняли за самую эту ренду такъ, что насъ мужиковъ совсѣмъ въ раззоръ раззорили! добродушно замѣтила Ульяна Мосевна.

— Гм... Райскія мѣста! Ежели бы это къ рукамъ—блаженство, вздохнулъ опять москвичъ.

— Мѣста ничего: потныя мѣста, подтвердилъ и Ванифантій.

— Мѣста теплыя, другъ любезный, ежели руки грѣтъ... Грѣютъ у насъ хорошо ловачи-то, прибавили дергачевцы и двинулись къ качелямъ, съ Иваномъ Забытымъ и Сатиромъ.

Москвичъ покачалъ головой.

— А этотъ народъ, въ какомъ качествѣ при васъ состоитъ? мотнулъ онъ головой по направленію къ качелямъ.

— Живутъ, отвѣчала Ульяна.

Т. ССХХХУШ. — Отд. I.

— Батрачки-съ.

— У насъ этого завода нѣтъ. У насъ это рѣдко. По душѣ живутъ. Мирское дѣло.

— Богадѣльня-съ, выходитъ? усмѣхнулся москвичъ.

— Мирское дѣло, почтенный, мирское дѣло, внятно проговорила Ульяна Мосевна.

— Нельзя похвалить! сорвалось у молодца.

— Мы не для похвалы живемъ. Похвалы намъ не надобно. Не по праву пришлось — просимъ не взыскать. Если бы будетъ желаніе угощенье принять, когда Петюшка пріѣдетъ, милости просимъ, а новыхъ устоевъ намъ не надо, степенно выговорила, кланяясь, Ульяна Мосевна.—А ты зайди-ка ко мнѣ, Андрей Терентьевичъ, помолимся на благое начинаніе.

— Пойдемъ, пойдемъ, направница ты наша, шепталъ въ умленіи Клопъ, махая шапкой и торопясь за нею.

Москвичъ былъ недоволенъ, что промахнулся. Онъ дожидался, что его поддержитъ Ванифантій. Но Ванифантій продолжалъ сидѣть, сложивъ руки подъ животомъ, и благодушно посмѣиваясь глядѣлъ куда-то въ даль, въ сторону рощи. Ванифантій былъ мужикъ «общаго настроенія», такъ сказать, и очень любилъ когда «все какъ-то само-собой идетъ», и не требуетъ отъ него особеннаго напряженія. Если же общее настроеніе благодушно, то и онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше и погружался въ безпечальныя созерцанія.

Иногда онъ по цѣлымъ часамъ, въ праздничный день, сидѣлъ на этомъ же крыльцѣ, поглаживая бороду, изрѣдка игралъ перстами, перекаладывалъ ногу на ногу, да отъ времени до времени покрикивалъ на расшумѣвшихся ребятшекъ выселка. Когда его ничто не беспокоило, онъ любилъ мечтать, и ему никто въ этомъ не мѣшалъ. Братья съ нимъ рѣдко говорили. Въ крестьянскихъ семьяхъ мужики вообще законичны другъ съ другомъ, какъ бы въ укоръ бабамъ, обладающимъ съ излишкомъ качествомъ противоположнаго свойства. Когда безпокойство случалось небольшое, напримѣръ, бабы рассорятся, Ванифантій вставалъ, медленно подходилъ къ нимъ, засунувъ одну руку въ карманъ, другую за пазуху, нѣсколько времени, въ качествѣ большака, выслушивалъ жалобы и, сказавъ: «Дуры! пошли по избамъ!» уходилъ на старое мѣсто. Но если безпокойство было нѣсколько существеннѣе, Ванифантій, какъ всякій мечтатель, начиналъ вдругъ соваться и въ дѣло и не въ дѣло, вспоминалъ, что онъ «большакъ» и что ему непременно нужно объ комъ-то «пещись».

— А тетенька-то съ душею будутъ-съ? спросилъ молодецъ въ сибирѣ, когда они остались одни съ Ванифантиемъ.

— Ульяна-то? Нѣтъ, она, по нашему, смиренная. Ничего.

Опять замолчали. Москвичъ цонгралъ пальцами по борту каф-
тала.

— А дочка... Эта самая будетъ? кивнулъ онъ по направлению
къ Лушѣ, тихе покачивавшейся, сидя на доскѣ качели.

— Она самая.

— Приятная дѣвица!

— Работающая, лѣниво отвѣчалъ Ванифантій.

Опять замолчали. Наконецъ, замѣтивъ, что Ванифантійемъ до
того овладѣло благодушіе, что отъ него врядъ-ли можно было
ожидать поддержки разговора, москвичъ, чуть замѣтно покачивав-
шись нѣсколько секундъ на носкахъ своихъ блестящихъ сапо-
говъ и еще разъ окинувъ пронизательнымъ взглядомъ поселокъ,
сказалъ: — однако личности у васъ достаточно! и, недождавшись
отвѣта отъ Ванифантія, прибавилъ: — пока счастливо оставаться!

— Прощайте... Навѣстишь, неравно Петюшка прїдетъ.

— Ка акже! Первымъ долгомъ

Молодецъ направился мимо качели къ своей телегѣ, стоявшей
на концѣ выселка. Онъ было приподнял съ форсомъ фуражку,
вѣроятно, въ честь Луши, но ему никто не отвѣтилъ и только
всѣ посмотрѣли ему съ любопытствомъ вслѣдъ. Москвичу хотѣ-
лось было поближе сойтись съ бабами выселка, и еслибы его
пригласили, онъ не прочь бы побесѣдовать, въ особенности съ
Лушей, но и ему самому, и всѣмъ, сидѣвшимъ у качели, было
слишкомъ ясно, что онъ, въ полномъ смыслѣ, чужой человѣкъ
для Волчьяго поселка.

Съ отъѣздомъ молодца въ сибирь, у качели стало еще ве-
селѣе, тѣмъ болѣе, что Ульяна Мосевна поднесла дергачевцамъ
по стакану воды. Иванъ Забытый, съ своимъ обычнымъ удо-
вольствіемъ, отзывался на всякую просьбу: онъ то игралъ на
гармоникѣ, то потѣшалъ прибаутками, то заигрывалъ пѣснн, однимъ
словомъ, явился во всемъ разнообразіи бывалаго человѣка, пре-
шедшаго огонь и воду. Даже угрюмый Сатиръ разсмѣялся, и его
единственный глазъ уже не смущалъ болѣе дергачевцевъ. На-
конецъ, благодушное настроеніе дошло до того, что самъ ди-
пломатичный Мавридій не устоялъ передъ нимъ.

— О, дуй васъ горой! вскрикнулъ онъ, вскакивая и взмахнувъ
руками: — что это у васъ только за жизнь въ выселкѣ! Ей Богу!
Какихъ только денегъ пожилъ бы, тутъ бы и умеръ отъ удо-
вольствія! Да ежели здѣсь недовольство можетъ быть, такъ ужъ
это выходитъ Господа Бога въ конецъ изобидѣть!.. Да нѣтъ,
этого мало! мы весь выселокъ въ законный бракъ сочетаемъ!
фантазировалъ Мавридій Сафроничъ: — первымъ дѣломъ, Господи,
благослови, Ульяною съ Сатиромъ... первый сортъ! вторымъ

дѣломъ: Лушу за Ивана Забытаго — на чтѣ лучше?.. Погода, постой... Ослушу съ Θεотимычемъ!.. важно али нѣтъ? Петь-на прїѣдетъ — его съ Аннушкой Сатировой! Любо-ли? Ну, а въ закончаніе всего, Ванифантія къ солдаточкѣ Секлитеѣ приспособимъ! Такъ ли, милые мои? Эй, Ванифантія Мосенчъ! Слышншь, чтѣ ли? крикнулъ Макридій.

— Н-ну тебѣ!.. махнулъ рукой Ванифантія отъ житницы, ульбнулся, потеръ бороду, переложилъ ногу на ногу, подтанулъ руками животъ и опять погрузился въ мечтанія.

— Да тутъ, други мои, до скончанія вѣка, надъ вами благодать Господня ненарушимо будетъ! заключилъ даже торжественно Макридій: — такъ ли, Θεотимычъ?..

— Аминь, Макридій Софронычъ, аминь, благодетель! подтвердилъ старый пономарь.

Но русскій мужикъ подозрителенъ и чутокъ. Какъ ни привлекательна была фантазія Макридія Софроныча, тѣмъ не менѣе, когда прошелъ порывъ всеобщаго «благодумія», всѣ какъ-то еще яснѣе почувствовали, что на мирную жизнь поселка наплываетъ чтѣ-то «новое», чтѣ-то «чужое». Въ чемъ состоитъ это «новое», опредѣлительно сказать никто бы не могъ, только чувствовалось, что въ жизни мужика не бываетъ идилій, что суровая мужицкая судьба не преминетъ заявить о себѣ. Почему-то вышло такъ, что и дергачевцы, возвращаясь обычной мужицкой поступью, заложивъ за спины руки, въ свои Дергачи, лаконично перебрасывались фразами по поводу прїѣзда «москвичей» въ Волчій поселокъ и покачивали головами; и Вахрамей съ Сатиромъ, собираясь къ утру на охоту, говорили о томъ же; и бабы выселка, собравшись послѣ ужина у избы солдатки Силитеи, шепотомъ толковали о прїѣзжемъ молодцѣ въ сибиркѣ, который, по ея словамъ, оказывался очень похожимъ на «теперешняго» Петюшку; Ванифантія продолжалъ мечтать и отъ времени до времени пошрывалъ перстами.

Только одного человѣка изъ дергачевского міра не томилъ въ этотъ день никакія «предчувствія»; только одинъ человѣкъ ликовалъ беззаветно, и именно тотъ, которому, можетъ быть, всѣхъ меньше выдавалось ликовать въ жизни. Человѣкъ этотъ былъ смиренный Андрей Терентычъ Клопъ. Помолвившись въ кельѣ Ульяны Мосевны «на благое начинаніе», онъ, не заходя подъ качели, тотчасъ же побѣжалъ домой въ свои родные Дергачи. Онъ «подъ собой земли не чуялъ», какъ самъ рассказывалъ объ этомъ днѣ, «былъ самъ не въ себѣ» отъ мысли, что его теперь нигуда не ушлютъ отъ семьи, отъ дѣтншекъ, образы которыхъ не оставляли его даже въ острогѣ. Но характернѣе всего выра-

знала его радость слѣдующимъ, совсѣмъ неожиданнымъ ни для кого образомъ. Въ Волчьемъ поселѣ онъ увидалъ качели, вѣденныя, какъ извѣстно, дошлымъ до всего Иваномъ Забытымъ, и мало или вовсе неизвѣстныя до того въ дергачевскомъ мирѣ. Штука эта показалась Клопу до того занятной, что она не выходила у него изъ головы даже въ то время, какъ рѣшался вопросъ о его «быть или не быть». Онъ еще тогда же рассчиталъ: «какъ ни какъ выпрошу у Ульяны два бревна... Въ ноги поклонюсь, а вымолю... Да она дастъ! Она вѣдь, Ульяней-то Мосевна, благомысленная. Она чадолюбивая... Вымолю два бревна, непременно вымолю... Скоблемъ выщипу, гладкіе будутъ! А на веревки у меня старыя возжи есть. Вотъ ребятишкамъ утѣха то будетъ! Да не то, что мнѣ только, веѣмъ дергачевскимъ голоштанникамъ. Тогда у моей избы отбою не будетъ ребятишкамъ-то, ровно воробьи къ овсу налетать... Шуму-то! Шуму-то что! А славу-то какую разнесутъ! Это, сваятъ, намъ все смирный Клопъ предоставилъ, моду-то ввелъ! Умру.—будутъ вспоминать!»

Всѣ эти обольстительныя картины быстро пронеслись въ его головѣ, какъ только ударилъ онъ, въ знакъ окончанія дѣла, по рукамъ съ братьями Волками.

И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ въ Дергачахъ появилась первая качель передъ избушкой Клопа. Нечего и говорить, какое удовольствіе доставила она зеленому населенію Дергачей. Но старое поколѣніе всего больше восхищалось тѣмъ, «какъ все гармонировало, какъ все одно къ другому чудесно подладилось» въ малой Клоповой усадьбочкѣ. Смирненъ, низкоросль, худъ былъ самъ Клопъ, мала, едва поднимаясь отъ земли, въ два крохотныхъ оконца была его избушка, малы были его ребяшки, и такую же малую, словно игрушечную, вывелъ онъ передъ своей избой качель.

Самый угрюмый путникъ, проходя мимо малой Клоповой усадьбочки, не могъ бы не освѣтиться доброй, незлобной улыбкой при видѣ этого дѣтски-игрушечнаго, но уже поднявшаго великое бремя горя существованія, и не промолвить: «миръ тебѣ»!

Н. Златовратскій.

КУЗНЕЦЪ.

(Памяти Н. А. Милютина).

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло бѣ жалѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.
Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думалъ,—исправлять потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлаю
Видно доншѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Сни безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

Н. Некрасовъ.

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

V.

Первое чувство, охватившее насъ въ Румыніи.

Раздѣляли ли румыны чувство нашего великодушія при началѣ войны за освобожденіе болгаръ? Вотъ вопросъ, которымъ мы задались въ прошломъ очеркѣ.

Едва ли слѣдуетъ говорить, что вопросъ этотъ совершенно праздный. Они не вѣрили въ безкорыстіе русскихъ на случай успѣха, въ которомъ они почти не сомнѣвались. Каждому изъ нихъ казалось, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ предвзятаго расчета, и это было въ сущности самое выгодное заключеніе для насъ, такъ какъ иначе они должны были бы окончательно отказаться отъ объясненія смысла войны съ турками. Въ ту минуту ихъ симпатіи были ближе къ туркамъ, чѣмъ къ намъ, и достаточно вспомнить ихъ политику во время сербской войны (когда они отказывались пропускать военные транзиты и разоружали болгарскія дружины, переходившія ихъ границу, по пути слѣдованія на театръ военныхъ дѣйствій), чтобы убѣдиться въ ихъ безучастіи къ судьбамъ славянскихъ народностей вообще.

Румыны приняли нашу сторону въ силу сознанія выгоды ихъ роли «союзниковъ», выгоды, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ; поэтому, между нами и установились сразу совершенно особыя отношенія, въ которыхъ холодная дѣловитость заняла мѣсто горячихъ чувствъ. Я не знаю, съ какимъ чувствомъ приняло русское общество протанутую руку помощи

нашихъ союзниковъ; думаю, однако же, что русскій человекъ, привыкшій ходить на помочахъ въ дѣлѣ рѣшенія политическихъ вопросовъ, отнесся къ этому совершенно индифферентно. Не такъ думали румыны. Каждый шагъ своего дальнѣйшаго соучастія, они старались обставлять согласно съ требованіями ихъ народной гордости, самостоятельности и чести, хотя эта честь подчасъ и казалась довольно сомнительнаго свойства. Будучи въ Румыніи, я имѣлъ возможность наблюдать за отношеніями румынъ къ русской арміи и, наоборотъ: эти отношенія были очень оригинальны.

— Теперь, господа, держи ухо востро, говорили мы съ перваго же момента нашего вступленія въ Румынію.

Это была, такъ сказать, первая фраза, произнесенная устами русскаго воина, въ отвѣтъ на порывы нашихъ союзниковъ. Съ этой фразы у насъ и начались собственно дальнѣйшіе разговоры. Апрель мѣсяць былъ дождливый мѣсяць въ Румыніи въ прошломъ году, а предшествовавшая зима была снѣжная на Карпатскихъ горахъ, такъ что всѣ малѣйшіе ручейки разливались въ рѣчки и поминутно размывали полотно желѣзной дороги. Главная квартира переходила въ Плоэшти и съ этихъ поръ по румынской желѣзной дорогѣ установилось многолюдное сообщеніе, которое часто прерывалось, вслѣдствіе порчи дороги. Само-собой разумѣется, что подобныя перерывы весьма не благоприятно отзывались на движеніе частей арміи и военныхъ транспортовъ; и хотя временныя порчи полотна казались весьма понятными, если принять во вниманіе съ одной стороны недобросовѣстность постройки (одна половина дороги построена была извѣстнымъ Струсбергомъ), а съ другой—обиліе горныхъ водъ, но все-таки казалось, что тутъ есть что-то подозрительное.

— Нѣтъ, это не ладно, говорили русскіе, глядя на желѣзнодорожныя неисправности.—Было бы смѣшно думать, что безпорядки происходятъ вслѣдствіе независимыхъ причинъ. Тутъ непременно кроется какая-нибудь тайна, которую надо разслѣдовать... Ужъ не подкуплены ли турками директора и управляющіе желѣзныхъ дорогъ? Вѣдь эти желѣзнодорожныя дѣтели... что значить имъ продать насъ за грошь?

Очевидно, что подобнаго рода сужденія о желѣзнодорожныхъ дѣтеляхъ имѣли свое основаніе. Но главнѣйшимъ образомъ, они представляли собой плодъ заключеній, выведенныхъ нами изъ дома и основанныхъ на собственномъ горькомъ опытѣ.

Этими горькими опытами собственной жизни объясняется и наша недовѣрчивость, и наша страсть къ подозрѣніямъ, обнаруживавшаяся на каждомъ шагѣ. Вотъ вамъ примѣръ.

Въ вагонѣ желѣзной дороги ѣхали нѣсколько человекъ нашихъ гвардейскихъ кавалеристовъ. Это было на первыхъ порахъ вступленія въ Румынію, когда мы были въ дружбѣ съ румынами. Вмѣстѣ съ кавалеристами, ѣхалъ изъ Яссы господинъ среднего роста, прилично одѣтый, не первой молодости. Офицеры довольно косо поглядывали на штатскаго, сидѣвшаго съ ними въ одномъ вагонѣ, потому что всякій штатскій человекъ казался не у мѣста въ обществѣ военныхъ въ военное время.

— На войну, господа, ѣдете? спросилъ ихъ штатскій господинъ.

— Да, на войну, а вы куда?

— Я ѣду въ Бухарестъ... дѣло доброе, господа, съ вашей стороны; защищать интересы своего отечества—это ваше призваніе... Я также ѣду на войну, въ дѣйствующую армию хочу поступить... Я докторъ медицины, и думаю войти въ составъ медицинскаго персонала.

— Вы русскій?

— Нѣтъ, я полякъ! я все время жилъ за границей.

Офицеры переглянулись.

— Это шпионъ, замѣтилъ одинъ другому.

— А что же?.. легко можетъ быть...

— Я его сейчасъ поймаю.

Разговоръ начался съ личнаго происхожденія штатскаго господина. Господинъ заявилъ, что его судьба такъ же до нѣкоторой степени связана съ событіями текущаго времени, потому что его дѣдъ имѣлъ когда-то помѣстье въ Турціи, что его отецъ подвергался случаямъ грабежей со стороны турецкихъ баши-бузукъ, и что ему ближе, чѣмъ кому либо, извѣстны гнилые порядки турецкой администраціи.

— Что вы называете гнилыми порядками?

— Боже мой! да все, что основано на произволѣ; все, гдѣ нѣтъ ни суда, ни расправы, гдѣ одинъ безчестно обогащается на счетъ другого, гдѣ паша грабитъ райю, словомъ мало ли, признаковъ гнилой администраціи.

Одинъ изъ слушателей толкнулъ другого подъ бокъ.

— Я искренно сочувствую вообще всякой войнѣ за освобожденіе угнетеннаго и поработеннаго и вполне раздѣляю благородство политики Россіи; хотя, строго говоря, самый принципъ войны представляется мнѣ до нѣкоторой степени туманнымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Если судить съ точки зрѣнія принципа...

— Ну, да, это шпионъ, снова шепнулъ одинъ другому.

Господинъ, увлекся все болѣе и болѣе своею темою, самъ не замѣчая того, пришелъ къ довольно рѣзкимъ выводамъ.

— Это порицаніе дѣйствій русскаго правительства, рассудили слушатели.

— Не слыхали-ли вы чего-нибудь, господа, о послѣднихъ событіяхъ на Кавказѣ? спросилъ господинъ въ заключеніе:— правда ли, рассказываютъ, будто турки сдѣлали высадку въ Сухумѣ и одержали побѣду надъ русскимъ отрядомъ?

Поѣздъ остановился въ Плюштахъ. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ туристу.

— Прошу васъ послѣдовать за мною, сказалъ онъ ему.

— Зачѣмъ?

— Миѣ необходимо переговорить съ вами на платформѣ.

— Извините, но я боюсь опоздать на поѣздъ, у меня билетъ до Бухареста.

— Прошу васъ послѣдовать за мною, я беру на себя всю отвѣтственность... Я считаю васъ подозрительнымъ человекомъ...

— Напрасно вы меня такимъ считаете; я сказалъ вамъ, что я докторъ.

— Если вы докторъ, потрудитесь опредѣлить значеніе этихъ желтыхъ пятенъ на моей груди.

Съ этими словами офицеръ растегнулъ мундиръ и показалъ ему свою мохнатую грудь.

— Я не могу опредѣлить болѣзни такъ скоро, какъ вы того желаете, отвѣтилъ туристъ.

Незнакомецъ былъ арестованъ. Началось слѣдствіе. Потому ходили разные слухи; говорили, что онъ оказался отставнымъ чиновникомъ министерства юстиціи, исключеннымъ изъ службы за неблагонадежность. Говорили, что въ его чемоданѣ найдены компрометирующія его данныя: визитныя карточки съ вымышленными званіями и положеніями, шифры для подозрительныхъ фразъ. Говорили, что онъ обнаруживалъ страхъ и отчаяніе во время производства слѣдствія, боясь, что его повѣсятъ. Много говорили по поводу ареста незнакомца; но заинтересованные въ дѣлѣ военные юристы или отмалчивались, или говорили, что трудно придти къ несомѣнному заключенію, что онъ шпионъ.

Какая участь постигла незнакомца— я не знаю.

Не разъ вспоминалъ я этотъ случай, будучи уже въ Болгаріи и слѣдуя съ казаками въ авангардѣ. Приведутъ, бывало, казаки, изъ какой-нибудь деревни, возвращаясь въ лагерь изъ развѣзда, двухъ, трехъ, старыхъ турокъ, очевидно, опоздавшихъ бѣжать за Балканы, а можетъ быть и отказавшихся отъ этой мысли, по старости лѣтъ; приведутъ въ лагерь, окружатъ со

всѣхъ сторонъ и начнутъ, бывало, осматривать съ головы до ногъ.

— А, вѣдь, это, братцы, башни-бузуки.

— Ну, во ужъ и башни-бузуки!.. почему-же такъ?

— Вѣрнее слово, башни-бузуки; глянь-ко ему въ рыло то!

— Ничего нѣту въ рылѣ... просто такъ себѣ.

— Какъ: такъ себѣ? кто-жь они такіе?

— Одно слово: жители!..

— А, рыло-то?

— Чаво рыло?... рыло, какъ рыло...

— Ну, нѣту, братцы!.. а борода-то... а глянь ко ему въ зубы-то...

Точно такъ-же, подозрѣвали мы шпионовъ въ Плоештахъ, въ въ Журжевѣ, въ Бухарестѣ и вездѣ, гдѣ хотите. Подобно тому, какъ среди темныхъ людей, казаковъ, находились такіе, которые непремѣнно желали видѣть въ лицѣ стараго турки—башни-бузука. мы, культурные люди, усматривали шпиона въ лицѣ каждаго незнакомаго человѣка, почему-либо обратившаго на насъ свое вниманіе.

— Это непремѣнно шпионъ, говорили мы, глядя на прохожаго, пристально посмотрѣвшаго въ нашу сторону.

— Почему шпионъ?

— Видите, какъ онъ смотритъ въ нашу сторону... Посмотрите, какая у него фizioномія, какая шляпа, какіе волосы, какое платье!

И ежели сказать по правдѣ, то окажется, что эти слова напечатывали намъ наши домашніе городовые, засѣвшіе въ наши души.

— Какіе изумительные мудрецы телеграфной станціи! кричалъ однажды откровенно англійскій корреспондентъ, будучи въ Плоештахъ, не задолго до выступленія оттуда главной квартиры:—мнѣ нужно выѣзжать отсюда, а не имѣю въ рукахъ паспорта, хотѣлъ его вытребовать, а они меня заподозрили въ обличеніи военной тайны.

Корреспондентъ подалъ депешу такого содержания:

— J'attends le passe; faut que je pars...

Телеграфистъ коварно улыбнулся и передалъ ему депешу обратно.

Замѣчу, что этотъ корреспондентъ почти все время находился въ дѣйствующей арміи и, видимо, пользовался одинаковымъ довѣріемъ со всѣми, хотя на первыхъ порахъ у него и встрѣчались какія-то затрудненія, за недостаткомъ рекомендацій.

VI.

БЫВШИЙ СОСТАВЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ ВЪ АРМІИ.

Вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ армію былъ однимъ изъ вопросовъ пущей важности, возникшихъ при самомъ началѣ войны. Война застала насъ въ эпоху такихъ условій жизни, когда рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ могло только вызвать горькое для насъ и постыдное глумленіе всей Европы. Я говорю: именно Европы, потому что русскій человѣкъ легко могъ-бы помириться и на однихъ официальныхъ донесеніяхъ. Отрицательное рѣшеніе этого вопроса во всякомъ случаѣ не вязалось съ той идеей, во имя которой началась самая война. Примѣры франко-прусской войны были у всѣхъ на свѣжей памяти и эти примѣры говорили, что печать всегда у всѣхъ народовъ принимала сторону искреннихъ патріотовъ. Оставалось только рѣшить: въ какомъ смыслѣ и въ какой степени понимать искренній патріотизмъ; но какъ бы этотъ вопросъ ни рѣшался, во всякомъ случаѣ, не было примѣровъ, чтобы печать той или другой воюющей стороны переходила на сторону противника. Въ военное время, когда на долю народа выпадаютъ всѣ тяжести этого времени, когда арміи переносятъ ужасныя страданія и невзгоды, симпатіи печати всегда тѣсно и неразрывно связываются съ судьбами армій и печать служитъ чуткимъ отголоскомъ народныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, печать должна пользоваться свободой слова. При всей самообытности нашихъ воспитательныхъ системъ, примѣры запада не проходятъ для насъ безслѣдно и невольно отражаются и на нашемъ умственномъ развитіи. Въ виду убѣдительныхъ примѣровъ положенія западной печати во время франко-прусской войны, казалось-бы, что вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ нашу армію самъ по себѣ переставалъ быть вопросомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ болѣе возбужденъ въ смыслѣ настоящаго, кореннаго и существенно важнаго «вопроса». Ходили слухи, что нашлись даже мнѣнія, высказанныя въ отрицательномъ смыслѣ. Ихъ было, впрочемъ, немного, потому что большинство стояло за свободу слова.

Какъ у той, такъ и у другой стороны, конечно, были свои основанія, свои аргументы и доводы. Какъ подошли къ этому вопросу рѣшающія стороны? Они подошли точно такъ-же, какъ мы вообще подошли и къ нашимъ союзникамъ. Обѣ стороны по-

ставили вопросъ такъ, какъ будто они ничего общаго съ печатю не имѣли, а рѣшали согласно собственнымъ выгодамъ. Сторонники допущенія исходили съ точки зрѣнія политической: «мы такъ сильны, говорили они:—въ сравненіи съ недругомъ, и такъ прекрасно организованы сами по себѣ, что огласки намъ бояться нечего». Противники хоть и не высказывали своей неуверенности въ томъ, что сторонники считали неподлежащимъ сомнѣнію, но боялись двустороннихъ корреспондентовъ, какъ людей, среди которыхъ могутъ появиться шпионы. Опять-таки «шпионы» явились главнымъ пугаломъ и въ этомъ случаѣ. Очевидно, что такого рода доводъ былъ неоснователенъ и не вѣсокъ, если принять во вниманіе законы военнаго времени, допускающіе безапелляционно предавать всякаго шпиона смертной казни черезъ повѣшеніе, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ и какими бы правами гражданина болѣе сильнаго народа онъ ни пользовался. Обѣ стороны, при всемъ видимомъ разладѣ мнѣній, нашли, однако, возможнымъ слить противоположныя доводы въ одну общую, умиротворяющую форму. Чтобы найти почву, на которой можно было-бы помириться, необходимо было предварительно взвѣсить степень вліянія гласности на массу, и приемы, при помощи которыхъ можно было бы держать гласность въ желаемыхъ предѣлахъ. При этомъ каждый изъ сторонниковъ своихъ мнѣній принималъ въ расчетъ исключительно европейскую печать, касательно же нашей печати не могло даже и разговоровъ возникнуть, потому что это дѣло считалось разъ и навсегда поконченнымъ, а во вторыхъ никто изъ нихъ и никогда не признавалъ нашу печать «вліяніемъ». При такой постановкѣ вопроса, болѣе всего оказывались заинтересованными въ этомъ дѣлѣ политики. Только съ политической точки зрѣнія важно было опредѣлить роль иностраннаго корреспондента въ нашей арміи, и выработать соответствующія отношенія, потому что передъ нами были осязательные примѣры какъ то или другое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій вліяло на рѣшенія того или другого правительства. Мы должны были помнить, на примѣръ, рѣшенія англійской политики во время франко-прусской войны, принятыя сейчасъ-же послѣ полученія перваго извѣстія отъ корреспондента мистера Форбеса о томъ, что въ Парижѣ вспыхнуло волненіе. И вотъ тотъ-же самый мистеръ Форбесъ явился однимъ изъ претендентовъ на званіе корреспондента и въ нашей арміи. Благоразуміе подсказывало, что ничего больше не остается, какъ допустить мистера Форбеса, но, въ то же время, прибѣгнуть къ помощи нѣкоторой «политичности». Прежде всего необходимо было открыто признать въ немъ общественнаго дѣя-

тебя съ несомнѣннымъ вліяніемъ на общество и даже показавъ, что мы отдѣляемъ его изъ ряда остальныхъ ему подобныхъ претендентовъ. Это во-первыхъ могло польстить его самолюбію, а, во-вторыхъ, доставляло много другихъ удобствъ, касавшихся его лично. Но въ то же время необходимо было дать знать мистеру Форбесу, что со своимъ уставомъ въ чужой монастырь все-таки соваться не полагается.

— Вы желаете быть корреспондентомъ, мистеръ Форбесъ?

— Желая.

— Въ какомъ органѣ печати вы будете писать?

— Въ «Daily News»...

— Какого рода и отъ какихъ именно лицъ вы можете доставить рекомендаціи?

— О, помилуйте, меня знаетъ вся Европа; я пользуюсь такимъ добрымъ именемъ, что надѣюсь, что ни одно изъ вашихъ посольствъ не откажется зарекомендовать меня. Да вотъ кстати, идетъ мой хорошій знакомый...

Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ находились такіе высокопоставленные знакомые мистеровъ: Форбеса, Макъ Гахана и другихъ, послѣ пріятельскаго рукопожатія которыхъ ничего больше не оставалось, какъ сказать мистеру Форбесу:

— Милости просимъ; тѣмъ болѣе, что ваша газета, кажется, придерживается довольно дружелюбной политики.

— О, помилуйте!..

— А вы, милостивый государь, корреспондентъ какой газеты?

— Лондонскаго изданія «Daily Telegraph»...

— Н-да? Ну, просимъ извинить; это самая враждебная въ намъ газета...

— Въ такомъ случаѣ, я буду писать изъ Бухареста... буду врать...

— Откуда хотите, только не изъ арміи.

Мистеры: Форбесъ, Макъ-Гаханъ и другіе радостно улыбались, потому что для нихъ было выгодно отстраненіе конкурента.

Немудрено, что мистеръ Форбесъ какъ изъ земли выросталъ каждый разъ и при всякихъ важныхъ событіяхъ войны. Пользуясь средствами богатой газеты, распространенной въ Англіи въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, будучи по природѣ человекомъ въ высшей степени энергичнымъ, неутомимымъ, мистеръ Форбесъ (а за нимъ и Макъ-Гаханъ) поражали своимъ вездѣ-сущіемъ. Мистеръ Форбесъ является, на примѣръ, первымъ у мѣста переправы черезъ Дунай, при самомъ началѣ, когда эта переправа сохранялась въ страшной тайнѣ отъ всѣхъ рѣшительно, находившихся въ арміи.

— Случайность привела меня сюда, говоритъ мистеръ Форбесъ, когда удивлялись его нуху.—Просто прѣхалъ въ Зимницу посмотреть, а тутъ какъ разъ и переправалъ..

Можетъ быть! Но, увы! меня никогда не приводила эта случайность, и хотя я шелъ по стопамъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, но все-таки опоздалъ на цѣлый день, и прибылъ въ Зимницу только къ вечеру другого дня, т. е. уже послѣ ночи переправы. Но я былъ русскій, а онъ англичанинъ. Мистеры Форбесъ и Макъ-Гаханъ приглашались, бывало, на одинъ побѣдъ съ главной квартирою — вотъ и объясненіе. Мистеръ Форбесъ являлся всюду первымъ и, надо отдать ему справедливость, всегда умѣлъ тщательно умалчивать передъ товарищами о причинахъ, наводившихъ его на случайность. Затѣмъ, высмотрѣвъ всѣ плевненскія атаки, опредѣливъ численность нашей арміи, изучивъ порядки, взвѣсивъ качества отдѣльныхъ дѣятелей, усвоивъ себѣ способъ веденія войны и планы всей кампаніи, онъ удалился въ Лондонъ, подѣ предлогомъ болѣзни, не дождавшисъ даже конца кампаніи. И тамъ началъ «разоблачать»...

Общество корреспондентовъ, допущенныхъ и побывавшихъ въ нашей арміи, доходило до весьма почтенной цифры. Я приведу здѣсь списокъ всѣхъ лицъ, оставившихъ свои портреты въ корреспондентскомъ альбомѣ главной квартиры ¹. *Англійскіе*: Форбесъ и Макъ-Гаханъ (американецъ отъ газеты «Daily News»; Грантъ—отъ газеты «Times»; Вилберсъ (художникъ)—отъ иллюстрированнаго журнала «Graphic»; Гейль (художникъ) журнала «Illustrated London-News»; Фредерикъ Войль (впоследствии удаленный изъ арміи)—отъ газеты «Standart»; Брәкенбурри (полковникъ, состоявшій на дѣйствительной службѣ въ англійской арміи, пользовавшійся отпускомъ)—отъ газеты «Times»; Харрикъ (докторъ, проживающій въ Петербургѣ) и Розъ — отъ газеты «The Scotsman»; Доканкозъ — отъ газеты «New-York-Herald»; Кингъ—отъ газеты «Boston-Journal»; Джексонъ (не помню какой американской газеты). Корреспонденты газеты «Daily Telegraph» и большинства вѣнскихъ газетъ, какъ недопущенные въ армію, проживали въ Бухарестѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ вторыхъ источниковъ отъ товарищей по профессіи, а иногда и своими умовакленіями. *Прусскіе* корреспонденты: Дангауеръ—отъ газетъ: «Militär Wochenblatt», «Hambourger-Nachrichten» и «National-Zeitung»; фонъ-Марѣ—отъ газеты: «Augsburger-Allgemeine

¹ Известно, что каждый корреспондентъ обязанъ былъ представлять два экземпляра своего портрета. На одномъ происходила пропускъ и прикладывалась казенная печать, другой поступалъ въ общій альбомъ собранія корреспондентскихъ портретовъ.

Zeitung»; Иоганъ Шенбергъ (художникъ)—отъ журнала «Ueber Land und Meer»; фонъ Браунъ — отъ газетъ; «Post» и «Neue Militärische Blatt»; Бета—отъ газеты «Berliner-Tagblatt». *Вѣнскіе* корреспонденты: Лужешъ — отъ газеты «Neues-Wiener-Tagblatt»; графъ Рейнштейнъ (отставной поручикъ) и Лакманъ—отъ пражской газеты «Politik»; Лихтенштадтъ—отъ газеты «Presse» (Alte). *Французскіе* корреспонденты: Бребанъ — отъ газетъ: «XIX Siècle», «National» и «Journal d'Odessa»; Иванъ де-Вестинъ—отъ газеты «Figaro»; Дюк-де Лонле—отъ газетъ: «Moniteur Universel» (органъ герцога Деказа) и «Monde Illustré» г. Белина—отъ газеты «Estafette»; Конъ Абрестъ—отъ газеты «Indépendance Belge»; Ламонтъ—отъ газеты «Temps»; Гране—отъ газеты «République Française»; Фарей — отъ газеты «La France». Представителемъ *шведской* печати былъ Берлингъ, шведскаго генеральнаго штаба поручикъ, корреспондентъ газеты «Stockholms Dagblad». Г. Погенполь былъ высланъ корреспондентомъ отъ слѣдующихъ телеграфныхъ агентствъ: «Agence Havas», «Reiter», «Wolf» и «Vienne». *Итальянскіе* корреспонденты: Марко-Антоніо-Канини—отъ газетъ: «Opinione», «Pungolo di Napoli», «Gazetta Piemontaise» и «Courier du soir de Milan»; Маркотти—отъ газеты «Fanfulla»; Ладзаро—отъ газетъ: «Roma di Napoli» и «Illustrazione Italiana di Milano» (художникъ). Затѣмъ былъ еще одинъ художникъ изъ Мадрита, фамилію котораго я не упомяну отъ испанской мадридской иллюстраціи; Сатмари — художникъ князя Карла румынскаго и Душень — фотографъ князя Карла румынскаго. *Русскіе* корреспонденты: гг. Модзольскій и Комаровъ—отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; гг. Карзинъ, Немировичъ-Данченко, Буренинъ, Суворинъ, Маслово и Ивановъ — отъ «Новаго Времени» (г. Немировичъ-Данченко былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты: «Нашъ Вѣкъ», а г. Ивановъ былъ въ то же время и фотографомъ); Федоровъ (художникъ) — отъ «Русскаго Инвалида» и «Всемирной Иллюстраціи»; г. Сакальскій былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты «Голось»; впоследствии его замѣнили американцы: гг. Магъ-Гаханъ и Стэнли, который въ то же время корреспондировалъ въ англійскія газеты: «Манчестеръ-Гардиенъ» и въ ирландскій журналъ: «Фрименъ»; Гирсъ — отъ «Сѣвернаго Вѣстника»; гг. Ралпъ и Георгіевичъ — отъ «Русскаго Мира»; г. Мецъ состоялъ чиновникомъ гражданскаго управленія при покойномъ князѣ Черкасскомъ и былъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей»; впоследствии въ качествѣ корреспондента этой газеты — появился князь Шаговской; г. Иловайскій (профессоръ) былъ временнымъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣ-

домостей»; г. Вайновъ (подполковникъ) былъ корреспондентомъ «Сѣвернаго Вѣстника»; г. Сухотинъ (подпоручикъ) былъ корреспондентомъ «Русскаго Инвалида»; г. Тесхаровъ—корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей» и я въ качествѣ корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей».

Такимъ образомъ, въ общей сложности, исключая временныхъ корреспондентовъ, всѣхъ аккредитованныхъ было около 58 человекъ. Принимая во вниманіе эту цифру, нельзя пожаловаться на затрудненія въ допущеніи корреспондентовъ въ армію въ количественномъ отношеніи. Что же касается отношенія арміи къ представителямъ печати въ нравственномъ смыслѣ, то позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ интересномъ предметѣ. Представители печати въ рядахъ русской арміи—это новость, о которой стоитъ поговорить.

VII.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЕННЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМЪ.

Въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденія, какъ и среди корреспондентовъ были люди различныхъ способностей, взглядовъ и традицій; поэтому и отношенія ихъ между собою должны были быть различны. Но это частности, о которыхъ мы говорить не будемъ; достаточно обрисовать эти отношенія въ общихъ чертахъ, какъ къ представителямъ иностранной печати, такъ и къ русской.

Прежде всего, самая арена войны представляетъ собою такую почву, на которой откровенно дѣйствуютъ только сталь штыка, да свинецъ пули; затѣмъ, самые руководители штыка и пули только тогда бываютъ счастливы, когда имъ удастся пропороть животь неприятеля, или всадить пулю въ лобъ. Такое тяжелое положеніе людей должно было усугубиться для насъ, русскихъ, потому что мы никогда не бываемъ твердо увѣрены въ своихъ силахъ. Пропороть животь человека надо умѣть, а попасть пулею прямо въ лобъ—тѣмъ болѣе. И вотъ на арену этой штыковой дѣятельности явились вдругъ люди, которые задались цѣлью контроля надъ дѣйствіями штыка и пули... Эти люди могли при всякомъ удобномъ случаѣ сконфузаться, сказавши, что штыкъ заглѣзъ въ неуказанное мѣсто, что пуля не попала въ лобъ, потому что плохо была выпущена, что много лобовъ остались цѣлыми, потому что свинцу и пороху не хватило, и наоборотъ: много

лбовъ было прострѣлено нецѣлесообразно, потому что ихъ повели не такъ и не туда, куда слѣдовало. Само собою разумѣется, что гг. контролеры были совершенно лишніе люди въ арміи; но они явились необходимымъ зломъ, котораго нельзя было избѣгнуть. Такъ ихъ понимали съ перваго момента войны до послѣдняго.

Я говорю, что въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденій, хотя въ сущности умственная разница между ними была и не особенно велика. Иные занимали болѣе выгодные посты, болтали на всѣхъ языкахъ, пили шампанское, другіе шли подъ пули, разговаривали, не избѣгая крѣпкихъ выраженій, и, вмѣсто шампанскаго, пили свуху. Но и тѣ и другіе почти сходились во взглядахъ на присутствіе представителей иностранной печати. Если же они расходились въ степени радужія относительно корреспондентовъ, то это касалось только корреспондентовъ русскихъ.

Блестящая часть арміи, то, что было поближе къ штабу, относилась къ иностранцамъ по примѣру старшихъ. Если старшій въ чинѣ протягивалъ руку мистеру Форбесу, то всѣ младшіе считали своею обязанностью сдѣлать тоже самое. Выше было объяснено, почему старшіе рѣшились протянуть руку мистеру Форбесу; младшіе этихъ причинъ не понимали и не разбирали; они дѣлали это просто по примѣру.

Сѣрая часть интеллигентной арміи тоже не касалась этихъ причинъ; за то она не конфетничала, а откровенно разсуждала такъ, при видѣ англичанина: «а, рыжій песъ!.. турку бунтовать вздумалъ! ну ка пойдемъ теперь съ нами вмѣстѣ подъ пули-то!» Вотъ вамъ, напримѣръ, случай подобнаго отношенія къ англичанамъ.

Однажды утромъ, въ бытность мою въ деревнѣ Парадимѣ, гдѣ помѣщался штабъ генерала Зотова, только что принявшаго въ то время командованіе надъ западною арміею (послѣ второй неудачной атаки барона Криденера), къ намъ пришелъ посланный изъ штаба. Я говорю: «къ намъ», потому что въ это время насъ было семеро: Стэнли, Махъ-Гаханъ, Вайль, Добсонъ, Грантъ, американецъ Джексонъ и я. Мы помѣщались въ избенкѣ болгарина, въ ожиданіи событій подъ Плевною. Присланный пригласилъ меня къ начальнику штаба, полковнику Новицкому. Штабъ помѣщался на дворѣ другого дома, въ концѣ деревни.

— Будьте столь любезны, пригласите ко мнѣ англійскихъ корреспондентовъ, я имѣю имъ передать кое-что—и сами приходите вмѣстѣ съ ними.

Сказано—сдѣлано. Мнѣ подвернулись подъ руку мистеръ Вайль

и американецъ Джексонъ. Другихъ корреспондентовъ въ это время не случилось.

Мистеръ Бойль, низенькій, кругленькій, съ рыжеватоюспаньолою, маленькими, хитрыми, обгающими глазами, былъ чрезвычайно умный англичанинъ, начитанный, серьезный и дѣльный человекъ. Онъ былъ туркофилъ, но его туркофильство основывалось не на личныхъ выгодахъ или смутныхъ симпатіяхъ, а на строгихъ убѣжденіяхъ, выработанныхъ при помощи спеціального изученія исторіи турокъ, ихъ быта, характера, нравовъ, образа жизни и т. д.

Мы явились къ Новицкому. Насъ окружили офицеры.

— Я имѣю къ вамъ порученіе, началъ Новицкій, обращаясь сначала къ Джексону.

— Это не онъ... остановили его офицеры: — это американецъ.

— Въ такомъ случаѣ я имѣю къ вамъ порученіе, обратился Новицкій къ Бойлю:—миѣ приказано передать письмо туркамъ. Пльнные турки сообщаютъ въ этомъ письмѣ своимъ собратамъ о гуманномъ обращеніи съ ними русскихъ. Кромѣ того, мы желали бы передать просьбу Осману-пашѣ: дозволить намъ убрать трупы нашихъ убитыхъ, гниющіе на полѣ битвы.

— Прекрасно, замѣтилъ Бойль: — въ чемъ же дѣло?

— Мы послали парламентаря... вотъ капитанъ ѣздилъ вчера къ туркамъ, указалъ Новицкій на капитана: — но турки открыли по немъ огонь, не взвравъ на бѣлый флагъ и трубные звуки.

— А, понимаю! вы желаете значить составить объ этомъ протоколъ и опубликовать его въ англійскихъ газетахъ? съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Новицкій, лукаво улыбаясь: — я желаю другого. Вы англичанинъ?

— Да, англичанинъ.

— Вы принадлежите къ націи, большинство которой дружелюбно относится къ туркамъ и не довѣряетъ намъ.

Бойль улыбнулся.

— Если хотите, да и нѣтъ.

— Позвольте... эти диспуты завели бы насъ далеко... отвѣчайте прямо: турки ваши пріатели?

Бойль продолжалъ улыбаться.

— И такъ, турки ваши пріатели. Значить, вамъ, какъ другу, легче передать имъ это письмо. Вы собственнымъ опытомъ можете убѣдиться въ турецкомъ гостепримствѣ.

*

«Вотъ была бы штука, еслибы въ самомъ дѣлѣ турки всадили пулю въ лобъ англичанина», думали окружающіе, улыбаясь.

Бойль сконфузился до такой степени, что долго не могъ прислать отвѣта.

— Я обязанъ корреспондировать въ газету, редакція которой послала меня на театръ военныхъ дѣйствій. Развозить письма, хотя бы въ качествѣ парламентаря, вовсе не входитъ въ кругъ обязанностей корреспондента. Если меня убьютъ, редакція лишится корреспондента, а посягать на интересы моей редакціи я не имѣю права.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ штабнаго двора. Молча пошли мы по улицѣ. Бойль былъ озадаченъ.

— Вы слышали? спросилъ онъ меня нервнымъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Что же это такое значить?

Я молчалъ.

— Какъ тяжело быть иностранцу въ русской средѣ.

Мнѣ стало жаль Бойля, до того онъ сконфузился.

— Вы смотрите на это слишкомъ сурово, сказалъ я: — по моему, это лишь своеобразный отвѣтъ на ваши симпатіи къ туркамъ....

— Какое кому дѣло до моихъ личныхъ симпатій?

— То есть, до симпатій вашей націи?

— Еще того хуже!

Бойль окончательно разсердился.

Нельзя сказать, чтобы англичане этого не предвидѣли, когда они ѣхали въ армію. Англичане сразу поняли характеръ нашихъ отношеній къ нимъ; поэтому, они сначала отвѣчали любезностью на любезности, оказанныя имъ въ главной квартирѣ. Достаточно прослѣдить за ихъ корреспонденціями, писанными въ началѣ войны, въ періодъ времени до перехода черезъ Дунай, когда они придерживались преимущественно главной квартиры, чтобы убѣдиться въ тонкости ихъ поведенія. Всѣ корреспонденціи писались тогда въ духѣ, преисполненномъ хвалебныхъ гимновъ. Все было не только позволительно, но даже законно и желательно. И этимъ они оказали намъ большую услугу. Описание англичанами духа нашего войска, многотерпѣнія, мужества, кротости, строгой дисциплины, общаго порядка, прекрасной организаціи арміи — все это читалось турками и всею Европою, и если эти описанія не достигали цѣли въ Европѣ, то во всякомъ случаѣ они дѣйствовали на моральное состояніе турокъ въ ту минуту. Турки слушали англичанъ и трепетали, будучи уже и безъ того напуганы примѣрами прошлыхъ войнъ. Но

потомъ, обстоятельства нѣсколько видоизмѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнились и отношенія къ англичанамъ. Послѣ историческаго дня 31 августа—мистеръ Фербесъ стелъ за лучшее уѣхать въ Лондонъ; мистеръ Бойль былъ высланъ изъ арміи за разоблаченіе какихъ-то тайнъ; говорятъ, что Макъ-Гаханъ обижался на то, что ему не дали ордена; остальные англичане тоже уѣхали во свояси. Ихъ призывали политическіе интересы своего государства. Въ Англии начались митинги, движеніе умовъ, парламентскіе дебаты. Нужно было кое-что рассказать волнующейся публикѣ.

Къ французамъ относились въ арміи совершенно индефферентно; впрочемъ, французы и не заслуживали иного отношенія, потому что большинство изъ нихъ дальше Бухареста не ѣздило и никто изъ нихъ ничѣмъ не отличался отъ пресловутаго г. Ивана-де-Вестина, корреспондента не менѣе пресловутаго «Figaго». Ихъ можно было встрѣтить въ гостяхъ у соотечественницъ-кокетокъ, проживавшихъ въ Бухарестѣ; ихъ можно было встрѣтить въ кафе, въ театрѣ, но они очень рѣдко показывались въ рядахъ арміи, а если и показывались, то непременно вблизи перевозочныхъ пунктовъ. Если въ лицѣ англійскихъ корреспондентовъ мы встрѣчали людей строго-спеціальныхъ, разумныхъ и пытливыхъ, то въ обществѣ французовъ находились такіе, которые сегодня пишутъ военную корреспонденцію, а завтра сочиняютъ опереточныя либретто или ведутъ хронику изъ жизни маленькихъ парижскихъ театровъ.

Нѣмецкіе корреспонденты, исключая г. фонъ-Гуна, отставнаго лейтенанта прусской службы, специально вышедшаго въ отставку для того, чтобы поѣхать на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента «Кѣльнской Газеты» (замѣтьте: опять недружелюбной намъ газеты), были преимущественно отмѣтки безцвѣтны. У нихъ не хватало ни энергіи англичанъ, ни любезности французовъ, ни интереса къ самымъ событіямъ войны. Ихъ понимали въ арміи «нашими друзьями», и они примыкали всегда къ русскимъ нѣмцамъ. На этотъ счетъ у нихъ былъ нѣкій удивительный; выѣдетъ нѣмецкій корреспондентъ на поле, повѣсть вѣтеръ—онъ уже и знаетъ, гдѣ корпусъ барона Криденера стоитъ, или давизія Шильдөръ Шульднера. Въ своихъ корреспонденціяхъ нѣмцы корреспонденты описывали подвиги корпусовъ, въ которыхъ они находились, оправдывали ошибки пріятелей, или поэтизировали на тѣму выпитой чарочки, при лунномъ свѣтѣ, въ лагерѣ казаковъ, которые ѣдутъ «на особенной породѣ лошадей, называемыхъ конями».

Итальянцы, немногіе испанцы и шведы—объ нихъ нечего гово-

рять; ихъ было и немного, да и литературою этихъ націй мы мало интересуемся.

Русскіе корреспонденты! вотъ наше горе. Увы! русскій писатель нашихъ дней совѣтъ особенный человѣкъ, и судьба и дѣятельность этого человѣка до такой степени несчастны, что одно воспоминаніе объ условіяхъ этой дѣятельности можетъ отравить весь организмъ, какъ отравляютъ здороваго человѣка миазмы тифозной горячки, паразита въ окружающемъ воздухѣ.

Когда я ѣхалъ въ армію, публика говорила мнѣ: «куда вы ѣдете?.. ворочайте назадъ!.. совѣтую!.. официальнымъ корреспондентомъ будетъ г. Всеволодъ Крестовскій».

А когда я пріѣхалъ въ армію и встрѣтился въ первый же день, вечеромъ, съ г. Всеволодомъ Крестовскимъ на телеграфной станціи, то онъ мнѣ сказалъ:

— Допустятъ-ли васъ корреспондентомъ въ армію?—это еще вопросъ!.. а если и допустятъ, то, вѣроятно, подчинять этапному начальнику.

«Что-то раненъео отсылать меня къ этапному начальнику», подумалъ я; однако, ничего невѣроятнаго мнѣ въ этомъ не показалось.

Наконецъ, меня обрадовали извѣстіемъ, что корреспондентовъ допустятъ.

— А цензура будетъ? спрашиваю.

— Помилюйте, какая цензура! разъ допуская васъ въ армію, мы нетолько не намѣрены подчинять васъ нашей цензурѣ, но готовы вамъ, какъ русскому корреспонденту, дѣлать всевозможныя предпочтенія передъ иностранцами.

Я такъ и понималъ это буквально, понял и обрадовался. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему цензура по отношенію къ намъ, русскимъ корреспондентамъ? За спиною стояли ликующіе редакторы, вокругъ насъ была ликующая толпа читателей, наконецъ, въ арміи насъ окружали ликующіе воины. Да если я не буду ликовать—меня никто и читать не станетъ. Прежде всего мы «патріоты своего отечества», и затѣмъ всякій изъ насъ отлично знаетъ, что нельзя обнаруживать военныя тайны. Вѣдь англичане же были допущены всюду безъ различія направленія, и подчинить ихъ какой бы то ни было цензурѣ было немыслимо,—отчего же и намъ, русскимъ корреспондентамъ, не дать такихъ же льготъ? Легѣя эту мысль, я уже началъ предвкушать прелесть ея осуществленія, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро (по утрамъ мы являлись обыкновенно къ полковнику Газенкампу, который былъ посредникомъ между нами и главною квартирою и котораго нѣмцы называли: «unserer Mama»), мнѣ

показали телеграмму, касающуюся насъ, и приказъ, согласно которому было поставлено въ обязанность остерегаться разговоровъ съ корреспондентами. «Конечно, не съ нами, подумаешь:—а съ иностранцами, съ англичанами!» Прошло еще нѣсколько дней, и я принужденъ былъ убѣдиться въ томъ, что и по отношенію къ намъ, русскимъ корреспондентамъ, приказъ сталъ исполняться съ буквальною точностью. Куда бывало ни сунусь—всѣ отъ меня, какъ отъ чумы. Я началъ было искать обѣщанныхъ «предпочтеній», «указаній», «совѣтовъ» и т. д., но увы!.. я вошелъ въ общую группу людей различныхъ національностей, которые ежедневно являлись къ полковнику Газенкампу за новостями дня.

— Il n'y a rien de nouveau, messieurs; une petite canonade de coté d'Olténiza, говорилъ намъ полковникъ.

Эта фраза сдѣлалась на устахъ полковника до того стереотипной, что я уже началъ думать, что вся славянская драма сведется къ тому, что «il n'y a rien de nouveau» и т. д. Фраза эта даже разсердила, наконецъ, Ивана-де-Вестина, и онъ немедленно замѣтилъ въ своей газетѣ, что онъ, Иванъ-де-Вестинъ, увѣренъ въ томъ, что когда у полковника родится ребенокъ, то отецъ будетъ качать своего сына въ люлькѣ съ припѣвомъ: «il n'y rien de nouveau; une petite canonade de coté d'Olténiza»... Между тѣмъ, корреспонденты англійскихъ газетъ быстро сдѣлались кумирами.

Все это меня, конечно, огорчало, но не оскорбляло, потому что это вѣдь относилось не ко мнѣ лично, а всецѣло къ вамъ, дорогие читатели. Такимъ образомъ, не успѣвъ еще оцѣтниться (это общее направленіе нашей литературы: цѣтниться), а напротивъ того, подчиняясь покладистой натурѣ русскаго человѣка, имѣющаго обыкновеніе ликовать еще болѣе, если его поглядятъ по головкѣ, я вдругъ почувствовалъ, какъ я съ самого же начала началъ залѣзть въ раковину неуязвимости, въ скорлупу совершеннаго равнодушія. Сначала я испугался мрака, спустившагося передъ моими глазами, а потомъ, опять-таки по свойству русскаго человѣка, махнулъ на все рукою. Махнулъ я рукою, отвергнутый, такъ сказать, начальствомъ и дипломатіей, отвернулся отъ сильныхъ и вмѣшался въ общую толпу русской публики.

Съ тѣхъ поръ, я сдѣлался Подхалимовымъ. Представители арміи, общества и свои собраты по перу такъ меня и помани, и всѣ сходились въ смыслъ этого пониманія, хотя всякій понималъ, что и Подхалимовы—народъ до нѣкоторой степени «полезный».

— Ахъ, здравствуйте... очень радъ васъ видѣть... кстати, выньте-ка вашу записную книжку изъ кармана, а вамъ кое-что интересное расскажу.

— Ну, рассказывайте.

— Ъхаль я, знаете, берегомъ Дуная съ моимъ генераломъ (има рекъ) — на рекогносцировку ѳадили, вчера только вернулись — ѳхали мы въ открытой коляскѣ, берегъ, знаете, открытый, турки съ той стороны все это видѣли; вдругъ, откуда ни возьмись: турецкій мониторъ лѣзетъ...

— Куда? на берегъ?

— Нѣтъ же, онъ вылѣзъ изъ-за острова... вылѣзъ оттуда, да какъ пустить, знаете, гранату, прямо въ коляску; кучеръ наклонился, а граната пролетѣла съ ревомъ надъ нашими головами, ударила въ двукъ шагахъ, да какъ разорвется!..

— Что же генераль?

— Удивительный человекъ!.. «стой!» говорить кучеру. А самъ взялъ бинокль, да и навелъ его на мониторъ... Вы это запишите!.. удивительной храбрости человекъ!.. представьте наше душевное состояніе въ эту минуту!.. мониторъ лѣзетъ, а мы стоимъ... кучеръ-румынъ стрелача задалъ; казаки даже поблѣднѣли, а мы стоимъ!.. Вы это запишите!..

— Чѣмъ же кончилось?

— Мониторъ стрѣлялъ, стрѣлялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ... ну, и ушелъ, а мы ѳхали.

— Безъ кучера?

— Самъ возжи взялъ, кончилъ рассказчикъ не запинаясь.

Не думайте, что это рассказъ исключительный. Нѣтъ, это всегда и со всѣми такъ было, съ кѣмъ я ни говорилъ. Хотите проверить? не угодно ли развернуть любую страницу любой газеты; прочитайте — и убѣдитесь.

Вотъ недавно мистеръ Форбесъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Я посылалъ его.

— Вы теперь куда поѣдете?

— Не знаю; редація убѣдительно проситъ меня поѣхать опять въ армію... только едва-ли я поѣду.

— Отчего же не ѳхать?

Мистеръ Форбесъ улыбнулся, приподнялъ плечи, спряталъ въ нихъ голову, запустилъ руки въ карманъ и азитированно прошелся по комнатѣ. Какъ будто нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Я написалъ брошюру въ Лондонѣ...

— Слышали.

— Этой брошюрѣ я предпослалъ предисловіе, въ которомъ, упоминаю о награжденіи меня орденомъ, я...

— И это слышали, перебилъ я его.

— Въ такомъ случаѣ вы понимаете, что едва-ли мнѣ возможно вернуться въ армію.

— Отчего же?

— А какъ вдругъ со мною случится тоже самое, что случилось съ мистеромъ Бойлемъ?

— Вы отъ этого во мнѣніи англичанъ не потеряете...

— Положимъ... Но, знаете, я не могу себѣ представить, чтобы можно было пережить что-нибудь подобное!

«Чудакъ!» думалъ я въ эту минуту. Оказывается, что мы просто не понимали другъ друга.

Не понимая другъ друга въ сношеніяхъ съ англичанами, мы однако-жь, отлично понимали другъ друга въ своемъ обществѣ.

Однажды вечеромъ, мы сидѣли въ одномъ изъ садиковъ гор. Плюэшты. Наше общество составляли: два русскихъ корреспондента, инженерный подполковникъ и гвардейскій штабъ-ротмистръ, товарищи и пріатели котораго состояли преимущественно при штабѣ. Разговоръ шелъ по поводу какого-то событія тогдашнихъ дней.

— Еслибы я былъ корреспондентомъ, воскликнулъ подполковникъ въ минуту увлеченія:—я бы такъ и такъ отнесся къ этому дѣлу; жаль, что я не пишу...

— Хотите, я вамъ устрою, что вы будете писать? сказалъ я ему.

— Очень радъ...

— Позвольте! грозно воскликнулъ штабъ-ротмистръ:—надѣюсь, что мнѣ не придется напоминать вамъ вашихъ словъ, сказанныхъ при постороннихъ свидѣтеляхъ! Честь моего мундира заставляетъ меня «доложить» ваши слова кому слѣдуетъ... я—штабъ-ротмистръ, а вы—полковникъ...

Съ этими словами, штабъ-ротмистръ приложилъ руку къ козырьку.

— Вы видите: я отдаю вамъ должное; но, г. полковникъ, я считаю ваши слова оскорбленіемъ мундира, который мы одинаково носимъ съ вами. Вы хотите быть корреспондентомъ... это простительно вотъ имъ...

Съ этими словами, онъ указалъ на насъ. Мы, конечно, обидѣлись; но штабъ-ротмистръ слишкомъ разгорячился и не слушалъ насъ.

— Это не простительно, г. полковникъ!.. ваша обязанность заключается въ защитѣ чести арміи и отечества, а не въ томъ, чтобы унижаться до степени «строчилы».

Тутъ поднялся такой гвалтъ, который могъ кончиться Богъ знаетъ чѣмъ; но, въ концѣ-концовъ, скандалчикъ, конечно, уgomонился. Однако, подполковникъ очень долго и весьма энергично искалъ случая помириться съ штабъ-ротмистромъ, и я узналъ потомъ, что онъ даже отказался отъ своихъ словъ, признавъ правильность и благородство взгляда штабъ-ротмистра, потому что былъ совершенно увѣренъ въ возможности «доклада» и напередъ зналъ; что и другіе, то есть и тѣ, кому хотѣли докладывать, и тѣ, къ обществу которыхъ принадлежалъ штабъ-ротмистръ, вполне раздѣляютъ его взглядъ.

Когда я рассказывалъ объ этомъ случаѣ чловѣку разумному, но стоявшему, по своему положенію, близко къ единомышленникамъ штабъ-ротмистра—этотъ чловѣкъ удивился:

— Неужели это правда? вотъ чудакъ-то!..

Но либеральное сужденіе этого чловѣка, однако, не мѣшало ему сказать, при случаѣ, корреспонденту:

— Вотъ у васъ въ такой-то корреспонденціи...

(А въ «такой-то» корреспонденціи были высказаны кой-какіе упреки).

— Да! такъ вотъ въ такой-то корреспонденціи у васъ... какъ вамъ сказать?... у васъ верались нѣкоторыя ошибочки...

— Если это дѣйствительно ошибки, на нихъ можно возражать или ихъ исправить.

— Да, конечно!.. но это вѣдь я такъ говорю... зачѣмъ же!.. я такъ сказалъ, чтобы только васъ извѣстить...

Сѣрая часть, т. е. настоящая армія относилась къ русскимъ корреспондентамъ нѣсколько иначе. Идетъ, бывало, по дорогѣ бригада; жара невыносимая, солдатки еле-еле влачатъ ноги, а сами такъ вотъ и отчеканиваютъ каждое слово:

Сукна твуются, нитки рвутся,
Коло мена, молодой, солдатки вьются!
Хоть вы вейтеса, хоть не вейтеса,
На мена, да на молодеу не надѣйтеса!

Я ихъ перегоняю верхомъ. Солдатки съ любопытствомъ осматриваютъ съ головы до ногъ штатскаго чловѣка и острять про себя: «турка ѣдетъ»!

— Болгаринъ, а не турка.

Не мало они удивятся, когда я, бывало, обращусь къ фельд-фебелю:

- Какая бригада?
- Такая-то.
- Кто командуетъ?
- Генераль X.

- Какой полкъ?
- Такой-то.
- Куда вы идете?
- А вамъ зачѣмъ это знать?
- Такъ, говорю:—любопытно.
- Нѣтъ, однако?
- Просто такъ.
- Кто вы такіе будете?

Физиономія фельдфебеля вдругъ приметъ допрашивающее выраженіе.

- Все равно не поймешь, если я тебѣ и скажу, кто я такой.
- Нѣтъ, позвольте... однако, все-жъ-таки! Вы откуда ѣдете?
- Изъ Россіи.

При такомъ моемъ отвѣтѣ фельдфебель окончательно усомнится. Солдатики наострятъ уши, любопытство ихъ возрастаетъ.

— Что-жъ, коли такъ, Иванъ Филиппычъ, можно ихъ и предоставить куда слѣдуетъ, скажетъ солдатъ фельдфебелю.

— Извѣстное дѣло... кто вы такіе будете? возвыситъ голосъ фельдфебель.

— Корреспондентъ.

— Корреспондентъ?.. что такое, понять не могу.

— Нешто не видите—русскій ѣдетъ! заступится другой солдатикъ.

— Знай—помалкивай, не твое дѣло... тоже, братъ, по нынѣшнимъ временамъ смекать надо, глубокомысленно замѣтить фельдфебель и, ради бѣдшей внушительности, приложить даже палецъ къ своему лбу.—Доложи-ка его благородію, на всякій случай! прикажетъ онъ солдатнику.

Явится прапорщикъ.

— Ваше бл—діе, они все разспрашиваютъ, какъ, что, почему, какая бригада, куда идетъ? Кто они будутъ—богъ ихъ знаетъ!

Какъ только дѣло объяснится, такъ сейчасъ всѣ эти прапорщики, поручики, капитаны и штабъ-капитаны, не исключая полковниковъ — обступятъ со всѣхъ сторонъ и смотрятъ прямо въ глаза. Чисто русское гостепримство, радушіе, простота, эти отличительныя черты простого русскаго человѣка, скажутся сейчасъ же.

— Вы корреспондентъ?

— Корреспондентъ.

— Ахъ, очень пріятно! сдѣлайте милость, не хотите ли закусить?

Каждый потянетъ въ свою сторону.

— Вы гдѣ будете ночевать?

- Вотъ у нихъ въ палатѣ.
- Нѣтъ... почувте у меня...
- А то ко мнѣ милости прошу...
- Благодарю васъ.
- Часто вы пишете?
- По возможности.
- Пишите, батюшка, пишите; вотъ насъ компанія жидовъ одолеваетъ; обозы ломаются—все гниль.
- Многого писать будетъ нельзя, скажешь имъ.
- Жаль, очень жаль, замѣтать въ отвѣтъ; но замѣтать такимъ тономъ, что и не знаешь какъ думать: дѣйствительно ли имъ жаль, или такъ себѣ?
- Вотъ тоже, г. корреспондентъ, нельзя ли обратить вниманіе на положеніе солдатъ... Солдатамъ тяжело идти, ранцы очень нагружены.

Всѣ продолжаютъ радоваться присутствію обличителя, пока сидишь вмѣстѣ съ ними; расскажутъ тебѣ всю подноготную, вывалятъ всѣ анекдоты, только... только дальше этого нейдетъ. А коснешься какого нибудь генерала — генераль сейчасъ же обидится: никогда еще онъ ничего про себя не читалъ при всей нашей гласности.

Опоздаешь, бывало, къ побѣдѣ—сейчасъ вамъ говорятъ:

— Что-жъ вы, батюшка, опоздали?.. вотъ теперь и пеняйте на себя! Вотъ вы сами себя и лишили хорошей тѣмы для корреспонденціи. Мы побѣдили, а вы не выдали; ну, что вы теперь будете писать?

Очевидно, ему кажется, что кромѣ, какъ о побѣдѣ, корреспонденту писать нечего.

Вообще, тяжело было положеніе наше въ арміи; оно становилось еще тяжелѣе, принимая во вниманіе невообразимыя для человѣка спокойной, домашней жизни лишенія нужды, жажды, голода, вѣчнаго пресмыканія и впечатлѣнія ужаснѣйшихъ страданій человѣчества. Англичане—тѣ, по крайней мѣрѣ, хоть капиталы составляли во время войны; а мы и того были лишены.

VIII.

Въ Плоэштахъ.

Въ гор. Плоэшты прибыла главная квартира и этому городу суждено было быть центромъ общаго движенія арміи и исходнымъ пунктомъ ея дѣйствій и направленій.

Городъ Плошты считается въ Румыніи вторымъ городомъ послѣ Бухареста по своей величинѣ и численности городского населенія, равно какъ и по внѣшнему виду. Онъ стоитъ почти на серединѣ желѣзной дороги, связывающей Браиловъ съ Бухарестомъ (нѣсколько ближе къ Бухаресту), и представлялъ весьма удобный пунктъ сообщенія съ лѣвымъ и съ правымъ флангами войскъ, расположившихся на Дунаѣ. Части нашихъ войскъ заняли берега Дуная, начиная отъ Рѣни и кончая правымъ флангомъ, остановившимся у мѣстечка Турнъ-Магурели, находящагося противъ турецкой крѣпости Никополь. Все небольшое береговое пространство отъ Турнъ-Магурели до австрійской границы было занято румынскими войсками, причемъ крѣпость Калафать служила главнымъ средоточіемъ румынской артиллеріи.

Съ именемъ раздѣлявшаго насъ отъ румынъ городка, Турнъ-Магурели, связывалось воспоминаніе румынъ о кровопролитной битвѣ, происходившей въ его окрестностяхъ, въ 1598 году, между турками и румынами, состоявшими тогда подъ командою Михалы Браваго, которому потомки воздвигли памятникъ въ Бухарестѣ, на площади противъ университетскаго зданія. Съ именемъ этого города связаны многія воспоминанія о нашихъ дѣятеляхъ войны 1853 года. Самъ по себѣ, Турнъ-Магурели, маленький городокъ съ 5,000 жит., стоитъ при впаденіи рѣки Ольты въ Дунай. Согласно задуманному плану и выбору мѣста переправы, это былъ важный стратегическій пунктъ на Дунаѣ, потому что рѣка Ольта давала намъ возможность сплавлять матеріалы и средства, необходимыя для переправы, а Зимница была въ близкомъ разстояніи отъ Турнъ-Магурели. Имя этого городка происходитъ отъ находящихся тамъ развалинъ древней башни, которая была построена во времена Трояна; самый городъ былъ въ тѣ времена одной изъ многихъ колоній, устроенныхъ римлянами на берегу Дуная.

Но берега Дуная были заняты исключительно одними только пикетами, которые несли сторожевую службу. Главныя силы двигались внутри Румыніи, проходили черезъ Плошты, миновали Бухарестъ и сосредоточивались около Александріи. Одна часть войскъ, корпусъ генерала Циммермана, находилась около Браилова. Армія пряталась до поры до времени, а въ этой таинственности заключалась лучшая сторона задуманнаго плана. Всякій ждалъ момента, когда вся армія сразу выростетъ какъ изъ земли въ извѣстномъ пунктѣ, и корреспондентамъ въ особенности хотѣлось знать мѣстоположеніе этого пункта: такъ сильно интересовалась вся Европа труднымъ маневромъ переправы черезъ Дунай. Городъ Журжево былъ серединою растяну-

тыхъ пиветовъ и это середина, будучи *vis-a-vis* Рушчука, находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ генерала Скобелева 1-го, у котораго былъ начальникомъ штаба его сынъ, Скобелевъ 2-й, командовавшій въ то время летучимъ отрядомъ, составленнымъ изъ кубанскихъ, терскихъ и донскихъ казаковъ. Еще за долго до переправы, на генерала Скобелева 2-го возлагали большія надежды; имя его уже пользовалось популярностію въ арміи. Ходилъ слухъ, что Скобелеву 2 му предстоитъ чрезвычайно интересная экспедиція съ летучимъ отрядомъ на Софію, причемъ его отрядъ будетъ совершенно изолированъ отъ остальной части арміи и дѣйствія этого отряда представлять собою рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ военной хитрости, отваги и всевозможныхъ приключеній. Но это были одни только предположенія, не имѣвшія никакихъ основаній, какъ показали послѣдствія.

Вслѣдъ за главною квартирою въ городъ Плошты при была вся организація дѣйствующей арміи, всѣ ея отдѣльныя административныя учрежденія: интендантство, казначейство, инженерное вѣдомство, главная почта, короче, всѣ насыщающіе армію элементы; такъ что населеніе города, съ 30,000 румынскихъ жителей, приняло чрезвычайно оживленный и необыкновенно пестрый колоритъ.

Что касается внѣшняго вида этого, нынѣ историческаго города, то онъ не представляетъ собою ровно ничего интереснаго. Центръ образуютъ высокія, каменные зданія, построенныя по общеевропейскому шаблону. Этотъ центръ окруженъ пригородомъ съ низенькими зданьями, широко раскинувшимися по городскому пространству безъ всякой симметріи; одинъ домъ отдѣляется отъ другого широкимъ садомъ или дворомъ; одна улица принимаетъ направленіе, совершенно независимое отъ направленія соседней улицы; вслѣдствіе этого, происходитъ такой кавардакъ въ общей планировкѣ города, что заѣзжему человѣку приходится долго изучать переулки и закоулки, чтобы найти тотъ домъ, въ которомъ онъ остановился. Эта особенность придаетъ румынскому городу характеръ азіатскихъ городовъ. Судя по обилію лавокъ и магазиновъ, Плошты — городъ торговый. Много гостинницъ въ городѣ. Всѣ онѣ сосредоточиваются въ центрѣ и не отличаются комфортомъ. Содержатели гостинницъ, преимущественно австрійцы, драли съ русскихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ городѣ сосредоточилось такъ много русскаго элемента, что едва ли находился домъ, въ которомъ не стоялъ бы русскій офицеръ или чиновникъ. Но нельзя сказать, чтобы румыны охотно уступали свои комнаты русскимъ, какъ и нельзя

было похвастаться вообще дружественностию отношеній между нами и румынами. Мы жили двумя совершенно раздѣльными обществами и рѣшительно не находилось почвы, на которой могли бы мы сойтись съ румынами. Общественной жизни въ городѣ не было никакой. Развлеченій жаждали; безъ нихъ было скучно, мы не знали какъ коротать вечеръ и какъ убивать время; казалось, что дѣла было много, но въ сущности работали: телеграфъ, штабъ, да чиновники, заваленные письмоводствомъ въ своихъ канцеляріяхъ; затѣмъ, большая часть общества оставалась праздною, и вечеромъ каждый искалъ пріюта въ небольшихъ садикахъ городскихъ гостинницъ. Единственное развлеченіе въ городѣ — плохенькій циркъ, да временами наѣзжали сюда итальянскіе артисты изъ Бухареста. Коротать вечера въ гостинницахъ вошло въ обыкновеніе очень скоро. Въ садикахъ этихъ гостинницъ сосредоточивался городской beau-monde и можно сказать все офицерство. Жаркая и душная погода днемъ быстро смѣнила дождливые дни весенняго времени, такъ что прохлада вечера вызывала обыкновенно изъ дому каждого, спасавшагося днемъ въ комнатахъ отъ солнечнаго зноя. Въ особенности много публики собиралось обыкновенно въ гостинницѣ «Молдавія», гдѣ за стаканомъ плохенькаго вина, бесѣда длилась за полночь. Каждый вечеръ сюда являлись расфранченныя дамы городского общества. Общество размѣщалось особнякомъ: русскіе съ русскими, румыны съ румынами, причемъ весь вечеръ проходилъ въ нѣмомъ созерцаніи другъ друга. Въ садахъ играли небольшіе оркестры венгерскихъ цыганъ. Это было постоянное и несносное терзаніе слуха исполненіемъ какихъ-то необычайно-заунывныхъ пѣсенъ или романсовъ, и притомъ въ переводѣ на русскій языкъ, а именно:

«Ахъ если-бъ я
Любилъ тебя—
То полюбила-бъ ты меня» и т. д.

Или же это было дикое, необузданное ерзанье смычкомъ по струнамъ, на венгерскіе мотивы, причемъ по тѣлу слушателя пробѣгала невольная дрожь и нервы его ходили ходуномъ.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе скуки, которая почему-то всегда преслѣдуетъ русскаго человѣка по пятамъ, рѣшительно всѣ сосредоточивались ежедневно въ садикахъ, еле-еле освѣщенныхъ, небольшимъ количествомъ фонарей и украшенныхъ четырьмя жалкими деревьями. «Молдавія» была нѣкоторымъ образомъ нашимъ маленькимъ военно походнымъ Павловскомъ.

Болѣе мѣсяца пришлось намъ скучать въ Плоештахъ. Дунай постепенно и медленно входилъ въ свои обычные берега; моря-

ли продолжали работы по части минных заграждений; отдѣльныя лица штаба получали временами порученія съ дѣлю рекогносцировокъ. Продолжительное житье въ Плоештахъ, при волнующихъ вопросахъ будущаго, вызвало сознаніе нѣкоторой медленности военныхъ дѣйствій. Румыны начали уже высказывать предположеніе, что между турками и русскими будетъ заключенъ миръ, прежде чѣмъ наши войска перейдутъ Дунай. Дальнорюкость ихъ политики основывалась, между прочимъ, на томъ соображеніи, что въ Плоешты прибылъ Государь съ полнымъ составомъ своей дипломатической канцеляріи. Сверхъ того, румыны разсуждали, что русское правительство потому медлитъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что желаетъ выиграть время, пока кавказская армія сдѣлаетъ свое дѣло въ Азіи. Это было время, когда изъ Азіи приходили извѣстія объ энергичномъ наступленіи русскихъ войскъ. «Турки, получая пораженія, разсуждали румыны: — смѣнуть, что имъ лучше спасти Азію, въ которую они должны будутъ ретироваться изъ Европы, чѣмъ терять то и другое». Увы! какъ ни сладко было намъ слышать эти рѣчи, но то были рѣчи праздныя.

Изъ политическихъ условій нашихъ отношеній къ румынамъ сложились и наши общежитійскія отношенія. «Ничего общаго» — вотъ девизъ этихъ отношеній. «Румыны сами по себѣ, мы — сами по себѣ».

— Какой жалкій народъ! говорили мы часто, глядя на румыновъ: — какаѣ у нихъ армія! что за люди! что за порядки — чортъ знаетъ, что такое! а администрація?.. Въ сущности, это жалкая горсть несчастнаго народа, который топорщится и лѣзетъ куда-то... посмотрите, вонъ ѣдетъ, напимѣрь, кавалеристы!.. ха!.. ха!.. ха!

Однажды вечеромъ, въ садикѣ «Молдавіи» сидѣло общество офицеровъ; между ними были иностранные корреспонденты. Разговаривали на французскомъ языкѣ по поводу предстоящаго перехода и будущихъ событій въ Болгаріи.

— Что то будетъ?.. сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не бойтесь, господа, наивно отвѣтилъ ему румынскій офицеръ, помѣщавшійся за сосѣднимъ столикомъ: — не бойтесь, мы идемъ съ вами и поддержимъ васъ на случай надобности.

Какой хохотъ возбудили эти наивныя слова румына!

— Слышите, что онъ говоритъ? мы васъ поддержимъ!.. они насъ поддержатъ!.. комеди эти румыны!

Условія народной жизни румынъ, дѣйствительно, заставляютъ желать многого. Насколько я приглядѣлся къ румынской интеллигенціи, это одна изъ самыхъ антипатичныхъ интеллигенцій

Европы. Исторія Румыніи говоритъ, что румынскій народъ, находившій долгое время подъ страшнымъ гнетомъ румынскихъ бояръ. Нашелъ спасеніе уми, истощивъ, освободилъ валаховъ и молдаванъ отъ дса бояръ, и вошелъ въ ряды съ крестьянской реформой. Румынія становится конституціоннымъ государствомъ. Крестьянская реформа въ Румыніи принесла довольно выгоды для крестьянъ и значительно способствовала развитію румынскихъ бояръ, при нихъ страстились дожить шире и воспиты- ваться непременно за границей.

Народное образованіе не успѣло еще достаточно подгото- вить румынскій народъ къ исполненію обязанностей народного депутата, а румынскіе бояре успѣли уже разориться окончательна. Привычка широко дожить, нахватавши веркунемъ въ паразитскихъ школахъ, способствовала агоніи разоренія. Боярамъ, бывшимъ деспотамъ, ни къ чему серъваному неодолеваемымъ и личны- нымъ средствъ къ жизни, ничего больше не оставалось, какъ захватить въ свои руки бразды государственнаго правленія въ Румыніи, и вотъ эти лица, наименюшія ничего общаго съ наро- домъ, становятся защитницами народныхъ интересовъ. Само собою разумеется, что между сенатомъ и царемъ сейчас же рождается разладность, и идетъ постоянная ожесточенная вражда между партиями. Нѣтъ другого союзства въ Европѣ, гдѣ бы разединенность политическихъ мнѣній была такъ зна- чительна, какъ въ Румыніи. На правительственную должность смотрятъ какъ на доходное мѣсто, или какъ на средство вы- вести въ люди своего родного, или добраго пріятеля. Такимъ образомъ, нужды народа отходятъ на задній планъ.

Во главѣ консервативной партіи стоялъ въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ Михаилъ Кагольничану, искренній его другъ, Василій Бояреско, издатель газеты «Пресса», былъ его горя- чимъ единомышленникомъ. Консервативная партія была сильна въ Румыніи, но и она дѣлилась между собою на фракціи. Су- ществовалъ центръ, во главѣ котораго стоялъ министръ финан- совъ Братіано. Его другъ, даже болѣе, чѣмъ другъ, его праваго рука, Розетти, издатель газеты «Romanul», славился въ Бука- рестѣ иезуитизмомъ. Во главѣ либеральной партіи, значительно ослабшей при началѣ войны, стоялъ туркофильствующій сенаторъ, Іонъ Гиза. Забѣгаемъ, что было время, когда Кагольничану былъ яркимъ либераломъ, но убѣжденія этихъ людей прини- маютъ направленіе задуманнаго вѣтра. Братъ Іона Гиза, Панъ Гиза, издаетъ журналъ «Nouveliste». Министръ финансовъ Братіано занималъ въ тоже время должность и министра пре- зидента.

Для того, чтобы пояснить существующія отношенія избирателей къ избранному, достаточно сказать, что съ именемъ стоявшего во главѣ министерства финансовъ неразрывно связано имя такого господина, какъ Струсбергъ. Известно, что Струсбергъ, когда то рекомендованный Берлиномъ, взялся строить въ Румыніи желѣзную дорогу. Братіано занималъ въ то время мѣсто министра финансовъ. Когда Струсбергъ сдѣлалъ предложеніе принять на себя постройку желѣзной дороги въ Румыніи—палата отвергла это предложеніе. Но берлинская рекомендація имѣла слишкомъ большое значеніе въ глазахъ князя Карла и его помощника Братіано; поэтому, сказано было, что палата будетъ распущена, если она не дастъ концессіи Струсбергу, и... Струсбергу дали концессію. Конечно, онъ построилъ картонную дорогу. Но ранѣе конца работъ обнаружился другой скандалчикъ, имѣвшій общеевропейскую известность. По условію Струсберга съ румынскимъ правительствомъ, первый обязанъ былъ внести залогъ и держать этотъ залогъ почему-то въ Берлинѣ. Одинъ ключъ отъ портфеля съ залоговыми бумагами долженъ былъ находиться у Струсберга, другой—у румынскаго правительства. Однажды, во время желѣзно-дорожныхъ работъ, румынскому правительству вздумалось проконтролировать струсберговскій портфель въ Берлинѣ. Поѣхала туда коммиссія и нашла залоговый портфель совершенно пустымъ. Г-ну Братіано ничего больше не оставалось, какъ пройтись передъ депутатами пѣсню Лазаря, въ родѣ того, что «дѣлайте со мной, господа, что хотите, но что же будешь дѣлать теперь, когда и я и всѣ мы попали на удочку такого мошенника».

Правда, что за портфель Струсберга—Братіано лишился своего собственнаго портфеля, но выборъ снова палъ на Братіано въ послѣдствіи, и избиратели опять поставили во главѣ министерства финансовъ человѣка весьма сомнительныхъ качествъ.

Извѣстіе о взрывѣ монитора героями Шестаковымъ и Дубасовымъ произвело необыкновенную сенсацію въ обществѣ русскихъ, находившихся въ Плоштахъ. Новость о геройскомъ подвигѣ нарушила обычное теченіе вялой жизни, вызвала рядъ овацій, много говора, шума, надеждъ и ликованій. Это былъ второй случай въ морской исторіи всего свѣта и этотъ случай выпалъ на долю русскихъ моряковъ! Наконецъ, этотъ случай бросалъ совершенно новый, неожиданный свѣтъ на наше положеніе на Дунаѣ и отбѣивалъ до нѣкоторой степени силу и зна-

ченіе другихъ турецкихъ мониторовъ; не говоря уже о томъ, что съ воздушными нашими кораблями и значительно повлиялъ на моральное состояніе турецкихъ рѣчныхъ командъ на Дунаѣ. Два удачныхъ взрыва одинъ послѣ другого! Было надъ чѣмъ призадуматься туркамъ.

Герои подвига были интробованы въ главную квартиру. Рядъ овацій выдалъ на нихъ долю. Двоемъ они обѣдали у великаго князя. Вечеромъ, первые георгиевскіе кавалеры въ прошлую кампанію были предметомъ любопытства публики, собравшейся въ саду «Молдавіи». Герои появились въ саду въ большомъ обществѣ штабныхъ офицеровъ. Общество, окружившее героевъ, слилось безъ различія чиновъ и положеній; нашлась печка, на которой вдругъ сошлись всѣ. Каждый силится протянуть руку съ бокаломъ шампанскаго и поздравить Шестакова и Дубасова. «Ура!» вслѣло въ воздухъ. Обаяніе героевъ сказалось очень рѣдко. Но и во время этой оваціи, при всемъ томъ, что подвигъ героевъ сдѣлалъ ихъ общимъ и необходимымъ достояніемъ каждаго—героевъ и тутъ оттягивала какая-то сила отъ массы и старалась заключить ихъ въ тѣсную среду, отстраняющую себя отъ массы обыкновенныхъ смертныхъ. Какъ будто и герои дѣйствовали не во благо всей Россіи, а во благо только этой среды.

Помню, какъ герои, окруженные офицерствомъ, сидѣли за большимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Мнѣ необходимо было перемолвиться съ Шестаковымъ. Я подошелъ къ столу. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ офицеровъ поторопился дать мнѣ знать косвенно, что разговаривать съ Шестаковымъ нечего, что подвигъ его навѣстанъ въ подробностяхъ г. Всеволоду Крестовскому, который уже написалъ объ этомъ подробную корреспонденцію и послалъ ее въ Петербургъ.

Другая черта замѣчнаго отношенія окружавшихъ въ первомъ, дѣйствительно настоящимъ героизмъ дня, была черта, какого-то душевнаго волненія, которое безпокойно копошилось внутри человѣка, въ виду пріобрѣтенной героизмомъ популярности въ глазахъ такой массы людей, что просто странно и подумать. Какъ ни выгодно пользоваться любовью «своего» общества, но еще пріятнѣе быть любимцемъ всего народа. Это чувствовалось въ ту минуту каждымъ изъ окружавшихъ Шестакова и Дубасова.

— Что значить наша служба въ кавалеріи, говорили кавалеристы, искоса поглядывая на загарѣлыя, обросшія бородами лица и на мезолістныя руки моряковъ, день и ночь работающихъ на Дунаѣ, безъ раздѣленія труда офицера и матроса:— что значить наша служба въ сравненіи со службою моряковъ? Положимъ, что и мы имѣемъ возможность лихо вернуться въ ряды

не надрываю. Точно электрическая искра пробежит по рядам солдатиков. Взглянуть они друг на друга, припустятся, нивоторные догонять свои ряды— снова ровнение и снова: «Левой!.. правой!.. левой!.. правой!..» только штыковые чехлы седелками болтаются съ боку. Впереди полка начальство вдетъ съ боку офицеры идутъ, тоже измученные, сади пошь верхомъ вдетъ да маленькою конь, въ широкой шляпѣ, да два доктора, а за ними фуры движутся: лазаретные, полковые и ящики съ патронами.

И пить буду и гулять буду,
А смерть придетъ— помирать буду.

раздаются громкіе голоса передовыхъ запылавъ.
Водры смотри.. глаза нальвао.. борды, молодцы, въ ногу!
Подъмутъ бывало солдатикеи свои утомленные взоры и головы, бороды впередъ, кепи на затылкѣ; подавать они чувство усталости, соберутъ послѣднія силы— и смотреть такими молодцами, какъ будто и еще верста 400 пройти въ состояннн. «Ура!» несется въ воздухѣ.

Завернули за уголь. Нѣтъ болѣе силъ!.. отдыхъ, видимо, нуженъ. Опять опустили головы къ низу, опять потеряли ровнение, опять зашагали разными ногами.

Вышли изъ города въ поле. Повѣяла прохладная струя вѣтерка; грудь легче вздохнула. Свободнѣй стало дышать.

— Стой! говорить имъ, наконецъ.

Встала бригада на привалъ. Взяли ружья къ ногѣ, утерли ладонью потъ съ лица, размазали грязь по физиономіи. Раскинули палатки, наполнили воды, составили ружья, сняли ранцы, тяжело опустились на землю; отдохнули маленько, забѣгали съ манерками за водою къ ближайшему ручейку, развели костры, начали ужинъ варить. Поужинали, сняли сапоги, перекрестились; спать легли. Крѣпкимъ сномъ захрапѣли хорошіе русскіе люди и даже образы близкихъ сердцу людей не тревожатъ спокойнаго сна утомленныхъ труженниковъ. Ничто не волнуетъ ихъ на сонъ грядущій. Дума отказывается дѣлать свое дѣло послѣ такого физическаго утомленія. «Куда мы идемъ? что встрѣтится тамъ?.. придется-ли вернуться на родину, или сложить кости въ чужой сторонуншѣ?» даже эти вопросы не волнуютъ ихъ усталыи головушки. Чуть забрежжетъ свѣтъ, не успѣетъ еще зардѣться восточный горизонтъ алымъ цвѣтомъ ранней зорьки— какъ барабаны уже будятъ, выстраиваютъ бригаду во фронтъ и снова гонять въ путь дорогу.

— Да!.. это войско дѣйствительно сильное, думали иностран-

цы, глядя на движеніе солдатъ:—если умѣть пользоваться ими, то можно драться не съ одними турками.

Наступили первыя числа іюня мѣсяца. Пришло извѣстіе, что Дунай наконецъ вошелъ въ берега. Близилось время переправы. Сперлось дыханіе въ груди. Въ воздухѣ какъ-будто стало еще тяжелѣе. Придвинулась грозовая туча ближе къ намъ; она висѣла надъ нами. По мѣрѣ того, какъ туча надвигалась, мы становились сосредоточеннѣе, пугливѣе и подозрительнѣе. Каждый началъ искать силъ въ самомъ себѣ и многихъ это вывело изъ нормальнаго состоянія духа. Приходилось даже слышать на послѣдокъ дней пребыванія въ Шлоэштахъ такого рода разговоры:

— И къ чему война?.. это наши внутренніе враги вызвали насъ на войну...

Куда ѣхать? гдѣ будетъ переправа? какъ-бы не прозывать ея! Поѣду въ Журжево!

Н. Мансимова.

РАЦИОНАЛИЗМЪ НА ЮГѢ РОССІИ.

Изъ того, что мы въ прошедшей статьѣ сказали о почвѣ малорусской штунды, ясно, что штунда возникла на остаткахъ прежнихъ ученій хлыстовъ, скопцовъ и на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя выработала жизнь въ послѣднее время въ сферѣ религиозныхъ вѣрованій... Чтобы убѣдиться въ томъ, что штундизмъ представляетъ собою формулу, подъ которую подходятъ всѣ современныя умственно-религіозныя блужданія и исканія, достаточно прослѣдить религиозное броженіе въ другихъ мѣстахъ Юга. Вотъ передъ нами двѣ губерніи — Полтавская и Елизаветинская, гдѣ въ послѣдніи пятнадцать-двадцать лѣтъ число сектантовъ увеличивается съ поразительной быстротой; религиозное движеніе это называется *шалопутствомъ*; представителей же этого движенія, его прозелитовъ, народъ определяетъ полевными именемъ *шалопутовъ*; во многихъ мѣстахъ Херсонской Губерніи встрѣчаются сектанты типа хлыстовству-щичекъ, которыхъ также называютъ шалопутами; еще въ другихъ мѣстахъ надъ этимъ именемъ разумѣютъ штундистовъ и вообще всѣхъ тѣхъ сектантовъ, на которыхъ, по мнѣнію толпы, надаютъ тѣмъ подозрѣніямъ въ неправильныхъ брачныхъ отношеніяхъ. Словомъ, шалопуты—это типъ людей, которые такъ или иначе, но стали задумываться надъ религиозными возрѣніями; кой-какія изъ нихъ они измѣнили, другія оставили безъ переменъ, а вообще, въ результатъ, измѣнили свой образъ жизни, сообразно требованіямъ своего міросозерцанія...

Шалопутство, насколько оно выяснилось изъ добытыхъ данныхъ, представляетъ собою почти тѣ же черты религиознаго броженія, которыя мы отмѣтили у николаевскихъ скопцовъ и хлыстовъ. Какъ уже читатель могъ видѣть, естественный переходъ отъ этихъ примитивныхъ формъ народнаго творчества въ области религиозной мысли—это переходъ въ штунду. И дѣйствительно, если вникнуть въ ученіе шалопутовъ, то мы увидимъ, что въ немъ очень много хлыстовщины, а скопчество, какъ вервочная

медомъ и краснымиъ виномъ, не курятъ табаку и не употребляютъ ничего мясного. Тѣ изъ православныхъ, которымъ приходится работать у шалопутовъ, обыкновенно хвалятся, что ихъ до отвала кормятъ мясомъ и щедро угощаютъ водкой, причемъ хозяева не берутъ и въ ротъ того и другого.

Кромѣ внѣшняго благочестія, шалопуты и въ своей нравственной жизни обнаруживаютъ такія качества, которыя удивительны бы самаго строгаго моралиста; всѣ, имѣвшіе съ ними какія-нибудь дѣла, отдадутъ полную справедливость ихъ честности и добросовѣстности. Между ними незамѣтно воровства или мошенничества, напротивъ, чистота нравовъ, трезвость, трудолюбіе, отсутствіе ссоръ и тяжобъ, взаимное попоченіе другъ о другѣ въ трудныхъ случаяхъ—вотъ качества, которыми справедливо могутъ гордиться шалопуты. Ко всему этому нужно присоединить ласковость и приподушіе въ обхожденіи съ другими, хотя нужно замѣтить, что степень выраженія послѣдняго качества не всегда бываетъ одинакова, смотря ктому, имѣетъ ли шалопутъ дѣло съ своимъ единовѣрцемъ, или же съ чуждымъ ево секты.

По общему мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ бытомъ шалопутовъ, религіозныя собранія ихъ биваютъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ совершенно невинныя, представляютъ собой не болѣе, какъ благочестивыя собесѣдованія и на которыя поэтому могутъ попадать иногда и лица, не принадлежащія въ сектѣ; другія же таинственныя, составляющія въ собственномъ смыслѣ богослуженіе, на которыя поэтому допускаются только лица, посвященныя во всѣ таинства секты.

У шалопутовъ Миргородскаго Уѣзда, несомнѣнно, существуетъ школа, говоритъ авторъ «Миргородскихъ шалопутовъ» («Кіевлянинъ», 1873 г., № 98). Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ шалопутовъ, не умѣвшіе ни писать, ни читать, до поступленія въ секту, оказались потомъ грамотными. Между книгами, у нѣкоторыхъ сектантовъ найдены буквари церковно-славянскои и русской граматы.

Нынѣ сектанты представляютъ собой крѣпко сплотившуюся общину, которая, повидному, все-таки не чуждается другихъ. Напротивъ, каждому наблюдателю бросается въ глаза стремленіе шалопутовъ сохранить всѣ внѣшнія требованія и церкви, и жизни, чтобы никто не выдѣлялъ ихъ изъ общества православныхъ.

Въ хозяйствѣ шалопутовъ замѣчается довольство, что зависитъ вообще отъ промышленно-торговаго характера сектантовъ, причемъ богачи заботятся о доставленіи, болѣею частью у

себя, работы для бѣдняковъ, принимаютъ ихъ въ свои торгово-выя операціи и дѣлятся барышами. Вслѣдствіе чего немалое число неопитовъ скоро поправляютъ свое хозяйство, и сами дѣлаются людьми состоятельными. («Кіевл.», *ibid.*). Относительно численности шаломутовъ нельзя привести точныхъ данныхъ, такъ какъ они не сепарированы окончательно отъ православной церкви и потому существованіе ихъ во многихъ мѣстахъ остается неизвѣстнымъ. Г. Леницкій, написавшій своей очеркъ по своимъ личнымъ наблюденіямъ, говоритъ, что на одной только границѣ Еваторианославской и Полтавской губерній можно, безъ преувеличенія, положить число ихъ въ нѣсколько тысячъ. Новѣйшія свѣдѣнія говорятъ о неимоверномъ размноженіи штундистовъ¹. Подобныя религіозныя броженія замѣчаются не только въ Мало и Новороссіи, но и на Дону: «Въ нѣкоторыхъ поселкахъ Черкаскаго Обруга Земли Войска Донскаго сильно пропагандируется новая раскольничья секта, главныя догматы которой слѣдующіе: самый строгій образъ жизни, неупотребленіе вина и табаку, а также животной пищи и постоянное моленіе, совершаемое въ тайнѣ. Появленіе этой секты тѣмъ болѣе замѣчательно, что вообще въ Области Войска Донскаго всѣ крестьяне доселѣ были православнаго исповѣданія и никакимъ раскольничьимъ толковъ не придерживались». («Новое Время», № 106, 1875 г.).

Въ Калужской Губерніи, какъ двѣ капли воды, похожи на штундистовъ *воздыханцы* или *озокошны*.

Въ №№ 2-мъ и 3-мъ «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1873 г. приводятся слѣдующія свѣдѣнія о новой сектѣ, появившейся сравнительно недавно въ Калугѣ: старинные сектанты въ Калугѣ—это раскольники поповскаго толка. Толкъ этотъ имѣетъ въ средѣ жителей не мало поддерживающихъ его элементовъ. Подвиже поповцевъ появились въ Калугѣ и безпопощи; а за ними уже явилась секта, которая въ отступленіи своемъ отъ церкви пошла дальше, чѣмъ первые два толка. Это—секта *воздыханцевъ*. Она только начинаетъ свою дѣятельность и свою борьбу съ первыми двумя толками, а также и враждебныя отношенія къ церкви православной.

Названіе *воздыханцевъ* народъ далъ послѣдователямъ новой секты потому, что они, во время своихъ собраній и въ другихъ случаяхъ, когда христіанами принято молиться—не молятся а воздыхаютъ, поднимая при семъ глаза къ небу и проводя по своему лицу рукой или платкомъ. Сами же воздыханцы называли

¹ См. «Новое Время», № за 4-е декабря 1877 г.

современнаго намъ нововѣрческаго сектантерства: таковъ секторъ, съ такимъ же характеромъ представляется въ Сарагосской и другихъ поволжскихъ губерніяхъ *новокрещенцы*. Кромѣ того, многія другія нововѣрческія секты «общихъ», «немоляковъ», «мензатальщиковъ» и проч., по существу своему тоже представляютъ собою реакцію противъ всякаго самоотверженія, воздержанія отъ пищи и противъ сокращенія другихъ естественныхъ потребностей...

III. Малорусская штунда ¹.

По преданію, отъ аскетическихъ сектъ штундисты, правда, получили въ наслѣдство нѣкоторое презрѣніе къ земнымъ благамъ. Все это земное—скоропреходящее, говорятъ они о «благахъ міра»; земной о земномъ помышляетъ, а духовный о духовномъ. Или же:—Ты, братъ, толкуешь священное писаніе по земному, а не по небесному: гдѣ богатство ваше, тамъ и сердце ваше, сказано въ евангеліи.

Такого рода фразы и теперь еще не рѣдко можно услышать отъ штундиста. Но очевидно, что этотъ аскетическій взглядъ не имѣетъ преобладающаго значенія въ жизни штундистовъ. Даже въ первоначальномъ своемъ развитіи старо-штундисты или, какъ они называютъ себя, *перве братья*, гораздо менѣе своихъ новыхъ послѣдователей — *младоштундистовъ*, освободившіеся отъ старыхъ аскетическихъ религіозныхъ формъ, и тѣ уже сразу стали въ оппозицію противъ неосмысленнаго аскетизма. На первыхъ порахъ, они возстали противъ жадности духовенства, сулящаго народу всякія блага на небесахъ, а въ замѣнъ этого избравшаго себя блага міра сего. Въ особенности же они возстали противъ

¹ Мѣстное названіе этой секты, какъ она слышится у православныхъ крестьянъ—*штундовая*, происходитъ отъ нѣмецкаго слова *Stunde*, часъ, что значитъ *часовенная*. Названа эта секта такъ потому, что въ свободные часы сектаторы собираются для душевнательной бесѣды и пѣнія псалмовъ, переложенныхъ на русскій языкъ; но православные крестьяне не понимаютъ значенія слова *штундовое* и обратили его въ ругательное слово, а потому сами штундисты неохотно называютъ себя этимъ именемъ и предпочитаютъ другое названіе — «русское *самилетическое братство*», или «братство друзей Іисуса», а другъ друга называютъ просто «братомъ» и «сестрой»; они называютъ себя также «братьями и сестрами по духу», въ отличіе отъ родныхъ, которыхъ они называютъ «братьями и сестрами по плоти». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть молокане, крестьяне называютъ этимъ именемъ штундистовъ, но это имъ также не нравится. Началомъ возникновенія малорусской штунды, какъ *сформировавшейся* секты («Одесскій Вѣстникъ» 1867 г. № 277), полагаютъ 1862 годъ, но болѣе вѣроятно мнѣніе Значко-Яворскаго, ревнителя православія, который полагаетъ ея начало въ концѣ 1864 г. («Одесскій Вѣстникъ» 1868 года. № 85). Мнѣніе это подтверждается кievскимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое обратило вниманіе на быстрое развитіе штунды въ Южной Россіи и соборало по этому вопросу довольно точныя свѣдѣнія, опубликованныя въ мѣстныхъ ведомостяхъ.

аскетическаго монашества, въ практикѣ заявляющаго себя самыми непривлекательными нравностями. По поводу бѣлаго и чернаго духовенства среди штундистовъ ходитъ множество скандальныхъ разсказовъ, гораздо больше, чѣмъ среди православнаго населенія, и въ видѣ обвиненія часто приводится исторія Симона, желавшаго воспользоваться духовною властью съ корыстной цѣлью: «погибнетъ съ тобою серебро твое, потому что ты помыслилъ за деньги получить даръ Божій» Дѣян. Апост. гл. 8, ст. 17—20.

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности создаютъ въ средѣ штундистовъ сильную оппозицію противъ представителей Всевышняго на землѣ. Алчность же и ненасытность духовенства особенно служили однимъ изъ дискредитирующихъ его элементовъ и этотъ стимулъ недоброжелательныхъ отношеній къ духовенству выступаетъ у штундистовъ въ яркомъ свѣтѣ, когда они для сопоставленія ссылаются на то обстоятельство, что Спаситель и Апостолы не только не взимали ничего за проповѣдь Божественнаго ученія, но, напротивъ того, имѣли все общее съ вѣрующими. «Согрѣшилъ ли я тѣмъ, что безмездно проповѣдывалъ вамъ Евангеліе (1-е посл. къ Коринт. X, 18; 2-е посл. къ Кор. XI, 7)... «И никто изъ имѣнннхъ моего не называлъ своимъ», но все у нихъ было общее (Дѣян. Апост. IV, 32, 33)... Не было между ними никого нуждающагося (Дѣян. Ап. IV, 35, 36, 37)... Ибо, если дѣлаю это, благовѣстную добровольно, то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только вѣрное мнѣ служеніе (1-е посл. къ Коринт. гл. IX, ст. 17)... За что же мнѣ награда? За то, что проповѣдую Евангеліе безмездно? (1-е посл. къ Кор. гл. IX, ст. 18).

Но въ погонѣ своей за благодатью штундисты не забываютъ заботиться о достиженіи высшаго матеріальнаго благосостоянія. Рорбааскій пасторъ Воннемпферъ, одинъ изъ первыхъ распространителей нѣмецкой штунды на югѣ Россіи, говоритъ: «Каждый изъ насъ домогается возможно лучшихъ «благъ міра сего»¹. Намъ и такъ тѣсно, жагуются штундисты, а тутъ еще постояльцы по угламъ (икѣны), корми ихъ масломъ, ставь имъ свѣчи, да еще дай попу, когда онъ придетъ къ тебѣ съ «молитвой» или иными «требамн».

На первыхъ же порахъ штундисты стали отрицать не только пость, но и всякое другое самоистязаніе плоти въ жертву Богу. «Жертва Богу—духъ сокрушенъ, сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ» (исал. 50) «Милости хочу, а не жертвы» — (Еванг. Мат. 9 гл. 13 ст.).

¹ «Одесскій Вѣстникъ» 1838 г. № 56.

Самое высшая способность и трудность заключается в том, чтобы не позволить дойти до того, чтобы принять боинские учения. Стройнее и сильнее слово, чем все, что может сказать брат. Кто хочет быть боинцем, тот должен быть в лагере (Маре, 10 гл., 44 стр.) и бороться с врагом. Это образ жизни подобен Богу.

Иdea, эта аргументация, вытекающая из нового образа жизни, которую Бог, как свидетельствует в Библии, дает в каждой помощи, ни в каких жертвах со стороны слабого. Словом а, *наборота*, *Отец Самуил*, *Поддержатель*, *Спаситель*, *Помощь*, *Отец*, *Имя*, *Дух*, *Слова*, *Получать*, *также*, *человек*, *не*, *зависит*, *нашего*, *слабого*. По понятию, *штундистов*, Иисуса Христа, где конечная смерть, *гробница*, *он*, *любимый*, *пастырь*, *друг*, *и* *даже*, *брат*. (Аргументация для такого отношения, *показана* из Евангелия).

Вместе с аскетизмом, *штундисты* держат, что дух (жизнь) а, *плоть*, *не* *можна*, *на*, *вырвать*, *оттуда*, *двигать*, *как* *ран* *креп* *тиво* *подожная*, *светическим*. Если тело слабо, *поворачивать*, *он*, *то* *не* *делает*, *его* *нужно* *и* *поддерживать*, *и* *вернуть*, *как* *вода*, *не* *поворнишь* *и* *не* *подденя*. И только правный хлеб не есть, *ваши*, *сказал*, *Апостол*, *Павел* (1 Кор. 3, 1 Кор. 18, 18, 18, 18).

Тело, по мнению *штундистов*, не темное и не дышит духом, а только его орудие, как инструмент, и чтобы дух своего бодифе действовал, для этого тело должно быть, *артифакт*, *и* *здоровое*. Самый лучший работник плохо работает, *лучшими* *инструментами*, *такого* *же* *рода*, *взаимодействие* существует, *по* *мнению* *штундистов*, *между* *душой* *и* *телом*. Поэтому, как в теории, так и на практике, работы о здоровье, *тѣло* *важно* *и* *у* *штундистов* *довольно* *важное* *место*. Они не только курить и пьянствовать, но на основном плане священного писания, а главным образом, потому, что это во имя, *продать* *здоровья* *и* *душою* *отражается* *на* *благополучии* *человека*. Они всегда, *двигать* *спором*, *справляясь* *тѣмъ*, *кто* *не* *сходящее* *въ* *уста*, *свернуть* *не* *должна*, *и* *исключая* *изъ* *уста* *комплименты* *за* *и* *проу*. (Мате. 12, 7, 12, 12). Они убедились, что скоромная пища более питательна и уже не говорят, *вместѣ* *съ* *малор* *родными* *штундистами*, *своего* *на* *звонка*, *объ* *еши* *пирца*.

Начеки, *женицы*, *вместѣ* *съ* *явонми*, *работами*, *хорошо* *чув* *такихъ* *же* *же* *хорошо* *и* *работаютъ*. Мае неоднократно приходилось слышать, что *штундистовъ* *сравнение* *кормилка* *съ* *ла* *шадью*, *которую* *кормятъ* *овсомъ* *или* *соломой*. (Отчего мне думать, *ше* *будетъ* *работать* *отъ* *овса* *или* *соломы*? многозначительно)

спрашиваетъ штундистъ, и когда съ нею легче справиться? Такъ и съ человѣкомъ, продолжаетъ онъ философствовать, чтобы легче было управлять, поны выдумали постъ и др. обряды. Все это одна узда и больше ничего. Но человѣкъ не долженъ господствовать надъ созданіемъ Божиимъ, онъ долженъ господствовать только надъ своими страстями. Онъ долженъ укрѣпляться въ духъ и истинѣ, но также долженъ сохранять и свое здоровье, такъ какъ это есть тоже даръ Божій! И въ видахъ сохраненія здоровья пища, жилище и одежда штундистовъ отличаются лучшею доброкачествомъ, чѣмъ у малороссовъ-нештундистовъ. Ни про одного штундиста нельзя сказать: «жаль разумное Божье созданье, человѣка въ грязи и съ сумой! Въ критическую минуту ему всегда помогутъ» братья по духу. Въ одной изъ штундическихъ духовныхъ пѣсней, воспѣвающихъ заслуги Христа, поется:

Онъ мнѣ сердце проникаетъ,
Духъ и душу веселитъ,
Даже плоть мою скрѣпляетъ
И отъ зла меня хранитъ.

Многіе штундисты позаимствовали различіе между духомъ и душой отъ духоворцевъ и др. сектантовъ, поэтому считаютъ духовнаго и душевнаго человѣка понятіями не тождественными. Духъ, по ихъ понятіямъ, это сила, которую Богъ вдунулъ въ человѣка по образу и подобию своему (умъ, память, воля), а душа—просто жизнь или, иначе говоря, душа считается причиной и основой жизненной дѣятельности въ организмъ человѣка; но чтобы душу представляли штундисты въ видѣ куклы (ляльки), какъ сказано въ «Недѣлѣ» № 1, этого я ни разу не слышалъ, а равно и Бога едва ли штундисты представляютъ въ образѣ сѣдѣваго старичка, возсѣдающаго на облакахъ. Богъ, по представленію штундистовъ, есть духъ вездѣсущій и на этомъ основаніи не нуждается, чтобы святые ему докладывали о грѣхахъ міра—отсюда, между прочимъ, отрицаніе святыхъ.

Предъ ѣдой обыкновенно поется переложеніе 18-го псалма. Характерно оно тѣмъ, что зъ немъ есть воззваніе къ Господу благословить «пищу для плоти земной», и они начинаютъ такъ:

Ты удостой твой даръ вкусить
Сей плоти въ подкрѣпленіе,
Чтобы врестъ свой вслѣдъ Христа носить.

Въ другой духовной застольной пѣснѣ поется тоже самое:

Удостой твой даръ вкусить
Въ подкрѣпленіе нашихъ силъ.

А вотъ для образца цѣлая застольная пѣсня духовнаго содержания, которая обыкновенно поется штундистами послѣ ѣды:

Благодарю тебя, Господь,
 За пищу, данную тобой,
 Коей ты мнѣ насытилъ плоть
 И укрѣпилъ духъ слабый мой.
 Пошли-жь ты мнѣ твой духъ святой.
 Дай укрѣпленіе сердцу въ немъ,
 Дабы я въ жизни сей земной
 Ходилъ евангельскимъ путемъ.

Вмѣсто духовной пѣсни нередь ѣдой и послѣ ѣды большею частью импровизируется молитва на тотъ же ладъ и въ томъ же духѣ, какъ вышеприведенныя застольныя пѣсни.

Единственная официальная молитва «Отче нашъ», читаемая на собраніяхъ штундистовъ, измѣнена сообразно ихъ понятіямъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о *хлѣбѣ насущномъ*: «хлѣбъ намъ подай, Боже, чтобъ было, что ѣсть на каждый день». И понимается это мѣсто чаще всего въ буквальный смыслъ. Заботы о хлѣбѣ у штундистовъ дѣйствительно не ограничиваются только однимъ нынѣшнимъ днемъ, вопреки извѣстному мѣсту Евангелія, гдѣ предлагается не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Во многихъ мѣстахъ у нихъ, по примѣру Апостоловъ, заведены общія кассы для поддержки своихъ «братьевъ». Гдѣ нѣтъ общей кассы, тамъ предлагается помощь во время собраній наиболѣе нуждающимся членамъ братства. Особенно практикуется эта взаимная самопомощь въ случаѣ болѣзни, пожара и др. несчастій. Такимъ образомъ братство штундистовъ проявляется не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Вѣра твоя познается изъ дѣлъ твоихъ, говоритъ Апостолъ Павелъ (гл. 2. ст. 20 — 26). Но и доброе дѣло, говорятъ штундисты словами того же Апостола, нужно дѣлать съ разсужденіемъ, такъ напримѣръ, не даромъ говоритъ Апостолъ Павелъ: «только трудящійся пусть ѣсть» (Фес. 2-е посл., 3 гл., 6—18 ст.).

Штундисты ревностно стараются о введеніи въ жизнь *отт-мю* христіанства (не на словахъ только, а на дѣлѣ), нѣсколько видоизмѣненнаго, сообразно съ степенью развитія его послѣдователей, требованіями жизни и духа нашего времени—въ этомъ весь секретъ штунды. Несмотря на нѣкоторыя отклоненія отъ евангельскаго пути, ученіе это характеризуется искреннимъ стремленіемъ установить личную и общественную жизнь на евангельскихъ началахъ. Боникампферъ такъ характеризуетъ штундистовъ: «послѣдователи штунды самыя лучшіе люди; они болѣе другихъ чистосердечны, просвѣщенны, щедры, скромны, добродѣтельны и зажиточны». И надо отдать справедливость: выработка личности въ нравственномъ и умственномъ отношеніи у нихъ достигаетъ высшаго развитія. «На цѣлую жизнь чело-

вѣка они смотрять, какъ на осуществленіе одной нравственной идеи добра». (Нечаева. «Ціэтизмъ и его историческое значеніе»). Объ этомъ свидѣтельствуесть даже кіевское епархіальное начальство. Въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были опубликованы свѣденія о штундистахъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «добрая нравственность штундистовъ замѣчательна. Ведуть они жизнь трезвую и благочестивую». И дѣйствительно, штундисты самый трудолюбивый народъ, не воруютъ, не пьянствуютъ, не лгутъ, не ругаются, вообще ведутъ себя, какъ подобаесть истинному христіанину. Между ними почти неслышно преступленій, а если и случится что нибудь преступное, то они не любятъ прибѣгать съ жалобой къ начальству, а всегда стараются уладить дѣло миромъ сами, между собой.

Ужель и между нами самими не найдется такого, чтобы могъ уладить спорное дѣло? Не даромъ же сказалъ апостоль Павелъ: «Какъ смѣесть кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судится у нечестивыхъ, а не у святыхъ.» (1-е п. Кор. гл. 6 ст. 1—8). Какимъ же образомъ совершается такое самосовершенствованіе? Вѣдь извѣстно, что многіе крестьяне, какъ они сами утверждаютъ, до поступленія своего въ штунду были отчаянными лѣнтяями и безшабашными пьяницами людьми, погрѣшавшими чуть ли не противъ всѣхъ десяти заповѣдей. Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что въ штунду обыкновенно поступаетъ крестьянская молодежь не старѣе тридцати лѣтъ. По этому поводу штундисты говорятъ: «старое дерево трудно согнуть; его прежде нужно хорошо парить, да нагрѣвать, чтобы оно не сломалось; такъ и стараго человѣка, закоренѣлаго въ грѣхахъ, трудно направить на путь истины.—Хорошо уже то, если такой человѣкъ не гонить васъ, ибо Христосъ сказалъ: «Кто не противъ васъ, тотъ за васъ». Во вторыхъ, судя по общему впечатлѣнію, смѣло можно сказать, что женщины между штундистами больше, чѣмъ мужчины; а это значительно повліяло на смягченіе нравовъ. Извѣстно, на примѣръ, что выдѣлывали женщины въ Америкѣ въ видахъ искорененія пьянства и другихъ пороковъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали женщины и въ средѣ штундистовъ. Хотя на общихъ собраніяхъ женщинамъ не даютъ права заявлять свои мнѣнія, согласно словамъ апостола Павла: «жены въ собраніяхъ да молчатъ», тѣмъ не менѣе женщина среди штундистовъ находитъ время и мѣсто проявить свое вліяніе. Въ отставаніи своихъ правъ она тоже ссылается на слова того же апостола Павла: «каждый мужъ да любитъ свою жену, какъ себя самого (послан. къ Ефес. гл. 5 ст. 33). Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ женщины устраиваютъ свои особня собранія, безъ учас-

тія мужчинъ, и здѣсь-то онѣ ужъ являются полноправными членами церкви, сами толкуютъ священное писаніе, сами проповѣдуютъ и проч.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, для выработки личности среди штундистовъ прилагаются слѣдующія средства: слово, нравственная и матеріальная поддержка и, наконецъ, исключеніе негодныхъ членовъ изъ братства. И такъ штундисты дѣйствуютъ не однимъ только словомъ. Они твердо помнятъ совѣтъ апостола Петра: «непоборящіеся слову Божію должны быть прибрѣтаемы нами *житіємъ* нашимъ. А на кого не дѣйствуетъ ни слово, ни ихъ примѣрная жизнь, того они изгоняютъ изъ своей среды, на томъ основаніи, что съ *преподобнымъ преподобенъ будешь, а съ развратнымъ развратимися*. Но изгнаніе это происходитъ не сразу, а сначала обыкновенно временно «отлучаютъ отъ церкви», не допуская опальныхъ къ своимъ собраніямъ на нѣкоторое время, и только послѣ двухъ-трехъ такихъ экспериментовъ, штундисты навсегда расстаются съ неисправнымъ грѣшникомъ. Это самая крутая расправа, на которую рѣшаются штундисты только послѣ «братскаго суда». Формы этого суда не носятъ одного и того же характера. Иногда творить судъ и расправу «старшій братъ», а чаще рѣшается это цѣлымъ собраніемъ. Но не всегда такой судъ кончается изгнаніемъ обвиняемаго; иногда только производится нравственная оцѣнка извѣстнаго поступка и принимается это къ свѣдѣнію «братства», что въ значительной степени содѣйствуетъ выработкѣ общественнаго мнѣнія среди штундистовъ. Одною изъ болѣе употребительныхъ формъ, въ которой проявляется ихъ общественное мнѣніе, служатъ письма, адресуемыя обыкновенно не къ одному лицу, а къ цѣлой группѣ, по обычаю временъ апостольскихъ, извѣстной подъ именемъ той или другой церкви (общины). Впрочемъ, церкви эти не носятъ еще опредѣленныхъ названій и болѣею частью извѣстны подъ именемъ тѣхъ мѣстъ (городовъ, селъ и деревень), гдѣ группируются штундисты. Для образца приведу выдержку изъ одного письма.

«Привѣтствую васъ, братія по духу (имя рекъ), и желаю, дабы общеніе вѣры нашей оказалось дѣятельнымъ въ познаніи всякаго добра, ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви другъ къ другу.—Утѣшляю васъ, братья, о дѣлахъ старшаго брата (имя рекъ): онъ взялъ деньги изъ кассы для нуждающихся и купилъ на нихъ чашу да покрывало на столъ. Этотъ обрядъ утраченъ изъ православной церкви, а намъ говорятъ, чтобы мы вѣдали его за святость. Но это идола, и да не будетъ такъ! Все это одинъ постановленіи и больше ничего, а въ писаніи сказано прямо: «и такъ если вы со Христомъ умрете для міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій (и Кор. 9 глав. 20 ст).

Тотъ самое скажу о водномъ крещеніи .. Все это одна петля, и старшій

братъ (такой-то) хочеть затянуть насъ въ нее. Онъ уже налагаетъ на насъ бремя неудобности: по два рубля съ брата въ годъ и по одному съ сестри для своихъ развѣдовъ по братьямъ. А въ Евангеліи сказано: по братъ съ собою денегъ, ни одежды лишней, когда идешь проповѣдывать слово Божіе. Вотъ вамъ крещенный братъ, еще старшій! И помогло же ему водное крещеніе! Мало одного ярма, такъ онъ налагаетъ на насъ другое. А должны ли быть между нами, какъ между язычниками, князья и священники, когда самъ Христосъ сказалъ, что *между вами да не будетъ такъ* (Мат. 20 гл. 20—28 ст.). Я думаю, что турокъ большой врагъ герцеговиццевъ, да и тотъ, какъ разбойникъ, губить только тѣло, а нашъ лжебратъ (имя рекъ), называющій себя созданиемъ Божиимъ, старается господствовать надъ такими же Божьими созданными, какъ и самъ онъ, старается болѣе слабыхъ вовлечь въ грѣхъ идолопоклонства, и этимъ самымъ убиваетъ не только тѣло ихъ, но и душу. Не даромъ стоитъ слово въ писаніи, что въ среды нашей видуть звѣри въ одеждахъ овечьихъ—берегитесь ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ (имя рекъ) имѣлъ только одну лошадь, а теперь у него уже двѣнадцать ихъ: носить онъ новую одежду и добрую шапку, имѣть двое часовъ, покупаетъ табакъ и курить, заложивши руки въ карманы, ходитъ по базару съ *чичаркой* въ зубахъ. Искушеніе да и только, какъ есть настоящей идолъ! Богъ какъ помогъ ему касса, чаша и водное крещеніе—эти три веревки на весь міръ. Онъ собирается ѣхать къ вамъ творить обрядъ *вѣчанія*, а когда онъ пріѣдетъ, то прочитайте ему мое письмо во время собранія. Я уже говорилъ ему наединѣ и при свидѣтеляхъ, что онъ не хорошо дѣлаетъ, а онъ еще выругалъ меня неподобными словами, такъ а-жъ его предаю церкви, и вы тоже, гдѣ только можете, дайте знать по церквамъ о злодѣянствѣ *старшаго брата* (имя рекъ). Я скоро буду у васъ и привнесу вамъ живое письмо—живое слово, и буду бороться со звѣрами».

Но только немногіе штундисты доводятъ себя до того, чтобъ ихъ обвиняли предъ цѣлымъ собраніемъ. Обыкновенно они сами крѣпко задумываются надъ вопросомъ: «гдѣ я и кто я?» Подъ такимъ названіемъ у нихъ ходитъ даже по рукамъ брошюра, изданная библейскимъ обществомъ. И они сами замѣчаютъ свои ошибки, постоянно помышляя о томъ, какъ бы исправиться и совершенствоваться, чтобъ, въ концѣ концовъ, быть такими же совершенными, какъ самъ Богъ. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть», сказалъ Христосъ. Они постоянно твердятъ другъ другу: «не осматривайтесь назадъ на Египетъ и не принимайте фарисейской закваски, чтобъ она не испортила всего дѣла». Особенно же лицамъ, не обращеннымъ и вновь обращеннымъ въ штундизмъ, они любятъ давать благіе совѣты на счетъ того, что *нужно каяться въ грѣхахъ своихъ*. «Богъ любитъ грѣшника только кающагося, говорятъ штундисты и, въ подтвержденіе своихъ словъ, указываютъ на притчу о потерянной овцѣ и о блудномъ сынѣ; кромѣ того, разбойникъ уже на крестѣ покаялся и Богъ ему простилъ всѣ грѣхи. Такимъ образомъ, штундисты признають таинство покаянія, но оно у нихъ совершается совсѣмъ иначе, чѣмъ у православныхъ.

— Отчего вы не исповѣдуетесь передъ священникомъ? спра-

пшвають у нихъ православные. «У насъ одинъ священникъ и отецъ, который на небесахъ, и ему-то мы и исповѣдуемъ грѣхъ свои, а всѣ мы дѣти одного отца небеснаго, всѣ мы братья» (Мат. 23 гл. ст. 10), и въ писаніи сказано: «другъ другу исповѣдуйте грѣхъ свои». (Посл. Іак. гл. 5 ст. 13—18).

Такимъ образомъ таинство священства подрывается у штундистовъ въ самомъ корнѣ, но и приведенныя слова изъ священнаго писанія: «Другъ другу исповѣдуйте грѣхъ свои», не исполняется съ буквальною точностію. вмѣсто того, чтобы дѣйствительно указывать, въ чемъ заключаются грѣхъ каждаго и какъ избавитъ отъ нихъ, штундисты обыкновенно отдѣлываются на своихъ собраніяхъ общими выраженіями о своей виновности и изливаютъ свою душу въ слезныхъ *молитвахъ*.

Отъ времени до времени, собранія ихъ оглашаются импровизированной молитвой кающагося грѣшника, въ большинствѣ случаевъ сопровождаемой сначала легкими восклицаніями, а затѣмъ нервически раздражающими душу воплями.

Для примѣра приведу одну изъ болѣе типичныхъ молитвъ; а по этому образцу въ собраніи молится каждый, руководствуясь извѣстнымъ правиломъ: что у кого болитъ, тотъ про то и говорить: «Господи милосердный! Ты-жь бачишь, ты-жь видишь мою немощъ какой страдаю я недостойный (или недостойная) и слабый (или слабая) въ соблазнахъ: уйми-жь мою скорбь, лютое горе, отвали камень отъ сердца, избавь меня отъ великихъ искушеній и отведи, Господи, изъ этого Египта, какъ изъ терновника. О Господи праведный! Ты-жь видишь, какъ здѣсь тѣсно: поддержи братьевъ и сестеръ въ темницѣ сущихъ; укрѣпи ихъ, Господи, чтобы они, какъ тѣ рабы, не проспали встрѣчи своего господина, а невѣсты своего жениха, и чтобы между всѣми нами была любовь, ибо гдѣ любовь—тамъ самъ Богъ пребываетъ. Аминь».

Во время молитвы большинство «вѣрующихъ» падаетъ на колѣни, немногіе стоятъ на ногахъ, и всѣ внимательно слушаютъ молитву, провозносимую вслухъ однимъ (или одной) изъ «вѣрующихъ». Впрочемъ, складываніе рукъ во время молитвы такимъ манеромъ, какъ описано въ «Недѣлѣ» № 1, не вошло еще въ непремѣнный обычай и крестообразное складываніе ладоней не имѣетъ такого символическаго значенія, какъ было сказано въ статьѣ: «Малорусская штунда». Святость креста отрицается штундистами въ самомъ принципѣ: по ихъ мнѣнію, крестъ есть орудіе казни—висѣлица, на которой Христа повѣсили, поэтому крестъ считается у нихъ печатью Ирода и начертаніемъ Антихриста. Въ книгѣ премудрости Соломона (гл. 14 ст. 8) сказано, что проклято дерево, которому поклоняются, какъ идолу, а въ посланіи

къ Галат. 3 гл. 12 ст. прокляты всящій на деревѣ, такъ какъ на деревѣ оставлены грѣхи всего міра,—говорять штундисты. Очевидно, что при такомъ взглядѣ на крестъ, послѣдній не можетъ имѣть какого-нибудь отношенія къ складыванію рукъ. И дѣйствительно, крестообразное складываніе ладоней—чистая случайность. Сами штундисты говорятъ, что можно во время молитвы складывать руки такъ, чтобы пальцы одной руки сгибались и падали бы между пальцами другой, или же чтобы они лежали прямо соотвѣтственно одинъ на другомъ, какъ хочешь, лишь бы было прилично и не подумалъ бы кто, что хочешь войти въ плясъ, когда возьмешься, напр., руками подъ бока.

— Должно уклоняться отъ всего того, что можетъ подать соблазнъ предстоящимъ, говорятъ штундисты.

Во время молитвы своей штундистъ опускаетъ очи въ землю и во всей фигурѣ его замѣтна какая-то приниженность, чувство собственнаго безсилія. Но онъ никогда не молится съ воздѣтыми руками вверхъ, возведши очи къ небу, подобно восточнымъ факирамъ, какъ думаетъ авторъ «Малорусской штунды» и никогда вы не увидите теперь, чтобы штундисты во время молитвы, въ порывѣ религіознаго энтузіазма, били себя въ грудь, рвали на себѣ волосы, одежду и проч., какъ думаетъ тотъ же авторъ («Недѣля» № 1, стр. 28). Нѣчто подобное, правда, было лѣтъ сорокъ тому назадъ въ нѣмецкой колоніи Рорбахъ Одесскаго уѣзда и въ сосѣднихъ колоніяхъ Ворисъ, Ней Фрейденъ Таль и Маріенъ Таль, да и то только между нѣмцами. Послѣдніе выбѣгали тогда на улицу съ воздѣтыми руками, рвали на себѣ одежду и кричали: «Живъ, живъ Христосъ!» Но теперь уже даже между нѣмцами подобнаго рода проявленіе религіознаго чувства обратилось въ анахронизмъ. Малороссы шундисты никогда не доходили до такого религіознаго энтузіазма; самое большее, на что они способны, это со слезами просить Бога о прощеніи, повергаясь на землю и публично завывая, что они очень-очень грѣшны. Эти преувеличенныя тоскливыя причитанія о своей грѣховности оказываютъ, правда, подавляющее вліяніе на зрителей; говорятъ, что у слабонервныхъ бывали случаи обморока. Деревенскіе крестьяне, по этому поводу, съ увѣренностью заявляютъ, что это «бѣсъ труждаетъ штундарей», и что еслибы они нашли истинную вѣру, то не плакали бы, а радовались; городскіе же просто говорятъ, что штундисты корчатъ изъ себя дурака. На это штундисты отвѣчаютъ тѣмъ и другимъ словами Евангелія: *Блаженни плачущіе, ибо они утѣшатся*, а мы плачемъ только въ началѣ, когда ищемъ Христа и чуетъ сердце нашу немощь, или какую-нибудь боль душевную; когда же мы укрѣпляемся въ

духъ и истинѣ—мы перестаемъ плакать, и радуемъ, что Христа обрѣли въ сердцѣ своемъ. Замѣчательно, что прозелиты, только что принявшіе штундизмъ, несравненно болѣе плачутъ и каются, чѣмъ въ послѣдствіи, когда уже значительно успѣютъ прокинуться духомъ штундизма. Кромѣ того, замѣтно, что первые послѣдователи штунды, какъ напр. Михайло Ратушный, Иванъ Рабошаба, Петръ Вовкожь и др. отличаются и всегда отличались гораздо большею плаксивостью и пришибленностію, нежели представители новѣйшей штунды. Извѣстно напр., что послѣднихъ не только духовенство, но и полицейская власть считаетъ каки-ми-то разбойниками или, по меньшей мѣрѣ, людьми въ высшей степени дерзкими. Для примѣра приведу такого рода фактъ («Церковно Общест. Вѣстникъ» № 30, за 75 г.); 2-го марта 1875 года, въ воскресенье въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, при совершеніи торжественнаго чина православія, крестьянинъ-штундистъ Брацлавскаго уѣзда села Карпосовки, Петръ Пославскій, послѣ перваго провозглашенія духовенствомъ анаемы, при громадномъ стеченіи народа, въ слухъ всѣхъ, произнесъ анаемею всему духовенству и высшему его представительству, прибавивъ слова: «Ею же мѣрю мѣрите, возмѣрится и вамъ». При арестованіи онъ произнесъ: «Теперь возьмите меня—я свое дѣло сдѣлалъ». Не менѣе заслуживаетъ вниманія и такого рода дерзость штундистовъ: когда, во время усиленной пропаганды ихъ ученія, административная власть сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи собранія въ селѣ Чаплинкѣ Таращанскаго уѣзда, то урядники, выражаясь официальнымъ языкомъ, сельскіе полицейскіе заставляли ихъ расходиться, «причемъ они бывали неоднократно побиваемы». Да и вообще штундистъ малороссъ значительно отличается отъ малоросса не штундиста. Первое уже, что бросается сразу въ глаза, это непринужденное отношеніе штундиста ко всякой власти. Онъ убѣжденъ, что власть существуетъ для злыхъ, а не для добрыхъ (Рим. гл. 13 ст. 3), а когда не будетъ преступленій, тогда упразднится всякое начальство и всякая власть. Затѣмъ онъ убѣжденъ еще въ томъ, что онъ, собственно говоря, выше власти, какъ представитель Божеской истины и высшей правды, и какъ *сосудъ*, назначенный для почетнаго употребленія, а не для низкаго (Рим. г. 9 ст. 29). На основаніи подобныхъ воззрѣній, сложившихся въ головѣ штундиста, послѣдній вовсе не лебезитъ такъ предъ начальствомъ, какъ православный мужикъ.

— Эхъ, велика бѣда, подумаешь, если сошлютъ, говорятъ штундисты:—для насъ здѣсь Сибирь, а для Господа все можно сдѣлать.—Вѣдь и въ Сибири люди живутъ. Поэтому съ гражданскимъ начальствомъ штундистъ держитъ себя, какъ «равный съ рав-

нигъ, вольный съ вольнымъ», а къ духовенству, будь это самъ архіерей даже, относится презрительно: ни за что не сниметь шапки и не поклонится въ знакъ почтенія, а если сидитъ, не встанетъ съ мѣста, когда проходитъ мимо него духовное лицо. Священники очень часто фигурируютъ въ бесѣдахъ штундиста, при какихъ бы обстоятельствахъ послѣдній ни находился. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что въ мірѣ этихъ сектаторовъ массами сохраняются изъ года въ годъ скандальные разсказы, часто даже съ пошибомъ пошлости. Изъ долгого знакомства съ этой средой, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать что такая вольность въ бесѣдахъ — отнюдь не допускается во всѣхъ иныхъ случаяхъ. Вольность въ выраженіяхъ или, какъ они говорятъ, севернословіе составляетъ такое качество, которое вызываетъ безусловное порицаніе со стороны всякаго изъ «братовъ». Отступленіе допускается въ слабой степени только лишь по отношенію къ «драконамъ». Мы имѣли уже также случай упомянуть о томъ, что воспринятіе рационалистической мысли массою, равно какъ и отдѣльнымъ лицомъ, требуетъ своимъ *conditio sine qua non*, низведенія съ пьедестала всего того, что было окружено ореоломъ святости или Божественнаго вмѣшательства. Вотъ почему, какъ только штундистъ начинаетъ свою пропаганду, онъ не замедляетъ свернуть на вопросъ о постахъ, который сводится на слѣдующее мѣсто изъ Евангелія: «Гере вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что *подаете дома вдовъ и намоказъ молитесь домо*, за это примите тяжчайшее осужденіе» (Ев. М. 23, ст. 14).

При такомъ независимомъ образѣ мыслей, господствующемъ особенно у представителей новѣйшей штунды, не будетъ ли слишкомъ рискованнымъ утверждать, вмѣстѣ съ авторомъ «малороссійской штунды», что штундисты *тогда только начинаютъ вводить въ жизнь начала своего* ученія, когда всѣ подпадаютъ пся штундистами. Въ простомъ человѣкѣ непосредственнаго чувства, какимъ представляется каждый крестьянинъ, трудно ожидать такого раздвоенія и разлада между словомъ и дѣломъ. Эго, во всякомъ случаѣ, не Щедринскій герой съ гибкою спиною и медоточивымъ языкомъ, показывающій фигу въ карманѣ и постоянно виляющій хвостомъ «съмо и овамо», — герой съ безсмѣнной фразой на устахъ: «нельзя не согласиться, но нужно признаться»... И въ настоящее время штундисты, своимъ поведеніемъ и всей своей жизнью, оказываютъ несомнѣнное морализующее вліяніе на остальную массу, не вошедшую въ ихъ секту. Довольно уже одного замѣчанія Боникамифера: «Штундисты всегда усердно посѣщаютъ свои собранія, а собираются они въ свободные «часы» (штунде) по домамъ

и наставляют другъ друга въ истинѣ, затѣмъ они назидаются пѣснопѣніями, возвеличивающими Спасителя, и всѣ расходятся чинно по домамъ. Это обыкновенно дѣлается утромъ по воскресеньямъ, послѣ обѣда и вечеромъ, въ то самое время, когда братство другого рода убиваетъ дорогое время въ шумныхъ оргіяхъ и попойкахъ». («Одесскій Вѣстникъ» 1868 г. № 56). Но еще болѣе, благотворное вліяніе имѣеть штундизмъ на своихъ послѣдователей: онъ, въ концѣ концовъ, все-таки облегчаетъ наболѣвшую душу многострадальнаго бѣдняка, хотя бы уже тѣмъ, что освобождаетъ его отъ значительной части налога на духовенство и на водку, что составляетъ болѣе одной трети косвенныхъ и прямыхъ, а въ замѣнъ этого даетъ ему ученіе, которое единственно развиваетъ умъ, чувство и вырабатываетъ стойкость воли, направленной на отстаиваніе своихъ убѣжденій и на проведеніе ихъ въ жизнь во что бы то ни стало.

Почти весь культъ штундистовъ состоитъ изъ однихъ собраний. Сходбища и практикуемыя на нихъ системы назиданія съ отгѣнкомъ свободнаго толкованія, объясняются словами ап. Павла: «Когда вы сходитесь и у каждаго изъ васъ есть псалмы, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе— все сіе да будетъ къ назиданію (1-е п. къ Кор. XIV ст. 26). Собранія эти замѣняютъ у нихъ и «хождение въ гости» и всякія другія увеселенія. Эти же собранія составляютъ и предметъ богослуженія. Богослуженіе это совершается слѣдующимъ образомъ. Собравшись въ домъ, штундисты садятся на скамьи, а одинъ изъ нихъ, кто «держитъ собраніе», садится возлѣ стола лицомъ къ публикѣ и, раскрывши Новый Завѣтъ или Библию, толкуетъ по своему каждый стихъ. Толкованія эти часто бываютъ самопроизвольны и весьма остроумны. *Драконъ*, напримѣръ, по мнѣнію штундистовъ, это звѣрь (иносказаніе относительно чиновъ церкви (духовной іерархія), который деретъ съ живаго и мертваго, а воскрылія—широкія рукава на подобіе *крыльцевъ*. *Жертва* значить у нихъ жратва, а слово *жрецъ* выговариваютъ какъ *жерецъ*—обжора. Въ толкованіяхъ своихъ штундисты не останавливаются ни предъ чѣмъ, а чего ужъ никакъ не возьмутъ въ толкъ или что не понравится, то оставляютъ безъ вниманія, что это «добавлено для поповъ». Изъ столкновеній своихъ съ другими сектами они узнали, что священныя книги исправлялись и переправлялись много разъ, поэтому въ настоящее время относятся къ этимъ книгамъ гораздо болѣе критически, нежели въ первое время появленія секты штундистовъ; но уже и тогда при самомъ своемъ зарожденіи, штунда не признавала текста священнаго писанія съ буквальною точностію. Объясненіе Петра

Вовсюжа: «я признаю такъ, какъ тамъ написано», ни больше, ни меньше какъ только уловка. Уже и въ самое первое время возникновенія штунды, толкованія текстовъ священнаго писанія были весьма многообразны, различны: кто во что гораздъ, какъ Богъ на душу положить или, по выраженію штундистовъ, *каждано отъ Бога и какъ Господь открылъ кому*. Послѣ чтенія «Новаго завѣта», а иногда и «Библіи», слѣдуютъ разнаго рода разноглагольствованія, имѣющія полемическій характеръ, затѣмъ, раскрывается другая книга, недавно изданная въ Петербургѣ и одобренная нашей духовной цензурой: «Применіе православнымъ христіанамъ», или же «Духовныя пѣсни» лондонскаго изданія. Обѣ эти книги состоятъ изъ однѣхъ тѣхъ же почти пѣсенъ, хотя послѣдняя почему-то больше уважается штундистами, а во время обысковъ захватывается начальствомъ и конфискуется.¹ Одинъ изъ предсѣдательствующихъ читаетъ первый куплетъ какой-нибудь духовной пѣсни (при чемъ непонятное объясняется), а за нимъ поютъ всѣ хоромъ, затѣмъ такимъ же образомъ поютъ второй куплетъ и т. д. до конца пѣсни. Послѣ этого становятся на колѣни и одинъ изъ штундистовъ, съ сильно настроенными чувствами, громко читаетъ импровизованную молитву со слезами на глазахъ—но объ этомъ уже было говорено выше. Прибавлю здѣсь только, что штундисты, хотя и признаютъ за молитвой большое значеніе, но не молятся утромъ, возставши отъ сна и вечеромъ передъ отходомъ ко сну, какъ думаетъ авторъ статьи «Малорусская штунда». Такой выводъ я вынесъ изъ двухлѣтнихъ наблюденій надъ штундистами Херсонской Губерніи.

Послѣ собранія обыкновенно ведутся частные разговоры, во время которыхъ штундисты обмѣниваются всѣмъ, кто что слышалъ интереснаго, и такимъ образомъ, безъ всякаго печатнаго органа, узнается многое, чего не знаютъ читатели нашихъ газетъ. Но иногда штундисты послѣ собранія читаютъ и газеты и въ особенности интересуются свѣденіями, касающимися секты, дѣятельности духовенства и т. п. Но еще съ большимъ интересомъ читаются письма отъ «братьевъ» (штундистовъ и другихъ сектантовъ, находящихся въ связи съ первыми) изъ другихъ мѣстъ (въ особенности изъ мѣстъ заключенія). Особенно стараются заготовлять такіа письма для *окруженихъ собраній или съездовъ*, которые бывають иногда два, иногда три раза въ годъ и уже во всякомъ случаѣ однажды въ году, а обыкновен-

¹ Въ статьѣ «Малорусская штунда» обѣ эти книги ошибочно разсматриваются, какъ одна. Нельзя считать не имѣющимъ значенія то обстоятельство, что въ «Примененіи» нѣтъ молитвъ Пресвятой Богородицѣ и святымъ.

ныя собранія бывають два-три раза въ недѣлю. Вотъ одно изъ писемъ штундиста, доведеннаго до крайности постоянными преслѣдованіями:—«Миръ вамъ, возлюбленные братья и сестры, пребывающіе въ истинѣ Господа нашего Иисуса Христа и да будетъ съ вами любовь во вѣки, аминь. Привѣтствуйте другъ друга и молитесь за себя и за меня, находящагося въ узакъ. Былъ разговоръ за поповъ, за правительство и за царя на основаніи священнаго писанія. Тогда православные, озлобясь на меня за то, что я ихъ постоянно обличалъ, рѣшились предать меня въ руки правительства и донесли, будто бы я имъ читалъ книги противъ правительства, но у меня ничего не нашли, а указателей много. Потому мы навѣрно не увидимся болѣе. и начальство, по ходатайству священниковъ, затаскаетъ меня на поселеніе, а то и дальше, но я на Бога надѣюсь: «Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, кого мнѣ бояться? (Пс. 26, ст. 1). Этимъ путемъ пошли уже нѣкоторые «братья» и я благодарю Бога за такую участь, и радуется душа моя, ибо Христосъ не даромъ сказалъ: «Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга. Если миръ ненавидитъ васъ, знайте, что Меня прежде васъ ненавидѣли. Еслибы вы были отъ міра, то миръ любилъ бы свое, а какъ вы не отъ міра, то Я избралъ васъ, потому ненавидитъ васъ миръ. Если Меня гнали, будутъ и васъ гнать; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Сіе сказалъ я вамъ, чтобы вы не соблазнились... Изгонять васъ изъ синагогъ, даже наступитъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ этимъ служитъ Богу». (Іоан. гл. 15, ст. 17—20; гл. 16, ст. 1, 2). Но я ни на что незираю, и не дорожу своею жизнью, только бы съ радостью совершить поприще свое, и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Иисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божьей (Дѣянія, гл. 20, ст. 24). И такъ умоляю васъ, будьте единомышленны между собою. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ братьевъ, что не слѣдовало такъ говорить, а на что написано въ евангеліи: «что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ, и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ; не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ погубить, и т. д. (Матв. гл. 10, ст. 27—33). Отъ людей ли ищете благовѣствованія или отъ Бога? Людямъ ли угождать стараетесь? (Галат. гл. 1, ст. 1—13; гл. 2, ст. 6). А это кому пишеть Матѳей, гл. 17, ст. 24—27? Галат. гл. 4, ст. 21—31; а псаломъ 72, стихъ 1—17 о какихъ благородіяхъ говоритъ? (Еще какъ намъ говоритъ ап. Павелъ и какъ безмѣрно величіе его въ насъ: превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства и всякаго имени, именуемаго не только въ семь вѣкѣ, но и въ будущемъ) (Ефес.

гл. I, ст. 19—23; Колосс. гл. 2, ст. 14—15). А что это за образъ звѣря, какъ не ихъ? (Откров. гл. 13 и 14). Этотъ образъ убиваетъ людей, но и ему будетъ тоже участь чрезъ людей, которымъ Богъ внушить эту мысль. «Выйди народъ мой, скажете Господь, и воздайте имъ такъ, какъ они воздавали вамъ, и вдвое воздайте имъ по дѣламъ ихъ. (Откр. 18, ст. 5, 6). А какъ это все будетъ, читай осьмнадцатую и девятнадцатую главу изъ Откровенія Иоанна. Есть также объ этомъ много указаній у другихъ пророковъ. *Имѣющіе очи видѣть, да видятъ и уши слышать да слышатъ».*

Собранія штундистовъ имѣютъ весьма важное воспитательное значеніе. Это своего рода публичныя лекціи; въ нихъ лежатъ задатки дальнѣйшаго развитія штунды. И сколько горя перенесли штундисты, чтобы только отстоять свои собранія. Православные крестьяне, совершенно неосновательно считая собранія эти развратными оргіями со «свальнымъ грѣхомъ» и будучи подстрекаемы людьми заинтересованными въ этомъ, съ шумомъ и гамомъ врываются на собранія штундистовъ и разгоняютъ послѣднихъ, причѣмъ нерѣдко совершаются самыя возмутительныя безчинства. А сколько потерпѣли штундисты отъ административныхъ стѣсненій и отъ преслѣдованій власти, возбужденныхъ по поводу тѣхъ скандаловъ, которыми секта ознаменовала себя въ пику православія, чтобы только «открыть духовныя очи заблудшихъ»; идетъ ли похоронная процессія или иной совершается обрядъ по правиламъ православной церкви, штундисты не преминутъ, чтобы не посмѣяться надъ торжественнымъ церемонаіаломъ, или, какъ они выражаются, надъ этой комедіей. И во все это они вникаютъ, вездѣ стараются подобрать юмористическое сравненіе. Больше всего, конечно, достается иконамъ. Тамъ, слышно, штундистъ набралъ охапку иконъ и во время самаго торжественнаго богослуженія принесъ ихъ въ церковь, говоря: «на те вамъ идоловъ для торговли; въ вашей лавкѣ есть рѣшотка, какъ въ острогѣ и потому отсюда не повыскакиваютъ идолы, а у меня въ домѣ имъ не живется, цыкто не ухаживаетъ за ними, ихъ обсыдѣли мухи, черви поточили, пауки свили гнѣзды и всякая нечисть завелась; сами же идолы не только безсильны помочь мнѣ, но даже съ собою справиться не могутъ: они имѣютъ уши и не слышать, а глазачи не видятъ, уста ихъ не говорятъ, какъ есть настоящіе идолы, по словамъ священнаго писанія».

Такого рода демонстраціи нерѣдки почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда только успѣвали попадать сѣмена штундизма. Особенно упорными бываютъ эти демонстраціи въ мѣстностяхъ,

вновь зараженныхъ. Такъ, наиримѣръ, въ ноябрѣ 1872 года, жители села Чаплинки, Таращанскаго Уѣзда, Кіевской Губерніи, заявили себя именно такого рода обширной демонстраціей, въ которой принимала участіе громадная толпа крестьянъ. Главныхъ зачинщиковъ этого казуса, волостной судъ сначала при-судилъ къ аресту, а потомъ рѣшилъ наказать розгой; послѣд-нее распоряженіе не было выполнено, потому что штундисты, собравшись въ большомъ количествѣ, переколотили сотскаго и старшину, а заключенныхъ въ арестантской освободили. Во избѣжаніе повторенія такого прискорбнаго случая, главный агитаторъ Балабанъ былъ, совмѣстно съ пятью своими послѣдова-телями, переведенъ въ Кіевскій тюремный замокъ. А тамъ изъ холстяныхъ иконъ штундисты подѣлали попоны для лошадей (за что нѣсколько лѣтъ тому назадъ судили штундиста въ Ни-колаевскомъ окружномъ судѣ, Херсонской Губерніи, и по при-говору суда его сослали въ Сибирь), а изъ деревянныхъ подѣ-лали стулья, покрышки для горшковъ, и проч. (О чемъ заявля-лось въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1876 г.). Иногда иконы просто сожигались вмѣстѣ съ дровами, а недого-рѣвшіе остатки выбрасывались въ соръ, въ чемъ обвинялся Петръ Вовкажъ въ прошломъ году въ Одесскомъ окружномъ судѣ¹. Во всѣхъ этихъ поступкахъ выражается желаніе пока-

¹ 18-го марта 1876 года, въ Одесскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о крестьянѣнн с. Петровки, Одесскаго Уѣзда, Петръ Семеновъ Вовкажъ, обвиняемый въ распространеніи секты штундистовъ между своими односель-чанами. Составъ присяжныхъ на это время былъ избранъ исключительно изъ православныхъ. На вопросъ о виновности Вовкажа, присяжные вынесли оправ-дательный вердиктъ. Обстоятельства дѣла слѣдующія. Въ концѣ 1872 года, въ с. Петровки, появилась давно существующая на югѣ Россіи секта штун-дистовъ. Полицейская власть, посредствомъ наблюденій и негласныхъ разсѣ-дованій, обнаружила, что нѣкоторые жители с. Петровки обратились въ это ученіе вскорѣ послѣ того, какъ въ это село прибылъ крестьянинъ Вовкажъ и что этотъ послѣдній распространялъ лжеученіе; вслѣдствіе этого, духовнымъ начальствомъ противъ Вовкажа было возбуждено уголовное преслѣдованіе. На допросѣ у судебного слѣдователя, Вовкажъ, не признавалъ себя виновнымъ въ распространеніи, пояснилъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ новообращеннаго русскаго братства, живущаго по Евангелію и 10 заповѣдямъ, не признающаго ни таинствъ, ни церкви, ни священнослужителей, ни иконъ. Священникъ с. Петровки, Погорѣльскій, объяснилъ, что ему неизвѣстна въ точности сущ-ность ученія штундистовъ, но что признаки его существованія въ его частяхъ обваружились съ появленіемъ въ селѣ обвиняемаго, въ домѣ котораго святныя иконы оказались съ выколотными глазами. Дважды свидѣтель приступалъ къ увѣщаніямъ Вовкажа, но таковыя оказались безуспѣшными, при этомъ свидѣ-тель присовокупилъ, что штундизмъ быстро распространяется въ селѣ, и почти вся молодѣжь принадлежитъ къ этой сектѣ. Крестьянинъ Цицко объяснилъ, что онъ присутствовалъ при увѣщаніяхъ священникомъ Погорѣльскимъ обвин-

затѣ фактически, что иконы, кресты и другіе священные предметы — не суть Боги. Все это, конечно, не остается безъ вліянія на понятія народа въ религіозномъ міровоззрѣніи.

Правда, міросозерцаніе штундистовъ слишкомъ сложно и недоступно для зауряднаго крестьянина, поэтому штунда распространяется кучками, спорадически и не имѣетъ всеобщаго прижизненія къ жизни крестьянина. Остальная масса крестьянъ относится къ штундистамъ полувраждебно и, по меньшей мѣрѣ, безразлично; и штунда, навѣрное можно сказать, не распространилось бы такъ быстро, еслибъ ей не явилось на выручку одно совершенно случайное обстоятельство: какъ извѣстно, русскіе сектанты не дождались полной свободы вѣроисповѣданія и мирные проповѣдники штунды, называющіе себя «русскими братьями», до сихъ поръ или засаживаются по тюрьмамъ, да монастырямъ, или находятся подъ полицейскимъ надзоромъ, безъ права выѣзда изъ мѣста жительства дальше, чѣмъ на двадцать-тридцать верстъ, да и то съ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Изъ шести чловѣкъ штундистовъ, которые съ первоначалу были засажены въ Кіевскій острогъ (объ нихъ мы уже вскользь упомянули), вышли только два, остальные всѣ поумирали въ стѣнахъ предварительнаго заключенія до суда надъ ними. Дѣло Петра Вовкажа бросило много свѣта на распространеніе штундизма. И старшина, справлявшійся съ народомъ, по словамъ Вовкажа, какъ генералъ со своими солдатами, и священникъ Погорѣльскій, при увѣщаніяхъ «заблудшихъ овецъ», прибѣгавшій къ самымъ вѣскимъ аргументаціямъ въ видѣ пощечинъ и розогъ—оба эти ревнители не по разуму гражданскаго порядка и православія отрицательнымъ путемъ не мало содѣйствуютъ развитію и распространенію того міросозерцанія, которое такъ быстро охватило селеніе Петровское (Од. у.) съ его окрестностями...

Невинныя страданія поборниковъ штундизма и безтолковыя преслѣдованія ихъ ученія, неоправдывавшіяся часто ни закономъ, ни здравымъ смысломъ, еще болѣе заставляли задумываемаго, но послѣдній оставался при своихъ мнѣніяхъ, называя иконы «начертаніемъ сатани», а крестъ—«печатью Ирода». Свидѣтели Федотъ и Зиновій Литвиняи, пономарь Гайдомака и каленникъ Рабошапка удостовѣрили, что были совращены въ секту Вовкажемъ, что сущность ученія, котораго они придерживаются, заключается въ томъ, что они отвергаютъ свята таинства; хотя же и существуетъ причастіе, но не болѣе, какъ воспоминаніе о Спасителѣ рода человѣческаго. Церковь у нихъ замѣняется молебною въ частныхъ домахъ. По всѣмъ вишензложеннымъ причинамъ, Вовкажъ былъ преданъ суду, по обвиненію его въ томъ, что въ 1873 году, въ с. Петровѣ, убѣжденіями и проповѣдью совратилъ изъ православія въ штунду нѣсколькихъ крестьянъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 196 ст. улож. о наказаніяхъ.

лываться надъ неправдою въ жизни, и, въ концѣ концовъ, искать высшей правды. Искатели высшей правды находили свой выходъ въ штундѣ, которая къ тому же приподносила имъ не только умственную и нравственную, но и матеріальную поддержку. Въ примѣръ можно привести главныхъ вѣрочителей штундизма (Ратушнаго, Рабошанку, Балабана, Вовкажа и др.), которыхъ окружный судъ болѣею частию оправдалъ, а все, что они вынесли отъ преслѣдованій ближайшихъ властей, пошло имъ не въ зачетъ и, по ихъ выраженію, присохло какъ на собагѣ. Въ этомъ родѣ продолжаютъ преслѣдованія и до сихъ поръ. Интересенъ въ высшей степени процессъ штундистовъ въ г. Елисаветградѣ, въ февралѣ или мартѣ 1876 года, какъ по тѣмъ мотивамъ, которыми руководствовалась полицейская власть въ возбужденіи этого дѣла, такъ еще и по тому, что подсудимыхъ было много, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Дѣло разбиралось въ сѣздѣ мировыхъ судей. Обвиненіе заключалось въ томъ, что нѣсколько десятковъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, *ослушались законныхъ требованій полиціи, когда послѣдняя призвала ихъ разойтись по домамъ изъ сборища*. Дѣло это, какъ водится, предварительно было рѣшено мировымъ судьей въ томъ смыслѣ, что онъ оправдалъ крестьянъ, такъ какъ, по смыслу самихъ собраній штундистовъ, существованіе которыхъ санкціонировано высшею законодательной властью, въ нихъ нѣтъ ничего противозаконнаго. Обвиненіе въ сѣздѣ подерживалъ исправникъ. На вопросъ предсѣдателя, признаютъ ли они себя виновными, одинъ изъ подсудимыхъ, выбранный представителемъ отъ всей группы, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не признаю; мы ничего дурного не дѣлаемъ — мы стараемся, чтобы между нами искоренить пьянство и другіе пороки. Мы по праздникамъ собираемся на общую молитву, ибо Спаситель сказалъ: «Гдѣ изъ васъ трое соберутся во имя мое, и Я тамъ». Мы читаемъ Евангеліе.

Остановленный предсѣдателемъ, который замѣтилъ, что обвиненіе касается *неповиновенія законнымъ распоряженіямъ* полиціи, онъ продолжалъ:

— *Мы не сопротивлялись, а не разошлись* потому, что не кончили молитвы.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, представители штунды имѣютъ всегда поддержку отъ своихъ единовѣрцевъ и, благодаря именно этой поддержкѣ, они не только не приходятъ къ окончательному раззоренію, но даже нѣкоторые изъ нихъ выросли просто въ обыкновенныхъ кулаковъ (напримѣръ, Ратушный и Рабошанка). Другіе же изъ первоначальныхъ проповѣдни-

шова штундизма значительно отстали отъ своихъ новыхъ послѣдователей, а нѣкоторые дошли даже до полнаго отупѣнія, остановившись на своихъ излюбленныхъ «обрядахъ преломленія хлѣба» и «воднаго крещенія», за которые пострадали и вынесли въ своей жизни столько гоненій. Такъ, Петръ Вовкажъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, вслѣдствіе истязаній, часто страдаетъ головокруженіемъ, обморокомъ, по временамъ даже кажимъ-то страннымъ умопомраченіемъ. Но его послѣдователи пошли дальше его и онъ имъ уже не нуженъ, хотя Ратушный и сдѣлалъ его пресвитеромъ чрезъ рукоположеніе, чего прежде не бывало у штундистовъ. Эти новые обряды, въ связи съ нѣкоторыми неблаговидными проступками главнѣнъ штундизма, вызвали въ средѣ штундистовъ чуть не всеобщее негодованіе противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и противъ Ратушнаго. Такъ что напрасно авторъ «Мал. Шт.» утверждаетъ, что М. Ратушный пользуется почетомъ и уваженіемъ почти всѣхъ штундистовъ и напрасно сокрушается, что съ паденіемъ авторитета первоначальныхъ вожаковъ штунды, упалъ духъ остальныхъ штундистовъ, которые въ настоящее время теряются въ частныхъ, не имѣющихъ никакого значенія. Напротивъ, съ устраненіемъ лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ «старшихъ братьевъ», которыхъ остальные «братья» въ прежнее время слушались безпрекословно, должно было открыться гораздо больше простора. Всѣ почти первоучители малорусской штунды, боясь, чтобы отрицаніе православныхъ обрядовъ не зашло бы слишкомъ далеко и не коснулось бы обрядовъ самой штунды, пытались положить на уста своихъ послѣдователей печать молчанія относительно главнѣнхъ пунктовъ штунды, чтобы во время собраній не говорилось ни слова противъ «преломленія хлѣба», «воднаго крещенія» и «старшаго брата», якобы во избѣжаніе соблазна для маловѣрныхъ; но имъ этого не удалось сдѣлать и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Цыбульскій въ Киевской губерніи, изъ горести возвратился въ православіе; другіе, напримѣръ, Михайло Ратушный и Василій Комаровъ, прибѣгли даже къ доносамъ противъ новыхъ братьевъ, которые будто бы проповѣдуютъ «попятицу», т. е. возстаютъ противъ влечества «старшаго брата», хотя «предать брата» считается у штундистовъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое по закону должно слѣдовать повѣшеніе, если самъ преступникъ—же-братъ, какъ Иуда, не наложить на себя руку. И такъ, несмотря на преслѣдованія штундистовъ, или лучше сказать, благодаря именно этимъ преслѣдованіямъ, дѣло штундистовъ не только не остановилось, но еще получило дальнѣйшее развитіе, какъ въ количественномъ, такъ и въ качеств-

венномъ отношеніяхъ. И уже не въ первый разъ сбывается заповѣдь фанатика: «пусть гибнуть люди, но торжествуютъ ихъ идеи; умереть учитель, а ученіе его останется живо и дастъ плодъ сторицею»; мысль эту очень любятъ выражать штундисты, ссылаясь на указанія самого Христа: «если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» (Іоан. Гл. 12, ст. 24).

— «Куда насъ гнали, говорятъ они, тамъ мы и дорогу за собой оставили: появились новые братья на этихъ мѣстахъ, готовые пострадать за правду. И ничего не подѣлаешь съ нами: огонь огнемъ не тушатъ, а чѣмъ больше насъ будутъ тревожить, тѣмъ больше мы будемъ распространяться и не дадутъ намъ заснуть... не дадутъ упокоиться на буквѣ закона: мы будемъ глубже вникать въ смыслъ Евангелія». Эти слова мнѣ не разъ приходилось слышать отъ штундистовъ, и по увлеченію, которое отражалось на ихъ лицахъ, видно было, что люди эти не лгутъ, а на самомъ дѣлѣ готовы пострадать за вѣру, за свое дѣло. Въ 1864 г., на первыхъ порахъ распространенія малорусской штунды въ Од. у., исправникъ распорядился нарядить слѣдствіе и арестовать главныхъ пропагандистовъ штунды, но губернская власть отменила эти приказанія, для испытанія надъ ними духовнаго увѣщанія. Когда же послѣднее не помогло, то преслѣдованія противъ штундистовъ возникли съ новой силой; тогда штундисты рѣшились послать съ жалобой въ Петербургъ двухъ своихъ представителей, Ратушнаго и Рабошапку; на первый разъ на эту делегатуру было истрчено около 200 р.; они не только ничего не добились, но даже получили маленькія непріятности. Эта неудачная попытка не обезкуражила штундистовъ, которые, отъ лица Рабошапки и Балабана, подавали на высочайшее имя прошеніе о разрѣшеніи молитвенныхъ собраній. Въ настоящее время, правительство начинаетъ смотрѣть на штундистовъ сквозь пальцы. Въ жалобахъ своихъ на ближайшихъ властей въ высшія инстанціи, штундисты часто высказывали, что послѣднія надежды свои полагаютъ на высшую власть... И высшая власть оправдала эти надежды, разрѣшивши собранія штундистовъ. Собственно говоря, прямого разрѣшенія этихъ собраній не было, но былъ циркуляръ, Высочайше утвержденный 19 апрѣля 1874 г., въ которомъ говорится, что сектанты, совершающіе свои обряды безъ участія духовныхъ лицъ, обязаны вести метрическія записи браковъ, рожденій и смертей; раскольникамъ южнымъ, именно штундистамъ, въ послѣдніе два года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали выдавать даже бланки для этихъ записей вмѣстѣ съ копіей вышеупомянутаго циркуляра. Отсюда штундисты совершенно

основательно сдѣлали такого рода заключеніе: если намъ разрѣшены обряды, то стало быть разрѣшены и собранія, такъ какъ невозможно совершать обряды безъ собраній.

— Мать не знаетъ о голодѣ своего ребенка, пока тотъ не начнетъ кричать и плакать, говорили по этому поводу штундисты:— такъ и мы, наконецъ, добились права собраній, чтобы вкушать духовную пищу. Да, секта наша признана закономъ и мы имѣемъ право безъ попа совершать свои обряды и значить и свои собранія имѣть. Въ подтвержденіе этого приводятъ копію съ инструкціи, равосланной гг. приставамъ, надзирателямъ и волостнымъ правленіямъ отъ Одесскаго Полицейскаго управленія за № 854, 28 марта 1876 г. ¹ Нужно замѣтить, что еще за долго до полученія циркуляра и упомянутой инструкціи, штундисты постоянно заявляли въ своихъ жалобахъ, что ихъ молитвенныя собранія не какія-нибудь противозаконныя сборища, такъ какъ они дозволены Высочайше утвержденнымъ церковнымъ уставомъ (§ 150, ч. I, т. XI св. з.).

При всемъ томъ, хотя существованіе штунды, какъ это мы только что видѣли, и санкціонеровано свыше, однако, преслѣдованія продолжаютъ—вся разница въ томъ, что въ настоящее время преслѣдуются наиболѣе выдающіеся типы изъ среды штундистовъ, противъ нихъ воздвигается обвиненіе въ распространеніи своего вѣрученія, обвиненіе, достаточное для ссылки «не въ столь отдаленныя мѣста». Въ своей слишкомъ усердной погонѣ за агитаторами и руководителями религіозно-умственнаго движенія, охранители дѣлаютъ непростительныя промахи въ томъ смыслѣ, что сажаютъ на скамьи подсудимыхъ людей, которые не занимали и не занимаютъ никакого виднаго мѣста въ мірѣ

¹ По приказамъ, Высочайше утвержденнымъ 19-го апрѣля 1874 г., на волостныхъ правленія возложены нѣкоторыя обязанности по метрической записи браковъ, рожденій и крещеній и смерти раскольниковъ, т. е. такихъ сектантовъ, которые совершаютъ бракъ, крещеніе и погребеніе сами, безъ участія духовныхъ лицъ и безъ внесенія актовъ бракосочетаній и рожденій въ церковныя метрическія книги. Такъ какъ эти волостныя правленія, въ районѣ которыхъ живутъ раскольники, должны имѣть установленныя означенными правилами метрическія книги, а равно бланки для объявленій подписокъ и проч., и такъ какъ эти книги и бланки получены въ полицейскомъ управленіи, а потому предписывается всѣмъ волостнымъ правленіямъ Од. уѣзда немедленно доставить сому управленію свѣденія о живущихъ въ волостяхъ группахъ раскольниковъ. По городамъ же Маяки, Овидіюполь и Очаковъ такія свѣденія требуются симъ циркуляромъ отъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ; причѣмъ полицейское управленіе поручаетъ какъ этимъ чиновникамъ, такъ и всѣмъ волостнымъ старшинамъ объявить всѣмъ раскольниковамъ и во всеобщее свѣдѣніе Высочайшее повелѣніе 19-го апрѣля 1874 г. «Объ установленіи метрической записи браковъ, крещеній и смерти раскольниковъ».

штундистовъ и такимъ образомъ сами священники и ближайшія административныя власти косвенно содѣйствуютъ распространенію секты, возводя въ мучениковъ и страдальцевъ людей самыхъ обыкновенныхъ. За примѣрами далеко не нужно ходить, стоитъ только вспомнить послѣдній процессъ въ Николаевѣ, въ мартѣ 1877 года. На скамьѣ подсудимыхъ былъ старикъ, который своимъ умомъ ни чуть не выдвигался изъ среды всѣхъ своихъ односельчанъ, но который, по своимъ качествамъ пропагандиста (не нужно упускать изъ виду, что каждый штундистъ въ тоже время и пропагандистъ своего ученія), уступалъ во многомъ типу штундиста средственнаго достоинства. Это преслѣдованіе лучшихъ представителей изъ міра штундистовъ повело къ тому, что долго штундистъ не засиживается въ одномъ мѣстѣ, въ особенности, если онъ еще обладаетъ даромъ слова, силою убѣжденія и вдохновляющей слушателя рѣчью; а такіе типы агитаторовъ не рѣдки; въ числу тѣхъ, о которыхъ намъ уже пришлось говорить, нужно причислить и нѣсколькихъ женщинъ, которыя за свою дѣятельность умѣли ознакомиться съ тюремнымъ заключеніемъ. Таковыя Агафья Музылова и Лихотерстова.

Итакъ, въ настоящее время, штундисты собираются и совершаютъ свои обряды свободно, по крайней мѣрѣ, безъ запрета со стороны высшей власти, хотя слишкомъ ревностные пропагандисты штундистскаго ученія, какъ я выше сказалъ, не перестаютъ подвергаться законному преслѣдованію. Но теперь уже для многихъ изъ нихъ стало ясно, что игра не стоила свѣчъ или, какъ сами они выражаются по поводу своихъ обрядовъ, что дрались за скорлупу.

Многіе изъ нихъ уже отрицаютъ и тѣ послѣднія два таинства (крещеніе и причащеніе), которыя составляютъ отличительную черту анабаптистовъ, давшихъ первый толчокъ образованію штунды между малороссами на югѣ Россіи. «Все это одинъ обрядъ—наружный знакъ и не въ немъ сила, говорятъ штундисты позднѣйшей формации: надо креститься живою водою, которую Христосъ предлагалъ самарянкѣ у колодца, а не мертвой; надо преломлять духовный хлѣбъ и проникнуться словомъ Божиимъ, чтобы слово было согласно съ дѣломъ. А мало ли есть на свѣтѣ такихъ, что крестились въ водѣ и каждый годъ причащались по нѣскольку разъ, но это ихъ нисколько не освобождаетъ отъ грѣховъ и они по прежнему преисполнены пьянства, распутства и всякой мерзости».

На заявленіе своихъ старшихъ братьевъ, «что самъ Христосъ показалъ намъ примѣръ, крестившись въ рѣкѣ, потому-де и мы

должны креститься точно также¹, младо-штундисты отвѣчаютъ: «мало ли чего Христосъ не дѣлалъ—онъ и обрѣзывался и давалъ денарій на храмъ, потому что стоялъ на рубежѣ вѣтнаго и новаго завѣтовъ, а намъ велѣлъ простираться впередъ и уклоняться отъ фарисейской закваски». Да и во времена апостольскія, крещеніе, по ихъ мнѣнію, играло второстепенную роль. Христосъ послалъ апостоловъ, главнымъ образомъ, проповѣдывать Евангеліе, а Павелъ даже радуется, что крестилъ всего двухъ-трехъ человѣкъ, такъ какъ отъ этого крещенія и тогда уже происходило раздвоеніе: тотъ говорилъ, что онъ Павловъ, а тотъ, что Аполлосовъ и т. д.

Кромѣ того, при крещеніи вмѣсто воды иногда употреблялся песокъ. Отсюда видно, что вода при крещеніи служила наружнымъ выраженіемъ духовнаго крещенія, такъ точно, какъ дерево или холстъ въ иконахъ для изображенія разныхъ событій и лицъ. Въ Книгѣ Премудрости (гл. 14, ст. 15—21) сказано, что отецъ, любящій сына, послѣ его смерти оставлялъ себѣ на память его изображеніе, а потомки его это изображеніе и самый матеріалъ, на которомъ оно сдѣлано, стали считать святынею; точно также, какъ негодные сучки, употреблявшіеся для украшенія, тоже со-временемъ обратились въ святыню и люди ихъ поклонялись, какъ идоламъ (Прем. Солом. гл. 13, ст. 11—19).

Тоже самое, говорятъ младо-штундисты, произошло и съ крещеніемъ; взяли да и обоготворили воду, понимая буквально слѣдующій стихъ: «кто не родится водою и духомъ, тотъ не внидетъ въ царствіе небесное». (Еванг. Іоан., гл. 3, ст. 5). Хотя самъ Іисусъ и не крестилъ, а ученики его; но отчего не понимать въ буквальномъ смыслѣ и «огонь» въ томъ текстѣ, гдѣ сказано: «Іоаннъ отвѣчалъ: я крещу васъ водою, но идетъ сильнѣйшій меня, у котораго я не достоинъ развязать ремень обуви; онъ будетъ крестить васъ духомъ святымъ и огнемъ». (Лук. гл. 3, ст. 1—6). Взяли бы да и жгли людей на кострахъ для очищенія ихъ грѣховъ, какъ сожгли Гусса и другихъ нашихъ

¹ Кстати о крещеніи: авторъ «Малорусской штунды, по поводу «воднаго крещенія», говоритъ: во время крещенія читаютъ приличное мѣсто изъ священнаго писанія («Недѣля», № 1). Замѣчу здѣсь, что во время крещенія ни приличнаго, ни неприличнаго мѣста изъ священнаго писанія штундисты не читаютъ, а только стояще на берегу рѣки поютъ: «во Христа крестистеса, во Христа облекостеса, аллилуя!» а старшій братъ съ новокрещенными стоитъ по поясъ въ водѣ и окунаетъ ихъ въ воду, произнося слѣдующее изрѣченіе: «помни братъ любезный (или сестра), кому ты обѣтъ даешь жить по правдѣ и истинѣ: Самому Господу нашему Іисусу Христу». Само крещеніе обыкновенно происходитъ ночью, гдѣ-нибудь за городомъ или за селомъ на рѣкѣ, такъ что и самое время не благоприятствуетъ чтенію священнаго писанія.

братьевъ, пронизируютъ штундисты позднѣйшей формаціи, и въ этомъ пунктѣ своего ученія они сходятся съ молованами и духовборцами. Но они, какъ уже было сказано, въ дѣлѣ отрицанія пошли дальше тѣхъ и другихъ.

Отрицаая «водное крещеніе» и «преломленіе хлѣба», они отрицаютъ также «старшаго брата», главная роль котораго заключается въ исполненіи обрядовъ, сохранившихся еще въ штундѣ. Въ особенности они негодуютъ на Ратушнаго, который до того возгордился, что даже фотографическую карточку снялъ съ себя, чтобы впоследствии поклонялись ей, какъ заповѣрили штундисты. Всѣхъ этихъ идоловъ нужно ниспровергнуть, сжечь и даже не думать о нихъ, какъ сказано въ Дѣяніи Апостоловъ (гл. 17, ст. 29). Про такихъ самъ Христосъ сказалъ: «вы Боги», когда стоялъ въ сонмѣ боговъ. «Боже, карай боговъ земныхъ за ихъ судъ неправый» (Пс. 87). Въ Дѣяніи Апостоловъ даже Петръ, котораго Христосъ назвалъ камнемъ церкви, запрещаетъ поклоняться себѣ, а въ Апокалипсисѣ ангелъ съ неба возвѣщаетъ, что онъ только служитель Божій, поэтому и ему тоже не слѣдуетъ поклоняться. «Священники не принимали поклоненія отъ другихъ» (Апок. XXII, 9. Дѣяніе, X, 26, XIV, 14). Такимъ образомъ, по новѣйшему ученію штундистовъ, въ сектѣ *исчезаютъ* послѣдніе слѣды іерархіи.

Емельяновъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

РѢзня.

1.

Спящіе и неспящіе.

Въ эту ночь, съ 3-го на 4-е, когда мы, изнемогшіе отъ усталости и обреченные на катастрофы, спали честнымъ сномъ, въ Елисейскомъ дворцѣ не смыкали глазъ. Позоръ бодрствовалъ. Около двухъ часовъ утра, графъ Роге, бывшій перъ Франціи, генераль-лейтенантъ, и, послѣ Морни, самый близкій человѣкъ къ Луи Бонапарту, выходилъ изъ его кабинета. Графа Роге сопровождалъ Сент-Арно. Сент-Арно, какъ вы помните, былъ въ тотъ моментъ военнымъ министромъ.

Два полковника ждали въ маленькой дежурной комнатѣ.

Сент-Арно—генераль, который былъ прежде фигурантомъ въ театрѣ Ambigu. Онъ дебютировалъ на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ комика. Трагикъ изъ него вышелъ позже. Примѣты: высокаго роста, худой, костлявый, гладко причесанный, съ сѣдыми усами, съ подлой миной. Это былъ головорѣзъ, но дурно воспитанный. Въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ очень заботились объ элегантности, съ Сент-Арно мирились только вполонину. Кровавая сторона его заставляла прощать ему вульгарную сторону. Сент-Арно былъ храбръ, свирѣпъ и застычивъ. Наглость шалопая, носящаго генеральскіе галуны, соединилась въ немъ съ неловкостью прежняго голка. Мы видѣли его разъ на трибунѣ, блѣднаго,

бормочущаго и... дерзваго. У него было длинное, сухое лицо и челюсть, вселяющая безпокойство. Его театральное имя было Флориваль. Онъ умеръ маршаломъ Франціи. Фигура злобѣщая.

Двое полковниковъ, ожидавшихъ Сент-Арно въ дежурной комнатѣ, были люди предприимчивые; каждый изъ нихъ командовалъ однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ полковъ, которые въ критическіе моменты увлекаютъ за собой всё другіе полки къ славѣ, какъ подъ Аустерлицомъ, или къ преступленію, какъ 18 Брюмера, смотря по приказанію. Оба эти офицера принадлежали къ категоріи тѣхъ господъ, о которыхъ Морин говорилъ, что «это сливки полковниковъ, вивѣры, и въ долгу, какъ въ шелку». Мы не назовемъ ихъ здѣсь. Одинъ умеръ, другой еще существуетъ. Онъ узнаетъ себя. Впрочемъ, вы встрѣчали имена ихъ на первыхъ страницахъ этой книги.

Одинъ былъ лѣтъ 38; хитрый, отважный, неблагодарный. Три качества, ведущія къ успѣху. Герцогъ Омальскій въ Алжирѣ спасъ ему жизнь. Онъ былъ тогда молодымъ капитаномъ. Раненый пулей на вылетъ, онъ упалъ въ кусты. Кабины бросились къ нему, чтобъ отрубить ему голову и унести ее съ собой, но герцогъ Омальскій, съ двумя офицерами, солдатомъ и трубачемъ, подошелъ на выручку, и, прогнавъ кабиловъ, спасъ этого капитана. Избавивъ его отъ вѣрной смерти, онъ полюбилъ его. Одинъ оказался благодарнымъ, другой—нѣтъ. Благодарнымъ оказался спаситель. Герцогъ Омальскій былъ ему благодаренъ за то, что онъ доставилъ ему случай отличиться. Онъ сдѣлалъ его эскадроннымъ командиромъ. Въ 1849 году, этотъ эскадронный командиръ, произведенный въ подполковники, командовалъ штурмовой колонной при осадѣ Рима, потомъ возвратился въ Африку, гдѣ Флери завербовалъ его, также какъ и Сент-Арно. Въ іюлѣ 1851 года, Луи Бонапартъ сдѣлалъ его полковникомъ, и сталъ на него рассчитывать. Въ ноябрѣ, этотъ полковникъ Луи Бонапарта писалъ герцогу Омальскому: «Нечего ждать отъ этого несчастнаго искателя приключеній». Въ декабрѣ, онъ командовалъ полкомъ, участвовавшимъ въ переворотѣ. Впослѣдствіи, въ Добруджѣ, лошадь, обозлившись на него, выкусила ему щеку; такъ что на этомъ лицѣ осталось мѣсто только для одной щеки.

Другому, у котораго пробивалась въ волосахъ сѣдина, было 48 лѣтъ. Это былъ тоже человѣкъ кутежа и убійства. Какъ гражданинъ—отвратительный, какъ солдатъ—неустрашимый. Онъ одинъ изъ первыхъ вскочилъ на брешь въ Константиноль. И храбрости и низости—всего вдоволь. Ничего рыцарскаго; совершенный авантюристъ. Луи Бонапартъ сдѣлалъ его полковникомъ въ

1851 г. Долги его два раза платили принцы. Въ первый разъ герцогъ Омальскій, во второй—герцогъ Немурскій.

Таковы были эти полковники.

Сент-Арно нѣсколько времени говорилъ съ ними въ полголоса.

II.

Въ комитетѣ.

Мы, чуть свѣтъ, собрались въ домѣ нашего арестованнаго товарища Гревн. Насъ помѣстили въ его кабинетѣ. Мишель де-Буржъ и я сидѣли около камня. Жюль Фавръ и Карно писали, одинъ на столѣ, у окна, другой на конторкѣ, сгоя. Лѣвая облекла насъ безусловной властью. Собираться въ засѣданіе становилось съ каждой минутой затруднительнѣе. Мы издали отъ имени лѣвой и вручили Энгре, для напечатанія, слѣдующій декретъ, наскоро составленный Жюлемъ Фавромъ:

Французская республика,
Свобода, равенство, братство.

«Нижеподписавшіеся представители народа, оставшіеся на свободѣ и собравшіеся въ постоянное чрезвычайное засѣданіе; въ виду ареста бѣльшей части ихъ товарищей и въ виду крайней необходимости,

«Принимая въ соображеніе, что преступленіе Луи Бонапарта, насильственно прекративъ дѣйствіе установленныхъ властей, побуждаетъ націю къ непосредственному проявленію ея самодержавія, и что все препятствующее, въ настоящее время, этому самодержавію, должно быть уничтожено,

«Принимая въ соображеніе, что всѣ начатыя преслѣдованія, всѣ произнесенные приговоры за политическія преступленія и проступки уничтожаются въ силу неотъемлемаго права народа,

«Декретируютъ:

«Ст. 1. Отмѣняются всѣ начатыя преслѣдованія и произнесенные приговоры, со всѣми ихъ уголовными или гражданскими послѣдствіями, за политическіе преступленія и проступки.

«Ст. 2. Предписывается всѣмъ начальникамъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія немедленно освободить лицъ, содержащихся тамъ за означенныя преступленія.

«Ст. 3. Точно также вмѣняется въ обязанность всѣмъ должностнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ магистратурѣ, подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ, прекратить всѣ судебныя преслѣдованія, начатыя за таковыя преступленія.

«Ст. 4. Исполненіе настоящаго декрета возлагается на должностныхъ лицъ и агентовъ полиціи.

«Дано въ Парижѣ, въ постоянномъ засѣданіи собранія 4 го декабря».

Жюль Фавръ, подавая мнѣ декретъ для подписи, сказалъ съ улыбкой:—Освободимъ вашихъ сыновей и вашихъ друзей.— Да, отвѣчалъ я: — будетъ четыре лишнихъ бойца на баррикадахъ. Представитель Дюпюитцъ получилъ, нѣсколько часовъ спустя, изъ нашихъ рукъ копию съ декрета, которую мы поручили ему снести лично въ Консержери, если намъ не удастся—какъ мы задумали это—овладѣть префектурой полиціи и городской думой. Къ сожалѣнію, это не удалось намъ.

Явился Ландренъ. Обязанности, которыя онъ исполнялъ въ 1848 г. въ Парижѣ, дали ему возможность узнать личный составъ полиціи политической и полиціи городской. Онъ предупредилъ насъ, что около дома бродятъ подозрительныя фигуры. Мы находились въ улицѣ Ришельё, почти противъ Théâtre Français; это одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ, гдѣ вѣчно снуютъ толпа прохожихъ, и потому полиція слѣдила здѣсь особенно. Представители, сносившіеся съ комитетомъ, безпрестанно входившіе и выходившіе, были бы неизбѣжно замѣчены и полиція сдѣлала бы въ домѣ обыскъ. Дворники и сосѣди уже начинали обнаруживать тревожное удивленіе. Мы подвергались, какъ утверждалъ Ландренъ, большой опасности. «Васъ схватятъ и разстрѣляютъ», сказалъ онъ. Онъ умолялъ насъ перейти въ другое мѣсто. Братъ Грени, съ которымъ мы совѣтовались, объявилъ намъ, что не можетъ поручиться за свою прислугу.

Но что было дѣлать? Двое сутокъ травили насъ. Весь запасъ доброжелательныхъ людей былъ истощенъ; наканунѣ намъ уже отказали въ пріютѣ, и въ эту минуту никто не предлагалъ его. Въ теченіе двухъ дней, мы 17 разъ перемѣняли убѣжище и должны были иногда перебираться изъ одного конца Парижа въ другой. Мы начинали чувствовать нѣкоторую усталость. Притомъ же, какъ я говорилъ, домъ, гдѣ мы находились, имѣлъ то драгоценное преимущество, что изъ него былъ другой выходъ въ улицу Фонтенъ-Мольеръ. Мы рѣшились остаться. Но только сочли нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности.

Въ рядахъ лѣвой, у насъ было много преданныхъ людей. Одинъ изъ видныхъ членовъ собранія, человекъ рѣдкаго ума и рѣдкаго мужества, Дюранъ-Савойя, сдѣлался и остался до послѣдней минуты нашимъ хранителемъ, скажу болѣе — нашимъ приставомъ, нашимъ слугою. Онъ самъ поставилъ на нашемъ столѣ боловольчикъ и сказалъ намъ: «Когда я вамъ по-

надобилось, позвоните, и я сейчас же приду». Буда бы мы ни пошли—онъ былъ тутъ. Онъ стоялъ въ передней, спокойный, молчаливый, невозмутимый, съ своимъ серьёзнымъ и благороднымъ лицомъ, въ сюртукъ, застегнутомъ до верку, въ шляпѣ съ широкими полями, придававшей ему видъ англиканскаго пастора. Онъ самъ открывалъ входную дверь, узнавалъ входящихъ и устранялъ докучныхъ и бесполезныхъ. Впрочемъ, всегда веселый, всегда склонный повторять: «Все идетъ прекрасно». Мы погубили—онъ улыбался. Оптимизмъ—посреди отчаянія.

Мы призвали его. Ландренъ сообщилъ ему о нашихъ опасеніяхъ. Мы просили Дюранъ-Савойя не позволять болѣе никому оставаться въ квартирѣ, даже представителямъ; записывать все, что онъ узнаетъ новаго, всѣ свѣденія, которыя ему доставать, и допускать къ намъ только самыхъ необходимыхъ людей; словомъ, по возможности, удалить всѣхъ, чтобы прекратились хожденія взадъ и впередъ. Дюранъ-Савойя опустилъ голову и возвратился въ переднюю, промолвивъ: «Хорошо». Онъ любилъ ограничиваться этими двумя формулами: для насъ — «Все идетъ прекрасно», для себя—«Хорошо». Ландренъ и Дюранъ-Савойя ушли. Мишель де Буржъ потребовалъ слова.

Искусство Луи Бонапарта, копировавшаго во всемъ своего дядю, состояло, по мнѣнію Мишеля де-Буржа, въ томъ, чтобы прежде всего сдѣлать воззваніе къ народу, заставить его вотировать, прибѣгнуть къ плебисциту, словомъ, создать нѣчто похожее на правительство въ тотъ моментъ, какъ онъ разрушаетъ таковое. Во время великихъ кризисовъ, когда кажется, что все падаетъ, все готово рухнуть, народу нужно за что-нибудь ухватиться. За немнѣнимъ другой точки опоры, онъ, пожалуй, приметъ самодержавіе Луи Бонапарта. А потому, мы должны предложить народу—какъ точку опоры—его собственное самодержавіе. Собраніе, продолжалъ Мишель де-Буржъ, умерло фактически. Лѣвая—популярный обломокъ этого ненавидимаго собранія—не могла болѣе удовлетворять настоящему положенію. Она сама должна обновиться, почерпнуть новую силу въ народномъ самодержавіи. Слѣдовательно, и намъ необходимо было, съ своей стороны, прибѣгнуть къ всеобщей подачѣ голосовъ, противопоставить принцу-узурпатору самодержавный народъ, голосованію голосованіе, и немедленно созвать новое собраніе. Мишель де-Буржъ предложилъ декретъ.

Мишель де-Буржъ былъ правъ. За побѣдой Луи Бонапарта видѣлось нѣчто отвратительное, но извѣстное—вторая имперія. За побѣдой лѣвой былъ мракъ. Нужно было разсвѣтать его; сдѣлать такъ, чтобы за этой побѣдой увидѣли свѣтъ. Диктатура неизвѣстнаго

всего болѣе тревожить воображеніе. Созвать какъ можно скорѣе новое собраніе, передать тотчасъ же Францію въ руки Франціи— вотъ что могло успокоить умы во время борьбы и соединить ихъ въ послѣдствіи. Эта была истинная политика.

Въ то время, какъ мы слушали Мишеля де-Буржа и Жюль-Фавра, поддерживавшаго его, намъ показалось, что въ сосѣдней комнатѣ раздается гулъ, похожій на шумъ голосовъ. Жюль-Фавръ нѣсколько разъ восклицалъ: «Развѣ тамъ есть кто-нибудь?»— «Не можетъ быть, отвѣчали ему:—мы просили Дюранъ-Савойя никого не оставлять здѣсь». И пренія продолжались. Однако же, шумъ голосовъ незамѣтно возрасталъ и, наконецъ, сдѣлался столь явственнымъ, что пришлось посмотрѣть, что такое происходило. Карно пріотворилъ дверь. Комната, примыкавшая къ нашей, также, какъ и передняя, была наполнена представителями, мирно разговаривавшими.

Это насъ удивило; мы призвали Дюранъ-Савойя.

— Вы, значитъ, не поняли насъ? сказалъ ему Мишель де-Буржъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ Дюранъ-Савойя.

— На этотъ домъ можетъ быть обращено вниманіе полиціи, сказалъ Карно.—Мы подвергаемся опасности быть схваченными.

— И разстрѣланными на мѣстѣ, прибавилъ Жюль-Фавръ, улыбаясь спокойной улыбкой.

— Дѣйствительно такъ, отвѣтилъ Дюранъ-Савойя, съ своимъ спокойнымъ взглядомъ, еще болѣе спокойнымъ, нежели улыбка Жюль-Фавра.—Дверь, ведущая въ кабинетъ, который вы занимаете, находится въ темномъ углу и совсѣмъ незамѣтна; поэтому я удержалъ представителей, которые пришли, и разгнѣстилъ ихъ въ гостиной и въ передней, гдѣ они сами хотѣли. Это составляетъ нѣкоторую толпу. Если полиція и войско явятся, я скажу: «Мы здѣсь, на лицо». Насъ возьмутъ. Двери въ кабинетъ не увидать и къ вамъ не проникнуть. Мы распахнемся за васъ. Если имъ нужно будетъ кого-нибудь разстрѣлать, то они удовольствуются нами.

И Дюранъ-Савойя, не подозрѣвая, что это были слова героя, возвратился въ переднюю.

Мы возобновили пренія о декретѣ. Всѣ мы единодушно сознавали необходимость созвать новое собраніе. Но къ какому дню? Луи Бонапартъ назначилъ днемъ плебисцита 20-е декабря. Мы выбрали 21-е. Теперь, какое названіе дать новому собранію? Мишель де-Буржъ настаивалъ на національномъ конвентѣ. Жюль-Фавръ—на учредительномъ собраніи. Карно предложилъ названіе верховнаго собранія, не пробуждавшее никакихъ воспо-

минаній, оставлявшее просторъ всякимъ надеждамъ. Это названіе и было принято.

Декретъ, основныя мотивы котораго Карно набросалъ подъ мою диктовку, редижированъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. — Онъ принадлежалъ къ числу напечатанныхъ и обнародованныхъ.

№ 5.

Декретъ.

Преступленіе Луи Бонапарта налагаетъ на представителей народа, оставшихся на свободѣ, великія обязанности.

Грубая сила старается сдѣлать исполненіе этихъ обязанностей невозможнымъ. Преслѣдуемые, переходящіе изъ одного убѣжища въ другое, убиваемые на улицахъ, республиканскіе представители совѣщаются и дѣйствуютъ, несмотря на гнусную полицію переворота.

Покушеніе Луи Бонапарта, разрушивъ всѣ власти, оставило неприкосновенною только одну власть — верховную власть народа, всеобщую подачу голосовъ.

Самодержавному народу принадлежитъ право собрать и возстановить всѣ общественныя силы, вынѣ разсѣяныя.

На основаніи всего этого, представители народа декретируютъ.

Статья 1. Народъ созывается на 21 декабря 1851 года для избранія Верховнаго Собранія.

Статья 2. Выборы будутъ произведены посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, въ формахъ, установленныхъ декретомъ временнаго правительства отъ 5 марта 1848 г.

Дано въ Парижѣ, въ постоянномъ засѣданіи собранія, 4-го декабря 1851 г.

Едва я успѣлъ подписать этотъ декретъ, какъ Дюранъ-Савайи вошелъ и сказалъ мнѣ на ухо, что какая-то женщина спрашиваетъ меня и ждетъ въ передней. Я вышелъ. Это была г-жа Шарассенъ. Ея мужъ исчезъ. Представитель Шарассенъ, экономистъ, агрономъ, ученый, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и неустрашимый человекъ. Мы видѣли его наканунѣ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Былъ ли онъ арестованъ? Г-жа Шарассенъ пришла спросить меня, не знаемъ ли мы гдѣ онъ? Я не зналъ. Она пошла справиться въ Мазасъ. Какой-то полковникъ, принадлежавшій въ одно и тоже время и къ арміи и къ полиціи, принялъ ее и сказалъ: — Я могу дозволить вамъ видѣться съ вашимъ мужемъ только подъ однимъ условіемъ: — Подъ каминомъ? — Чтобы вы ничего не говорили ему. — Какъ ничего? — Ни о какихъ новостяхъ, ничего политическаго. — Хорошо. — Дайте мнѣ честное слово. — Она отвѣчала: «Какъ вы хотите, чтобы я дала

вамъ честное слово, когда я не повѣрила бы вашему?» Я видѣлся впоследствии съ Шарассеномъ въ изгнаніи.

Г-жа Шарассенъ только что вышла, какъ явился Теодоръ Бакъ. Онъ принесъ намъ протестъ государственнаго совѣта. Вотъ онъ:

Протестъ государственнаго совѣта.

«Нижеподписавшіеся члены государственнаго совѣта, избраные собраніями учредительнымъ и законодательнымъ, собравшись, несмотря на декретъ 2-го декабря, въ мѣсто своихъ засѣданій, и найдя его окруженнымъ вооруженной силой, преградившей имъ доступъ въ него, протестуютъ противъ распущенія государственнаго совѣта и объявляютъ, что они прекратили исполненіе своихъ обязанностей лишь вслѣдствіе насилія.

Парижъ, 3-го декабря 1851 г.» (Слѣдовали 19 подписей).

Разкажемъ, какъ произошла исторія съ государственнымъ совѣтомъ.

Луи Бонапартъ велѣлъ разогнать собраніе войскою, а верховный судъ—полициею. Что же касается до государственнаго совѣта, то разогнать его велѣно было привратнику.

Утромъ 2-го декабря, въ тотъ самый часъ, когда представители правой, собравшіеся у Дарю, отправились отъ него въ мэрію X округа, члены государственнаго совѣта явились въ отель на набережной Орсе. Они вошли по одиночкѣ.

Набережная была занята солдатами. Тамъ расположились биваками полкъ, составивъ ружья въ козлы.

Членовъ государственнаго совѣта набралось вскорѣ до тридцати. Они начали совѣщаться. Былъ изготовленъ проектъ протеста. Въ ту минуту, какъ его хотѣли подписывать, вошелъ привратникъ. Онъ былъ блѣденъ и бормоталъ что-то. Онъ объявилъ, что исполняетъ приказаніе, и просилъ членовъ уйдти.

Тогда нѣкоторые изъ нихъ заявили, что какъ они ни возмущены, но не выставляютъ своихъ именъ рядомъ съ именами республиканцевъ.

Это былъ своего рода способъ повинновенія привратнику.

Г. Бетмонъ, одинъ изъ президентовъ государственнаго совѣта, предложилъ свой домъ. Онъ жилъ въ улицѣ Сентъ-Роменъ. Республиканскіе члены отправились туда и безъ преній подписали приведенный выше протестъ.

Нѣкоторые члены, жившіе въ отдаленныхъ кварталахъ, не могли явиться на засѣданіе. Младшій изъ членовъ государственнаго совѣта, человекъ твердаго характера и благороднаго образа мыслей, г. Эдуардъ Шартонъ, взялся снести протестъ отсутствовавшимъ. Онъ исполнилъ это, но не безъ опасностей; не найдя

экипажа, онъ пошелъ пѣшкомъ; его остановили солдаты, грозя обыскать. Но онъ, однако, посѣтилъ нѣкоторыхъ членовъ. Многіе подписали протестъ. Понсъ де л'Эро—рѣшительно, Кормененъ—въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, Буде—послѣ нѣкотораго колебанія. Буде дрожалъ. Семейство его боялось; въ открытыя окна слышалась пушечная пальба. Шартонъ, спокойный и мужественный, сказалъ: — ваши друзья, Вивьенъ, Риве и Штурмъ подписали. Буде подписалъ.

Многіе отказались; тотъ сослался на свои преклонныя лѣта, другой на *res augusta domi*, третій «боялся, что онъ окажетъ этимъ услугу краснымъ». — Сказали бы, что просто боитесь, возвращать Шартонъ.

На другой день, 3-го, Вивьенъ и Бетмонъ снесли протестъ къ Буле-де-ла-Мёртъ, вице-президенту республики, и президенту государственнаго совѣта, который принялъ ихъ въ халатъ и закричалъ имъ: «Уйдите, уйдите!.. Губите себя, но безъ меня.

Утромъ 4-го, Кормененъ вычеркнулъ свою подпись, подъ тѣмъ неслыханнымъ предлогомъ, что слово «бывшій» членъ государственнаго совѣта, выставленное на книгѣ, произведетъ дурной эффектъ, и что онъ «боятся повредить этимъ своему издателью». Это его подлинное выраженіе.

Еще одна характеристическая подробность.

Г. Бегизъ, утромъ 2-го, пришелъ въ ту минуту, когда редижировали протестъ. Онъ пріотворилъ дверь. Около двери стоялъ Готье де-Рюмильи, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и заслуживающихъ уваженія членовъ государственнаго совѣта. Бегизъ спросилъ Готье де-Рюмильи:—Что такое дѣлается? Вѣдь это преступленіе. Что мы предпримемъ? Готье де-Рюмильи отвѣчалъ: «Протестуемъ». При этихъ словахъ Бегизъ затворилъ дверь и исчезъ.

Онъ появился опять, во время имперіи—министрами.

III.

ВНУТРИ ЕЛИСЕЙСКАГО ДВОРЦА.

Въ это утро, докторъ Иванъ встрѣтился съ докторомъ Конно. Они были знакомы и разговаривались. Иванъ принадлежалъ къ лѣвой, Конно—къ елисейцамъ. Иванъ узналъ отъ Конно и передалъ нѣкоторыя подробности о томъ, что происходило ночью въ Елисейскомъ дворцѣ. Вотъ одна изъ нихъ.

Намѣревались обнародовать безошадный декретъ, повелѣвав-

шій всё́мъ подчиниться перевороту. Декретъ этотъ редактировалъ С. Арно, который, въ качествѣ военнаго министра, долженъ былъ подписать его. Дошли до послѣдняго параграфа, заключающаго въ себѣ слѣдующія слова: «Каждый, кого застанутъ строящимъ баррикаду, наклеивающимъ прокламацію бывшихъ представителей, или читающимъ ее, будетъ...» Здѣсь С. Арно остановился. Морни пожалъ плечами, вырвалъ у него изъ рукъ перо и написалъ:—*разстрѣлять*.

Рѣшены были и другія мѣры, но о нихъ ничего не было извѣстно.

Къ этимъ свѣдѣніямъ присоединились еще различныя.

Одинъ національный гвардеецъ, по имени Буалле де-Доль, стоялъ въ караулѣ съ 3-го на 4-ое въ Елисейскомъ дворцѣ. Въ кабинетѣ Луи Бонапарта, находившемся въ нижнемъ этажѣ, окна были освѣщены всю ночь. Въ сосѣдней комнатѣ происходилъ военный совѣтъ; Буалле, съ своего поста, видѣлъ въ окнахъ темные профили, жестикующавшія тѣни; это были Маньянъ, С. Арно, Персиныи, Флѣри—привидѣнія преступленія.

Туда были вызваны: Кортъ, кирассирскій генералъ, и Карелле, командовавшая дивизіей, которая наиболѣе работала на другой день, 4-го. Съ полуночи до трехъ часовъ утра, генералы и полковники «то и дѣло приходили и уходили». Являлись даже простые капитаны. Около четырехъ часовъ, подъѣхало нѣсколько каретъ, «съ женщинами». Оргія была неразлучна съ этимъ измѣнническимъ дѣломъ. Будуарь во дворцахъ и лупанарій въ казармахъ шли рука объ руку.

Дворъ былъ наполненъ уланами, державшими подъ уздцы лошадей совѣщавшихся генераловъ.

Двѣ женщины изъ пріѣхавшихъ туда въ эту ночь, до нѣкоторой степени, принадлежатъ исторіи. На вторыхъ планахъ бывають такіе силуэты. Эти женщины имѣли вліяніе на несчастныхъ генераловъ. Обѣ принадлежали къ большому свѣту. Одна была маркиза ***, съ которой произошло такое обстоятельство, что она сперва обманула своего мужа, а потомъ влюбилась въ него. Она увѣрилась, что мужъ былъ надежнѣе любовника. Это случается. Она была дочь маршала Франціи, извѣстнаго оригинала, и той хорошенькой графини ***, которой Шатобрианъ, послѣ ночи, проведенной въ ея объятіяхъ, написалъ слѣдующее четверостишіе. Его можно привести, такъ какъ всѣ уже умерли.

Des rayons du matin l'horizon se colore,
Le jour vient éclairer notre tendre entretien,
Mais est-il un sourire aux lèvres de l'aurore
Aussi doux que le tien?

Дочь обладала столь же прелестной улыбкой, какъ и мать;

но вліаніе этой улыбки было пагубнѣе. Другая женщина была К., русская; была, высокая, блондура, веселая, участвовавшая въ темныхъ дипломатическихъ интригахъ, показывавшая шутку, выполненную любовными письмами г. Моле, немощно шпиона, вполне обольстительная и ужасная.

Предосторожности, принятія на случай, замѣчались даже извнѣ. Еще наканунѣ, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ можно было видѣть во дворѣ Елисейскаго двора двѣ запряженныя, почтовыхъ кареты, готовыхъ къ отъѣзду, съ кучерами на козлахъ.

Въ елисейскихъ конюшняхъ, въ улицѣ Монтенъ, стояло еще нѣсколько заложенныхъ экипажей и осѣдланыхъ лошадей.

Луи Бонапартъ не спалъ. Всю ночь онъ отдавалъ какинъ-то таинственныя приказанія; и потому на этомъ блѣдномъ лицѣ читалась, по утру, какая-то ужасающая ясность.

Успокоившееся преступленіе—вещь, посылающая тревогу.

Въ это утро—онъ почти смѣлся. Морни входилъ въ его кабинетъ. Луи Бонапартъ, чувствуя лихорадку, призывалъ Конно, который присутствовалъ при ихъ разговорѣ.

Морни принесъ донесенія полиціи. Двѣнадцать работниковъ національной типографіи отказались, въ ночь 2-го сентября, печатать декреты и прокламаціи. Ихъ немедленно арестовали. Полковникъ Форестье былъ арестованъ. Его перевезли въ фортъ Бисетръ, вмѣстѣ съ Кроче-Спиналли, Женилье, Ипполитомъ Мажаномъ, мужественнымъ и даровитымъ писателемъ, Гудунешемъ и Полино. Это послѣднее имя поразило Луи Бонапарта. «Что это за Полино?» — «Онъ былъ офицеромъ на службѣ у персидскаго Шаха» отвѣчалъ Морни. И прибавилъ: «Смѣсь Донъ-Кихота и Санчо-Пансы». Этыхъ арестантовъ посадили въ казематъ № 6. Новый вопросъ Луи Бонапарта: «Что это за казематы?» Морни отвѣчалъ: «Подвалы, безъ свѣта и воздуха, въ двадцать четыре метра длины, восемь ширины, пять вышины, съ мокрыми стѣнами и сырмъ поломъ». Луи Бонапартъ спросилъ: «Кладутъ ли имъ хоть соломы?» Морни сказалъ: «Пока еще нѣтъ. Потомъ увидимъ». Онъ прибавилъ: «Тѣ, которыхъ сошлютъ — въ Бисетръ; а которыхъ разстрѣляютъ — въ Иври.»

Луи Бонапартъ освѣдомился о принятыхъ предосторожностяхъ. Морни вполне успокоилъ его на этотъ счетъ. Онъ сообщалъ ему, что на всѣхъ колокольняхъ поставлены сторожѣ; что всѣ печатные станки залочены; что всѣ барабаны національной гвардіи подъ ключемъ; и что, слѣдовательно, нечего было бояться. Ни одна типографія не выпуститъ прокламаціи; ни въ одной мэрии не пробьютъ сбора; ни на одной колокольнѣ не ударятъ въ набатъ.

Луи Бонапартъ спросилъ: всѣ ли батареи въ полномъ комплекте? напомнивъ, что каждая должна была состоять изъ четырехъ пушекъ и двухъ гаубицъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы употребляли въ дѣло только пушки, имѣющія восемь, а гаубицы—шестнадцать центиметровъ въ диаметръ.

— Это правда, сказалъ Морни, который былъ посвященъ въ тайну.—Всему этому завтра будетъ много работы.

Потомъ Морни говорилъ о Мазасѣ, что тамъ на дворѣ находилось 600 человѣкъ республиканскихъ гвардейцевъ; все народъ отборный, который, если на него нападутъ, будетъ защищаться до послѣдней крайности; что солдаты принимаютъ арестованныхъ представителей съ дохотомъ, и что они приходили смотрѣть на Тьера «прямо подъ носъ ему»; что офицеры удаляли солдатъ, но мягко, съ «нѣкоторою почтительностью»; что трое арестованныхъ были посажены въ «секретную»: Гренпо, Надо, и членъ социалистскаго комитета Арсенъ Мённе. Послѣдній занималъ 32 №, въ шестомъ отдѣленіи. Рядомъ съ нимъ, въ № 30, сидѣлъ одинъ представитель правой, который все кричалъ и стоналъ, что забавляло Арсена Мённе, и разсмѣшило Луи Бонапарта. Еще подробность: фіакръ, въ которомъ привезли Ваза, въѣзжая на дворъ Мазаса, ударился о ворота; при этомъ фонарь, упавъ на землю, разбился. Кучеръ сталъ сокрушаться объ убитѣхъ. «Кто мнѣ заплатитъ за это?» вскричалъ онъ. Одинъ изъ агентовъ, сидѣвшій въ фіакрѣ, вмѣстѣ съ арестованнымъ квесторомъ, сказалъ кучеру: «Не безпокойтесь; поговорите съ ефрейторомъ. Когда въ такомъ дѣлѣ «бываетъ битая посуда», (quand il y a de la casse), то платитъ правительство.

Бонапартъ улыбнулся и произнесъ: «Это правда».

Другой рассказъ Морни также насмѣшилъ его.—Это былъ рассказъ о гнѣвѣ Кавеньяка, когда онъ вошелъ въ казематъ Мазаса. Въ двери каждаго каземата пробито окошечко, въ которое наблюдаютъ за арестантами, незамѣтно для нихъ. Осторожа слѣдили за Кавеньякомъ. Сначала, онъ ходилъ взадъ и впередъ, скрестивъ руки; но такъ какъ комната невелика, то вскорѣ присѣлъ на скамейку. Эти тюремныя скамейки ничто иное, какъ узенькая доска на трехъ ножкахъ, соединяющихся въ одной точкѣ, и которыя, проходя сквозь доску, въ серединѣ ея, образуютъ бугорокъ, такъ что сидѣть на ней очень неудобно. Кавеньякъ всочилъ и ногой отшвырнулъ скамейку въ другой уголъ комнаты. Потомъ, въ ярости, съ бранью разбилъ кулакомъ маленькій столикъ, который, вмѣстѣ съ скамейкой, составляетъ единственную тюремную мебель.

Этотъ пинтокъ и этотъ ударъ кулакомъ очень развеселили Луи Бонапарта.

— А Монъ все боится, сказалъ Морни.

Бонапартъ опять разсмѣялся.

Морни послѣ своего разсказа ушелъ. Луи Бонапартъ направился въ сосѣднюю комнату. Тамъ ждала его женщина. Повидному, она пришла просить за когонибудь. Докторъ Конве слышалъ слѣдующія характеристическія слова: «Я извиняю вамъ ваши привязанности. Извините мнѣ мои ненависти.»

IV.

Домашніе люди.

Мериме былъ визомъ отъ природы. Не надо за это претендовать на него.

Что касается до Морни—это другое дѣло; онъ больше стоялъ. Въ немъ было что-то разбойническое.

Морни обладалъ мужествомъ. Разбойничество обязываетъ.

Мериме лгалъ, выдавая себя за одного изъ лицъ, посвященныхъ въ тайну переворота. А вѣдь казалось бы, что тутъ нѣтъ чѣмъ хвалиться.

Но дѣло въ томъ, что ни въ какія тайны его не посвящали. Луи Бонапартъ не любилъ бесполезно довѣряться.

Прибавимъ, что едва-ли Мериме, въ эпоху 2-го декабря, состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ, хотя, по нѣкоторымъ признакамъ, можно бы думать противное. Обвиненіе произошло уже позже; сначала Мериме зналъ только Морни.

Морни и Мериме принадлежали оба къ интимному кружку Елисейскаго дворца; но различно. Можно вѣрить Морни, но не Мериме. Морни былъ посвященъ въ крупныя тайны, Мериме—въ маленькія. Любовная интрига—вотъ его настоящее призваніе.

Домашніе люди въ Елисейскомъ дворцѣ были двухъ родовъ: приближенные и льстецы. Первымъ изъ приближенныхъ былъ Морни; первымъ, или послѣднимъ изъ льстецовъ былъ Мериме.

Карьеру Мериме сдѣлало вотъ что:

Преступленія красивы только въ первую минуту; они скоро блекнутъ. Этому роду успѣха недостаетъ прочности. Надо скорѣй прибавить къ нему чтонибудь.

Елисейскій дворецъ нуждался въ литературномъ украшеніи.

Нѣкоторый академическій отгѣнокъ не вредитъ вертопу. Мерме былъ не занятъ. Ему было на роду суждено подписываться: «шутъ императрицы». Г-жа Монтихо представила его Луи Бонапарту, который благосклонно принялъ его и пополнилъ дворъ свой этимъ плоскимъ талантливимъ писателемъ.

Этотъ дворъ представлялъ изъ себя коллекцію; этажерка книгъ; звѣринецъ пресмыкающихся; гербарій ядовъ.

Кромѣ приближенныхъ, которые несли службу, и придворныхъ, которые служили украшеніемъ, были еще помощники.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалось подкрѣпленіе. Иногда это были женщины, «Летучій эскадронъ»; иногда мужчины: С. Арно, Эспинассъ, С. Жоржъ, Мопа. Иногда, ни женщины, ни мужчины: Маркизъ С...

Антуражъ замѣчательный. Скажемъ о немъ два слова.

Тутъ былъ Вьельяръ—наставникъ, атенсъ съ католическимъ отгѣнкомъ, отличный игрокъ на бильярдѣ. Вьельяръ былъ рассказчикъ. Онъ съ улыбкой рассказывалъ слѣдующее: Въ концѣ 1807 года, королева Гортензія, любившая всегда жить въ Парижѣ, писала королю Людовику, что она не можетъ болѣе оставаться въ разлуку съ нимъ; что она чувствуетъ неодолимое желаніе видѣть его, и прійдетъ въ Гагу. Король сказалъ: «Она беременна». Онъ призвалъ своего министра Ванъ-Маанена, показалъ ему письмо королевы, и прибавилъ: «она скоро явится. Пусть такъ. Наши комнаты рядомъ. Дверь, посредствомъ которой онѣ сообщаются, королева найдетъ заколоченной». Людовикъ, какъ видно, смотрѣлъ на свою королевскую мантію серьезно, потому что воскликнулъ: «Мантія короля не должна служить одѣломъ для проститутки». Министръ Ванъ-Мааненъ пришелъ въ ужасъ и сообщилъ обо всемъ императору. Императоръ прогнѣвался—не на Гортензію, а на Людовика. Но Людовикъ не сдался. Дверь хотя и не была заколочена, но король остался непреклоненъ, и когда королева прійхала, повернулся къ ней спиной. Это не помѣшало Наполеону III родиться. Приличное число пушечныхъ выстрѣловъ привѣтствовало это рожденіе.

Такова была исторія, которую лѣтомъ 1840 г., въ Сенъ-Дѣ-Таверни, въ домѣ, называемомъ La Terrasse, при свидѣтеляхъ, и между прочимъ при Фердинандѣ В., и маркизѣ де-ла Л., товарищѣ дѣтства автора этой книги, рассказывалъ Вьельяръ, прощескій бонапартистъ, преданный скептикъ.

Кромѣ Вьельяра, былъ Водрей, котораго Луи Бонапартъ прозвалъ въ генералы одновременно съ Эспинассоиъ, на всѣхъ

случай. Полковникъ заговорщикъ можетъ быть генераломъ между устроителями западни.

Быль Фіаленъ—герцогъ-капраль; быль Флёрн, карьера котораго известна, быль Лакроссъ, либераль, превратившійся въ клерикала; одинъ изъ тѣхъ консерваторовъ, которыхъ любовь къ порядку доводитъ до состоянія муми. Впослѣдствіи сенаторъ.

Потомъ Лараби, другъ Лакросса, такой же лакей, и такой же сенаторъ. Каноникъ Бокро, аббатъ корабля la Belle Poule. Известенъ его отвѣтъ одной княгинѣ, спрашивавшей у него: «что такое Елисейскій дворецъ?» Какъ видно, княгинямъ можно говорить то, чего не скажешь просто женщинамъ.

Потомъ Ипполитъ Фурту изъ породы «лазуновъ», которые куда угодно вскарабкаются. Писака, одинаковой пробы съ Грставомъ Планшемъ или Филаретомъ Шалемъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи морскимъ министромъ; что заставило Веранже сказать про него: «Этому Фурту всѣ ячты знакомы; даже и тѣ, на которыя вѣлѣзаетъ за призомъ на ярмаркахъ».

Было тамъ и двое Овернецевъ. Они ненавидѣли другъ друга. Одинъ прозвалъ другого меланхолическимъ мѣдникомъ¹.

Быль Сент-Бёвъ; человекъ порядочный, но завистливый, что простительно безобразію. Столь же великій критикъ, какъ Кузень великій философъ.

Затѣмъ Тролонъ (Trolong). Дюпенъ былъ у него прокуроромъ, а онъ былъ у Дюпена президентомъ. Дюпенъ, Тролонъ, два профиля маски, надѣтой на лицо закона.

Затѣмъ Аббатуччи. Покладистая совѣсть. Теперь проѣзжій шляхъ.

Аббатъ М., впослѣдствіи епископъ въ Нанси, подчеркивавшій съ улыбкой клятвы Дун Бонапарта.

Были тутъ также постоянные засѣдатели одной знаменитой оперной ложы, Montg... и Sept... предложившіе къ услугамъ неразборчиваго принца серьезную сторону легкомысленныхъ людей.

Быль Ромьё. Силуэтъ пьяницы повади краснаго приврака. Малитурнъ, недурной другъ, развратный и искренній. Cuch... имя котораго прислуга колебалась докладывать, при входѣ его въ салонъ. Сюень, человекъ, могущій подать хорошей совѣтъ въ дурномъ дѣлѣ. Докторъ Веронъ, который носилъ на щекѣ своей то, что другіе елисейцы носили въ сердцахъ. Мокаръ, бывшій красавецъ и любезникъ при голландскомъ дворѣ. Въ воспоминаніяхъ у Мокара были романсы. Онъ могъ, по своимъ лѣтамъ,

¹ Фамилія его была Шоуронне:—Ouaufrounter по французски значить «лѣдникъ».

но другими причинами, быть отцомъ Луи Бонапарта. Онъ былъ адвокатъ. Въ 1829 г., онъ также, какъ и Ромьё, былъ не глухъ. Позже, онъ что-то такое издалъ, а уже не помню теперь что именно, но нѣчто торжественное и напечатанное in quarto. Онъ мнѣ прислалъ тогда свою книгу. Это онъ, въ 1847 г. принесъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ княземъ de la Mossova, петицію, поданную королемъ Жеромомъ въ палату перовъ, и требовавшую возвращенія во Францію изгнаннаго семейства Бонапартовъ. Я поддерживалъ ее: ошибка и доброе дѣло, которыя я и теперь сдѣлалъ бы снова.

Былъ также Бильо, подобіе оратора, имѣвшій даръ легко разглагольствовать и ошибавшійся съ видомъ авторитета. Онъ считался государственнымъ человѣкомъ. Государственный чело-вѣкъ—это какаля-то особаго рода посредственность.

Былъ Лавалеттъ, дополнившій Морни и Валевскаго.

Былъ Ваччиоки... и еще другіе.

Повинуясь внушеніямъ этикъ-то приближенныхъ, Луи Бонапартъ—нѣчто въ родѣ голландскаго Макіавелли—посыпалъ во время своего президентства палату и другія мѣста, разбѣсжалъ въ Туръ, въ Гамъ, въ Дижонъ, произносилъ съ соннымъ видомъ и въ носъ предательскія рѣчи.

Какъ ни жалокъ этотъ Елисейскій дворецъ, но онъ занимаетъ мѣсто въ исторіи. Онъ породилъ и катастрофы, и много смѣшныхъ вещей. Ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Елисейскій дворецъ — это былъ мрачный, внушавшій постоянныя опасенія уголокъ Парижа. Это дурное мѣсто представляло скопище маленькихъ и опасныхъ людей; карликовъ, чувствовавшихъ себя тамъ въ своей семьѣ. У нихъ было одно правило — наслаждаться. Тамъ жили смертью; тамъ дышали срамомъ, пытались тѣмъ, что убиваетъ другихъ. Тамъ созидалось намѣренно съ искусствомъ, съ расчетомъ, умаленіе Франціи. Тамъ работали продажные, угодливые, пресыщенные, публичные дѣятели—читай: развратники. Тамъ, какъ мы уже говорили, занимались литературой. Вьельяръ былъ классикъ 1830 г., Морни написалъ водевилъ «Шуфлѣри», Луи Бонапартъ былъ кандидатомъ въ академию. Странное мѣсто! Помѣсь отеля Рамбуль съ домомъ Ванкаля. Елисейскій дворецъ былъ лабораторіей, конторой, исповѣдальней, альковомъ, вертепомъ царствованія. Онъ имѣлъ претензію управлять всѣмъ, даже правами, въ особенности правами. Онъ заставлялъ женщины бѣдиться и мужчинъ краснѣть. Онъ давалъ тонъ туалету и музыкѣ. Онъ изобрѣлъ кринолины и оперетку. Въ Елисейскомъ дворцѣ нѣкоторое безобразіе счита-

такою за элегантность; то, что сообщает лицу гордое выражение, что возвышает душу—осмѣивалось. Тамъ было оплевано *«ov homini sublime dedit»*; тамъ въ теченіе двадцати лѣтъ было въ модѣ все низкое—и между прочимъ низкіе лбы.

Исторія, какова бы ни была ея гордость, осуждена знать, что Елисейскій дворецъ существовалъ. Карикатурная сторона не мѣшаетъ трагической. Въ немъ есть залъ, видѣвшій вторичное отреченіе — отреченіе послѣ Ватерлоо. Въ Елисейскомъ дворцѣ кончилъ Наполеонъ I и началъ Наполеонъ III. Въ Елисейскомъ дворцѣ Дюпенъ предсталъ передъ обоими Наполеонами, въ 1815 г. для того, чтобы изложить великаго, и въ 1851 для того, чтобы обоготворить маленькаго. Въ эту послѣднюю эпоху, здѣсь было очень мрачно. Не оставалось ни одной добродѣтели. При дворѣ Тиверіа еще былъ Тразаа, вокругъ Бонапарта — никого. Ищешь совѣсти — находишь Бароша; ищешь религіи — находишь Монталамбера.

V.

НЕРВЪШТЕЛЬНЫЙ ПОСОВНИКЪ.

Въ это страшно-историческое утро 4-го декабря, окружающіе наблюдали за своимъ господиномъ. Луи Бонапартъ заперся; но запереться, это уже нѣкоторымъ образомъ обнаружить себя. Кто заперся, тотъ размышляетъ; а для такихъ людей размышлять, значить обдумывать. Что могъ обдумывать Луи Бонапартъ? Что было у него на умѣ? Вопросъ, съ которымъ всѣ обращались другъ къ другу, за исключеніемъ двоихъ: Морни — совѣтника и С. Арно — исполнителя.

Луи Бонапартъ имѣлъ претензію—и она оправдалась — разпознавать людей. Онъ хвалился этимъ и, съ извѣстной точкой зрѣнія, былъ правъ. У иныхъ есть даръ провидѣнія; у него было чутьѣ. Это слотское свойство, но оно не обманываетъ.

Онъ, конечно, не ошибся въ Мона. Для того, чтобы выкрасть законъ, ему нуженъ былъ поддѣльный ключъ. Онъ взялъ Мона. Никакая отмычка не могла съ нимъ сравниться. Онъ не ошибся и въ К. В. Онъ тотчасъ понялъ, что у этого солиднаго человѣка есть всѣ данныя для того, чтобы немедленно превратиться въ негодяя. И дѣйствительно, вопиравъ и подписавъ низложеніе въ мэріи X округа, онъ сдѣлался однимъ изъ трехъ докладчиковъ смѣшанныхъ комиссій; и, въ ужасномъ

итоги, подведенномъ исторіей, на его долю приходится 1,634 жертвы!

Иногда, однакоже, Луи Бонапартъ ошибался; такъ, напримеръ, онъ ошибся въ Поже. Поже, хотя и былъ выбранъ имъ, но остался честнымъ человѣкомъ. Луи Бонапартъ, опасаясь работниковъ національной типографіи, и не безъ основанія, потому что двѣнадцать человѣкъ, какъ мы видѣли, отказались повиноваться, придумалъ на всякій случай вспомогательное отдѣленіе, съ печатной машиной и съ ручнымъ станкомъ, — нѣчто въ родѣ государственной под-типографіи, состоявшей изъ восьми работниковъ и помѣщавшейся въ Люксамбургѣ. Завѣдующимъ этой типографіей онъ сдѣлалъ Поже. Когда настала часть преступленія, когда нужно было печатать гнусныя афиши, онъ сталъ выѣздить у Поже его мѣніе. Поже былъ возмущенъ. Тогда онъ обратился къ Сен-Жоржу, въ которомъ нашелъ лавка.

Онъ менѣе ошибся, но все же ошибся и въ Х.

2-го декабря Х., пособникъ, котораго Морни считалъ необходимымъ, очень безповинъ Луи Бонапарта.

Ему было сорокъ четыре года; онъ любилъ женщинъ и хотѣлъ сдѣлать карьеру. Отсюда его неразборчивость на средства. Онъ началъ свое поприще въ Африкѣ, подъ начальствомъ полковника Комба, въ 47-мъ армейскомъ полку. Онъ выказалъ храбрость при Константинѣ. Въ Заачѣ онъ выручилъ Эрбильона; осада, дурно начатая Эрбильономъ, кончилась хорошо, благодаря ему. Х., маленький, привезистый, съ головой, ушедшей въ зюлеты, отважный, былъ отличнымъ бригаднымъ командиромъ. Въ его карьерѣ было четыре ступени: Бюжо, потомъ Ламорисьеръ, потомъ Кавеньякъ, потомъ Шангарнье. Въ Парижѣ, въ 1851 г., онъ видѣлся съ Ламорисьеромъ и Шангарнье. Первый обомлелъ съ нимъ холодно, второй — лучше. Онъ вышелъ изъ Сатори въ негодованіи. Онъ кричалъ: «Нужно покончить съ этимъ Луи Бонапартомъ. Онъ развращаетъ армію. Эти пьяные солдаты возмущаютъ душу. Я возвращусь въ Африку». Въ октябрь, Шангарнье уже не былъ въ силѣ и энтузіазмъ Х. охладѣлъ. Онъ сталъ посѣщать Египетскій Дворецъ, но не отдавался. Онъ далъ слово генералу Бедо, который рассчитывалъ на него. 2-го декабря на разсвѣтѣ, кто-то разбудилъ Х. Это былъ Эдгаръ Ней. Х. былъ бы точкой опоры для переворота, но согласится ли онъ? Эдгаръ Ней объяснилъ ему событіе и оставилъ его не прежде, какъ увидѣвъ, что онъ выступилъ во главѣ 1-го полка, изъ казармы Зеленой Улицы. Х. долженъ былъ занять позицію на площади Мадленъ. Когда онъ подѣзжалъ къ ней, Ларош-

Жакленъ, вытѣсненный изъ палаты вооруженной силой, проходилъ черезъ площадь Ларошжакленъ, еще не сдѣлавшійся бонапартистомъ, былъ въ ярости... Увидѣвъ Х., своего стараго товарища по военной школѣ въ 1830 г., и съ которымъ онъ былъ на ты, онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Это гнусность. Ты что дѣлаешь?»—«Я жду», отвѣчалъ Х. Ларошжакленъ оставилъ его. Х. слѣвъ съ лошади и пошелъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, члену государственнаго совѣта Р., жившему въ улицѣ Скаротъ. Онъ сталъ съ нимъ совѣтоваться. Р., честный человекъ, не колебался. Онъ отвѣчалъ: «Я отправляюсь въ государственный совѣтъ, чтобъ исполнить свой долгъ. Это преступленіе». Х. покачалъ головой, и сказалъ: «Надо посмотрѣть».

Это я жду и надо посмотрѣть озабочивали Луи Бонапарта. Моринъ сказалъ: «Пусть въ ходъ летучій эскадронъ».

VI.

Денисъ Дюссубъ.

Гастонъ Дюссубъ былъ одинъ изъ самыхъ мужественныхъ членовъ лѣвой. Онъ былъ представитель департамента Верхней Вьенны. Въ первое время своего присутствія въ собраніи онъ носилъ, какъ бывало Теофиль Готье, красный жилетъ. Какъ жилетъ Теофиля Готье приводилъ въ содроганіе классиковъ 1830 г., такъ жилетъ Дюссуба приводилъ въ содроганіе роялистовъ 1851 г. Г-ну Паризису, епископу Лангрескому, котораго не испугала бы красная шляпа, красный жилетъ Дюссуба внушалъ ужасъ. Другой причиной ужаса правыхъ было то, что Дюссубъ, по слухамъ, провелъ три года въ Вель-Илгъ, какъ политическій арестантъ, подвергшійся наказанію за «Лиможское дѣло». Оттуда, стало быть, всеобщая подача голосовъ и прислала его въ собраніе. Попасть изъ тюрьмы въ сенатъ, обстоятельство во все не удивительное въ наши измѣнчивыя времена, и которе иногда дополняется такъ: возвратиться изъ сената въ тюрьму; но дѣло въ томъ, что правая ошибалась; Лиможскій осужденный былъ не Гастонъ Дюссубъ, а братъ его, Денисъ. Но все таки Гастонъ Дюссубъ казался страшень. Онъ былъ остроумень, мужественъ и кротокъ.

Лѣтомъ 1851 г., а ежедневно ходилъ въ Консержеріи обѣдать съ двумя сыновьями своими и двумя друзьями, сидѣвшими въ тюрьмѣ, эти великія сердца и замѣчательные умы, Ваكري, Мёртосъ, Шарль

и Франсуа Викторъ привлекали къ себѣ подобныя имъ; и въ этомъ полумракѣ, за желѣзными рѣшотками, собирались вокругъ маленькаго семейнаго стола, для дружеской бесѣды, краснорѣчивые ораторы, какъ наприимѣръ, Кремьё, и энергическіе, увлекательные писатели, какъ наприимѣръ, Пейрра.

Однажды Мишель де-Буржъ привелъ къ намъ Гастона Дюсуба.

Гастонъ жилъ въ Сен Жерменскомъ Предмѣстьѣ, по сосѣдству съ собраніемъ. 2-го декабря мы не видѣли его на сходѣ. Онъ занемогъ и лежалъ, «пригвожденный, какъ онъ писалъ мнѣ, членистымъ ревматизмомъ».

У него былъ братъ моложе его, и котораго мы сейчасъ называли, Денисъ Дюсубъ. Утромъ 21-го, этотъ братъ пришелъ его навѣстить.

Гастонъ узналъ о переворотѣ и былъ въ отчаяніи, что болевныя удерживала его въ постели. Онъ вскричалъ:

- Я обезпеченъ. На баррикадахъ не будетъ моего шарфа.
- Нѣтъ, сказалъ ему братъ:—онъ будетъ тамъ.
- Какимъ образомъ?
- Одолжи мнѣ его.
- Возьми.

Денисъ взялъ шарфъ Гастона и ушелъ. Мы еще встрѣтимъ Дениса Дюсуба.

VII.

Свѣденія и встрѣчи.

Ламорисьеръ, въ это самое утро, нашелъ средство доставить мнѣ, черезъ г-жу Курбоннъ, слѣдующія свѣденія:

«Фортъ Гамъ. Фамилія коменданта—Бодо. Онъ назначенъ на этотъ постъ въ 1848 году Кавеньякомъ; приказъ объ его назначеніи скрѣпилъ своей подписью Шаррасъ. Оба теперь его арестанты. Полицейскій комиссаръ, посланный Морни въ мѣстечко Гамъ для наблюденія за узниками и тюремщикомъ, называется Дюфоръ де-Пульякъ».

Я подумалъ, получивъ это свѣденіе, что «тюремщикъ» Бодо самъ способствовалъ столь быстрой доставкѣ его. Признакъ разшатанности центральной власти.

Ламорисьеръ, тѣмъ же путемъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторые подробности о своемъ арестованіи и объ арестованіи другихъ генераловъ, его товарищей.

Эти подробности служат дополненіемъ тѣхъ, которыя я привелъ уже.

Генералы были всѣ арестованы одновременно, на ихъ квартирахъ, почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Повсюду дома были окружены, двери отперты хитростью или выломаны силой; превратниковъ обманывали, иногда вязали; повсюду являлись переодѣтые люди, снабженные веревками, вооруженные топорами. Ночное насилие, прерванный сонъ. У Ламорисьера, по его собственнымъ словамъ, сонъ былъ крѣпокъ. Какъ бы ни стучали и ни шумѣли въ дверяхъ — онъ не проснулся. Его слуга, преданный отставной солдатъ, нарочно говорилъ громко и кричалъ, чтобъ разбудить генерала. Онъ даже вступилъ въ борьбу съ городскими сержантами. Одинъ полицейскій агентъ нанесъ ему ударъ шпагой и прокололъ колѣно. Впослѣдствіи, ногу пришлось отпилить. Генерала разбудили, схватили и увезли.

Пробѣжая по набережной Malaquais, Ламорисьеръ увидѣлъ войска, дефилировавшія въ рванцахъ. Онъ быстро нагнулся къ окну кареты. Полицейскій комиссаръ, сопровождавшій его, подумалъ, что онъ хочетъ обратиться къ солдатамъ съ рѣчью. Этотъ человѣкъ схватилъ генерала за руку и сказалъ ему: — Генераль, если вы скажете слово, я употреблю въ дѣло вотъ это... И другой рукой онъ показалъ генералу въ темнотѣ нѣчто въ родѣ намордника.

Всѣхъ арестованныхъ генераловъ препроводили въ Мазасъ. Тамъ ихъ заперли и забыли. Въ восемь часовъ вечера, генераль Шангарнь еще ничего не ѣлъ.

Минута арестованія была тяжелая для полицейскихъ комиссаровъ. Имъ пришлось наглотаться не мало стыда. Кавеньякъ, Лефло, Шангарнь, Бедо и Ламорисьеръ точно также не пощадилъ ихъ, какъ и Шаррасъ. Въ минуту отъѣзда, у Кавеньяка было при себѣ нѣсколько денегъ. Прежде чѣмъ положить ихъ въ карманъ, онъ спросилъ арестовавшаго его комиссара Колена: «Будутъ ли эти деньги цѣлы?» Комиссаръ воскликнулъ: «Что же вы предполагаете, генераль?»

— Кто мнѣ поручится, что вы не мошенники? возразилъ Кавеньякъ. Въ то же самое время, почти въ ту же самую минуту, Шаррасъ говорилъ полицейскому, Куртелю. «Почему я знаю, что вы не карманники?»

Нѣсколько дней спустя, всѣ эти негодяи получили почетнаго легіона.

Этимъ самымъ крестомъ, которымъ послѣ 2-го декабря, послѣдній Бонапартъ награждалъ полицейскихъ, первый Наполеонъ украсилъ знамена великой арміи, послѣ Аустерлица.

Я передалъ эти подробности комитету. Донесенія получались со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя касались печати. Съ утра 2-го декабря, къ прессѣ стали относиться съ солдатской грубостью. Серрьеръ, мужественный типографщикъ, пришелъ сообщить намъ, что происходило въ типографіи газеты «*Presse*». Серрьеръ печаталъ двѣ газеты, «*la Presse*» и «*l'Avènement du peuple*». Последняя была преобразована изъ «*Evénement*», прекращенной по суду. 2-го, въ восемь часовъ вечера, въ типографію вторглись 28 человѣкъ солдатъ республиканской гвардіи, подъ начальствомъ поручика Папъ (впоследствии получившаго за это крестъ). Этотъ человѣкъ передалъ Серрьеру запрещеніе что-либо печатать, подписанное: «*Нюссъ*». Полицейскій комиссаръ сопровождалъ поручика Папъ. Этотъ комиссаръ предъявилъ Серрьеру «декретъ президента республики», запрещавшій газету «*Avènement du peuple*». Потомъ поставили ко всѣмъ дверямъ часовыхъ. Работники хотѣли противиться. Одинъ изъ наборщиковъ сказалъ солдатамъ: «А мы все-таки будемъ печатать, несмотря на ваше запрещеніе». Тогда явилось еще 40 муниципальных гвардейцевъ, съ двумя вахмистрами, четырьмя ефрейторами и барабанщикомъ, и отрядъ линейныхъ солдатъ, подъ начальствомъ капитана. Пришелъ Жирарденъ, возмущенный, и протестовалъ съ такой энергіей, что одинъ изъ ефрейторовъ сказалъ ему: «Я бы хотѣлъ, чтобы у меня былъ такой полковникъ, какъ вы». Мужество Жирардена сообщилося работникамъ и, съ помощью хитрости и ловкости, имъ, на глазахъ у жандармовъ, удалось отпечатать прокламаціи Жирардена и наши, ручнымъ станкомъ. Они вынесли ихъ маленькими пачками, еще совсѣмъ влажными, подъ своими жилетами. Къ счастью, все было пьяно. Жандармы поняли солдатъ, и работники воспользовались этимъ. Муниципальные гвардейцы смѣялись, ругались, «каламбурили, пили шампанское и кофе» и говорили: «Мы замѣнимъ теперь республиканскихъ представителей. Мы будемъ получать 25 франковъ въ день». Всѣ парижскія типографіи были заняты такимъ образомъ, вооруженной силой. Переворотъ держалъ все въ рукахъ. Онъ наносилъ даже оскорбленія газетамъ, поддерживавшимъ его. Въ конторѣ «*Moniteur Parisien*», городскіе сержанты хотѣли стрѣлать въ каждаго, кто отворитъ дверь. У г. Деламара, редактора «*Patrie*», было 40 муниципальных гвардейцевъ, и онъ дрожалъ, чтобы они не разбили его станковъ. Онъ сказалъ одному изъ нихъ: «Да вѣдь я за васъ!» Жандармъ отвѣчалъ: «А мнѣ что за дѣло!»

Въ ночь съ 3-го на 4-е, около трехъ часовъ, всѣ типографіи

были очищены. Канитанъ сказалъ Серрьеру: «Намъ дано приказаніе сосредоточиться въ нашихъ кварталахъ». Серрьеръ, рассказывая намъ это, прибавилъ: «Что-то готовится».

Я имѣлъ наканунѣ разговоръ, относительно сопротивленія, съ Жоржемъ Бискарра, непоколебимымъ и храбримъ человекомъ, о которомъ мнѣ еще придется упоминать. Я назначилъ ему свиданіе въ домѣ № 19 въ улицѣ Ришельѣ. И потому въ это утро, 4-го, между № 15, гдѣ мы засѣдали, и 19, гдѣ я ночевалъ, происходили сношенія.

Была минута, когда я находился на улицѣ. Я только что расстался съ этимъ честнымъ, мужественнымъ гражданиномъ, какъ увидалъ совершенную противоположность: — г. Мериме, шедшаго ко мнѣ на встрѣчу.

— А! сказалъ Мериме.—Я васъ искалъ!

Я отвѣчалъ ему:

— Надѣюсь, что вы меня не найдете? Онъ подалъ мнѣ руку. Я повернулся къ нему спиной.

Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его. Кажется, онъ умеръ.

Этотъ Мериме, какъ-то разъ въ 1847 г., говорилъ со мной о Морни; и между нами произошелъ слѣдующій діалогъ. Мериме сказалъ: «У г. де-Морни великая будущность», и потомъ спросилъ меня: «Знаете вы его?»

Я отвѣчалъ:

— А! у него великая будущности! Да, я знаю г. де-Морни. Онъ уменъ, вращается постоянно въ свѣтѣ; онъ дѣлецъ, занимающійся промышленными предпріятіями. Разработка цинковыхъ рудниковъ, лютихскихъ каменноугольныхъ копей—все это онъ затѣялъ. Я имѣю честь его знать. Это мошенникъ.

Насъ съ Мериме раздѣляло одно: я презиралъ Морни, а онъ его уважалъ. Морни платилъ ему тѣмъ же. И это было вполне справедливо.

Я подождать, пока Мериме повернетъ за уголъ. Когда онъ исчезъ, я возвратился въ № 15.

Получились свѣденія о Канроберѣ. 2-го вечеромъ, онъ посетилъ г-жу Лефло. Эта благородная женщина была возмущена. На другой день, долженъ былъ происходить балъ у С. Арно въ военной министерствѣ. Генералъ Лефло и его жена получили приглашеніе. Они должны были встрѣтиться тамъ съ Канроберомъ. Но г-жа Лефло не объ танцахъ разговаривала съ нимъ. «Генералъ! сказала она.—Всѣ ваши товарищи арестованы, и вы намѣрены это поддерживать». «Я намѣренъ сдѣлать одно—подать въ отставку. Вы можете сказать это Лефло», отвѣ-

чать ома. Ома былъ блѣдень, и ходилъ взадъ и впередъ въ волненіи.

— Въ отставку, генераль?

— Да, сударыня.

— Это вѣрно?

— Да, сударыня... конечно, если только не будетъ возмущенія...

— Генераль Канроберъ! вскричала г жа Лефло.— Вотъ «слова», которое достаточно говорить что вы намѣрены дѣлать.

И, однакоже, Канроберъ, дѣйствительно еще колебался. Въ основѣ его характера была нерѣшительность.

VIII.

Положеніе.

Хотя тактика борьбы, принятая комитетомъ, состояла въ томъ, чтобы не сосредоточивать сопротивленія въ одномъ мѣстѣ, а распространять его на всѣ возможные пункты, и притомъ дѣйствовать какъ можно продолжительнѣе, тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ инстинктивно чувствовалъ, также какъ и елисейцы, съ своей стороны, что день будетъ рѣшительный.

Приближалась минута, когда переворотъ долженъ былъ со всѣхъ сторонъ ринуться на насъ. Намъ предстояло выдержать натискъ цѣлой арміи. Покинетъ ли народъ—этотъ великій революціонный народъ парижскихъ предмѣстій—своихъ представителей? Покинетъ ли самого себя? или пробудившійся и прозрѣвшій, наконецъ, возстанетъ? Вотъ вопросъ, который мы всѣ повторяли съ трепетомъ.

Никакого серьезнаго признака со стороны національной гвардіи. Краснорѣчивая прокламація, написанная у Мари Жюль Фавромъ и Александромъ Реемъ, обращенная отъ нашего имени къ легионамъ, не могла быть напечатанна. Планъ Гетцеля не удался. Версиньи и Лабруссъ не могли соединиться съ нимъ. Мѣсто, выбранное для свиданія—уголъ бульвара и улицы Ришельё—было постоянно очищаемо кавалерійскими атаками. Мужественная попытка полковника Гресье убѣдить 6-й легионъ и менѣе энергичная, подполковника Ховина, подѣйствовать на 5-й, также не привели ни къ какимъ результатамъ. Однакожъ, негодованіе Парижа начинало обозначаться. Вечеръ былъ знаменательный.

Энгре пришелъ къ намъ рано утромъ и привезъ подъ пла-

щезъ смеху напечатанныхъ экземпляровъ декрета о нивоженіи. Для того, чтобъ доставить ихъ намъ, онъ десять разъ подвергался опасности быть арестованнымъ и разстрѣленнымъ. Мы тотчасъ же распорядились раздать и наклеить эти экземпляры. Наклейка произведена была очень смѣло. На многихъ пунктахъ наши аффини видѣлись рядомъ съ аффинами переворота, угрожавшими смертною казнью каждому, кто наклеитъ декретъ, исходящій отъ представителей. Энгре сообщилъ намъ, что наши декреты и прокламаціи были отлитографированы и расходились по рукамъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Намъ необходимо было продолжать выпускъ прокламацій. Одинъ типографщикъ, бывшій издатель многихъ демократическихъ органовъ, г. Булле, наканунѣ предложилъ мнѣ свои услуги. Я, въ июнѣ 1848 г., защитилъ его типографію отъ національныхъ гвардейцевъ, опустошавшихъ ее. Я ему написалъ и препроводилъ въ письмѣ наши декреты. Представитель Монтегю взялся ихъ доставить. Булле извинился. Его типографія въ полночь была занята городскими сержантами. При помощи нашихъ усилій и благодаря патристическому содѣйствію многихъ студентовъ, фармацевтовъ и химиковъ, въ разныхъ кварталахъ заготовленъ былъ порохъ. На одномъ пунктѣ, въ улицѣ Жакобъ, въ одну ночь его заготовили сто килограммовъ. Такъ какъ фабрикація пороха производилась на лѣвомъ берегу, а дрались на правомъ, то надо было провезти этотъ порохъ черезъ мосты. Это было не легко; но дѣлали, какъ могли. Около девяти часовъ, насъ извѣстили, что полиція предупреждена, и что всѣхъ прохожихъ обыскиваютъ, особливо на Pont-Neuf.

Обрисовывался нѣкоторый стратегическій планъ. Десять центральныхъ мостовъ были охраняемы военной силой.

Людей останавливали на улицахъ, по фисіономіи. Одинъ гвардейскій сержантъ, на углу Pont aux Changes, говорилъ и нарочно громко, чтобъ могли слышать прохожіе, — «мы хватаемъ всѣхъ, у кого не выбрита борода, или кто смотритъ такъ, какъ будто онъ не выспался».

Какъ бы то ни было, но мы располагали небольшими запасами пороха. Обезоруженіе національной гвардіи, во многихъ кварталахъ, дало намъ 800 ружей; наши прокламаціи и декреты наклеивались; нашъ голосъ доходилъ до народа. Являлось нѣкоторое довѣріе.

— Волны прибываютъ! волны прибываютъ! говорилъ Эдгаръ Кье, пришедшій позвать мнѣ руку.

Насъ извѣстили, что студенты поднялись въ теченіи дня и

предлагали намъ у себя убѣжище. Жюль Фавръ возвыкнулъ, обрадованный:

— Завтра мы выпустимъ наши декреты изъ Пантеона.

Число хорошихъ предзнаменованій все увеличивалось. Старый очагъ возстаній, улица Saint-André-des-Arts волновалась. Ассоціація «la Presse du travail» подала призывъ жизни. Нѣсколько отважныхъ работниковъ сгруппировались около одного изъ своихъ, по имени Петре, въ улицѣ Жардине № 13, и почти организовали маленькую типографію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ казармы подвижной жандармеріи. Они провели ночь, сначала редактируя, потомъ печатая манифестъ къ рабочимъ, призывавшій народъ къ оружію. Ихъ было пять человекъ, искусныхъ и рѣшительныхъ. Они достали себѣ бумагу. У нихъ былъ совсѣмъ новый шрифтъ. Одни мочили бумагу, пока другіе набирали. Около двухъ часовъ принялись печатать. Нужно было, чтобъ сосѣди ничего не слышали; и они ухитрились какъ-то заглушить удары валика. Въ нѣсколько часовъ, полторы тысячи экземпляровъ были готовы, и съ разсвѣтомъ наклеены на углахъ улицъ. Одинъ изъ этихъ неустрашимыхъ работниковъ, ихъ старшина, А. Демулентъ, изъ породы сильныхъ людей, просвѣщенныхъ и вѣдѣтъ бойцовъ, приходилъ наканунѣ въ отчаяніе. Теперь онъ надѣялся.

Наканунѣ онъ писалъ «..... Гдѣ представители? Сообщенія прерваны. Нельзя пройти ни бульварами, ни набережными. Сдѣлалось невозможнымъ созвать народное собраніе. Народъ лишень руководителей. Съ одной стороны, де-Флоттъ, съ другой В. Гюго, Шальхеръ дѣятельно побуждаютъ къ возстанію, и двадцать разъ рискуютъ жизнью, но всѣми чувствуется, что они не опираются ни на какую организованную силу. Потому, попытка роялистовъ X округа пугаетъ. Боятся, что подъ конецъ они снова появятся». Теперь у этого умнаго и храбраго человека снова явилось довѣріе, и онъ писалъ: «Положительно, Луи Бонапартъ труситъ. Донесенія полиціи неблагоприятны для него. Сепротивленіе республиканскихъ представителей приноситъ свои плоды. Парижъ вооружается. Нѣкоторыя части войскъ, повидимому, колеблются. Даже подвижная жандармерія ненадежна, и сегодня цѣлый батальонъ отказался идти. Замѣчаются беспорядки: двѣ баттарей долго обмѣнивались выстрѣлами, не узнавая другъ друга. Переворотъ какъ будто не удастся».

Симптомы, какъ видите улучшались.

Или Мона уже было недостаточно? Не думали ли прибѣгнуть къ комунибудь другому, болѣе искусному? Одинъ фактъ, какъ будто намекалъ на это. Наканунѣ, между пятью и шестью ча-

сами вечера, видѣли, какъ человѣкъ высокаго роста прохаживался передъ кафе на площади Сентъ-Мишель; къ нему вскорѣ присоединились два полицейскихъ комиссара изъ тѣхъ, что производили 2-го числа аресты. Онъ долго разговаривалъ съ ними. Этотъ человѣкъ былъ Карлье. Не долженъ ли онъ былъ замѣнить Монà?

Представитель Лабруссъ, сидѣвшій въ кафе, видѣлъ это совѣщаніе.

Каждаго комиссара сопровождалъ одинъ изъ тѣхъ агентовъ, которыхъ называютъ обыкновенно «комиссарскими собаками».

Въ тоже время, въ комитетѣ получались странныя предостереженія. Намъ сообщали о слѣдующей запискѣ.

«Любезный Бокажъ, сегодня въ 6 часовъ, 25 тысячъ франковъ обѣщаны тому, кто арестуетъ или убьетъ Гюго. Вы знаете гдѣ онъ. Пусть не выходитъ ни подъ какимъ предлогомъ. Вашъ А. Дюма. На оборотѣ: Бокажу. 18, улица Кассеттъ¹».

Нужно было подумать о малѣйшихъ подробностяхъ. Не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила борьба, былъ отданъ одинаковый пароль, что могло повлечь за собой серьезныя опасности. Мы избрали наканунѣ паролемъ имя Бодена. На многихъ баррикадахъ, изъ подражанія, взяли паролемъ имена другихъ представителей. Въ улицѣ Рамбюто, пароль былъ Эженъ Сю и Мишель де-Буржъ. Въ улицѣ Бобуръ—В. Гюго; въ Лашапелъ Сен-Дени—Эскиросъ и де-Флоттъ. Мы признали необходимымъ прекратить это смѣшеніе и уничтожить собственные имена, которыя всегда легко угадать. Мы условились, что паролемъ будетъ фраза: *Que fait Joseph?* (Что дѣлаетъ Жозефъ?).

Каждую минуту и со всѣхъ сторонъ до насъ доходили свѣденія, что повсюду строятся баррикады, что ружейная перестрѣлка началась въ центральныхъ улицахъ. Мишель де-Буржъ вскричалъ: «Постройте каре изъ четырехъ баррикадъ и мы будемъ засѣдать въ серединѣ».

Намъ принесли извѣстія съ Мон-Валерьяна. Число арестантовъ еще увеличилось двумя. Ригаль и Белль были сквачены. Оба—члены дѣвой; докторъ Ригаль былъ представителемъ Гальяка; Белль—Лавора. Ригалья взяли съ постели, больного. Въ тюрьмѣ онъ лежалъ и не могъ одѣться. Его товарищъ Белль служилъ ему.

Около 9 часовъ, бывшій капитанъ 8 легіона національной гвардіи 1848 г., по имени Журданъ, пришелъ къ намъ отдать себя въ наше распоряженіе. Это былъ человѣкъ отважный, одинъ

¹ Подлинная записка находится въ рукахъ автора этой книги. Она передала ему г. Амеленъ отъ имени г. Бокажа.

изъ тѣхъ смѣльчавовъ, которые, 24 февраля утромъ, овладѣли Городскою Думою (Hôtel de Ville). Мы предложили ему повторить этотъ подвигъ и овладѣть префектурой полиціи. Онъ зналъ, какъ за это вѣдаться. Онъ объявилъ намъ, что у него мало людей, но что онъ, въ теченіи дня, осторожно займетъ нѣкоторые стратегическіе дома на набережной Жевръ, на набережной Лепелетье и въ улицѣ Cité; а въ случаѣ, если бой въ центрѣ Парижа усилится и заставитъ людей переворота отозвать войско изъ Hôtel de Ville и префектуры, то атака на эти два пункта начнется немедленно. Капитанъ Журданъ—скажемъ это теперь же—сдержалъ свое обѣщаніе, но, къ несчастью,—мы узнали объ этомъ вечеромъ—онъ началъ, можетъ быть, немножко рано. Какъ онъ предвидѣлъ, такъ и случилось. Явившись на площадь Hôtel de Ville, онъ нашелъ ее пустою. Генералъ Эрбиллонъ принужденъ былъ оставить ее и послѣдннмъ съ кавалеріей ударить въ тылъ баррикадамъ центра. Атака республиканцевъ началась въ ту же минуту. Первые ружейные выстрѣлы раздались на набережной Лепелетье; но лѣвый флангъ колонны былъ еще у Арвольскаго моста; одинъ батальонный командиръ, по имени Ларошеттъ, выстроилъ передъ Hôtel de Ville линію стрѣлковъ; 44 ѿ полка воротился и попытка не удалась.

Явился Бастидъ съ Шоффуромъ и Лессакомъ.

— Добрая вѣсти, сказалъ онъ намъ:—все идетъ хорошо. Его лицо, серьезное, честное и холодное, сіяло какой-то геройской ясностью. Онъ пришелъ съ баррикадъ и возвращался туда. Двѣ пули пробили его плащъ. Я отвелъ его въ сторону и сказалъ ему: Вы опять идете туда?—Да.—Возьмите меня съ собой.—Нѣтъ, вы нужны здѣсь, отвѣчалъ онъ.—Сегодня вы генералъ, а я солдатъ. Я напрасно настаивалъ. Онъ упорно отказывалъ мнѣ, повторяя:—Комитетъ—нашъ центръ. Онъ не долженъ разсѣваться. Вашъ долгъ оставаться здѣсь. Притомъ же, прибавилъ онъ:—будьте спокойны. Вы подвергаетесь здѣсь еще большимъ опасностямъ, чѣмъ мы. Если вы попадетесь, васъ разстрѣляютъ.—Но можетъ предти минута, возразилъ я:—когда намъ необходимо будетъ вмѣшаться въ бой.—Безъ сомнѣнія.—Я продолжалъ: Вы находитесь на баррикадахъ и можете быть лучшимъ судьей, нежели мы,—настала ли эта минута. Дайте же мнѣ честное слово, что вы сдѣлаете для меня то, что вы желали бы, чтобъ я сдѣлалъ для васъ, и придете за мною.—Даю, отвѣчалъ онъ, и сжалъ мои руки въ свои.

Позже, однакоже, нѣсколько минутъ спустя по уходѣ Бастида, какъ ни велико было мое довѣріе къ слову этого великодушнаго, мужественнаго человѣка, я не могъ выдержать и, вос-

пользовавшись двумя часами, оставшимися у меня свободными, пошелъ взглянуть собственными глазами, что происходитъ и какъ ведется дѣло сопротивленія.

Я взялъ фіакръ на Полерояльской площади, объяснилъ кучеру, кто я, и сказалъ, что хочу посѣтить баррикады и ободрить бойцовъ; что буду отчасти ходить пѣшкомъ, отчасти ѣздить, и что довѣряюсь ему. Я назвалъ себя.

Первый встрѣчный почти всегда честный человѣкъ. Кучеръ отвѣтилъ мнѣ:—Я знаю гдѣ баррикады, я буду ѣздить съ вами, куда вамъ нужно, буду ждать васъ, гдѣ вы велите, и привезу васъ назадъ. Если у васъ нѣтъ денегъ, то не платите мнѣ. Я горжусь тѣмъ, что я дѣлаю.

Я поѣхалъ.

IX.

Сен-Мартенскія ворота.

Факты, совершившіеся въ то утро, были уже весьма знаменательны.

— Начинается... говорилъ Бастиль.

Очевидно, Парижъ начиналъ быть не въ духѣ. Парижъ не во всякое время сердится. Нужно, чтобъ на него нашло известное настроеніе. У вулкановъ есть тоже нервы. Гнѣвъ являлся медленно, но являлся. На горизонтѣ виднѣлся красноватый отблескъ изверженія...

Для елисейцевъ, какъ и для насъ, приближался критическій моментъ. Со вчерашняго дня, обѣ стороны ощущивали почву. Между перепоротомъ и республикой должна была, наконецъ, произойти схватка. Какъ ни старался тормозить комитетъ, что-то neodолжимо увлекало послѣднихъ защитниковъ свободы; подталкивало ихъ къ дѣйствию. Роковая битва готова была завязаться.

Въ Парижѣ, когда пробьетъ известный часъ, когда является необходимость немедленно отстоять дѣло прогресса, отмстить за право, возстаніе быстро охватываетъ весь городъ. Но нужно, чтобъ оно было кѣмъ-нибудь начато. Въ Парижѣ—два революціонныхъ дѣятеля, съ помощью которыхъ онъ выполняетъ свою великую историческую задачу: буржуазія и народъ. Этимъ двумъ борцамъ соответствуютъ два мѣста борьбы: Сен-Мартенскія ворота—когда возстаетъ буржуазія и Бастилія—когда возстаетъ народъ. Взоръ политическаго человѣка долженъ быть всегда устремленъ на

*

эти два пункта. Это два знаменитых въ современной исторіи мѣста, гдѣ, кажется, всегда глѣбеть немножко горячаго пепла революцій.

Стоить подуть вѣтру и этотъ пепелъ, наполнить городъ искрами.

На этотъ разъ, страшное Сент-Антуанское предмѣстье спало — мы уже указывали на причины этого явленія — и ничто не могло пробудить его. Цѣлый артиллерійскій паркъ, съ зажженными фитилями, расположился вокругъ Іюльской колонны, этого глухонѣмаго колосса Бастиліи. Этотъ революціонный памятникъ, этотъ молчаливый свидѣтель великихъ событій прошлаго, казалось, все забылъ. Грустно сказать, что камни этой мостовой, видѣвшіе 14-е іюля, не подыались подъ колесами пушекъ 2-го декабря! Такимъ образомъ, начинала не Бастилія, а Сен-Мартенскія ворота.

Съ восьми часовъ утра, въ улицахъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ, отъ одного конца до другого, слышался глухой ропотъ. Прохожіе, въ возбужденномъ состояніи, толпами шли по улицѣ, образуя два противоположныя теченія. Аффіши переворота срывали и замѣняли нашими прокламаціями. На углахъ всѣхъ прилежащихъ улицъ видѣлись группы, комментировавшія декретъ представителей гвѣой, оставшихся на свободѣ, лишавшій Бонапарта повровительства законовъ. Эзземплары его вырывали другъ у друга изъ рукъ. Нѣкоторые, взобравшись на тумбы, громко читали имена подписавшихся подъ декретомъ; и каждое значительное или знаменитое имя покрывалось рукоплесканіями.

Толпа росла съ каждой минутой, и гвѣвъ также. Вся улица Сен-Дени представляла тотъ странный видъ, какой сообщается улицѣ, когда всѣ окна закрыты, всѣ двери заперты и всѣ жильцы за воротами. Взгляните на дома — тамъ молчаніе смерти. Взгляните на улицу — тамъ бора.

Человѣкъ 50 рѣшительныхъ людей вышли разомъ изъ одного сосѣдняго переулка и направились вдоль улицы съ крикомъ: «Къ оружію! Да здравствуютъ представители! Да здравствуетъ конституція!» Началось обезоруженіе національныхъ гвардейцевъ. Оно произошло легче, нежели наканунѣ. Меньше, чѣмъ въ часъ — добыто было 150 ружей.

Между тѣмъ улица покрывалась баррикадами.

X.

ПОСВѢЩЕНІЕ БАРРИКАДЪ.

Бучеръ остановился около St-Eustache, и сказалъ мнѣ: «Вотъ вы и въ муравейникѣ». Онъ прибавилъ: — Я буду ждать васъ

въ улицѣ Врильеръ, около площади des Victoires. Дѣлайте свое дѣло, не торопитесь.

Я сталъ обходить баррикады.

На первой я встрѣтилъ де-Флотта, который вызвался быть моимъ проводникомъ. Нѣтъ человѣка болѣе смѣлаго, чѣмъ де-Флоттъ. Я принялъ его предложеніе. Онъ выводилъ меня всюду, гдѣ мое присутствіе могло быть полезно.

Дорогой онъ сообщилъ мнѣ о мѣрахъ, принятыхъ къ напечатанію нашихъ прокламацій. Такъ какъ въ типографіи Буле нельзя было печатать, то онъ обратился въ одну литографію, въ улицѣ Бержеръ, 30, и тамъ два мужественныхъ человѣка, съ опасностью жизни, напечатали 500 экземпляровъ нашего декрета. Эти два работника назывались — одинъ Рюбенсъ (Rubens); другой — Ашиль Пуенсло.

Идя, я писалъ карандашомъ замѣтки (карандашомъ Бодена, находившимся при мнѣ), я вносилъ въ нихъ факты, безъ всякой системы. Воспроизвожу эту страницу. Это живыя вещи, полезныя для исторіи. Перевероте видѣнь въ нихъ, какъ на ладони.

Утро 4-го. Бой какъ будто прекратился. Возобновится ли онъ? Баррикады, посѣщенные мной... (слѣдуетъ перечисленіе улицъ, гдѣ были воздвигнуты баррикады). Баррикада въ улицѣ Grand-Nucleus выдержала уже сегодня утромъ атаку. Одному изъ бойцевъ Массонъ, пуля пробилла пальто. Дюпане, «человѣкъ съ длинной бородой», какъ его называли, оставался послѣднимъ на гребнѣ баррикады. Слышали, какъ онъ кричалъ офицерамъ: «Вы измѣнники!» Думаютъ, что онъ разстрѣлянъ. Странно, что войско ушло, не разрушивъ баррикады. Воздвигаютъ баррикаду въ улицѣ Ренаръ. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ въ мундирахъ смотрять, какъ ее строятъ, но сами не участвуютъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: — «Мы не противъ васъ, вы стоите за право». Они прибавили, что въ улицѣ Рамбюто отъ 12 до 15 баррикадъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что сегодня на разсвѣтѣ палили изъ пушекъ въ улицѣ Вурбонъ Вильнёвъ. Хочу посѣтить пороховой заводъ, импровизированный Легвелемъ, у одного аптекаря, противъ улицы Геренъ Буассо.

«Баррикады строятъ мирно, любовно, ни кого не сердя. Дѣлаютъ все возможное, чтобъ не раздражить сосѣдство. Защитники баррикады «Bourg-Labbé», стоятъ въ грязи — по причинѣ дождя. Они не рѣшаются просить соломы и спятъ въ лужахъ или на мостовой.

«Я видѣлъ тутъ одного молодого человѣка, (слѣдуетъ, вѣроятно,

всталъ съ своего ложа въ лихорадѣхъ. Онъ сказалъ мнѣ: «спускай меня здѣсь убьютъ». И его убили.

Въ улицѣ Бурбоизъ-Вильнёвъ не попросили даже «у буржуа» тифяковъ, въ которыхъ нуждались для ослабленія ударовъ ядра, такъ какъ баррикаду громили пушки.

Солдаты дурно строятъ баррикады, потому что строятъ ихъ слишкомъ хорошо. Баррикада должна имѣть нѣкоторую шаткость: крѣпко построенная, она никуда не годится. Камни не должны держаться слабо; «надо, чтобъ они обваливались на солдатъ, сказалъ мнѣ одинъ уличный мальчикъ:—и ломали имъ латы».

Жанти-Сарръ начальствуетъ надъ цѣлою группой баррикадъ. Онъ представилъ мнѣ своего помощника Шарпантье, человѣка лѣтъ 36, образованнаго, ученаго. Шарпантье занимается опытами, имѣющими цѣлью замѣнить, при обжиганіи фарфора, уголь и дрова—газомъ; онъ просилъ у меня позволенія прочесть мнѣ какъ-нибудь на дняхъ *трагедію*. Я сказалъ ему: «Мы теперь делаемъ трагедію».

Жанти-Сарръ бранить Шарпантье. Снарядовъ недостаетъ. У Жанти-Сарра есть дома фунтъ охотничьяго пороку и двадцать патроновъ; онъ посылаетъ за ними Шарпантье. Шарпантье сходилъ, взялъ и патроны и порохъ, но роздалъ ихъ бойцамъ другихъ баррикадъ, встрѣчавшихся ему на пути. «Они были словно голодные», говорилъ онъ. Шарпантье никогда въ жизни своей не дотрогивался до огнестрѣльнаго оружія. Жанти-Сарръ учитъ его какъ заряжать ружье.

На углу, у виноторговца закусываютъ и грѣются. Очень холодно. «Кто голоденъ, ступайте ѣсть», говоритъ виноторговецъ. Одинъ изъ бойцевъ спросилъ:—А кто будетъ платить? «Смерть», отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, нѣсколько часовъ спустя, ему нанесли штыками семнадцать ранъ.

Газопроводовъ не разрушили, все для того, «чтобъ не причинить убытковъ»; ограничились тѣмъ, что отобрали у сторожей, смотрящихъ за газомъ, ключъ; а у тѣхъ, кто зажигаетъ—шести, съ помощью которыхъ отырывается труба. Такимъ образомъ можно зажечь и гасить по своему произволу.

Эта группа баррикадъ сильна, и будетъ играть роль. Я надѣялся одну минуту, что ее атакуютъ при мнѣ. Звукъ горна приближались, но потомъ удалились. Жанти-Сарръ сказалъ мнѣ:—«Должно быть, придутъ вечеромъ».

Онъ намѣревался потушить газъ въ улицѣ Petit-Carreau, и во всѣхъ сосѣднихъ улицахъ; и оставить зажженнымъ только одинъ рожокъ въ улицѣ du Cadran. Онъ разставилъ часовыхъ, до угла улицы Сен-Дени. Тутъ есть открытая сторона, не бар-

ригадированная, но мало доступная для войска; по причинѣ узости улицы, можно входить въ нее только по одиночѣмъ. Значить, опасности нѣтъ: Выгода узкихъ улицъ. Войско хорошо только тогда, когда оно дѣйствуетъ массой. Солдаты не любятъ дѣйствовать въ разсыпную. У Жанти Сарра есть дядя реакціонеръ, съ которымъ онъ не видится, и который живетъ по близости, въ улицѣ Petit Carreau. № 1. «Какъ мы его напугаемъ», сказалъ мнѣ Жанти-Сарръ, смѣясь. Сегодня утромъ Жанти-Сарръ осматривалъ Монторгельскую баррикаду. Тамъ находился только одинъ человекъ, который былъ пьянъ, и, приставивъ ему къ груди дуло ружья, сказалъ: — «Здѣсь не проходятъ». Жанти-Сарръ обезоружилъ его.

«Иду въ улицу Pagevin. Здѣсь на углу площади des Victoires есть очень хорошо построенная баррикада. На сосѣдней баррикадѣ, въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо, войско сегодня утромъ ничего не взяло въ плѣнъ. Солдаты всѣхъ перебили. Трупы лежатъ вплоть до площади des Victoires. Баррикада Pagevin удержалась. Ихъ тутъ 50 человекъ, хорошо вооруженныхъ. Вхожу. — «Все идетъ хорошо?» — Да. — «Мужайтесь». Я пожалъ всѣ эти честныя руки. Мнѣ дали отчетъ во всемъ. Одинъ муниципальный гвардеецъ прикладомъ раздробилъ черепъ умирающему. Одна молодая дѣвушка, хорошенькая, возвращаясь домой, спряталась на баррикадѣ. Она пробыла тамъ часъ, «въ ужасѣ». Когда опасность миновала, начальникъ баррикады велѣлъ «самому пожилому изъ своихъ людей» проводить ее до дому.

Когда я уходилъ съ баррикады Pagevin, во мнѣ привели плѣнника, «шпіона», какъ сказали мнѣ. Онъ ожидалъ, что его расстрѣляютъ. Я велѣлъ его освободить.

Бансель находился на этой баррикадѣ Pagevin. Мы пожали другъ другу руки.

Онъ спросилъ меня:

— Побѣдимъ ли мы?

— Да, отвѣчалъ я ему.

Мы почти не сомнѣвались.

Де-Флоттъ и онъ хотѣли сопровождать меня, боясь, чтобы меня не захватилъ батальонъ, караулившій банкъ.

День былъ холодный и пасмурный, почти темный. Этотъ мракъ укрывалъ насъ и помогалъ намъ; туманъ былъ за насъ.

Когда мы поровнялись съ улицей Брильеръ, мимо насъ прошла группа всадниковъ. Это было нѣсколько офицеровъ; впереди ѣхалъ какой-то человекъ, походившій на военнаго, но не въ мундирѣ. На немъ былъ плащъ съ капюшономъ.

Де-Флоттъ толкнулъ меня локтемъ и сказалъ вполголоса:

— Вы знаете Фіалена?

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Видѣли его?

— Нѣтъ.

— Хотите видѣть?

— Нѣтъ.

— Посмотрите на него.

Я посмотрѣлъ. Дѣйствительно, онъ проѣзжалъ мимо насъ, впереди офицеровъ. Онъ выѣхалъ изъ банка. Не прѣзжалъ ли онъ опять дѣлать насильственный заемъ? Люди, стоявшіе у своихъ домовъ, смотрѣли на него съ любопытствомъ и безъ гнѣва. Во всей фигурѣ его выражалась наглость. Онъ отъ времени до времени оборачивался, чтобъ сказать слово кому-нибудь изъ слѣдовавшихъ за нимъ. Эта маленькая кавалерія гарцовала въ грязи и туманѣ. У Фіалена былъ вызывающій видъ человѣка, который парадируетъ, зная, что за нимъ идетъ преступленіе. Онъ высокомерно смотрѣлъ на прохожихъ. Подъ нимъ была прекрасная лошадь; и несчастное животное, казалось, очень гордилось имъ. Фіаленъ улыбался. Въ рукѣ у него былъ хлыстъ, котораго заслуживала его физіономія.

Онъ проѣхалъ. Я больше никогда не видалъ этого человѣка.

Бансель и де-Флоттъ только тогда разстались со мной, когда увидѣли меня сидящимъ въ фіакрѣ. Мой добрый возница ждалъ меня въ улицѣ Врильертъ; онъ привезъ меня назадъ въ улицу Ришельё, къ дому № 15.

XI.

Баррикада въ улицѣ Мелэ.

Первая баррикада въ Сен-Мартенской улицѣ была воздвигнута на высотѣ улицы Мелэ. Опрокинули большую телегу, положили ее поперекъ улицы и вырыли камни изъ мостовой. Вырыто было даже вѣскольکو тротуарныхъ плитъ. Эта баррикада, главный оборонительный пунктъ всей возставшей улицы, могла служить только минутнымъ препятствіемъ. Нигдѣ нагроможденные камни не превышали человѣческаго роста. На цѣлой трети баррикады они доходили только до колѣнъ. «Все же годится для того, чтобы умереть на ней», говорилъ гамежь, усердно таскавшій камень. Около сотни бойцовъ заняли позицію позади. Въ девять часовъ, движенія войска предвѣщали атаку. Передовыя колонны бригады Марюлаза заняли уголъ улицы со сторо-

ны бульвара. Пушка, обстрѣливавшая всю улицу, была поставлена противъ Сен-Мартенскихъ воротъ. Нѣкоторое время, обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ, посреди угрюмаго молчанія, обыкновенно предшествующаго столкновенію. Войско смотрѣло на баррикаду, гдѣ сверкали ружья; баррикада смотрѣла на жерло орудія. Вскорѣ былъ поданъ сигналъ къ общей атакѣ. Огонь начался. Первое ядро пролетѣло черезъ баррикаду, и въ двадцати пяти шагахъ позади ея—убило проходившую женщину. Огонь усилился, но не причинялъ большого вреда баррикадѣ; пушка стояла слишкомъ близко; ядра летѣли слишкомъ высоко.

Защитники баррикады, не потерявшіе еще ни одного человѣка, встрѣчали каждое ядро крикомъ: «да здравствуетъ республика!» но не стрѣляли. У нихъ было мало патроновъ, и они берегли ихъ. Вдругъ 49-й полкъ сталъ наступать сомкнутой колонной.

Баррикада дала залпъ.

Дымъ наполнилъ улицу. Когда онъ разсѣялся, увидѣли человѣкъ десять лежавшихъ на мостовой; солдаты отступали вдоль домовъ. Начальникъ баррикады вскричалъ: «Они бѣгутъ. Прекратите огонь. Не теряйте ни одной пули!»

Улица оставалась нѣсколько минутъ пустой. Пальба изъ орудія началась опять. Каждыя двѣ минуты вылетало ядро, но все неудачно. Человѣкъ, у котораго было охотничье ружье, подошелъ къ начальнику баррикады и сказалъ: «Подобьемъ пушку; убьемъ канонировъ.—Зачѣмъ? сказалъ начальникъ баррикады.—Они не вредятъ намъ; не будемъ и мы имъ вредить».

Однакожъ, звукъ горна отчетливо слышался за группою домовъ, маскировавшихъ войска, расположенныя на Сен-Мартенскомъ плацу; очевидно, готовилась вторая атака.

Бой обѣщалъ быть жаркимъ, упорнымъ, ожесточеннымъ.

Ясно было также, что, по взятіи этой баррикады, вся улица будетъ очищена. Остальныя баррикады, были еще слабѣе и еще менѣе защищены. Буржуазія отдала свои ружья и разошлась по домамъ. Она одолжила свою улицу—и только.

Вслѣдствіе этого, нужно было какъ можно дольше держаться на главной баррикадѣ. Но что дѣлать и какъ сопротивляться? Приходилось не болѣе двухъ патроновъ на человѣка. Неожиданная помощь явилась къ нимъ.

Молодой человѣкъ—я могу назвать его, потому что онъ умеръ—¹ Пьеръ Тиссье, работникъ и поэтъ, все утро трудился на барри-

¹ Не надо забывать, что это писано въ изгнаніи; и что называть героемъ—значило увеличивать число изгнанниковъ. Пр. автора.

кадѣ, и въ ту минуту, какъ начался огонь—ушелъ, подѣ предрогомъ, что ему не давали ружья.

— Трусы! говорили на баррикадѣ.

Пьеръ Тиссье не трусилъ. Это увидали впоследствии.

Онъ оставилъ баррикаду.

Пьеръ Тиссье имѣлъ при себѣ только складной ножикъ. Это былъ каталанскій ножикъ. Онъ раскрылъ его на всякій случай; и, держа въ рукѣ, отправился.

Миновавъ улицу Saint Sauveur, онъ увидѣлъ на углу одного пустыннаго переулка, гдѣ всѣ окна были заперты, армейскаго солдата, стоявшаго на часахъ. По всей вѣроятности, онъ былъ поставленъ какимъ нибудь большимъ карауломъ, находившимся недалеко.

Солдатъ, слышавъ шаги, взялъ ружье на прицѣлъ и окликнулъ: кто идетъ?

— Смерть! отвѣчалъ Пьеръ Тиссье.

Часовой выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Пьеръ Тиссье бросился на него и вонзилъ въ него ножъ. Солдатъ повалился. Кровь хлынула у него изо рта.

— Я не ожидалъ, что скажу такъ вѣрно... прошепталъ Пьеръ Тиссье, и прибавилъ:—теперь на перевязочный пунктъ!

Онъ взвалилъ солдата на плечи, подобралъ упавшее на землю ружье и возвратился на баррикаду.

— Принеси раненаго, сказалъ онъ.

— Мертваго, закричали ему.

Солдатъ дѣйствительно умеръ.

— Подлый Бонапартъ! сказалъ Тиссье.—Бѣдняжка *«mourion»!*

Все равно; у меня есть ружье. Опростили ранецъ и суму солдата. Патроны раздѣлили между собой. Ихъ было полтораста. Нашли также двѣ золотныя десяти-франковныя монеты, плата за два дня, со 2-го декабря. Ихъ бросили на мостовую. Никто не хотѣлъ ихъ брать.

Патроны раздавали при крикахъ: да здравствуетъ республика! Между тѣмъ осаждающіе поставили рядомъ съ пушкой еще гаубицу.

Едва кончилась раздача патроновъ, какъ показалась пѣхота и бросилась на баррикаду въ штыки. Эта вторичная атака, какъ и ожидали, была жестокая. Ее отбили два раза; пѣхота возобновляла бой, и два раза отступала, оставляя улицу усыянной трупами.—Въ промежутокъ времени между приступами, граната пробивала баррикаду, и изъ пушки стрѣляли картечью.

Положеніе было отчаянное. Патроны всѣ вышли. Нѣкоторые стали бросать ружья и уходить. Скрыться можно было только

въ улицу Saint-Sauveur, а чтобы достигъ угла этой улицы, нужно было пройти черезъ низшую часть баррикады, оставившую всего человѣка открытымъ. Карточь и гранаты сыпались туда градомъ. Трое или четверо были убиты, изъ нихъ одинъ, какъ Боденъ, пулей въ глаза. Начальникъ баррикады вдругъ замѣтилъ, что онъ остался одинъ съ Пьеромъ Тиссье и тѣмъ мальчикомъ, который натаскалъ столько камней. Все предвѣщало третью атаку; солдаты начинали подвигаться впередъ, вдоль домовъ.

— Уйдемъ, сказалъ начальникъ баррикады.

— Я останусь, сказалъ Пьеръ Тиссье.

— И я тоже, отвѣчалъ ребенокъ. И онъ прибавилъ:—У меня нѣтъ ни отца ни матери; лучше это, чѣмъ что-нибудь другое.

Начальникъ выстрѣлилъ въ послѣдній разъ и удалился, какъ всѣ другіе, черезъ низкую часть баррикады. Ружейный залпъ сбилъ съ него шляпу. Онъ нагнулся и поднялъ ее. Солдаты были уже въ двадцати пяти шагахъ. Онъ крикнулъ двоимъ оставшимся на баррикадѣ:

— Уходите!

— Нѣтъ, сказалъ Пьеръ Тиссье.

— Нѣтъ, сказалъ мальчикъ.

Нѣсколько минутъ спустя, солдаты вгѣзли на баррикаду уже полуразрушенную.

Пьеръ Тиссье и ребенокъ были заволоты штывами.

На этой баррикадѣ оставили до двадцати ружей.

XII.

Баррикада мэриі V-го округа.

Национальные гвардейцы, въ мундирахъ, наполняли дворъ мэриі V-го округа. Они прибывали каждую минуту. Бывшій барабанщикъ, изъ гардь-мобилей, нашелъ въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ караульной, барабанъ, и принялся бить сборъ въ соседнихъ улицахъ. Часомъ въ девять, группа, состоявшая изъ четырнадцати или пятнадцати молодыхъ людей, большей частью, въ бѣлыхъ блузахъ, вошли въ мэрию съ крикомъ: да здравствуетъ республика! Они были вооружены ружьями. Национальная гвардія встрѣтила ихъ криками: долой Бананарта! На дворѣ брательсь. Вдругъ сдѣлалось движеніе. Пришли представители Дутръ и Палетте.

— Что нужно дѣлать? кричала толпа.

— Баррикады, сказалъ Пеллетье.

Начали вырывать камни изъ местовой.

Большая телега съ мучными мѣшками, возвращаясь изъ предмѣстья, проѣзжала мимо мэриі. Отложили лошадей, которыхъ хозяинъ телеги увелъ, и, повернувъ телегу, но не опрокидывая поставили ее поперекъ широкаго шоссе предмѣстья. Баррикада была въ минуту кончена. Приѣхали ломовыя дроги. Ихъ взяли и поставили передъ колесами телеги, какъ ставить экранъ передъ каминою.

Остальное состояло изъ бочекъ и камней. Благодаря телегѣ мучника, баррикада была высока и доходила до второго этажа домовъ. Она пересѣкала предмѣстье на самомъ углу улицы Сен-Жанъ. На баррикадѣ оставленъ былъ узкій проходъ, который велъ въ эту улицу.

— Одной баррикады недостаточно, сказалъ Дутръ. — Надо, чтобъ мэріа находилась между двумя преградами и могла защищаться съ обѣихъ сторонъ разомъ.

Построили другую баррикаду, обращенную къ верхней части предмѣстья. Эта баррикада была низенькая и слабая, состоявшая изъ однихъ камней и досокъ. Сто шаговъ отдѣляло баррикады одну отъ другой.

Триста человекъ находилось въ этомъ пространствѣ. Только сто изъ нихъ имѣли ружья и у большей части было по одному патрону.

Перестрѣлка началась около десяти часовъ. Показались двѣ роты и открыли огонь. Но это была фальшивая атака. Баррикада отвѣчала и имѣла неблагоразуміе истратить напрасно свои боевые запасы. Рота отступила. Тогда началась настоящая атака. Венсенскіе стрѣлки двинулись со стороны бульвара.

Слѣдуя африканской тактикѣ, они сначала крались вдоль стѣны, а потомъ вдругъ пустились бѣглымъ шагомъ, и ринулись на баррикаду.

На баррикадѣ уже не было никакихъ запасовъ. Нечего было ждать пощады.

Тѣ, у кого не было ни пуль, ни пороку, побросали ружья. Нѣкоторые хотѣли снова занять мэрію, но защищаться тамъ не было никакой возможности, она была открыта со всѣхъ сторонъ. Они перелѣзли черезъ стѣны и разсыпались по сосѣднимъ домамъ. Другіе скрылись черезъ узкій проходъ баррикады, приводившій въ улицу С. Жанъ. Большинство бойцовъ бросилось къ противоположной баррикадѣ. Достигнувъ ее тыла, тѣ, у кого еще оставался патронъ, сдѣлали, съ высоты нагроможденныхъ камней,

последній выстрѣлъ по осаждающимъ, и котомъ стали ожидать смерти. Ихъ всѣхъ перебили.

Одинъ изъ тѣхъ, которымъ удалось пробраться въ улицу Сен-Жанъ, гдѣ, впрочемъ, ихъ также преслѣдовали ружейные выстрѣлы осаждающихъ, былъ Кость, редакторъ Evénement и Avénement du peuple.

Кость былъ капитаномъ мобилей. При поворотѣ, который дѣлаетъ улица и благодаря которому, онъ очутился внѣ выстрѣловъ, Кость увидѣлъ передъ собой бывшего барабанщика гардемобилей, скрывшагося, какъ и онъ, черезъ улицу Сен-Жанъ, и теперь воспользовавшагося уединенностью улицы для того, чтобъ отдѣлаться отъ своего барабана.

— Сохрани барабанъ! крикнулъ онъ ему.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобъ бить сборъ.

— Гдѣ?

— Въ Батиньоль.

— Хорошо, сказалъ барабанщикъ.

Эти два человѣка, только что избѣжавшіе смерти, готовы были сейчасъ же идти опять ей навстрѣчу.

Но какъ по всему Парижу пройти съ барабаномъ? Первый патруль, который имъ встрѣтится, разстрѣляетъ ихъ. Дворникъ сосѣдняго дома, видѣвшій ихъ затрудненіе, далъ имъ холста. Они обернули имъ барабанъ и пустынными улицами пришли въ Батиньоль.

XIII.

Баррикада въ улицѣ Теввено.

Жоржъ Биссарра былъ тотъ, человѣкъ, который подалъ сигналъ къ враждебной демонстраціи въ Улицѣ де л'Эшелль.

Я зналъ Биссарра съ іюня 1848 г. Онъ участвовалъ въ этомъ гибельномъ возстаніи.

Я имѣлъ случай быть ему не бесполезнымъ. Онъ былъ схваченъ, его уже поставили на колѣни, чтобы разстрѣлять; я вступился, и спасъ его—его и еще нѣкоторыхъ. И этого мужественнаго Роллана, архитектора, который потомъ, въ изгнаніи, съ такимъ талантомъ реставрировалъ зданіе суда въ Брюсселѣ.

Это происходило 24 іюня 1848 г., на бульварѣ Бомарше, въ подвальномъ этажѣ дома № 98, тогда еще отстроеннаго.

Жоржъ Биссарра привязался ко мнѣ. Оказалось, что онъ пле-

мнѣннѣ одного изъ старыхъ и добрыхъ друзей моего дѣтства, Феликса Бискарра, умершаго въ 1828 г. Жоржъ Бискарра по временамъ заходилъ ко мнѣ; совѣтовался со мной въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или доставлялъ мнѣ свѣденія.

Желая предохранить его отъ пагубныхъ увлеченій, я посовѣтовала ему—и онъ принялъ совѣтъ мой—держаться слѣдующаго правила: «Никогда никакого восстанія иначе, какъ во имя права и долга».

Что такое была эта демонстрація въ улицѣ де-л'Эшелль? Разскажемъ этотъ случай.

2-го декабря, Бонапартъ сдѣлалъ опытъ выѣзда. Онъ рискнулъ посмотрѣть на Парижъ. Парижъ не любитъ, когда на него смотрятъ нѣкоторые глаза. Это кажется ему оскорбительнымъ и оскорбленіе раздражаетъ его болѣе, нежели рана. Онъ стерпитъ убійство, но не стерпитъ моргающихъ въѣвъ убійцы. И Луи Бонапарту пришлось солоно.

Въ 9 часовъ утра, въ ту минуту, когда гарнизонъ Курбува шелъ на Парижъ, и аффиши переворота были еще свѣжи на стѣнахъ, Луи Бонапартъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца, проѣхалъ черезъ площадь Согласія, Тюльерійскій садъ, дворъ Карусселя, и его видѣли выѣзжавшимъ изъ улицы де-л'Эшелль. Тотчасъ же собралась толпа. Луи Бонапартъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ; его сопровождали дядя его, бывший король Жеромъ, ѣхавшій рядомъ съ нимъ, и Фладъ, державшійся нѣсколько назади. Жеромъ былъ въ парадной формѣ маршала Франціи, въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ. Лошадь Луи Бонапарта была на цѣлую голову выше лошади Жерома. Луи Бонапартъ былъ мраченъ, Жеромъ внимателенъ; Фладъ—сіялъ. У Фладъ шляпа надѣта была на бокрень. Сзади слѣдовалъ многочисленный конвой уланъ, ѣхалъ Эдгаръ Ней. Бонапартъ намѣревался доѣхать до Hôtel de Ville. Жоржъ Бискарра находился тутъ. Мостовая была взрыта; дѣлали макадамъ. Онъ влѣзъ на груду камней и вскричалъ: «Долой диктатора! Долой преторіанцевъ!» Солдаты глядѣли на него туно, а толпа съ удивленіемъ. Жоржъ Бискарра (онъ самъ рассказывалъ это мнѣ) почувствовалъ, что восхищеніе его было слишкомъ «литературно», что его не поняли, и крикнулъ: «Долой Бонапарта, долой уланы!»

Это было электрической искрой.

—«Долой Бонапарта! Долой уланы!» кричалъ народъ; улица превратилась въ бѣшеный, бурный потокъ. «Долой Бонапарта!» Это походило на начинающуюся казнь. Бонапартъ сдѣлалъ быстрое движеніе вправо, и въѣхалъ во дворъ Лувра.

Жоржъ Бискарра чувствовалъ потребность дополнить эту бурю

баррикадой. «Кричать хорошо, но действовать лучше!» сказалъ онъ книгопродавцу Бенуа Муля, только что отворившему свою лавку. Онъ возвратился къ себѣ домой, надѣлъ блузу, фуражку и отправился въ темныя улицы. Онъ успѣлъ, въ тени дѣя, услѣдиться съ четырьмя рабочими ассоціаціями. Такъ прошелъ для него день 2-го декабря.

День 3-го прошелъ весь въ ходьбѣ, «почти безнолезной», говорилъ Бискарра Версиньи. И онъ прибавлялъ: «Но, по крайней мѣрѣ, я до-стигъ того, что афиши переворота повсюду срываютъ, и полиція, чтобъ сдѣлать это срываніе затруднительнѣе, стала, наконецъ, прѣбивать ихъ въ писсуарахъ, «гдѣ онъ на своемъ мѣстѣ».

Въ четвергъ 4 го, рано утромъ, Жержъ Бискарра пошелъ въ ресторанъ Ледубла, гдѣ обыкновенно обѣдали четыре представителя: Бривъ, Бертелонъ, Антуанъ Баръ и Вигье, прозванный рѣге Vigüer. Всѣ четверо находилась тамъ. Вигье рассказывалъ, что произошло наканунѣ, и соглашался со мной, что нужно поспѣшить развязкой и столкнуть преступленіе въ вырытую имъ самими пропасть. Явился Бискарра. Представители его не знали и смотрѣли на него. «Кто вы такой?» спросилъ одинъ изъ нихъ. Прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ, вошелъ докторъ Пети, съ какой-то бумагой. Развернувъ ее, онъ спросилъ:—Кто знаетъ здѣсь руку В. Гюго?

— Я, отвѣчалъ Бискарра. Онъ посмотрѣлъ бумагу. Это была моя прокламація къ арміи. «Надо это напечатать», сказалъ Пети.—Я за это берусь, сказалъ Бискарра. Антуанъ Баръ спросилъ:—Вы знаете Гюго?—Онъ спасъ мнѣ жизнь, отвѣчалъ Бискарра. Представители пожали ему руку.

Пришелъ Гильго, потомъ Версиньи. Версиньи зналъ Бискарра. Онъ видалъ его у меня Версиньи сказалъ: «Остерегитесь. Тамъ на крыльцѣ какой-то человѣкъ...» «Это рабочій, отвѣчалъ Бискарра:—онъ со мной».—Онъ въ блузѣ, продолжалъ Версиньи:—и подъ блузой у него платокъ, который онъ какъ будто прячетъ. Въ этомъ платкѣ что-то есть.

— Конфеты, сказалъ Бискарра:—драже.

Это были патроны.

Версиньи съ Бискарра пошли въ редакцію Siècle. Тамъ было 30 рабочихъ, которые всѣ, рискуя быть разстрѣлянными, предложили напечатать мою прокламацію. Бискарра оставилъ имъ ее и сказалъ Версиньи:—Теперь мнѣ нужна баррикада!

Рабочій шелъ за ними. Версиньи и Бискарра направились въ верхнюю часть квартала С.-Дени. Приближаясь къ воротамъ С.-Дени, они слышали глухой ропотъ. Бискарра засмѣялся и сказалъ Версиньи: «Сен-Дени сердится. Дѣло идетъ на ладъ». До-

рогой, Биска́рра завербовалъ сорокъ человекъ бойцовъ, между прочимъ Мулена, старшину ассоціаціи кожевниковъ. Шепюи, фельдфебель національной гвардіи, принесъ имъ четыре ружья и десять сабель.—«Не знаете ли, гдѣ есть еще?» спросилъ Биска́рра.—«Знаю, въ Сен-Совѣрскихъ баняхъ». Они пошли туда и нашли сорокъ ружей. Имъ дали сабли и патронницы. Господа, щеголевато одѣтые, приносили имъ воробки изъ бѣлой жести, гдѣ находились пули и порохъ. Женщины, съ радостнымъ видомъ, дѣлали патроны. На дворѣ у одного слесаря, они взяли молотки и желѣзныя палки. Нашлось оружіе, нашлись и люди. Ихъ тотчасъ же оказалась сотня. Начали вырывать камни. Былъ одиннадцатый часъ». Скорѣй! Скорѣй! кричалъ Биска́рра.— Баррикада! Любимая мечта моя!» Это было въ улицѣ Тевено. Баррикада возвышалась огромная, страшная... Сократимъ нашъ рассказъ.

Въ одиннадцать часовъ, Жоржъ Биска́рра окончилъ свою баррикаду. Въ двѣнадцать онъ былъ убитъ на ней.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭККУРСИ ДѢЛЦОВЪ ВЪ ОБЛАСТЬ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

И. С. Влохъ. Экономическое состояніе Россіи въ прошлое и настоящее. «Вѣстникъ Европы», 1877, IX, X, XII.

Исследования въ вопросу о значеніи русскими желѣзными дорогами проводимыхъ платъ въ металлической валютѣ, составленныя по порученію г. министра финансовъ, членомъ ученаго комитета министерства финансовъ И. С. Влохъ. Саб. 1877.

I.

Много и справедливо было говорено и писано о томъ, что русская литература до сихъ поръ еще имѣетъ очень малое практическое значеніе въ общественной жизни. Нечего, конечно, и доказывать, что рѣшительнаго голоса въ направленіи того или другого общественнаго вопроса нашей прессѣ никогда не принадлежало; но даже и самыя совѣщательныя функціи печатнаго слова въ этомъ отношеніи (о которыхъ недавно такъ краснорѣчиво распространялся извѣстный патриотъ г. Богдановичъ) въ значительной степени проблематичны. Общія условія нашего общественнаго строя и тѣ спеціальныя условія, которыми обставлена наша печать, ограничиваютъ сферу литературной дѣятельности предѣлами гораздо болѣе тѣсными, нежели тѣ, въ которыхъ она находится на Западѣ. Наша печать можетъ имѣть только болѣе или менѣе теоретическое, воспитательное значеніе для общественнаго сознанія; всякія претензіи на болѣе широкую роль, на направляющее теченіе общественныхъ дѣлъ вліяніе, не имѣютъ пока подъ собою никакой почвы.

Весьма естественно, что, при такомъ характерѣ и подчиненномъ значеніи литературы, она до послѣдняго времени не привлекала къ себѣ особаго вниманія людей такъ называемыхъ «практическихъ» или «дѣловыхъ» сферъ. Серьезныхъ и систематическихъ попытокъ сдѣлать изъ печатнаго слова, изъ науки и публицистики прямое орудіе для преслѣдованія тѣхъ или

других чуждых литературъ и наукъ цѣлей и интересовъ ни до сихъ поръ еще не видимъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы стремленіе пользоваться литературными оружіемъ было вовсе чуждо нашимъ «практикамъ». Какъ-бы ни было мало значеніе, придаваемое печатному слову въ тѣхъ сферахъ, которымъ принадлежитъ власть вязать и рѣшить, во всякомъ случаѣ поддержка его можетъ пригодиться хотя для извѣстной декорации того или другого дѣла. Вслѣдствіе этого, время отъ времени, мы встрѣчаемся съ извѣстными экскурсіями въ область науки и литературы, предпринимаемыми изъ лагерей, въ сущности ничего общаго съ этою областью не имѣющихъ.

Въ настоящей статьѣ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателей на одной изъ такихъ экскурсій. Мы говоримъ о научныхъ и публицистическихъ опытахъ г. Влюха. Опыты эти представляютъ явленіе во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное. Г. Влюхъ—какъ извѣстно, одинъ изъ видныхъ желѣзнодорожныхъ дѣателей—уже нѣсколько лѣтъ энергично и настойчиво ведетъ свою литературную кампанію, и нельзя, повидимому, сказать, чтобы кампанія это не имѣла никакихъ результатовъ. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ уже имя г. Влюха, какъ признаннаго авторитета, на страницахъ распространенныхъ и видныхъ періодическихъ изданій, а изъ заголовка книги его, упомянутой выше, узнаемъ, что г. Влюхъ фигурируетъ въ роли эксперта отъ науки и въ высшихъ административныхъ сферахъ. Такимъ образомъ, г. Влюхъ завоевалъ арену для своей пропаганды; небезынтересно поэтому взглянуть поближе: что же именно вноситъ въ литературу нашу новый публицистъ и ученый?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы разсмотримъ два послѣднія произведенія г. Влюха: статьи подъ заглавіемъ «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ», помѣщенные въ 3 книжкахъ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ (IX, X, XII), и одновременно вышедшую полуофициальную книжку: «Исслѣдованія къ вопросу о взиманіи русскими желѣзными дорогами провозныхъ платъ въ металлической валютѣ».

Оба названныя произведенія находятся /въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ, и посвящены, въ сущности, одной и той же цѣли; только г. Влюхъ приступаетъ къ своей задачѣ разными путями и съ разныхъ сторонъ. И статьи, и книжка направлены, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы выставить въ возможно болѣе благоприятномъ свѣтѣ характеръ и экономическіе результаты желѣзнодорожной операціи въ Россіи, а также цѣли и побужденія нашихъ желѣзнодорожныхъ дѣателей; разница лишь въ томъ, что журнальныя статьи, составляя докладъ публикѣ, представляютъ болѣе общую постановку дѣла; докладъ же для сферы административныхъ, заключающійся въ книжкѣ, касается только одного спеціальнаго вопроса, именно пресловутаго ходатайства же-

железнодорожниковъ о переложеніи железнодорожныхъ тарифовъ на металлическую валюту. Г. Влюхъ отважно принимаетъ это ходатайство подъ защиту своей «науки». И то, и другое «исследованіе» г. Влюха опирается на большой, еще не наданный, трудъ объ экономическомъ состояніи Россіи; г. Влюхъ заявляетъ, что онъ уже 4 года знаетъ этия трудомъ, но еще не приехалъ это къ концу. Такимъ образомъ, главный арсеналъ, изъ котораго г. Влюхъ почерпаетъ свое оружіе, нова еще не доступенъ публикѣ, но съ характеромъ его можно познакомиться до известной степени и изъ того, что уже напечатано. Въ статьяхъ «Вѣстника Европы» г. Влюхъ сообщаетъ главные выводы своей работы, а въ книжкѣ, написанной по порученію министра финансовъ, даетъ ключъ къ научнымъ приемамъ, при помощи которыхъ получены эти выводы. Мы остановимся сначала на железнодорожной публицистикѣ, на общихъ выводахъ и положеніяхъ г. Влюха и затѣмъ уже перейдемъ къ специальной части его работы.

Статья г. Влюха, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», носитъ, какъ мы уже упоминали, очень громкое заглавіе: «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ»; это заставляетъ съ перваго взгляда предполагать, что г. Влюхъ действительно задался широкою темою. Но если присмотрѣться къ слову поближе, то окажется, что, въ сущности, анализъ экономическаго состояніи Россіи есть только декорация, удобный предлогъ для проведенія съ большею помпозою излюбленной идеи г. Влюха о благодѣяніяхъ, доставленныхъ и доставляемыхъ Россіи гг. железнодорожными предпринимателями. Только такою тенденціозною подкладкою статей и можно объяснить ту крайнюю снѣжность и развязность, съ какою г. Влюхъ третируетъ самые сложные вопросы, требующіе серьезнаго и внимательнаго разсмотрѣнія; для него «всѣ дороги ведутъ въ Римъ», всѣ аргументы хороши, лишь бы при помощи ихъ можно было сдѣлать ловкій ходъ въ той игрѣ, которую въ сущности представляютъ собою все изслѣдованіе; что за бѣда если при этомъ приходится опираться, какъ на доказательства, на такія положенія, которыя именно и слѣдуетъ доказать, или въ одномъ мѣстѣ утверждать одно, а въ другомъ иное! Эти мелкія противорѣчія не имѣютъ значенія, когда сохранено единство общей стратегической цѣли.

Остовъ статей г. Влюха таковъ: за точку исхода онъ беретъ время предъ крымской компаніей и тотъ тяжелый экономическій и финансовый кризисъ, который слѣдовалъ за войною. Г. Влюхъ сравниваетъ этотъ кризисъ съ переживаемымъ нами нынѣ и находитъ, что положеніе Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе улучшилось самымъ радикальнымъ образомъ. Благодаря этому, нынѣшній кризисъ не можетъ имѣть того характера безыходности, которымъ отличался предыдущій. Въ настоящее время, говоритъ г. Влюхъ, есть на лицо средства для направленія, для восстановленія экономическихъ силъ, чего прежде не было.

Откуда же выдѣлись эти средства? гдѣ слѣдуетъ искать причину замѣчаемаго кореннаго улучшенія экономического состоянія Россіи? По мнѣнію г. Блюка, причины эти лежатъ въ тѣхъ реформахъ, которыя произошли за послѣднее двадцатилѣтіе; изъ особенностей же существенное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ сооружеиію сѣти желѣзныхъ дорогъ. О реформахъ г. Блюкъ только упоминаетъ мимоходомъ, останавливается же подробно собственно на желѣзныхъ дорогахъ. Большая часть его статей посвящена разсмотрѣнію хода и результатовъ сооружеиія сѣти. Г. Блюкъ и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ при характеристикѣ современнаго кривиса, вооружается противу «спесивническихъ» воззрѣній, опроверженіе которыхъ онъ выставляетъ главной задачей своихъ статей. По его мнѣнію, все обстоитъ благополучно. Намъ нечего особенно смущаться тѣмъ будто бы злобѣщими признаками, на которые указываютъ «спесивисты», и слѣдуетъ твердо идти по тому же пути, по которому шли до сихъ поръ.

Мы сейчасъ увидимъ, какіе узоры вышиваетъ г. Блюкъ по намѣченной канвѣ и по какому именно пути онъ приглашаетъ насъ идти; теперь же мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и провести одну, какъ намъ кажется не лишнюю параллельнаго значенія, параллель. По странной случайности, происшедшее г. Блюка появилось на страницахъ того же самаго періодическаго изданія, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гостеприимно открыло свои столбцы для другой экскурсіи въ область литературы, предпринятой изъ иного лагеря «практиковъ», нежели тотъ, къ которому принадлежитъ г. Блюкъ. Мы говоримъ о пресловутомъ походѣ нашей джентри въ пользу, такъ называемой, «всесословной волости». Если читатели припомнятъ, въ это время самый видный представитель нашей землевладѣльческой партіи, гр. Орловъ-Давыдовъ, выступилъ въ «Вѣстникѣ Европы» съ общео-теоретическою статьею въ защиту помѣщичьихъ интересовъ, которые выставлялись, какъ интересы всей Россіи. Появленіе статей г. Блюка тоже совпадаетъ съ параллельною агитаціею желѣзнодорожныхъ дѣятелей—не послѣднее мѣсто между которыми занимаетъ и самъ онъ—для проведенія извѣстнаго проекта, именно проекта возвышенія всѣхъ провозныхъ платъ, сообразно падежи цѣнности кредитнаго рубля. Г. Блюкъ, такъ же какъ и гр. Орловъ-Давыдовъ, участвуетъ въ одно и то же время и въ теоретической, и въ практической агитаціи, и онъ точно также имѣетъ въ виду прежде всего интересы цѣлой страны, но только интересы эти оказываются совпадающими съ интересами того класса, къ которому онъ принадлежитъ. Любопытно при этомъ различіе, замѣчаемое въ основныхъ чертахъ угла зрѣнія на наше настоящее и будущее у представителей *poblesse* и у представителей *tiers état*, при общности ихъ научныхъ приемовъ. Какъ гр. Орловъ-Давыдовъ, такъ и другіе публицисты «аристократіи»,

представляли положеніе дѣлъ съ отрицаніемъ въ значительной степени мрачнымъ; будущее внушало имъ опасенія; чтобы устранить градусія опасности, рекомендовался довольно рѣшительный поворотъ назадъ, рядъ «реформъ» въ обратномъ смыслѣ. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются воззрѣнія публицистовъ «буржуазинъ». Дѣльцы—оптимисты и либералы; съ легкимъ сердцемъ смотрятъ они на недавно пройденный періодъ и на будущее; если что либо и представляется имъ опаснымъ для Россіи, то развѣ только возможность уклоненія отъ пути, которому они обязаны своимъ возникновеніемъ и разцвѣтомъ. Намъ кажется, что уже одно сближеніе отношенія къ «періоду реформъ» двухъ помянутыхъ слоевъ общества—если его провести далѣе—могло бы дать не безполезныя указанія для характеристики самаго періода; но, къ сожалѣнію, предѣлы статьи не позволяютъ намъ остановиться дольше на этомъ пунктѣ. Мы хотѣли только напомнить читателямъ о дворянской экскурсіи въ область литературы, чтобы показать, что попытка г. Влюха не первая въ своемъ родѣ.

Какъ мы упоминали выше, въ статьяхъ г. Влюха заключаются два главныхъ положенія. Г. Влюхъ утверждаетъ во 1-хъ, что современное экономическое состояніе Россіи представляетъ въ сравненіи съ прошлымъ улучшеніе настолько радикальное, что мы не можемъ уже опасаться, чтобы затрудненія, вызванныя войною и другими неблагоприятными обстоятельствами, могли отозваться на немъ потрясеніемъ, въ родѣ испытаннаго послѣ крымской войны, и во 2-хъ, что такимъ улучшеніемъ мы обязаны если не въ главнѣйшей, то въ весьма значительной степени успѣшному выполненію операціи сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Остановился ближе на каждомъ изъ этихъ положеній.

Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ претензіи представить здѣсь съ своей стороны отвѣтъ на вопросъ о томъ: насколько, въ какихъ отношеніяхъ и въ какомъ смыслѣ измѣнилось экономическое состояніе Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе и насколько мы можемъ ожидать государственнаго и экономическаго кризиса, подобнаго тому, какой пережила Россія послѣ крымской войны. Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было трактовать въ бѣглой журнальной замѣткѣ. Мы хотѣли бы только намѣтить въ общихъ чертахъ, съ какихъ именно сторонъ и какимъ образомъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приступать къ его разсмотрѣнію, и сравнить потомъ, что находимъ мы въ изслѣдованіи г. Влюха.

Замѣтимъ прежде всего, что, говоря объ «экономическомъ улучшеніи», необходимо постоянно и строго различать три стороны: 1) финансовый прогрессъ, улучшеніе *государственнаго хозяйства*; 2) прогрессъ *производства* въ обширномъ смыслѣ, ростъ *національнаго богатства* и, наконецъ, 3) собственно возвышеніе *народнаго благосостоянія*. Конечно въ послѣднемъ счетѣ, всѣ эти три элемента сводятся къ единству: прочное процвѣта-

ние финансов немалым при плохой производительности страны; точно также, въ концѣ концовъ, прогрессъ производства долженъ остановиться, если онъ не сопровождается повышениемъ уровня благосостоянія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, чтобы развитіе трехъ намѣченныхъ элементовъ экономического прогресса шло параллельно и чтобы въ извѣстные періоды между ними не могло существовать даже антагонизма. Плохія финансы могутъ быть на время приведены не только въ сносное, но и блестящее по наружности положеніе разными искусственными мѣрами, губительно отыивающимися вмѣстѣ съ тѣмъ на производительности страны. Что касается прогресса производства, то уклоненія его въ сторону совсѣмъ не соответствующую интересамъ народнаго благосостоянія могутъ быть еще болѣе рѣзкія и продолжительныя, и тѣмъ болѣе общественная жизнь усложняется и приближается къ тому состоянію, въ которомъ находится въ настоящее время наиболѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны Западной Европы, тѣмъ сильнѣе проявляется эта разобщенность между интересами «національнаго богатства» и «народнаго благосостоянія». Когда господствуетъ капиталистическій принципъ, хозяйственная жизнь складывается по типу машиннаго производства; главное направленіе промышленной дѣятельности находится тогда въ рукахъ управляющаго класса капиталистовъ; большинство производителей обращается въ простые орудія, «рабочія руки», участіе ихъ въ производствѣ дѣлается чисто пассивнымъ, производительность ихъ труда становится въ зависимость отъ условій по отношенію къ нимъ вышнихъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ плесообразнаго употребленія рабочихъ рукъ распорядителями производства. При такихъ условіяхъ, прогрессъ накопленія, увеличенія богатства можетъ идти почти совсѣмъ независимо отъ возвышенія уровня общаго благосостоянія.

Уже изъ приведенныхъ бѣглыхъ замѣчаній видно, что вопросъ объ экономическомъ прогрессѣ есть вопросъ весьма сложный и что для ясной и правильной его постановки необходимо всегда строго различать, о какомъ именно элементѣ идетъ дѣло. Иначе выйдетъ или путаница, или подтасовка. Такая путаница нерѣдко встрѣчается и при сужденіяхъ о значеніи для Россіи періода, въ настоящее время нами переживаемаго.

Въ до-реформенное время хозяйственная жизнь Россіи была несложна и невысока въ своемъ развитіи. Общій уровень благосостоянія былъ низокъ, точно также слабо была развита и производительность: она лежала плѣнкомъ на плечахъ народныхъ массъ; привилегированные классы были почти безусловно непроизводительны, трудъ же массъ былъ закрѣпощенъ и находился въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для своей продуктивности. Хозяйство государства, конечно, тоже не могло быть въ блестящемъ положеніи: его экономическая состоятельность опять-таки опиралась на того же закрѣпощеннаго мужика, во-

торый далеко не представлялъ собой ресурса, достаточнаго для поддержанія государственнаго механизма, разросшагося несообразно съ средствами и силами страны.

Брымская война наглядно доказала несостоятельность вѣрностнаго строя тогдашней жизни. Наступила эпоха преобразованій, перестройка общественныхъ отношеній. Моментъ въ русской жизни былъ критическій: чрезвычайно многое зависѣло отъ того, въ какой послѣдовательности предпринята будетъ перестройка общественной и государственной жизни; какія потребности, какія цѣли выдвинуты будутъ на первый планъ. Реформы коснулись многихъ сторонъ жизни; но мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ экономическими отношеніями и будемъ говорить лишь о нихъ. Преобразование хозяйственнаго строя государства и общества могло идти разными путями. Центръ тяжести его могъ лежать въ каждомъ изъ трехъ намѣченныхъ выше элементовъ экономическаго прогресса, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Общественная перестройка могла имѣть прямою и непосредственную цѣлью возвышеніе уровня благосостоянія массъ, созданіе болѣе благоприятныхъ условій для производительности народнаго труда, при сохраненіи того же кореннаго типа производства, опирающагося непосредственно на массы. Въ такомъ случаѣ, какъ *нольдство*, явился бы и прогрессъ въ народненіи національнаго богатства, прогрессъ не быстрый, но прочный, который, въ свою очередь, обусловилъ бы улучшенія фискальныя. Но можно представить и другой процессъ, когда на первый планъ выдвигается средній членъ приведеннаго выше ряда — *прогрессъ производства*. Несомнѣнно, что, при господствѣ капиталистическаго строя, накопленіе богатства идетъ быстрѣе, нежели при переробитномъ типѣ промышленныхъ отношеній; поэтому, въ интересахъ наибольшаго народненія національнаго богатства и быстрого развитія производства, усилія государства могли быть направлены, главнымъ образомъ, на созданіе крупной промышленности, на облегченіе перехода общества изъ строя непосредственно въ тотъ, который наиболѣе благоприятствуетъ быстрому прогрессу производительности. Въ случаѣ успѣха этихъ усилій, прежняя зависимость состоятельности государства отъ состоятельности народныхъ массъ была бы устранена; наоборотъ, неуспѣшность попытокъ къ созданію посредствующаго экономическаго элемента легко могла привести къ новому государственному кризису. Наконецъ, оставалось еще третье возможное направленіе реформъ. Главнымъ центромъ, къ которому тягаться всѣ другія стремленія, могли явиться интересы фиска — созданіе источниковъ для возможно болѣе быстрого расширенія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія новыхъ государственныхъ потребностей. Въ жертву настоящему, въ такомъ случаѣ, приносилось бы будущее, такъ какъ, при преобладаніи фискальныхъ интересовъ и стремленій предъ остальными, страна живетъ обыкновенно на счетъ капитала, а не на счетъ дохе-

довъ; экономическая дѣятельность неизбежно принимаетъ характеръ займа, прямого или косвеннаго. Инымъ путемъ прогрессъ фиска не можетъ перегнать прогресса національнаго обогащенія, а этотъ путь, конечно, рано или поздно приводитъ опять-таки къ государственному кризису.

При всякой попыткѣ опредѣлить значеніе послѣднаго, по-реформеннаго періода нашей жизни, необходимо прежде всего выяснить: къ какому изъ намѣченныхъ гипотетическихъ случаевъ подходили ближе всего, по характеру своему, перемѣны въ экономическомъ состояніи Россіи? Эти требованія мы вправѣ поставить и попытѣ г. Влюха. Но въ статьяхъ нашего новаго ученаго публициста мы напрасно искали бы даже намекъ на объясненные приемы исследования. Г. Влюху чуждо, повидимому, самое сознаніе необходимости исследовать *порознь* каждый изъ намѣченныхъ выше элементовъ экономическаго прогресса, не говоря уже о различеніи значенія той или другой послѣдовательности въ ихъ проявленіи. Понятіе экономическаго прогресса является у него общимъ и неразчлененнымъ; отъ этого весь его анализъ отличается въ высшей степени поверхностнымъ характеромъ. Г. Влюхъ болѣе всего занятъ вексельнымъ курсомъ, торговымъ балансомъ, учетнымъ процентомъ и т. п. болѣе или менѣе вѣшными признаками экономическаго состоянія страны; болѣе глубокое исследование ему или не по силамъ, или не входитъ въ его расчетъ. Храбро ополчась противъ «пессимистическихъ воззрѣній», нашъ авторъ, повидимому, даже не хотѣлъ дать себѣ трудъ понять, въ чемъ именно состоятъ эти воззрѣнія и на какой почвѣ можно ихъ опровергнуть. Конечно, г. Влюхъ, чужой человѣкъ въ литературѣ; немудрено поэтому, что онъ не помнитъ того, что говорилось и писалось равнѣ его; но вѣдь онъ является въ литературу съ претензіей учить: г. Влюхъ является прямо, что онъ посвѣщилъ опубликованіемъ результатовъ своего обширнаго труда, въ виду того, что въ настоящее время господствуютъ неправильныя воззрѣнія на счетъ нашего дѣйствительнаго экономическаго положенія. При такихъ претензіяхъ, казалось бы обязательнымъ ознакомиться хотя съ постановкою вопроса, за рѣшеніе котораго г. Влюхъ берется съ такою развязностью. Какъ ни бѣдна наша литература на счетъ исследования русской экономической жизни, но все-таки вопросы, которыхъ касается г. Влюхъ—для нея далеко не новость: они не разъ уже подвергались болѣе глубокому разсмотрѣнію, причемъ выводы получались не совсѣмъ такіе, какъ у г. Влюха. Быть можетъ, это происходило именно потому, что писатели, которыхъ г. Влюхъ соединяетъ въ группу «пессимистовъ», всегда помнили различіе между прогрессомъ финансовымъ, расширеніемъ производства и сбыта и поднятіемъ уровня благосостоянія, и притомъ при анализѣ каждой изъ этихъ сторонъ вопроса объ экономическомъ прогрессѣ, обращали болѣе вниманія на самую сущность, нежели на вѣшныя признаки, на которыхъ преимуще-

ственно оставалывается нашъ дѣлецъ-оптимистъ. Мы не намѣрены формулировать здѣсь подробно программы, которую г. Влюху угодно называть «пессимистическою», но считаемъ необходимымъ только напомнить самымъ общимъ образомъ ея основныя черты.

По воззрѣніямъ «пессимистовъ», самымъ выдающимся, характернымъ явленіемъ въ экономической жизни послѣдняго двадцатилѣтія, особенно второй его половины (т. е. времени, совпадающаго съ періодомъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, которыми специально занимается г. Влюхъ), слѣдуетъ признать расширение государственнаго бюджета. Въ теченіи 10 лѣтъ (1866—1875 г.), государственные доходы возрасли почти на $\frac{2}{3}$; если взять за норму бюджетъ 1866 г., то окажется, что приращеніе государственныхъ доходовъ, въ общей суммѣ, за всѣ 9 лѣтъ составило свыше 1,300 милліон.; сообразно съ этимъ росли и издержки государства. Но при такомъ быстромъ расширеніи государственнаго бюджета, основной его характеръ остался тотъ же: новыя источники доходовъ не создалося; по прежнему главное бремя всѣхъ налоговъ лежитъ на трудѣ народныхъ массъ; ростъ доходовъ объясняется не тѣмъ, чтобы явились новыя объекты обложенія, а тѣмъ, что обложеніе податныхъ классовъ сдѣлалось интенсивнѣе. При такомъ положеніи дѣла, прочное развитіе государственнаго хозяйства возможно только при соответственномъ развитіи производительности народнаго труда, при расширеніи источниковъ доходовъ и заработковъ классовъ населенія, поддерживающихъ государственную состоятельность. Въ дѣйствительности, однако, мы этого не замѣчаемъ. Рядъ широко произведенныхъ правительственныхъ изслѣдованій (припомнимъ труды комиссій податной и сельскохозяйственной) доказалъ осязательно, что о возвышеніи за послѣднее время общаго уровня народнаго благосостоянія серьезно говорить нельзя. Да трудно было и ожидать такого возвышенія. Если обратить вниманіе на характеръ и направленіе экономическихъ мѣропріятій послѣдняго времени, мы увидимъ, что они совсѣмъ не клонились *непосредственно* къ этой цѣли. Всѣ усилія были направлены скорѣе на созданіе между государствомъ и массами *посредствующаго* экономического элемента: экономическая политика всего болѣе задавалась интересами крупной промышленности, облегченіемъ накопленія капиталовъ и перехода хозяйственнаго строя къ типу буржуазно-капиталистическому. Такимъ образомъ, рядомъ съ фискальнымъ принципомъ, выступалъ, повидимому, принципъ «наибольшаго производства». Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ предпринятыхъ мѣръ мы не видимъ дѣйствительнаго развитія промышленности, какъ не видѣли поднятія уровня народнаго благосостоянія. Наше сельское хозяйство такъ же первобытно, какъ и было прежде; фабричная и заводская промышленность тоже не далеко ушла впередъ. Подтвержденіе этому мы можемъ найти опять таки въ изслѣдованіяхъ правительственныхъ комиссій, въ бюджетныхъ цифрахъ, въ статистическихъ данныхъ (несмотря на ихъ скудость) и, набо-

несть, въ свидѣтельствахъ самихъ сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, много разъ приводимыхъ въ подкрѣпленіе разныхъ ходатайствъ, влотившихся чаще всего къ испрошенію правительственныхъ пособій въ той или другой формѣ. Можно считать несомнѣннымъ, что прогрессъ производства далеко не достигъ того состоянія, когда крупная промышленность является преобладающимъ экономическимъ факторомъ и когда, слѣдовательно, *въ интересахъ производительности*, условія хозяйственной дѣятельности народныхъ массъ не играютъ особаго значенія. Типъ нашего хозяйственного строя остался еще пока прежній.

Если такимъ образомъ ростъ государственнаго хозяйства шельфище, нежели ростъ народнаго благосостоянія и дѣйствительное возрастаніе производства, то финансовый прогрессъ нельзя было считать прочнымъ. Финансовое благополучіе страны въ подобныхъ случаяхъ основывается на искусственныхъ опорахъ и не въ силахъ вынести серьезныхъ потрясеній; даже и безъ такихъ потрясеній оно неизбежно должно закончиться кризисомъ, коль скоро устранился его искусственная поддержка. Вотъ почему, еще до послѣдней войны и возникновенія затрудненій, съ ней сопряженныхъ, не разъ высказывались опасенія на счетъ возможности финансоваго кризиса и регресса въ государственномъ хозяйствѣ, несмотря на его блестящую внѣшность; съ началомъ же кризиса, для всякаго серьезно вникающаго въ основныя условія нашего экономическаго положенія, должно было сдѣлаться очевиднымъ, что кризисъ этотъ, хотя и не имѣетъ до сихъ поръ остраго характера, но во всякомъ случаѣ представляется крайне серьезнымъ. Онъ ясно указываетъ на необходимость извѣстнаго поворота въ экономической жизни. Въ какую сторону долженъ совершиться этотъ поворотъ, едва ли настоятельно надобно указывать: не только теоретическія построенія, но и недавніе опыты, не оставляютъ сомнѣній относительно того, въ чемъ именно лежитъ залогъ прочнаго экономическаго благосостоянія Россіи.

Приведенныя положенія идутъ въ разрѣзъ съ тѣми возрѣніями, которыя защищаются въ статьяхъ г. Бліоха. Тѣмъ не менѣе, прямыхъ опроверженій ихъ въ названныхъ статьяхъ мы не находимъ. Какъ мы уже упоминали, г. Бліохъ, повидимому, и не подозреваетъ, какимъ образомъ поставленъ былъ въ русской литературѣ вопросъ, котораго касаются его статьи. Мы должны обратиться поэтому къ разбору аргументовъ самого г. Бліоха, приводимымъ въ защиту его главнаго тезиса о томъ, что предшествующимъ періодомъ развитія создавы уже экономическія силы и средства, достаточныя для возстановленія рациональнаго теченія экономической жизни, нарушеннаго послѣдней войною. Какъ было объяснено выше, главнѣйшее значеніе въ подготовленіи этихъ средствъ г. Бліохъ приписываетъ вновь выстроенной въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Разсмотримъ же ближе вопросъ объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ до-

рогъ въ Россіи. Это дастъ намъ возможность, съ одной стороны, опредѣлить точнѣе тотъ путь, который, по мнѣнію г. Блюха, представляется спасительнымъ для Россіи, а съ другой стороны, позволитъ пояснить и дополнить нѣкоторыя изъ положеній приведенныхъ выше.

II

Говоря объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ, необходимо различать прежде всего двѣ стороны вопроса: во-первыхъ, можно имѣть въ виду вліяніе *постоянное*, связанное съ эксплуатацией желѣзныхъ дорогъ, а во-вторыхъ, вліяніе болѣе или менѣе *временное*, проявляющееся въ періодъ самаго сооруженія сѣти. Это послѣднее вліяніе проявляется особенно сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка желѣзныхъ дорогъ идетъ не постепенно, а быстро, скачками; привлеченіе къ дѣлу огромныхъ капиталовъ производитъ при этомъ извѣстную, болѣе или менѣе продолжительную пертурбацію въ промышленной сферѣ и даже можетъ до нѣкоторой степени измѣнить самый характеръ существующихъ экономическихъ отношеній.

Разсмотримъ прежде, какое *постоянное* воздѣйствіе могутъ оказывать желѣзныя дороги на хозяйственный бытъ страны. Какъ и всякій улучшенный путь сообщенія, желѣзная дорога дѣйствуетъ прежде всего на ускореніе, удешевленіе и болѣе регулярность перевозокъ, а чрезъ это и на *оживленіе и расширеніе объёма*. Это—прямое вліяніе путей сообщенія. Затѣмъ, ближайшимъ косвеннымъ воздѣйствіемъ является вліяніе *на цѣны*; именно желѣзныя дороги имѣютъ тенденцію къ уравненію и регулированію цѣнъ на той территоріи, на которую распространяется ихъ дѣйствіе, приводя въ болѣе тѣсную экономическую связь и взаимную зависимость различныя ея области. Наконецъ, косвенно же желѣзныя дороги оказываютъ двоякое дѣйствіе *на производство*: во-первыхъ, съ открытіемъ новыхъ рынковъ и съ оживленіемъ объёма является импульсъ къ расширенію и усиленію производства; во-вторыхъ, самая форма производства и распредѣленіе различныхъ отраслей его по территоріи претерпѣваютъ измѣненія. Желѣзныя дороги въ самой значительной степени способствуютъ установленію и усиленію производства *изъ стороны*, для сбыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ спеціализаціи производства въ различныхъ мѣстностяхъ и сосредоточенію промышленной и торговой дѣятельности въ крупныхъ центрахъ и въ рукахъ крупныхъ хозяйственныхъ единицъ; словомъ, упроченію тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ основныя черты такъ называемаго капиталистическаго строя промышленности.

Таковы *тенденціи* того вліянія, которое желѣзныя дороги оказываютъ на хозяйственный бытъ данной страны. Если мы

припомним выше намѣченный нами рядъ элементовъ экономического прогресса: 1) улучшение государственнаго хозяйства; 2) ростъ національнаго богатства, и 3) собственно возвышеніе народнаго благосостоянія, то увидимъ, что вліяніе желѣзныхъ дорогъ дѣйствуетъ непосредственно на *средній* членъ этого ряда. Воздѣйствіе на два другіе элемента происходитъ уже болѣе косвенно, по столько, по-скольку ихъ развитіе находится въ зависимости отъ прогресса промышленности въ томъ направленіи, которому благопріятствуютъ желѣзныя дороги. Если этотъ прогрессъ создаетъ новые источники государственныхъ доходовъ, усиливая вмѣстѣ съ тѣмъ старыя или, по крайней мѣрѣ, не ослабляя ихъ; и не налагаетъ на фискалъ новыхъ расходовъ, въ такомъ случаѣ фискальное его вліяніе оказывается благопріятнымъ. Можетъ случиться, однако, и обратное: можно представить себѣ, что экономическая революція, совершающаяся подъ вліяніемъ новыхъ путей сообщенія, временно по крайней мѣрѣ, противоположна интересамъ фиска. Такое явленіе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда элементы, на которыхъ долженъ покоиться центръ тяжести вновь слагающагося экономического строя, еще не представляются достаточно сильными, чтобы служить опорой государственной состоятельности, старый же строй уже расшатанъ вліяніемъ вновь возникающихъ силъ. Наконецъ, можно представить и болѣе элементарный случай вреднаго фискальнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ: дороги эти, въ большинствѣ случаевъ, создаются при дѣятельномъ участіи государства и при условіи гарантіи ихъ доходности со стороны фиска. Если встроенная сѣтъ почему либо оказывается бездоходною или недостаточно оплачивающею расходы эксплуатаціи и сооруженія—она ложится бременемъ на государственный бюджетъ.

Значеніе желѣзныхъ дорогъ для интересовъ *народнаго благосостоянія* представляется еще болѣе сложнымъ и условнымъ. Мы уже упоминали, что желѣзныя дороги являются однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ при пересозданіи строя промышленности непосредственнаго, такъ сказать децентрализованнаго, кустарнаго, къ строю болѣе искусственному, централизованному, фабрично-капиталистическому. Эта общая тенденція, жлывающаяся къ уничтоженію экономической самостоятельности массъ, сама по себѣ отнюдь не можетъ быть признаваема благопріятною съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Но упомянутое вредное вліяніе можетъ, конечно, имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ непосредственный строй отношеній не былъ разрушенъ уже ранѣе, и притомъ оно можетъ быть въ значительной степени уравновѣшено другимъ—полезнымъ. Быстрый ростъ промышленности, создавая массу новыхъ дѣльностей и источниковъ для заработковъ, можетъ временно способствовать подъему благосостоянія, несмотря на неблагопріятную *форму* этой промышленности. Это возможно особенно въ томъ случаѣ, если въ хозяйственномъ строѣ страны существуютъ условія, въ родѣ правильной

аграрной системы, препятствующія полному осуществленію экономической революціи въ указанномъ направленіи и окончательному превращенію низшихъ рабочихъ слоевъ изъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ въ «рабочія руки». Что касается той стороны вліянія желѣзныхъ дорогъ, которая проявляется въ движеніи цѣнъ, то и въ этомъ отношеніи можно отличить элементы полезные и вредные для интересовъ массъ. Которые изъ этихъ элементовъ выступать на первый планъ, зависить въ каждомъ случаѣ отъ совокупности прочихъ хозяйственныхъ условій страны. Тенденція желѣзныхъ дорогъ къ удешевленію *производства и регулированию ценъ*, понижая во многихъ случаяхъ стоимость извѣстныхъ предметовъ потребления, недоступныхъ до того массамъ, *при благоприятныхъ условіяхъ*, можетъ усилить народное потребление. Но, съ другой стороны, извѣстно также, что всякій крупный переворотъ въ цѣнахъ (будетъ ли это повышение или пониженіе) вообще сопряженъ съ опасностями для бѣднѣйшихъ классовъ населенія, которые всегда имѣютъ гораздо менѣе возможности приспособиться къ новымъ условіямъ, нежели классы, экономически господствующіе.

Изъ приведеннаго выше видно, до какой степени условно то или другое вліяніе желѣзныхъ дорогъ какъ на государственное хозяйство, такъ и на интересы народного благосостоянія. Безъ всякаго сомнѣнія, интересы промышленности, производства въ обширномъ смыслѣ, затрогиваются рельсовыми путями гораздо болѣе прямымъ образомъ. Трудно представить себѣ такіа условія, при которыхъ сѣтъ желѣзныхъ дорогъ могла бы остаться вовсе безъ воздѣйствія на развитіе промышленности. Но *степень* этого воздѣйствія тоже зависить отъ многихъ обстоятельствъ. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе характеръ и условія эксплуатаціи и построенія самихъ путей. Желѣзныя дороги могутъ быть такъ дурно построены и настолько дурно управляемы, что провозъ по нимъ, вслѣдствіе дороговизны и неисправности, дѣлается мало-выгоднымъ. Затѣмъ желѣзныя дороги могутъ быть проведены не въ томъ направленіи, какъ это было бы наиболѣе полезнымъ для торговли. Наконецъ, можетъ случиться, что постройка сѣтъ произведена въ такихъ размѣрахъ, которые не вызывались дѣйствительными нуждами промышленности; въ такомъ случаѣ, непроизводительная затрата извѣстной части капитала не можетъ не отравиться вредно на хозяйственной жизни страны. Вообще, какъ ни могущественно экономическое вліяніе желѣзныхъ дорогъ, для полнаго своего проявленія оно требуетъ наличности извѣстныхъ благоприятныхъ условій: желѣзныя дороги *способствуютъ* развитію оживленной торговли и крупной промышленности, но не могутъ *создать* ихъ, если на лицо нѣтъ необходимыхъ для того элементовъ.

Чтобы отвѣтить сколько-нибудь точно на всѣ намѣченныя стороны вопроса объ экономическомъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, обратиться къ фактамъ, къ ста-

статистическим даннымъ. Приведенныя общія соображенія могутъ служить при этомъ только руководящею нитью въ изслѣдованіи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ очень мало статистическихъ работъ, сколько-нибудь широко и полно охватывающихъ данный вопросъ. Г. Влюхъ заявляетъ, что онъ исполнилъ этотъ пробѣлъ. «Собранныя нами въ спеціальному трудѣ, предназначенному къ изданію въ скоромъ времени, исчисленія и таблицы, говоритъ онъ:—представляютъ матеріалъ, который, надѣемся, доставитъ нашимъ ученымъ специалистамъ возможность сдѣлать основанныя на точныхъ данныхъ заключенія о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на нашу кредитъ, нашу производительность, потребление и торговлю». Общія выводы этого труда г. Влюхъ и сообщаетъ въ «Вѣстникѣ Европы». Разберемъ каждый изъ нихъ порознь и посмотримъ, насколько они оправдываютъ утверженіе г. Влюха о коренномъ улучшеніи экономическихъ условій Россіи, вызванномъ желѣзными дорогами.

«Что постройка обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, говоритъ г. Влюхъ:— не могла остаться безъ значительнаго вліянія на экономическое состояніе государства, это понятно въ общемъ смыслѣ и безъ статистическаго изслѣдованія. Но оцѣнить съ точностью, въ чемъ именно вліяніе это выразилось, представляется возможнымъ лишь только послѣ весьма тщательнаго изслѣдованія, и, прежде чѣмъ обратиться къ тому, мы вынуждены указать на главнѣйшіе моменты, которые при этомъ нужно имѣть въ виду.

«Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что вообще желѣзныя дороги увеличиваютъ чистый доходъ производителей, а тѣмъ самымъ способствуютъ къ увеличенію производительности и *поднятію цѣны на землю и на трудъ, помоя, такимъ образомъ, развитію благосостоянія*» («Вѣстн. Евр.», 1877, X., 753).

Вотъ первое общее положеніе г. Влюха. Нельзя не замѣтить, что это положеніе уже слишкомъ обще и неопредѣленно, а вторая его половина совершенно фальшива. Г. Влюхъ видитъ воздѣйствіе желѣзныхъ дорогъ на общее благосостояніе въ томъ, что онѣ поднимаютъ цѣну *на землю и на трудъ*. Но развѣ возвышеніе цѣны на землю, а слѣдовательно и ренты, дѣйствуетъ въ одинаковомъ направленіи на народное благосостояніе, какъ и возвышеніе заработной платы? Это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, еслибы рабочіе были бы рентьеры или еслибы увеличеніе дохода землевладѣльца-нанимателя всегда влекло за собою и увеличеніе платы наемному рабочему. На практикѣ мы этого не замѣчаемъ, и теоретически доказать такое положеніе было бы трудно. Но г. Влюхъ или не видитъ, или не хочетъ видѣть несообразности, въ которую впадаетъ. По крайней мѣрѣ, идея о солидарности экономическаго вліянія вздорожаніе цѣны земельной собственности и рабочихъ рукъ, проводится у него въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ началѣ первой своей статьи («Вѣстн. Евр.», 1877, IX, стр. 309), г. Влюхъ,

описывая замѣчаемое имъ новое направленіе промышленности Европы за послѣднее время, состоящее, по его словамъ, въ «стремленіи къ изысканію средствъ для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потребностей низшихъ классовъ общества»—говоритъ, между прочимъ: «достигнутые въ этомъ отношеніи результаты оказались столь удачными, что многіе жизненные припасы и предметы, которые считались роскошью и производились въ прежнее время только для незначительной части населенія, сдѣлались общедоступными и, мало-по-малу, при постепенномъ издорожаніи труда и земли, этихъ двухъ главныхъ источниковъ заработка, вошли въ употребленіе и стали уже потребностью для среднихъ и низшихъ классовъ общества, составляющихъ значительнѣйшую часть населенія». Если и возможно бы подыскать какой-нибудь софизмъ для оправданія вывода г. Влюха по отношенію къ Россіи, гдѣ масса крестьянства является собственниками, то по отношенію къ Западной Европѣ, которая имѣется въ виду въ цитированномъ мѣстѣ, выводъ этотъ является уже по-просту голою неаппетитностью. Но, конечно, и для Россіи приведенный выводъ можетъ быть только софизмомъ. Какъ извѣстно, собственность нашего крестьянина далеко не такова, чтобы онъ могъ мечтать о какой-нибудь съ нея рентѣ. Напротивъ, чтобы прокормиться и уплатить подати, онъ долженъ или продавать свой трудъ, или принимать землю у помѣщика. Слѣдовательно, возвышеніе цѣнъ на землю отнюдь для него не выгодно. Значитъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе относительно вліянія на благосостояніе массъ возвышенія цѣнъ, вызваннаго желѣзными дорогами, нужно рассмотреть каждый элементъ отдѣльно. Г. Влюхъ этого не дѣлаетъ. Въ другихъ же источникахъ мы находимъ данныя, далеко не говорящія въ пользу его положенія. Во-первыхъ, вообще повсемѣстное повышеніе цѣнъ на трудъ остается еще въ значительной степени проблематическимъ; во вторыхъ, тамъ, гдѣ это возвышеніе имѣло мѣсто, оно сопровождалось явленіями, уравнивающимъ и превышающимъ его вліяніе. Такъ, на примѣръ, по даннымъ, приводимымъ въ извѣстномъ изслѣдованіи профессора Ясона («О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», стр. 89), возвышеніе цѣнъ на землю, трудъ и хлѣбъ въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ можетъ быть представлено для хлѣбородныхъ мѣстностей Россіи, приблизительно, въ такомъ видѣ:

продажная и арендная цѣны на землю.	+ 300—400%
цѣны на трудъ.	+ 50—100%
цѣны на хлѣбъ.	+ 50—80%

Ясно, что если кто выигрывалъ отъ возвышенія цѣнъ, то, во всякомъ случаѣ, не крестьяне.

Безъ всякаго сомнѣнія, причинъ возвышенія цѣнъ въ указанномъ направленіи нельзя искать исключительно въ дѣйствіи желѣзныхъ дорогъ; но дѣло въ томъ, что общія экономическія и преимущественно аграрныя условія сложились такъ, что всякое

общее возвышеніе дѣтъ имѣеть тенденціи обращаться ко вреду массы населенія. При подобномъ положеніи вещей, съ данными, касающимися возвышенія дѣтъ, слѣдуетъ вообще обращаться крайне осторожно, и огульные выводы, въ родѣ приводимаго г. Блюхомъ, не имѣють никакого серьезнаго значенія. Но каково бы ни было вліяніе движенія дѣтъ на благосостояніе массъ и зависимость этого движенія отъ желѣзныхъ дорогъ, во всякомъ случаѣ, никакихъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ этому предмету, у г. Блюха мы не находимъ; поэтому останавливаться долѣе на настоящемъ пунктѣ мы считамъ излишнимъ и переходимъ къ дальнѣйшей аргументаціи автора.

«Желѣзныя дороги, разсуждаетъ далѣе г. Блюхъ:—оказывая благотворное вліяніе на отдѣльныя мѣстности, непосредственно ими пользующіяся, могутъ, однако, при разсмотрѣніи ихъ съ точки зрѣнія интересовъ дѣлаго государства, оказаться убыточными въ матеріальномъ отношеніи, именно тогда, когда оказываемыя ими услуги не возвращаютъ сдѣланныхъ государствомъ на ихъ постройку затратъ, или если вслѣдствіе мало развитаго движенія и дурной администраціи, расходы эксплуатаціи столь значительны, что стоимость перевозки по желѣзнымъ дорогамъ обходится сравнительно дорожа, чѣмъ по другимъ путямъ сообщенія.

«Особенно въ первое время послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, когда онѣ не успѣли еще создать себѣ достаточнаго движенія, чтобы, за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи, доставить чистый доходъ, достаточный для покрытія гарантированныхъ процентовъ отъ затраченнаго на постройку капитала, убытокъ, терпимый государствомъ, можетъ быть весьма чувствительнымъ. При томъ, величина этого убытка не измѣряется исключительно суммой дефицита; если государство находится въ такомъ положеніи, что для него необходима затрата капиталовъ для поднятія и другихъ отраслей народной жизни, то къ убытку отъ неоплачивающихъ себя желѣзныхъ дорогъ необходимо причислить еще уменьшеніе кредитоспособности государства, вслѣдствіе затраты капиталовъ на оказавшуюся убыточной сѣтъ. Сверхъ сего, при оцѣнкѣ разсматриваемаго вліянія, чтобы не придти къ ошибочнымъ выводамъ, необходимо обратить вниманіе на настоящіе результаты эксплуатаціи и на ея будущность. Будущность же всякой дороги зависитъ отъ многихъ условій, между которыми имѣють наибольшую важность: географическое положеніе дороги, связь ея съ другими дорогами по отношенію къ транзитному движенію, условія, въ которыхъ находятся мѣстности, прорѣзываемыя желѣзными дорогами, относительно водныхъ и другихъ грунтовыхъ сообщеній, плодородности почвы, степени заселенности, предприимчивости и населенія и т. п.»

Вотъ вопросъ, который ставитъ г. Блюхъ и который ему предстоитъ рѣшить по отношенію къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Посмотримъ же, какъ онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

«Но общія разсужденія о столь сложныхъ условіяхъ, продолжаетъ г. Вліохъ непосредственно за приведеннымъ выше мѣстомъ:—особенно когда рѣчь идетъ, какъ у насъ, о построенной въ весьма короткій срокъ столь громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, затруднительны и вообще безъ приведенія многихъ подробныхъ расчетовъ, для журнальныхъ статей недоступныхъ, мало убѣдительно. Конечныя цифры выводовъ нашихъ, однако, могутъ служить доказательствомъ громадности выгодъ, принесенныхъ странѣ желѣзными дорогами. Въ теченіи 10-ти-лѣтняго періода, съ 1866 по 1875 годъ, перевезено пассажировъ на одну версту разстоянія 18½ миллиардовъ, а грузовъ 1.644 миллиарда пудовъ. Считая каждаго пассажира за 15 пудовъ (?), окажется, что перевезено 1.923 миллиарда пудо-верстъ. При перевозѣ на лошадахъ, за эти 1.923 миллиарда пудо-верстъ слѣдовало бы заплатить, считая по 0,159 за пудо-версту (т. е. мѣнѣе ¼ коп. за одинъ пудъ, перевезенный на одну версту)—3.058 миллионѣвъ рубл., уплачено же желѣзнымъ дорогамъ всего 875 миллионѣвъ руб. Слѣдовательно, сбереженіе, достигнутое на провозѣ, составляетъ 2.183 милл. руб., т. е. въ 2¼ раза болѣе израсходованнаго капитала на постройку желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ совершенно исчисленное нами движеніе».

Остановимся на минуту на приведенномъ выше исчисленіи двухмиллиардной экономіи въ провозѣ, достигнутой сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Это исчисленіе можетъ служить образчикомъ «научныхъ» приѣмовъ г. Вліоха. Мы не говоримъ уже о томъ, что принятая г. Вліохомъ средняя цѣна гужевого провоза по ¼ коп. съ пуда и версты ни на чемъ не основана и гораздо выше дѣйствительной; но любопытно самое построеніе формулы г. Вліоха: выводить цифру сбереженія, достигнутой на провозѣ по тѣмъ и другимъ путямъ, можно въ томъ только случаѣ, если предположить, что только стоимость провоза есть величина переменная, самая же цифра перевозокъ постоянная; т. е. въ данномъ примѣрѣ нужно предположить, вмѣстѣ съ г. Вліохомъ, что работа перевозки, выражаемая цифрою 1.923 миллиарда пудо-верстъ, была бы совершена и при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ (и притомъ: неизмѣнно на лошадахъ, а не водой; стоимости водяной перевозки, гораздо болѣе дешевой, г. Вліохъ вовсе не принимаетъ въ соображеніе), но подобное предположеніе, очевидно, не можетъ имѣть мѣста, а потому и все построеніе г. Вліоха лишено всякаго значенія. Выгода, доставляемая желѣзными дорогами, заключается именно въ увеличеніи перевозокъ (что г. Вліохъ доказываетъ и самъ далѣе), и для того, чтобы оцѣнить конечные результаты вліанія дорогъ, нужно опредѣлить: въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи увеличилось движеніе и что именно выиграла страна отъ этого движенія. Фиктивные сравненія, въ родѣ только, что приведеннаго, никакой помощи при этомъ оказать не могутъ.

Точно также мало убѣдительно и сравненіе русскихъ желѣз-

ныхъ дорогъ съ западно-европейскими (при томъ же, въ высшей степени поверхностное), которое даѣе дѣлаетъ г. Блюхъ. Сравненіемъ этимъ г. Блюхъ пытается доказать, что «предстоящая нашимъ дорогамъ будущность, если принять во вниманіе недавность открытія значительной части ихъ, не хуже, чѣмъ въ заграничныхъ государствахъ, и что затрата капитала, въ общей сложности, сдѣлана, по крайней мѣрѣ, столь же производительна, какъ и въ другихъ странахъ» («Вѣстн. Евр.», X, 761). Но какъ же это доказываетъ г. Блюхъ? Онъ приводитъ рядъ цифръ, указывающихъ сколько приходится въ Россіи, Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Великобританіи, Бельгіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на 1 версту желѣзныхъ дорогъ: пространства, жителей, строительнаго капитала желѣзныхъ дорогъ, валоваго сбора и чистаго дохода. Сопоставленіе это до известной степени любопытно, но дѣлать изъ него какіе-нибудь выводы для оцѣнки значенія желѣзныхъ дорогъ въ той или другой странѣ, не принимая въ соображеніе прочихъ мѣстныхъ экономическихъ условій, конечно, невозможно. Но г. Блюхъ думаетъ иначе. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ пользуется данными, повидимому столь мало говорящими, объ отношеніи протяженія желѣзныхъ дорогъ къ пространству и населенію страны.

«Изъ приведеннаго сопоставленія, говоритъ г. Блюхъ:—оказывается, что, еслибы русскія желѣзныя дороги находились въ такомъ же отношеніи къ пространству государства, какъ дороги Бельгіи, то ихъ должно бы быть въ 32 раза болѣе, чѣмъ было въ 1872 г., т. е. сѣтъ должна бы простираться до 500,000 верстъ. Но даже сравнительно съ Австріей, въ Россіи должно бы находиться въ 8 разъ больше дорогъ, чѣмъ въ настоящее время, сравнительно же съ Сѣверо-Американскими Штатами—въ 5 разъ больше, и только прибрежные къ Тихому Океану штаты Сѣверной Америки находятся въ относительно менѣе благоприятномъ положеніи.—Если же взять отношеніе числа верстъ желѣзныхъ дорогъ къ числу народонаселенія и нормой при этомъ принять отношеніе, существующее въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, то окажется, что дорогъ въ Россіи должно быть въ 12 разъ болѣе, чѣмъ было ихъ въ 1874 г., т. е. должно бы ихъ находиться свыше 186,000 верстъ; сравнительно же съ Австро-Венгріей и Франціей, находящихся въ наименѣе благоприятныхъ условіяхъ, у насъ тѣмъ не менѣе должно бы быть около 30 т. верстъ или на половину больше имѣемаго нынѣ протяженія».

«Эти цифры, продолжаетъ г. Блюхъ:—показываютъ, что весьма усиленное движеніе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, проявившееся въ Россіи въ послѣднія 10 лѣтъ, не было преувеличено, а, напротивъ, вполне соответствовало потребности государства въ желѣзныя дороги, потребности, которая, если судить абстрактно, т. е. не принимая во вниманіе другихъ для Россіи не менѣе настоятельныхъ нуждъ, и принять за норму самая ис-

Благоприятныя отношенія, существующія въ иностранныхъ государствахъ, не вполнѣ удовлетворены еще и въ настоящее время.

Что такой выводъ рѣшительно не слѣдуетъ изъ приводимыхъ данныхъ — конечно, нечего и объяснять. Доказывать степень необходимости желѣзныхъ дорогъ для Россіи отношеніемъ существующей въ другихъ государствахъ желѣзно-дорожной сѣти къ пространству и населенію можно бы только, доказавъ предварительно, что всѣ прочія экономическія условія Россіи и этихъ государствъ совершенно одинаковы. Въ этого условія, утверждение, вродѣ только что приведеннаго, является рѣшительно логическимъ абсурдомъ, и его трудно было бы понять, если бы общій тонъ статей г. Блюха не давалъ ключа къ уразумѣнію въ нихъ многого, съ перваго взгляда непонятнаго.

Не болѣе значеніе для подтвержденія выводовъ г. Блюха имѣетъ и приводимое имъ далѣе сравненіе стоимости постройки, валоваго сбора и расходовъ эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ западно европейскими. Допуская, что цифры, имъ приводимыя, вполнѣ вѣрны, все-таки онѣ ничего не доказываютъ. Если даже желѣзныя дороги Россіи *абсолютно* стоятъ дешевле, чѣмъ англійскія, бельгійскія и т. д., это не значитъ еще, что онѣ дешевле для Россіи и что капиталъ на нихъ затраченъ производительно. Самъ же г. Блюхъ приводитъ огромныя разницы въ строительной стоимости отдѣльныхъ дорогъ; значитъ, извѣстная часть капитала затрачена была во всякомъ случаѣ излишне, что бы тамъ ни стояли дороги въ Англіи или Америкѣ; наконецъ, повторяемъ, при всякомъ сравненіи нужно брать во вниманіе *всю совокупность условій* сравниваемыхъ явленій; въ этого сравненіе можетъ обратиться въ простую игру, съ каковымъ характеромъ оно и является у г. Блюха.

Чтобы исчерпать все, что говорить г. Блюхъ объ общемъ экономическомъ значеніи *эксплуатаціи* желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, намъ остается упомянуть о данныхъ, приводимыхъ имъ въ другой части статьи для характеристики вліянія желѣзныхъ дорогъ на *производство* и на *потребленіе*. Въ первомъ отношеніи, г. Блюхъ, въ сущности, не сообщаетъ ничего, кромѣ извѣстнаго факта значительнаго увеличенія оборотовъ нашей внѣшней торговли, въ особенности вывоза сырья за послѣднее время. Безъ всякаго сомнѣнія, увеличеніе это въ главной степени должно быть приписано вліянію желѣзно-дорожной сѣти. Но какое значеніе имѣетъ этотъ усиленный вывозъ для общаго экономическаго состоянія страны, насколько оживилъ онъ внутреннюю торговлю и способствовалъ развитію сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности — г. Блюхъ не разъясняетъ. Его интересуетъ въ особенности вліяніе вывоза на торговый балансъ и затѣмъ на поддержаніе вексельнаго курса. Безъ сомнѣнія, и эта сторона дѣла представляетъ интересъ; но ограничиваться ею, когда вопросъ поставленъ принципиально, значитъ, по на-

шему мѣтнію, ходить около сущности предмета, не затрагивая ея прямо.

Соображенія г. Блюха относительно вліанія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ на потребление не лишены своеобразнаго интереса. Приведа нѣсколько цифръ относительно движенія по воднымъ путямъ до и послѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, г. Блюхъ замѣчаетъ, что построение сѣти не уменьшило вовсе водной перевозки. «Точно также, продолжаетъ онъ далѣе: — не уменьшилась и перевозка на лошадяхъ, потому что подвозъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ столь громаднаго количества грузовъ, какое перевозится въ настоящее время, требуетъ болѣе услугъ, чѣмъ перевозка сравнительно ничтожнаго количества грузовъ въ прошедшемъ, хотя прежнія перевозки совершались на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Такимъ образомъ, расходы эксплуатаціи составляютъ увеличеніе денежныхъ оборотовъ въ государствѣ и новый источникъ заработковъ для множества лицъ. Но если даже допустить, что извозный промыселъ составляетъ съ настоящимъ менше заработковъ, чѣмъ въ прежнее время, то тѣмъ не менше потребленіе, вызванное расходами эксплуатаціи, имѣетъ другой характеръ, чѣмъ при извозныхъ заработкахъ, которые распределялись лишь между рабочими классами; тогда какъ эксплуатація желѣзныхъ дорогъ пользуется услугами преимущественно *привилегированныхъ и образованныхъ классовъ*».

Далѣе г. Блюхъ приводитъ сдѣланное имъ — неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ — распредѣленіе расходовъ по эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ на 4 категоріи: оплату высшаго труда, оплату низшаго труда и приобрѣтеніе матеріаловъ: мѣстныхъ и заграничныхъ. По этому исчисленію выходитъ, что изъ общей суммы расходовъ эксплуатаціи всей сѣти, съ начала постройки дорогъ, составлявшей 674,3 милл. рубл., было истрачено на оплату высшаго и низшаго труда, по 194,3 милл. на каждую категорію; собственно же за періодъ 1866—1875 г. истрачено 154,3 милл. на оплату низшаго труда и столько же на трудъ высшій.

Насколько эти цифры близки къ истинѣ трудно сказать, такъ какъ г. Блюхъ не только не указываетъ, какъ онъ пришелъ къ нимъ, но и не объясняетъ даже, что именно разумѣетъ онъ подъ «вышнимъ» и «низшимъ» трудомъ. Что же касается общихъ выводовъ, имъ дѣлаемыхъ, то они весьма сомнительны. Очевидно, что желѣзная дорога, какъ и всякое промышленное предпріятіе машиннаго типа, съ значительною затратою основнаго капитала, должна употреблять менше капитала оборотнаго (выражающагося главнымъ образомъ въ рабочей платѣ), нежели это имѣетъ мѣсто при способахъ перевозки менше искусственныхъ (напримѣръ, при перевозкѣ по водѣ или гужомъ). Поэтому, чѣмъ болѣе въ перевозномъ промыслѣ распространяются паровые желѣзные пути, тѣмъ въ меньшемъ количествѣ рабочихъ рукъ этотъ промыселъ нуждается. Конечно, можетъ случиться, что увеличеніе перево-

зюкъ перевѣситъ сказанное вліяніе, и *абсолютно* затрата оборотнаго капитала останется таже или даже возвысится. Г. Блюхъ утверждаетъ, что такъ именно и было у насъ. Но утверждение это совершенно голословно и не подтверждено ничѣмъ, имѣющимъ хоть какую нибудь тѣнь доказательства. Поэтому едва ли оно можетъ опровергнуть сдѣланное не разъ наблюденіе, что перевозный промыселъ, какъ источникъ заработковъ для массъ, въ общемъ скорѣе упалъ, нежели возвысился съ проведеніемъ сѣти рельсовыхъ путей. Но особенно любопытна вторая, подчеркнутая нами половина приведеннаго мѣста. Г. Блюхъ категорически отмѣчаетъ тенденцію желѣзныхъ дорогъ создавать источники для доходовъ болѣе достаточныхъ классовъ на счетъ уменьшенія заработковъ народныхъ массъ. Съ его точки зрѣнія, повидимому, это тоже вліяніе, направленное къ поднятію общаго благосостоянія. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ г. Блюхъ, когда это ему нужно, говоритъ и другое. Такъ, на той же самой страницѣ, гдѣ находится выписанное мѣсто, г. Блюхъ развязно утверждаетъ, что постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ дала ремесленникамъ и рабочимъ такіе заработки, значительная часть которыхъ могла быть употреблена «непосредственно для удовлетворенія потребностей, состоящихъ прежде всего въ болѣе обильной и здоровой пищѣ, а затѣмъ въ болѣе удобной и изысканной одеждѣ, въ болѣе комфортабельномъ устройствѣ и украшеніи, а также въ лучшемъ освѣщеніи жилья» и, наконецъ, «часть послужила для созданія сбереженій и капиталовъ» (?!).

Мы перебрали главнѣйшіе выводы г. Блюха относительно благотворнаго вліянія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Какъ читателя, надѣмся, могли убѣдить изъ приведеннаго бѣлаго очерка, г. Блюхъ не только не разрѣшаетъ, но даже и не касается главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ вопроса, имъ поднимаемаго. Не говоря уже о сложныхъ и трудныхъ изслѣдованіяхъ относительно воздѣйствія желѣзныхъ дорогъ на цѣны, на развитіе промышленности, на измѣненіе ея характера въ районѣ расположенія желѣзныхъ дорогъ, г. Блюхъ уклоняется даже отъ серьезнаго разбора вопросовъ болѣе ему доступныхъ. Мы слышали и слышимъ со всѣхъ сторонъ, что эксплуатація русскихъ желѣзныхъ дорогъ настолько плоха, что онѣ являютъ плохимъ орудіемъ промышленности и бременемъ для государственнаго казначейства, которое ежегодно приплачиваетъ громадную сумму для пополненія дефицитовъ въ ихъ бюджетѣ. Въѣсто того, чтобы отвѣчать прямо на эти обвиненія на той же почвѣ, на которой они ставятся, г. Блюхъ предпочитаетъ «втирать очки» неимѣющими никакого значенія параллелими съ заграничными дорогами или фантастическими исчисленіями «сбереженій» будто бы доставленныхъ желѣзными дорогами стражѣ. Но если даже допустить, что аргументы г. Блюха вполнѣ серьезны, мы все-таки до сихъ поръ не видимъ еще въ нихъ ничего, хотя сколько нибудь похожего на доказательство высказанна-

го имъ положенія, что желѣзными дорогами созданы новыя экономическія средства и силы, которыя устраняютъ возможность повторенія въ нашей государственной жизни стеченія обстоятельствъ столь же неблагоприятныхъ, какъ финансовыя послѣдствія крымской войны. Остается предположить, что коренное измѣненіе къ лучшему въ экономическомъ состояніи Россіи произведено самымъ процессомъ постройки желѣзнодорожной сѣти и тѣми экономическими явленіями, которыя были сопряжены съ этимъ процессомъ. Перейдемъ же къ рассмотрѣнію соображеній г. Блюха по этому предмету.

III.

Построеніе желѣзнодорожной сѣти есть одинъ изъ самыхъ видныхъ и характеристическихъ эпизодовъ въ русской экономической жизни послѣдняго двадцатилѣтія. Прослѣдить исторію этой операци и ея экономическіе результаты представляло бы поэтому задачу въ высшей степени интересную. Но было бы совершенно напрасно ждать отъ г. Блюха сколько-нибудь серьезнаго отношенія къ этой задачѣ. Правда, онъ посвящаетъ много страницъ описанію процесса сооруженія сѣти, приводитъ массу цифръ, но все-таки самыя существенныя стороны предмета остаются не затронутыми, и выводы, являющіеся въ концѣ статьи, до известной степени висятъ въ воздухѣ.

Какъ извѣстно, въ Россіи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь было дѣломъ государства. Громадный капиталъ, вложенный въ предпріятіе, въ самой значительной долѣ своей былъ собранъ путемъ правительственныхъ займовъ. Въ настоящее время номинальная стоимость желѣзныхъ дорогъ въ Россіи (считая основной капиталъ и дополнителныя ссуды правительства) можетъ быть опредѣлена цифрою свыше 1 $\frac{3}{4}$ миллиарда. Изъ этого числа государство вложило въ дѣло болѣе одного миллиарда; изъ остальной части (которая во всякомъ случаѣ менѣе номинальныхъ $\frac{3}{4}$ миллиарда, такъ какъ значительная часть акцій никогда не была реализована и представляетъ только фиктивную опѣнку предпріятія) наибольшая доля капиталовъ собрана подъ гарантію правительства, т. е. косвенно тоже равносильна правительственному займу. Но, при такомъ рѣшительномъ участіи государства въ созданіи матеріальныхъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и сравнительно ничтожномъ содѣйствіи при этомъ частной промышленности, *распорядителями* предпріятій явились, однако, частные капиталисты, а не правительство. Даже инициатива въ вопросѣ, какія именно линіи желѣзныхъ дорогъ и въ какой постепенности должны быть построены, почти исключительно принадлежала частной предпримчивости. Результаты такого направленія дѣла по-

нати сами собою. Конечно, странно было бы и требовать, чтобы частная промышленность руководствовалась не присущимъ ей принципомъ наибольшей выгоды, а государственными соображениями. Немудрено поэтому, что строилась зачастую не тѣ дороги, которыя были необходимы, а тѣ, сооруженіе которыхъ почему-либо представлялось выгоднымъ для предпринимателей. Общаго, твердо опредѣленнаго плана при построеніи желѣзныхъ дорогъ не было, и сѣть получилась до известной степени случайная. Ненормальность подобнаго порядка вещей еще болѣе осложнялась и усиливалась тѣмъ, что частная предпринимчивость оперировала не своими, а государственными средствами. Это устраняло всякую задержку для спекуляціи. Капиталы составлялись, благодаря содѣйствію правительства, легко, а высокія строительныя цѣны сулили предпринимателямъ вѣрную наживу. До какихъ размѣровъ доходила эта нажива, можно судить, уже по сравненію концессионныхъ оцѣнокъ: строительная стоимость дорогъ, сданныхъ въ послѣднее время, почти вдвое дешевле цѣнъ золотого періода строительства, а между тѣмъ, и эта меньшая оцѣнка все таки крайне выгодна; иначе, конечно, концессионеры не добивались бы съ бою получить постройку хотя по такой оцѣнкѣ. Въ эти причины естественно должны были вызвать памятную спекулятивную горячку, жадную погоню за концессіями во что бы то ни стало. Въ результатѣ явилась быстро и плохо построенная сѣть и громадныя состоянія, легко нажитыя счастливыми обладателями концессій.

Едва ли можетъ и возникать серьезно вопросъ о томъ, что созданіе подобнымъ путемъ класса капиталистовъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ представляться выгоднымъ для страны. Какъ бы ни смотрѣть на роль и значеніе этого класса въ общемъ экономическомъ развитіи, столь *упрощенный* процессъ его происхожденія во всякомъ случаѣ представляется явленіемъ патологическимъ. Богатства, нажитыя посредствомъ простаго элементарнаго «перемѣщенія» собранныхъ государствомъ милліоновъ изъ казенныхъ сундуковъ въ карманы концессионеровъ, не сѣявшихъ а только собиравшихъ въ житницы, не могли послужить основой для развитія промышленности. Но и независимо отъ скопленія громадныхъ средствъ въ рукахъ непродуцательнаго класса, указанное направленіе желѣзнодорожной операціи имѣло и другія опасныя и прямо невыгодныя стороны. Быстрый притокъ массы капиталовъ въ страну, неподготовленную въ промышленномъ отношеніи къ ихъ утилизаціи, всегда способствуетъ развитію спекуляціи, усиленію биржевой игры и разныхъ операцій, основанныхъ на денежномъ обращеніи, въ ущербъ настоящей промышленности. Въ результатѣ получается вѣшній блескъ, прикрывающій внутреннюю пустоту. Такое положеніе вещей является въ особенности опаснымъ, если общее теченіе захватываетъ и государство; а мы видимъ это почти всякій разъ, когда искусственное, фиктивное оживленіе про-

мышленности совпадаетъ съ періодомъ фискальныхъ затрудненій и стремленій къ росту бюджета. Если мы обратимся къ нашей исторіи за послѣдніе годы, то найдемъ, что всѣ указанна явленія дѣйствительно имѣли у насъ мѣсто. Ненормальное расширение денежнаго обращенія, усиленіе спекуляціи, ажіотажа, ростъ банковаго дѣла, превышающій реальныя нужды промышленности и направленный, главнымъ образомъ, на расширение биржевой игры — вотъ характерныя послѣдствія, вызванныя лихорадочною дѣятельностью желѣзнодорожнаго строительства. Безъ сомнѣнія, здѣсь было воздѣйствіе и другихъ факторовъ, но процессъ сооруженія сѣти слѣдуетъ признать однимъ изъ важнѣйшихъ. Припомнимъ далѣе, что съ этимъ временемъ совпадало и усиленное расширение нашего бюджета. Мы уже упоминали выше, что за время съ 1866—75 гг. бюджетъ возросъ почти вдвое. Ростъ этотъ объясняется, главнымъ образомъ, возвышеніемъ налоговъ, падающихъ на предметы потребленія массы. Такимъ образомъ, государственное казначейство явилось резервуаромъ, въ который стеклись избытки, доставшіеся на долю рабочихъ классовъ населенія изъ общей суммы новыхъ цѣнностей, явившихся въ странѣ вслѣдствіе постройки дорогъ. Это имѣло послѣдствіемъ еще болшую относительную неравномѣрность въ распредѣленіи денежныхъ средствъ между непродовольственными и продовольственными элементами общества; съ другой стороны, такъ какъ новыхъ постоянныхъ плательныхъ источниковъ не возникло, то нѣсколько дальнѣйшій ростъ государственнаго бюджета, но даже и поддержаніе его на томъ же уровнѣ, какъ во время существованія временныхъ заработковъ у населенія — должно было оказаться затруднительнымъ. Между тѣмъ, государственное хозяйство неудержимо шло къ расширенію. Захватываемое общимъ теченіемъ и даже въ значительной степени активно содѣйствовавшее усиленію этого теченія, оно неизбѣжно должно было, вслѣдствіе этого, раздѣлится и общую участь всей промышленной сферы въ періодъ ликвидаціи наслѣдія спекулятивнаго періода. Ликвидация эта началась тотчасъ по прекращеніи усиленнаго сооруженія сѣти. Послѣдующія политическія осложненія еще болѣе снособствовали быстрому ея ходу.

Такимъ представляется въ общихъ чертахъ экономическое воздѣйствіе самаго процесса сооруженія желѣзнодорожной сѣти въ Россіи по воззрѣніямъ «пессимистовъ». Г. Блюхъ такихъ воззрѣній, какъ уже было упомянуто, не раздѣляетъ и рисуетъ «иныя картины»; хотя, какъ увидимъ далѣе, приведенные выводы подтверждаются отчасти даже тѣми данными, которыя мы находимъ у самого г. Блюха. Исправленіе ошибочныхъ мнѣній пессимистскихъ писателей г. Блюхъ начинаетъ уже въ историческомъ очеркѣ хода построенія сѣти, помѣщенномъ въ первой изъ его статей («Вѣст. Евр.» 1877. IX). Въ исторіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи г. Блюхъ отличаетъ 3 періода: первый до крымской войны — «періодъ начинаній, колебаній, неопытности, когда самая польза и возможность

перити Россіи желѣзнодорожномъ сѣти была не выяснена; затѣмъ періодъ, когда установилось полное сознаніе необходимости созданія обширной сѣти, но самое положеніе государственнаго кредита представляло затрудненія въ строгому исполненію дѣла»; наконецъ, послѣдній періодъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, когда уже могли оказаться и экономическіе результаты и техническія особенности желѣзнодорожной предпринимчивости въ Россіи». Г. Вліохъ особенно подробно останавливается на второмъ періодѣ и старается изобразить тѣ затрудненія и препятствія, которыя предстояло преодолѣть для прочной постановки дѣла. Главнѣйшія изъ этихъ препятствій проистекали вслѣдствіе трудности пріискать капиталы. Однако, они были устранены, благодаря «свѣтлому взгляду и твердой волѣ финансовой администраціи, которые появились въ постоянной поддержкѣ, оказываемой при выдачѣ новыхъ концессій съ цѣлью добыть капиталъ на необходимѣйшія въ то время государственныя дороги» и благодаря неопѣненнымъ еще заслугамъ самихъ желѣзнодорожныхъ дѣателей и энергій проявляемой ими въ поискахъ за капиталами на иностранныхъ рынкахъ. Эти-то заслуги и выводитъ изъ забвенія г. Вліохъ. Чтобы пріискать капиталы, говорить онъ, («Вѣст. Евр.» IX, 1877, 352) нужна была значительная доля и ума и финансовыхъ связей. «Операція эта не была дѣломъ столь легкимъ и простымъ, какъ это многимъ можетъ сегодня казаться, и еслибы съ этой точки зрѣнія писалась исторія постройки нашихъ дорогъ, то несомнѣнно многія провозносимыя до сихъ поръ неблагопріятныя сужденія стояли бы на болѣе справедливой почвѣ» (sic!). Однако, заслуги желѣзнодорожныхъ дѣателей должны были оплачиваться очень высоко и постройка дорогъ обходилась настолько дорого, что можно было опасаться за будущее распространеніе сѣти, до тѣхъ поръ, пока концессія на ливанскую желѣзную дорогу, выданная (синдикату банкировъ, въ числѣ которыхъ былъ и г. Вліохъ) по «заявленной на торгахъ, до того времени небывалой низкой цѣнѣ, не открыла, по словамъ г. Вліоха, новой эпохи дешевой постройки дорогъ въ Россіи» (стр. 355). Въ это же время начинается реализація желѣзнодорожныхъ облигацій правительствомъ, что окончательно уничтожило задержки въ строительствѣ и сооруженіи сѣти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всестороннее улучшеніе экономическаго состоянія Россіи пошло быстрыми шагами.

Исторіи послѣдняго періода желѣзнодорожнаго строительства, эпохи собственно концессіонной горячки г. Вліохъ касается только мимоходомъ, быть можетъ потому, что нивакихъ особнхъ «заслугъ» предпринимателей, дѣло которыхъ упростилось до послѣдней степени, обнаружить здѣсь было нельзя. Конечно, довольно проблематичны эти заслуги и въ предыдущемъ періодѣ: кредитъ для желѣзнодорожнаго дѣла завоеванъ былъ во всякомъ случаѣ не «частною предпринимчивостью», капиталы изъ заграницы явились

подъ гарантію и при непосредственномъ участіи правительства; когда нантъ бюджетъ нѣсколько улучшился (благодаря частью финансовымъ реформамъ, частью же прямо увеличенію налоговъ) возросъ и государственный кредитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добріе къ желѣзнодорожнымъ обязательствамъ. Иностранные рынки для желѣзнодорожнаго дѣла открылъ никто иной, какъ недатной мужикъ, когда количество стекавшихся отъ него въ фискаль рублей сдѣлалось болѣе, чѣмъ прежде.

Какъ же отразилось сооруженіе сѣти на мужицкомъ карманѣ? Г. Блюкъ не сомнѣвается, что операція постройки дорогъ принесла огромные денежные ресурсы массамъ; онъ затрудняется только вопросомъ, какъ именно распредѣлились эти ресурсы между потребленіемъ производительнымъ и непроизводительнымъ, именно «въ какой мѣрѣ низшій классъ народонаселенія, при новой обстановкѣ, вызванной крестьянскою реформою, успѣлъ уже, пользуясь правомъ собственности въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ въ прошломъ, сознать необходимость бережливости; или же стремленіе его было направлено лишь къ тому, чтобы расширить свои жизненные потребности въ ненормальныхъ размѣрахъ» («Вѣст. Евр., 1877, X, 778). Г. Блюкъ съ особеннымъ стараніемъ наираетъ на огромные, по его исчисленію, заработки, доставленные постройкою желѣзныхъ дорогъ населенію. Что касается барышней предпринимателей, то, если вѣрить г. Блюку, барыши эти, повидимому, въ значительной мѣрѣ наговорены «пессимистами». Изъ словъ г. Блюка выходитъ наоборотъ, что концессионеры при низкихъ цѣнахъ часто несли убытки, при высокихъ же цѣнахъ прибыли распредѣлялись на всю массу лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Вотъ подлинныя слова г. Блюка. Дѣйствіе израсходованныхъ суммъ на народную экономію — говоритъ онъ («Вѣст. Евр.» 1877, X, 773) — съ постепеннымъ значительнымъ пониженіемъ поперстной стоимости дорогъ, должно было быть нѣсколько разное. При высокихъ строительныхъ цѣнахъ прошлаго времени, основной капиталъ расходовался менѣе осмотрительно, и руководящіе дѣломъ не были вынуждены къ строгой экономіи, какъ въ послѣдующее время низкихъ цѣнъ, при которыхъ многіе изъ предпринимателей иногда терпѣли даже чувствительныя потери. Въ прежнее время всѣ, отъ простаго рабочаго до оптоваго поставщика, реализировали болѣе значительные барыши, служившіе для усиленія потребления или созданія сбереженій. Между тѣмъ, при слѣдующихъ, пониженныхъ конкуренціею цѣнахъ, при значительномъ предложеніи труда и матеріаловъ, расходуемый капиталъ являлся въ значительной степени лишь возвратомъ расходовъ производства, не доставляя выгодъ и заработковъ выше нормальнаго размѣра.

И такъ оказывается, что желѣзно-дорожное предпринимательство имѣетъ особое свойство быть выгоднымъ для общественной экономіи, въ томъ или другомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ:

и при высокихъ и при низкихъ цѣнахъ. Открытъ г. Блюхъ предъ правительствомъ, при соисканіи на либазовскую дорогу, насколько стоимость желѣзно-дорожныхъ построекъ, что содѣйствовало пониженію концессионныхъ цѣнъ — это открываетъ въ Россіи путь къ новой эрѣ; но затѣмъ оказывается, что и предъидущій періодъ имѣлъ свою хорошую сторону, такъ какъ въ это время желѣзно-дорожные строители болѣе щедро ружою расценивали благодѣянія на народныя массы. Трудно, однако, понять и согласить слѣдующее: 1) какимъ образомъ можно допустить, что при постройкахъ новаго періода концессионеры имѣли малые барышни съ тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что акціонерные капиталы желѣзно-дорожныхъ обществъ въ послѣднее время обыкновенно вовсе не реализовались, т. е. цѣликомъ оставались въ рукахъ учредителей и 2) какимъ образомъ выжета утвержденіе о большихъ барышахъ рабочихъ при старыхъ концессіяхъ съ выводомъ г. Блюха, о постоянномъ возвышеніи рабочей платы? Не можемъ наконецъ не напомнить, что «реализація рабочими значительныхъ барышей», о которой говоритъ г. Блюхъ, относится къ тому времени, когда на одной изъ нашихъ старѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ производились знаменитые «опыты отученія людей отъ нищѣ».

Общая сумма расходовъ, употребленныхъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ на оплату труда, опредѣляется г. Блюхомъ въ 698 мил. р. (изъ 1544, составляющихъ, по его исчисленію, стоимость сѣти); изъ этого числа 217 милл. приходится на оплату труда высшаго (въ эту категорію входятъ и барышни строителей и подрядчиковъ) и 481 милл. на оплату низшаго труда. Что касается собственно періода 1866 — 75 гг., то за это время всего выдано было желѣзно-дорожныхъ бумагъ на 920 милл. руб.; изъ этой суммы вознагражденіе высшаго труда потребовало 111,2 милл. и труда низшаго — 249,9 милл. Таблица, изъ которой заимствованы приведенныя данныя, составлена г. Блюхомъ по разнымъ косвеннымъ указаніямъ, такъ какъ прямыхъ свѣдѣній о дѣйствительной строительной стоимости сѣти не имѣется. Поэтому къ цифрамъ ея нельзя относиться строго; трудно, однако, не замѣтить въ выводахъ г. Блюха извѣстной несообразности. Г. Блюхъ исчисляетъ стоимость постройки дорогъ, отбрасывая изъ общей суммы номинальнаго капитала извѣстный процентъ на надержки реализаціи бумагъ и уплату процентовъ во время производства работъ. Остальную часть онъ дѣлитъ на категоріи: оплату труда (высшаго и низшаго) и матеріаловъ (заграничныхъ и мѣстныхъ). Но, какъ уже было упомянуто, извѣстная довольно значительная доля капиталовъ желѣзныхъ дорогъ вовсе не реализовалась: акціи нѣсколькихъ дорогъ цѣликомъ остались въ рукахъ учредителей. Стоимость этихъ акцій слѣдуетъ сбросить съ подлежащей распредѣленію суммы или отнести ее цѣликомъ къ категоріи барышей

предпринимателей; соответственно этому, остальные категории должны быть уменьшены. Но предположимъ, что цифры г. Влюха волею вѣрии, и что количество заработковъ, доставленныхъ постройкою дорогъ представителямъ «низшаго труда» (называть вознагражденіемъ *труда* расходы, отнесенные г. Влюхомъ къ разряду «оплата высшаго труда», конечно, можно только въ фигуральномъ смыслѣ¹, соответствуетъ въ дѣйствительности исчисленіямъ г. Влюха. Можно ли безъ натяжки доказывать, что эти заработки могли произвести дѣйствительное улучшение въ экономическомъ положеніи массъ и серьезно разбирать вопросъ: какая часть ихъ пошла на образованіе «капиталовъ» и какая на усиленіе потребленія въ ненормальныхъ размѣрахъ, — когда извѣстно, что за то же время государственные доходы возросли (главнымъ образомъ вслѣдствіе усиленія налоговъ) сравнительно съ нормою 1866 г., въ общей суммѣ на 1,300 милл. р., и въ громадной степени возвысились цѣны на всѣ предметы продовольствія рабочаго? Намъ кажется, что заработки, доставленные постройкою желѣзныхъ дорогъ, могутъ имѣть значеніе только при объясненіи причинъ возрастанія нашего бюджета, а никакъ не въ смыслѣ показателей увеличенія народнаго благосостоянія въ сколько нибудь серьезной мѣрѣ.

Въ фискальномъ отношеніи операціи постройки желѣзныхъ дорогъ въ столь значительныхъ размѣрахъ въ короткій срокъ дѣйствительно имѣло огромное значеніе. Г. Влюхъ совершенно правъ, приписывая ростъ государственныхъ доходовъ за послѣднее время въ очень видной степени воздѣйствію желѣзно-дорожной сѣти. Мы здѣсь опять наталкиваемся на вопросъ: насколько и въ какомъ случаѣ увеличеніе доходовъ и расходовъ государства можетъ считаться признакомъ и доказательствомъ *кореннаго* улучшенія экономическаго состоянія страны? Вѣдь ростъ бюджета можетъ происходить отъ разныхъ причинъ и оказывать совершенно различныя экономическія вліянія. Мы уже упоминали, что ростъ нашего бюджета за послѣдніе года объясняется почти исключительно возвышеніемъ налоговъ и главнѣйшимъ образомъ тѣхъ изъ нихъ, которые лежатъ на массѣ населенія. При слабомъ развитіи промышленной жизни, фискъ до сихъ поръ еще является у насъ важнѣйшимъ экономическимъ факторомъ. Поэтому тенденціи бюджета расширяться при каждой возможности имѣютъ весьма существенное и далеко не благоприятное значеніе какъ для общаго народнаго благосостоянія, такъ и для интересовъ самаго фиска. Припомнимъ, что расширеніе доходнаго бюджета значить увеличеніе платежей со стороны массы народа, а увеличеніе бюджета расходнаго (которое идетъ всегда параллельно) —

¹ Среднюю норму «вознагражденія» этого рода г. Влюхъ полагаетъ въ 4 т. р. Затѣмъ, какъ было упомянуто въ этой же рубрицѣ, находятса и барини подрядчиковъ и стротелей.

усиление потребления экономически непродоводительного. Государственное хозяйство играет как бы посредствующую роль при перемещении экономических силъ отъ массъ, питающихъ бюджетъ, къ тѣмъ классамъ, которые въ той или другой формѣ питаются на счетъ бюджета. Такой результатъ никакъ нельзя считать полезнымъ для страны.

Если мы обратимся собственно къ вліянію на бюджетъ процесса постройки желѣзныхъ дорогъ, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ полезность вызваннаго этою операціею увеличенія государственныхъ доходовъ оказывается особенно проблематичною. Дѣло въ томъ, что воцростаніе доходовъ за это время не только поглащало, почти всецѣло, тѣ заработки, которые желѣзныя дороги давали массѣ населенія, но еще и создало извѣстные прецеденты для будущаго. Построеніе дорогъ была затрата *капитальная*, одновременно, поэтому экстренные доходы, ею обусловленные, никакъ не могли служить масштабомъ для нормальнаго положенія дѣлъ. Временные заработки прекратились съ приостановкою построенія сѣти; но постоянныя тягости для поддержанія ея, лежащія на государственномъ бюджетѣ (а, слѣдовательно, и на народныхъ массахъ) остались. Онѣ могли бы уравниваться только въ такомъ случаѣ, еслибы, вслѣдъ за сооруженіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, возникли какіе-нибудь новые источники доходовъ. Но подобныхъ источниковъ мы не видимъ; поэтому для насъ трудно понять, въ чемъ же именно заключалось прочное полезное воздѣйствіе операціи построенія желѣзно-дорожной сѣти на государственное хозяйство?

Еще менѣе, нежели ростъ государственныхъ доходовъ, можетъ считаться признакомъ кореннаго улучшенія экономическаго состоянія Россіи, указываемое г. Блюхомъ, расширеніе банковаго дѣла за періодъ времени, совпадающій съ усиленною постройкою желѣзныхъ дорогъ. Мы не говоримъ здѣсь о государственномъ кредитѣ: онъ всецѣло зависитъ отъ состоянія государственнаго бюджета и не можетъ разсматриваться какъ явленіе самостоятельное. Мы имѣемъ въ виду только расширеніе частнаго кредита, которое имѣло мѣсто за послѣднее время. Когда ростъ кредита является естественнымъ послѣдствіемъ роста промышленности, онъ составляетъ одно изъ могущественныхъ пособій дальнѣйшимъ успѣхамъ производства. Но банковыя учрежденія могутъ возникать и другимъ путемъ, болѣе искусственнымъ; ихъ корни иногда лежатъ очень мелко, только въ области спекуляціи и денежнаго обращенія, не достигая собственно производства. Едва ли можно отрицать, что происхождение нашего «банковаго прогресса» въ значительной мѣрѣ именно такое искусственное. Банковая горячка явилась частью подъ непосредственнымъ импульсомъ со стороны государственныхъ учреждений, частью подъ вліяніемъ обусловленнаго разными причинами — въ значительной мѣрѣ операціею постройкою желѣзныхъ дорогъ —

искусственного оживленія денежнаго обращенія. Нагляднымъ доказательствомъ, что развитіе банковаго дѣла не пустило глубокихъ корней, можетъ служить роль нашего ипотечнаго кредита. Мы имѣемъ массу земельныхъ банковъ, но много ли произведено у насъ земельныхъ улучшеній? подвинулось ли впередъ помѣщичье хозяйство? Но каково бы ни было значеніе нашихъ кредитныхъ учрежденій для тѣхъ промышленныхъ, сферы которыхъ они касаются, несомнѣнно, что центръ тяжести экономической жизни страны лежитъ, во всякомъ случаѣ, не въ этихъ сферахъ. Вѣдь до сихъ поръ еще Россія живетъ грубымъ мужицкимъ трудомъ и въ его производительности залогъ ея богатства. Поэтому *корнинымъ* можетъ быть названо только такое измѣненіе въ экономическихъ условіяхъ, которое достигаетъ этого глубоко-лежащаго слоя. Все, что происходитъ лишь на поверхности, можетъ имѣть значеніе какъ извѣстный шагъ къ переходу въ другой хозяйственный строй; но до тѣхъ поръ, пока переходъ этотъ не завершился, не можетъ быть разсматриваемо, какъ опредѣляющій моментъ въ направленіи экономической жизни страны.

Болѣе обстоятельно, нежели прочія стороны предмета обработана у г. Блюха вопросъ о вліяніи, которое постройка желѣзныхъ дорогъ имѣла на торговый балансъ и вексельные курсы. Мы уже имѣли случай упоминать объ этомъ выше. Весьма значительная часть статьи г. Блюха, посвящена подробному разсмотрѣнію именно этой стороны дѣла. Попутно г. Блюхъ излагаетъ и результаты банковыхъ операцій правительства (главнымъ образомъ, извѣстную попытку искусственной поддержки вексельныхъ курсовъ) Большая часть желѣзныхъ дорогъ построена на счетъ вѣнскихъ займовъ, такимъ образомъ, постройка сѣти привлекла къ намъ значительное количество капиталовъ изъ за-границы; съ другой стороны, потребовала и извѣстныхъ крупныхъ заграничныхъ уплатъ (на проценты по бумагамъ), затѣмъ желѣзныя дороги породили значительный ввозъ изъ за границы (уже одни матеріалы заграничнаго заготовленія для самихъ дорогъ составляли при этомъ видную статью), но въ тоже время способствовали къ громадному усиленію вывоза. Такимъ образомъ, вліяніе дорогъ на отношеніе ввоза къ вывозу и на состояніе нашихъ курсовъ было самое разнообразное и сложное. Въ общемъ, однако, мы можемъ замѣтить постоянный въ этомъ отношеніи прогрессъ: вексельный курсъ возвышался постепенно до 1874 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, курсъ, находящійся подъ такими сложными вліяніями, дѣлался весьма чувствительнымъ. Могушественное воздѣйствіе желѣзныхъ дорогъ на денежное обращеніе и другія стороны экономической жизни заставляло ожидать извѣстнаго потрясенія при какомъ-нибудь рѣзкомъ измѣненіи въ ходѣ операцій. И дѣйствительно, мы видимъ, что первые признаки того финансоваго и экономического кризиса, который, усилившись, вслѣдствіе политическихъ осложненій, принялъ те-

перь довольно значительные размеры, совпадаютъ съ открытіемъ многихъ новыхъ линий при одновременномъ приостановленіи дальнѣйшей усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и выпуска бумагъ на таковыя.

Г. Блюхъ подробно разъясняетъ ближайшіе причины и поводъ современнаго кризиса; но мы не послѣдуемъ за нимъ на этомъ пути. Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляется особенно важнымъ не опредѣленіе тѣхъ complicatій, которыя непосредственно вызвали кризисъ, а выясненіе вопроса: не существовало ли другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, которыя дѣлали состояніе страны не прочнымъ; иными словами, представляютъ ли современныя затрудненія давленіе болѣе или менѣе случайное или же онѣ указываютъ на необходимость *измѣненія въ направленіи* экономической жизни страны? Поэтому мы и обращали преимущественное вліяніе на тѣ части статьи г. Блюха, которыя имѣютъ отношеніе къ этому вопросу.

Какъ мы видѣли, г. Блюхъ стремится доказать, что «современныя экономическія и финансовыя затрудненія ничего особенно опаснаго въ себѣ не имѣютъ. Безъ сомнѣнія, исключительныя явленія, вызванныя войною и другими обстоятельствами, не могутъ не произвести нѣкотораго перерыва въ общемъ раціональномъ направленіи, какое было принято нашимъ государственнымъ хозяйствомъ въ послѣднее десятилѣтіе, но это колебаніе и этотъ перерывъ будутъ только временныя». Дѣло въ томъ, что существовавшій періодъ подготовилъ средства и силы для исправленія вредныхъ послѣдствій кризиса. Значительнѣйшую роль играли при этомъ вновь созданныя пути сообщенія. Мы пересмотрѣли главные доводы г. Блюха относительно экономическаго вліянія этихъ новыхъ путей и могли убѣдиться, что указываемые г. Блюхомъ факты не могутъ имѣть я тѣни значенія, какое онъ имъ приписываетъ. Да трудно было бы и ожидать, чтобы, идя по пути, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, можно было придти къ какимъ нибудь цѣннымъ результатамъ и выводамъ. Чтобы отыскать *коренныя условія* экономическаго улучшенія Россіи, нужно спуститься къ кореннымъ слоямъ ея строя. Только прямой и непосредственный анализъ экономическаго состоянія народныхъ массъ и условій, въ которыхъ стоитъ ихъ трудъ, можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, улучшилось ли положеніе Россіи за данное время. У г. Блюха ничего подобнаго мы не находимъ и естественно не можемъ и ожидать найти. Онъ смотритъ на міръ Божій сквозь призму интересовъ того класса, который и выплылъ-то наружу именно благодаря забвенію въ направляющихъ сферахъ жизни той истины, что экономическое преуспѣваніе Россіи можетъ быть достигаемо только мѣрами, клонящимися непосредственно къ поднятію производительности труда народныхъ массъ. Въ настоящее время, результаты этого забвенія начинаютъ сказываться. Вместе съ тѣмъ, мы начинаемъ

болѣе критически и сознательно относиться къ только что прошедшему періоду и отличать въ немъ плеведаи отъ здороваго зерна. Плеведами при этомъ и оказываются тѣ элементы и общественные слои, ростъ которыхъ г. Блюху представляется особенно благоприятнымъ признакомъ прогресса. Безспорно г. Блюхъ съ своей точки зрѣнія правъ; но насколько эта точка зрѣнія имѣетъ общаго съ интересами русскаго общественнаго сознания въ вопросѣ совершенно иной.

(Окончаніе будетъ).

А.

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ ВЪ МИРѢ НОВЫХЪ СУДОВЪ.

«Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1875 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г.» Изданіе министерства юстиціи въ трехъ частяхъ.

При министерствѣ юстиціи существуетъ нѣсколько лѣтъ особое статистическое бюро для разработки тѣхъ свѣдѣній о преступленіяхъ и преступникахъ, которыя добываются уголовными судами при производствѣ въ нихъ дѣлъ. Министерство издаетъ эти свѣдѣнія въ видѣ сборниковъ, состоящихъ изъ статистическихъ таблицъ самаго разнообразнаго содержанія, составленныхъ по методамъ криминальной статистики, и въ этой части, безспорно, труды статистическаго бюро представляютъ почтенный вкладъ въ литературу этого предмета.

Но эти изданія задаются и другою цѣлью. По цифровымъ даннымъ извѣстнаго года они составляютъ нѣчто подъ заглавіемъ: «Общій Обзоръ дѣятельности судебныхъ мѣстъ», и ставятъ этотъ отдѣлъ во главѣ всѣхъ другихъ, какъ квинтэссенцію всего содержанія сборника.

Въ началѣ лѣта прошлаго года статистическій сборникъ вышелъ подъ заглавіемъ, которое мы выписали выше. Появленіе его и въ этомъ году, какъ и предыдущіе годы, вызвало въ временной печати нѣсколько замѣтокъ о достоинствахъ заключающихся въ немъ матеріаловъ уголовной статистики¹. Боль-

¹ См. «Вѣстникъ Европы» кн. VI «Внутреннее Событіе»; «Отечественныя Записки» статья подъ заглавіемъ «Свѣточъ Будущаго» и «Журн. гражд. и угол. зн. права кн. III».

шинство этихъ замѣтокъ имѣло въ виду лишь тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ «Свода» по отношенію къ физиологій преступленій въ Россіи, лишь косвенно касаясь статистическихъ цифръ о дѣятельности органовъ уголовного правосудія или такъ сказать *судебной* части министерской статистики. — Вотъ почему мы намѣрены исключительно заняться этой послѣдней, т. е. первымъ и вторымъ отдѣлами «Свода».

Когда «Сводъ» попадаетъ въ руки составляющихъ служебный персоналъ новыхъ судебныхъ учреждений, то вниманіе этихъ лицъ обращается преимущественно на первый отдѣлъ изданія. Нерѣдко просмотръ и неидетъ далѣе перваго отдѣла, такъ какъ судебные чиновники, правильно или ошибочно, полагаютъ, что въ этомъ «Общемъ обзорѣ» выражаются руководящія взгляды судебной администраціи вообще, и министерства юстиціи въ особенности. — Дѣйствительно, первый отдѣлъ «Свода» имѣетъ такое содержаніе, что его можно считать относящимся къ остальнымъ, какъ выводъ къ посылкамъ; въ немъ приводятся, весьма авторитетнымъ тономъ, общія заключенія о данныхъ, основанныхъ на цифрахъ; онъ можетъ, съ перваго взгляда, показаться столько же научнымъ, какъ и другіе отдѣлы. Но это только можетъ показаться съ перваго разу; при подробномъ же разборѣ этого «Общаго обзора дѣлопроизводства» выходитъ, что онъ не можетъ имѣть притязаній ни на научную; ни на другую какую-либо авторитетность.

Характера научной работы разбираемый отдѣлъ не можетъ имѣть уже потому, что всякая наука въ выводахъ своихъ скромна, и прежде чѣмъ мечтать о примѣненіи ихъ, напротивъ, старается, чтобы эти выводы не стали въ зависимость отъ предвзятой мысли о немедленномъ практическомъ ихъ примѣненіи къ известной, напримѣръ, административной дѣли. Въ предисловіи къ «Своду» за 1874 годъ совершенно справедливо было сказано, что *только тогда*, когда развитіе уголовной статистики въ Россіи (а также судебной прибавимъ мы) будетъ поставлено на твердую почву, издаваемые министерствомъ «Своды» дадутъ какъ науки, такъ и требованіямъ *административнаго контроля за судами*, обстоятельный матеріалъ для всестороннихъ выводовъ и заключеній. Но эту, совершенно вѣрную, мысль составители «Свода» часто упускаютъ изъ виду и главный упрекъ, который долженъ быть ему сдѣланъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ слишкомъ поспѣшно и широко черпаетъ изъ таблицъ, нерѣдко составленныхъ очень неудовлетворительно, выводы для своего перваго отдѣла, чтобы примѣнить ихъ, какъ онъ выражается, къ требованіямъ административнаго контроля за дѣятельностью судебныхъ учреждений.

Съ другой стороны, и начальственная, такъ сказать, авторитетность «Свода» сильно сомнительна, потому что нельзя себѣ даже составить яснаго понятія о томъ, кѣмъ и для кого онъ составляется; составляютъ ли его статистическіе чиновники для

г. министра юстиціи, или этотъ послѣдній долженъ считаться личнымъ составителемъ этого публичнаго годового отчета? Вопросъ этотъ отнюдь не маловаженъ; нѣкоторыя мѣста «Свода» прямо требуютъ разъясненія—да кто же это пишетъ, удостоверяетъ и свидѣтельствуетъ? чиновники ли министерства, или самъ генераль-прокуроръ¹.

Чтобы доказать нашъ *малый* упрекъ первому отдѣлу «Свода», мы обратимся къ тѣмъ его частностямъ, которыя, на нашъ взглядъ, убѣждаютъ въ злоупотребленіи составителей матеріаломъ статистики — цифрой. Цифра, какъ и littera — poset vel docet, смотря по обстоятельствамъ. Искать въ цифрѣ немедленнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ изъ практики и въ практикѣ живаго судебного дѣла, для статистика также непростительно, какъ для ученаго химика исать философскій камень. Между тѣмъ, гг. статистики министерства юстиціи, тѣмъ цифрамъ, которыя указываютъ лишь внѣшніе результаты судебной дѣятельности (даже не тѣмъ, что записаны въ рѣшеніяхъ; а лишь тѣмъ, что сообщены въ статистическое бюро на форменныхъ листочкахъ), придаютъ рѣшительное значеніе въ оцѣнкѣ судебного труда, результатъ котораго, какъ это каждому извѣстно, достигается не физическими, а преимущественно умственными и нравственными силами дѣятелей. — Въ «Сводѣ» вы вовсе не встрѣтите рубрикъ: ни о томъ, сколько разъ высшіе суды утверждаютъ рѣшеніе низшихъ съ примѣненіемъ мотивовъ, и сколько разъ лишь смягчаютъ наказаніе; ни о томъ, сколько отменяется сенатомъ опредѣленій палатъ о преданіи суду; ни о томъ, сколько разъ, при несогласіи судовъ съ прокуратурой, дѣла получали исходъ, сообразный мнѣнію одной и сколько разъ другой стороны — а между тѣмъ въ томъ же «Сводѣ» весьма авторитетно для чего-то указывается, что «значительная часть кассационныхъ жалобъ и протестовъ приходится на московскую судебную палату»²; что «дѣлопроизводство (?) обвинительныхъ

¹ Такъ, напримѣръ, на V стр. «Свода», неизвѣстный составитель его говорить, что желательно было бы «болѣе усиленной дѣятельности въ округѣ казанской судебной палаты». Напечатано это особымъ жирнымъ шрифтомъ; но что это желаніе неизвѣстно, хотя, конечно, далеко не безразлично для обязательныхъ и не обязательныхъ читателей «Свода». Сущности этого упрека казанскому округу мы коснемся далѣе; здѣсь же замѣтимъ только, что такая форма обсуждения дѣятельности судебныхъ учреждений (даже цифрною) даетъ мѣсто предположенію, что «Сводъ» составляетъ отчетъ самого г. министра, который въ такой формѣ свидѣтельствуетъ фактъ, бесспорно исследованный и, вѣроятно, иныи уже устраненный по его инициативѣ. Нельзя же допустить, что статистическіе чиновники министерства признаютъ за собою право опубликованія нерадивыхъ судебныхъ мѣстъ. Мѣра эта, удѣлявшая еще въ статьѣ 268 II тома свода законовъ, отменя уже свой вѣкъ и къ новымъ судебнымъ учреждениямъ непримѣнима. Впрочемъ, другія мѣста «Свода» даютъ поводъ къ обратнымъ предположеніямъ о его составителяхъ.

² Неужели гг. составителямъ «Свода» неизвѣстно, что принесеніе жалобы

камеръ достигло въ отчетномъ году до блистательнаго положенія, хотя, конечно желательнѣе видѣть с.-петербургскій округъ не послѣднимъ въ ряду другихъ, тѣмъ болѣе, что онъ менѣе прочихъ *обремененъ дѣлами*» (интересно, кто это взвѣшиваетъ бремя), или, наконецъ, что въ прокуратурѣ—особенно излюбленной «Сводомъ»—«процентъ оконченныхъ дѣлъ ежегодно увеличивается и въ отчетномъ году представляется *вполнѣ удовлетворительнымъ*»).

Точно также и тѣ выводы, которые непосредственно могутъ быть сдѣланы изъ цифры «Свода», въ «общемъ обзорѣ» приводить къ самымъ неожиданнымъ результатамъ, неоправдаемымъ никакою статистическою индукціей. Взятые вмѣстѣ, указанные недостатки «Свода» ведутъ къ тому, что выводы его въ разбираемыхъ нами отдѣлахъ не только не убѣдительны, но явную односторонностію какъ бы напрашиваются на опроверженіе и что уже по первому взгляду, для цѣлей административнаго контроля, они оказываются видимо непригодными. Вотъ частности, которыя подтверждаютъ наше мнѣніе.

У *слѣдователей* (стр. VI—XII) число возникшихъ дѣлъ увеличилось противъ 1874 года; число оконченныхъ слѣдствій тоже увеличилось даже у слѣдователей, болѣе сравнительно обремененныхъ дѣлами. Всякаго непредубѣжденнаго статистика такой фактъ долженъ былъ поразить не на шутку; а рѣшительно можно было бы сказать, что такая быстрота производства можетъ только вредить качеству слѣдствій. Мы и беремся утверждать это до тѣхъ поръ, пока гг. статистики не докажутъ намъ, что это не такъ. Доказать этого они, конечно, не могутъ; напротивъ того, мы видимъ, что если число оконченныхъ слѣдствій увеличилось на 4%, за то число отправленныхъ къ прекращенію, по 277 ст. уст. угол. суд., дѣлъ увеличилось на 2,5%¹, что, конечно, ни въ какомъ случаѣ неутѣшительно, такъ какъ не для того же учреждены слѣдователи, чтобы оканчивать дѣла прекращеніемъ. При этомъ нисколько не увеличился процентъ дѣлъ, возвращенныхъ слѣдователямъ, что также врядъ ли рекомендуетъ дѣятельность мѣстъ, обязанныхъ наблюдать за полнотою слѣдствій.

Среднее число дѣлъ, производившихся слѣдователями, колеблется между 114 и 186, а въ частности есть слѣдователи (округа Ржевскаго суда), производившіе по 61, и слѣдователи (Усть-Медвѣдицкаго округа), производящіе въ шесть разъ болѣе, т. е. по 366 дѣлъ въ годъ. Что тутъ *желательно*, составители «Свода» не говорятъ. — Есть цифры болѣе, чѣмъ странныя: напримеръ—слѣдователями для разрѣшенія пререканій о подсудности

на кого-либо не владеть на обжалованнаго никакой тѣни и нѣрѣдко доказывать только изобиліе и досужестъ писателей жалобъ. Число этихъ писателей, особенно изъ частныхъ, повѣренныхъ, при льготномъ примѣненіи судами льготъ объ нихъ правиль, значительно увеличилось и увеличивается.

¹ Цифру эту мы вывели сами; въ «Сводѣ» ея нѣтъ.

дѣлъ, на основаніи 39 ст. уст. угол. суд.—представлено въ суды въ 1875 году 70 дѣлъ. Въ 1874 году число это равнялось 33! Каждому извѣстно, что во всякомъ отдѣльномъ судѣ 2 разряда постановляется опредѣленій, по пререканіямъ о подсудности, болѣе этихъ цифръ; было бы весьма важно знать, отъ кого же поступаютъ въ суды дѣла этого рода и сколько пререканій разрѣшено согласно съ мнѣніемъ слѣдователей. Безъ этого можно, пожалуй, думать, что слѣдователи мало обращаютъ вниманія на подсудность дѣлъ, сваливаютъ эту работу на другія мѣста, напримѣръ, на мировыхъ судей, что, конечно, въ похвалу слѣдователямъ также поставлено быть не можетъ. Впрочемъ, цифры 70 и 33 до того невѣроятны, что приходится сомнѣваться, не явились ли онѣ какъ результатъ самого способа ихъ собиранія...

Переходя къ *окружнымъ судамъ*, оказывается, что и ихъ дѣятельность выражается въ количественномъ отношеніи весьма крупными цифрами. Въ распорядительныхъ засѣданіяхъ рассмотрѣно 33,103, а въ судебныхъ 23,749 дѣлъ и, конечно, болѣе, чѣмъ въ предъидущіе годы. Но и здѣсь обнаруживается, что суды главнымъ образомъ занимались *прекращеніемъ* дѣлъ, а именно по дѣламъ, рассмотрѣннымъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, кромѣ 633 опредѣленій объ измѣненіи подсудности, остальные были постановлены о приостановленіи (395) и о прекращеніи (32,754 дѣла). Изъ этого послѣдняго числа прекращено: по недостатку уликъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ—2034; за смертію, давностію, примиреніемъ и т. п.—1020 и *по необнаруженію виновныхъ и необнаруженію преступленій*—29,700 дѣлъ. «Сводъ» пытается сравнить быстроту разрѣшенія дѣлъ въ разныхъ судебныхъ округахъ, установивъ для этого пять рубрикъ (дѣла, лежавшія въ судѣ менѣе 1 мѣсяца, отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, отъ 3 до 6, отъ 6 до года и болѣе года), но результаты этого сравненія ни къ чему не приводятъ, потому что, хотя и оказывается будто бы болѣе половины дѣлъ (55,5%) разрѣшается судами Казанскаго округа въ теченіи мѣсяца, но изъ числа этихъ дѣлъ не исключены распорядительныя, почти егугломъ прекращаемыя, какъ это мы видѣли выше. Очевидно, что не составляетъ никакой заслуги торопиться прекращать дѣла, гдѣ нѣтъ преступниковъ и преступленій, въ ущербъ дѣламъ, по которымъ сидятъ живые арестанты. А между тѣмъ по этому поводу «Сводъ» аттестуетъ, что округа: Казанскій, Саратовскій и отчасти Петербургскій стоятъ нетолько въ лучшемъ положеніи, но и въ дѣлопроизводствѣ ихъ замѣчается постоянное улучшеніе. Тутъ очевидное неумѣніе составителей свода устроить правильныя рубрики для сравненія продолжительности пребыванія дѣлъ въ судахъ.

Даже «Сводъ» констатируетъ, что въ окружныхъ судахъ, какъ и у слѣдователей процентъ неразрѣшенныхъ дѣлъ уменьшился. Сопровождалась ли такая усиленная цифирная работа надлежащими внутренними качествами — сомнительно, въ виду

страшной массы дѣлъ, обременявшихъ суды уже въ предшествовавшіе годы. Замѣчательно, что изъ числа оставшихся не разсмотрѣнными къ 1875 году въ Харьковскомъ судебномъ округѣ дѣлъ, 24% составляютъ дѣла, лежащія болѣе года, которыя подъ этой же рубрикой могутъ, пожалуй, переходить на страницы «Свода» сразу нѣсколько лѣтъ.

Нѣкоторый интересъ представляетъ отношеніе дѣлъ, рѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, къ дѣламъ, рѣшаемымъ безъ присяжныхъ («Сводъ» приводитъ въ общемъ обзорѣ только общія цифры по округамъ судебныхъ палатъ); это отношеніе въ процентахъ мы вывели сами и убѣдились, что по округамъ Петербургскому и Московскому болѣе вниманія обращено на дѣла съ присяжными засѣдателями, чѣмъ въ другихъ. Въ столичныхъ округахъ дѣла, рѣшенныя безъ участія присяжныхъ засѣдателей, составляютъ только 20% общаго числа рѣшенныхъ дѣлъ; въ другихъ же округахъ процентъ этотъ равняется: въ Одесскомъ и Саратовскомъ 24, въ Харьковскомъ 25, а въ Казанскомъ 30. Въ послѣднемъ изъ этихъ округовъ есть Екатеринбургскій окружный судъ, въ которомъ, по преимуществу, занимались дѣлами о бродягахъ и изъ числа рѣшенныхъ дѣлъ на долю разсмотрѣнныхъ безъ присяжныхъ засѣдателей приходится 64%! Мы не дѣлаемъ укора лично Екатеринбургскому суду (это одинъ изъ судовъ, поставленныхъ въ самое тяжелое положеніе): но думаемъ, что представленныя нами цифры указываютъ на то, что еслибы извѣстному суду вздумалось посвятить всю свою дѣятельность въ году разсмотрѣннѣе дѣлъ о бродягахъ, то при установленныхъ въ общемъ оборотѣ «Свода» рубрикахъ мы бы отыскали слѣды этого не скоро.

Окружные суды не удостоиваются одобренія составителей «Свода»; объ нихъ сказано: дѣлопроизводство въ нихъ, по сравненію съ слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ, представляется менѣе удовлетворительнымъ, такъ что желательно *болѣе быстрое* разрѣшеніе дѣлъ, особенно по Одесскому округу. Предоставляемъ самому читателю опредѣлить значеніе этой аттестаціи и особенно разумность сравненія коллегіальной дѣятельности судовъ съ дѣятельностью прокурорскаго надзора...

Что касается затѣмъ дѣятельности *судебныхъ палатъ, какъ апелляціонныхъ инстанцій*, то въ этомъ качествѣ, палаты всей Россіи въ 1875 году рѣшили 546 дѣлъ, причѣмъ измѣнили всего 248 приговоровъ окружныхъ судовъ. Въ Казанскую судебную палату поступило всего 13 апелляціонныхъ дѣлъ. Есть окружные суды, на рѣшенія которыхъ ни одной апелляціи приносимо не было. «Сводъ» надъ этимъ не задумывается; намъ же кажется, что пора бы подумать объ уничтоженіи апелляціонной роли палатъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Количество дѣлъ, производящихся въ *прокурорскомъ надзорѣ*, ежегодно увеличивается—такъ начинаютъ гг. сводчики свою III главу общаго обзора. Это совершенно понятно и не къ чему

было набирать эту фразу, жирнымъ шрифтомъ сенатской типографіи, тѣмъ болѣе что, въ 1875 году, увеличеніе это есть необходимое послѣдствіе вновь оторванныхъ въ 1874 году судовъ. На каждое лицо прокурорскаго надзора окружнаго суда доставалось къ разсмотрѣнію 232 дѣла и изъ нихъ окончено 216. Если сравнить эти цифры съ цифрами, выведенными для слѣдователей (150 производившихся и 111 оконченныхъ дѣлъ), то, конечно, лица окружной прокуратуры покажутся счастливыми передъ слѣдователями. Процентъ оконченныхъ товарищами прокуроровъ дѣлъ «Свода» признаеть въ отчетномъ году совершенно удовлетворительнымъ. Намъ кажется немного страннымъ, по отношенію къ прошедшимъ чрезъ прокуратуру дѣламъ, употребленіе эпитета *оконченн*. Окончаніе дѣлъ состояло, какъ можно убѣдиться изъ того же «Свода», въ направленіи половины изъ нихъ (49%) въ окружные суды, преимущественно для прекращенія¹; остальные дѣла направлены къ прокурору палаты. При этомъ будто бы составлено было—32,745 заключеній по указаннымъ въ выносѣ предметамъ. Говоримъ будто бы, потому что эта цифра положительно невѣрна и обнаруживаеть въ составитель «Свода» поразительное невнаніе существующихъ порядковъ прекращенія дѣлъ. Никакихъ особыхъ письменныхъ заключеній по дѣламъ, предлагаемымъ суду для прекращенія по законнымъ (и аналогическимъ съ законными) причинамъ никогда не составляется. На практикѣ дѣла эти препровождаются въ окружные суды при печатныхъ бланкахъ съ набраннымъ жирнымъ шрифтомъ заглавіемъ «предложеніе» и въ бланки вписывается послѣ словъ «имѣю честь предложить суду, на основаніи 277 статьи уст. угол. суд.» только заглавіе дѣла и то нерѣдко на столько неолоно и неправильно, что можно усумниться въ томъ, читалъ ли писавшій бумагу препровождаемое дѣло. Письменные заключенія составляются окружной прокуратурой только по тѣмъ дѣламъ, которыя предполагается въ окружномъ судѣ прекратить за недостаткомъ уликъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ, или по которымъ надобно измѣнить порядокъ подсудности, или раздѣлить предметы слѣдствія. Искомая цифра дѣлъ, отосланныхъ къ прекращенію при бланкахъ, можетъ быть выведена изъ расчета, приведеннаго на XXVII страницѣ «Свода». Здѣсь видно, что суды прекратили по недостатку уликъ 2034 дѣла и измѣнили подсудность по 633 дѣламъ; слѣдовательно, прокуратура судовъ внесла объ этомъ письменныхъ заключеній 2667; остальные же 30,720 дѣлъ (за взятіемъ развѣ незначительнаго количества такихъ, по которымъ предлагалось раздѣлить предметы слѣдствія), прекращаемыхъ судами, были внесены въ эти послѣдніе при бланкахъ, такъ что сводчики статистическихъ цифръ напрасно

¹ Прекращеніе почему-то неразрывно связано въ «Сводѣ» въ одну рубрику съ заключеніями объ измѣненіи подсудности и раздѣленія предметовъ слѣдствія, такъ что вывести точную цифру прекращенныхъ дѣлъ нельзя.

приписали прокуратурѣ около 30,000 письменныхъ работъ, никогда непроизведенныхъ въ дѣйствительности. Также неправильно оказывается и приведенная на той же страницѣ «Свода», кажется тоже въ похвалу прокуратурѣ, цифра дѣлъ, по которымъ заключенія лицъ прокурорскаго надзора утверждены судами. Такихъ дѣлъ, за исключеніемъ 72, гдѣ суды съ прокуратурой не согласились, будетъ не 32,752, а только 2595. Невѣрность эта останется и тогда, если считать за заключенія печатныя сообщенія на бланкахъ, потому что не всѣ же подобнымъ образомъ препровождаемыя дѣла судами были прекращены — иѣкоторая часть ихъ все-таки возвращалась слѣдователямъ для продолженія слѣдствія. Такихъ случаевъ было, на сколько можно судить по вѣдомости о дѣятельности слѣдователей, 490, то есть 1.66% на 29, 480 дѣлъ, направленныхъ слѣдователями къ прокурорамъ, по 277 ст. уст. угол. суд.

Письменными работами по обжалованію приговоровъ судовъ лица прокурорскаго надзора то же не могутъ похвалиться въ количественномъ отношеніи: протестовъ подано въ 1875 году 160 на 367 прокуроровъ и ихъ товарищей, то есть меньше половины протеста на каждое лицо. Цифру эту мы добыли сами изъ отдѣла объ окружныхъ судахъ.

Всѣхъ же письменныхъ работъ прокуратуры судовъ (подлежащихъ регистраціи) окажется за 1875 годъ 47,881 экземпляръ, а именно: протестовъ 160, письменныхъ заключеній направленныхъ въ окружные суды, 2,667, письменныхъ заключеній, направленныхъ къ прокурору палаты 21,379, обвинительныхъ актовъ по дѣламъ съ присяжными и безъ присяжныхъ 23,477 и заключеній объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемыхъ 198, и это составить на 367 лицъ окружной прокуратуры по 130 письменныхъ работъ. Количество ничтожное въ сравненіи съ числомъ письменныхъ работъ отдѣльныхъ судей по составленію приговоровъ и опредѣленій. Всѣхъ этихъ сопоставленій въ «Сводѣ», конечно, нѣтъ.

Что касается продолжительности производства дѣлъ въ прокуратурѣ судовъ, то 59,357 дѣлъ направлено въ сроки не дальше одного мѣсяца, но при этомъ не указано, какія это были дѣла и особенно старыя ли, или новыя. Мы думаемъ, что преимущественно новыя и вотъ почему. На страницѣ XXI выведено, что изъ числа оставшихся къ 1876 году не оконченныхъ дѣлъ въ производствѣ находится отъ 2-хъ до 6-ти мѣсяцевъ 35% дѣлъ, а это не доказываетъ, чтобы въ прокуратурѣ было принято за правило направлять дѣла по очереди ихъ старшинства. Съ другой стороны, не зная, что имѣли своимъ предметомъ эти 59,357 дѣлъ, мы не видимъ въ одной этой цифрѣ повода хвалить прокуратуру, потому что отнюдь немудрено, даже въ срокъ меньше 7 дней, подписать тысячи бланковъ съ препровожденіемъ дѣлъ къ прекращенію, или возвратити дѣла слѣдователямъ, или направить въ одинъ день десятокъ дѣлъ о бродягахъ, объ оскор-

бленіяхъ на бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто и т. п. Остальныя 20 тысячъ дѣлъ лежали въ прокуратурѣ въ 1875 году не менѣе мѣсяца и не болѣе... шести мѣсяцевъ. Для прокуратуры почему-то не установлено рубрики болѣе одного года.

Повидимому, такая скорость не особенно удивляетъ и составителей «Свода»; они говорятъ, «если предположить, что дѣла, направляемыя по 277-й статьѣ, находятся въ производствѣ прокурорскаго надзора не болѣе 1 мѣсяца, то окажется, что въ теченіи мѣсяца направлено еще 29,977 дѣлъ или 37³/₄%... Затѣмъ *только* (какъ хорошо это только при законномъ семидневномъ срокѣ) 9,672 дѣла или 12¹/₄% находилось въ производствѣ отъ 2 до 6 мѣсяцевъ и болѣе 6 мѣсяцевъ? Наименѣе успѣшныя результаты въ этомъ отношеніи представляетъ, по выводамъ сводчиковъ, окружная прокуратура казанскаго и саратовскаго округовъ. Сводчики дѣлаютъ разныя сопоставленія цифръ дѣлъ, направляемыхъ по 277 ст., и дѣлъ, оканчиваемыхъ въ прокуратурѣ въ теченіи семи дней, но они не приводятъ «Сводъ» ни къ опредѣленнымъ выводамъ, ни къ сужденію о томъ, что было бы желательно въ этотъ отношеніи. Мы подскажемъ деэидератъ: желательно было бы, чтобы прокуратурѣ было предписано (какъ она иногда предписываетъ слѣдователямъ ¹) не налагать особенно на скорое направленіе дѣлъ съ бланками для прекращенія, держать ихъ у себя, *хотя бы и болѣе 6 мѣсяцевъ*, а обратить вниманіе на направленіе дѣлъ съ обвинительными актами, назначивъ для этихъ дѣлъ срокъ не болѣе мѣсячнаго, что вполне возможно, если чины окружной прокуратуры не будутъ проживать въ мѣстѣ нахождения судовъ, а своевременно, каждый въ своемъ уѣздѣ ², будутъ наблюдать за слѣдствіями по дѣламъ, которыя имъ предстоитъ направлять.

Судебныя палаты въ качествѣ усиленныхъ обвинительныхъ камеръ работаютъ и торопятся, по увѣренію «Свода», *блестательно* чо. Впрочемъ, это блестящее положеніе дѣлопроизводства выводится главнымъ образомъ изъ того, что палаты разрѣшили 98% и не разрѣшили только 2% вступившихъ дѣлъ, причемъ и *последній* процентъ уменьшится, если принять во вниманіе, что въ палатахъ осталась 260 дѣлъ уже рѣшенныхъ, по которымъ только не успѣли привести въ исполненіе состоявшіяся опредѣленія. Конечно, тутъ ужь нѣтъ не виновать, что въ декабрѣ всего 31 день. По разсмотрѣннымъ дѣламъ 95% заключеній лицъ про

¹ Есть такой прокуроръ суда, который требуетъ у слѣдователей, независимо отъ доставленія разныхъ неуставленныхъ закономъ вѣдомостей и объясненій, еще того, чтобы они кончали въ мѣсяцъ и представляли по 478 ст. уст. угол. судопр. не менѣе 12-ти слѣдствій. За снѣмъ трудъ этихъ *судей* учитывается уже, какъ поденщина, на основаніи установленнаго прокуроромъ урочнаго положенія.

² На этотъ фактъ абсентизма товарищей окружныхъ прокуроровъ изъ назначенныхъ для нихъ уѣздовъ обратило даже вниманіе, какъ извѣстно изъ газетъ, постороннее юстиціи вѣдомство—государственный контроль.

курорскаго надзора утверждено. Болѣе всѣхъ утверждали палаты: одесская, саратовская и харьковская; менѣе всѣхъ — петербургская и московская ¹. По дѣламъ, рассмотрѣннымъ обвинительными камерами, изъ 68,889 лицъ, 28,278 преданы суду, а относительно 40,611 (59%) дѣла прекращены, приостановлены или измѣнена подсудность. «Въ числѣ сихъ послѣднихъ (?) значительная часть (34,381 лицо) приходится на долю лицъ, о коихъ слѣдствія прекращены». Что здѣсь разумѣть подъ «сиими послѣдними» понять трудно, но надобно думать, что 34,000 человекъ были неосновательно привлечены слѣдователями къ отвѣту въ качествѣ обвиняемыхъ, что, конечно, также не дѣлаетъ чести ни слѣдователямъ, ни наблюдающимъ за ними прокурорамъ. Увеличеніе числа вступившихъ въ палаты въ 1875 году дѣлъ противъ 1874 года въ казанскомъ, харьковскомъ и саратовскомъ округахъ должно объясняться, по мнѣнію сводчиковъ, тѣмъ, что въ этихъ округахъ открыты въ 1874 г. новыя суды. Но почему же въ петербургскомъ и московскомъ округахъ число это уменьшилось (вѣдь не закрывали же тамъ суды), а въ одесскомъ округѣ также уменьшилось, несмотря на то, что прибавился новый судъ въ Елисаветградѣ въ томъ же 1874 году. Объясненіе «Свода», очевидно, неудачно, да оно вовсе и невозможно съ точки зрѣнія «Свода». Не слѣдуетъ ли по этому поводу просто вспомнить, что слишкомъ вытянутая струна, всегда, наконецъ, лопается.—Въ таблицахъ всегда есть интересная графа о количествѣ дѣлъ, находившихся къ 1876 году *въ передачѣ*, т. е. по просту на почтѣ. Такихъ дѣлъ оказывается около 7,000 и больше всего по передачѣ изъ обвинительныхъ камеръ московской, одесской и казанской; у послѣднихъ двухъ значатся въ передачѣ въ одесскій 14%, а въ казанскій 8% всего числа дѣлъ, оконченныхъ этими камерами.

Дѣятельности *уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената* «Сводъ» касается вѣрнѣе. Скажемъ только, что очень жаль, что не выведены цифры уваженныхъ и неуваженныхъ протестовъ прокуратуры, а также число рѣшеній по коимъ отмѣнялся сенатомъ самое преданіе обвиняемыхъ суду.

Во второмъ отдѣлѣ «Свода», первый разъ появившемся въ этомъ изданіи за 1875 годъ и озаглавленномъ «Обзоръ дѣя-

¹ Всѣ писавшіе о «Сводѣ» справедливо удивляются, почему рѣшенія коллегій (судебные приговоры) гораздо чаще отмѣняются палатами, чѣмъ заключенія прокуратуры, и объясняютъ это тѣмъ, что письменныя заключенія прокуратуры, вѣроятно, не повѣряются съ актами слѣдствія, а просто утверждаются надлежащей законической надписью. Угадать, что для такого утверженія изобрѣтенъ даже практикой особый терминъ «штемпельвать обвинительные акты», т. е. прикладывать штемпель, точь въ точь, какъ сортировщики на письмахъ. По нашимъ наблюденіямъ (мы видѣли явно безграмотные акты, за которые въ 4-мъ классѣ гимназій русскій учитель поставилъ бы двойку) приходится только присоединиться къ этому предположенію.

тельности общих судебных учреждений по родам преступлений», читателю то и дѣло приходится наткаться на курьёзы, могущіе поразить самого казеннаго поклонника «Свода».

Во-первыхъ, въ числѣ группъ *преступлений* фигурируютъ, между прочимъ, изслѣдованія причинъ смерти и изслѣдованія причинъ пожаровъ. «Сводъ» объясняетъ, что *изслѣдованія причинъ смерти*, какъ отдѣльная группа дѣлъ, заключаетъ въ себѣ случаи убійства, самоубійства, нанесенія ранъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть и другіе случаи насильственной смерти, въ которыхъ слѣдствие не имѣло возможности раскрыть не только виновныхъ, но даже и *достаточныхъ оснований къ заключенію о существованіи въ данномъ случаѣ того или другаго изъ исчисленныхъ преступлений*. Сюда относятся также и случаи смерти отъ собственной неосторожности, или отъ несчастнаго случая (стр. XLI). Такого рода дѣла были въ наибольшемъ количествѣ въ ярославскомъ, московскомъ и полтавскомъ окружныхъ судахъ.—Случаи же *изслѣдованія причинъ пожаровъ* бывають тогда, когда не представляется *достаточныхъ оснований предполагать существованіе поджога или небрежнаго обращенія съ огнемъ*, напримѣръ, въ лѣсныхъ пожарахъ.—И такъ изъ «Свода» оказывается, что вопреки прямому требованію закона, чтобы слѣдствие не начиналось безъ достаточныхъ къ тому оснований (ст. 262 уст. угол. суд.), наши слѣдователи занимаются изслѣдованіемъ причинъ разныхъ болѣе или менѣе поражающихъ воображеніе фактовъ. Когда нѣтъ оснований *даже предполагать*, что факты эти составляютъ результатъ преступной человѣческой воли. Можетъ быть, это и похвально съ точки зрѣнія статистической, но съ юридической просто нецѣльно терять силы слѣдователей на такіа слѣдствія, въ сущности, не имѣющія ничего общаго съ преступленіемъ и проступками.

Есть, безспорно, факты гораздо болѣе интересныя, чѣмъ видъ лѣснаго пожара или мертваго тѣла. Изслѣдованіе причинъ неурожаевъ, повальнаго пьянства, разврата, эпидемическихъ болѣзней и т. п. не менѣе желательно, чѣмъ изслѣдованіе причинъ смерти найденныхъ на дорогахъ мертвецовъ; но это не дѣло слѣдователей по уголовнымъ дѣламъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ оснований подозрѣвать прямого участія злой воли въ произведеніи или облегченіи поминovanýchъ несчастій.—Объ такихъ случаяхъ производится дознаніе, а не слѣдствія и, конечно, не подъ наблюденіемъ прокуратуры судовъ и не по формамъ уголовного процесса, имѣющаго свои, чисто спеціальныя задачи. Между тѣмъ такихъ не нужныхъ дѣлъ производится тысячи (въ 1875 году 2,788): въ одномъ округѣ ярославскаго суда ихъ было 189¹, т. е. по 15 дѣлъ на cadaго слѣдователя. Въ прокурорскомъ над-

¹ Вопреки устреніямъ «Свода», самоубійство стоитъ особой отъ числа этихъ изслѣдованій цифрой. Объ немъ 30 дѣлъ, а во всѣхъ вмѣстѣ округахъ 1,827 дѣлъ.

зорѣ ярославскаго окружнаго суда 76, изъ этихъ дѣлъ дѣйствительно были направлены ранѣе 7-ми дней; это составляетъ почти 14% всего числа дѣлъ, направленныхъ ярославской прокуратурой въ подобный срокъ; но такой фактъ врядъ ли можетъ считаться заслугой и скорѣе доказываетъ наше мнѣніе, что въ теченіе первыхъ семи дней по поступленіи, прокуратурой направляются по преимуществу пустяковыя дѣла.

Стоитъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Ни ярославскій, ни московскій, ни полтавскій округа не принадлежать къ числу тѣхъ, въ которыхъ возникаетъ болѣе дѣлъ о поджогахъ, убійствахъ и телѣсныхъ поврежденіяхъ—это видно изъ цифръ самаго «Свода».—Чѣмъ же объясняется такая подозрительность дѣателей этихъ округовъ относительно каждаго трупа, каждаго пожара? Другихъ объясненій, кромѣ субъективныхъ возрѣній прокуратуры, мы прискаты не можемъ; но, пора кажется понять, что толочъ воду изъ-за того, что прокурору вздумается въ каждомъ пожарѣ подозрѣвать поджогъ, а въ каждомъ трупѣ убитаго, значить ронать судебное дѣло до степени послугъ личной любознательности. Высшая прокуратура должна бы сдерживать такую любознательность низшей¹. Есть въ Россіи судъ (бѣлозерскій), въ которомъ дѣлъ о дракахъ возникаетъ даже болѣе, нежели дѣлъ о кражахъ; есть и другой округъ (нижегородскій), населеніе котораго преимущественно склонно къ поджогамъ. Мы бы понимали, еслибы бѣлозерскій прокуроръ относился недозвѣрчиво къ трупамъ, находимымъ въ его округѣ съ подозрительными внѣшними признаками, или нижегородскій прокуроръ въ случаяхъ пожаровъ; но задаваться мыслію о склонности населенія къ поджогамъ и убійствамъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ на это данныхъ—негѣло.

Второй курьезъ «обзора по родамъ преступленій» состоитъ въ томъ, что громадный процентъ дѣлъ, производящихся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, имѣетъ своимъ предметомъ, проступокъ, вовсе неподсудный этимъ учрежденіямъ, именно такъ называемое *самоуправство*². Составители «Свода» чувствуютъ неловкость своего положенія въ виду такого факта и потому стараются объяснить его слѣдующими двумя причинами: «1) Нерѣдко

¹ Одинъ вице-прокуроръ, въ началѣ ноября настоящаго года, предложилъ полицейскому управленію предписать становымъ приставамъ, «чтобы они, въ случаяхъ *скоростипимой* смерти, не предавали труповъ землѣ безъ медицинскаго вскрытія». И вотъ становые пристава и врачи будутъ тратить время на уведомленіе любознательности вице-прокурора суда, забывая, что министерство запретило давать общіе циркуляры даже настоящимъ прокурорамъ-судовъ (цир. № 801) и что дознанія о преступленіяхъ, не связанныхъ съ преступленіемъ, вовсе изъяты изъ подъ контроля прокуратуры.

² Отмѣтимъ интересную ошибку въ «Сводѣ». Въ первой вѣдомости о подсудимыхъ показано 4 лица приговоренными за самоуправство къ тюремному заключенію, тогда какъ законное наказаніе за этотъ проступокъ есть арестъ!

въ удостовѣреніяхъ полиціи и даже въ производимыхъ ею дозна-ніяхъ, а чаще въ подаваемыхъ слѣдователю потерпѣвшими ли-цами заявленіяхъ, служащихъ поводомъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, неправильно квалифицируется самый фактъ преступленія (1), почему бывають такого рода случаи: возникаетъ, на примѣръ, у слѣдователя дѣло о кражѣ, или даже о грабѣжѣ, но дальнѣйшее изслѣдованіе заявляемаго факта правонарушенія обнаруживаетъ въ немъ всѣ признаки самоуправства, такъ что все производство въ самомъ началѣ же прекращается въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ и передается, въ порядкѣ подсудности, въ мировыя учрежденія, и 2) дѣла о самоуправствѣ, правда, въ весьма незначительномъ количествѣ, иногда проходятъ всѣ судебныя инстанціи и даже по опредѣленіямъ обвинительной камеры доходить до судебного разбирательства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; но это случается исклю-чительно только въ виду 205 ст. уст. угол. суд., т. е. въ случаяхъ совокупности самоуправства съ другими болѣе важными преступленіями, подлежащими производству въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ».

Не хочется какъ-то вѣрить, чтобы хотя одно дѣло о самоуправствѣ дошло до судебного разбирательства съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По опредѣленію обвинительной камеры въ силу будто бы 205 ст. уст. угол. суд., правительствующій сенатъ уже давно (рѣшеніе уголовного департамента 1870 г. № 619) поясняетъ, что въ случаяхъ, подобныхъ приводимому «Сводомъ», слѣдуетъ принимать во вниманіе не только букву этого закона, но и разумъ его, а также больше или меньше удобство его исполненія и что ст. 205 уст. угол. суд. есть въ сущности повтореніе статьи 152 уложенія о наказаніяхъ.

Для чего въ самомъ дѣлѣ затруднять общія судебныя мѣста рассмотрѣніемъ случаевъ самоуправства, хотя бы совокупныхъ съ другими преступленіями, если законъ о совокупности будетъ исполненъ и тогда, когда дѣло о самоуправствѣ рѣшить мировой судья и только передаетъ свой приговоръ въ тотъ общій судъ, которому обвиняемый подсуденъ по болѣе важному преступленію. — Мы, съ своей стороны, думаемъ, что причину большой цифры самоуправствъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ «Своду», при теперешнихъ его рубрикахъ, не объяснить. Ее надобно искать въ другихъ, не легко усматриваемыхъ издали, привычкахъ судебныхъ дѣателей. — Совѣтуемъ «Своду» завести рубрику цифръ о томъ, сколько разъ первоначально сдѣланная обвинительною властію квалифікація обвиненія измѣняется отвѣтами присяжныхъ такъ, что подсудимый признается виновнымъ только въ самоуправствѣ. — Нерѣдко такое признаніе подсудимаго (обвиняшагося въ разбоѣ, грабѣжѣ, нанесеніи ранъ и т. п.) виновнымъ лишь въ самоуправствѣ или насиліи (статья объ нихъ одна) выводится судомъ изъ отвѣтовъ, данныхъ присяжными на поставленные имъ самимъ же судомъ дополнительные вопросы. —

Новая рубрика разъясняетъ, почему общими судамъ приходится (независимо отъ неумѣлости полиціи) имѣть дѣло съ самоуправствомъ и насиліемъ и будетъ весьма поучительна во многихъ отношеніяхъ.—Если вспомнить, съ одной стороны, обремененность слѣдователей, а съ другой то, что существуетъ циркуляръ, требующій отъ председателей оправданій по поводу каждаго оправдательнаго приговора (если процентъ оправданій превышаетъ известную норму въ данную сессию (!)), то нельзя удивляться наклонности судей ставить вопросы о виновности подсудимаго въ чемъ нибудь другомъ, если не доказано первоначальное обвиненіе. Ну, а подъ самоуправство или насиліе подойдетъ, при известномъ толкованіи, чуть не всякое плохое обставленное обвиненіе въ преступленіи противъ личности или противъ имущества.

Какъ бы то ни было, «Сводъ» констатируетъ фактъ весьма печальный, что на ряду съ дѣлами о пожарахъ и трупахъ, дѣтели общихъ судебныхъ мѣстъ занимаютъ еще и дѣлами мировой юрисдикціи.

Это бы еще не бѣда, еслибы такихъ дѣлъ было немного. Но «Сводъ», переходя къ сравненію количества оконченныхъ дѣлъ по родамъ преступленій (стр. XLII), принужденъ сознаться съ перваго же раза, что «самый значительный процентъ оконченныхъ въ теченіе года дѣлъ (96%) приходится на дѣла о самоуправствѣ», да на изслѣдованія причинъ смерти и пожаровъ (78% и 84%). Значитъ эти дѣла отнимаютъ очень и очень много времени и силъ у судебныхъ дѣтелей. Далѣе «Сводъ» принужденъ сознаться, что служебныя преступленія и всякаго рода подлоги представляютъ, наоборотъ, наименьшее количество оконченныхъ дѣлъ. Дѣйствительно, движеніе дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ даетъ 34%, а по подлогамъ—43,5%. На эти преступленія приходится и самый значительный процентъ дѣлъ, продолжавшихся болѣе 2 и 3 дѣтъ. «Сводъ» пытается объяснить это крайне прискорбное явленіе; онъ говоритъ, что медленность въ производствѣ этихъ дѣлъ объясняется будто бы характеромъ самыхъ преступленій, не легко поддающихся изслѣдованію по свойственной имъ запутанности (?), такъ какъ фактъ преступленія нерѣдко обнаруживается спустя весьма продолжительное время послѣ его совершенія, не говоря уже о томъ, что какъ для разъясненія самаго преступленія, такъ и для приведенія въ возможную ясность (разъясненіе и приведеніе въ ясность неужели не одно и тоже) требуется участіе людей, обладающихъ специальными свѣденіями. Все это де не можетъ не имѣть вліянія на производство этихъ дѣлъ, особенно у слѣдователей, которое, не имѣя возможности (а почему же?) прослѣдить преступленія по горячимъ слѣдамъ, должны ограничиться собраніемъ только косвенныхъ уликъ. Дѣла по преступленіямъ служебнымъ замедляются еще, по мнѣнію составителей «Свода», отсылкою

ихъ, согласно 1091 ст. уст. угол. суд. къ начальству обвиненныхъ.

Такия объясненія, можетъ быть, отчасти и справедливы, хотя имѣютъ видъ слишкомъ общихъ оговорокъ. Непонятно, что составляетъ слѣдователей упускать горячіе слѣды только что упомянутыхъ преступлений и почему дѣла объ изслѣдованіи причинъ пожаровъ и смерти кончаются такъ сравнительно быстро, хотя изслѣдованіе причинъ смерти не обходится, вѣроятно, безъ участія экспертовъ-врачей. Казеннаго характера оговорокъ «Свода» мы коснемся еще въ послѣдствіи, здѣсь же укажемъ только, чего не договорилъ «Сводъ», что по преступленіямъ служебнымъ медленность судебныхъ дѣателей иногда просто чудовищна. *Около 100 дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ остается неоконченными болѣе трехъ лѣтъ*, почти столько же было и въ 1874 году; прогресса незамѣчается никакого, а въ частности въ нѣкоторыхъ округахъ осталось болѣе такихъ дѣлъ въ 1875, нежели въ 1874 году; такъ въ Самарскомъ съ 20, число ихъ возросло до 58, въ Вятскомъ съ 67 на 100, въ Екатеринбургскомъ съ 87 на 105 и въ Пермскомъ со 104 на 116. Все это въ одномъ и томъ же Казанскомъ округѣ, о которомъ нѣсколько выше «Сводъ» говоритъ, что дѣлопроизводство его въ теченіе отчетнаго года значительно улучшилось противъ 1874 года. Не мудро догадаться, какой исходъ ожидаетъ эти 380 дѣлъ—по нимъ конечно придется собрать уже не косвенныя, а развѣ чисто горизонтальныя улики.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ (говоритъ «Сводъ») что чѣмъ менѣе инстанцій проходитъ дѣло, тѣмъ оно скорѣе оканчивается и наоборотъ». Подтверженіе этой аксіомы «Сводъ» находитъ въ данныхъ о незначительной продолжительности дѣлъ о самоуправствѣ, объ изслѣдованіяхъ причинъ смерти и пожаровъ и о нѣкоторыхъ личныхъ преступленіяхъ; «этимъ же объясняется и довольно большой процентъ оконченныхъ дѣлъ о религіозныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ, *главная масса* которыхъ прекращается или обвинительною камерою за недостаткомъ уликъ къ обвиненію заподозрѣнныхъ лицъ, или окружными судами по 277 ст. уст. угол. суд. и только сравнительно небольшой процентъ доходить до судебного разбирательства». Процентъ этотъ дѣйствительно небольшой; ниже «Сводъ» говоритъ, что изъ всего числа оконченныхъ дѣлъ только четвертая часть доходитъ до судебного разбора.—Неправда ли результатъ, отъ котораго стоитъ скорѣе отвернуться. И у составителей «Свода» выходитъ именно въ этомъ мѣстѣ престранный поворотъ. Вмѣсто того, чтобы высказать, что доказываетъ приведенный цифрный фактъ, или хоть что желательно по его поводу, статистики «Свода» обрываютъ нить разсужденія словами: «Значеніе приведенныхъ общихъ выводовъ изъ цифрныхъ данныхъ о взаимномъ отношеніи преступленій по количеству дѣлъ, дошедшихъ до суда, *еще болѣе выяснится, если прослѣдить престу-*

пленіе по строгости постановленныхъ по нимъ приговоровъ» и отсылаютъ васъ къ другимъ отдѣламъ «Свода», въ которыхъ, однако, по этому вопросу вы ничего не найдете, такъ какъ въ нихъ говорится только о *ликахъ*, преданныхъ суду и осужденныхъ.

Закроемъ теперь «Сводъ» и посчитаемся относительно достоинства тѣхъ выводовъ, которые онъ даетъ о состояніи судебного дѣлопроизводства въ 1875 году. Но прежде всего условимся, что разумѣть подъ этимъ «дѣлопроизводствомъ».

Если это слово должно означать внѣшнее состояніе оконченныхъ судебныхъ дѣлъ для цѣлей внѣшней же ихъ регистраціи, то понятно, что спорить съ статистиками министерства не стоитъ, хотя и было бы возможно. Даже при такомъ пониманіи «дѣлопроизводства» для лигованій не останется никакого мѣста, потому что нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что и въ другихъ, не такъ строго регистрируемыхъ вѣдомствахъ, пишется не менѣе входящихъ и исходящихъ бумагъ и двигается отнюдь не меньшее количество переписокъ съ надписью «дѣло». Сортировщики почтовыхъ конторъ несомнѣнно больше разбираютъ писемъ и пакетовъ, чѣмъ какіе бы то ни было прокуроры и судьи способны рѣшить дѣлъ, хотя бы о бродягахъ; а еслибы судебные члены и догнали въ цифирномъ отношеніи сортировщиковъ, то врядъ ли по такому поводу возможны лигованія съ общественной точки зрѣнія.

Если же подъ словомъ «дѣлопроизводство въ судахъ» должно понимать отправленіе судебного дѣла какъ могущественнаго фактора государственной и общественной жизни, регистрируемаго въ его результатахъ, сведенныхъ къ цифрамъ, въ поученіе обществу и судебнымъ дѣлателямъ, то выводы «общаго обзора дѣятельности судебныхъ учреждений», которые жирнымъ шрифтомъ печатаетъ «Сводъ», окажутся совершенно произвольными.

Въ самомъ дѣлѣ, на какихъ цифрахъ пиагорейцы министерства юстиціи основываютъ свои сопоставленія и выводы; существуютъ ли у нихъ свѣденія о средней нормѣ труда по исполненію каждаго отдѣльнаго рода судебной работы, или, другими словами, могутъ ли они дать отвѣтъ, сколько человекъ можно допросить въ день, сколько написать обвинительныхъ актовъ, сколько состряпать приговоровъ и опредѣлений въ окончательной формѣ и т. п., при томъ, конечно, предположеніи, что работы эти будутъ исполнены такъ серьезно, какъ этого требуетъ судебное дѣло. Нѣтъ, этой мѣркой они не запаслись. При начертаніи проекта учрежденія судебныхъ установленій, члены комиссіи задавались этими вопросами, но оставили ихъ нерѣшенными впередъ до указаній опыта; составители «Свода» совсѣмъ обходятъ ихъ, потому ли что подобные вопросы не интересуютъ ихъ, или, быть можетъ, потому, что и матеріаловъ-то для установленія такихъ цифръ у нихъ нѣтъ: ни дѣлъ, ни дѣлателей регистрируемой отрасли они

не видать, а ищють на глазахъ только формулярныя, такъ сказать, списки тѣхъ и другихъ.— На чемъ же послѣ этого строить они свои выводы и свои одобренія или порицанія существующимъ судебнымъ дѣателямъ?— На сравненіи тѣхъ цифръ, которыя ими же выведены въ канцеляріи изъ отчетовъ и вѣдомостей нерѣдко прямо невозможныхъ. Очевидно, что всю такую статистику дѣлепроизводства надо назвать преждевременною и не по заслугамъ претенціозною.

О какихъ выводахъ для административнаго контроля за судами можетъ идти рѣчь по поводу такой регистраціи не только въ настоящемъ, но даже и въ будущемъ времени, при такихъ статистическихъ приемахъ! Нельзя строить балконовъ, хотя бы и для административныхъ наблюдений, раньше фундамента.

На этомъ можно было бы, пожалуй, и закончить оцѣнку значенія разбираемыхъ нами двухъ отдѣловъ изданія министерства юстиціи съ точки зрѣнія ихъ статистическаго достоинства. Но избранная нами точка зрѣнія открываетъ намъ поле для новыхъ выводовъ и размышленій. Для насъ интересенъ вопросъ: если заключенія перваго отдѣла «свода» преждевременны и претенціозны, то, при извѣстномъ взглядѣ на авторитетность «свода», не отразятся ли они вредно въ будущемъ на судебномъ дѣлѣ и дѣателяхъ. Къ сожалѣнію, на этотъ послѣдній вопросъ мы полагаемъ себя въ правѣ отвѣтить утвердительно.

Вотъ главные наши соображенія.

а) Каждому понятно, что въ судебномъ дѣлѣ важно не количество, а качество работы. Если это такъ, то немислимо дѣлать какіе бы то ни было контрольные выводы о судебномъ дѣлѣ изъ однихъ цифръ приговоровъ и рѣшеній; допускать же это въ оффиціозномъ изданіи значить нерѣдко рекомендовать судебнымъ дѣателямъ хлопотать о цифрахъ отчетовъ, а не о достоинствѣ судебныхъ работъ; б) менѣе, быть можетъ, понятно, что для сужденія о качествѣ работы, такой, какъ судебная, необходимо знакомство и съ самими дѣателями, ну хоть только для того, чтобы опредѣлить, такого ли качества работу они поставляютъ, какую могли бы поставлять при нормальныхъ условіяхъ, и если худшую, то не потому ли, что работы-то слишкомъ много. Такое знаніе дѣателей, по возможности, самое близкое должно составлять *primus desiderium* всякой правильной судебной администраціи. Это знакомство съ дѣателями, конечно, также не можетъ быть основано на рапортахъ, вѣдомостяхъ и отчетахъ, а требуетъ, по возможности, живаго и непосредственнаго наблюденія дѣателей на дѣлѣ. Плодомъ всякой другой системы были бы безконечныя ложныя выводы и предубѣжденія, а въ томъ числѣ и одно изъ двухъ, одинаково вредныхъ для центральной администраціи предубѣжденій: либо о томъ, что все очень дурно, или черезъ чуръ уже хорошо. Такъ бываетъ вездѣ, и единственный способъ поправить предубѣжденія состоитъ въ повременномъ, по крайней мѣрѣ, воз-

обновленіи знакомства съ дѣателями на дѣлѣ, или въ такъ называемыхъ ревизіяхъ.

Сводя два выше указанныхъ нами необходимыхъ элемента контроля судейской работы, окажется, что вообще необходимо основать этотъ контроль на живомъ наблюденіи и прилагать въ добываемымъ цифрамъ живыя мѣрки. Тогда и выводы, насколько они возможны, получатся совсѣмъ иные, нежели тѣ, къ которымъ приходятъ составители «свода».—Вѣрность этого взгляда доказали намъ отчасти сами эти гг. составители. Одинъ только разъ, во второмъ отдѣлѣ, попробовали они примѣнить къ собраннымъ ими цифрамъ «дѣлопроизводства» живую мѣрку—*качество судебныхъ дѣлъ*—и результатомъ этого явились такіе выводы, которые подорвали весь авторитетъ восхваленій скорости, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ «свода». Оказалось, что около 1,000 дѣлъ о преступленіяхъ должности лежатъ въ судахъ болѣе трехъ лѣтъ. Авторы «Обзора» отвернулись отъ этого факта и читатель помнитъ, какъ на страницѣ XLIV имъ пришлось оборвать естественное теченіе мысли искусственнымъ, хотя далеко неискуснымъ поворотомъ.

Въ свою очередь, мы, за авторовъ обзора, сдѣлали въ настоящей статьѣ нѣсколько сближеній и выводовъ о качествѣ дѣлъ, по которымъ шло дѣлопроизводство, и оказалось опять что-же?—Что и слѣдователи и прокуроры, и суды заняты преимущественно либо окончаніемъ дѣлъ о пожарахъ, трупахъ и самоуправствѣ, либо прекращеніемъ громаднаго числа дѣлъ о религіозныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ; что прекращеніе слѣдствій, когда оно испрашивается, разрѣшается чуть не огуломъ; что суды, торопящіяся преимущественно по дѣламъ о бродягахъ; что множество дѣлъ въ новому году лежитъ на почтѣ и что при всемъ томъ есть обруга палатъ, въ которыхъ число поступающихъ дѣлъ каждый годъ увеличивается. Такіе факты способны заставить задуматься и нестатистика; что-же они значатъ, какая ихъ общая причина?..

Начнемъ съ вопроса: возможны ли были бы такіе факты, еслибы судебные дѣатели всякаго ранга (предполагая въ нихъ обыкновенную среднюю способность и добросовѣстность) несли посильное количество работы; думаемъ, что нѣтъ и что скорѣе всего они обременены несообразно съ физическими даже ихъ силами! Это сквозить и во всемъ «обзорѣ дѣлопроизводства», хотя ни разу не высказывается прямо¹.

Пойдемъ дальше. Если обремененные слѣдователи выбираютъ для окончанія дѣла болѣе легкія, то дѣла, сопряженныя съ отдаленными, затруднительными повѣздками въ участки, остаются, вѣроятно, также лежать по долгу; если обремененные суды для поправленія цифирной репутаціи своей предпочитаютъ дѣла безъ при-

¹ Мы уже отмѣчали кое-гдѣ выше выраженія составителей «Свода»: *болѣе обремененные, не имѣютъ возможности* и т. п.

сложных дѣламъ съ присяжными, то не будетъ смѣлымъ и такое предположеніе, что они предпочтутъ также дѣла мѣстныя того уѣзда, гдѣ находится судъ, дѣламъ, требующимъ выѣзда въ другіе отдаленные уѣзды; если въ отчетахъ обращается вниманіе на количество дѣлъ, почти безотносительно къ ихъ качеству, то естественно, что всѣ судебныя дѣятели предпочтутъ болѣе легкую работу—труднѣйшей, что всѣ работы будутъ носить на себѣ отпечатокъ торопливости; что обвинительные акты и приговоры будутъ излагаться письменно не такъ, какъ слѣдуетъ, или даже не тѣми, кому слѣдуетъ¹; что протесты, пожалуй, вовсе не писаться не будутъ, а опредѣленія въ окончательной формѣ будутъ замѣняться краткими резолюціями; словесные доклады и разбирательства будутъ сокращены до уродливости; наступитъ торжество печатныхъ бланковъ и штемпелей, въ которыхъ все заранѣе признано обстоящимъ благополучно; войдетъ въ обычай всякое съ виду менѣе существенное упущеніе признавать прямо не существеннымъ, а отрасли дѣятельности судовъ, неподлежащія регистраціи, напр., управленіе и надзоръ лицъ, подчиненныхъ судамъ (нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, адвокатовъ), отодвинутся со всѣмъ на задній планъ.

Такъ было, есть и будетъ во всякой административной отрасли, если ея дѣятели завалены работой; того же можно смѣло ожидать и въ судахъ.

Будемъ еще откровеннѣе и зададимся вопросомъ: ужь не дождался ли мы этого теперь?

Судя по многимъ признакамъ, слѣдуетъ думать, что не только дождался, но что обремененность всѣхъ судебныхъ дѣятелей и начинающіяся ея послѣдствія составляютъ самый выдающійся *признакъ времени* въ дѣятельности новыхъ судовъ. Надобно имѣть смѣлость ярко констатировать это предъ обществомъ.

Уже давно мы читали и читаемъ отовсюду объ обремененности судебныхъ дѣятелей. На нашихъ глазахъ, временныя штаты судебныхъ учреждений то и дѣло оказываются неудовлетворительными, дополняются и черезъ годъ, два, какъ это было и въ кассационномъ сенатѣ, вновь оказываются по прежнему недостаточными. Какъ происходили доклады дѣлъ въ сенатѣ и какая была медленность въ его дѣлахъ до послѣднихъ преобразованій, извѣстно всякому, кто хоть сколько нибудь интересуется дѣломъ

¹ Нѣкоторые изъ подобныхъ фактовъ общезвѣстны въ судебномъ мѣрѣ. Напримеръ, въ окружныхъ судахъ докладъ о томъ, слѣдуетъ ли вызвать, по требованію подсудимаго, свидѣтелей, не указанныхъ въ обвинительскомъ спискѣ, возлагается на канцелярскихъ чиновниковъ подъ видомъ *скрамы*—были ли свидѣтели эти спрошены на предварительномъ слѣдствіи. Доходить и до того, что одинъ откровенный вице-прокуроръ прямо пишетъ въ дѣлѣ резолюцію: «прошу Ф. П. рассмотреть дѣло и составить обвинительный актъ», а по справкѣ оказывается, что инициалы Ф. П. принадлежатъ лишенному всѣхъ особенныхъ правъ лицу, служащему одновременно письмоводителемъ у вице-прокурора и одного изъ абакатовъ.

новаго суда. Но пора убѣдиться, что такое же обремененіе тяготѣетъ надъ каждымъ судебнымъ дѣятелемъ. Прислушаемся, что говорятъ судьи другихъ судовъ о своемъ положеніи. Вотъ извлеченія изъ постановленія общаго собранія отдѣленій одного изъ окружныхъ судовъ: «Суду извѣстно, что «чрезмѣрное накопленіе дѣлъ въ судахъ вызываетъ такое направленіе дѣятельности, которое можно назвать цифирнымъ и которое выражается въ возможности скорой поставкѣ возможно-большаго количества судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, въ ущербъ ихъ качеству, въ ущербъ интересамъ подсудимыхъ и тяжущихся, въ ущербъ всѣмъ другимъ функціямъ, возложенныхъ на судъ, напримѣръ, управленія состоящими при судѣ должностными лицами, присяжными и частными повѣренными, въ ущербъ дальнѣйшему развитію здоровой судебной практики и къ окончательному истощенію силъ судебнымъ дѣятелями, низведенныхъ до роли чисто номинальной — изготовителей того или другого вида исполнительныхъ приказовъ о подсудимыхъ и тяжущихся. Извѣстно, что многіе суды давно уже лишились возможности вести засѣданія въ полномъ составѣ всѣхъ наличныхъ судей (см. соображенія Харьковской судебной палаты на статью 67-ю Особаго Наказа ея по изданію 1871 года); суды принуждены ограничиваться минимумомъ присутствующихъ, прибѣгая, вѣтъ закона, чуть не къ постоянному содѣйствію почетныхъ мировыхъ судей, очевидно, только въ крайности могущихъ замѣнять постоянныхъ членовъ суда (ст. 146 учр. суд. уст.); распорядительныя дѣла рѣшаются въ сущности однимъ членомъ докладчикомъ почти безъ докладовъ. У судей нѣтъ времени не только для научныхъ трудовъ, но и для того, чтобы освѣжать свои познанія, слѣдя за успѣхами науки и практики».

«Если правительствующій сенатъ... изъ множества поступающихъ въ оный кассационныхъ дѣлъ, въ большинствѣ которыхъ кассационныя нарушенія только и могутъ быть объяснены вышеописаннымъ положеніемъ судовъ и несообразнымъ количествомъ дѣлъ, слушаемыхъ въ короткіе промежутки времени, усмотритъ настоящее положеніе судебного дѣла и назначить ревизію (ст. 257 учрежд.), то такая весьма желательная ревизія съ ея послѣдствіями выяснитъ несомнѣнно, который изъ двухъ взглядовъ на скорость судебного дѣла правленъ и болѣе соотвѣтствуетъ принципамъ 20-го ноября 1864 года, хранимымъ сенатомъ; а до тѣхъ поръ судъ не отступитъ отъ своего взгляда о предпочтеніи качества работы ея количеству».

Усвоенная составителями «Свода» статистика цифирнаго усердія особенно вредно отражается на тѣхъ изъ судебныхъ дѣятелей, которые правильно или неправильно считаются отвѣтственными за выводы годичныхъ отчетовъ, и на тѣхъ, кто заинтересованъ фразировать министерство побѣдами надъ многочисленнымъ количествомъ дѣлъ. Того или другого рода лицъ въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, найдется не мало.

Предсѣдатели и прокуроры судовъ (официальные составители отчетовъ) стараются иногда щегольнуть другъ передъ другомъ *своими* цифрами; иначе, пожалуй, будешь опубликованъ въ «Сведѣ». Немудрено, что они находятъ себѣ обязательную поддержку въ безответныхъ чинахъ канцелярій и въ тѣхъ, кто, не будучи способенъ изготовлять хорошаго качества работы, плодитъ за то ихъ количество, какъ дождь грибы. Стараться чѣмъ нибудь экстреннымъ зарекомендовать себя—весьма червѣдкій обычай у служащихъ по судебному вѣдомству¹; въ послѣднее время, самое большее число лицъ выѣзжаетъ на цифрахъ... Физическая выносливость входитъ въ число необходимыхъ доблестей, отрывающихъ шансы на повышение...

Судебныя канцеляріи во многихъ мѣстахъ пали; молодѣжь университетская отъ нихъ отвернулась—неинтересно вѣдь пеголятъ одною физическою выносливостью, и вотъ въ судебномъ засѣданіи по серьезному дѣлу секретарствуетъ писецъ, въ формулярѣ котораго значится, что онъ хотя и воспитывался въ той же гимназій, гдѣ и опредѣлившій его предсѣдатель, но, по малослѣбности, уволенъ изъ четвертаго класса. За то такой субъектъ способенъ сидѣть, не разгибая спины, сколько прикажутъ, а писать можетъ даже и во свѣ. Судебная карьера много потеряла изъ своей прежней привлекательности и не только ее оставляютъ весьма почтенные дѣтели, но и количество слушателей юридическихъ наукъ въ университетахъ падаетъ.

При такихъ ли признакахъ времени могутъ осуществиться тѣ надежды, которыя въ правѣ возлагать на судъ и судебныхъ дѣателей общество и государство? Чего можно ожидать отъ судей, поставленныхъ въ положеніе сортировщиковъ писемъ въ почтовыхъ конторахъ?

Ужь, конечно, не они будутъ двигать впередъ науку—имъ читать некогда, не то что писать—они не смогли поддержать всѣмъ сословіемъ единственную судебную газету, а два издающіеся судебныя журнала расходятся въ такомъ числѣ экземпляровъ, что имъ грозитъ превращеніе (напримѣръ, у журнала «Гражд. и Угол. Права» въ 1876 году было менѣе 800 подписчиковъ). Не они, измученные судьи, внесутъ въ общество личными сношеніями трезвые охранительныя взгляды, какъ выводъ науки и практики; при ихъ ничтожномъ содержаніи и массѣ механическаго труда (одно писаніе вѣдомостей для министерскихъ статистиковъ сколько отнимаетъ времени), имъ въ пору лишь домогѣдствовать, отсыпаться, отмалчиваться, да, по-

¹ Въ отчетѣ, напримѣръ, серьезно пишется: «мы де занимались дѣлами даже въ неприсутственные дни»—что въ переводѣ означаетъ иногда: слушали 30-го и 31-го декабря дѣла о бродягахъ, оставивъ лежать еще на годъ свыше 2,000 неисполненныхъ переписокъ по рѣшеніямъ старыхъ судовъ, благо объ этихъ дѣлахъ формулярчики въ министерство не посылаются.

жалуй, еще самимъ усумниться въ пользѣ ихъ дѣятельности при господствѣ цифирной системы контроля...

Къ какому же заключенію должно привести насъ все выше на-мѣченное: прежде всего къ тому, что помѣщенные въ «обзорѣ дѣлопроизводства» цифры суть какія-то уродливыя, максимальныя, въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка просто невозможныя цифры. А потому лучше всего бросить затѣю писать «обзоръ», основываясь только на такомъ матеріалѣ.

Могутъ, однако, спросить, что же предпринять въ видахъ административнаго контроля за судами. Мы позанимаемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ у самихъ судей. Въ приведенномъ выше мнѣніи общаго собранія отдѣленій одного окружнаго суда указана совершенно легальная и цѣлесообразная мѣра для восстановленія порядка въ дѣлѣ оцѣнки результатовъ дѣятельности новыхъ судебныхъ учреждений—это общая ревизія судовъ.

Думаемъ, что наши личные выводы подтверждаютъ необходимость такой мѣры и что съ ними согласится въ этомъ отноше-ніи всякій читатель, если онъ истинный другъ судовъ и обще-ства, которому они служатъ.

Ревизія судовъ теперь, особенно послѣ усиленія состава кас-саціоннаго сената вполне осуществима. Откладывать ее въ дол-гій ящикъ врядъ ли желательно.

Такая ревизія, произведенная всесторонне, неторопливо и по возможности повсемѣстно, даетъ возможность выводовъ, которые въ состояніи будутъ уяснить обществу дѣйствительное положе-ніе судебного дѣла за первыя двѣнадцать лѣтъ существованія новыхъ судовъ; выводами такой ревизіи можно будетъ дѣйстви-тельно импонировать судебнымъ дѣателямъ; такая ревизія даетъ матеріалъ и для вывода средней цифры работъ, возможныхъ къ исполненію судебнымъ дѣателямъ каждаго ранга; послѣ такой ревизіи, наконецъ, наступить, пожалуй, время и для цифирной регистраціи «дѣлопроизводства».—Наступить очередь министер-скихъ статистиковъ «общаго обзора», вынѣ преждевременно ра-сточающихъ свои похвалы и порицанія.

М. С.

Судья новаго суда.

Декабрь, 1877 года.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Стачки и ихъ быстрое прекращеніе. — Банкетъ рабочихъ ассоціацій и рѣчь Луи Влана. — Приостановка парламентской сессіи. — Амнистія по дѣламъ печати въ Сенатѣ. — Де-Брольи и Парисъ противъ Савари и Дюфора. — Окончательное принятіе бюджета. — Увеличеніе содержаній по поводу выставки. — Фарсъ, размыгранный сенатомъ. — Мирная сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Рѣчь Барду при открытіи коллежа Паскаля. — Выборы 7-го апрѣля. — Разстройство въ рядахъ бонапартистовъ. — Заявленія Рауля Дювала, Дюпона и Дюге де-ля-Фонорри «Статьи о союзахъ 1870 г.» — Исторія съ военнымъ министромъ. — Случай съ Геслэномъ и Мирибелемъ. — Территориальная армія и циркуляръ въ жандармамъ. — Антиреспубликанская магистратура. — Поѣздка Гамбетты и наследство Тьера.

Послѣднее свое письмо я окончилъ извѣщеніемъ о возникновеніи во Франціи, въ концѣ марта, одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, нѣсколькихъ стачекъ рабочихъ. Движеніе это, къ счастью, не приняло слишкомъ серьезнаго характера, и эти стачки весьма скоро сами собою одна, вслѣдъ за другою, прекратились, благодаря, конечно, вліянію республиканскихъ газетъ, которыя всѣ въ одинъ голосъ доказывали рабочимъ, что всякія волненія соціального характера не только не могутъ въ настоящее время принести народу какую нибудь непосредственную пользу, но въ значительной мѣрѣ воспрепятствуютъ возможности желательнаго упроченія демократическихъ учреждений. Если правительство и произвело нѣсколько арестовъ, чтобы узнать какую роль, при возбужденіи этихъ стачекъ, играли агенты интернаціонала, то слѣдствіе показало съ большою ясностію, что дѣйствія этихъ иноземныхъ агитаторовъ не встрѣтили въ массѣ французскихъ рабочихъ того сочувствія, на которое рассчитывали, и что ихъ стремленія встрѣтили почти повсюду отпоръ. Нельзя не видѣть, что массы французскихъ рабочихъ все больше и больше проникаются идеями политики «своевременности» и вполне поняли, что только дѣйствуя сообразно съ ней, они могутъ достигнуть на практикѣ желаемаго успѣха. Они сознали, какъ и наиболѣе крайніе изъ республиканцевъ палаты, что до возобновленія сената не слѣдуетъ только ничего портить, чтобы получить возможность на-

дѣяться на все съ 1880 года. По этому, въ рабочей средѣ, большинство готово смотрѣть, какъ на безумца или какъ на провокатора, на каждаго своего слишкомъ нетерпѣливаго сочлена. Я вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, что «Освобожденная коммуна» подверглась значительному штрафу и суду и что первый ея номеръ былъ даже конфискованъ; во всякое другое время это не только бы не повредило изданію, но послужило бы ему даже рекламой, сдѣлало бы его популярнымъ и усилило бы цѣлыми тысячами число его читателей; теперь же дѣло произошло иначе: газету перестали покупать и, выпустивъ всего нѣсколько номеровъ, она вынуждена была сама собой прекратиться, по недостатку денежныхъ средствъ. Точно также и другая новая газета «La Marseillaise», въ заголовкѣ которой заявлено, что она издается при непосредственномъ участіи Рошфора, не имѣетъ рѣшительно никакого денежнаго успѣха, несмотря на то, что Рошфоръ пишетъ трижды въ недѣлю, и въ ея фельетонахъ перепечатываетъ свой «Фонарь» времени имперіи. «Les Droits de l'homme» тоже должны были смягчить значительно тонъ своихъ статей, чтобы не потерять читателей. Изъ этого не слѣдуетъ, однако-же, чтобы нашъ пролетаріатъ, такъ сказать, обуржуазился и отказался отъ какихъ либо изъ своихъ надеждъ, но видя, что ему удалось спастись отъ воскрешенія старыхъ порядковъ, онъ добѣрчиво даетъ республикѣ необходимое время для ея усиленія, чтобы потомъ уже логически потребовать отъ нея исполненія ея долга относительно народа. Причина того удивительнаго спокойствія, какое мы видимъ въ цѣлой Франціи, заключается въ томъ, что чуть не все ея населеніе проникло пониманіемъ того, что до 1880 года всѣ усилія французовъ должны быть направлены къ мирному увѣнчанію республиканскаго зданія. Воспитательное значеніе этого терпѣливаго, добѣрчиваго ожиданія состоитъ въ томъ, что оно отучаетъ массы отъ насильственныхъ дѣйствій и научаетъ ихъ идти къ достиженію справедливости путемъ одной законной свободы. На недавнемъ банкетѣ рабочихъ ассоціацій, происходившемъ въ огромномъ помѣщеніи улицы Сень-Манде, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ социалистовъ недавняго прошлаго, Луи Бланъ, не поступившись нисколько основными своими идеями объ индивидуализмѣ и коллективности, заявилъ, что счастье, или вѣрнѣе, «улучшеніе участи возможно большаго числа» находится въ прямой зависимости отъ «труда, согласія и разсудительности» самихъ массъ, и только при ихъ пособіи можетъ быть достигнуто; что «братство людей должно быть мирнымъ орудіемъ освобожденія» и что бѣдные и живущіе дневнымъ заработкомъ, вполне между собою солидарные, «должны обусловить для себя возможность лучшей участи, не нарушая ни одного значительнаго общественнаго интереса, не вѣставая противъ общественнаго спокойствія, и не подвергая опасности порядка,—при помощи свободы и твердой къ ней приверженности».

При такомъ настроеніи умовъ въ самой удобовоспламеняемой части французскаго населенія и при ненарушимомъ согласіи между республиканскимъ большинствомъ палаты и министерствомъ, никакіе планы реакціи вызвать въ концу сессіи и наканунѣ открытія выставки новый конфликтъ между общественными властями, несмотря на все свое коварство, не могли удалиться. Ретрограды достигли только того, что держали чуть не до самаго закрытія сессіи общественное мнѣніе въ постоянномъ страхѣ и опасеніи, чтобы не произошло какихъ нибудь новыхъ столкновеній между двумя палатами и не разрушило бы, передъ самой выставкой, того порядка вещей, котораго съ такимъ трудомъ и благодарно только истойчивости своего терпѣнія и благоразумія, достигли республиканцы.

Особенную агитаторскую дѣятельность реакція проявила въ сенатѣ въ продолженіи двухъ засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію законо-проекта объ амнистіи за преступленія и проступки по дѣламъ печати и слова, чему помогло и самое положеніе этого вопроса въ сенатѣ. Палата, ограничивая эту амнистію срокомъ съ 16-го мая по 13-е декабря, имѣла при этомъ въ виду прямое и открытое осужденіе какъ шальевой затѣи маршала, такъ и всѣхъ продѣлокъ злосчастныхъ представителей правительства того періода государственной жизни, который она была въ правѣ считать временнѣмъ посягательствомъ на самыя дорогія учрежденія Франціи, посягательства, которое не остановилось бы даже передъ совершеніемъ государственнаго переворота. Но, такъ какъ сенатъ принималъ свою долю участія въ этой позорной попыткѣ, такъ какъ онъ голосовалъ распущеніе, то положеніе конституціоналистовъ при обсужденіи вопроса объ амнистіи было самое жалкое и незавидное. Имъ, вотированнымъ всегда вмѣстѣ съ правыми, пришлось бы теперь открыто признать незаконность всего того, чему они, по своему легкомыслію и безтактности, сами способствовали. На такое голосованіе отчасти рассчитывала и палата, чтобы дать имъ случай разъ навсегда развязаться съ компрометирующимъ прошлымъ. Но рассчитывать на подобный образъ дѣйствій хотя бы и нѣкоторыхъ изъ набольше просвѣщенныхъ орлеанистовъ — значило ожидать отъ нихъ та-кого герояма, на который они положительно неспособны. Поэтому, когда началъ обсуждаться докладъ Паркса объ амнистіи, съ продленіемъ срока ея на весь 1877 годъ, конституціоналисты постыдно молчали. Этими, конечно, не преминулъ воспользоваться ловкій де-Брольи и въ рѣчи своей позволилъ себѣ не только презнестъ анологію 16 мая, но и высказать нѣсколько самыхъ грубыхъ выводовъ противъ настоящаго кабинета, а главное успѣлъ убѣдить сенатъ, что для него отвергать 16 мая значитъ отречься отъ самого себя и всей своей прошлой дѣятельности. Положивъ, что товарищъ министра, Савари, съ трибуны мастерски опровергъ де-Брольи и произнесъ торжественное и суровое об-вѣненіе какъ самаго 16 мая, такъ и всѣхъ его участниковъ.

покажемъ, что, вслѣдъ за нимъ, такое же осужденіе высказалъ и Дюфоръ, такъ что страна получила полную возможность составить себѣ вполне ясное представленіе объ истинномъ значеніи 16-го мая и его сообщниковъ, но матеріальный результатъ этихъ преній, продолжавшихся цѣлыхъ два засѣданія, все-таки оказался въ пользу реакціи, такъ какъ амнистія, съ продолженіемъ ея сроковъ, прошла при большинствѣ 147 голосовъ противъ 189. Отвергнуть такое голосованіе палата, съ своей стороны, также не могла, такъ какъ всякое замедленіе въ принятіи амнистіи повлекло бы за собою исполненіе цѣлыхъ сотенъ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній противъ республиканцевъ, которымъ сверхъ того пришлось бы внести весьма значительныя штрафы. Поэтому, въ палатѣ, безъ всякихъ преній, на основаніи одного словеснаго доклада, поправка сената была принята при презрительномъ молчаніи лѣвыхъ.

Относительно тѣхъ измѣненій, которыя позволилъ сдѣлать себѣ сенатъ въ бюджетѣ расходовъ, рискуя этимъ обусловить необходимость новой выдачи правительству одной двѣнадцатой, палата сумѣла устроить такъ, что «последнее слово» по бюджетному вопросу осталось за народными представителями. Для этого, въ видахъ утвержденія своего авторитета, палата, въ своей финансовой коммисіи отвергла всѣ восстановленные сенатомъ кредиты; въ публичномъ же засѣданіи, при ничтожномъ большинствѣ въ 7 голосовъ, одинъ только изъ этихъ кредитовъ, въ пользу Отеля Инвалидовъ, и то съ поправками, былъ признанъ. Относительно увеличенія содержанія духовенства, она не сдѣлала никакихъ уступокъ, а только просто вычеркнула знаменитую 10 статью закона, которая въ редакціи сената не выражала того характера осужденія католическихъ конгрегацій, какой ей былъ приданъ палатскимъ большинствомъ. Когда бюджетный законъ этотъ вторично поступилъ въ сенатъ, то напрасно де-Кердрель и де-Белькастель, по вопросу о полковыхъ священникахъ и семинарскихъ стипендіяхъ, старались раздуть въ своихъ сотоварищахъ огонь ультрамонтанскаго одушевленія — большинство сенаторовъ рѣшилось неопираться на необходимость и законъ, какъ онъ явился изъ членовъ палаты, былъ принятъ большинствомъ 131 голосъ противъ 121. Съ этой минуты, по признанію самого герцога де-Брольи, «торжество республиканцевъ стало окончательнымъ» и для всѣхъ стало яснымъ, что выставка, благодаря усиліямъ Гамбетты, будетъ открыта во имя демократической Франціи кѣмъ либо изъ членовъ неудобосмѣняемаго кабинета, во главѣ котораго сталъ Дюфоръ, а не представителями прежнихъ монархій, хотя они еще и недавно передъ тѣмъ хвастались, что имъ вскорѣ придется предложить гостепримство Франціи представителямъ всей остальной Европы!

Гамбетта, какъ предсѣдатель бюджетной коммисіи, между прочимъ, озабочивался и тѣмъ, чтобы республиканское министерство имѣло полную возможность съ надлежащимъ представительствомъ

принять многочисленных гостей Франціи. Письмомъ отъ 18-го марта къ министру финансовъ Леону Сэ онъ заявилъ о томъ, что комиссія намѣрена внести въ палату предложеніе объ увеличеніи, на усиленные расходы по представительству, во время выставки, содержанія маршалу на 500,000 фр., министрамъ иностранныхъ дѣлъ и земледѣлія и торговли, въ вѣденіи которыхъ состоитъ выставка, на 250,000 и всѣмъ остальнымъ министрамъ на 100,000 франковъ. Кромѣ того, въ виду необходимаго вздорожанія во время выставки, при наплывѣ иностранцевъ, всѣхъ предметовъ потребленія, комиссія считала необходимымъ увеличить на 10 процентовъ, на все выставочное время, содержаніе какъ всѣхъ чиновниковъ, живущихъ въ Парижѣ, такъ и всѣхъ служителей и рабочихъ, находящихся въ немъ для надобностей государства. Законо-проектъ, уполномочивавшій необходимый для этого кредитъ, былъ утвержденъ палатой 1-го апрѣля съ поправкой, которою назначалось 500,000 франковъ для раздачи по департаментамъ на субсидіи делегаціямъ рабочихъ и земледѣльцевъ, которые захотѣли бы посѣтить выставку.

Казалось бы, что подобный законопроектъ не долженъ былъ встрѣтить никакого противодѣйствія въ сенатѣ. Когда онъ былъ въ него внесенъ, то, на основаніи регламента, онъ былъ напечатанъ и разосланъ по всѣмъ сенаторамъ, но реакціонеры ухитрились не допустить его до внесенія на очередной порядокъ. Для этого они прибѣгли къ такому фарсу. 2-го апрѣля, замѣтивъ, что сенаторы дѣвой стороны были еще очень мало, они при самомъ открытіи засѣданія заявили очередной порядокъ исчерпаннымъ, почему и сессію признали законченною, съ отсрочкою новыхъ засѣданій на неопредѣленное время. Такою недостойной продѣлкою они убили сразу нѣсколько зайцевъ и посмѣялись надъ самимъ Макъ-Магономъ, 500,000 франковъ котораго, присужденные палатою къ выдачѣ ему на представительство, оказались не въ его карманѣ, а гдѣ-то въ воздушномъ пространствѣ. Но маршалъ попался при этомъ только, такъ сказать, по сполупности. Главною цѣлью сенатскихъ реакціонеровъ было насолить Гамбеттѣ и республикѣ, также какъ протестанту—министру народнаго просвѣщенія, чего они, хотя весьма неблагоприятнымъ образомъ—и достигли.

Виддингтону они насолели тѣмъ, что *позабывши* утвердить кредитъ, необходимый для открытія кассы школьныхъ построекъ, благодаря которой во всѣхъ общинахъ могла бы осуществиться система дароваго и обязательнаго обученія.

Гамбеттѣ—въ лицѣ его ближайшаго друга, министра общественныхъ работъ, Фрейссина—тѣмъ, что не порѣшили ничѣмъ вопроса о правительственномъ выкупѣ мелкихъ западныхъ и югозападныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній; а я уже имѣлъ случай объяснить, къ какимъ немедленнымъ практическимъ выгодамъ приводило быстрое исполненіе этой операціи, занявъ рабочихъ закрытыхъ фабрикъ и заводовъ постройкою недооконченныхъ дорогъ.

Наконецъ республикѣ—помѣшая немедленно открытію республиканскихъ мастерскихъ. Въ безсильной злобѣ на невозможность принести ей какой нибудь болѣе существенный вредъ — реакціонеры рады и тому, что отсрочили, если не остановили прибыльную для страны работу. Кромѣ того, они не теряютъ надежды, въ мѣсячный срокъ парламентскихъ вакацій, такъ запутать вопросъ о желѣзно-дорожныхъ выкупахъ, чтобы республиканскому правительству не удалось спасти мелкія компаніи отъ разоренія и вырвать ихъ изъ рукъ большихъ компаній, въ которыхъ участниками всѣ финансовыя тузы Франціи.

На основаніи конституціи, палата не имѣетъ права продолжить своихъ засѣданій, если засѣданія сената закрыты, точно также, какъ и обратно. По поводу быстрого прекращенія сенатомъ засѣданій могъ бы возникнуть весьма щекотливый вопросъ общественнаго права, но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ, дѣло шло не объ окончательномъ закрытіи сессіи, а только объ отсрочкѣ засѣданій, то палата и нашла болѣе удобнымъ для республики не возбуждать вопроса, чтобы не подать тѣмъ поводъ къ какимъ нибудь серьезнымъ столкновеніямъ властей. Поэтому, 9-го апрѣля, въ тотъ самый день, когда палата была формально извѣщена о прекращеніи сенатскихъ засѣданій, депутаты поторопились закончить всѣ болѣе неотложныя дѣла и къ вечеру разойтись, объявивъ парламентскую сессію приостановленною до воскресенія, чтобы дать тѣмъ изъ своихъ сочленовъ, которые вмѣстѣ и генеральныя совѣтники, возможность присутствовать на очередной сессіи этихъ совѣтовъ. Открытіе же генеральныхъ совѣтовъ было опредѣлено 15 днями ранѣе обычнаго срока, чтобы дать сессіи возможность закончиться до дня открытія выставки.

Никогда еще во Франціи ни одна сессія генеральныхъ совѣтовъ не происходила при такомъ всеобщемъ спокойствіи, какъ настоящая, и никогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, на этихъ сессіяхъ мѣстные интересы не обсуждались съ такою серьезностію, вниманіемъ и дѣловитостію. Хотя реакціонеры еще и преобладаютъ въ 40 совѣтахъ, но, въ виду спокойнаго и довѣрчиваго настроенія общественнаго мнѣнія, они не отважились на явную оппозицію почти нигдѣ, за исключеніемъ какихъ нибудь шести департаментовъ, гдѣ, впрочемъ, такая оппозиція разрѣшилась также самымъ тихимъ и безвреднымъ образомъ. Въ 50 остальныхъ совѣтахъ, гдѣ преобладаетъ республиканская демократія, не произошло никакихъ политическихъ заявленій; во время зимней сессіи побѣда 14-го декабря была достаточно привѣтствована этими совѣтами и члены ихъ сочли бесполезнымъ повторять вездесюва какія нибудь демонстраціи. Единственнымъ событіемъ, происшедшимъ за это время въ провинціи, о которомъ много говорили въ Парижѣ, было открытіе въ Клермонъ-Ферранѣ Пюи-де-Домскимъ генеральнымъ совѣтникомъ, министромъ народнаго просвѣщенія, небольшого коллежа, названнаго коллежемъ Блэза Паскаля. Уже одного имени этого мыслителя, заклеившаго въ

своихъ Provinciales на вѣки вѣчные іезуитовъ, было достаточно, чтобы возбудить досаду клерикаловъ, но, кромѣ того, министр, въ качествѣ главы свѣтскаго университета, считъ нужнымъ проявиться на открытіи рѣчь, въ которой, не упоминая о католическихъ университетахъ, назвалъ это учрежденіе достойнымъ всацеской похвалы и «чадомъ революціи» и утверждалъ, что республиканское правительство одно только способно осуществить волю народное просвѣщеніе, такъ какъ для него свѣтъ знанія служить главною основою и долженъ служить вѣнцомъ. Рѣчь эта вызвала неудержимый взрывъ негодованія клерикаловъ, которые, впрочемъ, послѣ двухвѣдѣльнаго шума, охрипли отъ собственнаго глг, почему и умолкли.

7-го апрѣля, должно было произойти 15 депутатскихъ выборовъ въ различныхъ округахъ для замѣщенія двухъ ваканцій умершихъ депутатовъ и 13, полномочія которыхъ не были признаны. Во всѣхъ этихъ округахъ были выбраны республиканцы, такъ что эти выборы, еще яснѣе выборовъ 27-го января и 3-го марта, показали, какъ быстро населенія самыхъ ретроградныхъ мѣстностей, находившіяся до сихъ поръ въ совершенномъ подчиненіи вліяніямъ реакціонеровъ — просвѣтились и поняли преимущество республиканскихъ учреждений передъ прежде существовавшими. Въ Волюзскомъ округѣ, какъ и въ Бретани, какъ даже въ самой Вандеѣ, легитимисты были окончательно побиты. Точно такая же участь постигла и бонапартистовъ въ департаментѣ Па де-Кале и даже въ Жерскомъ округѣ. Напрасно пресловутый Кассаньякъ самъ явился къ своимъ землякамъ для рекомендаціи друга своего Пейрусса — его побѣдилъ бывший мэръ Давидъ, побѣжденный нѣсколько разъ на предшествовавшихъ выборахъ своимъ сильнымъ соперникомъ.

Въ лагерѣ побѣжденныхъ реакціонеровъ старались, хотя и безуспѣшно, ослабить значеніе этой блистательной выборной побѣды; пущены были въ ходъ всевозможныя старанія и средства, чтобы найти хотя какой нибудь слѣдъ правительственнаго вліянія на эти выборы — и разумѣется ничего не удалось, такъ что «Univets» вынуждена была заявить, что при системѣ всеобщей подачи голоса нельзя ничего ожидать для блага церкви и спасенія общества, и что, слѣдовательно, должно «подумать о какихъ либо новыхъ способахъ для достиженія этихъ цѣлей». «Paus», «Gaufois» и «Ordre» направили всѣ свои усилія, чтобы не показатъ виду, что они считаютъ себя пораженными, но окончательное распаденіе въ партіи воззванія къ народу тотчасъ же обнаружилось само собой цѣлымъ рядомъ явленій. Такъ въ печати появилось письмо депутата Дюге де ля-Фоконри къ Эмилю де Жирардену, въ которомъ этотъ неукротимый еще недавно бонапартистъ признаетъ, что Франція хочетъ республики и что воспрепятствовать осуществленію этого желанія нѣтъ болѣе никакихъ способовъ. Такъ имперіальскій Леонсъ Дюпонъ выпустилъ брошюру: «Дѣѣ Демократіи», въ которой доказываетъ, что имперія потеряла всякую попу-

лярность во Франціи, благодаря тому, что бонапартисты почему-то затѣяли стоять въ хвостѣ другихъ монархическихъ партій, а Наполеонъ IV сталъ невозможнымъ, вслѣдствіе ошибочнаго образа дѣйствій ех-вице-императора Руэра. Такъ Рауль Дюваль отказался отъ предложенной ему кандидатуры на 5-е мая, да и кромѣ того, этотъ единственный талантливый бонапартистъ заявилъ печатно, что онъ считаетъ нелѣпнымъ отнынѣ преслѣдовать цѣли партій, потерявшей всякое вліяніе, вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ. «Въ настоящую минуту, говоритъ этотъ недавно еще столь шумный представитель бонапартизма:—я желаю болѣе всего одного: увидѣть скорѣйшее примиреніе между всѣми французами». Какъ нельзя болѣе кстати для полныя погребла имперіализма, принцъ Жеромъ Наполеонъ, неурочающій ортодоксальнымъ бонапартистамъ того, что они отстраняли его какъ отъ депутатства въ палатѣ, такъ и отъ совѣтничества въ генеральномъ совѣтѣ Корсики, надумалъ составить для «Revue de Deux Mondes» историческій очеркъ изъ тѣхъ откровеній, какія онъ высказывалъ съ трибуны палаты при обсужденіи бюджета на 1877 годъ. Статья его называется «Сорны Имперіи въ 1869 и 70 годахъ», и хотя она въ настоящее время не представляетъ собой уже ничего особеннаго, но ея вполне доказывается, что, если переговоры, въ видахъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза Франціи, съ одной стороны, и Австріи и Италіи, съ другой, дважды не привели ни къ чему, то это произошло только потому, что тюльерійскій дворъ въ оба раза упорно не соглашался прекратить занятіе Рима французскими войсками. Вліяніе императрицы Евгеніи, выразившейся о франко-германской войнѣ: «это моя собственная война», и вліяніе духовенства, говорившаго: «дѣло наны прежде всего, прежде даже отечества» — окончательно связали руки Наполеону III и поставили его въ совершенную невозможность добиться союзниковъ, безъ которыхъ его покушеніе на Германію приняло характеръ безумнѣйшаго изъ преступленій и преступнѣйшаго изъ безумствъ. «Клерикальная политика, навязанная Наполеону III, заключаетъ литературный кузенъ Седанскаго героя:—была главною причиною всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій Франціи и безпристрастная исторія признаетъ, что защита свѣтской власти падеъ обошлась Франціи въ дорогую цѣну потери Эльзаса и части Лотарингіи».

Клерикалы и бонапартисты, раздраженные до послѣдняго нелязя, попытались смягчить результаты обличительныхъ доказаній принца Наполеона при пособіи опроверженія, написаннаго бывшимъ посланникомъ и министромъ, герцогомъ де Грамономъ, выступившимъ въ публицистическую подѣлу псевдонимомъ Memois'a и, къ своему позору, орлеанистскій журналъ «Revue de France», ради одной только конкуренціи съ «Revue des Deux Mondes» — далъ мѣсто на своихъ страницахъ діатрибѣ дипломата, котораго Висмаркъ весьма остроумно прозвалъ «глупѣйшимъ человекомъ въ

цѣлой Европѣ». Наполеонъ III восхваляется въ ней до небесъ за ту твердость, съ какою онъ, въ 1869 году, отвергъ союзы, предлагавшіеся ему на условіи «выдачи папы его врагамъ». Статья извиняетъ ему и то, что онъ, послѣ первыхъ понесенныхъ имъ поражений въ 1870 году, отстранился отъ 100,000-го войска союзниковъ, готовыхъ сдѣлаться его помощниками, еслибы онъ обязался не препятствовать болѣе Италіи закончить ея объединеніе. По мнѣнію де-Грамона, еслибы Макъ-Магонъ и де Фальи, въ началѣ августа, оказались побѣдителями, а не были бы, напротивъ того, побиты, то итальянцы и австрійцы все равно соединились бы съ французами, несмотря на то, что римскій вопросъ не былъ бы разрѣшенъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ; изъ чего будто бы слѣдуетъ, что Франція поплатилась Эльзасомъ и Лотарингіей не за приверженность свою къ папству, а за... за что же еще, кромѣ глупости своихъ дипломатовъ и бездарности военачальниковъ временъ имперіи? Такимъ образомъ, въ глазахъ публики, съ огромнымъ вниманіемъ слѣдившей за этой ретроспективной полемикой, герцогъ-публицистъ своей неловкой статьей только усилилъ страшную отвѣтственность, тяготящую надъ печальной памятью Наполеона III. Если ультрамонтаны и находят поводы къ оправданію злосчастнаго седанскаго героя въ его приверженности папству, то французскимъ патриотамъ слишкомъ позднее очищеніе Рима подаетъ только новый случай одинаково пролипать и папство и имперію, тѣсно связанныя между собой въ общей отвѣтственности за всѣ тяжелыя національныя невзгоды, вынесенныя нами.

При такомъ разоблаченіи ихъ прошедшаго, при жестокомъ пораженіи, только что выдержанномъ ими на выборахъ, среди неблагоприятныхъ для нихъ заявленій Рауля Дювала, Дюпона и де-ла-Фоконри, бонапартистамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ безъ шума сойти съ политической арены. И дѣйствительно, за исключеніемъ несправиваго Поля де-Касаньяка и его «Рауз», всѣ ихъ журналисты приуныли, выказали необычную скромность и стали обходить благоразумнымъ молчаніемъ всякіе сколько-нибудь жгучіе вопросы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, агитаторы этой партіи не отказались производить, на основаніи издавна полученнаго ими лозунга, попытки ко всевозможнымъ демонстраціямъ даже въ самомъ Парижѣ. Такъ, послѣ годовщины смерти Наполеона III, они нѣсколько недѣль сряду заказывали въ различныхъ парижскихъ церквахъ безчисленныя заупокойныя мессы. При выходѣ, по окончаніи одной изъ такихъ мессъ, изъ церкви Сен-Ламберта, пять индивидуумовъ, украшенныхъ извѣстной бонапартистской эмблемой — букетомъ фіалокъ въ петлицѣ, обратились къ рабочимъ мостовщикамъ, занятымъ кладкою рельсовъ для желѣзно-воиннаго пути, съ рѣчами такого рода: «Зачѣмъ вы такъ усиленно трудитесь для республики?.. На дняхъ возстановится имперія и весь вашъ трудъ пропадетъ... Долой республику!.. Завтра же молодой императоръ

явится въ Парижѣ и никакой выставки не будетъ!» Рабочіе, сначала озадаченные такими словами, скоро пришли въ себя и, весьма возможно, что рассчитались бы по своему съ агитаторами, еслибы полицейскіе сержанты не положили конца этой сценѣ, послѣдно арестовавъ пророковъ. Къ удивленію всей читающей Франціи, бонапартистская пресса не только не приняла подъ защиту своихъ адептовъ, но обозвала ихъ «бѣснующимися» и чуть не обвинила республиканскую полицію въ томъ, что она выпустила изъ своей среды агентовъ-провокаторовъ. Въ дѣйствительности, эти индивидуумы точно оказались полицейскими, но только прогнанными со службы, такъ какъ они были уличены въ сослуженіи бонапартистскому счетному комитету. Можетъ быть, они производили бонапартистскую агитацию и за свой счетъ, въ досадѣ на то, что при республикѣ болѣе не получаютъ денегъ ни отъ Вуазена, ни отъ Руэра. Вообще, похождениями этихъ мизераблей заканчивается такъ долго тянувшаяся во Франціи эпопея «бѣлыхъ блузъ». Если конецъ мизернъ и не соответствуетъ началу, то за это онъ служитъ весьма характернымъ признакомъ того упадка, въ какомъ находится партія бонапартистовъ.

При разъѣздѣ съ одного публичнаго бала, между городскою стражею и содержателями публичныхъ женщинъ произошло столкновение, окончившееся нанесеніемъ раны одному изъ послѣднихъ. Комендантъ города Парижа, де-Гесленъ, извѣстный своею принадлежностью къ католическимъ клубамъ, издалъ по этому поводу приказъ, произведшій значительный скандалъ въ Парижѣ. Съ одной стороны, онъ въ приказѣ этомъ поздравлялъ своего подчиненнаго, нанесшаго рану, и высказывалъ такую мысль, что онъ «нисколько не сталъ бы сожалѣть, еслибы нанесенный ударъ произвелъ и болѣе тяжелое поврежденіе» (sic). Съ другой стороны, онъ назвалъ пріятеля публичной женщины, получившаго рану, просто на-просто «избирателемъ». Такъ какъ исторія эта произошла въ то время, когда палата еще засѣдала, то депутатъ отъ Монмартрскаго Округа, докторъ Клеменсо, вида въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи со стороны Геслена къ избирательному праву желаніе оскорбить республику, собирався внести запросъ военному министру, но не успѣлъ даже сдѣлать этого, такъ какъ де-Гесленъ былъ уже отстраненъ отъ исполненія обязанностей коменданта. Быстрое закрытіе засѣданій сената спасло Бореля и отъ другого запроса, который собирались сдѣлать ему лѣвые по поводу производства подвѣдомственныхъ ему генераловъ, причемъ были обойдены многіе генералы республиканцы, имѣющіе неотъемлемыя права на повышение по службѣ. Только сенаторъ-республиканецъ Вилльо избѣгъ этой участи и былъ изъ бригадныхъ генераловъ сдѣланъ дивизионнымъ, но его товарищъ, депутатъ Соссе, такъ и остался бригаднымъ. Когда нѣкоторые сенаторы спросили министра, въ частной бесѣдѣ, о причинахъ такой немилости, то Борель

отвѣчалъ имъ: «Я ничего не могу сдѣлать для Соссе; онъ занимается политикой!» Точно также, когда ему былъ сдѣланъ вопросъ, почему не былъ произведенъ полковникъ д'Андло¹, онъ отвѣчалъ такъ: «Безспорно, д'Андло старѣйшій и первѣйшій полковникъ въ цѣлой нашей арміи. И старшинство и заслуги за него! Но онъ занимается политикой и, главное, позволилъ себѣ напечатать заявленіе, оскорбительное для императорскаго семейства, и я не могъ для него ничего сдѣлать!» Оба эти отвѣта возбудили негодованіе общественнаго мнѣнія и сдѣлали весьма естественнымъ вопросъ: если Борель, подобно Берто, ваваянъ кабинету Мак-Магономъ, какъ человекъ въ политикѣ индифферентный, то дѣйствуетъ ли онъ при этомъ сообразно своей роли, обходя республиканцевъ въ пользу бонапартистовъ?

При отсутствіи парламентскихъ засѣданій, имѣютъ весьма важное оффиціозное значеніе телеграммы и замѣтки «Агентства Гавасъ», служащаго органомъ всѣмъ свѣдѣющимъ у насъ правительствамъ. И вотъ, отъ его имени появляется въ газетахъ загадочное сообщеніе, въ которомъ за начальникомъ штаба военнаго министра утверждается «исключительная несмѣлимость», какъ за лицомъ, долженствующимъ стоять «въ политическихъ колебаніяхъ», въ качествѣ «хранителя военныхъ традицій и подготовителя защиты, долженствующаго, въ извѣстный моментъ, дѣлаться отвѣтственнымъ лицомъ за армію, между тѣмъ, какъ министры отвѣтственны, обыкновенно, только на короткій срокъ управленія ими министерствомъ». Комичнѣе всего при этомъ было то, что лицо, занимающее въ настоящее время мѣсто начальника штаба, де-Мирибель, назначено на этотъ постъ, въ замѣтъ Гресса, не такъ давно, и не представляетъ собой никакихъ особенныхъ гарантій, которыя могли бы сколько нибудь оправдать навязанную ему «постоянную отвѣтственность»!

Замѣтка эта должна была произвести шумъ и, дѣйствительно, вызвала его. Всѣ вспомнили, что мѣстомъ своимъ де-Мирибель обязанъ протекціи правительства «нравственнаго порядка», а во время ожесточенія недавняго кризиса, въ декабрѣ прошлаго года, былъ ближайшимъ повѣреннымъ и другомъ отрѣшеннаго отъ мѣста Дюро, изобрѣтателя «боевого распорядка» передвиженія войскъ, расположенныхъ вблизи Парижа, на случай «политическихъ или военныхъ надобностей». Республиканское общественное мнѣніе было сильно возбуждено и раздражено, и во всѣхъ газетахъ настойчиво требовалось отъ правительства объясненія замѣтки «Агентства Гавасъ». Отвѣтомъ на это и явилось, черезъ недѣлю, въ «Оффиціальномъ Журналѣ», правительственное заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Хотя и было бы въ высшей степени желательно, въ интересахъ

¹ Д'Андло, сенаторъ конституціоналистъ, извѣстный своимъ заявленіемъ, что если онъ и голосовалъ за распушеніе палаты, то «со смертью въ душѣ». Съ 14-го декабря онъ примкнулъ къ лѣвому центру.

страны и армии, чтобы органъ подготовительной дѣятельности, на случай возникновенія войны, обладалъ наибольшою устойчивостью, но никакой министр, рядомъ съ собой, не потерялъ лица, облеченнаго одинаково съ нимъ отвѣтственностью. Съ другой стороны, лицо, занимающее мѣсто начальника штаба, слишкомъ проникнуто сознаниемъ своихъ обязанностей, чтобы стараться избѣгать, въ какомъ бы то ни было отношеніи, подчиненія власти военнаго министра, главнаго начальника всей армии». Однимъ словомъ, этимъ правительственнымъ сообщеніемъ совершенно опровергалась замѣтка «Агентства Гавастъ», а равно и то, что она была отправлена для напечатанія въ кабинетъ министра или канцеляріи главнаго штаба. Но кѣмъ же она могла быть составлена и отправлена? — этотъ вопросъ такъ и остался неразъясненнымъ. Хотя послѣ этого сообщенія власть начальника штаба и приведена въ надлежащія границы, но общественное мнѣніе желало не этого, а просто удаленія съ этого поста де-Мирибеля, какъ сообщника и наперстника злосчастнаго Дюро. Вообще, противъ военнаго министра возникло недольство и, чтобы какъ-нибудь его загладить, Борель назначилъ начальникомъ кавалеріи лицо, пользующееся сочувствіемъ республиканцевъ, и издалъ циркуляръ къ жандармамъ, какъ нельзя болѣе соответствующій требованіямъ республики.

До времени имперіи, жандармскія команды не имѣли у насъ никакого отношенія къ полетикѣ и вся обязанность ихъ заключалась въ охраненіи имущества и личной неприкосновенности гражданъ, такъ что между жандармами и населеніемъ не существовало никакой взаимной ненависти, и избѣгали ихъ развѣ только злоумышленники. Въ деревняхъ, жандармы пользовались даже особеннымъ почетомъ; къ слову жандармъ прилагались почти всегда прилагательныя *добрыи* или *бравыи* и сельчане принимали ихъ въ свои семьи, безъ всякаго опасенія съ ихъ стороны доносевъ. Родитель 2-го декабря все это сразу взмѣнилъ. Ему повнадобились постоянные сообщники-охранители и онъ обратилъ жандармскія команды въ шайки воинствующихъ шпионовъ. Во все продолженіе имперіи, жандармы были слѣпымъ орудіемъ ея произвола и слѣдили въ городахъ и деревняхъ за исполненіемъ обывателями всѣхъ неясныхъ «законовъ общественной безопасности». При выборахъ, кромѣ того, они были сообщниками всѣхъ избирательныхъ продѣловъ и неправдъ, представляя собою контингентъ наружныхъ охранителей всякой административной нечести. Понятно, что продолжительное исполненіе такихъ противупublicенныхъ обязанностей до мозга костей развратило этихъ малочтенныхъ слугъ деспотизма, и правительству 24-го и 16-го мая было чрезвычайно удобно продѣлывать свои избирательные фокусы при ихъ содѣйствіи. Ревность ихъ при исполненіи этихъ незавидныхъ обязанностей была до того усердна, что въ одной Савойской деревушкѣ, одинъ молодой человекъ, горячившійся на выборахъ про-

тивъ официальной кандидатуры, былъ буквально изрубленъ жандармскимъ палашемъ! Съ 14-го декабря, во многихъ общинахъ Франціи, обнаружилась такая ненависть къ жандармамъ, что жители чуть не буквально отлучаютъ ихъ «отъ огня и воды», а мѣры изъ республиканцевъ отказываются отъ всякихъ служебныхъ услугъ съ ихъ стороны. Военный министръ, въ своемъ циркулярѣ къ начальникамъ жандармскихъ командъ, рекомендуетъ «употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы подобный антагонизмъ прекратился, и прежде всего считаетъ необходимымъ повсюду перемѣну стоянокъ жандармскихъ отрядовъ». Самимъ жандармамъ министръ приказываетъ, въ сношеніяхъ съ гражданскими властями и обывателями, соблюдать всевозможную вѣжливость и сдержанность, и остерегаться не только поступковъ или разговоровъ политическаго характера, но и не позволять себѣ ничего, что бы подавало поводъ къ какимъ-либо толкамъ противъ нихъ».

Поводомъ къ появленію этого циркуляра послужило слѣдующее обстоятельство. Въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ-за жандармовъ, чуть не возникло весьма важное столкновение между военнымъ министерствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло было тако. Одинъ изъ префектовъ, посѣтившій жандармскія казармы своего департамента, обратилъ вниманіе на то, что чуть не всѣ стѣны казармъ были покрыты изображеніями бонапартистскихъ символовъ и таковыми же надписями, за что онъ и распекъ весьма обстоятельно команду. Начальникъ этой команды, сочтя дѣйствіа префекта за злоупотребленіе гражданской власти надъ военною, донесъ объ этомъ Борелю, но товарищи по министерству побудили военнаго министра, въ отвѣтъ на это донесеніе, обвинить жандармскаго начальника. Министръ же внутреннихъ дѣлъ, вѣсто осужденія префекта, объявилъ ему публичную благодарность. Этотъ-то прецедентъ и подалъ поводъ къ циркуляру Бореля, котораго отъ него потребовали товарищи. Если этотъ циркуляръ и не въ состояніи измѣнить какъ бы по щучьему велѣнію дурныхъ привычекъ жандармовъ и отучить ихъ отъ шпіонства и доносовъ, ставшихъ для нихъ какъ бы второю натурою, то въ немъ все таки нельзя не видѣть какъ бы знаменія времени и симптомовъ близости того порядка вещей, который, съ 1880 г., долженъ войти во всѣ наши государственныя учрежденія, не исключая и арміи. Если же республиканское большинство бережетъ до сихъ поръ Бореля, дѣйствующаго во многихъ случаяхъ невольничатью, то это дѣлается, разумѣется, не ради его прекрасныхъ глазъ, а потому, что республиканцамъ было крайне необходимо сохранить министерство неприкосновеннымъ до открытія выставки, точно также, какъ оно и впредь будетъ остерегаться возбужденія всякаго, хотя бы и частнаго министерскаго кризиса, вплоть до наступленія срока возобновленія трети сенаторовъ.

Самъ по себѣ, Борель еще человекъ покладистый, съ нимъ, какъ говорится, еще можно ладить, и это именно качество и обусловило за нимъ поддержку Гамбетты при образованіи мини-

стерства Дюфора, но окружающие его — люди нигуда негодные. Они, очевидно, потому и стараются компрометировать его на каждом шагу, что понимают, как важно для республиканцев сохранение его в министерствѣ. Такъ, едва только въ обществѣ стихло недовольство противъ Бореля за то, что де-Мирибель не былъ смѣщенъ, какъ въ Бельфорѣ возникло новое неприятное дѣло. Въ этомъ городѣ, два почтенныхъ гражданина подверглись лишению чиновъ, заслуженныхъ ими въ территориальной арміи, за то, что на выборахъ противились избранію въ депутаты Келлера, подполковника ихъ полка. Дѣло это получило гласность, благодаря письму секретаря сената Шерера Кестнера, который угрожаетъ сдѣлать министру объ этомъ запросъ съ трибуны, если до открытія парламентскихъ засѣданій справедливость относительно этихъ лицъ не будетъ восстановлена. Вопросъ на самомъ дѣлѣ весьма важенъ для разъясненія того, слѣдуетъ ли смотрѣть на территориальную армію, какъ на сохраняющую свои избирательныя права, или какъ на теряющую ихъ, въ качествѣ «своей части». «Не возмутительно ли видѣть, говорится въ этомъ письмѣ, что изъ кадровъ территориальной арміи изгоняютъ республиканцевъ и одновременно сохраняютъ въ нихъ людей, прямо измѣнившихъ своему долгу во время войны, трусовъ, прятавшихся за неприятельскіе штывы. Добрымъ гражданамъ, виновнымъ только своею преданностію республикѣ, отказываютъ въ томъ, чего не лишаютъ прямыхъ нарушителей важнѣйшихъ своихъ обязанностей!»

Въ самомъ дѣлѣ, кадры территориальной арміи формировались при «правительствѣ борьбы» 24 мая 1873 года, а укомплектовывались при министерствѣ 16 мая. Республиканскія министерства, такимъ образомъ, могли только урывками внести туда ничтожную часть республиканскихъ элементовъ. Черезъ нѣсколько дней, будетъ еще въ первый разъ собранъ подъ ружье первый призывъ этой арміи, существовавшей пока только на бумагѣ. Антагонизмъ между солдатами-избирателями, демократами, и начальниками, большая часть которыхъ герцоги, маркизы или финансисты, сторонники той или другой изъ большихъ монархій, не замедлитъ обнаружиться. Тѣмъ лучше! Это можетъ обусловить ревизію кадроваго состава, прежде чѣмъ произойдетъ окончательная организація территориальной арміи, и съ нею, по крайней мѣрѣ, не повторится того, что произошло съ мобилами времени Имперіи, которыхъ не рѣшались созывать ранѣ наступленія внѣшней опасности, а когда она наступила, то не было уже времени ими воспользоваться, такъ какъ пришлось измѣнять всю ихъ организацію и предоставить имъ выборъ офицеровъ, для замѣщенія назначенныхъ, но оказавшихся негодными.

До чего, однимъ словомъ, ни коснись, приходится повторять все одно и тоже, то есть, что до того времени, пока въ сенатѣ не образуется республиканское большинство, необходимо поворотиться обстоятельствамъ и не удивляться тому противодѣйствию,

какое встрѣчаетъ установившійся законный порядокъ, какъ въ управленіи арміи, такъ и въ дѣйствіяхъ магистратуры въ ея современномъ составѣ, а равно и въ средѣ самой гражданской администраціи. Пока нельзя предпринимать ничего, кромѣ частныхъ поверхностныхъ реформъ, между тѣмъ, какъ необходимы общія и радикальныя. Поэтому, министры дѣлаютъ что могутъ. Такъ, Дюфоръ отставилъ, напримѣръ, на дняхъ генеральнаго адвоката кассационнаго суда, Годелла, который послѣ того, какъ его депутатскія полномочія были уничтожены палатою, заявилъ снова свою оппозиціонную республикѣ кандидатуру. Но генеральные адвокаты смѣняемы и министръ можетъ ихъ назначать и смѣщать, какъ хочетъ, подъ личною отвѣтственностью. Онъ можетъ точно также дѣйствовать на мировую юстицію и очищать мало-по-малу составъ мировыхъ судей отъ элементовъ, внесенныхъ въ эту среду де-Врольи. Но, рядомъ съ этой магистратурой, существуетъ магистратура несмѣняемая, республиканизировать которую нѣтъ никакой возможности и противъ которой ничего не подѣлаешь, пока не будетъ измѣненъ самый законъ несмѣняемости, о чемъ нельзя и думать раньше 1879 и 1880 годовъ. До тѣхъ же поръ, приходится выносить противореспубликанскихъ судей, которые нисколько не стѣсняются въ заявленіяхъ своей враждебности существующему порядку, такъ какъ сознаютъ, что ихъ царствію наступаетъ конецъ, почему и стараются на всѣхъ ступеняхъ судебной ерархіи организовать себѣ защиту. Въ настоящемъ мѣсяцѣ кассационный судъ отказался принять къ разсмотрѣнію жалобу противъ предсѣдателя Алжирскаго суда Бастьена, нѣсколько дѣтъ тому назадъ составлявшего подлежащие протоколы судебныхъ засѣданій, о чемъ заявлялъ въ палатѣ такой компетентный обвинитель, какъ бывший министръ юстиціи Мартель. Очень можетъ быть, что кассационный судъ нисколько не сомнѣвается въ виновности Бастьена, но онъ беретъ его подъ свою защиту, на основаніи того парадоксальнаго принципа, что несмѣняемая магистратура, какъ нѣвогда жена Цезаря, должна быть выше всякаго подозрѣнія.

Передъ самымъ перерывомъ сессіи, Гамбетта вынужденъ былъ временно оставить политическую арену и уѣхать въ провинцію. Уѣхалъ онъ въ Ниццу на похороны умершей своей тетки, замѣнявшей ему мать и которая ранѣе, чѣмъ онъ получилъ обезпечившую его извѣстность, поддерживала его въ теченіи 15-ти дѣтъ матеріально, своими небольшими средствами, и нравственно, поддерживала его духъ при всякихъ неудачахъ и неприяностяхъ. Хотя Гамбетта пробылъ въ Ниццѣ всего нѣсколько дней, но печать весьма озабочивалась его отсутствіемъ и объясняла его самыми многообразными способами. Однѣ газеты говорили, что онъ уѣхалъ въ Римъ и Берлинъ, другія — въ Петербургъ и Константинополь, третьи, наконецъ, въ Дюссельдорфъ, куда, будто бы, для дипломатическихъ съ нимъ переговоровъ, пріѣхалъ и нашъ посланникъ при германскомъ дворѣ,

де-Сен-Валье. Последнее известие произвело такую сенсацию, что «Агентство Гавасъ» сочло необходимымъ напечатать формальное его опроверженіе. Это было вполне необходимо, такъ какъ реакціонныя газеты обвиняли Гамбетту, что онъ заводитъ, помимо всякаго соглашенія съ маршаломъ, дипломатическія сношенія съ иностранными державами, сильно компрометирующія Францію. Возвратясь черезъ двѣ недѣли въ Парижъ, Гамбетта не считалъ несколько нужнымъ публично объявлять, куда онъ ѣздилъ разсѣивать свое личное горе и отдыхать послѣ своихъ громадныхъ парламентскихъ трудовъ. Оба его журнала «République Française» и «La petite république française», державшіяся, во все время его отсутствія, въ сторонѣ отъ этой полемики, помѣстивъ, по его возвращеніи, одну и ту же замѣтку, въ которой зло подсмѣивались надъ свѣденіями, полученными монархическими газетами и надъ несообразными выводами и заключеніями редакторовъ этихъ изданій. «Г. Гамбетта, говорится въ окончаніи этой замѣтки:—и впредь будетъ пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ своимъ правомъ свободнаго передвиженія, такъ какъ онъ думаетъ, что каждый человѣкъ и гражданинъ прежде всего совершенно свободенъ въ выборѣ мѣстностей для своего отдохновенія и вовсе не обязанъ публично заявлять о своемъ мѣстопробываніи».

Еслибы Гамбетта и дѣйствительно проѣхался за это время по Италіи и Германіи, чтобы наглядно ознакомиться съ настроеніемъ населеній и переговорить съ компетентными лицами о современныхъ стремленіяхъ кабинетовъ — въ этомъ не было бы ничего страннаго, такъ какъ, при громадномъ его политическомъ значеніи, это составляло бы ни болѣе, ни менѣе, какъ его прямой долгъ и право. Проявлялась ли его дѣятельность чѣмъ-нибудь болѣшимъ? Я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что нѣтъ; но еслибы даже случайно онъ и объяснился съ кѣмъ-либо изъ дипломатическихъ свѣтилъ или даже считалъ своевременнымъ искать такихъ встрѣчъ, то и въ этомъ случаѣ, Франція могла бы совершенно спокойно и довѣрчиво относиться къ его дѣятельности. Для внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній, онъ настолько же компетентенъ, какъ покойный Тьеръ, который при жизни, какъ бы чувствуя въ немъ своего наследника, самъ перезнакомилъ его со всѣми дипломатами и вліятельными иностранцами, появившимися за послѣднее время въ Парижѣ. Что иностранные дипломаты, съ своей стороны, отнесутся къ нему весьма серьезно, въ этомъ тоже не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ лучшей гарантіей служить то, что съ тѣхъ поръ, какъ этотъ народный трибунаъ сталъ безспорнымъ главою республиканской партіи, т. е. съ голосованія февральской конституціи 1875 года и вплоть до самаго образованія министерства 18-го декабря 1877 года, онъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій заслужилъ себѣ полное уваженіе всѣхъ европейскихъ политиковъ и государственныхъ людей Европы, почему и можетъ быть дѣйствительнымъ дипломатическимъ представите-

лемъ Франціи съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ самъ покойный Тьеръ.

Что Гамбетта вполне замѣнилъ для Франціи Тьера и сталъ, такъ сказать, въ нравственно-политическомъ смыслѣ, его прямымъ и единственнымъ наследникомъ — это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Я совершенно увѣренъ, что и самое кресло Тьера въ академіи, оставшееся вакантнымъ за его смертью — займетъ не кто иной, какъ Гамбетта.

Я дописываю эти страницы въ самый канунъ открытія всемирной выставки. Въ слѣдующихъ моихъ письмахъ я надѣюсь говорить о ней много и подробно. Пова ограничусь только нѣсколькими словами. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ смыслѣ полезности, выставка эта значительно превзойдетъ выставку 1867 года, а если прїѣзжіе гости встрѣтятъ на ней меньше развлеченій и различныхъ безумныхъ и мало-нравственныхъ затей, какія любила примѣшивать ко всѣмъ своимъ предпріятіямъ злосчастной памяти имперія, то этимъ мы, конечно, только выиграемъ въ глазахъ Европы, а ужъ никакъ не потеряемъ. Открытіе выставки не будетъ, къ крайней досадѣ реакціонеровъ, отсрочено, а произойдетъ непременно завтра 1-го мая и при самой торжественной обстановкѣ. Ни одно государство не оскорбило нашей демократіи и всѣ они прислали высокопоставленныхъ лицъ въ качествѣ своихъ представителей. Правительства и народы откликнулись съ полнымъ сочувствіемъ и радушіемъ на наше приглашеніе принять участіе въ мирномъ торжествѣ наукъ, искусствъ, промышленности и земледѣлія — всего того, что жить, просвѣщаетъ, образуетъ и подготавливаетъ къ свободѣ.

II.

Театръ и музыка. — «Семейство Фуршамбо», комедія Эмиля Ожье, на сценѣ театра «Французской Комедіи». — «Бразильянка», милодрама Поля Мериса въ театрѣ «Ambigu». — Возобновленіе на сценѣ Комической оперы «Озерной Звѣзды», Мейербера. — «Статуя» Роберта и «Торжество мира», на сценѣ Итальянскаго театра. — Духовная музыка.

Комедія Эмиля Ожье, «Семейство Фуршамбо», имѣвшая на сценѣ Французской Комедіи, передъ самымъ открытіемъ выставки, весьма значительный успѣхъ, появилась чрезвычайно кстати. Хотя отъ литературнаго творчества, разумѣется, нельзя требовать, чтобы лучшія произведенія появлялись именно въ тотъ или другой срокъ, но все-таки для Франціи было бы какъ-то неловко и до-нельзя обидно, еслибы наша сцена, прославленная такими дѣятелями, какъ Мольеръ, Реньяръ, Бомарше, пожалуй, даже Скрийбъ и Баррьеръ, въ то время, когда къ намъ соберутся сотни тысячъ европейскихъ гостей, не могла бы представить ничего заслуживающаго въ литературномъ и сценическомъ смыслѣ

серьезнаго вниманія. Конечно, и новое произведеніе академика Ожье не есть нѣчто великое и гениальное, что либо такое, что свидѣтельствовало бы о значительной степени нашего литературнаго прогресса за послѣднее время и блистало бы первостепенными качествами, но, во всякомъ случаѣ, это произведеніе хорошее и талантливое, исполненное литературныхъ и сценическихъ достоинствъ; однимъ словомъ, это такая пьеса, съ какою не стыдно явиться на судъ критики представителей всего образованнаго міра, собравшихся на выставку въ Парижъ.

Наша критика отнеслась съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ мочтенному автору, потрудившемуся немало для нашей сцены и въ каждомъ изъ своихъ произведеній, выросавшихъ въ глазахъ своихъ цѣнителей. На самомъ дѣлѣ, Ожье, начавшій съ «Габріели» и «Цикуты», подвергавшихся нѣкогда такимъ насмѣшкамъ со стороны романтиковъ за то, что авторъ являлся въ нихъ представителемъ реализма и здраваго смысла, подарилъ нашу сцену такими пьесами, какъ «Вѣдныя львицы» и «Поль Форестъ», въ которыхъ какъ бы закрѣпилъ право гражданства реализма и здраваго смысла въ сценическихъ произведеніяхъ. Такимъ же здравымъ смысломъ и жизненною правдою пронизануто и новое его произведеніе, и современная критика уже не бранить за это Ожье, а скорѣе даже превозносить, можетъ быть, выше мѣры. Правда, нашлись и недовольные, обвиняющіе автора, ни болѣе ни менѣе, какъ въ *отъявленной безнравственности*. Для объясненія такихъ обвиненій, необходимо сказать, что герой пьесы незаконнорожденный сынъ, спасающій отъ безчестія семью соблазнителя своей матери. Незаконнорожденные сыновья и до сихъ поръ десятки разъ появлялись у насъ героями мелодрамъ и комедій; но до сихъ поръ всѣ авторы, начиная отъ Дидро и Тургуда до Серьба и Эмиля де Жирардена, какъ бы сговорившись, тѣмъ для своихъ произведеній брали обыкновенно несправедливость соціальнаго положенія этихъ пасынковъ судьбы. Конечно, такая постановка вопроса о незаконнорожденныхъ и вѣрна, и нравственна, и справедлива... но кому же она, наконецъ, не надоела, послѣ того, что объ ней было уже сотни разъ высказано во всѣхъ литературахъ? Эмиль Ожье, наперекоръ руганью, не плачетъ о жребіи своего героя, котораго выставилъ вполне чистымъ и честнымъ человѣкомъ, да, мало того, еще и богатымъ, выручающимъ, по желанію своей матери, изъ критическаго положенія своего отца и его семью, не блистающую никакими добродѣтелями. Вотъ это-то и возмутило нашихъ моралистовъ. Какъ! закричали они, намъ стараются показывать, что такіа безобразныя дѣйствія, какъ соблазнъ и оставленіе дѣвушки, могутъ приводить въ жизни къ такимъ послѣдствіямъ, что самымъ этимъ преступленіемъ обуславливается спасеніе соблазнителя, разворованнаго легкомыслиемъ своей законной семьи! Да неужели это не верхъ безнравственности? Извольте сморить противъ такой аргументаціи людей, требующихъ отъ

драматическихъ произведеній, чтобы это были какія-то промовѣди на социальныя тѣмы, раздѣленныя на акты съ нравственнымъ поученіемъ въ эпилогѣ, не желающихъ понимать, что «въ жизни всякъ бываетъ» и что типъ Бернара, выставленный Ожье, совсѣмъ не говоритъ того, что имъ кажется.

Впрочемъ, позвольте познакомить читателей съ содержаніемъ пьесы, которое я постараюсь передать нѣсколько подробно.

1 е дѣйствіе вводитъ насъ въ семейный бытъ Фуршамбд. Фуршамбд — банкиръ, съ честью поддерживающій въ Гаврѣ достоинство своей наслѣдственной фирмы. Жена у него на легкомысленной кокеткѣ, которая, подл предлогомъ того, что принесла съ собою въ приданое 200,000 франковъ — тратитъ ежегодно на свои туалеты и прихоти по 80 тысячъ. У нихъ дочь — дѣвушка совершенно совращенная легкомысліемъ и страстію къ роскоши своей матери съ пути истиннаго. Въ нее влюбленъ очень развитой и хорошій юноша, Викторъ Шове, и дѣвушка тоже была бы не прочь ему отвѣчать, еслибы онъ занималъ какое нибудь видное общественное положеніе. Бракъ, по ея понятіямъ, долженъ ей дать, кромѣ богатства, еще и титулъ. Поэтому, она нисколько не противъ мысли своей матери выдать ее за сына нѣкоего барона, котораго правительство борьбы сдѣлало префектомъ. Кромѣ дочери, у Фуршамбд еще и сынъ. Въ сущности, это добрый малый, но тоже донельзя испорченный окружающею его средой и представляющею собой типъ отъявленнаго гандэна. Вся цѣль его жизни, повидному, въ томъ, чтобы весь Гавръ говорилъ объ его лошадяхъ, любовницахъ и карточныхъ проигрышахъ. Впрочемъ, передъ самымъ началомъ дѣйствія, въ немъ замѣтны нѣкоторые перемены. Онъ бросаетъ своихъ любовницъ и начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ отеческою кровлею. Перемена эта объясняется, впрочемъ, очень просто; въ семью Фуршамбд пріѣзжаетъ изъ Америки красавица креолка, Мари Летеллье, дочь бывшаго компаньона Фуршамбд, только что разорившагося до того, что родственники дѣвушки сочли необходимымъ отправить ее въ Европу для пріисканія мѣста учительницы. Фуршамбд, однако-же, не торопится помочь своей гостьѣ въ ея помыслахъ, а хотѣли бы, чтобы она прогостила у нихъ, какъ можно дольше. Г-жа Фуршамбд не безъ удовольствія замѣчаетъ, что красота дѣвушки произвела впечатлѣніе на ея сына; ухаживаніе за Мари, по соображеніямъ ея, предохранить его отъ дорого стоящихъ связей съ камеліями; когда же представится для него случай выгодной женитбы, то такому ухаживанію не трудно будетъ положить и конецъ. Фуршамбдотецъ не смотритъ такъ чорство на гостепрійство, оказанное имъ дочери своего пріятели. Онъ не хотѣлъ бы, чтобы съ дѣвушкой произошла какая нибудь неприятность. Замѣта образъ дѣйствій своего сына, онъ, въ видахъ предостереженія его отъ какого-либо неосторожнаго шага, рассказываетъ ему исторію одного обольщенія, происшедшую якобы съ однимъ изъ

его друзей. Но легкомысленный Леопольд рѣшительно не хочетъ понять, что за фантазія пришла его отцу рассказывать ему всю эту исторію учительницы музыки, оболыщенной сыномъ тѣхъ лицъ, у которыхъ она давала уроки, и которая могла бы выйти замужъ, еслибы на сомнѣнія, возникшія по поводу ея поступковъ, она не отвѣчала презрительнымъ молчаніемъ. Что соблазнитель, послѣ этого, женится тотчасъ на невѣстѣ, чуть ли не съ миллиономъ приданаго, коюдѣсь находить весьма естественнымъ, а когда узнаетъ отъ отца, что у учительницы былъ уже сынъ, начинаетъ по поводу этого пнеантнаго обстоятельства отъ души хохотать.

Второе дѣйствіе переноситъ зрителей въ домъ г-жи Бернаръ. При поднятіи занавѣса, эта пожилая дама, почти старушка, залата приведеніемъ къ окончанію счетовъ по кассѣ своего сына моряка, занимающагося арматорствомъ. Сынъ этотъ, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, сидитъ тутъ же, подлѣ матери и любовно слѣдитъ за ея дѣятельностью. «Твои дѣла идутъ прекрасно, замѣчаетъ старушка, оканчивая счеты:—по балансу у тебя оказывается 2 милліона, безъ трехъ франковъ». «Такъ возьми же эти три франка для ровнаго счета», весело говоритъ сынъ, цѣлуя своего кассира. Г-жа Бернаръ именно та бывшая учительница, исторію которой мы слышали въ 1 дѣйствіи, не перестающая оплакивать единственную печальную ошибку, сдѣланную ею въ молодости. Сынъ ея оказался способнымъ и дѣятельнымъ человекомъ и на средства, полученныя матерью отъ соблазнителя, нажилъ, какъ видите, солидное состояніе. Онъ же сопровождалъ изъ Америки и Мари Летелле, къ которой нитаетъ особенное сочувствіе, по сходству ея положенія съ тѣмъ, въ которомъ вѣоюгда была его мать. Опасаясь Леопольда Фуршамбѣ, онъ уже успѣлъ подыскать для Мари хорошее мѣсто въ одномъ англійскомъ семействѣ. Бернаръ только что возвратился съ биржи и, передавая матери различныя новости, услышанныя имъ въ это утро, между прочимъ, передаетъ слухъ и о томъ, что одинъ изъ значительнѣйшихъ французскихъ банкирскихъ домовъ сдѣлался несостоятельнымъ и прекратилъ платежи. Съ банкротствомъ этой фирмы, говорилъ онъ, банкиръ Фуршамбѣ теряетъ 240 тысячъ франковъ, что, вѣроятно, обусловитъ также и его банкротство. Мать, хладнокровно слушавшая другія новости, обращается вся во вниманіе, когда дѣло доходитъ до имени Фуршамбѣ и волненіе ея, когда она узнаетъ, что ему угрожаетъ бѣда, доходитъ до крайней степени. «Ты долженъ, говоритъ она сыну тревожно и порывисто:—не теряя ни минуты, доставить Фуршамбѣ 240 тысячъ, необходимыхъ для поддержанія чести его банка, ты долженъ сдѣлаться его компаньономъ и привести его дѣла въ цвѣтущее состояніе...» Сынъ недоумѣваетъ, какъ его мать, женщина съ такимъ умомъ и коммерческимъ тактомъ, рѣшается ему совѣтовать такое странное предпріятіе, но она, очевидно, заинтересована не одною матеріальною стороною этого дѣла, и

задыхающимся голосомъ повторяетъ ему: «У тебя деньги есть, ты можешь отдать ихъ... и отдай!.. это необходимо... ты должникъ Фуршамбд, и я этого хочу!» «Я заплачу ихъ! отвѣчаетъ сынъ. — Я понялъ, что Фуршамбд мнѣ отецъ, шепчетъ онъ, бросающъ передъ матерью на колѣна и умоляя ее, чтобы она его простила за то, что онъ не избавилъ ее отъ этого тяжелаго обясненія.

Сцена эта, сухая въ моей передачѣ, при игрѣ г-жи Агаръ и Гд, представляетъ собою нѣчто до того живое, эффектное и вѣрное дѣйствительности, что всѣ зрители невольно увлечены и расстроганы. Никому не приходитъ даже въ голову разбирать ее критически и по опущеніи занавѣса г-жу Агаръ и Гд вызываютъ безчисленное множество разъ.

Въ 3-мъ дѣйствіи, мы застаемъ Фуршамбд въ самыя тяжелыя минуты постигшей его бѣды. Онъ уже испыталъ всѣ средства достать необходимыя ему деньги для спасенія чести своего банка и безъ всякаго успѣха. Ему остается одно—просить у жены, чтобы она помогла ему възъ своего приданого. Между супругами происходить объясненіе. Выслушавъ мужа, г-жа Фуршамбд прежде всего начинаетъ его упрекать, что онъ не обратился къ ней первой въ своемъ несчастіи, а когда мужъ говоритъ, что онъ боится съ ея стороны отказа, отвѣчаетъ ему, что она и дѣйствительно не можетъ ему не отказать. Честь банка—для нея понятіе темное; существенно для нея только, чтобы за дочерью ея Бланшъ было солидное приданое, чтобы хозяйство въ домѣ велось на широкую ногу и ея роскошныя привычки не были нарушены. Напрасно и Леопольдъ, сохранившій, по крайней мѣрѣ, понятіе о торговой чести, начинаетъ ее убѣждать въ необходимости жертвы съ ея стороны. Г-жа Фуршамбд остается непреклонною, и только Мари, сдѣлавшаяся невольною свидѣтельницею этой сцены, предлагаетъ банкиру нѣсколько тысячъ франковъ, которыми снабдили ея родные на черныя день. Банкиръ, разумѣется, отказывается отъ этихъ денегъ, которыя составляютъ какъ бы каплю въ морѣ необходимой ему суммы, говоря ей: «деньги эти, дѣтя мое, вѣсь разорять, а меня не спасутъ!» Тогда г-жа Фуршамбд рѣшительно вдохновляется и произноситъ цѣлую рѣчь о томъ, какъ ея обязанности не позволяютъ ей исполнить того, что было бы конечно, ея *долгомъ*, и распространяется въ упрекахъ слабости и недалекости Фуршамбд, поставившаго ее и всю семью въ невыносимое положеніе разоренія... Тирада прерывается появленіемъ Бернара, который говоритъ, входя:

— Вы нуждаетесь въ 240 т. франковъ! Не угодно ли вамъ ихъ получить?

Леопольдъ оскорбляется такимъ дерзкимъ предложеніемъ мало знакомаго человѣка, Фуршамбд-отецъ говоритъ, что онъ можетъ принять это предложеніе только послѣ того, какъ ему будетъ объясненъ мотивъ, на основаніи котораго онъ дѣлается; но Бернаръ рѣзко прерываетъ его словами: «Я хочу быть вашимъ ком-

компаньонъ— вотъ вамъ все объясненіе... Я нахожу это для себя выгоднымъ... и вовсе не считаю, чтобы я этимъ васъ обязывалъ... Хотите или нѣтъ?.. Я же думаю, что эта сдѣлка можетъ быть выгодною для насъ обонхъ...

— Въ такомъ случаѣ, по рукамъ, отвѣчаетъ Фуршамбѣ.— Между порядочными людьми простое пожатіе руки обязательнѣе всякаго контракта. И они подаютъ другъ другу руки.

Вы видите, что въ этой сценѣ Ожье освободилъ публику отъ всякихъ банальностей. Фуршамбѣ отецъ не разсыпается въ благодарностяхъ передъ Бернаромъ, а скромная сдержанность, какою сопровождаетъ Бернаръ свой великодушный поступокъ, говорить чувству зрителей несравненно болѣе всякихъ хорошихъ словъ, какія онъ могъ бы при этомъ произнести. Въ его взглядѣ и жестахъ публика какъ бы читаетъ его слова, обращенныя къ Фуршамбѣ: «Ты далъ мнѣ жизнь, я возвращаю тебѣ честь и мы квиты!»

Сдѣлавшись компаньонъ Фуршамбѣ, Бернаръ тотчасъ же принимается поправлять не только дѣла банка, но и ограничиваетъ расходы на содержаніе дома и личныя прихоти г-жи Фуршамбѣ, а когда она начинаетъ противъ этого протестовать, говоря, что она принесла съ собою мужу такое приданое, которое позволяетъ ей тратить столько, сколько захочетъ, что она и впредь намѣрена дѣлать, то онъ холодно прерываетъ ее словами:

— Ваше приданое представляло сумму въ 200.000 франковъ. Въ теченіе 25 лѣтъ вы тратили на себя ежегодно по 80 тысячъ. Потрудитесь сосчитать, много ли у васъ осталось отъ вашего приданого?..

— Вы грубый и жесткій человѣкъ, отвѣчаетъ ему г-жа Фуршамбѣ; но когда онъ велѣлъ затѣмъ уходить, то она замѣчаетъ про себя: «Вотъ какимъ человѣкомъ долженъ бы былъ быть мужъ мой!..»

Четвертое дѣйствіе начинается комическимъ эпизодомъ. Префектъ «нравственнаго порядка»—баронъ Ратибулуа, узнавъ о разстройствѣ дѣлъ Фуршамбѣ, уже успѣлъ взять назадъ свое предложеніе о бракѣ своего сына съ Бланшъ, но, при извѣстїи о вступленїи въ фирму Бернара, торопится снова поправить дѣло и везетъ сына къ Фуршамбѣ. Въ лицѣ этого барона, Ожье, считавшійся ретроградомъ во время имперїи, старался не пощадить своихъ враговъ и съ неподражаемымъ талантомъ заклеилъ ненавистный типъ личностей, готовыхъ служить всякому правительству, было бы это только выгодно. Весь іезуитизмъ личностей этой категорїи онъ выразилъ въ томъ, что Ратибулуа прикрываетъ свой своекорыстный отказъ таковымъ якобы благодѣльнымъ предлогомъ, что онъ считаетъ неприличнымъ родниться съ такимъ семействомъ, которое, имѣя дочь невѣсту, въ тоже время терпитъ въ своемъ домѣ любовницу своего сына! Злая эта клевета, не прошедшая, какъ мы увидимъ далѣе, безъ послѣдствїй, оказывается, однакожъ, недостаточно сильною, чтобы служить препятствїемъ къ

браку сына барона съ Бланшъ послѣ сцены примиренія родителей! Но противъ этого брака дѣйствуютъ уже Бернаръ и Мари, сговорившіеся спасти Бланшъ. Они, какъ бы не замѣчая присутствія Бланшъ въ одной съ ними комнатѣ, начинаютъ между собою разговоръ о серьёзности обязанности супруговъ и о преимуществахъ всякаго рода браговъ, при которыхъ дѣвушка цѣнить сердце и умъ своего жениха выше случайностей его вѣшняго общественнаго положенія. Разговоръ этотъ переходитъ мало-помалу въ бесѣду о счастьи семейной жизни, при условіяхъ пониманія своего долга со стороны обомъ брачующихся, при чемъ и Бернаръ и Мари такъ душевно высказываются, что публики въ этой сценѣ видятъ какъ бы граціозное объясненіе въ любви, хотя ни тотъ ни другой не говорятъ объ ней ни слова, да и едва ли они даже догадываются о томъ, что они другъ друга любятъ. Сцена эта одна изъ самыхъ счастливыхъ и удачныхъ въ сценическомъ смыслѣ изъ всѣхъ, какія только существуютъ въ репертуарѣ нашихъ театровъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за нею наступаетъ другая, составляющая съ нею полный контрастъ. Леопольдъ позволяетъ себѣ дерзкую выходку относительно Мари, за что и получаетъ ударъ хлыстомъ отъ американки, до тѣхъ поръ отдѣлывавшейся отъ его искательства шутками.

Въ пятомъ дѣйствіи письмо префекта, въ которомъ онъ мотивируетъ свой отказъ породниться съ семьей Фуршамбъ, служитъ поводомъ для того, чтобы Бернаръ увидѣлъ щекотливость пребыванія Мари въ этомъ домѣ. Конечно, Бернаръ, какъ онъ выставленъ авторомъ, при его умѣ и дальновидности, могъ бы и безъ такого письма самъ все разглядѣть, но за то эта довольно неловкая ошибка въ построеньи пьесы даетъ поводъ къ превосходной и капитальной сценѣ ея—объясненія между двумя братьями. Бернаръ, узнавъ, что Мари скомпрометирована и, вспомнивъ пріятномъ судьбу своей матери, требуетъ отъ Леопольда, чтобы онъ женился на ней.

— Жениться?.. вотъ еще!.. отецъ раззорился и я больше тѣмъ когда-нибудь нуждаюсь въ новѣстѣ съ большимъ приданымъ.

— Пусть даже и такъ, но я люблю Мари, какъ отецъ, и готовъ назначить ей триста тысячъ въ приданое...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ваше великодушіе напоминаетъ образъ дѣйствій людей временъ прежнихъ монархій. Но я, къ сожалѣнію, ношу имя Фуршамбъ, и потому не рассчитываю на бракъ съ чужими любовницами!

— Несчастный! раздражается Бернаръ.—Какъ узнаю я въ этихъ словахъ внука человѣка, не оставившагося даже передъ клеветой, чтобы не допустить своего сына жениться на честной женщинѣ, имъ соблазненной! Вы достойный сынъ своего дѣда—гнуснаго клеветника.

— Повторите!.. что вы сказали?..

— Я сказалъ, что вы такой же гнусный клеветникъ, какъ и дѣдъ вашъ.

Леопольдъ бросается на Бернара и бьетъ его перчаткой по лицу. Кровь приливаетъ къ головѣ Бернара, онъ въ свою очередь бросается на своего противника, но внезапно останавливается и вскрикиваетъ, ломая себѣ руки: «О, какъ ты счастливъ, что имѣешь дѣло... съ братомъ!..»—что, впрочемъ, нисколько не удерживаетъ Леопольда отъ дальнѣйшихъ дерзостей.

— А, такъ вы, продолжаетъ онъ: — сынъ музыкальной учительницы?... Такъ не стѣсняйтесь же и убивать меня, такъ какъ въ вашихъ жилахъ, конечно, не течетъ ни одной капли общей крови.

Бернаръ еще разъ сдерживаетъ себя и, скрестивъ на груди руки, говоритъ: — Я—не братъ твой, а между тѣмъ, я, по приказанію своей матери, спасъ вашъ домъ отъ раззоренія... а не братъ твой, а по одному слову ея, я бросился снять безчестіе съ твоего отца и охранить отъ позора твою мать, сестру и тебя самого!..

Эти слова пробуждаютъ въ Леопольдѣ совѣсть. Онъ невольно склоняется передъ нравственнымъ превосходствомъ брата и начинаетъ просить у него прощенія... Бернаръ выпрямляется и, указывая пальцемъ на мѣсто лица, по которому ему нанесено оскорбленіе, говоритъ одно только слово: «Efface!» (загладь же скорѣе это оскорбленіе), вслѣдъ за которымъ Леопольдъ бросается его дѣловать—и оскорбленіе сходитъ!

На этомъ мѣстѣ пьесы, по настоящему, она должна была бы ограничиваться, но автору, по условіямъ комедіи, необходимо было еще озаботиться о бракахъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ прибавилъ еще двѣ прелестныя сценки, которыя, однакоже, послѣ великолѣпной сцены объясненія братьевъ—кажутся блѣдными. Дѣло въ томъ, что Мари освобождаетъ Леопольда отъ честнаго слова, которое онъ далъ, что на ней женится, а Леопольдъ настаиваетъ, чтобы Бернаръ самъ на ней женился; но Бернаръ тоже связанъ. Онъ далъ слово, что женится только на тавой дѣвушкѣ, которой онъ можетъ разсказать исторію своей матери. «Женись на Мари, говоритъ ему г-жа Бернаръ:—она уже столько сама выстрадала, что пойметъ насъ!..»

Роль Бернара удалась Гд еще болѣе роли равнина въ «Другѣ Фрицѣ», Эрмана и Шатриана; онъ превзошелъ въ ней самого себя. Гд, товарищъ дѣтства Ожье и, очень можетъ быть, что, создавая Бернара, онъ имѣлъ въ виду нравственный обликъ самого Гд. Поэтому, Гд даже не играетъ, рѣчь его лилась совершенно естественно и свободно, какъ будто онъ самъ переживалъ всѣ перипетіи пьесы. Это была сама жизнь и истина. Кокелонъ, комично изобразившій гандэна Леопольда, въ патетическихъ мѣстахъ этой роли возвышался до настоящаго жизненнаго трагизма. Барре — былъ настоящій Фуршамбд-отецъ. Роль г-жи Фуршамбд тоже хорошо была передана г-жею Прево-Понсиль, но Кру-

азеттъ нѣсколько утрировала рѣзкость манеръ американки, а Рейхенбергъ, напротивъ, слишкомъ чиста для Бланшъ—до того времени, когда настоящая любовь ее преобразила. Гжа Агаръ, которую мы привыкли видѣть въ классическихъ трагедіяхъ, провела тоже хорошо всю свою роль, а въ сценѣ, когда она приказываетъ сыну спасти Фуришамбъ, даже неподражаема. Тиронъ мастерски схватилъ всѣ смѣшныя стороны комическаго префекта нравственнаго порядка. Однимъ словомъ, исполнение почти равнялось достоинству самаго произведенія и могло бы казаться безукоризненнымъ... еслибы Гд не дошелъ въ исполненіи Бернара до такой высоты, которая оказалась недостигаемой для его товарищей.

Поль Мерись, одинъ изъ главныхъ редакторовъ «*Rappel*», окончившій для сцены «*Мизераблей*» Шарля Гюго — поставилъ недавно и на сцену театра «*Ambigu*» мелодраму «*Бразильянка*», передѣланную имъ изъ романа, подъ тѣмъ же названіемъ, печатавшася въ «*Rappel*». Романъ былъ подписанъ именемъ Матен (псевдонимомъ Рошфора) и имѣлъ въ публикѣ успѣхъ, но пьеса не удалась, такъ какъ по сценическимъ условіямъ пришлось ее почти всю построить на антипатической дѣятельности главнаго лица, впечатлѣніе отъ которой весьма мало смягчается вводными лицами и эпизодами. Лицо же это — креола Бальда, поклявшаяся въ непримиримой ненависти ко всѣмъ бѣлымъ за то, что они задушили ея любовника, возмущившася метиса. Появившись въ Европѣ, Бальда избираетъ семью де-Сержи ареною для своей мести; дѣлается любовницею мужа, убивающую болѣзненно сердца, ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея отсутствующаго сына и собирается отравить дочь. Но ей во всемъ препятствуетъ ея собственная дочь, Анжелика, настолько же чуждая всякой злобы, насколько мать ею прѣисполнена. Ядъ, приготовленный для Люси де-Сержи, тоже случайно выпивается Анжеликою. Чтобы спасти дочь, Бальда вынуждена открыть всѣ свои преступленія доктору, жениху Люси, котораго она тоже покушалась довести до самоубійства. Но такъ какъ помочь Анжеликѣ все-таки нельзя—слишкомъ поздно! то Бальда, въ которой материнская любовь ослѣпляется еще сильнѣе ненависти къ бѣлымъ — теряетъ рассудокъ, что ее, впрочемъ, и спасаетъ отъ гилотини. Еслибы пьеса еще не была слишкомъ длинна, то послѣдняя сцена могла бы показаться эффектною для невзыскательной публики будварнаго театра, но пьесѣ, кромѣ растянутаго, мѣшаетъ еще и то, что современнымъ парижанамъ извѣстнаго класса, рѣшительно не можетъ быть понятна ненависть креола къ бѣлымъ, такъ какъ негры, какъ имъ извѣстно, давно освобождены; они смотрятъ на Бальду, какъ на обыкновенную убійцу, и мы сами въ партерѣ слышали сожалѣніе, что помѣшательство спасаетъ подобную негодяйку отъ уголовной отвѣтственности. Самое помѣшательство Бальды, при всемъ реализмѣ исполненія этой роли г-жею Фар-

гёйль, кажется зрителямъ чуть не притворствомъ. Вообще, роль Балды, роль неблагодарная, и Фаргёйль, при всѣхъ ея драматическихъ средствахъ, не могла ничего изъ нея сдѣлать.

Кромѣ «Фуршамбд» и «Бразильянки» на сценахъ театровъ Гимназии и Пале-Рояля шло нѣсколько новыхъ одноактныхъ пьесокъ, о которыхъ не стоитъ говорить, а потому и переходжу къ новостямъ музыкальнымъ.

Возобновленіе «Сѣверной Звѣзды» Мейербера на сценѣ «Комической Оперы» оказалось весьма неудачнымъ. Г-жа Раттеръ, въ продолженіи трехъ или четырехъ представлений, окончательно испортила свою репутацію, такъ быстро приобретенную ею ролью Виргиніи въ оперѣ Масенэ. Ее вынуждены были замѣнить молодой дебютанткой г-жею Исаакъ, у которой, по крайней мѣрѣ, нѣтъ недостатка въ доброй волѣ и здоровыхъ легкихъ. Другіе исполнители только сносно, а хорошему исполненію оркестра безпрестанно мѣшали ошибки хоромъ.

Гораздо удачнѣе было возобновленіе «Статуи», въ которой значительные лавры достались молодому тенору Талозену, имя котораго я привожу нарочно, такъ какъ ему предстоитъ блестящая будущность. «Статуя» принадлежитъ композитору Рейеру — музыкальному критику «Journal des Débats» и дѣтъ восемнадцать тому назадъ имѣла успѣхъ на сценѣ «Лирическаго театра», находившагося тогда на Тампльскомъ бульварѣ. Почему ее никогда не возобновляли на сценѣ второго «Лирическаго Театра» площади Шатле, или въ то время, когда ее уже ренетировали, не попытались поставить на сцену третьяго (Gaité) прежде, чѣмъ рѣшились его закрыть — остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, но такой вопросъ невольно приходитъ въ голову слушателямъ оперы, исполненной всевозможныхъ достоинствъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не страшиться за участь французскихъ композиторовъ, видя во-очію, какъ человекъ, отличающійся далеко незауряднымъ талантомъ, былъ, такъ сказать, задушенъ при самомъ началѣ своей музыкальной карьеры театральными постановками и принужденъ былъ чуть не двадцать лѣтъ добывать себѣ хлѣбъ критическимъ разборомъ чужихъ произведеній — не имѣя возможности отдаться творческой работѣ! Безъ всякаго пристрастія нельзя не сказать, что «Статуя» одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній французской музыкальной школы. Она на столько же мелодична какъ «Ладла Руеъ» Фелисьена Давида. Либретто оперы составлено очень удачно величайшими мастерами либреттныхъ дѣлъ — Жюлемъ Барбье и Мишелемъ Карре и заимствована ими изъ одной сказки «Тысячи и одной ночи», что даетъ случай композитору ввести въ музыку два или три эффекта въ Веберовскомъ стилѣ. Музыка Рейера совершенно оригинальная, доказывающая, что онъ старался открыть новый путь и стоять дѣйствительно особнякомъ между итальянской и нѣмецкой школами, какими они представлялись послѣ смерти Берлиоза и до появленія Вагнера. Отрывки изъ большой

и кажется еще неоконченной оперы того же автора «Сигмундъ», исполненные на популярных концертахъ Паделу и въ Консерваториѣ—доказываютъ, что талантъ его прогрессируетъ и теперь безъ сомнѣнія и «Сигмундъ» будетъ также поставленъ. Но не печальна ли исторія подобнаго двадцатилѣтняго перерыва въ карьерѣ человѣка высоко талантливаго? Хорошо еще, что Рейеръ сумѣлъ сохранить до настоящаго своего возраста и физическую крѣпость и свѣжесть своихъ вдохновеній, чтобы хотя на слонѣ дней воспользоваться плодами такъ поздно наступающей для него извѣстности.

Я уже писалъ вамъ, что для доставленія возможности начинающимъ композиторамъ знакомить съ своими произведениями публику—послѣ банкротства Лирическаго театра, парламентъ оставилъ неприкосновенною выдаваемую имъ субсидію въ 200,000 франковъ, предоставляя министру народнаго просвѣщенія употребить ее для поддержки исполненія симфоническихъ произведеній или для пособій при постановкахъ новыхъ оперъ. Желая воспользоваться этою субсидіей, дирекція Итальянскаго театра поставила на своей сценѣ оду-симфонію «Торжество мира» слова Пароди, музыка Самуэля Давида. Она исполнялась уже три раза, но, въ сожалѣнію, не произвела особеннаго впечатлѣнія. Оркестры были дурно сретованы, хоры малочисленны, а сама симфонія—первое ассеситъ парижскаго городского конкурса,—не представляетъ собою какихъ либо выдающихся качествъ. Кромѣ того, время исполненія этой симфоніи было выбрано неудачно. Она шла въ страстной четвергъ и субботу и въ понедѣльникъ на Святой, когда въ нѣсколькихъ залахъ заразъ исполнялись дѣйствительныя chefs d'oeuvre'ы.

Такъ въ залѣ театра Шатлѣ, оркестръ Коллона исполнялъ въ этотъ день пасторальную симфонію Бетховена и Requiem Верлюва. Въ цркви Паделу—«Потопъ» Сень-Санса и Stabat Mater Россини, а въ Консерваториѣ исполнялась симфонія Бетховена и первая часть восхитительной мистеріи Массенэ «Ева». Кромѣ того, во всѣхъ церквахъ, какъ это обыкновенно водится, во всѣ эти дни свободные пѣвцы и музыканты участвовали въ духовныхъ концертахъ, привлекавшихъ массы публики, и въ одной изъ нихъ даже былъ исполненъ дѣликомъ Stabat Mater Сальватора, извѣстнаго автора оперы «Браво».

Людвигъ.

Парижъ, 20-го февраля 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. Составилъ П. Каптеревъ. Спб. 1877 г.

Г. Каптеревъ задался чрезвычайно широкою задачею: онъ имѣлъ въ виду не только сообщить необходимыя свѣденія о психическихъ явленіяхъ, безъ «болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства» съ которыми невозможна «вполнѣ разумная педагогическая дѣятельность» и которыхъ между тѣмъ «не рѣдко недостаетъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ»; но и «связать главнѣйшія ученія теоретической педагогики съ твердыми данными науки о душѣ, вывести первыя изъ послѣднихъ». Тогда, говоритъ авторъ, «различныя педагогическія правила и теоріи будутъ обоснованы тверже и рациональнѣе, чѣмъ теперь», что, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. У насъ послѣ К. Ушинскаго («Опытъ педагогической антропологии») ничто не ставило вопроса такъ широко. У Ушинскаго не было продолжателей, которые, какъ это само собою предполагается, должны бы были пойти дальше, между тѣмъ потребность въ такомъ сочиненіи сильно ощущалась. Все это, въ связи съ тѣмъ, что Г. Каптеревъ пишетъ теперь во многихъ педагогическихъ журналахъ и дѣлаетъ рефераты въ педагогическомъ обществѣ, нарушая его тишину, возбудило въ насъ сильный интересъ къ «Педагогической психологіи», въ которой авторъ, сверхъ всего прочаго, общалъ еще такую важную вещь: излагать «данныя психологической и педагогической науки» такъ, чтобы «это изложеніе съ одной стороны не было ниже уровня современнаго развитія этихъ наукъ, а съ другой—было настолько общедоступно, чтобы могло быть читаемо народнымъ учителемъ».

Съ глубокимъ смиреніемъ и благоговѣніемъ послѣдовали мы въ глубь огромнаго тома (631 стр.) въ надеждѣ услышать новую мысль, новое слово, увидѣть новую постановку вопроса и посмотреть, какъ наконецъ главныя ученія теоретической педагогики будутъ связаны съ твердыми данными науки о душѣ. Но, въ сожалѣнію, насъ встрѣчали на каждомъ шагѣ лишь одни разочарованія. Ничего новаго въ книгѣ г. Каптерева мы не нашли; мало того, мы не нашли тамъ даже основательнаго изученія предмета и руководящей

мысли. Авторъ, правда, съ необыкновенною развязностью толкуеть обо всемъ, какъ простомъ, такъ и сложномъ, какъ о томъ, что знаетъ, такъ и о томъ, чего не знаетъ; онъ, правда, много читаетъ и цитируетъ многихъ ученыхъ авторовъ; но ему прежде всего недостаетъ основныхъ знаній, которыя необходимы даже для толковаго цитирования авторовъ, для того, чтобы отличать одного автора отъ другого и отдѣлять у одного и того же автора существенное отъ несущественнаго. Современная педагогическая психологія, разумѣется, должна начинаться съ анатоміи и физиологіи мозга, органовъ чувствъ и проч. Такъ, конечно, поступаетъ и г. Каптеревъ, начиная книгу ab ovo, т. е. со связи психическихъ явленій съ физиологическими процессами и сообщая необходимыя свѣдѣнія изъ анатоміи, физиологіи, химіи и другихъ относящихся сюда наукъ. И, посмотрите, что онъ здѣсь говоритъ, какія даже дѣлаетъ открытія. Такъ на стр. 106 онъ отрываятъ по химіи, что пищу и питье «можно, по ихъ основнымъ составнымъ элементамъ, свести къ небольшому числу классовъ: 1) вода и водянистыя жидкости, включая сюда вещества, растворимыя въ водѣ; 2) сахаристыя вещества, добываемыя изъ растений; сюда относятся сахаръ, крахмалъ и т. п., 3) маслянистыя вещества; сюда относятся различные жиры и масла, а также алкоголь». Сдѣлавъ эти важныя открытія: во-1) что твердыя вещества, растворимыя (не растворенныя, а растворимыя) въ водѣ, относятся къ водѣ и водянистымъ жидкостямъ, 2) что сахаръ и крахмалъ одно и тоже, и 3) что жиръ и алкоголь одно и тоже, г. Каптеревъ продолжаетъ: 4-й классъ «составляютъ бѣлковыя вещества, содержащія азотъ: фибринъ, желатинъ, альбуминъ, казеинъ и проч.» и говоритъ, что «всѣ эти вещества получаютъ изъ животнаго царства». Г. Каптеревъ, очевидно, не знаетъ, что есть очень большой классъ растительныхъ бѣловыхъ веществъ и не полюбостыствовалъ заглянуть въ любой учебникъ химіи или физиологіи, гдѣ нашелъ бы также и болѣе удовлетворительную классификацію пищи. Мало того, онъ упустилъ изъ виду даже то: какими судьбами живутъ люди, питающіеся исключительно растительной пищей, а такихъ людей очень много. Что касается разныхъ анатомическихъ и физиологическихъ подробностей, то авторъ излагаетъ ихъ, хотя и чрезвычайно подробно, но далеко не ясно (напр. описывая черепной и хребетный мозгъ—стр. 26, органы осязанія—стр. 127, органы зрѣнія—143, органы слуха—166, и проч.), причемъ любопытно слѣдующее: когда описаніе ведется по какому-нибудь источнику, напр. по руководству Гиртля, Германа, Съченова, то даже сложныя явленія и подробности выходятъ гораздо яснѣе; какъ же только авторъ понадеется на себя или попробуетъ передавать чуждые ему предметы «своими словами», такъ и выйдетъ какая-нибудь путаница, которая ставитъ читателя въ самое полное недоумѣніе. Нужно, напримеръ, г. Каптереву доказать, что «нервная система не можетъ постоянно ра-

ботать безъ возобновленія силъ.» Положеніе это, само по себѣ чрезвычайно ясно, можно подтвердить множествомъ самыхъ наглядныхъ и самыхъ глубокихъ примѣровъ, между тѣмъ г. Каптеревъ доказываетъ его слѣдующимъ манеромъ: люди, говорить онъ, «много работавшіе головой, но не трагившіе своихъ силъ на мускульную дѣятельность, отличались значительнымъ аппетитомъ. О Наполеонѣ I извѣстно, что, во время его походовъ его поварь былъ обязанъ доставлять ему, по первому востребованію, во всякое время дня и ночи, жареную курицу» (66). «И такъ, заключаетъ Каптеревъ:—нервная система постоянно нуждается въ возобновленіи своихъ силъ...» Вотъ вамъ и всѣ доказательства. Читатель, конечно, въ полномъ недоумѣніи: во-1) онъ не видитъ, чтобы во время похода, когда человекъ усиленно двигается, потребность въ пищѣ вызывалась исключительно умственной работою, а во-2) тотъ же самый г. Каптеревъ нѣсколько ниже приводитъ въ примѣръ того же самаго Наполеона и ту же самую жареную курицу въ доказательство того, что Наполеонъ I былъ эгоистъ, а эгоисты вообще любятъ покушать. (стр. 109). И въ такомъ недоумѣніи читатель будетъ находиться очень часто, при чтеніи труда г. Каптерева.

Если г. Каптеревъ трактуетъ такимъ образомъ о такихъ безспорныхъ и очевидныхъ данныхъ, какъ данныя физиологическія и анатомическія, то можегъ себѣ представить, что продѣлываетъ онъ собственно въ области психологической, гдѣ, какъ извѣстно, гораздо меньше точныхъ и опредѣленныхъ положеній и гдѣ можно, подобно вѣтру въ поле, свободно рѣзвиться во всѣ стороны. Новыя психологическія теоріи отрицаютъ старыя школы; нѣмецкіе психологи не признаютъ англійскихъ, англійскіе—нѣмецкихъ; даже психологи близки, повидимому, стоящіе другъ въ другу (какъ на примѣръ, Бэнъ и Спенсеръ) и распарывающіеся другъ передъ другомъ, какъ это подобаетъ настоящимъ джентльменамъ, сильно расходятся. При такомъ положеніи вещей, автору, задумавшему не произвести переворотъ въ наукѣ (тогда нужно было бы писать спеціальное сочиненіе), а написать по психологій книгу для практическаго примѣненія, слѣдовало бы: или выдѣлать изъ спорныхъ положеній однѣ безспорныя и на нихъ уже возводить свою постройку (при этомъ пришлось бы, конечно, вознѣжаніе опасности, остаться съ пустыми руками, примирять различныя школы—задача въ значительной степени невозможная), или же держаться одной какой-нибудь школы, школы, если не особенно крайней, въ видахъ шаткости новыхъ гипотезъ и строгости школьной цензуры, то и не отсталой. Въ этомъ случаѣ даже не дурно было бы держаться одного какого-нибудь автора, указывая, разумѣется, въ чемъ съ нимъ не согласенъ, положимъ, хоть того же самого Спенсера, котораго г. Каптеревъ во многихъ случаяхъ конфиденціально и придерживается, переходя въ другихъ случаяхъ на сторону болѣе отсталыхъ психологовъ. Психологія Спенсера все таки обоснована на положитель-

ных данных, и если въ ней и встрѣчается недѣль метафизики, то въ вриличныхъ дозахъ. Для писателя, не задумывающаго совершить переворотъ въ наукѣ, это, говоритъ ми, было бы самое лучшее; но г. Каптереву, какъ видно, больше всего хотѣлось именно совершить переворотъ въ наукѣ, создать нѣчто совсѣмъ самобытное, а потому, не обладая для этого достаточнымъ зарядомъ знаній, онъ и очутился въ первомъ положеніи, т. е. въ положеніи примирителя разныхъ школъ. У него фигурируютъ одинаково часто и Гербартъ, и Ушинскій, и Вайцъ, и Баятъ, и Фехнеръ, и Спенсеръ и т. д. Всѣхъ почти онъ разбираетъ и на всѣхъ въ тоже время ссылается въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Благодаря шаткости всихологін, онъ представлялъ себя такимъ же полновластнымъ хозяиномъ въ ней, какъ и каждый изъ европейскихъ ученыхъ. Онъ до того важенъ въ своей роли, что, классифицируя, напримѣръ, чувствованія (на физическія и идеальныя и затѣмъ послѣднія—на эгоистическія и альтруистическія) говоритъ: «лучшимъ оправданіемъ нашей классификаціи послужитъ самое изслѣдованіе чувствованій въ порядкѣ этой классификаціи» и только между прочимъ, въ выноскѣ, поясняетъ, что «подобную классификацію чувствованій можно встрѣтить у Г. Спенсера въ принципахъ психологін, 2 т. часть VIII, гл. V—IX» (402). Вообще очевидно, что авторъ смотритъ на себя, какъ на новатора въ наукѣ. Въ чемъ же состоитъ это новаторство? Больше всего занятъ авторъ различными описаніями (чувствъ, мыслей и т. д.), различными классификаціями и перемѣщеніемъ разныхъ философскихъ и логическихъ категорій съ одного мѣста на другое. Такъ напримѣръ, «главнѣйшіе, существеннѣйшіе способы разсудочной дѣятельности» онъ сводитъ къ слѣдующимъ тремъ группамъ: «1) понятіе, классификація, анализъ, синтезъ, опредѣленіе, 2) сужденіе, предположеніе, индукція, 3) силлогизмъ, дедукція, аналогія» (342). Сдѣлано это «для удобства обозрѣнія формъ разсудочной дѣятельности съ психологической точки зрѣнія». Положимъ, что тутъ видно стремленіе установить психическій генезисъ, но подобное стремленіе вовсе не ново; что же касается до самого генезиса, то тутъ г. Каптеревъ ниче.о не доказалъ и только вышелъ на то самое огромное поприще для спора, на которомъ уже не разъ сходились разные философскіе бойцы для того, чтобы не побѣдить другъ друга и опять разойтись. Вѣдь объ одной дедукціи и индукціи можно наговорить чортъ знаетъ сколько и чортъ знаетъ чего, не брѣдя рѣшительно ни къ чему, въ особенности по примѣненію къ педагогикѣ. Оданъ нашъ авторъ сколько наговорилъ по этому поводу, придя въ концѣ къ тому, что, слѣдую Лейбницу, надо уважать оба метода мышленія, «обѣ формы мысли» и что это-то «равновѣсіе между двумя противоположными формами мысли и надо воспринимать въ ребенкѣ» (364). «Воспитатели—держитесь середины!»—вотъ все, что можетъ сказать вамъ авторъ послѣ празднаго упражненія философскою

гнннствую. Это сказано уже давнымъ давно и Миллемъ въ его «Логикѣ», и многими другими. И г. Каптеревъ, точно почувствовать нѣчто недоброе, нѣчто въ родѣ метафизической трагедии подъ ногами, счелъ не лишнимъ, установивъ свою классификацію, добавить, что «навязывать ее онъ никому не намѣренъ» (342). Затѣмъ г. Каптеревъ сдѣлалъ еще слѣдующее перемѣщеніе — перемѣстилъ эстетическія чувстваванія въ разрядъ альтруистическихъ на томъ основаніи, что «предметъ эстетическаго волненія есть предметъ, такъ сказать, всеобщій, который доставляетъ наслажденіе не только мнѣ (какъ Ego), но и безконечному множеству другихъ людей», такъ какъ «эстетическія чувстваванія вызываются прекрасными предметами природы и искусства» (460—61). Сказавъ сначала рѣшительно, что относить эстетическія чувстваванія къ альтруистическимъ и доказавъ затѣмъ, что «главными посредниками эстетическихъ наслажденій служатъ глазъ и ухо» и что «прекрасный ландшафтъ, пѣснь соловья, хорошая арія, хороший оркестръ въ одно и тоже время доставляютъ наслажденіе огромной массѣ людей», тогда какъ «однѣ кусокъ хлѣба, однѣ глотокъ вина, одно покойное кресло не могутъ въ одно и тоже время доставить наслажденіе многимъ», авторъ какъ будто чувствуетъ шаткость своихъ характерныхъ признаковъ, какъ будто бы сознаетъ шаткость аргументацій, а можетъ быть припоминаетъ и то, что и арія и даже пѣснь соловья не общія достоянія, и немножко ретируется, немножко смягчаетъ твердость своего перваго положенія: эстетическія чувстваванія, говоритъ онъ, «стоятъ, такъ сказать, на межѣ, на границѣ между эгоистическими и альтруистическими», составляютъ «переходъ отъ эгоистическихъ къ альтруистическимъ» (463). Нужно замѣтить, что вообще г. Каптеревъ очень часто ретируется въ своихъ положеніяхъ и совѣтахъ, ища постоянно переходовъ и середины.

Съ особенною подробностью, чего не встрѣтишь въ другихъ психологіяхъ, изслѣдовано г. Каптеревымъ ощущеніе мягкаго и теплаго. «Мягкій и теплый предметъ, говоритъ Каптеревъ:— намъ кажется пріятнѣе, чѣмъ мягкій и холодный, потому что умѣренная теплота и мягкость пріятны сами по себѣ, въ отдаленности. Ощущеніе мягкаго, особенно въ соединенія съ ощущеніемъ умѣренной теплоты, стоитъ въ тѣсной связи съ нѣжными чувствами, съ одной стороны служить ихъ выраженіемъ, съ другой—возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ. Сильное желаніе касаться любимой особы составляетъ обыкновенное проявленіе любви. Поэтому-то мы желаемъ заключить въ свои объятія тѣхъ, кого нѣжно любимъ... Поцалуй есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и распространенныхъ способовъ выразить любовь... болѣе удовольствія доставляетъ поцаловать теплую, чѣмъ холодную щеку; точно также есть значительная разница между поцалуемъ въ лобъ и поцалуемъ въ губы» (133 и слѣдующія). Вообще описаніе чрезвычайно подробное, даже чересчуръ по-

дробнее для педагогической психологии. На этот счет г. Каптеревъ не скуится. Добрая половина его книги занята перечисленіемъ и опредѣленіемъ различныхъ чувствованій; распределяются они на группы, на разряды, и т. д. Эгоистическихъ чувствъ множество: чувство силы, чувство мужества, чувство чести и высшая форма этого чувства—чувство славы; чувство раздраженія, гнѣва, ярости, мести, злобы; затѣмъ, чувство скромности, застѣчивости, страха; затѣмъ, чувство легкости, противоположное напряженію, чувство разнообразности, монотонности, и проч.; чувство контраста, удивленія, изумленія, неожиданности, и т. д. Каждому изъ этихъ чувствъ дается самое подробное описаніе и характеристика, наминающая старыя учебники психологии и поражающая иногда странностью. Такъ, напримеръ: «чувство, возбуждаемое въ насъ лицами, заработавшими свое счастье, есть соревнованіе, а не зависть. Соревнованіе не имѣетъ грубыхъ эгоистическихъ чертъ зависти, это—благородное чувство, вызывающее на состязаніе», и т. д. (437). Чувство чести, «свойственное всѣмъ людямъ—есть ничто иное, какъ расширеніе нашего самочувствія на другихъ, желаніе, чтобы другіе, особенно близкіе къ намъ люди, воздавали должное нашимъ способностямъ, уважали насъ, насколько мы того заслуживаемъ» (417). Примѣръ этому: «многіе взрослые бывають очень довольны, если какая-нибудь важная особа удостоитъ ихъ своимъ вниманіемъ, назоветъ по имени, похметъ руку» (ibid). «Высшія формы скуки—апатія и тоска, когда бываетъ «и скучно, и грустно, и не кому руку подать... и жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая штука»—ужасны, убійственны» (446). «Скучать, разумѣется, скучно» (527). Но противъ чувства скуки направлены «всѣ, такъ называемыя, развлеченія, и они, дѣйствительно, много ослабляютъ его» (445). Въ особенности хорошо описалъ г. Каптеревъ любовь. Въ любви «очень большую роль играетъ осозаніе». «Основа, почва любви—органическая половая потребность». Чувственный элементъ иногда, въ особенности вначалѣ, скрывается, но «малопомалу эта потребность заявляетъ себя все сильнѣе и сильнѣе». Если иногда и говорятъ о «такъ называемой платонической любви, лишенной, будто бы, всякихъ чувственныхъ порывовъ, то это простое недоразумѣніе» (488). «Вообще, говоритъ г. Каптеревъ:—отриваніе чувственности въ любви, какъ чего-то универсальнаго, недостойнаго этого высокаго чувства—смѣшно. Дѣло не въ томъ, чтобы отривать чувственность, а въ томъ, чтобы примирить ее съ высшими потребностями ума и сердца, не давать ей широкаго преобладающаго значенія, сочетать чувственность съ духовнымъ наслажденіемъ. А это вполне возможно для человека, у котораго на ряду съ чувственными есть другія столь же существенныя потребности. Гете хорошо выразилъ это сочетаніе чувственнаго и духовнаго наслажденія въ любви, въ одной изъ своихъ римскихъ элегій (Amor der Schalk): Она смѣетъ,

а я лежу подлѣ и думаю. Часто въ ея объятіяхъ предавался я поэтическому творчеству и тихонько на ея спинѣ простерявъ указательнымъ пальцемъ свои экзаметры, между тѣмъ, какъ она покоилась въ сладкомъ снѣ и ея дыханіе глубоко проникало мнѣ въ грудь» (489). Лучшаго примѣра г. Каптеревъ не могъ подобрать. Очень ужъ хорошо!

Подобныя же описанія и разсужденія встрѣтимъ мы и при описаніи воли, истиннотвъ, характеровъ и т. д. Но описать всѣ прелести труда г. Каптерева нѣтъ никакой возможности въ рецензіи. Что касается до практическихъ совѣтовъ г. Каптерева, то они также не представляютъ ничего новаго. Приблизительно ихъ можно формулировать такимъ образомъ: не очень учите дѣтей, но и не давайсе имъ лѣниться; не очень стѣсняйте свободу, но и не давайте слишкомъ большой свободы; подчините ребенка дисциплинѣ, не очень строгой и мелочной, но за то неукоснительной, какъ природа; наказанія должны быть «натуральными» (тѣ самыя, что Спенсеръ называетъ естественными) и т. п. Для правильнаго развитія альтруистическихъ и нравственныхъ чувствъ, нужно «разъяснять ребенку пользу, необходимость выполненія тѣхъ элементарныхъ требованій, которыя къ нему обращены, чтобы онъ слушался, не лгалъ, училъ исправно свой урокъ, возможно, хотя и по дѣтски» и т. д. (522). Для развитія совѣсти необходимо знать, что «первыя основы совѣсти въ душѣ ребенка кладутся приученіемъ его къ послушанію, позволеніемъ и поощреніемъ однихъ дѣйствій и воспрещеніемъ и наказаніемъ другихъ. Почему одни дѣйствія ему позволяются, а другія воспрещаются, ребенокъ не понимаетъ. Но онъ слушается, любя своихъ родителей и боясь наказанія. Такимъ образомъ, онъ навикаетъ признавать одно хорошимъ, а другое—дурнымъ и этимъ воспитываетъ свою совѣсть. Далѣе, по вступленіи въ жизнь, такую же опеку беретъ надъ нимъ законъ» и т. д. (499). Вообще у насъ, собственно говоря, все не дурно устроено, но кое-что нѣсколько измѣнить все-таки не мѣшало бы—такъ въ концѣ-концовъ выходитъ у г. Каптерева. Хотя совѣты его для нашихъ педагоговъ не новость, но все-таки онъ считаетъ нужнымъ имъ кое-что напомнить. Совѣтуетъ, впрочемъ, иногда г. Каптеревъ и довольно оригинальныя вещи, не то, чтобы совѣты оригинальныя, но не употребляемыя, по крайней мѣрѣ, педагогами. Говоря о борьбѣ различныхъ «мотивовъ», которые поднимаются и спорятъ другъ съ другомъ въ умѣ человѣка передъ какимъ-нибудь рѣшеніемъ, онъ совѣтуетъ для того, чтобы «процессъ обдумыванія вѣрнѣе достигалъ своей цѣли», употреблять «нѣкоторыя искусственныя средства и пособія». Одно изъ такихъ средствъ есть нравственная алгебра Франклина. Вы можете быть, не знаете, читатель, въ чемъ состоитъ эта алгебра? А вотъ въ чемъ: нужно раздѣлить полудюльскія бумаги на два столбца, надъ однимъ написать что, надъ другимъ contra, потомъ, въ продолженіи трехъ или че-

тырехъ дней размышленія, записывать различные мотивы, говорящіе про и contra искомаго рѣшенія, наконецъ, по истеченіи этого срока, опѣивая «сравнительный вѣсъ мотивовъ», сокращать про на contra (одинъ, напримѣръ, вѣснй мотивъ можетъ пойти за два, за три легкихъ на противоположной сторонѣ) и такимъ образомъ получится рѣшеніе. Бэнь, говоритъ Каптеревъ: — призналъ эту алгебру «очень цѣлесообразнымъ средствомъ» и совѣтовалъ продлить срокъ размышленія до 31 дня и сокращать мотивы просто число на число, не вдаваясь въ ихъ вѣсъ (563—4). Подобное средство есть лучшее средство для того, чтобы приучить человѣка къ нерѣшительности, далеко нелогическому мышленію и подтасовкѣ доводовъ. Со стороны Бэна это просто недоразумѣніе, какія нерѣдко встрѣчаются у разныхъ ученыхъ и у того же самого Бэна: развѣ онъ не отрицалъ чувства злобы у животныхъ, развѣ онъ не совѣтовалъ примѣнить электричество къ тѣлеснымъ наказаніямъ? И отчего бы это г. Каптереву не воспользоваться и послѣднимъ его совѣтомъ?

Мы истинно сожалѣемъ тѣхъ читателей, которые будутъ читать «Педагогическую Психологію» г. Каптерева, потому что они затратятъ добрую недѣлю на чтеніе и ничего отсюда не вынесутъ. Тѣ изъ читателей, которые плохо знакомы съ предметами, о которыхъ идетъ рѣчь, навѣрное не разъ усомнятся въ собственныхъ знаніяхъ и, чего добраго, даже переирутуютъ и забудутъ то, что знали, а тѣ, кто ничего не знали, получатъ превратныя понятія. Больше всего читатель будетъ ошеломленъ массою фактическаго матеріала, набросаннаго въ странномъ беспорядкѣ, и цитатами, провѣрить которыя, по большей части, очень трудно. Указывается, напримѣръ: Бэнь «Волненія и Воля» (414). Это сочиненіе Бэна имѣло три изданія и каждый разъ авторъ ихъ измѣнялъ, дополнял и передѣлывалъ. Извольте искать. Нѣкоторые факты, безъ всякаго сомнѣнія, очень цѣнны, но обрабатывать ихъ надо самому. Сочиненіе г. Каптерева можно сравнить съ большимъ пароходомъ, на которомъ наложены разные товары (вероятно съ табаконъ, салныя свѣчи съ бархатонъ и т. п.), машина пыхтитъ, работаетъ, но у парохода нѣтъ ни винта, ни руля. Несетъ его по либеральному теченію, но пойти куда-нибудь на такомъ пароходѣ нельзя. Подобныя сочиненія писать чрезвычайно легко и и легко ошеломлять ими публику: побольше ученаго виду, побольше фразъ, цитатъ, побольше тумана, и—дѣло готово.

Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. *Алекс. Смирновъ*. Выпускъ первый. Москва. 1878.

Для разъясненія нервыбитныхъ формъ семьи и ихъ остатковъ въ современной русской жизни, г. Смирновъ притянулъ и народныя пѣсни, и сказки, и былины, даже пословицы, независимо отъ нравныхъ свидѣтельствъ, какъ историческихъ, такъ и современныхъ наблюдателей народной и общественной жизни. Такимъ образомъ, методъ, употребленный г. Смирновымъ, безукоризненно

хорошъ, это тотъ методъ, который практикуется народническимъ на нашихъ глазахъ наукою—соціальною антропологіею и уже успѣлъ привести къ весьма важнымъ результатамъ. Г. Смирновъ отличается также и большимъ трудолюбіемъ въ собираніи и записываніи подходящихъ фактовъ. Онъ обладаетъ слѣдовательно всѣми необходимыми качествами для того, чтобы его изслѣдованія были основательны. Но основательность въ научной работѣ только половина дѣла, котъ, конечно, весьма важная. Другая половина состоитъ въ систематизированіи, классифицированіи данныхъ и подведеніи итога подъ ними. А между тѣмъ, о системѣ и порядкѣ г. Смирновъ знаетъ весьма смутно, по наслышкѣ только, чѣмъ онъ, конечно, затрудняется для себя и другихъ возможность дѣлать выводы изъ приведенныхъ имъ же фактовъ. Если пользы — каровни въ настоящемъ случаѣ являются факты—сложены прямо, а не разбросаны вѣсь и вервь, то связать ихъ не представляется большой трудностью. А выводъ и есть ничто иное, какъ выраженная словами связь, существующая между однородными фактами. Разъ факты систематизированы, сложены, выводъ навязывается, напрашивается самъ собою, диктуется самими фактами.

Въ соціальной антропологіи и между прочимъ въ авторитетномъ сочиненіи Либбока, на которое часто ссылается и г. Смирновъ, принято за основное положеніе, что коммунальная или общинная форма брака, подобно общинной формѣ собственности, была первоначальною формою, многообразные остатки которой сохранились и по настоящее время въ большей или меньшей мѣрѣ въ различныхъ слояхъ всякаго цивилизованнаго народа. Признано также, что первобытная форма брака вытѣснена была изъ жизни первоначальныхъ общественныхъ группъ, изъ жизни и правовъ общинъ, другою формою брака—бракомъ посредствомъ покищенія, умычя, увода женщины изъ чужихъ общинъ. Можно назвать эту форму брака, въ противоположность коммунальной — *междокоммунальною*, *междообщинною*. Слѣды этой формы, въ свою очередь, сохранились и понынѣ въ народной и общественной жизни. Если мы будемъ наблюдать обряды современной свадьбы, символическія дѣйствія, окружающія ее, то остатки этихъ формъ окажутся сплетенными, смѣшанными, наслоенными одинъ на другія; но въ научномъ изслѣдованіи смѣшивать эти формы и остатки ихъ невозможно. А г. Смирновъ дѣлаетъ это и дѣлаетъ очень часто. Еслибы онъ хотѣлъ на минуту призадумался надъ разницею между коммунальными и интеркоммунальнымъ бракомъ—а около двухъ этихъ формъ вращается весь настоящій выпускъ его книги—то его книжка представляла бы собою весьма интересный трудъ, а не крошку, въ которой безъ связи плаваютъ множество фактовъ. Разницу, о которой мы говоримъ, очень легко констатировать и удержать въ памяти. Общинный бракъ заключается между лицами, принадлежащими къ одной и той же общинѣ. По ст-

пошею къ сообщинникамъ вообще господствуетъ миръ, согласіе и ладъ, какого бы пола они не были. Общинный бракъ проникнутъ, вслѣдствіе этого, такимъ же характеромъ. Добровольное согласіе, притомъ обоюдное, при вступленіи и расторженіи брачнаго союза, полная равноправность брачующихся, отсутствіе насилія и порабощенія — вотъ, по необходимости, существенныя черты этой формы брака. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается междуобщинный бракъ. Убіиство, разбой, грабежъ, обманъ и надувательство — вотъ тѣ современные термины, которыми могутъ быть охарактеризованы отношенія первобытныхъ общинъ другъ къ другу. Бракъ, заключенный между лицами, принадлежащими къ различнымъ общинамъ, долженъ быть опять таки проникнутъ соответствующимъ характеромъ. Возьмемъ теперь слѣдующую пѣсню. Въ ней обрученная дѣвушка, сравнивая свою судьбу съ судьбою «лебедушки», говоритъ (Смирновъ, стр. 30):

У ней крылечки общинамъ,
У меня коса расплотена,
У ней пошееньки обломаны,
У меня да вола снята.

Очевидно, что эта пѣсня никакого отношенія къ общинному браку имѣть не можетъ и относится исключительно къ междуобщинному браку. Нельзя, слѣдовательно, этой пѣсни смѣшивать съ тѣмъ разрядомъ фактовъ, который характеризуетъ общинный бракъ. Точно, также сюда не относится и цѣлый рядъ фактовъ о большихъ (34 и сл.); о томъ, кому изъ супруговъ господствовать другъ надъ другомъ въ брачной жизни. Въ общинномъ бракѣ, повторяемъ, не можетъ быть рѣчи ни о господствѣ, ни о подчиненіи, такъ какъ оба брачующіеся равноправные члены одной и той же общины. Мы не считаемъ нужнымъ указывать на другія погрѣшности г. Смирнова въ этомъ родѣ, такъ какъ ими полна вся его книга, и всякій, взглянувшій въ нее, можетъ убѣдиться въ вѣрности нашего замѣчанія. Обиліе матеріала, а порядка въ немъ нѣтъ. Все разбросано, все разбѣяно. Понятно, что при такой анархіи, царствующей въ собранномъ г. Смирновымъ матеріалѣ, замѣчанія, дѣлаемыя имъ и претендующія на значеніе выводовъ, значенія таковыхъ имѣть не могутъ и не должны. Вотъ, напримѣръ, какъ рассуждаетъ г. Смирновъ: «Если независимая женщина раннего порядка вещей (?) не подчинилась добровольно желаніямъ мужчины... то послѣдній, какъ представитель сильнѣйшаго пола, былъ въ состояніи одолѣть ее, подчинить своей власти и держать въ своей волѣ». (стр. 68). И далѣе на той же страницѣ: «Первенствующее положеніе женщины является только какъ исключеніе и объясняется главнымъ образомъ тѣмъ простымъ фактомъ, что въ первобытномъ обществѣ, изъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, не мужчина, а женщина могла имѣть жилище, хозяйство и вообще экономическую самостоятельность, такъ что не жена шла въ домъ мужа и станови-

лась такннъ образомъ въ зависимость отъ мужа, а наоборотъ, мужъ шель въ домъ жены и потому становился въ зависимость отъ нея». Во-первыхъ, кто сказалъ г. Смирнову, что первобытнй мужчина сильнѣе первобытной женщины? Вѣдь онъ самъ же приводитъ изъ былинъ данныя, хотя по обыкновенію не тамъ, гдѣ ихъ слѣдуетъ приводить, въ родѣ слѣдующихъ (стр. 31): «Василиса Микулична побѣждаетъ всѣхъ богатырей князя Владимира, въ томъ числѣ и своего мужа, Ставра Годиновича. Настасья Микулична, «поленица-женщина великая», побѣждаетъ богатыря Добрыню Никитича... Молодая жена Ильи Муромца, Савишна, прогоняетъ отъ Кіева Тугарина, со всею его ратью». Независимо отъ сказочныхъ данныхъ, г. Смирновъ могъ бы убѣдиться изъ наблюдений, сдѣланныхъ надъ жизнью первобытныхъ народовъ, что женщины тамъ вовсе не являются «слабосильными» поломъ и, вслѣдствіе этого, заурядъ участвуютъ въ войнахъ. Такъ въ Новой-Зеландіи, въ Гаванѣ (Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker IV. s. 149), въ Новой Голландіи (Ibid. s. 747). Тожо рассказываютъ старинные путешественники объ американскихъ народахъ, между прочимъ, о караибсахъ въ Картагенѣ и Буманѣ, (Waitz. IV s. 375), что онѣ дерутся вмѣстѣ и рядомъ съ мужчинами. Очевидно, что такія данныя и многія другія, изъ которыхъ въ быта русскихъ племенъ приводятся и г. Смирновымъ (стр. 32), сокрушаютъ непогрѣшимость выставленнаго имъ догмата о «слабосиліи» первобытныхъ женщинъ. Это разъ. Во-вторыхъ, почему это г. Смирнову кажется столь простымъ фактъ, что только женщина, а не мужчина «могла имѣть жилище, хозяйство и вообще экономическую самостоятельность»? Намъ этотъ фактъ представляется, напротивъ, чрезвычайно сложнымъ. Въ книгѣ Бытія дѣйствительно говорится, что «мужчина оставляетъ отца и мать и прильщается къ женѣ» (II. 24). Патриархъ Іаковъ, въ свою очередь, остается въ семьѣ, къ которой принадлежать его жены. Г. Смирновъ, въ подтвержденіе своего «простого» соображенія, даже этихъ общезвѣстныхъ данныхъ не привелъ. Но, еслибы онъ и привелъ ихъ, то, вѣроятно, затруднился бы, на основаніи того, что объ этихъ общественныхъ явленіяхъ повѣствуется въ первыхъ главахъ «Бытія», заключить, что таковыми они были въ началѣ всякаго «бытія». Такое явленіе, какъ переходъ мужа въ семью своей жены, «прильщеніе» къ женѣ, имѣетъ мѣсто при очень сложномъ порядкѣ вещей. Первоначальная вражда различныхъ общинъ уже успѣла улетѣть, начинать относиться болѣе безразлично къ «своему» и «чужому»: къ «своимъ» холодно, къ «чужимъ» дружелюбно. И вотъ тогда-то приобрѣтеніе жены посредствомъ личнаго труда и работы въ семьѣ родичей своей жены, «прильщеніе» къ женѣ, къ семьѣ своей жены, включеніе въ составъ семейно-рабочей артели, съ одной стороны, и ассимилированіе ею чужеродца—съ другой представляется возможнымъ и необходимымъ. Такія явленія дѣйствительно соверша-

ются, но въ очень позднія времена и на очень позднихъ ступеняхъ культуры, а отнюдь не въ тѣ первобытныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о господствѣ общиннаго брака. Наконецъ, въ третьихъ, если тотъ фактъ, о которомъ говоритъ г. Смирновъ, дѣйствительно столь «простъ», какъ онъ себѣ представляетъ его, то при господствѣ такого «простого» факта въ первобытныхъ обществахъ, при заурядности его, господство жены надъ мужемъ, «зависимость» мужа отъ жены сама собою разумѣется, по мнѣнію г. Смирнова. Гдѣ же тутъ подчиненность женщины «ранняго порядка» и какимъ образомъ мужъ можетъ держать ее «въ своей волѣ»? Нѣтъ, г. Смирновъ, такъ «разсуждать» нельзя! Нельзя также, замѣтимъ мимоходомъ, такъ выражаться по русски, какъ это дѣлаетъ въ книжкѣ мѣстахъ г. Смирновъ.

Въ той безбрежной пустынѣ, которую представляетъ собою современная русская книжная литература, какъ-то совѣстно встрѣчать непривѣтливо новую книгу, если она представляетъ хоть какія-нибудь достоинства. При той полнѣйшей «эманципаци» отъ книгъ серьезнаго содержанія нашей такъ называемой культурной публики, старой и молодой, печатаніе серьезной книги въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приноситъ какія-либо выгоды. Переидать людей, рѣшающихся на «безкорыстное» служеніе обществу, если они чѣмъ-нибудь дѣйствительно служатъ ему, опять-таки не приходится. Мы желали бы поэтому, чтобы г. Смирновъ принялъ наши замѣчанія не въ укоръ, а въ видѣ доброжелательнаго совѣта устранить тѣ недостатки его работы, на которые мы указали и нѣкоторые другіе, о которыхъ мы, по недостатку отведеннаго намъ мѣста, не считаемъ возможнымъ распространяться. Той области науки, куда относится и послѣдованіе г. Смирнова—сравнительной исторіи культуры—принадлежитъ будущность. Установленіе «законовъ» развитія общественныхъ явленій возможно только на основаніи изученія массы сравнительныхъ данныхъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Всякій новый работникъ на этомъ обширномъ полѣ есть, слѣдовательно, гость желанный. Необходимо только, чтобы онъ пронесся важностью той задачи, которая лежитъ на немъ, чтобы онъ не работалъ спуста рукава. Въ этомъ заключаются нашъ совѣтъ г. Смирнову и наши требованія отъ него.

Литературнаѣ, музыкальная и художественная собственность. Томъ I. Исслѣдованіе И. Табашникова. Спб. 1878 г.

Г. Табашниковъ возмущается и крайне негодуетъ противъ «страннаго отношенія» къ литературной собственности «всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ государствъ» (стр. 3). Эта странность заключается въ томъ, что всѣ они признаютъ за авторами и ихъ наследниками только право «срочнаго» пользованія доходами съ литературныхъ трудовъ, а не «вѣковѣчное» право собственности, со всѣми его послѣдствіями. Такъ, не прусскому закону 1837 года, авторы въ теченіе всей жизни, а на-

слѣдствии въ теченіе 30 лѣтъ послѣ смерти автора пользовались этимъ правомъ (296, 300). Такой же срокъ пользованія опредѣленъ въ 1854 году во Франціи (324). Статутъ королевы Викторіи 1842 года постановляетъ, что право литературной собственности «имѣеть продолжаться въ теченіе всей жизни автора и послѣ его смерти въ теченіе 7 лѣтъ. Но если этотъ семилѣтній срокъ истечетъ прежде, чѣмъ исполнится 42 года со времени перваго изданія, то право собственности продолжается до конца этого періода» (343). Въ Россіи, по прежнимъ законамъ (1828 и 1830 годовъ), право пользованія признаемо за авторомъ въ теченіе всей жизни и за наследниками послѣ его смерти въ теченіе 25 (законъ 1828 г.) и 35 лѣтъ (законъ 1830 г.). По закону 1857 г. послѣдній срокъ замѣненъ 50-ти-лѣтнимъ (345, 346, 348, 349, 350).

Но этого мало. Нетолько всѣ «цивилизованныя» государства, въ числу которыхъ г. Табашниковъ причисляетъ и Россію, такими «странными» образомъ относятся къ литературной собственности, но и большинство ученыхъ и литераторовъ пренебрегли своими собственными литературными произведеніями и ограничиваются однимъ только «срочнымъ правомъ пользованія». *Всѣ, безъ исключенія, доводы этихъ почтенныхъ ученыхъ и литераторовъ въ пользу срочности литературной собственности г. Табашниковъ третируетъ слѣдующимъ образомъ.* Одни изъ нихъ не выдерживаютъ «даже снисходительной критики» (57), другіе не могутъ «выдержать даже снисходительной критики, не говоря уже о строгой» (стр. 79), третьи «построены на пескѣ» (84, 60) и болѣе приличествуютъ «адвокату, говорящему съ трибуны, чѣмъ ученому» (60). Наконецъ, есть еще доводы, которые г. Табашниковъ приравниваетъ къ «мыльному пузырю» (85). Г. Табашниковъ этими характеристиками не ограничивается и даетъ еще общую характеристику писателей, отстаивающихъ срочность литературной собственности. Эти писатели, говоритъ онъ (18—19) «создаютъ нѣчто химерическое, нѣчто совершенно лишенное твердой почвы и блуждающее въ обширной области гражданскаго права, не зная, гдѣ пріютиться».

Французскій писатель Ренуаръ приводитъ слѣдующій «построенный на пескѣ» доводъ противъ приравниванія литературной собственности къ частной собственности вообще. «Писатель, говоритъ онъ:—даже самый оригинальный, есть продуктъ своего и предшествующихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и своего собственного гениа. Общее достоинство доставило ему элементы разработанныхъ имъ идей;... возвращая ихъ цивилизаціи, отъ которой онъ ихъ получилъ, онъ выполняетъ свою обязанность предъ человѣчествомъ и платитъ своимъ современникамъ и потомству долгъ признательности, которую онъ обязанъ своимъ современникамъ и предкамъ» (59). Признавая этотъ аргументъ въ пользу срочности литературной собственности «декламаціей, болѣе приличествующей адвокату» и т. д., г. Та-

Табашниковъ обращается въ Ренуару съ слѣдующимъ вопросомъ (60): «Развѣ тѣ средства и орудія, которыми пользуются ремесленники, земледѣльцы, промышленники при своихъ специальныхъ занятіяхъ, не суть продукты умственной дѣятельности предшествующихъ поколѣній? Развѣ соха, плугъ, борова, топоръ, рубанокъ, долото, бухгалтерія, пароходъ, желѣзная дорога, и т. п. вновь изобрѣтаются каждымъ изъ этихъ 'лицъ'?.. Но кто же, восклицаетъ въ заключеніе г. Табашниковъ:—рѣшится?» и т. д. Пойдите, г. Табашниковъ. Вамъ самимъ, вѣроятно, извѣстно, что «рѣшаются» очень многіе. Значить, каковъ же это аргументъ: «что рѣшится»?

Надо сказать правду, г. Табашниковъ занимается, очевидно, не созданіемъ безпредѣльной литературной собственности, а теоретическимъ разрушеніемъ «безпредѣльности» и неограниченности частной собственности вообще и занимается весьма успѣшно. Онъ подвѣивается подъ частную собственность самымъ ехиднымъ образомъ. Тотъ же Ренуаръ говорить, напримѣръ, что переходъ литературной собственности въ безсрочное пользованіе наследниковъ автора имѣлъ бы своимъ результатомъ бессрочное и безпредѣльное поощреніе праздности дѣтей въ ущербъ всего общества (65). А г. Табашниковъ ему: «Нужно быть послѣдовательнымъ, нужно признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что къ тѣмъ же результатамъ приводитъ преемственный переходъ въ одномъ и томъ же родѣ вотчинъ, помѣстій и другихъ недвижимостей (о движимостяхъ г. Табашниковъ забылъ). Слѣдовательно, Ренуару нужно было бы сказать, что потомственная собственность не только на сочиненія, но и на всякія другія вещи вредно отзывалась на интересахъ общества и поощряетъ ту неадекватность людей, получившихъ эти вещи путемъ наследства» (65). Вы видите, что г. Табашниковъ не создаетъ, а разрушаетъ, и разрушаетъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, даромъ, что онъ прикидывается защитникомъ частной собственности. Тотъ же Ренуаръ утверждаетъ, что установленіе за наследниками вѣчной монополіи на книги «повлекло бы за собою вѣчную дороговизну книгъ, что было бы незначительнымъ зломъ». Г. Табашниковъ побиваетъ его слѣдующимъ образомъ. «Еще большее зло, говорить онъ:—прогрессивно возрастающая дороговизна квартиръ; благо общества требуетъ, чтобы причина такого вздорожанія была уничтожена; но она ближайшимъ образомъ кроется въ вѣчномъ правѣ собственности домохозяевъ на ихъ дома; отсюда, придерживаясь логики Ренуара, слѣдуетъ заключить, что это право по истеченіи извѣстнаго срока необходимо отнять у домохозяевъ и предоставить ихъ дома общему пользованію. Вотъ къ какому *рогатому* (!) заключенію, обращиваетъ г. Табашниковъ, приводитъ теорія Ренуара и его послѣдователей» (88). Къ этому онъ присовокупляетъ, что отъ подобнаго соображенія съ благомъ общества «само общество было бы распатано въ своихъ основаніяхъ» (89). Не угодно ли вамъ

будеть, г. Табашниковъ, прочесть слѣдующее въ учебникѣ политической экономіи профессора берлинскаго университета А. Вагнера. «Съ точки зрѣнія народно-хозяйственнаго распределенія и съ социально-политической точки зрѣнія, необходимо произнести рѣшительно неблагоприятный приговоръ надъ частною собственностью относительно домовъ и земель въ городахъ, сравнительно болѣе неблагоприятный, чѣмъ надъ каменъ-либо другимъ видою поземельной собственности». Вадорожаніе квартиръ при частной собственности, въ свою очередь, по мнѣнію Вагнера, не говоритъ въ пользу этой формы собственности. (Van Wagner. Lehrbuch der politischen Oekonomie. Leipzig. 1876. I (Auf. 2) S. 667). Въ виду этихъ соображеній Вагнеръ находитъ возможнымъ «устраненіе частной городской собственности, экспропрированіе домовладѣльцевъ и установленіе общественной собственности на земли и дома, съ правомъ срочнаго пользованія квартирами для частныхъ лицъ, причемъ дальнѣйшая постройка домовъ должна производиться на общественный счетъ». (Ibid. 3. 669).

Г. Табашниковъ, конечно, не знаетъ, что «неограниченность» частной собственности вообще, «безсрочность» пользованія предметами матеріальнаго міра выработалась исторически, что нѣкогда и земли, и дома повсюду находились въ «срочномъ» пользованіи, что литературная собственность, со времени своего возникновенія, проходитъ тѣ же фазисы развитія, какія проходила въ теченіи продолжительнаго времени частная собственность вообще. Онъ не соображаетъ также того, что современники не хотятъ сознательно лѣзть въ хомутъ, въ который отчасти *безсознательно* попали предки, что трудно *устранить* вредныя учрежденія и весьма легко не заводить вновь таковыхъ. Всего этого онъ не знаетъ и не соображаетъ. «Законодательство, твердитъ г. Табашниковъ:—обязано озаботиться, чтобы... право собственности было ограждено отъ насилія и произвольныхъ ограниченій со стороны третьихъ лицъ. Вотъ точка, отъ которой должно отправляться всякое разумное законодательство въ разсматриваемомъ институтѣ, а отнюдь не какое-то неопредѣленное, тагучее, эластичное и капризное благо общества» (89). Намъ приходится измѣнить теперь наше мнѣніе о г. Табашниковѣ. Литературной собственности онъ, конечно, не создаетъ, но онъ и не разрушаетъ частной собственности. Онъ, во-первыхъ, наивный человѣкъ, такъ какъ, отстаивая «безсрочность» литературной собственности, онъ поражаетъ, самъ того не вѣдая и не сознавая, безсрочность частной собственности вообще. Во-вторыхъ, онъ весьма мало знающій человѣкъ, и, въ-третьихъ, онъ весьма безцеремонный человѣкъ.

Г. Табашниковъ, «блуждающій по обширной области гражданскаго права, не зная, гдѣ пріютиться», читаетъ преднику ученымъ за то, что они не добиваются «безсрочности» литературной собственности, дѣлаетъ имъ внушенія объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Онъ говоритъ имъ, что «ученые получаютъ

невозможность открывать истину», которую «современное или человеческое не всегда умѣетъ понять и надлежаще оцѣнить». Тѣмъ же мѣнѣе, продолжаетъ онъ:—истинные ученые не стращаются такого отношенія къ нимъ человечества и неуклонно идутъ по своему надлежащему пути. Но тотъ, кто поддается давлению современной жизни и готовъ во всякъ ея явленіяхъ видѣть выраженіе вѣчной правды и санкціять ихъ, какъ таковыя, тотъ не истинный ученый, а дилетантъ науки» (7). Эта фраза, какъ намъ кажется, окончательно подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о г. Табашниковѣ, т. е. что онъ и безвременный и мало знающій и совсѣмъ наивный человекъ.

Съ «литературною, музыкальною и художественною собственностью» подъ кышью, г. Табашниковъ отправляется, очевидно, въ храмъ науки, для того, чтобы добиться тамъ казюды. Что его тамъ ждетъ, намъ неизвѣстно. Но что его книга не имѣетъ ровно никакого научнаго значенія и годится только для справокъ насчетъ законовъ и мнѣній разныхъ умныхъ и глупыхъ людей о литературной собственности—это для насъ совершенно ясно.

Подписьмихъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества *А. Н. Плещеева*. Спб. 1878.

Трудно быть въ наше время поэтомъ. Проза заняла первенствующее положеніе и въ жизни и въ литературѣ, и гдѣ прежде съ бушудонами сражались цари, тамъ въ наши времена живутъ чоботари. Не въ томъ дѣло, что современная дѣйствительность не даетъ поэту мотивовъ и тѣмъ, что, какъ жаловался Лермонтовъ, «Востокъ и Югъ давно описаны, воспѣты, толпу бранили всѣ поэты», а въ томъ, что современному поэту, въ самомъ дѣлѣ, надо обладать не только исключительно впечатлительными, но и исключительно крѣпкими нервами.

Волю дамъ лирическимъ корисамъ,

Изобидешъ слезами въ наши дни,

писалъ умрающій Некрасовъ и эти слова не были пустыми словами. А съ другой стороны, не лишено значенія и то обстоятельство, что, какъ говорить г. Плещеевъ въ своей книжкѣ:

На сердцѣ заботы, какъ свинець, лежать,

Полевою пѣснью не пойдетъ на ладъ (28).

Конечно, ладъ ладу рознь. Собственно говоря, техническая сторона поэтическаго искусства усовершенствовалась и вмѣстѣ съ тѣмъ упростилась на столько, что теперь грамотному человѣку, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе выучиться шить сапоги, нежели писать совершенно «ладныя» стихотворенія. Но то-то и горе, что платѣе еще не дѣлаетъ монаха. Въ любой книжкѣ любого журнала можно найти очень хорошо спитые стихи, но надо стоять на одномъ уровнѣ развитія съ поручикомъ Пероговымъ. чтобы восхищаться тѣмъ, что они «на диво стачены». Такимъ образомъ, если у насъ и есть не мало, напримѣръ, таквихъ счастливицевъ, у которыхъ «на сердцѣ, какъ свинець, лежать» един-

«стенная «забота» не опоздать, сообразно съ сезономъ, доложить читателю въ совершенно ладныхъ стихахъ, что «вотъ пришла, вотъ пришла золотая!», «вотъ идетъ, приближается красное!», «на-двигается осень—кап! кап!», «подступаетъ зима—брь! бры! бры!» или какъ-то эдакъ, то вѣдь это не значить, что у насъ поэтовъ также много, какъ сапожниковъ, а значить только, что у насъ много поэтовъ, напоминающихъ сапожниковъ.

Если въ наше время трудно быть поэтомъ вообще, вслѣдствіе известныхъ особенностей нашей эпохи, то писать стихи «для дѣтей и юношества», едва ли еще не труднѣе, даже помимо какихъ бы то ни было временныхъ и переходящихъ условий. Г. Плещеевъ очевидно, понималъ эту трудность и если не устранилъ, то довольно удачно обошелъ ее. Вообще говоря, онъ остался въ своей книжкѣ самимъ собою—тѣмъ же задушевнымъ и искреннимъ лирикомъ, какимъ мы давно привыкли видѣть его—но *мотивы* его лиризма на этотъ разъ значительно видоизмѣнены имъ, въ виду специальныхъ потребностей его новой аудиторіи. Это очень естественно и совершенно резонно. Для насъ были понятны и сочувственны, напримѣръ, горькія сѣтованія поэта на то, что его «казнить палачъ неумолимый—совѣсть», что онъ «въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ чтаетъ погибшей жизни порѣсть» и т. п. Мы понимаемъ теоретически и знаемъ по опыту тѣ общія причины, которыя привели его къ этому самобичеванію. Эти изліянія—наши собственные чувства и наша собственная исповѣдь—въ большей или меньшей степени. Но, очевидно, ничего, кромѣ недоумѣнія они не могли бы возбудить въ тѣхъ, кто еще не вкусилъ отъ горькаго плода познанія добра и зла жизни. Вотъ почему, въ книжкѣ г. Плещеева господствуетъ—если только философскую терминологию позволительно примѣнять къ произведеніямъ поэзіи—индуктивный методъ. Авторъ даетъ факты, картины—веселыя или мрачныя, радостныя или грустныя—въ перемежку, какъ онѣ чередуются и въ дѣйствительности, причемъ, однако же, общій колоритъ всѣхъ этихъ картинъ, то свѣжее, теплое и нѣсколько naive чувство, которое вообще такъ свойственно поэзіи г. Плещеева, остается вездѣ неизмѣннымъ. Это качество—искренность и задушевность лиризма—необходимое вообще для каждаго поэта, въ особенности драгоценно въ той средѣ, гдѣ самостоятельность мысли возникаетъ и развивается главнымъ образомъ вслѣдствіе воздѣйствія на непосредственное чувство. Дѣло известное, мысль ребенка можно разбудить прежде всего конкретными и живыми образами и г. Плещеевъ дѣлаетъ это, можно сказать, вдвойнѣ—во-первыхъ, давая непосредственно описательныя бытовыя изображенія; во-вторыхъ, какъ лирикъ, онъ, такъ сказать, инсинуируетъ читателю свои собственные чувства, тѣ впечатлѣнія, которыя возбуждаются въ немъ самою этими картинами. При всемъ томъ, г. Плещеевъ вовсе не изображаетъ собою лирическаго соловья, который, усѣвшись на свою вѣточку и вѣршицу замуравшись, высвистываетъ свои трели, не

руководствуясь ничѣмъ, кромѣ желанія прочистить себѣ горло. Въ его стихахъ есть регулирующая тенденція — пусть читатель не пугается этого «страшнаго» слова. Тенденція г. Плещеева опирается на ту почву общихъ понятій о злѣ и добрѣ, о ложномъ и истинномъ, которая нейтральна и обязательна вообще для всѣхъ людей безъ различія. Это, если угодно, не столько тенденція, сколько мораль, но не та мораль прописей о вредѣ правды и т. п., которая своею безспорностью и добродѣтельностью наводитъ сонъ на старыхъ и малыхъ, а та, которая есть ничто иное, какъ нравственный законъ чловѣка. Въ роли морализатора г. Плещеевъ всегда остается поэтомъ: онъ морализируетъ образами, отнюдь не искажая ихъ и даже не распадавая предумышленно свѣтотѣней, а просто, въ процессѣ передачи, невольно согрѣвая ихъ своимъ собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Онъ неравнодушенъ къ тѣмъ картинамъ, которыя рисуетъ, онъ самъ исповѣдуетъ то, чему наставляетъ и въ этомъ его сила, въ этомъ секретъ его задушевности.

Въ книжкѣ г. Плещеева болѣе сорока стихотвореній, изъ которыхъ, приблизительно, половина оригинальныхъ, другая половина — переводныхъ. Наши предыдущія общія замѣчанія о характерѣ книжки г. Плещеева относились, главнымъ образомъ, къ стихотвореніямъ первой категоріи — къ оригинальнымъ. Лучшимъ изъ нихъ «Родина» (88), «На берегу» (32), «Зимній вечеръ» (36), «Житейское» (51), «Изъ жизни» (69) и пр. Что касается до переводныхъ пьесъ (изъ Соути, Теннисона, Гюго, Деруледа, Гамерлинга, Гейне и пр., и пр.), то, судя по пьесѣ Деруледа «Le bon gîte», въ которой переданъ совершенно точно только первый куплетъ, остальные же болѣе или менѣе видоизмѣнены, переводы г. Плещеева скорѣе передѣлки, чѣмъ собственно переводы. Но не въ томъ, однако же, дѣло, хотя и не лишнее замѣтить, что духъ, внутренней смыслъ стихотворенія Деруледа несколько не пострадалъ отъ не вполне точной передачи внѣшней формы. Важно то, что выборъ пьесъ произведенъ г. Плещеевымъ очень тщательно и, какъ ни разнохарактерны поэты, произведеніями которыхъ онъ пользовался, всѣ они, при полномъ сохраненіи своей индивидуальности, бытъ въ одну и ту же точку, производятъ одно и тоже общее впечатлѣніе. Даже Гейне (21), вѣроятно, къ своему собственному удивленію, оказался очень милымъ, очень добродушнымъ и покладистымъ дѣтскимъ собесѣдникомъ. Нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній, несмотря на свою простодушную форму, заключаютъ въ себѣ очень серьезную мысль, до которой не доросли еще многіе изъ нашихъ взрослыхъ пишущихъ и политизирующихъ дѣтей. Таково, напримеръ, стихотвореніе Соути «Бленгеймскій бой». Какъ на единственное исключеніе, можно указать на «Легенду», переведенную г. Плещеевымъ съ англійскаго. Мысль этой аллегорической «Легенды» темна, неопредѣлена и способна ввести въ недоумѣніе. Эта «Легенда» — не то обыкновенное «жалкое слово»

на блгу и неблгу таму, въ поэтическомъ отношеніи, правда, благодарную, но положительно нездоровую; не то — просто надѣіе фанатическаго ханжества, отъ котораго избави Богъ и взрослыхъ и дѣтей. Уже если говорить съ дѣтьми притчами, то необходимо, чтобы нравственный смыслъ этихъ притчей былъ ясенъ и недвусмысленъ.

Новая русская энциклопедія, издаваемая А. О. Жолкѣвичемъ. Томъ I. А. Спб. 1878.

Г. Жолкѣвичъ чрезвычайно любитъ свое отечество. Онъ «не полагаетъ довольно значительныхъ издержекъ, простирающихся на все изданіе до 50,000 р. с., чтобы доказать на дѣлѣ, что и у насъ, въ Россіи, пришла наконецъ пора имѣть общедоступную по цѣнѣ и необходимую для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка книгу-библіотеку», то есть, по просту говоря, энциклопедическій словарь. Конечно, возлагая на алтарь отечества 50,000, г. Жолкѣвичъ желаетъ получить ихъ съ теченіемъ времени обратно съ процентами. Это совершенно естественно. Но парштанство г. Жолкѣвича или, по крайней мѣрѣ, предпринятаго имъ изданія даже не естественно. Жестоко обирая злополучный, но прекрасный «Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (1861—63), котораго вышло всего шесть томовъ, г. Жолкѣвичъ пользуется имъ, однако, крайне своеобразно. Пусть, напримѣръ, читатель сравнитъ статью «Аахенскій конгрессъ» въ обоихъ словаряхъ. Онъ увидитъ, что г. Жолкѣвичъ просто переписалъ статью «Энциклопедическаго словаря», кое-какія строки въ ней, неизвѣстно для чего, выпустивъ и кое-гдѣ переставивъ слова, весьма, впрочемъ, не хитрымъ образомъ. Такъ въ «Словарѣ» написано: «рѣшеніе дѣла о французскихъ вѣрностяхъ было главною задачею аахенскаго конгресса», а въ «Новой энциклопедіи» сказано: «главною задачею аахенскаго конгресса было рѣшеніе дѣла о французскихъ вѣрностяхъ». И т. п. Но въ подобныхъ заимствованіяхъ, весьма, конечно, выгодныхъ для г. Жолкѣвича, читатель все-таки, по крайней мѣрѣ, не остается въ прямомъ убыткѣ. Г. Жолкѣвичъ дѣлаетъ и хуже. Какъ истинный «патріотъ своего отечества», презирающій корыстныя поползновенія и стремящійся лишь къ благу родины, онъ предпочитаетъ оставить ее во блаженномъ невѣдѣніи относительно словъ «ажіо», «ажіотажъ» и не выписываетъ ихъ значенія ни изъ «Энциклопедическаго словаря», ни изъ какой другой книги. Бываетъ и еще хуже. Въ «Энциклопедическомъ словарѣ» слово «агрегатъ» имѣетъ слѣдующее объясненіе: «Въ химіи и минералогіи называется такъ всякое тѣло, состоящее изъ разнородныхъ, соединенныхъ между собою частей; такъ напр. гранитъ есть агрегатъ изъ кварца, полеваго шпата и слюды». Г. Жолкѣвичъ пожелалъ быть самостоятельнымъ и утверждаетъ, что агрегатомъ называется механическое соединеніе крупныхъ обломковъ разнородныхъ минераловъ, связанныхъ между собою какимъ нибудь веществомъ». «Энци-

*

«Энциклопедическій словарь» вышелъ 15—17 лѣтъ тому назадъ, да и то онъ говоритъ о значеніи агрегата въ химіи и минералогіи, а г. Жолѣвичъ довольствуется минералогіей. Но со времени изданія «Энциклопедическаго словаря» слово агрегатъ получило такое общее значеніе, что владѣлец *новой* энциклопедіи окажется въ крайнемъ недоумѣніи, прочитавъ что нибудь объ органическихъ агрегатахъ, общественныхъ агрегатахъ, агрегатномъ состояніи вообще и т. п. Другого рода курьезъ вышелъ у г. Жолѣвича со словомъ «адвокатъ». По обыкновенію, онъ выписалъ соотвѣтственную статью изъ «Энциклопедическаго словаря», но обработалъ ее слѣдующимъ образомъ. Словарь говоритъ: «Извѣстный французскій юристъ Дюпенъ выражаетъ въ слѣдующихъ сильныхъ словахъ необходимость права судебной защиты». Дальше идетъ обширная цитата изъ Дюпена. Г. Жолѣвичъ списываетъ и ее (опять съ нелѣпыми выпусками и перестановками словъ), но при этомъ не уведомляетъ читателя, что «сильныя слова» принадлежатъ французскому юристу Дюпену, а отнюдь не русскому патриоту своего отечества Жолѣвичу. Вообще скривизны разсыпаны по всей «Новой русской энциклопедіи». Раскрываете вы, напримѣръ, страницу 65 и читаете: «*Академія наукъ*—важнѣйшая изъ португальскихъ академій, учреждена королевою Маріей въ 1799 г.» и т. д. Что за чудеса! Неужто академія наукъ есть исключительная принадлежность Португаліи? Нѣтъ, благополучно миновать «академію медицинскую, парижскую», «академію музыки», «академію надписей и словесности», вы добираетесь, наконецъ, опять до «академіи наукъ»—парижской. Затѣмъ слѣдуютъ «академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ», «академія французская», «академія французской промышленности» и т. д., и т. д. и, наконецъ, опять «академія наукъ»—стокгольмская. Читатель понимаетъ, насколько столь нелѣпое расположеніе удобно для справокъ.

Что касается до граматности г. Жолѣвича, когда онъ уклоняется отъ своихъ предшественниковъ, то вотъ два образчика. Мы узнаемъ изъ «Новой русской энциклопедіи», что Альбертъ Великій «составлялъ уже гипотезы о половыхъ органахъ, на которые только въ новѣйшее время обращено вниманіе» (453) Узнаемъ также, что «мнѣнія объ артистическомъ талантѣ А(?)лдриджа различны; одни находили въ немъ необыкновенный талантъ въ представленіи человѣческихъ страстей, другіе же признавали въ немъ чистаго натуралиста, которому удаются только страстные роли» (480).

Если къ этому прибавить, что «Новая русская энциклопедія» не снабжена даже оглавленіемъ, то жертва, возложенная г. Жолѣвичемъ на алтарь отечества, вполне выяснится какъ со стороны добросовѣстности издателя, такъ и со стороны удобства читателей.

ПО ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ НАДѢЛАХЪ.

Въ Апрельской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», г. Костычевъ, въ статьѣ своей «Крестьянскіе надѣлы и крестьянское хозяйство», написанной по поводу отвѣта князя Васильчикова рецензентамъ его сочиненія «Землевладѣніе и Земледѣліе», критикуетъ, между прочимъ, изъ этой послѣдней статьи приведенный въ ней расчетъ, сколько крестьянинъ Тамбовской губерніи можетъ обработать десятины—расчетъ, ошибочно приписанный мнѣ. Подобнаго расчета нѣтъ ни въ одной изъ моихъ работъ, и ссылка на меня оказывается невѣрной. Считаю необходимымъ просить Редакцію помѣстить эту замѣтку, тѣмъ болѣе, что я совершенно согласенъ съ г. Костычевымъ, какъ относительно невѣрности самаго расчета, такъ особенно относительно невѣрности вывода, который изъ него дѣлается, будто бы крестьяне Тамбовской губерніи не въ состояніи обработать болѣе 4 хъ десятины на душу.

Напротивъ, расчетъ, который дѣлаетъ затѣмъ самъ г. Костычевъ, долженъ быть близокъ къ истинѣ, потому что подтверждается и при другомъ приемѣ исчисления, именно посредствомъ дѣленія числа обрабатываемыхъ въ Тамбовской губерніи земель на число наличныхъ работниковъ. Въ Тамбовской губерніи, въ концѣ 60 хъ годовъ, считалось до 4,350 т. дес. пашень и сѣнокосовъ, а вмѣстѣ съ усадебной и выгонной землею около 4,600 т. десятины.¹ Приблизительная вѣрность этихъ цифръ подтверждается официальными данными о посѣвѣ хлѣба за пятилѣтіе 1870—1874 г. По этимъ даннымъ, въ Тамбовской губерніи засѣвается въ двухъ поляхъ (кромя картофеля) около 2,400 т. десятины², такъ что общее количество пахатныхъ полей (3,600

¹ Вильсонъ. «Объясненія къ хоз. стат. атласу Европ. Россіи», стр. 42.

Пашни считалось	3,600 т. д.
Сѣнокосовъ	750 » »
Усадебной, выгонной и неудобной	639 » »

(Для усадебной и выгонной земли мы беремъ, какъ minimum, 250 т. д.).

Лѣсу	1,069 » »
----------------	-----------

² Засѣвается ржи 1,238 т. четв.

» овсяницы	102 » »
----------------------	---------

т. д.) сходится съ прежними данными о размѣрахъ угодій. Число наличныхъ работниковъ въ сельскомъ податномъ населеніи считается въ Тамбовской губерніи до 433,250 человекъ¹; число работниковъ во дворѣ 1,7. Такимъ образомъ на каждого работника въ губерніи приходится угодій:

пашни	8,31 дес.
всей эксплуатируемой удобной земли (не считая лѣса)	10,31 >
а на дворѣ въ 1,7 работниковъ:	
пашни	14,13 >
всей эксплуатируемой земли (кромя лѣса)	18,04 >

Если же мы примемъ въ соображеніе, что не всѣ наличныя рабочія силы принимаютъ участіе въ полевыхъ работахъ, потому что многіе отвлекаются наймомъ въ прислугу, исполняемъ разныхъ служебныхъ должностей и т. п., что затѣмъ изъ Тамбовской губерніи уходятъ довольно много крестьянъ въ заработки въ другія губерніи, между тѣмъ какъ въ нее сельскіе работники почти не приходятъ, то, полагая на всѣ эти категоріи не участвующихъ въ работахъ только 15% всего рабочаго населенія, получимъ, что остающіеся дома работники обрабатываютъ каждый, въ среднемъ по губерніи:

пашни не менѣе	9,77 дес. ²
всей эксплуатируемой земли (кромя лѣса) не менѣе	12,48 >

По этому разсчету выходитъ, что средній дворъ (въ 1,7 работниковъ) въ состояніи эксплуатировать участокъ земли въ 21,32 дес

> овса	1,286 > >
> ячменя	15 > >
> гречихи	210 > >
> проч. хлѣбовъ	168 > >

Считая средней посѣвъ на десятину: для овса въ 2 четверти, для ржи и проч. хлѣбовъ по 1 четверти (въ западныхъ уѣздахъ больше, въ юго-восточныхъ меньше), получаемъ:

подъ посѣвомъ ржи	1,288 т. дес.
> > пшеницы	102 > >
> > овса	618 > >
> > ячменя	15 > >
> > гречихи	210 > >
> > проч. хлѣбовъ	168 > >

Итого 2,401 > >

Слѣдовательно въ 3-хъ поляхъ 3.600 т. д, не считая посѣвовъ картофеля.

¹ «Труды Под. Ком.», т. XXII, ч. III, Отд. I, стр. 363. (Число работниковъ въ Тамб. губ. считается въ 55% всего населенія. Тамъ же).

² Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится обрабатывать и гораздо болѣе; мы знаемъ одну волость въ Курской губерніи, гдѣ каждый работникъ вынужденъ обрабатывать 14 дес. пашни въ двухъ поляхъ, т. е. 21 дес. въ 3-хъ поляхъ. («Хлѣбная торг. въ центр. районѣ Россіи». Часть II. стр. 241 и 242 (17 и 18))

(въ томъ числѣ наши 16,61 дес. въ 3-хъ поляхъ), а выѣтъ съ гнѣснымъ участкомъ до 25 десятинъ, что на ревизскую душу составляетъ около 8 десятинъ.

Мы думаемъ, что приемъ, употребленный нами для вычисления возможной обработки; есть наиболѣе удобный: какъ простое констатированіе существующихъ фактовъ, онъ едва ли можетъ вызвать какіе бы то ни было споры. Между тѣмъ, какъ учесть, сколько *можетъ* крестьянинъ обработать, часто вызываетъ подобные споры. Въ каждомъ данномъ случаѣ, на величину возможной обработки вліяетъ такъ много разнородныхъ причинъ, наши наблюденія надъ жизнью крестьянъ, знакомство наше съ ихъ бытомъ—такъ еще малы, къ тому же каждому изъ насъ, не живущихъ жизнью крестьянина, до того трудно стать въ его положеніе и вѣрно представить себѣ, что именно для крестьянина возможно и что невозможно, что всѣ наши расчеты будутъ болѣе или менѣе гадательны. Поэтому-то подобные расчеты, сдѣланные двумя разными лицами, всегда почти расходятся между собою и вызываютъ недоразумѣнія и споры; между тѣмъ, какъ простое констатированіе фактовъ говорить прямо само за себя.

Конечно, при недостаточной точности статистическихъ данныхъ, и сдѣланныя нами вычисленія не могутъ быть признаны вполне точными; конечные результаты должны быть нѣсколько выше, тѣмъ приведенные нами, особенно въ отношеніи пахатныхъ земель, такъ какъ количество ихъ и размѣры посѣвовъ, въ официальныхъ данныхъ, скорѣе уменьшены, тѣмъ преувеличены, но все же эти выводы (какъ средніе) должны быть довольно близки къ истинѣ.

Необходимо замѣтить, что при вычисленіи размѣровъ угодій, которыя можетъ эксплуатировать крестьянинъ, надо имѣть въ виду, что въ степной полосѣ съ залежнымъ хозяйствомъ и на сѣверѣ Россіи, гдѣ хлѣбъ не можетъ родиться безъ постоянного и сильнаго удобренія, а слѣдовательно нужно значительно больше сѣнокосовъ и выгоновъ, размѣры угодій должны быть больше, тѣмъ приведенные выше. Этими соображеніями и руководилось управленіе государственными имуществами въ 40-хъ годахъ, надѣляя новыхъ переселенцевъ: по сѣверной окраинѣ степной полосы 8 ми десятиннымъ, а въ самой степной полосѣ 15-ти десятиннымъ надѣломъ на душу. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, тѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ размѣры надѣловъ были больше¹. Притомъ, когда общество новыхъ переселенцевъ садилось впервые на новыя земли, ему всегда отводилось гораздо больше земли, тѣмъ слѣдовало по расчету, для того, чтобы дать ему приволье на первое время и возможность принимать въ свою среду новыхъ переселенцевъ. Эта система, основанная на началѣ общиннаго землевладѣнія и примѣняемая къ условіямъ тѣхъ мѣстностей, куда крестьяне переселялись, представляется и до сихъ

¹ См. «Обзоръ Гос. Им.» за 1858 г., стр. 680 и слѣд.

поръ самой лучшей изъ всѣхъ, какія намъ извѣстны. Система американской колонизации, на которую указываетъ ин. Васильчиковъ въ своей книгѣ, система—съ подворнымъ поселеніемъ и покупкою участковъ въ собственность,—при исконныхъ обычаяхъ и взглядахъ русскаго народа, при естественныхъ условіяхъ нашей страны, кажется намъ непримѣнимой и невозможной. Мы будемъ подробнѣе говорить, какъ объ этомъ предметѣ, такъ и о другихъ сторонахъ аграрнаго вопроса, въ отдѣльной статьѣ.

Теперь же возвратимся къ вопросу о размѣрѣхъ надѣловъ. — Богдартъ идетъ о достоинствѣ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, о значеніи, которое они имѣютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и объ отношеніи къ нимъ налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, особенно на крестьянахъ, бывшихъ помѣщичьихъ, здѣсь уже приходится прибѣгать къ совсѣмъ иной мѣркѣ. Эти надѣлы, въ общемъ, до того малы, особенно въ черноземной полосѣ, что сравнивать ихъ съ приведенными выше расчетами почти невозможно; часто дѣйствительный надѣлъ составляетъ менѣе $\frac{1}{10}$ того, что крестьянинъ можетъ обработать. Для характеристики и оцѣнки достоинства существующихъ надѣловъ приходится уже рассчитывать, могутъ ли эти надѣлы давать крестьянину хотя бы одинъ только хлѣбъ, не говоря уже объ удовольствіи другихъ потребностей и о налогахъ. Для этого приходится, по среднимъ урожаямъ, высчитывать, какой размѣръ надѣла можетъ дать крестьянину одни только средства существованія, т. е. пропитаніе и самый необходимый кормъ скоту. По сдѣланному нами расчету для Курской губерніи, такой надѣлъ долженъ быть не менѣе 4 десятинъ на душу¹; но даже и этотъ надѣлъ встрѣчается очень рѣдко у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во всей 3 хъ полной черноземной полосѣ; въ среднихъ же и западныхъ губерніяхъ этой полосы крестьяне имѣютъ (въ среднемъ по разнымъ губерніямъ) съ небольшимъ по 2 десятины (въ Полтавской даже 1.97 десятины)²; но очень многіе изъ крестьянъ получили 1½, 1 десятину и менѣе, не говоря уже о тѣхъ, которые получили даровой надѣлъ. Для губерній нечерноземныхъ (кроме губерній крайняго сѣвера) надѣломъ, могущимъ дать пропитаніе по тѣмъ же расчетамъ (т. е. по среднимъ урожаямъ), можетъ быть признано не менѣе 6—8 десятинъ на душу въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по плодородію почвы и качеству угодій. Большинство крестьянъ имѣетъ и здѣсь надѣлы значительно меньше этой нормы з. Ясно, что такимъ образомъ налоги на-

¹ «Хлѣбная Торговля въ Центральномъ районѣ Россіи». Часть II, стр. 238 (9) и слѣд.

² «Правит. Вѣст.» 14-го янв. 1878 г.

³ Цѣлая масса данныхъ о размѣрахъ надѣловъ, ихъ значеніи и отношеніи къ нимъ налоговъ помѣщена въ «Трудахъ Податной Комиссіи» и Приложеніи I къ докладу Комиссіи для изслѣдованія Сельскаго Хозяйства. Эти данныя тщательно выбраны, сгруппированы и вѣрно освѣщены въ трудѣ проф. Яасона (Опытъ стат. изслѣд. о крест. надѣлахъ и платежахъ).

даютъ почти всецѣло на трудъ крестьянъ, что и заявлено, какъ вѣдомо, почти всѣми земствами, высказано и правительственными комиссіями, занимавшимися въ послѣднее время изслѣдованіемъ этого вопроса.

В. Чаславскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Уставъ новаго уголовного судопроизводства, отнимающій у полиціи право сажать россійскихъ гражданъ въ кутузку собственной властію. — Игнорированіе этого устава россійскими Держимордами и прежнія безчестія и произволы полиціи при ватіи подъ стражу. — Необходимость какихъ-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для обузданія произвола полиціи и для огражденія свободы личности россійскихъ гражданъ. — Назначеніе комиссіи для изслѣдованія дѣйствій товарищества Горвица, Когана, Грегера. — Необходимость изслѣдованія дѣйствій разныхъ товариществъ по поставкѣ сухарей для арміи. — Дѣло о погонцахъ. — Неправильное отношеніе къ этому дѣлу гражданскихъ властей. — Капитанъ Одесскаго порта Вейсъ. — Необходимость строгаго слѣдствія и прекращенія суда подрядчиковъ и агентовъ по найму погонцевъ. — Опасность раззоренія, угрожающаго всей Россіи отъ обманныхъ условій, заключаемыхъ разными подрядчиками и нанятыми съ рабочими. — Почтеніе, оказываемое русскому мужику въ Семирѣченскомъ краѣ. — Письма студентки Некрасовой.

Гарантія свободы лица, неприкосновенности жилища отъ произвола и насилія различныхъ органовъ административно-полицейской власти есть одна изъ первыхъ основъ cadaго благоустроеннаго гражданскаго общества. У насъ самая мысль о необходимости такой гарантіи является очень поздно. Въ своей запискѣ къ проекту устава уголовного судопроизводства, графъ Блудовъ говоритъ, что до 1860 года, когда изданъ былъ наказъ судебнымъ слѣдователямъ, которымъ предписывалось «о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу составлять особые акты и въ тотъ же день, и не далѣе, какъ на другой день, представлять ихъ на утвержденіе суда» — до этого самаго времени «въ законѣ о судопроизводствѣ не были опредѣлены, даже не указаны случаи, въ конхъ слѣдователь въ правѣ взять подозрѣваемаго подъ стражу». Отъ этого власть полиціи во взятіи кого либо подъ стражу дѣлалась, по словамъ графа Блудова, «неограниченною», и, при составленіи новаго устава уголовного судопроизводства, обращено было все вниманіе на то, чтобы «предотвратить всякій въ этомъ отношеніи произволъ полиціи».

И дѣйствительно, новый уставъ уголовного судопроизводства сдѣлалъ, повидимому, все, чтобы положить конецъ полицейскому произ-

волу въ распоряженіи свободой личности. Этимъ уставомъ у полиціи совершенно отнимается право собственною властію «брать кого либо подъ стражу, кромѣ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, точно определенныхъ уставомъ». Къ такимъ чрезвычайнымъ случаямъ относятся происшествія, когда, по усмотрѣнію полиціи, производящей первоначальное дознаніе, оказывается вѣроятность, что тутъ совершены такіа преступленія или проступки, которые влекутъ за собою наказанія уголовныя или высшія исправительныя (т. е. каторгу, ссылку на поселеніе или заключеніе въ рабочемъ домѣ, арестантскихъ ротахъ, ссылку на житье въ Сибирскія и другія отдаленныя губернія съ лишеніемъ особенныхъ правъ и преимуществъ). Но и при такихъ происшествіяхъ право это предоставляется полиціи «преимущественно только тогда, когда она застигнетъ или усмотритъ преступника при самомъ совершеніи противузаконнаго дѣянія, или когда онъ обвиняется достойными вѣроятія очевидцами событія, или же когда подозрѣваемый покушается бѣжать или скрыться, или же по образу жизни не представляетъ ручательства въ неуклоненіи отъ слѣдствія и суда, т. е., не имѣетъ постоянного мѣстожительства или же извѣстнаго ремесла и промысла. За исключеніемъ сихъ случаевъ, полиція не вправе никого задерживать, но о имѣющемся противъ кого-нибудь подозрѣвіи должна немедленно сообщить слѣдователю. Всякаго задержаннаго полиція обязана, также *безъ замедленія*, представить въ слѣдователю подъ личною ея отвѣтственностію». Такъ что, по высочайше утвержденнымъ общимъ правиламъ новаго судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ, каждый «обвиняемый», подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ *непрерывно* въ теченіи сутокъ судебнымъ слѣдователемъ.

Судя по этому, казалось бы, что новымъ закономъ личность каждаго російскаго подданнаго вполне гарантирована противъ произвола полиціи, тѣмъ болѣе, что полиція во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ при первоначальномъ дознаніи преступленія поставлена въ полную зависимость не только отъ прокурора, но и отъ судебного слѣдователя, которому и должна немедленно давать знать о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ особенности же о вятіи подъ стражу, и который «имѣетъ право повѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенію ею первоначальному изслѣдованію».

Посмотримъ теперь, какъ эта свобода личности російскаго подданнаго, вполне огражденнаго закономъ отъ произвола полиціи, ограждена на практикѣ.

Въ видахъ привлеченія нашихъ старообрядцевъ къ православію, всѣмъ имъ было объявлено, что они имѣютъ право свободно и во всякое время пріѣзжать въ Москву, посѣщать здѣсь безпрепятственно всѣ древнія бібліотеки, кремлевскіе соборы, даже патріаршую ризницу, осматривать всѣ памятники древности, рукописи и т. п. Многіе изъ старообрядцевъ этины и пользовались, какъ свидѣтельствуетъ іеромонахъ Пафутій, об-

ратившія въ православіе изъ старообрядцевъ, и вмѣстѣ съ ними занимались въ Москвѣ разсмотрѣніемъ и изученіемъ древности. Въ нынѣшнюю войну, которая велась за освобожденіе единоплеченныхъ и единобрънныхъ намъ славянъ изъ подъ власти турокъ, въ старообрядцахъ пробудился, вѣроятно, особенный интересъ доподлинно разузнать: дѣйствительно ли наша церковь такъ свято чтить старую вѣру, какъ это показываетъ война, предпринятая, между прочимъ, за ея свободу? — Надобно имѣть въ виду при этомъ, что, по мнѣнію старообрядцевъ, только Россія, увлеченная патриархомъ Никономъ, удалилась отъ истиннаго православія, а что и въ Сербіи, и въ Болгаріи и въ Греціи древнее православіе сохраняется во всей чистотѣ. И вотъ, когда наши войска, одолѣвъ Шлеву, являются за Балканами, чтобы нанести рѣшительный ударъ врагу и освободить древнее, истинное православіе отъ гнета мусульманъ, старообрядцы являются толпами въ Москву, чтобы по памятникамъ древности еще разъ повѣрить: не ошибаются ли они, считая русскую церковь отступницею отъ древняго православія? — Можетъ быть, между ними состоялось даже тайное соглашеніе въ виду предстоящаго великаго торжества освобожденія православнаго востока, не раздирать болѣе церковнаго единенія, вступить снова въ нѣдра церкви, если, по новомъ тщательномъ разсмотрѣніи памятниковъ древности, окажется, что въ новыхъ отступленіяхъ отъ нихъ нѣтъ ничего существенно важнаго. И вдругъ, какой аффронтъ! Едва эти любители и изыскатели истинны успѣли въ числѣ 22 человекъ явиться въ Москву, какъ бдительная московская полиція немедленно всѣхъ ихъ захватила и отвела въ кутузку.

Иеромонахъ Пафнутіи такъ описываетъ это происшествіе («Русс. Миръ № 49):

«Еще разъ пришлось говорить печатно: *люди, ищущіе свѣта истинны, обрѣлись въ темницѣ*. Въ Москвѣ въ Рогожской части, 3 квартала, на Большой Алексѣевской улицѣ, 24 января 1878 года въ 10 часовъ вечера, показалась выходящая изъ одного дома весьма оригинальная толпа людей бородачей, въ длинныхъ крестьянскихъ шубахъ и мѣховыхъ овчинныхъ шапкахъ, окруженная полицейскими нижними чинами, подъ предводительствомъ квартальнаго надзирателя. Несмотря на ночное время, любопытныхъ зрителей набралось довольноное число. Когда придвинулась эта толпа къ мѣсту своего назначенія, т. е. къ мѣсту заключенія Рогожской части, тогда повяло стало, кто такіе эти арестованные люди. Они, входя въ грязную, зловонную темницу, всѣ до единого, снявши шапки, благоговѣнно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ по старообрядчески. А одинъ изъ нихъ, болѣе всѣхъ отличающійся лицомъ постыника (лѣтъ 30), при входѣ въ тюрьму, остановившись на мигу близъ ночнаго фонаря, якобы обвелъ братію свою со-узниковъ скромными своими глазами къ благоговѣнно перекрестившись, прошепелъ тихимъ голосомъ слѣдующія знаменательныя слова: *«идѣ бо вы имѣте свѣтъ твой возсіати, токмо на слѣдѣши во тмѣ, слава тебѣ»*. Такимъ-то святыми словами пріветствовали сами себя, вошедъ въ мрачную темницу, старообрядцы, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія. Зрѣлище умиленное, говорилъ одинъ изъ самовидцевъ

этого въ высшей степени поучительнаго события, и присовокупилъ еще, какъ она, душевно взволнованный, обратился въ эти минуты къ одному изъ полицейскихъ чиновъ, съ слѣдующимъ вопросомъ: «какимъ это вы бѣши-бушкомъ или черкесомъ замолонили? Ужъ не на преступной ли пропандѣ вы ихъ застали? Но развѣ правительству неизвѣстно, что преступная пропаганда въ старообрядческой средѣ не имѣетъ мѣста?» На такой простодушный вопросъ посторонняго зрителя, немедленно данъ былъ со стороны одного изъ полицейскихъ чиновъ не менѣе простодушный отвѣтъ: что «за этими оштрафованными мажками день и ночь полиція слѣдила; нужно было схватить одного старообрядскаго попа, а теперь, какъ видите, удалось захватить сразу *двадцать два попа*—и какъ-же ловко ихъ схватили! Они только что успѣли ужинать, а ихъ, голубчиковъ, и забрали по указанію какого-то анонимаго письма, присланнаго полицейскому начальству, того самаго письма, которое г. квартальный надиратель читалъ, когда тѣ еще сидѣли за ужиномъ: видите, полиція не станетъ понапрасну поднимать тревогу!»

Въ числѣ посаженныхъ въ кутузку ни одного, однако жъ, попа не оказалось, и на другой день половину посаженныхъ, т. е. 11 человекъ выпустили на свободу, а другую половину препроводили въ тюремный пересылный замокъ, вѣроятно, потому, что у нихъ не оказалось паспортовъ, хотя все это были лица вовсе не безвѣстныя, которыхъ можно бы было только изъ-за неимѣнія паспорта держать въ тюрьмѣ и отправлять по этапу. Двоимъ изъ Пафнугіи писать, что всѣ арестованные двадцать два человека до одинаго были «честные сельскіе крестьяне, старообрядцы безпоповцы по Филиппову согласію, большею частію Новгородской Губерніи», что «нѣкоторые изъ нихъ, въ качествѣ депутаціи, неоднократно нынѣшней зимой бывали у насъ въ Чудовѣ монастырѣ и въ синодальной библиотекѣ и вмѣстѣ со мною занимались обзорніемъ памятниковъ древности». При этомъ іеромонахъ Пафнугій замѣчаетъ, что если полиція искала дѣйствительно раскольничьяго попа, то она не имѣла никакого резону брать этихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, остановившихся въ домѣ всѣмъ извѣстнаго московскаго *безпоповца* А. П. О., на Большой Алексѣевской улицѣ, гдѣ эти мнимые попы были арестованы». Развѣ безпоповецъ могъ принимать у себя старообрядческихъ поповъ?

Замѣчательно, что на сценѣ является дѣйствующимъ лицомъ только полиція. Квартальный получаетъ анонимное письмо, и по анонимному письму идетъ и собственной властію немедленно беретъ подъ стражу двадцать сличномъ человекъ, хотя по уставу новаго уголовного судопроизводства не только квартальнымъ, но и чинамъ повыше его, и вообще всей полиціи указано, что «возымѣвъ противъ кого-ли подозрѣніе, полиція должна, не требуя его къ себѣ для объясненій, и не приводя къ допросу, посредствомъ подлежащихъ развѣдываній и собранія нужныхъ свѣдѣній, удостовѣриться въ основательности своего подозрѣнія и если въ томъ убѣдится, довести о семъ до свѣденія судебнаго слѣдователя. Ей самой запрещается брать кого либо подъ стражу, кромѣ лишь чрезвычайныхъ

случаевъ». Москва — не деревня. Тутъ на лицо и судебные слѣдователи, и прокуроры. Какимъ же образомъ квартальный позволяетъ себѣ собственною властію, здѣсь въ Москвѣ, брать подъ стражу ни въ чемъ неповинныхъ людей, единственно на основаніи анонимнаго письма, нелѣпость котораго видна была уже изъ того одного, что оно указывало укrywательство старообрядческихъ поповъ въ домѣ всѣмъ извѣстнаго безпоповца?

Ну, и что-жъ въ концѣ концовъ — прокуроръ потребовалъ объясненія отъ полиціи за незаконное взятіе подъ стражу 22 человекъ ни въ чемъ неповинныхъ? Предать квартальный, взявшій ихъ подъ стражу по собственному произволу, суду? — По моему мнѣнію, прокурорская власть должна преслѣдовать полицейскіе чины безъ всякой пощады и неупустительно каждый разъ, когда они произвольно подвергнуть взятію подъ стражу то или другое лицо, хотя бы на самое короткое время, ибо, выражаясь словами графа Блудова, «отъ взятія подъ стражу хотя бы на самое короткое время нетолько страдаетъ свобода и честь задержаннаго, но иногда зависить благосостояніе цѣлыхъ семействъ». Но необходимо нетолько преслѣдованіе, но и объявленіе объ этомъ во всеобщее свѣденіе, чтобы всѣ знали, что прилагается стараніе о томъ, чтобы оградить свободу личности всякаго, кто бы онъ ни былъ, отъ полицейскаго произвола. Въ данномъ случаѣ, это было тѣмъ болѣе необходимо, что безпричинный арестъ 22 хъ жителей и изыскателей истины произвелъ общій ропотъ въ средѣ старообрядцевъ и въ нѣкоторыхъ возбудилъ даже опасенія за собственную личность. «Вслѣдствіе этого прискорбнаго событія, пишетъ іеромонахъ Пафутій: — старообрядцы обращаются ко мнѣ съ вопросомъ о томъ: гдѣ же то обѣщаніе, которое на Кремлевской Площади публично возвѣщалось, что старообрядцы могутъ свободно и во всякое время посѣщать всѣ публичныя библіотеки, кремлевскіе соборы и самую патриаршую ризницу — словомъ, всѣ сокровища памятниковъ древности могутъ старообрядцы обозрѣвать, не опасаясь, какъ прежде, грозныхъ спросовъ и допросовъ, напримѣръ: «кто ты и откуда?» — «О! раскольниковъ — острожникъ!» и т. п. «Исторія эта, говоритъ далѣе іеромонахъ Пафутій: — надобно сказать правду, надѣлала не мало тревогъ среди московскихъ старообрядцевъ — особенно начетчиковъ, часто посѣщавшихъ публичныя библіотеки и почти всегда принимавшихъ участіе въ публичныхъ и домашнихъ релігіозныхъ бесѣдахъ. Имъ кажется теперь, что всѣ они переписаны полицейскою властію, а потому? — потому все-таки имъ кажется, вѣроятно, напрасно, будто бы они будутъ прибраны къ рукамъ»...

Такъ полиція позволяетъ себѣ распоряжаться въ Москвѣ въ виду множества всевозможныхъ властей, при строгомъ и, конечно, бдительномъ надзорѣ проживающихъ съ нею въ одномъ городѣ многочисленныхъ прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и т. д. Можно поэтому судить, насколько безцеремоннѣе и развязнѣе на счетъ взятія подъ стражу должна вести себя полиція провинціальная.

У меня, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ есть два образчика, которые ясно показываютъ, что провинціальная полиція нашего времени относится къ свободѣ личности съ такою же непринужденностью, съ какою относилась и полиція прежняго времени, для произвола которой, по словамъ графа Блудова, не было никакихъ границъ... Образчики эти я взялъ изъ газетныхъ извѣстій не болѣе какъ за полтора или за два послѣдніе мѣсяца. А еслибы собирать ихъ внимательно за цѣлый годъ, то набралось бы, конечно, очень много. Вотъ эти образчики:

«Корреспондентъ «Новостей» изъ Старобѣльскаго уѣзда сообщаетъ слѣдующій любопытный случай: Предъ масляной, мѣстный исправникъ, катаясь на своихъ рысакѣхъ по городу, на поворотѣ въ переулокъ, съ размаху вѣзлся въ свадебный поѣздъ и, зацѣпившись за сани, нагруженныя людьми, опрокинулся и влетѣлъ на землю. Раздосадованный паденіемъ, онъ возвратился въ полицію и приказалъ задержать свадьбу. Приказаніе это, къ несчастію, было отдано какъ разъ въ ту минуту, когда свадебный поѣздъ подъѣхалъ, для разныхъ покупокъ къ гостинному двору, который находится въ близкомъ разстояніи отъ полицейскаго дома. Такимъ образомъ, добыча сама пала въ руки. Надзиратель, въ сопровожденіи полицейскихъ нижнихъ чиновъ, быстро бросается на свадьбу, захватываетъ молодого, молодую, двухъ свахъ, дѣвцу дружку и амщика и, безъ всякихъ объясненій, засаживаетъ ихъ въ холодную. Это происшествіе не могло, разумѣется, не произвести шума и на мѣстѣ происшествія моментально выросла огромная толпа народа (около 400 чел.). Поднялись протесты и требованія отпустить ихъ въ чемъ непонятныхъ арестантовъ; дали также знать отцу жениха, который бросился съ жалобой къ исправнику; но послѣдній встрѣтилъ его съ бранью и угрозами. Затѣмъ, третій актъ происходитъ уже около полицейскаго дома. Здѣсь, среди страшной толкотни, шума, визга и воплей толпы, вдругъ неожиданно дѣлается извѣстнымъ, что арестована не та свадьба, которую встрѣтилъ исправникъ, что та уже давнымъ давно, съ перепугу, удрала за тридевять земель и неизвестно гдѣ спряталась... Несмотря, однако, на это отерганіе, молодыхъ продержали до девяти часовъ ночи, причемъ амщика избивали до крови, а молодого, ни за что ни про что, поколотили. Побитая свадьба принадлежала старобѣльскому крестьянину Драугѣ.»

Въ этомъ образчикѣ дѣло идетъ, какъ видитъ читатель, о мужикѣ или о мужикахъ. Мужикъ еще не Богъ знаетъ какая птица, и всѣмъ намъ извѣстно, что мужиковъ садятъ въ холодную всѣ, и ихъ собственныя волостныя и сельскія власти, и становые, и каждый найзкій чиновникъ, такъ, что насчетъ заключенія въ холодныхъ они, т. е. мужики, представляютъ нѣкоторымъ образомъ подобіе куръ, за которыхъ отвѣта никто никому не даетъ, да и требовать такового вовсе не принято. Слѣдовательно, исправнику, какъ хозяину города и уѣзда, и Богъ велѣлъ сажать мужика въ холодную, когда вздумается и по вниѣ, и безъ всякой вины. Но вотъ слѣдуетъ образчикъ, который касается уже людей благородныхъ и затрогиваетъ особы и наши съ вами, читатель.

«Одинъ господинъ, служащій на коронной службѣ, лѣтъ пятидесяти, баронъ О., прихалъ, 11 числа апрѣля, въ Мелитополь къ знакомому доктору посоветоваться относительно своей болѣзни. Вечеромъ, часовъ въ 10, онъ имѣлъ

съ своимъ родственникомъ мальчикомъ изъ гостиницы, въ которой остано-
вился, и сѣлъ на крыльцѣ. Выходитъ изъ той же гостиницы мѣстный исправ-
никъ, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ у прѣзжаго губернскаго чиновника, и, про-
ходя мимо барона, накидывая небрежно на себя шинель, зацѣпилъ, какъ го-
воритъ баронъ, полой своей шинели по его лицу. Не извинившись, какъ бы
слѣдовало, за такую неовность, исправникъ пошелъ далѣе, но баронъ, не зная
лично исправника, крикнулъ ему вслѣдъ, плохо произнося по русски: «квар-
тальный, нельзя ли поосторожнѣй!» Такое обращеніе къ исправнику, какъ
видно, оскорбляло его, такъ что онъ остановился, и тутъ произнесло между
ними крупное объясненіе. . Всякое поношеніе на неуваженіе власти долж-
но быть немедленно пресѣваемо... Вѣроятно, руководствуясь этимъ положе-
ніемъ, исправникъ отправляется въ полицію, беретъ десятскихъ и забираетъ
барона въ «кутузку». Напрасно зываетъ баронъ: «да помилуйте, я такой-то,
меня знаютъ весь городъ, пошлите къ предводителю дворянства, предсѣдателю
управы» и т. д.; наконецъ, посаженный подъ арестъ просить свиданія съ ис-
правникомъ, требуетъ сообщить товарищу прокурора — все напрасно, ни что
не помогаетъ. Сиди въ кутузкѣ, т. е. въ спрощъ подвалѣ, съ подобранными на
улицѣ пьяницами и сиди на полу, усѣянномъ сѣжками изверженіями, сиди
на голую ногу всю ночь, такъ какъ цѣтъ тебѣ и стужа! Помни, что ты
никогда дѣло не съ какими-нибудь квартальными!.. Не выдержали нервы
50-ти лѣтняго человѣка, не перенесъ онъ этого пошлѣнія и позаванія,
и на другой день отправленъ въ больницу, схвативъ нервную горячку («Одес-
скій Вѣстникъ», № 89).

То, что случилось съ барономъ О. въ Мелитополѣ, то можетъ
случиться и во всякомъ другомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ
и городишкѣ и со всякимъ — со мной, съ вами, читатель, съ
третьимъ, съ десятимъ, однимъ словомъ, со всѣми, въ комъ
заподозрѣтъ исправникъ непочтительность къ себѣ. И предупред-
дить этого ничѣмъ нельзя; можетъ васъ бросить каждый самый
ледащій исправникъ въ холодную тюрьму и продержатъ тамъ
цѣлые сутки и заставить за это заплатить иногда не только
здоровьемъ, а, можетъ быть, и жизнью. Во всякомъ другомъ го-
сударствѣ, возмутительный мелитопольскій случай вызвалъ бы
не только громкій протестъ въ литературѣ, не только повлекъ бы
за собою не менѣе громкій уголовный процессъ, но и въ офи-
ціальномъ мірѣ возбудилъ бы вопросъ о мѣрахъ, которыми
необходимо гарантировать свободу личности каждого гражда-
нина. У насъ этотъ случай пройдетъ совершенно безслѣдно. Да
и кого въ самомъ дѣлѣ это можетъ интересовать, что мелито-
польскій исправникъ продержалъ какого-то стараго барона цѣ-
лую ночь въ холодной кутузкѣ и вогналъ его въ нервную го-
рячку? Пресса наша такъ занята коварствомъ Альбіона, ковами
Бизонсфильда, проливами, будущими границами Болгаріи и тому
подобными возвышенными предметами, что еслибы исправникъ
всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ условилась съобща
ежедневно выдерживать и выдерживали бы въ кутузкѣ по
десяти гражданъ, находящихся въ ихъ вѣдѣніи, по собствен-
ному выбору, то пресса на это не обратила бы никакого
вниманія. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ обращать вниманіе на
такіе пустяки, когда коварство Англіи, ковы Бизонсфильда

и т. д., и т. д. угрожаютъ территорію новой Болгаріи ограничить, о ужасъ! Балканами? — А безъ голоса прессы, безъ участія общества, что можетъ сдѣлать самъ потерпѣвшій въ отищеніе за свое поруганное право? — Подать просьбу губернатору? — Но вѣдь извѣстно, что всѣ исправники избираются лично губернаторами и большею частію пользуются и ихъ полнымъ довѣріемъ, а иногда даже расположеніемъ ихъ семействъ. Предположимъ, однакожь, что дѣло въ настоящемъ случаѣ стоитъ не такъ и губернаторъ передастъ просьбу барона въ губернское правленіе для разсмотрѣнія дѣянія исправника по всей строгости закона; предположимъ даже, что и губернское правленіе не ограничится поставленіемъ на видъ, замѣчаніемъ, выговоромъ, а предастъ исправника суду. Во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего страшнаго. Если читатель заглянетъ въ помѣщенную въ нынѣшней книжкѣ журнала статью: «Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ», то онъ увидитъ, что слѣдствія по преступленіямъ по должности и при нашемъ новомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, тянутся по два и по три года. Слѣдовательно, пока будутъ производиться разныя дознанія и разсмотрѣнія администраціи, пока будутъ тянуться слѣдствіе и судъ, со времени происшествія, т. е. ночевки барона въ кутузкѣ, можетъ пройти благополучно лѣтъ пять, а, можетъ быть, и шесть. Если баронъ благополучно перенесетъ нервную горячку, въ которую вогналъ его Мелитопольскій исправникъ, и останется къ тому времени здоровъ и невредимъ, чего мы ему отъ души желаемъ, то очень можетъ быть, что тогда и онъ самъ, по добротѣ ли сердца или по какимъ нибудь новымъ отношеніямъ, не будетъ давать того значенія перенесенной имъ обидѣ, какое даетъ теперь. Что же касается другихъ, то дѣяніе Мелитопольскаго исправника для нихъ будетъ представляться такимъ давнимъ и старымъ, такимъ незначущимъ въ настоящемъ, что исправникъ навѣрное будетъ оправданъ, а если пользуется расположеніемъ мѣстнаго начальства, то, пожалуй, даже и награду получитъ, что такъ долго страдалъ за правду! (Sic!) Если бы рѣчь шла о частномъ оскорбителѣ, то съ такимъ рѣшеніемъ въ виду давности времени и того, что потерпѣвшій готовъ уже самъ простить ему вину, помириться было бы кой-какъ можно. Но исправникъ есть органъ администраціи, представитель власти. Въ качествѣ представителя власти има ему легіонъ. Цѣлые полки исправниковъ и становыхъ смотрятъ, какъ отнеслось и относится вообще начальство и судъ къ тому или другому преступному дѣянію кого-нибудь изъ нихъ по должности. Фактъ ненаказанности одного вызоветъ десятки, сотни подобныхъ дѣяній со стороны остальныхъ. Это одна сторона дѣла, а потомъ есть и другая... Позвольте васъ спросить: что еслибы васъ поставили въ положеніе барона, ручаетесь ли вы, что удовольствовались бы подачей губернатору просьбы на противозаконное дѣяніе исправника? Или, еслибы вашего новобрачнаго сына или новобрачную дочь, со всею сопровождающею ихъ свитою, исправ-

никъ засадитъ въ кутузку, имѣли ли бы вы настолько само-обладанія, чтобы не сдѣлать исправнику какой-нибудь непріятности, предусмотрѣнной уложеніемъ о наказаніяхъ? Это, конечно, было бы противузаконіе, но оно при подобныхъ возмутительныхъ дѣяствіяхъ исправниковъ такъ естественно въ чловѣкѣ живомъ, имѣющемъ нервы и сердце, что поставите вы себя на мѣсто присяжнаго засѣдателя на судѣ, вы почувствуете, что тутъ преступленіе не вызывается только, а насильно вынуждается. Надобно представлять себѣ людей каменными, чтобы думать, что каждый изъ нихъ, когда его какой-нибудь уѣздный Держиморда заставитъ, ни за что ни про что, переночевать въ холодной кутузкѣ или такому же наругательству подвергнуть его новобрачныхъ сына или дочь, будетъ настолько хладнокровенъ и терпѣливъ, что рѣшится искать удовлетворенія за обиду существующимъ законнымъ путемъ, будетъ ждать, пока дѣло его, путешествуя многіе годы по разнымъ административнымъ и судебнымъ инстанціямъ, закончится если не полнымъ оправданіемъ исправника, то объявленіемъ ему строгаго выговора. Да, впрочемъ, тутъ и не въ тяжести наказанія дѣло. Какъ бы ни было тяжело позднее наказаніе, оно не можетъ удовлетворить потерпѣвшаго, потому именно, что оно слишкомъ позднее. Позоръ, нанесенный въ виду дѣлага общества Держимордою, мѣгъ быть омьтъ только немедленнымъ обузданіемъ, немедленною карою осмѣднаго. Разъ этого не случилось, Держиморда достигъ исполнѣ своей дѣла, онъ получилъ полное торжество надъ потерпѣвшимъ. Нанесенный позоръ, начиная съ перваго момента во всѣхъ стадіяхъ его развитія, вплоть до того времени, когда о немъ забыло общество, пережить потерпѣвшимъ сполна. Его не воротить изъ жизни потерпѣвшаго также, какъ не воротить угнѣннаго въ спину кнута или плети. Но и въ видахъ правосудія, позднее наказаніе въ данномъ случаѣ не только бездѣльно, но и вредно. Оно доказываетъ не безсиліе, а силу Держиморды; ибо для всякаго дѣлается очевиднымъ, что каждый Держиморда въ настоящемъ есть всегда господинъ положенія и противъ него не можетъ защитить васъ никакой законъ. Если ему вздумается, онъ можетъ васъ ни-за-что ни-про-что бросить въ тюрьму, продержатъ тамъ сколько ему вздумается, изолировать отъ всѣхъ сношеній съ вѣннимъ міромъ, и слѣдовательно даже отъ возможности протеста, и потомъ выпустить, а можетъ, пожалуй, и хуже что-нибудь сдѣлать, потому что въ кутузкѣ онъ полный хозяинъ... И все это ничего. Правда, вы можете потомъ жаловаться, и, можете быть, на ваше счастье, которое—надобно замѣтить—достается на долю очень немногихъ—и не безуспѣшно: въ васъ приметъ участіе и губернаторъ, и губернскае правленіе, Держиморду предадутъ слѣдствію, суду... Но когда то улита еще прійдетъ и что то будетъ. . А онъ, Держиморда, свое дѣло все-таки сдѣлалъ.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что, при существующихъ у

насть порядкахъ, уставомъ новаго уголовного судопроизводства свобода личности каждаго гражданина также не гарантирована отъ произвола полиціи, какъ она не гарантирована была и прежде. Власть полиціи относительно взятія подъ стражу остается также неограниченною, какъ неограничена была и прежде, и такою будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены такія институціи, при которыхъ наглое поправленіе закона чиновниками сдѣлается немислимымъ, въ особенности когда дѣло касается свободы личности, неприкосновенности жилища, или поа, по крайней мѣрѣ, каждому, подвергнутому взятію подъ стражу безъ уважительныхъ причинъ, противузаконно, не будетъ предоставлено право вчинять искъ противъ подлежащихъ чиновъ полиціи или администраціи не тѣмъ порядкомъ, какой установленъ для преступленій по должности, а прямо черезъ прокурорскій надзоръ, тѣмъ же порядкомъ, какими *преследуются* и другія преступленія.

Въ одномъ изъ №№ «Голоса» было сообщено слѣдующее извѣстіе: по соглашенію государственнаго контроля и военнаго министерства, учреждена особая коммиссія для провѣрки счетовъ товарищества по продовольствію войскъ въ дѣйствующей арміи въ Бухарестѣ. Предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ числящійся по военному министерству полковникъ Н. А. Боровковъ. Въ составъ коммиссіи вошли три члена отъ государственнаго контроля, два чиновника, посланные въ Бухарестъ главнымъ интендантскимъ управленіемъ, и три члена отъ бухарестскаго интендантскаго управленія. Извѣстіе это очень пріятно, тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ неожиданно; ибо никто не думалъ, чтобы и на сей разъ отступили отъ извѣстныхъ русскихъ, обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ практикуемыхъ пословицъ: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», или: «сора изъ избы не выносить» и т. п. А еще пріятнѣе было бы услышать, что коммиссія исполнила свое дѣло самымъ тщательнымъ образомъ, что участвующіе въ коммиссіи представители государственнаго контроля оказались достойными сдѣланнаго имъ порученія и вопліи во всѣхъ подробностяхъ раскрыли злоупотребленія товарищества и предали всѣхъ виновныхъ заслуженной карѣ. Кромѣ того, было бы жаль, чтобы преслѣдованіе не ограничилось только товариществомъ Горвица, Когана и Грегера, а были наražены подлежащимъ начальствомъ коммиссіи для изслѣдованія дѣйствій и другихъ товариществъ, непримѣръ, *сугарныхъ*, которыя хотя и были чисто русскія, и все изъ лицъ интеллигентныхъ, но охули на руку не положили и раззорили, надобно полагать, не мало тысячъ народу.

Исторія этихъ *сугарныхъ* товариществъ, по разсказу кievскаго корреспондента «Голоса» (№ 101) была слѣдующая:

Сначала передъ выступленіемъ въ походъ, когда войска наши стояли въ Бишиневѣ, заготовленіе сухарей шло хозяйственнымъ образомъ и войска заготовили для себя около 200,000 пудовъ сухарей. Съ выступленіемъ въ походъ, когда таковое заготовленіе дѣлалось затруднительно и вовсе невозможно, интендантство поставку сухарей отдало разнымъ предпринимателямъ и товариществамъ. Таковы были товарищества: 1) Шереметева, Оболенскаго и комп.; 2) Баранова, Данилевскаго (кажется, профессоръ?) и комп.; 3) Посохова и др. Всѣ эти поставщики взялись изготовить по 850,000 пудовъ сухарей къ 10 декабря—въ срокъ сравнительно очень короткий—надѣясь, что при машинно фабричномъ производствѣ такое громадное количество поставить будетъ не трудно. Но эти надежды рухнули. Товарищество Баранова-Данилевскаго къ 10 декабря приготовило всего 30,000 пудовъ; Бобринскій, думавшій высушивать въ своихъ сушильняхъ до 4,000 пудовъ въ день, вмѣсто этого могъ высушивать только около 300 пудовъ.

Интендантство, видя неисправность товариществъ, принуждено было заготавливать сухари въ Румыніи по цѣнамъ гораздо болѣе дорогимъ, товариществамъ же въ Россіи дало знать, что, вслѣдствіе ихъ неисправности, сухари отъ нихъ будутъ приниматься лишь по мѣрѣ надобности. Но въ это время секретъ быстрого и дешеваго приготовленія сухарей былъ открытъ евреями. Принимая на себя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ поставку сухарей небольшими партіями, евреи отдавали печь сухари крестьянамъ и другимъ мелкимъ хозяевамъ и успѣвали такимъ образомъ исполнять своевременно свои маленькіе подрады, приготовлять сухарей болѣе, чѣмъ приготовлялось машинами. Тоже попыталось сдѣлать, бросивъ свои машины и фабрики, и товарищество Баранова-Данилевскаго и въ одинъ мѣсяць получило 200,000 пудовъ! Этотъ быстрый способъ приготовленія сухарей вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался и самымъ дешевымъ и сулилъ товариществу громадные барыши. Товарищество Баранова-Данилевскаго получало отъ интендантства 2 р. 55 к. за пудъ сухарей съ доставкой въ Унгенъ; доставка до Унгенъ за пудъ стоила 35 к.; слѣдовательно за пудъ сухарей на мѣстѣ товарищество получало 2 р. 20 к. Между тѣмъ, товарищество могло слать поставку сухарей мелкимъ предпринимателямъ по 1 р. 70 к. съ пуда при принудительномъ взятіи муки у товарищества, съ платою 80 к. за пудъ (53 фунта на одинъ пудъ сухарей), при дѣйствительной стоимости ея на мѣстѣ 60—65 к. Товарищество прибрѣтало чистой пользы 50 и 30 к. на мукѣ (такъ какъ на пудъ сухарей идетъ 67—80 фунтовъ хлѣба), итого 80 к. на пудъ*.

Гешефтъ представлялся, какъ видитъ читатель, великолѣпный! Можно было ни за что ни про что получать по 80 к. на пудъ сухарей, а пудовъ могли потребоваться милліоны!—Но чтобы совершить этотъ великолѣпный гешефтъ, предстояло сдѣлать маленькое мошенничество или маленькую подлость, какъ хотите на-

зовите, а именно: надобно было мелкимъ предпринимателямъ не объявлять о томъ, что товарищество въ своемъ подрядѣ на поставку сухарей оказалось уже не состоятельнымъ, и что отъ него будутъ приниматься сухари только по мѣрѣ надобности, по волѣ и усмотрѣнію интендантства, что равносильно почти тому, что могутъ и те всѣмъ не приниматься.

И товарищество Баранова-Данилевскаго рѣшилось на это. Оно заподрядило мелкихъ хозяевъ готовить сухари въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по 1 р. 70 к. за пудъ, срывъ отъ нихъ и свою несостоятельность передъ казною, и что вслѣдствіе этой несостоятельности, у него отнято право на поставку сухарей.

Обманутая мелюзга съ жаромъ принялась за дѣло. Правда, изъ 1 р. 70 к. за пудъ приготовленныхъ сухарей съ доставкою на станцію желѣзной дороги, барыша ей оставалось очень не много, по расчету корреспондента, не болѣе 10 к. съ пуда¹; но мелюзга, которой, по пословицѣ: «не до жиру, быть бы живу», была рада и этому. «Большею частію, говоритъ корреспондентъ, это былъ народъ бѣдный, который радъ былъ тому, что въ зимнее время нашелся спросъ на его трудъ. При общемъ жаждѣ въ требованіяхъ на рабочія руки, при отсутствіи торговли и предпріятій, бѣдное населеніе радо было, что нашло себѣ дѣло; кто посостоятельнѣе, строилъ сушилки; другіе же строили печи для приготовленія сухарей; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были выстроены сушильни, кажется, все бѣдное населеніе взялось за дѣло». Много людей убили на это дѣло «последнія крохи, надѣялись долговъ въ виду будущихъ заработковъ». — Какъ вдругъ, въ январѣ, когда, по условію оставалось для производства чуть не два мѣсяца, товарищество объявило, что *принимать болѣе сухарей не намѣрено и не считаетъ себя связаннымъ какими-либо условіями*. Мы, продолжаетъ корреспондентъ, были въ то время свидѣтелями того отчаянія и картины разоренія, которое постигло населеніе. Толпы рабочихъ, по 800 человекъ, ходили по улицамъ, съ воплемъ о томъ, что они не вознаграждены; нѣсколько дней они оставались безъ крова, а потомъ скоро очутились и безъ хлѣба, такъ какъ испеченные сухари питали ихъ всего нѣсколько дней. Предприниматели, настроявшіе заводы и сушилки, разумѣется, окончательно разорены». «Теперь эта бѣдность, замѣчаетъ корреспондентъ:—нѣтъ печи, сушилки и цѣлые заводы, изъ которыхъ многіе выстроены на чужой землѣ, причѣмъ аренда взята на короткій срокъ, такъ что требуются новыя убытки за снесеніе построекъ. Одинъ изъ представителей товарищества эксплуататоровъ, говорить, уже бѣжалъ за границу; другіе представители этой же компаніи хлопочутъ передъ правитель-

¹ «На одинъ пудъ сухарей требуется муки 53 ф. (80 к.) 1 руб. 7 к., хлѣба (67—70 фунт.) 10 коп., топлива на хлѣбъ 5 к., топлива на сухари 7 к., рабочіе и сушильщики 10 к., надзоръ 5 к., непредвидѣнные расходы 5 к., мѣшокъ 8 к., доставка къ вокзалу 3 к., итого 1 р. 60 к.»

ствомъ, чтобы оно заплатило товариществу убытки. Интересно знать, считаетъ ли своимъ долгомъ товарищество заплатить убытки своимъ истиннымъ работникамъ, или же эти убытки населенія останутся барышомъ эксплуататоровъ?»

Нѣтъ, г. корреспондентъ, это нисколько не интересно, ибо впередъ извѣстно, что ни эксплуататоръ бѣжавшій, ни эксплуататоръ оставшійся здѣсь и не подумаютъ объ обманутомъ и раззоренномъ ими народѣ, равъ они нѣгли наглость объявить ему, что они не считаютъ себя связанными съ нимъ никакими условіями; а вотъ что интересно: неужели это товариществу Баранова-Данилевскаго сойдеть съ рукъ? Неужели ихъ не посадятъ на скамью подсудимыхъ, чтобы они, по крайней мѣрѣ, выяснили, что побудило ихъ на такое мошенничество, и чтобы цѣлая Россія знала, что подобныя обманныя дѣйствія, направленныя на раззореніе неграмотнаго народа, кѣмъ бы ни были они совершены, у насъ преслѣдуются безъ всякаго послабленія и снисхожденія?

Не менѣе интересно знать: что будетъ сдѣлано и по вопросу о погонцахъ? Дѣло это было также вопіющее, повлекшее за собою безчисленныя раззоренія, и совершенно оно было также обманнымъ образомъ. Варшавскій и его агенты набрали тысячи крестьянъ-подводчиковъ въ губерніяхъ Херсонской, Полтавской, Черниговской и югозападныхъ губерніяхъ, съ условіемъ, что они будутъ заниматься извозомъ только внутри имперіи. Между тѣмъ, ихъ погнали за границу, въ Румынію, въ Болгарію. Здѣсь, при страшной дороговизнѣ, при невылазныхъ дорогахъ, при отсутствіи всякихъ средствъ для содержанія себя и лошадей, погонцы не только лишились своихъ лошадей, но многіе изъ нихъ перемерли сами—одни отъ тифа, другіе замерли, оставшіеся въ живыхъ возвращаются на родину голодные, оборванные, безъ гроша въ карманъ даже на проѣздъ и пропитаніе въ дорогѣ. Напрасно они толкаются ко всевозможнымъ начальствамъ съ просьбою войти въ ихъ положеніе; имъ вездѣ отказываютъ за неимѣніемъ *юридическихъ доказательствъ!* Черезъ одну Одессу ихъ вѣждодневно проходятъ сотни; въ Одессѣ находится контора Варшавскаго, ихъ раззорившаго, а начальство считаетъ себя не въ правѣ, якобы за неимѣніемъ *юридическихъ доказательствъ*, выслушать показанія тысячъ людей и обязать контору Варшавскаго уплатить за ихъ проѣздъ и пропитаніе. Какія же еще нужны юридическія доказательства, когда есть свидѣтельство тысячъ людей! Отображеніе показаній отъ всѣхъ проходящихъ погонцевъ было бы необходимо уже и для того, чтобы, какъ говоритъ одесскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», «добраться до корня погонщицкаго вопроса и воздать военнымъ промышленникамъ, что ими заслужено». Говорать, что агенты Варшавскаго позволяли себѣ самія возмутительныя насилія надъ погонщиками—начиная отъ сторублевыхъ штрафовъ до битія нагайками и вnutомъ. Нельзя не отдать чести капитану надъ Одесскимъ Портомъ, г. Вейсу;

онъ распорядился съ конторой Варшавскаго по отношенію къ погонцамъ по военному, какъ и слѣдуетъ всякому начальству распоряжаться въ виду такихъ живыхъ улицъ, какъ тысячи людей голодныхъ, оборванныхъ, немнѣющихъ что ѣсть.

«На дняхъ, пишетъ помянутый одесскій корреспондентъ: — прибылъ въ Одессу значительная партія погонцевъ на одномъ изъ пароходовъ «русскаго общества» и прибыла безъ корки хлѣба въ сумакъ. Капитанъ парохода потребовалъ отъ погонцевъ билетовъ на проѣздъ, — ихъ не оказалось; потребовалъ денегъ, — тоже не оказалось. Вышло недоразумѣіе, для разрѣшенія котораго приглашенъ былъ капитанъ надъ портомъ г. Вейсъ. Погонцы обступили его со всѣхъ сторонъ, съ плачемъ и рыданіями рассказывали свои страданія въ Румелии, просили защиты, покровительства, просили законнаго разслѣдованія ихъ несчастій, просили отправить ихъ «къ начальству». Вышла одна изъ тѣхъ сценъ, хватающихъ за сердце, которыя можетъ понять и почувствовать только очевидецъ. Послѣ долгихъ разспросовъ и многихъ совѣщаній, г. Вейсъ узналъ отъ одного изъ частныхъ зрителей, что въ Одессѣ имѣется отдѣленіе конторы г. Варшавскаго и что завѣдываетъ этимъ отдѣленіемъ итѣкій Кауфманъ. Одинъ изъ таможенныхъ сторожей отправленъ былъ за этимъ агентомъ, который дѣйствительно въ скорости и явился самолично. Отъ него потребовали уласть за проѣздъ погонцевъ. Богѣ трехъ часовъ длился препирательства между агентомъ и г. Вейсомъ, но все-таки агентъ не согласился заплатить и отговаривался «незнаніемъ» даже самого г. Варшавскаго. Составили протоколъ и вмѣстѣ съ агентомъ препроводили къ мировому судѣ; сейчасъ же послѣдовало и рѣшеніе о взысканіи, и судьей выданъ былъ исполнительный листъ. Несмотря на это, агентъ все-таки продолжалъ упорствовать и затѣмъ пытался войти въ сдѣлку съ капитаномъ парохода: «Возьмите 50, ну 60, ну 65, е. . . Больше не дамъ». И только когда агенту пригрозили немедленнымъ арестомъ, онъ заплатилъ всю слѣдующую сумму. Тѣмъ не менѣ партія погонцевъ все-таки очутилась на улицахъ Одессы безъ гроша за душой и безъ куса хлѣба.

Еслибы гражданское начальство дѣйствовало также энергически, какъ капитанъ Вейсъ, то погонцы не были бы и безъ хлѣба. Въ Систовѣ идетъ теперь, говорятъ, слѣдствіе о погонцахъ. Что это за слѣдствіе и какую оно имѣетъ цѣль, мы не знаемъ. Очень можетъ быть, что это не болѣе, какъ простое собраніе свѣденій о погонцахъ, претерпѣвшихъ убытки, съ цѣлію по возможности вознаградить хотя часть этихъ убытковъ насчетъ обманувшихъ ихъ подрядчиковъ. По всей вѣроятности, подрядчики, которые платили погонцамъ половинную цѣну того, что получали сами за подводы, охотно согласятся дать въ пользу потерпѣвшихъ погонцевъ еще четверть того, что они получили за подводы сами; все-таки у нихъ еще останется четверть въ барышѣ. На нашъ взглядъ это вовсе не рѣшеніе дѣла. Подобная миролюбивая сдѣлка не была бы рѣшеніемъ дѣла даже и въ томъ случаѣ, еслибы подрядчики согласились отдать погонцамъ не только все, что они получили сами за подводы, но прибавили еще столько же изъ своего кармана. Единственное рѣшеніе дѣла здѣсь преданіе публичному суду подрядчиковъ, обманомъ разорившихъ несчастныхъ погонцевъ. Ибо вопросъ здѣсь идетъ все не о томъ только, чтобы вознаградить погонцевъ; которыхъ

вполнѣ за все ими претерпѣнное теперь вообще вознаграждать невозможно, а тѣхъ, которые умерли, даже и нѣсколько вознаграждать нельзя, а о томъ, чтобы сдѣлать извѣстными и предать должной карѣ тѣхъ подрядчиковъ, которые посредствомъ мошенничества ограбили и разорили тысячи народа, и такимъ образомъ сдѣлать для нихъ подрядъ на будущее время невозможнымъ, другимъ же подрядчикамъ дать понять, что за подобное грабительство и разореніе народа они никогда не будутъ оставаться не наказанными.

Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что ни война, ни голодъ, ни наводненія и т. п., однимъ словомъ, ничто такъ не подрываетъ благосостоянія народа, какъ обманы разнообразныхъ подрядчиковъ и нанимателей, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе размножающіеся и принимающіе все болѣе и болѣе грандіозныя формы. И это не въ военное только время. Тоже самое продѣлываютъ подрядчики, наниматели, поставщики и въ мирное время, только въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ. Исторія всѣмъ извѣстная — ежегодно по нѣскольку разъ въ году повторяющіеся, такъ называемые бунты рабочихъ противъ своихъ хозяевъ-подрядчиковъ на желѣзныхъ дорогахъ, и въ разныхъ другихъ промышленныхъ наймахъ. Бунты эти приготавливаются такимъ образомъ: подрядчики, заманивая къ себѣ обыкновенно безграмотныхъ рабочихъ, на словахъ сулятъ имъ золотыя горы, предлагаютъ условія самыя льготныя и выгодныя, въ условіяхъ же, совершаемыхъ въ волостныхъ правленіяхъ, благодаря воровщѣ волостныхъ старшинъ и писарей, пишутъ совсѣмъ другое. Рабочіе, прибывъ на мѣсто, проработавъ здѣсь нѣсколько недѣль, и видя, что имъ не даютъ ничего, что было обѣщано на словахъ, ни помѣщенія порядочнаго, ни пищи порядочной, — мало того: обчитываютъ даже въ платѣ, натурально, начинаютъ сначала роптать и требовать, чтобы исполнялось все по условію, что имъ было обѣщано. Но такъ какъ ничего не исполняется, а между тѣмъ и въ расчетѣ имъ отказываютъ, то они бросаютъ работу и идутъ въ городъ съ жалобою къ властямъ. Тогда туда же летятъ съ своими письменными условіями подрядчики и, на основаніи ихъ, доказываютъ, что они исполняютъ все то, что должны были исполнять по этимъ условіямъ, что только по лѣности, пьянству, подстрекательству такихъ-то изъ рабочихъ (ими рекъ) рабочіе бунтуются. Кончается эта исторія, благодаря ловкости подрядчиковъ; большею частію тѣмъ, что для усмиренія рабочихъ же, подрядчиковъ обчитанныхъ, вогнанныхъ въ болѣзни, разоренныхъ, является военная команда. А еслибы подлежащія власти при каждомъ подобномъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы полагаться на условія, представляемыя подрядчиками, обращали вниманіе на жалобы рабочихъ и вмѣсто команды предоставляли суду, посредствомъ строгаго слѣдствія, изслѣдовать: не обманнымъ ли образомъ составлены означенныя письменныя условія, тогда дѣло навѣрное каждый разъ прини-

мало бы другой оборотъ. Подрядчики и всѣ помогавшіе имъ въ обманѣ попадали бы на скамью подсудимыхъ и, кромѣ удовлетворенія рабочихъ за всѣ протори и убытки, несли бы уголовную вину. Стоило бы всего нѣсколько разъ прочувствовать такимъ образомъ подрядчиковъ—и тогда навѣрное исчезли бы навсегда и обманщики условія, и бунты рабочихъ. Теперь же подрядчикамъ—лафа; безвинное преслѣдованіе раззоренныхъ рабочихъ по обманчивымъ условіямъ, безнаказанность составителей такихъ обманчивыхъ условій даетъ подрядчикамъ, при помощи ихъ, полную возможность раззорять народъ сколько угодно. Вотъ и недавно еще въ «Новомъ Времени» (№ 757) сообщено было слѣдующее извѣстіе изъ деревни Липокъ Шлиссельбургскаго уѣзда:

400 или 500 человѣкъ рабочихъ (крестьяне Тверской губ.), нанятыхъ гидротехнической компаніей на работѣ очистки канала Императора Александра II, 31-го марта и 1-го апрѣля не пошли на работу, требуя расчета и выдачи паспортовъ. Причины подобнаго явленія, по показаніямъ избранныхъ изъ среды рабочихъ, слѣдующія: условія найма писались въ волостныхъ правленіяхъ почти безъ участія нанимаемыхъ. Отъ этого произошла разница въ условіяхъ, предлагавшихся лично крестьянамъ однимъ изъ компаніоновъ, и въ условіяхъ, написанныхъ въ правленіяхъ. Такъ, въ случаѣ, если рабочій раньше срока откажется работать, «платить компаніи неустойку—25 руб. Между тѣмъ объ этомъ пунктѣ условія крестьяне не знали до послѣдняго времени. Работа на тачкахъ—говорено было рабочимъ—начнется съ мая, а началась съ 15 марта. Но и письменныя условія найма не исполнялись, какъ слѣдуетъ. Рабочіе, явившись на мѣсто работъ, должны были найти готовыми: квартиру, баню, удовлетворительную пищу (щи со сметаной или горохъ и гречневую кашу, и квасъ). Между тѣмъ, баня и квасъ не было до послѣдняго времени. Кушанье варилося на открытомъ воздухѣ и, за недостаткомъ дровъ или отъ небрежности «кухарей», было часто сырое и притомъ въ недостаточномъ количествѣ. Приказчики, завідующіе кладовыми, обѣщивали и обмѣривали. Приказчики же, слѣдящіе за ходомъ работъ, не совсѣмъ гуманно обращались съ рабочими: надъ боками рабочихъ упражнялись здоровенные приказчики кулаки, а съ языка слышались брань и сарказмы. Одного изъ рабочихъ приказчикъ самовольно арестовалъ. Дорогу отъ Твери до Тосны многие изъ рабочихъ, за нехватку денегъ на билеты, ѣхали по подлаиваемъ вагоновъ, согнувшись въ три погуба, не смѣя выйдти оттуда, чтобы расправить онемѣвшіе члены, вѣдь овасеніемъ быть поймавными, а отъ Тосны до мѣста работъ должны были идти христовымъ именемъ.

Хотя я не знаю представителей гидротехнической компаніи, заправляющихъ дѣлами этой компаніи, но предполагаю, что это должно быть все люди интеллигентные, которые въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, пожалуй, горой стоятъ за мужика; а на дѣлѣ—видите, что выходитъ—не стыдятся нисколько держать въ проголодь своихъ рабочихъ, а даже бить ихъ, чего нынѣ не водится, пожалуй, и у людей неприсяженыхъ. А еще болѣе зазорно для интеллигентныхъ представителей компаніи, что они не стѣсняются, подобно какимъ-нибудь темнымъ Ицкамъ, унижаться до того, чтобы писать мошенническія (назовите за выраженіе; иначе назвать трудно) условія даже на закабаленіе рабочихъ. Шутка ли сказать, что рабочій, отказывающійся раньше срока

отъ работы, долженъ заплатить неустойки 25 р. А сколько онъ получаетъ заработной платы въ день?—Вѣроятно, 50 или 40 к. въ день, если не 25 или 20 к., такъ какъ теперь при общемъ застоѣ, рабочія руки ни по чемъ.

Очень интересенъ рассказъ одного изъ бывшихъ нанимателей, помѣщенный въ 83 № покойнаго «Сѣвернаго Вѣстника», о томъ: какъ нанимаются подрядчиками рабочіе и какъ фабрикуются и объявляются послѣдними обманныя условія. Въ Пермской Губерніи для сплава судовъ съ металлами, и также съ съѣстными продуктами, саломъ, пшеницею и проч., внизъ по рѣкѣ Чусовой до Перми, ежегодно нанимается рабочихъ до 40,000 ч. Этотъ наемъ въ разныхъ уѣздахъ производится различнымъ образомъ. Въ Кунгурскомъ Уѣздѣ къ нанемателю являются такъ называемые десятники, избираемые желающими наняться въ рабочіе съ одобреніями, въ которыхъ значится, что такіе-то, желая наняться, поручаютъ такому-то порядиться за нихъ и получить задатокъ. Десятникъ, явившійся къ нанемателю, начинаетъ съ того, что требуетъ магарыча отъ нанемателя, отъ 20 до 50 к. за каждаго поименованнаго въ одобреніи, котораго онъ можетъ «зааложить», т. е. отдать въ наемъ. Затѣмъ, когда на счетъ магарыча дѣло сдѣлано, устанавливается плата рабочему, обыкновенно 8 руб. за сплавъ до Перми. Съ рабочихъ, которыхъ въ одобреніи бываетъ иногда до 80, десятникъ получаетъ по 3 копейки съ человѣка за то, что имъ купленъ былъ 20-копеечный гербовый листъ для написанія одобренія. Но этимъ дѣло не кончается. Нанематель съ каждаго рабочаго долженъ дать не менѣе 50 коп. волостному старшинѣ, иначе или условіе не будетъ составлено, или нанявшіеся рабочіе наймутся къ другому подрядчику, или, наконецъ, не явятся всѣ къ сроку на пристань. Въ Пермскомъ, Соликамскомъ и Осинскомъ уѣздахъ нанематели сами ѣздятъ по волостямъ. Здѣсь торгъ о магарычѣ идетъ съ волостнымъ старшиной и писаремъ за приличнымъ угощеніемъ, и когда дѣло улаживается, то собирается сходъ желающихъ радиться, которому ставится извѣстное количество вина для угощенія, а кромѣ того дается рублей по 5 нѣсколькимъ горланамъ. Въ случаѣ недостачи желающихъ радиться на сплавъ, старшина составляетъ списокъ *недоимщиковъ*, которыхъ всегда въ волости довольно, и приказываетъ имъ немедленно явиться въ волость и внести недоимки. При одномъ такомъ случаѣ присутствовалъ корреспондентъ-нанематель и рассказываетъ слѣдующее: «крестьяне-недоимщики, по требованію старшины, явились; кто принесъ деньги, тотъ и освобожденъ; грозный старшина не дѣлалъ отсрочки ни на одинъ день; крестьяне валялись въ ногахъ у своего начальника, но отсрочки не могли получить, и отправились на сплавъ невольниками за ту цѣну, за какую за нихъ подрядился старшина. Въ условіи, однако-жъ, было сказано, что они порядились по собственной своей воли добровольно и непри-
мужденно (чего, разумѣется, въ слухъ передъ сходомъ не чи-

тается)». Въ Осинскомъ Уѣздѣ по р. Тулѣ, гдѣ проживаютъ башкиры, болѣею частію не умѣющіе говорить по-русски, рабочіе изъ башкиръ вообще заподражжаются «свободно» старшинами на сплавъ, яко-бы за подати, хотя все дѣло зависитъ отъ величины магарыча старшинѣ, а на то, удовлетворительна ли плата рабочему, не обращается никакого вниманія, такъ что условленной платы недостаетъ даже на пропитаніе рабочему. Такъ за 4 или 5 рублей, рабочій долженъ пройти отъ мѣстожительства верстъ 200 до пристани и, нагрузивъ судно, жить здѣсь, если по многоводью или маловодью плыть тотчасъ нельзя, иногда двѣ или три недѣли. А жить на пристани, гдѣ иногда собирается до 4,000 и въ одной крестьянской избѣ помѣщается по 30 ти и болѣе человѣкъ, бываетъ очень дорого. Вообще, говоритъ корреспондентъ-наниматель, «рабочему въ большинствѣ случаевъ по сплавѣ судна въ Пермь, не причитается получить ни копейки, притомъ еще надо пройти до своего дома около 100 верстъ».—Еще одна любопытная подробность относительно того, до какой степени доходятъ обманы рабочихъ при наймѣ. Рабочіе, обыкновенно, нанимаются прибыть на пристань къ 5-му апрѣля, а если весна наступитъ ранѣе, то и ранѣе этого числа, и работать за условленную плату до 1-го мая, а съ 1-го мая получать поденную плату по 40 или 50 копейекъ въ день. Но рабочіе на это не охотно соглашаются: для нихъ каждый майскій день очень дорогъ, и они требуютъ, чтобы съ 1-го мая, была новая рада, а въ условіи пишется совсѣмъ другое, но этого другого имъ, конечно, не читаютъ. По дорогѣ рабочіе узнаютъ, что обмануты, но дѣлать нечего; иногда подымается только сильный ропотъ и неудовольствія. Но «и протавъ этого, говоритъ корреспондентъ-наниматель, есть средства: такъ, напримѣръ, распорядитель одного каравана въ подобномъ случаѣ, прибѣгнувъ къ слѣдующей хитрости: онъ утвердилъ вторую раду (т. е. послѣ 1-го мая) и выдалъ ее каждому рабочему на руки, но тотчасъ же далъ знать пермской полиціи и попросилъ ее, по прибытіи каждаго судна къ мѣсту назначенія, отобрать у рабочихъ деньги, полученныя противъ контракта, что, разумѣется, и было исполнено».

Вотъ видите, какъ въ Перми все благоустроено и организовано! Даже полиція губернскаго города Перми считаетъ себя обязанною, по требованію каждаго проходимца, обирать изъ кармановъ рабочихъ заработанныя деньги и дѣлаетъ это собственною властію, не доводя до свѣденія суда? А мы все болтаемъ о обѣдствіяхъ кулеивъ? Чѣмъ же эти несчастные наши собственные куліи лучше?

Да, если не желаютъ, чтобы Россія была въ конецъ разорена, то мы рекомендуемъ неопустительно преслѣдовать, т. е. предавать публичному суду всѣхъ подрядчиковъ, нанимателей, поставщиковъ за обманно заключенныя условія, и начать преслѣдованіе теперь же немедленно преданіемъ суду разныхъ

товарищество, дѣйствовавшихъ во время войны, не пали при этомъ ни ихъ пособниковъ, ни попустителей, какъ бы они высоко ни стояли. — Безъ этого, ни предполагаемый подоходный всесословный налогъ въ облегченіе мужика, ни предполагаемая колонизація изъ мѣстъ малоземельныхъ — ничто не поможетъ. Народъ непремѣнно будетъ разоренъ мошенническими условіями, выдаваемыми за легальныя, въ чемъ примутъ участіе не только безчисленные темные Ицки, но и просвѣщенные представители разныхъ желѣзнодорожныхъ и вообще акціонерныхъ обществъ, и даже управители такихъ просвѣщенныхъ филантроповъ, какъ Павелъ Ивановичъ Демидовъ, котораго служащіе, по словамъ корреспондента-наимателя, «точно также, какъ и другіе, закабалютъ себѣ рабочихъ обманными условіями». Мужику не останется ничего тогда болѣе дѣлать, какъ бѣжать изъ мѣста своего жительства, чтобы не быть отданнымъ кому нибудь въ вѣчную кабалу, такъ точно, какъ онъ бѣгалъ отъ закрѣпощенія въ продолженіе всего царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича.

А, впрочемъ, куда и бѣжать въ наше время, когда вездѣ одно и то же и когда, благодаря телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, вѣсть быстро найдутъ вездѣ и представлятъ въ водворенію на мѣстѣ жительства. То ли дѣло было во время оно — въ блаженное царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, когда человѣкъ былъ также бесшленъ противъ лежавшаго надъ нимъ мѣстнаго гнета, какъ теперь, но когда имѣлъ возможность цѣлую жизнь бѣгать отъ людей, желавшихъ закабалить его свободу, отъ своихъ притѣснителей въ образѣ властей, отъ судей неправедныхъ и т. д. Теперь мы знаемъ только одно мѣсто, гдѣ мужику лафа — это Семирѣченскій край. Почтенный начальникъ его, прилагая всѣ заботы о томъ, какъ бы поскорѣ обрусить край, поставилъ тамъ русскаго мужика по отношенію къ инородческому населенію на такую высоту, какою внутри Россіи, вѣроятно, не всегда пользуются и особы начиная съ IV класса и выше. Такъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», между прочимъ, напечатанъ слѣдующій циркуляръ военнаго губернатора Семирѣченской области, генералъ-лейтенанта Колпаковского:

«При объѣздѣ области мною между прочимъ неоднократно замѣчалось, что киргизы, дѣлая заявленіе на лицъ крестьянскаго сословія, называютъ ихъ «мужиками»; хотя я и указывалъ на это уѣзднымъ начальникамъ, требуя, чтобы они учили киргизы относиться къ нашимъ колонизаторамъ (видите, какъ тамъ почтенъ мужикъ? даже колонизаторомъ называется, точно нѣмецъ-американскій!) въ выраженіяхъ вѣжливой формѣ, но требованія мои имѣли мало успѣха.

«Всѣдствие чего, вынужденнымъ нахожусь предписать гг. уѣзднымъ начальникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы на будущее время киргизы называли крестьянъ не мужиками, а крестьянами».

Такъ видите ли, какъ дѣла стоятъ въ Семирѣченскомъ край. Мы здѣсь въ печати мужика называемъ мужикомъ, да и самъ мужикъ иначе себя не называетъ, какъ мужикомъ. А въ Семирѣ-

ченскомъ край, это бранное слово и чуть киргизъ осмѣлился произнести его, какъ за нимъ выросъ уже уѣздный начальник: ты говоришь, какъ смѣешь такъ неучтиво называть нашего колонизатора! Любопытно, однакожь, знать, какими мѣрами уѣздные начальники приводятъ въ исполненіе предписаніе семирѣченскаго военнаго губернатора? Что они дѣлаютъ съ киргизомъ, который обмолвится и вмѣсто крестьянина скажетъ: мужикъ. Наставленіе что ли дать, въ кутузку сажать, а съ редицивистами поступать, быть можетъ, и еще строже. Да и коммиссія для уѣздныхъ начальниковъ, должно быть, не малая научить всѣхъ киргизъ говорить вмѣсто мужикъ крестьянинъ. Въ Россіи нѣкоторые инородческія племена, напримѣръ, чувашь, черемизы живутъ среди русскаго населенія, и нѣкоторые изъ нихъ крещены болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ, но и до сихъ поръ не приучились не только къ употребленію галантныхъ выраженій относительно мужика, а и генераловъ не выучились называть: ваше превосходительство, а говорить, обращаясь къ нимъ: или бачка, или много что янаралъ. И, однако, Россія отъ этого нисколько не пострадала. А я думаю, что она въ лицѣ чувашъ и черемизъ, значительно пострадала бы, еслибы на станovýchъ возложить обязанность учить ихъ, чтобы они не смѣли называть русскаго мужика мужикомъ, а называли бы его крестьяниномъ. Надобно полагать, что въ Семирѣченскомъ край, уѣздные начальники не завалены работой, если на нихъ, помимо ихъ прямыхъ обязанностей, возлагаются такіа не свойственныя имъ обязанности чисто гувернерскія—обучать киргизъ галантности...

Нынѣшней зимой по Петербургу ходили нѣкоторое время таинственные слухи о томъ, что въ редакціи разныхъ газетъ приносили письма какой-то, находящейся на войнѣ, студентки — письма очень интересныя, но что редакціи отказались печатать эти письма, потому, дескать, что было бы скандаломъ печатать письма, въ которыхъ мужской медицинскій персоналъ, дѣйствующій на войнѣ, представляется въ такомъ гнусномъ видѣ по отношенію къ женщинамъ-студенткамъ, сестрамъ милосердія, съ такими скотскими возжелѣніями, что почти употребляетъ насиліе для вынужденія женщинъ на удовлетвореніе своей похоти, что положеніе женщинъ становится просто невыносимымъ... Слухи эти потомъ замолкли, но теперь оказывается, что они дѣйствительно были справедливы, что такіа письма были и что справедливо, вѣроятно, и то, что нѣкоторыя петербургскія газеты, поставляющія высшую политику въ томъ, чтобы обманывать и морочить публику, какъ было съ ними и въ сербскую, и въ нынѣшнюю войну, не приняли ихъ. Теперь эти письма обнародовало «Московское Обзорѣніе» и сдѣлало этимъ великую услугу русскому обществу. Прямой долгъ каждой газеты въ томъ и состоитъ, чтобы отрывать и выводить наружу подобныя общественныя язвы, а не скрывать ихъ. Тогда только мы и бу-

демъ знать: какія мѣры надобно принимать въ томъ или другомъ случаѣ для устранения зла. Въ особенности это должно сказать о письмахъ, напечатанныхъ въ «Московскомъ Обозрѣніи». Подобныя откровенныя признанія дѣлаются такъ рѣдко, что, не будь этихъ писемъ, общество наше долго не знало бы: въ какомъ ужасномъ положеніи находится каждая сестра милосердія, каждая студентка, находящаяся на войнѣ, и сколько она должна выносить не только тяжелыхъ оскорбленій, но и прямо борьбы противъ скотскихъ вожделѣній мужчинъ, употребляющихъ для развращенія женщинъ всякія пакости и рѣшающихся чуть не на насиліе.

Письма, о которыхъ мы говоримъ, писаны студенткой В. С. Некрасовой, скончавшейся отъ тифа въ одномъ изъ лазаретовъ дѣйствующей арміи, въ редакцію же «Московского Обозрѣнія» доставлены сестрой покойной Е. С. Некрасовой, которая, въ предисловіи къ напечатаннымъ письмамъ, такъ объясняетъ причину, по которой она сочла нужнымъ публиковать письма своей сестры. «Въ послѣднее время, говоритъ она: — нерѣдко ставъ въ обществѣ раздаваться голосъ противъ сестеръ милосердія, появились даже газетныя статьи; сестеръ начали винить въ легкомысліи, въ крайне свободномъ поведеніи, ихъ чуть не обозвали публичными женщинами. Очень можетъ быть, что одна или двѣ оказались безсильны противъ тѣхъ соблазновъ, которые сулились имъ». «Но вина всею своею тяжестью, съ карою общественнаго мнѣнія, съ потерей честнаго имени, со всѣмъ, что дорого для чести человѣка, падаетъ не только на этихъ двухъ недостойныхъ, обезсиленныхъ отъ борьбы; она падаетъ и на тѣхъ, у кого достало силы бороться, страдать, мучительно страдать и выйти, хотя и съ потерей большого запаса силъ, но побѣдителями. А чего стоила эта побѣда? Какой награды стоятъ онѣ за свой героизмъ? Общество, въ замѣнъ награды, — огуломъ даетъ имъ за ихъ нравственную выдержку желтый билетъ...» «У него, у этого общества даже не мелькаетъ мысль взглянуть на дѣло съ другой стороны, взглянуть на тѣхъ, кто является виновникомъ того разврата, въ которомъ клеймятъ женщину». «Я приведу тѣ изъ писемъ покойной Некрасовой, которыя касаются именно отношеній мужчинъ къ женщинамъ на войнѣ. Я не буду затемнять дѣла недомолвками, и не буду падать имена тѣхъ, кто не стоитъ, не заслуживаетъ этой пощады. Эти отрывки (изъ писемъ) и письма хорошо покажутъ, кому надо дать тѣ желтые билеты, на которые такъ щедро наше общество».

Въ первомъ письмѣ разсказывается о строившемъ дорогу въ Болгарію генералъ Крейке и офицеръ Ивановъ. Сіжу я, говоритъ покойная Некрасова: — разъ по возвращеніи изъ госпиталя за письмомъ въ ожиданіи чая—какъ вдругъ слышу чей то мужской голосъ, называющій меня по имени. Выхожу, вижу друга моего дѣтства — Виктора Михайловича

Иванова, котораго я знала еще гимназистомъ и котораго, по старой памяти, считала хорошимъ человѣкомъ и идеалистомъ. Теперь Викторъ Михайловичъ молодой человѣкъ, герой, дражайшій на Шипкѣ, контуженный и взысканный милостью начальства. Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій и распросовъ, т. Ивановъ круто поворачиваетъ рѣчь на восхваленіе достоинства своего, начальника Кренке, у котораго онъ живетъ. Уже такой, говорить, это начальникъ и доброты необыкновенной и ума необыкновеннаго. Некрасова слушаетъ и недоумѣваетъ, потому что прежде не примѣчала въ Ивановѣ такихъ восторженныхъ чувствъ по отношенію къ начальству. Однако, ничего не подозрѣвая, она соглашается принять сдѣланное ей Ивановымъ отъ имени необыкновенной доброты и ума генерала предложеніе придти къ нимъ вечеромъ, такъ какъ дескать она можетъ быть указать генералу такихъ офицеровъ, которые вышли изъ лазарета и въ строй болѣе негодятся и въ Россію возвратиться не хотять, и которые могли бы быть полезны генералу въ работахъ на дорогѣ. Потому вечеромъ Ивановъ опять пришелъ къ Некрасовой и они вмѣстѣ отравились къ генералу, который, по словамъ Некрасовой, былъ ничего, какъ и другіе начальники, только на счетъ субординаціи похуже другихъ. Съ первыхъ же словъ начальникъ заявилъ ей, что «онъ хорошо знаетъ Приселкова (главнаго полеваго доктора) и можетъ у него все для нея сдѣлать, что у него большое знакомство въ Петербургѣ, гдѣ онъ, по выдержаніи ею выпускнаго экзамена, можетъ выхлопать ей мѣсто, доставить большую практику», и т. д. Невинной дѣвушкѣ все не вдомекъ, почему это генералъ, хотя необыкновенной доброты и ума, но все таки совершенно ея незнающій и выдающій всего въ первый разъ, такъ ея занять. Между тѣмъ, среди разговора, Ивановъ заводитъ рѣчь о новой дорогѣ, ими устраиваемой. «Вы теперь и не узнаете той дороги отъ мостовъ къ Систову, по которой ѣздили назадъ тому недѣлю», говорятъ онъ, обращаясь къ Некрасовой. Начальникъ встаетъ предлагаетъ ей сдѣлать прогулку съ нимъ по этой дорогѣ завтра же, если день будетъ солнечный. Некрасова соглашается и на другой день отправляется съ начальникомъ вдвоемъ (такъ какъ Ивановъ по дѣламъ службы уѣхалъ въ Никополь, хотя прежде говорилъ, что ему нужно будетъ ѣхать только черезъ недѣлю) смотреть дорогу. Дорогой начальникъ держитъ себя ничего, прилично, по пріѣздѣ домой, приглашаетъ Некрасову отобѣдать у него, и они садятся вдвоемъ обѣдать. За обѣдомъ сцена переѣзжается. Начальникъ необыкновенной доброты и ума начинаетъ говорить разныя сальности, дѣлать двусмысленныя, но понятныя предложенія, заявляетъ желаніе обнять, поцѣловать Некрасову, однимъ словомъ—пишетъ Некрасова, — «ведетъ себя такъ, что, не будь я въ его квартирѣ, гдѣ онъ могъ сдѣлать со мной всякую мерзость, я надавала бы ему пощечинъ, а въ моемъ положеніи пришлось только повернуть дѣло въ шутку». Теперь только поняла Некрасова, что другъ ея дѣтства, Ивановъ, есть

господинъ, который, по ея выраженію, «служитъ своему начальнику заразъ двѣ службы». Встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней ѣдущаго на лошади Иванова, который ее не примѣчалъ, она остановила его, но на протянутую имъ руку отвѣчала, что она «такимъ людямъ руки не подаетъ, и что она не сердится на его начальника, но что онъ, Викторъ Михайловичъ, современемъ получитъ достойную награду за свое сводничество». Ивановъ покраснѣлъ и струсилъ, что всю эту исторію узнаютъ въ Россіи, сталъ увѣрять, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, даже письмо ей написалъ, что онъ ничего не знаетъ и проч.

Послѣ письма покойной Некрасовой о генералѣ Кренке и Ивановѣ слѣдуютъ выдержки изъ ея писемъ о шалостяхъ съ женскимъ поломъ мужскаго медицинскаго персонала. Но эти письма имѣютъ такой глубокой, общественный интересъ и въ настоящемъ и будущемъ, что считая необходимымъ ихъ передать въ подлинникѣ.

Вотъ выдержка изъ письма отъ 17-го сентября изъ Фратетти.

«Мужчины здѣсь совсѣмъ перестали быть людьми—они обратились въ какихъ-то чертей: они готовы устраивать цѣлые гаремы и быть въ нихъ султанами. Мнѣ теперь приходится справляться съ третьимъ нахаломъ, третьяго нахала отпарировать. И это третій никто иной, какъ Жданко. Во имя одного этого, а бы желала уѣхать изъ Фратетти, потому что, уходя неудовлетворенными, они готовы потомъ дѣлать разныя мерзости, на что и пустился Студенскій. Этотъ послѣдній не пропускаетъ ни одной женщины, отъ каждой хочетъ сорвать ключекъ шерсти. Я страшно возмудалась, когда одна изъ нашихъ студентокъ рассказывала мнѣ, какъ онъ не только подѣлывалъ къ ней съ разными возмутительными предложеніями, но разъ прямо бросился цѣловать, обнимать ее съ возгласами: «Такъ вы не хотите?! такъ вы не хотите?!» въ которыхъ звучала скорѣй угроза, чѣмъ вопросъ. Послѣ этого пассажа, когда студентка отъ него убѣжала, онъ сталъ съ ней очень суровъ и, пожалуй, чѣмъ-нибудь нагадитъ. Со мной онъ продѣлалъ почти ту же исторію, и мнѣ съ нимъ больше не говоримъ и не здороваемся. Теперь онъ всѣмъ неправдами намелъ себѣ султаншу—въ лицѣ одной сестры милосердія—актрисы изъ театра... Позвоняй мнѣ поскорѣе распростишься съ Фратетти!...»

Оттуда же 23-го сентября.

«Исторію съ Студенскимъ, можетъ быть, придется выводить на свѣжую воду, можетъ быть, придется дѣлать очную ставку какъ мнѣ съ нимъ, такъ студентѣ Н. Дѣло въ томъ, что послѣ неудачной попытки купить меня за честь самостоятельной работы въ хирургическомъ отдѣленіи, онъ мнѣ сдѣлалъ неприязность до нѣкоторой степени публичнымъ образомъ, т. е. при всѣхъ: вдругъ издумалъ мнѣ дѣлать замѣчаніе—что я не такъ держу тазъ, что не умѣю промывать раны, что я должна брать не тотъ, а другой тазъ. Я на это ему отвѣтила, что это не его дѣло и что я дѣлала, дѣлаю и буду такъ дѣлать, какъ дѣлаю. Онъ на это замѣтилъ, что если я не желаю его слушать, то онъ мнѣ прикажетъ дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ. Я отвѣчала, что онъ мнѣ не смѣетъ приказывать и что если онъ не желаетъ теперь замолчать, а желаетъ продолжать въ томъ же духѣ, то я отвѣчать ему не буду, а поговорю съ нимъ послѣ достодолжнымъ образомъ. Я имѣла основаніе ему такъ отвѣтить: во-первыхъ, потому, что знала тѣ мотивы, которые заставляють его придраться, а во-вторыхъ, потому, что мое начальство, докторъ Х., а не Студенскій. Онъ, само собою разумѣется, исторію за мои отвѣты не подиалъ и жаловаться на меня

доктору X. не подумалъ, а я сочла излишнимъ возобновлять эту исторію, тѣмъ болѣе, что докторъ X. былъ тогда въ Бухарестѣ и вернулся черезъ нѣсколько дней. Въ данное же время дѣло приняло такой оборотъ, что волей неволей оказалось нужнымъ поднять всю эту исторію: она повторилась съ студенткой N., какъ я тебѣ уже писала—это первое, а во-вторыхъ, насъ подумали оставить здѣсь во Фрашети; докторъ X. черезъ 2—3 дня уѣзжаетъ въ Россію, и слѣдствительно мы остаемся подъ начальствомъ Студенскаго. Сегодня мы рѣшили разсказывать всю эту исторію доктору X. Докторъ X. до глубины души былъ возмущенъ нашимъ разсказомъ; онъ говорилъ, что намъ тогда же слѣдовало дать Студенскому надлежащій отпоръ. Но понятно, что этого сдѣлать мы не могли: мы же бы тогда остались виноваты, насъ же бы осудили. Докторъ X. согласился, что наше положеніе во Фрашети безъ него будетъ неминуемо (Студенскій, оказывается, уже ругалъ насъ; про меня говорилъ, что я ничего не знаю, ничего не умѣю...) и испросилъ позволеніе передать всю эту исторію профессору Чудновскому, говоря, что еслибы Студенскій не былъ полезенъ въ «Красномъ Крестѣ», какъ хорошій хирургъ, то необходимо было бы настоять, чтобы его, Студенскаго, выслали вонъ за такіа проделки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Собиравсь бесѣдовать о произведеніяхъ гг. Авсѣенки, Полонскаго и г-жи Анны Стацевичъ, чувствую прежде всего потребность возблагодарить судьбу за то, что я не специалистъ по литературной критикѣ. Занимая я это почтенное и важное амплу, читатель потребовалъ бы подробнаго и обстоятельнаго анализа разнообразныхъ красочъ означенныхъ произведеній, оцѣнки ихъ общаго плана и проч. Ничего этого онъ теперь съ меня требовать не вправе, а я тѣмъ самымъ избавляюсь отъ ужасающей скуки. Въ утѣшеніе читателя, могу, впрочемъ, сказать, что и его вѣдь минуетъ горькая чаша скуки, ибо—истинно говорю вамъ—наименѣе скучное изъ упомянутыхъ твореній есть водевильобразная повѣсть г. Полонскаго, но и она, въ качествѣ водевиля, растянувшагоса на много печатныхъ листовъ, непоимѣрно скучна. Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, пусть творцы скучныхъ твореній сами умираютъ сотворенною ими скукой. Мы возьмемъ только нѣчто у гг. Авсѣенки, Полонскаго и г-жи Анны Стацевичъ и посмотримъ на это нѣчто только съ одной стороны. Читатель получитъ не критическій отчетъ, а только замѣтки объ одномъ необыкновенномъ беллетристическомъ приѣмѣ и, можетъ быть, необыкновенномъ поэтическомъ типѣ.

Жила была дѣвица Липочка Илатова. Это была прекрасная дѣвица: умна, хороша, добродѣтельна, благородна, но нѣсколько неопытна. Жила она въ провинціи, но затѣмъ попала въ Пѣ-

тербургъ, прямо въ лапы адвоката Бесѣднова. Подъ какимъ соусомъ съѣсть Липочку Ипатову ловкій адвокатъ и даже съѣсть ли онъ ее или же этотъ лакомый кусочекъ достанется другому, болѣе достойному гурману—это пока еще неизвѣстно. Еслибы адвокатъ съѣлъ Липочку въ самомъ началѣ романа, то не было бы и романа. Прежде, чѣмъ придти къ предназначенному ей концу, Липочка должна пройти нѣкоторыя мытарства, должна людей посмотреть и себя показать. Такъ она и поступаетъ. «Молоденская, только что прибывшая изъ глухой провинціи и еще тамъ, въ провинціальной глуши, составившая себѣ весьма фантастическія представленія о петербургской жизни, она очень интересовалась познакомиться съ нѣкоторыми сторонами этой жизни. Больше же всего ей хотѣлась увидѣть двѣ вещи: какого-нибудь знаменитаго литератора и потомъ члена тайнаго революціоннаго общества». И вотъ желанія Липочки, наконецъ, отчасти исполнялись; она встрѣтилась съ одной подругой дѣтства, которая пригласила ее къ себѣ, обѣщая показать нѣчто во вкусѣ ея желаній.

Когда Липочка вошла къ Настенькѣ (такъ звали подругу), «въ первую минуту она ничего не могла разглядѣть сквозь густой табачный дымъ, застилавшій слабое мерцаніе рабочей лампы и двухъ свѣчей, страшно оплывшихъ оттого, что вокругъ нихъ постоянно толклись и махали руками и стаканами. Въвѣстѣ съ этимъ дымомъ, въ воздухѣ носились облака испареній, произведенныхъ разгораченнымъ, спиртуознымъ дыханіемъ и талою сыростью, врывающейся сквозь раскрытую форточку». — «Пиво или чай?»—таковъ былъ первый лаконическій вопросъ, заданный Липочкѣ хозяйкой. Пивалъ пиво Липочкѣ Ипатовой! Она, конечно, съ негодованіемъ отвергла пиво, потребовала чаю и стала прислушиваться къ разговору нѣсколькихъ молодыхъ людей обоюдого пола, сидѣвшихъ въ комнатѣ. Разговоръ былъ сначала политическій и, конечно, крайне глупый, но скоро измѣнилъ характеръ. «Пиво выпивалось скорѣе, Баламутовъ, помѣстившись за стуломъ Попрукиной, явно обнималъ ее за талию. Корошенская Кронгольдъ поглядывала на нихъ съ насмѣшливой гримасой: она получила воспитаніе въ театральномъ училищѣ и, вопреки всему, сохранила вынесенное оттуда предпочтеніе къ офицерамъ. Липочка, хотя о многомъ имѣла очень самостоятельныя понятія и считала себя женщиной безъ предразсудковъ, но ей становилось все болѣе и болѣе неловко. Все, что она видѣла, совсѣмъ не отвѣчало ея ожиданіямъ». Но впереди Липочку ждали еще большія разочарованія. Именно двое изъ видѣнныхъ ею у Настеньки мужчинъ явились къ ней одинъ вслѣдъ за другимъ съ чрезвычайно нелѣпымъ политическимъ приставаніемъ. Второй гость, впрочемъ, очень быстро и «съ невѣроятною наглостью» съѣхалъ на вопросъ: «Ну, а на счетъ физической любви, вы какихъ придерживаетесь мнѣній?» Липочка, разумѣется, немедленно выгнала его вонъ.

Это эпизодъ изъ повѣсти г. Авсеенки «Скромность зубовныя», печатающейся въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Надо замѣтить, что Липочка Ипатова, «по убѣжденіямъ, очень презирала такъ называемый свѣтъ, но инстинктами своими умѣла оцѣнить и хорошій туалетъ, и тонъ». Такъ, одна свѣтская дама, госпожа Олжанская, «всегда нарядная, всегда пахнущая какими то отличными духами, производила на нее успокоивающее впечатлѣніе своими мягкими движеніями, своею красотой, своимъ ласковымъ и легкомысленно звучаніемъ голосомъ». Это внутреннее бореніе инстинктовъ и убѣжденій, склонности къ «отличнымъ духамъ» и различныхъ идеальныхъ стремленій очень важно замѣтить для нашей, не особенно, впрочемъ, важной дѣли.

Жила была другая дѣвица Леля Затаилова. Это была также прекрасная и также неопытная дѣвица. Еще въ дѣтствѣ Леля Затаилова «была таковой хорошенькой дѣвочкой, что всѣ ея любовались и всѣ ее баловали; даже учителя (что грѣха таить!) невольно прибавляли ей баллы за ея золотыя кудри и херуниское личико». Но и въ возрастъ прѣда, она имѣла «свѣтло голубые, какъ лѣтнее небо, глаза», прикрытыя «темными рѣсницами». Леля была собственно «избалованная, избѣженная барышня», хотя и прекрасная, и умная, и добродѣтельная. Но, благодаря своему кузену-студенту, она «попала въ такое молодое общество, которое совершенно измѣнило весь складъ ея прежнихъ пансіонскихъ понятій и, такъ сказать, заставило ее сжечь все то, чему она поклонялась». О склонности ея къ отличнымъ духамъ точныхъ свѣдѣній не имѣется, но опекунъ (Леля—сирота) удостовѣряетъ, что она «бьется сквознаго вѣтра и всякій разъ, какъ промочить свои фарфоровыя ножи, вытираетъ ихъ одеколономъ». «Въ глубинѣ души своей, она глубоко сожалѣла о тѣхъ удобствахъ, о той относительной роскоши, какою пользовалась при жизни своего отца. Ей было тяжело, очень тяжело просторную и удобную квартиру въ Троицкомъ переулкѣ промѣнять на темную квартиру на Знаменской. Боже мой, какъ желала она убрать свою комнату!—къ окну примостить письменный столикъ и уставить его разными письменными фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, въ углу помѣстить свой маленький туалетикъ, съ табуретомъ передъ зеркаломъ, прикрытымъ розовымъ чашломъ съ кисеющей отдѣлкой». Таковы «инстинкты» Лели Затаиловой. Ея «убѣжденія», благодаря «молодому обществу», въ которое она попала, тянуть совсѣмъ въ противоположную сторону. Въ этомъ обществѣ есть юный критикъ Кроликовъ (кузенъ Лели), послѣдователь и, по мнѣнію его почтателей, какъ бы замѣститель Писарева, золотушный, ябкій, вообще изюгавый, но имѣющій о себѣ чрезвычайно высокое мнѣніе и чрезвычайно развязно толкующій о Гейне, уголовномъ правѣ, вообще о всѣхъ «матерьяхъ важныхъ», какія только подъ руку подвернутся. Есть Юленька Дичъ, очень симпатичная, но немножко черезъ-чуръ развязная и съ значительной придурью

дѣвица. Есть литераторъ Минераловъ, пишущій въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, подъ псевдонимами «Гвоздь», «Заноза», «Подвальный поэтъ» и проч., вѣчно пьяный, острякъ по профессіи, отзывающійся о «своихъ» слѣдующимъ образомъ: «Люди съ идеями, новые люди, которые за словомъ въ карманъ не по-лѣзутъ, люди, для которыхъ никакихъ предразсудковъ не существуетъ, ни религіозныхъ, ни литературныхъ, ни политическихъ». Маленькій образчикъ остроумія литератора Минералова:

«— Носовые платки слѣдуетъ терять, замѣтилъ литераторъ.

— Отчего слѣдуетъ?

— Для распространенія насморка; насморкъ—это единственная вещь, которую мы имѣемъ право пропагандировать.

— Что бы вы такое желали пропагандировать? замѣтилъ Симеонъ Родионовичъ.

— А вы семейный человѣкъ или холостой?

— Семейный.

— А есть у васъ дочки?

— Слава Богу!

— Пригласите меня къ вашимъ старшимъ дочерямъ—уроки давать, возьму не дорого.

— А зачѣмъ я васъ приглашу имъ уроки давать?

— Да я... я имъ, если угодно, свободную любовь буду пропагандировать».

Фигурируютъ и другія личности въ молодомъ обществѣ, обратившемъ Лелю Затялову съ пути ея истинитовъ на путь ея убѣжденій. Есть тамъ звѣрообразный молодой человѣкъ Стяхаревъ, наглый дармоедъ, который объясняется Лелѣ въ любви слѣдующимъ, даже маловѣроятнымъ образомъ: «Чтобы любить такъ, какъ я люблю васъ, прежде всего надо животнымъ быть—имѣть зубы, чтобы кусать и загрызать своихъ соперниковъ, и имѣть дерзновеніе силой взять то, что по праву принадлежитъ только сильному. Будь вы замужемъ хоть за десятью мужьями, а и тогда не откажусь отъ того, что мнѣ забрело въ голову! Видно у меня такая натура; я не виноватъ, что вы меня привлекаете!» Есть еще въ молодомъ обществѣ нѣкто Умекоевъ, красавецъ, талантливый, но весьма пустой. Есть его кроткая любовница Маша Студенецкая. О глупости этой кроткой дѣвицы можете судить по слѣдующему ея разговору съ нѣкимъ Пулькинымъ. Пулькинь спросилъ Машу, кто, по ея мнѣнію, первый поэтъ въ Россіи.

«— Писаревъ, быстро отвѣтила Маша и также быстро поглядѣла ему въ глаза: она была увѣрена, что ея отвѣтъ изумитъ его. Но Пулькинь не изумился.

— Такъ вы думаете, что онъ поэтъ?

— Выше всѣхъ поэтовъ, какіе когда-либо были въ Россіи. Одна страница его стоитъ иногда десятка лирическихъ Пушкинскихъ или Лермонтовскихъ стихотвореній. Я уже не говорю о другихъ—тѣ просто нули..

*

— А Некрасовъ?

— Некрасова я люблю, но его Антоновича терпѣть не могу!...

Есть еще гигантъ-дѣвица Нельбитова, поднимающая восемь пудовъ и немилосердно пытаящая папирской. Молодое общество много разговариваетъ о трудѣ и наукѣ, но не прочь заняться и вещами, довольно посторонними какъ труду, такъ и наукѣ. Такъ Минераловъ предлагаетъ уроки свободной любви, такъ Стихаревъ («съ невѣроятной наглостью»), совершенно справедливо сказавъ бы г. Авсѣенко) общается «силой» добиться любви Лели Затанловой, такъ Умеконъ обнимаетъ Ману Студенцкую съ несравненно большою публичностью, чѣмъ Баламутовъ Попружину въ повѣсти г. Авсѣенка.

Это эпизодъ изъ повѣсти «Нечаянно» извѣстнаго нашего поэта Я. Полонскаго, печатающейся въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ къ «Недѣлѣ».

Жила-была третья дѣвица Наденька Ракитина... Но этой дѣвицей и ея похождениями намъ предстоитъ заняться нѣсколько пристальнѣе, потому что исторія ея походовъ составляетъ уже не эпизодъ, а все содержаніе повѣсти «Идеалистка» г-жи Анны Стацевичъ, печатающейся въ «Словѣ».

Повѣсть эта заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, авторъ ея, сколько мнѣ извѣстно — писательница начинающая и притомъ обнаруживающая нѣкоторый, хотя и не чрезвычайный талантъ. Г. Авсѣенко, г. Полонскій — люди законченные. До нихъ лично критикѣ, можно сказать, нѣтъ никакого дѣла. Ихъ произведенія могутъ служить, вонеча, объектомъ критическаго разбора, но всякіе совѣты и указанія лично имъ были бы дѣломъ совершенно празднымъ, ибо, извѣстное дѣло, ученаго учить — только портить. Г-жа Стацевичъ находится въ иномъ положеніи. Чѣмъ лукавѣе не шутить! Можетъ быть, изъ нея выработается звѣзда первой величины, которая освѣтитъ туманный небосклонъ російской словесности. Откровенно говоря, я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, но, опять-таки, чѣмъ лукавѣе не шутить, и разъ г-жа Стацевичъ обнаруживаетъ нѣкоторый талантъ, критика обязана предостеречь ее отъ фальшивыхъ путей. Дѣло г-жи Стацевичъ — принять эти предостереженія къ исполненію, или только къ свѣденію, или даже и къ свѣденію не принимать. Далѣе, съ точки зрѣнія того беллетристическаго приѣма и того поэтическаго образа, которымъ посвящаются настоящіе замѣтки, произведеніе г-жи Стацевичъ представляетъ таму, много благодарнѣйшую, чѣмъ писанія гг. Авсѣенка и Полонскаго. Уже одно то много значить, что прелестная, щедро осыпанная всѣми дарами природы дѣвица, попадающая въ неподходящіе для ея высокой природы условія, не составляетъ центра тяжести тѣхъ произведеній, тогда какъ «Идеалистка» цѣликомъ построена на этомъ мотивѣ. Кромѣ того, гг. Авсѣенко и Полонскій, хотя и выдѣляютъ своихъ героинь изъ сонма окружающихъ ихъ ходячихъ пошлостей и неблагопристойностей, изъ

породы разныхъ «истовъ» и «новыхъ людей», но все-таки и на нихъ, на героинь смотреть со стороны, съ висока. Они позволяютъ себѣ иногда легкую насмѣшку надъ прелестной дѣвицей. какъ со стороны ея инстинктвъ, такъ и со стороны ея убѣжденій. Г-жа Стацевичъ; напротивъ, всю душу свою кладетъ въ Наденьку Ракитину, чуть не молится на нее и оттого живописъ ея выходитъ наивнѣе, грубѣе, нагляднѣе и тѣмъ самымъ поучительнѣе. Извѣстно, что для всякаго опыта, наблюденія, изслѣдованія полезно уединить изучаемый предметъ, добиться условій, при которыхъ онъ сталъ бы рѣзче, грубѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ. Грубость приемовъ г-жи Стацевичъ сослужить и намъ въ этомъ отношеніи полезную службу. Мы получимъ въ почти чистомъ видѣ беллетристическій приемъ, состоящій въ наваливаніи даровъ природы на дѣвицу, не умѣющую уладить распрю своихъ инстинктвъ съ своими убѣжденіями и разочаровывающуюся во всемъ, кромѣ собственной личности, которую, однако, самому беллетристу отнюдь не полагается очаровываться.

Наденька Ракитина столь прелестна, что восхищенный своимъ созданиемъ авторъ говорить объ ней не иначе, какъ съ какинъ-то страннымъ присюсюкиваніемъ. У Наденьки не голова, а «головка», не фигура, а «фигурка», не голосъ, а «голосокъ», даже не умъ, а «умокъ». Фигурка у Наденьки, разумѣется, легкая и граціозная; голосокъ — «звучный и симпатичный», способный звучать и строго, и мягко, и насмѣшливо, и задушевно, но всегда восхитительно; головка — «вудрявая», а кудерки на ней «свѣтлорусыя, пушистыя»; «умокъ»... умокъ тоже маленькій и бѣлокуренькій. Этого послѣдняго, впрочемъ, г-жа Стацевичъ не говоритъ, напротивъ, она склонна представить «умокъ» Наденьки Ракитиной столь же сильнымъ и обширнымъ, сколь вудрява и пушиста ея головка. Но на этомъ пунктѣ мы можемъ дѣлать свои заключенія, совершенно независимо отъ подсказывающей суфлера-автора. Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о необычайной физической красотѣ Наденьки, мы должны вѣрить автору на слово. Напримѣръ, авторъ рассказываетъ: «Только что вошла она, въ корридоръ, слабо освѣщенномъ одной керосиновой лампочкой, стало вдругъ какъ будто свѣтлѣе. Это всей ея легкой фигурки, отъ оживленнаго лица, съ парой блестящихъ выразительныхъ глазъ, отъ пушистыхъ свѣтлорусыхъ кудрей, волной сбѣгавшихъ на плеча изъ подъ бархатной шалочки. вѣдало жизнь, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь». Такъ рассказываетъ авторъ и мы должны ему вѣрить, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ возможности провѣрить его показанія на основаніи имѣющихся на лицо матеріаловъ. Къ счастью, оно и не важно. Освѣщается ли корридоръ одной керосиновой лампочкой, или въ немъ, кромѣ того, горитъ факель живой красоты Наденьки Ракитиной, это за предѣлами корридора не имѣетъ ровно никакого значенія. Красота не подражаема. Уроковъ, поученій изъ нея не извлечешь. Значить, Богъ съ ней, съ провѣркой автор-

ских показаній на счетъ красоты. Но когда намъ говорятъ, что такой то человекъ уменъ и благороденъ, и не голословно говорятъ, а сообщаютъ нѣчто изъ его мыслей, чувствъ и поступковъ, то мы имѣемъ полную возможность оцѣнить степень правдивости показаній автора.

Г-жа Стацевичъ до такой степени влюблена въ свою героиню, что даже не трудится (а можетъ быть и не умѣетъ) искусно подтасовывать факты. Поэтому нѣкоторая дрянность Наденьки, прошу извиненія у влюбленнаго автора—обнаруживается сама собой, не взирая на усердное кажденіе г-жи Стацевичъ. Обнаруживается также истинная причина преслѣдующихъ «идеалистку» разочарованій. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о правдивости автора.

Наденька, какъ это всегда бываетъ съ подобными, нѣсколько аляповатыми героинями, чуть не въ утробѣ матери начала плѣнать собою свѣтъ. Достоверно, что въ гимназій (а она окончила гимназическій курсъ пятнадцати лѣтъ) учителя называли ее «звѣздой» и пророчили ей «будущность». Однажды она, въ классѣ русской словесности, прочитала отрывокъ изъ «Камюэнса» Жуковского такъ превосходно, что учитель, вмѣсто того, чтобы, на основаніи этого опыта декламациі, предсказать ей будущность актрисы, выразился вообще: «Изъ этой Ракитиной непременно выйдетъ что-нибудь особенное!»

Рано расцвѣла эта прекрасная, избранная душа, но за то рано начались для нея неудачи и разочарованія. Они начались въ гимназій. Любопытно при этомъ слѣдить за авторомъ, за тѣмъ, какъ борется въ немъ правдивость съ пристрастіемъ къ Наденькѣ.

«Между тѣмъ, какъ ея молодыя сверстницы, съ пылающими щеками, отбивали ноги и помы въ шумныхъ галлопахъ и полькахъ-мазуркахъ, Надя сидѣла въ уголку и, глядя на чужое веселье, анализировала свою душу. Она сознавала въ себѣ чувство, похожее на зависть, при видѣ своихъ веселящихся, влюбленныхъ и счастливыхъ взаимностью подружекъ». Но сама она, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, была слишкомъ серьезна («смыла bas bleu») и возвышенна для участія въ этомъ весельи и сторонилась отъ него. Такъ рассказываетъ авторъ, но отъ тутъ же, на той же и на предыдущей страницѣ сообщаетъ, что положеніе *bas bleu* было весьма почетное въ гимназій. «Это была эпоха общественнаго пробужденія, эпоха горячей вѣры въ новое время, въ новые идеалы. Всѣ чувствовали себя болѣе обыкновеннаго людьми и ждали многого отъ себя и другихъ. Учителя въ этой гимназій были болѣею частью молодые, съ любовью относившіеся къ новому учрежденію. Ученицы также учились съ любовью и сознаніемъ. Гимназисты и гимназистки вели дебаты о свободѣ и равноправности женщины, объ *эмансипациі* вообще, о началѣ всѣхъ началъ, о клѣточкѣ, объ инфузоріяхъ и монадахъ, о послѣднемъ сочиненіи Бюхнера. Въ клас-

съ закона божія урядовой читали «Отцовъ и дѣтей». Устраивались вечеринки съ танцами и съ «серьезными разговорами». Казалось бы четырнадцатилѣтнему синему чулку тутъ раздолье было. А между тѣмъ Наденькѣ «хотѣлось бѣжать прочь, въ темноту, въ тишину». Зачѣмъ бы это? отчего? Г-жа Стацевичъ представляетъ дѣло такъ, что отъ танцевъ. Но вѣдь были и «серьезные разговоры»? Не правдивѣ ли поэтому поступила бы г-жа Стацевичъ, еслибы представила Наденьку убѣгающею мысленно въ пустыню, вслѣдствіе прямыхъ неудачъ на танцевальномъ поприщѣ? Оно и естественно въ четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Впрочемъ, какъ увидитъ читатель, танцы и впоследствии играютъ важную роль въ жизни Наденьки Ракиной: все она какъ-то на нихъ сердится и все больше, кажется, за личные неудачи, потому что, собственно говоря, она любитъ танцы и додвесь, то есть до той минуты, къ которой относятся не дѣтскія воспоминанія, а самая фабула «Идеалиста». Танцы и — какъ у Лины Ипатовой и Лели Затаевой — духи, это слабость Наденьки Ракиной, важная составная часть ея «синтанкетовъ».

Но вотъ гимназическій курсъ конченъ. Нашей героинѣ шестнадцать лѣтъ. «Во всей фигурѣ ея, во всѣхъ движеніяхъ ея гибкихъ, стройныхъ, дѣтски-неразвитыхъ членовъ сквозилась особая чарующая грація, полная жизни и поэтичности и заставлявшая оглядываться на нее на улицѣ, въ толпѣ. Какъ-то случайно, одинъ завѣжій художникъ, замѣтивъ ее въ церкви, всю всесообщную не сводилъ глазъ съ этихъ мягкихъ, изящныхъ линий дѣвственнаго стана, съ этихъ смиренно скрещенныхъ на колѣнахъ рукъ, съ этой благоговѣнно сложенной головки, обрамленной вѣнкомъ волнистыхъ, золотисто-пепельныхъ волосъ. Онъ нашелъ въ ней прелестную модель св. мученицы къ иконѣ въ древне-итальянскомъ стилѣ, которую въ то время писалъ. Первое ухаживанье вскружило ей голову. Лесть и похвала дѣйствовали на нее, какъ хорошее вино, какъ шампанское. Она чувствовала тогда себя созданной для любви и поклоненія. Лѣтомъ, молодежь бѣгала за ней толпами. Сама она влюблялась безъ конца: въ завѣжаго пѣвца, въ большого музыканта, въ портретъ Тургенева, въ его глаза — «глубокіе, какъ пропасть», во всѣхъ героевъ, страдальцевъ, борцовъ, въ одного смыльного». И вдругъ все это надоѣло Наденькѣ — «пошлость, скука», говорила она и стала стремиться къ химіи, къ медицинѣ и еще къ чему то такому, что непонятно ни ей самой, ни ея биографу. Опять отчего такой странный оборотъ? Г-жа Стацевичъ объясняетъ, что отъ «пошлости и скуки» веселаго времяпровожденія. Но опять таки она столь правдива, что тутъ же сообщаетъ истинную причину душевной пертурбаціи Наденьки: «Прошло лѣто и молодежь, вертѣвшаяся около нея, мало-по-малу откланяла. «Вотъ съ ней, съ этой серьезной музыкой, не всякій способенъ переварить ее, говорила о ней эта молодежь». Помните, г-жа Стацевичъ, каковъ тутъ «серьезная музыка», когда дѣвица мила се-

бы быть «созданной для любви и поклоненія» и даже «глубокоимъ, какъ пропасть, главамъ» почтеннѣйшаго Ивана Сергѣевича не давала спуска? Музыка самая несерьезная и дѣло происходило, увѣряю васъ, чрезвычайно просто: дѣвица мнила себя созданной для поклоненія, а молодежь думала иначе, и единственно въ этомъ печальномъ обстоятельстве заключается источникъ разочарованія Наденьки Ракиной.

Потянуло Наденьку въ Петербургъ. Это ужъ какъ водится. Что ее туда потянуло — серьезная или несерьезная музыка — рѣшить до вольно трудно. Однако, вѣрная своей фактической правдивости, г-жа Стацевичъ не скрыла слѣдующаго эпизода. Однажды Наденька встрѣтила толпу заѣзжихъ изъ Петербурга молодыхъ людей, которые «шли всѣ въ рядъ и во весь голосъ, съ удивительнымъ распеваи арію изъ «Преврасной Елены»: «Всѣ мы жаждемъ любви». Надя впервые слышала такую зарезительно живую мелодію и заслушалась, какъ очарованная... И все это было тамъ, въ Петербургѣ! И трудъ, и наслажденіе!.. Ей чудилось въ ту минуту, будто она слышитъ даже гулъ этого далекаго міра, ускоренную пульсацію его жизни». Право это, кажется, не само серьезная музыка и я искренно удивляюсь почему отъ Наденьки отхлынули провинціальныя враги серьезной музыки: жить бы имъ да жить, виѣсть «всѣ мы жаждемъ любви» распевать. Развѣ вотъ что: можетъ быть, глазки Наденьки совсѣмъ не такъ выразительны, какъ рассказываетъ авторъ, а имѣютъ видъ оловянныхъ пуговицъ? Можетъ быть, у нея и какіе-нибудь другіе есть изъяны въ красотѣ или можетъ быть непоимѣрныя претензіи Наденьки отвадили провинціальныя поклонниковъ? Все можетъ быть, все, что угодно, но только не «серьезная музыка». Она тутъ рѣшительно не причесть.

Въ Петербургѣ, опять-таки какъ водится, Наденька Ракина не замедлила попасть въ кружки разныхъ «истовъ» и «новыхъ людей». Вотъ какъ воспоминаеть она объ этомъ сама: «Медикъ одинъ, напримѣръ, постоянно просвѣщалъ меня относительно «ненормальности» моей жизни; порицалъ за любовь къ духамъ (онъ понималъ одинъ ароматъ — препараточной! такъ увѣрялъ онъ, по крайней мѣрѣ), къ кричному чаю, за всѣ мои волненія, стремленія и проч. Все было ненормально, недорого. Я слушаю. Является другой — технологъ — порицаетъ за чистые во ротнички и ленточку на шеѣ: аристократизмъ, «кисейная барышня», по Писареву. «Общественный нуль — и никакой идеи!» — «Отчего вы не поступаете въ акушерки?» — Господи! говорю, да я совсѣмъ не хочу въ акушерки! Что же все акушерки, да акушерки! — «Ну, поступайте въ академію». — А кто за меня платить будетъ? А что я ѣсть буду? — «Ну, такъ въ васъ ничего не выйдетъ!» — и машеть рукой, какъ надъ отпѣтой. — Позвольте разозлившись. — Да я, говорю, ничѣмъ и не хочу быть. Я хочу быть просто человекомъ, и, если можно, образованнымъ человекомъ. — «Къ чорту образованность! Не до того! Народъ стра-

дасть. Приближается время, когда всё будет равным и свободным и никто превосходен!» И все это, замечьте, тономъ невыносимо отвратительнаго авторитета».

Надо отдать справедливость г-жѣ Стацевичъ. Вложивъ эту тираду въ уста своей обожяемой героини, она тотчасъ же возвышается уже не до фактической только правдивости, а до правдивости, такъ сказать, принципиальной, ибо немедленно заставляетъ Наденьку сознаться, что не имѣть никакого права смѣяться надъ осмѣянными ею молодыми людьми, что они много лучше ея, лучезарной Наденьки. Но это первое и послѣднее признаніе автора въ некоторой небезопасности героини. Слѣдующій кружокъ, въ который попадаетъ Наденька, раздавляетъ ея безопасность безъ всякой пощады. Кружокъ этотъ литературный. Какіе это такіе литераторы, я сказать не умѣю. Для литературной богемы они слишкомъ хорошо живутъ (пикники, балы, шампанское), для литераторовъ болѣе или менѣе серьезныхъ и, такъ сказать, прочныхъ, они слишкомъ богемы. Подробности ихъ изображенія г-жою Стацевичъ даже совсѣмъ невѣроятны для всякаго, мало-мальски знакомаго съ этой средой. Но все равно. Главное въ томъ, что Наденька Раекитина, совершенно какъ Липа Инатова, пожелала видѣть литераторовъ, но, увидѣвъ ихъ, совершенно разочаровалась.

Читатель знаетъ, что я никакой особенной предилеціи къ литераторамъ, какъ къ литераторамъ, не чувствую и даже выношу за это громы собратовъ по ремеслу, громы, гремящіе, впрочемъ, не столько изъ тучи, сколько изъ «Недѣли». Тѣмъ паче не могу я уважать фантастическихъ литераторовъ г-жи Стацевичъ, которые только и дѣла дѣлаютъ, что срываютъ цвѣты наслажденія, вальсируютъ, полькируютъ, порхаютъ отъ бокала къ бокалу и отъ одной бутылки шампанскаго къ другой. Но я долженъ по совѣсти сказать, что даже при этихъ фантастическихъ условіяхъ, разочарованіе Наденьки совершенно неуѣстно, что ей надлежало бы разочароваться только въ самой себѣ и что слѣдовательно г-жѣ Стацевичъ слѣдовало бы выбрать нѣсколько болѣе подходящій субъектъ для идеализаціи.

Посмотримъ на окружающій Наденьку персоналъ. Во-первыхъ, литераторъ Крамской, пьяный и грубый деяръ, но, что называется, человекъ съ душой и не глушій. Объ немъ будетъ рѣчь особо. Во-вторыхъ, поэтъ Талыгинъ, совершенный двойникъ Минералова, изображеннаго г. Полонскимъ: такой же пьяный, такой же наглый, такой же острословъ и такой же окотникъ пропагандировать свободную любовь. Въ третьихъ, литераторъ Павлицевъ и его жена—легкомысленная супружеская пара, живущая «по Чернышевскому». Въ-четвертыхъ, скульпторъ Истомина, не безталанный, но глупый, удостоившійся, однако, любви Наденьки. Въ-пятыхъ, докторъ Мордвиновъ, «превосходный танцоръ, сердцевѣдъ, рыцарный агитаторъ во всѣхъ тогдашнихъ студенческихъ исторіяхъ и ученыхъ, которому предстоитъ блестящая будущность».

Есть еще другіе разныя, но поименно они неизвѣстны. Все это не великіе люди, конечно, и съ большими слабостями, но рѣшительно недурныя, сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что вообще русское общество представляет. Сама Наденька получила отъ нихъ нѣсколько не маловажныхъ услугъ. Такъ она влюбилась въ глупаго скульптора Истомина, завела эту интригу довольно далеко и завела бы еще дальше, еслибы ей не остановила истинно благодѣтельная рука никого другого, какъ облившаго презрѣніемъ г-жи Стацевичъ поэта Талызина. Да, послѣ одного только разговора съ этимъ пьянымъ поэтомъ, Наденька «тутъ же, сейчасъ же постигла, что художникъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ далеко не уменъ, хотя былъ и добръ, и говорилъ тихо и извѣстно; что онъ совсѣмъ не образованъ и можетъ говорить только о своихъ статуяхъ и бюстахъ... да объ ней; и главное, что онъ мужъ другой женщины, противъ которой Наденька поступала безчестно». Ничего этого Наденька, при всей своей лучезарности и несмотря на весь свой «умокъ», не понимала до тѣхъ поръ и на все это ей раскрылъ глаза Талызинъ. Далѣе, Наденька влюбилась въ Мордвинова, а тотъ мягко, но откровенно замѣтилъ, что не любить ее и бережно отклонилъ добровольно предлагавшуюся ему жертву вечернюю. Опять ничего, кромѣ порядочности и серьезнаго отношенія. Я уже не говорю о Брамскомъ, который и работу Наденькѣ доставалъ, и руководилъ ею въ выборѣ книгъ для чтенія, и систему занятій для нея придумалъ, и вообще нянчился съ ней, какъ съ любимымъ ребенкомъ. Правда, Наденька, какъ дѣвица вполне лучезарная, могла презирать эти личные услуги и устремлять свою критику на общественную дѣятельность окружающихъ ее людей. Но тутъ мы встречаемся съ чрезвычайно странною вещью: г-жа Стацевичъ показываетъ намъ весь этотъ людъ только со стороны пьянства, кутежей, танцевъ. Но на какія же деньги странствуютъ благородные рыцари? Чтобы литераторы могли такъ весело проводить время, они должны зарабатывать кучу денегъ, а куча денегъ можетъ зарабатываться литераторами только цѣною страшнаго труда, такого труда, объ какомъ г-жа Стацевичъ, вѣроятно, даже и понятія не имѣетъ, такого труда, который въ чашотку игнорировать и въ могилу сводить. Видѣть съ тѣмъ, литературный трудъ, требующій постояннаго и усиленнаго умственнаго напряженія, по необходимости, сосредоточиваетъ занятыхъ имъ на умственныхъ интересахъ. Эти интересы могутъ быть, глядя по людямъ, мелки или важны, пониматься правильно или вкривъ и вкось, но они необходимо должны быть на лицо. И, однако, объ этой сторонѣ дѣла мы ничего не узнаемъ изъ «Идеалистки», кромѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ свѣденій о Брамскомъ. Все вниманіе какъ самой Наденьки, такъ и ея біографа, устремлено на сферу половыхъ отношеній и различныхъ увеселеній, тогда какъ, по обстоятельствамъ дѣла, совершенно невѣроятно, чтобы ничего иного Наденька и не встрѣчала.

Замѣчательно вотъ что. Съ Талызинимъ, человѣкомъ, рекомендуемымъ за отлѣтаго, Наденька заговаривала иногда, какъ очень забавно сама рассказываетъ, «объ чемъ-нибудь серьезномъ: о Спенсерѣ, о нравственности, о своихъ стремленіяхъ къ совершенствованію», на что получала только одну отвѣдь, что все это, дескать, не бабьяго ума дѣло. Но, наприимѣръ, съ «агитаторомъ и ученымъ, которому предстоитъ блестящая будущность», съ Мордвиновымъ она только танцевала, да въ жертвы себя предлагала. Правда, Мордвиновъ изумительно танцевалъ. Наденька и до сихъ поръ вспоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ съ содроганіемъ. «Вся суть дѣла была въ вальсъ», рассказываетъ она.—Онъ танцевалъ его такъ (она замѣтно вдрогнула и нервно повела плечами)... Духъ захватывало! Ни прежде, ни послѣ я такъ не танцевала». Это такъ. Но вѣдь Мордвиновъ былъ, кромѣ того, «рьяный агитаторъ» и «ученый съ блестящею будущностью». Почему же бы Наденькѣ, вмѣсто Талызина, отъ котораго завѣдомо, какъ отъ козла молока, не поговорить съ Мордвиновымъ «о Спенсерѣ, о нравственности, о своихъ стремленіяхъ къ совершенствованію». Можетъ быть, онъ такое ей сказалъ бы, что всякимъ ея разочарованіямъ конецъ насталъ бы. Можетъ быть, и нѣтъ, конечно, но отчего же не попробовать? А она именно даже и не попробовала. Наденька «все не въ то мѣсто попадала» и въ этомъ ея истинная бѣда, а совсѣмъ не въ ея лучезарности.

Какъ Наденька, такъ и ея биографъ, очевидно, весьма недоброжелательны встрѣченными ими въ изображаемомъ кружкѣ неуваженіемъ къ семейному принципу. Она (право, не разберешь, гдѣ кончается обожаемая Наденька и гдѣ начинается обожающая г-жа Стацевичъ) саркастически подчеркиваетъ, что люди эти были *сносгодителями* къ ея таинственнымъ прогукамъ въ лѣсу съ художникомъ Истоминнымъ; что *тамъ* считалось позволительнымъ мужчине публично положить голову на плечо дѣвицы. Она негодуетъ на Павлищевыхъ, которыхъ только иронически можно называть людьми «семейными» и которые живутъ «по Чернышевскому». Она негодуетъ и на Талызина, который пропагандируетъ ей свободную любовь; и на Мордвинова, который «былъ женатъ фиктивно, съ благотворительною цѣлью, и жила съ какою-то артистскою, у которой былъ свой ami de coeur». Допустимъ, что все это, въ самомъ дѣлѣ, неодобрительно. Но вѣдь Наденька играетъ роль того *diabla, qui pèche la morale*.

Чѣмъ кумушекъ считать трудится,

Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Припомните, въ самомъ дѣлѣ, какую важную роль въ дѣлѣ переправы Наденьки въ Петербургъ игралъ офенбаховскій мотивъ «всѣ мы жаждемъ любви». Припомните, что отъ свободной любви къ Истоману ее удержалъ только пропагандистъ свободной любви Талызинъ, что отъ свободной любви къ Мордвинову ее удержалъ только отказъ самого Мордвинова. Поэтому него-

дованіе Наденьки на недостатокъ уваженія къ семейному привидиу что-то подоврительно. Не потому ли оно такъ сильно, что тутъ опять замѣшались личныя неудачи, неудачи на поприщѣ той самой свободной любви, которая нынѣ объявляется зеленымъ виноградомъ? Весьма можетъ быть. Даже навѣрное такъ.

Будь я на мѣстѣ г-жи Стацевичъ, я взялъ бы весь фактическій матеріалъ «Идеалистки» (за исключеніемъ, конечно, кое-какихъ невѣроятныхъ подробностей), но воспользовался бы имъ совсѣмъ иначе. Факты остаются фактами, но рассказать ихъ можно на разные манеры, и я не могу удержаться, чтобы не привести одного образчика различія манеры, который самъ собой подвергается подъ руку.

Былъ вѣнукъ свѣтлаго праздника. На Наденьку нашелъ стихъ разочарованія. Она писала въ своемъ дневникѣ: «Первый разъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ я пропустила (этотъ и прочіе курьезы принадлежать Наденькѣ) эту ночь. Я спала, усталая, измученная всѣмъ вчерашнимъ и сегодняшней сценой съ Брамскимъ. Я не встрѣтила праздника. Я одна теперь. Глухо доносится церковный звонъ. Во всѣхъ окнахъ свѣтъ. Весь Петербургъ не спитъ. И не одинъ Петербургъ: вся Россія... Весь народъ встрѣчаетъ, а мы!.. Какъ тяжело жить чужой среди народа и не мочь уже больше вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ храмѣ, одному и тому же Богу поклониться... Семья! младенчество! вѣра! итѣ жаль тебя» и проч. Можетъ быть въ эту же самую минуту двойнику Тализина Минералову не дадутъ, какъ рассказываетъ г. Половскій, воды у Кроликовыхъ. Минераловъ доказываетъ, что ему должны дать воды, потому что сегодня праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ.

«— Да какой для васъ сегодня праздникъ, сказалъ Умеровъ. — Развѣ вы христіанинъ, чтобы праздновать Свѣтлое Христово Воскресеніе!

«— Да отчего же не праздновать? Положимъ, я не христіанинъ, такой же, какъ и вы, но я русскій человекъ, простой русскій человекъ, и то, что русскій народъ празднуетъ, я тоже долженъ праздновать: у меня съ нимъ одна душа, онъ напиивается и я напииваюсь. Какъ вы этого не понимаете!»

Такимъ образомъ въ миллионный разъ оправдывается мудрая поговорка, что les beaux esprits se rencontrent. Лучезарная Наденька Ракитина и пьяный острословъ Тализинъ-Минераловъ сошлись въ принатіи имени народа все по случаю праздника пасхи. Но какъ чувствительно выходитъ это у Наденьки и какъ грубо у Минералова!

Да, много значить манера разсказа. И вотъ почему я взялъ бы всѣ или почти всѣ факты изъ «Идеалистки», но освѣтилъ бы ихъ совсѣмъ иначе. Я ничего не имѣю противъ идеальныхъ типовъ въ беллетристикѣ. Думаю и даже увѣренъ, что русская дѣйствительность не клиномъ сошлась и можетъ давать матеріалъ для постройки образовъ рыцарей безъ патна и упрека. Думаю,

что они вполне законны, какъ продукты поэтического творчества, и были бы очень желательны. Но—не въ обиду будь сказано г-жѣ Стацевичъ—за это дѣло могутъ браться только очень умные и знающіе люди... Дѣло въ томъ, что разобратся въ «добродѣтели», въ положительныхъ качествахъ совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Взять хоть бы такое несомнѣнное, всѣми признанное положительное качество, какъ способность къ самопожертвованію. Прекрасно оно, что и говорить, но художникъ можетъ на эту тему и дѣйствительно идеальную фигуру создать, и всю обиду испортить, смотря потому, какъ и на что направить самопожертвованіе своего героя или героини. Но эта тема на столько все-таки ясна и благодарна, что даже при неправильномъ возвеличеніи самопожертвованія ради какихъ-нибудь грошовыхъ цѣлей, здѣсь все-таки можетъ получиться образъ живого человѣка, если приняты въ соображеніе другія требованія здраваго смысла. Обыкновенный приемъ неумныхъ беллетристовъ много хуже. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы навалить на героя гору добродѣтелей, даже не соображая, нѣтъ ли между ними противорѣчій, можетъ ли вынести ихъ одинъ человѣкъ, не превращаясь въ ходячій арсеналъ, въ которомъ помѣщено разнообразное смертоносное оружіе: холодное и огнестрѣльное, старое и новое, вышедшее и не вышедшее изъ употребленія, пушки и карманные револьверы. Вы, конечно, встрѣчали въ плохихъ романахъ такихъ героевъ, которые на одной страницѣ отличаются невозмутимымъ хладнокровіемъ, а на слѣдующей — неудержимой пылкостью. Неумные авторы этихъ романовъ рассуждаютъ такъ: невозмутимое хладнокровіе есть достоинство, неудержимая пылкость — тоже достоинство, а мой герой, въ качествѣ идеальнаго типа, долженъ быть носителемъ всѣхъ достоинствъ. Верблюдья выносливость, ослиная настойчивость, словесная сила, соловьиный голосъ, гренадерскій ростъ, ньютоновъ умъ, вольтеровскій сарказмъ, дѣтская невинность, лебединая шея—все это валится въ одну кучу. И можете посудить какой изъ этого выходитъ несообразный звѣрь, вмѣсто идеальнаго-то типа. Самые неумные доходятъ до того, что глаза своихъ героинь дѣлаютъ заразъ и свѣтлыми и темными, щеки — румяными и блѣдными, бусы — роскошными и дѣйствиительно-несложившимися. Потому—и голубые глаза героини, и черные тоже хороши и проч. Если у такого неумнаго художника есть маленкая практическая сметка или литературный навыкъ, онъ непремѣнно нарываетъ изобразить, что называется, порывистую натуру. Эта все вынесетъ: сегодня у нея могутъ быть румяныя щеки, а завтра онѣ могутъ поблѣднѣть интересною блѣдностью; сегодня она вся—страсть, огонь, завтра вся—мудрость и самоотреченіе. Это очень легко, конечно, живописать, но за то и не умно, во-первыхъ, а во-вторыхъ страшно надоело.

Таковы опасности, предстоящія соиздателямъ идеальныхъ типовъ, и г-жа Стацевичъ, къ сожалѣнію, не избѣжала этихъ фальши-

выхъ путей. Ея Наденька, раздавленная горой красоты, ума и добродѣтели, есть именно такая порывистая натура, которой лѣбезность автора предоставляетъ право носить сегодня дѣтски-румяныя, а завтра интересно блѣдныя щеки, сегодня являться мудрою, яко змій, а завтра легкомысленно порхать, подобно красивой бабочкѣ. Это въ порядкѣ вещей, такіе люди бываютъ, это даже самые обыкновенные, уличные, такъ сказать, люди, но помѣться на нихъ совсѣмъ не полагается. Они, болѣею частью, дражныя люди и могутъ много напакостить своимъ ближнимъ. Г-жа Стацевичъ заставляеть Наденьку дѣлать выписки изъ всевозможныхъ книгъ на всевозможныхъ языкахъ; заставляеть ее штудировать Тацита и Гёте, Шекспира и Спинозу, Милля, Костомарова и Адама Смита; заставляеть ее писать въ дневникѣ: «*Stabo quoquoque ferar* — т. е. устою, гдѣ бы я ни былъ. Какой дивный языкъ!— скала! Зачѣмъ это насъ не учили по-латыни?!»— Подождите, *chère et charmante mademoiselle*, г. Катковъ еще возведеть васъ на эту скалу, а пока вы бы хоть съ тѣмъ мало-мальски справились, чему васъ учили. А то вотъ у васъ «на туалетѣ, посреди флавоновъ съ духами (эти мѣѣ духи!), на самомъ видномъ мѣстѣ эффектно красовался блѣдоснѣжный алебастровый бюстъ Свифта». Каково положеніе бѣднаго Свифта! могъ ли когда нибудь вообразить великій сатирикъ, что черезъ какихъ-нибудь сто, сорокдвадцать-пять лѣтъ послѣ его смерти, лучезарная *m-lle* Ракатина, съ полнымъ сознаниемъ своей лучезарности, будетъ держать его бюстъ среди косметиковъ. Бѣдный Свифтъ и... счастливые духи, хотѣлъ-было я сказать. Уположеніе Наденьки лучше всего характеризуется этимъ сопоставленіемъ на одномъ туалетѣ Свифта и духовъ и, главное, самодовольствомъ по этому поводу. Она знаетъ, что хорошіе духи хороши и что Свифтъ тоже хорошая штука, а потому, не обинуясь, валеть ихъ въ одну кучу. Опять-таки я не говорю, что такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ. Напротивъ, ихъ много, слышкомъ много, но изображать ихъ надо не съ колѣнопреклоненіемъ, а на манеръ хоть бы того, какъ Свифтъ отдѣлывалъ ханжей и лицемѣровъ.

Будь я на мѣстѣ г-жи Стацевичъ, я бы, пожалуй, оставилъ Наденькѣ ея красоту, хотя и то, въ виду несомнѣнныхъ ея неудачъ на поприщѣ любви и танцевъ, надо бы немножко сбавить краски. Можно бы, наприимѣръ, оставить Наденькѣ кудрявую шевелюру, но предоставить оловянные глаза или устроить носъ пуговицей. Что-нибудь въ этомъ родѣ. Далѣе я вложилъ бы въ нее огромный запасъ самолюбія, претензій, желанія блистать, первенствовать въ чемъ попало, безъ разбора, но одарилъ бы ее далеко не такъ щедро умственными и нравственными качествами, какъ это сдѣлала г-жа Стацевичъ. Вслѣдствіе такого разлада между претензіями и средствами, Наденька терпѣла бы рядъ неудачъ и естественно переходила бы отъ одного «порыва» къ другому: не удается въ танцахъ—она погружается въ науку; не удается въ наукѣ—она купается въ духахъ и все стремится.

стремится никому, ниже ей самой не известно куда. Фактически оно такъ и у г-жи Стацевичъ выходитъ.

«Первая лезть вскружила голову» Наденькѣ, когда ей было шестнадцать лѣтъ. Она возмнила себя созданной для поклоненія и любви, но вотъ неудача: молодежь оставила ее втулѣ, и Наденька немедленно признаетъ свои увлеченія «пошлостью и скукой» и мечтаетъ о химіи, о медицинѣ. Не выгорѣло съ химіей, Наденька подъ звуки «Прекрасной Елены» маршируетъ бѣглимъ шагомъ въ Петербургъ. Здѣсь она сталкивается съ разной молодежью, которая худо ли, хорошо ли высказываетъ свои мысли, но вѣрно отбѣиваетъ m-lle Ракитину, и m-lle Ракитина отворачивается. Попадаетъ она къ литераторамъ. Когда она въ первый разъ пришла къ Крамскому, тамъ было (какъ и въ произведеніяхъ гг. Полонскаго и Авсеенки) страшно накурено, стояли бутылки, стаканы, говорили люди о своихъ литературныхъ дѣлахъ. А m-lle Ракитина, еще полная мотивомъ «всѣ мы жаждемъ любви», сидитъ «среди всего этого какой-то феей, въ кисей, кружевахъ, перчаткахъ gris-perle!» Естественно, что передъ ней колѣна не преклонились. «Вы понимаете, рассказываетъ она:— мнѣ хотѣлось быть тоже замѣченной и тоже говорить!» А ее не замѣтили! Неудача! Везуть Наденьку къ «семейнымъ» литераторамъ Павлищевымъ на дачу. Тамъ ее встрѣчаютъ ласково, но не особенно почтительно и даже немножко насмѣшливо. Наденька вспоминаетъ: «Я попросила не беспокоиться обо мнѣ, предоставивъ мнѣ, какъ и другимъ, полную свободу дѣлать что хочется. Я воображала, что сказала нѣчто умное и либеральное. Это произвело «фуроръ», но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: всѣ переглянулись и расхохотались. Мнѣ хотѣлось провалиться на мѣстѣ». Неудача! Да и вообще новые знакомые не отбѣили многообразныхъ достоинствъ лучезарной Наденьки. Правда, Талызинъ пристаётъ къ ней съ свободою любовью, но Талызинъ пьяница и ко всѣмъ съ свободою любовью пристаётъ. Правда, въ Наденьку влюбился Истоминонъ и она ошастливила его взаимностью, но скоро оказалось, что она постыдно разметала бисеръ своей взаимности, если не передъ свиньей, то передъ самымъ глупымъ и даже, кажется, единственнымъ глупымъ человекомъ изъ всей кампаніи. Правда, въ Наденьку влюбился еще, какъ кошка, Крамской, но Крамской не молодецъ, не красивый, грубъ, пьянъ и, несмотря на эти недостатки, до такой степени все таки заслоняетъ собой въ глазахъ новыхъ знакомыхъ лучезарную Наденьку, что они только по отношенію къ нему и дѣяютъ Наденьку. Она вспоминаетъ: «Для нихъ она, со всей ея внутренней жизнью, въ сущности, сама по себѣ и не существовала; на нее обращали вниманіе потому, что знали, что Крамской къ ней не равнодушенъ». Опять, значить, обила, опять неудача и Наденька, какъ угорѣлая, мечтаетъ то въ оперу, то въ Адама Смита и Тацита, то въ сляніе съ народомъ по вопросу о празднованіи Свѣтлаго Христова Воскресенья. И нигдѣ.

нигдѣ не удастся ей добиться колѣнопреклоненій и овнамовъ Вѣдная Наденька ..

Попадаетъ Наденька на литературный никкинь. Этогъ пикнигъ, по своей фантастичности, заслуживаетъ воспроизведенія: «У каждого мужчины была своя дама — и непременно не жена: *conditio sine qua pop.* Танцы были тоже какіе-то импровизированные. Въ одномъ углу пляшутъ и расцвѣдаютъ *capagnole*; въ другомъ — самые сливки интеллигенціи, сѣдородные мужи, должно быть, вспоминая Парижъ и бульварныя сцены 48-го года, въ шляпахъ, съ сигарами въ рукахъ, топчутъ ногами и расцвѣдаютъ марсельбзу... Здѣсь въ бѣшеной мазуркѣ несутся влюбленныя пары... Тамъ — какой то несладкий галопъ почтеннаго критика въ юнѣхъ подъ ручку съ мизерными лысими педагогомъ. Однимъ словомъ, картина! И все это подъ авомпаниментъ хохота, пѣсенъ и болтовни, подъ громогласное пѣніе Крамского». Но у Вѣдной Наденьки, несмотря на ея лучезарность, не было кавалера, хотя ея положеніе, какъ дѣвочки, было въ этомъ отношеніи особенно выгодно тамъ, гдѣ «у каждого мужчины была своя дама и непременно не жена». Оловянные глазки Наденьки затуманились, зурносый носикъ покраснѣлъ, она сѣла въ уголь и задумалась о суетѣ мірской. Но вотъ къ ней довольно вольно подсѣлъ Мордвиновъ и позвалъ танцовать. Наденька мигомъ воспрянула: ее замѣтили! Въ знакъ благодарности, она тотчасъ же влюбилась въ Мордвинова, но когда тотъ ее отвергъ, она окончательно познала всю мелкость окружающихъ ее людей и опять заметалась на всемъ невообразимо громадномъ и невообразимо пустомъ пространствѣ, граничащемъ съ одной стороны Свифтомъ, а съ другой *violettes de Parme*.

Вѣдная Наденька! Еслибы ея біографія состояла только изъ подобныхъ неудачъ, то, несмотря на всю мелочность мотивовъ ея несчастія, можно бы было простить ей ея неосновательныя бутады на людей, не оцѣнившихъ ея оловянныхъ глазъ, и отъ души пожалѣть ее. По чловѣчеству пожалѣть. Даже не по чловѣчеству, а такъ, какъ неволью жалѣешь всякую тварь божію, чистую и не чистую, если видишь, что ея жизнь неприятно сложилась. Конечно, всѣ эти пререканія съ разными «новыми людьми», «агитаторами», «сливками интеллигенціи» и проч., пререканія изъ-за собственныхъ прекрасныхъ или непрекрасныхъ глазъ, остаются, во всякомъ случаѣ, негнѣными и неприглядными. Но самую обладательницу глазъ все-таки пожалѣть можно.

Однако, я не жалѣю Наденьку. Окончанія «Идеалистскія» еще гнѣтъ на лицо и я не знаю, какъ справится авторъ съ своей героиней. Думаю, что онъ ее уморитъ. Наденька еще и еще разъ пронесется бабочкой со Свифта на флаконъ *violettes de Parme* и обратно, совѣмъ, совѣмъ убѣдится, что никто не въ состояніи оцѣнить ее, и, истомившись, умереть. Умереть какънибудь особенно. Либо на солнцѣ растаетъ, либо, какъ роза,

увидеть и душа ее, видимо для всей публики, вознесется на небо, какъ возносится душа Маргариты въ оперѣ «Фаустъ», а могилу ее закроютъ цѣлой горой цвѣтовъ западной поклонники. Или, какъ поется, въ какомъ-то водевилѣ, Наденька... «съ флаконами въ рукахъ, станетъ плавать вся въ духахъ». Поплаываетъ, поплаываетъ и утонетъ, какъ новая и гораздо болѣе ароматическая Офелія, а благодарные парфюмеры изобрѣдутъ новые духи «Надинъ аромативъ». Но даже и въ такомъ трагическомъ случаѣ я не пожалѣю о Наденькѣ и буду имѣть жестокость сказать: дурная трава изъ поля вонь.

Если вы потрудитесь внимательно прочитать тѣ страницы «Идеалистки», на которыхъ описываются взаимныя отношенія Крамской и Наденьки Ракиной, вы должны будете согласиться, что я правъ. Крамской—самая симпатичная фигура въ «Идеалисткѣ». Это человѣкъ слабой воли и не богъ знаетъ какихъ широкихъ идеаловъ, но сама г-жа Стацевичъ признаетъ за нимъ и умъ, и душу недюжинную. Онъ безъ памяти влюбленъ въ Наденьку. И посмотрите, какъ дрянно, какъ—скажу прямо—подло играетъ лучезарная дѣвица на этомъ инструментѣ. Наденькѣ, замѣйте, двадцать три года. Годы, конечно, молодые, но двадцать три года не шестнадцать лѣтъ, особливо когда обладательница ихъ глотаетъ и Гёте, и Милля. Шестнадцати семнадцати лѣтней дѣвочкѣ простиительно, играючи, царапать чужую душу по невѣденію. Но что прощается котятамъ, за то кошекъ бьютъ. Наденька, какъ ни глупа она (въ этомъ надо признаться), понимаетъ, что Крамской ее любитъ и мечтаетъ на ней жениться. Сознаетъ она также, что сама она его полюбить никогда не можетъ, хотя бы уже потому, что еслибы этотъ честный и умный человѣкъ пустился въ область хореографіи, такъ у него вышло бы нѣчто въ родѣ медвѣжьяго представленія, какъ дѣвка горохъ воруетъ. А для Наденьки «вся суть была въ вальсѣ». Но Наденька понимаетъ, кромѣ того, что Крамской человѣкъ слабый, на которомъ ѣздить очень легко, и потому неустанно, изо дня въ день, щечочекъ его, позволяя себѣ, въ качествѣ «порывистой натуре», то приласкать несчастнаго, то оттолкнуть, то подразнить, то чуть не на шею къ нему дѣтъ и унижать то себя, то его. Словомъ, изъ жизни человѣка, и безъ того намученнаго и беспспорно заслуживающаго лучшей участи, лучезарная Наденька ухитрилась устроить адъ; настоящій адъ, въ сравненіи съ которыми ближайшій г-жею Стацевичъ образъ жизни нетолкы Павлицевыхъ и Мордвинова, но самого Талызина есть образчикъ свѣта и чистоты. Истинно противно читать описаніе этихъ пакостныхъ отношеній. Тѣмъ болѣе противно, что г-жа Стацевичъ рассказываетъ все это не въ судъ и осужденіе своей русокудрой любимицы, а въ видахъ идеализаціи дѣвочки не просто пустой, а положительно дрянной. Мало-мальски порядочная дѣвушка, даже изъ тѣхъ, которыя довольствуются духами и не слыхивали о Свифтѣ, съумѣла бы порвать пакостныя отношенія.

ну хоть бы на другую квартиру, но крайней мѣрѣ, переѣхала изъ уваженія къ себѣ и изъ состраданія къ Крамскому. Это, кажется, элементарно и наикисейнѣйшей барышнѣ доступно. А Наденька, столь щедро осыпанная нравственными и умственными дарами природою, у которой, у которой, по ея собственнымъ словамъ, «дѣльный мѣръ въ свободной и пылкой душѣ», остается жить съ Крамскимъ стѣна объ стѣну, дверь объ дверь въ меблированныхъ комнатахъ. Мало того, что она пользуется на каждомъ шагу его услугами и не дѣлаетъ ни одного шага для измѣненія отношеній, она не пользуется даже тѣми благопріятными для разрыва случаями, которые ей сама судьба посылаетъ. Напримѣръ, Крамской рѣшаетъ переѣхать на новую квартиру, сосѣди ему не нравятся. Наденька отнюдь не раздѣляетъ этого взгляда на сосѣдей и все-таки переѣзжаетъ вмѣстѣ съ Крамскимъ, чтобы и на новой квартирѣ не оставить его въ покоѣ! Въ другой разъ, измученный Крамской объявляетъ Наденькѣ, что ѣдетъ завтра въ деревню. Кажется, чего бы лучше. Но посмотрите, какъ ломается по этому поводу лучезарная дѣвица, то «не поднимая головы отъ штыя», то «поднимая на него свои грустные глаза», то говоря «тихо и печально», то говоря «чуть слышно и смущенно». Этакая мерзость! А когда Крамской уходитъ, она спрашиваетъ у себя: «Вотъ вѣдь какъ будто я и виновата передъ нимъ... а чѣмъ?»—Вы не понимаете, чѣмъ, *chère et charmante mademoiselle*? Вы не понимаете, Надинь ароматикъ? Но за что же: скажите, за что г-жа Стацевичъ обліяла васъ сусальнымъ золотомъ и посадила на пьедесталъ и увѣчала розами и обліла благовопіями, когда вы такъ неизмѣримо глупы и такъ уродски лишены нравственнаго чутья? Я не удивлюсь, если узнаю изъ второй части «Идеалистки», что Крамской ругаетъ Наденьку, какъ ломовой извозчикъ, пожалуй, даже бьетъ ее, а она все тянетъ свою пакостную канитель. Крамской—человѣкъ грубый и пьяный, а Наденька, съ своей стороны, дѣлаетъ все нужное для того, чтобы довести пьянаго и грубаго человѣка до непечатныхъ словъ и драки...

Полюбуйтесь же, г-жа Стацевичъ, какую дрянь вы возвеличали насчетъ разнаго рода «новыхъ людей». Не говорю, чтобы эти люди огуломъ не заслуживали никакого порицанія; но, во всякомъ случаѣ, не Надинь ароматикъ можетъ бросить въ нихъ камень. Это-то уже вѣкъ сомнѣнія. Припомните тоже на будущее время, что для созданія идеальнаго типа требуются такіа данныя, которыхъ вы, по крайней мѣрѣ, теперь (дай вамъ Богъ умѣть и учиться) не имѣете.

Вотъ тоже г. Писемскій трикнулъ старинной и создалъ идеальный типъ...

Впрочемъ, позвольте сначала вернуться къ повѣсти г. Полонскаго «Нечаянно». Какъ уже сказано, центръ тяжести повѣсти составляетъ не Лея Затамова и не «молодое общество», увлекшее

ее съ пути *violettes de Ragne* на путь Свифта. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ такъ, а повѣсть г. Полонскаго еще не кончена. Сюжетъ въ томъ, что молодой чиновникъ Пулькинъ нашелъ на улицѣ бумажникъ съ пятью тысячами. Нашелъ и присвоилъ, а чтобы замаскировать дѣло, объявилъ, что у него умеръ дядя, оставившій ему 50,000. Постепенно усиливая вранье, Пулькинъ довелъ эту цифру даже до 200,000. Ну, разумеется, отношенія къ нему знакомыхъ переѣнились, когда онъ оказался богачемъ, а незнакомые спѣшили познакомиться. Для поддержанія своего вранья, Пулькинъ долженъ жить далеко несообразно съ размѣрами найденнаго имъ на улицѣ капитала, часть котораго у него вдобавокъ украли Бумажникъ, кажется, принадлежать опекуну Лели Затайловой, на которой Пулькинъ собирается жениться. Изъ всего этого выходитъ длинный, сложный и запутанный водевиль. Да, къ сожалѣнью, только водевиль, хотя сюжетъ могъ бы дать матеріалъ и не для водевиля. Пулькинъ задумавъ очевидно: «Нельзя сказать, чтобы въ душѣ Пулькина не было честныхъ и благородныхъ побужденій. Не даромъ же онъ считалъ себя гражданиномъ, страдающимъ недугами своего отечества, не даромъ читалъ современные романы и сочувствовалъ героямъ идеальнымъ и съ европейской точки зрѣнія, но на каждое такое честное побужденіе появлялось въ немъ по нѣскольку явныхъ хищническихъ побужденій, порожденіями (?) среды, избалованности, нужды разлагающейся, гнилой нравственности нашего общества». Это очень распространенный и очень поучительный сортъ людей. Хищническіе инстинкты, конечно, въ концѣ-концовъ, большею частью преодолеваютъ въ нихъ «честныя побужденія». Но до поры до времени, у нихъ обыкновенно не хватаетъ достаточно наглости для производства грабежей. Ихъ должна подтолкнуть какая нибудь случайность, а тамъ уже они и сами подъ гору покатятся или, пожалуй, въ гору ползутъ. Въ видахъ пикантности, недурно взять такую случайность, на какой вертится повѣсть г. Полонскаго: нашелъ человекъ 5,000, совралъ, что получилъ наследство въ 50,000—200,000 и долженъ вести себя соответственно. Понятно, какую великолѣпную и враздвину ю картину могъ бы написать на эту тему настоящий мастеръ, окруживъ мнимаго богача Пулькина соответствующимъ персоналомъ. При достаточной серьезности и подготовленности художника, фиктивное богатство Пулькина могло бы сослужить службу не хуже мертвыхъ душъ Чичикова. Но г. Полонскій предпочелъ, во-первыхъ, водевиль, а во-вторыхъ, направилъ стрѣлы своей водевильной сатиры на такихъ, по малой мѣрѣ, невинныхъ и безвреднѣйшихъ людей, какъ юный критикъ Кроликовъ, литераторъ Минераловъ, поклонница Писарева Мама. Студенецкая и проч. Ничего, конечно, и не вышло.

Много серьезнѣе посмотрѣлъ на свою задачу г. Писемскій, когда писалъ романъ «Мѣщане», печатавшійся сначала въ «Пчелѣ» и теперь вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

Задача романа лучше всего характеризуется слѣдующей тирадой одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «... и такимъ образомъ Таганка и Якиманка безапелляціонные судьи актера, музыканта, поэта... Дѣло не въ людяхъ, а въ томъ, что силу даетъ этимъ господамъ и какую еще силу: совѣсть людей становится въ рукахъ Таганки и Якиманки... Рассказываютъ даже, что ищущи въ Москвѣ, болѣе прозорливые, начинаютъ принимать православіе, чтобы только угодить Якиманкѣ и на благосклонности оной сотворить себѣ честь и благодѣянію... Это бессмыслица какая-то историческая! разные рыцари, чтобы тамъ про нихъ ни говорили, и всевозможные войны ломали себѣ ребра и головы, чтобы добыть своей родинѣ какую нибудь новую страну, а Таганка и Якиманка поѣхали туда и нажили себѣ тамъ денегъ... Великіе мыслители иссушили свои тяжеловѣсные мозги, чтобы дать міру новыя открытія, а Таганка, эксплуатируя эти открытія и обчитывая при этомъ работника, зашибла и тутъ себѣ копейку и теперь комфортабельнѣйшимъ образомъ разъѣзжаетъ въ вагонахъ 1-го класса и поздравляетъ своихъ знакомыхъ по телеграфу со всякими вздорами... Наконецъ самъ Бетховенъ и божественный Рафаэль какъ будто затѣли только и горѣли своимъ вдохновеніемъ, чтобы развлекать Таганку и Якиманку... Я совершенно убѣжденъ, что всѣ ваши московскіе Сентъ-Жермены, т. е. Тверскіе бульвары, большія и малыя Никитскія о томъ только и мечтаютъ, къ тому только и стремятся, чтобы какъ нибудь угодиться и сравниться съ Якиманкой и Таганкой... Еслибы вопросъ только о жизни былъ, тогда и говорить нечего; но тутъ хотять шубу на шубу надѣть, сразу хапнуть, какъ Екатерининскіе вельможи дѣлали: въ десять лѣтъ такіа состоянія наживали, что послѣ три, четыре поколѣнія мотають, мотають и все-таки промотать не могутъ!»

Въ этихъ словахъ, по общему мнѣнію г. Писемскаго, очень грубо, но очень вѣрно намѣчается одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашего времени. Г. Писемскій уже не въ первый разъ принимается за эту тему. Его послѣднія комедія «Ваалъ» и «Просвѣщенное время» построены на томъ же мотивѣ, хотя, къ сожалѣнію, это не литературныя произведенія, а какія-то рожи. Какъ бы то ни было, но «ищанство», это по-европейски значить буржуазія, и пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, концы слѣдуетъ наше отечество. отъ тѣхъ, по которымъ шла и идетъ Европа. Еще есть, конечно, до известной степени возможность позаимствовать у историческаго опыта Европы все хорошее и избѣжать дурного. Но для этого нужны энергическія усилія, а не бессмысленное закрываніе глазъ на то, что кругомъ насъ творится. Лучшее средство умереть отъ заразительной болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы, ходя среди больныхъ, увѣрять и себя и другихъ, что опасности никакой нѣтъ. У насъ силою и рядомъ можно услышать утѣшительные разговоры насчетъ того, что мы, такъ сказать, не

отъ міра сего, ебъ нашинъ не думаютъ, а потому и буржуазіи крестить изъ себя не можемъ. Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглаголяются, оборная команда купцовъ, помѣщиковъ, предпринимателей и мулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нащъ отечественный сощтыкъ и притомъ пока еще не сомкнутому корпоративнымъ духомъ. Такъ какъ, благодаря нашей умшленной или неумшленной, намѣренной или вынужденной слѣпотѣ, ростъ этого элемента происходитъ совершенно безконтрольно; такъ какъ мы не хотимъ или не можемъ видѣть, какъ слагаются и врѣшнуть Таганка и Якиманка, какъ Тверской бульваръ за ними тянется и какъ вообще вся старая Русь (хороша ли она или дурна сама по себѣ) фактически совершенно разворочена, то въ одинъ прекрасный день мы можемъ получить не совсѣмъ пріятный сюрпризъ. И сюрпризъ этотъ будетъ почище тѣхъ ежедневныхъ, чуть не ежеминутныхъ кражъ и грабежей, которые нынѣ поражаютъ наивныхъ людей своей наглостью. Впрочемъ, это въ настоящую минуту смѣтъ не подходящій. Вѣрно то, что г. Писемскій, какъ авторъ «Мѣщанъ» правъ: Таганка и Якиманка и расширение ихъ власти и значенія — фактъ. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Писемскаго за его намѣренія.

Что же касается до исполненія... Что касается до исполненія, то «Мѣщане» много приличіе «Ваала» и «Просвѣщеннаго времени». Но это очень небольшая похвала, а большой похвалы «Мѣщане» не заслуживаютъ. Какая-то странная, площадная грубость красокъ и приемовъ и способность изображать вмѣсто людей деревянныхъ болвановъ портить всѣ благія намѣренія г. Писемскаго. Притомъ же намѣренія его благіа только съ отрицательной стороны. Еслибы онъ даже превосходно изучилъ и представилъ читателю собственно «Мѣщанъ», все таки дѣло было бы испорчено главной фигурой романа, въ которой авторъ воплотилъ свои положительныя идеалы.

Въ Бѣгушевѣ (такъ зовутъ героя «Мѣщанъ») мы опять имѣемъ образчикъ совершенно несообразнаго звѣря, вмѣсто идеальнаго тина, какимъ онъ долженъ бы былъ быть по замыслу автора. Г. Писемскій — человекъ немолодой и много видовъ на своемъ вѣку выданный. Судя по чрезвычайно комической наивности и неумѣстности, съ которыми онъ влагаетъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ разсужденія о «теоріи Бенѣе», о пантеизмѣ, о солнцѣ, какъ источникѣ жизни на землѣ, и т. п., надо думать, что самъ г. Писемскій только на дняхъ получилъ нѣкоторые свѣденія объ этихъ «матерьяхъ важныхъ». Конечно, лучше поздно, чѣмъ ни когда, и я очень радъ за г. Писемскаго. Но, въ устахъ почтеннаго возрастаго человека, комическая наивность и неумѣстность разсужденій на ученныя темы свидѣтельствуютъ о значительномъ безпорядкѣ его умственного развитія. Видно, что развитіе это происходило, такъ сказать, словообразно: верхній слой дожилса

на нижній, не мало не измѣняла его, не ассимилировала его и сама не ассимилировалась. Маленькая и даже не маленькая путаница понятій при этихъ условіяхъ очень естественна. Вслѣдствіе того, г. Писемскому особенно трудно разобраться въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, о хорошихъ и дурныхъ качествахъ, а потому трудно создать идеальный типъ. Что Вѣгушевъ красивъ, уменъ и благороденъ не плеше Наденьки Ракитиной — это уже само собою разумѣется. Но г. Писемскій пожелалъ еще наградить своего любимца огромнымъ богатствомъ, богатырскою грудью, физическою храбростью, способностью и охотою пить по три бутылки вина въ день, тончайшимъ гастрономическимъ вкусомъ, «бѣшеннымъ характеромъ» и многими другими грандіозными вещами. Главное тутъ дѣло въ грандіозности, въ томъ, чтобы никто и никогда не могъ перещеголять Вѣгушева. Выходить чрезвычайно забавно, а отчасти и стыдно за автора. Напрямѣръ, такой казусъ. Нѣкто Янсунскій, изъ «мѣщанъ», человѣкъ наглый, глупый и мошенникъ празднуетъ день своего рожденія обѣдомъ въ трактирѣ. Въ обѣдѣ, вообще роскошномъ, фигурируютъ, между прочимъ, трюфели. На обѣдѣ, въ числѣ конвивовъ, присутствуютъ Вѣгушевъ и его любовница. Вѣгушевъ уѣзжаетъ съ обѣда крайне всѣмъ недовольный и въ тотъ же день даетъ своей любовницѣ ужинъ у себя дома.

«Они прошли въ столовую.

— Я нарочно велѣлъ приготовить пулярду съ трюфелями, чтобы вамъ показать, какіе могутъ быть настоящіе трюфели сравнительно съ тѣми пробками, которыми насъ угощали сегодня нашъ амфитріонъ... И Вѣгушевъ самъ наложилъ Доминѣ Осиповнѣ пулярды и трюфелей. Она скушала ихъ всѣ.

— Есть, надѣюсь, разница? спросилъ ее Вѣгушевъ.

— Да! согласилась Домна Осиповна, но въ самомъ дѣлѣ она такъ не думала и даже врядъ ли тѣ трюфели ей не больше нравились.

— Теперь позвольте вамъ предложить и краснаго вина, которое, надѣюсь, повыше сортомъ вина изъ садовъ герцога Бургундскаго! (за такое выдалъ свое вино мошенникъ Янсунскій).

— О, это гораздо лучшее вино, согласилась Домна Осиповна, все-таки не чувствуя въ винѣ никакого особеннаго превосходства. Въ слѣдующемъ затѣмъ маседуанѣ она обнаружила, наконецъ, нѣкоторое пониманіе.

— Какъ хорошо это пирожное; его никакъ нельзя сравнить съ давешнимъ!... начала уже она сама.

— Это изъ свѣжихъ фруктовъ, а то изъ сушеной дряни. Мѣщане!... Они никогда не будутъ порядочно вѣсты! заключилъ Вѣгушевъ».

Къ этому прибавить надо, что въ числѣ многообразныхъ достоинствъ Вѣгушева значится «отвлеченное міросозерцаніе»... На что уже отвлеченнѣе! Но если человѣкъ съ «отвлеченнымъ міросозерцаніемъ» можетъ пиквироваться съ «мѣщанами» изъ-за

труффелей и маседуана, то почему-же человѣку съ «бѣшеннымъ характеромъ» не отличаться мягкостью и уступчивостью? («Неукротимость», «бѣшенный характеръ»,—это въ старыя годы считалось, а все гдѣ и теперь считается большимъ достоинствомъ. Не могъ же обойти его г. Писемскій въ инвентарѣ добродѣтелей положительнаго типа! Однако, Бѣгушевъ только самъ говорить о своемъ бѣшеномъ характерѣ, да еще Домна Осиповна зоветъ его «своимъ тигромъ»). На самомъ же дѣлѣ Бѣгушевъ больше на овцу или барана похожъ и не только, на всемъ протяженіи романа, ни одного «бѣшеннаго» поступка не совершаетъ, то постоянно «сдерживается» и «смягчается». Однако, и то сказать: сдержанность и мягкость тоже добродѣтели и нельзя же ихъ мнновать.

Самый планъ идеальнаго типа, раздавленнаго горюю столькожъ «достоинствъ», уже предрѣшалъ вопросъ объ общественномъ положеніи героя. Само собою разумѣется, что пять по три бутылка превосходнѣйшаго вина въ день и угощать изумительными труффлями и маседуаномъ можетъ только очень богатый человѣкъ. А очень богатаго человѣка можно взять только или изъ «мѣщанъ», или, такъ какъ задача состоитъ въ покараніи и облаженіи мѣщанства, въ старинныхъ помѣщикахъ. Такимъ образомъ и вышелъ послѣдній могиканъ Бѣгушевъ, сына старата дворянства, подъ которую тщетно подмываются волны мѣщанства. Конечно, послѣдній могиканъ обнаруживаетъ мало проникательности, ибо по поводу настоящей турецкой войны замѣчаетъ: «Меня въ этой войнѣ одно радуетъ, что пусть хоть на время рыцарь проснется, а мѣщанинъ позатихнетъ». Это называется попасть пальцемъ въ небо. Но оно, впрочемъ, и приличествуетъ послѣднему могикану.

Вообще мысль противопоставить послѣдняго могикана растущей слѣбѣ мѣщанства нельзя признать неудачною. Напротивъ, это тѣмъ очень благодарная. Но при разработкѣ ея надо имѣть въ виду слѣдующее. Что бы ни говорилъ Бѣгушевъ объ идеалахъ (а онъ говоритъ большею частью страшныя глупости, хотя всѣ остальные дѣйствующія лица романа и самъ авторъ считаютъ его чуть не гениемъ), но самая суть его будировація состоитъ въ томъ, что какіе-то прощальныя, смыслящія въ труффляхъ столько же, сколько свинья въ апельсинахъ, покушаются на это достоинствѣ знатковъ и исконныхъ обладателей этого блага. Рыцарями Бѣгушевыхъ можно называть только въ шутку, а въ сущности они рыцари труффельнаго права. Значить, вся борьба идетъ собственно изъ-за того, кому принадлежитъ право ѣсть труффели: разбогатѣвшимъ мѣщанамъ или родовымъ дворянамъ. Борьба, безъ сомнѣнія, любопытная, достойная вниманія мыслящаго художника. Но такъ какъ обѣ стороны стоятъ на одной и той же почвѣ, то ни та, ни другая не могутъ выставить идеальнаго типа, безъ грубой размалевки и варьированнаго нагораживанія «достоинствъ». Какія, въ самомъ дѣлѣ, мало-мальски раз-

ужныя основанія можно привести для признанія любви къ труффелямъ въ Бѣгушевѣ достоинствомъ, а въ Янсутовѣ—недостаткомъ? Въ Янсутовѣ она, по крайней мѣрѣ, вывется со всѣми остальными его содержаниемъ, а Бѣгушевъ вѣдь объ идеалахъ толкуеть, рыцаремъ себя полагаетъ. Поэтому, даже съ чисто эстетической точки зрѣнія, какъ художественный образъ, Бѣгушевъ неизбѣжно долженъ былъ выдти плохъ, какимъ онъ и вышелъ у г. Писемскаго. Положительнымъ типомъ, героемъ романа «Мѣщане», романа, дѣйствительно заслуживающаго этого заглавія, могъ бы быть только такой человекъ, который не борется за труффельное право, а отрицаетъ его. Скоро ли мы такого романа дождемся, этого я не знаю. Думаю, впрочемъ, что скоро, потому что давно пора.

Н. М.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Прошу извиненія въ несправности, впрочемъ, невольной. По обстоятельствамъ, совершенно отъ меня независимымъ, я не могу доставить въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» продолженія моего романа *Былое* и даже не могу назначить времени, когда его доставлю. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что впоследствии, когда будетъ возможно продолжать этотъ романъ, вы не откажете дать ему мѣсто на страницахъ вашего журнала.

В. Крестовскій.

19-го апрѣля 1878 г.

- Возобновленіе на сценѣ Комической Оперы «Сѣверной Звѣзды», Мейербера — «Статуя» Рейера и «Торжество мира», на сценѣ Итальянскаго Театра.—
 Духовная музыка. Людовина. 54
- XII. — **НОВЫЯ КНИГИ.** Педагогическая психологія. П. Каптерева.—Очерки семейныхъ отношеній. Алекс. Смирнова.—Литературная, музыкальная и художественная собственность. Исслѣдованіе И. Табашникова.—Подсѣжникъ. Стихотворенія А. Н. Плещеева.—Новая русская энциклопедія, издаваемая А. О. Жолѣввичемъ 81
- XIII. — **ПО ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛАХЪ.** В. Чаславскаго 101
- XIV. — **ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Уставъ новаго уголовного судопроизводства, отнимающій у полиціи право сажать російскихъ гражданъ въ кутузку собственною властію.—Игнорированіе этого устава російскими Держимордами и прежнія безчинія и произволъ полиціи при взятіи подъ стражу.—Необходимость какихъ-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для обузданія произвола полиціи и для огражденія свободы личности російскихъ гражданъ.—Назначеніе комиссіи для изслѣдованія дѣйствій товарищества Горвица, Когана, Грегера.—Необходимость извѣдованія дѣйствія разныхъ товариществъ по поставкѣ сухарей для арміи.—Дѣло о погонцахъ.—Неправильное отношеніе къ этому дѣлу гражданскихъ властей.—Капитанъ одесскаго порта, Вейсъ.—Необходимость строгаго слѣдствія и преданія суду подрядчиковъ и агентовъ по найму погонцевъ.—Опасность раззоренія, угрожающая всей Россіи отъ обманныхъ условій, заключаемыхъ разными подрядчиками-предпринимателями съ рабочими.—Почтеніе, оказываемое русскому мужику въ Семирѣченскомъ Краѣ.—Письма студентки Некрасовой . . . 105
- XV. — **ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.** Н. М. 128
- XVI. — **ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.** 152

Объявленія: о новой книгѣ «Лезки и Разказы». О выходѣ майской книжки «Русской Старины». Отъ книжныхъ магазиновъ И. И. Мамонтова и Мелье.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ *С.-Петербургѣ* безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкой: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

Н. А. НЕКРАСОВА.

Стих. 1874—77 гг.

Цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Обращаться за экземплярами къ г-жѣ Викторовой (Литейная, № 38, кв. № 4).

Гг. иногородные могутъ обращаться въ главную контору «Отечественныхъ Записокъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) 6 руб., въс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — 1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Басейная, 2) за пересылку ничего не прилагаютъ.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 6 ІЮНЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Басейная, № 2).

I. — ГРЫЗУНЫ. (Разсказъ). И. Салова	273
II. — ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ. (Изъ Рышпена). (<i>Стихо- твореніе</i>). А. Барыкова	333
III. — ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ) Н. Максимова	337
IV. — НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. (Его жизнь и поэзія). А. Снабичевскаго	365
V. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. V. Герберта Спенсера	407
VI. — СВАДЬБА ПО ТЕЛЕФОНУ. Юмористическій раз- сказъ Марка Твена	433
VII. — ЭКОНОМИЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ. (По Максу Вирту).	447
VIII. — ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Викто- ра Гюго	519
IX. — ПОХОЖДЕНІЕ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИ- ЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ. Романъ Джесса Гринвуда, автора «Исторіи Найденнша». (Приложеніе въ концѣ книги. (Стр. 65—96).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

X. — НАША МИРОВАЯ ЮСТИЦІЯ. В. Иванова	153
XI. — НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬИ. (Мотивы и вы- воды). П. Боборыкина	172
XII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Открытіе всемирной выставки. Дурныя предвѣщанія.—Гроза въ день открытія.—Описаніе Трокадерф.—Офици- альная рѣчь.—Маршалъ впервые рѣшается на про- внесеніе словъ: «французская республика». — 26 оркестровъ музыки — Переходъ черезъ Іенскій Мостъ.—Общій видъ Марсова Поля.—Довольство публики.—Удивительная «улица націй». — Открытіе иностранныхъ отдѣленій выставки.—II. Продолженіе описанія открытія выставки и праздниковъ, устро- енныхъ въ честь этого открытія.—Посѣщеніе гал- лерей ручныхъ работъ во время ихъ производства.— Добровольная иллюминація Парижа.—Фейерверки.—	

Г Р Ы З У Н Ы.

(РАЗСКАЗЪ).

Грызунъ обитаетъ частію на деревьяхъ, частію на поверхности земли и даже въ землѣ; нѣкоторые же живутъ въ домахъ, по темнымъ угламъ. Многие, живущіе въ домахъ, наносятъ значительный вредъ человеку.

(Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою).

Въ концѣ прошлаго сентября, погода, послѣ долго продолжавшагося ненастья, установилась великолѣпная. Утренніе морозы, доходившіе до шести, семи градусовъ Реомюра, живо подсушили землю, а солнце, свѣтившее не хуже лѣтняго и обильно осыпавшее землю искристыми лучами, оживляло природу и такъ хорошо нагрѣвало воздухъ, что можно было выходить безъ теплой одѣжи. Мужики засутились. На гумнахъ застучали дѣвны; пошла молотба и вѣйка, и каждый торопился воротить упущенное по случаю ненастья. Грязныя дороги накатались и, сдѣлавшись словно свинцовыми, ярко свѣтились на солнцѣ. Загремѣли по нимъ телеги и далеко въ воздухѣ разносился стукъ колесъ.

Въ одно именно такое-то утро, рано проснувшись и увидавъ ворвавшіеся въ окна лучи солнца, а главное замѣтивъ, что дымъ изъ трубъ поднимался совершенно прямыми столбами (что означало отсутствіе даже малѣйшаго вѣтра), я рѣшился, въ ту же минуту, воспользоваться этой восхитительной погодой и отправиться на охоту за зайцами по *узержу*. Наскоро одѣвшись и напившись чаю, я взялъ ружье, перекинулъ черезъ плечо патронташъ и отправился въ графскій боръ. Такъ назывался боръ, принадлежавшій графу Игсъ.

Охотой по *узержу* въ нашей мѣстности называется то время, когда заяцъ выпѣтеть, то есть, перемѣнить свою грязно-сѣрую шерсть и, нарядившись въ зимнюю шубу, дѣлается совершенно

бѣлымъ. Пока снѣгъ еще не выпалъ, бѣлая шуба эта выдаетъ его и даетъ охотнику возможность *подобрать* его на далекомъ пространствѣ. Заяцъ таятся, поджимаетъ уши, но охотникъ, замѣтивъ добычу, идетъ къ нему смѣло и, если принадлежитъ къ числу *шкурятничкаго*, то прямо бьетъ его лежачаго, а если къ числу таковыхъ не принадлежитъ, то спугиваетъ его и бьетъ на бѣгу. Охота эта очень веселая, въ особенности въ чистыхъ сосновыхъ лѣсахъ, въ которыхъ видно кругомъ далеко.

Графскій боръ раскинулся на десятки верстъ и, соединяясь съ казенными лѣсами, представляетъ богатое убѣжище для зайцевъ и бѣлокъ; въ немъ даже изрѣдка попадаются медвѣди, забирающіеся полакомиться медомъ на пчельники, лѣпившіеся по опушкамъ бора. Я очень люблю сосновые лѣса. Чтѣ за прелесть эти прямыя сосны, словно колоны, поддерживающія зеленый шатеръ вѣтвей, и какъ роскошенъ и величественъ этотъ шатеръ, сквозь который даже солнце съ трудомъ пробиваетъ свои огненные лучи! Воздухъ пропитанъ запахомъ смолы и какъ легко дышется этимъ воздухомъ! А что за чистота кругомъ! Подъ ногами словно коверъ изъ низкой травы, брусники и мха; идете вы неслышно и только изрѣдка хрустятъ подъ вами свалившіеся сосновыя шишки и сухія вѣтки. И вдругъ трескъ этотъ пугаетъ бѣлку: стремглавъ бросается она на дерево, вбѣгаетъ по гладкому стволу его и, быстро достигнувъ вѣтвей, въ одно мгновеніе исчезаетъ, перелетая съ одного дерева на другое. Изрѣдка въ лѣсахъ этихъ разбросаны болотца съ кочварникомъ, окруженные густо поросшимъ тальникомъ и березками! Болотца эти служатъ самымъ любимымъ убѣжищемъ зайцевъ и можно смѣло рассчитывать, что въ кочкахъ этихъ охотникъ непременно найдетъ двухъ, трехъ зайцевъ.

Я еще ни разу не былъ въ графскомъ бору и, откровенно сказать, очень былъ доволенъ, полавши въ него. Боръ былъ дѣйствительно замѣчательный. Сосны достигли необычайной вышины и были прямы, какъ свѣчи. Самый легкій вѣтерокъ, пробѣгая по ихъ верхушкамъ, заставлялъ ихъ колыхаться, при чемъ вѣтви, стучаясь другъ о друга, наполняли тишину бора какими-то волшебными звуками. Точно сотни невидимыхъ существъ стучали гдѣ-то палочками и дразнили васъ этой странной музыкой... Клюква и брусника попадались на каждомъ шагѣ; кое гдѣ, раскинувъ красиво свои шляпки, бѣлѣли грузди. Отрывавшіеся съ деревьевъ сосновыя шишки падали иногда прямо на голову и заставляли вздрагивать. Красивые дятлы перелетали съ дерева на дерево, прицѣплялись къ стволу, и торопливо долбили носами...

Удачная охота и примѣшавшаяся къ этому новизна картины сдѣлали то, что я даже и не замѣтилъ, какъ прошло время и какъ наступило два часа. Пора было возвращаться домой. Я повернулъ по направленію къ дому, но не прошло и десяти минутъ, какъ, проходя мимо небольшого болотца, окаймлявшагося густымъ березникомъ, я поднялъ зайца. Я схватилъ ружье и только-что успѣлъ выстрѣлить, какъ въ березникѣ, какъ разъ по направленію выстрѣла, раздался испуганный крикъ и изъ кустовъ опротивью выскочилъ толстенькій мужчина со спущенными желтыми панталонами.

— Убили! кричалъ онъ.

И въ то же время, изъ тѣхъ же кустовъ гремѣлъ чей то оглушительный хохотъ, сопровождавшійся хлопаньемъ въ ладоши и криками: браво, брависсимо! прелестно!.. это—превосходно!..

Все это было дѣломъ одной минуты. Я подбѣжалъ къ незнакомцу и, по правдѣ сказать, перетрусилъ не на шутку.

Что съ вами? спросилъ я.

Но, вмѣсто отвѣта, незнакомецъ продолжалъ корчиться, поджиматься и стонать. Я взглянулъ ему въ лицо и, несмотря на всю серьезность минуты, чуть не покотился со смѣху. Смѣшнѣе этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ. Это былъ маленькій, толстенькій, кругленькій мужчина, лѣтъ сорока, на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ, съ коротенькими ручками, съ круглымъ краснымъ лицомъ, посреди котораго, вмѣсто носа, торчала какая-то шишечка съ двумя раздутыми дырочками. Огромный ротъ съ толстыми губами, доходившими чуть не до ушей; круглые сѣрые глаза, какъ будто собиравшіеся выскочить вонъ; все это смотрѣло до того смѣшно и до того смѣшно перекопилось, что трудно было придумать что нибудь уморительнѣе. На незнакомцѣ была форменная фуражка съ кокардой, какой то рыженькій пиджакъ и желтыя лѣтнія панталоны. Черезъ плечо висѣлъ патронташъ.

— Что съ вами? повторилъ я.

— Ничего, ничего! раздался вдругъ голосъ другого незнакомца, выходявшаго изъ тѣхъ же кустовъ, и затѣмъ опять тотъ самый хохотъ, который раздавался вслѣдъ за выстрѣломъ. — Ничего, цустики!..

— Пустяки, какъ-же! Тебѣ хорошо смѣяться!

— Конечно, пустяки! Лёгонькій обжогъ, и только!

— Тебя-бы обжечь этакъ...

— Да гдѣ-же вы были? спросилъ я.—Я не видалъ васъ.

— Тутъ-же за кустами! подхватилъ хохотавшій. — Естафіи

*

Кузьмичь хлопочеть объ уменьшеніи объема своего живота в нѣтъ разрѣшадщія воды.

Я было принялся извиняться, но товарищъ Евстафій Кузьмичь опять перебилъ меня.

— Да ничего-же, говорятъ вамъ! басилъ онъ. — Евстафій Кузьмичь очень хорошо понимаетъ, что запрещено бить лежачаго, а сидячаго дозволяется.

Я былъ въ самомъ неловкомъ положеніи; но, сообразивъ разстояніе, на которомъ я былъ отъ кустовъ, убѣдился, что ничего серьёзнаго быть не могло, и если я и попалъ нѣсколькими дробинами въ Евстафія Кузьмища, то ужь никакъ не могъ ранить его, а только напугать развѣ. Осмотрѣвъ затѣмъ совершенно неожиданно подвернувшуюся мнѣ мишень, я увидалъ три, четыре красныя пятнышка, но никакихъ ранъ не было. Дробь была на излетѣ и не пробилъ кожи.

— Ранъ нѣтъ? допрашивалъ между тѣмъ Евстафій Кузьмичь.

— Ни малѣйшихъ! отвѣтилъ за меня товарищъ его.

— Ватюшка, Валеріанъ Ивановичъ! У тебя вода есть; приноси, отецъ родной!

— Можно! хоть и жалъ тратить воду на такой ничтожный предметъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ по березяку и вышли на небольшую полянку, на которой тотчасъ-же увидалъ я приставленное къ дереву ружье, а неподалеку разостланную на травѣ салфетку съ остатками отъ закуски. Валеріанъ Ивановичъ примочилъ ранки и опять принялся хохотать, а Евстафій Кузьмичь, успѣвшій тѣмъ временемъ поуспокоиться, приподнял фуражку и рекомендовался:

— Ласточкинъ, Евстафій Кузьмичь, землемѣръ.

— А меня чтѣ-же не представили?

— И самъ можешь.

— Мѣстный адвокатъ Верхолѣтовъ.

Я назвалъ себя, и мы пожали другъ другу руки.

— Не прикажете-ли? проговорилъ Верхолѣтовъ, взявъ стаканчикъ и приложивъ къ нему бутылку.

— Съ удовольствіемъ.

Мы выпили и закусили калѣнымъ яйцомъ.

— А вы-то чтѣ-же? спросилъ я землемѣра.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Я говорилъ вамъ, замѣтилъ адвокатъ:— что Евстафій Кузьмичь воды кушаютъ; а спросите его: зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что нужно.

— А зачѣмъ это нужно?

— А затѣмъ, что печень страдаетъ и катаръ желудка.

— Ахъ, Боже мой, важность кака! У какого-же порядочнаго человѣка не страдаетъ печень и нѣтъ катара!.. Нѣтъ, вы воды пьете для женщинъ съ... хотите быть граціознѣе, воздушнѣе...

— Пожалуй, и для этого. Развѣ красота портить человѣка?

— Понятно, что красота ничего не можетъ портить, проговорилъ Верхолѣтовъ, и кстати за красоту выпилъ еще стаканчикъ.

По всему было замѣтно, что адвокатъ былъ пьянъ и что только сейчасъ случившееся его немного приободрило. Онъ закурилъ папиросу и, прислонившись спиной къ дереву, замолчалъ. Напротивъ, Ласточкинъ, убѣдившись, что раны его несмертельны, видимо развеселился и даже какъ будто обрадовался новому знакомству. Посмотрѣвъ на адвоката, онъ подмигнувъ мнѣ и, щелкнувъ себя по галстуку, проговорилъ:

— А знаете ли, что я вамъ доложу-сь!.. Мое такое счастье, что всѣ по мнѣ стрѣляютъ... ей-богу, не шучу!

— Это странно!

— Однажды даже цѣлый день въ меня палили! подхватилъ онъ и молодецки разбилъ яйцо о коблугъ сапога.

— Неужели?

— Такъ-таки цѣлый день и палили! И вотъ какъ дѣло было. Пошли мы однажды съ пріятелемъ на озѣра за утками. Разошлись въ разные стороны: я пошелъ направо, онъ — налево. Подхожу къ озеру, смотрю — сидятъ утки. Я началъ подкрадываться (а кругомъ озера кусты и камыши), подкрался, приложилъ ружье... вдругъ: пафъ! и мнѣ въ щеку пять дробинокъ!.. Оказывается, что пріятель-то съ другаго берега хватилъ въ тѣхъ-же самыхъ утокъ, въ которыхъ и я цѣлилъ... Ну, конечно, оба перелугались, однако, вышло на повѣрку, что ничего особеннаго не было и тоже, какъ сегодня, кончилось одними ссадинами. Я снялъ шляпу, подвязалъ щеку носовымъ платкомъ, и мы опять разошлись. Подошелъ лѣсъ. Я иду себѣ по лѣсу, а нагрѣхъ подвернулся клюква. Я присѣлъ, знаете ли, и сталъ себѣ собирать ягоды; вдругъ: пафъ! и опять мнѣ въ щеку три дробины. Оказывается, что мы опять съ пріятелемъ сошлись и, такъ какъ я, собирая клюкву, присѣлъ, то концы бѣлаго платка, которымъ была подвязана щека, пріятель принялъ за зайчи уши да и выстрѣлилъ. Спасибо, далеко стрѣлялъ, а то на поваль-бы убилъ. Я опять принялся кричать, а пріятель даже плюнулъ. <Чортъ тебя побирай! говоритъ.—Отъ тебя, дурака, ничѣмъ не отдѣлаешься, хоть бы убить тебя поскорѣе, чтобы ты не подвертывался!> —И опять ничего, тоже примочили водкой и разо-

шлись. Прошло часа два, я успѣлъ къ стану сбѣгать, перекусилъ немного и, оставивъ тамъ ружье, взялъ ястреба... А ястребъ былъ у меня отличный, самъ вынашивалъ и перепеловъ ловилъ превосходно! Попалось мнѣ просанье; просо было уже въ снопахъ, значитъ—самое перепелиное мѣсто! И дѣйствительно, перепеловъ оказалось пропасть, и до того были они жирны, что насилу летѣли. Въ какихъ нибудь полчаса я штукъ тридцать накаталъ ихъ; право, не лгу...

— Я вѣрю.

— День былъ жаркій; ястребъ мой приусталъ, да и я тоже. Надо было отдохнуть... Выпилъ я рюмку водки (я еще тогда вкушалъ), прилегъ на снопы и руку-то съ ястребомъ тоже на снопъ положилъ; улегся великолѣпно, задремалъ... вдругъ: бацъ! и мой ястребъ напавалъ, а рука вся въ крови...

— Неужели опять пріятель? спросилъ я.

— Онъ, подлецъ! вскрикнулъ Евстафій Кузьмичъ. — Увидалъ моего ястреба да и выстрѣлилъ въ него... Ей-ей, не лгу, и вотъ вамъ доказательства...

И Ласточкинъ показалъ мнѣ слѣды дробинъ на щекѣ и на рукѣ.

— Въ рукѣ, добавилъ онъ, до сихъ поръ еще одна дробинка сидитъ, не вытащили. И онъ далъ мнѣ пощупать то мѣсто, гдѣ сидѣла дробина.

— Ну съ, а вы, спросилъ онъ:—много убили сегодня?

— Шесть зайцевъ.

— Гдѣ же они?

— Спряталъ, а завтра пріѣду за ними. Лѣнь было носить.

— Какая охота! Однако, мой *дровокатъ*-то заснулъ, кажется; вишь какъ захрапываетъ! И, указавъ на спящаго Верхолѣтова, опять подмигнулъ мнѣ.

— Усталъ, должно быть...

— Водку-то пить! подхватилъ Евстафій Кузьмичъ и залился самымъ добродушнѣйшимъ и звонкимъ хохотомъ. Онъ съ собой цѣлую бутылку взялъ и всю осушилъ! И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прибавилъ шопотомъ:—муху убить любить и пить сухо.

— Онъ только и занимается однимъ адвокатствомъ? спросилъ я.

— Только этимъ и занимается. Вѣдять по судьямъ, по съѣздамъ, у него и свидѣтельство отъ съѣзда есть. Мужиковъ обираетъ ненадо лучше, да некуда... Онъ изъ священныхъ, отецъ его протопопомъ. И все, что выработаетъ, все пропиваетъ. Жаль, способный малый, и, не будь этой водки, далеко пошелъ бы. Разъ какъ-то отецъ вздумалъ было вытрезвлять его; держалъ у себя

на глазахъ, водки давалъ понемногу... не вытерпѣлъ! Напился лодколономъ, надѣлъ на голову отцовскую комилавку—и маршь въ кабакъ!..

И Евстафій Кузьмичъ опять захохоталъ.

— Однако, началъ онъ немного погодя и посмотрѣвъ на солнышко:—время и о ночлегѣ подумать.

— Да, пора! проговорилъ я, вставая.

Евстафій Кузьмичъ тоже всталъ и, подойдя къ Верхолётову, крикнулъ:

— Эй! пріятели! amice!

Но amicus только согнѣлъ, какъ-то особенно надувъ губы и какъ-то сердито наморщивъ брови.

— Вставай.

— Вы его не добудитесь!

— Нѣтъ, онъ—чуткій; вскочить разомъ. У него хмѣль скоро проходитъ; стѣбитъ вздремнуть немного и опять какъ встрепанный. Эй, адвокатъ, вставай!..

Верхолётовъ открылъ глаза и бессмысленно посмотрѣлъ на насъ.

— Вставай, пора идти.

Адвокатъ сталъ протирать глаза.

— Что это? говорилъ онъ.—Я никакъ заснулъ?!

Похоже на то.

— Долго?

— Да съ полчаса будетъ... И храпѣлъ во всё носовыя за-вертки.

— Это называется: потолка поднимать! замѣтилъ Верхолётовъ и, быстро вскочивъ на ноги, потянулся.

— Есть у тебя вода? спросилъ онъ Ласточкина.

Сальтерская? переспросилъ тотъ.

— Ну, понятно.

— Одна бутылочка осталась еще!

— Дай-ка мнѣ!

— А какъ же я-то безъ воды останусь?

— Одну-то бутылку, полагаю, можно уступить, Аполонъ ты бельведерскій.

— Ну, такъ ужъ и быть, возьми, подавись, только пойдёмъ поскорѣе.

— Верхолётовъ отбилъ горлышко и залпомъ выпилъ всю бутылку.

— Хорошо, отлично освѣжаетъ! проговорилъ онъ. — Ну-съ, куда-же мы пойдёмъ?

— Домой идти поздно, подхватилъ Ласточкинъ. — Надо идти на кордонъ къ графскому лѣсническому.

— Что-о? промчалъ адвокатъ.—Ты хочешь идти къ лѣсни-
чему, къ Трампедаху!

А что-же, забормоталъ Евстафій Кузьмичъ.—Почему-же не иди? Кстати, я съ женою повидаюсь...

— Кажется, послѣднее запрещено тебѣ! замѣтилъ Верколѣтовъ.

— Кто-же посмѣетъ мнѣ запретить?

— Тотъ, у кого она живетъ—Трампедахъ.

Ласточкинъ даже захохоталъ.

— Нѣтъ, все это кончилось! проговорилъ Ласточкинъ.—Жена со мной примирилась и, послѣ моего послѣдняго свиданія съ ней, даже просила меня навѣщать ее.

— Вотъ какъ! А давно это было?

— Съ недѣлю тому назадъ. Она убѣдилась теперь, что ссориться намъ неизчего.

— А вы тоже, конечно, съ нами? спросилъ Верколѣтовъ, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, конечно, заговорилъ Ласточкинъ.— Намъ будетъ веселѣе и, кромѣ того, домой засвѣтло вы не дойдете, а ночевать въ лѣсу, да еще осенью, не очень-то пріятно.

— Совѣтую слѣдовать за нами! проговорилъ Верколѣтовъ.

— Что же это за кордонъ такой? спросилъ я.

Верколѣтовъ снялъ фуражку, отмахнулъ назадъ волосы и, снова надѣвъ ее на бокрень, спросилъ:

— Кордонъ-то?

— Да.

— Кордонъ, это—разбойничье гнѣздо сихъ окружающихъ насъ лѣсовъ, атаманомъ котораго прусскій подданный Фридрихъ, Адольфъ, Августъ Трампедахъ (котораго, впрочемъ, мужики перековеркали и просто называютъ *Астраханскій тарантасъ*), одѣтый въ костюмъ лѣсничаго, т. е. сѣрый пиджакъ съ зелеными кантами, таковымъ-же воротничкомъ и зелеными аксельбантами, на концахъ которыхъ висать свистокъ и карандашъ. Это—мужчина высокаго роста, съ длинными усами, довольно красивый, курящій отличныя сигары и получающій жалованья 2400 въ годъ на всемъ на готовомъ. Мужчина этотъ весь пропитанъ могуществомъ Пруссіи (отъ войны съ Франціей, впрочемъ, отвильнуль, пославъ свидѣтельство о болѣзни), на Францію смотритъ съ пренебреженіемъ, а на своего довѣрителя, какъ на дурака. Послѣдній взглядъ, впрочемъ, пожалуй, и вѣрнѣе. Разбойникъ этотъ за 2400 ежегоднаго жалованья отлично рубить и продаетъ мачтовые лѣса, а взамѣнъ ихъ сѣетъ на грядкахъ елки и сосны; имѣются уже трехъ и четырехлѣтніе экземпляры, которые скоро бу-

дутъ высаживаться изъ грядокъ. На грядкахъ этихъ, весьма красиво обдѣланныхъ, торчатъ ерлычки съ надписями: пинусъ абі-есть, пинусъ силвестрисъ, пинусъ цембра и т. д... Разбойникъ этотъ, наконецъ, человѣкъ холостой, отбившій жену у сего юноши...

Ласточкинъ, покачивавшій до тѣхъ поръ неодобрительно головой, услыжавъ послѣднее, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ Верхолѣтову.

— Прошу не забываться! крикнулъ онъ.

И въ ту же секунду лицо его побагровѣло, щеки надулись, какъ будто ротъ его былъ полонъ воды; глаза выкатились, какъ у жабы; онъ стиснулъ кулаки, но Верхолѣтовъ, не обращая на все это ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ, какъ ни въ чемъ небывало:

— Но для меня лично—человѣкъ хорошій. Угощаетъ меня водкой, коньякомъ и другими тонкими винами, которыя я пью, сколько душѣ угодно; угощаетъ прелестными сигарами; даритъ чужія дрова и даже брусья и, покровительственно хлопая меня по плечу, называетъ добрымъ малымъ. Словомъ, свинья въ полномъ смыслѣ...

— Чудесно, прелестно, превосходно... горячился Ласточкинъ съ пѣной у рта и брызгая во всѣ стороны слюнами.—Человѣкъ и поить, и кормить его; одолажаетъ дровами и лѣсомъ, а онъ называетъ его свиньей!..

— И свинья можетъ быть щедрою.

— А насчетъ жены моей, перебилъ его Евстафій Кузьмичъ:— вы напрасно такъ изволите выражаться... Моя жена ему не чужая-съ; она его кузина-съ; и если оставила меня и переѣхала жить къ нему-съ, то этимъ она хотѣла наказать меня-съ, за мою вѣтренность и за любовь къ хорошенькимъ женщинамъ.

Дѣло становилось интереснымъ, и я рѣшился слѣдовать за моими новыми знакомыми, тѣмъ болѣе, что добратся засвѣтло дома дѣйствительно не было возможности.

Немного погодя, мы подходили къ кордону лѣсничаго.

Трудно было-бы представить себѣ, что нибудь восхитительнѣе этой мѣстности и вообще того ландшафта, который раскинулся передъ нами. Кордонъ лѣсничаго, т. е. домъ и необходимыя службы были построены на довольно большой площади, со всѣхъ сторонъ окруженной темно-синимъ боромъ. Площадь эта, зеленѣвшая прелестной зеленью недавно скошеннаго рейграса, пересѣкалась небольшою, но водной рѣчкой, берега которой были искусственно срыты и устланы дѣрномъ. Все, помѣщавшееся на берегу, какъ въ зеркалѣ, отражалось въ этой рѣкѣ. На проти-

воположномъ берегу рѣки, на небольшомъ отлогомъ холмикѣ, возвышался домъ лѣсничаго. Домъ былъ самой затѣйливой архитектуры, съ пристроечками, башенками; мѣстами въ одинъ, мѣстами въ два этажа, и со множествомъ балкончиковъ и террасъ. Онъ былъ срубленъ изъ прекраснаго сосноваго лѣса, украшенъ многочисленной и разнообразной рѣзбой и покрытъ толстымъ. На главной конусообразной башнѣ развѣвался флагъ (обозначавшій, что самъ лѣсничій дома), а затѣмъ на остальныхъ торчали или флюгера, или оленьи рога, или какія нибудь другія украшения. Я не знаю, что это была за архитектура, но знаю, что домъ своею оригинальностью чрезвычайно поразилъ меня. Службы были расположены неподалеку отъ дома и тоже не подходили на обыкновенныя строенія въ этомъ родѣ. Онѣ не тянулись въ линію, какъ это всегда бываетъ, но были, напротивъ, разбросаны здѣсь и тамъ среди кустовъ и деревьевъ, разсаженныхъ съ большимъ вкусомъ по роскошному газону. Чистота повсюду была неимоверная; затѣйливо выщипанная дорожка была усыпана золотистымъ пескомъ; кое гдѣ видѣлись диванчики и скамейки и пестрыя клумбы осеннихъ цвѣтовъ. Перейдя мостикъ, мы приблизились къ воротамъ. Ворота были затворены, но тутъ-же на столбѣ видѣлась ручка отъ звонка, а подъ ручкой надпись: *звонокъ къ моему кондуктору*. Я хотѣлъ было позвонить, но Верховлётовъ удержалъ меня.

— Это совершенно лишнее, проговорилъ онъ:—ворота никогда не запираются, и, толкнувъ ногою, онъ отворилъ ихъ.—Здѣсь правды нѣтъ, продолжалъ онъ.—Здѣсь все только для виду и все одна декорация. Правду увидите вы за полверсты отсюда, гдѣ, вмѣсто мачтовыхъ лѣсовъ, словно ульи на пчельникѣ, торчатъ пеньки, слѣды разрушительныхъ подвиговъ ученаго лѣсничаго, ловко набивающаго себѣ свои нѣмецкіе карманы...

— А! вотъ, кстати, очень кстати! долетѣлъ до насъ чей то рѣзкій голосъ.

Я оглянулся и въ нѣкоторомъ разстояніи увидалъ высокаго мужчину въ сѣромъ пиджакѣ съ зелеными аксельбантами. Передъ нимъ, на колѣнахъ и безъ шапки, стоялъ оборванный мужичишка. По костюму, въ первомъ узналъ я лѣсничаго. Увидавъ его, Верховлётовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, снялъ фуражку и, почтительно наклонивъ голову, проговорилъ, указывая на себя и на насъ:

— Вельможный господини! Бродившіе по лѣсамъ вашимъ охотники, убившіе несравненно болѣе драгоценнаго времени, чѣмъ дичи, утомились и просятъ васъ великодушно дозволить имъ от-

дохнуть и провести ночь хотя-бы подь одной кровлей съ ваши-ни слугами и рабами.

И, принявъ театральную позу, онъ съ наклоненной головой и опущенными глазами покорно ждалъ отвѣта.

— Мой домъ, проговорилъ лѣсничій, подходя къ намъ и тоже принявъ театральную позу: — всегда отереть усталымъ путникамъ. Путники могутъ войти въ него и быть увѣренными, что найдутъ у меня и ночлегъ, кусокъ мяса и кружку добраго вина.

— Вельможный господинъ! проговорилъ опять Верхолѣтовъ, указывая на меня рукою. — Я не назову вамъ имени этого путника, потому что забылъ и не знаю, откуда онъ; но этого, продолжалъ онъ, указывая на Ласточкина:—могу назвать. Это—Евстафій Ласточкинъ, ищущій въ лѣсахъ этихъ своей Дульциней!

Ласточкинъ послѣ словъ этихъ сдѣлалъ комическій книксенъ и произвелъ всеобщій хохотъ, каковымъ и заключилась разыгранная сцена, въ продолженіи которой ободранный мужичишка, съ растрепавшимися волосами, держа обѣими руками шапку, словно одной онъ не могъ удержать ее, продолжалъ стоять на колѣнахъ, бессмысленно поглядывая на всѣхъ на насъ. Ласточкинъ познакомилъ меня съ лѣсничимъ, который, крѣпко пожавъ мнѣ руку и проговоривъ обрывисто: очень радъ! обратился къ Верхолѣтову.

— Вы очень кстати подошли; я хотѣлъ было послать за вами нарочнаго.

— Чтѣ прикажете?

— Хочу опять просить васъ съѣздить къ мировому и подать жалобу на этого мерзавца.

— Чтѣ же сдѣлалъ онъ, несчастный? спросилъ Верхолѣтовъ.

— Осымушку дровъ увезъ, и пойманъ съ поличнымъ. Надо же, наконецъ, прекратить это воровство и заставить ихъ уважать чужую собственность.

— Отецъ родной, прости! вопилъ мужикъ, бухаясь въ ноги.

— Я передамъ тебя въ руки правосудія и прощать теперь не могу, проговорилъ Трампедахъ и принялъ торжественно серьезную позу.

— Да, несчастный! заговорилъ Верхолѣтовъ, подбоченясь и нахмуривъ брови.—Ты теперь въ моихъ рукахъ, и я тебѣ покажу правосудіе! Чтѣ ты сдѣлалъ, несчастный? на чтѣ посягнулъ? на чтѣ рѣшилъ? Сообразилъ-ли, куда ты заѣхалъ? У кого укралъ дрова? У графа... понимаешь-ли, у графа!.. Графъ и—ты, презрѣнный! Сообрази, какая между вами разница! Сообрази и отвѣчай!..

— Прости, родимый! вопилъ мужикъ. — Лукавый попуталъ... Другу недругу закажу, избѣнку нечѣмъ топить было!

— Вѣдь, тебя въ тюрьму, понимаешь-ли? продолжалъ Верколетовъ:—потому-что ты, вѣдь, не дерево съ корня срубилъ, а похитилъ лѣсное произведеніе, заготовленное и сложное!

Мужикъ снова бухнулся въ землю и завопилъ въ голосъ.

— Я надѣюсь, продолжалъ между тѣмъ адвокатъ, обращаясь къ Трампедаку: — что вашъ кондукторъ записалъ имя и прозванье этого несчастнаго?

— О, это все оформлено, составлена сказка, которую я вамъ передамъ, и о поимѣ вора мною донесено уже конторѣ рапортомъ.

— Превосходно! Имѣя все это подъ руками, можно считать дѣло оконченнымъ и прѣсія прекратить. Прошу васъ передать мнѣ сказку.

— Покорнѣйше прошу въ домъ, проговорилъ лѣспачій, и мы направились къ дому, а слѣдомъ за нами поплелся и мужикъ, всю дорогу голосившій, что его попуталъ лукавый и что онъ другу недругу закажетъ воровать графскія дрова. Мужикъ не унялся даже и тогда, когда мы вошли въ переднюю. Онъ тоже вломился туда, опять упалъ въ ноги и дождался - таки того, что его вытолкали въ шею.

Мы вошли въ огромную комнату съ квадратными большими окнами и стеклянной дверью на балконъ, выходящей въ садъ. Комната эта оказалась кабинетомъ лѣспачаго. Чѣмъ-то министерскимъ выглядѣла эта щегольски-убранная комната. Полы были устланы коврами. Массивныя драпировки оконъ, съ бахромой и кистями, сообщали кабинету какой-то таинственный полумракъ. Посреди комнаты стоялъ большой письменный столъ съ изящными письменными принадлежностями, тутъ были и бронзовыя статуэтки Бисмарка и Мольтке, и гипсовыя куколки дамъ, ищущихъ блохъ, и красавицъ въ однѣхъ сорочкахъ, обувающихъ ноги, и массивныя счеты, и щегольскія конторскія книги. Вдоль одной стѣны тянулись полки съ красиво уложенными образцами бревенъ и на каждомъ изъ образцовъ этихъ отпечатана была цѣна, толщина, длина и даже возрастъ дерева. Задняя стѣна положительно закрывалась оружіемъ; тутъ были и ружья, и штуцера, и карабины, и пистолеты, и шашки, и сабли, и всевозможныя охотничьи принадлежности, развѣшанныя на оленьихъ и буйволовыхъ рогахъ. Тутъ же неподалеку, въ простѣнкѣ между двумя окнами, помѣщалось пьянино. Мягкіе турецкіе диваны заставляли остальные стѣны, а надъ диванами висѣли въ золотыхъ рамахъ картины весьма плохой живописи, но зато пикант-

наго содержанія. Превосходныя чучелá лисицы, зайцевъ, бѣлокъ и разныхъ птицъ разставлены со вкусомъ здѣсь и тамъ, а огромный камень съ мягими передъ нимъ креслами довершалъ убранство этого изящнаго кабинета.

Войдя въ комнату и еще разъ крѣпко трахнувъ намъ руки, лѣсничій свиснулъ, и въ комнату влетѣлъ мужчина съ солдатской наружностью и тоже въ форменномъ пиджакѣ съ зелеными кантами, но только съ бляхой на груди, на которой (бляхѣ) была надпись «*лѣсной сторожъ*». Влетѣвъ въ комнату, онъ вытянулся въ струнку, вытаращилъ глаза и растопырилъ усы.

— Вели подать намъ чаю...

— Слушаю-съ.

— Да скажи, чтобъ изготовили ужинъ...

— Слушаю-съ.

— Я очень хорошо понимаю, продолжалъ лѣсничій съ улыбкой, потирая руками:— что у людей, цѣлый день ходившихъ по лѣсу, аппетитъ рождается отличный, а потому скажи, чтобы намъ изготовили хорошей бифштексъ...

— Слушаю-съ.

Тушеныхъ грибовъ въ костюлѣ...

— Слушаю-съ.

— И разварнаго судака съ той подливкой, дѣлать которую я недавно научилъ повара.

— Слушаю-съ.

— Ну, ступай.

Сторожъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и вышелъ.

— Дуракъ, но исполнительен! замѣтилъ лѣсничій, и потомъ, усадивъ насъ всѣхъ и похлопавъ насъ по плечамъ, добавилъ:— я тоже сегодня много шатался по лѣсу и тоже буду кушать съ удовольствіемъ. Кстати я сегодня отъ Дюпре получилъ такой портеръ, что чудо! И лѣсничій поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— У меня даже теперь текутъ слюнки! замѣтилъ Верхолѣтовъ.

— Водка у насъ тоже отличная...

— Еще бы! имѣя свой винокуренный заводъ! вздохнулъ Верхолѣтовъ.

— Пятьдесятъ градусовъ и рисовая очистка... Недурно?

— Что можетъ сравниться съ этимъ! проговорилъ адвокатъ.

— Мы прикажемъ отпустить вамъ ведра два.

Верхолѣтовъ въ знакъ благодарности сдѣлалъ глубокой поклонъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Вы знаете, какая штука! заговорилъ вдругъ лѣсничій, обращаясь ко мнѣ. — Нашъ графъ, кромѣ этой водки, никакой

другой путь не может—назого съ нимъ отъ другой водки. Недавно получили мы отъ него письмо.— «Все идетъ хорошо, писать онъ:—только одно скверно, что постоянно страдаю назогой отъ здѣшной противной водки».

— Отчего же вы ему не высылаете? спросилъ я.

— Куда! вскрикнулъ лѣсничій:—на Шибку-то!

— А онъ—на Шибѣ?

Лѣсничій даже съ мѣста вскочилъ.

— Да, на Балканахъ, на Шибѣ. А вы и не знали этого? Ахъ! это великолѣпнѣйшій человекъ, это такая добрая, широкая натура! Вы представьте себѣ: у него французъ поварь, и у графа каждый день и обѣдаютъ, и ужинаютъ всѣ бѣдные офицеры... Подумайте, чего это стѣнтъ!

И взявъ меня за бортъ куртука, лѣсничій слегка потрѣсь меня.

— О, зато графъ и бомбардируетъ насъ письмами о деньгахъ! Боже мой, какъ бомбардируетъ! И, вынувъ сигару, онъ откусилъ ея конецъ.— То и дѣло требуетъ денегъ, а денегъ нѣтъ! Кабацкое дѣло идетъ плохо, мужики пьютъ мало...

— А я думалъ, напротивъ, что они пропиваютъ послѣднее, замѣтилъ Верхолѣтовъ.

— Да, это—правда, совершенная правда! перебилъ его лѣсничій.— Но, такъ какъ у нихъ очень мало или, лучше сказать, ничего нѣтъ, то естественно и пропивать нечего. Отъ этого самага и малъ доходъ, а между тѣмъ, нашъ графъ... о! онъ требуетъ!

— Такъ надо это разъяснить мужикамъ! замѣтилъ Верхолѣтовъ.— Пусть они почувствуютъ и уразумѣютъ, и пусть пьютъ... Словомъ, пусть поступаютъ, такъ, какъ я...

Лѣсничій захохоталъ грубымъ нѣмецкимъ хохотомъ.

— О, еслибъ всѣ были такіе, какъ мы съ вами!

— Не щажу ни жизни, ни живота, такъ сказать, для пользы графа и... и надѣюсь получить за это сигару...

— Ахъ, виноватъ, виноватъ! вскрикнулъ вдругъ лѣсничій.— Я и забылъ предложить... Но, позвольте, затормошился онъ:—эти сигары — такъ себѣ. Я предложу вамъ лучшихъ.

И, опустивъ въ карманъ руку, лѣсничій вынулъ цѣлую связку ключей, отперъ письменный столъ и вынулъ непечатный еще ящикъ сигаръ.

— Эти будутъ превосходнѣе! проговорилъ онъ и, взявъ со стола соответствующій инструментъ, вскрылъ ящикъ, понюхалъ его, закрылъ отъ восхищенія глаза и предложилъ намъ по сигарѣ.

— Прошу! А вотъ, кстати, и чай подаютъ.

Дѣйствительно, знакомый уже намъ сторожъ вошелъ въ комнату съ подносомъ, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ, лимонъ, сливки и графинчикъ съ ромомъ. Усѣвшись въ мягкія кресла, мы закурили сигары и принялись за чай.

Лѣсничій оказался самымъ любезнымъ и радушнымъ хозяиномъ. Это былъ мужчина, лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, плечистый, съ высокой грудью, съ руками мускулистыми, длинными крѣпкими пальцами и лицомъ грубымъ, но цвѣтущимъ здоровьемъ. Одѣтъ онъ былъ почти щегольски: бѣлье снѣжной бѣлизны, длинныя сапоги прекрасной работы, костюмъ спитъ безукоризненно, словомъ, по всему было видно, что лѣсничій пощеголять любитъ. Длинные усы, смазанные фиксагуромъ, онъ закручивалъ по-наполеоновски, на затылкѣ носилъ англійскій проборъ, движенія имѣлъ развязныя, съ нѣкоторой даже претензіей на изящество, но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что все это было какъ-то не то грубо, топорно. Насколько наполеоновскіе усы приличествуютъ французскому типу, настолько они неуклюжи подъ носомъ нѣмца, тѣмъ болѣе, что нѣмецъ всегда какъ-то пересолить.

Напившись какъ слѣдуетъ чаю и опорожнивъ при этомъ графинчикъ съ ромомъ, лѣсничій предложилъ намъ немного пройтись и освѣжиться. Онъ опять свиснулъ и на свистъ, какъ послушная собака, опять влетѣлъ лѣсной сторожъ и, остановясь у притолки, словно сталъ на заднія лапы.

— Мы пойдемъ немного прогуляться, командовалъ лѣсничій:— а ты пока накрой на столъ.

— Гдѣ прикажете-съ?

— Ахъ, какъ ты глупъ; конечно, въ столовой.

— Слушаю-съ.

— Да скажи Софѣ Ивановнѣ, что господа эти будутъ здѣсь вочевать, такъ чтобы она потрудилась распорядиться насчетъ постелей.

— Слушаю съ! и солдатъ повернулся.

— Постой, куда! Передай эти ключи Софѣ Ивановнѣ.

— Слушаю съ.

— Теперь ступай.

Сторожъ повернулся и скрылся.

— Ну, господа, прошу! проговорилъ лѣсничій, указывая жестомъ руки на дверь.

Мы вышли.

— Я покажу вамъ свое хозяйство: питомникъ и пильню.

— А какъ здоровье многоуважаемой Софьи Ивановны? спросилъ Верхолѣтовъ, обращаясь къ лѣсничему.

— Изъ рукъ вонь! Все по немъ тоскуеть! проговорилъ лѣсничій, кивнувъ головой на Ласточкина.

— О, чувствительная женщина! И въ вознагражденіе за все это имѣть столь безчувственного мужа! замѣтилъ Верхолѣтовъ.

— Ну, ужъ пожалуйста! подхватилъ Евстафій Кузьмичъ, закуривая папирску. — Можетъ быть, почувствительнѣе другихъ еще!

— Это-то и горе! продолжалъ грызть Верхолѣтовъ. — Ты, какъ мотылекъ порхаешь съ одного цвѣтка на другой, нисколько не заботясь о томъ, нравится ли это или нѣтъ той, которой ты поклонялся въ постоянствѣ.

Между тѣмъ, мы подошли къ питомнику. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ десятинъ земли, огороженной живой изгородью краегуса. Небольшая калитка вела внутрь питомника, отворявъ которую лѣсничій немного отстранился и, опять-таки, жестомъ руки пригласилъ насъ войти.

Мы вошли.

Все пространство, обсаженное краегусомъ, было разбито на правильныя красивыя гряды, усаженныя разными породами елей и сосенъ. Маленькія деревца эти, изъ которыхъ самыя большія достигали аршина, весело смотрѣли и зеленѣли самой молодой, свѣжей зеленью. Всѣ гряды были тщательно подпущены и на каждой изъ нихъ торчали ермыки съ надписью о породѣ дерева. Весело было смотрѣть на это молодое поколѣніе растительнаго царства!

— Что за прелесть! невольно вскрикнулъ я, глядя на эти веселыя, кудрявыя деревца!

— Не правда ли? спросилъ лѣсничій съ нѣжной улыбкой.

— Прелесть.

— Это—мой дѣти! продолжалъ онъ. — Я ихъ сѣялъ, я растилъ, я ухаживалъ за ними, я лѣчилъ ихъ и, право, вслѣдствіе всего этого, привязался къ нимъ, сжился съ ними, и теперь не безъ горести думаю о томъ, что скоро съ нѣкоторыми изъ нихъ придется разставаться!

— Отчего? спросилъ я.

— Нѣкоторые изъ нихъ достигли уже того возраста, когда онѣ должны жить самостоятельно, безъ няньки, безъ ухода. На будущій годъ многіе изъ этихъ монхъ питомцевъ покинуть школу и пересадятся въ лѣсъ, поступать, такъ сказать, на службу... Но, Боже мой! Сколько хлопотъ положилъ я, защищая ихъ отъ разныхъ невзгодъ, а главное, отъ нападений этихъ докучливыхъ грызуновъ. Ихъ обижали и зайцы, и хорьки, и мыши, и крысы, и кроты... Ахъ, что за надоедливая, что за назойливая тварь эти грызуны.

— Да, подхватить Верхолётовъ: — съ этими подлецами не скоро справишься...

— И трудно вести войну съ ними, потому что они — вездѣ. Они и въ поляхъ, и въ лѣсахъ, и въ комнатахъ, и подъ поломъ, и, чортъ знаетъ, гдѣ только нѣтъ ихъ. Идешь на медвѣдя, на-примѣръ: вооружаешься — берешь штуцеръ, рогатину, ножъ; идешь на волка — тоже самое, а тутъ что вы сдѣлаете? Нарочно весь питомникъ густо обсадили колючимъ кратегусомъ, такъ нѣтъ-съ! И сквозь кратегусъ пробіраются.

Осмотрѣвъ питомникъ, мы отправились на пильню. Пильня приводилась въ движеніе водою и построена была на той самой рѣкѣ, на которой былъ и кордонъ. Еще далеко не доходя до пильни, до слуха нашего долетѣлъ стонъ и шумъ водяныхъ колесъ. Какъ-то особенно величаво стонъ этотъ царилъ въ окружавшемъ насъ лѣсу, то замиралъ, то раскатывался широкой волной въ колоннадѣ сосенъ, молча внимавшихъ ему. Тотъ стонъ какъ будто убѣгалъ, куда-то далеко, далеко, и тогда, взявъ его, слышался лязгъ стальныхъ пилъ, рѣзавшихъ стройные стволы деревь. И слыша лязгъ этотъ, живые еще деревья словно содрогались... «Убийство! убійство!» словно шептали они, но, не имѣя силъ бѣжать, только махали своими вѣтвями, протестуя противъ насилія. Такъ, вѣроятно, ждуть своей очереди еще недорѣзанные члены семьи, въ домъ которой забралась шайка разбойниковъ и выходъ изъ котораго обложенъ.

Пильня имѣла видъ громаднаго фабричнаго заведенія. Вокругъ нея, точно на пристани, былъ повсюду наваленъ лѣсъ. По одну сторону пильни возвышались ярусы брусевъ, комли которыхъ были заклепаны и носили на себѣ какіе-то красные знаки въ видѣ крестовъ и буквъ; а по другую сторону словно улица стояли выстроившіяся въ линію треугольныя стопы досокъ и тѣса. Громадныя кучи опилокъ возвышались здѣсь и тамъ, а позади ихъ, и тоже правильными рядами, дѣлныя сотни сложенныхъ въ сажени дровъ. Среди всего этого, словно на ярмаркѣ, суетился народъ. Тамъ, подтаскивая брусья, распѣвали *дубинушку*, здѣсь наваливали дрова, швыряли полѣньями словно прыжками. Повсюду суетились какія-то чуйки съ бумажками въ рукахъ, мусилили обгрызенные карандаши, и карандашами этими что-то записывали на бумажкахъ. Стонъ и гамъ царили повсюду и только нрѣдка заглушались шумомъ колесъ и лязгомъ стальныхъ пилъ. Пропитанный смолой воздухъ довершалъ эту картину лѣсного промысла.

— А что означаютъ эти красныя буквы? спросилъ Верхолётовъ указывая на помѣченныя бревна.

— Это—мѣтки, кому именно лѣсъ принадлежитъ, т. е. кѣмъ купленъ, отвѣтилъ лѣсничій.

— Чаще всего встрѣчается буква Т.

— Это означаетъ, что лѣсъ проданъ купцу Требукину.

— Я такъ и думаю.

— О, онъ много покупаетъ лѣса, очень много! — Онъ нашъ главный покупатель.

— Да у него и денегъ много.

— Много денегъ и мало совѣсти! вскрикнулъ вдругъ молчавшій до того времени Евстафій Кузьмичъ, да такъ смѣшно, что всѣ невольно разохотались.

Пильня была устроена по самой послѣдней системѣ и не оставяла желать ничего лучшаго. Насколько было много народа вокругъ пильни и насколько было много тамъ суеты и крику, настолько мало было того и другого внутри. Люди замѣнялись тамъ колесами, сила человѣка силою воды и гдѣ только можно было оттолкнуть человѣка, тамъ человѣкъ это сдѣлалъ и воткнулъ шестерню. Помилости шестерень этихъ, колесъ и воды, пилы поднимались и опускались, и брусья, какъ будто сами, своей волей, ползли къ этимъ пиламъ, подставляли свои головы и молча позволяли рѣзать себя на части.

Осмотрѣвъ пильню, мы пошли домой, а минуту черезъ двадцать снова входили въ садъ, окружавшій кордонъ. Но только что успѣли войти въ калитку, какъ услышали дробное побрякиванье бубенчиновъ и увидали стоявшій возлѣ каретника таратасъ, запряженный тройкой сѣрыхъ толстыхъ лошадей съ громаднѣйшею дугой, разрисованной яркими бужетами. Лошади были развзданы и, привязанныя къ яслямъ, жевали сѣно.

— А! вотъ и Требукинъ пріѣхалъ! вскрикнулъ лѣсничій. Деньги привезъ.

Дѣйствительно, это былъ Требукинъ. Войдя въ кабинетъ, мы увидали его сидящимъ рядомъ съ Софьей Ивановной и попивающимъ чайкъ. При видѣ Софьи Ивановны, Евстафій Кузьмичъ немного смутился, но, вскорѣ оправившись, подлетѣлъ къ ней мелкой рысцой, шаркнулъ своими кривыми ножками и приложился къ ручкѣ. Всего этого Трапедакъ не замѣтилъ, потому что какъ только увидалъ Требукина, такъ въ ту же минуту растопырилъ руки и, прокричавъ: — «А! вотъ онъ, вотъ онъ, почтеннѣйшій Акимъ Саватичъ!» принялся обнимать его.

— Давно-ли пожаловалъ?

— Съ полчаса больше-съ.

— Чай не хотите ли?

— Я пью-съ, вотъ и стаканъ мой. Софья Ивановна меня уго-
стила.

— Отлично, отлично! сейчасъ буду благодарить ее...

Но, взглянувъ на Софью Ивановну и увидавъ стоявшаго предъ нею съ сияющимъ лицомъ Евстафія Кузьмича, разразился гром-
кимъ хохотомъ.

— А! вотъ оно что значить! проговорилъ лѣсничій. — Вотъ оно что значить!...

И, подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ заговорилъ, повертывая ее передъ собою.

— Посмотрите ка, разфрантилась какъ!... Вотъ что значить муженька то увидеть!...

— Какъ это глупо! проговорила она и, надувъ губки, усѣлась въ кресло, а Евстафія Кузьмичъ растерялся окончательно. Бѣд-
ный не зналъ, что дѣлать. Оборачиваясь то въ одну, то въ дру-
гую сторону, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, вертѣлъ въ рукахъ фу-
ражкой и съ какимъ-то особенно жалкимъ видомъ хлопалъ сво-
ими смѣшными глазами. Но на смѣшные глаза эти нельзя было
смотреть безъ состраданія. Онъ хлопалъ ими, и тѣмъ не ме-
нѣе въ нихъ проглядывала мольба о пощадѣ, объ оставленіи
въ повоѣ тѣхъ чувствительныхъ струнъ сердца, грубое при-
косновеніе къ которымъ коробитъ человѣка. Но мольбы этой
никто не хотѣлъ прочесть и всѣ, глядя на эти смѣшные глаза
и на всю смѣшную фигуру Евстафія Кузьмича только хохотали.
Хохоталъ лѣсничій, хохоталъ Верколѣтовъ, хохоталъ мужикъ Тре-
бухинъ, и только одна Софья Ивановна продолжала сидѣть, на-
хмури личико и протестуя противъ этой грубой выходки. Евста-
фія Кузьмичъ былъ весь мокрый, потъ ручьями катился съ его
лица, онъ видимо взнемогалъ и опустился наконецъ на стояв-
шее возлѣ него кресло.

— Свой своему поневолѣ другъ! острилъ лѣсничій.

— Недаромъ говорится, подхватилъ Верколѣтовъ:—оставь отца
и мать свою и прилѣнися къ женѣ.

— А жена, да боится, забасилъ Требухинъ, подражая дья-
кону: — своего м...у...у...жа...а...а...

Но тутъ Евстафія Кузьмичъ не вытерпѣлъ и, не давъ даже
Требухину дотянуть какъ слѣдуетъ «мужа» въ одинъ прыжокъ
подсочилъ къ нему и поднялъ сжатые кулаки.

— И ты туда-же, алтынникъ! закричалъ онъ, брызгая слю-
нями.—И ты туда-же! Ты бы лучше мои деньги отдадь!

Хохоть мгновенно утихъ.

— Какія такія деньги-съ? тихо спросилъ Требухинъ, улыбаясь
мягкой улыбкой.

— А такіа, которыя ты мнѣ долженъ! кричалъ Евстафій Кузьмичъ. — Я тебѣ пять тысячъ десятиныхъ обмѣрилъ, пять тысячъ десятиныхъ на клѣтки разбилъ, планъ тебѣ нарисовалъ... Договоръ у насъ былъ по десяти копеекъ съ десятины, а ты сколько мнѣ отдалъ? а? сколько? говори!...

— Кажется, всё сполна-съ...

— Врешь, ты мнѣ только сто рублей далъ, а четыреста зажиллъ.. халдейская твоя харя!

— Кажется, неправда-съ.

— Лжешь, правда. У нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ! Воръ ты и грабитель!

— Господа-съ прислушайте-съ! проговорилъ мягкимъ голосомъ Акимъ Саватичъ, приложивъ руку къ сердцу и обращаясь ко всѣмъ намъ. — Прислушайте-съ....

И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ отошелъ къ окну, возлѣ котораго сидѣла Софья Ивановна.

— Воръ! воръ! гремѣлъ Ласточкинъ.

И Богъ знаетъ, скоро ли кончилась-бы вся эта сцена, еслибы гдѣсничій не принялъ мѣръ умиротворенія. Онъ прикрикнулъ на Евстафія Кузьмича, приказавъ ему замолчать; пожалъ крѣпко руку Акимъ Саватичу, шепнувъ на ухо, что на дураковъ не обижаются, и затѣмъ, обратившись къ нерешавшейся Софьѣ Ивановнѣ, приказалъ ей распорядиться насчетъ водки и закуски. Всѣ какъ будто переконфузились и только одинъ Верхолѣтовъ съ радостной улыбкой потиралъ руками.

— Отлично! шепнулъ онъ мнѣ.

— Чтѣ именно? спросилъ я.

— Тутъ все есть; и клевета, и оскорбленіе, и халдейская харя...

— Такъ неужели Требукинъ будетъ судиться?

— Всенепремѣнно!

Акимъ Саватичъ Требукинъ былъ старичекъ, гдѣтъ шестидесяти, благообразной наружности, средняго роста, сухопарый, съ лицомъ юнымъ и свѣжимъ. На лицѣ этомъ постоянно играла мягкая и пріятная улыбка; точно такъ-же улыбались и голубые глаза Акіма Саватича, но, улыбаясь, глаза эти заглядывали какъ-то особенно глубоко, словно сверлили и выпытывали, чтѣ именно имѣется у васъ на душѣ, выказывая явное недоумѣріе ко всему вамъ произносимому. Сѣдые волосы и борода, начавшіе даже желтѣть отъ времени, хотя и производили рѣзкій контрастъ со свѣжимъ и юнымъ лицомъ Акіма Саватича, но тѣмъ не менѣе придавали ему еще болѣе благообразности. Походку имѣлъ онъ мягкую, каблучковъ не носилъ и потому ступалъ неслышно.

словно подѣзжалъ къ вамъ. Встрѣтившись съ вами, онъ еще издали начиналъ улыбаться, какъ будто и невѣсть какъ доволенъ повидаться съ вами, и, улыбаясь, торопился какъ можно поскорѣе получить удовольствіе пожать вашу руку, которую за тѣмъ пожималъ крѣпко, не одною, а обѣими руками, долго не выпускалъ и даже слегка сверху поглаживалъ. Одѣвался онъ съ нѣкоторой претензіей на моду и хотя не могъ совершенно отрѣшиться отъ длиннополыхъ купеческихъ сюртуковъ, но всё таки шилъ ихъ у модныхъ портныхъ по новѣйшему фасону, съ большими лацканами и модными низенькими воротничками. Панталоны тоже носилъ модныя и за сапоги не пряталъ. Платье его всегда было шито изъ тонкаго хорошаго сукна, но зато всё то, что было подъ платьемъ и что дѣлалось не на показъ, особенной доброкъачественности не отличалось. Такъ напримѣръ: когда изъ подъ рукава сюртука выбивался печально рукавъ сорочки, то можно было убѣдиться, что сорочка эта грязная и ситцевая. Дома, однако, въ своемъ имѣніи, Акимъ Саватичъ костюмомъ не стѣснялся и ходилъ просто или въ засаленной поддевкѣ, или же въ курпейчатомъ нанковомъ тулупчикѣ.

Акимъ Саватичъ былъ однимъ изъ очень богатыхъ землевладельцевъ уѣзда; онъ имѣлъ тысячъ восемь десятинъ земли и жилъ въ большомъ барскомъ домѣ. Однако, многіе помнятъ, когда Акимъ Саватичъ былъ еще простымъ тарханомъ и когда онъ, разѣзжая по селамъ и деревнямъ, скупалъ шкуры, пеньку, трипки и торговалъ разнымъ крестьянскимъ товаромъ, а равно помнятъ и то время, когда, бросивъ тарханство, онъ занимался гуртами, каждый годъ отправляясь въ орду для закупки скотины. Всѣ, помнившіе вышеприведенное, смотрѣли и дивились, какъ это Акимъ Саватичъ изъ тархановъ вдругъ сдѣлался именитымъ купцомъ. Но именитый купецъ не зѣвалъ. Поѣздивъ лѣтъ пять, шесть въ орду, онъ бросилъ гурты, сталъ покупать земли, а сдѣлавшись землевладельцемъ, вскорѣ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина, получилъ за что-то (кажется за постройку женскаго монастыря) двѣ медали на шею и, несмотря на свою безграмотность, былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта, въ уѣздныя и губерскіе гласныя и даже въ почетныя мировыя судьи. Нечего говорить, что на судейскій мундиръ и знакъ Акимъ Саватичъ денегъ не пожалѣлъ и рафрантился лучше всѣхъ судей. На сѣзды однако онъ ѣздилъ рѣдко и только тогда, когда нужно было выручить своего брата-купца, совершившаго какую нибудь пакость, какъ напримѣръ: пустившаго въ продажу солонину изъ дохлой скотины, подмѣшавшаго песку въ муку и т. д. Въ торжественныя минуты, Акимъ Саватичъ, блестя золотомъ, являлся на

сѣзды судей, улыбался, пожималъ всѣмъ руки, шаркалъ ногами и затѣмъ, принявъ глубокомысленный видъ, проповѣдывалъ, что засадить потомственного почетнаго гражданина въ *кутузку*, чelовѣка, сверхъ того, ворячающаго миллионами, будетъ скандалъ и позоръ на весь уѣздъ; что если обвиняемый, по недоразумѣнiю, и поселилъ какого-нибудь дохлаго быка, то поступокъ этотъ не настолько еще важенъ, чтобы сажать за это въ *кутузку* вмѣстѣ со всякой сволочью; надо притомъ принять въ соображенiе, что всякому своего добра жалко, не говоря уже о томъ, что докляя скотина даже слаще убитой и вреда отъ этого никакого нѣтъ, доказательствомъ чего можетъ служить, что въ ордѣ киргизы завсегда употребляютъ въ пищу дохлыхъ барановъ, и за всѣмъ тѣмъ отличаются примѣрнымъ здоровьемъ. Приводя въ примѣръ орду, онъ при этомъ совершенно справедливо доказывалъ, что мировой судъ потому и называется мировымъ, что обязанъ всячески умиротворять, а не раздражать и не допекать людей почетныхъ; что обвинить миллионера значить досадить ему, возстановить его, такъ сказать, противу общества, которому онъ всегда можетъ быть полезенъ своими денежными пожертвованiями. Акимъ Саватичъ, въ отношенiи къ подобнымъ людямъ, приводилъ даже принципъ неприкосновенности, и ясно доказывалъ, что если чelовѣкъ носить званiе неприкосновенности, потомственного почетнаго гражданина, имѣеть медали на шеѣ и миллионы за паузкой, то онъ долженъ быть неприкосновененъ. Иначе, къ чему бы служили и *на какой лядъ* почетное званiе и медали, если такое лицо будетъ имѣть одинаковыя *прислелки* съ какимъ-нибудь паршивымъ мужичишкой; что равнять людей нельзя никоимъ образомъ, что подобное выравниванiе и построенiе людей разныхъ сословiй въ одну шеренгу будетъ большой политической ошибкой, могущей отозваться весьма тяжело какъ на нравственномъ, такъ и на финансовомъ положенiи страны...

По поводу быстро и затѣмъ постоянного обогащенiя Акима Саватича, въ уѣздѣ ходили, конечно, самые нелѣпые и разнорѣчивые слухи. Помнившiе прошлое Акима Саватича, когда онъ въ грязной поддевкѣ, постукивая внутренкомъ въ мужичьи бѣна, выкрикивалъ:—«Нѣтъ ли продать чего!», и взиравшiе на настоящiе хоромы Акима Саватича и на ежегодное расширенiе его владѣнiй, только ругами разводили. Люди же опытные, искусившiеся все это оставляли безъ вниманiя, ничему не удивлялись и съ усмѣшкой объясняли, что въ ордѣ дураковъ *до пропасти*, потому ордынецъ или тамъ киргизъ чего въ степи видить, ни-

такой фабрикации не понимает, ничего отличить не может и съ роду настоящих денег и въ глаза-то не видывал!

Въ настоящее время, въ орду Акимъ Саватичъ уже не ѣздитъ, а преспокойно живетъ себѣ въ своемъ барскомъ домѣ, выписываетъ «Саратовскій Справочный Листокъ» и «Дневникъ» и, наслаждаясь полемикой этикъ двухъ достопочтенныхъ органовъ мѣстной прессы, ведетъ торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ, дѣлаетъ громадныя посѣвы и расточаетъ благодѣянія. Дѣйствительно, Акимъ Саватичъ былъ патриархомъ своей мѣстности и, занимаясь торговлей и посѣвомъ, онъ не забывалъ и нуждающихся и одолажалъ окрестныхъ мужиковъ всѣмъ, что только имъ требовалось, даже деньгами, а затѣмъ заключалъ съ ними въ волостныхъ правленіяхъ *условья*, ставилъ неустойки и, одоливъ такимъ образомъ, успокоивался. Въ рабочую пору за жнитво пшеницы люди платили по 40, по 50 рублей за сотенникъ, а Акиму Саватичу жали такую же пшеницу за вятую баранью требуху. Люди, бывало, плачутъ, что пахарей нѣтъ, а у Акіма Саватича все поле усѣяно пахарями за каку-нибудь гречишную солому. И все это Акимъ Саватичъ дѣлалъ не свисока, не съ обмочной купеческой грубостію, но со свойственной ему пріятной улыбкой и мягкими движеніями. Насколько Акимъ Саватичъ былъ благодѣтелемъ окрестныхъ мужиковъ, которыхъ онъ подъ веселую руку остроумно сравнивалъ съ киргизами, настолько былъ онъ и религіознымъ человекомъ. Религіозностію онъ отличался съ малыхъ лѣтъ, а когда достигъ сорокалѣтняго возраста, то даже выстроилъ небольшую женскую обитель, сдѣланъ былъ попечителемъ этой обители, а чтобы благочестивыя сестры не проводили время въ празности (этой матери всѣхъ пороковъ), онъ возлѣ обители построилъ себѣ мельницу и кирпичный заводъ. И нужно было видѣть какъ искусно *чирнички*, за ничтожную поденную плату, мiali ногами глину, подвозили песокъ и воду, выдѣлывали кирпичи, обжигали ихъ и какъ проворно таскали на мельницѣ кули съ хлѣбомъ и мукой—только бывало пятки сверкаютъ по лѣстницамъ.

Однако, Акимъ Саватичъ выручалъ и не однихъ мужиковъ. Со свойственной ему предупредительностію онъ являлся на выручку и къ помѣщикамъ. Ему было все извѣстно и стоило только прослышать, что такой-то проигрался въ карты, у такого-то описанъ хлѣбъ, тому-то надо ѣхать за-границу, какъ Акимъ Саватичъ спѣшилъ уже на выручку даже и тогда, если нуждавшійся ему совершенно незнакомъ и живетъ не въ имѣніи, а гдѣ-нибудь или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Сѣздить въ Москву или въ Питеръ ему было всегда кстаѣ, а попать туда,

кстати роискивалъ и обрѣталъ нуждавшася. Такъ приобретать онъ прилегалъ къ его участку лѣсныхъ дачъ, луга, пахотную землю и другія угодыя.

Несмотря, однако, на то, что Акимъ Саватичъ, въ настоящую минуту, богатый землевладѣлецъ и пользуется почетомъ, онъ все-таки не возгордился; къ происхожденію своему отвращенія не цвталъ и своего прешлаго не стыдился, а даже напротивъ любилъ рассказывать про свою жизнь и невзгоды первыхъ лѣтъ тарханства. Онъ только умалчивалъ про орду, какъ будто въ воспоминаніяхъ этихъ не было ничего ни любопытнаго, ни остроумнаго, а ограничивался тѣмъ только, что, описывая киргизовъ, говорилъ, что эти самые киргизы какъ есть свиньи, нечистый народъ, живутъ въ юбткахъ, чай варять въ котлахъ и съ бараньимъ саломъ, но что всякаго скота, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ у нихъ до пропасти и что киргизская овца для нагула не въ примѣръ лучше русской.

Тоже самое случилось и въ описываемый вечеръ. Какъ только подана была водка и приличная къ ней закуска, состоявшая изъ колбасы, сыра, веры, семги и балыка, и какъ только общество пропустило по рюмочкѣ, такъ Акимъ Саватичъ тутъ же повеселѣлъ, щеки его зарумянились, а повеселѣвъ, онъ припомнилъ прошлое, и принялся рассказывать намъ анекдотъ за анекдотомъ, и надо сказать правду, что какъ рассказы Акима Саватича, такъ и самые анекдоты были до того своеобразны и любопытны, что всѣ слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Когда же было выпито еще по другой рюмкѣ, а немного погодя по третьей, то Акимъ Саватичъ разошелся окончательно и какъ будто забылъ про неприятное столкновеніе свое съ Евстафіемъ Кузьмичемъ. Подсѣвъ къ Софьѣ Ивановнѣ, онъ даже началъ съ нею любезничать, любовался ея ручками, ея маленькой ножкой, ея костюмомъ и выразилъ при этомъ удивленіе, что купчихи какъ бы много ни тратили денегъ на тряпки, а никогда не могутъ одѣться съ такимъ вкусомъ, съ какимъ одѣваются другія барыни. Софья Ивановна все это слушала и посмѣивалась.

Однако, какъ ни болталъ Акимъ Саватичъ, какъ ни былъ онъ веселъ и разговорчивъ, но, все-таки, помнилъ, что ласы точить можно, а дѣло забывать не слѣдуетъ, и потому, выпивъ еще рюмку водки и закусивъ ломтемъ балыка, обратился къ лѣсническому.

— Изъ Питера ничего не получали-съ? спросилъ онъ.

— Отъ кого?

Отъ главнаго управляющаго?

— Ничего-съ. А что?

— Тамъ, я спросилъ только; думалъ насчетъ лѣса нѣтъ ли распоряженій какихъ? И Богданъ Ивановичъ тоже ничего не получили? допытывалъ Требухинъ.

— Ничего. Я сегодня утромъ былъ у него.

— Слухи до меня дошли, проговорилъ Акимъ Саватичъ, посмотрѣвъ на насъ и понизивъ голосъ: — что графъ тысячу десятинъ лѣсу продать желаетъ...

— На срубъ? спросилъ лѣсничій.

— Зачѣмъ на срубъ! съ землей въ вѣчность.

Лѣсничій какъ будто смутился.

— Не слыжалъ! сказалъ онъ. — А вы отъ кого слышали?

— Одинъ человекъ изъ Питера писалъ мнѣ; вишь графъ изъ Турціи приказъ такой прислалъ главному управляющему: продай, говоритъ, немедленно тысячу десятинъ лѣса, потому мнѣ до зарѣзу деньги нужны. Только это значить вздоръ выходитъ, потому вамъ ужъ безпрерывно было бы извѣстно.

И потомъ, снова осмотрѣвъ насъ, добавилъ:

— Мнѣ бы съ вами поговорить надо.

— Такъ что-жь, пойдемте сюда въ эту комнату... Ахъ, да! прибавилъ лѣсничій: — деньги привезли за дрова?

— Еще бы, конечно-съ...

— Всю тысячу?

— Всѣ до копеечки съ! съ улыбкой проговорилъ Акимъ Саватичъ.

— Отлично.

И лѣсничій, объявъ Акима Саватича за талию, повелъ его въ сосѣднюю комнату.

— Достопочтенный человекъ! проговорилъ Верхолѣтовъ, когда лѣсничій и Требухинъ вышли изъ комнаты. — Достопочтенная и многоуважаемая особа! И посмотрите что купить...

— Чтò?

— А эту тысячу десятинъ лѣса.

— Но, вѣдь, неизвѣстно еще, назначенъ ли лѣсъ въ продажу.

— Это намъ неизвѣстно! подхватилъ Верхолѣтовъ: — а они-то знаютъ отлично. Ужъ если Акимъ Саватичъ слышалъ, такъ ужъ это вѣрно. А лѣсъ-то ему встаетъ, межа къ межѣ.

И потомъ, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ:

— Я пари готовъ держать, что онъ теперь нѣмца подкупаетъ, чтобы не препятствовалъ, а напротивъ помогалъ бы дѣльце обдѣлать.

Между тѣмъ, Евстафій Кузьмичъ продолжалъ бесѣдовать съ Софьей Ивановной. Усѣвшись рядомъ съ нею возлѣ окна, онъ что-то рассказывалъ ей, а она съ работою въ рукахъ слушала,

изрѣдка улыбался самой пріятной дѣтской улыбкой. Евстафій Кузьмичъ былъ видимо счастливъ. Лицо его сіяло, губы слагались въ какую-то самодовольно-сладкую улыбку, глаза блестяли. Не спуская ихъ съ Софьи Ивановны, онъ безпрестанно передвигалъ ножками и какъ-то судорожно потиралъ руками. Счастье и довольство протглядывало во всей его фигурѣ.

Мнѣ чрезвычайно понравилась Софья Ивановна.

Эта была женщина, лѣтъ двадцати пяти, тоненькая, маленькая, живая, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма симпатичная и пріятная. Какъ-то весело становилось, глядя на нее, на это нѣжное симпатичное личико и на эти голубые глаза, окаймленные черными длинными рѣсницами... Точно вѣкъ былъ съ нею знакомъ и точно съ незапамятныхъ временъ находился съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Какъ теперь помню, было курые волосы, перемѣшанные съ шиньономъ, были убраны изящно, но просто, даже небрежно, а пробранный на боку рядъ придавалъ еще болѣе веселости и безъ того уже веселому личику ея. Свѣтлое шерстяное платье, сшитое со вкусомъ, весьма пикантно обрисовывало ея нероскошныя, но хорошенькія формы; маленькія ножки были обуты въ щегольскія ботинки съ высокими каблуками, которыми она какъ-то особенно шикозно потопывала, прохаживаясь по мягкому ковра. Ходила она скоро, словно летала, быстро вставала, быстро садилась и, усѣвшись, закидывала одну ножку на другую, поглядывала на эту ножку и какъ будто сама любовалась своею щегольской обувью.

Словомъ, Софья Ивановна была женщина весьма симпатичная, съ которой весьма пріятно можно было провести время.

И дѣйствительно, вечеръ былъ проведенъ очень весело.

Акимъ Саватичъ какъ только покончилъ свои секреты съ лѣсничимъ, такъ сталъ собираться домой, предупредивъ, однако, что на всякій случай онъ завернетъ къ управляющему Богдану Иванычу узнать, нѣтъ-ли какой телеграммы изъ Питера отъ главнаго управляющаго. Затѣмъ, со свойственной ему пріятной улыбкой, онъ пожалъ намъ руки, поцѣловалъ ручку Софьи Ивановны и, сдѣлавъ холодно-вѣжливый поклонъ Евстафію Кузьмичу, взялъ подъ руку Верхолѣтова, и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ переднюю. Лѣсничій пошелъ провожать.

— Ну полноте, будетъ вамъ, ну охота, бросьте! послышался изъ-за двери передней голосъ лѣсничаго.

— Не могу-съ, ей-ей не могу-съ! раздавался голосъ Акима Саватича.—Для меня честь дорога-съ...

— Онъ, кажется, хочетъ прошеніе подать на васъ! заговорилъ Софья Ивановна, прислушиваясь къ разговору.

— Чертъ съ нимъ, пускай подастъ! вскрикнулъ Ласточкинъ.

Немного погодя, загремѣлъ тарантасъ, зазвенѣли бубенчики и Акимъ Саватичъ уѣхалъ.

Дѣла своего съ Евстафіемъ Кузьмичемъ онъ дѣйствительно не бросилъ, а напротивъ поручилъ Верхолѣтову привлечь Ласточкина къ отвѣтственности, и тутъ-же, въ передней, вынувъ пятьдесятъ рублей, передалъ ихъ Верхолѣтову, и объявилъ, что остальные пятьдесятъ онъ выплатитъ ему по окончаніи дѣла. Верхолѣтовъ торжествовалъ. Что-же касается до Евстафія Кузьмича, то, осчастливленный свиданіемъ съ Софьей Ивановной, онъ, какъ говорится, даже и ухомъ не повелъ, а напротивъ объявилъ, что, такъ какъ все высказанное имъ Акимъ Саватичу есть истинная правда, то онъ и въ камерѣ судьи назоветъ Требухина воромъ и подлецомъ. Все это очень возмутило Софью Ивановну, и она не на шутку вспыхнула на Верхолѣтова.

— И вамъ не совѣстно, проговорила она, возвысивъ голосъ: — братья за подобныя дѣла?..

— Нисколько.

— Очень вѣрно, потому что въ васъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Вы очень хорошо знаете, что Требухинъ дѣйствительно не додалъ мужу четырехсотъ рублей.

— Совершенно вѣрно.

— А также понимаете и то, что неумѣстная выходка Требухина не только могла, но даже должна была вызвать гнѣвъ Евстафія Кузьмича?

— Понимаю очень хорошо.

— Но для васъ деньги выше всего?

— Дѣйствительно, они имѣютъ большое значеніе.

— И ради ихъ вы не стѣсняетесь ничѣмъ?

— Зачѣмъ-же я буду стѣсняться въ своемъ отечествѣ.

Съ какимъ-то презрѣніемъ взглянула Софья Ивановна на глумившагося Верхолѣтова, быстро отвернулась отъ него и усѣлась снова въ кресло.

— Циникъ! проговорила она довольно громко и принялась опять за свою работу.

Евстафій Кузьмичъ былъ на верху блаженства. Онъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ея руку и даже объявилъ, что сердиться изъ-за такихъ пустяковъ и беспокоить себя не слѣдуетъ.

Отъѣздъ Акина Саватича подѣйствовалъ на общество благотворно: точно гора съ плечъ свалилась, а такъ, какъ и гнѣвъ Софьи Ивановны тоже продолжался недолго, то вскорѣ все было уже забыто и веселое настроеніе общества не замедлило вернуться. Софья Ивановна, какъ только подали свѣчи, усѣлась

за пьянино, разложила ноты, и веселый голосокъ ея раздавался по кабинету. Ставъ позади ея стула, Евстафій Кузьмичъ перевертывалъ ноты, но такъ какъ ноты онъ зналъ плохо, то часто перевертывалъ листы невпопадъ, тогда Софья Ивановна, ко всеобщему удовольствію, хлопала его по рукамъ и принималась хохотать. Голосокъ Софьи Ивановны оказался пріятнымъ, а веселыя пѣсенки, которыя распѣвала она, какъ разъ подходили подъ ея веселый видъ. Евстафій Кузьмичъ былъ самъ не свой: лицо его становилось все яснѣй и яснѣй; стоя за стуломъ жены, онъ впивался глазами и въ ея шею, и въ ея грудь, и глаза эти разгорались все болѣе и болѣе. Видно было, что человѣкъ и счастливъ, и въ тоже время страдаетъ! Страданіе это не успокоило ни отъ лѣсначаго, ни отъ Верхолѣтова. Глядя на него, они перешептывались, подсмѣивались, и кажется, еслибы видѣли все это Софья Ивановна, то имъ очень-бы досталось отъ нея.

Между тѣмъ, водка, конечно, убавлялась; лѣсначій, какъ оказалось, насчетъ выпивки былъ не дуракъ, и по мѣрѣ того какъ выпивалъ, становился все веселѣе и веселѣе. Розыскавъ флейту (извѣстно, что пѣмецъ безъ флейты не мыслимъ), онъ сталъ аккомпанировать Софью Ивановну, но такъ какъ по случаю выпивки плохо потрафлялъ дуть въ дыру флейты, то и счетъ за благо музыку эту прекратить, а взамѣнъ того, попросилъ Софью Ивановну уступить ему мѣсто и, усѣвшись за пьянино, забарабанилъ польку.

Однако, духота комнаты и выпитое вино потребовали чего-нибудь освѣжающаго... Я вышелъ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Нельзя было подумать, чтобы сентябрь подходилъ къ концу, до того воздухъ былъ лѣтній. Ночь была темная, но вѣтра ни малѣйшаго; все было тихо, только изрѣдка съ пыльной долетала шумъ колесъ и лязгъ пилъ. Прямо передъ балкономъ, на темной синевѣ неба, чернѣли два пирамидальныхъ тополей, между тѣмъ какъ рѣшетка балкона, освѣщенная свѣтомъ, падавшимъ изъ окна, блестѣла серебристымъ блескомъ... Очень эффектно бросалась въ глаза эта посеребренная рѣшетка на темномъ фонѣ листвы тополей. Я спустился въ садъ и пошелъ по дорожкѣ. Чуть слышно хрустѣлъ песокъ подъ ногами; я шелъ, и точно призраки двигались мимо меня, здѣсь и тамъ разбросанныя красивыми группами деревья; въ особенности ели съ своими густыми, мохнатыми вѣтвями, начинавшимися вполоть отъ земли, кончавшіяся шишемъ, были красивы. Я оглянулся назадъ; освѣщенные дива дома среди мрака блестѣли еще ярче; цѣлые снопы свѣта вырывались оттуда, серебра ближайшіе кусты и деревья. Весьма изящно выглядывалъ этотъ необыкновен-

ный домъ; точно фантастическая иллюминація возникла она съ своими башенками и ломаными линиями среди зелени деревь. Я пошелъ дальше, и вскорѣ былъ на берегу рѣки. Спокойно и обильно струилась вода, шелеста и покачивая прибрежнымъ камнемъ. На противоположномъ берегу чернѣлъ боръ, наполненный таинственнымъ гуломъ. Все было тихо, а гулъ между тѣмъ все-таки былъ. Точно эти мохнатые сосны и ели, пользуясь починимъ мраморъ, а главное отсутствиемъ людей, могущихъ ихъ подслушать, сдержанно рожали, и ропотъ этотъ тревожилъ нервы и невольно заставлялъ вдрагивать. Вдругъ балконная дверь отворилась; фортепианные звуки, чуть слышные до сихъ поръ и сдерживаемые внутри дома, хлынули на свободу, послышалась серенада Шуберта, но дверь снова хлопнула, звуки опять замерли и еле-еле долетали до меня. «Кто-то вышелъ», подумалъ я, и пошелъ назадъ, но немного не доходя дома въ кустахъ сирени послышался шепотъ, шурѣдка прерываемый сдержаннымъ смѣхомъ. Я остановился и увидѣлъ гѣсничаго и Верхолѣтова. Оба они, сидя на скамейкѣ, курили папирсы.

— Какъ-бы только Софья Ивановна не узнала! гудѣтъ Верхолѣтовъ.— Узнаеть— плохо будетъ...

— Почему она узнаеть! бормоталъ нетвердо гѣсничій.

— Боюсь я ее.

— Не узнаеть... За то потѣха-то какая!

— Вы только подготовьте его хорошенько; скажите, что онъ сегодня увлекъ Софью Ивановну, а ужъ остальное мое дѣло... У насъ есть странуха, солдатка шустрая... цѣловый ей въ зубы...

Верхолѣтовъ захохоталъ.

Всгѣдъ за тѣмъ они встали и пошли къ дому. Когда я вернулся, все общество было уже въ столовой. Посреди комнаты стоялъ столъ совсѣмъ уже накрытый, а у стѣны—другой, небольшой, съ водкой и закуской. Мы сѣли ужинать. Вифштейсъ, тушеные грибы и разварной судакъ съ подливкой, о которой такъ хлопоталъ гѣсничій, были изготовлены на славу, а хорошее вино, которымъ обильно заливалось все это, какъ нельзя лучше довершили дѣло. Ужинъ прошелъ незамѣтно. Поблагодаривъ хозяина и Софью Ивановну, мы всѣ ожидали скорѣйшаго указаія ночлега.

Указавъ назначенную мнѣ комнату и пожелавъ мнѣ покойной ночи, гѣсничій вышелъ, а вскорѣ за сосѣдней перегородкой послышались его шаги и голосъ Верхолѣтова.

— Ну что? спросилъ гѣсничій шепотомъ:— повѣрилъ?

— Нетолько повѣрилъ, но даже объявилъ, что онъ и безъ

меня это знаетъ, потому де что ссориться намъ съ женою нечего...

Раздался сдержанный хохоть.

— Ну-съ, а теперь я пойду командовать! проговорилъ гвсничій опять-таки шепотомъ.

— Вы тогда разбудите меня.

— Непремѣнно.

И гвсничій снова затопалъ мимо моей комнаты, заскрипѣлъ гдѣ-то дверной блокъ, хлопнула дверь и все замолкло. Я сталъ раздвѣяться, но, заслышавъ подъ окномъ чьи-то шаги, отворилъ осторожно окно и увидалъ гвсничаго. Онъ шелъ скоро, съ сигарой въ зубахъ, и немного погодя скрылся въ свѣякъ одного изъ флигелей.

Я затворилъ окно, поспѣшно раздѣлся, потушилъ свѣчу и улегся въ постель. Все затихло, а усталость брала свое; глаза мои стали закрываться... гдѣ-то запищала комаръ... гдѣ-то въ углу за комодомъ завозился мышенокъ и принялся что-то грызть... Я заснулъ.

Вдругъ въ комнатѣ Верхолѣтова хлопнула дверь, я вздрогнулъ и проснулся.

— Вставайте! крикнулъ гвсничій.

— Что? отозвался Верхолѣтовъ.

— Тамъ.

— А я и забылъ, заснулъ.

— Идите слушать.

Они ушли и всё стихло. На часахъ пробило три часа и сонъ опять склонилъ меня. На этотъ разъ я спалъ, какъ убитый, и проснулся только часовъ въ семь утра. Солнце было уже довольно высоко и весело освѣщало комнату. Утро также, какъ и накануне, было восхитительное. Я отворилъ окно; теплый воздухъ, пропитанный запахомъ смолы, ворвался въ комнату. Я сталъ умываться, какъ вдругъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ Евстафій Бузыничъ, чистенькій, умытый, напомаженный и съ лицомъ сияющимъ отъ радости.

— Хорошо ли почивали? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Отлично, а вы?

Но вмѣсто отвѣта Ласточкинъ только закрылъ глаза и вздохнулъ.

Минуть черезъ десять, я былъ уже одѣтъ и такъ какъ всё еще спали, то я попросилъ Евстафія Бузынича поблагодарить отъ меня хозяина за гостепрѣмство и пошелъ домой. Ласточкинъ проводилъ меня до воротъ.

— До свиданья, проговорилъ я.

— До свиданья.

— А вы скоро домой?

— Нѣтъ, теперь ужь лѣсничій не скоро меня выживетъ отсюда! проговорилъ Ласточкинъ и залился смѣхомъ.

— О чемъ вы смѣетесь? спросилъ я.

— Да смѣюсь надъ тѣмъ, въ какихъ онъ дуракахъ остался! И Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Этого только не доставало! подумалъ я и еще разъ простился съ Ласточкинымъ.

— До свиданья-съ! проговорилъ онъ и, напѣвая какую-то игривую пѣсенку, пошелъ по направленію къ дому.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго, я получилъ отъ мирового судьи повѣстку, которою вызывался въ камеру въ качествѣ свидѣтеля, по дѣлу объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Акимомъ Саватичемъ Требухинымъ. Хотя до камеры судьи и было отъ меня верстъ сорокъ, но, все-таки, я съ удовольствіемъ собрался въ путь, желая узнать, чѣмъ окончится эта исторія. Не доѣзжая версты полторы до камеры, я догналъ Верхолѣтова и Ласточкина. Оба ѣхали въ тарантасѣ. Верхолѣтовъ былъ одѣтъ щегольски, на немъ былъ цилиндръ и совершенно новое пальто, подъ мышками видѣлся раскрашенный разноцвѣтными полосками уставъ.

— Здравствуйте! крикнулъ я, поровнявшись съ ними.—Въ камеру?

— Да, въ камеру тащить, мерзавецъ! отвѣчалъ Ласточкинъ, указывая на Верхолѣтова.

— Нельзя съ, отвѣчалъ тотъ серьезно, не поворачивая головы.—Оскорблять людей почтенныхъ запрещено-съ... И вы тоже въ камеру? добавилъ онъ, важно раскланиваясь со мной. И тоже во нашему дѣлу?

— Да.

— Отлично-съ!.. впрочемъ, вы меня извините, что я васъ потревожилъ... наша профессія такая! Можете просить судъ о вознагражденіи за отвлеченіе васъ отъ занятій, и съ него вынуть...

И онъ ткнулъ пальцемъ въ плечо Ласточкина.

— А вы повѣреннымъ?

— Да-съ. Повѣренный обвинителя.

— И вмѣстѣ ѣдете? спросилъ я.

— Это ничего, отвѣчалъ Верхолѣтовъ съ тою же серьезностью.—

Я, все-таки, питаю къ этому несчастному чувство непритворной дружбы, и хотя и буду хлопотать сегодня, чтобы его засадили въ

арестантскую, но, ни́тъ въ своемъ полномъ распоряженіи покойный тарантасъ, принадлежащій Требухиному, за́калъ къ другу, дабы избавить его отъ лишнихъ расходовъ нанимать подводу, или же отъ неприя́тности свернуть сей путь терновый по образу пѣшаго хожденія. Я не говорю уже о томъ, что въ тарантасѣ онъ, все-таки, ѣдетъ барыномъ и что всѣ встрѣчающіеся мужики передъ его какардой почтительно снимаютъ шапки.

Позади послышался быстрый конскій топотъ. Я оглянулся и увидалъ лѣсничаго. Крупной рысью и въ сопровожденіи трехъ лѣсныхъ сторожей, лѣтѣвшихъ въ карьеръ, ѣхалъ онъ верхомъ на превосходномъ конѣ и, догнавъ насъ, осадилъ немного лошадей и раскохотался.

— Собирается сила, рать великая! проговорилъ Верхолѣтовъ.

— Боже мой, въ цилиндрѣ! кричалъ, между тѣмъ, лѣсничій, глядя на Верхолѣтова, продолжавшаго съ комическою важностію сидѣть въ тарантасѣ, съ законами подъ мышкой.

— Эго онъ все на требукинскія деньги накупилъ.

— А вы все получили съ него? спросилъ я.

— Всѣ впередъ-съ; иначе я не соглашался. Довѣрять ему я считаю неумѣстнымъ.

Немного погода, мы были уже въ камерѣ. Судья еще не вы ходилъ, но народу было много. Въ числѣ мужиковъ я замѣтилъ и того, котырой изъ графскаго лѣса укралъ осмунку дровъ. Въ углу камеры стоялъ какой-то священникъ въ ваточной расѣ, повязанный шерстянымъ шарфомъ, съ торчавшей, вслѣдствіе этого бородой кверху. Онъ назидательно объяснялъ что то двумъ мужикамъ, стоявшимъ передъ нимъ; оказывается, что и священникъ и мужики тоже пріѣхали судиться.

— Батюшка! брось ты дѣло это, ради Господа! упрашивали мужики.

— Я бы его и не началъ, говорилъ священникъ, богобоязненно закрывая глаза: — если бы вы не загнали монахъ поросать, изъ коней одинъ оказался съ проломленной ногой. Я нарочно засвидѣтельствовалъ это сосѣдямъ, которые все это подтверждать.

— Мы, батюшка, не ломали.

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Вотъ-тѣ Христось не ломали! Мы только загнали ихъ въ хлѣвъ съ огорода; вѣдь, они у насъ картошку всю какъ есть выкопали; вѣдь, поросата съ добрую свинью будутъ, а ихъ однадцать штукъ. Ты погляди-ка, какъ они огородъ-этъ перекакали.

— Заявили бы объ этомъ старостѣ?

— Да гдѣ-жь его найдешь, старосту! Вѣдь, хора рабочая

была, самъ знаешь, въ полѣ всё... брось, ради Бога, давай мириться!

— Я не прочь. Перевезите мнѣ на огородъ мое сѣно...

— Да вѣдь сѣна-то у тебя восемь стоговъ.

— Вотъ ихъ перевезите, и я дѣло прекращу.

— Да вѣдь этакъ обидно, батюшка! говорили мужики.— Перевести съ луговъ восемь стоговъ сѣна, плохо стѣитъ шестнадцать рублей, а поросенку цѣна рублевка.

— Всякому свое добро жалко! поучительно проговорилъ священникъ и продолжительно вздохнулъ.

— Вѣстимо, жалко! Нѣтъ, а ты вотъ какъ давай мириться— чего намъ до большого суда доходить! ты съ насъ за поросенка не ищи, вѣдь нога-то срослась у него, ужь опять на огородѣ былъ, а мы, значить, тебя за картошку не станемъ тревожить. Нужда нѣтъ, что безъ картошки остались.

— Нѣтъ, я такъ не согласенъ.

— Грѣхъ, батюшка, ей Богу, грѣхъ! Мы и сами тебѣ можетъ пригодится. Тоже, вѣдь, къ намъ часто ходишь: то топорникъ, то веревочка понуждится... дѣло сосѣдское...

Священникъ опять вздохнулъ и, набожно закрывъ глаза, замолчалъ. Мировая не состоялась.

— Эхъ, головушка горькая! простонали мужики и сѣли.

Верхолѣтовъ снялъ пальто. Оказалось, что онъ былъ во фракѣ, оправивъ который, онъ сложилъ по-наполеоновски руки и съ какинь-то олимпійскимъ видомъ прислонился къ стѣнѣ. Дасточкинъ, какъ только вошелъ въ камеру, такъ въ ту же минуту упалъ духомъ.

Наконецъ, вошелъ и судья. Всѣ встали.

— Прошу садиться, проговорилъ судья, и, надѣвъ знакъ, сѣлъ на свое мѣсто, поковырявъ языкомъ въ зубахъ. Взявъ изъ лежавшей на столѣ пачки верхнее дѣло, онъ громко прочелъ: Дѣло о похищеніи осмьюшки дровъ изъ лѣса графа Исаа крестьяниномъ деревни Гривокъ Петромъ Чуркинымъ. И, перевернувъ листъ, началъ вызывать: лѣсничій Трапедакъ!

— Здѣсь.

— Обвиняемый Чуркинъ?

— Есть.

— Свидѣтели: Дергачовъ, Горбачевъ, Левинъ, Митинъ...

— Здѣсь, здѣсь...

— Я довѣряю *стать* за себя г. Верхолѣтову! проговорилъ лѣсничій.

Верхолѣтовъ подошелъ и рассланился.

Т. ССХХХVIII.—Отд. I.

— Свидѣтели! прошу васъ оставить камеру и пожаловать въ эту комнату. Канатниковъ! удалите свидѣтелей.

Писарь Канатниковъ вывелъ свидѣтелей.

Начался разборъ дѣла, наконецъ дошла очередь и до свидѣтелей.

— Освобождаете ли вы свидѣтелей отъ присяги? спросилъ судья, обращаясь къ тажущимся.

— Я желаю, чтобы они были спрошены съ присягой, проговорилъ Верхолѣтовъ и, откинувъ назадъ волосы, заложилъ руку за жилетъ.

Свидѣтели были приглашены въ камеру, и по допросу оказалось, что никто изъ нихъ ни въ родствѣ, ни въ тѣснѣ со сторонами не состоитъ и что всѣ вѣры православной.

Судья оглянулъ публику и, замѣтивъ священника, спросилъ его.

— Вы, кажется—священникъ?

— Точно такъ-съ.

— Потрудитесь привести свидѣтелей къ присягѣ. Вотъ здѣсь въ эпитрахиль крестъ и Евангеліе, проговорилъ онъ, указывая на лежащую на столѣ свернутую эпитрахиль, и кстати немного отодвинулъ тутъ же стоявшую непельницу.

Священникъ, неожиданный, что его вызовутъ, сконфузился, засопѣлъ носомъ, но все-таки всталъ, подошелъ къ столу, надѣлъ эпитрахиль и разложилъ на столѣ крестъ и Евангеліе.

— Приглашаю встать! проговорилъ судья и тоже всталъ, подавъ священнику клятвенное обѣщаніе.

— Свидѣтели, подойдите къ священнику.

Свидѣтели подошли, кромѣ одного крестьянина.

— Вы что же не подходите? спросилъ его судья.

— Нельзя.

— Почему?

— Я безъ присяги...

— Что же вы, сектантъ что ли? допрашивалъ судья.

— Нѣтъ.

— Православный?

— Православный.

— Почему же не делаете принять присягу?

— Не могу.

— Вы обязаны объяснить причину.

Мужекъ переминался, вздыхалъ и чесалъ въ затылкѣ. Священникъ, немного ободрившійся, поднялъ глаза къ небу и приложилъ лѣвую руку къ эпитрахили; борода продолжала торчать вверху.

— Объясните, почему вы не можете присягнуть? продолжал приставать судья.

Мужикъ мляся, мляся и наконецъ проговорилъ.

— Рубаху не смѣнялъ.

— Я васъ не понимаю, проговорилъ судья.

— Вечерушну рубаху не смѣнялъ.

Священникъ подошелъ къ судья и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Свидѣтель! проговорилъ потомъ священникъ: — я разрешаю вамъ и благословляю васъ. Свидѣтели подошли къ священнику. Онъ перекрестился и, отвѣщаянувшись, проговорилъ:

— Сложите пальцы, какъ молитесь, поднимите руки вотъ такъ и говорите за мной. И священникъ звонкимъ теноромъ сталъ читать на о клятвенное обѣщаніе! «Обѣщавсь и клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ...

— «Богомъ», повторяли свидѣтели.

— «И животворящимъ крестомъ Господнимъ въ томъ, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ...

— «Ни родствомъ», повторяли свидѣтели.

— «Я по совѣсти покажу въ семь дѣлѣ всю сущую о всемъ правду...», читалъ священникъ и, докончивъ присягу, проговорилъ:—Аминь. Ну, теперь прикладывайтесь къ Евангелію и къ кресту.

— И говорите: клянусь! добавилъ судья.

Свидѣтели стали прикладываться, причемъ одинъ изъ нихъ, а именно тотъ, который не смѣнялъ рубахи, приложился, сверкъ того, и къ пепельницѣ, почему и воротился въ публику съ пепломъ и окурками папирсъ на бородѣ.

— Ну, смотрите, говорите правду, не лгите и помните, что Господь Богъ за живое показаніе строго васъ накажетъ, говорилъ священникъ, закрывъ глаза.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ оставленъ въ камерѣ, а прочіе удалены. Начался допросъ свидѣтелей. Свидѣтели изъ солдатъ подходили къ столу бойко, становились на вытяжку и руки пошвамъ и въ показаніяхъ своихъ безпрестанно повторяли: значить, выходить, такимъ манеромъ, точно такъ ваш-діе, никакъ нѣтъ-съ и, ватѣмъ, когда судья отпускалъ ихъ, дѣлали нагѣво кругомъ и садились на свои мѣста. Свидѣтели же изъ мужиковъ подходили съ перевалкой, шлепали лаптями, чесались, рыгали и все останавливали судью, требуя, чтобы онъ ихъ не перебивалъ и что они сами *расскажутъ съ конца какъ дѣло было* и судью называли то ваше высокопревосходительство, то *братцыя ты мой*.

Наконецъ, разборъ кончился и обвиняемый Чуркинъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

Затѣмъ, вынувъ изъ пачки слѣдующее дѣло, судья опять громко прочелъ: дѣло объ оклеветаніи коллежскимъ регистраторомъ Ласточкинымъ потомственного почетнаго гражданина Агима Саватьева Требухина.

— Вотъ оно! шепнулъ Евстафій Кузьмичъ.

— Обвиняемый Ласточкинъ?

— Здѣсь.

— Обвинитель Требукинъ?

— Имѣю отъ него довѣренность, проговорилъ Верхолѣтовъ и, подойдя къ столу, подавъ судья довѣренность. Затѣмъ были вызваны свидѣтели: я и Трампедахъ.

Минуту черезъ десять по отобраніи отъ насъ обычныхъ вопросовъ, судья обратился къ Ласточкину и Верхолѣтову.

— Какъ желаете спрашивать свидѣтелей, съ присягой, или безъ присяги?

Осмѣлившійся священникъ привсталъ было съ своего мѣста, чтобы снова пофигурировать, но Верхолѣтовъ и Ласточкинъ великодушно отъ присяги насъ освободили.

Я взглянулъ на Ласточкина, и мнѣ даже стало жаль бѣднугу. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, потъ ручьями катилъ съ лица его, между тѣмъ какъ Верхолѣтовъ посматривалъ на него съ какой-то убійственно-холодной ироніей.

Трампедахъ былъ удаленъ, а же остался въ камерѣ. На предложеніе судьи рассказать все мнѣ известное по этому дѣлу, я передалъ все какъ было.

— Такъ вы сами слышали, какъ Ласточкинъ обозвалъ Требухина воромъ?

— Да, отвѣчалъ я.— Укоряя Требухина въ неотдачѣ ему четырехсотъ рублей за меховую работу, г. Ласточкинъ выразился такъ: ты у нищаго суму отнялъ, а еще потомственный почетный гражданинъ, ты просто воръ и грабитель!

Священникъ вздохнулъ и неодобрительно покачалъ головой.

— Я и не отпирался, бормоталъ Ласточкинъ.

— Скажите, обратился ко мнѣ судья:— не было ли предварительно передъ этимъ какой-либо ссоры между Требукиннимъ и Ласточкиннимъ?

— Требукинъ передъ этимъ подшутилъ надъ супружескими отношеніями Ласточкина и жены его.

— Въ какихъ выраженіяхъ?

— Требукинъ привелъ изреченіе апостола, что жена должна

боятся своего мужа и изреченіе это прочелъ громкимъ басомъ, какъ обыкновенно читается оно дьяконами при вѣнчаніяхъ.

Священникъ скромно закрылъ глаза рукою.

— Конечно, это показалось мнѣ насмѣшкой! забормоталъ Ласточкинъ, заикаясь и картавя.—Требукину были извѣстны мои *бывшія* отношенія къ женѣ, продолжалъ Ласточкинъ, налегая на слово *бывшія*:—и потому, понятно, меня это затронуло, оскорбило... Я не давалъ Требукину повода подтрунивать надъ мной... ну, и назвалъ его воромъ и грабителемъ. А что Требукинъ дѣйствительно зажалилъ у меня четыреста рублей, такъ это извѣстно и г. Верхолѣтову, и онъ, вѣроятно, подтвердитъ это...

— Вы ошибаетесь, мнѣ ничего неизвѣстно, и думаю, что до вѣритель мой не сдѣлаетъ столь безчестнаго поступка.

Проговоривъ это и попросивъ у судьи дозволенія сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ, Верхолѣтовъ сталъ ко мнѣ придирается. Просилъ меня пояснить то и другое; просилъ припомнить съ азартомъ или безъ азарта была произнесена клевета; называлъ ли Ласточкинъ Требукина халдейской харей, поднималъ ли при этомъ кулаки, былъ ли пьянъ, или нѣтъ, извѣстно ли мнѣ, что Требукинъ зналъ о холодныхъ отношеніяхъ, существующихъ или существовавшихъ между Ласточкинымъ и его женой; приведено ли Требукинымъ поманутое изреченіе апостола съ намѣреніемъ уколоть или оскорбить Ласточкина, или же просто безнамѣренно: гдѣ я въ то время стоялъ, то есть далеко ли или близко отъ ссорившихся, словомъ, засыпалъ меня вопросами и нѣкоторые изъ отвѣтовъ моихъ просилъ занести въ протоколъ.

Точно также былъ допрошенъ и Трапездахъ, съ тою только разницею, что послѣдній, не желая, вѣроятно, распространяться о супружескихъ отношеніяхъ Ласточкина съ женой, объявилъ, что въ это время онъ былъ настолько *подкутившимъ* (онъ видимо стѣснялся произнести слово *пьянъ*), что рѣшительно ничего не помнить.

— Виноватъ, перебилъ его Верхолѣтовъ:—въ моментъ ссоры вы были еще трезвы, объясненіе произошло гораздо позднѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я былъ подкутившимъ...

— Помилуйте, настаивалъ Верхолѣтовъ:—мы даже ничего еще не пили.

— Нѣтъ, мы пили чай съ ромомъ, и я очень много подливалъ рому.

— Все-таки, отъ чая съ ромомъ нельзя потерять память.

— Я еще до вашего прихода *былъ готовъ*.

Судья попросилъ перейти къ дѣлу; и Верхолѣтовъ принялся обвинять. Ставъ въ приличную позу, онъ началъ съ того, что

клевета въ общепринятомъ значеніи этого слова есть ложь, порочающая честь и доброе имя человѣка, и что потому, согласно съ значеніемъ этого слова, наши уголовные законы считаютъ клеветою несправедливое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, что въ данномъ случаѣ клевета выразилась въ живомъ возведеніи Ласточкинымъ на потомственнаго почетнаго гражданина Требукина, неучиненнаго имъ безчестнаго дѣянія. Что, хотя законъ и не опредѣляетъ, что именно должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, но что взаимно того подчиняетъ это опредѣленію, общепринятому понятію и что поэтому несправедливое или неосновательное распространеніе между людьми, считающими, напротивъ, безчестнымъ не полный расчетъ съ кредиторомъ, замѣчаетъ въ себѣ, конечно, несомнѣнное намѣреніе оскорбить это лицо. Затѣмъ, немного помолчавъ, Верховлётовъ перешелъ къ разсмотрѣнію оправданій, представленныхъ обвиняемой стороной, и объявилъ, что оправданія эти, какъ не имѣющія подъ собою почвы, не заслуживаютъ никакого вниманія. Что судъ тогда только можетъ дать нѣкоторое значеніе оправданіямъ г. Ласточкина, когда онъ убѣдится, что дѣйствительно г. Требукинъ, выражаясь словами апостола, имѣлъ намѣреніе посмѣяться надъ отсутствіемъ боязни у госпожи Ласточкиной къ ея мужу, и тогда только, когда судъ убѣдится, сверхъ того, въ существованіи такихъ отношеній между супругами, а равно и въ томъ, были ли отношенія эти, если только они существовали. извѣстны г. Требукину. Въ виду всего этого, а равно и того, что г. Ласточкинъ ничѣмъ не доказалъ, что будто г. Требукинъ не далъ ему *какихъ-то* денегъ за *какую-то* жежевую работу, Верховлётовъ просилъ подвергнуть Ласточкина наказанію, предусмотрѣнному 136 ст. Устава о наказаніяхъ, и при томъ имѣть въ виду то высокое положеніе, которое занимаетъ въ обществѣ его кліентъ.

— Вы не имѣете ли сказать что-либо въ свое оправданіе? спросилъ судья, обращаясь къ Ласточкину.

— Что мнѣ говорить! забормоталъ онъ совершенно уничтоженный краснорѣчіемъ Верховлётова и оглядываясь кругомъ, какъ бы ища помощи:— что могу сказать я? обидѣлъ онъ меня... во крайней мѣрѣ, а такъ помялъ. Требукинъ три года не отдаетъ мнѣ денегъ... четыреста рублей для меня не бездѣлица... Однако, несмотря на это, я прежде никогда не называлъ его ни воромъ, ни грабителемъ; а тутъ, какъ онъ меня обидѣлъ, у меня и сорвалось съ языка!

И голосъ Ласточкина дрогнулъ.

— Не желаете ли покончить дѣло миротъ, спросилъ судья.

— Что же, если г. Требухинъ оскорбилъ меня неумышленно, то я готовъ попросить у него прощенія! проговорилъ Ласточкинъ и слезы хлынули изъ глазъ его.

— Я не желаю-съ, проговорилъ Верхолѣтовъ, вставая.

Судья сталъ писать приговоръ, и немного погодя, пригласилъ всѣхъ встать, прочелъ его и, ко всеобщему удовольствію публики, объявилъ Ласточкина оправданнымъ.

Верхолѣтовъ заявилъ неудовольствіе.

Мы вышли.

Насколько Ласточкинъ былъ убитъ въ камерѣ, настолько онъ торжествовалъ и, такъ сказать, воспрянулъ, очутившись на воздухѣ. Его нельзя было узнать; откуда взялась бойкость! Онъ уже не хныкалъ, а напротивъ, надѣвъ картузь на бокрень и подбоченясь фертомъ, допрашивалъ Верхолѣтова:

— Что, шляпа! чья взяла! Нѣтъ, братъ, врешь, вѣдь теперь не старыя времена!

Я былъ радъ за Ласточкина и отъ души поздравилъ его.

— Не преждевременно ли поздравленіе ваше! замѣтилъ Верхолѣтовъ, закуривая папиросу:— дѣло это я перенесу на съѣздъ, и увѣренъ, что приговоръ будетъ отмѣненъ, а юмору сего не садятъ въ арестантскую.

— Неужели вы будете переносить это дѣло? спросилъ я.

— Всеенепремѣнно-съ..... я даже радъ очень, что судья оправдалъ его! По крайней мѣрѣ, дѣло пойдетъ дальше, и я опять получу сотенную.

— Требухинъ бросить, я увѣренъ.

— Нѣтъ ужъ этого я ему не позволю.

— Почему это?

— А потому, что наше дѣло разсѣвать раздоры, а не умножать оныя.

И увидавъ лѣсничаго, Верхолѣтовъ вскрикнулъ:

— Хорошъ свидѣтель! а? Помните, что пилъ чай съ ромомъ, а ссоры не помнить!

Лѣсничій, вмѣсто отвѣта, захохоталъ во все горло.

— Ну, да Богъ съ вами! проговорилъ Верхолѣтовъ.—А вотъ позвольте-ка съ васъ зашлупить....

— За что?

— А за веденіе дѣла о дровахъ. Или тоже забываетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я помню. Сколько прикажете?

— Такъ какъ дѣло это было кстаги, то, сверхъ обѣщанной водки, достаточно и десяти рублей.

— И трѣшницы довольно! подхватилъ Ласточкинъ.

Лѣсничій передалъ Верхолѣтову десять рублей, которые тотъ небрежно сунулъ въ карманъ жилета.

— А знаете что! почти вскрикнулъ Трапедакъ, обращаясь къ намъ.— Поѣдемъ ко мнѣ. Вчера мужики какимъ-то образомъ убили лося, и я васъ такимъ накормлю блюдомъ, что пальчики оближете!

Какъ имъ соблазнительно было предложеніе, но я отказался.

— А ты какъ думаешь? обратился Ласточкинъ къ адвокату.

— Я никогда не имѣю привычки отказываться отъ хорошаго.

— И прекрасно! проговорилъ лѣсничій.

Сторожъ, между тѣмъ, подвелъ ему лошадь. Лѣсничій ловко вспрыгнувъ въ сѣдло.

— Ну, маршъ!

— Стойте! кричалъ Ласточкинъ. Надо узнать прежде, посадятъ-ли меня съ собой сей баринъ въ шлагѣ?

— Ага! проговорилъ Верхолѣтовъ, усѣвшись въ тарантасъ.

— Возмешь что-ли?

— Пожалуй, садись на козлы.

— Что я, лакей что ли!

— А иначе не возьму.

— Не хочу я на козлахъ....

— Какъ знаешь! И Верхолѣтовъ крикнулъ кучеру: трогай!

Лошади тронули, а Ласточкинъ пустился за тарантасомъ.

— Да будетъ вамъ шутить-то!.. кричалъ Ласточкинъ, сляся догнать тарантасъ.— Будетъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Ну, какъ-же я, съ кокардой и буду сидѣть на козлахъ.... Да остановитесь-же! Кучеръ! остановись!..

Въ это время изъ камеры вышелъ священникъ.

— Ну какъ ваше дѣло о поросенкѣ? спросилъ я его.

— Отказали! проговорилъ онъ, махнувъ рукой.— Я это предвидѣлъ, ибо нѣтъ чести пророку въ отечествѣ своемъ. Обидно, весьма обидно....

Вышли и мужики и рѣшительно ничего не поняли, какъ разсудилъ ихъ судья.

— Теперь какъ же мы, батюшка? спросили они священника.— Теперь чего-же намъ дѣлать.

— Вы слышали рѣшеніе! сухо проговорилъ священникъ, отъзывая свою лошадь..

— Слышать-то слышали, да поди-ка, какіе мы грамотѣи-то!

— Ну вотъ и прекрасно! Чего-же вамъ еще!

— Такъ. Значитъ, опять повѣстка будетъ?

— Какая-же теперь повѣстка!

— А конію просить надоть?

— Если желаете имѣть, то попросите, вамъ не откажутъ! сговоримъ священникъ, налегая на слово вамъ.

— И ко дворахъ тоже можно?

— И ко дворахъ можно!

— Ну, благодаримъ!

И мужички пошли, все-таки, недоумѣвая, чѣмъ кончился судъ, Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ домой.

На слѣдующій день, я отправился въ Москву, гдѣ и провелъ зиму, а въ среднихъ числахъ марта, снова возвратился въ деревню.

Весна была ранняя: 12 марта санный путь уже рушился и незначительный снѣгъ, не имѣвшій зимой осадки, таялъ не по днямъ, а по часамъ. Когда я пріѣхалъ домой, рѣка была въ полномъ разливѣ; успѣла уже прорвать двѣ, три плотины; поспешно нѣсколько мостовъ и гатей и шумно разливалась по раздольнымъ лугамъ. Погода была восхитительная, воздухъ теплый, пролѣтъ дичи большой. Въ небѣ звенѣли стаи журавлей, кричали гуси, утки; скворцы вились по скворечнямъ и, разсѣвшись по-парно на вѣткахъ, распѣвали, потряхивая крылышками. Словомъ, все, что такъ украшаетъ и дѣлаетъ восхитительнымъ пребываніе въ деревнѣ, было на лицо. Мужички оживѣли, принялись за прилаживаніе сохъ и боронъ. На возвышенныхъ мѣстахъ, на бахчалыхъ сѣяли уже арбузы; все кипѣло дѣятельностію.... Война съ Турціей со славой окончена; въ рѣдкомъ городѣ не было плѣнныхъ турокъ; народъ смотрѣлъ на нихъ и торжествовалъ патриотической гордостію. Все лиловало вмѣстѣ съ пробудившейся природой, и даже слухи о тифѣ и вознахъ Англии и Австріи не такъ уже возмущали народъ. Раненные, вернувшіеся на родину, передавая о славныхъ подвигахъ, собиравли вокругъ себя толпы слушателей...

Въ концѣ марта, поля уже настолько просохли, что всѣ принялись за посѣвъ. Я тоже началъ сѣять и потому нигдѣ не успѣлъ еще побывать. Правда, ходилъ раза два по валдшнепамъ, но такъ какъ пролѣтъ ихъ былъ незначителенъ, то и пришлось на время оставить ружье въ покоѣ. Весной хлопотъ много и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что вставалъ я вмѣстѣ съ солнцемъ, садился на лошадь и ѣхалъ въ поле, гдѣ и проводилъ почти весь день. И зато какъ отлично спалось ночью! Заблеститъ заря и опять за то же!—И все это среди этой ликующей природы, среди труженника-народа, муравьями рассыпаннаго по необозримымъ полямъ. Глядя на этихъ труженниковъ, забываются неволью всѣ мелочи и дрязги праздної жизни. Предавшись дѣлу, я забылъ про все случившееся осенью, по

крайней мѣрѣ ни разу не вспоминалъ о немъ, какъ вдругъ пришлось опять все припомнить и всему случившемуся подвести итогъ.

Это было такъ.

Возвратившись однажды домой, я къ немалому изумленію увидалъ у себя Евстафія Кузьмича. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ газету. Къ Евстафію Кузьмичу я питалъ симпатію и потому даже обрадовался, увидавъ его. Онъ былъ одѣтъ совершенно по лѣтнему, въ парусинномъ платьѣ.

— Извините, проговорилъ онъ, подавая мнѣ руку.— Я, кажется, не во время пришелъ... такая пора, что всѣ заняты?

— Напротивъ, очень радъ, перебилъ я его, усаживая на кресло.— Ну какъ вы поживаете, весело-ли провели зиму?

— Какое-же можетъ быть веселье! Отсидѣлъ двѣ недѣли въ арестантской!

— Какъ, за что?

— Да все по дѣлу Требухина.

— Что вы говорите! Но, вѣдь, вы были оправданы?

— Судья точно оправдалъ, а съѣздъ засадилъ.

— И все Верхолѣтовъ дѣйствовалъ?

— Все оны! Что-жъ дѣлать! Вѣдь это хлѣбъ его насущный: онъ за это дѣло съ Требухина двѣсти рублей взялъ.

— А гдѣ теперь Верхолѣтовъ?

— Незнаю, право, пропалъ куда-то!

Я велѣлъ подать чаю. Евстафію Кузьмичъ былъ видимо не въ духѣ, и какъ ни старался я развеселить его, всѣ старанія были напрасны. Онъ безпрестанно вздыхалъ и на всѣ вопросы давалъ самыя короткія отвѣты. Это было какъ будто совсѣмъ не тотъ Евстафію Кузьмичъ, котораго видѣлъ я осенью.

— А вы что-то не въ духѣ? спросилъ я его, наконецъ.

— Горе у меня большое.

— Что такое?

— Жена больна очень.— Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ постели не встаетъ....

— Чѣмъ-же больна Софья Ивановна?

— Боюсь, не чахотка-ли съ ней.— Незнаю, что и дѣлать. Доктора-бы надо.

— Такъ что-жъ, зачѣмъ дѣло стало? Вѣдь, здѣсь есть земскіи врачъ.

— Чтѣ-что есть, все одно, что нѣтъ его. Для бѣдныхъ людей земскихъ врачей нѣтъ, не ѣздятъ они къ нимъ и знать не хотятъ....

— Гдѣ-жъ теперь Софья Ивановна?

— У меня дома лежить.

— Такъ она не у Трампедаха, не у брата своего? послѣшилиъ я добавить.

— Нѣтъ, гдѣ же! И Трампедаха-то ужъ нѣтъ давно... Онъ теперь въ Оренбургѣ гдѣ-то землю купилъ! Вѣдь, графъ все свое имѣніе продалъ; и винокуренный заводъ, и землю, и лѣсъ...

— Что вы говорите! Кому же?

— Требукинъ купилъ, не одинъ, а съ кѣмъ-то въ товарищество; человекъ пять, вѣшь, ихъ собралось... Сначала, графъ только одинъ лѣсъ хотѣлъ продать, а потомъ видить, что имѣніе дохода не даетъ, что наживаются только одни управляющіе, винокуры, лѣсничіе, подвальные — ну, и рѣшился обратить все въ капиталъ.

Извѣстіе это было для меня совершенною новостью.

— Отчего же захворала Софья Ивановна?

— Простудилась, должно быть! отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ. — Вы знаете ее; видѣли, какой живой и веселый характеръ. Вѣдь, она на мѣстѣ покойно не посидитъ, все бы ей рѣзвиться, бѣгать — вотъ и дорѣзвилась! И помолчавъ немного, онъ началъ: на послѣдній день масленицы было это дѣло. Пристала она ко мнѣ: поѣдемъ, да поѣдемъ въ городъ турокъ плѣнныхъ посмотримъ, да кстати и въ клубъ на танцевальный вечеръ. А погода, надо вамъ сказать, дурная была, дожди все шли. Я было не соглашался, но она такъ пристала, что пришлось уступить. Мы поѣхали; она въ одной коротенькой шубкѣ была. Въ клубѣ пробыли часовъ до двухъ ночи; надо бы переночевать въ городѣ, а мы поѣхали въ ночь, да еще на грѣхъ залутились да вплотъ до свѣту и пролутали. Она прозябла, сдѣлалась лихорадка, а черезъ недѣлю слегла и съ той поры все хуже и хуже.

— И докторъ ни разу не былъ.

— Не былъ. Фельдшеръ земскій ходитъ; да что! проговорилъ Евстафій Кузьмичъ, махнувъ рукой. — Одинъ грѣхъ только!

— А что?

— Пьяный всегда! Того и гляди, съ пьяныхъ глазъ-то, вмѣсто лекарства, яду какого-нибудь закатитъ!

— А лекаря-то вы приглашали?

— Сколько разъ! Разъ пять самъ ѣздилъ къ нему!

— И что же?

— Приѣду, говорить — и не ѣдетъ. Знаетъ, что за визитъ платить нечѣмъ, ну и не ѣдетъ.

— Неужели же у васъ денегъ нѣтъ, столько-то хотъ?

— Откуда же я ихъ возьму! какъ-то глухо проговорилъ Ев-

стафій Кузьмичъ.—Сами знаете, теперь нашему брату, землемѣру, вовсе плохо, не то, что во время освобожденія крестьянъ, когда мы надѣлы отводили! А зимой-то и вовсе ужь сложа руки сидишь. Было у меня рублей полтораста, на черный день берегъ, а тутъ, какъ переѣхала ко мнѣ жена, пришлось обзаводиться кое-чѣмъ, надо было тоже и жену потѣшить, удовольствій ей кое-какія дѣлалъ... денегъ и не стало. Жить, вѣдь, тоже нужно. Вѣдь, оно не видно, а расходъ-то каждый день... и такъ ужь по мелочи кругомъ задолжалъ. Въ лавочкѣ даже вѣрять перестали.

— И у Софьи Ивановны нѣтъ денегъ?

— Ничего у нея нѣтъ, кромѣ нарядовъ да бездѣлушекъ разныхъ. Можно было бы кое-что продать лишнее, да языкъ какъ-то не поворачивается объявить ей, что нужда, крайность пошла.

— А она сама не догадывается?

— Почему же она догадается, когда я изъ кожи вонъ лѣзу, чтобъ только скрыть отъ нея все это. Вѣдь, жалко мнѣ ее... вѣдь, не чужая она мнѣ!

И вдругъ слезы градомъ хлынули изъ глазъ его, и онъ упалъ мнѣ въ ноги.

— Пожаляйте!

— Что вы, что вы! вскрикнулъ я.

— Выручите, дайте рублей пятьдесятъ... я заработаю.

Я насилу поднялъ его, насилу уговорилъ его успокоиться, обѣщавъ помочь горю, насилу усадилъ его въ кресло. Закрывъ лицо руками, онъ ревелъ, какъ ребенокъ.

И вотъ опять передо мною этотъ смѣшной человекъ, вся фигура котораго какъ будто соединила въ себѣ все, что только можетъ возбудить смѣхъ. Вотъ онъ, это посмѣшище, издѣваться надъ которымъ доставляетъ столь великое удовольствіе любителямъ пошутить! Вотъ онъ, этотъ шутъ гороховый! Но отчего же глядя на этого шута, сердце сжимается и обливается кровью?

Въ слѣдующее же воскресенье, я поѣхалъ въ село Песчанку, гдѣ снималъ Ласточкинъ квартиру.

Домикъ, или лучше сказать небольшой флигель, въ которомъ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, былъ окруженъ палисадникомъ, деревья котораго только-что выпускали свои нѣжныя листья, наполняя воздухъ ароматомъ. Вымазанный и выѣбренный мѣломъ, флигель этотъ какъ-то особенно весело выглядывалъ и блестялъ на солнышкѣ своими небольшими окнами съ зелеными ставнями. Просторныя сѣни раздѣляли флигель на двѣ половины; въ одной половинѣ квартировалъ Евстафій Кузьмичъ, въ

другой—хозяйнѣ съ своей семьей. Небольшое крыльцо съ северной, привязанной къ колонкѣ, вело въ сѣни. Какая-то женщина въ сарафанѣ и съ лоханкой въ рукахъ встрѣтилась мнѣ.

— Что, матушка, здѣсь живетъ Ласточкинъ? спросилъ я.

— Межевой, что ли?

— Да, межевой.

— На-гѣво, сударикъ, на-гѣво.

Я отворилъ дверь, и только-что успѣлъ войти въ крохотную комнату, служившую, какъ видно, прихожей, какъ изъ-за перегородки послышался продолжительный и съ какими-то захлебываніемъ кашлемъ. Я остановился.

— Кто тамъ? послышался слабый голосъ, прерываемый этими кашлемъ.

Я отозвался.

— Да кто вы? войдите...

Я вошелъ и увидалъ Софью Ивановну. Маленькая, худенькая, сидѣла она въ большомъ креслѣ, обложенная подушками, и, нагнувшись надъ стеклянной плевальницей, вся багровая отъ приженія, съ синими надувшимися на лбу жилами, продолжала хрипло кашлять, снѣясь освободиться отъ душившей ее мокроты. На ней былъ сѣренькій изящный кофоть; ноги, обутыя въ теплыя ботинки, помѣщались на скамейкѣ. Батистовый платокъ, обшитый кружевомъ, лежалъ на маленькомъ столикѣ. Превосходные волосы зачесаны все такъ же изящно-небрежно; должно быть, иначе Софья Ивановна и не умѣла причесывать ихъ.

Припадкомъ кашля не позволялъ ей поднять головы и потому мнѣ пришлось нѣсколько минутъ простоить незамѣченнымъ. Наконецъ кашель кончился, мокрота отдѣлилась, и больная, вздохнувъ свободнѣе, поставила плевальницу на столъ. Отеревъ ротъ платкомъ, она взглянула на меня, и удивленіе выразилось на ея лицѣ.

— Какими судьбами? проговорила она.—Вотъ не ожидала-то!

— Приѣхалъ навѣстить васъ, слышалъ, что больны.

— Отъ кого это вы слышали?

— Евстафій Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что вы простудились.

— А вы его видѣли?

— Да, онъ былъ у меня.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ. Ну, благодарю, что вспомнили. Садитесь-ка и побесѣдуемъ. Мужа дома нѣтъ; онъ еще чуть свѣтъ къ гѣварю побѣжалъ; впрочемъ, скоро долженъ вернуться. Такой, право, уморительный! заговорила она съ веселой улыбкой.—Вообразилъ, что я при смерти, и не даетъ покоя этому несчастному гѣварю. И представьте, все пѣшкомъ бѣгаетъ, хотъ

бы лошадь нанялъ, а, вѣдь, до лекаря десять верстъ, не забудьте. Тотъ уже смѣялся мнѣ.—«Я, говорить, на вашего мужа мировому прошеніе подамъ. Онъ, говорить, мнѣ покоя не даетъ; нарушаетъ чуть ли не каждое утро мое супружеское спокойствіе. Привяжите, говорить, его за ногу что-ли къ чему-нибудь!»

— У васъ веселый докторъ!

— Прелестъ, я отъ него въ восторгѣ, и когда онъ бываетъ у насъ, я постоянно хохочу. Однако, солонья баснями не ворчать, проговорила она и позвонила въ колокольчикъ.

— Вы чего хотите, кофею или чаю?

— Я буду пить тоже, что и вы?

— Ну, батюшка, меня, вѣдь, ячменнымъ кофеемъ поить.

— И я буду пить ячменный.

— Впрочемъ, я могу вамъ дать *подправу*, какъ называетъ лекарь, ромъ.

— И прекрасно.

Вошла дѣвочка босая, съ востринькими плутовскими глазами, въ коротенькомъ ситцевомъ платьицѣ, съ дрянными бусами на шейкѣ, вошла и, остановившись среди комнаты, выпятила впередъ животикъ.

— Вѣрочка! проговорила Софья Ивановна: — сварь-ка намъ кофею; только поскорѣе.

— Ячменного или простого?

Софья Ивановна улыбулась.

— Она настоящій-то простымъ называетъ! — Да, сварь намъ ячменного и рому подай.

— Рому, такъ чуть на донышкѣ. Намѣдни лекарь всю охлостилъ.

— Ну, подай сколько есть.

Дѣвочка бросилась за перегородку, постучала тамъ посудой и, немного погодя, промчалась съ кофейникомъ, топал и какъ-то вывертывая босыми ножками.

— Прелестный ребенокъ! задумчиво проговорила Софья Ивановна.—Это дочь нашего хозяина. Отъ скуки я ее грамотѣ учу, и такая понятливая, что въ самое короткое время читать выучилась и теперь очень порядочно читаетъ.

И потомъ вдругъ перемѣнивъ тонъ, Софья Ивановна спросила:

— Вы что же не курите? Вы кажется курили!.. Да, да, конечно, курили... я помню...

— Хорошо ли это будетъ для вашего кашля?..

— Ахъ, вздоръ какой!.. Докторъ всегда курить... Вы откройте окно, и дыма не будетъ...

Я отворилъ окно. Чистый воздухъ ворвался въ комнату и заколыхалъ слегка бѣлыми казенкоровыми занавѣсками оконъ.

— Ахъ, какъ хорошо! проговорила Софья Ивановна.— Съ какимъ удовольствіемъ пошла бы я теперь погулять! Да вотъ ноги что-то... Не то чтобы болѣли, не то что слабы... а какъ-то плохо ходить! А въ комнатѣ, да еще вдобавокъ, въ этой, прибавила она, махнувъ рукой:— тоска, мученье! Какъ только выздоровлю, такъ переѣдемъ отсюда въ городъ, а здѣсь, въ этомъ противномъ селѣ, лучше этой и квартиры нѣтъ.

Квартира дѣйствительно была незавидная и состояла только изъ одной комнаты, раздѣленной перегородкой на три части. Комната, въ которой мы сидѣли, была, какъ видно, самой большой и рѣзко бросалась въ глаза своими контрастами. Мебель бѣдная, соломенная, старинный диванъ съ рыжимъ ободраннымъ сафьяномъ, а надъ диваномъ фотографическіе портреты въ дорогихъ орѣховыхъ рамахъ. Разложенный ломберный столъ, приставленный къ простѣнку и накрытый зеленымъ запачканнымъ сукномъ, замѣнялъ письменный, а на столѣ красовались прекрасной работы бронзовая чернильница, такая же статуэтка Минина и Пожарскаго и роскошный массивный альбомъ для фотографическихъ карточекъ. Орѣховое кресло, обитое синимъ сукномъ, на которомъ сидѣла Софья Ивановна, тоже не подходило какъ-то къ остальной мебели. Направо, небольшая дверка вела за перегородку, и дверь эта позволяла видѣть желѣзную односпальную кровать, накрытую изящнымъ шерстянымъ одѣяломъ; висѣвшее надъ кроватью распятіе изъ слоновой кости и стѣлшіе въ ногахъ кровати орѣховый гардеробъ, изъ-за котораго торчали грязныя ножки астролябии. Видно было по всему, что все это хорошее было принесено послѣ и не принадлежало хозяину этой квартиры, да и сама Софья Ивановна словно была не дома, а на почтовой станціи въ ожиданіи переѣзны лошадей: переѣзнить лошадей, напиться кофею и поѣхать дальше.

Немного погоды, мы пили уже кофею. Рому дѣйствительно было мало, но недостатокъ этотъ вскорѣ загладился, такъ какъ въ крылечку флигеля подкатилъ тарантасъ, въ которомъ увидалъ я Евстафія Кузьмича, съ бутылкой въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ толстенькаго мужчину въ поярковой шляпѣ и сѣромъ пальто.

— А вотъ и докторъ! почти вскрикнула Софья Ивановна.

— И не одинъ, а съ ромомъ! подхватилъ врачъ, входя въ комнату, и подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ, не снявъ даже верхняго пальто, подавъ ей руку.

— Ну что, какъ, моя хорошенькая пациентка?

— Да что, проговорила она. — Ваша хорошенькая пациентка скучаетъ; хочется ей на воздухъ, на волю...

— Понятное желаніе, моя красавица! понятное желаніе, но... весьма неприятно для меня. Ей Богу, жаль выпустить изъ кѣтки такую прелестную птичку.

Вошелъ Евстафій Кузьмичъ съ бутылкой въ рукахъ и, увидавъ меня, словно просіялъ.

— Ахъ, здравствуйте! проговорилъ онъ. — Насилу-то навѣстили!

— Что это у тебя за бутылка? спросила Софья Ивановна.

— Ромъ, ромъ, подхватилъ докторъ. — Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ объ этомъ. Въ прошлый разъ я замѣтилъ, что рому оставалось очень мало — ну, и порекомендовалъ почтеннѣйшему Евстафію Кузьмичу запастись новой бутылкой. Вѣдь, великолѣпно придумано?

— Великолѣпно.

— Очень радъ, что угодилъ. Гораздо лучше угодить человѣку, нежели дать ему подзатыльникъ.

Съ появленіемъ доктора, все мгновенно измѣнилось. Тяжелая картина какъ будто освѣтилась совершенно новымъ свѣтомъ: точно начался веселый водевилъ послѣ тяжелой слезливой драмы. Докторъ оказался дѣйствительно развеселымъ малымъ и большимъ говоруномъ. Онъ болталъ безъ умолку и городилъ всякую ерунду; рассказывалъ анекдотъ за анекдотомъ, передавалъ убаюканные сплетни, потребовалъ, чтобы ему немедленно, прежде кофею, дали воды и кусочекъ чернаго хлѣба на закуску, и только выпивъ воды и стакана два кофею съ ромомъ принялся разспрашивать Софью Ивановну о здоровьѣ, началъ щупать пульсъ и выслушивать грудь. Чтобы не мѣшать ему, мы вышли съ Евстафіемъ Кузьмичемъ на крылечко.

— Ну что, какъ нашли вы жену?

Я началъ утѣшать, но видно не успѣшно, потому что Евстафій Кузьмичъ слушалъ меня и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчиво покачивалъ головой. Вдругъ, изъ комнаты послышался веселый, звонкій хохотъ доктора. Евстафій Кузьмичъ встрепенулся.

— Должно быть кончилъ, проговорилъ онъ. — Пойдите.

Мы вернулись въ комнату и убѣдились, что выслушивание груди докторъ дѣйствительно покончилъ, потому что онъ стоялъ уже посреди комнаты и, держа въ одной рукѣ рюмку водки, а въ другой обильно посоленный кусочекъ хлѣба, допрашивалъ Софью Ивановну, указывая на рюмку.

— Это что?

— Водка.

— Нѣтъ; говорите: aqua vita.

— Ну, aqua vita.

— Изъ чего? говорите: изъ жита.

— Ну, изъ жита.

— А паспортъ ма? говорите: не ма.

— Не ма.

— Такъ вотъ ей тюрьма! проговорилъ докторъ и, вынимъ заломъ водку, добавилъ:— Не ходи безъ паспорта, строго запрещено!

Послѣ этого, докторъ взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы теперь куда? спросила его Софья Ивановна.

— Къ Алексѣю Семенову.

— Неужели онъ боленъ?

— Да, флюсомъ страдаетъ! Нѣтъ, я шучу. Просто ѣду поздравить его съ прошедшимъ ангеломъ. На Алексѣя Вольного, по случаю вскрытія рѣкъ, не мочь понасъ въ нему, такъ ѣду теперь воротить унущенное.

— Итакъ, лекарство тоже самое?

— Тоже самое-съ.

— А на воздухъ можно?

— Конечно, можно. Погода восхитительная; прилягните вынестъ кресло на крылечко и поживайте себѣ да любуйтесь природой. Вонъ какой у васъ прелестный видъ! говорилъ онъ, поглядывая въ окно. — Вонъ огородъ передъ глазами, капусташки, вонъ свинья съ поросятами... Что можетъ быть восхитительнѣе этого ландшафта? А въ маѣ, красавица моя, кумысь примемся пить. Въ Бековѣ кумысь великолѣпный, и спектакли, и музыка, и танцы, и даже въ бегли можно играть. Однако, до свиданья! вашу прелестную ручку!

Онъ пожалъ руку и вышелъ. Евстафій Кузьмичъ былъ уже въ снѣгахъ.

— Ну что? спросилъ онъ робко.

— Отлично, превосходно.

— А маѣ кажется, ей хуже.

— Съ чего это взяли? Ахъ вы, трусишка... ну, однако, до свиданья!

Евстафій Кузьмичъ протянулъ руку и, поблагодаривъ доктора, передалъ ему пять рублей, которые докторъ и препроводилъ въ карманъ панталонъ.

— Эхъ, тяжела ты служба ученая! проговорилъ онъ, вряхтя и усаживаясь на подушку. — Ну, валля! вряхнулъ онъ лицу. И еще разъ поклонившись, онъ уѣхалъ, а изъ комнаты послышался снова тотъ ужасный кашель, свидѣтелемъ котораго и уже былъ.

Евстафій Кузьмичъ бросился въ комнату, а я остался на крыльцѣ и, закуривъ папиросу, присѣлъ на скамейку.

Но не прошло и четверти часа, какъ къ крыльцу подошелъ какой-то мужчина съ бородой, въ лаптяхъ и въ женской ваточной шапке, подпоясанный бичевой; на головѣ бѣлъ взодраный картузъ, изъ-подъ котораго выбивались въщесся черные волосы; лицо опухшее и съ синякомъ подъ глазомъ. Увидавъ меня, незнакомецъ остановился, продолжительно посмотрѣлъ на меня и вдругъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Не узнаете?

— Не узнаю.

— И не мудрено, потому что лѣтъ двѣнадцать чедовѣка.

Синякъ фуражку, онъ отребомендовался:

— Мѣстный адвокатъ Верхолѣтовъ.

— Вотъ тебѣ разы! невольню вскрикнулъ я. — Что же это съ вами?... Давно ли я видѣлъ васъ во фракѣ, въ цилиндрѣ...

— Поминалъ! Перемѣнилъ зимнюю шерсть на лѣтнюю.

И, подсывъ ко мнѣ, Верхолѣтовъ вынулъ изъ кармана сетчатый кассетъ и коротенькую трубочку.

— Ну что, какъ нашъ общій другъ поживаетъ? спросилъ онъ, вслѣдъ за мной.

— Какой другъ?

— Ласточкинъ Евстафій?

— Жена у него умираетъ.

— Слышалъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ господина земскаго врача, котораго имѣлъ честь только-что встрѣтить.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Сообщилъ, что скоро должна отправиться ad patres, сирѣчь засохнуть на вѣки.

И Верхолѣтовъ пыхнулъ дымомъ, дымомъ отвратительнѣйшей махорки.

— Какъ нравится вамъ моя сигара? спросилъ онъ, вслѣдъ за мной; но, не дождавшись отвѣта, проговорилъ какъ будто про себя:

— Да, много было дѣла, очень много!

— Когда?

— А когда мы лѣсничаго провожали! промчалъ онъ, сплюнувъ сквозь зубы. — Чуть было не оттапали у него всю движимость. Тутъ какой-то изъ Питера ревизоръ прѣѣзжалъ, сталъ доказывать, что вся движимость принадлежитъ графу; но ми этого не допустили и съ помощію лжесвидѣтелей доказали диаметрально противоположное. Да-съ, тутъ я рублей триста зара-

богаты, изъ коня, впрочемъ, рублей пятнадцать продалъ свидѣтели...

— Говорятъ, онъ имѣніе купилъ?

— Да-съ, женился и купилъ имѣніе въ Оренбургѣ, чуть ли не десять тысячъ десятинъ.

— Развѣ Трампедахъ женился?

— Совершенно законнымъ образомъ, хотя и тайно отъ Софьи Ивановны. Слезъ было очень много; слезы лились потоками, а затѣмъ всё кончилось дракой, такъ какъ лѣсничій, видя неистовства Евстафія Кузьмича, заступавшагося за жену, счелъ необходимымъ отлупить его нагайкой и выпроводить вонъ изъ дома. Я его и выпроваживалъ.

— Какъ такъ?

— Въ качествѣ повѣреннаго Трампедахъ, просилъ судъ объ очищеніи квартиры и получилъ за это четвертной билетъ; а потомъ и Трампедахъ выпроводилъ.

— А его-то какъ же?

— Точно также судомъ, но только уже по просьбѣ Требухана, купившаго имѣніе, и тоже получилъ четвертной.

— Всѣхъ разогнали!

— Положительно. А вотъ теперь плохо дѣло, рабочая пора... Эти подлые мужичишки уткнулись въ землю, помѣщики и купцы— тоже, и судбищъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, вчера одного купца съ попомъ поссорилъ; попъ богатый и ужъ просилъ меня сочинить челобитную.

Въ это время вышелъ на крылечко Ласточкинъ. Увидавъ Верхолѣтова, онъ даже забылъ про свое горе и захохоталъ звонкимъ раскатистымъ хохотомъ.

— Верхолѣтовъ, ты ли это? Да что ты на богомолье, что ли, собрался? кричалъ онъ, разведя руками и выпучивъ отъ удивленія и безъ того уже выпуклые глаза свои.

— Нѣтъ, отмолился, и возвращаюсь домой.

— А синякъ-то гдѣ подиалъ?

Верхолѣтовъ усмѣхнулся.

— Подлецы дьячки отдули! проговорилъ онъ.

— Съ дьячками воевать началъ? Гдѣ же это?

— Въ Гороховѣ въ селѣ. Застали меня въ банѣ въ хорошемъ обществѣ—ну, и отлупили и меня, и общество... насилу вырвался! тамъ же утрѣтилъ и верхнюю одежду, въ замѣнъ которой уже вечеромъ, тайно, получилъ отъ дьячки сію кацавейку. Однако, вотъ что, любезный другъ, проговорилъ онъ, вставая. — Такъ гостепріимные люди не дѣлаютъ. Я пришелъ къ тебѣ въ гости, а ты даже меня и въ комнату не приглашаешь!

*

— Ну, братъ, извини; въ комнату, въ которой лежитъ жена, не приглашаю, потому что она тебя видѣть не можетъ, но въ хозяйскую половину пойдемъ и даже водочкой тамъ угощу! Да что же это у тебя, кромѣ этой дьячкнннской кацавейки, ничего развѣ нѣтъ?

— Да, я немного пообносился.

— И сапогъ нѣтъ?

— Сапоги слишкомъ жали ноги, и я прогнѣвалъ... ихъ...

— На лапти? подхватилъ Ласточкинъ.

— Да.

Ласточкинъ снова захохоталъ.

— Ну да ничего! Не унывай! проговорилъ онъ. — Мы это дѣло поправимъ. Пойдемъ, у меня есть сапоги и парусиная пара; всё это мнѣ узео, а тебѣ будетъ въ самую пору.

— Благородный другъ! перебилъ его Верколѣтовъ. — Только предупреждаю, что въ моей конторѣ денегъ нѣтъ.

— Ахъ, ты свинья! вскрикнулъ Ласточкинъ. — Да хоть бы они и были! Неужели же ты думаешь, что я возьму съ тебя деньги?

Немного погодя, распростившись со всѣми, я уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько дней и какъ разъ на первый день Пасхи является ко мнѣ Верколѣтовъ. Онъ усилъ уже снова обрѣтца и принять прежній видъ. На немъ были лѣтній пиджакъ, такіе же панталоны, смазные сапоги и даже луховая шляпа. Войдя въ комнату, онъ небрежно бросилъ шляпу на столъ и, пожавъ мнѣ руку, проговорилъ:

— А вѣдь Ласточкина-то умерла!

Хотя я и ожидалъ этого, но, всё-таки, лѣтъ не менѣе извѣстіе это меня поразило.

— Когда? спросилъ я.

— Передъ заутренею.

Я велѣлъ запречь лошадей и вмѣстѣ съ Верколѣтовымъ отправился къ Евстафію Кузьмичу.

Сѣни его квартиры были полны народомъ. По случаю праздника, всѣ были расфранчены и веселы. Шумъ происходилъ немовѣрный. Тутъ были водовыпившія попадьи, дьяконницы, дьячки, попы, мелкія купчики, какіе-то молодцы въ суконныхъ чуйкахъ, съ нахальными лицами и съ гармоніями въ рукахъ. Дьячки, горничныя, хихикавшія съ чуйками, словомъ — всякій разnochинный сбродъ. Весело разговаривала и христосовалась эта толпа грызла орѣхи, сѣмечки, рожки и съ красными, десятимямиса лицами тѣснилась вокругъ Евстафія Кузьмича, державшаго въ рукахъ равныя шубки, бурнусы, платья, шляпки и другія принадлежности женскаго туалета. Волосы его были растре

паны, опухшие красивые глаза растерянно бѣгали. По требованію публики, онъ поднималъ то шубку, то платье. И всё это шупалось, гладилось руками, осматривалось съ лица, выворачивалось на изнанку, оцѣнивалось и корилось. Оказалось, что вся эта дрявля и этотъ шумъ происходили по случаю распродажи вещей покойницы. Торгъ былъ самый живой. Всѣ другъ друга толкали, стараясь долѣзть до Евстафія Бувьмича, а добравшись до него, рассматривали продаваемое.—«За шубку-то сколько?»—«Бурнусу-то какая цѣна?»—«Платье-то матеревое дорого, что-ли?»—«Покажите-ка шляпку-то!» И всѣ эти понады, купчихи, мѣщанки и молодцы въ поддѣвкахъ, не имѣвшие даже и понатія объ этихъ вязицкихъ вещахъ, кричали:—«Дорого! дорого! Куда это! Развѣ можно!.. Это въ губерніи, въ магазинѣ—и то дешевле!.. Куда это годится! Даже совѣстно такъ запрашивать!»

— Однако, покойница-то, говорила понады мужу:—наклеивала много кое чего... видно, нѣмецъ-то добрый былъ!

— Злѣ приобретено, злѣ и расхищено! назидательно проговорилъ священникъ.

— Вотъ бы вы мнѣ шляпочку-то купили! шептала горничная суконной чуйкѣ.

— Можно; а свиданье гдѣ назначаете для передачи этого самаго предмета?

— За мельницей, въ кустахъ! шепнула горничная.—Мы тамъ съ дѣвухами яйца катать будемъ, такъ я какъ нибудь увернусь.

— Слушаю-съ, очень восхитительно будетъ.

Чуйка принялась торговать шляпку.

Я протолкался сквозь эту толпу и вошелъ въ комнату.

Тамъ всё было тихо.

Среди той самой комнаты, въ которой я такъ недавно еще бесѣдовалъ съ Софьей Ивановной, на столѣ, накрытомъ бѣлымъ калевкоромъ, убраннымъ съ боковъ голубыми бантами, лежала теперь она, недвижимая, вся въ бѣломъ, со сложенными, какъ будто востовыми, руками и накрытая прозрачной кисеей. Кончились ея страданія! Три свѣчи копѣлись вокругъ нея, а неподалеку всторонѣ, возлѣ самаго окна, разлѣзивъ на маленькомъ столикѣ большую грязную церковную книгу съ мѣдными застежками, сѣбла Вѣрочка и дѣтскимъ голосочкомъ, ведя по книгѣ пальчикомъ, читала псалтырь.

«Учительница и ученица», подушки я и подонелъ въ столу.

Точно спала Софья Ивановна; точно отдыхала, лежа на этомъ столѣ и положивъ голову на подушки, обшитыя вrushевомъ. Также бѣсѣлая улыбка, также волосы причесаны, тотъ-же рядъ на боку. Бѣлозъ изъ голубыхъ поддѣвочныхъ, перанкъ вѣстниномъ.

весны, лежалъ на подушкѣ, окружая ея голову; муравей снылся забраться подъ вѣку глаза. «Тоже и этотъ гризть собираетъ!» И я прогналъ муравья. «Вѣрочка! Свари-ка намъ кофе! — Какого прикажете, ачменнаго или простова?» — вдругъ вспомнилось мнѣ, и дрожь пробѣжала по тѣлу.

За дверью раздавался торгъ, а тутъ дѣтскій голосокъ Вѣрочки, серьезно читавшей псалтырь. Накмуривъ брови, она словно урокъ твердила. И внимательно прислушивался къ голоску бо-соногой ученицы своей, Софья Ивановна улыбалась и какъ будто хотѣла сказать:—«Вѣрочка! Ты не такъ ударенія дѣлаешь. Не *мукѣ*, а *мѹки* адскія. Мукѣ—это изъ чего лепѣшки пекутъ, а мѹки—это значить мученія!»

— Нѣтъ никакой возможности!.. Нѣтъ силъ никаких!.. раздался вдругъ голосъ Евстафія Кузьмича, ворвавшася въ комнату.—Люди эти ничего не понимаютъ; ни цѣнности вещей, ни нужды человѣка! Я все бросилъ, все передалъ Верхолѣтову, пускай его продаетъ!

И потомъ, взглянувъ на жену, закрылъ лицо руками, уналъ на стулъ и зарыдалъ.

— Нѣтъ у меня жены! вскрикивалъ Ласточкинъ.

— И какъ неожиданно! какъ неожиданно! проговорилъ онъ, немного успокоившись. Утромъ вчера дурно сдѣлалось ей, очень дурно; кровь хлынула изо рта, такъ что она сама даже перепугалась и просила послать за докторомъ. У меня былъ Верхолѣтовъ; а его сейчасъ на лошадей верхомъ: скачки, говорю. Часамъ къ двѣнадцати дня ей сдѣлалось лучше, легко очень; она встала, ходила по комнатѣ и даже пожалѣла, что за докторомъ послала; но при этомъ высказала желаніе причаститься—постомъ—то ей не пришлось говѣть! Часовъ въ восемь вечера пришелъ священникъ, причастилъ ее, а къ тому-же времени подѣхалъ и докторъ съ Верхолѣтовымъ. Докторъ подъ куражемъ былъ. Посмотрѣлъ на нее, пульсъ пощупалъ и раскохотался. — Пустяки! говорить, вздоръ! И такъ знаете ли успокоилъ, такъ обнадежилъ, что даже и я повеселѣлъ. Стали чай пить, священника пригласилъ остаться, болтали, шутили; докторъ про кумысъ заговорилъ. «Въ Беково говорить, поѣдемъ», и даже объявленіе прочелъ, что два, три спектакля будутъ тамъ, на которые больныхъ будутъ пускать даромъ; посмѣялись еще, что изъ-за одного этого надо въ Беково лечиться ѣхать, и жена даже шутила. Часамъ къ девяти она начала дремать, священникъ съ нею въ комнатѣ остался, а мы, чтобы не мѣшать, пошли на хозяйскую половину. Докторъ велѣлъ подавать лошадей и попросилъ на дорогу водки. Рюмочка за рюмочкой, да такъ развеселились, что даже и про лошадей забыли. «Давайте, говоритъ онъ Верхолѣтову:—на дуэль вый-

демъ!» — «Можно, говорить. — На какомъ инструментѣ?» — «На водкѣ, говорить:—кто кого уложитъ?» — «Отлично!» Послали за водкой, и пошла у нихъ дуэль, и достигли до такого градуса, что даже плясать затѣяли. «Евстафій Кузьмичъ, отецъ родной! кричать мнѣ Верхолѣтовъ.—Ты, говорить, отлично барыню на губахъ играешь; утѣшь, сыграй, а мы попляшемъ!» Я и руками, и ногами. И хозяйникъ-то увѣщевать сталъ; сегодня де—великая суббота, въ церкви страсти Христовы читаются! Не тутъ-то было! пристали такъ, что я и барыню заигралъ. Я сижу—играю, а они въ плясъ пустились, въ присядку; дробь ногами выколачиваютъ. Вдругъ въ комнату священникъ входитъ... «Что вы, говорить, дѣлаете?.. Вѣдь Софья-то Ивановна отходитъ..» Я бросился къ ней въ комнату, схватилъ ее за руку, а она такъ испуганно смотритъ на меня, сжала мнѣ руку, ротъ у нея открытый... а тамъ внутри-то, въ горлѣ-то клокотаніе, какого я сроду не слыживалъ... Говорять, въ сѣняхъ слышно было это клокотаніе.. Словно какъ все у нея внутри перегибло, обратилось въ жидкость и прихлынуло къ горлу... Минуть пять прокричала—и конецъ...

И снова раздалось его истерическое рыданіе.

Въ комнату вошелъ Верхолѣтовъ.

— Ну вотъ, на тебѣ! проговорилъ онъ, положивъ передъ Ласточкинымъ пачку мелкихъ ассигнацій.

— Сколько тутъ?

— Сто двадцать рублей.

— Одна шубка двѣсти рублей стоила!

— Мало-ли чего! Всѣмъ извѣстно, что тебѣ крайности!.. Ужь это, братъ, въ порядкѣ вещей! Всякій человекъ пользуется случаемъ; тутъ претендовать нѣчего!

— Даже и похоронить-то не удалось мнѣ ее на собственныя деньги!.. Даже въ гробъ-то будетъ лежать она въ чужомъ, а не въ моемъ! Вѣдь, не мое все это! Не мною куплено, не мною подарено!

И снова комната наполнилась рыданіями, и снова смѣшались они съ звонкимъ голосочкомъ Вѣрочки, продолжавшей читать псалтырь.

Для черезъ три послѣ похоронъ Софьи Ивановны, встрѣтилась мнѣ надобность въ брусняхъ, и я поѣхалъ къ Требухину на тотъ самый кордонъ, въ которомъ были когда-то у Трапезаха и на которомъ познакомился съ дѣйствующими лицами настоящаго разсказа. У Требухина засталъ я Верхолѣтова. Оба они, попивая водочку и закусывая пасхальными яйцами и ветчиной, сидѣли въ томъ самомъ кабинетѣ, въ которомъ принималъ насъ дѣсенчій. Но кабинета этого узнать ужъ было невозможно; ни ковровъ, ни мебели

ли—ничего не было. Передъ окномъ стоялъ столъ, обтянутый черной клеенкой, а на столѣ двѣ-три ободранныя конторскія книги, массивные стѣты и пузырекъ съ ализариновыми чернилами; тутъ-же стоялъ и графинъ съ водкой, и тарелка съ яйцами и ветчиной. Стѣны были голыя, и только одни темныя пятна на обояхъ, да большіе невыдернутые гвозди обозначали тѣ мѣста, гдѣ висѣли когда-то картины. Требукинъ встрѣтилъ меня съ той-же мягкой ласковой улыбкой и, покрестосовавшись, точно такъ же обѣими руками пожалъ мнѣ руку. Подончивъ съ нимъ дѣло о брусьяхъ, рѣчь зашла о новокупленномъ имъ имѣніи. Акимъ Саватичъ даже рукой махнулъ.

— Столько хлопотъ, что я даже вамъ и разсказать не могу. Ну, конечно, купилъ я его не одинъ, а въ товариществѣ со сватомъ, зятемъ и шуриномъ, а все-таки и четверо то не поспѣваемъ. Вотъ вы теперь и подумайте! продолжалъ онъ:—ужь коли сами мы, хозяева, и то не усмотримъ, такъ какъ же можно было графу-то наемными-то глазами усмотрѣть! Я, признаться, все это отписалъ ему. Онъ сначала, вѣдь, только тысячу десятинъ лѣсу думалъ продать. Ну, я и написалъ ему, что лѣсъ я куплю, но что отъ ефтаго толковъ для него будетъ не много, а что лучше всего имѣніе обратить въ капиталъ и получать себѣ проценты. Помилуйте, скажите, ради Бога! Вѣдь, кому другому, а мнѣ-то все это видно было. Вѣдь, здѣсь, доложу вамъ, грабежъ шелъ, чистый грабежъ! Вѣдь, всѣ эти управляющіе, лѣсничіе, винокуры, полвальные, вѣдь, это все одна шайка грабителей была. Вѣдь, они съ графомъ-то пополамъ дѣлили—посмотрите-ка какія имѣнія накупили! А чтó у нихъ было? Вѣдь я помню, какъ и Богданъ отъ Иваничъ сюда пріѣхалъ, и какъ Трамнедахъ. Вѣдь, чисто шарманщики, въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ, дыра въ горсти! Вѣдь—только всегò и имѣнія-то у нихъ было! Нѣтъ, ты, какъ не трудись, а такія имѣнія безъ грабежа не купишь. Вы вотъ сами хозяйничаєте, сами до всегò доходите, свой участокъ имѣете—а ну-те ка: много ли у васъ денегъ-то? Тоже, чай, иной разъ пятишники нѣтъ! А вѣдь они—гдѣ же! Ни одинъ помѣщикъ такъ не жилъ, какъ они! Помните, тогда, какъ вѣстѣ-то здѣсь были, какая закуса была? А лошади-то, а экипажи-то? Вѣдь, подлецы, на лежачихъ рессорахъ; да на рысакахъ ѣздили; мужикъ съ дороги не свернется, тамъ, вѣдь, въ буби! Вѣдь, вотъ они чтó, эти имѣнцы, за русскую-то за хлѣбъ-то за соль дѣлали! Вѣдь, чуть слò брало! Наконекъ, не вытерпѣли:—Стой, говорю, собакамъ дѣти, ушь-а раскину! всò! И раскинали; да все подробно, до тонкости всѣхъ продѣлки выставили! Вѣдь, наша-то тѣ норы сушь за дѣлаемъ были; а такъ на тотъ берегъ Дуная и письмо къ графу

послать. Коли, говорю, не вѣрите, ваше сіятельство, то извольте благороднаго человѣка прислать. Я думалъ, не дождеть письмо; однако, дошло: смотрю, и ревизоръ пріѣхалъ, родственникъ какой-то графскій. Да помыслите, скажите, вѣдь, жалко смотрѣть! Ну, ужъ я и отдѣлалъ ихъ, разбойниковъ. Конечно, такъ, открыто дѣйствовать не ловко мнѣ было, потому что, все-таки — пріятели: управляющій-то, Богданъ-ать Иванычъ, даже кузь былъ мнѣ, потому воспреемникомъ его дочки былъ — такъ я, значить, черезъ сторонникъ указывалъ... Вотъ тутъ-то, молъ, провѣрь! Вотъ здѣсь-то гляди. И довелъ дѣло, какъ есть, какъ слѣдуетъ такъ, что къ ихъ имуществу было приступлено! За то ужъ и ругали меня!

— Да, вѣдь, вы тайно, черезъ людей дѣйствовали!..

— Догадались, собачьи дѣти! Ну, да пѣсь съ ними! Покрайности, я знаю, что я его сіятельству графу заслужилъ и выручилъ его! Вѣдь, имѣніе-то съ *укціону* бы пошло! въ дѣлнш-кахъ-то тоже позапутался, бѣднякъ! А теперь, по крайности, у него капиталъ хорошій, съ котораго процентъ получать будетъ. Только вотъ горе-то! прибавилъ онъ, покачавъ головой. — Какъ бы капиталъ-ать эфтогъ не ахнулъ!

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ-съ. Положилъ онъ его въ одинъ банкъ, а въ банкѣ этомъ, читалъ я нагбдани въ вѣдомостяхъ, растрата! Казначей, вишь, какой-то на нѣсколько миліончиковъ нагрѣлъ. Жалко будетъ! Вѣдь, вотъ какой народъ нынѣ сталъ! совсѣмъ набаловался, другъ друга грызуть... ей-Богу! Чтѣ ты будешь дѣлать! Куда дѣваться-то и съ деньгами! Жалко, жалко! ужъ больно человѣкъ-отъ хорошій, души самой добрѣйшей. Я даже прослезился, когда поразказалъ онъ мнѣ про эту самую про войну, какъ они эту Плевну брали, да черезъ эти, стало быть, снѣговныя горы переходили! Господи! Вотъ гдѣ страсти-то! бѣды!

— Да гдѣ же вы графа видѣли? спросилъ я.

— Вѣдь, я туда къ нему ѣздилъ...

— Куда? не безъ удивленія спросилъ я.

— Да въ этотъ самый городъ, гдѣ они теперь стоятъ... Какъ бишь его... возлѣ Царьграда-то...

— Сан-Стефано?

— Во-во-во...

— Вы туда ѣздили?

— Туда. Я въ Царьградѣ былъ.

— Чтѣ вы говорите?..

— Съ мѣста не сойти! Меня туда самъ графъ возилъ... Поѣдемъ, говорить, я тебѣ Царьградъ покажу... Пуштина лейтенан-

та, что къ туркамъ въ полонъ попалъ, тоже видѣлъ. Теперь ничего, на свободѣ, по улицамъ ходить.

— Да зачѣмъ же вы туда ѣздили?

— Самое это имѣніе покупать. Вѣдь, какая штука-то! Прослышалъ я, что это самое имѣніе собирается купить Кособроховъ, Пуплій Егоричъ—слыхали, можете? Купецъ богатый, денежный. И прослышалъ я, что онъ ужъ въ Питеръ собирается, къ главному управляющему. Ахъ, думаю себѣ, а хлопоталъ, трудился, все дѣло какъ слѣдуетъ подстроилъ, а онъ за чужой канонъ родителей номинать лѣзетъ! Постой, думаю! Коли ты въ Питеръ—такъ, вѣдь, мы и дальше махнемъ! И въ ту же минуту, пятьдесятъ тысячъ на задатки въ карманъ—и маршъ! А тутъ, знаете ли, какъ мирь-то заключили, такъ проѣздъ свободный вышелъ—на Одесу, а тамъ Чернымъ Моремъ. Доватилъ живо и въ два дня съ графомъ все покончили! А кабы не поѣхалъ, такъ бы имѣніе это Кособрохову и досталось. И какъ чудно вышло! Только-что я въ обѣдъ графу передалъ пятьдесятъ тысячъ, а вечеромъ телеграмма отъ главнаго управляющаго насчетъ Кособрохова! Ужъ и натерпѣлся же я только мѣсяцъ прибавилъ онъ, немного погода:—когда по морю-то плылъ! Я думалъ, по морю-то плыть все одно—что по Волгѣ. Куда тебѣ!.. Думалъ, что и нутро-то все изъ меня повывскочитъ! Какъ началъ это насъ швырять, какъ началъ... волны-это, вѣтеръ, свистъ, а самого-то тебя по кораблю-то такъ изъ угла въ уголъ и перебрасываетъ! Въ кровь избился весь! Ну, думаю, Требухинъ! Пропала твоя головушка; покорыствовался на имѣніе, а какъ бы, на мѣсто того, въ пучину не угодитъ! Ей-Богу, и не чаялъ дохватить!.. Да чего! вотъ диковина-то!.. На берегъ-то когда вышелъ, такъ и на берегу-то, на землѣ-то все качало!.. Вотъ провалиться, не лгу; дня два качало; такъ вотъ земля изъ-подъ ногъ и уходитъ! Ужъ графъ и то смѣялся: — «Что ты, говоришь, словно пьяный ходишь!»

И потомъ, вдругъ переимѣнивъ тонъ, Акимъ Саватичъ спросилъ меня:

— Посѣвецъ-то свой покончили?

— Давно.

— Такъ-съ. Раненько съять начали... Обождать бы надоть. Вѣдь, вы до Благовѣщенія еще отсѣялись?

— Да.

— Поторопились! Вонъ у сосѣда-то вашего, у Александра-то Александровича, пашеничку-то морозцемъ прихватило. Вѣдь, она какъ иглочка лѣзетъ, много ли ей надо! А что въ прошломъ году овсець-то у васъ плоховато зародился?

— Да, незавидно.

— Землю съ осени не подготовили. — Зато продали хорошо; дороже всѣхъ...

— Да, я хорошо продалъ...

— Николаю Иванычу? подхватилъ Тебухинъ. — А знаете ли, овесъ-то вашъ до сей поры еще на плацформѣ въ кулахъ валяется! И чтѣ только дѣлають съ нами эти желѣзныя дороги, такъ это просто бѣды... сколько хлѣба погнотили!..

— Все знаетъ! подумалъ я.

— А чтѣ, не слышали? спросилъ онъ, обратясь къ Верхолѣтову. — Ласточкинъ все пораспродалъ послѣ покойной-то?

— Плате все продалъ. Хоронить не-на что было.

— Не зналъ я, проговорилъ Требухинъ. — Больше всего мнѣ шубку бархатную съ куннымъ воротникомъ жалко!.. Эхъ, и хороша только шубка была! Безпремѣнно дочкѣ своей купилъ бы, пускай бы щеголяла. И только вишь за четвертной билетъ пошла?

— Да, отвѣтилъ Верхолѣтовъ.

— Жалко; двѣсти рублей было заплачено!..

Немного погодя, я возвращался уже домой. Дорога шла степью. Далеко и необозримо разстилалась эта степь, сливаясь съ горизонтомъ, вся уставленная прошлогодними стогами сѣна. Нѣкоторые изъ стоговъ приплюснулись, нѣкоторые покосились. Видно, что урожае травы былъ громадный и что убирали ее кое-какъ, лишь бы убрать поскорѣй. День былъ превосходный; по чистому голубому небу только кое-гдѣ носились прозрачныя бѣлыя облачка, да и тѣ какъ-то быстро таяли и исчезали. въ лучахъ солнца. Звенѣли жаворонки, кружились ястреба; плавно и величаво парили они въ воздухѣ, а, завидѣвъ добычу, мгновенно останавливались, трепетали крыльями и, козырнувъ на землю, схватывали добычу и улетали съ нею прочь. Со всѣхъ сторонъ раздавался рѣзкій, обрывистый свистъ сурковъ. Они суетились, перебѣгали, кувыркаясь, отъ одной норы къ другой, ныряли въ норы, выскакивали изъ нихъ и, взбѣжавъ на курганъ, садились на заднія лапы, скрещивали на толстомъ животѣ переднія лапки и, оглядывая кругомъ степь, отчеканивали свой посвистъ.

— Это сурковъ-то сколько! проговорилъ кучеръ.

— Да, много.

— Ишь вѣдь, ишь вѣдь какъ торопится! продолжалъ онъ, поглядывая на этихъ грызуновъ. — Ужъ такіе-то прокураты!..

— А чтѣ?

— Ужъ больно шельмоваты. Насмотрѣлся я на нихъ достаточно, когда у барина у Вихорева въ кучерахъ былъ. У него два сурка подъ кухней жило—такъ не повѣрите ли, житья, бывало, отъ нихъ не было. Ничѣмъ не запрешься отъ нихъ, всюду пролѣзутъ; шкафы, бывало, отворяли... ей-Богу! У барина

образница была, а подъ образницей-то шкафчикъ небольшой устроенъ, въ который барыня варенье прятала—такъ отворять, бывало, дверки и все варенье полопають. А ужъ это сухари, хлѣбъ, сахаръ—лучше и на столъ не ставь, все погрызутъ, изъ рукъ, бывало, вырывали! Да, вѣдь, какъ это смѣшно смотрѣть: сядеть на заднія лапы, а передними уцѣпить сухарь, къ примѣру, и, словно человѣкъ, сидитъ, да погрызываетъ. Все то имъ надо, и все-то это они къ себѣ въ нору тащатъ. Разъ у меня подушку да салогъ упѣрли, а ужъ платье лучше въ сундукъ прячь, а то какъ разъ въ клочки изгрызутъ. Спасибо, барыня разсердилась и приказала перевести ихъ!

— За чтѣ же разсердилась?

— Да и впрямь досада возьметъ! Цвѣты барыня любила очень; вокругъ дома столько, бывало, цвѣтовъ насадить, что приятно даже смотрѣть было, а заберутся эти сурки—все и погрызутъ. Да вѣдь какъ: въ одну минуту чисто сдѣлаютъ! Звѣрокъ озорной, ну, а сулики, тѣ еще хуже—тѣ, проклятые, какъ разъ безъ хлѣба оставятъ! Охъ, и бѣда только, бѣда, гдѣ эта тварь разведется!

— «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» слышалось гдѣ-то вдалекѣ...

Я оглянулся и увидаль толпу *богоносцевъ*. Хоругви развѣвались въ воздухѣ, блестя образъ на солнышкѣ, и все это двигалось такъ скоро, такъ торопливо, такъ смѣшно, что казалось, и на лошади не догнать этихъ богоносцевъ. Ходили они изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу, христосывались, цѣловались, собирали яйца и пили воду.

— Въ Грачевку образа понесли! проговорилъ кучеръ и, снявъ купленный къ празднику картузь, началъ набожно креститься.— Житье теперь поамъ! добавилъ онъ, немного погодя.

— А чтѣ?

— Да какъ же! Всего домой натащатъ, и денегъ, и яицъ, и хлѣбовъ, и пироговъ, и соли.

— «Исущимъ во гробѣхъ животь доровать!» отхватывали богоносцы, и громкіе голоса ихъ далеко разносились по широко раскинувшейся степи.

W. С. С. С.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

(Изъ Римскаго).

Вотъ грязный задній дворъ, совсѣмъ обыкновенный:
Конишня, хлѣвъ свиной, коровникъ и сарай,
А въ глубинѣ—овинъ, подъ шляпой неизмѣнной
Соломенной своей. Тутъ для животныхъ рай...

Тутъ вѣчно ѣсть и пѣть бездушная порода;
На солнышкѣ блеститъ навозъ, какъ золотой,
И дремлютъ сонныя канавы и лужицы воды,
Ожившія весь дворъ вонючею рѣвкой.

Вдали отъ мокроты и жирной кучи чѣрной,
Тамъ, гдѣ навозъ просохъ и такъ овсомъ богатъ,
Хозяйка-курица разбрасываетъ зѣрна,
Гордясь семей тупыхъ, прожорливыхъ цыплятъ.

Отецъ-пѣтухъ сидитъ повыше на телегѣ;
Доволенъ, жиренъ, сытъ, свернулся онъ клубкомъ.
Онъ спитъ блаженнымъ сномъ, онъ утопаетъ въ пѣгѣ,
И сонныя глаза завѣсили гребешкомъ.

Вонъ плаваютъ въ пруду мечтательныя утки,
На тину устремивъ sentimentalный взглядъ—
И съ селезнемъ своимъ, разъ по двѣнадцать въ сутки,
О радостяхъ любви законной говорятъ...

Рубиномъ, бирюзой на солнцѣ отливая,
На крышѣ, высоко, подъ золотомъ лучей,
Нарядная сидитъ и радужная стая,
Семья породистыхъ, спѣсивыхъ голубей.

Ихъ круглое брюшко набито, чисто, гладко...
 Съ голубками они воркуютъ о любви...
 Но красны лапки ихъ; смотрѣть на нихъ такъ гадко,
 Онѣ какъ будто бы запачканы въ крови.

Какъ войско стройное въ своимъ мундирахъ бѣлыхъ,
 Пасется въ сторонѣ красивый полкъ гусей;
 А дальше—черный рядъ индюшекъ осовѣлыхъ,
 Надутыхъ важностью и глупостью своей.

Здѣсь царство гордое своею грязью, саломъ,
 Скотскій, счастливый бытъ развѣвшихся мѣщанъ,
 Въ помойной амѣ жизнь, съ навознымъ идеаломъ...
 Здѣсь щедромъ рукой удѣлъ блаженства данъ!

Довольны всѣ собой, своей пушистой шубкой;
 Декабрь ли на дворѣ, или май—имъ все равно...
 Хоть знаетъ голубокъ, что невѣрна голубка,
 Такъ что жъ?... Вѣдь онъ и самъ не вѣрнѣ ей давно...

Да!.. Счастливы ты, индюкъ!.. И ты... мамаша-утка...
 Утятамъ скажешь ты, навѣрно, въ смертный часъ:
 «Живите такъ, какъ я!.. Не портите желудка!..
 «Я исполняла долгъ!.. Я расплодила васъ!»..

— Ты... исполняла долгъ?.. Что значить: «долгъ» — для утки?..
 Не то-ли, что она въ грязи всегда жила?..
 Да, выйдя на траву, топтала незабудки,
 И крылья мотыльковъ со злобою рвала?

Не то-ль, что, чуждая, тревоги и волненья,
 Она, въ своемъ тупомъ, невозмутимомъ снѣ,
 Не вѣдала всю жизнь неяснаго стремленья
 На волѣ полетать, при звѣздахъ, при лунѣ?..

Что подъ перомъ у ней ни разу лихорадка
 Не растопила жиръ, не разбудила кровь,
 Не родила мечты уйти изъ лужи гадкой
 Туда, гдѣ свѣтъ и жизнь, и чистая любовь?..

Да... Счастливы они... Живѣтъ патриархально,
 Спокойно, весело безстрастный эгогъ родъ,

Отъ близъ понойныхъ ямъ блаженствуютъ наказливо,
По мѣзовку въ грязи, набивъ навозомъ ротъ.

Да!.. Счастливы задній дворъ... Но вотъ надъ нимъ взвилася
Большая стая птицъ... Какъ точка въ небесахъ...
Приблизилась... Ростётъ, плыветъ и пронеслася,
Нагнавъ на птичкивъ весь нецобъданный страхъ.

Вспорхнули голубки съ своей высокой крыши:
Испуганы они; валятся кумыромъ;
Увидя, что полётъ тѣхъ птицъ гораздо выше...
Усѣлися въ пыли, съ крыльями рядомъ.

Вотъ куры отъ земли приподняли головы...
Пѣтухъ, со смѣ, вскочилъ и, съ гребнемъ на боку,
Застукалъ шпорами, какъ офицерикъ ловкйй,
Вониственно крича свое «кукуреку!»

Чтѣ съ вами, господа?.. Да будьте же спокойны!..
Чего орѣшь, пѣтухъ?.. Не докричишь до нихъ!..
Молчи!.. Они летать на берегъ дальнйй, знойнйй,
Не соблазнить ихъ видъ навозныхъ кучъ твоихъ!

Смотрите!.. Въ синевѣ прозрачной утоная,
Далѣко отъ земли, отъ рабства и цѣней,
Летать они стрѣлой, ни горъ не замѣчая,
Ни шума грозныхъ волнъ бушующихъ морей.

На эту вышину вамъ и глядѣть опасно...
Да!.. Многие изъ нихъ погибнуть на пути—
И не увидать край свободный и прекрасный,
Гдѣ грезилось имъ свой рай земной найти...

У нихъ, какъ и у васъ, есть также жены... дѣти...
Могли бы жить они въ курятникѣ, какъ вы,
Блаженствовать!.. Но имъ милѣй всего на свѣтѣ
Мѣта—безумный бредъ ихъ гордой головы...

Истерзаны они... И худы... И усталы...
За то имъ на верку какъ дышется легко!..
И дикйй рѣвъ стихйй не страшень имъ ни мало,
Ихъ крылья всѣмъ вѣтрамъ раскрыты широко.

Пусть буря перья рвёт! Пусть злятся непогоды,
 Пусть ливень мочит ихъ, сбѣтъ холодный градъ,
 Согрѣтые лучёмъ живительнымъ свободы,
 Въ волшебный, свѣтлый край отважные летать...

Летать къ странамъ чудесъ, къ странѣ обѣтованной,
 Гдѣ солнце золотитъ лазури вѣчной гладь,
 Гдѣ вѣчная весна, гдѣ берегъ тотъ желанный,
 Къ которому всю жизнь вамъ не дано пристать!..

Смотрите, пѣтухи, индюшки, гуси, утки!..
 Смотрите, дураки, да разбѣвайте ротъ...
 И, можетъ быть, судьба, въ насмѣшку, ради шутки,
 На плоскіе носы швырнетъ вамъ... ихъ помѣть.

А. Барысова.

Ростовъ на Дону.
 10-го марта 1878 г.

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

IX.

Путь къ переправѣ.

Городъ Журжево приткнулся къ самому берегу Дуная. Это — небольшой торговый городокъ, имѣющій въ мирное время лишь 15,000 постоянныхъ жителей. Журжево всегда было чрезвычайно живой городокъ, какъ придунайская гавань, какъ портъ, соединенный съ Бухарестомъ вѣтвью желѣзной дороги. Но какими одичалымъ, пустымъ, всѣми брошеннымъ городомъ казался онъ въ то время, когда я туда пріѣхалъ! Безлюдныя площади и улицы, широкій и одинокій бульваръ. Ставни оконъ были заперты во всѣхъ домахъ, двери и ворота наглухо заколочены; ни одной женщины, ни одного ребенка не встрѣтишь на улицѣ. Всюду пустота и могильная тишина! Кое-гдѣ пройдетъ грекъ, еврей, венгерецъ, румынъ — неизвѣстно кто такой! Въ иномъ дворѣ увидишь бывшего жильца; онъ вернулся къ своему заброшенному очагу и угрюмо собираетъ въ кучу жалкіе остатки домашней утвари, чтобы спасти ихъ. Лавки заперты, торговли никакой, судоходство прекратилось. Беспорядочно приткнулись къ берегу коммерческія суда съ высокими мачтами, небрежно перепутались между собою ихъ швартовы (канаты), и тамъ, гдѣ прежде была таможня, находится теперь караулка нашихъ сторожевыхъ аванпостовъ.

Журжево раскинулось на широкомъ пространствѣ. Какъ и русскіе города, онъ требуетъ простора. Широкія, прямыя улицы, обширные сады между низкими домами, рядъ «кафанъ» на главной площади города, открытыя лавки, гостинницы съ постоянными дворами — словомъ, торговый городъ Журжево старается одинаково удовлетворить вкусамъ и прѣзжаго европейца, и сол-

сѣдняго восточнаго человѣка. Рядомъ съ бронзою, позолотою и мраморнымъ столикомъ вы видите грязную открытую лавченку съ бараниною и турецкимъ табакомъ. Контингентъ покупателей былъ очень невеликъ въ немногихъ лавкахъ, открытых на площади. Иногда покажется казакъ отряда Скобелева, пройдутъ по улицѣ нѣсколько солдатиковъ; иной разъ появится и крестьянинъ изъ сосѣдней деревеньки. Разсчитывая найти въ Журжевѣ много русскаго войска, я нашелъ одни только пакеты, необходимые для аванпостной службы. Изъ мѣстныхъ жителей осталось въ городѣ семейство греческаго консула. «До перваго выстрѣла», говорили офицеры, гуляя вечеромъ по тѣмному бульвару и подмигивая на развѣвавшійся флагъ надъ зеленою крышею.

Съ этого бульвара мы смотрѣли обыкновенно на страшные холмы и редуты грознаго Рущука. Рущукъ; это было наше большое мѣсто въ ту минуту; онъ пророчилъ намъ десятки тысячъ будущихъ смертей. И дѣйствительно, Рущукъ былъ страшенъ своими укрѣпленіями.

Вдоль по берегу на много версть отъ Журжева, вверхъ и внизъ по Дунаю, тянутся крестьянскія деревни. Крестьяне вѣхали изъ своихъ избъ; русскіе солдаты заняли ихъ помѣщенія и скоро освоились на новыхъ мѣстахъ, какъ у себя дома. Рущукъ стоитъ нѣсколько выше Журжева; его скрываетъ за собою густая зелень продолговатаго острова, который тянется посреди Дуная. Рущукъ былъ страшенъ и въ тоже время красивъ. Предѣльный видъ открывался съ румынскаго берега. Широко разлѣся Дунай между берегами двухъ противниковъ и затопилъ поперечный островъ; курчавая зелень высывалась изъ воды. Вдоль по берегу виденъ былъ рядъ высокихъ минаретовъ. Стройные, какъ пальмы, они рѣзко выдѣлялись своею бѣлизною среди остальныхъ турецкихъ зданій; надъ плоскими крышами турецкихъ домовъ красиво развѣвались разноцвѣтные флаги европейскихъ консуловъ. Рущукъ стоитъ у подошвы очень высокой, конусообразной горы. Рядомъ съ этой господствующей возвышенностью поднимается къ востоку еще одинъ холмъ, затѣмъ слѣдующій, и такимъ образомъ вся эта мѣстность представлялась горвстою и окаявленною сильными укрѣпленіями. На самой высотѣ господствующей горы построена внушительная батарея. На сосѣднихъ холмахъ воздвигнуты такіе же сильные редуты. Справа и слѣва Рущука, вдоль по берегу Дуная, тянулись батареи для четырехъ, шести и болѣе орудій. При помощи бинокля мы насчитывали ихъ до 14. Редуты были оцепаны въ нѣсколько ярусовъ ружейными ложементами. На высокой горѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ,

былъ раскинутъ главный турецкій лагерь. Мы видѣли дѣлу массу бѣлыхъ палатокъ. Группы такихъ же палатокъ показывались и на высотахъ сосѣднихъ холмовъ. Вѣтъ желѣзной дороги танулась вдоль по берегу, и локомотивы работали день и ночь. Вообще, дѣльными днями замѣчалось усиленное движеніе на турецкомъ берегу: поѣздовъ и обозовъ, нагруженныхъ телегъ, запряженныхъ волами. Но военнаго движенія не было никакого. Вдали обрисовывались только фигуры турецкихъ часовыхъ, мѣрными шагами расхаживающихъ вдоль по берегу Дуная, да нѣрѣдка выводились изъ лагеря роты на ученья.

Во время моей бытности въ Журжевѣ, въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ помѣщалась канцелярія штаба летучаго отряда. Въ одномъ изъ номеровъ этой гостинницы, выходящемъ окнами прямо на Дунай, занимался генералъ Скобелевъ 2-й.

— Да, говоривалъ онъ не разъ, въирая на силу позицій грознаго Рущука: — намъ придется брать Рущуку силою и дорогою дѣломъ мы купимъ эти турецкія укрѣпленія.

«Намъ придется брать Рущуку силою!» говорилъ онъ. Значить, мы предполагали «брать» его атакою, блокадою, осадю, чѣмъ хотите. И это говорилъ не одинъ Скобелевъ; объ этомъ толковали и въ главной квартирѣ, и всюду въ арміи. Представленіе кровавой атаки уже рисовалось въ воспаленномъ воображеніи нашихъ воинствъ; въ арміи передавали другъ другу даже способъ проектируемой осады Рущука, направляли туда дальнѣйшія орудія. По всѣмъ признакамъ лихорадочнаго движенія подъ Рущукомъ можно было заключить, что мы рѣшились брать его «силою»; оставалось только выбрать способъ и приступить къ дѣлу. Но Рущуку мы, все таки, не атаковывали и не осаждали: онъ шалъ по силѣ мирнаго договора. Чѣмъ это объяснить? Благоразуміе ли взяло верхъ надъ увлеченіемъ, или атака Рущука съ специальною цѣлью «взять» его вышла изъ программы нашего плана въ силу сложившихся обстоятельствъ? Мы не можемъ даже утверждать, что планъ кампаніи существовалъ вообще...

Мы бродили въ Журжевѣ, какъ тѣни, ожидали переправы. Съ каждымъ лишнимъ часомъ приближавшагоса рокового дня — мы все болѣе и болѣе старались сосредоточиться въ самихъ себѣ. Ничто не развлекало нашихъ тяжелыхъ думъ, и городская обстановка вполне гармонировала съ тяжелымъ настроеніемъ нашихъ чувствъ. Мы не могли сознать нашихъ собственныхъ силъ, потому что никогда ихъ не прилагали къ дѣйствительности, никогда не испытывали ихъ. Все, чѣмъ мы жили до сихъ поръ, во имя чего мы горевали, радовались, сдерживались и увлекались, волновались и утѣшались, все это были ложь, само-

обольщенія, тѣнь. Но вотъ приближалась минута, когда намъ сказали: «идите и докажите!..» Господи, какъ тяжело доказывать то, во что самъ такъ смутно вѣришь!

Днемъ, на бульварѣ, подъ тѣнью деревъ, грудь тяжело дышала, губы сохли, взоръ обращался далеко, туда, за Дунай и старался проникнуть сквозь зеленѣющіе холмы Рущука и провидѣть картины и положенія скораго будущаго. Воображеніе нитало надъ долинами, холмами, горами и ущельями несчастной Болгаріи. Болгарія представлялась намъ именно «несчастною» въ эти часы. Звѣрство, фанатизмъ, посягательство на жизнь, на честь, на собственность несчастныхъ болгаръ—все это казалось безусловно вѣрнымъ. При всей отрадѣ сознанія роли «спасителей», въ душу каждаго порядочнаго человѣка вривалось и другое сознаніе: ужасное, безпокойное, гнетущее сознаніе того, что мы являлись отчасти причиною этихъ звѣрствъ. Отъ этого внутри происходилъ такой сумбуръ разнородныхъ чувствъ, что иногда становилось просто невыносимо. Правда, немного было въ арміи людей нервныхъ; военная дисциплина, особенные интересы, привычка солдата оставлять вопросы безъ анализа двигали армію все впередъ и впередъ, а чувство физическаго утомленія подавляло всякую мысль. Но каково было положеніе тѣхъ немногихъ людей, которые привыкли и чувствовать, и разсуждать, и тревожиться, и волноваться!

Мы видѣли офицеровъ, которые дѣйствительно радовались походу на турокъ. Но для нихъ было совершенно безразлично идти на турокъ или на нѣмцевъ. Я увѣренъ, что на нѣмцевъ они пошли бы еще съ большимъ увлеченіемъ, потому что за спиной каждаго изъ нихъ стоялъ непремѣнно какой нибудь нѣмецъ, который насолгалъ имъ не мало въ жизни. Это была просто радость человѣка, всю свою службу стрѣлявшаго въ мишень холостыми зарядами въ мнимаго непріятеля и, наконецъ, узрѣвшаго его въ дѣйствительности. Это была радость человѣка, со знавшаго, что послѣ долгаго мирнаго періода скучныхъ и никому ненужныхъ ученій наступила, наконецъ, пора настоящаго дѣла на благо и на пользу своего народа. Но кровожадности тутъ не было. Многихъ влекло и чувство тщеславія, потому что передъ каждымъ открывалось широкое поле отличій, хотя большинство и ошиблось въ расчетахъ.

Днемъ мы сидѣли обыкновенно на бульварѣ, подъ вліаніемъ тяжелыхъ думъ, вечеромъ собирались тосковать въ городскомъ циркѣ. Какъ ни курьёзно существованіе цирка въ броненномъ городѣ, но и артисты ошибаются въ своихъ расчетахъ. Помню, какая-то несчастная труппа забрела въ Журжево, надѣясь встрѣ-

тѣхъ здѣсь обширный контингентъ зрителей. Двѣ полуголомныя танцовщицы, три тощія, голодныя лошади, пьяный наѣздникъ, общій любовникъ двухъ танцовщицъ, причина ихъ ревности, голода и душевныхъ страданій, вереница оборванныхъ дѣтей, три тускло мерцающія лампы, убійственный оркестръ армейскаго полка, одна только занятая ложа молодымъ Скобелевымъ и самый скудный сборъ: вотъ своеобразная картина изъ жизни города, находящагося на военномъ положеніи. Бѣдныя танцовщицы! Мы сидимъ въ ложѣ; въ театрѣ пустынно; глухимъ эхомъ раздается каждое слово подъ сводами большого цирка; вдругъ, среди этой тишины, залъ оглашается сильными ударами, неистовымъ крикомъ женщины, слезами и мольбами... Пьяный танцоръ вымѣнцаетъ неудачный сборъ на голодной танцовщицѣ матери его несчастныхъ дѣтей. Но вотъ, наконецъ, умолкли стоны, прекратился женскій плачъ, вывели коня; она вышла на арену и сдѣлала кинкесей; она крикнула: «гоп-ля!»; «гремить музыка боевая»; она плашетъ сквозъ слѣзы... Кто поручится за то, что турецкая граната не ворвется въ эту минуту въ стѣну деревяннаго цирка и не уничтожить разомъ воздушную мать многочисленной семьи?

— Желаете присутствовать при переправѣ? спросилъ меня Скобелевъ, получивъ приказаніе оставить Журжево и двинуться въ походъ.

— Непремѣнно желаю, отвѣтилъ я ему.

— Въ такомъ случаѣ сѣдлайте коня и ѣдьте; мы выѣзжаемъ сегодня вечеромъ; если побѣдете со мною, то какъ разъ попадете на переправу.

Это было 9-го іюня. Къ вечеру того-же дня турки открыли огонь изъ Рущука на Журжево, а къ ночи мы уже выѣхали по направленію къ румынской деревнѣ Гогошани-Нову.

Насъ было шестеро: Скобелевъ 2-ой, его бывшій ординарецъ, урядникъ князь Цертелевъ, я, переводчикъ и два казака. Мы выѣхали за городъ, когда уже солнце начало закатываться за горизонтъ. Проѣхавъ сосѣднюю съ городомъ деревушку, по направленію къ деревнѣ Парананъ, мы очутились на широкой полянѣ, засѣянной кукурузою и хлѣбомъ, и дорога начала постепенно отходить отъ берега Дуная и повела насъ вправо отъ рѣки. Тамъ далеко, на правой сторонѣ, открылись курганы, покрытые хвойнымъ лѣсомъ; слѣва искрилась лента Дуная, орошая подошвы возвышеннаго берега Турціи. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, сла-

бо шелестя колосьями поспѣвавшихъ хлѣбовъ; убаюкивающій шумъ волнующейся ржи пріятно раздражалъ нервы; легко стало дышать послѣ знойнаго дня, и лошади пошли охотнѣе. Поляна была широка и пустынна; ни одной деревушки не открывалось передъ нашими глазами; безлюдностію повѣяло отъ этихъ мѣстъ, и одно только небо очаровывало путника подборомъ своихъ неподражаемыхъ, разнообразныхъ красокъ. Вся поляна и горные скаты были покрыты сплошнымъ ярко-зеленымъ ковромъ. По мѣрѣ того, какъ солнце закатывалось за линію западнаго горизонта, мракъ все ниже и ниже спускался на землю, тщатель-но окутывая предметы, между тѣмъ какъ голубое небо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и покрывалось подборомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Вотъ солнце уже закатилось окончательно, и весь западъ залился огненнымъ пурпуромъ. Сѣверная часть небо-склона покрылась мрачною, свинцовою тучею. Восточныя горы окрасились лиловою краскою. Но вотъ эти горы, поля и деревья начинаютъ быстро скрываться въ темнотѣ вечерней мглы; прошло еще десять минутъ, и все исчезло.

Звѣзды показались на небѣ, но луна еще пряталась. Наши кони выпрямили шею и пошли ровною рысцой. Еле замѣтная роса легла на землю. Громкимъ, веселымъ хоромъ зашумѣли кузнечики вдоль и поперекъ по всему зеленому пространству.

Лѣтняя прелестная ночь вошла въ свои права; она была совершенно темная, только изрѣдка блестяла молнія на сѣверѣ, да падали загадочные метеоры.

Тихо и безлюдно было по всему пространству. Жердь колодца показалась въ сторонѣ отъ дороги. Три лошади свободно паслись на полянѣ; онѣ фыркнули и пугливо шарахнулись въ стороны, услыжавъ топотъ нашихъ коней. Силуэтъ одинокаго дуба показался впереди, и стекляннымъ звукомъ быстро потока огласился тихій воздухъ, когда мы переѣхали канавку по со-сѣдству съ деревомъ.

Тихимъ шагомъ ѣхалъ къ намъ на встрѣчу румынскій крестьянинъ.

— Опрсите его, эта-ли дорога на Гогошани-Нову? обратился Скобелевъ къ переводчику.

Крестьянинъ тихо и молча указалъ намъ путь на западъ. Онъ возвращался съ полевыхъ работъ.

— Пусть онъ проведетъ насъ, сказалъ генералъ.

Два казака пришпорили коней, занесли свои плети и, пригнувшись къ сѣдлу, налетѣли на крестьянина, такъ что тотъ даже и опомниться не успѣлъ.

— Кажи дорогу!

И лошадь крестьянина моментально повернулась въ обратную сторону.

Бъ полночи мы уже были въ деревушкѣ.

Деревушка состояла изъ нѣсколькихъ домовъ; низенькія мазанки окопаны глубокими канавами и заросли высокою, дикою травою. Румыновъ какъ будто и не было въ деревнѣ; но изъ каждой подворотни выглядывало по нѣскольку злыхъ собакъ, готовыхъ броситься на всякаго прохожаго. Переночевавъ на крыльцѣ какой-то мазанки, я проснулся съ первымъ проблескомъ утренней зари. Деревушка стояла въ лоцинѣ между двумя холмами. Утренняя зорька загорѣлась первымъ, дребезжащимъ свѣтомъ. Солнышко привѣтливо выглянуло изъ-за горъ востока и быстро осушило траву, покрытую влагою ночной росы. Раннее июньское утро застало кавказскую бригаду на походномъ ночлегѣ, расположенную летучимъ лагеремъ по скатамъ холмовъ съ обѣихъ сторонъ деревеньки.

Кавказская бригада была единственная бригада въ арміи, составленная изъ сыновъ «погибельнаго Кавказа». Это была, во всякомъ случаѣ, интересная бригада, среди остального казачьяго войска, главный контингентъ котораго составляли донскіе казаки. Терцы и кубанцы, это—молодое войско, воспитанное въ традиціяхъ старыхъ казаковъ, всю свою жизнь джигитовавшихъ по ущельямъ, горамъ и долинамъ противъ дикихъ и неустрашимыхъ черкесовъ. Правда, въ составѣ этой бригады совсѣмъ почти не было старыхъ казаковъ, но воинственный духъ горнаго джигита передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Извѣстно, что главнымъ развращающимъ элементомъ старо-казачьяго духа, главными похитателями дорогой для нихъ старины, являются у насъ такъ называемые «временщики», т. е. казацкіе атаманы изъ нѣмцевъ; но, не взирая на цѣлый рядъ такихъ «временщиковъ», въ средѣ кубанскихъ казаковъ можно замѣтить и до сихъ поръ совершенно самостоятельный складъ, отличающій ихъ отъ всего остального войска. Кубанскій казакъ своеобразно честенъ, гордъ, самостоятеленъ; въ немъ живетъ жажда воли, духъ простора и чувство самолюбія, товарищества и даже нѣсколько дикая черта: чувство мщенія за кровную обиду. Кубанскій казакъ терпѣть не можетъ «временщика»; онъ вѣритъ только своему. Гоголь очень популяренъ среди кубанскихъ казаковъ. «Это нашъ, кровный», говорили мнѣ не разъ казаки. Тарасъ Бульба никогда не умретъ въ сердцахъ кубанскаго войска; это ихъ люби-

мое чтеніе, лучшее воспоминаніе. Въ разговорахъ съ кубанскій казакъ, онъ поражаетъ всѣхъ своей смѣлкой, смѣлымъ взглядомъ, правдивостію и независимостію заключеній. Впрочемъ, въ мирное время, казакъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ военное. Въ военное время, понятія его извращаются, становятся часто совершенною противоположностію тѣмъ, на которыхъ онъ основывается обыкновенно въ своей станичной жизни. Въ военное время, его нельзя упрекнуть въ излишней гуманности, въ правильномъ пониманіи чужой собственности.

— Эта битва похарчила, случилось мнѣ слышать среди казаковъ:— одного турку спшибъ, у него въ карманѣ пять золотыхъ нашелъ.

— Ну, и что же?

— Ничего, взялъ и товарищу не сказалъ.

Но кубанскій казакъ никогда не тронетъ и не обидитъ бѣдняка. Судя по отношеніямъ ихъ къ болгарамъ, мнѣ случилось приходить къ тому заключенію, что ничто всегда смѣло можетъ рассчитывать на состраданіе казака. Подъ грубой, вѣшной оболочкой бьется мягкое, доброе кубанское сердце. Съ богатаго крестьянина онъ, пожалуй, и поживится, если терпятъ голодъ, но собственности бѣднаго никогда не тронетъ, если ему прямо не прикажутъ скосить ячмень для корма лошадей.

Другимъ развращающимъ элементомъ казачей старины являются «пришельцы». Послѣдніе становятся въ строй казаковъ. Само собою разумѣется, что между казаками и пришельцами нѣтъ ничего общаго. Казаки терпятъ ихъ по-неволѣ, а пришельцы, чувствуя неловкое положеніе въ чужой семьѣ, стараются или породниться съ ними, или поддѣлаться подъ нихъ; но не имѣя никакихъ понятій казачьяго быта, они бьются на вѣшность и часто ошибаются. Нѣтъ ничего болѣе рѣжущаго глаза, какъ пришелецъ въ обществѣ казаковъ. Ради достиженія популярности, они готовы даже брить свои головы, какъ дѣлаютъ это казаки, Впрочемъ только въ очень жаркое время года. Какая-то ермолка на головѣ, какіхъ въ сущности казаки вовсе не носятъ, какая-то неестественная, театрално-комическая поза напущенной лихости, поддѣланная грубость рѣчи, хамскія манеры— все это считается, по мнѣнію пришельцевъ, свойственнымъ казачу; но, въ сущности, все это выходитъ самую грубую клевету на казачье войско.

— Ъсть вѣчего?.. замѣчали мнѣ, бывало, подобные пришельцы на предположеніе, что запасы закусокъ съѣдены, въ походѣ:— намъ-то ѣсть вѣчего?.. намъ, казакамъ? что вы—Богъ съ вами!

вы страмите казаковъ.... эй, Куриченко! поницъ-ко, братъ, гдѣ нибудь на заднихъ дворахъ.. авось, чего нибудь...

Замѣтите, что это приказывало начальство нижнему чину. Начальство при этомъ подмигивало, потирало руки, какъ-бы хвастаясь доблестью подобной мисси, будто-бы столь естественной въ казачьей средѣ. Это была, однакожь, чистѣйшая клевета на казаковъ. Кубанскіе казаки никогда не были ворами, хотя и не отказывались, по долгу службы, исполнять приказанія начальства. Правда, они шарили карманы убитыхъ турокъ, у нихъ была даже узаконенная обычаями общая касса, въ которую поступали всѣ добычи, но это касалось только собственности не-пріятеля.

Всякому пришельцу было очень лестно служить съ терскими и кубанскими казаками; за ними была боевая слава ихъ отцевъ, а, главное, каждый пришлецъ безопаснѣе чувствовалъ себя въ обществѣ такихъ воиновъ. Смѣло можно сказать, что это—единственное войско, на которое можно положиться, замуривъ глаза, въ самую критическую минуту битвы. Казакъ васъ не броситъ, онъ не оставитъ даже вашего тѣла на полѣ битвы, если только не крайность. Изъ боевой жизни кавказскихъ горцевъ извѣстны многіе случаи, когда изъ за тѣла убитаго разбѣднаго или аванпостнаго казака начинались цѣлыя битвы. Въ томъ же кубанскомъ полку я зналъ одного офицера, полковаго командира Кухаренко, который имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ, получивъ его, по приговору товарищей, за то, что, будучи еще простымъ казакомъ, онъ отбивался одинъ отъ неприятели, защищая трупъ своего товарища до тѣхъ поръ, пока не явились ему на выручку. Съ такими казаками всякому пришельцу служить было и лестно, и выгодно, потому что скорѣе можно было загрести жаръ при помощи ихъ рукъ.

Казачья бригада состояла изъ двухъ полковъ: терскаго и кубанскаго. Я позволяю себѣ останавливаться на нѣкоторыхъ подробностяхъ о кавказской бригадѣ, потому что ей пришлось играть довольно отвѣтственную роль на правомъ флангѣ, въ отрядѣ барона Криденера, и она займетъ довольно видное мѣсто въ моемъ послѣднемъ разсказѣ. Дѣятельность кавказской бригады—впрочемъ, не столько дѣятельность самой бригады, сколько дѣятельность ея начальника—тѣсно связана съ судьбою знаменитой Плевны. Вотъ почему мнѣ хочется познакомить васъ и съ составомъ этой бригады. Въ самомъ началѣ войны, кавказскій отрядъ дунайской арміи состоялъ изъ четырехъ элементовъ: кубанскихъ казаковъ, терскихъ казаковъ, осетинъ и нигушей. Въ составъ кубанскаго полка вошли исключительно казаки изъ-

за Кубани, въ составъ терскаго: трехъ-племенные жители Терской Области. Осетины—на половину христіане, на половину магометане. Въ началѣ войны, когда сводный кавказскій казачій отрядъ двинулся, подъ командою Скобелева, 1-го въ предѣлы Румыніи, ингуши, какъ дикое, необузданное племя, начали грабить и дѣлать всякія безчинства. Поведеніе ингушей вызвало съ одной стороны репрессивныя мѣры начальства, съ другой—вселило въ отрядѣ товарищескій раздоръ, попреки, ругань и уличенія. Ингушамъ все это не нравилось. Въ отвѣтъ на репрессивныя мѣры начальства—ингуши начали двусмысленно высказываться относительно будущей войны съ турками, «съ братьями по религіи», какъ они называли турокъ. Положиться на ихъ добросовѣстность было мудро; они доказывали это на дѣлѣ, да, кромѣ того, въ составѣ ингушей не было постороннихъ элементовъ, на которые можно было бы рассчитывать, какъ на могущіе сдержать ихъ двусмысленные порывы. Контингентъ ихъ офицеровъ состоялъ тоже изъ ингушей, которые ничѣмъ не отличались отъ нижнихъ чиновъ какъ въ смыслѣ поведенія, такъ и въ смыслѣ развитія вообще. Несмотря на то, что среди осетинъ находилось много магометанъ, послѣдніе не сочувствовали ингушамъ, и между ними всегда выходила жестокая ссора. Это объясняется тѣмъ, что осетины принадлежать къ болѣе мирному, болѣе обрусѣлому племени кавказскихъ горцевъ, среди которыхъ нашли себѣ почву христіанскіе миссіонеры. Послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ безобразій ингушей, прошла молва, что они хотятъ «передать свое знамя туркамъ», при первомъ удобномъ случаѣ. Благоразуміе заставило, конечно, отдѣлать ингушей отъ отряда и отправить ихъ обратно на родину. Передъ отъѣздомъ ингушей изъ Журжева въ отрядѣ произошла довольно бурная сцена. Они, кажется, передрались съ осетинами. Потомъ, уже на перепутьи, ингуши фигурировали на куликовомъ полѣ мирной Одессы, въ качествѣ сердцеѣдовъ и развлекателей одесскихъ дамъ и дѣвицъ, джигитовкою и дикими плясками съ кинжаломъ. Такимъ образомъ, отрядъ остался съ двумя полками.

Лихо это было войско. Лихо, бывало, вскопачъ десять сотенъ казаковъ на свои высокія сѣдла и, красиво подбоченясь, всѣ сразу готовы кинуться съ мѣста въ атаку при первой командѣ полковаго командира. Осетины, стройные, какъ пальмы, черные какъ смоль, съ выразительными лицами—страстные любители лихихъ набѣговъ. Они оставили на родинѣ женъ, дѣтей, покинули хозяйства, приносящіи многимъ изъ нихъ тысячи рублей годоваго дохода, и, не будучи призваны въ обязательную службу,

сами прослѣлись на войну. Чтѣ влекло ихъ сюда? Война—ихъ жизнь. Георгіевскій крестъ—ихъ мечта и счастье.

— Мэнэ нычаво нэ нужно, только Георгій давай! мечтали они въ разговоряхъ.

Любо смотрѣть на эти стройные ряды кубанскихъ и терскихъ сотенъ въ походѣ. Образую дивизионъ, казачья бригада растягивается по дорогѣ, окружая орудія своей легкой полевой батареей. Рослые, широкоплечіе, здоровые кавказцы свободно и красиво держатся въ сѣдлѣ. Закинувъ назадъ свои высокія мѣховыя шапки, казаки гарцуютъ на коняхъ, высоко подтанувъ мѣдныя, круглыя стремена и коротко подобрывъ уздечку, украшенную жестяными пуговками. Кубанцы—блондины; терцы—брюнеты. Загорѣлыя лица казаковъ, обросшія широкими и длинными, клинообразными бородами, носятъ отпечатокъ удала, терпѣнія, силы, хладнокровія. Туго подтанувъ кинжалъ и пашку, по завѣту отцовъ, закинувъ за спину винтовки въ мохнатыя чехлакъ, казаки двигаются въ авангардѣ, будучи всегда на чеку и на готовѣ. Во главѣ каждой сотни красиво развѣвается цвѣтной значекъ. Въ одной сотнѣ значекъ этотъ желтый, въ другой—голубой, въ третьей—оранжевый и т. д. Эффектный видъ представляется зрителю, когда онъ смотритъ со стороны на двигающуюся по полямъ и холмамъ бригаду кавказскихъ казаковъ. Это—лучшая боевая кавалерія вашей арміи; это самый удалой, самый надежный авангардъ для пѣхотной части, если сьумѣть управиться имъ.

При всемъ томъ, это—самое дешевое для правительства войско. Правительство выдаетъ ему жалованье и кормовыя деньги. Все обзаведеніе казака возлагается на его собственные средства. Казакъ долженъ обмундировать себя, завести лошадь, купить сѣдло, подковать коня на собственный счетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ и выскажетъ о своихъ правахъ громче остальныхъ; всякая собственность даетъ право на нѣкоторую самостоятельность. Требования казака весьма ограниченны: они касаются неприкосновенности сокровенныхъ въ казачьей средѣ обрядностей; между тѣмъ, «временщики» не стѣсняются накладывать руку и на эту неотъемлемую казачью собственность.

Между кубанцами—все молодой народъ; терцы и кубанцы не изъаты отъ обязательствъ по части воинской повинности. Между осетинами-волонтерами находилось много стариковъ, убѣжденных сѣдинами, отцовъ многочисленныхъ семействъ. Были даже юнкера, лѣтъ пятидесяти. Въ первыхъ офицерскихъ чинахъ были люди старыя, и офицеры почти не отдѣлялись отъ нижнихъ чиновъ въ своей обыденной жизни. Большинство изъ нихъ,

какъ люди самостоятельныя, часто очень богатыя, отправляясь на войну, рассчитывая «воевать» — и только. Никому и въ голову не приходила черновая сторона службы; они даже и мысли не допускали, что кому нибудь изъ нихъ придется исполнять роль офицерскаго денщика, убирать навозъ офицерской лошади и т. д. Вы видите, что это были, въ своемъ родѣ, коммисары, не безъ претензій на привилегированность. Но когда, въ дѣйствительности, имъ пришлось и вычистить офицерскій сапогъ, и убрать навозъ изъ офицерской конюшни, между ними начался ропотъ; многіе готовы были вернуться на родину, но ропотъ скоро прекратился, и осетины снова погрузились въ сладкія мечтанія объ георгиевскомъ крестѣ.

Въ концѣ концовъ, казачій отрядъ Скобелева, какъ извѣстно, былъ расформированъ сейчасъ же при вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію. Одна часть этого отряда, донцы — перешла подъ команду Гурко, другая, кавказская бригада — поступила подъ команду гвардіи уланскаго полка, полковника Тутолина.

Кавказцы не любили донцовъ. Донцовъ считали трусами, бадованными, нечистыми на руку. «Имъ бы только грабить», говорили кубанцы про донцовъ.

— Ну, братцы, Донъ идетъ, домой пойдемъ, острели кубанцы, при видѣ снимавшихся съ позиціи донскихъ казаковъ.

Донцы, въ свою очередь, не сходились съ кубанцами. Надо отдать справедливость донцамъ — кубанцы выставляли имъ въ настоящемъ видѣ. Донецъ такъ и норовитъ, какъ бы стащить что-нибудь, бабу поймать на полѣ жатвы и ротъ ей заткнуть. Придетъ болгаринъ къ кубанцамъ жаловаться, что у него розъ скосяли казаки.

— Иди вонъ туда, указываютъ кубанцы болгарину на донскихъ казаковъ.

Придетъ болгаринъ къ донцамъ, сниметъ шапку, поклонится низко, почешетъ въ затылкѣ и выразитъ свою претензію:

— Такъ, молъ, и такъ, казаки у меня розъ скосяли, корову нѣтъмъ кормить, корова подохнетъ.

— Ничего, братушка, отвѣтатъ донцы, ласково похлопывая его по плечу: — нуцай лучше твоя корова дохнетъ, чѣмъ моя лошадь. Моя лошадь подохнетъ, казаку на твоей коровѣ не придется ѣхать.

Засмѣются казаки въ отвѣтъ на такой резонъ. Улыбнется и болгаринъ севозъ слѣзы. Чтѣ дѣлать? война!

Въ число коренныхъ офицеровъ изъ казаковъ вошли многіе, служившіе прежде въ разныхъ кавалерійскихъ полкахъ; въ особенности, они ласкомы были на высшія должности; вслѣдствіе ко-

тѣлось командовать, но командовать казаками надо умѣючи; у казаковъ свои приемы, своя выправка, своя тактика и свои соображенія. Это — цѣлая школа, при незнаніи которой, иной командиръ можетъ и спастись, рискуя быть осмѣяннымъ своими подчиненными.

Рѣзкій звукъ кавалерійской трубы раздался въ сыромъ воздухѣ, когда ранняя зорька разбудила насъ на развѣтѣ. Въ бригадѣ началось лихорадочное движеніе. Тамъ, гдѣ за ночь царяла глубокая тишина, понесся гулъ общаго говора; люди заговорились, лагерь проснулся. Вытѣвая изъ-подъ теплыхъ бурокъ, разоспавшіеся за ночь казаки сначала крестились, озираясь вокругъ себя, приводили на скоро въ порядокъ свою одежду, затѣмъ подходили къ своимъ конямъ, привязаннымъ на коновязи, чистили ихъ и повели на водопой; вернувшись, опускаясь на корточки, принимались закусывать размоченнымъ сухаремъ или оставшимся отъ ужина, кое-какъ на скоро подогрѣтымъ, супомъ-брандахлыстомъ. Движеніе царило во всемъ лагерѣ. Палатокъ не было раскинута; здѣсь была короткая стоянка на перепутьи къ Дунаю. Палатки были только у бригаднаго, у полковникъ командировъ, да у офицеровъ, у которыхъ онѣ были легкія, французскія. Офицеры, группируясь въ кучки, каждый о своемъ сотенѣ, пили чай, поминутно отдавая приказанія. Короче, съ первой утренней зорькой, закипѣла жизнь живымъ ключомъ въ бригадѣ, гдѣ за полчаса до того царялъ непробудный сонъ людей, до нельзя утомленныхъ походною жизнью.

— Сходите въ бригаду, я васъ познакомлю съ полковнымъ командиромъ К. — хорошій человекъ, предложилъ мнѣ капитанъ А.

Мы отправились. Мнѣ никогда не случалось бывать въ обществѣ линейныхъ казаковъ. Признаться, я находился въ эту минуту подъ впечатлѣніемъ того представленія, которое выработалось во мнѣ на основаніи общественнаго мѣнія о казакахъ. Я рассчитывалъ встрѣтить людей черствыхъ, грубыхъ, съ которыми можно говорить только о лошадяхъ, подпругахъ да нагайкахъ. И подъ влияніемъ этихъ мыслей я началъ вѣбираться по свату холма въ лагерь, слѣдуя гѣшечкомъ за капитаномъ А., который значительно ухалъ впередъ, будучи верхомъ. Казаки довольно безразлично отнеслись къ новому пришельцу, штатскому человеку, когда я проходилъ ихъ лагерь. Немногіе даже и оглядывались въ мою сторону. Я видѣлъ, какъ капитанъ А. подѣ-

ѣхалъ къ лучшей палаткѣ, которыя стояли въ рядъ въ задней линіи, всталъ съ лошади и вошелъ въ палатку, гдѣ сидѣло общество офицеровъ и старикъ, генералъ Скобелевъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться еще въ Журжевѣ. Около палатки стоялъ какой-то господинъ съ бумагой въ рукахъ и отдавалъ какія-то приказанія чрезвычайно рѣзкимъ голосомъ, крикливымъ тономъ и съ сильною жестикуляціей. Его видъ былъ очень оригиналенъ. На немъ не было никакихъ признаковъ офицерскаго достоинства. Высокаго роста, худощавый, онъ былъ одѣтъ въ бѣлый, длинный бешметъ, который казаки надеваютъ подъ чекмень; на гладко выстриженной головѣ, едва ли даже не выбритой, сидѣла уморительная бѣлая ермошка. Лицо его отличалось татарскимъ тинотъ; вообще видъ его казался донельзя оригинальнымъ, но во всѣхъ его движеніяхъ, въ интонаціи крикливаго голоса сказалось такъ много напыщенности, горделивой повелительности, разносительнаго элемента, что даже хотѣлось обойти этого господина. Когда я поровнялся съ нимъ, онъ остановилъ меня самымъ дерзкимъ, грубымъ тономъ.

— Куда вы идете? кто вы такой?

Онъ говорилъ почему-то по-французски.

— Что вамъ здѣсь нужно? что вы шатаетесь здѣсь? неугода, но ли вамъ немедленно удалиться отсюда... вонъ!

Я до того растерялся, что первую минуту не зналъ, что и отвѣчать ему.

— Позвольте, я иду въ палатку полковника К., сказалъ я по-русски.

— Здѣсь—моя палатка, здѣсь—мое знамя, потрудитесь убираться вонъ отсюда!

«Ничего нѣтъ удивительнаго въ такомъ приѣмѣ», подумалъ я въ первую минуту. «Я залѣзъ въ общество линейныхъ казаковъ... я долженъ былъ впередъ предвидѣть такой приѣмъ». Миѣ померещился даже видъ нагайки. Но я жестоко ошибся въ эту минуту и совершенно несправедливо обвинилъ казаковъ. Какое въ этомъ. Передо мной стоялъ уланскій полковникъ, бригадный командиръ, не имѣвшій ничего общаго съ казаками и сходившійся съ ними до тѣхъ поръ только на марсовомъ полгѣ.

— Позвольте, полковникъ, явился ко миѣ на выручку капитанъ А., позвольте вамъ представить корреспондента; мы идемъ въ палатку Б.

Полковникъ и не подумалъ сконфузиться или извиниться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, по своему положенію, воображаютъ себя внѣ всякихъ условій публичнаго слова. Желчь его обрушилась на капитана А., но не въ томъ смыслѣ, что онъ не

предупредить его, а въ томъ смыслѣ, что онъ подвелъ меня къ его палаткѣ, а не къ другой.

Генераль Скобелевъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія, пригласивъ обѣдать.

Привожу эту сценку ради характеристикъ того положенія, въ которомъ приходилось бывать корреспонденту. Пожалуй, это весьма яркая черта многихъ «дѣятелей» войны, выработанная на фундаментѣ нашихъ своеобразныхъ занятій дисциплинарнаго отношенія къ людямъ.

Къ вечеру того же дня мы снялись съ позиціи и сдѣлали еще одинъ промежуточный переходъ къ Дунаю, на деревню Вая.

Х.

Переходъ черезъ Дунай.

Русскіе не были новичками въ дѣлѣ переправы черезъ Дунай. Впродолженіи послѣдняго столѣтія, мы совершили не менѣе двадцати переправъ въ различныхъ пунктахъ Дуная; мы переходили у Виддина, у Силистріи, у Гособоля, у Черноводъ и Сатунова; мы переходили у Кладовой, Браилова, Галаца, у Туртукая, Гирсова и Измаила.

Но никогда еще эти переходы не совершались при такой обстановкѣ, въ которой была теперь турецкая армія. Время измѣнило положеніе вещей. Въ былыя времена, мы имѣли дѣло съ безпардонными турками, слабымъ, жалкимъ и плохо вооруженнымъ войскомъ; мы видѣли устья Дуная въ своихъ рукахъ и вообще владѣли рѣкою, какъ у себя дома. Въ настоящее время турки, хотя и являлись слабѣйшимъ войскомъ, сравнительно съ нашей арміей, но эта слабость касалась лишь внутренней организаціи ихъ арміи, нравственныхъ и умственныхъ силъ ихъ генераловъ... Мы могли спорить съ турками на полѣ битвы съ полнымъ расчетомъ на успѣхъ, но, касаясь переправы черезъ Дунай, мы должны были отдать туркамъ должное и признать ихъ болѣе сильными на берегахъ шумной, быстротечной рѣки, высокіе берега которой защищались рядомъ первоклассныхъ грѣпостей, прекрасно устроенныхъ въ фортификаціонномъ отношеніи и отлично вооруженныхъ крупными орудіями, и устье которой запиралось броненосною эскадрой турецкаго флота. Цѣлая рѣчная эскадра съ вооруженными рѣчными мониторами плавала въ самомъ Дунаѣ и грозила разбить мостъ, потопить

всякій понтонъ — словомъ, нанести намъ такихъ непріятностей, мысль о которыхъ даже не могла придти въ голову во времена нашихъ прошлыхъ переправъ. Вооруженіе турокъ значительно превосходило наше. Засыпшіе въ своихъ траншеяхъ, на высокихъ берегахъ рѣки, турки могли во всякое время дня и ночи засыпать насъ миллиардами пуль и гранатъ и уничтожить десятки тысячъ нашего войска. Чтò могли мы, лишеные всякихъ перевозочныхъ средствъ, въ формѣ мало-мальски порядочно-устроенныхъ судовъ, съ какими-то плотами и воздушными понтонами? Вся Европа взирала на насъ съ чувствомъ глубокого любопытства, и едва ли находился одинъ недругъ, который бы не предсказывалъ намъ полного фіаско на берегахъ Дуная.

Нужно было сдѣлаться владѣльцемъ какой-нибудь части Дуная прежде, чѣмъ приступить къ переправѣ. Чтобы сдѣлаться владѣльцемъ, нужно было покупать участки рѣки, шагъ за шагомъ, дорогою цѣною труда и терпѣнія. У насъ были подъ рукою однѣ только мины — это единственное средство, при помощи котораго можно было заручиться клочкомъ Дуная. Но чтò такое мины? Это — средство новое, неиспытанное; каждую мину можно выловить легко изъ воды, а какъ трудно опускать ее съ математическою точностію подъ градусомъ непріятельскаго огня! Безъ математической же точности страдаетъ вся система миннаго загражденія. Это доказали намъ факты миннаго загражденія при Парапанѣ, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ моряковъ, часть Дуная, между турецкимъ берегомъ и островомъ Мечинъ, осталась, все-таки, незагражденной, по случаю убійственнаго огня непріятеля. Такимъ образомъ, мониторы могли свободно проходить изъ Рущука къ Систову и разрушать мосты. На второй день переправы, турецкій мониторъ даже показывался въ виду Зимницы; но онъ почему-то не рискнулъ приблизиться къ мосту, который мы тогда наводили. Нерѣшительность турецкихъ мониторовъ можно объяснить вліяніемъ страха, который нагнали на нихъ Шестаковы, Дубасовы и браиловская батарея.

При выборѣ пункта переправы, нужно было принимать многое въ соображеніе. Мы находились въ зависимости отъ нашихъ обстоятельствъ, отъ прошлыхъ примѣровъ изъ исторіи турецкихъ войнъ, отъ проведенныхъ дорогъ въ Румыніи и отъ будущихъ намѣреній въ Болгаріи. При двадцати-кратныхъ примѣрахъ переправы черезъ Дунай, мудрено было выбрать такое мѣсто, гдѣ бы насъ вовсе не ожидали. Наученные совѣтами своихъ европейскихъ друзей, турки довольно бдительно слѣдили за нами, хотя и прозѣвали въ концѣ концовъ. Необходимо было выбрать такой пунктъ, который не былъ бы слишкомъ удаленъ

отъ вѣтви желѣзной дороги, проходящей черезъ Бухарестъ на Яссы и Кишиневъ, и отъ такого мѣста, откуда отрывался бы болѣе или менѣе открытый и прямой путь за Балканы. Такимъ пунктомъ было Систово. Дорога отъ Систова вела насъ прямо на Трново, въ столицу древне-болгарскаго княжества, оттуда—за за Балканы на Габрово, на Адрианополь и прямо въ Константинополь, о которомъ мы тогда мечтали, какъ о завоеванномъ уже городѣ. Эта дорога сокращала путь, разрѣзала турецкія силы и была даже выгодна, съ точки зрѣнія дипломатической: она являлась, такъ сказать, неожиданностью въ глазахъ Европы и Турціи, потому что въ это время всѣ газеты предсказывали переправу у Никополя и кричали объ этомъ съ такою настойчивостью, что турки готовы были совершенно искренно вѣрить глашатаямъ. Этотъ путь вель насъ прямо въ древнюю столицу Болгаріи, чтó входило отчасти въ интересы гражданскаго управленія, а благополучное занятіе этого города могло воодушевить болгарское народонаселеніе и увеличить численность болгарскаго ополченія. Всѣ крѣпости восточнаго четырехугольника Турціи оставались въ сторонѣ. Такимъ образомъ, Зимница, находящаяся почти противъ Систова, явилась самымъ выгоднымъ, самымъ удобнымъ мѣстомъ для переправы. Недалеко отъ Зимницы, выше по Дунаю, течеть рѣка Ольта, на верхнихъ берегахъ которой заготовлялся лѣсной матеріалъ для моста и по теченію которой удобно было сплавлять его и спускать потомъ, по теченію же Дуная, къ Зимницѣ. Возвышенныя, крутыя турецкія берега у Систова, весьма опасныя для атаки, и плоскій, низменный претивуположный берегъ Зимницы, съ котораго чрезвычайно мудро предпринимать переправу, не будучи замѣченнымъ на первыхъ же порахъ своего движенія—могли только отвлечь вниманіе турокъ отъ этого мѣста и убѣдить ихъ окончательно, что здѣсь русскіе переправляться не будутъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Дунай широка и представляетъ, по внѣшности, большія неудобства для переправы. Словомъ сказать, переправа у Зимницы представляла собою всѣ шансы на успѣхъ и, сверхъ того, это былъ пунктъ, гдѣ мы никогда еще не переправлялись.

Кому принадлежитъ мысль переправы черезъ Дунай и планъ ея исполненія? Мысль переправы черезъ Дунай—одна изъ свѣтлыхъ мыслей прошлой кампаніи, а когда являются хорошія мысли въ замѣнутомъ кружкѣ одинаково заинтересованныхъ лицъ, то оказывается потому, что каждому хочется быть ея хозяиномъ. Я слышалъ такъ много именъ собственниковъ этой мысли, что, ноложа руку на сердце, рѣшительно не могу указать на ея настоящаго хозяина. Курьезнѣе всего то, что каждый тянетъ сто-

рону «своего». Трудно себѣ представить, чтобы эта мысль родилась на самомъ берегу Дуная; поздно собакъ кормить, когда надо на охоту идти. Вѣроятно же всего, что выборъ мѣста переправы былъ уже сдѣланъ заранѣе, такъ сказать, вошелъ въ общій планъ кампаніи, безъ котораго воевать нельзя. Современемъ, всѣ эти планы могутъ, конечно, видоизмѣняться; но исходная точка должна же быть. Вотъ почему, мнѣ кажется, грѣшнѣе передъ истинною тѣ, которые увѣряютъ, что мысль переправы черезъ Дунай вблизи Турно-Магурелли родилась на самомъ берегу Дуная, во время рекогносцировки зимницкихъ прибрежій. Что же касается плана исполненія и замѣчательной систематичности этого исполненія, то это принадлежитъ всецѣло генералу Драгомирову.

Еще въ Кишиневѣ ходили слухи, что дивизія генерала Драгомирова, входящей въ составъ 8-го корпуса, предстоитъ совершить переправу черезъ Дунай. Ничего невѣроятнаго въ этихъ слухахъ не было, такъ какъ генералъ Драгомировъ извѣстенъ былъ своимъ научнымъ образованіемъ, какъ одинъ изъ рабочихъ теоретиковъ генеральнаго штаба. А кому же и поручать подобныя манѣвры, какъ не людямъ, имѣющимъ за собою научную подготовку? Правда, Драгомировъ никогда не былъ практикомъ, но въ этомъ отношеніи всѣ наши генералы стояли на одной почвѣ. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ выдѣлялся своею прошлою ученою дѣятельностью и былъ извѣстенъ, какъ инициаторъ новыхъ теорій по части образованія нашихъ войскъ. Безспорно, и у Драгомирова были свои недруги; и теперь не рѣдко слышатся мнѣнія въ осужденіе нѣкоторыхъ его теорій; но отъ враговъ избавлены только тѣ люди, которые ничего не дѣлаютъ. Драгомировъ не разъ выступалъ на подприще общественности по части литературной пропаганды своихъ теорій и, слѣдуетъ замѣтить, теорій до извѣстной степени либеральныхъ, принятіе которыхъ налагало печать забвенія на старыя порядки автоматической дисциплины. Случалось, что онъ бралъ верхъ къ досадѣ тѣхъ, которые охотно вырыли бы ему яму. Конечно, людямъ свойственно ошибаться; легко можетъ быть, что и Драгомировъ подчасъ ошибался въ своихъ тактическихъ соображеніяхъ; съ нимъ можно спорить, но никто не въ правѣ отнять отъ Драгомирова его дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ работалъ въ своей жизни. Мы переживаемъ такое время, когда честная дѣятельность человѣка и честные пути должны цѣниться на вѣсь золота.

Драгомировъ—человѣкъ чисто русскаго ума, не воспитаннаго на теоріяхъ смѣлыхъ, самостоятельныхъ заключеній; но умъ его—сильный, не лишенный до нѣкоторой степени, нѣмцовой педантич-

чности и систематичности. Положительная и самая цѣнная сторона его натуры выражается въ томъ, что русскій солдатъ его любить искренно и горячо. Не много такихъ начальниковъ, которыхъ такъ любятъ нижніе чины. Затѣмъ извѣстна и другая чрезвычайно симпатичная черта его характера: идти по возможности прямымъ путемъ къ достиженію своихъ цѣлей.

Я говорю «по возможности», потому что мудро же, въ самомъ дѣлѣ, быть простакомъ человѣку его среды. Въ лицѣ генерала Драгомирова я видѣлъ свѣтскаго генерала, но въ немъ не было рѣшительно ничего напускного, заносчиваго, наружно-самолюбиваго; все было въ немъ просто и искренно настолько, насколько позволялъ его тонкій умъ. Онъ хмурился, когда ему покушались говорить комплименты, и весь усилъкъ переправы черезъ Дунай приписывалъ «доброму, послушному русскому солдату». Онъ плакалъ, говоря о солдатахъ: несомнѣнно это—человѣкъ добраго сердца.

Четырнадцатая дивизія генерала Драгомирова выступила на деревню Атернаци изъ деревни Кареда, находящейся въ семнадцати верстахъ къ югу отъ Бухареста. 8-го іюня, дивизія пришла въ Атернаци. На другой день, т. е. 9-го іюня, туда-же прибыла часть штаба главной квартиры.

— Мы ѣдемъ на рекогносцировку, пояснилъ генералъ Левицкій.

Драгомирова пригласили ѣхать вмѣстѣ со штабомъ. Въ тотъ же день вечеромъ, выѣхали къ берегамъ Дуная, въ Зимницу: Главнокомандующій арміей, генералы Непокойчицкій, Левицкій. Драгомировъ и Рихтеръ заняли, 10 іюня, мѣста въ небольшой рощѣ, находящейся на самомъ берегу Дуная, въ правомъ концѣ деревни и, принявъ самыя тщательныя мѣры предосторожности, для того, чтобы не обнаружить своего присутствія, провели цѣлый день въ наблюденіяхъ за движеніями и положеніемъ противоположнаго турецкаго берега. Но прежде всего, необходимо познакомить читателя съ мѣстностью.

Турецкій берегъ вполне господствуетъ надъ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная. На сравнительно низменномъ, хотя и обрывистомъ (на нѣсколько сажень), румынскомъ берегу расположена Зимница. Почти противъ Зимницы, нѣсколько правѣе, на противоположномъ берегу, усматривается среди роскошной зелени болгарской городъ Сястово. Онъ какъ будто прилеенъ къ высокой горѣ, которая переходитъ въ безконечную цѣпь возвы-

шенностей. Всѣ эти горы густо заросли зелеными лѣсами, кустарниками. На румынскомъ же берегу Дуная вы видите громадную, песчаную поляну, которая тянется на нѣсколько верстъ вдоль румынскаго берега и затопляется каждый разъ, когда воды Дуная поднимаются выше своего нормальнаго уровня. Во время разлива здѣсь цѣлое море воды, но лишь только вода спадаетъ, образуется толкая песчаная степь. Узкій рукавъ Дуная врывается въ одномъ мѣстѣ въ эту песчаную степь и орошаетъ крутой берегъ самой Зимницы. Лѣвѣе, въ порядочномъ разстояніи отъ Зимницы, на песчаной полянѣ, на самомъ берегу нормальнаго Дуная находится небольшая роща; она приходится какъ разъ противъ узкаго и длиннаго острова на Дунаѣ, находящагося гораздо ниже Систова. Правѣе отъ этой рощи, т. е. выше по Дунаю, въ нѣкоторомъ разстояніи, находилась, такъ называемая, австрійская мачта, мѣсто остановки парокондуктовъ у Зимницы. У самой рощи стояла караулка. Затѣмъ, все громадное пространство песчаной и низменной поляны оставалось совершенно открытымъ съ высоты турецкаго берега. Прежде, чѣмъ дойти до рѣки, нужно было проходить пространство болѣе двухъ верстъ. Черезъ зимницкій рукавъ Дуная былъ перекинутъ мостикъ. Самый городъ Сисово расположенъ въ долинѣ, окруженъ фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Если смотрѣть на Сисово съ румынскаго берега, вы видите густую зелень, изъ-за которой еле-еле виднѣются крыши домовъ и куполъ большаго болгарскаго собора. Турецкіе минареты придаютъ общей картинѣ своеобразную, чрезвычайно красивую обстановку; стройные и высокіе, они украшаютъ мѣстность въ связи съ этой роскошной зеленью, съ этими холмами и зелеными долинами. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Сисово. Турецкіе берега на всемъ этомъ пространствѣ чрезвычайно круты и обрывисты: мѣстами находятся овраги и долины. Ниже Систова, почти какъ разъ противъ австрійской мачты, втекаетъ въ Дунай небольшая рѣченка Текыр-Дыре; она течетъ въ оврагѣ. Мѣстами берега до того круты, что нѣтъ никакой возможности на нихъ взобраться. Общій планъ занятія города Систова могъ заключаться въ томъ, что войска, по мѣрѣ своей высадки, должны были направляться лѣвѣе Систова въ горы, занимать рядъ отдѣльныхъ возвышенностей и, по мѣрѣ занятія этихъ холмовъ, двигаться на самую высокую гору. Эта гора образуетъ, такъ сказать, фонъ передовыхъ холмовъ и тянется хребтомъ, отдѣляя собою прибрежные окрестности Систова отъ дру-

гихъ, внутреннихъ болгарскихъ округовъ. Выше того мѣста, гдѣ течетъ Текиръ-Дыре, стоитъ городъ Систово, какъ разъ у подножія этой высокой горы. Такимъ образомъ, разъ эта гора занята и непріатель прогнанъ съ ея возвышенности, городъ самъ собою попадалъ въ руки побѣдителя.

Но для того, чтобы овладѣть этою горю, необходимо было пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній: спуститься съ понтонами, съ артиллеріею и съ войсками, съ румынскаго берега, перейти песчаную поляну, спустить понтоны на воду, переплыть Дунай, взобраться на крутизну турецкаго берега, выбить непріателя со всѣхъ отдѣльныхъ высотъ и тогда уже стараться занять конечную, большую гору сзади Систова.

Въ день упомянутаго наблюденія изъ Зимницы за Систовомъ генераль Рихтеръ получилъ приказаніе—съ возможною тщательностію освидѣтельствовать почву песчаной поляны, насколько она плотна и возможно ли проехать по ней артиллерію и понтонные парки. Результаты его дневной рекогносцировки увѣнчались успѣхомъ и привели къ благоприятнымъ заключеніямъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ Главнокомандующій съ остальною своею свитою изъ Зимницы въ Патру, вечеромъ 10 іюня, ничего не рѣшая на мѣстѣ относительно переправы. Въ Патрѣ ночевали. Берега Зимницы охранялись въ то время пикетами люблинскаго гусарскаго полка, находящагося подъ командою полковника Борождина. Люблинцы мирно коротали время на своихъ аванпостныхъ пикетахъ и не видѣли рѣшительно ни малѣйшаго движенія нашихъ войскъ. Около Зимницы не было построено ни одной нашей батареи; не было вырыто ни одного стрѣльбоваго ложемета. Мѣсто переправы сохранялось въ полномъ секретѣ не только отъ турокъ, но и отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Мѣстоположеніе береговъ, въ связи съ тѣми соображеніями, что движеніе войскъ по песчаной полянѣ сопряжено съ громадными потерями отъ артиллерійскаго огня непріателя, что закладка моста чрезвычайно затруднительна, приводили турокъ къ заключенію, что переправы у Систова никогда не будетъ.

Изъ Патры главная квартира поѣхала въ Сяку, верстахъ въ десяти выѣхали на берегъ, затѣмъ отправились въ Турнъ-Магурели. Тамъ, около двухъ часовъ пополудни, собрался военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе Главнокомандующій, Непокойничій, Левицкій, Драгомировъ и великій князь Николай Николаевичъ младшій. На совѣтѣ принято было окончательное рѣшеніе переправы черезъ Дунай у Зимницы. Драгомирову приказано было вернуться въ Бед, гдѣ находилась его дивизія, и въ ночь съ 14-го на 15-ое приступить къ переправѣ. Рѣшено было

для отвлеченія вниманія турокъ отъ пункта переправы, принять слѣдующія демонстративныя мѣры: корпусъ генерала Циммермана перевести черезъ Дунай у Браилова, въ ночь съ 12-го на 13-ое іюня, открывать самыя сильныя канонады по ночамъ съ 13-го на 14-ое іюня и съ 14-го на 15-ое противъ Рущуца и у Никополя; въ это время, противъ Систова должна быть могильная тишина. Великій князь Главнокомандующій приказалъ Драгомирову подводить войска въ Зимницѣ или ночью, или раннимъ утромъ, но стѣждь не днемъ и не вечеромъ, принимая во вниманіе сильное солнечное освѣщеніе румынской стороны берега, между тѣмъ какъ раннимъ утромъ солнце било въ глаза турокъ и, слѣдовательно, лишало ихъ возможности въ точности слѣдить за движеніемъ на румынскомъ берегу. Къ вечеру 11-го іюня, генералъ Драгомировъ уѣхалъ въ деревню Бею.

Во время ночевки въ д. Патра генералъ Левицкій приказалъ послать офицера въ д. Бею съ цѣлью узнать, прибыли-ли туда понтоны? Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ отправился въ Бею и вернулся отсюда въ Патру.

— Всѣ понтонныя парки уже прибыли въ Бею, донесъ онъ Драгомирову:— и сегодня въ ночь предполагается движеніе понтоновъ на Патру, согласно маршруту, данному майору Копанскому, начальнику парковъ.

Это движеніе предполагалось въ ночь съ 12-го на 13-ое іюня. Въ это время, Литвиновъ уже не засталъ главной квартиры, такъ какъ она переправилась въ Драчу. Разговоръ этотъ происходилъ около семи часовъ вечера, 12-го іюня, а въ этотъ-же вечеръ, по донесенію Литвинова, понтонныя парки должны были выступить по совершенно другой дорогѣ, если принять во вниманіе рѣшеніе переправляться черезъ Дунай у Зимницы. Разстояніе до Беи около двадцати верстъ. Если послать Литвинова обратно въ Бею, для того, чтобы остановить движеніе понтоновъ на Патру и направить ихъ на Зимницу—офицеръ рискуетъ уже не застать ихъ въ Беѣ и, въ лучшемъ случаѣ, встрѣтитъ ихъ по дорогѣ; между тѣмъ какъ Литвинову необходимо еще ѣхать за главной квартирой въ Драчу съ этимъ донесеніемъ, такъ какъ онъ былъ посланъ генераломъ Левицкимъ. Чтò оставалось дѣлать Драгомирову, въ виду рѣшенія главной квартиры и въ тотъ моментъ, когда для него была дорога каждая минута и когда всякій лишній, ненужный маршрутъ понтоновъ вызывалъ вредную для дѣла проволочку времени?

— Поѣзжайте немедленно обратно въ Бею; я вамъ дамъ всѣ средства, загоните лошадей, дѣлайте, чтò хотите—оставьте понтоны въ Беѣ; я сейчасъ тамъ буду самъ лично.

— Но мнѣ необходимо ѣхать въ главную квартиру съ отвѣтомъ, настаивая офицеръ, исполняя долгъ службы.

— Именемъ главной квартиры, я вамъ отдаю это распоряженіе, сказалъ ему Драгомировъ, не имѣвшій права говорить съ нимъ въ эту минуту искренно, дабы не обнаружить рѣшенія главной квартиры.

Литвиновъ, дѣльный и энергичный офицеръ генеральнаго штаба—одна изъ несчастныхъ жертвъ нашихъ за Дунаемъ (онъ былъ убитъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій въ Болгаріи)—сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Бео. Генераль Драгомировъ пріѣхалъ въ Бео часовъ около двѣнадцати по полуночи. Подъѣзжая къ мѣстечку Смердозы, онъ встрѣтилъ длинный обозъ, тянувшійся по дорогѣ.

— Что такое тянется?.. какой обозъ?

— Понтонные парки, ваше превосходительство.

— Пригласите ко мнѣ майора Копанскаго.

Явился майоръ Копанскій.

— Куда идете?

— Мнѣ первоначально приказано было идти на Патру, ваше превосходительство, отвѣтилъ майоръ Копанскій:—а потомъ мнѣ дали направленіе къ Смердозѣ, на Союму.

— Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Съ Богомъ!

Дѣльный офицеръ понялъ, въ чемъ дѣло. Когда Драгомировъ проѣзжалъ, обозъ-понтонные парки уже переѣхали черезъ мостъ находившейся здѣсь рѣчки. Переѣхать мостъ обозу—значить, половину дѣла сдѣлать.

Генераль приступилъ къ исполненію плана переправы. 12-го іюня, часовъ около 11, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей 14-й дивизіи, артиллерійской бригады, командировъ 4-й стрѣлковой бригады, полковыхъ и батальонныхъ командировъ, батарейныхъ командировъ 14-й бригады, командировъ двухъ горныхъ батарей, состоящихъ при стрѣлковой бригадѣ, командира пластуновъ, командира 63-го донскаго полка и командира гвардейской полу-роты. Всѣ эти части вошли въ составъ его отряда. Пригласивъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, генераль обогнулъ ряды войскъ и подозвалъ къ себѣ командира шестого понтоннаго парка.

— Намъ приказано идти на Зимницу, а куда мы пойдѣмъ дальше—того не знаю, объявилъ онъ офицерамъ.—Въ Зимницѣ мы будемъ ждать приказаній; тамъ занимаютъ и будутъ занимать аванпосты люблинцы и брянцы; надо постараться сдѣлать дви-

женіе возможно скрытно и чтобы ничто не измѣнилось на берегу Дуная:

Затѣмъ генералъ пригласилъ начальниковъ въ ближайшій сарай, за неизбѣнимъ лучшаго мѣста, и объявилъ имъ:

— Движеніе пойдетъ въ слѣдующемъ порядкѣ; гг. командиры стрѣлковой бригады, пластуновъ, горной батареи, пожалуйста сюда!

Они вышли впередъ.

— Вы выступаете первыми, въ 6 часовъ вечера, дѣлаете привалъ у колодцевъ и должны приступить къ Зимницѣ въ 6 часовъ утра, когда разсвѣтетъ; но вы примете всѣ мѣры для того, чтобы ваше движеніе не было обнаружено.

Командиры поименованныхъ частей выслушали генерала и отошли въ сторону.

— Гг. командиры первой бригады 14-й дивизіи и первыхъ трехъ батарей, пожалуйста сюда!

Опять образовалась группа: Юлшинъ, Родіоновъ, Мольскій.

— Вы составляете второй эшелонъ, выступаете 13-го іюня, рано утромъ, доходите до колодцевъ, дѣлаете большой привалъ до сумерекъ и ночью подступаете къ Зимницѣ.

Приглашены были командиры второй бригады 15-й дивизіи, Петрушевскій, Духонинъ, Тележниковъ, и командиры двухъ батарей (четвертая, легкая, была уже въ Зимницѣ въ это время).

— Вы, гг., выступаете въ 5 часовъ пополудни 13 іюня, доходите до колодцевъ и оттуда, сдѣлавши привалъ, идете на Зимницу и подходите къ ней къ тремъ или четыремъ часамъ утра.

Таковы были первыя распоряженія генерала Драгомирова. Я нарочно передаю сцену въ подлинникѣ для того, чтобы охарактеризовать ту систематичность, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ характера Драгомирова.

Всѣ предписанныя движенія были сдѣланы, какъ говорится, безъ осѣчки. Отъ бумагъ великій князь приказалъ воздерживаться. Вообще, на это время главная квартира умышленно отстранила себя отъ 14-й дивизіи.

Тысячъ около 20,000 войска свершали движеніе въ Зимницу; но никакой внѣшней стороны этого движенія не было видно. У Зимницы встрѣчали войска начальникъ штаба дивизіи Ягубовскій и старшій адъютантъ, капитанъ Котельниковъ, которые и развѣщали эшелоны такимъ образомъ, чтобы не обращать на себя вниманіе, т. е. не разбивая палатокъ и пряча за дома и за заборы задняго фасада города, такъ что ночь съ 13-го на 14-ое іюня войска провели на открытомъ воздухѣ. Въ эту-же ночь, на-

вели мостъ черезъ рукавъ Дуная, омывавшій берегъ самой Зимницы, и ушли подсты по ту сторону болотовины, въ лѣвой роцѣ на берегу Дуная.

Сильно должны были биться сердца служащихъ 14-й дивизіи. По мѣрѣ дальнѣйшаго приготовленія, люди ажитировались все болѣе и болѣе; всякій сознавалъ: сегодня живъ, завтра могу быть мертвымъ. Если бы не вѣра въ лучшее, согрѣвавшая каждаго человѣка—это сознаніе способно убійть человѣка сѣдинами въ одну ночь. День 14-го іюня проведенъ былъ генераломъ Драгомировымъ въ самомъ тяжеломъ ожиданіи. Это былъ для него вопросъ жизни или смерти; это былъ «экзаменъ граматки» въ рядахъ русской арміи.

14-го іюня, въ 12 часамъ пополудни, въ Зимницу пріѣхалъ генералъ Радецкій, съ своимъ начальникомъ штаба, полковникомъ Дмитровскимъ. Драгомировъ былъ въ такомъ нервно-возбужденномъ состояніи, что замѣтилъ, между прочимъ, Дмитровскому:

— Теперь я понимаю, почему люди иногда пускаютъ себя пулю въ лобъ.

Утромъ 14-го іюня, Драгомировъ снова пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, до ротныхъ командировъ включительно. Генералъ помѣщался въ томъ-же самомъ домѣ, въ правой сторонѣ города, на берегу Дуная, гдѣ останавливалась и главная квартира. Размѣстивъ офицеровъ группами за деревьями небольшой роцицы, съ биноклями въ рукахъ—генералъ началъ съ ними рекогносцировку.

— Видите, гг., Систово, повелѣ оны нмѣ такую рѣчь:—мы будемъ здѣсь переправляться черезъ Дунай, мы будемъ высаживаться у устья вонъ той рѣчки, называемой Текиръ-Дыре. По высадкѣ на берегъ, прилагайте всѣ силы, чтобы скалывать на дорогѣ все, что вы встрѣтите... намъ нужно стремиться къ тому, чтобы занять высокую гору, надъ Систовымъ. Когда эта гора будетъ занята, мы займемъ и самый городъ. Этими пока ограничимся; преслѣдованіемъ непріятеля не увлекайтесь, намъ необходимо прикрыть переправу, а не гоняться за дешевыми лаврами. Теперь, чтобы насъ не замѣтили, разойдитесь по три, по четыре человѣка и постарайтесь хорошенько высмотрѣть все, что я вамъ указалъ.

Офицеры разошлись. Генералъ продолжалъ волноваться. Затѣмъ оны отдалъ приказаніе, чтобы всѣ начальники собрались въ какомъ-нибудь домѣ на сѣверной, т. е. задней сторонѣ города. Первый рейсъ должны были составлять: 1) стрѣлки волынского полка; 2) пластунская рота; 3) гвардейская полурота, и 4) вторая горная батарея. Въ составъ второго рейса вошли:

1) остальные роты волынского полка; 2) десять ротъ минскаго полка, первая горная батарея и т. д. Генераль предупредилъ, что первый составъ отплыветъ разомъ, а остальные—по мѣрѣ возвращенія понтоновъ, и просилъ командира люблинскаго полка усилить развѣзды съ началомъ перваго рейса. Генераль наблюдалъ вѣтви, чтобы людямъ было точно растолковано, чтобы на берегу не только не было скопленія, но и одиночно стоящихъ людей; чтобы было обращено вниманіе, чтобы на берегу у Зимницы не разводились костры, не являлись люди съ флагами и вообще съ подозрительными сигналами, а если кто-нибудь будетъ замѣченъ, представлять его къ генералу Драгомирову.

Вдругъ, въ ночь съ 13-го на 14-е, на самомъ берегу Дуная, между лѣвою рощей и австрійскою мачтою, загорѣлась караулка. Это была мучительная минута для Драгомирова. «Ну, конечно! предупредили!» подумалъ онъ. Сердце упало, онъ послалъ немедленно узнать, въ чемъ дѣло. Пожаръ объяснился простою случайностью. Стало легче на душѣ генерала, и онъ началъ приготовляться къ роковой ночи.

Молодой генераль Скобелевъ оставилъ казачій бивакъ въ д. Веѣ, гдѣ казаки нагнали дивизию Драгомирова, когда уже послѣдняя часть дивизіи снималась въ походъ на Зимницу. Скобелевъ 2-й пріѣхалъ въ Зимницу къ Драгомирову. Въ распоряженіи послѣдняго находился 63-й донской полкъ. Съ каждымъ рейсомъ предполагалось переправлять по 60 казаковъ.

Вечеромъ 14-го іюня, рѣшено было начать спускъ понтоновъ съ 9 часовъ. Понтоны спускались выше того дома, въ которомъ остановился Драгомировъ. Если до сихъ поръ нравственное состояніе Драгомирова и было мучительно, то со спускомъ понтоновъ оно могло только ухудшиться. Всякій громъ, всякое бряцаніе артиллерійскаго лафета, всякій скрипъ телеги ударили прямо въ сердце.

Ночь наступила темная; въ воздухѣ пахло дождемъ. Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ запада. Кругомъ было пустынно и дико. Вѣтеръ налеталъ шквалами на листья тучныхъ деревьевъ; деревья клонились, и рѣзкій шелестъ ихъ листьевъ раздавался въ мутномъ воздухѣ. Лѣсная опушка на берегу Дуная шумѣла какъ-то зловѣщимъ шипѣніемъ. На минуту воцарялась тишина, а тамъ снова налеталъ сердитый шквалъ и снова смѣнялся тишиною лѣтняго вечера.

Низко колыхались грозныя тучи, темныя, тяжелыя, мрачныя;

онѣ тѣснились и порывисто неслись по небу, лѣзли другъ на друга, расплывались, снова сгущались и снова разрывались на клочья, на отрѣнья, и всѣ эти отрѣнья летѣли потомъ куда-то вдаль, неслись быстро, перегоняя другъ друга.

Въ моментъ зловѣщаго шипѣнія деревьевъ, среди возбужденной природы, при волнующемся, пѣнистомъ Дунаѣ—наши солдаты спускали понтоны, и каждый шумъ массивной кледи заставлялъ ихъ останавливаться на мѣстѣ и устремлять свой взглядъ на турецкій берегъ. Темно было впереди; все, что творилось на турецкомъ берегу въ это время—все это было покрыто мракомъ. «Что дѣлаютъ турки?.. знаютъ ли они наши намѣренія?.. можетъ быть, и они теперь готовятся насъ встрѣтить убійственнымъ огнемъ?.. можетъ быть, они въ душѣ глумятся надъ нами? все можетъ быть!.. Какія тяжелыя, невыносимыя минуты!»

Спущенные понтоны вытянулись вдоль и ниже около австрійской мачты. Гуси подняли шумъ и, испугавшись, полетѣли въ сторону.

— Ну, если бы это противъ черкесовъ — даромъ не прошло бы! сказалъ Дмитровскій, долго служившій на Кавказѣ.

. Послѣ парковъ начала спускаться на болотовину артиллерія. Дорога до берега Дуная идетъ на три версты. Цѣлыя три версты приходится шумѣть артиллеріей, цѣлыя три версты нервнаго раздраженія! Для прикрытія этихъ батарей спустился брянскій полкъ. Три батареи заняли мѣста на берегу въ правую отъ австрійской мачты, двѣ батарей—влѣво на площадѣ, въ рощѣ. Батареямъ было приказано отнюдь не начинать огня ранѣе открытія артиллерійскаго или значительнаго пѣхотнаго огня неприятеля съ того берега. Необходимо было вести операцію насколько возможно тихо и осторожно до послѣдней крайности. Когда артиллерія проѣзжала мостикъ около Зимницы, поднялся такой шумъ, что пришлось остановить ее и послать за соломой для подстилки. Батареи вели на мѣсто офицеры люблинскаго полка, участвовавшіе съ Рихтеромъ на рекогносцировкѣ. Около десяти или одиннадцати часовъ, Драгомировъ отправился на берегъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, съ дивизионнымъ штабомъ и съ составнымъ или, вѣрнѣе, прикомандированнымъ себя, генераломъ Соболевымъ, полковникомъ Сухотиннымъ, капитаномъ Ласковскимъ, штабсъ ротмистромъ Цуриковымъ и поручикомъ Мухановымъ. Въ штабъ Драгомирова находились: полковникъ Якубовскій, штабсъ капитанъ Котельниковъ, капитанъ Вольскій и бывший ординарецъ, поручикъ Шостакъ. Генералъ пришелъ на берегъ,

артиллерія встала на мѣста, понтоны вытянулись, войска подошли въ полномъ порядкѣ и съ замѣчательною точностію. Воображеніе Драгомирова, послѣ ряда нравственныхъ мученій, перешло въ фазисъ богъвеннаго состоянія. «Да, они все знаютъ, имъ все извѣстно...» шептали его восналенные губы. Утомленіе взяло верхъ: Драгомировъ прилегъ, чтобы отдохнуть, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Проспавъ полчаса, онъ былъ разбуженъ, всталъ, и успокоился. Сдѣлавъ распредѣленіе по рейсамъ, онъ сказалъ солдатамъ:

— Счастливы буду, если увижу васъ живыми и невредимыми на томъ берегу и если останусь самъ живъ вмѣстѣ съ вами. Онъ назначилъ очередь на случай его убыли. Команда переходила къ Петрушевскому, затѣмъ къ Голшину и Родіонову.

Около часу ночи, началась посадка перваго эшелона. Она была исполнена въ полной тишинѣ. Солдаты были проникнуты сознаниемъ торжественности минуты; они молчали отчасти вслѣдствіе глубокой и слѣпой вѣры въ руководителей, отчасти вслѣдствіе того состоянія сосредоточенности, въ которое приходитъ каждый человѣкъ въ такіа минуты.

— Съ Богомъ, отваливайте! сказалъ Драгомировъ, перекрестивши первый эшелонъ.

Солдатки сняли шапки, перекрестились. Весла ударили по водѣ. Начало брезжится... первые признаки утренней зорьки показались на восточной части неба. Въ бинокль можно было слѣдить за силуэтами отвалившихъ лодокъ. Съ минуты на минуту ждали выстрѣловъ. Но вотъ видно, какъ первыя лодки уже подплываютъ къ берегу... вотъ они подплыли и начинаютъ высаживаться на турецкій берегъ. Показались огоньки, раздались первые ружейныя выстрѣлы. Стрѣляли, очевидно, одни только часовые и стрѣляли въ двухъ мѣстахъ, въ полуверстномъ разстояніи другъ отъ друга. Къ хвосту перваго рейса весь турецкій берегъ занятъ стрѣлками и весь берегъ у Текирь-Дыре, выше и ниже горѣлъ огнями. Турецкая артиллерія открыла пальбу съ батареи у Систова. Ей отвѣтили двадцати-четыре-хъ-фунтовыми орудіа 14-й бригады, отъ австрійской лачты вправо. Батарея девятой бригады, находившаяся въ ротѣ, открыла огонь по турецкимъ стрѣлкамъ, спѣшившимъ къ мѣсту высадки изъ лагера, въ двухъ верстахъ отъ Текирь-Дыре, ниже рѣчи, въ сторону Вардина. Начало свѣтать; можно было ясно различать движенія на противуположномъ берегу. Большая часть изъ состава перваго рейса переправилась почти безъ потерь, но, такъ какъ теченіе было быстрое, то самая высадка происходила неправильно, разбросанно. Высажившіеся солдатки должны были

сбивать турокъ кучками. Первый рейсъ занялъ времени около 20 минутъ или получаса. Данныхъ не было о теченіи Дуная, поэтому трудно было рассчитать время переплыва заблаговременно. Мало по малу, по мѣрѣ дальнѣйшей высадки, всѣ кучки сплочивались и дѣйствовали сообща. Приѣзжаютъ гребцы назадъ.

— Слава Богу, благополучно, говоритъ солдатикъ.

Но, какъ не рассчитывать, какой порядокъ ни проектируй, въ дѣйствительности всегда выйдетъ ломка предварительныхъ приказаній. Еще хвостъ перваго эшелона не дошелъ до того берега, какъ уже начало свѣтать; можно было различить все, что происходило на томъ берегу.

Вотъ, видите Драгомировъ, что тамъ происходитъ какая-то каша; гдѣ турки, гдѣ наши—разобрать невозможно... вотъ, видятъ всѣ, какой-то паромъ, болтающийся на водѣ; очевидно, онъ идетъ ко дну; это былъ тотъ самый паромъ, на которомъ погибъ несчастный Стрельбицкій. Въ одной изъ лодокъ, въ началѣ второго рейса, видно, какъ люди стрѣляютъ въ воздухъ... что это значить?.. стрѣлять съ лодокъ было запрещено по инструкціи! несчастные!.. они идутъ ко дну, они дѣлаютъ прощальный салютъ!

Это была минута, когда Драгомировъ обратился къ Радецкому:

— Позвольте мнѣ ѣхать на тотъ берегъ, сказалъ онъ старшему въ чинѣ. Нервы его не выдерживали. Чувствовалась потребность войти въ строй и увидѣть воочию, что творится на томъ берегу.

Больше всего досталось хвосту перваго рейса и головѣ втораго. Изъ минскаго полка два или три понтона пошли ко дну.

— Позвольте артиллерію и казаковъ пока не перевозить, обратился Драгомировъ къ Радецкому передъ отъѣздомъ:—давайте побольше пѣхоты, пѣхоты и пѣхоты, пока окончательно не утвердимся на томъ берегу.

Во время перваго рейса, были эпизоды подчасъ траги-комическаго свойства. Выбросило одну кучку солдатиковъ прямо подъ обрывъ, выше Текиръ-Дыре. Узрѣли солдаты передъ собою отвѣсныя стѣны, сходять на берегъ, начинаютъ карабкаться; но, какъ только высунуть головы, турки стрѣляютъ въ нихъ.

— Такъ, братцы, не годится, говорятъ они другъ другу:—это не резонъ.

— А какъ-же?

— Разомъ посадить человекъ пятнадцать, дать здоровый залпъ—они и ошалѣютъ, а потомъ кричи «ура!» да и лупи его прямо въ морду. Такъ и сдѣлали солдаты.

Драгомировъ вступилъ на турецкій берегъ съ мучительнымъ страхомъ за неуспѣхъ предпріятія. Видеть онъ, что пластуны прячутся за кусты.

— Что вы прачетесь, ребята?

— Солдаты насъ за турокъ принимаютъ, въ насъ-же стрѣляютъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что костюмъ пластуновъ дѣйствительно малымъ отличается отъ костюмовъ турецкихъ башки-бузукъ; высокая, мѣховая, казацкая папаха, рваный бешметъ, загорѣлая физиономія съ всклокоченною бородою.

Драгомировъ высадился нѣсколько выше Текирь-Дыре; первая встрѣча его была съ офицеромъ Бряновымъ. Штабсъ капитанъ волынскаго полка—онъ получилъ 8 штыковыхъ ранъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ эти раны, весьма замѣнательны. Иванъ Ильичъ Бряновъ былъ въ бою, командуя своею ротою. Когда онъ узналъ, что турки обошли флангъ стрѣлковой роты, онъ рѣшился выручить людей своего полка. Часть своей роты онъ отправилъ для поддержки обойденныхъ, другую часть поставилъ въ сомкнутый строй на случай атаки. Усиленная наша цѣпь быстро отодвинула и отрѣзала цѣлую турецкую роту. Бряновъ бросился на эту роту въ атаку. Немного опередивъ людей, онъ сразу наткнулся на два штыка, которые проткнули ему лѣвую и правую руки. У Брянова было ружье; несмотря на свои раны, ему удалось убить штыкомъ одного турка; чело-вѣкъ 15 турокъ вдругъ окружили Брянова, и между нимъ и турками завязался рукопашный бой. «Многихъ я положилъ на мѣстѣ», рассказывалъ мнѣ Бряновъ за нѣсколько часовъ до смерти (онъ умеръ отъ ранъ):—но, въ концѣ концовъ, все-таки, получилъ 8 штыковыхъ ранъ и упалъ, лишившись чувствъ.» Онъ былъ въ Сербіи, служилъ тамъ въ отрядѣ Меженинова, былъ легко раненъ, но поправился, и вотъ судьба направила его въ первой же битвѣ здѣсь на 8 турецкихъ штыковъ.

— Ну, что Бряновъ, ранены... какъ идутъ дѣла? спросилъ Драгомировъ, при встрѣчѣ съ нимъ.

— Дѣла идутъ хорошо, ваше пр—ство, отвѣтилъ Бряновъ.

Драгомировъ подошелъ къ мельницѣ. Вираво валется убитый турокъ, слѣва два музыканта что-то копошатся около мельницы... Имъ, видимо, хочется проникнуть въ мельницу, но они никакъ не могутъ найти дорогу.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ, ваше пр—ство, покончить надо.

— Съ кѣмъ покончить?

— А Богъ ихъ знаетъ! народъ какой-то въ мельницу засѣлъ.

Посмотрѣли въ окно мельницы; изъ окна выглядываютъ два блѣдныя лица страшно перепуганныхъ, болгаръ... они не живы, не мертвы.

— Да это—болгаре! это—наши братья!

— Не должно быть, ваше пр—ство.

— Перекреститесь, сказалъ Драгомировъ болгарамъ.

Болгаре начали усиленно креститься.

— Видите вы, они крестятся.

Солдатики угомонились. Это была самая первая встрѣча спастелей съ угнетенными. Мы даже не знали нашихъ братьевъ въ физиономію.

Выйдя къ цѣпи, Драгомировъ въ волненіи обратился къ Скобелеву, какъ къ человѣку болѣе или менѣе опытному въ дѣлахъ.

— Ну, какъ, по вашему мнѣнію?

— Все идетъ превосходно, придется поздравить васъ съ полнымъ успѣхомъ.

Это успокоило Драгомирова. Вся вмѣстѣ взятая битва отличалась совершенно неправильнымъ характеромъ; дрались кучками, вытѣсняли группами, короче — это была какая-то общая свалка нападающаго съ непріателемъ. Всякая переправа черезъ рѣку, по понятіямъ теоретиковъ, относится къ категоріи правильныхъ нападеній, въ которыхъ все должно быть предусмотрено и все идти согласно выработаннымъ наукою правиламъ и порядкамъ. Но въ дѣйствительности получается нѣчто въ родѣ общаго хаоса, въ которомъ нѣтъ никакой послѣдовательности, ничего строгаго и опредѣленнаго. Когда нѣкоторые изъ иностранныхъ агентовъ поздравляли съ удачною переправой — они говорили: «теоретики будутъ весьма затруднены, въ какую сторону здѣсь выгибъ рѣки (такъ какъ въ наукѣ предполагается выгибъ рѣки для успѣха всякой переправы) и какимъ образомъ это могло случиться, что сначала начали переправляться, а потомъ открыли артиллерійскій огонь, тогда какъ сначала всегда предполагается открыть огонь, а потомъ уже начинать переправу... теоретики не будутъ знать, къ какой категоріи нападеній отнести настоящую переправу»..

— Къ категоріи нечаянныхъ нападеній, съострилъ генералъ Радецкій на замѣчаніе иностранныхъ агентовъ.

Въ разгарѣ самой переправы, часу въ шестомъ утра, доложили генералу, что сверху идетъ турецкій мониторъ. Сейчасъ-же послали вверхъ по Дунаю лейтенанта Палтова узнать, насколько было основательно это донесеніе. Лейтенантъ Палтовъ убѣдился въ томъ, что это шелъ изъ устья Ольты нашъ пароходъ «Ане-

та), купленный нами заблаговременно въ Австріи; пароходъ шелъ съ двумя баржами, подъ командою капитанъ-лейтенанта Тудера, въ Зимницу для содѣйствія переправѣ. Смолкнушіе-было къ этому времени ружейные и артиллерійскіе выстрѣлы возобновились съ болѣею энергіею съ появленіемъ нашего парохода. Хотя одною гранатою туркамъ и удалось повредить одну баржу, буксирруемую съ лѣвой стороны, но въ общемъ они стрѣляли плохо и не причинили пароходу никакого вреда. Убѣдившись въ этомъ, турки сами прекратили стрѣльбу въ пароходъ послѣ двух-часоваго упорнаго огня и направили этотъ огонь на островъ, гдѣ находился нашъ перевязочный пунктъ. Тѣмъ временемъ, пароходъ продолжалъ перевозку, забирая съ собою и на баржахъ до трехъ батальоновъ въ одинъ рейсъ. Моряки принялись за буксировку понтоновъ еще съ помощію двухъ паровыхъ шлюпокъ. Совершенное отсутствіе моряковъ и паровыхъ средствъ при самомъ началѣ переправы объясняется намѣреніемъ скрыть ее отъ турокъ. Буксировка понтоновъ ускорила дѣло, такъ что къ 6 часамъ утра переправились почти всѣ войска.

Наши солдатики встрѣтили чрезвычайно сильное сопротивленіе со стороны турокъ. Турки съ перваго-же раза заявили себя мужественными защитниками своихъ позицій. Борьба была ожесточенная. Турки разсыпались по кустамъ, по холмамъ, по оврагамъ и канавкамъ, и каждую турецкую роту приходилось выбивать штыками.

Выгнавъ турокъ съ первыхъ позицій, мы отправились занять высокую гору, у подножія которой стоитъ Систово. Турки раздѣлились на двѣ партіи; находя дѣло проиграннымъ, они кинулись — одни въ сторону Никополя, другіе — въ сторону Рушукъ. Изъ Рушукъ было выслано имъ подкрѣпленіе, которое они встрѣтили по дорогѣ и которое вернулось вмѣстѣ съ ними обратно въ Рушукъ. Турки совершенно не ожидали переправы русскихъ вблизи Систова. Наши войска встрѣтили всего шесть таборовъ ивзама.

Послѣ битвы мы вступили въ городъ. Городъ Систово принадлежитъ къ числу турецкихъ городовъ средней руки. Онъ расположенъ въ долинѣ, окруженъ весь фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Систово. Улицы, узенькія, кривыя, отвратительно вымощенныя, застроены небольшими домами, въ нижнихъ этажахъ которыхъ помѣщаются лавки, турецкія кафаны, винныя и хлѣбныя склады и магазины. Переходя изъ одного

квартала въ другой, приходится то подыматься, то опускаться по ступенькамъ узенькихъ лѣстницъ или по крутымъ переулкамъ и закоулкамъ города. Турецкое зданіе легко было отличить отъ болгарскаго: окна жилихъ помѣщеній закрыты рѣшетчатыми ставнями, тщательно охраняющими въ обыкновенное время лица турецкихъ женщинъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя. Но въ то время эти зданія отличались еще по наружнымъ знакамъ: на каждомъ болгарскомъ домѣ можно было видѣть мѣломъ или углемъ сдѣланный крестъ; на каждомъ турецкомъ зданіи можно было видѣть луну, которую успѣшили изобразить болгаре. Послѣдніе прибѣгали къ такому наглядному способу изображенія своего имущества во всѣхъ случаяхъ, когда желали что-либо предохранить отъ опасности военного времени; они даже рисовали черные кресты на заднихъ частяхъ своихъ быковъ.

Русскому солдату стѣбитъ только разойтись. Солдатики, разгоряченные битвою, такъ разошлись въ городѣ, что, соединившись съ болгарами, камня на камень не оставили въ турецкомъ кварталѣ. Черезъ полчаса, послѣ занятія города, тамъ были одни руины. Я заходилъ въ турецкіе дома. Они были покинуты окончательно турками. Турецкое населеніе бѣжало изъ города въ паническомъ страхѣ, еле-еле успѣвъ спасти кой-какое имущество и захватывая у болгаръ подводы. Въ разрушенныхъ домахъ, съ выбитыми дверями и окнами, я находилъ нѣсколько турецкихъ корановъ, много тряпья, разнаго ненужнаго хлама, брошенную домашнюю утварь, иногда склады овса, пшеницы и кукурузы. Вдоль по берегу Дуная, въ нижней части города, стояли турецкіе магазины съ хлѣбными запасами. Со взятіемъ Систова, намъ досталось хлѣбныхъ запасовъ на сумму до 250,000 рублей.

Эти хлѣбные магазины въ разныхъ городахъ давали лишній поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, напримѣръ, рассказываютъ случай съ магазинами, найденными въ Русукѣ. Тамъ запасы оказались громадныя, когда мы вступили въ городъ. Комендантъ хотѣлъ уже приступить къ приему этихъ магазиновъ, содержащихъ въ замѣчательномъ порядкѣ, гдѣ всякій продуктъ находился въ своемъ отдѣлѣ и за своимъ номеромъ. Между тѣмъ, турки, предъугадывая вступленіе русскихъ въ Русукъ, хотѣлись перевести эти магазины якобы въ собственность желѣзнодорожной администраціи. Такимъ образомъ, когда русскій комендантъ хотѣлъ было приступить къ описи магазиновъ, ему сказали: «нѣтъ, позвольте!.. это—частная собственность, а если вамъ угодно воспользоваться запасами, негодно ли купить ихъ за деньги; мы, пожалуй, готовы вамъ уступить». Нечего дѣлать,
Т. ССXXXVIII. — Отд. I. 24

пришлось торговаться. Запасы, говорятъ, уступали за весьма выгодную для насъ цѣну, во всякомъ случаѣ, несравненно дешевле, чѣмъ тѣ цѣны, по которымъ поставила провіантъ въ армию жидовствующая компанія гг. Грегера, Горвица и комп. Говорятъ, что комендантъ обращался за разрѣшеніемъ купить въ хозяйственное отдѣленіе главнаго штаба. Отвѣтъ почему-то замѣшался. Въ это время, налетѣли агенты жидовской компаніи, перекупили всѣ эти склады и поставили купленные продукты по справочнымъ цѣнамъ дѣйствующей арміи. Таковы слухи, идущіе изъ Русука.

На берегу Дуная въ Систовѣ стоитъ пароходная пристань, принадлежащая австрійскому товариществу пароконства и торговли. Въ гавани нашлось нѣсколько турецкихъ каноекъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Они пригодились нашимъ морякамъ, которые, выбравъ изъ нихъ лучшіе, помѣстили въ нихъ свои команды.

А высоты Систова замѣчательны. Весь городъ раскинулся амфитеатромъ на этихъ высотахъ въ нѣсколько этажей; его прорѣзываютъ два глубокіе оврага. Ни одна дорога, поднимающаяся на гору, не идетъ прямымъ путемъ, но всѣ выдѣлываютъ зигзаги, выискивая себѣ наименьшую крутизну; вотъ почему крыша одного дома находится у фундамента другого, другого—у фундамента третьяго и т. д.; вотъ почему необыкновенно кривые переулки и закоулки этого города выводятъ васъ на высоту такихъ громадныхъ и обрывистыхъ горъ, что просто духъ захватываетъ, когда вы становитесь на краю этого страшнаго обрыва. И такія позиціи турки отдали почти безъ боя!

Слѣдующіе дни были для насъ днями томительнаго ожиданія. Мы были убѣждены въ томъ, что турки, быстро сосредоточивъ въ окрестностяхъ Систова свои войска, ударятъ на насъ, пользуясь малочисленностью переправившихся войскъ; другіе предполагали это нападеніе въ связи съ появленіемъ мониторовъ при наводкѣ моста—и все это казалось весьма вѣроятнымъ, потому что нельзя же было сказать, что обстоятельства благоприятствовали намъ въ это первое горячее время. Переправа шла медленно, мостъ наводился вяло и долго, кавалерія отсутствовала на турецкомъ берегу, слѣдовательно не могла осѣдлать мѣстность. Мы сидѣли какъ во тьмѣ; артиллерія было немного, подвозъ провіанта затруднялся, короче—будь это другой неприятель, а не турки, грозовыя тучи непременно разразились бы изъ-за систовскихъ высотъ, и, чего добраго, намъ пришлось бы выкупаться въ Дунаѣ.

На другой день, утромъ, подѣхавъ къ берегу на румынской

сторонѣ, я нашелъ картину торжественнаго ожиданія. Нѣсколько сотъ моряковъ молча сидѣли на понтонахъ, вытянутыхъ влодь по берегу. У каждаго было при себѣ полное вооруженіе. Безконечное число орудій стояли вдоль по берегу. Всѣ чего-то ждали, какъ будто на парадѣ какомъ!

— Въ чемъ дѣло? спрашиваю.

— Мониторъ идетъ.

— Откуда?

— Изъ Рущука.

Мы въ это время начали уже наводить мостъ.

— Что же будетъ?

— Будемъ его на abordажъ брать, хладнокровно отвѣтилъ морякъ.

Любопытно. До сихъ поръ моряки взрывали мониторы, а тутъ пришла имъ охота взять мониторъ живьемъ. Однако, я не дождался этой картины. Мониторъ заблаговременно повернуть назадъ.

16-го и 17-го іюня, мало-по-малу начали прибывать понтоны и лѣсной матеріалъ для моста нзъ устьевъ Ольты. Рѣка Дунай раздѣляется между Зимницею и Систовомъ на три рукава. Такимъ образомъ, приступили къ постройкѣ трехъ отдѣльныхъ мостовъ (двухъ большихъ). Съ этихъ поръ на обширной, высохшей полянѣ, между водою рѣки и крутымъ берегомъ Зимницы, потянулась нескончаемая вереница обозовъ, орудій, пороховыхъ ящиковъ и т. д. Батальоны, полки, артиллерія, сапѣры—все это потянулось къ мѣсту переправы. Вся поляна была буквально запружена народомъ, лошадьми, повозками и т. п.

Всѣ войска, расположенныя въ разныхъ пунктахъ Румыніи, потянулись къ Зимницѣ. Лазаретъ явился въ Зимницу какъ разъ къ началу переправы и раскинулъ палатки внутри города. Въ то время, когда я посѣтилъ полевой лазаретъ, дѣятельность полевыхъ врачей была въ полномъ разгарѣ. Раненные прибывали безпрерывно. Ужасный, подавляющій видъ представляла собою внутренность палатки полевого лазарета: стоны, кровь, слезы, запахъ карболовой кислоты. Инспекторъ госпиталей былъ генералъ Косинскій; его нервы не выдержали—онъ рыдалъ.

Съ момента переправы, Зимница оживилась и оживлялась все crescendo и crescendo по мѣрѣ притока туда коммерческаго элемента. Когда уже наши войска всѣ перешли Дунай и начали оперировать въ Болгаріи, Зимница сдѣлалась перепутьемъ въ тылу арміи. Ради характеристики таковаго перепутья, имѣющаго чрезвычайно своеобразную фізіономію, обрисую вамъ этотъ тыловой пунктъ дѣйствующей арміи въ военное время.

*

Широко раскинулась Зимница на возвышенномъ берегу Дуная. За все время моего пребыванія въ Болгаріи мнѣ случалось нѣсколько разъ проѣзжать черезъ Зимницу, по дорогѣ въ Бухарестъ и обратно въ Болгарію. Каждый разъ она поражала меня своимъ многолюдностью и необыкновенной грязью, въ которой одинаково пачкались люди и на улицѣ, и въ низенькихъ избахъ, домахъ и въ двухъ гостинницахъ, стоящихъ почти на самомъ берегу Дуная. Съ тѣхъ поръ, какъ наша армія перешла Дунай, въ Зимницѣ появились цѣлыя полки евреевъ, румыновъ, грековъ и людей самой неопредѣленной національности, самаго смутнаго происхождения. Всѣ эти господа, за малымъ исключеніемъ, сколотили на главной улицѣ этого города—не города, села—не села, деревянные лавки, разложили свои товары, въ видѣ бѣлья, фуфаекъ, дешеваго платья, винъ, водки, спирта, чая, сахара, консервовъ и т. д. и начали безъ зазрѣнія совѣсти грабить и обирать всякаго, кто только покушался у нихъ купить что-либо. Евреи выбрали Зимницу своею резиденціею по той простой причинѣ, что многіе изъ нихъ просто боялись переправляться черезъ Дунай въ Болгарію, гдѣ «штраляли пушки» и «летали бомбы». Пьянство шло въ Зимницѣ непомерное. Воровство было развито паразитическое. Вамъ стоило только привязать вашего коня къ уличному фонарю около гостинницы, войти въ нее и пробыть тамъ минуту, чтобы потерять коня безвозвратно. Его моментально воровали чуть-чуть не изъ-подъ самаго вашего носа. Дворы двухъ гостинницъ были переполнены извозчиками, которые поддерживали сообщеніе между Зимницею и Журжево. Маленькіе, грязные, душные, отвратительные номера гостинницъ были переполнены женщинами, какихъ я нигдѣ не видѣлъ никогда. До того онѣ были противны и циничны. На улицахъ и въ кофейныхъ съ утра до ночи толпилась масса народа, и общій гулъ, пронзительные крики продавцовъ носились въ воздухѣ. Среди этой массы разноколибернаго люда я однажды наткнулся на курьезную личность. Пробираясь въ Бухарестъ изъ-подъ Плевны, я пріѣхалъ вечеромъ въ Зимницу. Извозчики не хотѣли меня везти ночью, между тѣмъ какъ я нигдѣ не могъ найти себѣ помѣщенія. Я рѣшился переночевать гдѣ-нибудь на дворѣ. Я зашелъ на одинъ дворъ. Вижу: на дворѣ танется бѣлая стѣна сложенныхъ кулей съ мукою. Около кулей съ мукою лежать на землѣ два человѣка. Я подошелъ къ этимъ лицамъ, но за темнотою ночи не могъ рассмотреть ни ихъ костюмовъ, ни ихъ физиономій. Они спали на брезентѣ. Измученный поѣздкою, не зная, кто они такіе, я тѣмъ же не менѣе рѣшился переночевать рядомъ съ ними,

нашелъ какой то хлѣвъ, крытый хворостомъ, и поставилъ туда своего коня.

— Кто здѣсь? слышу я русскую рѣчь.

Я откликнулся. Передъ мною выросла фигура низенькаго, плотнаго человѣка.

— Вы кто таковой?

— Корресподентъ.

— Очень пріятно! я самъ когда-то подписывалъ, сказалъ мнѣ кто-то подозрительно хриплымъ голосомъ: — ночевать здѣсь негдѣ; будете ночевать вмѣстѣ съ нами, а пока пойдемте въ кофейную: тамъ публики въ карты играетъ.

Мы вошли въ кофейную. Народу была масса, несмотря на поздній уже часъ. Я посмотрѣлъ на моего новаго знакомаго и поразился его видомъ. Вся его грязная, опухшая физиономія была изрыта оспою. Борода клочками торчала изъ подъ толстаго подбородка. На головѣ небрежно сидѣла потертая, старая, измятая черная шляпа, съ широкими полями. Изъ-подъ шляпы спускались длинные, гдѣ шесть нечесанные, волосы. Низенькій господинъ былъ одѣтъ въ длиннополое, мѣстами разодранное пальто, очевидно съ плечъ высокаго человѣка. На ногахъ широко болтались сѣренькіе, нанковые панталоны, мѣстами съ заплатами другаго цвѣта; мѣстами они были въ масляныхъ пятнахъ. Руки его были грязны и дрожали, когда касались какого-либо предмета. Посмотрѣлъ я на эту фигуру и невольно подумалъ: «что это за экземпляръ? кто онъ таковой? мазурикъ?»..

— Вы это откуда? спрашиваю.

— Изъ Орловской Губерніи... васъ это удивляетъ? н-да, могу сказать: совершилъ путешествіе!.. чуть-чуть не пѣшкомъ пробирался въ Болгарію.

— Затѣмъ? Въ армію поступать?

— Нѣтъ!.. важно процѣдилъ сквозь зубы мазурикообразный господинъ:—я желаю на службу къ князю Черкасскому.

— Вотъ что? значитъ, въ администраторы!

— Н-н-да! въ нѣкоторомъ родѣ.

— Добрый путь я успѣха.

Въ слѣдующей комнатѣ стояли столы. За каждымъ столомъ сидѣли или еврей, или грекъ, или румынъ, и каждый изъ нихъ металъ штосъ. Масса публики военной и статской потгировала имъ.

— Слышь, ты! эй, руманешти! смотри, мазура паршивая, кричалъ одинъ поттеръ, подсовывая серебряный рубль подъ носъ банкюмета:—передернешь—такъ прямо по мордѣ и свисну!

Банкометъ ласково улыбался и какъ нарочно давалъ карту.

— Смотри, ты!.. во! еще одинъ рубль!.. давай, слышь!.. не дашь—сейчасъ по мордѣ!

Самъ полиціймейстеръ игралъ тутъ же. Кое гдѣ сидѣли женщины. Игра шла мирно. Вдругъ тотъ самый господинъ, который кричалъ: «эй, слышь, ты, не дашь—въ морду!».. какъ свистнеть на самомъ дѣлѣ банкюмета по уху—такъ у того только мурашки по тѣлу пробѣжали. Полиціймейстеръ успѣлъ проигратъся. Позвали обходъ, выгнали публику, закрыли вертепъ.

На другой день, всѣ банкюеты сложились и возвратили полиціймейстеру его проигрышъ.

Съ тѣхъ поръ, вертепъ снова началъ процвѣтать подъ сводами грязной гостинницы.

Оставляя за собою подобныя неизбежныя слѣды всякой воюющей арміи, мы вошли въ предѣлы Турціи. За нами потянулись поразительные администраторы... Посмотримъ, что дѣлалъ въ это время нашъ авангардъ и какъ воевали «свителю»?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Максимовъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЗІІЯ).

Съ 1840 по 1845 годъ, слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова, самый темный въ біографическомъ отношеніи. Это былъ важнѣйшій періодъ во всей его жизни, потому что въ продолженіи его окончательно сформировались всѣ его и умственныя, и нравственныя силы, и подъ конецъ его онъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь. Въ то же время, въ этотъ періодъ, отъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Мечтахъ и звукахъ», онъ перешелъ къ стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ началѣ перваго тома изданія его произведеній. Но какъ произошла эта сформировка и этотъ радикальный переворотъ, изъ посредственнаго рیمослагателя сдѣлавшій первостепеннаго поэта—это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ только, что въ это время, продолжая жить литературнымъ трудомъ, онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ двигателемъ умственнаго развитія Некрасова и виновникомъ переворота, опредѣлившаго всю дальнѣйшую литературную дѣятельность его.

«Въ началѣ 40-хъ годовъ, говоритъ объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ. До этого Некрасовъ имѣлъ прямыя сношенія съ Краевскимъ. Я въ первый разъ встрѣтилъ Некрасова въ половинѣ 30-хъ годовъ (?) у одного моего пріятеля. Ему было тогда лѣтъ 17, онъ только-что издалъ небольшую книжечку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и звуки», которую впо-

слѣдствіи онъ скупалъ и истреблялъ. Мы возобновили знакомство съ нимъ черезъ семь лѣтъ (?). Онъ, какъ и всѣ мы, очень увлекался въ это время Жюль-Зандомъ. Онъ былъ знакомъ съ нею только по русскимъ переводамъ. Я звалъ его къ себѣ и обѣщала прочесть ему отрывки, переведенные мною изъ «Спиридіона». Некрасовъ вскорѣ послѣ этого зашелъ ко мнѣ утромъ, и я тотчасъ же приступилъ къ исполненію своего обѣщанія.

«Съ этихъ поръ мы видѣлись чаще и чаще. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, рассказывалъ намъ свои горькія литературныя похождения, свои расчеты съ редакторами различныхъ журналовъ, и принесъ однажды Бѣлинскому свое стихотвореніе «На дорогѣ».

«Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испытала такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ, не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженнической и страдальческой жизни—и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ.

«Некрасовъ пускался передъ этимъ въ изданіе разныхъ мелкихъ литературныхъ сборниковъ, которые постоянно приносили ему небольшой барышъ. Но у него уже развивались въ головѣ болѣе обширныя литературныя предпріятія, которыя онъ сообщалъ Бѣлинскому.

«Слушая его, Бѣлинскій дивился его сообразительности и сметливости и восклицалъ обыкновенно:

«— Некрасовъ пойдетъ далеко... Это не то, что мы... Онъ наживетъ себѣ капиталъ!»

«Ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго пракческаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ.

«Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полемичнымъ журнальнымъ сотрудникомъ, но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе: «На дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

«— Да знаете-ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?»

«Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе «Къ Роднѣ» привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Мо-

себу къ своимъ пріятелямъ... (У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка).

Къ этому періоду увлеченія Некрасовымъ относится и тѣ строки письма Бѣлинскаго къ Тургеневу, которыя приводитъ г. Н. Пынинъ въ своей биографіи Бѣлинскаго (см. 275 стр. II части): «Некрасовъ написалъ недавно страшно-хорошее стихотвореніе (Дѣло идетъ о стих. «Нравственный человѣкъ», помѣщенномъ въ № 3 «Современника»). Если не попадетъ въ печать (а оно назначается въ № 3), то пришлю къ вамъ въ рукописи. Чтѣ за талантъ у этого человѣка! И чтѣ за топоръ его талантъ!» Въ вышеприведенной выдержкѣ изъ воспоминаній И. Панаева проглядываетъ уже передъ нами то радикальное различіе въ складѣ воспитанія, которое сразу обнаружилось между Некрасовымъ и кружкомъ Бѣлинскаго. Съ одной стороны передъ нами идеалисты, воспитавшіеся преимущественно по книгамъ, судившіе обо всемъ съ различныхъ теоретическихъ, философскихъ точекъ зрѣнія, выработанныхъ западною наукою, но въ то же время до дѣтской простоты и наивности чуждые практики жизни и того индуктивнаго знанія жизни и народа, какое дается только непосредственнымъ опытомъ, путемъ всевозможныхъ столкновеній съ различными житейскими дрягями. Съ другой стороны, былъ человѣкъ, несмотря на свои 23, 24 года, прожженный практикою жизни, успѣвшій ожесточиться подъ гнетомъ борьбы за существованіе и въ то же время представлявшій изъ себя непосредственную натуру, черноземную силу, чуждую какого-бы то ни было идейнаго развитія. Это различіе еще ярче обрисовывается передъ нами въ разсказахъ самого Некрасова о своихъ спорахъ и столкновеніяхъ съ людьми, принадлежавшими къ кружку Бѣлинскаго.

«Тяжелое, говорилъ онъ:—производили на меня впечатлѣніе всѣ эти люди: преобладала чисто фраза, діалектика, говорились общія мѣста, говорили больше о Западной Европѣ, видно было незнаніе русской жизни и русскаго народа. Я сознавалъ, что все это было не то, чтѣ намъ нужно, но въ то же время спорить съ ними не могъ, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что намъ нужно нѣчто иное, я началъ работать, учиться»...

Эти слова вдвойнѣ многозначительны: наглядно указывая намъ на то различіе, какое существовало между Некрасовымъ и его новыми друзьями, въ то же время они свидѣтельствуютъ и

о томъ сильномъ вліяніи на умственное развитіе Некрасова, какое имѣло столкновеніе его съ кружкомъ Вѣдлинскаго. Въ нихъ такъ и сквозитъ пробудившееся сознаніе недостатка теоретическаго развитія, научныхъ знаній и необходимости восполнить этотъ пробѣлъ. Такое сознаніе естественно должно было развиться въ Некрасовѣ вслѣдствіе соприкосновенія съ средою, болѣе его умственно развитою и обогащенною знаніями. Рядомъ съ этимъ и нравственные идеалы Некрасова должны были значительно возвыситься и расширяться. Онъ не могъ не проникнуться тѣмъ горячимъ энтузіазмомъ къ новымъ идеаламъ и требованіямъ отъ жизни, какой господствовалъ въ кружкѣ подъ вліяніемъ Вѣдлинскаго. По крайней мѣрѣ, въ томъ образѣ, въ какомъ рисуется намъ Некрасова г. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ писателя», рассказывая о знакомствѣ своемъ съ нимъ именно въ ту эпоху его жизни, мы видимъ достаточную долю того самаго восторженнаго идеализма, съ которымъ Некрасовъ стоялъ, по своимъ словамъ, въ такой оппозиціи. Вотъ что рассказываетъ г. Достоевскій:

«Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее—изъ того, что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Намъ тогда было по двадцати съ немногими лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяць сорокъ пятого года. Въ началѣ зимы, я началъ вдругъ «Вѣдлинскихъ людей», мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «Принесите рукопись» (самъ онъ еще не читалъ ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, а ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что принесть съ своимъ сѣченіемъ, и поспѣшнѣ ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти на слова...

«Вечеромъ того-же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ Душахъ» и читали ихъ, въ который разъ, не помню. Тогда это бывало между моло-

дежю; сойдутся двое или трое: «а не почитать-ли намъ, Господа, Гоголя!»—садятся и читають, и пожалуй всю ночь. Веротилися я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь. Стоало прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочта десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. «Читаешь онъ про смерть студента, передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ:— и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжеть, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи. «Ахъ, чтобъ его!» Это про васъ то, и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: «Что-жъ такое, что спать, мы разбудимъ его, это выше сна!» Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова; я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встрѣчи была, во истину, проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о «тогдашнемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитируя изъ! «Ревизора», изъ «Мертвыхъ душъ», но главное о Бѣлинскомъ. «Я ему сегодня-же снесу вашу повѣсть, и вы увидите—да вѣдь человекъ-то человекъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какаа это душа!»—восторженно говорилъ Некрасовъ, трясъ меня за плечи обѣими руками. «Ну теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!»...

«Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его во всю свою жизнь. Тогда Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало

знаю, но Вѣднскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ на вѣкъ и связываютъ неразрывно... «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Вѣдными людьми». «У васъ Гоголи-то, какъ грибы растутъ, строго замѣтилъ ему Вѣднскій, но рукопись взялъ»..

Вотъ въ видѣ какова восторженнаго и увлекающагося романтика рисуется передъ нами Некрасовъ въ рассказѣ г. Достоевскаго. Эта восторженность, впрочемъ, не мѣшала Некрасову въ то же время заниматься практическими дѣлами и издавать сборники, приносившіе ему барыши, по словамъ И. Пашаева. Такихъ сборниковъ намъ извѣстны три: «Физиологія Петербурга», изд. въ 1845 году. «Первое апрѣля», изд. въ 1846 г., и «Петербургскій сборникъ»—1846 г.

«Физиологія Петербурга» вышла въ двухъ томахъ. Сборникъ этотъ носить еще на себѣ слѣды того спекулятивнаго духа петербургской прессы, въ школѣ которой Некрасовъ былъ воспитанъ. Даже самая мысль изданія подобнаго сборника отзывается подражаніемъ другому, столь же спекулятивному предпріятію—именно «Панорамѣ Петербурга» Башуцкаго, о чемъ можно судить и по предисловію, въ которомъ излагается цѣль изданія сборника:

«Во Франціи, читаемъ мы въ предисловіи:—обо всякомъ уголѣ ея, сколько нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательно, не одна книга написана, а сочиненія о Парижѣ образуютъ собою большую отдѣльную литературу. Правда, Петербургъ описанъ не разъ въ отношеніи топографическомъ, климатическомъ, медицинскомъ и т. п. Г. Башуцкій, въ своей *Панорамѣ Петербурга*, предпринялъ было описать не только *статистику* первой нашей столицы (улицы, аданія, дома, рѣки, каналы, мосты и т. д.), съ историческимъ обзорѣніемъ построенія и распространенія города, но и бросить взглядъ на характеристическія отличія петербургскаго быта и нравовъ; но почему-то его предпріятію, весьма полезному и прекрасно-начатому, не суждено было дойти до окончанія, не говоря уже о томъ, что со времени его изданія, Петербургъ во многомъ уже измѣнился. Сверхъ того, книга г-на Башуцкаго имѣетъ въ виду преимущественно *описаніе*, а не *характеристику* Петербурга, и ея типъ и характеръ болѣе officialный, нежели литературный. Содержаніе нашей книги, напротивъ, не *описаніе* Петербурга въ

какомъ бы то ни было отношеніи, но его *характеристика* преимущественно со стороны нравовъ и особенностей его народонаселенія....

«Что касается лично до составителей этой книги, они совершенно чужды всякихъ притязаній на поэтическій или художественный талантъ; цѣль ихъ была самая скромная—составить книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появляются во французской литературѣ и, занявъ вниманіе публики, уступаютъ мѣсто новымъ книгамъ въ томъ-же родѣ. Все самолюбіе составителей этой книги ограничивается надеждою, что читатели найдутъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ изъ нашихъ очерковъ петербургской жизни болѣе или менѣе мѣткую наблюдательность, болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на предметъ, который взялись они изображать. Что же касается до нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ и подписанныхъ извѣстными въ нашей литературѣ именами, эти имена сами отвѣчаютъ за ихъ достоинство, и мы предоставляемъ судить о нихъ публикѣ».

Такимъ образомъ: «Физиологія Петербурга» не есть безразличный литературный сборникъ или альманахъ, какіе часто выходили въ то время, но является приуроченнымъ къ опредѣленной спеціальной цѣли, сообразно которой подобраны и всѣ статьи. Такъ, въ первой части, тотчасъ-же послѣ вступленія, помѣщена статья Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва», далѣе слѣдуетъ разсказъ В. И. Луганскаго—«Петербургскій дворникъ», Д. В. Григоровича «Петербургскіе шарманщики», Е. П. Гребенки «Петербургская Сторона» и заканчивается первая часть разсказомъ самого Некрасова «Петербургскіе углы», отдѣльно отъ прочихъ разсказовъ почему-то процензурованнымъ Никитенкомъ. Этотъ незатѣйливый разсказецъ Некрасова носить на себѣ яркое отраженіе его прежней литературной нищеты. Героемъ его является интеллигентный пролетарій, нанимающій уголь на заднемъ дворѣ у квартирной хозяйки и созерцающій изъ своего угла пьяную оргію прочихъ обитателей трущобы, справляющихъ новоселье новаго постояльца. Въ этомъ заключается все содержаніе разсказика, чуждаго какой-бы то ни было идеи и написаннаго вполне въ духѣ жанра или «натуральной школы», какъ тогда выражались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вы видите явное желаніе подражать гоголевскому комизму, но комизмъ выходитъ нѣсколько натянутымъ.

Во второй части сборника, среди ряда статей и разсказовъ, точно также трактующихъ о нравахъ и особенностяхъ петербургской жизни, Некрасовъ помѣстилъ большую свою сатиру—

«Чиновникъ», вошедшую потомъ въ приложение къ третьей части послѣдняго изданія его сочиненій.

Сборникъ былъ украшенъ рисунками Тима, Бернардскаго и Маслова. Издателемъ «Физиологін Петербурга» является книгопродавецъ Ивановъ, а Некрасовъ пародируетъ лишь редакторомъ сборника.

За этимъ сборникомъ, въ слѣдующемъ 1846 году, является альманахъ «Первое апрѣля». Полное его заглавіе слѣдующее: «Первое апрѣля, комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ» С-Петербургъ 1846 г. Начинается сборникъ комическимъ вступленіемъ, въ которомъ авторъ, потѣшаясь надъ обычаемъ надувать другъ друга 1-го апрѣля, разсказываетъ, какъ надувать въ Петербургѣ въ этотъ день въ разныхъ слояхъ общества. «Просимъ васъ однако, любезнѣйшій читатель, говорится въ концѣ вступленія:—не думать, что все сказанное нами, сколько нибудь касается нашей книги; нѣтъ! оно такъ только къ слову пришлось. Мы не интриганы и, смѣемъ увѣрить, гордимся этимъ. Скажемъ болѣе, трудъ нашъ добросовѣстенъ, до того добросовѣстенъ, что мы рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ, разнымъ живымъ анекдотамъ и совершенно невѣроятнымъ исторіямъ съ тою только цѣлю, чтобы заглавіе книги «Первое Апрель» имѣло какое-нибудь значеніе, смыслъ; хоть сколько нибудь-бы относилось къ содержанію и не показалось-бы публикѣ одною пустою обманчивою вывѣскою, выставленною такъ только для приманки. Если-же благосклонному читателю нѣкоторыя страницы, тѣ или другія, придется не по вкусу, то да проститъ онъ насъ великодушно, или—что еще лучше—пусть вырветъ ихъ вовсе вонъ изъ книги. Богъ съ нами, мимо ихъ! Пусть предастъ ихъ даже пламени, закуритъ ими трубку, обернетъ что нибудь, словомъ, распорядится этою дрянью по благоусмотрѣнію. Мы заранѣе на все соглашаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха».

Послѣднія строки написаны не даромъ: онѣ имѣютъ то значеніе, что въ книжкѣ на каждомъ шагѣ вы встрѣтите лучшыя намеки и обличенія. Такова статейка о томъ, «какъ одинъ господинъ приобрѣлъ срѣбъ за безцѣнокъ домъ въ полтора тысячу», обличающая нѣкоего Ведрина (Погодина), «сколь прославившагося своими путевыми записками». Такова «Портретная галлерей», заключающая въ себѣ пять стихотворныхъ портретовъ разныхъ личностей того времени; изъ нихъ особенно замѣчательна всѣмъ извѣстная эпиграмма на Булгарина:

Она у насъ восьмое чудо.
У него завидный нравъ и пр.

Такой-же обличительный характеръ имѣють статьи: «Дядюшка и племянникъ», «Пощечина», «Водевилисть» (Бони).

Здѣсь же помѣщена шутка Кульчицкаго, имѣющая отношеніе къ страсти Бѣлинскаго къ преферансу: «Какъ играютъ въ новѣйшее время въ преферансъ образованнѣйшіе люди». Книжка переполнена некрасовскими куплетами. Между ними вы найдете и приобрѣвшую популярность известную пародію на стихотвореніе Лермонтова: «И скучно, и грустно и некого въ карты надуть». Изъ вошедшихъ въ поддѣйшія изданія стихотвореній Некрасова здѣсь помѣщено только одно «Передъ дождемъ». Книга украшена массою карриатурныхъ политинажей. Некрасовъ самъ уже является издателемъ ея, безъ участія какой-либо книгопродавческой фирмы.

Въ томъ же 1846 году былъ изданъ Некрасовымъ и третій альманахъ, известный подъ заглавіемъ «Петербургскаго сборника».

Этотъ сборникъ не имѣетъ уже ничего общаго съ предыдущими, ни по своей внѣшности, ни по своему содержанію. Тутъ уже не бросается вамъ въ глаза спекуляція, имѣть зазывающихъ предисловія. Почтенный по своимъ размѣрамъ сборникъ имѣетъ вполне солидно-литературный видъ и напоминаетъ собою толстый номеръ журнала, совершенно въ родѣ одного изъ номеровъ послѣдовавшаго за нимъ «Современника». Здѣсь вы встрѣчаете рядъ лучшихъ литературныхъ именъ того времени: Тургенева (Помѣщикъ), Искандера (Капризы и раздумье) А. Майкова, Соллогуба, Кронеберга. Начинается сборникъ «Вѣдными людьми» Достоевскаго, оканчивается «Мыслими и замѣтками о русской литературѣ» Бѣлинскаго. Самъ издатель помѣстилъ въ немъ четыре своихъ стихотворенія: «Въ дорогѣ», «Пылица», «Колыбельную пѣсню» и «Отрадно видѣть».

Практическіе совѣты Некрасова, а еще болѣе успѣхъ этихъ сборниковъ, такъ подѣйствовали на Бѣлинскаго, что и самъ онъ увлекся-было издательскою дѣятельностью и предпринялъ изданіе сборника подъ заглавіемъ «Левіаганъ». Уже было собрано много матеріалу для этого изданія, когда, лѣтомъ 1846 года, во время путешествія Бѣлинскаго по Россіи, Некрасовъ порѣшилъ купить у Плетнева нужкинскій «Современникъ», влачвшій самое жалкое существованіе. По возвращеніи изъ путешествія, Бѣлинскій такъ былъ увлеченъ новымъ предпріятіемъ Некрасова, дававшимъ возможность всему кружку Бѣлинскаго имѣть свой самостоятельный органъ, что оставилъ тотчасъ же свое на-

мѣреніе издавать «Левіаганъ» и передалъ Некрасову для первыхъ номеровъ «Современника» весь собранный для проэктировавшагося сборника матеріалъ. Съ 1847 года, «Современникъ» началъ издаваться подъ новой редакціей.

Здѣсь мы приближаемся къ факту, всѣмъ извѣстному, но до сихъ поръ мало разъясненному—размолвкѣ Некрасова съ Бѣлинскимъ и кружкомъ его изъ-за положенія Бѣлинскаго въ «Современникѣ». Принимая въ расчетъ значеніе Бѣлинскаго, какъ вообще въ литературѣ, такъ и по отношенію его къ новому журналу, друзья Бѣлинскаго ожидали, что онъ войдетъ въ журналъ полнымъ хозяиномъ его, рядомъ съ Некрасовымъ и Панаевымъ, не только въ литературномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи; но Бѣлинскій вошелъ въ журналъ лишь въ качествѣ постоянного сотрудника по критическому отдѣлу съ опредѣленною годовою платою сначала въ 7,000, а потомъ въ 10,000 р. ассигн. Это положеніе показалось имъ слишкомъ второстепеннымъ для Бѣлинскаго; они охладѣли къ новому журналу и завиди, что они будутъ смотрѣть на него, какъ на новыя «Отечественныя Записки», и будутъ посылать свои статьи безразлично въ оба журнала. Что касается до самого Бѣлинскаго, то, сколько можно судить изъ обнародованной до сихъ поръ переписки (см. Бѣлинскій, соч. А. Н. Пыпина, т. 2, гл. 9), положеніе его во всемъ этомъ недоразумѣніи было между двухъ огней. Онъ то соглашался со своими друзьями относительно ненормальности своего положенія въ «Современникѣ», писалъ рѣзкія письма о Некрасовѣ и вступалъ съ нимъ въ объясненія, то становился на сторону послѣдняго и начиналъ укорять друзей въ неправильномъ пониманіи дѣла и въ совершенно неосновательномъ охлажденіи ихъ къ «Современнику».

Не имѣя лично отъ себя ничего внести въ разъясненіе этого обстоятельства, я ограничусь только тѣмъ, что сопоставлю рядомъ взгляды на него двухъ главныхъ виновниковъ разлада—Бѣлинскаго, въ видѣ писемъ его къ Тургеневу, помѣщенныхъ въ «Воспоминаніяхъ Тургенева о Бѣлинскомъ» (см. «Вѣстникъ Европы» 1869 г. № 3), и имѣющуюся у меня въ рукахъ записку Некрасова, написанную имъ вскорѣ по обнародованіи г. Тургеневымъ этихъ писемъ. Вотъ письма Бѣлинскаго:

1) С. Петербургъ, 19-го февраля 1847 года. Получилъ отъ Кругательное письмо, но не показалъ Некрасову. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною онъ былъ не хорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласится никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя

сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можеть мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ — и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки — видно, что доволенъ мною вполне! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ обѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него — за него, а не за себя. Мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправдливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова, и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ — человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ, а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

... «Скажу, какъ новость: я, можеть быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2,500 руб. асс. Я было начисто отказался — ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство — а просить, чтобы мнѣ выдали жалованье за время отсутствія — мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ Некрасовымъ я подумалъ, что церемониться глупо. Онъ очень былъ радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшить дѣло.

2) «С. Петербургъ, 1-го марта 1847... Скажу вамъ, что я почти переимѣнилъ мое мнѣніе насчетъ источника извѣстныхъ поступковъ Некрасова. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ — а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не доросъ — а приобрести его не могъ, по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можеть быть полезенъ для иныхъ натуръ, представленныя самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло».

Вотъ что написалъ Некрасовъ подъ главнымъ впечатлѣніемъ этихъ двухъ писемъ:

«Мнѣ попался здѣсь «Вѣстникъ Европы», и я прочелъ выдержки изъ писемъ Вѣдинскаго. Прямо беру ихъ на себя, ибо
Т. ССКХХVIII.—Отд. I.

онъ для меня — не новость. Не такой былъ человекъ Бѣлинскій, чтобъ долго молчать. Помолчавъ нѣсколько дней, онъ высказалъ мнѣ горячо и болѣе рѣзко, чѣмъ въ этихъ письмахъ, свое неудовольствіе и свои сожалѣнія о внутреннемъ разрывѣ со мною и съ Панаевымъ. Можетъ быть, плодомъ этихъ объясненій и было второе письмо къ Тургеневу, въ значительной долѣ уничтожающее первое. Сопоставивъ эти два письма, останется, что «Н. дѣйствовалъ добросовѣстно, но не переходилъ той черты, гдѣ начиналась его невыгода, изъ-за принципа, до котораго онъ не доросъ». Кажется, такъ? Я останавливаюсь на этомъ. Я былъ очень блѣденъ и очень молодъ, восемь лѣтъ боролся съ нищетой, видѣлъ лицомъ въ лицу голодную смерть, въ 24 года я уже былъ надломленъ работою изъ-за куска хлѣба. Не до того мнѣ было, чтобъ жертвовать своими интересами чужимъ. Бѣлинскій это понималъ, иначе не написалъ бы въ томъ же первомъ обвиняющемъ меня письмѣ, что онъ и *теперь* меня *высоко цѣнитъ*. А во второмъ письмѣ онъ говоритъ, что почти переимѣнилъ свое мнѣніе и насчетъ *источника* моихъ поступковъ. Съ меня этого довольно. Я не знаю, исчезло-ли въ его воззрѣніи на меня впоследствии это *почти*, но отношенія наши до самой его смерти были короткія и хорошія. Я не былъ точно *идеалистъ* (иначе прежде всего не взялся бы за журналъ, требующій практическихъ качествъ), еще менѣе былъ я равенъ ему по развитію; ему могло быть скучно со мною, но помню, что онъ всегда былъ радъ моему приходу. Отношенія его ко мнѣ до самой смерти сохраняли тотъ характеръ, какой имѣли въ началѣ. Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ богата одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держался его бесѣды со мною, имѣвшія для меня значеніе поученія¹. Несмотря на сильный по тому времени успѣхъ «Современника» въ первомъ году, мы понесли отъ перваго года 10,000 убытка (въ 1-мъ году «Современникъ» имѣлъ 2000 подписчиковъ); денежныя заботы, необходимость много работать (всѣ, такъ сказать, черновыя работы по журналу: чтеніе и исправленіе рукописей, а также и добываніе ихъ, чтеніе корректуръ, объясненіе съ цензорами, восстановленіе смысла и связи статей послѣ ихъ карандашей лежали на мнѣ; да я еще писалъ рецензіи и фальшетоны, все это, а также и послѣдовавшія съ февраля 1848 года цензурныя гоненія, сопровождавшіяся крайней шаткостью почвы подъ

¹ Далѣе вычеркнуты Некрасовымъ слѣдующія строки: онъ лопнулъ меня часто на словахъ — и одно слово давало ему поводъ высказать мнѣ многое, что было для меня и ново, и полезно.

водами каждаго причастнаго тогда къ литературѣ — довело мое здоровье до такого расстройства, что Вѣлинскій часто говаривалъ, что я немногомъ лучше его. Вѣлинскій вообще зналъ мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говаривалъ мнѣ: «Что вы съ собой дѣлаете, Некрасовъ? смотрите! берегитесь! иначе съ вами тоже будетъ, что со мною». При этомъ въ его умирающихъ глазахъ я уловилъ однажды выраженіе, которое не умѣю иначе истолковать, какъ тою любовью, о которой упоминается въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о потерянной мною. Въ этомъ взглядѣ была еще глубокая скорбь. Впослѣдствіи я узналъ отъ общихъ нашихъ друзей, что въ близкой моей смерти онъ былъ убѣжденъ положительно. Припоминая и тысячу разъ передумывая, я прихожу къ убѣжденію, что главная моя вина въ томъ, что я дѣйствительно не умеръ вскорѣ за ними, но за эту вину я готовъ выносить не только клеветы г. А., но и тѣнкіе намеки г. Т., которые онъ хитро старается свѣрнуть авторитетомъ Вѣлинскаго».

Чтобы вполне ясно представить себѣ нравственный міръ Некрасова въ эту эпоху, въ которую онъ является передъ нами окончательно сформированнымъ человѣкомъ, надо обратить вниманіе прежде всего на общее состояніе нравственныхъ идеаловъ въ это время, а потомъ мы увидимъ, какъ ясно эти общіе идеалы отразились въ одномъ изъ тогдашнихъ произведеній Некрасова, весьма важномъ въ этомъ отношеніи.

Въ эту эпоху на Западѣ бродили новыя политико-экономическія ученія, которыя представляли себѣ насущный вопросъ дня, обуславливая собою, какъ общественные, такъ и индивидуальныя нравственные идеалы, но въ нашей жизни эти ученія, если и усваивались нѣкоторыми наиболее передовыми и начитанными людьми, то оставались въ отвлеченной сферѣ науки, безъ малѣйшаго примѣненія не только къ общественнымъ интересамъ, но и къ личному поведенію. Но этого мало, что люди, увлекавшіеся мечтами объ осуществленіи въ отдаленномъ будущемъ теорій всеобщаго благосостоянія — въ настоящемъ продолжали руководствоваться рутинною практикою жизни: передъ умственными очами ихъ носились такіе нравственные идеалы, которые, не имѣя ничего общаго съ новыми политико-экономическими ученіями, тѣмъ не менѣе увлекали людей, въ свою очередь, какъ нѣчто новое и прогрессивное. Это обуславливалось тѣмъ, что Россія въ эту эпоху доживала свой патріархально-крѣпостной складъ жизни. Съ каждымъ днемъ онъ чувствовался все болѣе и болѣе невыносимымъ. Это было положеніе нѣсколько аналогичное съ положеніемъ Франціи во вторую половину прошедшаго

*

стаблѣтя, которая, въ свою очередь, въ то время доживала феодальный періодъ. И, подобно тому, какъ во Франціи, въ оппозицію феодально-версальской распущенности нравовъ, явились новые буржуазныя идеалы бережливости, скупидомства, семейной чистоты и наживы путемъ индивидуальнаго труда или честной промышленности, тоже самое было въ это время и у насъ. У насъ подобныя идеалы развились тѣмъ быстрее, что передъ нашими глазами былъ уже готовый образецъ ихъ на Западѣ, гдѣ въ это время буржуазный строй достигъ апогея своего владычества и поражалъ насъ своими успѣхами промышленности, представляя бросающуюся въ глаза противоположность съ сонною неподвижностью и апатіею помѣщичьей жизни, день ото дня клонившейся къ полному раззоренію. Въ силу этого, въ литературѣ нашей и начали появляться типы практическихъ Адушыхъ, энергическихъ Штольцевъ, предприимчивыхъ помѣщиковъ и купцовъ на манеръ англійскихъ пропріетеровъ и негоціантовъ — въ противоположность изнѣженнымъ, распущеннымъ, непрактичнымъ и лѣнливо-соннымъ обитателямъ Обломовоку.

Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о томъ, успѣлъ-ли усвоить Некрасовъ въ то время, когда вращался въ кружкѣ Бѣлинскаго, тѣ новыя политико-экономическія идеи, которыми до нѣкоторой степени увлекался теоретически кружокъ, и насколько могъ онъ ихъ усвоить, но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что онъ былъ въ это время всецѣло увлеченъ тѣми нравственными идеалами, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Объ этомъ мы можемъ судить по роману его «Три страны свѣта», который, въ цѣломъ своемъ составѣ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ апоэозъ честной наживы путемъ энергической, практической предприимчивости. На первыхъ же страницахъ этого романа рисуется передъ нами герой его Каютинъ въ видѣ интеллигентнаго пролетарія, во образѣ котораго Некрасовъ вспоминаетъ свою молодость. Каютинъ, подобно автору, вышелъ изъ помѣщичьей среды. «Отецъ его промотался; на послѣднія деньги отправилъ сына въ Петербургъ къ старому сослуживцу съ просьбою опредѣлить мальчика въ дворянскій полкъ. Съ тѣхъ поръ Каютинъ не видалъ своего отца и своей родины. Старикъ скоро умеръ. Его деревню, проданную съ публичнаго торга, купилъ родственникъ покойнаго, приходившійся дядею нашему герою по матери. Поступить въ дворянскій полкъ возможности не представилось, за что Каютинъ, нечувствовавшій призванія къ военной службѣ, востановителю горячо возблагодарилъ судьбу. Его отдали въ гимназію. За него платилъ дядя. Каютинъ никогда не отличался особенными прилежаніемъ, но, начиная понимать свое положеніе, учился та-

столько хорошо, что выдержала экзаменъ въ университетѣ. Около того времени дядя, человекъ причудливый, рѣшительно отказался давать ему содержаніе. Каютино сталъ жить уроками, причѣмъ имѣлъ удовольствіе убедиться собственнымъ опытомъ, какъ трудно и подъ часъ юреку хлѣбъ, добываемый продажей своею времени въ томъ періодѣ жизни, который нуженъ человеку на собственное образованіе. Кончивъ курсъ, онъ пробовалъ служить, но служба требуетъ труда упорнаго и непрерывнаго, а Каютину хотѣлось жить. Отъ не всегда являлся аккуратно къ своей должности и подвергался выговорамъ. Тутъ примѣшались дѣла, которыя называютъ сердечными—Каютинъ сошелся съ Полиньюкой (бѣдной швеей—сиротой) и горячо полюбилъ ее: аккуратно ходить на службу не оказавось уже никакой возможности. Каютинъ вышелъ въ отставку и возвратился къ урокамъ, проводя все остальное время у своей невѣсты...

Въ началѣ романа мы находимъ его въ страшной нищетѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполнѣ олицетворяетъ собою типъ, выросшій на почвѣ крѣпостнаго строя жизни. Онъ добръ, великодушенъ, никакая обида и неприятность долго не застается въ немъ, и потому она вѣчно сохраняетъ веселое настроеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ—онъ лѣнивъ, вѣтренъ, безпеченъ. Хозяинъ выставляетъ у него раму за неплатежъ квартирныхъ денегъ, а онъ, возвращаясь поздно домой съ нѣжной пиружки, не замѣчаетъ этого, ложится спать въ комнату, продуваемой осеннимъ вѣтромъ, и у него ночью крадутъ послѣднее платье. Отправляясь искать счастья по бѣлу свѣту на послѣдніа трудовыя деньги, занятая у Полиньюки, онъ проигрываетъ эти деньги въ карты на одной изъ станцій, какимъ-то незнакомымъ совѣтъ людямъ и вслѣдъ затѣмъ, самовольно завладѣвая ружьемъ смотрителя станцій, отправляется на озеро бить утокъ, затѣмъ попадаетъ на помѣщичью свадьбу и влюбляетъ въ себя невѣсту и т. д.

Размышляя съ Полиньюкой о своемъ печальномъ положеніи, Каютинъ додумывается до слѣдующихъ мыслей, составляющихъ весь узелъ романа:

— Въ Петербургѣ тебѣ нельзя работать, а въ провинціи дѣлать нечего, сказала Полиньюка.

— Нечего! воскликнулъ Каютинъ.—Какъ, нечего? Напротивъ, тамъ-то и работа нашему брату! Недаромъ говорятъ, продолжалъ онъ съ шутивою торжественностью:—что отечество наше велико и обильно! Въ разнообразной производительности нашихъ лѣсовъ и горъ, земель и необъятныхъ рѣкъ скрываются неисчерпаемые источники богатствъ, неразработанные, нетронутые! Нужно только

ужьине, да твердая, желѣзная воля... Бывають же пригѣри и у насъ, что человѣкъ, нежившій гроша, черезъ десять-двадцать лѣтъ ворочаетъ сотнями тысячъ; а отчего? онъ отказывается себѣ во всемъ, отказывается отъ всего... обрекаетъ себя на беспроточную разлуку съ роднымъ угломъ, съ дѣтками, со всѣмъ дорогимъ его сердцу... Съ опасностью жизни переживаетъ онъ огренины пространства на плоту, на дрянной баржѣ, мерзнетъ, мокнетъ, питается Богъ знаетъ чѣмъ, и надежда выгодно сбыть дрова, получить гривну на рубль за доставку чужаго хлѣба подкрѣпляетъ и одушевляетъ его въ долгомъ, скучномъ и опасномъ плаваніи. Только успѣлъ онъ вздохнуть спокойно, почувствовать подъ ногами твердую землю, какъ новый выгодный оборотъ увлекаетъ его часто на совершенно-противуположный конецъ нашего необъятнаго царства. И вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже мчится на оленяхъ по унылой и однообразной тундрѣ, покупаетъ, вышѣнчиваетъ у дикарей звѣриныя шкуры, братается съ ними... А черезъ годъ, ему, можетъ быть, придется быть въ Сибири... Тамъ опять борьба, лишения, вѣчный страхъ и вѣчная, неумирающая надежда... Вотъ какъ куются денежки, Поленья! «О счастье!» говоримъ мы, когда такой человѣкъ воротится къ намъ съ милльонами. А многіе безъ дальнихъ справокъ просто пошалають его въ плуты... *Не вся наживаются плутнями и тщательно никто не наживался безъ долата, упрямая, самоотверженнаго труда... Но мы блѣноручки: мы ждемъ, чтобы деньги сами пришли къ намъ, упали съ неба... о, тогда мы радостны!*.. да притомъ естъ мы большіе господа: если мы не служимъ, такъ намъ давай, по крайней мѣрѣ, званіе профессора, литератора, артиста... Званіе артиста конекъ нашъ, — а купецъ, подрядчикъ, промышленникъ... намъ обидно и подумать! Какъ будто быть дѣлательнымъ купцомъ не почетнее и не полезнее, чѣмъ ничего не дѣлающимъ кулякой, каковъ я, напримеръ... а, не правда ли, Поленья?

«— Ну, ты еще будешь дѣлать, отвѣчала она.— Вѣдь ты годъ только какъ вышелъ изъ университета: когда же тебѣ...

«— И еще надо взять въ расчетъ, началъ Кавтінъ, увлеченный своимъ мыслію: — что люди, пускающіеся у насъ въ такіе отважные промыслы, всѣ они безъ образованія, даже часто безъ свѣдѣній, необходимыхъ въ томъ дѣлѣ, которому они посвящаютъ себя. Врожденный умъ, инстинктъ—скорѣе: желѣзная настойчивость, постепенно приобретаемый опытъ, русская сметливость, да русское авось—вотъ единственные ихъ руководители... Чтѣ же можетъ сдѣлать человѣкъ, у котораго при доброй волѣ, трудолюбіи, настойчивости и умѣ, разумѣется, естъ еще свѣдѣній?... Я

чить, продолжать Каютина, одушевляясь болѣе и болѣе и начиная скорыми шагами ходить по комнатамъ:—нѣкотора свѣдѣнія въ механикѣ, въ горномъ искусствѣ... водные пути сообщенія были всегда предметомъ особенныхъ моихъ заботъ...

«— Поѣзжай въ провинцію! тѣко и нервнительно сазала Полинъка».

Вслѣдствіе этого разговора Каютина и отправился въ провинцію сколачивать конейку торговлю. Послѣ долгихъ странствій по тремъ странамъ свѣта, всевозможныхъ мытарствъ, неудачъ, опасностей и разнообразныхъ столкновеній со всевозможнаго рода людьми Каютина прибылъ въ Петербургъ совершенно перерожденнымъ: изъ сонливаго шелопая и бѣгоручки онъ превратился въ предприимчиваго, энергическаго и пракческаго дѣльца и привезъ своей Полинъкѣ нѣсколько сотенъ тысячъ, которыя сдѣлали ее счастливою.

Деланіе подобнаго рода буржуазныхъ идеаловъ въ ту эпоху не только не мѣшало любви и сочувствію къ народу; но даже обѣ вещи казались вполне солидарными другъ съ другомъ и выходящими одна изъ другой. Здѣсь, опять-таки для яснаго представленія себѣ этой кажущейся несообразности, мы можемъ обратиться къ вышеприведенной аналогіи: подобно тому, какъ во Франціи, въ прошломъ столѣтіи, люди, глубоко проникнутые стремленіями улучшить участь народа, воображали, что стѣять только справиться съ феодализмомъ и народъ тотчасъ же процвѣтетъ, вслѣдствіе одного того, что каждому будутъ дарованы право и свобода наживаться честнымъ трудомъ по тому или другому промыслу, такъ точно и у насъ, рассуждало большинство интеллигентныхъ людей до крымской кампаніи: отрицалось одно заблужденіе крестьянскаго хлѣба на почвѣ крѣпостнаго права, и въ этомъ одномъ видѣлось все зло, при чемъ думали, что, стѣшло только освободить народъ отъ крѣпостной зависимости, и ничто не помѣшаетъ ему наживаться въволюшку, мирно эксплуатирова богатства роднаго края.

На такой точкѣ зрѣнія стоялъ и Некрасовъ, когда писалъ свои «Три страны свѣта». Но было бы совершенно ошибочно предпологать, чтобы однимъ идеаломъ узкаго прагматизма весь исчерпывался этотъ человекъ. Въ тѣхъ же «Трехъ странахъ свѣта», во второй томъ ихъ, въ дневникѣ Каютина, мы видимъ нѣсколько какъ бы случайно брошенныхъ взглядовъ на русскаго крестьянина, взглядовъ, глубоко прочувствованныхъ и весьма многозначительныхъ, которые совершенно выходятъ изъ рамокъ того времени, въ которыхъ были высказаны, и не теряютъ своей современности до сегодня. Взгляды эти показываютъ намъ

все богатство и многостороннюю сложность натуры Некрасова. Вот эти взгляды:

«Въ моихъ страствованіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ едва была у меня отрада, безъ которой, можетъ быть, я не вынесъ бы своей тяжелой раны. Не зналъ я русскаго крестьянина; готовыя истины были въ основѣ моего о немъ мнѣнія. Какъ всѣ мы, изъяснялъ я каждый поступокъ его по внѣшности факта, а еще чаще старался удалиться такихъ мыслей, также какъ и столкновений съ простымъ классомъ»

«Но необходимость свела меня съ нимъ, скука и общая доля сблизила; познакомился и породнился я съ русскимъ крестьяниномъ... среди моря, гдѣ равно каждому не разъ грозила смерть, въ свѣжыхъ степяхъ, гдѣ отогрѣвали мы другъ друга рукопашной борьбой, а подъ часъ и дыханьемъ, въ сырой и тѣсной избѣ, гдѣ голодные и холодные жались мы другъ къ другу, шестьдесятъ дней не вида солнца Божьяго...

«Трудень доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство; глубоко запратываетъ въ душу тяжелую вручину. (Ошибается тотъ, кто иначе думаетъ, кто, побродивъ по базару въ праздничный день, увидавъ дѣй-три деревенскія сходки, поговоривъ, хоть и за чаркой, съ нѣсколькими мужиками, думаетъ знать всю ихъ подноготную... Жалокъ такой наблюдатель! Нѣтъ, сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи, и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говорить онъ тебѣ свою подноготную... Погоди, она у самого у него неясна, а ты не на столько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него выслылась, облеклась въ слово... Ты самъ скоро убѣдишься, что не поймалъ еще истины, когда заметишь, что черезъ день онъ уже говоритъ не то, съ полнымъ равнодушіемъ, которое такъ часто тебя обманывало, приводя къ ложнымъ и неостраднымъ выводамъ! Будешь говорить ты съ нимъ еще разъ, узнаешь больше, услышишь много опять новаго, но и тутъ часто не то еще, чего ищешь...) Будь простъ и добръ, а главное — будь искрененъ, спрячь подальше чувство собственного превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отношеніяхъ, да еще не показывая, что ты стараешься подъ него подладиться, и тогда только можешь ждать его искренности...

«И тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія, а что, главное, въ немъ много ироніи, ироніи дѣльной и

мѣтвой, которая уже можетъ быть давно твою собственную особу пустяка ходячей притчей по всему околотку...

«Ни въ комъ, кромѣ русскаго крестьянина, не встрѣчалъ я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсутствіи хвастовства (замѣтите, черта важная!) и, опять повторяю, такой удивительной насмѣшливости (Эти черны-ушлыи мажогворять въ пользу его?)»

«Я много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его знаю. А кто, подобно многимъ нашимъ юношамъ, послѣ обычной «жажды дѣлъ», внаглъ въ апатію и сидеть, сложа руки, кого тревожатъ (свѣтлическія) мысли, безотрадными, безвыходными, тому совѣтую я, подобно мнѣ, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всякихъ людей, посмотрѣть всякихъ видовъ...

«Въ столкновеніи съ народомъ, онъ увидитъ, что много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ, увидитъ, что все идетъ впередъ. (Можетъ быть иначе, чѣмъ думали кабинетные теоретики, но совершенно согласно съ характеромъ народнымъ, съ его судьбами, древними и настоящими, и съ неизмѣннымъ закономъ историческимъ.) Увидитъ въ устыдится своего бездѣйствія (своего свѣтличества) и самъ, какъ русскій человекъ, разохотится, раскочуетъ: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитія, славы и процвѣтанія русскаго народа»...

Вотъ что думалъ Некрасовъ въ моментъ смерти Бѣлинскаго въ первые годы изданія «Современника».

Здѣсь, кстати, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ о беллетристичкѣ, такъ и вообще о прозѣ Некрасова. Изъ беллетристическихъ произведеній Некрасова извѣстны: «Опытная женщина», повѣсть, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 года, «Необыкновенный завтракъ», «Отеч. Зап.» 1843 г., «Петербургскіе углы» въ «Физиологѣ Петербурга» 1846 г., «Три страны свѣта», «Современникъ» 1848—1849 г., «Новообрѣтенная привилегированная краска Дирлинга и К^о», «Совр.» 1850 г., «Мертвое озеро» «Совр.» 1851 г., «Тонкій человекъ» «Совр.» 1855 г.» Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Некрасовъ является полнымъ приверженцемъ натуральной школы. Во многихъ мѣстахъ онъ впадаетъ въ явное подражаніе Гоголю, какъ относительно его юмора, такъ и манеры изображенія пошлости преимущественно въ мелочахъ обиденной жизни. Такъ, напримѣръ, «Новообрѣтенная привилегированная краска» очень напоминаетъ собою «Невскій проспектъ» Гоголя. Сюжетъ этой повѣсти заключается въ томъ, что петербургскій шалопай, въ родѣ поручика

Пирогова, волочится за женою красавицы Дирлинга, а тотъ подбываетъ это и жестоко мститъ ему тѣмъ, что выкраивается его физиономію своею нелицею краской и ставитъ его въ весьма несправдливое положеніе передъ невѣстой, за которую герой считается. Въ тоже время, въ беллетристикѣ Некрасова преобладаютъ конкретный, фотографическій элементъ. Большинство характеровъ и даже сюжетовъ взяты непосредственно изъ действительности. Изъ этого не исключается даже и такой сложный по составу и мѣстами сказочный романъ, какъ «Три страны свѣта», написанный на манеръ французскихъ романовъ школы Евгения Сю. Въ романѣ этомъ вы найдете не мало живыхъ чертъ тогдашней петербургской жизни. Такъ, на примѣръ, всѣ подробности о книгопродавческой фирмѣ Кирпичева и Ко представляются фотографическими снимками съ одной изъ извѣстнѣйшихъ въ то время книгопродавческихъ фирмъ.

Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что о двухъ большихъ романахъ, написанныхъ Некрасовымъ вмѣстѣ съ г-жею Панаевой (Станицкимъ) — т. е. «Трехъ странахъ свѣта» и «Мертвое озеро» — появилось въ послѣднее время совершенно ложное извѣстіе въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ г. Незнакомца, написанныхъ якобы со словъ покойнаго. «Онъ рассказывалъ мнѣ, сообщаетъ г. Незнакомецъ: — какъ писались, на примѣръ, романы «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро». — У меня въ кабинетѣ было нѣсколько конторокъ. Бывало, зайдетъ Григорьевичъ, Дружининъ и др., а сейчасъ въ нихъ: станowitz и пишете что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева».

По свидѣтельству-же г-жи Авд. Як. Головачовой (бывшей Панаевой) дѣло было не такъ: сначала Н. А. Некрасовъ съ г-жею Панаевой составляли общими совѣщаніями сюжеты романовъ, а потомъ распредѣляли, какому кому изъ нихъ писать главу, и нѣкакое третье лицо не принимало въ этихъ работахъ ни малѣйшаго участія. Г-жа Головачова была столь любезна, что снабдила меня томомъ «Трехъ странъ свѣта», въ которомъ собственною ея рукою обозначено, что было написано ею, и что Некрасовымъ. Изъ этихъ отмѣтокъ видно, что все, касающееся интриги и вообще любовной части романа, принадлежитъ перу г-жи Панаевой; Некрасовъ же на свою долю избралъ детальную, аксессуарную часть, комическія сцены, чертъ современной жизни и описаніе путешествій Каютина. Затѣмъ, если въ романѣ участвовало третье лицо, то оно пародируетъ въ видѣ какого-то купца, который рассказывалъ Некрасову во всѣхъ подробностяхъ, какъ проводить барки черезъ боровицкіе пороги. Руководствуясь этимъ

рассказомъ; Некрасовъ совсѣмъ передѣлалъ 6-ю главу 4-й части романа, такъ какъ онъ никогда не былъ на боровицкихъ порогахъ и описалъ несомнѣнно вѣрно крушеніе барокъ Кавтина. Затѣмъ, лишь г. Григоровичъ сдѣлалъ-было попытку написать одну изъ главъ романа, но ландшафтная новелла г. Григоровича оказалась неподходящею въ духу и характеру романа: г. Григоровичъ, по свидѣтельству г-жи Панаевой, всю главу посвятилъ описанію лунной ночи; глава эта такъ и не вошла въ романъ, и затѣмъ г. Григоровичъ болѣе ничего для романа не писалъ.

Что же касается «Мертваго озера», то Некрасову принадлежитъ въ немъ лишь одна сюжетъ, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ г-жею Панаевой, и много что двѣ-три главы. А затѣмъ Некрасовъ захворалъ, слегъ въ постель и рѣшительно отказался продолжать романъ. Такимъ образомъ, «Мертвое озеро» почти всецѣло принадлежитъ перу г-жи Панаевой.

Что касается до прѣвы Некрасова въ истинномъ смыслѣ этого слова, то вся она состоитъ изъ критики, рецензій, журналистики, фельетоновъ, носившихъ въ то время характеристическое названіе «смѣси» и т. п. Какъ на болѣе выдающіяся и позднѣйшія его критическія статьи, мы можемъ указать на «Журнальныя замѣтки» въ «Современникѣ» 1856 года, которыя онъ писалъ по случаю уѣзда за границу И. Панаева, завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ. Статьи эти можно легко отличить по тому, что всѣ онѣ начинаются со словъ «читатель». (На это отличие есть письменное указаніе въ бумагахъ Некрасова).

Какъ критикъ, Некрасовъ является защитникомъ «натуральной школы» отъ различныхъ нападокъ на нее какъ въ московской, такъ и въ петербургской прессѣ, и вообще, не вводя ничего новаго, онъ твердо придерживается идей Бѣлинскаго. Тонъ его рецензій и журнальныхъ обзоровъ отличается бросающеюся въ глаза благодушною мягкостью и отсутствіемъ всякаго полемическаго задора. Каждою писателя онъ, прежде чѣмъ выразитъ свое несогласіе съ нимъ, старается осыпать лестными похвалами, въ каждой разбираемой вещи старается открыть свои хорошія стороны и достоинства. Трудно объяснить причину подобнаго слейнаго характера его критическихъ замѣтокъ: происходилъ ли онъ вслѣдствіи цензурныхъ условій того времени, когда малѣйшій задорный, рѣзкій тонъ, хотя бы не заключавшій въ себѣ ни малѣйшаго слѣда чего-либо политическаго, возбуждалъ уже подозрѣнія цензуры, какъ вѣчто нарушающее мирное настроеніе общества и благочиніе. Или это завсѣмъ отъ того, что въ то время количество литературныхъ смѣлъ было еще

крайне ограничено, всѣ литераторы, болѣе или менѣе знакомые между собою, не раздѣлялись еще на такіе непримиримо враждебные лагеря, какъ впоследствии, а напротивъ того, сближались общими тяжелыми условіями ихъ положенія, и, вѣнецъ, въ рѣдкомъ изъ нихъ Некрасовъ не подозрѣвалъ человѣка, который завтра-же могъ пригодиться въ качествѣ сотрудника «Современника»; такъ что здѣсь руководилъ Некрасовымъ особенный тактъ журналиста, хотя, конечно, мягкость некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Некрасова находится слѣдующая замѣтка, записанная сестрою покойнаго съ его словъ. Дѣло идетъ о началѣ знакомства Некрасова съ Вѣлинскимъ, когда Некрасовъ не былъ еще издателемъ журнала. Онъ написалъ въ то время рецензію на романъ Загоскина въ какой-то газетѣ. Позже, когда Вѣлинскій познакомился съ Некрасовымъ, онъ сказалъ ему:

— Вы вѣрно смотрите, но зачѣмъ вы расхвалили Ольгу?

— Нельзя, говорятъ, ругать все сплошь, отвѣчалъ Некрасовъ.

— Надо ругать все, что не хорошо, Некрасовъ, возразилъ Вѣлинскій:— нужна одна правда!

Журнальную дѣятельность Некрасова, начиная съ основанія «Современника», можно раздѣлить на три періода: первый періодъ отъ 1847 по 1856 годъ—представляется самой мрачной эпохой, какъ въ его журнальной дѣятельности, такъ и вообще въ жизни. Вѣлинскій умеръ въ 1848 году. Наступилъ періодъ самой мрачной реакціи, ударившейся въ панику подъ впечатлѣніемъ европейскихъ событій 1848 года. Журналъ все это время висѣлъ на волоскѣ, безъ денегъ, безъ подписчиковъ, подъ непрерывнымъ Дамокловымъ мечемъ цензуры. До какой степени доходила въ то время строгость цензуры, можно судить по «Иллюстрированному альманаху», который издатели «Современника» обѣщали выдать своимъ подписчикамъ въ приложеніи къ журналу въ 1848 году. Альманахъ этотъ предполагался въ видѣ уѣдѣстаго тома, въ родѣ «Петербургскаго Сборника», но онъ таялъ, таялъ и достигъ до 7½ печатныхъ листовъ, но и въ такомъ тощемъ видѣ онъ все-таки не былъ выпущенъ, и подписчики были такимъ образомъ невольнo обмануты. Между тѣмъ онъ заключалъ въ себѣ все такіе вещи, которыя впоследствии безъ малѣйшаго затрудненія были напечатаны въ разныхъ журналахъ: «Семейство Тальниковыхъ» Станицкаго, «Лола Монтез» Дружинина, «Смотрини и рукобиты» В. Дала, «Встрѣча на станціи» И. Панаева, «Старушка» Майкова, «Заборовъ» Гребенки и проч. Вся бѣда была въ томъ, что большинство этихъ

произведеній принадлежало къ натуральной шизофи, въ которой въ то время видѣли все зло и положили по возможности истребить ее съ корнемъ.

Съ 1853 года похиженіе «Современника» сдѣлалось еще болѣе критическимъ: началась война и еще болѣе убавила число подписчиковъ и безъ того довольно скудное; однимъ было не до чтенія журналовъ въ это мрачное время, другіе предпочли журналу газету. Въ 1856 году Некрасовъ предпринялъ было изданіе своихъ стихотвореній, но изданіе это было безусловно запрещено. Къ этому ко всему присоединилась тяжелая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ частію ненормальной жизни въ молодости, частію неустанной, изнурительной работы, такъ какъ въ это время весь журналъ лежалъ на его плечахъ. Это была упорная, неподдававшаяся никакимъ леченіямъ болѣзнь горловыхъ органовъ. Лучшіе доктора русскіе и иностранные опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбѣжной смерти. Видя передъ собою приближеніе могилы, поэтъ, какъ это было и послѣдствіемъ лѣтъ черезъ двадцать, началъ писать свои послѣднія пѣсни:

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде мѣла, ностальги
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ —
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищеть овъ отрады маюдушной,
Я вижу все. . . А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь.
Но поздно!.. и т. д.

Въ сущности же, было не только не поздно, но, напротивъ того, рано: настоящая дѣятельность Некрасова, наиболѣе благотворная и широкая, предстояла ему еще впереди. Какъ ни мрачны были тучи, со всѣхъ сторонъ сгустившіяся надъ его головою, и какъ ни казалось, что и конца имъ не будетъ и что ждетъ впереди одна неминуемая гибель, но вдругъ повѣяло отраднѣмъ тепломъ, тучи разсѣялись, засіяло солнышко, бури какъ не бывало, и новою жизнью и энергіею преисполнился совсѣмъ было увядшій поэтъ. Во первыхъ, болѣзнь вовсе не оказалась

такою смертельною, какъ предрекли ученые эскулапы. Профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій опредѣлялъ ее совсѣмъ иначе и предписалъ сообразно своему опредѣленію леченіе, идущее въ полный разрѣзъ со всѣми живыми знаменитостями, и выдѣловленіе Некрасова, тщетно проведеннаго передъ тѣмъ зиму въ Римѣ и заблужденнаго тамъ немилосердно въ холодныхъ стѣлахъ, пошло такъ быстро, что вскорѣ отъ минимой чахотки не осталось слѣда, кромѣ небольшой фистулы въ горлѣ. А затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. «Современникъ» ожилъ: къ нему начали приливать новыя могучія литературныя силы, и количество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возрастать тысячами.

Здѣсь начинается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, который слѣдуетъ считать съ 1856 по 1866 годъ. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы отбрасываются новыми, и, подобно тому, какъ Вѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали о его прежнихъ статьяхъ, въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ неохотно потомъ вспоминалъ о грѣхахъ своей молодости въ родѣ «Трехъ странъ свѣта». Это просвѣтленіе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ поэта горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ подлости, насилия, рабства и всяческаго угнетенія онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя въ широкомъ и глубокомъ, но вполне опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Морозъ-красный носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестыянскія дѣти» и проч. Въ то же время не перестаетъ онъ принимать горячее участіе и въ издаціи журнала: и своимъ руководительствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и наконецъ личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи «Свистка» къ «Современнику». Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки сатирическая газета «Diritto» (Свистокъ) и, подъ впечатленіемъ ея, онъ вознамѣрился завести «Свистокъ» при «Современникѣ». Въ «Свисткѣ» этою было помѣщено немало его сатирическихъ куплетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ приложеніе ко

2-й части полного собранія его сочиненій. Между прочимъ, ему принадлежитъ «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», приписанная Добролюбову и напечатанная въ IV томѣ сочиненій Добролюбова (см. стр. 518, изд. 1871 г.). Добролюбовъ написалъ лишь одинъ примѣчаніе въ этия куплеты. Въ тоже время, и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха «Современника», Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было, наконецъ, ему разрѣшено въ 1860 году, вслѣдствіе ходатайства графа А. В. А. По этому поводу въ бумагахъ Некрасова находится слѣдующаго рода собственноручная его записка:

«Великая моя благодарность графу А. В. А., онъ много сдѣлалъ для меня, выхлопотавъ въ 60 году позволеніе на изданіе моихъ стихотвореній, что запретилъ Норовъ въ 1856 году. Это дало мнѣ до 150,000. Желаю, чтобы это было напечатано послѣ моей смерти. Н. Некрасовъ».

Прекращеніемъ «Современника», въ 1866 году, кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, и за нимъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ «Отечественныхъ Записокъ», и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, Некрасовъ былъ все также дѣятеленъ и бодръ духомъ, талантъ его стоялъ все на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, неуступающихъ прежнимъ—каковы: «Русскія женщины». «Кому на Руси жить хорошо» и проч.; но въ то же время физическія силы начали измѣнять ему, съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, а въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихваривать.

Жизнь въ послѣдніе годы велъ онъ довольно однообразную. Зимы проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейной, въ домѣ Краевского, въ которой онъ прожилъ лѣтъ двадцать. Зимой писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ Ярославское имѣніе послѣдняго, или же въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ-то обыкновенно, среди сельской обстановки и природы, и возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, онъ не привозилъ чего-либо новаго, что читалъ обыкновенно друзьямъ и обрабатывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его

творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ. Объ этомъ предметѣ вотъ какія свѣдѣнія сообщала сестра покойнаго:

«Братъ мой всю жизнь любилъ охоту съ ружьемъ и лагавой собакой. Десяти лѣтъ, онъ убилъ утку на Пчельскомъ озерѣ. Былъ октябрь; окраины озера уже заволокло льдомъ; собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за уткой и досталъ ее. Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвалило. Отецъ бралъ его на свою псовую охоту, но онъ не любилъ ея. Приучилъ его къ верховой ѣздѣ очень оригинально и не особенно нѣжно. Онъ самъ рассказывалъ, что однажды восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Дѣло было зимой — мягко. Зато послѣ всей жизни онъ не боялся никакой лошади и смѣло садился на влчуху и на бѣшеннаго жеребца. Но ѣздить любилъ шагомъ и хорошо стрѣлялъ съ лошади.

«По мѣрѣ того, какъ средства его росли и онъ дѣлался самостоятельнымъ, онъ придавалъ охотѣ своей характеръ, по своему вкусу и своимъ планамъ. Охота была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто периодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило подавали въ крыльцу простую телегу, которую нагружали провизіей и порохомъ. Затѣмъ, вечеромъ, или рано утромъ на другой день, братъ отправлялся самъ въ легкомъ экипажѣ съ любимой собакой, рѣдко съ товарищемъ. Товарища на охотѣ братъ не любилъ. Онъ пропадалъ на нѣсколько дней, иногда недѣлю и болѣе. По рассказамъ, происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы — мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. Поѣздъ, сперва изъ двухъ троекъ, доходилъ до пяти, брались почтовые лошади, ибо братъ собиралъ своихъ провожатыхъ и уже не отпускалъ ихъ до извѣстнаго пункта.

«По окончаніи утренней охоты, выбиралось удобное мѣсто; братъ со всей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива — братъ слушалъ, или нѣтъ, это — его дѣло.

«Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за *Коробейниковъ*, которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня и явились «Крестьян-

скія дѣти». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно выдумать форму этой идеи? Этотъ сарай съ цвѣтными глазами:

Чу! шепотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрое, каріе, синіе глазки—
Отъшались, какъ въ ногѣ дѣтны... и проч.

«Орина мать солдатская сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крикъ, чтобы поговорить съ нею; а то боялся сфальшивить. Одно стихотвореніе, о которомъ сожалѣлъ, что не написалъ его, это — *эпитафія*. Съ однимъ изъ своихъ друзей-охотниковъ, онъ однажды переходилъ кладбище. Гаврило рассказывалъ ему о покойникахъ, могилы которыхъ обращали на себя вниманіе брата. Я помню только эпитафію:

Зимой игралъ въ картишки
Въ усадномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ гудя,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ воды и простуды.

«На зимней охотѣ съ нимъ, однажды, былъ казусъ. Онъ набралъ до восьмидесяти человекъ и ѣхалъ на медвѣдя. Мужики шли впереди. Увидалъ братъ зарево пожара и всю свою команду повернулъ отъ медвѣдя туда. Деревню спасли, но охота на тотъ день пропала. Мужики не жалѣли медвѣдя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдалъ. Надували его мужики много, но часто поступали съ нимъ честно. Кругъ его лѣтней охоты—луга смежныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Владимірской. Онъ ихъ хорошо зналъ, и большая часть его типовъ принадлежитъ Средней Россіи. Память у него была удивительная; онъ записывалъ *однимъ словечкомъ* цѣлый рассказъ и помнилъ его всю жизнь по одному записанному слову. При работѣ, тетради эти съ непонятными никому отиѣтками были передъ его глазами».

Первые признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу, появились уже въ началѣ 1875 года, но Некрасовъ перемогался больше года, продолжая вести прежнюю жизнь и не обращая особеннаго вниманія на болѣзнь, которую приписывалъ геморроидальнымъ припадкамъ, и былъ увѣренъ, что они не представляютъ никакой серьезной опасности. Но къ веснѣ 1876 года, болѣзнь

начала заявлять себя такъ сильно и мучительно, что требо-
вала уже серьёзнаго леченія. Лѣто провелъ Некрасовъ въ Чу-
довѣ, въ упорной борьбѣ со своею болѣзнію, а осенью долженъ
былъ ѣхать въ Крымъ, сильно уже ослабѣвшій и изнемогшій.
Воротился онъ изъ Крыма, гдѣ пользовалъ его Боткинъ, зимовъ
въ Петербургъ — и уже почти не вставалъ съ постели, изрѣдка
только прогуливался по комнатамъ. Жестокія нервныя боли, уве-
личивавсь день ото дня, къ веснѣ 1877 года, дошли до нестер-
пимыхъ, чисто адскихъ мукъ. Въ рѣдкія минуты успокоенія Не-
красовъ не переставалъ слѣдить за литературою и жизнію, чи-
талъ газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія пѣсни. Созна-
ніе близости смерти не покидало его еще съ осени 1876 года.
Уже тогда, вспоминая свою прежнюю болѣзнь (50 лѣ годовъ) и
сравнивая ее съ настоящей, онъ говорилъ:

— Тогда всѣ доктора въ одинъ голосъ приговорили меня къ
смерти, а у меня внутри не переставало жить убѣжденіе, что я
останусь жить, а теперь совсѣмъ наоборотъ: доктора все обна-
деживаютъ, а я убѣжденъ, что мнѣ не встать...

Двѣнадцатаго апрѣля 1877-го года, была сдѣлана надъ Некра-
совымъ знаменитымъ вѣнскимъ хирургомъ, Бильротомъ, операція,
которая спасла его отъ неминуемо-угрожавшей смерти, въ нѣ-
которой степени облегчила его страданія и продлила его суще-
ствованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ.

Но незавидно было это нестолько существованіе, сколько во-
степенное угасаніе. Больной былъ такъ уже слабъ, что лѣтомъ,
несмотря на всю необходимость для него сухаго, здороваго и
свѣжаго воздуха, его могли едва перевезти на Черную Рѣчку,
гдѣ онъ провелъ лѣто на дачѣ графа Строгонова. Какъ онъ
страдалъ и что онъ чувствовалъ въ это время, объ этомъ
можно судить по слѣдующему, сохранившемуся въ его бумагахъ,
листочку его дневника, который онъ принялся-было писать во
время своей дачной жизни:

«14-ю іюня. Буду писать, что приходитъ въ голову; надо же
убивать время.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

«Сибиряки обнаружили особенную симпатію ко мнѣ со вре-
мени моей болѣзни. Много получаю стиховъ, писемъ и теле-

граммъ. Было двѣ съ двумя десятками подписей. Я хотѣлъ сдѣлать на это намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю» — и было тамъ четыре стиха:

И ужъ несетъ изъ доброй сѣвѣннхъ
 На гробъ твой лавр и вѣнецъ
 Друзей нежданныхъ и изѣннхъ
 Хранимии Богомъ посланецъ.

да побоялся, не глупо ли будетъ. А теперь этого вопроса рѣшить не могу и подавно.

«Вообще, изъ страха и нерѣшительности и за потерю памяти, я, передъ операцией, испортилъ въ поэмѣ «Мать» много мѣстъ, замѣнилъ точками инныя строки.

«Очень тяжело растревоживать мысли — сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту.

«15-е іюня за полдень.

«16-ю іюня. Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было:

Въ степи мирской, широкой и безбрежной (Пушкинъ).

«Я-же когда-то очень любилъ стихотвореніе Лермонтова «Бѣлѣтъ парусъ одинокій» и т. д. А теперь все повторяю:

Когда для смертнаго умоляетъ шумный день (Пушкинъ).

«16-ю іюня, 7-й часъ.

«Хотѣлъ было анализировать свое положеніе и свои ощущенія, но слишкомъ это мрачная работа, прибавишь себѣ муки — а ея много!

«Не забыть отвѣтить Ир...ву (поэтъ-юноша грамотный, но дарованія не замѣтно), написать, что прибылъ въ Петербургъ на занятія деньги.

«Всего болѣе страшно, чтобы мое теперешнее положеніе не затянулось — или хоть не много бы получше, или поскорѣй бы конецъ.

«Ничего не понимаю, что со мной дѣлается. Очень тяжело. Дождь! (Воскресенье)».

Такъ изнывалъ поэтъ, борясь съ своею смертью, и единственнымъ страданнымъ утѣшеніемъ для него въ это время было скорбное участіе въ его болѣзни всего русскаго общества. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ дальнихъ ея участковъ стекались къ нему письма, стихотворенія, телеграммы, выражавшія глубокое,

*

искреннее сочувствіе къ нему, какъ къ поэту народной скорби, вмѣстѣ съ пожеланіями избавленія отъ болѣзни и долголѣтней жизни. Но дни поэта были сочтены: «Около 20-го ноября, по словамъ пользовавшаго его доктора Бѣлоголоваго («Новое Время», 1877 г., № 661): — стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и потами, но настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее искуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобы посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ, съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и, подъ исходъ его, началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно говорить и, затѣмъ, лишился употребленія правой руки и ногъ. Когда, черезъ полчаса, я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо возбужденномъ состояніи, какъ бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе, онъ удивился, увидавъ меня въ неположеное время, и прежде всего сказалъ: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ, менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимонами, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру, подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго, почти совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни одного слова, такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка, но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и повели его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человекъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны, и только постоянно повторяя одну и ту же фразу: «ну, чтѣ это?» — Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя параличныя явленія обнаружили быструю наклонность къ улучшенію; рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногъ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченныя инфильтраты въ мѣстчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла

крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе выитной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня, у больного явилось какъ бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ бы: «простите». Часа черезъ три послѣ этого, я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіи всего 27-го числа. (Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксирувавшій уже предметовъ; работала только грудная кѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 часовъ вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткий хрипъ изъ груди — а въ 8 часовъ 50 минутъ Некрасова не стало.

«Вскрытіе, произведенное профессоромъ Груберомъ, ограничилось, къ сожалѣнію, только брюшною полостью; результатъ его — эпителиальный ракъ средней части прямой кишки, изъязвленіе ея, нагноеніе въ кѣтчатѣхъ и прохожденіе гноя черезъ большую сѣдалищную дыру на бедро; срощеніе прямой кишки какъ съ пузыремъ, такъ и съ крестцовой костью и поверхностная востокда послѣдней».

Похороны его происходили 30-го декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный, и это, конечно, было главною причиною, что толпа, шедшая за гробомъ, не превышала четырехъ тысячъ душъ — это было, конечно, очень мало, если взять во вниманіе, что, въ лицѣ Некрасова, русское общество хоронило любимѣйшаго и великаго поэта своего времени, который, въ продолженіи сорока лѣтъ, не переставалъ откликаться на всѣ завѣтные чувства и стремленія своихъ современниковъ и волновалъ сердца ихъ высокими помыслами самопожертвованія въ пользу народнаго блага. Но, тѣмъ не менѣе, похороны Некрасова, все-таки, представляли собою видъ торжественной оваціи въ память почившаго поэта. Гробъ его черезъ весь городъ, отъ дверей его квартиры и до церкви, былъ пронесенъ на рукахъ молодежи, при непрестанномъ пѣніи священныхъ гимновъ. Впереди несли много вѣнковъ отъ различныхъ учебныхъ заведеній, отъ русскихъ женщинъ, отъ сотрудниковъ. Послѣ отпѣванія, въ церкви Новодѣвичьяго монастыря было про-

изнесено протекерскъ Горчачковскъ надгробное слово, глубоко прочувствованное и очень умное. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, было произнесено еще нѣсколько теплыхъ словъ надъ могилою поэта, и затѣмъ толпа тихо разошлась, унеса въ сердцахъ глубокую скорбь и вѣчную память о своемъ дорогомъ поэтѣ.

А. Сабитчевскій.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

V.

Привѣтствія.

Льюисъ и Кларкъ, говоря объ одной группѣ шононовъ, за-
хващенной ими врасплохъ, рассказываютъ, что «двое изъ нихъ,
пожилая женщина и маленькая дѣвочка, замѣтивъ наше при-
ближеніе и невозможность убѣжать отъ насъ, опустились на
землю и склонили головы, точно примирившись съ смертью, ко-
торая, какъ онѣ полагали, неминуемо ожидала ихъ. Этотъ обы-
чай склонять голову, будто приглашая непріятеля нанести ударъ
послѣ того, какъ всякая надежда на спасеніе исчезла, сохра-
нился въ Египтѣ и по настоящее время». Здѣсь мы видимъ
желаніе умиловивать путемъ абсолютнаго подчиненія; а изъ
дѣйствій, такимъ образомъ мотивированныхъ, возникаютъ при-
вѣтствія.

Когда, въ началѣ настоящаго изслѣдованія, въ доказатель-
ство того, что обряды предшествуютъ не только общественному,
но и вообще человѣческому развитію, я указалъ на поведеніе
маленькой болонки, которая, въ присутствіи большой, пугающей
ее собаки, бросается на спину ногами вверхъ — вѣроятно, многіе
изъ читателей подумали, что данное мною объясненіе этого по-
веденія нѣсколько натагнуто. Они приняли бы къ другому за-
ключенію, еслибы знали, что подобный же способъ обращенія
существуетъ и между людьми. Описывая формы привѣтствій, упо-
требляемыя у племени Ватока, Линнингстонъ говоритъ: «они броса-
ются на землю на спину и, перекачиваясь съ одного боку на дру-

гой, ударяютъ себя по бедрамъ въ видѣ выраженія благодарности и привѣтствія». Принятіе, сознательное ли то, или бессознательное, подобнаго положенія, подъ которымъ подразумевается: «вамъ незачѣмъ покорять меня—я уже покоренъ», есть наилучшее средство спасенія. Сопротивленіе порождаетъ антагонизмъ и возбуждаетъ разрушительные инстинкты. Сильнѣйшее животное и сильнѣйшій человѣкъ часто дѣлаются менѣе опасными, когда болѣе слабое животное или болѣе слабый человѣкъ оказываютъ имъ пассивное подчиненіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ ничто уже не возбуждаетъ въ нихъ страстнаго желанія одержать побѣду. Отсюда—естественное происхожденіе обычая ложиться на спину для выраженія привѣтствія, положеніе, которое, быть можетъ, болѣе всякаго другаго дѣлаетъ невозможною самооборону. Я говорю «быть можетъ» потому, что можно указать еще на другое положеніе, которое, дѣлая человѣка въ одинаковой степени безпомощнымъ, еще яснѣе обнаруживаетъ его полное подчиненіе. «Въ Тонга Табу... туземцы выказываютъ своему верховному вождю... самое высокое уваженіе, какое только можно себѣ вообразить: они надаютъ ницъ передъ нимъ и кладутъ его ногу на свои шен». То же происходитъ и въ Африкѣ. Лордъ рассказываетъ, что каждый изъ пословъ короля Фундаха «преклонился передо мною, положилъ мою ногу на свою голову и поспалъ себя прахомъ.» А у историческихъ народовъ древняго міра это положеніе, первоначально обусловливаемое поражениемъ въ битвѣ, обращается въ положеніе, принимаемое для выраженія подчиненія.

За этими видами привѣтствій, представляющими, по возможности точно, положеніе, принимаемое побѣжденнымъ передъ побѣдителемъ, слѣдуютъ тѣ разнообразныя привѣтствія, которыми выражаютъ подчиненіе раба господину, подчиненіе, явившееся вслѣдствіе нанесеннаго пораженія. Какимъ образомъ высказывалось въ старину на Востокѣ такое подчиненіе, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: «И опоясали слуги Венадада чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли къ царю Израильскому». А вотъ что рассказываетъ Гарсиласо о перуанцахъ, у которыхъ воинственный типъ организаціи достигъ высшей степени развитія: они, для выраженія смиренія и покорности, связываютъ себѣ руки и обматываютъ вокругъ шеи веревку, другими словами, добровольно налагаютъ на себя тѣ узы, которые въ древнія времена носили плѣнные, приведенные съ поля битвы. Рядомъ съ подобнымъ способомъ выказывать видимость рабства существуетъ и другой, употребившійся при приближеніи къ Инкѣ: подчиненность выражается ношеніемъ тѣ-

жести. «Ношение тяжести на плечахъ при приближеніи къ Атагуальпа составляло обрядъ, исполнявшійся всѣми владѣтелями, управлявшими въ этой странѣ».

Я привожу эти немногіе примѣры въ началѣ настоящей статьи съ дѣлью показать, каковы были естественный путь происхожденія привѣтствій, а именно: ихъ употребляли, какъ средство получить кощаду, первоначально отъ побѣдителя, а послѣ битвы — отъ правителя. Но полное и точное понятіе о привѣтствіи включаетъ въ себя еще и другой элементъ. Въ первой главѣ я уже указалъ, что многіе знаки удовольствія, имѣющіе физико-психическое происхожденіе и проявляемые въ присутствіи любимыхъ лицъ, переходятъ въ привѣтственные обряды: людямъ вообще пріятно думать, что ихъ любятъ, вслѣдствіе чего выраженія привязанности доставляютъ имъ удовольствіе. Поэтому, высшее лицо стараются умилостивить не только выраженіями подчиненія, но и выраженіями радости отъ его присутствія. Имѣя въ виду оба эти элемента, обуславливающіе происхожденіе привѣтствій, перейдемъ теперь къ изученію ихъ разновидностей, какъ они проявляются въ политическомъ, религіозномъ и общественномъ строе.

Хотя, при поверженіи себя на землю лицомъ внизъ, потеря силы сопротивленія не ведетъ еще къ такой крайней беспомощности, какая получается, если человекъ ляжетъ на спину, тѣмъ не менѣе, она достаточно велика, чтобы принятіе подобнаго положенія могло послужить знакомъ глубокой и полной покорности. Отсюда — существованіе его въ видѣ привѣтствія въ тѣхъ странахъ, гдѣ деспотизмъ господствуетъ съ полною силой и гдѣ подчиненіе носитъ характеръ рабства. Подобныя привѣтствія мы встрѣчаемъ въ древней Америкѣ: у гибчасовъ тѣ, кто приходятъ къ кацкеу, должны «припадать къ его ногамъ и притомъ такъ, чтобы лица ихъ касались земли». Мы находимъ ихъ и въ Африкѣ: «когда житель Борго обращается къ королю, онъ долженъ простереться на землѣ на подобіе плоскуши и лежать въ этомъ положеніи, лобызая прахъ земли, до тѣхъ поръ, пока не окончатъ своей бесѣды съ государемъ». Не мало примѣровъ того же представляетъ намъ Азія. «Произнося жалобу, хондъ или пану долженъ припасть къ землѣ лицомъ внизъ, съ сложенными руками и съ пучкомъ соломы или травы во рту»; въ Сіамѣ «всѣ нижшія лица припадаютъ къ ногамъ знатныхъ, а знатные, въ свою очередь, къ ногамъ государя». Тоже и въ Полннезій. Припаданіе на землю лицомъ внизъ считается знакомъ подчиненія у жителей Сандвичевыхъ Острововъ: король такъ поступилъ, на примѣръ, при первой встрѣчѣ съ Кукомъ. А

въ лѣтописяхъ историческихъ народовъ древняго міра можно найти массу подобныхъ же примѣровъ: такъ, Мемфивосвей царь на лицо свое и поклонился Давиду»; царь Вавилонскій припадаетъ ницъ къ землѣ передъ римскими сенаторомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе такого положенія, принимаемаго обыкновенно покореннымъ предъ побѣдителемъ и выражающаго полную покорность, усугубляется новтोरениемъ. Бутанъ приводитъ слѣдующій примѣръ: «Они... девять разъ припадаютъ къ ногамъ раджи; это и есть то привѣтствіе, которымъ подданные должны встрѣчать своего государя при всякомъ приближеніи къ нему».

Первоначальный характеръ всякаго обряда можетъ быть затмненъ вслѣдствіе соображенія; тѣмъ же путемъ самое глубокое привѣтствіе можетъ быть превращено въ менѣе глубокое. Мы желаемъ лечь пластомъ на землю, ми должны необходимо, почти неизбѣжно, принять сначала такое положеніе, при которомъ мы стоимъ на колѣняхъ, а голова наша касается земли; если же мы хотимъ встать, то тѣмъ болѣе дѣлается необходимымъ, прежде, чѣмъ поднять голову и встать на ноги, поднять колѣни. Отсюда это колѣнопреклоненное положеніе можно разсматривать, какъ неполное припаденіе къ ногамъ. Подобнаго рода поклоны очень распространены. У береговыхъ негровъ, туземцевъ, «при посѣщеніи начальника или при случайной встрѣчѣ съ нимъ, немедленно падаютъ на колѣни, три раза послѣдовательно цѣлуютъ землю, хлопаютъ руками, желаютъ начальнику доброй ночи или добраго дня и поздравляютъ его». Лордъ разсказываетъ, что король брассовъ никогда не говоритъ съ королемъ ибосовъ иначе, какъ «падая на колѣни и касаясь головод земли», въ знакъ своего подчиненія. Въ Ембонгѣ, въ Конго, «привѣтствіе выражается хлопаніемъ руками; дѣлая это, подчиненный въ то же время ползетъ на колѣняхъ къ начальнику и цѣлуетъ у него браслетъ на ногѣ».

Часто смиреніе, выражающееся въ подобномъ поклонѣ, усиливается тѣмъ, что голову приводятъ въ соприкосновеніе съ землею. По нижнему теченію Нигера «туземцы, въ знакъ большаго уваженія, падаютъ ницъ и ударяютъ головою о землю». Въ прежнее время, при коронованіи императора русскаго, дворянство приносило ему присягу въ вѣрности «склонивъ головы и ударяя ими о землю у его ногъ». Въ Китаѣ, въ настоящее время, различаются восемь видовъ поклоновъ, все болѣе и болѣе униженныхъ: при первомъ, становятся на колѣни и ударяютъ головою о землю; при шестомъ, становятся на колѣни и трижды стучать о землю головою; при седьмомъ стучать вдвое болѣе

число разъ, а при восьмомъ—второе большее; послѣдній поклонъ приносится императору и небу. Въ древнее время, у евреевъ, повтореніе имѣло подобное же значеніе. Въ библии можно найти много примѣровъ такихъ поклоновъ, на примѣръ: Наанъ «поклонился царю лицомъ до земли»; такъ же поклонились Абигаилъ Давиду, а Руевъ—Воозу; а Іаковъ «поклонился до земли семь разъ, подходя къ брату своему».

Изъ предъидущаго можно съ полною основательностью заключить, что такое же положеніе побѣжденнаго, усвоенное рабомъ передъ господиномъ, а подданнымъ передъ правителемъ, принимается и поклоняющійся божеству. Исторія Востока, прошлая и современная, представляетъ намъ въ этомъ отношеніи большое количество примѣровъ. Что евреи, желая умилостивить какое-либо видимое или невидимое существо, падали на землю ницъ, видно изъ библии: «Авраамъ палъ на лицо свое» передъ Господомъ въ то время, какъ принялъ его завѣтъ; «Навуходоносерь палъ на лицо свое и поклонился Даніилу»; тотъ же Навуходоносерь, сдѣлавъ и поставивъ золотой истуканъ, угрожалъ смертью всѣмъ тѣмъ, кто «не падеть и не поклонится ему.» Подобное неполное преклоненіе, совершаемое передъ царями, производится и передъ божествами. «Кланаясь своимъ идоламъ, монголы трижды касаются лбомъ земли, калмыки—только одинъ разъ. Японцы въ своихъ храмахъ надаютъ на колѣни и преклоняютъ медленно съ большимъ смиреніемъ свои головы къ землѣ». Рисунки, изображающіе молящихся магометанъ, достаточно знакомятъ насъ съ подобными положеніями.

Всѣ такого рода поклоны имѣютъ одну общую черту, а именно: лица, занимающія низшее общественное положеніе, доводятъ ихъ до большей степени униженія, нежели лица, занимающія высшее; въ то же время, въ нихъ наблюдается замѣчательное разнообразіе. Отъ простираній на спину или навзничь и полупреклоненій на колѣняхъ перейдемъ теперь къ другимъ видамъ поклоновъ, которые, впрочемъ, какъ и выше рассмотрѣнные, выражаютъ относительную неспособность къ сопротивленію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволяется мѣнять положеніе: такъ, въ Дагомѣ «вышіе сановники лежатъ передъ королемъ въ положеніи римлянъ на *triclinitum*. Иногда они ложатся на животъ, или облегчаютъ себя тѣмъ, что стоятъ на четверенькахъ». Дюранъ говоритъ, что у мексиканцевъ присѣданіе на корточкахъ считалось положеніемъ, выражающимъ почтеніе, подобно тому какъ у насъ колѣнопреклоненіе. Сидѣтъ скорчившіе служатъ знакомъ почтенія у ново-каледонійцевъ, жители Фиджи и Танги.

Другія измѣненія въ подобнаго рода положеніяхъ являются слѣдствіемъ необходимости двигаться. Въ Дагомея «лица, приближающіяся къ королю, либо ползутъ какъ змѣи, либо тащутся на колѣняхъ». Мѣняя мѣсто передъ высшимъ лицомъ, «сіамцы ползутъ на рукахъ и колѣняхъ». То же и въ Камбодіи: «Тотъ, кто приближается къ королевской особѣ, слѣдуя ли призыву, или для того, чтобы подать что-нибудь королю, долженъ, по предписанію камбодскаго этикета, ползти на колѣняхъ и локтяхъ, какъ бы велико не было разстояніе». На Явѣ низшіе «обязаны тащиться на пятахъ съ согнутыми колѣнями, пока не удалятся на такое разстояніе, гдѣ высшее лицо не можетъ уже видѣть ихъ». То же обязаны дѣлать подданные зулускаго короля и даже его жены: жены Дингарна рассказывали, что, пока онъ находится въ домѣ, «онѣ не смѣютъ стоять, а должны передвигаться», опираясь на руки и колѣни. А въ Лоанго обязанность домашнихъ становится въ такое положеніе распространяется и за предѣлы двора: жены вообще «не говорятъ съ своими мужьями иначе, какъ на колѣняхъ, а при встрѣчѣ съ ними должны ползти на рукахъ». Обычай, существующій въ сосѣднемъ государствѣ, представляетъ собою примѣръ послѣдовательныхъ ступеней перехода этихъ различныхъ формъ неполнаго преклоненія и пониманія ихъ значенія. Бёртонъ рассказываетъ, что «Дакро», женщина, служащая посломъ короля дагомейскаго къ Мею, двигается передъ королемъ на четверенькахъ. Также «двигается она на четверенькахъ и передъ Мею, а передъ низшими лицами она только колѣнопреклоняется; послѣднія, въ свою очередь, становятся передъ нею на четвереньки».

Такимъ образомъ, намъ случайно пришлось упомянуть о дальнѣйшемъ сокращеніи первоначальнаго полнаго преклоненія или паденія ницъ на землю—сокращеніи, изъ котораго возникъ одинъ изъ наиболѣе широко распространенныхъ видовъ поклоновъ. Отъ вполне распростертаго положенія мы переходимъ къ положенію молащагося магометанина, касающагося головою земли; затѣмъ къ положенію на четверенькахъ и, наконецъ, поднятіемъ тѣла, къ простому колѣнопреклоненію. Что колѣнопреклоненіе, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена, служило средствомъ выразить уваженіе и благогоуміе политическое, домашнее и религиозное, на это не требуется доказательствъ. Замѣтимъ только, что оно всегда, и прежде, и теперь, соединялось съ деспотическою формою правленія, напр., въ Африкѣ, гдѣ «вслѣдствіе этихъ постоянныхъ колѣнопреклоненій на твердой землѣ, колѣна у дагомейцевъ дѣлаются такими же твердыми, какъ и пята»; въ Японіи, гдѣ, «уходя отъ императора, придворные ползутъ на колѣнахъ»;

въ Китаѣ, гдѣ «дѣти вице-короля, проходя мимо палатки своего отца, падаютъ на колѣни и трижды кланяются ему, ударяя лицами о землю»; и въ средневѣковой Европѣ, гдѣ сервы колѣно-преклонялись передъ своими господами, феодальные вассалы—передъ своими сюзеренами, и гдѣ герцогиня Изабелла Бурбонская, дѣлая въ 1444 г. визитъ королевѣ, три раза становилась на колѣни прежде, чѣмъ приблизилась къ ней.;

Не останавливаясь на переходѣ отъ стоянія на обоихъ колѣнахъ къ стоянію на одномъ, что выражаетъ собою меньшее униженіе и болѣе подходитъ къ прямому положенію, достаточно отмѣтить переходъ отъ стоянія на одномъ колѣнѣ къ сгибанію колѣнѣ. Что этотъ видъ привѣтствія—не иное что, какъ сокращеніе, доказывается японскими обычаями.

При встрѣчѣ, японцы выказываютъ свое уваженіе тѣмъ, что сгибаютъ колѣно; когда же они желаютъ выразить особое почтеніе, то становятся на колѣни и наклоняются до земли. Они никогда не дѣлаютъ этого только на улицахъ, довольствуясь просто движеніемъ, показывающимъ желаніе стать на колѣни. Кланяясь важному лицу, они сгибаютъ колѣно такъ, что пальцы ихъ касаются земли.

То же, въ одинаковой степени, если даже не лучше, замѣтно и въ обычаяхъ Китая, гдѣ, между различными установленными градациями привѣтствій, третья форма—сгибаніе колѣна, четвертая—полное колѣнопреклоненіе. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть достаточно ясно, что присѣданія одного пола и шарканье ногою другого пола (причемъ правую ногу двигаютъ назадъ), переживаемыя нами въ настоящее время, представляютъ собою исчезнувшія формы обычая становиться на одно колѣно.

Остается рассмотреть сопровождающее это привѣтствіе наклоненіе тѣла. Оно, съ одной стороны, составляетъ первичную форму привѣтствій, въ видѣ полного преклоненія, и переживаетъ съ другой стороны и тогда, когда это полное преклоненіе подвергается, мало-по-малу, все большому и большому сокращенію. Указанія на этотъ переходъ мы можемъ найти во многихъ мѣстностяхъ. «У сувусовъ даже жены важнаго лица, говоря съ нимъ, склоняютъ свое тѣло и кладутъ руки на колѣни; то же дѣлаютъ онѣ, когда проходятъ мимо него». Въ Самоа «проходить, держась прямо, черезъ комнату, въ которой сидитъ вождь, считается знакомъ неуваженія; необходимо нагнуться и склонить тѣло». Древніе мексиканцы, обыкновенно лежавшіе въ совѣтѣ распростертыми передъ своимъ вождемъ, «обязаны были, при выходѣ изъ засѣданія, склонять голову». А въ китайскомъ церемоніаль-

номъ ритуалѣ, о которомъ мы упоминали выше, поклонъ въ видѣ наклоненія тѣла съ сложенными руками упоминается подъ номеромъ вторымъ и считается менѣе униженнымъ, чѣмъ сгибаніе колѣна. Имѣя передъ собою такіе факты и помня, что между смиреннымъ салаамомъ индуса, глубокимъ поклономъ европейца, выражающимъ глубокое уваженіе, и слабымъ наклоненіемъ головы въ знакъ уваженія, существуютъ самыя нечувствительныя ступени перехода, мы не будемъ считать себя вправе усумниться въ томъ, что фамиллярныя и еле-замѣтныя кивки головою, которыми мы иногда размѣниваемся, составляютъ послѣдній остатокъ первобытнаго преклоненія.

Всѣ эти разнообразныя сокращенія преклоненія, которыя мы замѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выказывается подчиненіе политическое или общественное, встрѣчаются, и тогда, когда выказывается подчиненіе религіозное. Вотъ, что Бастіанъ рассказываетъ о жителяхъ Конго:

«Вступая въ разговоръ съ высшимъ лицомъ, они становятся на колѣни, поворачиваютъ голову нѣсколько въ сторону, протираютъ руки къ лицу, къ которому они обращаются, и ударяютъ ими одна о другую каждый разъ, какъ начинаютъ говорить. Они могли бы послужить моделями для тѣхъ фигуръ, которыми египетскіе жрецы украшали стѣны храмовъ; до такой степени поразительно сходство между тѣмъ, что изображено тамъ, и тѣмъ, что мы видимъ здѣсь».

Параллельныя явленія можно наблюдать въ религіозныхъ обрядахъ Европы. Таковы, напр., припаданіе на два колѣна или на одно, наклоненіе головы и тѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ при произнесеніи имени Христа.

Мы уже объясняли выше, что рядомъ съ дѣйствіемъ, выражающимъ смиреніе, въ понятіе о привѣтствіи включается и дѣйствіе, выражающее удовольствіе. Для того, чтобы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ умилоствитъ высшее лицо, необходимо одновременно выказать слѣдующія два чувства: «Я—вамъ рабъ» и «я васъ люблю».

Нѣкоторые изъ примѣровъ, приведенныхъ нами выше, показываютъ соединеніе этихъ двухъ факторовъ. Принимая положеніе полного подчиненія, Батока, въ то же время, ударяютъ себя въ тактъ руками по бедрамъ, а въ другихъ случаяхъ, описанныхъ нами, хлопаніе въ ладоши, выражающее радость, сопровождается въ Африкѣ движеніями, выражающими подчиненіе. Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить много другихъ. Астлей рассказываетъ, что дворяне, приближаясь къ королю Лоанго, «дважды или трижды хлопаютъ въ ладоши, затѣмъ падаютъ на песокъ къ ногамъ»

его величества и катаются въ знакъ подчиненія»; а Спикъ, говоря о нѣкоторыхъ приближенныхъ короля Уганда, замѣчаетъ, что они «ложатся на животъ рядами, вертятся на подобіе рыбы и, въ то же время, барахтаются, поднимаютъ и опускаютъ ноги, трутъ лицо и бьютъ по землѣ рукою». Становясь на колѣни передъ высшими лицами, Балонда до тѣхъ поръ «продолжаетъ хлопать руками, пока важное лицо не пройдетъ»; то же производится и въ Дагома. Къ этому нужно прибавить другое ритмическое движеніе, имѣющее одинаковое значеніе. Мы уже видѣли, что прыжки, составляющіе естественное выраженіе радости, служатъ у огнеземельцевъ выраженіемъ дружескаго привѣтствія, а въ Лоанго считаются знакомъ почтенія относительно короля. Африка доставляетъ другой примѣръ. Грантъ рассказываетъ, что король Карагве сидѣлъ, спрятавшись, у дверей своей главной хижины: «видѣлась наружу только одна голова его; въ такомъ положеніи онъ принималъ привѣтствіе своихъ поданныхъ, проходившихъ мимо него; поровнявшись съ нимъ, каждый изъ нихъ вскрикивалъ и дѣлалъ прыжокъ, принося присягу въ вѣрности». Приведите всѣ такого рода движенія, прыжки и т. п. въ систему. Въ такомъ случаѣ они образуютъ, мало-по-малу, тотъ видъ танцевъ, которыми иногда привѣтствуютъ правителя, что можно видѣть, напр., изъ вышеприведеннаго случая съ королемъ Богота, и изъ того, который рассказываетъ Уильямсъ въ своемъ отчетѣ о Фиджи: младшій вождь и его свита, входя къ королю, «сначала пляску и, по окончаніи ея, предложили верховному владыкѣ свои палицы и верхнее платье».

Изъ другихъ знаковъ удовольствія, входящихъ обыкновенно въ составъ привѣтствія, цѣлованіе наиболѣе бросается въ глаза. Оно при этомъ принимаетъ всегда формы, вполне соответствующія смиренному предлоненію или другому сходственному положенію. Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше примѣровъ можно легко подмѣтить, что въ томъ случаѣ, когда подчиненныя лица не могутъ или не смѣютъ приблизиться къ старшему лицу и поцѣловать его ноги или платье, они цѣлуютъ землю. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. «Въ Эбоэ существуетъ слѣдующій обычай: «когда король выходитъ или даже когда онъ находится дома, при проходѣ его, всѣ знатныя лица падаютъ на колѣни и трижды цѣлуютъ землю», а древне-мексиканскіе послы, подойдя къ Кортесу, «сначала дотронулись руками до земли, а затѣмъ поцѣловали ее». Въ древнемъ Востокѣ этимъ выражалось подчиненіе побѣжденнаго побѣдителю, и это доходило иногда до того, что цѣловали слѣды лошади побѣдителя. Въ Абиссиніи, гдѣ деспотизмъ достигъ крайнихъ предѣловъ развитія и

гдѣ привѣтствія отличаются рабскимъ характеромъ, мы встречаемъ одно видоизмѣненіе. Въ Шоа для выраженія почтенія или благодарности цѣлуютъ ближайшій неодушевленный предметъ, принадлежащій высшему лицу или благодѣтелю. Отъ этого вида привѣтствія мы переходимъ къ лизанію и цѣлованію ногъ. Дрори рассказываетъ, что лизаніе колѣна у малагазовъ служитъ знакамъ почтенія, но не даетъ никакихъ указаній на лизаніе ногъ, служащее выраженіемъ столь же глубокаго униженія; описывая возвращеніе съ войны малагаскаго вождя, онъ говоритъ: «какъ только онъ усѣлся у дверей, его жена выползла изъ хижины на рукахъ и колѣнахъ, подползла къ нему и начала лизать его ноги; затѣмъ ея мѣсто заступила его мать; всѣ женщины поселенія встрѣчали такимъ образомъ своихъ супруговъ». Такъ же поступаютъ и рабы и т. д. относительно своихъ господъ. Въ древнемъ Перу, гдѣ царствовалъ крайній деспотизмъ, «вожди, являясь къ Атагуальтѣ, цѣловали его руки и ноги». Что приношеніе подобной высокой дани уваженія еще и до настоящаго времени въ обычаѣ на Востокахъ, тому мы имѣемъ массу очевидныхъ доказательствъ. Въ ассирійскихъ лѣтописяхъ упоминается о томъ, что Менагемъ Самарійскій явился ко двору Сенахериба для поднесенія ему даровъ и цѣлованія его ногъ. Женщина, пришедшая къ Христу съ благовоіями, выразила ему свое благоговѣніе, между прочимъ, тѣмъ, что поцѣловала его ноги. А что поступокъ Маріи Магдалины, которая «ухватилась за ноги его», причемъ это движеніе сопровождалось несомнѣнно цѣлованіемъ, не былъ явленіемъ исключительнымъ, это видно изъ описанія подобнаго же дѣйствія со стороны сонмитянки относительно Елисея. И въ настоящее время, у арабовъ низшіе цѣлуютъ вѣшнымъ ноги, колѣни, одежду. Цѣлованіе ногъ шаха и султана, какъ одинъ изъ способовъ выраженія преданности, и теперь производится въ Персіи и Турціи; а сэръ Р. К. Портеръ рассказываетъ, что одинъ персіанинъ, въ благодарность за подарокъ, бросился на землю, началъ цѣловать мои колѣни и ноги и заревѣлъ отъ «радости такъ громко, что плачь его заглушалъ его выраженіе радости».

Цѣлованіе рукъ менѣе унизительно, чѣмъ цѣлованіе ногъ, потому что оно связано съ менѣе глубокимъ преклоненіемъ. Чтобы поцѣловать ногу, необходимо наклонить голову почти до земли; для того же, чтобы поцѣловать руку, нужно непремѣнно болѣе или менѣе выпрямить тѣло. Эта разница въ значеніи обихъ дѣйствій признается и понимается въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга областяхъ. Жители Тонга, «кланяясь старшему родственнику, цѣлуютъ его руку; самому же старшему изъ родствен-

никовъ цѣлуютъ ногу». А д'Арвѣ рассказываетъ, что женщины, прислуживающія арабскимъ принцессамъ, цѣлуютъ ихъ руки, когда принцессы настолько къ нимъ милостивы, что не дозволяютъ цѣловать ноги или край ихъ одежды. Привѣтствіе это, выражающее одновременно любовь и подчиненіе, преобладаетъ повсюду, въ такой степени, что излишне приводитъ новыя примѣры для доказательства его существованія у различныхъ племенъ.

Но что же подразумѣвается въ томъ случаѣ, когда, вмѣсто того, чтобы поцѣловать руку у другого лица, лицо, кланяющееся, цѣлуетъ свою собственную. Имѣетъ ли подобное дѣйствіе символическое значеніе? выражаетъ ли оно хотя бы приблизительно поцѣлуй руки у другого лица въ томъ случаѣ, когда это становится невозможнымъ вслѣдствіе различнаго рода обстоятельствъ? Подобное предположеніе можетъ показаться смѣльнымъ, но оно подтверждается фактами. По словамъ д'Арвѣ, приводимымъ профессоромъ Пакстономъ, «жители Востока выказываютъ уваженіе къ высшимъ лицамъ тѣмъ, что подходятъ къ нимъ, цѣлуютъ ихъ руку и прикладываютъ ее къ своему лбу; но если высшее лицо права снисходительнаго и отнимаетъ свою руку, какъ только до нея дотрогиваются, тогда подчиненный цѣлуетъ свои собственные пальцы и прикладываетъ ихъ ко лбу».

Отсюда, какъ я думаю, ясно, что столь распространенный обычай цѣлованія у другого лица руки первоначально выражалъ желаніе или, по крайней мѣрѣ, готовность цѣловать эту руку.

Подобно предъидущимъ, и этотъ обрядъ, возникающій въ видѣ самопроизвольнаго умилостивленія побѣдителя побѣжденнымъ, господина работъ, правителя управляемымъ и расширяющійся затѣмъ въ измѣненной формѣ въ умилостивленіе общественное, вскорѣ переходитъ также и въ умилостивленіе религіозное: эти дѣйствія, выражающія любовь и привязанность, употребляются какъ въ отношеніи духа, такъ и въ отношеніи бога, развившагося изъ духа. Обниманіе и цѣлованіе ногъ, которыми у евреевъ привѣтствовали живыхъ людей, изображаются на египетскихъ стѣнныхъ рисункахъ въ видѣ привѣтствія муміямъ, лежащимъ въ гробахъ; затѣмъ, слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ этого дѣйствія, мы видимъ цѣлованіе ногъ у статуй боговъ среди римлянъ и священныхъ иконъ среди христіанъ. Древняя Мексика доставляетъ намъ примѣръ перехода отъ цѣлованія земли, какъ политическаго обряда, въ видоизмѣненное цѣлованіе земли, какъ обряда религіознаго. Описывая церемонію принесенія присяги въ Мексикѣ, Клавигеро говоритъ: «Затѣмъ, произнося имя главнаго бога или того, къ которому они чувствуютъ особое почтеніе, они цѣлуютъ свою руку, предварительно дотронувшись ею

до земли». Въ Перу этотъ обрядъ подвергся еще большому сокращенію: здѣсь обходились безъ всякаго цѣлованія. Вотъ что пишетъ объ этомъ д'Агоста:—«Совершая поклоненіе божествамъ, перуанцы раскрывали руки, производили губами звукъ поцѣлуя и, принося жертву, спрашивали, чего желаютъ боги;» а Гарсилассо, описывая, какимъ образомъ перуанцы производятъ возліяніе капли жидкости въ честь солнца прежде, чѣмъ начинаютъ пить за обѣдомъ, прибавляетъ:—«Въ то же время они два или три раза цѣлуютъ воздухъ, что... у индѣйцевъ служитъ знакомъ поклоненія». Европейскія расы представляютъ примѣры, имѣющіе сходство съ вышеприведенными: цѣлованіе руки у статуи бога составляло у римлянъ одну изъ формъ поклоненія.

Далѣе, прыжки, служащіе, какъ мы уже видѣли, естественнымъ выраженіемъ радости и обращаемые въ привѣтственные дѣйствія относительно видимаго правителя, переходятъ также въ дѣйствія богослужебныя передъ правителемъ невидимымъ. Для примѣра, укажемъ на пляску Давида передъ ковчегомъ; на танцы, какъ религиозный обрядъ, у грековъ: «съ раннихъ временъ поклоненіе Аполлону было связано съ религиознымъ танцемъ, называемымъ гипоргема». Пепинъ, «подобно королю Давиду, забывъ достоинство своего царскаго сана, въ радости своей омочилъ слезами свои драгоценныя одежды и началъ плясать передъ мощами св. мученика». Въ средніе вѣка въ церквахъ совершались религиозныя пляски.

Для того, чтобы объяснить другую серію обрядовъ, связанныхъ съ вышепоименованными, мы должны вернуться къ разсмотрѣнію преклоненія въ его первобытной формѣ. Я говорю объ обычаѣ посыпать пепломъ или прахомъ нѣкоторыя части тѣла для выраженія подчиненія.

Катаясь по песку передъ королемъ или ударяя по нѣскольку разъ о землю головою, или, наконецъ, ползая по землѣ передъ нимъ, нельзя не запачкаться. Отсюда связанная съ этимъ пыль или земля считаются сопутствующими знаками подчиненія; желая умиловитъ, самопроизвольно посыпаютъ себя землею; тоже производятъ и въ томъ случаѣ, когда не принимаютъ положенія, соединеннаго съ необходимостью оказаться запачканнымъ. Описывая нѣкоторые африканскіе обычаи, мы уже указали на связь, существующую между этимъ дѣйствіемъ и преклоненіемъ; но Африка доставляетъ намъ и другіе примѣры, еще яснѣе выказывающіе, какъ этотъ обычай развивается въ болѣе законченную форму. «Въ Конго, говоритъ Бертонъ:—передъ каждымъ базисомъ или начальникомъ деревни преклоняются, цѣлуютъ землю и за тѣмъ посыпаютъ пескомъ лобъ и руки»; а по словамъ того же автора, привѣтствіе дагомейцевъ состоитъ изъ двухъ дѣйствій:

преклоненіи и посыпаніи головы пескомъ или землею. Подобнымъ же образомъ каанда, народъ, живущій по теченію Нигера, «кланяясь кому либо изъ постороннихъ, припадаетъ почти до земли, и по нѣскольку разъ посыпаетъ лицо пракомъ». А описывая «перемонность манеръ Балонда», Ливингстонъ говоритъ:

«Низшія лица, при встрѣчѣ на улицѣ съ высшими, одновременно падаютъ на колѣни и трутъ пракомъ руки и грудь... Принося рѣчь передъ какимъ-нибудь почетнымъ лицомъ, ораторъ каждыя двѣ или три секунды наклоняется, беретъ немного пещу и третъ имъ верхнюю часть своихъ рукъ и груди... Желая выказать особенную вѣжливость, они приносятъ съ собою пепель и трубочную глину, завернутыя въ кусокъ кожи, берутъ отсюда по горсти и трутъ себѣ грудь и верхнюю часть каждой руки».

Даже болѣе. Мы видимъ, какъ и въ этомъ случаѣ, подобно всѣмъ другимъ, которые были приведены выше, церемонія эта подверглась нѣкоторому сокращенію. О тѣхъ же Балонда Ливингстонъ говоритъ, что «ихъ вожди также продѣлываютъ церемонію натирания рукъ пескомъ; но они не берутъ, на самомъ дѣлѣ, пещу, а только дѣлаютъ видъ, что поднимаютъ его». Жители Нижняго Нигера, «преклоняясь, по нѣскольку разъ посыпаютъ свои головы пескомъ; или, по крайней мѣрѣ, принимаютъ такой видъ, какъ будто дѣлаютъ это. Женщины, завидѣвши своихъ друзей, тотчасъ же становятся на колѣни и дѣлаютъ движеніе, какъ будто онѣ посыпаютъ попеременно обѣ руки пескомъ». Что въ Азій эта церемонія какъ прежде, такъ и теперь, имѣла именно это значеніе, не подлежитъ сомнѣнію. Къ ней, для выраженія политическаго смиренія, прибѣгли священники, отправившіеся къ Флору съ мольбою о пощадѣ евреевъ и явившіеся къ нему «съ головами, покрытыми пепломъ, съ открытою грудью и разодранными одеждами». А въ Турціи, въ настоящее время, можно видѣть и сокращенія этого вида привѣтствія. На смотрѣ, даже сидящіе на лошади офицеры, привѣтствуя своихъ начальниковъ, «дѣлаютъ такое движеніе, какъ будто посыпаютъ голову пракомъ»; а простой народъ, встрѣчая караванъ пилигримовъ, «продѣлываетъ пантомиму посыпанія головы пепломъ».

Книги евреевъ вполне подтверждаютъ, что указанный выше знакъ подчиненія употреблялся не только въ отношеніи видимыхъ лицъ, но и въ отношеніи къ лицамъ невидимымъ. Рядомъ съ кровопусканіемъ, клейменіемъ тѣла и обрѣзваніемъ волосъ, помощію чего евреи старались во время похоронъ умилостивить духа, у нихъ существовалъ и обычай посыпанія пепломъ главы. Тоже производилось и для умилостивленія божества: такъ, напримеръ, «Иисусъ разодралъ одежды свои и палъ лицомъ своимъ»

*

на землю передъ ковчегомъ Господнимъ и лежалъ до самого вечера, онъ и старѣйшины израилевы, и посыпали прахомъ головы свои». Даже и въ настоящее время этотъ обрядъ употребляется иногда у католиковъ для выраженія особаго смиренія.

Теперь мы должны вновь вернуться къ той ранней формѣ привѣтствія, которая изображала собою, вначалѣ на самомъ дѣлѣ, а впоследствии искусственно, положеніе побѣжденнаго передъ побѣдителемъ. Въ этомъ — ключъ для объясненія цѣлой серіи тѣлесныхъ движеній, выражающихъ подчиненіе. Я говорю объ обычѣ складывать руки. Мы уже описывали раньше, какъ хондъ, умоляя о чемъ-нибудь, «бросается на землю ницъ съ сложенными руками». Откуда произошло подобное положеніе рукъ?

Говоря объ обычаяхъ народа, у котораго и подчиненіе, и всѣ его знаки были доведены до высшей степени развитія, мы привели примѣръ, указывавшій на естественное происхожденіе этого дѣйствія, именно — что древніе перуанцы для выраженія смиренія связывали руки и обматывали шею веревкою, то есть, подражали вѣдшему положенію плѣнника. Намъ незначѣмъ доказывать, что въ то время существовалъ обычай дѣлать военно-плѣнниковъ беззащитными, связывая имъ руки. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что и въ настоящее время полиція, арестуя преступника, связываетъ ему руки, достаточно показываетъ, насколько распространенъ этотъ способъ дѣлать плѣнника беззащитнымъ. Если для подтвержденія того мнѣнія, что связываніе рукъ, обозначавшее первоначально побѣжденнаго, обращается впоследствии въ знакъ подчиненія, необходимы еще новыя доказательства, то достаточно для этой цѣли привести еще два странные обычая изъ жизни африканцевъ и китайцевъ. Когда король Уганда отдавалъ визитъ Спигу и Гранту, «его братья, толпа маленькихъ бездѣльниковъ, нѣкоторые съ цѣпами на рукахъ, сидѣли позади его... Намъ рассказывали, что прежде, чѣмъ король вступилъ на престолъ, онъ всегда ходилъ въ цѣпяхъ, какъ то дѣлаютъ теперь его младшіе братья». А о китайцахъ Дулитль сообщаетъ, что «на третій день по рожденіи ребенка, совершается церемонія связыванія у него ручныхъ кистей. Эти узлы ребенокъ носитъ до 14-ти дней, иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже года. Полагають при этомъ, что это связываніе кистей сдѣлаетъ дитя болѣе спокойнымъ въ теченіи всей его послѣдующей жизни».

Подобныя указанія на происхожденіе складыванія рукъ, рядомъ съ вытекающими изъ него обычаями, заставляютъ насъ думать, что подниманіе сложенныхъ рукъ, какъ составная часть первобытнаго привѣтствія, выражающаго полное подчиненіе, въ дѣйствительности было не инымъ чѣмъ, какъ протягиваніемъ рукъ для того, чтобы ихъ связали. Вышеприведенное описаніе поло-

женія когда рисуется намъ это дѣйствіе въ его первоначной формѣ, а, прочитавши у Гуа, что «монгольскій охотникъ поклонился намъ, сложивъ руки и поднявъ ихъ ко лбу», или у Дрю-ри, что малагазцы, приближаясь къ важному лицу, складываютъ руки какъ будто для мольбы, мы не вправѣ будемъ сомѣваться, что положеніе рукъ выражаетъ теперь почитаніе, потому что прежде оно подразумѣвало подчиненіе. О сіамцахъ, находящихся на крайне низкой ступени политическаго развитія и обладающихъ рабскими обычаями, Ла-Луберъ говоритъ: «Если вы протянете руку сіамцу, чтобы вложить ее въ его руку, онъ протянетъ вамъ обѣ свои руки, точно желая весь предаться въ вашу власть». А что протягиваніе вложенныхъ рукъ имѣетъ именно указанное нами значеніе, ясно изъ слѣдующаго: въ Унианембо «при встрѣчѣ, Вези складываетъ обѣ ладони рукъ, а Ватузи, изъ болѣе могущественнаго племени, нѣжно беретъ ихъ»; а на Суматрѣ, поклонъ выражается «наклоненіемъ тѣла, при чемъ низшій кладетъ свои руки въ руки своего начальника и затѣмъ подноситъ ихъ ко лбу». Эти факты напоминаютъ намъ, что подобное же дѣйствіе служило когда-то и въ Европѣ знакомъ подчиненія. Принося присягу въ вѣрности, вассалъ, колѣно-преклоняясь, клалъ свои сложенные руки въ руки своего сюзерена.

Что и въ настоящемъ случаѣ положеніе это, выражающее политическое подчиненіе, обращается впоследствии въ составную часть религіозныхъ обрядовъ, врядъ ли требуетъ доказательствъ. На Востокаѣ молящіеся магометане поднимаютъ надъ головою сложенные руки совершенно также, какъ дѣлаютъ то другіе народы по отношенію къ новымъ начальникамъ. У грековъ «олимпійскимъ богамъ молились стоя, поднявъ руки вверхъ; морскимъ богамъ, протянувъ руки горизонтально; богамъ тартара, опустивъ руки внизъ». И въ настоящее время, заставляя дѣтей просить, ихъ учатъ складывать руки такъ, чтобы ладони пригасались другъ къ другу, учатъ, однимъ словомъ, принимать то положеніе, въ какое когда-то во всей Европѣ принужденъ былъ становиться подчиненный, желавшій выразить начальнику свое смиреніе и подчиненіе.

Нужно замѣтить, что такого рода движеніе или положеніе рукъ употребляется въ общественныхъ сношеніяхъ. Одно и то же происхожденіе всѣхъ этихъ движеній ясно выказывается въ обычаяхъ отдаленнаго Востока. «Когда сіамцы кланяются другъ другу, они складываютъ руки и поднимаютъ ихъ передъ лицомъ или надъ головою». Изъ восьми разрядовъ поклоновъ, установленныхъ въ Китаѣ, первый и наименѣе глубокой состоитъ въ складываніи рукъ и поднятіи ихъ передъ грудью. Даже среди насъ можно прослѣдить остатки этого дѣйствія: нерѣдко случается видѣть, какъ услужливый лавочникъ или хлопотливый и

усердный трактирщикъ складываетъ и двигаетъ слегка приподнятыя руки, продѣлываетъ это такимъ образомъ, что невольно возникаетъ въ умѣ мысль о происхожденіи этого движенія отъ первобытнаго способа выраженія подчиненія.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ исследованію другой группы поклоновъ, имѣющей другое, хотя и смежное происхожденіе. Тѣ, которые мы рассматривали до сихъ поръ, не имѣли никакого отношенія къ одеждѣ подчиненнаго лица; а между тѣмъ, видоизмѣненіе костюма, по фасону или по качеству матеріала, даютъ начало цѣлому ряду церемональныхъ обрядовъ.

Побѣжденный, преклоняясь передъ своимъ побѣдителемъ, обращаясь такимъ образомъ въ его собственность, теряетъ тѣмъ самымъ право на какія либо вещи, принадлежавшія ему, побѣжденному. Потеря болѣе важной части собственности включаетъ потери менѣе важной; такъ что, отдавая побѣдителю свое оружіе, онъ, по требованію перваго, отдаетъ ему и ту часть одежды, которая имѣетъ цѣну. Причина, почему берутъ послѣднее, во многихъ случаяхъ сходна съ причиною, обуславливающей сдачу оружія: часто одежда состоитъ изъ шкуры какого либо страшнаго звѣря или вся разукрашена трофеями. Въ такомъ случаѣ, она, наравнѣ съ оружіемъ, является новымъ вещественнымъ доказательствомъ мужества побѣдителя. Но какъ бы то ни было, ясно, что, откуда бы ни произошелъ обычай брать одежду у побѣжденныхъ, нагота, полная или частичная, плѣнника служитъ новымъ доказательствомъ его подчиненія. Что именно такъ смотрѣли на наготу на Востокѣ, легко представить тому доказательству. Въ кн. Исаія, XX, 2—4 мы читаемъ: «И сказалъ Господь: какъ рабъ мой, Исаія, ходилъ нагой, босой три года, въ указаніе... такъ поведетъ царь Ассирійскій плѣнниковъ изъ Египта и переселенцевъ изъ Егіптіи, молодыхъ и старыхъ, нагихъ и босыми». Мы имѣемъ, сверхъ того, и данныя изъ жизни другихъ племенъ, показывающія, что взятіе и унесеніе одежды служатъ для обозначенія политическаго подчиненія, а въ иныхъ случаяхъ является привѣтвенною церемоніею. Такъ, на островѣ Фиджи, въ день уплаты дани

«Вождь Сомо-Сомо, разоблачившись предварительно отъ всѣхъ своихъ одеждъ, сѣлъ и снялъ даже свой шлейфъ громадной длины. Онъ передалъ его оратору, а тотъ, въ свою очередь, передалъ ему кусокъ матеріи, достаточный для того, чтобы удовлетворить условіямъ благопристойности. Остальные вожди Сомо-Сомо являлись каждый со шлейфомъ, который волочился по полу на нѣсколько ярдовъ длины; всѣ они разоблачались до нага, снимали свои шлейфы и уходили... Все населеніе Сомо-Сомо оказалось такимъ образомъ обнаженнымъ».

Далѣе мы читаемъ, что, во время пребыванія Кука на островѣ Таити, два важные сановника «явились на корабль, и каждый изъ нихъ выбралъ себѣ друга... Церемонія эта состояла въ томъ, что они сняли большую часть своихъ одеждъ и возложили ихъ на насъ». А на другомъ полинезійскомъ островѣ, Самоа, этотъ привѣтственный обрядъ подвергается значительному сокращенію: снимается и подносится только одинъ поясъ.

Съ такими фактами въ рукахъ мы врядъ ли можемъ допустить сомнѣніе въ томъ, что эта передача одежды даетъ начало ряду привѣтствій, состоящихъ изъ большаго или меньшаго разоблаченія тѣла. Дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ разными степенями разоблаченія, которыя имѣютъ всѣ одно и тоже значеніе. Изъ отчета Ибнъ-Батула о путешествіи его въ Суданъ въ XIV в. Тэйлоръ приводитъ слѣдующія слова: «женщины не могутъ являться въ присутствіе султана Мелди иначе, какъ нагими; даже его дочери должны подчиниться этому обычаю»; и какъ бы сильно мы ни были склонны сомнѣваться въ существованіи подобнаго обычая, особенно въ его наиболѣе рѣзкой и крайней формѣ, наше сомнѣніе невольно исчезаетъ, когда мы читаемъ у Спика, что даже въ настоящее время при дворѣ Уганда «прислуживаютъ совершенно обнаженныя взрослыя женщины». Въ другихъ частяхъ Африки разоблаченіе, неполное, хотя все еще значительное, употребляется также въ видѣ привѣтствія. Въ Абиссиніи низшіе въ присутствіи своихъ начальниковъ должны обнажиться до пояса, «предъ равными же они приподнимаютъ лишь на время край одежды». Тоже происходитъ и въ Полинезіи. Таитяне «обнажаются до поясницы въ присутствіи короля»; а Форстеръ рассказываетъ, что на Островахъ Товарищества вообще «низшіе классы народа, по чувству почтенія, снимаютъ съ себя верхнее платье въ присутствіи своихъ старшихъ вождей». Какъ вполнѣ въ подобный привѣтственный обрядъ подвергается сокращенію и какъ онъ затѣмъ распространяется не только на правителей, но и на другихъ лицъ, это можно видѣть изъ обычаевъ жителей Золотого Берега. Вотъ чтò пишетъ Круикшенкъ:

«Они раскланиваются съ европейцами, а иногда и другъ съ другомъ, слегка передвигая свое платье правою рукою на лѣвомъ плечѣ и при этомъ граціозно наклоняясь. Если они желаютъ выказать особенное уваженіе, то обнажаютъ совсѣмъ плечо и поддерживаютъ платье подъ рукою, такъ что все ихъ тѣло до груди оказывается обнаженнымъ».

О тѣхъ же племенахъ Бёртонъ говоритъ, что «въ Иорубѣ и по всему Золотому Берегу обнаженіе плечъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и снятіе шляпы въ Англіи».

Врядъ ли нужно доказывать, что обнаженіе головы имѣетъ

то же первоначальное значеніе, какъ и обнаженіе верхней части тѣла. Даже относительно европейскихъ народовъ связь между этими двумя обычаями была подмѣчена, напримѣръ, Фордонъ. «Снятіе одеждъ въ Испаніи, говоритъ онъ:—равносильно нашему сниманію шляпы». Та же связь замѣчается въ Африкѣ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Дагомэ, оба эти обычая соединены: «они обнажали свои плечи, снимая въ то же время шляпы», говоритъ Бѣртонъ, рассказывая о сдѣланномъ ему приѣмѣ. Тоже и въ «Поллинезиі, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Тавити, жители обнажаются до половины передъ королемъ и во то же время снимаютъ шляпу. Отсюда, повидимому, ясно, что столь распространенный среди европейскихъ народовъ обычай снимать шляпы, сокращенный иногда до простого дотрогиванія къ ней, составляетъ остатокъ того процесса разоблаченія, помощью котораго, въ первобытныя времена, плѣнники выражали отдачу въ собственности побѣдителя всего своего имущества.

Что обычай обнажать ноги имѣеть то же происхожденіе, доказывается фактами изъ жизни жителей Золотого Берега: обнажая въ знакъ почтенія верхнюю часть своего тѣла, они также, по словамъ Бруншенка, снимаютъ и сандалии съ ногъ, «въ знакъ уваженія»; они обнажаютъ такимъ образомъ тѣло съ обѣихъ концовъ. По всей древней Америкѣ обнаженіе ногъ имѣло то же значеніе. Въ Перу «какое нибудь лицо, какъ бы оно ни было важно, не могло войти къ Инкѣ въ богатой одеждѣ, а непременно въ скромномъ костюмѣ и съ босыми ногами»; въ Мексикѣ короли, вассалы Монтезумы, обязаны были снимать башмаки, а потомъ уже входить къ нему». Насколько велико было значеніе, придаваемое этому дѣйствию, видно изъ того, что «когда Михоаканъ отдѣлился отъ Мексики, то государь его принялъ титулъ сазопи, то есть, обутой». Подобныя же данныя относительно азиатскихъ народовъ вполне знакомятъ насъ, съ этими обычаями. Въ Бурмѣ европеецъ, встрѣтившійся съ королемъ или попавшій въ его свиту, обязанъ снять башмаки даже и въ томъ случаѣ, если встрѣча произойдетъ на улицѣ или на большой дорогѣ». Тоже и въ Персіи: всякій приближающійся къ шаху долженъ обнажать ноги.

Не трудно провѣрить различныя толкованія этихъ обычаевъ; достаточно для этой цѣли уяснить нѣкоторые другіе обычая, господствующіе въ обществахъ, гдѣ изъясненія крайней подчиненности считаются необходимыми. Я говорю объ обычаяхъ являться въ присутствіе правителей одѣтыми въ грубую одежду—одежды рабовъ. Въ древней Мексикѣ, приближенные Монтезумы, поступавшіе къ нему «въ его апартаменты, въ услуженіе, обязаны были прежде всего снять свои богатые одежды и надѣть болѣе

простыя; они могли предстать предъ нимъ не иначе, какъ босыми и съ опущенными глазами». Тоже происходило и въ Перу: рядомъ съ правиломъ, что, какъ бы ни былъ знатенъ подчиненный, онъ можетъ явиться въ присутствіе Инки не иначе, какъ съ тяжестью на плечахъ и босымъ, подъ чѣмъ подразумѣвается рабство, существовало и другое, а именно: «какъ бы знатно и могущественно ни было лицо, входящее въ Инкѣ, оно не могло явиться въ богатыхъ одеждахъ, а лишь въ скромномъ костюмѣ». А это послѣднее дѣйствіе также служило для обозначенія рабства. Подобный же обычай, хотя не доведенный до такой крайности, существуетъ и въ Дагомѣ, гдѣ самодержавіе неограничено и подчиненность полная: подданные высшаго званія, королевскіе министры, могутъ ѣздить верхомъ, быть носимыми въ гамакахъ, наряжаться въ шелкъ, держать многочисленную свиту, употреблять во время прогулокъ большіе зонтики, флаги, трубы и другіе музыкальные инструменты. Но, при входѣ въ ворота королевскаго жилища, всѣ эти знаки ихъ высокаго званія должны быть оставлены». Даже въ средневѣковой Европѣ, подчиненіе побѣдителю или высшему лицу выражалось снятіемъ такихъ частей одежды и украшеній, которыя были въ связи съ высшимъ общественнымъ положеніемъ; считалось, слѣдовательно необходимымъ являться въ сравнительно бѣдномъ костюмѣ, согласовавшемся съ рабскимъ состояніемъ. Такъ, во Франціи, въ 1467 г., главы покореннаго города, сдавая его во власть побѣдоноснаго герцога, «привели съ собою въ его лагерь триста лучшихъ гражданъ, одѣтыхъ только въ рубашки, съ непокрытыми головами и босыми ногами. Эти послѣдніе поднесли герцогу городскіе ключи и предали себя въ его руки и его милосердію». Принесеніе присягъ въ вѣрности было связано съ обрядами, имѣвшими подобное же значеніе. Сен-Симонъ, описывая одну изъ церемоній этого рода и рассказывая, между прочимъ, объ отдачѣ сюзерену меча, перчатокъ и шляпы, говоритъ, что это дѣлалось съ цѣлью «лишить вассала знаковъ его званія въ присутствіи господина». Такимъ образомъ, и надѣваніе въ присутствіи господина грубыхъ одеждъ, и снятіе дорогихъ одеждъ и украшеній имѣютъ одно и то же значеніе.

Умиловительныя дѣйствія такого рода, подобно всѣмъ другимъ, распространяются отъ видимаго лица, предъ которымъ испытываютъ страхъ, на невидимое, внушающее подобный же страхъ—на духа и бога. Припомнимъ, что у евреевъ носыпаніе головы пепломъ и надѣваніе вретичъ производилось одновременно съ обрѣзываніемъ волосъ, кровопусканіемъ и нанесеніемъ ранъ на тѣлѣ—при чемъ все это дѣлалось для умиловленія духа; что далѣе обычай этотъ существуетъ и до сихъ поръ на

Востокѣ, гдѣ, по описанію Салта, одна женщина, осланивавшая покойника, была одѣта во вретнице и покрита пепломъ, а, по словамъ Бугардта, «родственницы умершаго вождя бѣгали по главнымъ улицамъ полуобнаженные, лишь слегка прикрыты лохмотьями, между тѣмъ какъ ихъ головы, лица и груди были почти вполне покрыты пепломъ». Не очевидно ли послѣ этого, что полу-нагота, разодранныя и грубыя одежды, выражающія подчиненіе живущему правителю, служатъ и для выраженія подчиненія лицу умершему, превратившемуся въ духа и получившему, такимъ образомъ, силу, внушающую страхъ? Что дѣйствительно таково значеніе обнаженія тѣла, доказывается тѣмъ, что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращается и въ дѣйствіе религіознаго подчиненія, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: Исаія, показывая самъ первый примѣръ, убѣждаетъ мятежныхъ израильтянъ заключить миръ съ Иеговою и говорить имъ: — «Бичуйте себя и обнажитесь, и опоясайтесь чресла вретницею», и изъ примѣра шестидесяти лицъ, пришедшихъ изъ Сихема, Шилоха и Самаріи, которые для умилостивленія Иеговы не только обрѣзали себѣ волосы и стали себя бичевать, но и разодрали одежды. Параллельное явленіе мы встрѣчаемъ и относительно обнаженія ногъ. Мы уже видѣли, что это дѣйствіе служило для выраженія смиренія передъ правителемъ; но оно, въ то же время, употреблялось, вмѣстѣ съ другими дѣйствіями, для выраженія сѣтованія по умершимъ, напримѣръ, у евреевъ, какъ то видно изъ слѣдующаго повелѣнія въ кн. Іезекиіла: «Вздыхай въ безмолвіи, плача по умершемъ не совершай; но обвязывай себя повязкою и обувай ноги твои въ обувь твою». У евреевъ сниманіе обуви употреблялось также при богослуженіи. Въ другихъ мѣстахъ сниманіе обуви является знакомъ какъ политическаго, такъ и религіознаго подчиненія. О перуанцахъ, которые являются босыми въ присутствіи Инки, мы читаемъ, что «всеі они, за исключеніемъ короля, снимаютъ обувь за двѣсти шаговъ до входа въ храмъ Солнца; король же сохраняетъ обувь до самаго входа въ храмъ, а тамъ снимаетъ ее». То же можно замѣтить и относительно сниманія шляпы. Употребляясь рядомъ съ другими дѣйствіями для умилостивленія живыхъ правителей, оно служитъ также для умилостивленія духовъ обыкновенныхъ смертныхъ и духовъ важныхъ, обожествленныхъ влослѣдствіи мертвецовъ, которымъ приносится постоянное поклоненіе. Такъ, напримѣръ, даже въ нашемъ обществѣ существуетъ обычай снимать шляпы, подлѣ могилы; на континентѣ снимаютъ шляпы при встрѣчѣ съ похоронною процессіею. Снимаютъ шляпы передъ изображеніемъ Христа и Вождей Матери, какъ въ домахъ, такъ и на улицѣ, что предписывается въ старинныхъ книгахъ объ обхожденіи; въ

католическихъ странахъ падаютъ на колѣни и снимаютъ шляпы, когда проносятся св. дары; мы видимъ, наконецъ, повсюду сниманіе шляпъ передъ входомъ въ мѣсто богослуженія.

Но не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія того факта, что подобнаго рода привѣтствія, совершаемыя первоначально по отношенію къ высшимъ лицамъ, внушающимъ сильнѣйшій страхъ, а въ настоящее время и по отношенію къ менѣе могущественнымъ лицамъ, мало-по-малу расширяются, пока не обращаются, наконецъ, въ общераспространенный обычай. Вышеприведенныя цитаты показали, что въ Африкѣ легкое обнаженіе плеча употребляется какъ средство привѣтствія между равными, между тѣмъ какъ въ Испаніи къ той же цѣли служить легкое передвиженіе плаща. Подобнымъ же образомъ, обычай ходить босикомъ въ присутствіи короля и въ храмахъ порождаетъ обычай вѣжливости въ общественныхъ сношеніяхъ: дамы снимаютъ сандалии при входѣ въ чужой домъ; японцы, при входѣ даже въ лавку, оставляютъ свою обувь у порога; при входѣ въ турецкій домъ, необходимо оставить верхнюю обувь или галоши у подножія гѣстницы, наконецъ, въ Европѣ церемонія сниманія шляпы съ головы, выражавшая первоначально феодальное подчиненіе и религиозное поклоненіе, теперь служитъ для выраженія уваженія даже земледѣльцу, при входѣ въ его домъ.

Последнее изъ приведенныхъ нами фактовъ требуетъ нѣкоторыхъ прибавочныхъ разъясненій. Необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ путемъ, вслѣдствіе распространенія привѣтствій, выражавшихъ первоначально отдачу себя во власть побѣдителя и подчиненіе правителю, образовались привѣтствія всякаго рода между равными.

Мы уже приводили доказательства того, что ритмическія музыкальныя движенія, обозначающія радость, каковы: прыганіе, хлопаніе въ ладоши и даже хлопаніе по ребрамъ локтями, обращаются въ искусственные знаки радости для умилостивленія повелителя, при чемъ возникаютъ особыя положенія тѣла, указывающія подчиненіе. Эти искусственные знаки радости переходятъ въ обихъ вѣжливостей въ тѣхъ случаяхъ, когда различіе званій не имѣетъ мѣста. Согласно словамъ Гранта, когда въ лагерьъ Торки кто-нибудь рождался... у дверей матери собиралась толпа женщинъ, выражавшая свою радость хлопаніемъ въ ладоши, пласками и криками. Пляска ихъ состояла въ прыганіи, въ подыманіи ногъ самымъ неуклюжимъ образомъ и въ хлопаніи локтями по бокамъ. Тамъ, гдѣ то дозволяютъ обстоятельства, подобныя изъявленія уваженія дѣлаются взаимными. Восманъ рассказываетъ, что на негрскомъ берегу «два лица одинаковаго званія падаютъ при встрѣчѣ другъ передъ другомъ на колѣни и

хлопаютъ въ ладоши и кланяются, желая добраго дня.» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между друзьями происходитъ обмѣнъ вѣжливостей, доходящій даже до паденія ницъ на землю. У москитовъ, говоритъ Банкрофтъ, «одно изъ двухъ встрѣтившихся лицъ падаетъ къ ногамъ другаго; послѣдній помогаетъ ему встать, обнимаетъ его и затѣмъ, въ свою очередь, падаетъ къ его ногамъ, чтобы быть также поднятымъ и утѣшеннымъ объятіемъ». Подобнаго рода примѣры вполне подтверждаютъ, что поклонны, присѣданія и сниманіе шляпъ, которыми мы обмѣниваемся, составляютъ остатки, переживаніе прежнихъ преклоненій плѣнниковъ и разоблаченіе ихъ.

Я привожу всѣ эти примѣры, главнымъ образомъ, съ цѣлю объяснить другой, еще болѣе распространенный обычай. Я уже указалъ на то, какъ среди вѣжливыхъ арабовъ высшее лицо, если оно въ милостивомъ настроеніи духа, противится желанію низшаго поцѣловать его руку и какъ, наконецъ, борьба между ними оканчивается тѣмъ, что низшее цѣлуетъ свою собственную руку. Приведемъ теперь слѣдующій отчетъ Нибура о другомъ, тѣсно связанномъ съ этимъ обычаемъ.

«Два араба, встрѣчаясь въ пустынѣ, пожимаютъ другъ другу руку болѣ десяти разъ; каждый изъ нихъ цѣлуетъ свою руку и непрестанно повторяетъ вопросъ: «какъ твое здоровье?!» Въ Йеменѣ каждое лицо дѣлаетъ видъ, какъ будто желаетъ взять руку другаго, а самъ отодвигаетъ свою, чтобы избѣгнуть подобной же почести. Наконецъ, для окончанія спора, старшій изъ двухъ позволяетъ другому поцѣловать свои пальцы».

Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать происхожденіе пожатія рукъ? Что должно произойти, если изъ двухъ лицъ одно желаетъ привѣтствовать другое поцѣлуемъ руки и каждое, въ свою очередь, отымаетъ свою руку, противится поцѣлованію? Подобно тому, какъ въ томъ случаѣ, когда два лица оставляютъ комнату и каждое изъ нихъ, уступая другому первый шагъ, отказывается идти впередъ, возникаетъ необходимо у дверей столкновеніе нѣкоторыхъ движеній, мѣшающихъ движенію впередъ—такъ и въ случаѣ, если два лица пытаются поцѣловать другъ у друга руки, а сами отказываютъ въ поцѣлуѣ своихъ рукъ, порождается рядъ движеній: каждый старается поднять руку другаго къ губамъ и отнять свою, опуская ее внизъ, и т. д. попеременно. Вначалѣ подобное дѣйствіе окажется совершенно неправильнымъ, но, по мѣрѣ распространенія обычая и выѣстъ съ болѣе установившимся исходомъ этой борьбы—неудачей въ поцѣлуѣ, движенія сдѣлаются болѣе правильными и размѣренными. Ясно, что различіе между простымъ соединеніемъ рукъ, до чего теперь часто сокращается это привѣтствіе, и стариннымъ

сердечнымъ пожатіемъ, потрясеніемъ руки—гораздо большее, чѣмъ между сердечнымъ пожатіемъ руки и тѣмъ движеніемъ, которое произошло бы, какъ результатъ усилія одного лица поцѣловать руку у другого.

Но если бы даже арабскіе обычай и не проливали свѣта на указаннаго дѣйствія, мы вынуждены были бы заключить, что таково именно ихъ происхожденіе. Послѣ всего сказаннаго, врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, не есть ли пожатіе рукъ—заранѣе установленная, обдуманная форма привѣтствія. А если это пожатіе, подобно остальнымъ обычаямъ того же рода, произошло естественнымъ образомъ изъ какого-либо дѣйствія, выражающаго подчиненіе, то такимъ дѣйствіемъ долженъ быть именно поцѣлуй руки, который только одинъ и могъ породить такой обычай.

Итакъ, какого бы рода ни были привѣтствія, всѣ они имѣютъ происхожденіе общее съ трофеями и изувѣченіями. Находясь вполнѣ во власти своего побѣдителя, который либо убиваетъ побѣжденнаго, отрѣзавъ часть его тѣла въ знакъ побѣды, либо, отрѣзавъ менѣе важную часть тѣла, налагаетъ такимъ образомъ на него клеймо подчиненности, побѣжденный врагъ лежитъ распростершись у ногъ его то на спинѣ, то съ ногою побѣдителя на шеѣ, покрытый прахомъ или грязью, безъ оружія, съ разорванными одеждами, лишенный своей одежды, покрытой трофеями и наиболѣе цѣнной въ его глазахъ. Такимъ образомъ, преклоненіе, посыпаніе прахомъ, потеря одеждъ—явленія, сопровождающія покореніе, подчиненіе—обращаются, подобно изувѣченіямъ, въ признанныя доказательства подчиненія; отсюда происходятъ, во первыхъ, искусственные и принудительные знаки подчиненія, выказываемые рабами передъ господами и подданными передъ правителями, затѣмъ—добровольное принатіе смиренныхъ положеній передъ высшими и, наконецъ—тѣ привѣтственные движенія, выражающія низшее подчиненное положеніе, которыми раздѣляются между собою равные.

Что начало всѣхъ привѣтствій и поклоновъ лежитъ въ воинственномъ строѣ общества—заключеніе, гармонирующее вполнѣ съ тѣмъ фактомъ, что они развиваются вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Въ племенахъ, у которыхъ вовсе нѣтъ правительства, и въ тѣхъ, гдѣ власть вождя слабо установлена, мы почти не встрѣчаемъ положеній и движеній, выражающихъ подчиненіе: напр. у огнеземельцевъ, андамановъ, австралійцевъ, тасманійцевъ, эскимосовъ; а въ отчетѣхъ объ этикетѣ, господствующемъ среди бродячихъ и почти неорганизованныхъ племенъ Сѣв. Америки, почти вовсе не упоминается о дѣйствіяхъ, выражающихъ рабство или подчиненіе. Правда, въ Индіи существуютъ простыя, политически-неорганизованныя и мирныя общества, среди ко-

торых употребляются униженные привѣтствія, напр. тодасы. Во время бракосочетанія, тодаскам невѣста кладетъ голову подъ ногу жениха. Но коль скоро исключенія подобнаго рода, такъ же какъ и менѣе рѣзко обозначающіяся, встрѣчаются у осѣдлыхъ пастушескихъ или земледѣльческихъ племенъ, прошедшихъ уже рядъ ступеней развитія отъ бродячей жизни къ осѣдлой, ступеней, въ теченіи которыхъ военная дѣятельность была очень сильна—мы вправѣ съ полнымъ основаніемъ предположить, что они—не иное чтò, какъ переживающіе обряды, утратившіе свое первоначальное значеніе; и это тѣмъ болѣе, что у упомянутыхъ нами народовъ не существуетъ ни общественаго подчиненія, ни подчиненія домашняго, выраженіемъ которыхъ служатъ изслѣдуемые нами обряды. Съ другой стороны, въ сложныхъ обществахъ, установившихся подъ вліяніемъ воинственнаго духа и приобрѣвшихъ воинственный типъ организаціи, политическая и общественная жизнь отличается рабскими привѣтствіями и поклонами. Если мы спросимъ себя, въ какихъ именно слабо развитыхъ обществахъ встрѣчаются униженные преклоненія, ползанія и пресмыканія—отвѣтъ будетъ ясенъ. Мы находимъ ихъ у воинственныхъ каннибаловъ на Фиджи, гдѣ власть правителей надъ подданными и ихъ собственностью неограниченна и гдѣ, въ нѣкоторыхъ порабощенныхъ округахъ, жители смотрятъ на себя, какъ на существа, откармливаемые для съѣденія; мы находимъ ихъ, далѣе, въ Уганда, гдѣ война представляетъ хроническое явленіе, гдѣ единственный источникъ дохода—грабежъ какъ сосѣднихъ племенъ, такъ и подданныхъ и гдѣ король, «за отсутствіемъ дичи, сталъ стрѣлять и убивать своихъ собственныхъ подданныхъ». Мы находимъ ихъ у кровожадныхъ дагомейцевъ, гдѣ производятся нападешя на сосѣдніе округа съ цѣлю добыванія возможно большаго числа головъ для украшенія королевскаго дворца и гдѣ всѣ, начиная съ перваго министра, считаются рабами короля. Что касается до болѣе цивилизованныхъ государствъ, мы встрѣчаемъ привѣтствія въ Вурмѣ и Сямѣ, гдѣ воинственный типъ, завѣщанный прошлымъ, создалъ сильную неограниченную монархическую власть; въ Японіи, гдѣ, рядомъ съ деспотизмомъ, порожденнымъ и упроченнымъ войнами ранняго времени, возникли и униженные преклоненія каждаго класса общества передъ классомъ, стоящимъ на высшей ступени общественной лѣстницы; въ Китаѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ такимъ же деспотическимъ правительствомъ, возникшимъ подобнымъ же путемъ, продолжаютъ существовать полу-преклоненія и ударенія о землю головою въ присутствіи верховнаго правителя. То же можно сказать и объ обычаяхъ цѣловать ноги. Отъ существованія въ древнемъ Перу, гдѣ весь народъ былъ подчиненъ воинственной

дисциплинѣ и организаціи. Онѣ преобладаютъ въ Мадагаскарѣ, гдѣ строй и дѣятельность отличаются воинственнымъ характеромъ. А среди многихъ народовъ Востока, живущихъ издавна подъ деспотическимъ правленіемъ, этотъ видъ привѣтствія существуетъ и теперь, какъ существовалъ въ давнопрошедшія времена. То же происходитъ и съ обычаемъ снимать либо всю одежду, либо только нѣкоторую часть ея. Самыя рѣзкія формы проявленія этого обычая встрѣчаются, какъ мы уже видѣли, въ Фиджи и Уганда; между тѣмъ какъ менѣе рѣзкія — обнаженіе тѣла до пояса — попадаются въ Абиссиніи и Таяти, гдѣ королевская власть, хотя и отличается своимъ могуществомъ, все же менѣе деспотична, чѣмъ въ Фиджи и Уганда. Тоже замѣчается и относительно обнаженія ногъ. Оно служило привѣтствіемъ королю въ древнемъ Перу и древней Мексикѣ, служить и теперь для той же цѣли въ Бурмѣ и Персін. Во всѣхъ этихъ странахъ деспотическое правительство развилось изъ военнаго духа. Та же связь наблюдается и по отношенію къ другимъ крайнимъ формамъ привѣтствій: посыпанію головы пепломъ, надѣванію грубыхъ одеждъ, ношенію тяжестей, связыванію рукъ.

Мы придемъ къ тѣмъ же результатамъ, если сравнимъ обычай европейскихъ народовъ въ раннія времена, когда война наполняла всю жизнь, съ обычаями, существующими теперь, когда война перестала быть жизненною дѣятельностью. Въ феодальныя времена выказывали свое уваженіе и преданность тѣмъ, что цѣловали ноги, становились на колѣни, складывали руки, снимали нѣкоторыя части одежды — въ наши дни наиболѣе униженныя изъ этихъ привѣтствій исчезли, нѣкоторыя совсѣмъ, другія почти совершенно: сохранились поцѣлуй, поклонъ и снятіе шляпы. Даже болѣе: тѣ же различія можно прослѣдить между болѣе и менѣе воинственными европейскими націями — на континентѣ отвѣщаютъ болѣе глубокіе и болѣе старательные поклоны, чѣмъ въ Англіи. Даже въ нашемъ обществѣ проявляется это различіе: высшіе классы, составляющіе регулятивную часть общественнаго строя, развившюся какъ здѣсь, такъ и повсюду, благодаря воинственному духу, обращаютъ болѣе вниманія на эти формы привѣтствія (не только при дворѣ, но и въ частныхъ сношеніяхъ), чѣмъ классы, образующіе собою промышленный строй, члены которыхъ теперь раздѣиваются при встрѣчахъ почти исключительно легкимъ поклономъ или кивкомъ головы. Можно прибавить еще другой многозначительный фактъ: въ чисто воинственныхъ частяхъ нашего общества — арміи и флотѣ — установленныя и предписанныя привѣтствія не только соблюдаются болѣе правильно и строго, нежели въ другихъ частяхъ общества, но, кромѣ того, во флотѣ, гдѣ главные

офицеры обладают сильною властью, переживаетъ обычаи, аналогичный съ обычаями варварскихъ обществъ: въ Бурмѣ считается обязательнымъ «преклоняться при приближеніи къ дворцу»; дагемейцы преклоняются передъ воротами дворца; на Фиджи предписывается склоняться «въ знакъ уваженія къ вождю или къ его жилищу»; когда же англійскій военный отправляется на бортъ корабля, онъ долженъ снять шляпу передъ шпандами.

Примѣры подобнаго различія мы встрѣчаемъ и въ привѣтствіяхъ, приносимыхъ сверхъестественнымъ существамъ, духамъ или богамъ. Пошеиіе вретницъ для умилостивленія духа, напр. въ старину у евреевъ, а теперь въ Китаѣ, частичное обнаженіе тѣла и посыпаніе головы цепломъ — что дѣлается и теперь на Востоцѣ при похоронныхъ обрядахъ—всѣ эти обычаи не встрѣчаются въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ промышленность оказала сильное дѣйствіе на измѣненіе строя. Среди насъ, гдѣ это дѣйствіе индустриі сказалось сильнѣе всего, привѣтствія мертвецамъ почти вполне исчезли; исключеніе составляетъ обычай снимать шляпу подлѣ могилы. То же можно сказать и относительно привѣтствій, употребляемыхъ при богослуженіи. Обнаженіе ногъ при приближеніи къ храму, какъ, напр., въ древнемъ Перу, и снятіе обуви при входѣ въ храмъ, какъ, напр., на Востоцѣ, все это—дѣйствія, которыхъ мы не встрѣчаемъ болѣе среди насъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, а на континентѣ лишь въ случаѣ покаянія. Преклоненія и ударенія о землю головою молящагося китайца или магометанина не встрѣчаются вообще въ тѣхъ странахъ, гдѣ болѣе свободныя формы социальныхъ учрежденій, свойственныя промышленному типу, видоизмѣнили воинственный типъ. Даже колѣнопреклоненіе, какъ одинъ изъ видовъ религіознаго поклоненія, въ значительной степени вышло у насъ изъ употребленія, а у наименѣе воинственныхъ изъ нашихъ сѣвъ, у квакеровъ, мы вообще не встрѣчаемъ религіозныхъ привѣтствій.

Такого рода отношенія, параллельныя съ тѣми, которыя мы уже прослѣдили, покажутся намъ вполне естественными, если мы вспомнимъ, что воинственная дѣятельность, будучи, по сущности своей, понудительна, требуетъ по необходимости приказанія и послушанія, такъ что тамъ, гдѣ она преобладаетъ, преобладаютъ и изъявленія покорности; напротивъ того, промышленная дѣятельность, какъ напр. въ отношеніяхъ между нанимателемъ и нанимающимся, между продавцомъ и покупателемъ, по сущности своей—не понудительна; поэтому тамъ, гдѣ она преобладаетъ, наставляется лишь на исполненія контракта, условія отсюда—упадокъ въ употребленіи знаковъ покорности.

Гербертъ Спенсеръ.

СВАДЬБА ПО ТЕЛЕФОНУ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

МАРКА ТВЭНА.

I.

Быль холодный, зимній день. Городъ Истпортъ, въ штатѣ Мэнъ, лежалъ погребенный подъ глубокимъ слоемъ только что выпавшаго снѣга. Умолекъ обычный шумъ на улицахъ. На нихъ можно было видѣть только гробовую пустоту, при такомъ же безмолвіи. Тротуары казались длинными канавами, окруженными съ обѣихъ сторонъ высокими снѣжными стѣнами. По временамъ, въ воздухѣ раздавался отдаленный скрипъ деревянной лопаты, и если вы были очень поспѣшны въ своихъ движеніяхъ, то успѣли бы замѣтить черную фигуру въ одной изъ этихъ канавъ. То былъ работникъ, пытавшійся сгребать снѣгъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ уже бросалъ лопату и удалялся въ дождь, постукивая одной рукой объ другую. Холодъ былъ слишкомъ убійственный, чтобы даже работники, сгребавшіе снѣгъ, оставались долго на воздухѣ.

Потомъ на небѣ потемнѣло, поднялся сильный вѣтеръ, и его энергичные порывы стали разносить по всѣмъ сторонамъ облака снѣжной пыли. Одинъ изъ этихъ порывовъ заграждалъ улицу снѣжнымъ сугробомъ, на подобіе могилы, другой — разметывалъ этотъ сугробъ, устраивая нѣчто въ родѣ бушующаго водоворота, а третій — очищалъ все пространство, какъ ладонь. Это была безумная игра, но порывы вѣтра имѣли свою прямую обязанность заносить снѣгомъ тротуары, и это они исполняли самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Алонзо Фитцъ-Кларенсъ сидѣлъ въ своемъ красивомъ, уютномъ, маленькомъ кабинетѣ; на немъ былъ прелестный голубой шелковый халатъ съ искусно стеганными пунцовыми отворотами. Веселый огонь пылалъ въ каминѣ, а на столѣ видѣлись остатки

роскошно сервированного завтрака. Все это вмѣстѣ составляло граціозную, гармоническую и пышную картину.

Вдругъ, стекла задребезжали въ окнѣ отъ страшнаго порыва вѣтра, и снѣжная волна ударила о деревянную раму. Красивый молодой холостякъ промолвилъ:

— Значить, сегодня сиди дома. Я очень радъ, но съ кѣмъ мнѣ промолвить хоть слово? Матушка и тѣтка Сюзанна — приятное общество, но ихъ обществомъ я могу всегда пользоваться, а въ такой мрачный, скучный день необходимо, для развлечения, какой-нибудь новый интересъ, какой-нибудь свѣжій элементъ.

Онъ взглянулъ на хорошенькіе французскіе бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ.

— Опять отстали. Они никогда не знаютъ настоящаго времени. Альфредъ!

Отвѣта не было.

— Альфредъ!.. Хорошій слуга, но такой же невѣрный, какъ часы.

Алонзо ткнулъ пальцемъ въ пуговку электрическаго звонка, подождалъ минуту, снова позвонилъ (еще сильнѣе и, наконецъ, промолвилъ:

— Вѣрно, батарея не въ порядкѣ. Но ужъ я узнаю, во что бы то ни стало, который часъ.

Онъ подошелъ къ разговорной трубѣ, сначала свистнулъ, а потомъ произнесъ два раза:

— Матушка!

Отвѣта также не было.

— Вѣроятно, и у матушки батарея не въ порядкѣ. Видно, отъ домашнихъ ничего не добьешься.

Онъ сѣлъ къ столу изъ розоваго дерева и, припавъ щекою къ лѣвой его сторонѣ, сказалъ, какъ бы обращаясь къ полу:

— Тѣтка Сюзанна!

Тихій, но приятный голосъ отвѣчалъ:

— Это ты, Алонзо?

— Да. Я не могу сойти въ нижній этажъ, а никто не идетъ мнѣ на помощь. Я въ крайне затруднительномъ положеніи.

— Что съ тобой? Ты меня пугаешь.

— Мнѣ самому страшно.

— Говори скорѣе. Не терзай.

— Я не знаю, который часъ.

— Гадкій мальчишъ! Вѣчно шутишь. Вотъ и все?

— Все, клянусь честью. Успокойтесь. Скажите мнѣ, который часъ, и примите мое благословеніе.

— Пять минутъ десятаго. Не надо твоего благословенія. Я и даромъ сважу.

— Напрасно, благословеніе мнѣ ничего не стѣитъ. Благодарю васъ.

Онъ всталъ и, посмотрѣвъ на свои часы, сказалъ:

— Сегодня они еще лучше себя ведутъ; отстали только на 34 минуты. Въ Сан-Франциско пять минутъ десятого... слѣдовательно.. Дай-ка, посчитаю: 31 и 23 будетъ 54, четыре раза 54 составитъ 236; отнять одинъ, останется 235. Это вѣрно.

Онъ перевелъ стрѣлки на своихъ часахъ и поставилъ на часъ безъ двадцати минутъ.

— Ну, теперь, если можете, не врете болѣе, а то я вамъ задамъ.

Онъ снова возвратился къ столику изъ розоваго дерева и произнесъ:

— Тѣтя Сюзанна!

— Что, голубчикъ?

— Вы завтракали?

— Да, часъ тому назадъ.

— Вы заняты?

— Нѣтъ, то есть, шью. А тебѣ что?

— У васъ есть кто нибудь?

— Нѣтъ, но я жду въ половинѣ десятого.

— Жаль, что я никого не жду. Мнѣ скучно. Я хотѣлъ бы съ кѣмъ-нибудь поговорить,

— Хорошо, говори со мной.

— Но я хотѣлъ бы поговорить наединѣ.

— Не бойся, здѣсь никого нѣтъ.

— Право, не знаю, рѣшиться ли...

— Чего ты колеблешься? Ты знаешь, что можешь мнѣ все доверить.

— Знаю, тѣтя; но дѣло очень серьезное, оно касается не только меня и моего семейства, но всего общества.

— О! Алонзо, говори скорѣе. Я никому не скажу.

— Вотъ видите, тѣтя...

— Продолжай скорѣй. Я тебя люблю и могу сочувствовать тебѣ во всемъ. Повѣрь мнѣ свою тайну. Въ чемъ дѣло?

— Здѣсь скверная погода.

— Какъ тебѣ не стыдно меня такъ мучить, Алонзо!

— Простите, милая тѣтя, никогда больше не буду.

— Я тебя прощаю, если ты раскрываешься. Но вѣдь ты опять станешь меня дурачить?

— Нѣтъ, кланусь честию. Но вы не можете себѣ представить, какая здѣсь погода: холодъ, вѣтеръ, снѣгъ. А у васъ что?

— Жара, дождь, темнота. На улицахъ только и видны зон-

таки и струящаяся съ нихъ вода. Окна отперты для пролады, а въ каминѣ пылаеть огонь, чтобъ хоть немного повеселить глазъ и разогнать скуку. Но все напрасно. На душѣ мрачно, а въ воздухѣ аромать декабрьскихъ цвѣтовъ, какъ бы на зло распустившихся въ саду.

Алонзо хотѣлъ сказать: «Краснорѣчиво, тѣтя, это надо бы напечатать», но остановился, услыжавъ, что тѣтка заговорила съ кѣмъ-то другимъ. Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу. Мятель бушевала еще сильнѣе прежнего, оконный переплетъ дрожалъ; бездомная собака съ поджатымъ хвостомъ прислонилась, дрожа всѣмъ тѣломъ, къ стѣнѣ дома, какъ бы прося защиты; бѣдная молодая дѣвушка, съ развѣвающимся кашпономъ ватерпруфа, пробиралась по когѣна въ снѣгу. Алонзо вздрогнулъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Нѣтъ, лучше жаръ, дождь и даже благоуханіе цвѣтовъ, чѣмъ такая гадость.

Онъ отвернулся отъ окна и сталъ прислушиваться. До него долетали нѣжные звуки любимаго романса. Голосъ и гѣніе далеко не достигали совершенства, но въ нихъ было что то особенно очаровательное. Когда прелестные звуки умолкли, Алонзо промолвилъ:

— Я никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

И, подходя къ столику изъ розоваго дерева, онъ тихо спросилъ:

— Тѣтя, кто эта небесная пѣвица?

— Гостя, которую я ожидала. Она пріѣхала погостить ко мнѣ на мѣсяць. Я тебя сейчасъ ей представлю. Миссъ...

— Подождите, тѣтя, вы всегда все дѣлаете необдуманно.

Съ этими словами, Алонзо убѣжалъ въ спальню и вернулся одѣтый по послѣдней модѣ.

— Чортъ возьми! Она хотѣла меня представить этому ангелу въ голубомъ халатѣ съ пунцовыми отворотами.

Онъ послѣшно приблизился къ столику изъ розоваго дерева и съ нетерпѣніемъ произнесъ, улыбаясь и расшаркиваясь:

— Теперь я готовъ, тѣтя.

— Хорошо. Миссъ Розанна Эмльтонъ, позвольте мнѣ представить вамъ моего любимаго племянника, мистера Алонза Фитц-Кларенса. Вы оба—хорошіе люди и я васъ одинаково люблю; мнѣ надо заняться по хозяйству и я васъ оставлю вдвоемъ. Сядьте, Розанна, сядьте, Алонзо. До свиданія, я вскорѣ вернусь.

Алонзо все это время улыбался и кланялся, пододвигалъ кресла воображаемой молодой дѣвушкѣ и, наконецъ, самъ усѣлся.

— Вотъ это такъ счастье! думалъ онъ:— пусть теперь свирѣл ствуетъ мятель. Мнѣ какое дѣло!

Пока молодые люди знакомились и весело болтали, мы бросимъ взглядъ на миссъ Розанну Этльтонъ. Она сидѣла въ граціозной позѣ одна въ богато убранной гостиной, очевидно, принадлежавшей умной, образованной и развитой женщинѣ. Передъ низкимъ, покойнымъ кресломъ стоялъ роскошный рабочій столикъ и вокругъ него полъ былъ устланъ концами шерстей и шелковъ всевозможныхъ цвѣтовъ, лоскутками лентъ и различныхъ матерій. На богатомъ диванѣ, покрытомъ индійской матеріей съ золотыми разводами, лежала тамбурная работа. У окна видѣлся мольбертъ съ недоконченной картиной, а подлѣ, на стулѣ—палитра и кисти. Всюду были раскиданы книги: сочиненія Тенисона, Гауторна, проповѣди Робертсона; молитвенники, хозяйственныя руководства и т. д. Фортепiano было завалено нотами, по стѣнамъ висѣло много картинъ, а на этажеркахъ разставлены были статуетки, фарфоровыя фигурки и прочія художественныя бездѣлушки. Окна выходили въ садъ, изобиловавшій рѣдкими цвѣтами и кустарниками.

Но всего прелестнѣе въ этой комнатѣ была молодая дѣвушка. Черты ея были правильныя, греческія; цвѣтъ лица бѣлоснѣжный съ розоватымъ отливомъ; глаза большіе, голубые, рѣсницы длинныя, загибающіяся, волосы густые, золотисто-русые, фигура статная, граціозная. Во всемъ ея существѣ выражалась дѣтская простота и грація газели. Ея костюмъ отличался гармонической прелестью и тонкимъ развитымъ вкусомъ.

Время шло, а молодые люди все болтали. Вдругъ, миссъ Розанна подняла голову и, посмотрѣвъ на часы, вспыхнула.

— Прощайте, мистеръ Фитцъ-Кларенсъ, сказала она: — мнѣ надо идти.

Она поспѣшно вскочила, не обращая вниманія на отвѣтъ молодого человека и, не сводя глазъ съ часовъ, промолвила сквозь зубы:

— Пять минутъ двѣнадцатаго! Прошло два часа, а мнѣ они показались не болѣе двадцати минутъ. Чтѣ онъ обо мнѣ подумаетъ?

Въ тоже время и Алонзо съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свои часы.

— Три часа безъ двѣнадцати минутъ! промолвилъ онъ: — прошло два часа, а мнѣ они показались двумя минутами. Неужели мои часы опять врутъ! Миссъ Этльтонъ, вы еще не ушли?

— Нѣтъ, но я ухожу.

— Будьте такъ добры, скажите, который часъ?

Молодая дѣвушка покраснѣла и, промолвивъ про себя: «это жестоко съ его стороны», отвѣчала очень равнодушно:

— Пять минут двѣнадцатаго.

— Благодарю васъ. Вы уходите?

— Да.

— Какъ жаль!

Отвѣта не было.

— Миссъ Этльтонъ!

— Что?

— Вы еще не ушли!

— Нѣтъ, но уйду. Что вамъ надо?

— Ничего. Мнѣ очень скучно. Не будете ли вы такъ добры поговорить со мною опять попозже?

— Не знаю, подумаю, постараюсь.

— Благодарю васъ, миссъ Этльтонъ! Она ушла. Какъ здѣсь холодно! Она сказала прощайте!.. Однако, часы правы. Какъ скоро прошло два часа.

Онъ сѣлъ къ камину, мрачно опустивъ голову и тяжело вдыхая.

— Странно, два часа тому назадъ, я былъ свободный человѣкъ, а теперь мое сердце въ плѣну въ Сан-Франциско!

Въ это самое время, Розанна Этльтонъ, сидя на оникъ своей спальнѣ и смотря на лужи, покрывавшія улицы, думала:

— Онъ гораздо лучше глупаго Бурлей съ его пустой головой и пошлымъ талантомъ передразнивать знакомыхъ.

II.

Мѣсяцъ спустя, мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей сидѣлъ за роскошнымъ завтракомъ въ своемъ богатомъ домѣ на Телеграфной Горѣ и забавно передразнивалъ извѣстныхъ актѣровъ, литераторовъ и мѣстныхъ аристократовъ. Онъ былъ очень красивъ, щегольски одѣтъ. Повидимому, онъ былъ очень веселъ, но все же безпокойно поглядывалъ на дверь. Наконецъ, появилась лакей и что-то въ полголоса сказалъ хозяйкѣ, которая молча кивнула головой. Мистеръ Бурлей понялъ, въ чемъ дѣло, и вѣжливо осовѣлъ; одинъ его глазъ выразилъ глубокое разочарованіе, а другой мрачное отчаяніе.

Когда всѣ гости разъѣхались, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и сказалъ:

— Она рѣшительно избѣгаетъ меня, и всегда отказывается выйти, когда я здѣсь. Еслибъ мнѣ только увидать и сказать ей два слова...

— Это, быть можетъ—одна случайность, мистеръ Бурлей. Прой-

дите въ маленькую гостиную верхняго этажа и подождите меня. Я распорядусь по хозяйству и потомъ пойду къ ней въ комнату; авось я ее уговорю принять васъ.

Мистеръ Бурлей повиновался, но по дорогѣ, проходя мимо будуара тѣтки Сюзанны, услыхалъ черезъ полу-отворенную дверь веселый смѣхъ Розанны; не постучавшись и не спросивъ позволенія, онъ вошелъ въ комнату. Но не успѣлъ онъ переступить порога, какъ юная кровь его застыла и сердце оледѣло. Онъ услыхалъ голосъ, говорившій:

— Наконецъ-то, радость моя, я получилъ вашъ портретъ.

Розанна Эгльтонъ, обернувшись къ нему спиной, отвѣчала:

— А, я—вашъ, голубчикъ.

Она нагнулась и что-то подѣловала. Онъ задрожалъ отъ злобы. Ужасный разговоръ продолжался.

— Розанна, я былъ увѣренъ, что вы прелестны, но ваша красота ослѣпительна, опяняющая!

— Я очень рада слышать это отъ васъ, Алонзо. Я знаю, что вы говорите неправду, но мнѣ пріятны ваши похвалы. Я была увѣрена, что у васъ благородное лицо, но никогда не ожидала такого величія и нѣжности.

И снова раздались подѣлуи.

— Благодарю васъ, Розанна. Но фотографія слишкомъ мнѣ льститъ. Знаете ли что, Розанна!

— Что, Алонзо?

— Я ужасно счастливъ!

— О! Алонзо, никто до сихъ поръ не зналъ и впоследствии не узнаетъ такого счастья, какъ я.

— О! моя Розанна! Вѣдь ты моя, не правда ли?

— Ваша Алонзо, вся ваша и на вѣки. Днемъ и ночью я только повторяю одно: «Алонзо Фитцъ-Кларенсъ. Истпортъ, въ штатѣ Мэнъ».

— Проклятый! я, по крайней мѣрѣ, имѣю его адресъ! воскликнулъ Бурлей и послѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

За Алонзо стояла его мать, пораженная изумленіемъ. Она была укутана съ головы до ногъ въ мѣховую шубу и представляла прекрасную картину зимы, такъ какъ вся была въ снѣгу.

За Розанной стояла тѣтка Сюзанна, столь же изумленная. Она могла служить олицетвореніемъ лѣта; на ней было легкое платье, а въ рукахъ она держала вѣеръ, которымъ обмахивалась отъ жара.

На глазахъ обѣихъ женщинъ выступили слезы.

— Такъ вотъ отчего, Алонзо, тебѣ не могли вытаскать изъ комнаты въ продолженіи шести недѣль? воскликнула мистриссъ Фитцъ-Кларенсъ!

— Такъ вотъ почему вы упорно вели затворническую жизнь Розанна, впродолженіи шести недѣль, произнесла тѣтка Сюзанна. Молодые люди отсочили въ сторону и казались пойманнми на мѣстѣ преступниками.

— Христось съ тобою, сынъ мой, я очень рада твоему счастью. Приди въ мои объятія.

— Да благословить васъ Господь, Розанна, за вашу любовь къ моему племяннику. Придите въ мои объятія.

И слезы радости проливались какъ на Телеграфной Горѣ, въ Сан-Франциско, такъ и въ скверѣ Истпорта.

Тутъ и тамъ были позваны слуги.

— Подложите дровъ въ каминъ и принесите мнѣ горячаго лимонаду.

— Погасите огонь въ каминѣ и принесите воды со льдомъ.

Послѣ этого молодыхъ людей удалили, и обѣ старуки принялись дружески бесѣдовать о предстоящей свадьбѣ.

Между тѣмъ, мистеръ Бурлей, какъ съумасшедшій, выбѣжалъ изъ дома на Телеграфной Горѣ. Онъ бормоталъ сквозь зубы съ дикимъ свистомъ, какъ злодѣй въ мелодрамѣ.

— Клянусь, она никогда не выйдетъ за него замужъ, и прежде чѣмъ веселая весна замѣнитъ мрачную зиму, она будетъ моею!

III.

Прошло двѣ недѣли. Въ послѣдніе дни постоянно посѣщала Алонзо какой-то джентльмэнъ, съ строгимъ, набожнымъ выраженіемъ лица. Онъ называлъ себя пасторомъ Гаргрэвомъ изъ Цинцинати и говорилъ, что вышелъ изъ лона церкви по нездоровью, чтд, повидимому, совершенно противорѣчило его здоровенной фигурѣ и розовымъ щекамъ. Онъ изобрѣлъ какое-то усовершенствованіе въ телефонѣ и надѣялся продажей привилегіи на это изобрѣтеніе нажить много денегъ.

— Въ настоящее время, говорилъ пасторъ:—каждый владѣлецъ телефона можетъ приставить его къ телеграфной проволоцѣ и подслушать то, чтд говорятъ совершенно посторонніе люди.

— Такъ чтд-жъ? замѣтилъ Алонзо:—вѣдь это не мѣшаетъ разговаривающимъ слышать другъ друга.

— Конечно, продолжалъ пасторъ:—но я не знаю, пріятно ли, напримеръ, жениху и невѣстѣ, если ихъ нѣжныя наклонія подслушаетъ посторонній.

Алонзо вздрогнулъ.

— Да, сэръ, ваше изобрѣтеніе несопѣнно! воскликнулъ онъ: — продайте мнѣ его за какую хотите цѣну.

Но инструментъ, сочиненный пасторомъ, не приходилъ изъ Цинцинати по неизвѣстной причинѣ. Алонзо сгоралъ отъ нетерпѣнія. Мысль, что слова его Розанны, дышавшія такою любовью, были достоинствомъ перваго встрѣчнаго, сводила его съ ума. Пасторъ приходилъ къ нему по нѣсколькx разъ въ день и утѣшалъ увѣреніями, что вскорѣ драгоцѣнный инструментъ будетъ полученъ.

Однажды изобрѣтатель пришелъ къ Алонзо, когда его не было дома, и, постучавшись, вошелъ въ дверь, которая была не заперта. Лицо его сіяло торжествомъ и онъ прямо подбѣжалъ къ телефону. Нѣжные, отдаленные звуки любимаго романа Розанны раздавались въ комнатѣ. Послушавъ нѣсколько минутъ, онъ произнесъ съ нетерпѣніемъ, искусно подражая голосу Алонзо:

— Голубушка?

— Чтò, Алонзо?

— Пожалуйста, не пойте болѣе этого стариннаго романа. Попробуйте, что-нибудь поновѣе.

Въ эту минуту раздались поспѣшные шаги Алонзо, и пасторъ съ адскою улыбкой на устахъ спрятался за тяжелыя, бархатныя занавѣсы окна. Войдя въ комнату, Алонзо прямо бросился къ телефону.

— Милая Розанна, сказалъ онъ:— споемъ, что-нибудь вмѣстѣ.

— Чтò-нибудь новенькое? спросила она съ горькимъ сарказмомъ.

— Да, если желаете.

— Нѣтъ, ужъ пойте одни.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ огорчилъ молодого человѣка.

— Розанна! вы сегодня не походите на себя.

— И вы не очень приличны сегодня, мистеръ Фитцъ-Кларенсъ!

— Мистеръ Фитцъ-Кларенсъ! Да чтò же я сказалъ неприличнаго?

— Неужели! значить я не хорошо разслышала и вы не просили меня не пѣть моего любимаго романа?

— Никогда я этого не просилъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что просили!

— Позвольте вамъ отвѣтить, что никогда не просилъ.

— Довольно, милостивый государь, вы опять меня оскорбили. Я никогда вамъ этого не прощу. Все кончено между нами.

Вслѣдъ за этимъ раздался плачь, и Алонзо поспѣшно произнесъ:

— О, Розанна! откажитесь отъ вашихъ словъ. Утѣрю васъ,

тутъ какая-нибудь ошибка. Я никогда не говорилъ ничего подобнаго. Какъ могли вы подумать, что я способенъ васъ оскорбить? Отвѣчайте, Розанна, отвѣчайте!

Отвѣта не было, и по удаляющимся звукамъ плача Алонзо понялъ, что молодая дѣвушка отошла отъ телефона. Онъ глубоко вздохнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Я отыщу матушку, думалъ онъ:—и она убѣдитъ, конечно, Розанну, что я не хотѣлъ ее оскорбить.

Черезъ минуту, пасторъ стоялъ у телефона, съ нетерпѣніемъ ожидая чего-то. Ему пришлось ждать не долго. Нѣжный, рассказывающійся голосъ произнесъ:

— Милый Алонзо, я виновата. Вы не могли меня такъ жестоко оскорбить. Это, вѣрно, за васъ говорилъ кто-нибудь другой, искусно подражая вашему голосу.

Пасторъ отвѣчалъ голосомъ Алонзо:

— Вы сказали, что между нами все кончено. Быть по вашему. Я отвергаю съ презрѣніемъ ваше раскаянье.

И онъ вышелъ изъ комнаты, торжествуя свою побѣду.

Спустя четыре часа, Алонзо возвратился домой съ матерью которую онъ нашелъ въ какомъ-то бѣдномъ семействѣ. Они оба тщетно произносили безсчетное число разъ: «Розанна!» Наконецъ, когда въ Сан-Франциско сѣло солнце, а въ Истпортѣ ночь наступила уже три съ половиною часа, они получили отвѣтъ, но не отъ молодой дѣвушки, а отъ тѣти Сюзанны.

— Я только-что вернулась домой. Подождите, я сейчасъ ее отыщу.

Прошло десять минутъ, и тѣтка Сюзанна произнесла тревожнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Она уѣхала. Она взяла съ собою всѣ свои вещи и сказала слугамъ, что поѣхала къ другимъ знакомымъ. На ее столѣ я нашла слѣдующую записку: «Я уѣхала, не ищите меня; сердце мое разбито, мы никогда больше не увидимся. Скажите ему, что я буду всегда о немъ вспоминать, когда буду прѣть свой бѣдный, любимый романсъ, но забуду его оскорбительныя слова». Что это значить, Алонзо? Что случилось?

Алонзо поблѣдѣлъ и похолодѣлъ, какъ мертвецъ. Мать поспѣшно отдернула занавѣсъ и открыла окно. Свѣжій воздухъ благодушно подѣйствовалъ на Алонзо, и онъ рассказалъ матери все случившееся. Между тѣмъ, она подняла съ полу карточку, на которой красовалось: «Мистеръ Садней Альджернонъ Бурлей, Сан-Франциско».

— Подлецъ! воскликнулъ Алонзо и бросился на улицу съ цѣлю найти и уничтожить ложнаго пастора.

Эта карточка объясняла все, такъ какъ Розанна разсказала своему жениху обо всѣхъ своихъ поклонникахъ и, между прочимъ, отозвалась насмѣшливо о талантѣ Бурлея подражать чужимъ голосамъ.

IV.

Впродолженіи слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ случилось многое. Розанна не возвратилась къ своей бабушкѣ въ Портландъ, въ штатѣ Орегонъ, а послала ей только копію съ записки, оставленной теткѣ Сюзаннѣ. Гдѣ была теперь бѣдная сиротка, если она только не умерла—оставалось непроницаемой тайной.

Но Алонзо не отказался отъ надежды ее отыскать. Онъ говорилъ себѣ: «Она будетъ пѣть въ грустную минуту свой любимый романсъ и я такимъ образомъ ее отыщу». Съ этой цѣлью онъ взялъ переносный телефонъ, сак-вожь съ вещами и отправился странствовать по всѣмъ штатамъ. Часто, въ отдаленныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, жители съ удивленіемъ видали въ это время, какъ блѣдный, исхудалый человекъ взлѣзалъ на телеграфный столбъ, приставлялъ къ проволокамъ какой-то небольшой ящикъ и прикладывалъ къ нему ухо. Просидѣвъ около часу на столбѣ, онъ слѣзалъ и уходилъ грустный, мрачный. Иногда его принимали за бѣшеннаго и даже стрѣляли по нему. Но, несмотря на полученные мотузил и пробитое пулями платье, онъ все своимъ терпѣливо, повторяя: «Ахъ, еслибъ мнѣ только услышать его любимый романсъ!»

Наконецъ, черезъ мѣсяць и три недѣли, какіе-то гуманные люди схватили его и посадили въ сумасшедшій домъ въ Нью-Йоркѣ. Онъ не жаловался, ибо въ немъ исчезла теперь всякая сила воли и всякая надежда. Директоръ дома умалишенныхъ сожалѣлъ надъ нимъ и, помѣстивъ его въ своей собственной квартирѣ, съ большой любовью ухаживалъ за нимъ.

По истеченіи недѣли, больной уже былъ на ногахъ и вечеромъ, лежа на диванѣ, прислушивался къ свисту холоднаго мартовскаго вѣтра и шуму на улицѣ. Комната была теплая, свѣтлая; въ каминѣ пылалъ веселый огонь, а на столахъ видѣлись зажженные лампы. Алонзо съ грустной улыбкой думалъ о своей странной судьбѣ, которая привела его въ сумасшедшій домъ, благодаря несчастной любви. Вдругъ, до его слуха донеслись отдаленные, слабые, но неописанно вѣжные звуки. Кровь застыла въ его жилахъ. Онъ притаялъ дыханіе и сталъ прислушиваться. Наконецъ, онъ воскликнулъ:

— Это—она! Это—она! о, божественные звуки!

Соскочивъ съ дивана, онъ подбѣжалъ къ окну и, нетерпѣливо оторвавъ завѣсъ, нашель тамъ телефонъ. Онъ прильнулъ къ нему губами и произнесъ:

— Слава Богу! я васъ нашель, моя Розанна. Все объяснилось. Подлый Бурлей наговорилъ вамъ дерзостей, подражая моему голосу.

Прошло нѣсколько минутъ лихорадочною ожиданiя, и потомъ вѣжливый голосъ произнесъ:

— Повторите ваши драгоценныя слова, Алонзо!

— Клянусь, что я говорю правду, Розанна. И я могу это доказать.

— О! Алонзо, не уходите отъ меня. Дайте мнѣ сознать, что вы со мною. Скажите, что мы болѣе не разстанемся. О! счастливая, блаженная минута!

— Мы всю жизнь будемъ праздновать эту несравненную минуту.

— Конечно, Алонзо.

— Шесть часовъ и четыре минуты вечера...

— Двѣнадцать часовъ и двадцать три минуты утра...

— О! Розанна, гдѣ же вы?

— Въ Гонулулу, на Сандвичевыхъ Островахъ. А вы гдѣ? Вы дома?

— Нѣтъ, я въ Нью-Йоркѣ, больной, у доктора.

Алонзо услышалъ слабый стонъ, который, пробѣжавъ пять тысячъ миль, естественно потерялъ свою силу.

— Успокойтесь. Я совершенно здоровъ съ тѣхъ поръ, какъ нашель васъ.

— Вы меня ужасно напугали, Алонзо.

— Назначьте день нашей свадьбы, Розанна.

Наступило молчанiе.

— Я красивѣю, но отъ счастья, отвѣчалъ слабый, вѣжливый голосокъ:—вы хотите поскорѣй.

— Да, да, сегодня, сейчасъ.

— Какой вы нетерпѣливый. У меня здѣсь только дядя, старый миссионеръ, и его жена, а я желала бы, чтобъ ваша мать, и ваша тѣтка Сюзанна...

— Наша мать и наша тѣтка.

— Да, да, я желала бы, чтобъ наша мать и тѣтка присутствовали на нашей свадьбѣ.

— Я бы тоже этого желалъ. Телеграфируйте тѣткѣ Сюзаннѣ. Когда она можетъ прѣхать къ вамъ?

— На восьмой день, то есть 31-го марта.

— Так назначьте, Розанна, 1-е апрѣля днемъ нашей свадьбы.

— Ни за что.

— Какое намъ дѣло до суевѣрныхъ глупостей, когда въ этотъ день мы будемъ счастливѣйшіе люди на свѣтѣ.

• — Ну, хорошо, пусть будетъ 1-го апрѣля.

— А въ которомъ часу?

— Утромъ лучше. Хотите въ восемь часовъ?

— Всякій часъ, когда вы станете моей, будетъ блаженнѣйшимъ въ моей жизни.

Въ комнатѣ раздавался какой-то слабый, неопредѣленный звукъ, словно эхо отдаленнаго поцѣлуя. Потомъ Розанна сказала:

— Извините меня, милый Алонзо, мнѣ надо кого-то принять по дѣлу.

Молодая дѣвушка выбѣжала изъ своей комнаты въ большую гостиную и остановилась у окна, изъ котораго открывался великолепный видъ. Налѣво вдали тянулась прелестная Нуанаская Долина, усыпанная тропическими цвѣтами, кокосовыми пальмами и апельсиновыми рощами; прямо противъ видѣлся красивый городъ, а на горизонтѣ искрились сѣдыя волны океана.

Розанна въ легкомъ бѣломъ платьѣ обмахивала вѣеромъ свое раскраснѣвшееся лицо. Черезъ минуту, въ дверяхъ показался мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей въ полотняномъ сюрткѣ. Онъ хотѣлъ поспѣшно подойти къ молодой дѣвушкѣ, но та его остановила.

— Я васъ жду, какъ обѣщала, сказала она холодно:— я поѣхала всѣмъ вашимъ клятвамъ и согласилась назначить день нашей свадьбы. Она будетъ 1-го апрѣля въ восемь часовъ утра. Теперь вы можете идти.

— Цѣлый жизни будетъ мало...

— Ни слова. Я не хочу ни видѣть васъ, ни говорить съ вами до свадьбы. Не просите, а повинуйтесь.

Когда онъ ушелъ, она опустилась въ изнеможеніи на кресло.

— И подумать, что этотъ гнусный подлецъ могъ бы быть моимъ мужемъ! Я вѣдь дошла до того, что какъ будто начала любить. Онъ мнѣ дорого заплатитъ за все это, коварный лжецъ!

2-го апрѣля въ газетѣ «Вѣстникъ Гонолулу» было напечатано: «Сегодня утромъ, въ восемь часовъ, въ этомъ городѣ обвѣнчаны по телефону мистеръ Алонзо Фитцъ-Кларенсъ изъ Истпорта, въ американскомъ штатѣ Мэнъ, и миссъ Розанна Этльтонъ изъ Портланда, въ штатѣ Орегонъ. Церковный обрядъ совершилъ пасторъ Гэйзъ изъ Гонолулу и пасторъ Дэвисъ изъ Нью-Йорка. Присутствовали: другъ невѣсты, мистриссъ Сюзанна Голандъ изъ Сан-Франциско, и мистеръ Сидней Альджернонъ Бурлей изъ того

же города, который, однако, не остался до конца службы. После церемонии молодая и ее друзья отправились в новобранное путешествие на прекрасной яхте капитана Готорна къ островам Гамакала и Лагана».

В тот же день въ нью-Йоркскихъ газетахъ было напечатано:

«Вчера, въ половинѣ втораго, обвинчаны по телефону мистеръ Алонзо Фитцъ-Кларенсъ изъ Истпорта, въ штатѣ Мэнъ, и миссъ Розанна Этлтонъ изъ Портланда, въ штатѣ Орегонъ. Церемоніи совершали: пасторъ Дэвисъ изъ здѣшняго города и пасторъ Гэвъ изъ Гонолулу. Присутствовали родственники и друзья жениха. После церковнаго обряда былъ роскошный завтракъ, а потомъ всѣ предприняли брачное путешествие въ аквариумъ, такъ какъ, по слабому здоровью молодого, нельзя было предпринять дальнѣйшей поездки».

Вечеромъ, въ этотъ памятный день мистеръ и мистриссъ Фитцъ-Кларенсъ нѣжно бесѣдовали объ ихъ брачныхъ путешествіяхъ. Вдругъ молодая воскликнула.

— О! Алонзо, я забыла тебѣ сказать, что исполнила свое нагѣреніе.

— Какое?

— Я сдѣлала ему славное 1-е апрѣля. Онъ явился въ черномъ фракѣ, несмотря на нестерпимую духоту, и былъ вполне увѣренъ, что будетъ вѣнчаться со мною. Еслибъ ты только видѣла его лицо, когда я объяснила ему, въ чемъ дѣло. Я много перенесла горя изъ-за него, но тутъ мнѣ стало жаль бѣднягу, и я просила его остаться на свадьбѣ, увѣряя, что все ему простила. Но, онъ не хотѣлъ и объявилъ, что жестоко отомстить намъ обоимъ. Но вѣдь, онъ не можетъ помѣшать нашему счастью, Алонзо?

— Никогда, Розанна.

Тѣтвѣ Сюзанна благополучно привезла молодую съ Сандвичевыхъ Острововъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ произошло первое свиданіе между пламенно любящими супругами.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ.

(по Максу Вирту ¹).

Экономическіе кризисы, периодически разражающіеся надъ Европою и Америкою, сдѣлались постояннымъ явленіемъ въ жизни государствъ, постояннымъ спутникомъ ихъ экономического прогресса. Они не только повторяются периодически, съ склонностью повторяться все чаще и чаще, но и съ каждымъ почти разомъ все глубже захватываютъ жизнь и раскидываются все на большее и большее пространство: начинаясь въ одной экономической области, напр. въ фабричной промышленности, они распространяются на торговлю, кредитъ, сельское хозяйство и вообще на всѣ сферы экономической дѣятельности, а, начинаясь въ одномъ государствѣ, переходятъ въ другія, находящіяся съ нимъ, въ торговыхъ или промышленныхъ сношеніяхъ. Все это, т. е. и распространенность кризисовъ, и тѣсная связь ихъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ, и размѣры причиняемыхъ ими бѣдствій и проч., дѣлаетъ изученіе кризисовъ не только интереснымъ, но и крайне необходимымъ. Это изученіе приобретаетъ тѣмъ болѣе интересъ, что кризисы представляютъ собою явленіе, еще весьма мало изслѣдованное экономической наукою. Въ исторической и экономической литературахъ, правда, можно встрѣтить монографіи отдѣльныхъ кризисовъ и отдѣльныя попытки дать имъ научное объясненіе, но никогда еще они не рассматривались всѣ въ сово-

¹ «Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ», переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1877 г. Макс Виртъ рассматриваетъ: любекскій торговый кризисъ, тѣмъпаномавію въ Нидерландахъ, англійскій денежный кризисъ 1696 г., систему Лау во Франціи, періодъ спекуляцій въ Англіи на южно-американскую торговлю, гамбургскіе кризисы 1763—99 гг., англійскіе кризисы 1815—25—36—39 и 47 гг., кризисы въ Америкѣ въ 1814—37 и 39 гг., кризисъ 1857 г., французскій денежный кризисъ 1868—4 г., Лондонскій кризисъ 1886 г., Черную Пятницу въ Нью-Йоркѣ въ 1889 г. и вѣевскій крахъ 1878 г.

купности, не рассматривались обстоятельно, и потому далеко не было ясно, что они составляют именно постоянное и генетическое явление общественной жизни. Недавно один неутомимый немецкий экономист Макс Вирт собрал в своей «Истории торговых кризисов» громадный материал для изучения этого вопроса. Хотя материал этот преимущественно относится к торговой и кредитной области, а область собственно производственная недостаточно исследована, тем не менее мы имеем достаточно данных для изучения экономических кризисов вообще. Равным образом слѣдует замѣтить и то, что, можетъ быть, исследование М. Вирта, обнимающее собою періодъ времени съ XVII ст. по 1874 г., и несомнѣнно полно въ историческомъ отношеніи, такъ какъ кризисы происходили, вѣроятно, и раньше XVII ст. (на что, надо надѣяться, дальнѣйшія историческо-экономическія работы, столь скудныя въ настоящее время, прольютъ новый свѣтъ); но для насъ собственно этотъ чисто историческій интересъ неособенно важенъ, такъ какъ мы интересуемся больше настоящимъ и будущимъ, а исследование М. Вирта какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда началась новая экономическая эра, когда капиталистическій процессъ, начавшійся собственно нѣсколько раньше, приобретаетъ въ жизни господствующее значеніе: какъ разъ въ это время акціонеры общества, играющія, громадную роль въ капиталистическомъ процессѣ, входятъ во всеобщій обычай; какъ разъ въ это время создается міровой рынокъ, вырабатывается ноуѣйшая система кредита, государственныхъ долговъ и налоговъ, развивается протекціонная политика и вообще создаются другія столь важныя условія этого роковаго историческаго процесса, который все развивается и, по всей вѣроятности, не скоро еще уступить иному порядку вещей, если только не произойдутъ какія нибудь экстренныя и рѣшительныя событія. Исследование М. Вирта прежде всего показываетъ, что кризисы являются вовсе не результатомъ какихъ нибудь случайностей или отдѣльныхъ ошибокъ въ народномъ хозяйствѣ и тѣмъ болѣе не происходятъ какимъ нибудь загадочнымъ или стихійнымъ образомъ, какъ это, можетъ быть, кажется при первомъ взглядѣ на дѣло, а составляютъ именно постоянное и генетическое явленіе въ современномъ народномъ хозяйствѣ, имѣютъ свои опредѣленныя причины и свою правильную исторію развитія. Причины кризисовъ въ высшей степени сложны и разнообразны: войны, неурожайные годы и тому подобныя бѣдствія, неправильное направление кредита и производства, съ неизбѣжными при этомъ спекуляціей, ажіотажемъ и биржевыми плутнями, неудовлетвори-

тельная система денежнаго обращенія и дурно устроенные финансы, обременительные налоги, протекционизмъ и вообще дурно устроенныя экономическія и международныя отношенія, причѣмъ одна какая нибудь причина рѣдко достигаетъ такой напряженности, чтобы вызвать кризисъ, а обыкновенно дѣйствуютъ нѣсколько причинъ. Какъ бы, однако, ни были разнообразны всѣ эти причины, онѣ сводятся: или къ истребленію (напр. войною) необходимыхъ для народа капиталовъ и непроизводительной затратѣ ихъ вообще, или къ экспроприаціи ихъ государствомъ у государства, однимъ сословіемъ у другаго и однимъ разрядомъ лицъ у другихъ разрядовъ лицъ въ одномъ и томъ же сословіи. Последнее, т. е. экспроприація капиталовъ, совершающаяся мирнымъ путемъ, обусловливается капиталистическимъ процессомъ, который проявляется прежде всего: стремленіемъ отрѣшиться трудъ отъ условій производства (земли, орудій и проч.), затѣмъ стремленіемъ экспроприировать прибавочный капиталъ, который получается ежегодно, и, наконецъ, стремленіемъ концентрировать, сосредоточивать капиталы въ немногихъ рукахъ, что проявляется борьбою капиталистовъ другъ съ другомъ и поглощеніемъ мелкихъ капиталовъ крупными путемъ конкуренціи, привилегій и монополій.—Всѣ эти проявленія мы можемъ наблюдать почти въ каждомъ кризисѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ и попытаемся, слѣдуя за изложеніемъ М. Вирта, отмѣтить наиболѣе существенныя черты кризисовъ. Выводы явятся сами собою.

Любекскій кризисъ, происшедшій въ началѣ XVII в., обусловливался торговымъ соперничествомъ Любека, съ одной стороны, съ Гамбургомъ; а съ другой—съ усилившеюся предприимчивостью англичанъ и голландцевъ, которая все болѣе и болѣе вытѣсняла любекскихъ торговцевъ и заставляла ихъ терять одну торговую привилегію за другою. Когда торговля этого когда-то славнаго города (въ XIV и XV ст.) пришла, въ началѣ XVII ст., въ упадокъ, то, дѣлая отчаянныя усилія для завоеванія прежняго положенія, онъ былъ вовлеченъ въ сумасшедшія спекуляціи, которыя, поглотивъ не только весь наличный капиталъ, но и тотъ, какой только можно было достать въ кредитъ, привели къ злоупотребленіямъ векселями. Къ этому присоединились еще безпорядки въ монетной системѣ и то, что около 1619 г. такъ называемые кипперы и випперы (обрѣзчики монетъ) выпустили въ обращеніе, отъ имени и подъ гербомъ г. Любека, множество, фальшивой монеты. Одинъ изъ современниковъ, бургомистръ Любека, описывая происшедшій застой въ дѣлахъ, даетъ нѣсколько характеристическихъ чертъ той эпохи: «нужда въ деньгахъ подняла % на капиталъ до громадныхъ размѣровъ; знат-

Т. ССХХХVIII. — Отд. I. 29

ные господа, граждане, именитѣйшіе бургомистры и члены магистрата занимались ростовщичеством». Многие граждане, по своей неосторожности, высокоумію и чванству, желая на чужія деньги пустить другимъ пылъ въ глаза и вести большія торговля дѣла, не замѣчали того, что платимые ими проценты поѣдали ихъ, пока разоренье у нихъ не очутилось на носу». «Тогда оказалось, что они такъ запутались взаимными поручительствами другъ за друга и письменными обязательствами другъ передъ другомъ, что всё черезъ это погибли и обѣдѣли, и вынуждены были бѣжать, оставляя обманутыми многихъ честныхъ людей...» (3)

Вторымъ кризисомъ, занесеннымъ въ лѣтописи исторіи, былъ кризисъ, вызванный въ Голландіи спекуляціями на тюльпаны. Естественный испытатель Бусбекъ, вывезшій въ 1554 г. этотъ простой цвѣтокъ изъ Адрианополя, конечно, и не думалъ, что онъ причинитъ столько бѣдъ людямъ. Однако, это вышло такъ: благодаря тюльпану, многие разорились. Сначала акклиматизированный тюльпанъ былъ рѣдкостью и стоилъ довольно дорого; нѣсколько человекъ богатыхъ любителей высоко цѣнили его, не выпускали изъ своихъ оранжерей и садовъ; гордились и соперничали имъ другъ съ другомъ. Богатымъ людямъ, какъ извѣстно, всегда является много подражателей. Тюльпанъ пожелали имѣть многие. Спекулянты не замедлили эксплуатировать это желаніе и обратили его для себя въ богатый источникъ наживы. Тюльпанъ сдѣлался цѣнностью. Эта искусственная цѣнность все росла, давала барыши и все больше и больше разжигала увлеченіе. Наконецъ, въ 1634—7 г., увлеченіе тюльпаномъ приняло характеръ настоящей маніи. Амстердамъ, Утрехтъ, Роттердамъ, Альмаръ, Лейденъ, Гарлемъ и многие другіе города сдѣлались центрами настоящей биржевой игры, гдѣ въ ресторанахъ и харчевняхъ, замѣнявшихъ биржу, люди заключали нотаріальныя сдѣлки, дѣлали заказы на поставку извѣстныхъ сортовъ луковицъ, которыхъ ни маклера, ни продавца даже и въ глаза не видали и т. д. «Спекуляція, говорятъ М. Виртъ:—уже и въ то время велась на тѣхъ же началахъ, какъ и теперь. Весь механизмъ биржевой игры былъ тогда уже въ полномъ ходу со всѣми своими продѣлками. Только акція называлась тюльпаномъ, и въ томъ была вся разница» (6). Мѣриломъ цѣнности были сортъ и вѣсъ луковицы, стоившей иногда дороже золота: 400 гранъ адмирала Лифена стоили 4,400 флориновъ, 410 гр. вице-короля—3,000 фл., 200 гр. *Semper Augustus*—5,500 фл. и т. д. Въ Альмарѣ въ 1637 г. было продано съ публичныхъ торговъ въ пользу сиротскаго дома 120 луковицъ за 900,000 фл. Мно-

гіе города считали свои обороты десятками милліоновъ. Знатные и убогіе торговали дѣйтами: дворяне, кушцы, ремесленники, крестьяне, матросы, носильщики тяжести, трубочисты, батраки, слуганки, торговки тряпьемъ и т. д., всё были одержаны одною страстью обогащенія черезъ продажу тюльпановъ. «Нѣкоторое время, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобные періоды, выигрывали всё и никто не терялъ.» (5) Въ самое непродолжительное время наживали состоянія. «Голландецъ, говоритъ Дж. Франсисъ:—при всей своей трезвости, предавался мечтамъ о прочномъ благополучіи въ будущемъ. Люди самыхъ различныхъ профессій торопились превратить свое имущество въ деньги и тюльпаны. Дома, посуда и земля продавались за безцѣнокъ». «Вся страна предалась обманчивой надеждѣ, что страсть къ тюльпанамъ будетъ продолжаться вѣки вѣчные, а когда узнали, что горячка эта охватила и другія страны (Лондонъ и Парижъ также волновались), то не на шутку воображали, что богатство всего міра стечется къ берегамъ Зюдерзее и что бѣдность впродъ сдѣлается въ Голландіи преданіемъ временъ давно минувшихъ.» Мечты эти скоро смѣнились бѣдствіемъ и отчаяніемъ. Въ 1637 же году, настала внезапный поворотъ дѣлъ: разразилась паника, заключенныя условія были нарушены, довѣріе исчезло, начались судебныя процессы, имущества продавались за долги, многіе разорились въ конецъ и только весьма немногіе успѣли обогатиться. Люди, которые лишь нѣсколько дней тому назадъ были такъ счастливы обладаніемъ нѣсколькихъ луговницъ, реализація которыхъ должна была доставить имъ княжеское состояніе, теперь «печально и растерянно смотрѣли на лежавшіе передъ ними жалкіе клубки, не имѣвшіе сами по себѣ никакой цѣнности и которые уже болѣе нельзя было сбыть съ рукъ за что бы то ни было.» (6) Напрасно торговцы тюльпанами созывали публичныя собранія и говорили великолѣпныя рѣчи, доказывая, что паника бессмысленна и что ихъ товаръ не утратилъ цѣнности—никто не хотѣлъ брать тюльпановъ. Ни суды, ни мудрость генеральныхъ штатовъ въ Гаагѣ, къ которымъ обращались растерянные коммерсанты, ничего не могли подѣлать, и прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ страна оправилась отъ удара, нанесеннаго ей спекуляціей на тюльпаны.

Англійскій денежный кризисъ 1696 г. обусловливался недостаткомъ денежныхъ знаковъ. Ухудшеніе звонкой монеты, столь распространенное въ средніе вѣка и состоявшее какъ изъ пониженія пробы самими правительствомъ, такъ и изъ обрѣзыванія и фальсификаціи монетъ, вынудило, наконецъ, парламентъ издать плохую монету изъ обращенія; но, объявивъ 2-е мая 1696 г.

*

последнимъ днемъ, въ который обрѣзанные кроны, пол-кроны и шиллинги будутъ приниматься государственнымъ казначействомъ въ уплату податей, правительство не приняло необходимости мѣръ для заготовленія достаточнаго количества новыхъ денегъ, чтобы, по мѣрѣ изятія старой монеты изъ обращенія, не затруднить торговлю. Наставшее затрудненіе было такъ велико, что народъ принужденъ былъ обратиться къ отбѣтамъ на баркахъ и къ первобытному обмѣну продуктовъ на продукты; даже богатые люди, какъ рассказываетъ Малколь, рѣдко имѣли возможность расплачиваться по счетамъ съ мясниками и булочниками. Государственное казначейство, въ подвалахъ котораго лежало только 4 мил. фунтовъ въ монетѣ и въ слиткахъ, съ разсвѣта до полуночи осаждалось громадными толпами народа, такъ что для поддержанія порядка призывались войска. Монетный дворъ работалъ въ высшей степени медленно. Нѣкоторую помощь оказывали росписки извѣстныхъ мѣняль, ходившія за чистыя деньги, и билеты основаннаго за два года передъ тѣмъ англійскаго банка (курсъ ихъ съ 110 упалъ до 88); но всего этого было чрезчуръ мало для существовавшей нужды въ деньгахъ. Вслѣдствіе безденежья, подписка на акціи земельного банка не могла состояться, и предпріятіе пришлось оставить, несмотря даже на королевскую поддержку. Когда министръ финансовъ Монтэгю провелъ добавочную статью въ законъ о земельных банкахъ, которою правительство уполномочивалось выпускать свидѣтельства казначейства стоимостью въ 100 и 5 ф. ст., должествовавшія быть погашенными изъ доходовъ будущаго года (эта форма взиманія налоговъ впередъ имѣла впоследствии обширную практику и показываетъ всегда недостатокъ наличнаго капитала), то это оказало нѣкоторое пособіе: свидѣтельства казначейства, выпущенныя среди всеобщей нужды и замѣшательства, одно время служили средствомъ обмѣна. Но окончательно затрудненіе, продолжавшееся 3 мѣсяца, было устранено только тогда, когда банкъ нашолъ возможность увеличить запасъ своего золота и, при помощи дѣятельнаго и безкорыстнаго Ньютона, сдѣлашагося начальникомъ монетнаго двора, выпустилъ достаточное количество звонкой монеты. Машины и рабочіе встрѣчались въ городахъ, гдѣ открывались новые монетные дворы, шумными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ. — Кризисъ значительно улегся отправкою арміи во Фландрію, бѣстачными дѣйствіями администраціи и просками приверженцевъ Исбона. Кромя того, существовала еще партія богатыхъ людей, требовавшая пониженія номинальной дѣны новой монеты и, въ ожиданіи этого, удерживавшая массу вновь выпущенной монеты, вслѣдствіе чего, даже послѣ выпуска она не сразу пошла въ обращеніе.

Гораздо точнее по своим последствиям быть признан, вывешенный во Францию, въ началѣ XVIII столѣтія, операціями знаменитаго Лау (1715 — 1720 года). Хотя признанъ этотъ и былъ неоднократно описанъ, но такъ какъ онъ чрезвычайно характеренъ и навсегда останется поучительнымъ примѣромъ, до чего можетъ доходить спекуляція и ослѣпленіе общества жаждою наживы, то мы, не вдаваясь въ подробности, напомнимъ его главныя черты. Финансы Франціи того времени были крайне разстроены непрерывными войнами, расточительностью Людовика XIV и отгушниками податей; общенародный годовоіи доходъ уменьшился на 1,500 мил. фр.; средства, къ которымъ прибѣгалъ Людовикъ въ послѣдніе годы своего царствованія (продажа должностей, титуловъ, ухудшеніе монеты, выпускъ бумажныхъ денегъ, займы и проч.), оказывались палліативами, затрудненіе возрастало, и передъ вѣрноподобнымъ «великаго короля» открывалась мрачная перспектива. Поэтому, когда явился во Францію Лау съ своими широкими замыслами и блестящими проектами, обѣщавшими не только устранить финансовыя затрудненія, но и обогатить страну, то правительство встрѣтило его съ распростертыми объятіями. Регентъ не только предоставлялъ Лау полную свободу дѣйствій, но и оказалъ ему всю свою поддержку и принималъ самое близкое участіе въ осуществленіи его плановъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лау стоялъ далеко впереди своего времени и что идеи его заключали въ себѣ много вѣрнаго; но тѣмъ не менѣе, онъ «страдалъ неадекватностью основныхъ политико-экономическихъ понатій»: смѣшивалъ деньги съ капиталомъ, а бумажныя деньги съ деньгами и, понимая совершенно вѣрно, что при кредитѣ бумажныя знаки замѣняютъ деньги, надѣялся, «создавая бумажныя знаки, создать капиталъ». (12) Подобную неадекватность понатій мы встрѣчаемъ, въ сожалѣнію, весьма часто и въ наши дни. Первымъ дѣломъ Лау было основаніе акціонернаго банка (съ капиталомъ въ 6 мил. ливр.), цѣлю котораго было: усилить денежное обращеніе, облегчить сбытъ мѣстныхъ произведеній, уплату податей и положить предѣлы росту промышленности. Въ то время какъ обычная норма роста—20—30%, банкъ сталъ учитывать надежныя векселя изъ 6%; правительство же, для оказанія ему поддержки, требовало, чтобы сборщики податей дѣлали взносы въ казначейство не иначе, какъ билетами банка. Все это приобрѣтало банку популярность, придавало ему силу, и успѣхъ его вскорѣ превзошелъ всякія ожиданія.—Банкъ сталъ такъ прочно, что вскорѣ билетомъ было выпущено на сумму, въ 5 разъ превышавшую его капиталъ. Но, не довольствуясь этимъ успѣхомъ и желая стать во главѣ всего финансоваго дѣла Франціи, Лау

добился от герцога Орлеанскаго эдикта, который частный банк превращался въ королевскій. Затѣмъ имъ было задумано основаніе, по примѣру Англій и Голландій, громадной привилегированной компаніи, которая сосредоточила бы въ собѣ всю вѣдущую замерскую торговлю. За концессіей, разумеется, дѣло не стало, и вскорѣ возникла знаменитая «Compagnie d'Occident» (съ капиталомъ въ 100 мил. ливр., раздѣленнымъ на 200.000 акцій, по 500 ливр. каждая), девизомъ которой была выставлена—колонизація береговъ Миссисипи. Компанія получила: полное право собственности и верховной власти надъ всѣми открытыми уже и нѣбущими впоследствии открытыя земли въ Луизианѣ; монополію канадской торговли бобрами и, безъ всякаго возмездія, всю правительственную собственность въ колоніи, какъ-то: укрѣпленія, запасы оружія, провіанта и денегъ. За все это она обязывалась, при каждомъ восшествіи на престолъ, подносить королю, въ видѣ почетнаго дара, золотую корону вѣсомъ въ 30 парокъ¹, ввозить въ колонію ежегодно не менѣе 6,000 бѣльицъ колонистовъ и 3,000 негровъ-невольниковъ, а для обращенія индійцевъ въ христіанство построить достаточное количество церквей и содержать въ нихъ духовенство. Компанія представляла собою финансовую комбинацію чрезвычайно, повидимому, выгодную и для правительства, и для самой К^о, и для публики: для правительства потому, что взносы для образованія основнаго капитала К^о должны были уплачиваться исключительно свидѣтельствами государственнаго казначейства, которыя передавались правительству и такимъ образомъ извлекались изъ обращенія и погашались; для Компаніи—потому, что правительство обязывалось платить ей ежегодно ренту въ 4 мил. ливровъ, и для публики—потому, что свидѣтельства казначейства, курсъ которыхъ стоилъ на 6% ниже номинальной цѣны, принимались *à pari* и взаменъ ихъ выдавались акціи съ громадною будущностью. Полученіе съ правительства ренты было гарантировано табачною монополіею, которая уступалась Компаніи на 9 лѣтъ за ежегодную арендную плату въ 4.020,000 ливровъ. Изъ этой-то ренты, благодаря тому, что акціонеры въ теченіи 1 года 9 мѣсяцевъ не распределяли ей въ видѣ дивиденда, и составился первый эксплуатаціонный капиталъ Компаніи въ 7 мил. ливр., на который можно было въ 1718 г. приобрести за 1.600,000 ливр. привилегію и имущество Сенегальской Компаніи, состоявшее изъ товаровъ и кораблей, сдѣлать другія необходимыя затраты и въ 1719 году отправить въ Луизиану 10 кораблей съ 500 колонистами и 700 солдатами для основанія

¹ 16 фунтовъ.

новой колоніи. Въ этомъ же году, къ Западной Компаніи перешло ишущество и привилегія «Ост-Индской и Китайской Компаніи», а затѣмъ, вскорѣ и привилегія «Африканской Компаніи». Акціонеры первой изъ этихъ компаній не желали этого, но для Лау все было возможно—онъ становился могущественнымъ человѣкомъ. Предпріятіе принимало громадныя размѣры, между тѣмъ наличнаго капитала было мало (около 3 мил. ливр.); поэтому было приступлено къ искусственному раздуванію предпріятія, къ выпуску новыхъ акцій и къ биржевой игрѣ. Издавались брошюры, рассказывавшія объ удивительномъ богатствѣ бассейна Миссисипи; рассказывалось объ изумрудной скалѣ на берегахъ Арканзаса; печатались гравюры, на которыхъ индійцы и индианки то преклоняли колѣни передъ католическимъ духовенствомъ и молили о крещеніи, то радостно спѣшили на встрѣчу французамъ и мѣняли драгоценности—золото, серебро и камни, на горшки, ножи, водку и т. п. Масса бумагъ была пущена въ страну и, благодаря ажіотажу, въ которомъ Лау показалъ столько искусства, и поддержкѣ, оказываемой Компаніи правительствомъ, жадно разбиралась. Вскорѣ послѣдовало еще новое выраженіе правительственнаго довѣрія—распоряженіе о передачѣ «Западной Компаніи» на 9 лѣтъ (за 50.000 ливр., расроченныхъ на 15 мѣсячныхъ взносовъ) монетной регалии. Принятіемъ отъ казны монетной регалии Лау прежде всего хотѣлъ поднять кредитъ билетовъ королевскаго банка, такъ какъ какъ разъ въ это время его противники и соперники, среди которыхъ въ особенности выдавались братья Пари (сыновья одного трактирщика, разбогатѣвшіе отъ поставокъ на армію), постоянно интриговали противъ него и старались повредить ему—скупили множество билетовъ банка и, представивъ ихъ сразу въ банкъ, требовали по нимъ уплаты звонкою монетою. Разсчетъ подорвать банкъ не удался, потому что Лау тотчасъ же выхлопоталъ декретъ о пониженіи цѣнности ливдора съ 35 на 34 ливра, благодаря чему звонкая монета стала стекаться въ банкъ, который продолжалъ принимать ее нѣкоторое время по старому курсу и принялъ нѣкорыя другія энергическія мѣры, чѣмъ и предупредилъ грозившую опасность. Затѣмъ Лау предложилъ правительству за податной откупъ, вмѣсто 48½ мил. ливр., платимыхъ братьями Пари, за которыми онъ состоялъ, 52 мил. в, сверхъ того, предложилъ еще въ кредитъ изъ 30% — 1,200 мил. ливр., которыми можно было немедленно же уплатить всѣ правительственные долги, ренты и обязательства. Контрактъ съ Пари былъ совершенно незаконно нарушенъ, и откупъ былъ переданъ Лау, который такимъ образомъ очутился во главѣ всеобъемлющихъ предпріятій. Онъ мечталъ уже теперь слить всю

націю въ одну громадную Компанію, управленіемъ которой за-вѣдывала бы «Западная Компанія» и кассой которой былъ бы королевскій банкъ. Онъ мечталъ уже о полномъ преобразованіи всего государственнаго и народнаго хозяйства, всей промышленности, кредита и финансовой организаціи въ странѣ.—Будучи директоромъ «Западной Компаніи», пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ на регента и вообще представляя собою силу, онъ, въ то же время, всѣми возможными средствами искалъ популярности въ обществѣ: онъ отрেকался отъ протестантскаго вѣроисповѣданія и переходилъ въ лоно католической церкви; онъ дарилъ правительству 1 мил. ливр. съ просьбою освободить народъ отъ налоговъ на сало, масло и карты и проч. Между тѣмъ, «Западная Компанія», переименованная въ «Компанію Обѣихъ Индій», выпускала, выпускъ за выпускомъ, новыя акціи, для чего предлогомъ служили то уплата капитала «Ост-Индской и Китайской Компаніи», то уплата за монетную регалию.—Выпуски акцій призывались не сразу, а небольшими сериями, благодаря чему публика набрасывалась на нихъ съ болѣею жадностью: акцій не хватало, а это разжигало увлеченіе. Биржевая игра росла. Лау держалъ подставныхъ лицъ и самъ покупалъ сотни акцій, надбавляя преміи или гарантируя, при сдѣлкахъ на срокъ, уплату разницы, въ случаѣ, еслибы акціи понизились къ тому времени. Когда былъ произведенъ второй выпускъ 50,000 акцій, по 500 ливровъ каждая, то въ публикѣ проявилось также увлеченіе новыми акціями, что къ старымъ стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе. Продолжалось, впрочемъ, это недолго: едва было издано постановленіе, что новыя акціи выдаются только предъявителямъ старыхъ акцій, въ пропорціи 1 на 4, какъ старыя акціи снова стали искать—«за матерями стали ухаживать, чтобы получить дочерей». Черезъ нѣсколько дней послѣ второго, послѣдовалъ третій выпускъ «акцій-внучекъ», также въ количествѣ 50,000 экземпляровъ, но уже по 1,000 ливровъ за штуку, и для полученія которыхъ нужно было предъявить 4 бабушки и 1 мать на каждую. За внучками послѣдовали «правнучки», пущенныя уже по 5,000 ливровъ за каждую и выдававшіяся уже всѣмъ, безъ предъявленія старшихъ родственницъ. Курсъ акцій быстро поднимался: въ началѣ 1719 года, онѣ ходили по номинальной цѣнѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ поднялись на 150%, а вскорѣ затѣмъ на 800%. Въ теченіи только 3 недѣль на рынокъ было выпущено 300,000 акцій, которыя, будучи номинальною стоимостью въ 150 мил. ливровъ, дали компаніи 1,500 мил. ливр., а во вторыхъ рукахъ стоили уже 3,000 мил., причемъ иногда за акцію уже съ 1,000% преміей надбавляли еще отъ 1,000 до 1,500%. Являлись и игроки на пониже-

ніе, которые, какъ, напримеръ, при выпускѣ французскъ, полнзуюсь вновь проявившимся охлажденіемъ въ «пробабутинскѣ», въ сущности, совершенно равноцѣннымъ, съумѣли слугать ихъ курсъ съ 8,000 на 4,000 ливровъ и, сумевъ ихъ въ болышомъ количествѣ, съиграли на повышение и нажили огромные барыши. Такіе случаи бывали, впрочемъ, очень рѣдко, потому что настроеніе биржи было по болышей части бодрое и курсы до самаго крушенія все росли и росли. Погоня за акціями превоскодила всякое воображеніе. «Старые и молодые, знать и простолюдины, мужчины и женщины густыми толпами тѣснились день и ночь передъ бюро комп. и, въ ожиданіи открытія подписки, терпѣливо выносили голодь и жажду, ежеминутно рискуя быть задавленными или изувѣченными въ тѣснотѣ. Самаго Лау буквально осаждали въ его кабинетѣ. Самые высовопоставленные лица, не исключая и прекраснаго пола, не отступали ни передъ какою нивостью, лишь бы снискать милость великаго финансоваго чудодѣя—милость, отъ которой зависѣло полученіе акцій. Даже его слуги и лакеи обогащались, продавая желающимъ доступъ въ кабинетъ своего господина или въ бюро, гдѣ шла подписка» (19). Одна знатная дама, не зная, чѣмъ обратить на себя вниманіе Лау, велѣла опрокинуть свою карету, въ расчетѣ, что онъ поспѣшитъ къ ней на помощь; другая кричала: горимъ! горимъ! чтобы вызвать его изъ отеля, гдѣ онъ обѣдалъ; нѣсколько аристократокъ оснаривали въ одно прекрасное утро другъ у друга честь усѣться на передкѣ экипажа любовницы Лау. Духовенство ничуть не менѣе аристократин пресмыкалось передъ великимъ финансистомъ. Улица Кенкамлуа была запружена экипажами и сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для всей спекулирующей Европы. Каждый день было по нѣскольку человѣкъ раздавленныхъ. Въ Парижѣ началось настоящее переселеніе народовъ изъ провинцій и другихъ странъ. Люди становились богачами въ самое короткое время. Терьъ рассказываетъ про одного биржеваго плута, который, получивъ порученіе купить акцій, два дня пропадалъ; думали, что онъ укралъ деньги, но ничуть не бывало: онъ возвратилъ всю сумму владѣльцу, а самъ за два дня нажилъ 1 миліонъ. Герцогъ Бурбонскій нажилъ 60 мил., герцогъ Отенскій—12 мил., принцъ Конти—4 1/2 мил., банкиръ Лебланъ—100 мил., Андрѣ—50 мил., вѣнто Дюпенъ, слуга банкира Туртона—60 мил., одинъ савояръ, занимавшійся до этого чистою сапогъ—40 мил., Габріэль Вурдонъ, лакей изъ гостиницы—30 мил., лавочница Шомонъ—100 мил., одинъ горбунъ заработалъ своимъ горбомъ, представлявшимъ удобную покатость для подписыванія сдѣлокъ, 50,000 ливровъ. Самая безумная расто-

чтельность и роскомъ или рядомъ съ этой быстротой обогащенія. Трактиры переполнялись народомъ, а мастерскія пустыли. Капиталъ былъ оттянутъ отъ промышленности и сосредоточился вокругъ биржи. Производительность страны уменьшалась, но никому до этого не было ровно никакого дѣла. Среди всеобщей гонки за барышами никто и не думалъ о томъ—чѣмъ кончится эта гонка, что выйдетъ изъ всего этого черезъ мѣсяць, черезъ недѣлю, на другой же день? Что дѣло не могло такъ продолжаться долго, это могъ сообразить, говорить М. Виртъ, самый ограниченный человѣкъ въ минуты спокойнаго размышленія; но тутъ было не до того: каждый до послѣдняго часа думалъ обдѣлать свои дѣлшки и отретироваться; каждый разсуждалъ: если акціи поднялись до 8,000, то отчего имъ не подняться до 10,000, 15,000 и 20,000? И онѣ, въ концѣ 1719 г., дѣйствительно дошли до 15,000 и даже до 18,000, но это было очень непродолжительно. Поворотъ дѣлъ уже наступалъ, хотя въ попыткахъ никто и не замѣчалъ приближенія роковаго дня. Наступало время выдавать дивидендъ. Комп., при выпускѣ внучекъ, обязалась выдать 12%. Денегъ этихъ не было. Лау прельщалъ доходами будущаго 1720 г. и высчитывалъ ихъ въ 91 мил.; но, во-первыхъ, это касалось будущаго года, а, во-вторыхъ, выводимая цифра была крайне преувеличена и произвольна. Откуда могъ получиться такой доходъ, когда самая колонизація береговъ Миссисипи и другія компанейскія предпріятія обратились просто только въ предлогъ для выцѣживания изъ публки денегъ, великъ небрежно и были заброшены ради биржевой игры? Самый оборотный капиталъ Компаніи, несмотря на громадныя подписныя суммы, былъ просто ничтоженъ, потому что большая его часть была отдана правительству (20) и разошлась по частнымъ рукамъ. Дирекція начала призадумываться. Замѣтивъ опасенія акціонеровъ, что послѣдуетъ новый выпускъ акцій, который, при избыткѣ бумагъ, могъ погнать курсъ старыхъ акцій книзу, Лау прежде всего объявилъ, что новаго выпуска акцій не будетъ. Затѣмъ, подъ предлогомъ облегченія торговли и, главнымъ образомъ, для облегченія биржевыхъ оборотовъ, приступилъ къ другому рода бумажной фабрикаціи—къ выпуску ассигнацій: 10-го іюня 1719 года, было выпущено ассигнацій на 50 мил. ливровъ, 25-го іюля—на 240 мил., въ сентябрѣ—на 120 мил., въ октябрѣ—на 120 мил. и въ декабрѣ—на 360 мил. Первые выпуски ассигнацій расхватывались съ непонятною жадностью и стояли выше звонкой монеты; по крайней мѣрѣ, ихъ принимали гораздо охотнѣе: рассказываютъ, что покупавшіе акціи желали расплачиваться золотомъ, а продавцы непременно требовали уплаты бумажками. По-

слѣдующіе выпуски были далеко не такъ счастливы... Наконецъ, 30-го сентября 1719 г. настало требуемое уставомъ общее собраніе акціонеровъ. Объявленный 12⁰/₀ дивидендъ составлялъ не болѣе $\frac{1}{2}$ ⁰/₀ на затраченный капиталъ. Опасаясь, что отъ оглашенія такого факта все возведенное зданіе рухнетъ, Лау обѣщаль выдать 40⁰/₀ на номинальный капиталъ, причемъ осталось совершенно необъясненнымъ—откуда возьмутся эти 40⁰/₀. Если бы объявленіе было не настолько велико, говоритъ М. Виртъ, то можно бы разсчитать, что и 40⁰/₀ дивидендъ на капиталъ номинальный составитъ только 1 $\frac{2}{3}$ ⁰/₀ на капиталъ дѣйствительно затраченный; но объявленіе было настолько велико, что именно послѣ этого-то общаго собранія акціи и поднялись до наибольшей высоты—18,000 ливровъ. Продолжалось однако такое возвышеніе не болѣе 8 дней: нашлось нѣсколько человекъ какихъ то любознательныхъ людей, которые, не дожидаясь полученія дивиденда, попробовали провѣрить разсчетъ, и полученныя цифры побудили ихъ поспѣшить продать свои акціи; на нихъ посмотрѣли сначала, какъ на чудаковъ, но затѣмъ нашлись чудакамъ подражатели, и сорвавшійся съ вершины кусочекъ снѣга обрушился на биржу цѣлою лавиною... Наступила общая паника. Когда Лау, видя, что всѣ маневры его не удадутся, прибѣгъ къ насильственнымъ мѣрамъ: пониженію цѣнности лундора ¹, обыскамъ для отобранія благородныхъ металловъ, у кого таковыхъ окажется болѣе 500 ливровъ, запрещенію вывозить звонкую монету, закрытію биржи и воспрещенію торговать бумагами, то паника еще больше увеличилась. Не помогло и объявленіе о передачѣ королевскаго банка компаніи. Акціи, стоявшія недавно 18,000, можно было покупать по 40 ливровъ. Послѣдовало банкротство. Лау бѣжалъ. Онъ прибылъ въ Парижъ съ 2 $\frac{1}{2}$ милліонами, а покидалъ его съ 800 лундорами и 5 милліонами бумагъ, утратившихъ всякую цѣнность; имѣнія его, купленныя во Франціи, были конфискованы. Исслѣдованіе банка обнаружило, что въ немъ было: 21 мил. наличныхъ денегъ, 28 мил. металловъ въ слиткахъ и на 240 мил. товаро-залоговыхъ свидѣтельствъ; между тѣмъ, въ обращеніи находилось билетовъ на 3 миллиарда. Слѣдовательно, дефицитъ простирался до 2,500 милліоновъ. А «въ общей сложности изъ всего капитала уцѣлѣлъ лишь 1⁰/₀» (27).

Одновременно съ экспериментами Лау во Франціи, происходилъ совершенно тождественный періодъ спекуляцій въ Англіи, извѣстный подъ именемъ спекуляцій на южно-американскую тор-

¹ Горня приводятъ, между прочимъ, слѣдующій интересный фактъ: съ конца 1719 г. по декабрь 1720 г. цѣнность золотой монеты измѣнялась 28 разъ, а серебряной—36 разъ.

говлю. Война съ Испаніей и Франціей ввела Англію въ значительныя долги. Въ 1711 г., англійской банкъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Торговый міръ тревожился. Исканная средства для уплаты долговъ, тогдашній первый министръ гр. Олсфордъ прежде всего искалъ возможности образовать фондъ для покрѣтїя неизъясненныхъ $\frac{6}{100}$ по государственнымъ займамъ. Чтобы привлечь капиталы, задумано было основаніе большаго торговаго общества для торговли въ южныхъ моряхъ.—Въ публику былъ пущенъ слухъ, что правительство намѣревается вооруженными силами основать въ Южной Америкѣ колоніи, такъ какъ тамъ будто бы находятся несмѣтныя количества золота, серебра и проч., и что испанцы готовы уступить англичанамъ 4 гавани въ южныхъ моряхъ, у береговъ Перу и Чили.—Парламентъ разрѣшилъ основаніе «Южн. Ам. К^о», которой были даны громадныя полномочія, гарантіи и субсидіи: К^о получила въ предѣлахъ отмежеванныхъ ей владѣній законодательную и судебную власть, могла для защиты ихъ вербовать войска и приобзгать къ силѣ оружія для арестованія лицъ, торгующихъ безъ ея разрѣшенія, и къ конфискаціи ихъ кораблей и товаровъ въ свою собственность; становилась исключительной собственницею, на правахъ леннаго владѣнія, всѣхъ городовъ, фортовъ и острововъ, какіе впредь откроются и проч.—Здѣсь мы опять видимъ соединеніе интересовъ частной компаніи съ правительствомъ въ видахъ погашенія долговъ. Перечень текущихъ долговъ, сдѣланныхъ на веденіе войны, составлялъ сумму 9,471,325 фунт. ст. Долгъ этотъ долженъ былъ быть погашенъ Компаніей.—Проценты съ этой суммы, считая по $\frac{6}{100}$, составляли 568,279 фунт. и должны были покрываться пошлинами съ вина, табаку и другихъ предметовъ. Дефицитъ гарантировался суммами морскаго министерства, а излишекъ долженъ былъ поступать въ погашеніе капитала.—Компаніи было назначено отъ правительства, сверхъ всего прочаго, еще 8 т. фун. ежегодно на расходы управленія; было дано нѣсколько кораблей въ подарокъ, въ видѣ экстренной субсидіи, и была уступлена вся торговля неграмъ въ испанскихъ колоніяхъ, предоставленная испанскимъ правительствомъ Англїи (ассіентскій и утрехтскій договоры) и изъ которой англійское правительство сначала пользовалось $\frac{1}{4}$ частью. Понятно, что акціи такой привилегированной К^о находили собственниковъ, и, несмотря на убытки, вслѣдствіе возобновленной войны съ Испаніей, капиталъ ея увеличивался. Но собственно колонизаціонная дѣятельность и торговля интересовали К^о мало и служили больше предлогомъ для спекуляціи, а около 1720 г. и совсѣмъ отошли на задній планъ. Въ это время въ Англїи,

какъ въ высшихъ сферахъ, такъ и въ капиталистическомъ мірѣ, или оживленіе толпи объ уплатѣ государственныхъ долговъ во Франціи, которую производилъ Лау. Успѣхъ Лау породилъ и здѣсь множество жадныхъ до наживы проеятовъ, спекулировавшихъ на государственные долги. Правительство также было озабочено этимъ вопросомъ, а когда пришло къ рѣшенію выкупить ренты царствованій Вильгельма и Анны, то «Южн. Ам. К^о» не замедлила предложить свои услуги. Англійскій банкъ явился конкурентомъ и предложилъ-было болѣе выгодныя условія, но послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ надбавокъ съ той и съ другой стороны, «Южн. Ам. К^о» осталась побѣдительницей. Компания стояла въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ министерству, и все, что продѣлывалось ею, падаеть одинаковою отвѣтственностью на обоихъ. Даже открыто ходили слухи о томъ, что министры и капиталисты составили финансовый заговоръ съ цѣлью эксплуатировать публику—заговоръ, носившій названіе «Клики» (the Cabale). Первымъ дѣломъ послѣдовали, разумѣется, новыя выпуски акцій и биржевая игра со всѣми ея интригами и подвохами: съ общаніемъ дутыхъ дивидендовъ, съ подставными лицами, съ выдачею акцій въ кредитъ игрокамъ и проч. Акціи нужно было поднять какъ можно выше, потому что К^о, обязавшись выплатить владѣльцамъ долгосрочныхъ рентъ стоимость ихъ по расчету 20-ти лѣтняго съ нихъ дохода, а владѣльцамъ краткосрочныхъ рентъ, стоимость, капитализированную изъ 15-ти лѣтняго дохода, платила собственно больше того, что владѣльцы могли бы получить на денежномъ рынкѣ; но дѣло въ томъ, что въ отношеніи тѣхъ бумагъ, которыя выдавались въ обмѣнъ рентъ, т. е. въ отношеніи своихъ акцій, К^о не была обязана держаться какого нибудь опредѣленнаго курса, а слѣдовательно: чѣмъ выше стояли онѣ на биржѣ, тѣмъ было выгоднѣе для нея. Для поднятія курса акцій у Компаніи были все средства. Пользуясь покровительствомъ и поддержкой правительства, имѣя въ немъ вѣрнаго дебитора и плательщика $\frac{3}{4}\%$, она импонировала на публику своимъ авторитетомъ. Мы свазали уже о близкихъ отношеніяхъ К^о къ министерству. Президентомъ ея былъ самъ гр. Оксфордъ, директорами—знать и капиталисты. Многимъ изъ директоровъ были пожалованы титулы баронетовъ, и они были окружены почетомъ.—До вѣртіе къ К^о было самое полное. Но она, для поднятія курса акцій, не брезгала и другими средствами биржеваго искусства: она ссужала, напр., игрокамъ акціи по половинной цѣнѣ, и въ какихъ размѣрахъ производились эти ссуды, можно видѣть изъ того, что, когда былъ произведенъ новый выпускъ акцій, то проодить только день, недѣль предлогомъ «снабженія торговли на-

личными деньгами», было роздано въ кредитъ въ 5 м. ф. всего количества акцій 3 м. ф. Благодаря всему этому, акція, стоившая въ 1711 г.—77½ ф., поднялась въ июль 1720 г. до 890 и затѣмъ до 1050 фунт. Происходили временныя паденія курса, но для того, чтобы смѣниться новымъ повышеніемъ. Сильныя руки держали и руководили биржей. Спекулятивное возбужденіе достигало не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Парижѣ. Чандль-Элли, гдѣ помѣщалась лондонская биржа, представляла изъ себя такой же видъ, какъ и улица Конгамнуа. Наплывъ публики былъ такъ великъ, что не было проходу, и на одномъ концѣ улицы акція продавались на 10% дороже, чѣмъ на другомъ. Акціи другихъ компаній также сильно поднялись. Было высчитано, что, вслѣдствіе такого повышенія курсовъ, общая цѣнность этихъ акцій и бумагъ другихъ предпріятій въ концѣ іюня 1720 года доходила до 500 мил. фунт. ст., т. е. въ 5 разъ превышала все количество наличныхъ денегъ, находившихся въ то время въ обращеніи въ Европѣ. (35) Успѣхи «Южн. Амер. К.» вызвали страшную жажду обогащенія и вызвали къ жизни множество другихъ эфемерныхъ предпріятій, которыя извѣстны подъ именемъ bubbles (мыльныхъ пузырей) и, главнымъ образомъ, были рассчитаны на мелкія состоянія, для которыхъ акціи «Южн. Амер. К.» были недоступны. Производили подписку на просроченныя концессіи или, имѣя концессію на одно дѣло, производили подписку на другое, а многіе собирали деньги и безъ всякихъ концессій. Парламентъ былъ заваленъ просьбами о концессіяхъ. Просителями являлись перы, епископы и прочая знать. То появлялся проектъ страхованія кораблей, немедленно же приносившій 1 м. ф. ст.; то возникалъ проектъ рыболовства въ большихъ размѣрахъ, и семь перовъ королевства украшали его своими подписами. Два страховыя общества, каждое съ капиталомъ въ 1½ мил., были разрѣшены «за обѣщаніе доставить по 300,000 фунтовъ стерлинговъ на покрытие расходовъ личнаго бюджета короля». (36) Наконецъ, наплывъ мыльныхъ пузырей обратилъ на себя вниманіе вліятельныхъ патриотовъ, и парламентъ издалъ актъ противъ дутыхъ предпріятій (Bubbles act), объявившій недействительными всѣ предпріятія, возникшія послѣ 24 іюля 1718 года подъ ложными фирмами или на основаніи устарѣвшихъ концессій. Но напрасно... «Ажіотажъ, приостановившійся всего лишь на нѣсколько дней, сталъ еще болѣе возрастать. Даже крушеніе системы Лау, происшедшее около этого времени въ Парижѣ, ни для кого не послужило урокомъ. Предметы потребленія дорожали». Трудовая и промышленная дѣятельность съ каждымъ днемъ приходила все къ

большій и большій застоѣ, и въ то же время роскошь и расточительность ежедневно усиливались. «Съ утра до вечера, Чанджъ-Элли кишела людьми, тѣснившимися и толкавшимися въ отчаянномъ безпорядкѣ, и среди непрерывнаго крика и перебранокъ акціи «Южн. Ам. К^о» и бумаги «мыльныхъ пузырей» брались на расхватъ. Ни одного дня не проходило безъ того, чтобы въ газетахъ не появлялось новыхъ проектовъ, перевозимыхъ въ напыщенныхъ рекламахъ и служившихъ приманкою на новыя подписки. Въ однихъ требовался первоначальный взносъ всего только въ 6 пенсовъ чистыми деньгами, въ другихъ—только 1 шиллингъ со 100, въ третьихъ—только 1 шиллингъ съ 1000. Нѣкоторые изъ безыменныхъ бухгалтеровъ, состоявшихъ при этихъ подпискахъ, исчезали, по разсказу лѣтописца, тотчасъ же по полученіи перваго взноса, а съ ними мѣсто и исчезали и книги, въ которыя заносилась подписка; оказывалось, что мѣсто, гдѣ они производили свои операціи, было нанято ими всего на одинъ день. Тѣ проекты, по которымъ вносился процентъ въ 10 шил., уже пользовались покровительствомъ личностей, занимавшихъ видное общественное положеніе. Знатныя особы обоюдо пола были сильно замѣшаны въ эти спекуляціи на мыльные пузыри» (38). Ослѣпленіе публики было такъ велико, что самыя невозможныя изобрѣтенія и предпріятія находили подписчиковъ: были общества «доставки живой рыбы въ Лондонъ», «общество для пособія трудолюбивымъ людямъ», «общество для покупки и возвращенія кому слѣдуетъ незаконно отнятыхъ имуществъ», «общество, устроивавшее регретише mobile» и т. д. Были общества безъ названія, просто публиковавшія: «Подписка на капиталъ въ 2 м. ф. на одно предпріятіе, обещающее большія выгоды и цѣль котораго будетъ объяснена впоследствии». И охотниковъ было множество. Подписчики часто сами сознавали нелѣпость предпріятія, но тѣмъ не менѣе подписывались на акціи, чтобы перепродавать ихъ. Казалось, люди сошли съ ума. Многими умами дѣйствительно стали овладѣвать самыя эксцентрическія идеи: «двѣ личности—дама и господинъ—объявили, что ни за что не согласятся нажить менѣе 3.000.000 ф. Господинъ замышлялъ на эти деньги купить польскую корону; мечты дамы были не менѣе царственнаго свойства». (40) Но, такъ какъ всему бываетъ конецъ, то насталъ конецъ и этимъ спекуляціямъ. По странному стеченію обстоятельствъ, сигналъ былъ поданъ самими директорами «Южн. Амер. К^о». Когда акціи этой К^о достигли наивысшаго курса 1100 и всѣ манѣвры поднять ихъ выше оказались безуспѣшными, то правленіе представило себѣ, что ему мѣшаютъ въ этомъ другія предпріятія, и по-

тому выхлопотало правительственное распоряженіе, которымъ мыльнымъ пузырямъ не на шутку полагался предѣлъ. Мыльные пузыри стали лопаться еще быстрее, чѣмъ возникали, но дошла очередь и до «Южн. Амер. Ко». Напрасно директора обѣщали выдать 30% дивид. въ полгода и ручались уплачивать, въ теченіи 12 лѣтъ, по 50%. Зданіе рухнуло. Водворилась паника, и послѣдовали банкротства. Разоренныхъ и нищихъ оказалось множество. Когда парламентъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣлъ Ко, то были обнаружены факты самаго поразительнаго плутовства: 12 мил. чистыми деньгами были выданы подъ залогъ 3 мил. акціями; изъ книгъ были вырваны цѣны листы, на приходъ записывались вымышленныя суммы; большая часть акціонернаго капитала была промотана и расхищена. Секретарь Ко показалъ, что, если бы онъ «смѣлъ раскрыть все, что ему было извѣстно, то вышла бы такая картина, что цѣлый міръ изумился бы». Вотъ какъ кончился финансовый заговоръ министровъ и капиталистовъ. Историкъ говоритъ, что 1720 годъ долженъ служить вѣчнымъ предостереженіемъ законодателямъ и министрамъ Англій, чтобы они никогда болѣе не предоставляли одному человѣку возможности эксплуатировать такимъ наглымъ и позорнымъ образомъ легковѣріе націи, отвлекая ее отъ правильной трудовой дѣятельности (31).

Гамбургскій торговый кризисъ 1763 г. обусловливался злоупотребленіями вексельнымъ кредитомъ. Вексельныя дѣла имѣютъ то свойство, что легко увлекаютъ занимающихся ими людей, представляютъ для предпринимателей, не располагающихъ достаточнымъ количествомъ своего капитала, много соблазна для злоупотребленій кредитомъ и, когда послѣдній не обезпечивается дѣйствительною производительностью, становятся чрезвычайно рискованными. Между тѣмъ, обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали вексельному дѣлу. Семилѣтняя война, тяжело обшедшаяся сѣверной и восточной Германіи, была для Гамбурга скорѣе источникомъ наживы: въ немъ развилась хлѣбная торговля, лѣсная и сахараваренная промышленность; Англія, поддерживавшая Пруссію, перевозила часть денегъ векселями черезъ Гамбургъ; контрибуціи, которыя Фридрихъ II налагалъ на Курфюрста саксонскаго, заставляли послѣдняго обращаться къ банкирамъ и вынуждали ихъ пускать въ ходъ всѣ свои наличныя средства и весь свой кредитъ; поставленъ въ армію, производившіяся похрядчиками, не имѣвшими, какъ это по большей части бываетъ, своего капитала, также производились при помощи кредита. Къ этому присоединилась еще путаница, вызванная ухудшеніемъ монеты, которая приняла громадныя размѣры:

Фридрихъ II, чтобы выпутаться изъ затрудненій, причиненныхъ войнами, нѣсколько разъ прибѣгалъ къ перечежанію монеты, ухудшая ея пробу; то же самое дѣлалось въ Швеціи (которая, кромѣ того, выпустила еще такую массу бумажныхъ денегъ, что онѣ упали до $\frac{1}{3}$ цѣны мѣдной монеты) и въ другихъ странахъ. Такъ какъ, при перечежаніи монеты, переплавлялась не одна только наличная монета, но и покупались металлы въ слиткахъ, то Голландія и Гамбургъ сдѣлались посредниками и поставщиками въ этой торговлѣ, которая совершалась также на векселя, съ расплатою по отчеканеніи монеты. Торговля деньгами и металлами была очень выгоднымъ дѣломъ: гамбургскій мѣняльничій банкъ и другія фирмы дѣлали громадныя дѣла. Все это и послужило поводомъ къ развитію обширныхъ вексельныхъ оборотовъ, которые продолжались и послѣ войны, когда государства, приступивъ къ восстановленію валюты, предъявили новый спросъ на металлы и когда ожившая торговая дѣятельность, въ свою очередь, потребовала денегъ и кредита. Но продолжаться долго такое положеніе вещей не могло. Съ одной стороны: торговля металлами была сама по себѣ непривлекательнымъ дѣломъ, и, когда монетные дворы уменьшили спросъ на этотъ «благородный товаръ», то гамбургскій банкъ, въ которомъ скопилось много слитковъ и который, при колебаніяхъ валюты, не желалъ нести ущерба отъ частныхъ спекулянтовъ, не принялъ новаго металлическаго транспорта изъ Амстердама и возвратилъ его обратно, а это подорвало много спекулятивныхъ расчетовъ, а съ другой стороны: въ основѣ векселей вообще лежали не солидные, а ризованныя предпріятія, превышавшія въ 10—20 разъ дѣйствительный капиталъ и иногда рассчитанныя даже на одинъ только кредитъ; въ Гамбургѣ скопилось такое множество товаровъ, что они не шли съ рукъ; между тѣмъ, предметы первой необходимости сильно вздорожали; даже наиболѣе солидныя предпріятія, какъ, напримѣръ, постройка домовъ, въ которую было затрачено много денегъ, представляли только временную выгоду, такъ какъ наплывъ населенія въ Гамбургъ былъ временный, обусловленный войною и исключительными обстоятельствами, такъ что, когда, по окончаніи войны, многіе капиталисты, а за ними и рабочіе, разбрелись по другимъ городамъ, те домъ въ значительной степени потеряли свою цѣнность. «Между тѣмъ какъ одни ублаживали себя самыми радужными надеждами на ожидающіе ихъ въ будущемъ громадныя барыши, другіе уже считали себя обладателями несметныхъ богатствъ и предавались такой безумной роскоши, что возбуждали зависть и соревнованіе въ остальномъ населеніи...» (49) Кредитъ былъ крайне напряженъ; денежные

курсъ безпрестанно колебался: дисконтъ то стоялъ довольно низко, то поднимался до 12⁰/₁₀₀. Вексельная цѣпь обыкновенно растягивается очень широко по торговому и промышленному міру, и, такъ какъ бланко-надписатели никогда почти не держатъ въ запасѣ денегъ для расплаты, въ случаѣ несостоятельности векселѣдателей, по своимъ поручительствамъ за нихъ (деньги у нихъ обыкновенно затрачены въ свои предпріятія, изъ которыхъ извлечь ихъ по первому востребованію не такъ-то легко, а часто они и сами обременены векселями)—то стѣтъ лопнуть одному звену въ цѣпи, чтобы все зданіе пошатнулось. Такъ это было и здѣсь: стѣдло обанкротиться одному большому торговому дому братьевъ Нѣфвилъ въ Амстердамѣ, чтобы въ Гамбургѣ появилась масса протестованныхъ векселей и 95 значительныхъ торговыхъ домовъ объявили себя несостоятельными.

Урокъ, полученный Гамбургомъ, послужилъ, однако, ему не на долго: въ 1799 г. опять, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, онъ испыталъ новый кризисъ, и кризисъ болѣе тяжелый, чѣмъ первый. Затѣмъ и упадокъ благосостоянія, наступившіе послѣ кризиса 1763 г., снова смѣнились въ 1788 году оживленіемъ. Обстоятельства, предшествовавшія и въ особенностяхъ сопровождавшія французскую революцію, чрезвычайно благоприятствовали развитію дѣятельности Гамбурга, который снова сдѣлался торговымъ центромъ; въ него стали стекаться товары и деньги со всѣхъ сторонъ, гдѣ только чувствовалась тревога и опасность войны; переселялись зажиточныя семьи, а изъ Голландіи, послѣ занятія ея войсками, переселились многіе банкиры. Въмѣстѣ съ этимъ оживленіемъ и приливомъ капиталовъ появилась и неизбѣжная ихъ спутница—спекуляція, придавшая вексельному кредиту чрезмѣрное и ложное направленіе, приведшее къ злоупотребленіямъ: «дурные векселя, говоритъ М. Виртъ:—выдавались очертя голову; наиболѣе ловкіе спекулянты держали въ главнѣйшихъ центрахъ для учета векселей такъ называемыхъ «коньковъ» (Pferde), т. е. подставныхъ личностей, не имѣвшихъ ни гроша за душою и которыя за ничтожное вознагражденіе дозволяли писать на свое имя векселя на сотни тысячъ, при чемъ, по наступленіи платежа, векселя эти покрывались новыми векселями». (55) Наступленіе кризиса сопровождалось обычными симптомами: переполненіемъ рынка товарами, расточительностью, роскошью и высокимъ дисконтомъ. Разрушивъ въ Гамбургѣ 136 торговыхъ домовъ, обанкротившихся на 36 млн. марокъ, кризисъ перекинулся въ Германію, Данію, Голандію и Англію, гдѣ также причинилъ не мало опустошеній.

Англійскій кризисъ 1815 г. произошелъ при слѣдующихъ об-

стоятельствахъ. Несмотря на то, что наполеоновскія войны стоили Англии одними только займами до 3 миллиардовъ талеровъ, что, въ теченіи 22-хъ лѣтней борьбы съ Франціей, она израсходовала до 50 миллиардовъ франковъ, что финансы ея были истощены, а народъ обремененъ чудовищными налогами—экономическое положеніе ея стало поправляться, благодаря развитію промышленности, къ которой подоспѣли на помощь паровые двигатели, бумагопрядильныя, шерстопрядильныя и другія машины, поставившія производство каменнаго угля, жельза и обработку хлопка на неслыханную дотогѣ высоту. Но для промышленности, какъ извѣстно, нуженъ сбытъ. Между тѣмъ, Наполеонъ, отчаявшись побѣдить Англию открытою силою, задумалъ нанести ей ударъ именно съ этой стороны, со стороны ея промышленности, и запретилъ ввозъ англійскихъ товаровъ на материкъ. Это извѣстно въ исторіи подъ именемъ континентальной блокады. Какъ самъ Наполеонъ, такъ и всѣ тогдашніе политики, предсказывали англійской торговлѣ и промышленности гибель. Однако, обстоятельства не оправдали этихъ столь вѣроятныхъ расчетовъ: благодаря своему флоту, Англія открыла для сбыта новые рынки и направила свои корабли къ берегамъ Малой Азіи, Африки, Сѣверной Америки, Мексики, Бразиліи и испанскихъ республикъ въ Южной Америкѣ, на острова Вест-Индіи, въ Океанію, на мысъ Доброй Надежды, въ Аравію, Персію, Китай и на острова Индійскаго Архипелага. Производство въ большихъ размѣрахъ и машины дали ей возможность подавить вездѣ дешевизною продуктовъ всякую конкуренцію. Такимъ образомъ, не только получилась возможность сбывать обыкновенное годовое количество продуктовъ, но и была открыта новая и такая обширная область для сбыта, что производство стало возрастать и скоро удвоилось, учетверилось, а во многихъ случаяхъ даже удесятилось. (67) Въ ожиданіи заключенія мира, многіе англійскіе заводчики спекулировали также и на европейскіе рынки и, предполагая, что спросъ материка на ихъ произведенія будетъ неограниченный, заготовили такую массу товаровъ, что сразу надѣялись вытѣснить всѣ туземные товары и нажить миллионы. Когда парижскій миръ вновь открылъ для Англии континентальныя гавани и провозгласилъ свободу торговли, то дѣйствительно можно было думать, что англійскіе товары убьютъ своею дешевизною европейскую промышленность, вращенную подъ опекой протекціонной политики. Такъ оно дѣйствительно и случилось въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (въ желѣзной и хлопчатобумажной), которыя насаждались и поддерживались нѣкоторыми государствами искусственно. Но дѣло въ томъ, что во многихъ

*

отрасляхъ и на континентѣ былъ сдѣланъ значительный успѣхъ: были введены машины и производство въ большихъ размѣрахъ, такъ что товары могли успѣшно конкурировать съ англійскими. Англійскіе промышленники ошиблись въ расчетѣ: товары ихъ дѣйствительно запрудили европейскіе рынки, но никто ихъ не покупалъ. Кромѣ вышеуказанныхъ успѣховъ собственного производства, здѣсь играла роль еще и другая причина: покупательная сила материка была истощена войнами и потому не шли даже такіе товары, какъ желѣзныя издѣлія, бумажныя ткани и т. п., т. е. товары, имѣвшіе несомнѣнныя преимущества передъ европейскими. Въ замѣтъ ихъ, Европа могла бы дать еще хлѣбъ, но какъ разъ въ это время были изданы хлѣбные законы и доступъ европейскому хлѣбу былъ загражденъ въ Англію. Англійское сельское хозяйство переживало въ ту эпоху тяжелое время. Послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ и вслѣдствіе войны, цѣны на хлѣбъ въ 1812 г. были очень высоки. Это привлекло къ земледѣлію много капиталовъ. Но затѣмъ послѣдовалъ рядъ урожайныхъ годовъ, и когда къ этому, по заключеніи мира, присоединился еще заграничный подвозъ, то настало такое изобиліе хлѣба, что цѣны сильно упали. Землевладѣльцы подняли ропотъ и увѣряли, что имъ предстоитъ банкротство, что арендная плата не платится и нечѣмъ ее платить, что почву Англій нельзя обрабатывать и проч. «Никто, говоритъ М. Виртъ:—на эти жалобы землевладѣльцевъ не возражалъ съ достаточною энергіею того, что слѣдовало бы на нихъ возразить, а именно: что невыгодность низкихъ цѣнъ можетъ наверстываться массою продуктовъ, что сельское хозяйство можетъ улучшить эти цѣны заграничною торговлею, что въ плачевномъ положеніи еще болѣе, чѣмъ низкія цѣны, виновата легкомысленная расточительность сельскихъ хозяевъ и ихъ ложное стремленіе занять болѣе высокое общественное положеніе не помощью познаній и осмотрительности, а вѣшняго блеска; что несостоятельность и описи ихъ имуществъ за долги обусловлены исключительно «чрезвѣрнымъ повышеніемъ арендной платы» и тѣмъ, что привлеченные къ земледѣлію капиталы были затрачены непроизводительно, что «хваленныя сельско-хозяйственныя улучшенія, въ сущности, сводились почти исключительно на расширеніе запасекъ при обработкѣ, ставившей ни во что правила рациональной агрономіи» (68) и т. д. Однако, рабочіе, въ земледѣльческихъ округахъ вскорѣ были отпущены, при чемъ многіе изъ нихъ не получили расчета; и, несмотря на денежную хлѣба, не имѣли на что купить его. Они толпами переходили изъ одного прихода въ другой, прося работы и пропитанія. Часть ихъ направилась въ города и мануфактурныя

округи и сбавляла тамъ заработную плату, такъ что рабочій классъ, оказался въ крайне скверномъ положеніи отъ безработицы и пониженій заработной платы. Многие изъ хлѣбноторговцевъ обанкротились. Парламентъ былъ осажденъ жалобами на безработицу и голодъ. Все это и послужило причиною изданія хлѣбныхъ законовъ, воспрепятствовавшихъ ввозу пшеницы въ Англію, пока цѣна туземной пшеницы не дойдетъ до 80 шиллинговъ за четверть. Однако это искусственное средство не устранило «мнимаго зла: цѣны продолжали оставаться низкими. Дѣло въ томъ, что эти низкія цѣны были естественнымъ послѣдствіемъ нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ и заключенія мира, которое разомъ положило конецъ спекуляціямъ хлѣбныхъ поставщиковъ». (69) Мануфактурный кризисъ усложнился земледѣльческимъ. Многие земельные банки лопнули. Еще большее число хлѣбныхъ торговцевъ объявили себя несостоятельными. Мечты нажать золотыя горы на континентѣ продолжали оставаться мечтами: товары продолжали лежать, и никто ихъ не покупалъ. Лордъ Врумъ, въ 1816 г., констатировалъ положеніе вещей слѣдующимъ образомъ: «Англійскіе товары продавались въ Голландіи и на Сѣверѣ Европы гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; въ большинствѣ мѣстностей они лежали недвижимою массою и совсѣмъ не находили покупателей; въ результатъ съ нихъ или ровно ничего не выручалось, или единицы фунтовъ выручались тамъ, гдѣ были затрачены тысячи». Все это не могло, конечно, не отразиться на англійскомъ банкѣ: билеты его, упавшіе въ 1814 году на 25%, одно время (послѣ того какъ была изъята изъ обращенія масса бумагъ обанкротившихся земельныхъ банковъ) снова поднялись-было на 8%, но затѣмъ опять упали. Паденіе курса билетовъ непосредственно обуславливалось недостаткомъ звонкой монеты, которая была поглощена войной и уходила за границу, но болѣе глубокая причина лежала въ общемъ положеніи вещей того времени. Прежде всего дали себя почувствовать военныя издержки: «По заключеніи мира, говоритъ М. Виртъ:—стало очевидно, что, продолжись война еще нѣкоторое время съ тѣми же издержками, съ какими она велась въ послѣдніе годы — и національный капиталъ во всѣхъ отрасляхъ производительной дѣятельности, не взирая на все развитіе торговли и промышленности, былъ бы совершенно истощенъ. Другая причина тогдашняго стѣсненнаго положенія, продолжаетъ онъ:—лежала въ чрезмѣрной тягости налоговъ, продолжавшейся и по заключеніи мира». (70) И, наконецъ, развитіе безумной спекуляціи было послѣднею причиною. Не смотря на то, что кризисъ 1815 г. былъ не особенно тяжелъ для

промышленности и торговли сравнительно съ другими кризисами, тѣмъ не менѣе, онъ крайне тягостно отозвался на рабочею населеніе. Въ промышленности произошелъ застой и во всѣхъ отрасляхъ индустриіи множество работниковъ осталось безъ занятій». Бѣдники оставляли свои жилища, цѣлые приходы опустѣли, и толпы несчастныхъ становились все многочисленнѣе. къ нимъ присоединялись отпущенные солдаты и матросы. Когда эти безденежные странники приходили въ города, они наталкивались тамъ на работниковъ, которые также бѣдствовали. Ко всему этому присоединялся полнѣйшій неурожай и наставшая дороговизна жизни. Народъ врывался въ лавки и погреба и требовалъ назначенія такса на хлѣбъ и мясо. Наконецъ, въ довершеніе бѣдствія, все ожесточеніе рабочихъ обратилось на машины: молотилки, прядильныя машины и ткацкіе станки ломались и сжигались, а для восстановленія порядка призывались войска» (73).

Когда кризисъ миновалъ, страна мало по малу выпуталась изъ затрудненія, и когда въ особенности возрасло благосостояніе среднихъ классовъ, то спекуляція опять начала свое дѣло, закончившееся новымъ кризисомъ въ 1825 году. Опять «расплодилась, говорятъ М. Виртъ:—такая масса проектовъ и предпріятій, грандіозныхъ по своимъ размѣрамъ и нерѣдко фантастичныхъ по своимъ цѣлямъ, что, казалось, снова вернулась эпоха мыльныхъ пузырей» (76). Опять заговорили объ Америкѣ и ея неисчерпаемыхъ богатствахъ. Опять бросилось въ спекуляцію «все населеніе безъ различія возраста, пола, состоянія и общественнаго положенія. Все было вовлечено въ водоворотъ, и колеблѣтельности было до того всеобъемлюще, что едва ли былъ хоть одинъ предметъ на сушѣ или на морѣ, который ускользнулъ бы отъ вниманія спекулянтовъ» (77). Обсуждались: и прорытіе Панамскаго Перешейка, и паровыя прачешины, и государственные займы, и искусственное высиживание циплятъ. Если откинуть всѣ очевидно эфемерныя и оставить только наиболѣе солидныя предпріятія, то и тутъ можно было видѣть, что капиталъ, требовавшійся для ихъ осуществленія, далеко превышалъ наличныя средства Англіи. Только въ 2 года, 1822—24, въ Лондонѣ, черезъ посредство англійскихъ капиталистовъ, было заключено иностранными государствами займовъ на сумму болѣе 70 мил. фунт. ст., и, сверхъ того, еще Сѣвѣрною Америкою на 63.966,535 дол.—Кромѣ бумагъ этихъ займовъ, въ обращеніи еще находилось много другихъ фондовъ иностранныхъ правительствъ: голандскихъ, русскихъ, австрійскихъ и т. д., которые не записывались на лондонской биржѣ, но также доставляли спекуляціи пищу. Кромѣ того, въ тѣ же два года было основано 114

различныхъ обществъ (банковъ, страховыхъ, горнозаводскихъ, транспортныхъ и проч.) съ капиталомъ въ 101.690,000 ф. ст. Бумаги большинства этихъ предпріятій ходили съ значительной преміей. Въ особенности были популярны акціи горнозаводскихъ обществъ для разработки рудъ въ Южной Америкѣ: акціи «Рель де-Монтекой Ко», номинальной стоимостью въ 400 фунт. и, будучи оплачены только 70 фунт., имѣли премію 1350 фунт.; акціи «Соединенной Мексиканской Ко», стоимостью въ 40 ф. и, при оплатѣ только 10 фунт., имѣли премію 150 ф. и т. д. Биржевая игра была въ полномъ ходу. Когда наступилъ вторичный взносъ по акціямъ и оказалось нѣкоторое затрудненіе въ капиталѣ, то англійскій банкъ прибѣгъ къ обычному средству: значительно увеличилъ выпускъ билетовъ. Тоже самое дѣлали и провинціальныя банки, выпускавшіе свои билеты безъ всякаго контроля и наводившіе страну бумагами. Въ особенности отличались въ этомъ отношеніи поземельныя банки, совершенно, повидимому, забывшіе постигшую ихъ, 8 лѣтъ тому назадъ, катастрофу. Парламентъ, вмѣсто того, чтобы ограничить наплывъ бумагъ, напротивъ усилилъ его тѣмъ, что продлилъ въ 1824 г. обращеніе мелкихъ билетовъ за предѣлы первоначальнаго срока. Англійскій банкъ, вмѣсто того, чтобы стать на сторожѣ, въ виду эксцессовъ спекуляціи, напротивъ поощрялъ ее пониженіемъ дисконта, который держалъ чрезвычайно низко до самой розовой минуты. Банки охотно учитывали долгосрочныя векселя, и вообще недостатка въ деньгахъ не чувствовалось; со стороны капиталовладѣльцевъ слышался даже ропотъ на низкій процентъ на капиталъ. Между тѣмъ, въ это же самое время звонкая монета вывозилась изъ Англіи въ Америку и другія страны милліонами. Между тѣмъ, уже одни государственныя займы и вышеуказанныя предпріятія были въ состояніи поглотить весь свободный капиталъ. Но они составляли только часть всѣхъ предпріятій. За ними слѣдовали компаніи, занимавшіяся пекарнями, прачешными, пивоварнями, купальнями, страхованіемъ жизни, выдѣлкой масла въ Буэносъ-Айресѣ, искусственнымъ высиживаніемъ цыплятъ и т. д. Сооруженіе пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ приняло такіе размѣры, что въ одну парламентскую сессію 1825 г. было представлено 438 ходатайствъ о концессіяхъ на эти предпріятія и было выдано 286 концессій.—Концессіи выдавались щедрою рукою. «Многіе высокостоящіе люди, говоритъ М. Виртъ:—забывали свое призваніе, не забывая самихъ себя, и жертвовали своею законодательною совѣстью ради интересовъ друзей и своихъ собственныхъ» (82). Съ особенною силою спекуляція направилась опять на Америку, рассчитывая, что провозглашенная независимость

южно-американскихъ государствъ открылось богатое поприще для сбыта. Правительство хотѣлось отправить туда своихъ консуловъ. А рядомъ съ этимъ шли увѣренія, что у береговъ Колумбиа въ изобиліи добывается жемчугъ и разныя другія драгоценности. Увѣрили, что «золото и серебро должны были притечь изъ Америки въ такомъ количествѣ, что канцлеръ казначейства получить возможность уплатить весь государственный долгъ, и цѣна денегъ въ Англіи и во всей Европѣ подвергнется сильному измѣненію. Жемчугъ и драгоценныя камни должны были явиться въ такомъ массѣ, что наслѣдственные фамильныя драгоценности покраснѣютъ отъ стыда» (83). Слушая эти рассказы, не только аристократія, опасавшаяся, что низшіе классы вдругъ разбогатѣютъ, но и люди, наименѣ склонные къ спекуляціи, увлекались идеей обогащенія посредствомъ торговли въ новооткрытыхъ рынкахъ.—Вскорѣ эти новые рынки были положительно завалены товарами: въ Рио-Жанейро, напримѣръ, за нѣсколько недѣль прибыло изъ Манчестера больше товаровъ, чѣмъ сколько требовалось въ прежнее время на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Не хватало складовъ, товары лежали на берегу, поливаемые дождемъ. Въ числѣ другихъ предметовъ, доставленныхъ въ этотъ знойный климатъ, были, между прочимъ, присланы изъ Бирмингэма грѣлки для постелей, а изъ Шеффилда коньки для народа, никогда не видавашаго льда.—Англія переживала какой-то экономическій праздникъ; даже тронная рѣчь, которой была закрыта сессія парламента 6-го іюня 1825 г., говорила о прочности положенія и о «благосостояніи, которымъ наслаждаются всѣ части королевства.» Но спекуляція достигала уже поворотной точки, и не больше какъ черезъ два мѣсяца обнаружилось, что это было за благосостояніе. Цѣны бумагъ различныхъ предприятий дошли до максимумъ. Чтобы дѣло держалось, нужно было чтобы, подоспѣли на выручку барыши и проценты съ затраченнаго капитала. Между тѣмъ, ни золота, ни серебра и никакихъ другихъ доходовъ не получалось. Въ то время какъ товары лежали и портились, все новыя и новыя массы ихъ прибывали на рынки. Наконецъ, владѣльцы были вынуждены начать продавать ихъ за полъ-цѣны. Въ это же время, въ Англію были сдѣланы въ Америкѣ громадныя закупки хлопка. Нѣкоторыя фабрики, прельщаясь дешевой цѣной и на основаніи невѣрныхъ свѣдѣній о недостаткѣ хлопка въ Америкѣ, дѣлали заказы на цѣны три года впередъ. Спекуляція вогнала цѣны на хлопокъ до громадной высоты. Между тѣмъ, усиленный спросъ вызвалъ подвозъ хлопка изъ другихъ странъ, и у бразильскихъ плантаторовъ оказались неожиданно

большіе запасы его, которые они припрятывали въ ожиданіи повышенія цѣнъ. Хлопокъ сильно подешевѣлъ. Наступали платежи. Торговцы и фабриканты осаждали банки просьбами о дальнѣйшихъ ссудахъ, но банки сами находились въ крайне стѣсненномъ положеніи, потому что, увлекаемые низкимъ дисконтомъ англійскаго банка, они учитывали долгосрочные векселя, выдавали крупныя ссуды и израсходовали такимъ образомъ всё свои капиталы. Англійскій банкъ, на который падаетъ значительная доля отвѣтственности за этотъ кризисъ, находился въ не менѣе затруднительномъ положеніи. Затруднительное положеніе это свазалось внезапнымъ прекращеніемъ учета векселей даже наиболѣе крупныхъ фирмъ и ограниченіемъ выпуска билетовъ, что и послужило сигналомъ наступленія кризиса. Такая неожиданность вызвала общую панику. Всѣ бросились на биржу выпоразнивать свои портфели. Не только курсы частныхъ, но и государственныхъ, бумагъ падали съ необыкновенною быстротою. До 70 провинціальныхъ банковъ прекратили платежи. Вчерашніе богачи становились сегодня нищими. Люди разорялись тысячами. Вдовы и сироты, существовавшія на небольшой капиталъ, напрасно ждали причитающихся имъ процентовъ. Миссъ Мартино, которую цитируетъ Максъ Виртъ, рисуетъ много тяжелыхъ сценъ изъ той эпохи. Вотъ, напримѣръ, одна изъ провинціальной жизни: «Въ одно прекрасное утро, рассказываетъ миссъ Мартино:—торговая площадь одного провинціального города имѣла совсѣмъ необычайный видъ. Поселяне бросали свои мѣста на базарѣ и собирались кучами; другіе торопливо собирали свой товаръ, выводили лошадей изъ стойла и спѣшили домой, какъ будто боясь, что ихъ ограбятъ, если они останутся. Тутъ шолъ человекъ съ мрачнымъ лицомъ и судорожно сжималъ въ рукѣ банковый билетъ; тамъ женщина ломала руки и плакала. Настоящій стонъ стоялъ по городу, покрывая обычный его шумъ. Объяснялось это тѣмъ, что мѣстный банкъ прекратилъ платежи» (86). Акции промышленныхъ компаній утратили почти всякую цѣнность. Торговля совсѣмъ стала. «Напрасно лондонскіе купцы сошлись на митингъ и объявили, что положеніе дѣлъ внушаетъ имъ полное довѣріе, что паника не имѣетъ никакого основанія и что довѣріе тотчасъ же возстановится, если только по всей странѣ устроятся такіе же митинги. Кризисъ свирѣпствовалъ, какъ ураганъ, и опрокидывалъ одинъ домъ за другимъ». Фабрики закрывались. Весь вопросъ сводился къ одному: откуда достать денегъ, чтобы просуществовать со дня на день?—вопросъ, который подразумевалъ въ себѣ судьбу рабочихъ классовъ въ теченіи зимы. «Цѣлымъ милліонамъ людей, повидимому, ничего

не оставалось болѣе, какъ умереть съ голоду» (87). Дома закладчиковъ были набиты имуществомъ, но кассы ихъ были пусты. Торговцы обратились къ правительству съ просьбою о помощи. Правительство потребовало отъ директоровъ англійскаго банка, чтобы они для поддержанія торговаго сословія щедрѣ дисконтировали векселя; а директоры банка потребовали отъ министерства обратно тѣхъ ссудъ, которыя были сдѣланы банкомъ правительству. Тогда министры поспѣшили къ королю, совѣщались съ нимъ день и ночь и, наконецъ, рѣшились принять бистрыя и энергическія мѣры для прекращенія бѣдствія. Благодаря денежному содѣйствію правительства и разрѣшенію банку выпустить билеты въ одинъ и два фунта, кризисъ былъ усвоенъ; но онъ глубоко потрясъ всѣ экономическія отношенія и закончился безработицею, которая крайне тяжело отозвалась на рабочемъ классѣ. Тамъ и сямъ повторялись тѣ же самыя сцены, которыя видѣла Англія въ 1815 г., и нужно было нѣсколько лѣтъ, чтобы она оправилась.

Но едва урожайные годы и промышленность успѣли загладить слѣды разрушенія и поправить дѣла, какъ снова явилась на сцену спекуляція, чтобы вызвать въ 1836 и 1839 гг. новые кризисы. Теперь съ особенною силою набросилась она на банковое дѣло. Нужно замѣтить, что послѣ только-что описаннаго погрома, а именно въ 1826 г., былъ изданъ банковый законъ, имѣвшій въ виду предупредить на будущее время бумажную неурядицу созданіемъ болѣе крупныхъ кредитныхъ учрежденій предпочтительно передъ мелкими, распространеніемъ въ провинціяхъ отдѣльной привилегированнаго англійскаго банка, воспрещеніемъ банкамъ выпускать мелкіе билеты ниже 5 фунт. и проч. Несмотря, однако, на это, банки расплодились, какъ грибы: въ первые 7 лѣтъ по изданіи закона возникло 37 ассигнаціонныхъ банковъ, въ 1835 г.—также 37, «въ 1836 г. горячка спекуляціи до того уже возросла, что появилось 42 паевые ассигнаціонные банка, которые, вмѣстѣ со своими отраслями, составили 200 учрежденій этого рода, а общая цифра банковъ къ концу 36 г. дошла до 670 съ 37 тысячами акціонеровъ» (133). Послѣдствіемъ такого размноженія банковъ былъ чрезмѣрный выпускъ билетовъ и щедрый учетъ векселей, поощрившій не только отечественныхъ, но и америванскихъ дѣльцовъ всякаго рода. Злоупотребленія выпускомъ билетовъ и векселями ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ злоупотребленій этого рода, они приняли только въ то время громадныя размѣры. Естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго размноженія бумагъ было то, что звонкая монета стала утекать изъ Англіи. Металлическій запасъ англійскаго банка

уменьшился на 15 мил. Когда банкъ, почувавъ недоброе, чтобы удержать вывозъ золота, возвысилъ дисконтъ съ $4\frac{1}{2}$ до 5% и послѣдствіемъ на выручку къ впаавшему въ затрудненіе «Центральному манчестерскому банку», то оказалось, что и общее финансовое положеніе чрезвычайно шатко.—Между прочимъ, обнаружилось громадное злоупотребленіе, пущенное въ ходъ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ и другими американскими фирмами для привлеченія къ себѣ звонкой монеты: когда англійскій банкъ, возвысивъ дисконтъ, сдѣлалъ, въ то же время, ссуды вексельнымъ маклерамъ, чтобы облегчить имъ дисконтированіе торговыхъ бумагъ, то вдругъ стали стекаться такія массы американскихъ бумагъ, что всѣ изумились; оказалось, что шесть лондонскихъ фирмъ и одна ливерпульская, промышленныя вексельными спекуляціями, «выдали ссудъ за счетъ американцевъ не менѣе, какъ на 15—16 мил., между тѣмъ какъ собственный капиталъ ихъ... едва составлялъ $\frac{1}{2}$ этой суммы» (134). Кромѣ этого, много было и другихъ горькихъ плодовъ. Послѣ этого вторичнаго урока явилось сильное желаніе подвергнуть принципы и практику банковаго дѣла новому болѣе тщательному разсмотрѣнію, и парламентъ назначилъ, въ 1836 г., для этого комиссію, поручивъ ей отобрать показанія у людей свѣдущихъ. Комиссія выработала нѣкоторыя измѣненія въ организаціи банковъ и акціонерныхъ обществъ, которыя, въ 1837 г., были утверждены парламентомъ. Измѣненія эти были вовсе не такъ существенны, какъ казалось современникамъ: законъ оставилъ открытіе банковъ нѣкоторыми формальностями, замѣнилъ неограниченную отвѣтственность участниковъ ограниченной отвѣтственностью въ размѣрѣ акцій и т. п. Для спекуляцій оставалось открытымъ громадное поприще, даже увеличившееся съ введеніемъ ограниченной отвѣтственности, и она не замедлила снова настолько запутать дѣла съ Америкой, что вызвала, въ 1839 г., при содѣйствіи неурожаа, новый денежный кризисъ, закончившійся 1082-мя банкротствами и сильною нуждою рабочаго класса. Фабрики поджигались, и тамъ и сямъ происходили волненія, которыя подавлялись оружіемъ. Сваливаніе смутъ того времени на чартистскую пропаганду было, конечно, не больше, какъ стараніемъ плутократіи и землевладѣльцевъ закрыть обществу глаза на его настоящія язвы. Между тѣмъ, банковыя и вообще акціонерныя дѣла возбудили къ себѣ большое вниманіе. Между теоретиками и практиками шли безконечныя споры: объ исключительно металлической и исключительно бумажной системѣ денегъ, объ ограниченной и неограниченной свободѣ дѣйствій банковъ, объ ограниченной и неограниченной отвѣтственности и проч.—Спорили въ прессѣ, въ бро-

индрахъ, въ собраніяхъ, въ экономическомъ клубѣ и даже въ парламентѣ. «Сохранившіеся отъ того времени отчеты о речахъ по этому предмету въ парламентѣ и въ комиссіи, говоритъ М. Виртъ:—свидѣтельствуютъ, въ сущности, что Англія еще очень недалеко ушла въ правильномъ разумнѣйшемъ принципѣ банковаго дѣла и даже основныхъ понятій денегъ, капитала и кредита» (135). Корифеи науки, на дебаты которыхъ въ экономическомъ клубѣ являлись министры, никакъ не могли придти между собою въ какому нибудь соглашенію и не могли, конечно, внушить министрамъ не только правильныя, но и едвая бы то ни было опредѣленныя воззрѣнія. Насколько убѣдительно доказывали одни, что неограниченная отвѣтственность директоровъ можетъ уменьшить злоупотребленія, настолько же убѣдительно доказывали другіе, что эта отвѣтственность всегда будетъ лишь номинальною, такъ какъ имущество всегда легко скрыть, а между тѣмъ публика вовлекается таинств. образомъ въ слѣпое довѣріе; насколько защитники ограниченнаго выпуска билетовъ убѣдительно доказывали пользу этой мѣры, настолько же убѣдительно имъ возражали, что система банковыхъ билетовъ представляетъ только одну изъ формъ кредита и что, если недостатокъ звонкой монеты замѣняется суррогатомъ — билетами, то, за недостаткомъ билетовъ, онъ будетъ замѣняться другимъ суррогатомъ — векселями, съ которыми возможны еще большія злоупотребленія, и т. д. Въ особенности эта безконечная полемика приняла большіе размѣры послѣ того, какъ Р. Пиль потребовалъ новой реорганизациі банковаго дѣла и назначенія по этому поводу новой парламентской комиссіи. Очевидно, что споръ могъ тянуться до скончанія вѣка и никогда не кончиться, а потому, когда новая парламентская комиссія заключила свои засѣданія тѣмъ, что она «никакого мнѣнія не имѣетъ», то сэръ Робертъ Пиль изложилъ, 19-го іюля 1844 года, передъ парламентомъ свои предложенія, которыя были приняты и сдѣлались закономъ.

Пиль провелъ, между прочими условіями, которыя должны были соблюдаться банками, еще два измѣненія, которыя долгое время были непопулярны въ Англіи и вызывали противъ себя нападки, это: во 1-хъ) ограниченіе количества билетовъ, необезпеченныхъ металлическимъ фондомъ, опредѣленною нормою¹, и во

¹ Норма эта была опредѣлена по расчету билетнаго обращенія въ Англіи за 20-ти лѣтній періодъ. Было высчитано, что изъ суммы билетовъ на 30 мил. фунт., обращавшихся тогда, собственно внутреннее обращеніе требовало 22 мил., а остальные 8 мил. служили внѣшней торговлѣ. Поэтому, первые билеты было признано достаточнымъ обезпечивать государственными бумагами, а по-

2-хъ) раздѣленіе банка, согласно съ мнѣніемъ С. Дж. Ллойда, считавшагося тогда первымъ англійскимъ финансистомъ, на два отдѣленія банка—департаментъ выпуска билетовъ (issue department) и собственно банковый департаментъ (banking department). И теоретики (Миль, Туэ, Фуллартонъ и друг.), и въ особенности коммерческая публика были очень недовольны закономъ Пилля; дѣйствіе этого закона нѣсколько разъ приостанавливалось (въ 1847—1857 и 1865 годовъ) и онъ, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ оказался неудовлетворительнымъ, но возражатели не предлагали ничего лучшаго. Впрочемъ, это мы увидимъ ниже, а теперь не будемъ уклоняться отъ предмета и посмотримъ на причины кризиса 1847 года. Послѣ 1844 года спекуляція съ жадностью набросилась на желѣзныя дороги. «Когда миновалъ первый страхъ, внушаемый новизною этихъ предпріятій и когда первые обильные барыши успѣли раззадорить алчность капиталистовъ, говоритъ М. Виртъ:—то всѣми головами, склонными къ безумнымъ спекуляціямъ, вскорѣ овладѣло настоящее желѣзнодорожное бѣшенство. Проснулась конкуренція и довела соревнованіе до зависти, ослѣплявшей людей на всѣ другія соображенія: проектировались линіи желѣзныхъ дорогъ, не имѣвшія, повидимому, другой цѣли, какъ губить одна другую. Увлеченіе смѣлостью, новизною и обширностью предпріятій шло рука объ руку съ жадною быстрой и легкой наживы; безумная смѣлость и ажіотажъ всюду вращали дѣлами, и вскорѣ снова дошло до того положенія, при которомъ спекуляція не спрашивала ни о необходимости, ни о полезности, ни о доходности предпріятія, а заботилась лишь о томъ, чтобы добывать концессіи, открывать подписки и спускать акціи съ надбавкою въ публику» (152). Въ безразсудныхъ и паденіяхъ до легкой наживы людей, разумѣется, недостатка не было, и акціи расхватывались. Число желѣзнодорожныхъ проектовъ было по истинѣ «ужасающее» и суммы, до которыхъ простирались выданныя концессіи, «поражали изумленіемъ». Въ 1844 было выдано концессій на постройку 800 англійскихъ миль на сумму 190 мил. гульд., по одѣнкѣ, оказав-

рше требовалось непременно обезпечивать золотомъ. Выпускъ необезпеченныхъ металлическихъ фондомъ билетовъ былъ распределенъ слѣдующимъ образомъ: на 14 мил. фун. предоставлялось выпускать англійскому банку и на 8 мил.—провинціальнымъ банкамъ; добавочное же количество предоставлялось выпускать англійскому банку не иначе, какъ по особому разрѣшенію правительства или, въ случаѣ закрытія какого-нибудь провинціального банка, въ размѣръ его доли. Расширеніе промышленности и торговли, разумѣется, потребовало увеличенія билетнаго обращенія. Что касается обезпеченныхъ металлическихъ фондомъ билетовъ, то число ихъ могло увеличиваться съ увеличеніемъ запаса золота въ банкѣ и должно было уменьшаться съ уменьшеніемъ запаса.

шейся впоследствии вдвое меньше действительной стоимости. Но 1844 годъ далеко отсталъ отъ послѣдующихъ годовъ: въ 1845 году, въ одинъ только день 16-го іюля, было утверждено королевскою подписью 65 желѣзнодорожныхъ предпріятій съ линіей въ 600 англ. миль, для сооруженія которой, по крайне уменьшенному разсчету, требовалось 13.366,620 фунт. стерл.; а общее число проектовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе въ эту сессію парламента, простиралось до 678, изъ которыхъ 136 были утверждены (1142 мили, по прихвѣрной оцѣнкѣ на сумму 25.895,900 фунт.). Подобнымъ же образомъ продолжалось дѣло и въ слѣдующіе два года, хотя энергія спекуляціи нѣсколько и ослабѣла: въ 1846 году было представлено 260 и въ 1847 г.—148 проектовъ. Журналъ «Economist» разсчитывалъ, что за эти послѣдніе три года парламентъ разрѣшилъ постройку желѣзныхъ дорогъ на сумму болѣе 1,400.000,000 тал. (ранѣе этого было уже израсходовано до 600,000,000 тал.), да лежало въ концѣ послѣдняго года еще нерассмотрѣнныхъ проектовъ болѣе, чѣмъ на 3.000,000 тал. Смотря на это настоящее бѣшенство, люди, наиболѣе осмотрительные, еще въ концѣ 1844 г., выражали сомнѣніе насчетъ той пользы, какую можетъ принести такое количество дорогъ торговлѣ и промышленности сравнительно съ сдѣланными на нихъ затратами, и высказывали опасеніе—вынесутъ ли торговля и промышленность такое значительное отвлеченіе капиталовъ изъ оборота?—Нѣсколько позже подобныя же сомнѣнія появились и въ парламентѣ, и парламентъ, желая нѣсколько поостудить желѣзнодорожную горячку, постановилъ: что цѣны за пробады по желѣзнымъ дорогамъ, послѣ того какъ доходность достигнетъ извѣстной высоты, должны сбавляться; что простые конспекты о выгодахъ вновь проектируемыхъ линій недостаточны и что торговой палатѣ должны представляться подробные планы съ чертежами, сметами расходовъ и проч., чтобы можно было лучше вникать въ дѣло и оцѣнивать пользу проектируемыхъ дорогъ. Кромѣ того, 30-е ноября было назначено послѣднимъ днемъ, въ который будутъ приниматься въ 1845 году проекты. Но всѣ эти преграды были слишкомъ малы для расхвѣвшейся спекуляціи. Торговая палата и комитеты вскорѣ не знали куда дѣться отъ массы плановъ и проектовъ, поступавшихъ къ нимъ на разсмотрѣніе. Спекулянты и основатели обществъ дѣлали отчаянныя усилія, чтобы перебивать другъ у друга концессіи и чтобы опередить соперника въ представленіи плановъ.. Спросъ на литографическія работы возросъ до громадныхъ размѣровъ. Хозяинъ одного заведенія этого рода выписалъ изъ Бельгіи 400 литографовъ и, все-таки, не постигавъ испол-

нять всѣ дѣлаемые ему заказы. Рисовальщики и печатники жили въ самомъ помѣщеніи литографин и снали лишь урывками, пригнувшись гдѣ-нибудь на полу или на скамьѣ» (153). Чтобы поспѣть къ назначенному сроку въ Лондонъ, отправлялись экстренные поѣзды, причемъ бывали случаи, что директоры соперничающихъ линій отказывали своимъ конкурентамъ отправить ихъ такимъ образомъ и вынуждали бросаться въ объѣздъ, по другимъ дорогамъ, съ опасностью опоздать. Максъ Виртъ рассказываетъ нѣсколько очень характерныхъ и курьезныхъ сценъ того времени. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ: «Когда насталъ роковой день, 30-е ноября, то въ торговой палатѣ были приняты всѣ мѣры на случай страшнаго натиска публики. Цѣлая армія писцовъ была наготовѣ, и до 11 часовъ вечера работа шла довольно спойно. Было рѣшено, что всѣ искатели концессій, которые окажутся на лицо въ залѣ торговой палаты, будутъ считаться явившимися во-время. Въ теченіе послѣдняго часа давка сдѣлалась такъ велика, что занесеніе прошеній въ списки, не смотря на всѣ старанія, не могло производиться такъ же быстро, какъ происходило предъявленіе прошеній. Дожидающіеся въ первой залѣ съ лихорадочнымъ напряженіемъ прислушивались къ именамъ, которыя выкликалъ сторожъ, а на улицѣ у входа стояла еще большая толпа народа, потѣшавшаяся надъ шумомъ, который производили вновь прибывающіе, и надъ боязливою торопливостью, съ которою они старались просунуть куда слѣдуетъ свои груды бумагъ. Уже пробило полночь и собирались запереть двери палаты, когда одному новоприбывшему агенту удалось таки протискаться въ залу. Такъ какъ въ моментъ его прибытія звонка еще не было, то его, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, допустили. Прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ новыхъ соискателей не являлось. Но не пробило еще четверти перваго, какъ къ подъѣзду подкатила почтовая карета, запряженная четверною измученныхъ лошадей. Изъ кареты выскочили три господина, каждый съ ворохомъ бумагъ, и бросились къ дверямъ, но нашли ихъ запертыми. Толпа, стоявшая у входа, посоветовала имъ дернуть за звонокъ, что они и сдѣлали. Дверь отперъ полицейскій надзиратель, и, какъ скоро новоприбывшіе убѣдились, что онъ ихъ ни за что не впуститъ, они бросили свои бумаги черезъ отворенную дверь во внутренность помѣщенія, причемъ разбили лампу, горѣвшую въ пріемной. Бумаги имъ выбросили оттуда назадъ; они еще разъ попытались ихъ туда забросить, но имъ опять ихъ выбросили назадъ. Одинъ изъ этихъ господъ рассказалъ свою исторію и исторію своихъ товарищей толпѣ, тѣснившейся у входа и отъ души хохотавшей надъ этой сценой. Оказалось, что

кучеръ почтовой кареты не зналъ лондонскихъ улицъ и, вмѣсто того, чтобы прямо вести ихъ къ торговой палатѣ, свернулъ въ другую сторону и съ половини одиннадцатаго кружилъ такимъ образомъ несчастныхъ желѣзнодорожныхъ предпринимателей въ какой-то отдаленной части города.»

За этимъ комическимъ прологомъ слѣдовала, однако, не комедія, а драма. Конечно, было утѣшительно смотрѣть, что Англія, имѣвшая, всего какія-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ, только одну коротенькую ливерпульско-манчестерскую линію, вдругъ покрывается громадною желѣзно-дорожною сѣтью; но подобное утѣшеніе покупалось слишкомъ дорогою цѣною. Какъ ни велики были выгоды, которыя сулили желѣзныя дороги въ будущемъ, но въ первые годы онѣ не давали ничего. Какъ ни велики были капиталы Англіи, но, рѣшаясь затрачивать подобныя суммы (до 2 миллиардовъ талер.) въ долгосрочныя предпріятія, она не имѣла ихъ свободными, а отвлекала отъ промышленности, служивала послѣднюю и обрекала капиталъ сначала на полную бездоходность, а затѣмъ на слишкомъ медленное погашеніе. И дѣлалось это въ то время, когда сельское хозяйство испытывало неудачи и когда требовался капиталъ на поддержку уже начатыхъ предпріятій. Открытіе портовъ Китайской Имперіи для европейцевъ не только заняло въ Англіи много капиталовъ въ торговлю, но вызвало даже возникновеніе многихъ фабрикъ для этой страны. Кромѣ того, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, многіе англійскіе торговые дома всадили значительныя капиталы въ кофейныя и сахарныя плантаціи въ обѣихъ Индіяхъ и, вызвавъ несоотвѣтственное усиленіе производства, вызвали такую дешевизну этихъ продуктовъ, что «капиталы болѣею частью были потеряны». Затѣмъ, во всѣхъ этихъ расходахъ необходимо присоединить еще крупныя займы, заключенныя въ Англіи другими государствами. Словомъ, весь свободный капиталъ былъ истощенъ, и желѣзныя дороги натягивали тетиву до послѣдняго... Можетъ быть, зданіе, нагроможденное спекуляціей и не рухнуло бы и Англіи удалось бы съ нѣкоторыми жертвами пережить трудное время, если бы затрудненіе не увеличилось еще другими причинами. Во-первыхъ, случился въ Америкѣ неурожай на хлопокъ, на этотъ важнѣйшій продуктъ англійской промышленности, вслѣдствіе чего фабрики должны были или стать, или значительно сократить производство; затѣмъ, въ 1845 году, болѣзнь истребила почти весь сборъ картофеля, составлявшаго главную пищу рабочимъ, и, наконецъ, въ 1846 году, былъ неурожай хлѣба и наступилъ настоящій голодъ. Въ Ирландіи не хватало хлѣба противъ годовой нормы на 140 мил. тал., Англія

должна была выписать хлѣба, въ теченіи только 8 мѣсяцевъ, на 250 мил. талл. Между тѣмъ, происшедшее раньше сокращеніе производства, вслѣдствіе неурожая хлѣпка, значительно уменьшило отпускъ Англійи и сократило ея доходы. Въ то время, какъ дѣны на жизненные припасы возросли вдвое и втрое, треть или даже половина рабочихъ была отпущена съ фабрикъ и лишилась заработка. Ко всему этому присоединились неудачи хлѣбной торговли, которая, благодаря спекуляціи, приняла за послѣдніе годы въ Англійи такіе большіе размѣры, что Лондону предсказывали, что онъ сдѣлается центральнымъ всемірнымъ рынкомъ и перетянетъ къ себѣ всю торговлю Амстердама и Гамбурга. Торговля хлѣбомъ, безъ сомнѣнія—дѣло чрезвычайно прибыльное, но въ то же время она есть и дѣло чрезвычайно рискованное, зависящее отъ множества случайностей. А 1847 годъ былъ именно половъ такихъ случайностей: неурожай постигъ почти всю Европу. Громадные транспорты хлѣба пришлось стягивать изъ такихъ отдаленныхъ портовъ, какъ черноморскіе, Архангельскъ и Америка; доставка настолько замедлилась, что хлѣбъ пришолъ уже тогда, когда имѣлись виды на хорошій урожай; за хлѣбъ приходилось расплачиваться по большей части чистыми деньгами, чего прежде не было, и т. п. Нужно замѣтить, что хлѣбныя спекуляціи велись въ Англійи, по большей части, въ кредитъ, который щедро оказывался имъ банками и фирмами, занимавшимися учетомъ векселей. Англійскій банкъ до самаго наступленія кризиса держалъ дисконтъ крайне низко:—3—2⁰/₀; онъ раздавалъ въ ссуду даже суммы, подлежащія выдачѣ въ видѣ дивидендовъ, какъ это заявилъ тогдашній министръ финансовъ. Другіе банки не отставали, несмотря на то, что золото утекало за границу и наступленіе кризиса было очевидно «съ неизбежностью математическаго вывода»: такъ, напримѣръ, обанкротившійся ливерпульскій королевскій банкъ, весь акціонерный капиталъ котораго не превышалъ 600 т. фунт., выдалъ въ ссуду одному только торговому дому 500 т. фунт., и т. д. Англійскій банкъ обвиняли въ томъ, что онъ вызвалъ кризисъ внезапнымъ повышеніемъ дисконта, и всю причину этого приписывали закону Пила. Банкъ, дѣйствительно, когда почувствовалъ себя зарвавшимся, возвысилъ дисконтъ: сначала, 14 янв., до 3⁰/₀ и затѣмъ, 21 янв.—до 4⁰/₀. Конечно, это было довольно круто, но банку давно слѣдовало это сдѣлать. Но и порицавшіе банкъ съ этой стороны также винили законъ Пила. Даже парламентская комиссія, назначенная для разслѣдованія причинъ кризиса, и та объявила, что законъ 1844 г. только ухудшилъ бѣдственное положеніе вещей того времени. Всѣ

обвиненія сводились: 1) къ раздѣленію банка на два департамента, вслѣдствіе чего банкъ становится недостаточно подвижнымъ: не можетъ регулировать норму своего дисконта сообразно съ условіями рынка и держать его либо низко, либо внезапно повышаетъ, не можетъ быстро регулировать билетнаго обращенія, и въ то время, какъ въ банковомъ отдѣленіи запасъ билетовъ истощается, въ билетномъ отдѣленіи лежитъ громадный запасъ золота и т. п., и 2) къ ограниченію количества билетовъ и вообще къ нецѣлесообразности правительственной регламентаціи въ дѣлѣ кредита, къ нецѣлесообразности искусственнаго регулированія посредствомъ законодательства билетнаго обращенія, вслѣдствіе чего въ затруднительныя минуты, во время натиска публики въ банкъ, онъ не можетъ оказывать достаточной помощи торговцамъ и предпринимателямъ, не можетъ увеличивать количества своихъ билетовъ и расширять своего кредита. — Но какъ будто для регулированія дисконта съ условіями рынка департаменты, находившіеся подъ однимъ управленіемъ, не могли и не должны были сноситься и согласовать свои дѣйствія, какъ будто, еслибы банкъ имѣлъ право выпускать неограниченное количество билетовъ, то кризисъ не наступилъ бы (онъ, конечно, только отсрочился бы и разразился бы съ большою силою); какъ будто банкъ сумѣлъ бы всегда сказать себѣ во время «довольно», избѣжать вліянія спекулянтовъ и увлеченій. Еслибы это было такъ, то, конечно, и не потребовалось бы издавать законъ, регулирующий билетное обращеніе. Находились люди, которые объясняли, что кризисъ 1847 г. успокоился довольно благополучно только благодаря тому, что шилевскій заемъ былъ приостановленъ и банку было разрѣшено выпустить билетовъ свыше нормы; но полномочіемъ этимъ банку не пришлось даже воспользоваться, такъ какъ оно послѣдовало уже послѣ того, какъ первый натискъ кризиса на банкъ миновалъ. Успокоеніе, которое замѣчалось послѣ приостановки дѣйствія закона, точно такъ же, какъ и въ 1857 г., было гораздо больше нравственнымъ, благодаря авторитету того же самаго банка. И правительство отлично понимало, что подобное успокоеніе можетъ производить только приостановка, а не отмена закона. Англійскіе финансы все такъ стоятъ устойчивѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, и не знаютъ такихъ колебаній валюты, какъ страны, искусившіяся въ чрезмѣрномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ (напр. Австрія, Россія). Что касается регламентированія банковаго дѣла вообще, то регламентація, весьма, впрочемъ, недостаточная для прекращенія злоупотребленій, явилась плодомъ горькой необходимости для прекращенія наглаго, дневнаго грабежа, производившагося банкомъ.

ми. Функціи банковъ черезъ это, правда, были до нѣкоторой степени стѣснены, но изъ двухъ золъ было выбрано меньшее. Для насъ гораздо важнѣе не то, что законъ Пилла оказался безсильнымъ противъ спекуляцій и злоупотребленій, а то, что онъ не разрѣшилъ банковаго вопроса и положилъ грубые недостатки и ошибки, которыя мы отлично сознаемъ—не диковина: то же самое будетъ ждать всякій законъ, пока финансы не будутъ приведены въ непосредственное соприкосновеніе съ трудомъ, пока кредитъ не будетъ оказываться непосредственно производительности, т. е. работнику.

Крушеніе началось съ хлѣбныхъ торговцевъ. Вслѣдствіе удолетворительнаго урожая, цѣны на хлѣбъ стали быстро падать и съ мая по сентябрь упали съ 102 до 48 шиллинговъ. Напрасно торговцы, не брезгая никакими средствами, старались удержать ихъ отъ паденія. Дутые векселя могли сослужить службу не на долго; еще меньше приносили пользы ложныя успокоительныя свѣдѣнія: встревоженное общество мало вѣритъ успокоеніямъ и вѣритъ только тому, что видитъ. Словомъ—часъ наступилъ, и нужно было обанкротиться одной какой-то неважной фирмѣ, чтобы за нею пошли лопаться одна фирма за другою. Цѣлые 5 мѣсяцевъ происходило это крушеніе, и не проходило дня, чтобы не слышалось о банкротствѣ того или другаго дома или цѣлой дюжины домовъ. Когда, въ концѣ года, можно было обозрѣть опустошенія, то оказалось, что обанкротилось 400 фирмъ на сумму 250 мил. ф. Крушеніе не ограничилось одними только банками и хлѣбными торговцами, но распространилось на торговцевъ мануфактурными и другими товарами и на фабрикантовъ. Не только акціи разныхъ компаній упали до 25%, но даже курсъ государственнаго консолидированнаго займа значительно спустился. Банкъ повысилъ дисконтъ до 8%; въ частникъ же конторахъ брали до 13%. Въ особенности въ затруднительномъ положеніи находились желѣзнодорожныя общества. Они выпустили массу 5% облигацій и пускали ихъ со скидкой 6—7% съ номинальной цѣны; но покупателей было мало. Работы ихъ по постройкамъ прекратились. Фабрики также стали. Рабочіе остались безъ работы и безъ хлѣба. Число бѣдныхъ въ однихъ только рабочихъ домахъ возрасло на 100 т. чел. Налогъ для бѣдныхъ пришлось увеличить на цѣлый миліонъ фунт., и онъ составлялъ въ этомъ году, вмѣстѣ съ прежнимъ, 6 мил. фунт. Въ Ирландіи происходили аграрныя убійства и началась громадная эмиграція въ Америку. «То была страшная пора», законически добавляетъ М. Виртъ. Всѣ торговые центры континента ощущали послѣдствія кризиса: онъ отдавался въ Парижъ, Амстердамъ, Гамбургъ.

*

гѣ (гдѣ обанкротилось, между прочимъ, 128 домовъ), въ Карису, Петербургѣ и другихъ городахъ.

Прежде, чѣмъ сказать о послѣдующихъ кризисахъ въ Англіи, мы посмотримъ на кризисы 1814—37 и 39 гг. въ Америкѣ, къ которой англійскіе капиталы и политика имѣли самое близкое отношеніе. Нигдѣ промышленность такъ быстро не развивалась и нигдѣ такъ часто кризисы не тревожили общество, какъ въ Америкѣ. Вначалѣ, когда главными предметами производства и вывоза были сырые продукты, затрудненія, главнымъ образомъ, происходили въ производствѣ сырья, преимущественно въ земледѣліи. Пока американская производительность и рынокъ пришли въ болѣе или менѣе правильное соотношеніе съ Европой, происходили нѣсколько разъ колебанія, сопровождавшіеся убытками для новой страны: то, дороговизна хлѣба и хлопка въ Европѣ, какъ, напримѣръ, вначалѣ настоящаго столѣтія, побуждали американскихъ капиталистовъ затрачивать громадные капиталы въ земледѣліе и производить громадное количество хлѣба и хлопка; то урожай хлѣба и подвозъ хлопка изъ другихъ странъ уменьшали спросъ и ставили производителей въ затрудненіе, въ необходимость сбывать свои товары по крайне низкимъ цѣнамъ; цѣны на землю то поднимались до чудовищной высоты, то вдругъ падали на 40 — 50 и болѣе процентовъ. Такъ погибло очень много капиталовъ. Равнымъ образомъ, Америка очень рано вошла во вкусъ бумажныхъ денегъ и извѣдала послѣдствія ихъ чрезмѣрности. Когда, во время войны за независимость, конгрессъ усилилъ выпускъ бумажныхъ денегъ до громадной суммы въ 160 мил. дол. и когда, вслѣдствіе этого, государству угрожало банкротство (деньги эти впоследствии могли быть погашены лишь въ размѣрѣ 1%), то, послѣ принатія конституціи, выпускъ бумажныхъ денегъ былъ отмѣненъ и золотыя и серебряныя деньги были объявлены единственною монетою съ обязательнымъ курсомъ (94). Но то, отъ чего отказалось правительство, вскорѣ было съ избыткомъ возмѣщено частными банками. Исторія американскихъ спекуляцій тѣсно переплетается съ исторіей американскихъ банковъ, злоупотребленія которыхъ гораздо большіе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, вынудили нѣсколько президентовъ (Джэксона, ван-Бьюрена и Беннэна) вести съ банками упорную борьбу. Съ 1780-го года, когда открылся въ Пенсильваніи первый американскій банкъ, въ концѣ 1810-го года въ Америкѣ уже считалось 88 ассигнаціонныхъ банковъ, которые, «казалось, принимали свои станки для печатанія ассигнацій за золотыя росыпи» (95). Успѣхъ первыхъ кредитныхъ предприятий вызвалъ сильное банковое учредительство: такъ, напри-

мѣрь, въ одной только Пенсильваніи въ 1812—13 г. возникло 24 банка, въ 1814 г.—41 банкъ и т. д. Таки какъ въ банковыхъ операціяхъ почти не соблюдалось никакихъ границъ, то бумаги ихъ скоро упали въ цѣнѣ до 80—50%, а звонкая монета настолько исчезла изъ обращенія, что принуждены были даже мелкую монету замѣнять бумажками. Это паденіе курсовъ побудило европейцевъ потребовать уплаты по римессамъ исключительно звонкою монетою, а это вызвало и въ Америкѣ со стороны владѣльцевъ билетовъ требованіе отъ банковъ звонкой монеты. Движеніе это «вскорѣ возросло со всею стремительностью бурнаго потока», и въ августѣ 1814-го года банки должны были прекратить платежи¹. «Но вышеупомянутая пріостановка платежей вмѣсто того, чтобы положить конецъ спекулятивной горячкѣ, усилила ее еще больше... Опретчивыя операціи банковъ, все-таки, продолжались; во многихъ изъ нихъ, какъ рассказываютъ, ссуды просто навязывались публикѣ. Въ то же время, цѣны на товары и на землю возросли до громаднхъ размѣровъ и люди считали себя обладателями несмѣтныхъ богатствъ, которыя, между тѣмъ, были чистою фикціею. Все населеніе было вовлечено черезъ это въ спекуляцію и въ займы, роскошь возросла до чрезвычайныхъ размѣровъ и еще выше подняла цѣны. Не взирая на усиленное потребленіе, коммерсанты, занимавшіеся ввозомъ товаровъ, все-таки, перецѣнили спросъ и завалили рынокъ европейскими товарами. При громадномъ числѣ ассигнаціонныхъ банковъ, фабрикантамъ фальшивыхъ ассигнацій было раздолье» и т. д. (96). Это положеніе дѣлъ продолжалось до 1818-го года, когда банки, подъ давленіемъ конкуренціи вновь основаннаго «Банка Соединенныхъ Штатовъ», должны были сократить количество своихъ билетовъ и возобновили платежи. Съ этого времени, «Банку Соединенныхъ Штатовъ» принадлежитъ первая роль въ дѣлѣ банковыхъ спекуляцій, а потому слѣдуетъ замѣтить, что онъ, въ качествѣ національнаго банка, пользующагося правительственною привилегіею и билеты котораго должны были приниматься государственными кассами наравнѣ съ чистыми деньгами, пользовался, во-первыхъ, большимъ общественнымъ довѣріемъ, а во-вторыхъ, представлялся тогдашнимъ экономистамъ лучшимъ средствомъ для обузданія мелкихъ частныхъ банковъ и предотвращенія бумажныхъ неурядицъ. Онъ былъ основанъ собственно нѣсколько раньше, а именно въ 1790 году, но въ 1809 году, вслѣдствіе того, что возобновленіе его концессіи

¹ Исключеніе составили только банки Новой Англій, гдѣ законодательство угрожало денежными штрафами за отказъ отъ уплаты по билетамъ и гдѣ, вслѣдствіе этого, банки были осторожнѣе.

встрѣило сопротивленіе нѣкоторыхъ штатовъ, прервали свое существованіе. Основанный вѣшь въ 1816 г. съ капиталомъ въ 35 мил. дол. (изъ которыхъ центральное правительство поднесало на 5 мил.), банкъ Соединенныхъ Штатовъ далеко не весь акціонерный капиталъ получилъ чистыми деньгами, а потому прежде, чѣмъ приступить къ регулярнымъ операціямъ, сѣботился обезпечить себя звонкою монетою и скупили таковой въ Европѣ болѣе 7 мил. дол. Этого, съ одной стороны, требовало самое его положеніе, а съ другой—здѣсь открывалась богатая спекуляція: большая часть капитала была роздана въ ссуду подъ залогъ своихъ же акцій, вслѣдствіе чего, акціи банка, и безъ того стоявшія высоко, поднялись еще выше и сдѣлались предметомъ «чудовищнаго ажіотажа». Тотчасъ же по открытіи правильныхъ операцій, банкъ выпустилъ въ огромномъ количествѣ и свои билеты, которые, вмѣстѣ съ билетами другихъ банковъ, составили таковой бумажный фондъ, который еще держался на плечахъ народа. «Назонецъ, въ 1818 г., шаткое сооруженіе не могло долѣе держаться; банкамъ ничего болѣе не оставалось, какъ выбирать между ликвидацией и сокращеніемъ количества билетовъ, находящихся въ обращеніи». Разумѣется, банки выбрали послѣднее, и инициативу въ этомъ принялъ на себя банкъ Соединенныхъ Штатовъ. «Но послѣдствіемъ такой мѣры было значительное паденіе цѣнъ, а это повлекло за собою банкротство многихъ купцовъ, занимавшихся ввозомъ иностранныхъ товаровъ, а также фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ. Многие несчастные кредиторы потеряли плодъ многолѣтней работы и многие превосходные работники вынуждены были промѣнять родной кровъ на негостепріимные лѣса дальняго Запада. Вынужденныя продажи занасовъ товаровъ и домашняго скарба производились въ убытокъ, многія семейства отъазывали себѣ въ самомъ необходимомъ. Деньги и кредитъ становились до таковой степени рѣдки, что невозможно было получить ссуду подъ самую надежную земельную ипотеку. Работа и заработокъ прекратились, и лучшіе изъ гражданъ были доведены до нищеты и отчаянія. Торговля ограничилась необходимыми жизненными потребностями. Фабричныя зданія и машины стояли праздно. Продукты промышленности попадали въ руки ростовщиковъ. Долговныя тюрьмы переполнились, на общинахъ лежало прокормленіе заключенныхъ въ нихъ несправныхъ должниковъ. Суды были завалены жалобами, и самыя зайства едва въ состояніи были сколачивать деньги, необходимыя для покрытія потребностей жизни со дня на день» (97). Грустный опытъ 1818-го года заставилъ банкъ Соединенныхъ

Штатовъ былъ нѣкоторое время осматрительнѣе и обратилъ-ся къ соединеннѣмъ предпріятіямъ; но уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ началась таже самая неурядица въ выпускѣ билетовъ, и снова началась биржевая игра и всевозможныя спекуляціи, среди которыхъ особенно большіе размѣры приняли спекуляціи государственными землями. Спекуляціи на государственныхъ земли, состоявшія въ покупкѣ земель у правительства по низкимъ цѣнамъ и перепродажѣ ихъ въ частныя руки съ барышомъ, уже приняли большіе размѣры еще въ 1819 — 20 гг. и тогда причинили не мало бѣдъ. Въ то время имъ былъ положенъ предѣлъ тѣмъ, что съ 1-го іюля 1820 г. земли перестали продавать съ разсрочкою платежей, а стали требовать немедленной же уплаты (по 4½ дол. за акръ). Это нѣсколько поостудило спекуляцію, но съ 1832 г. она снова приняла громадныя размѣры, и на этотъ разъ во главѣ ея очутился банкъ Соединенныхъ Штатовъ, который совершенно парализовалъ вышеуказанную мѣру путемъ щедрой раздачи спекулянтамъ въ ссуду своихъ билетовъ, которые, какъ мы видѣли, государственными кассы обязаны были принимать наравнѣ съ чистыми деньгами. Самъ банкъ, а равно и другіе банки, выдавали эти билеты безъ всякихъ гарантій. При этомъ продѣлывалась обыкновенно слѣдующая исторія: билеты, вносимые покупателями, въ уплату за землю въ учрежденія, завѣдывавшія продажей земли, должны были немедленно же препровождаться въ банкъ въ видѣ государственныхъ депозитовъ, а банкъ сейчасъ же выдавалъ ихъ снова въ ссуду; снова возвращались они въ банкъ и снова выдавались и т. д. Такимъ образомъ, каждая спекуляція доставляла средства для новой спекуляціи, и одни и тѣ же билеты по нѣскольку разъ являлись средствомъ уплаты. Такимъ образомъ, банки не только являлись орудіемъ, доставлявшимъ спекулянтамъ возможность прибирать къ рукамъ лучшія земли, но и являлись, въ концѣ концовъ, несостоятельными. Правительственный приходъ отъ продажи земель возросъ до громадныхъ размѣровъ, между тѣмъ состоялъ онъ не изъ чего иного, какъ изъ кредита въ книгахъ банка. Но банки поддерживали спекуляцію не въ одномъ только этомъ направленіи, а во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Количество билетовъ, выпущенныхъ банками, считалось сотнями милліоновъ долларовъ; между тѣмъ совокупный капиталъ ихъ представлялъ не болѣе 200 мил. дол., и значительная часть этого капитала (около 100 мил.) была занята въ Европѣ и отчасти у союза и отдѣльныхъ штатовъ. Кромѣ того, негоціанты и въ особенности нью-йоркскіе купцы были очень много должны въ Лондонѣ. Вмѣстѣ съ размноженіемъ бу-

важных денег, золото утекало за границу. Но бѣда состояла собственно не въ этомъ. Промышленность во многихъ случаяхъ получила фальшивое направленіе: въ то время какъ нѣкоторыя фабрики производили избыточный избытокъ товаровъ, даже въ то время какъ спекуляціи на землю были въ полномъ разгарѣ, земледѣліе находилось въ крайнемъ упадкѣ, и Америка, покупавшая въ 1864 г. въ Европѣ хлѣба на 250,000 дол., должна была, въ теченіи только перваго полугодія 1867 года, выписать такогого на 2 мил. дол. Значительнѣйшая часть займовъ, произведенныхъ въ Англии, предназначалась на постройку желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, но лишь ничтожная часть ихъ достигла своего назначенія — остальное было расхищено и растрачено на эфемерныя предпріятія. Президентъ Джэксонъ очень рано обратилъ вниманіе на такое положеніе вещей: онъ, еще въ 1829 г., энергически высказался противъ системы бумажныхъ денегъ, которыми банки поддерживаютъ духъ спекуляціи, и началъ съ ними упорную борьбу въ лицѣ банка Соединенныхъ Штатовъ, борьбу, кончившуюся тѣмъ, что банкъ лишился привилегій правительственнаго учрежденія и сдѣлался учрежденіемъ частнымъ. Многіе нападали на Джэксона за его образъ дѣйствій и изобличали его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ просто, какъ орудіе южанъ, потому что какъ разъ въ это время началась вражда сѣвера съ югомъ изъ-за слишкомъ широкаго толкованія сѣверомъ союзной конституціи, и банковый вопросъ былъ первымъ вопросомъ, на которомъ партіи помѣрялись силами: сѣверяне, основываясь на аналогіи бумажныхъ денегъ съ звонкою монетою, желали отстоять за союзомъ право исключительнаго выпуска и бумажныхъ денегъ; южане оспаривали это право. — Положимъ, что въ складкахъ этой борьбы сидѣлъ вопросъ о невольничествѣ, разросшійся впоследствии; но Джэксонъ, этотъ любимецъ демократіи, дѣйствовалъ по отношенію къ банку, какъ истый демократъ, а не какъ орудіе рабовладѣльцевъ. — Конечно, уничтоженіе національнаго банка не уничтожило ала и породило только массу мелкихъ частныхъ банковъ, которые проявили еще болѣе ужасныя плутни; конечно, можно было бы и другими средствами предотвратить банковыя неурядицы, ограничить полномочіе директоровъ и провести банковую реформу; но банкъ Соединенныхъ Штатовъ не представлялъ собою ничего дѣйнаго, онъ былъ такимъ возмутительнымъ соединеніемъ частнаго интереса съ государственнымъ, такимъ орудіемъ эксплуатаціи государства въ пользу какой-нибудь дюжины пройдохъ, что жалѣть о немъ не стоить. Къ тому же, для такихъ рѣшительныхъ дѣйствій, продолжавшихся однако цѣлыхъ 7 лѣтъ, у Джэксона были всѣ основанія: рискован-

ныя спекуляціи, которыя вель банкъ, указывали на его несостоятельность; съ другой стороны, спекуляціи принимали все бѣльшіе и бѣльшіе размѣры и грозили общественному благосостоянію. Наконецъ, на счетъ несостоятельности банка онъ имѣлъ и бѣльѣе достовѣрныя доказательства: заботясь объ уплатѣ государственныхъ долговъ и имѣя въ банкѣ 11.600,000 дол. государственныхъ вкладовъ, онъ приказалъ банку уплатить по трехпроцентнымъ облигаціямъ 2.700,000 дол. въ два срока — 1-го іюля и 1-го октября; обязанный это сдѣлать, государственный банкъ попросилъ трехмѣсячной отсрочки, на которую и получилъ согласіе, а самъ, между тѣмъ, сталъ требовать съ нью-йоркскихъ купцовъ возврата ссудъ и отправилъ въ Лондонъ агентовъ для переговоровъ, черезъ банкирскую контору Берингъ и Линъ, съ кредиторами правительства объ отсрочкѣ платежей на годъ и прося у этой фирмы кредита въ 5 мил. дол. Это окончательно убѣдило Джэксона, что банкъ несостоятеленъ, и побудило его потребовать возвращенія правительственныхъ вкладовъ и не возобновлять банку привилегіи, когда въ 1836 г. истекъ срокъ его старой привилегіи.—Одновременно съ этимъ, для возстановленія денежнаго обращенія, были приняты и нѣкоторыя другія мѣры: усиленная чеканка монеты; воспрещеніе приѣма и выдачи за счетъ государства мелкихъ билетовъ въ 1 дол., выпускъ которыхъ уже былъ воспрещенъ банкамъ равнѣ; затѣмъ было потребовано, чтобы плата за землю непременно вносилась звонкою монетою. Эта послѣдняя мѣра на нѣкоторое время «отняла средства у чрезмѣрной спекуляціи и обуздавала ея стремленія превратить покупку лучшихъ государственныхъ земель въ свой монополь. Она оградила новые штаты отъ той язвы, какъ классъ землевладѣльцевъ, не живущихъ на своихъ земляхъ—классъ, представляющій одно изъ величайшихъ препятствій къ развитію новой страны и къ благосостоянію старой. Она много способствовала поддержанію доступности государственныхъ земель для эмигрантовъ по цѣнамъ, назначеннымъ отъ правительства, между тѣмъ какъ прежде прибывающіе переселенцы вынуждены были перекупать ее у спекулянтовъ, плата вдвое и втрое противъ первой ихъ стоимости» (106). Очевидно, что М. Виртъ преувеличиваетъ значеніе этой мѣры, которая вовсе не настолько была сильна и имѣла только нѣкоторое временное значеніе. Равнымъ образомъ, и другія мѣры, принятыя Джэксономъ, не могли спасти и не спасли страны отъ кризисовъ. Что касается банка Соединенныхъ Штатовъ, то, потерявъ привилегію правительственнаго учрежденія, онъ не прекратилъ своего существованія, а добился при помощи своего директора, г. Видля, концессіи отъ штата Пенсильванія и, оставшись, въ сущности, тѣмъ

же самымъ банкомъ, надѣлъ только другую юридическую маску и не считалъ уже больше союзнаго правительства къ числѣ своихъ акціонеровъ. Устроилъ это г. Бидль посредствомъ пожертвованія 10 мил. дол., употребленіе которыхъ покрыто тайственнымъ мразомъ. Продѣлка эта поражала своею наглостью, когда ее выяснили передъ конгрессомъ государственный статс-секретарь и Джэксонъ: банкъ не только не возвратилъ правительству его вкладовъ, но не далъ даже увѣдомленія, когда отъ него можно было ожидать этой уплаты, несмотря на неоднократныя обращенія къ нему по этому поводу. Статс-секретарь, т. е. американскій министръ финансовъ, обращался къ банку за отчетомъ о положеніи его дѣлъ, но не получилъ и отчета. Въ силу § 21 устава, банкъ имѣлъ право, въ теченіи двухъ лѣтъ со дня истеченія срока концессіи, дѣйствовать въ качествѣ корпорации для заключенія счетовъ, ликвидаціи своихъ дѣлъ и распоряженія имуществомъ, какое въ немъ окажется, при чемъ хотя и оговаривалось довольно туманно, что банкъ «отнюдь не долженъ пользоваться этимъ правомъ для какихъ либо другихъ цѣлей», но чѣмъ онъ именно и воспользовался для другихъ цѣлей: онъ счелъ за лучшее, вмѣсто того, чтобы возвратить правительственные вклады, простиравшіеся уже до 16 мил. дол., передать всѣ свои книги, бумаги, билеты и обязательства новому учрежденію. Безперемонность дошла до того, что билеты стараго банка были пущены въ обращеніе, на что банкъ ни самъ не имѣлъ права, ни тѣмъ болѣе не могъ передавать этого права другому учрежденію: съ прекращеніемъ концессіи, билеты, находившіеся въ обращеніи, должны были быть вытребованы посредствомъ публикаціи, сейчасъ же по предъявленіи оплачены и затѣмъ уничтожены вмѣстѣ съ оставшимися въ банкѣ. — «Вторичный выпускъ ихъ въ обращеніе не былъ разрѣшонъ никакимъ закономъ и не оправдывался никакою потребностью. Если Соединенные Штаты гарантировали уплату по этимъ билетамъ своими казначействами, вѣренными банку, то этотъ вторичный выпускъ старыхъ билетовъ новою корпорациею въ свою пользу былъ обманомъ передъ правительствомъ; если же союзное правительство не отвѣчало за эти билеты, то уплата ихъ ничѣмъ не была гарантирована и выпускъ ихъ былъ обманомъ передъ странюю» (107). Такъ формулировалъ вопросъ Джэксонъ въ своей прощальной рѣчи, которою престарѣлый президентъ прощался съ своею должностью и съ политической дѣятельностью. Во все время своего президентства, Джэксонъ ратовалъ противъ чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ и стремился къ развитію металлическаго обращенія, въ особенности среди рабочаго класса, который

не имѣеть возможности наблюдать за постоянно мѣняющеюся цѣнностью бумажныхъ денегъ. — Вдаваясь иногда въ односторонность и впадая подѣ часъ даже въ совершенное отрицаніе бумажныхъ денегъ, онъ неоднократно и совершенно вѣрно доказывалъ конгрессу, что тяжелѣе всего бумажная система отъзывается на рабочемъ классѣ, что банки служатъ только людямъ алчнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ наживы на счетъ страны, что, поощряя спекуляціи, они постоянно вызываютъ колебанія въ цѣнахъ, придаютъ промышленности ложное направленіе и вызываютъ потрясенія. Онъ доказывалъ также, что подобный порядокъ вещей, кромѣ того, какъ нельзя болѣе развращаетъ общественныя нравы. Преемникъ Джэксона—ван-Бьюренъ, совершенно раздѣлялъ эти воззрѣнія и продолжалъ ту же политику. Но какъ бы тамъ ни было, а, благодаря стараніямъ Джэксона (закупкѣ золота въ Европѣ, усиленной чеканкѣ преимущественно мелкой монеты и проч.), въ Америкѣ къ концу 1836 г. было уже на 73 мил. дол. металлическихъ денегъ. Одновременно съ этимъ, ввозъ и вывозъ товаровъ значительно увеличились, а государственный бюджетъ, при крайне скромномъ управленіи, уменьшился: составляя, въ 1817 г., около 40 мил. дол., бюджетъ въ 1834 г. былъ менѣе 25 мил. дол., а въ 1836 оказалось 18 мил. излишка доходовъ передъ расходами. Съ этими данными гармонируютъ свѣденія и о процвѣтаніи промышленности, и, главное, о благосостояніи націи. Положеніе представлялось одинаково завиднымъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ: промышленность, торговля и земледѣліе изображались процвѣтающими, цѣны на землю, заработная плата и прибыльность всевозможныхъ предпріятій возросшими» и т. д. «Но именно, говоритъ М. Виртъ:—это-то всеобщее процвѣтаніе носило въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія; чувство мѣры было потеряно» (112). Скоро спекуляція на государственныя земли превратилась въ игру; было проектировано до 100 новыхъ желѣзныхъ дорогъ, столько же каналовъ и еще больше горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ предпріятій, которыя одни потребовали для своего осуществленія до 300 мил. дол. Спекуляція снова перецѣнила избытокъ капитала. Въ одномъ только штатѣ Нью-Йоркѣ было выдано 60 концессій на желѣзныя дороги, требовавшія 43½ м. д.; а въ самомъ городѣ Нью-Йоркѣ было выстроено въ теченіи 9 мѣсяцевъ, съ 1 января по 1 сентября, до 1518 новыхъ домовъ и т. д. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ, отдѣлившись отъ союзнаго правительства, выпустилъ громадное количество ассигнацій, подлежащихъ во всякое время размѣну, и «срочныхъ почтовыхъ билетовъ», подлежащихъ оплатѣ черезъ

годъ и болѣе. Банкъ долженъ былъ расплачиваться съ правительствомъ и выпутывался рискованными предпріятіями, стараясь, въ тоже время, сбыть массу своихъ акцій въ Лондонѣ, чтобы выручить чистыя деньги. Отчасти изъ конкуренціи съ нимъ, а отчасти и подъ влияніемъ партіи, опасавшейся возстановленія привилегированнаго государственнаго банка, основалось болѣе 100 ассигнаціонныхъ и дисконтныхъ банковъ съ капиталомъ въ 125 м. д. Средства этихъ банковъ были, въ сущности, очень шатки: кое-какая поземельная собственность, личное довѣріе къ директорамъ, незначительные товарные запасы въ видѣ залоговъ и т. п. Несмотря на то, что, по статутамъ своимъ, они могли принимать на себя обязательства только на сумму втрое большію ихъ акціонернаго капитала, они выпускали билеты безъ всякой мѣры и вскорѣ сумма выдаваемыхъ ими ссудъ въ 20 разъ превышала ихъ капиталъ.—Передъ историкомъ открывалась слѣдующая картина: отъ 500 до 600 банковъ, съ номинальнымъ капиталомъ въ 400 мил. дол., соперничали между собою, наводняя страну бумагами и гоняясь за процентами безъ всякаго разсужденія о будущемъ и правильномъ направленіи промышленности. Этотъ наплывъ бумажныхъ цѣнностей вызвалъ еще болѣе искусственное возбужденіе торговой и промышленной дѣятельности. Искусственно поднятыя цѣны на хлопокъ побудили южныхъ плантаторовъ бросить воздѣлываніе индиго и риса и заняться хлопкомъ. Для этого покупались земля въ Арканзасѣ и на Миссиссипи, устраивались новыя колоніи и проч. Въ то же время, вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, цѣны на которые успѣли удвоиться и дороговизна которыхъ въ особенности сдѣлалась тяжела, несмотря на довольно высокую заработную плату, послѣ наступившаго неурожайнаго года заставило тысячи рабочихъ рукъ переселиться на Западъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, цѣны на землю, въ свою очередь, возросли въ 5, въ 10 и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 20 разъ. Между тѣмъ, ввозъ, превысившій въ 1836 г. вывозъ на 50 м. д., былъ оплаченъ векселями, и по векселямъ наступали платежи. Какъ разъ въ это время появилось вышеупомянутое распоряженіе (Specie Circular), которымъ покупщики государственныхъ земель и купцы атлантическихъ городовъ обязывались уплачивать слѣдовавшіе съ нихъ долги, подати и пошлины исключительно звонкою монетою. Въ государственное казначейство, такимъ образомъ, притекло до 50 мил. дол., но денежный рынокъ, вслѣдствіе такого отлива, почувствовалъ большое стѣсненіе. Когда обратились къ новымъ займамъ въ Англію и Голландію, то англійскій банкъ, въ видахъ массы уже утекшихъ капиталовъ въ Америку, повысилъ дисконтъ. Это сразу осадило американскую спекуляцію въ самомъ ея разгарѣ.

Всѣ увидѣли невозможность окончить и черезъ 10 лѣтъ хотя бы только $\frac{1}{3}$ начатыхъ уже желѣзнодорожныхъ построекъ. Одновременно съ этимъ упали и цѣны на хлопокъ. Торговый миръ переполошился. Хотя американская торговля и промышленность и привыкли къ такимъ періодическимъ колебаніямъ, которыя повторялись приблизительно черезъ періоды отъ 4 до 6 лѣтъ и которыя въ особенности были сильны въ 1821—27 и 34 годахъ, когда застой въ дѣлахъ также заставлялъ распускать рабочихъ массами, однако, все это было ничтожно сравнительно съ настоящимъ затрудненіемъ. Тогда бѣдствіе никогда не затягивалось дольше какихъ-нибудь 3 мѣсяцевъ; кредиторы и должники, утомившись застоємъ въ дѣлахъ, вступали обыкновенно между собою въ соглашеніе, и дѣятельность пробуждалась снова; но теперь затрудненіе приняло характеръ и размѣры настоящаго кризиса. Наступила паника, и многія фирмы объявили себя несостоятельными, а вскорѣ и «*всѣ банки Соединенныхъ Штатовъ прекратили платежи*» (116). Денегъ, которыя обыкновенно прячутся въ такую пору, нельзя было достать ни подъ какое обезпеченіе: «орудіе обмѣна, это масло, которымъ смазывается торговая машина, казалось, совсѣмъ высохло». Звонкая монета почти исчезла изъ обращенія; банковые билеты упали на 20 %. Торговля и ремесла совсѣмъ стали. Всякое довѣріе и личный кредитъ прекратились. Тысячи людей бродили по улицамъ безъ куска хлѣба. Театры опустѣли, собранія и концерты прекратились, и вообще все имѣло такой видъ, какъ будто послѣ неприятельнаго нашествія или убійственной эпидеміи. «Съ тѣхъ поръ, какъ Америка сдѣлалась независимой, гласили безотрадныя извѣстія, приходившія изъ Нью-Йорка отъ послѣднихъ чиселъ іюля 1837 г.:— не бывало еще такой бѣдственной поры»... Послѣдовали безчисленные банкротства. Англійскія фирмы, занимавшіяся внѣшней торговлей, потеряли до 6 мил. фунт. ст. Но еще больше были потери американскихъ фирмъ, оставшихся состоятельными, и союзнаго правительства, раздавшаго передъ этимъ свои свободныя суммы въ ссуду капиталистамъ. Цѣны на товары и на землю упали; хлопокъ продавался за безцѣнокъ. Когда нужда достигла крайнихъ предѣловъ, то нью-йоркскіе купцы обратились за помощью къ банку Соединенныхъ Штатовъ. Положеніе банка было въ это время самое критическое; онъ также прекратилъ платежи (объясняя это, впрочемъ, тѣмъ, что его подрѣзали нью-йоркскіе банки, и общія немедленно же возобновить ихъ, какъ скоро возобновятъ платежи послѣдніе); но изворотливый Бидль разыгралъ роль спасителя отечества—«приполю на помощь» къ растерявшимся спеулянтамъ, и ему дѣйстви-

тельно удалось, при помощи новой спекуляціи, ослабить кризисъ 1837, пока не разразился кризисъ 1839 и не увлекъ и самый банкъ въ пропасть, изъ которой онъ уже и не выбрался. Бидль общалъ нью-йоркскимъ купцамъ платить по ихъ заграничнымъ векселямъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Амстердамѣ своими почтовыми билетами, за новымъ выпускомъ которыхъ, разумѣется, дѣло не стало, и векселями. Онъ собственно ждалъ прекращенія платежей банками—это ему было какъ нельзя болѣе на руку: давно уже несостоятельный банкъ могъ выпутываться только при помощи самыхъ рискованныхъ и обширныхъ спекуляцій, изъ которыхъ одна покрывала другую, и при помощи безпримѣрныхъ долгахъ злоупотребленій векселями и бумажными деньгами; и приостановка платежей давала ему возможность выступить съ новою комбинаціею, которою онъ рассчитывалъ запутать въ свою паутину какъ можно больше банковъ и купцовъ не только въ Новомъ Свѣтѣ, но и въ Европѣ, чтобы установить такимъ образомъ солидарность кредита, при которой всѣ участники были бы заинтересованы въ его судьбѣ и въ случаѣ нужды оказали бы ему поддержку (118). Главнѣйшимъ средствомъ, на которое рассчитывалъ Бидль, было—монополизациа хлопчатобумажнаго рынка, спекуляція, «которая, по громадности разбѣровъ и по рискованности, не имѣетъ другой себѣ равной ни въ предшествовавшихъ, ни въ послѣдующихъ періодахъ». Оказывая съ одной стороны помощь нью-йоркскимъ купцамъ (не даровую, конечно) своими векселями и почтовыми билетами, банкъ старался, въ тоже время, упрочить свой кредитъ въ Европѣ тѣмъ, что выступалъ въ роли крупнѣйшаго торговца хлопкомъ въ цѣломъ мірѣ, въ роли комиссіонера по главному продукту Америки. Устроилъ же хлопчатобумажный монополизмъ Бидль слѣдующимъ образомъ. Пользуясь тѣмъ, что цѣны на хлопокъ съ наступленіемъ кризиса сильно упали и что плантаторы, вслѣдствіе остановки торговли, находились въ крайне стѣсненномъ положеніи, онъ предложилъ имъ выдавать подъ хлопокъ ссуды съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній отсылался агентамъ банка въ Ливерпуль и Гавръ. Плантаторы, разумѣется, согласились, и банкъ Соединенныхъ Штатовъ сталъ отправлять въ Европу громадныя транспорты хлопка, задерживалъ ихъ тамъ въ своихъ складахъ, и, благодаря тому, что Америка была почти исключительной поставщицею сыраго хлопка на европейскія фабрики, не только удержалъ такимъ образомъ цѣну на хлопокъ отъ дальнѣйшаго паденія, но и поднялъ ее на значительную высоту и нажилъ большіе барыши. Барыши эти пошли на расширеніе операцій банка.—Кредитъ его въ Европѣ все болѣе и болѣе возрасталъ: въ теченіи одного только

1837 г. сумма векселей, выданныхъ банкомъ на Англію, превышала 3 мил. фунт., и векселя эти, въ особенности благодаря высотѣ платимаго по нимъ $\%$ (5—6), при низкомъ уровнѣ дисконта въ самой Англіи (2—3 $\%$) быстро находили помѣщеніе. — Операцинъ банка разрастались; плата плантаторамъ бумагами и выручая въ Европѣ за хлопокъ чистыя деньги, банкъ реализовывалъ большія суммы. Это раззадорило вскорѣ мѣстныхъ спекулянтовъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ сосредоточивалось преимущественно производство хлопка, и во второй половинѣ 1837 г. въ Луизианѣ, Арканзасѣ, Миссури и Элебамѣ возникло множество банковъ, которые стали также выдавать плантаторамъ авансы и отправлять хлопокъ и другіе продукты за свой счетъ въ Европу. Конкуренція эта, впрочемъ, не долго угрожала банку Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ вновь основанные банки располагали незначительнымъ капиталомъ, выпускали билеты безъ всякой мѣры и вообще такъ дурно повели свои дѣла, что билеты ихъ упали въ 1838 г. на 25—30 $\%$, и плантаторы стали отказываться принимать ихъ. Тогда, опасаясь, чтобы не явились иностранные капиталисты и не начали, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ плантаторскихъ банковъ, скупать хлопокъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ опять рѣшилъ *прийти на помощь* къ банкамъ или, лучше сказать, втянуть ихъ въ себя, скупивъ большую часть ихъ акцій, очутившись, такимъ образомъ, опять монополистомъ и доведя свои обороты до 100 мил. дол. Въ эту операцию по покупкѣ акцій было затрачено до 20 мил. дол.; но, собственно говоря, она ничего не стоила и дала еще значительные барыши, такъ какъ акціи банковъ скупались по большей части посредствомъ почтовыхъ билетовъ съ разсрочкою платежей на три года, причѣмъ уплата должна была производиться изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи хлопка, такъ какъ, наконецъ, скупивъ акціи по низкой цѣнѣ и поднявъ ихъ курсъ до номинальной цѣны, банкъ немедленно же спустилъ ихъ на лондонскомъ рынкѣ. Нужно замѣтить, что лондонскій рынокъ хотя и съ осторожностью, сказавшеюся въ 1837 г., но, все-таки, охотно принималъ всякія американскія бумаги: погашеніе союзныхъ долговъ, излишки бюджета доходовъ центрального правительства и вообще благопріятное положеніе Америки бросили ложный свѣтъ на положеніе отдѣльныхъ штатовъ и частныхъ обществъ, преувеличили ихъ кредитъ, что такъ ловко и эксплуатировалъ банкъ Соединенныхъ Штатовъ, стягивая къ себѣ громадныя суммы. Но, мало по-малу, американскія бумаги запрудили лондонскій рынокъ, принимать ихъ стали менѣе охотно, и векселя банка пошли не столь бойко. Въ то же время, запасъ хлопка накопился

все болѣе и болѣе (банкъ затратилъ на закупку не менѣе 15 мил. дол.), рынокъ былъ переполненъ, и удерживать далѣе цѣны отъ паденія было трудно! Производители хлопка, въ виду такой преспективы, находились въ крайне тревожномъ состоянїи. Они и такъ мало выигрывали, потому что должны были сбывать бумагу въжныхъ банковъ, которые дѣйствовали теперь за одно съ Бидлемъ, не иначе какъ съ потерей 15—25%. Такимъ образомъ, вся выгода искусственно поднятыхъ хорошихъ цѣвъ на хлопокъ проходила мимо нихъ, а тутъ еще предстояла бѣда. Кризисъ надвигался. Несмотря на то, что сборъ хлопка въ 1838 г. оказался на 400 т. тюковъ, т. е. на $\frac{1}{5}$ ниже ожидавшагося урожая, цѣны на хлопокъ не подыались, потому что не только оставался значительный запасъ его отъ предшествовавшихъ годовъ, но и повторилось тоже самое, что произошло въ 1825 г.: высокая цѣны привлекли хлопокъ со всѣхъ концовъ земли, и въ то же время нѣкоторые фабриканты, въ ожиданїи пониженія цѣвъ, ограничили спросъ на него. Между тѣмъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ, не обращая на это вниманія, отправлялъ въ Ливерпуль и Гавръ транспортъ за транспортъ и превратилъ подвозъ уже только тогда, когда очутился въ самомъ критическомъ положенїи, когда произошелъ полный застой въ дѣлахъ. Чтобы предупредить грозу, Бидль обратился къ новому расширенїю предпрїятїй: съ одной стороны, онъ выступилъ съ проектомъ новаго банка, съ основнымъ капиталомъ не менѣе 50 мил. дол., а съ другой—выпустилъ «несметное количество новыхъ долгосрочныхъ почтовыхъ билетовъ», на которые скупалъ множество американскихъ желѣзнодорожныхъ акцій, акцій каналовъ, промышленныхъ предпрїятїй и старался спускать ихъ на лондонскомъ рынкѣ. Между тѣмъ, домъ Готтингера въ Парижѣ, имѣвшій хлопчатобумажную агентуру банка, заподозривъ дутую аферу, отказался отъ коммисіонерства и протестовалъ векселя банка Соединенныхъ Штатовъ. Примѣру Готтингера послѣдовалъ и домъ Гоппе въ Амстердамѣ. Лондонскій агентъ банка, г. Джаундонъ, обратился за помощью къ англійскому банку, который, хотя и оказалъ таковую, но крайне неохотно, потребовалъ поручительства лондонскихъ фирмъ и обезпеченія соответственными количествомъ бумагъ. Напрасно Бидль старался замаскировать положеніе дѣлъ, напрасно защищался наемными перьями и убѣдилъ Ротшильда принять векселя, протестованные Готтингеромъ (обезпечивъ его, какъ оказалось впоследствии, правительственными и другими надежными бумагами на 400 т. фунт. ст.). Наступилъ «кризисъ американскихъ займовъ въ Европѣ». Векселя и американскія бумаги совсѣмъ перестали приниматься въ

Лондонѣ. Англійскій денежный рынокъ самъ переживалъ въ это время тяжелыя испытанія: число банкротствъ, происшедшихъ въ Англии съ 11 го іюня 1838 г. по 11-е іюня 1839 г., простиралось до 1087 (306 въ Лондонѣ и 781 въ провинціяхъ). Между капиталистами «господствовалъ паническій страхъ». Главная масса американскихъ займовъ, достигшихъ за послѣдніе только три года приблизительно 75 мил. дол., была произведена въ Англии. Вслорѣ и въ Америкѣ бумаги нельзя было иначе сбывать какъ съ огромными потерями, дисконтъ поднялся до 18—25%, а взаимы денегъ можно было достать только за 20—30%. Банковій кризисъ усложнился займами отдѣльныхъ штатовъ, займами, предназначавшимися на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которыя не давали еще дохода, и пошедшими частью на другія предпріятія, доходность которыхъ также еще не проявлялась и была сомнительна. Проценты по займамъ давно уже уплачивались Америкой новыми займами. Положеніе банка Соединенныхъ Штатовъ было самое печальное. Между тѣмъ, борьба между банковской партией и ея противниками, во главѣ которыхъ стоялъ теперь президентъ ван-Бьюренъ, продолжалась своимъ чередомъ, и сенатъ объявилъ выпускъ билетовъ стараго банка на 4 мил. дол. обманомъ и воспретилъ эти «воскресшіе билеты». Нужно замѣтить, что правительство имѣло на банкахъ значительные долги, изъ которыхъ на одномъ банкѣ Соединенныхъ Штатовъ числилось 6 милл. дол. и которые оно, со времени остановки платежей банками, въ 1837 г., никакъ не могло съ нихъ получить. Суммы эти вмѣстѣ съ таможенными пошлинами, слѣдовавшими съ купцовъ, составляли до 40 мил. дол. Нуждаясь въ деньгахъ, правительство обратилось къ конгрессу за разрѣшеніемъ выпустить на 10 мил. дол. свидѣтельствъ казначейства. «Банковой партіи хотѣлось довести правительство до банкротства, чтобы вынудить его обратиться къ помощи банковъ, и вліяніе этой партіи было настолько велико, что ей удалось оттянуть требуемое разрѣшеніе на многія недѣли» (126). Однако, правительство настояло на своемъ. Другая попытка «нападенія на правительство» была болѣе удачна: была проведена отмѣна *Specie Circular*: секретарь казначейства получилъ приказаніе, при приѣмѣ платежей въ разныхъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ, не дѣлать различія между бумажными и металлическими деньгами, т. е. принимать, значить, упавшія въ цѣнѣ бумаги *at par*. Но радость банковской партіи и на этотъ разъ была непродолжительна, потому что вскорѣ послѣдовалъ второй циркуляръ, которымъ подтверждалось всѣмъ правительственнымъ приѣмщицамъ, чтобы они отнюдь не принимали билеты ии-

же 1 дол., а равно билеты тѣхъ банковъ, которые выпускаютъ мелкіе билеты ниже 5 долларовъ, ассигнаціи, которые на мѣстахъ своего выпуска немедленно же не оплачиваются звонкою монетою, и тѣ свидѣтельства, которыя повсемѣстно не размѣниваются на чистыя деньги. Все это было со стороны правительства рѣшительными шагами къ отдѣленію государственныхъ финансовъ отъ банковъ, къ отдѣленію, вопросъ о которомъ танулся цѣлыхъ 8 лѣтъ и которое окончательно произошло только въ 1840 г., когда былъ проведенъ ван-Буреномъ Subtreasury Bill, окончательно порвавшій связь правительства съ банками. Замѣчательно, что правительство, уже твердо рѣшившись произвести это отдѣленіе финансовъ, находилось въ крайнемъ затрудненіи, какъ осуществить его—до такой степени были запутаны отношенія. Двѣ сессіи конгресса не могли придти по этому поводу къ какому нибудь соглашенію¹. Между тѣмъ, кризисъ производилъ страшныя опустошенія: сотни торговыхъ домовъ объявляли себя несостоятельными; еще большее число висѣло, что называется, на волоскѣ; рабочіе бѣдствовали; но хуже всего было то, что надо всею Америкою таготѣла еще какая-то туча, которая, грозя каждую минуту разразиться новыми бѣдствиями, тормозила всякую дѣятельность. Это тяжелое и продолжительное неопредѣленное состояніе создавалось банками, которые, невѣдомо на что надѣясь, употребляли всѣ средства, чтобы какъ нибудь оттянуть свой смертный часъ. Наконецъ, правительство «рѣшилось или согнуть банки, или сломать ихъ и выйдти хоть посредствомъ ликвидаціи изъ невѣдѣнности, которая только ухудшала финансовое бѣдствіе». Конгрессъ поставилъ банкамъ на выборъ: или возобновить въ трехмѣсячный срокъ платежи звонкою монетою, или же ликвидировать свои дѣла. Срокъ былъ назначенъ на 15-е января 1841 года, и множество банковъ, а въ томъ числѣ и банкъ Соединенныхъ Штатовъ, должны были обратиться къ ликвидаціи. Такимъ образомъ, говоритъ М. Виртъ, закончился «этотъ періодъ грандіозныхъ банковыхъ плутовъ». Передъ правительствомъ открывалось слѣдующее зрѣлище: въ 1814 г.—90 банковъ прекратили платежи; въ 1830—165; въ 1837—618 и въ 1839 г.—955 банковъ. Чтѣ

¹ Между прочимъ, въ вопросѣ объ отдѣленіи государственныхъ финансовъ отъ банковъ заключался вопросъ о помѣщеніи и храненіи государственныхъ суммъ, которыя сначала помѣщались въ банкѣ Соединенныхъ Штатовъ; затѣмъ, послѣ исторіи съ нимъ—въ наиболѣ надежныхъ банкахъ; а когда, послѣ прекращенія банками платежей, и это помѣщеніе оказалось ненадежнымъ, то правительство было поставлено въ серьезное затрудненіе, пока, наконецъ, въ 1840 г. не было рѣшено вѣрить храненіе и управленіе государственнымъ суммами правительственнымъ чиновникамъ.

касается торговых и промышленных потерь вообще, которые, конечно, в концѣ-концовъ, переводились на рабочіе классы, то объ этихъ потеряхъ можно составить себѣ нѣкоторое, приблизительное понятіе изъ того, что только въ промежутокъ времени между 1837 и 1841 годомъ произошло 33,739 банкротствъ, а общая сумма долговъ «окончательно черезъ это похеренныхъ, простиралась до 440.934,615 долларовъ» (132). Конгрессъ и законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ обратились къ преобразованію банковаго законодательства. Законодательство, выработанное штатомъ Нью-Йоркъ и послужившее образцомъ для большинства другихъ банковъ, обставило выпускъ билетовъ болѣе тѣсными предѣлами, гарантіями и правительственнымъ контролемъ. Воспрепятствуя выдачу банкамъ и другимъ акціонернымъ обществамъ концессій и предоставляла имъ основываться совершенно свободно, оно въ то же время потребовало отъ нихъ соблюденія установленныхъ правилъ: полного обезпеченія выпускаемыхъ билетовъ и вообще всякихъ бумажныхъ денегъ облигаціями штата и другими общественными фондами, которые должны были вноситься въ особое контрольное бюро и изъ которыхъ должна была производиться уплата, въ случаѣ, еслибы банки прекратили платежи; потребовало занесенія билетовъ въ официальные списки, правительственнаго контролера на нихъ штампа и подписи государственнаго контролера; потребовало представленія двухъ полугодовыхъ отчетовъ контролеру и одного годоваго—законодательному собранію; воспретило взимать процентъ за ссуды свыше 7% и $\frac{1}{4}$ % комисіонныхъ; воспретило банкамъ, имѣющимъ болѣе 200,000 долларовъ основнаго капитала, выпускать билеты свыше этой суммы; потребовало, чтобы въ кассѣ всегда находилось опредѣленное количество звонкой монеты и проч. Къ сожалѣнію, это превосходное во многихъ отношеніяхъ законодательство, ставя предѣлы злоупотребленіямъ бумажными деньгами, не создало гарантій противъ другаго рода многочисленныхъ злоупотребленій: со вкладами, довѣряемыми банкамъ, съ выдачею ими ссудъ и проч., которыя, между тѣмъ, не замедлили проявиться. Къ сожалѣнію, также далеко не всѣ штаты послѣдовали примѣру Нью-Йорка и приняли его законодательство.

Кризисъ 1857 г. отличался отъ всѣхъ видѣнныхъ нами кризисовъ какъ обширностью охваченнаго имъ пространства, такъ и особенностью нѣкоторыхъ условій. «Движеніе, начавшись въ Америкѣ, потрясло до основанія первый торговый центръ Германіи, разразилось страшною грозой надъ столицами Скандинавскихъ Королевствъ, пронеслось, роняя одну фирму за другою,

надъ столицами и торговыми центрами Германіи, Бельгіи, Голландіи, Польши, Австріи, Франціи и, перескочивъ гигантскимъ скачкомъ черезъ два океана, опрокинуло множество торговыхъ домовъ въ Бразиліи, въ штатахъ Ла-Платы и въ Батавіи». Такъ начинается М. Виртъ чрезвычайно подробное описаніе этого кризиса. Причины кризиса восходятъ еще къ революціи 1848 года, провозглашенной, по недоразумѣнію, соціальной и, въ сущности, глубоко-буржуазной, а затѣмъ усложняются послѣдующими событіями. Отразившись на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, революція 1848 года дала сильный толчокъ и новую силу буржуазному порядку. Начиная съ политическихъ реформъ и измѣненій внутренняго управленія, которыя тамъ и сямъ послѣдовали и дали такую силу представителямъ капитала, и кончая доктриною «à chacun selon ses capacités», все чрезвычайно благоприятствовало индивидуализму, капиталистическому порядку и его вѣрной спутницѣ—спекуляціи. Капиталъ сдѣлался настоящею силой, настоящимъ господиномъ жизни, опираясь на который, Наполеонъ III поработилъ народъ и рабомъ котораго оставался самъ до самаго своего паденія, опираясь на который, нѣмецкое грондерство развѣло такимъ пышнымъ цвѣтомъ. Несмотря на такіа событія, какъ крымская война и мѣстные неурожаи, колебавшія экономическія отношенія, во всѣхъ странахъ замѣчался быстрый экономическій прогрессъ, если судить о прогрессѣ, вслѣдъ за М. Виртомъ, по возрастанію національныхъ капиталовъ, суммъ оборотовъ вѣшной и внутренней торговли, постройки желѣзныхъ дорогъ и проч. Рядомъ съ этимъ прогрессомъ, такъ часто совпадающимъ съ народною нищетою, шло въ каждой странѣ и накопленіе причинъ кризиса. Франція взяла на себя инициативу мѣръ и начинаній, «долженствовавшихъ довести спекуляцію до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какихъ европейскій континентъ еще не видѣлъ въ текущемъ столѣтіи» (182). Наполеоновское правительство, какъ извѣстно, вело съ капиталомъ самую тѣсную дружбу. Переворотъ 2-го декабря прежде всего успокоилъ тѣхъ капиталистовъ, которые, будучи залуганы революціей, либо попрытали, либо помѣстили свои деньги въ англійскія и американскія бумаги. Конечно, суммъ этихъ было не особенно много—200—300 милліонъ таллеровъ; но это все-таки до нѣкоторой степени успокоило затрудненіе, доходившее до того, что нигдѣ нельзя было даже за ростовщическіе проценты достать денегъ. Когда норма процента нѣсколько упала, правительство понизило еще свои ренты съ 5% до 4½% и вошло, въ видахъ возобновленія приостановленныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ, въ соглашеніе съ французскимъ банкомъ на счетъ

пониженія послѣднимъ дисконта съ 4 на 3% и расширенія до мил. франк. кредита подъ акціи дорогъ и векселя. Затѣмъ было оказано поощреніе и послѣдовало искусственное усиленіе торговой дѣятельности. Поощряя спекуляцію, правительство прежде всего имѣло въ виду отвлечь вниманіе націи отъ политики, занявъ ее матеріальными интересами, и дать оставшимся безъ работы рабочимъ занятіе, для чего, кромѣ того, въ попыткахъ была, какъ извѣстно, предпринята чуть ли не цѣлая перестройка Парижа, стоившая сотни милліоновъ. Положеніе французскихъ крестьянъ было въ то время едва ли не такое же бѣдственное, какъ и рабочихъ. Сельское хозяйство тогда вообще нуждалось въ кредитѣ, и въ особенности эта нужда чувствовалась крупными и средними собственниками. Для усвоенія провинцій явился ипотечный банкъ, знаменитый «Crédit foncier» съ капиталомъ въ 60 мил. франк. и съ правомъ выпуска облигацій, и затѣмъ, нѣсколько позднѣе—«Crédit agricole», имѣвшій цѣлью доставлять землевладельцамъ личный кредитъ. Наконецъ, въ 1853 году, появилось пресловутое созданіе наполеоновскаго правительства и ревностныхъ эх-сен-симонистовъ братьевъ Перейра—«Crédit mobilier». Девизъ былъ выставленъ самый возвышенный: поддерживать, поощрять и, мало того, вносить духъ инициативы въ промышленность и торговлю; на самомъ же дѣлѣ, имѣлось въ виду ни больше, ни меньше, какъ возбудить спекуляцію и монополизировать биржу. Тогдашній министръ Персигнь превозносилъ это дѣло въ докладѣ, представленномъ имъ Наполеону во время еще его президентства, «съ слишкомъ подозрительной горячностью». Когда бр. Перейра, Фульду и Опенгейму была выдана концессія, то во главѣ предпріятія очутились бр. Перейра и лица, приближенные къ императору: въ совѣтѣ фигурировали, рядомъ съ финансовыми тузами, гр. де-Морни, баронъ Селльеръ, герцогъ де-Гольеръ и др. Не было операціи, которая не разрѣшалась бы банку, и уставъ его былъ такъ хорошо написанъ, что, при 120,000 акціяхъ, на которыя раздѣлялось предпріятіе, годичныя общія собранія составлялись только изъ 200 крупнѣйшихъ акціонеровъ, такъ какъ голосъ давался только тѣмъ, у кого было не менѣе сорока акцій, причемъ владѣльцы 200 акцій пользовались 5 голосами; акціонерный капиталъ опредѣлялся въ 60 мил. франк., но банкъ могъ выпускать на сумму въ 10 разъ большую, т. е. на 600 мил. франк., облигацій. Пышная реклама распространялась о вѣликихъ цѣляхъ и назначеніи дѣла и, сверхъ всего прочаго, доказывала, что такое учрежденіе не боится ни политическихъ, ни промышленныхъ, ни торговыхъ катаклизмовъ и что въ такіа-то именно критическія минуты оно и призвано оказывать

наибольше важныя услуги». Хуже всего то, что во всемъ этомъ была нѣкоторая доля истины или, лучше сказать, вѣроятія, потому что, приобрьтая въ собственность и учреждая новыя предприятия, перевода на себя акціи и облигаціи промышленныхъ и торговыхъ компаній и выпуская, въ замѣнъ ихъ, свои облигаціи, банкъ становился представителемъ большинства ихъ, становился, такъ сказать, въ фокусъ промышленности и дѣйствительно могъ представлять изъ себя страховое начало, регулировать и целесообразно направлять капиталы. Идея *Crédit mobilier*, дѣйствительно, заключала въ себѣ много увлекательнаго, и она, конечно, будетъ когда-нибудь примѣнена съ пользою въ качествѣ государственнаго или международнаго учрежденія при участіи и гарантіи правительствъ, но отнюдь, конечно, не въ видѣ монополистской затѣи нѣсколькихъ пройдохъ, которые всегда будутъ направлять дѣятельность на биржевыя аферы и портить всякое дѣло. Кромѣ кредитныхъ операцій, банкъ занимался учредительствомъ разныхъ фабрикъ, акціонерныхъ обществъ, отелей, участвовалъ въ подпискѣ на національный заемъ, занимался желѣзными дорогами и проч., и проч. Чтобы судить о размѣрахъ и разнообразіи его дѣятельности, достаточно сказать, что въ одномъ только 1854 г. имъ было предпринято: сліяніе газовыхъ обществъ и омнибусовыхъ компаній въ Парижѣ, основаніе желѣзно-дорожнаго общества С. Ромбергъ—Гренобль, заемъ для арденской желѣзной дороги, концессія для проведенія парижско-суассонской желѣзной дороги до бельгійской границы въ видахъ эксплуатаціи тамошнихъ каменно-угольныхъ копей, присоединеніе къ пиринейской желѣзно-дорожной сѣти швейцарскихъ — центральной и западной — желѣзныхъ дорогъ, канализація р. Обро, устройство мореходнаго товарищества, присоединеніе къ себѣ трансатлантическаго пакетботнаго сообщенія и образованіе общества австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Словомъ: это было учрежденіе всеобъемлющее и, въ сущности, только игравшее на биржѣ и эксплуатировавшее публику. Акціи общества стояли очень высоко: при номинальной стоимости въ 500 франк. и будучи еще оплачены только 200 франк., онѣ продавались по 1800 франк. Дивидендъ выдавался, дѣйствительно, очень большой: въ 1853 г. — 10%, въ 1854 — 13%, въ 1855 — 47%... Но выдавали этотъ дивидендъ не изъ дѣйствительныхъ прибылей, а изъ барышей ажіотажа. Чтобы прельщать имъ публику, правленіе муссировало тѣ предприятия, которыми занималось, и пускало въ ходъ всѣ средства, чтобы поднять ихъ бумаги какъ можно выше. Когда, въ 1857 г., настала пора расплаты за спекуляціи, то, кромѣ опредѣленныхъ 5% на акціи, банкъ вы-

чего не выдалъ, а въслѣдствіи и былъ привлеченъ къ суду. Игралъ на биржѣ, *Crédit mobilier* разожгъ во Франціи страшную спекулятивную горячку; публика очертя голову бросалась во всевозможныя предпріятія: банковыя, промышленныя, транспортныя и проч. Предпріятія эти поглощали громадный капиталъ: чтобы судить приблизительно объ этихъ затратахъ, достаточно припомнить, что однѣ только желѣзныя дороги, постройка которыхъ, главнымъ образомъ, началась съ 40-хъ годовъ, поглотили къ осени 1856 г. 3080 мил. франк., да что не менѣе того было затрачено на разработку копей. Настоящій разгулъ ажіотажа, который такъ беспощадно бичевалъ Прудонъ, начался собственно только по окончаніи восточной войны. Война нѣсколько оохладила спекуляціи, но заключеніе мира придало ей новыя силы: предпріятія плодятся чуть ли не ежедневно. Парижскія постройки и крымская война поглотили безвозвратно, сверхъ бюджета, 1500 мил. франк.; постройка желѣзныхъ дорогъ только въ периодъ времени между 1854—6 взяла 1150 мил. франк.; къ этому слѣдуетъ присоединить еще расходы по испанскимъ и австрійско-французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, да то, что акціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, обращавшіяся въ Европѣ на сумму 600 мил. франк., сосредоточивались преимущественно во Франціи. Такіе колоссальныя расходы не могли, конечно, покрываться излишкомъ отъ обычнаго годоваго дохода страны. Капиталы были отвлечены отъ земледѣлія: спекуляція стянула ихъ къ желѣзнымъ дорогамъ, фабрикамъ, торговлѣ и на биржу. «Земледѣліе было совсѣмъ брошено; многіе землевладѣльцы продавали свои большія помѣстья, чтобы пристроить вырученныя деньги въ рискованныя предпріятія; сельское населеніе стремилось въ Парижъ и въ большіе города, гдѣ производилась постройка желѣзныхъ дорогъ и другія общественныя работы; его соблазнили болѣе крупныя заработки и удовольствія городской жизни» (234). Села пустѣли и лишались хорошихъ работниковъ, «потребители умножались, а производители становились малочисленнѣе.» Роскошь возросла до «невѣроятныхъ размѣровъ.» Но вотъ наступила нужда въ хлѣбѣ: Франція испытала неурожай и закупка хлѣба потребовала большихъ денегъ; а, съ другой стороны въ концѣ 1856 г. наступила реакція и на биржѣ: для покупки новыхъ бумагъ потребовалось, за недостаткомъ денегъ, сбывать старыя, а это вызвало паденіе курсовъ. Значительно упали всѣ бумаги и акціи *Crédit mobilier*, стоявшія годъ тому назадъ на 1980, спустились до 590... Спекулянты, между тѣмъ, просили новыхъ концессій и, совершенно забывая, что для заграничныхъ платежей неоплаченные билеты служить не могутъ, требовали, чтобы фран-

пузскій банкъ прекратилъ платежи звонкой монетой и сдѣлалъ новый выпускъ билетовъ. Правительство, увидя надвигавшуюся бѣду, однако, объявило, что выдавать концессій не будетъ, что въ связи съ содѣйствіемъ французскаго банка и тайными пособіями отъ правительства, предупредило обостреніе кризиса и не даю развиваться паникѣ. Но застой въ дѣлахъ, остановки въ работахъ и вообще послѣдствія были гораздо больше, чѣмъ въ этомъ сознавались французскіе спекулянты-патріоты. Кризисъ выразился прежде всего въ рядѣ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ были замѣшаны самыя крупныя личности финансоваго міра, духовныя особы и государственные мужи. Послѣ того какъ, въ маѣ 1857 г., обанкротился на 16 милл. фр. домъ Турнейсенъ, глава котораго бѣжалъ въ Америку, послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, и до 40 различныхъ обществъ подпали подъ судъ. Банкротства и процессы продолжались далеко за роковой годъ. Кризисъ растянулся на нѣсколько лѣтъ.

Германія не отставала въ спекуляціяхъ отъ Франціи и во многихъ отношеніяхъ даже перещеголяла ее. Послѣ переворота 2-го декабря, германскимъ промышленнымъ міромъ овладѣла такая предпринимательная горячка, какой еще не было въ Германіи: банки, пароходныя сообщенія, желѣзныя дороги, машиностроительныя фабрики, каменноугольныя копи, желѣзные заводы, предѣльныя, ткацкія фабрики и проч. выросли «точно въ подѣ земли.» Этому усиленію дѣятельности значительно содѣйствовало то, что крымская война не потревожила Германіи и довольно низкій дисконтъ на главныхъ денежныя рынкахъ, обусловленный подвозомъ въ Англію золота изъ Калифорніи, которое отзывалось и на континентѣ. Нѣмецкая промышленность сдѣлала такіе успѣхи, что даже Англія стала опасаться конкуренціи нѣмецкихъ фабрикъ: англійскіе суконщики жаловались, что нѣмецкія сукна вытѣсняють англійскія даже изъ Англіи; а шеффилдскіе стале-заводчики подавали даже министру петицію по поводу угрожавшей имъ нѣмецкой конкуренціи. — Но если производительно были затрачены капиталы въ нѣкоторыя предпріятія, то этого нельзя сказать про большую часть предпріятій, которыхъ спекуляція затѣяла гораздо больше, чѣмъ позволялъ капиталъ. «Если, говоритъ, М. Виртъ:—внесенный акціонерный капиталъ банковъ, основанныхъ въ 1853—57 г., простиравшійся до 200 мил. талл., можно было разсматривать, какъ оборотный капиталъ, который, послѣ кратковременнаго перерыва, шолъ опять въ обращеніе, то такъ нельзя было смотрѣть на затраты въ другія предпріятія: новыя желѣзныя дороги взяли до 140 мил. таллер. по акціямъ и болѣе 206 мил.

по облигациямъ; 50 страховыхъ обществъ взяли 60 мил. тал.; 259 рудоконныхъ, горнозаводскихъ и нѣкоторыхъ другихъ обществъ—260 мил. тал. Одна Австрія, въ 1856 г., предприняла постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ на 100 мил., а въ Пруссіи было выдано концессій на 150 мил. тал. Превращеніе такой громадной массы капитала, бывшаго въ обращеніи, въ неподвижный капиталъ, влекло за собою «настоящій переворотъ во всей торговлѣ» (227). «Хотя, продолжаетъ авторъ:—весь свободный капиталъ и сгребался со всѣхъ концовъ земли и выманывался изъ своихъ норокъ на удочку высокихъ процентовъ, хотя производство, при помощи желѣзныхъ дорогъ, машинъ и другихъ остроумныхъ приспособленій, и могло разростись до величавыхъ размѣровъ, хотя общая сумма національнаго дохода значительно возросла, все же капиталъ, требовавшійся для всѣхъ этихъ предприятий, не могъ быть доставленъ доходами этого года: это было невозможно уже по той одной причинѣ, что значительная часть рабочихъ классовъ, обычный трудъ которыхъ въ обыкновенное время увеличиваетъ годовой доходъ націи (каковы, напримѣръ, сельскіе рабочіе), была отвлечена отъ своихъ занятій для работъ по проложенію желѣзныхъ дорогъ, по постройкѣ кораблей и фабричныхъ заведеній, по устройству каменноугольныхъ копей и т. п. предприятий, которыя въ отдаленномъ будущемъ обѣщали богатые барыши, но въ настоящемъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы не могли дать ничего» (228). Но это были еще лучшія предприятия, а было много такихъ, которыя не стоили ломанаго гроша и, между тѣмъ, погребали миллионы. Нужда въ рабочихъ всюду была такъ велика, что заработная плата поднялась въ нѣкоторыхъ отрасляхъ на 25%, а иногда вдвое, и, несмотря на это, нерѣдко нельзя было достать рабочихъ. Это возвышеніе платы было очень кратковременно, такъ какъ кризисъ скоро снова повергъ рабочихъ въ страшную нищету, не только возвратилъ ихъ въ прежнее состояніе, но и понизилъ заработную плату еще ниже, чѣмъ она стояла. Наконецъ, говоритъ М. Виртъ:—спекуляція перешла «въ рядъ безумій и плутовствъ». Въ особенности отличались банки, которыхъ вездѣ было основано великое множество. Французскіе земельные банки, но въ особенности кредитъ движимыхъ имуществъ нашли въ Германіи обширныя подражанія: *Crédit mobilier* послужилъ образцомъ для Дармштатскаго и для многихъ другихъ банковъ. «Можно навѣрное сказать, говоритъ М. Виртъ:—что громадныя суммы, которыя пошли на основаніе всей массы кредитныхъ учрежденій въ Германіи, представляли собою не заново образовавшіеся капиталы, а были отвлечены отъ различныхъ отраслей производ-

ства...) (204). Осредоточивались эти капиталы преимущественно на биржах и направлялись на игру бумагами. Основывались кредитные учреждения, «что называется зря», даже в таких мѣстностях, гдѣ не существовало въ нихъ надобности, «съ единственною цѣлью наживы посредствомъ ажіотажа.» Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Дармштатѣ, глухомъ маленькомъ городѣ, не имѣющемъ ни промышленности, ни торговли, было основано одними и тѣми же учредителями два банка, сначала одинъ съ капиталомъ въ 50 мил. гульд., а затѣмъ другой—съ 20 мил. гульд. Семидесяти-миллионный капиталъ очутился въ курьезномъ положеніи, не находя для себя помѣщенія. Такое положеніе было создано прямо тѣмъ, что не самое дѣло, а ажіотажъ руководили учредителями: оставляя за собою изъ 40 тыс. акцій перваго выпуска 4 тыс. акцій (на 1 мил. гульд.), учредители, по уставу, сверхъ того, могли оставить еще за собою по номинальной цѣнѣ 9 тыс. акцій; а изъ 2-го выпуска имъ и великогерцогскому правительству предоставлялось преимущественное право оставлять акціи за собою по номинальной же цѣнѣ. Выдавая дутый дивидендъ и поднимая курсъ акцій, учредители пожинали богатую жатву въ видѣ разности между номинальною и курсовою цѣною, которую они и собирали. Но биржевая игра, сверхъ своей непроизводительности, еще не всегда приноситъ и правильную пожину: періоды возбужденія обыкновенно чередуются съ періодами ослабленія. Принужденные постоянно держать капиталъ въ биржевыхъ фондахъ, учредители нерѣдко несли потери отъ паденія этихъ фондовъ, предотвратить которое они были не въ силахъ. Акціонерамъ же нужно было выдать новые дивиденды. Изъ затрудненій можно было выпутываться только путемъ новыхъ спекуляцій, одною изъ которыхъ и было основаніе втораго банка, при чемъ изъ 20 мил. акціонернаго капитала 8 мил., въ видѣ акцій по номинальной цѣнѣ, доставались учредителямъ и должны были дать имъ возможность перекрыться. Дармштатскія банковыя спекуляціи повторялись съ нѣкоторыми вариантами и въ другихъ банкахъ. Публика оставалась въ полномъ невѣденіи закулисныхъ тайнъ учредительства и биржи и спѣшила подписываться на акціи. «При подпискахъ, говоритъ М. Виртъ:—повторялись тѣ же самыя сцены, какія происходили некогда въ улицѣ Кенкампуа, а давеча, происходившая при подпискѣ на акціи Вѣнскаго Банка, даже, пожалуй, превосходила то время». Не меньше было увлеченіе и другими предпріятіями. «Постоянная гвардія», какъ прозвали клику господъ, имена которыхъ фигурировали въ проектахъ почти каждаго крупнаго предпріятія, основавъ предпріятіе, на шумѣвъ про него и

сбытъ свои акціи, оставляла его въ руки обобранныхъ акціонеровъ, а сама начинала новое дѣло. Чѣмъ крупнѣе было предприятие, тѣмъ большихъ взносовъ требовало оно, тѣмъ охотнѣе публики шла въ ловушку. Многія общества, уже послѣ того, какъ была произведена подписка, закрывались «за неимѣніемъ дѣлъ». Рынокъ былъ заваленъ бумагами. Рука объ руку съ легкой наживой шла, разумѣется, роскошь и расточительность: спекулянты бросали деньги на право и на лѣво, а за ними тянулись всѣ; цѣна шампанскаго поднялась до 50%, было основано нѣсколько фабрикъ шипучихъ винъ, дамскіе наряды дошли до невозможной вычурности и дороговизны. Все возроставшій спросъ на капиталъ довелъ, наконецъ, норму % до такой высоты, на какой она еще никогда не стояла въ текущемъ столѣтіи. Злоупотребленія векселями охватили собою не только всю сѣверную Европу, но и всѣ торговые центры Америки. Торговцы, поднимая цѣны на товары, закупали ихъ массами и задерживали въ складахъ. Между тѣмъ, наступали платежи въ банки, взносы въ акціонерныя общества, и промышленность требовала капиталовъ. Для окончанія сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ требовалось 1,260 мил. фран.; въ Австріи на тотъ же предметъ было необходимо 325 мил. гульд. въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ 302 мил. гульд. Реакція прежде всего проявилась на фондовой биржѣ: въ то время какъ дисконтъ постепенно поднимался и достигъ даже въ Гамбургѣ 10%, нужда въ деньгахъ заставила начать спускать на биржу бумаги и фонды: сильное предложеніе вызвало паденіе курсовъ, причѣмъ понижались не только даринтатскія акціи (съ 420 до 204), но даже свидѣтельства лондонскаго заостреннаго займа (съ 98 до 88). Продолжалось это до самаго заостренія кризиса, до самаго толчка къ этому, послѣдовавшаго черезъ Гамбургъ изъ Америки, когда, наконецъ, курсы «были совсѣмъ опрокинуты» и начались многочисленныя банкротства. Все говорило о приближающейся бѣдѣ; тревога чувствовалась еще въ концѣ 1856 года, но промышленный и торговый міръ «находились въ полномъ ослѣпленіи». На биржѣ и въ печати слышалась только рѣвая ругань на «контр-минну» (на спекулянтовъ на пониженіе); во всемъ была виновата эта проклятая контр-минна. Другіе сваливали всю бѣду на вывозъ серебра на Востокъ. «Единичные голоса, говоритъ М. Виртъ: — спокойно доказывавшіе, что корень зла не въ недостаткѣ денегъ, а въ недостаткѣ капитала, котораго не хватало при тѣхъ расходахъ, которыхъ достигла спекуляція, были заглушены гвалтомъ голосовъ, утверждавшихъ противное» (280). Наличный запасъ золота въ Америкѣ и Европѣ, вслѣдствіе подвоза его изъ

Калифорніи и Австраліи, увеличился съ 1848 по 1856 годъ на 2,500 мил. гульд., а запасъ серебра на 1,200 мил. гульд., тогда какъ вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ на Востокъ съ 1851 по 1857 годъ представлялъ только 727 мил. гульд. Неосновательность сваливанія бѣды на эту причину очевидна; но ни сдѣлать такого простаго разчета, ни сообразить того, что вывозъ металловъ на Востокъ производился не даромъ, никто не хотѣлъ. Что касается Англіи, то она никогда не отставала въ дѣлѣ спекуляціи отъ другихъ государствъ. Несмотря на крымскую войну, стоившую 600 мил. гульд., несмотря на то, что въ одинъ только желѣзныя дороги, не считая другихъ предпріятій, было израсходовано до 1849 г. 308.775,894 фунт. стерл., промышленность ея и торговля шли на полныхъ парусахъ. Въ 1851 году, въ одномъ только Ланкаширскомъ Графствѣ была выстроена и пущена въ ходъ 81 новая фабрика, а въ 1852 г., въ теченіи только 5-ти мѣсяцевъ, возникло не менѣе 153 обществъ (банковъ, желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, горнозаводскихъ и другихъ) съ акціонернымъ капиталомъ болѣе 500 мил. гульд. — Такой ростъ промышленности находился въ тѣсной связи съ разработкою золотыхъ россыпей въ Калифорніи и Австраліи. Новоткрытыя россыпи, съ одной стороны, давали золото, а съ другой — сильно возбуждали торговую дѣятельность, движеніе населенія и товаровъ на пріиски. Для спекуляціи открывалось новое поле. Товарное движеніе вскорѣ возросло до такой степени, что утратило всякую мѣру; «рынокъ Сан-Франциско былъ до того заваленъ всевозможными товарами, что складочныхъ магазиновъ не хватало и самыя дорогіе продукты валялись на открытомъ воздухѣ и либо портились, либо сбывались за такія цѣны, которыя не окупали даже стоимости ихъ производства» (180). Многіе торговцы несли большіе убытки, а это вызывало сокращеніе подвоза и задержаніе товаровъ въ 5 и въ 10 разъ. Подобныя колебанія происходили нѣсколько разъ. Предметы первыхъ потребностей оставались, впрочемъ, почти все время въ очень высокой цѣнѣ. Обогащеніе на пріискахъ было чистомъ лотереєю; выигрывали лишь очень немногіе, заработокъ же большинства, поглощался дороговизною жизни. Что касается выгодъ всей страны, то выгоды эти, какъ превосходно доказалъ Ньюмарчъ, были преувеличены. Еслибы сложить всѣ расходы, которые были употреблены на добываніе золота, какъ-то: содержаніе многочисленнаго служебнаго персонала и массы рабочихъ, стоимость ихъ доставки и проч., и сопоставить съ количествомъ добытаго золота, то оказалось бы, что затраченный капиталъ и трудъ можно бы было гораздо выгоднѣе употребить въ другія отрасли про-

мышленности. Въ золотъ, правда, имѣлся ходкій товаръ, на который встрѣчался въ Европѣ жадный спросъ, но товаръ этотъ былъ только орудіемъ обмѣна и не представлялъ собою богатства. Однако, Англія всегда могла возвратить сдѣланныя затраты, разлагая ихъ на другія государства; кромѣ того, капиталъ, концентрированный такимъ образомъ во времени и въ пространствахъ (затраты на добываніе золота производились не сразу, производились многими, многое не считалось, золото же было все на виду и скопилось въ рукахъ немногихъ), могъ сильно возбуждать спекулятивную предприимчивость. И спекуляція не замедлила, разумѣется, выйдти за предѣлы благоразумія и возможности, не замедлила расширить промышленность, торговлю и создать новыхъ предпріятій гораздо больше, чѣмъ позволялъ дѣйствительный капиталъ. Въ особенности отличались при этомъ банки, которые, послѣ ограниченія выпуска билетовъ, въ особенности развили операціи по вкладамъ и съ векселями. Текущіе счета и учетъ векселей достигли громадныхъ цифръ въ ихъ балансахъ. Ссуды выдавались безъ всякаго соотвѣтствія съ собственными средствами и солидностью предпріятій: одинъ банкъ выдавалъ въ ссуду двумъ только фирмамъ сумму, «вдвое превышавшую его акціонерный капиталъ» (281); другой принималъ по закладной 120 кораблей, которые могли быть проданы лишь съ огромными потерями (272). «У Глазговскихъ торговцевъ металлическими издѣліями вошло въ обычай заключать съ владѣльцами рудниковъ контракты, по которымъ послѣдніе обязывались доставлять имъ известное количество желѣза къ опредѣленному сроку, и эти документы, не представлявшіе никакой стоимости, щедро учитывались банками. «Въ округахъ, занимающихся разработкою желѣза и каменнаго угля, кредитъ давался съ тѣмъ же непростительнымъ легкомысліемъ, и цѣны миліоны были непродуманно всажены въ желѣзные рудники и въ каменноугольные копи» (280). Торговый міръ совершенно зарвался; не говоря уже о крупныхъ перегодкахъ, которые оперировали на громадныя суммы, «простые лавочники не боялись заключать сдѣлки на сумму, въ 10—20 разъ превышавшія ихъ состоянія». Товары принимались отъ фабрикантовъ на комиссію, учетъ векселей, прошесть и свидѣтельство, выдававшихся доками и товарными складами, давалъ возможность дѣлать новыя закупки товаровъ и спекулировать на повышеніе.—Дутые или, какъ ихъ называли тогда, «аккомодационные векселя» писались обоудно въ громадныхъ количествахъ; являлись подставныя лица, которые за известнымъ комиссіоннымъ % ставили бланки и подмахивали векселя въ 5—10 тыс. ф.; когда наступали платежи то выдавались новыя век-

села; вообще, «организовалась цѣлая система обмановъ и мошенничества». И, конечно, не въ одномъ только «Британскомъ королевскомъ банкѣ» можно бы было раскрыть «страшную сеть мошенническихъ предѣловъ» и посадить директоровъ въ тюрьму, еслибы почаще назначали слѣдствія. «Сущность совершавшихся сдѣлокъ, говоритъ М. Виртъ:—была такова, что даже самому проницательному, расчетливому и практически-опытному negociantu трудно было до нея добиться, потому что почти невозможно было, не впадая въ слишкомъ неопредѣленную огульность суждений, выяснить всё уловки и увертки, употреблявшіяся спекулянтами, чтобы отсрочить день окончательнаго сведенія счетовъ» (281). Но день этотъ все-таки, въ концѣ концовъ, насталъ. Толчокъ послѣдовалъ изъ Америки послѣ того, какъ тамъ разразилась кризисъ. Первые испитали затрудненіе торговцы на восту: наступили платежи, въ банкахъ денегъ не оказалось, товары не шли; а во вывозу, вслѣдствіе общаго экономическаго разстройства Европы и преимущественно Америки, платежи замедлились и не пришли къ сроку. Нужно замѣтить, что, по установленному въ англійскомъ торговомъ мѣрѣ обычаю, товары, ввозимые въ Англійю, оплачиваются векселями въ тѣхъ странахъ, откуда они идутъ въ моментъ загрузки ихъ на корабли, причѣмъ, хотя векселя эти и не подлежатъ немедленной оплатѣ по доставкѣ товаровъ, но немедленно же акцентируются и получаютъ тождественное значеніе съ другими цѣнными бумагами; товары же, вывозимые изъ Англійи, отпускаются по большей части въ кредитъ на 6—9 и болѣе мѣсяцевъ. Положимъ, что, благодаря этому кредиту, англійскій вывозъ, главнымъ образомъ, и увеличился въ теченіи 10 лѣтъ съ 60 мил. фун. до 120 мил. ф.; но, благодаря этому же, происходить и замедленія во время экономическихъ затрудненій въ акредитованныхъ странахъ. Равнымъ образомъ и векселя англійскихъ торговцевъ, когда въ банкахъ есть деньги, не вызываютъ затрудненій. Но въ описываемую эпоху банки были истощены какъ отечественной, такъ и американской спекуляціей: въ однихъ американскихъ бумагахъ англійскихъ капиталовъ было пристроено въ 1857 г.—480 мил. дол. Кроме того, Англійя израсходовала въ это время много денегъ на усмиреніе восстанія въ Индіи, на улаженіе непріятныхъ отношеній съ Китаемъ и на поддержку Ост-Индской К°. Произошло нѣсколько торговыхъ банкротствъ, и дошла очередь до банковъ. За банкротствомъ ливерпульскаго банка послѣдовали банкротства фирмы Нейлоръ и К°, Деннстунъ, Кросъ и К°; затѣмъ обанкротился громадный «шотландскій западный банкъ» съ его 98-ю отдѣленіями, и другіе шотландскіе банки; глазговскій городской банкъ и т. д. «Каждый день,

говорить М. Вирт:—приносила банкротства, перечисленіе которых утомило бы читателя». Всего обанкротилось 207 фирмъ съ пассивомъ въ 50 мил. ф. Но кризисъ не ограничился горстью спекулянтовъ и купцовъ: «Совершенная остановка всѣхъ торговыхъ операций вызвала всеобщее прекращеніе работъ въ фабричныхъ округахъ, нанесла фабрикантамъ громадные убытки и тяжело отозвалась на рабочихъ классахъ» (276). Потери однѣхъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ были не какъ не менѣе 1 мил. фунт. Рабочіе вездѣ почти отпускались или сажались на половинную заработную плату. Цѣны на товары быстро и значительно упали: шотландское невыдѣланное жѣло съ 83 мил. за тонну упало до 48 мил., листовая мѣдь съ 14 пенс. за фунтъ до 12. пенс., олово съ 140 ф. ст. за тонну до 114 ф.; хлопчатобумажная пряжа упала на 24%, шолкъ на 31%, селитра на 26%, рисъ на 26%, льняное сѣмя на 27%, кофе на 16—23%, сахаръ на 20—28%, сало на 18%, чай и шерсть на 16%. Паденіе биржевыхъ бумагъ также было значительно: консоли упали на 4%, жѣлѣзно-дорожныя акціи до 28% и т. д. Дисконтъ въ англійскомъ банкѣ достигъ 10%. Опять послѣдовалъ ропотъ на злополучный законъ Пилля, который и былъ снова приостановленъ. Противники точно забывали, что обанкротились, главнымъ образомъ, шотландскіе банки, система которыхъ была существенно отлична отъ англійскаго банка, что они выпустили чрезмѣрное количество билетовъ и, въ то же время, точно такъ же, какъ и англійскіе банки, развили до громадныхъ размѣровъ операціи со вкладами, вторые, будучи розданы въ ссуду преимущественно спекулянтамъ, не могли быть вытребованы обратно, когда въ банки поступили разомъ требованія объ ихъ возвратѣ. Это, главнымъ образомъ, и послужило причиною катастрофы. Англійскій банкъ оказалъ шотландскимъ банкамъ денежную поддержку и помогъ имъ выдти изъ затрудненія. Нельзя было теперь пожаловаться на банкъ и за то, что онъ несвоевременно или слишкомъ круто подымалъ дисконтъ; дисконтъ его, стоявшій въ 1852 г. на 2%, поднимался въ высшей степени постепенно и достигалъ въ 1856 г. 7%, затѣмъ въ началѣ 57 г.—8% и въ сентябрь—9%. Законъ былъ уже приостановленъ, а банкротства все продолжались: черезъ 8 дней, напримѣръ, лопнуло нѣсколько фирмъ, торговавшихъ съ Швеціей и Даніей, и т. д.

Во то время, какъ континентальныя коммерсанты и буржуазныя экономисты ратовали за абсолютную свободу банковъ, государственные люди въ Америкѣ говорили противъ этой свободы: тогдашній президентъ Бѣкэнъ приписывалъ причину кризиса 1857 г. опять «безумной и полной недостатковъ системѣ бумажныхъ де-

ногъ и банковаго кредита, которая поощряеть націю заниматься спекуляціями и биржевою игрою» и доказывалъ, что «потрясенія должны неизбежно возвращаться періодически, пока количество обращающихся бумажныхъ денегъ, банковыя ссуды и дисконтъ предоставлены въ распоряженіе 1400 банковыхъ учрежденій, ни передъ кѣмъ неотвѣтственныхъ и по самому характеру своему склонныхъ ставить интересъ своихъ акціонеровъ выше общаго блага» (250). Нью-Йоркское законодательство, ограничивавшее количество билетовъ и обставлявшее выпускъ ихъ гарантіями, какъ мы сказали уже выше, нашло мало подражанія въ другихъ штатахъ и, кромѣ того, наверстывалось окольными путями—операциями по вкладамъ и учету векселей. Операцин эти, мобилируя самыя мелкіе капиталы и самыя малые промежутки ихъ свободности, когда основываются на дѣйствительной производительности, чрезвычайно полезны и не сопряжены съ рискомъ; но разъ капиталы выдаются въ ссуду не производительнымъ классамъ, а спекулянтамъ, какъ это по большей части и бываетъ, банки рискуютъ потерять ввѣренныя имъ капиталы. Уплаты по векселямъ затягиваются; сбытъ бумажныя цѣнности, подъ обезпеченіе которыхъ выданы ссуды, оказывается затруднительнымъ, въ особенности въ эпохи кризисовъ, во время натиска публики въ банки: въ 1857 г. даже государственныя бумаги, которыя нью-Йоркское законодательство требовало въ обезпеченіе билетовъ, не представляли достаточной гарантіи и сбывались съ огромными потерями. При централизацин кредита, англійскій банкъ, дѣйствующій на громадномъ пространствѣ, находится въ этомъ отношеніи еще въ лучшемъ положеніи, кѣмъ американскіе банки, дѣйствующіе на небольшихъ районахъ и которые въ 2—3 дни могутъ быть осаждены требованіями, какъ это и случилось въ 1857 г. Но посмотримъ на Америку. Еще весной этого злополучнаго года, осень котораго принесла кризисъ, Америка представлялась на такой высокой степени процвѣтанія и благоденствія, какой никогда еще не достигала со времени объявленія независимости: промышленность, торговля, желѣзныя дороги, телеграфы—все это представляло невиданный ростъ. Сельское хозяйство и промышленность дали въ 1856 году доходъ въ 2600 мил. дол., государственный долгъ уменьшился на 30 мил. долларовъ и т. д. Но, всматриваясь ближе въ это блистательное положеніе, не трудно было замѣтить въ немъ ясныя признаки болѣзненности. Конечно, было осуществлено много серьезныхъ и полезныхъ предпріятій; но этимъ спекуляція не ограничилась: «разъ отвѣдавъ прелестей наживы, она не знала удержа и приступила къ самымъ дерзкимъ предпріятіямъ», «пе-

рестала довольствоваться настоящимъ и стала эсконттировать будущее». Желѣзныя дороги прокладывались черезъ пустыни, гдѣ никакихъ торговыхъ сношеній не могло существовать; строились города въ безплодныхъ мѣстностяхъ; разрабатывали минеральныя богатства, не заручившись рынкомъ для сбыта; «строили фабрики и лишь послѣ того, какъ онѣ были выстроены, открывали, что рабочіе для нихъ негдѣ достать или что имъ не под силу выносить конкуренцію европейскихъ продуктовъ» (255). Въ то же время роскошь развивалась съ каждымъ днемъ: ввозъ сахара увеличился въ 1856—57 г. противъ предыдущаго года на 27 мил. доллар.; ввозъ дамскихъ нарядовъ, не считая еще французской обуви, мѣховъ, духовъ и разныхъ другихъ мелочей, доходилъ до 40.828,844 доллар.; ввозъ сигаръ и вина простирался до 14 мил. доллар. и т. д. «Съ открытіемъ калифорнскихъ росыпей, говоритъ М. Вартъ:—у американцевъ произошло наибѣйшій переворотъ всѣхъ экономическихъ привычекъ и взглядовъ». Америка сдѣлалась главнымъ рынкомъ для сбыта всѣхъ предметовъ роскоши, изготовлявшихся въ Европѣ. Несмотря, однако, на громадное увеличеніе потребленія, спекуляція перерѣзала вдвое и втрое спросъ и завалила рынокъ товарами, причѣмъ, задерживая товары въ складахъ, долгое время искусственно поднимала ихъ цѣны на 20 и на 30%. Рука объ руку съ жаждою быстрого обогащенія шло «гигантскими шагами» и развращеніе нравовъ: похвщенія, подлоги и взятки были самымъ обычнымъ дѣломъ въ промышленныхъ и финансовыхъ компаніяхъ; начиная съ высшаго желѣзнодорожнаго персонала и кончая кочегарами, всѣ руководились «особою желѣзнодорожною совѣстью» и брали магарычи съ каждой бочки сала, поставляемаго для смазки колесъ, съ cadaго локомотива; въ финансовой сферѣ происходила война всѣхъ противъ всѣхъ при полной неразборчивости средствъ; подкупы проложили путь даже къ губернаторамъ и другимъ высшимъ должностнымъ лицамъ. То, что чиновникъ или кассиръ *наживаетъ*, «принималось, какъ дѣло вполне естественное и само собою разумѣющееся, и на честность, не поддающуюся соблазнамъ, если таковая оказывалась, смотрѣли какъ на курьезъ, частью съ насмѣшливой улыбкой, частью съ изумленіемъ» (254). «Безвозмездная раздача союзныхъ земель желѣзнодорожнымъ обществамъ сдѣлалась предметомъ настоящей торговли» (264). «Никогда, говоритъ М. Вартъ:—антагонизмъ между частнымъ и общегосударственнымъ интересомъ и противоположность между частнымъ и національнымъ богатствомъ не выступали такъ рѣзко, какъ въ эту эпоху. Соблазненная горами золота, притекавшими изъ Калифорніи, и торопясь пускать ихъ

какъ можно скорѣе въ оборотъ, спекуляція совершенно смѣшивала золото съ капиталомъ и, когда золота не хватило, замѣнила его въ изобиліи бумагами: «при этомъ забывали, что не золотые и бумажные доллары кормятъ работниковъ, которые исполняютъ земляныя работы, дѣлаютъ рельсы и изготовляютъ разнообразныя сырые матерьялы и орудія, требующіяся для исполненія всѣхъ этихъ предпріятій; забывали, что деньги суть лишь представитель и орудіе для обмѣна капитала, а не самый капиталъ; забывали, что послѣдній состоитъ изъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія, и изъ орудій производства, посредствомъ которыхъ работники, осуществляющіе новое предпріятіе, должны быть прокармливаемы и вооружены для дѣлей производства; забывали, наконецъ, что дѣйствительный запасъ капитала, въ этой реальной его формѣ, не такъ великъ, какъ можно было предполагать, судя по новосозданнымъ денежнымъ запасамъ» (253). А потому нисколько не долженъ казаться страннымъ тотъ фактъ, что, возлагая всѣ надежды на Калифорнію, американцы, въ то же время, очень много должны Европѣ: забирала на громадныя суммы товары въ долгъ, строили пароходы въ долгъ и т. д. Суммы эти нѣкоторое время покрывались отпускомъ хлѣба, но когда въ 1857 году, послѣ хорошаго повсемѣстнаго урожая въ Европѣ, отправлять хлѣбъ оказалось совсѣмъ невыгодно; тогда «все зданіе, державшееся на ухищреніяхъ кредита, не могло устоять и рухнуло». Запасъ звонкой монеты въ банкахъ Соединенныхъ Штатовъ равнялся въ 1857 г.—58 мил. доллар., а сумма обращающихся билетовъ составляла около 215 мил. доллар. и вклады 230 мил. доллар: слѣдовательно, гарантирована была, въ сущности, только $\frac{1}{7}$ ихъ обязательствъ. Послѣ того, какъ въ началѣ августа послѣдовало нѣсколько торговыхъ банкротствъ, а 24 августа обанкротился банкъ «Ohio Life and trust company», бывшій сколкою съ французскаго «Crédit mobilier», банки начали ограничивать кредитъ и стараться вернуть свои ссуды. Это еще болѣе затруднило торговлю: товары упали въ цѣнѣ на 20—50%, хлопокъ съ 16 цент. спустился на 8 $\frac{7}{8}$ цент., а хлѣбъ на 100% (266). Курсы желѣзнодорожныхъ акцій также упали на 30—75%. Извлекиши 16 мил. доллар. изъ обращенія, банки тѣмъ не менѣе не возбуждали къ себѣ довѣрія и не предупреждали банкротствъ: въ 30 сентября уже обанкротилось 109 торговыхъ домовъ, 175 банковъ прекратили платежи и 40 банковъ должны были считаться совсѣмъ погибшими. «Многія фабрики были закрыты, многія тысячи рабочихъ лишились заработка» (260). Дисконтъ, стоявшій въ августѣ на 24%, дошелъ въ октябрѣ до 100% и въ частныхъ случаяхъ поднимался даже выше. Возбуж-

денеі достигло крайней степени напряженности: банки брались приступомъ; толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ ходила по улицамъ Нью-Йорка изъ банка въ банкъ; въ Сан-Франциско банкъ Седера и Черча былъ окруженъ многочисленною толпою въ полночь и былъ вынужденъ, въ 2¹/₂ часа утра, открыть свою кассу и начать платежи (263). Наконецъ, всѣ банки прекратили платежи, послѣ чего въ Нью-Йоркѣ въ теченіи одной только недѣли обанкротилось 100 домовъ. Общее количество банкротствъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, происшедшихъ въ то время—5,123 съ суммою пассива до 300 мил. доллар., изъ которыхъ только немногіе выплатили по 40%, и еще меньшее число выплатили свои долги сполна. Потери на важѣйшихъ вывозныхъ товарахъ простерлись до 77 мил. доллар. и на ввозныхъ до 35 мил. доллар.; на мануфактурныхъ товарахъ, корабляхъ и т. п. было потеряно 30 мил. доллар.; ущербъ рабочимъ въ теченіи только первыхъ 4 мѣсяцевъ застоя простирался до 12 мил. доллар.; 14 большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ съ капиталомъ въ 189.800,000 доллар. прекратили работы и платежи; на акціяхъ было потеряно 50 мил. доллар. Изъ Америки кризисъ перебросился, какъ мы уже видѣли, въ Англію, затѣмъ въ Гамбургъ, Берлинъ, Штеттинъ, Данцигъ, Прагу, Бреславль, въ фабричныя округа въ Гервицъ, Тюрингенъ и въ другіе пункты Германіи и Австріи. Изъ Гамбурга онъ перешелъ въ Швецію, Данію и Норвегію, затѣмъ прошелъ черезъ Бельгію, Голландію и Швейцарію. Въ особенности пострадалъ отъ кризиса Гамбургъ, кооплатившійся за свои вексельныя спекуляціи и за паразитное торгово-посредническое положеніе между государствами: убытки 150 обанкротившихся домовъ оцѣнивались въ 200 мил. марокъ, цѣны на товары упали до 50%; а многіе изъ нихъ, закупленные въ огромныхъ количествахъ, и совсѣмъ не находили сбыта. Общій испугъ и смятеніе были въ Гамбургѣ гораздо больше, чѣмъ въ Америкѣ и Англіи: «скупцы врывались съ мольбами о помощи въ приходскія собранія гражданъ, которымъ со стороны коммерческихъ депутацій дѣлались предложенія, отзывавшіяся чисто якобинскимъ терроризмомъ» (288).

Денежному кризису въ 1863—4 гг. во Франціи, какъ и всегда, предшествовало оживленіе промышленности, торговли и вообще предпримчивости. Въ Парижѣ орудовали гг. Перейера, Мирдеса, Мильо и другіе. Основывались желѣзнодорожныя, портовыя, торговныя, каменноугольныя и разныя другія общества и кассы; братья Перейера начали спекуляціи по перестройкѣ Парижа и т. д. Хотя американская война и поставила хлопчатобумажное производство во Франціи въ довольно печальное положеніе; но за то

производство вить, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій сильно возросло; торговля, благодаря облегченіямъ въ запретительной системѣ и новымъ торговымъ договорамъ, также приняла громадные размѣры; вывозъ превзошелъ, въ 1863 г., ввозъ на 680 милл. фр. Нужно замѣтить, что и французское торговое сословіе, подобно англійскому, даетъ своимъ заграничнымъ покупателямъ 6-ти мѣсячный кредитъ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, это, разумѣется, не составляло затрудненія; но въ данномъ случаѣ цифра вывоза была чрезмѣрно велика, что, въ связи съ другими спекуляціями, потратившими также немало капиталовъ, вызвало денежное злоупотребленіе. Французскій національный банкъ, дисконтъ котораго въ іюнѣ стоялъ на 3¹/₂%, сталъ поднимать его на 4, 5, 6 и 7% (въ ноябрѣ), а къ маю 1864 г. поднималъ его даже до 8%. Торговцы обвиняли банкъ въ спекуляціи на благородные металлы и подали въ министерство финансовъ по этому поводу петицію. Черезъ нѣсколько времени, къ нимъ присоединились еще парижскіе хозяева ткацкихъ фабрикъ и лѣонскіе фабриканты, прося назначить слѣдствіе надъ образомъ дѣйствій французскаго банка. Гг. Перейра и К°, стоявшие за неограниченное расширеніе кредита и рассчитывавшіе «эс плуатировать общественный кредитъ въ пользу своихъ граниныхъ проэктовъ», всѣми силами поддерживали петиціонеровъ; но важная коммиссія, собравшая справки какъ во Франціи, такъ и за-границей и труды которой были изданы въ 8 ми томахъ, совершенно оправдала дѣйствія банка и показала только, что онъ въ-время «наложилъ узду на спекуляцію», чѣмъ весьма содѣйствовалъ предупрежденію кризиса.

Если американская война не особенно сильно отозвалась на Франціи, то англійская хлопчатобумажная промышленность, получавшая сырье, главнымъ образомъ, изъ Америки, была поставлена въ самое критическое положеніе. «Лишь немногія бумагопрядильни, которыя имѣли предусмотрительность зацѣпиться ранѣе большимъ количествомъ хлопка — а это сдѣлали болѣею частью лишь континентальныя фабрики — могли продолжать свои работы въ большихъ размѣрахъ. Значительное число фабрикъ было вынуждено совсѣмъ закрыться. Другія посадили рабочихъ на половинные рабочіе часы» (315). Когда, въ 1863 году, т. е. на третій годъ войны, сырой хлопокъ началъ прибывать изъ Египта и Ост-Индіи, то англійскія прядильни, обработывшія до сихъ поръ хлопокъ только съ длинными волокнами, должны были приспособлять машины къ индійскому хлопку съ короткими волокнами, что вызвало новыя затрудненія и новыя пріестановки работъ. Число нищихъ сильно возросло, но «рабочіе, говоритъ М.

Виртъ:—прославились мужествомъ и спокойствіемъ, съ которыми они несли выпавшее на нихъ долю несчастья» (314). Понимая, что причина бѣдствія исходитъ извнѣ, рабочіе, несмотря на сильныя страданія, не тревожили хозяевъ, какъ это было въ другія времена. Несмотря, однако, на затрудненіе въ дѣлахъ, англійская спекуляція, въ томъ же 1863 году, снова начала свое дѣло. Съ одной стороны, послужило поводомъ для различныхъ комбинацій расширеніе производства хлопка въ Египтѣ и Ост-Индіи, а съ другой стороны—торговля, желѣзныя дороги и другія предпріятія. Торговцы охотно платили по 10%, такъ какъ могли наживать 25% и болѣе. Капиталъ, пристроенный въ желѣзныя дороги въ 1861 году, равнялся 342 мил. фунт., а въ 1865 году онъ уже простирался до 412¹/₂ мил. Новый законъ объ акціонерныхъ обществахъ, изданный въ 1862 году, послужилъ толчкомъ къ основанію значительнаго числа самыхъ разнообразныхъ акціонерныхъ компаній съ ограниченою отвѣтственностью и къ преобразованію прежде основанныхъ обществъ съ неограниченною отвѣтственностью въ общества съ ограниченою отвѣтственностью: съ 1862 по 1868-й годъ было основано и зарегистрировано до 3,540 новыхъ обществъ съ номинальнымъ капиталомъ въ 700 мил. фунт. Многія изъ этихъ обществъ фактически не могли осуществиться прямо по недостатку средствъ: журналъ «Economist» разсчитывалъ, что съ 1864-го по 1866-й годъ по акціямъ, включая сюда и премію на нихъ, было уплачено только 63 мил. И когда, въ 1866 году, наступили послѣдующія уплаты по акціямъ и открылись подписки на новыя предпріятія, когда, съ прекращеніемъ американской войны, торговля потребовала новыхъ средствъ, этотъ недостатокъ капитала сказался уже со всею своею очевидностью. Въ маѣ, крупный учетный банкъ, подъ фирмою «Оверендъ, Герри и К^о», прекратилъ платежи съ пассивомъ до 15,552,003 фунта, на покрытіе которыхъ имѣлось лишь 120,394 фунт. наличныхъ денегъ да на 371,983 ф. надежныхъ государственныхъ фондовъ, такъ какъ остальной активъ состоялъ изъ векселей и никуда негодныхъ бумагъ. «Вѣсть эта, говоритъ М. Виртъ:—подѣйствовала на Лондонъ, какъ ударъ молніи въ яснаго неба, и послужила сигналомъ къ паникѣ и многочисленнымъ банкротствамъ. Англійскій банкъ возвысилъ дисконтъ до 6%, а нѣсколько спустя—до 10%. Журналъ «Economist» объявилъ, что это—кредитная паника, что другими словами означало, что было затѣяно больше предпріятій и выдано болѣе долговыхъ обязательствъ, чѣмъ сколько позволяло имѣвшееся въ запасѣ количество капитала» (317). «Въ сущности, оно такъ и было, добавляетъ М. Виртъ:—

но ближайшею причиною былъ законъ Пилля, въ третій разъ доказавшій свою несостоятельность—невозможностью удовлетворять, вслѣдствіе раздѣленія банка на два отдѣленія, экстренный натискъ публики, а между тѣмъ, законъ и понинѣ неустраненный» (320). И въ данномъ случаѣ, злополучный законъ былъ опять ни при чемъ: банкъ былъ виноватъ въ томъ, что держалъ дисконтъ слишкомъ низко, на 2%, несмотря на то, что все говорило о спекулятивномъ настроеніи и процентъ на капиталъ на континентѣ и въ частныхъ рукахъ поднялся, а это гораздо меньше зависѣло отъ закона, чѣмъ отъ отношеній къ другимъ банкамъ, которыхъ было основано «множество», и отъ распоряженій. Но обо всемъ этомъ мы уже говорили. Законъ Пилля былъ снова приостановленъ, но, несмотря на это, дисконтъ продолжалъ держаться на 10—8% и понизился только съ окончаніемъ австро-прусской войны. Вексельная сѣть обанкротившагося банка Оверендъ, Герни и К° широко раскидывалась по провинціямъ и вызвала цѣлый рядъ банкротствъ и тамъ: къ 4-му августа 1866 года—180 акціонерныхъ обществъ подпали ликвидаціи судебнымъ порядкомъ, и, между прочимъ, произошло паденіе и желѣзно-дорожныхъ предпріятій г. Пето, который «былъ творцомъ тѣхъ позорно-знаменитыхъ желѣзно-дорожныхъ спекуляцій, которыя въ Германіи связаны такою недоброю памятію съ именемъ Струсберга» (322).

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

ТОМЪ II.

(Продолженіе).

XIV.

ОССИАНЪ И СЦИПИОНЪ.

Число арестовъ все увеличивалось.

Около полудня, полицейскій комиссаръ, по имени Бурдо, явился въ кафе, въ углу Ленелетте. Его сопровождалъ агентъ Делагоддъ. Делагоддъ былъ тотъ самый писатель-соціалистъ, который, когда его уличили въ измѣнѣ, нашолся вынужденнымъ перейти изъ тайной полиціи въ явную. Я зналъ его и отмѣчаю эту подробность. Въ 1832 году, онъ былъ наставникомъ въ школѣ, куда ходили мои сыновья; тогда онъ даже посвятилъ мнѣ стихи. Въ то же время, онъ слѣдилъ за мной. Кафе въ улицѣ Ленелетте было мѣстомъ сходки многихъ республиканскихъ журналистовъ. Делагоддъ зналъ ихъ всѣхъ. Отрядъ республиканской гвардіи занялъ всѣ выходы кофейни. Тогда начался осмотръ всѣхъ обычныхъ посѣтителей. Делагоддъ шелъ впереди, комиссаръ сзади; за ними слѣдовали двое городовыхъ. Отъ времени до времени Делагоддъ оборачивался и говорилъ: «берите вотъ этого». Такимъ образомъ, арестовали до двадцати писателей, въ числѣ ихъ Генета де-Кеслера (умеръ въ изгнаніи, въ Герисе). Кеслеръ былъ наканунѣ на Сент-Антуанской баррикадѣ. Кеслеръ сказалъ Делагодду: «Вы—негодяй». — «А вы—благодарный, отвѣчалъ тотъ:—я спасаю вамъ жизнь». Странныя слова, потому что трудно думать, чтобы Делагоддъ былъ посвя-

щень въ тайну того, что должно было произойти въ роковой день 4-го декабря.

Въ комитетъ намъ доставляли со всѣхъ сторонъ ободрительныя вѣсти. Тестеленъ, лилльскій представитель—не только ученый, но и мужественный человекъ. 3-го, онъ пришелъ, нѣсколько времени спустя послѣ меня, на Сент-Антуанскую баррикаду, гдѣ былъ убитъ Боденъ. Все было кончено съ этой стороны. Тестеленъ сопровождалъ другой неустрашимый человекъ—Гамбонъ (умеръ въ изгнаніи, въ Термондѣ). Оба представителя бродили по длиннымъ, подымъ движеніямъ улицамъ. Ихъ не понимали и мало кто шелъ за ними. Они искали негодующихъ, а встрѣчали только любопытныхъ. Тестеленъ, однакоже, прийдя въ комитетъ, сообщилъ намъ слѣдующее: «На углу одной улицы, въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ, онъ и Гамбонъ, замѣтили сборище. Они пошли туда. Тамъ читали афишу, приклееную на стѣнѣ. Это былъ призывъ къ оружію, за подписью В. Гюго. Тестеленъ спросилъ у Гамбона, есть ли у него карандашъ. Гамбонъ отвѣчалъ, что есть. Тестеленъ взялъ карандашъ и, подойдя къ афишѣ, написалъ свое имя, подъ моимъ; потомъ передалъ карандашъ Гамбону, который, въ свою очередь, написалъ свое имя подъ именемъ Тестелена. Тогда толпа закричала: «Браво! Это—хорошіе люди!» — «Кричите: да здравствуетъ республика!» сказалъ Тестеленъ. Всѣ закричали: «Да здравствуетъ республика!». «Вверху, въ открытыхъ окнахъ, прибавилъ Гамбонъ:—женщины аплодировали».

— Когда маленькія женскія руки аплодируютъ, это—хорошій знакъ! сказалъ Минель де-Буржъ. Какъ мы уже не разъ говорили, комитетъ сопротивленія всѣми силами старался предотвратить кровопролитію. Воздвигать баррикады, оставлять ихъ, разрушать и начинать на другихъ пунктахъ—избѣгать войны и утомлять его, вести въ Парижѣ войну, какъ она ведется въ степи; всегда отступать, но не уступать и, взявъ себѣ въ пособники время—для того, чтобы, съ одной стороны, народъ могъ одуматься и возстать, а съ другой, армія дошла до изнеможенія—побѣдить такимъ образомъ переворотъ—вотъ въ чемъ состоялъ обсужденный и принятый комитетомъ планъ.

Вслѣдствіе этого, былъ отданъ приказъ слабо защищать баррикады.

Мы во всѣхъ возможныхъ формахъ повторяли бойцамъ: «Проливайте какъ можно менѣе крови. Щадите кровь солдатъ и бергите вашу собственную».

Но, несмотря на это, когда борьба разъ завязалась, то въ извѣстные моменты боя, на нѣкоторыхъ пунктахъ, сдерживать

отвагу бойцовъ становилось невозможнымъ. Многія баррикады были упорно защищаемы, какъ, наприимѣръ, въ улицахъ Рамбюто, Монторгёйль и Neuve 8-te Eustache.

Начальниками этихъ баррикадъ были мужественные люди.

Назовемъ здѣсь, для исторіи, нѣкоторыхъ изъ этихъ великодушныхъ бойцовъ. Силуэты, мелькнувшіе и исчезнувшіе въ дыму битвы. Раду — архитекторъ, Делюкъ, Малаarme, Феллестъ Боли, Люно — бывший капитанъ республиканской гвардіи; Камилль Веррю, редакторъ «Avenir», веселый, сердечный, неустранимый, и этотъ молодой Эженъ Мильело (Millelot), который, въ Каеннѣ, приговоренный къ двумъ стамъ ударамъ плетью, при двадцать третьемъ ударѣ умеръ на глазахъ у отца и брата, сосланныхъ подобно ему.

Баррикада въ улицѣ Омэръ была изъ тѣхъ, которыми овладѣли не безъ сопротивленія. Хотя и наскоро воздвигнутая, она, однакожъ, была хорошо построена; пятнадцать или шестнадцать человекъ, людей рѣшительныхъ, защищали ее. Двое изъ нихъ пали на ней.

Баррикада была взята приступомъ. Батальонъ 16-го линейнаго полка, пущенный противъ нея бѣглымъ шагомъ, встрѣченъ былъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Нѣсколько солдатъ были ранены.

Первый, упавшій въ рядахъ войска, былъ офицеръ, молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, поручикъ первой роты, по имени Оссіанъ Дюма. Двѣ пули раздробили ему обѣ ноги, какъ однимъ ударомъ.

Въ арміи тогда служили два брата Дюма, Оссіанъ и Сципюнь. Сципюнь былъ старшій. Они приходились довольно близкими родственниками представителю Мадле де-Монжд. Эти два брата принадлежали къ почтенной и бѣдной семьѣ. Старшій воспитывался въ политехнической школѣ, младшій — въ Сен-Сирской.

Сципюнь Дюма былъ четырьмя годами старше своего брата. Родители его — трогательный героизмъ нынѣшнихъ бѣдныхъ семействъ — отказывали себѣ въ хлѣбѣ для того, чтобы дать сыну знаніе. Такимъ образомъ, онъ попалъ въ политехническую школу, гдѣ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Выпущенный по окончаніи курса въ артиллерію офицеромъ, онъ былъ назначенъ въ Мецъ. Тогда пришла его очередь помогать мальчику, слѣдовавшему за нимъ. Онъ протянулъ руку своему младшему брату. Онъ удѣлялъ на его воспитаніе часть своего скуднаго жалованья артиллерійскаго поручика; и благодаря ему, Оссіанъ также вышелъ въ офицеры. Между тѣмъ какъ

служба Сципиона продолжала удерживать его въ Мелѣ, Оссіанъ, назначенный въ одинъ изъ лѣхотныхъ полковъ, отправился въ Африку. Тамъ онъ въ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ.

Сципионъ и Оссіанъ были республиканцы. Въ октябрѣ 1851 года, 16-й полкъ, гдѣ служилъ Оссіанъ, потребовали въ Парижѣ. Это былъ одинъ изъ полковъ, выбранныхъ преступной рукой Бонапарта и на которые переворотъ разсчитывалъ.

Настало 2 е декабря.

Поручикъ Оссіанъ Дюма повиновался, какъ и всѣ почти его товарищи, приказанію взяться за оружіе; но каждый изъ окружающихъ его могъ замѣтить, что онъ былъ мраченъ.

Весь день 3-го декабря прошелъ въ маршахъ и контр-маршахъ. 4-го завязался бой; 16-му полку, входившему въ составъ бригады Эрбильона, предписано было овладѣть баррикадами въ улицѣ Бабуръ, Транспонанъ и Омаръ.

Это былъ грозный пунктъ, состоявшій изъ цѣлой группы баррикадъ. Рѣшено было начать дѣйствія съ улицы Омаръ и пустить впередъ батальонъ, къ которому принадлежалъ Оссіанъ. Въ ту минуту, какъ батальонъ, съ заряженными ружьями, долженъ былъ направиться въ улицу Омаръ, Оссіанъ Дюма подошелъ къ своему капитану, старому, храброму офицеру, любившему его, и объявилъ ему, что онъ не сдѣлаетъ болѣе ни одного шага, что дѣло 2-го декабря есть преступленіе, что Луи Бонапартъ измѣнникъ и что они—солдаты—обязаны сдержать клятву, которую нарушилъ Бонапартъ. Что же касается до него—Оссіана—то онъ не дастъ своей сабли для умерщвленія республики.

Прозвонилъ остановка. Ожидали сигнала къ атакѣ. Старый капитанъ и молодой поручикъ говорили между собой вполголоса.

— Чтѣ же вы намѣрены дѣлать? спросилъ капитанъ.

— Сломать свою шпагу.

— Васъ отправятъ въ Венсенъ.

— Это мнѣ все равно.

— Разжалуютъ.

— Очень вѣроятно.

— Можетъ быть, разстрѣляютъ.

— Я готовъ къ этому.

— Но уже теперь поздно. Надо было вчера подать въ отставку.

— Никогда не поздно воздержаться отъ преступленія.

Капитанъ, какъ видите, былъ не чтѣ иное, какъ одинъ изъ этихъ рубахъ по ремеслу, состарившихся подъ офицерскимъ знакомъ и для которыхъ не существуетъ иного отечества, кромѣ знамени, иного закона, кромѣ дисциплины. Желѣзныя руки и

деревянная голова. Они уже болѣе не люди, не граждане. Честь представляется имъ не иначе, какъ въ генеральскихъ эполетахъ. Что вы имъ говорите о политическомъ долгѣ, о повинности законамъ, о конституціи! Развѣ они это знаютъ? Что такое конституція, что такое законы самые священныя въ сравненіи съ тремя словами, которыя ефрейторъ шепчетъ на ухо часовому? Возьмите вѣсы, положите на одну чашку Евангеліе, на другую — призывъ. Теперь взвѣсьте. Ефрейторъ перетянулъ.

Богъ входитъ въ ловушку Варооломеевской ночи: «Убивайте всѣхъ. Онъ своихъ разберетъ». Вотъ что палачи допускаютъ и иногда прославляютъ. Варооломеевскую ночь благословилъ папа. Въ честь ея выбита въ Римѣ медаль въ 1572 г. Pro Hugonotorum strage.

Однокожь, Оссіанъ Дюма казался непоколебимымъ. Капитанъ сдѣлалъ послѣднюю попытку.

- Вы себя губите, сказалъ онъ.
- Я спасаю свою честь.
- Честь-то вы именно и приносите въ жертву.
- Потому что ухожу?
- Уйти—значитъ дезертировать.

Это слово, казалось, поразило Оссіана Дюма; капитанъ продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько минутъ, будутъ драться... братъ приступомъ баррикаду. Ваши товарищи падутъ мертвые или раненые. Вы—еще молодой офицеръ; вы не часто бывали въ огнѣ.

Оссіанъ прервалъ съ живостью:

- Ну, чтожъ! Я не хотѣлъ драться противъ республики. Никто не скажетъ, по крайней мѣрѣ, что я—измѣнникъ.
- Нѣтъ; но скажутъ, что вы—трусъ.

Оссіанъ не возражалъ.

Минуту спустя раздалась команда, и батальионъ бѣглымъ шагомъ пустился на приступъ. Съ баррикады дали залпъ. Оссіанъ Дюма упалъ первый.

Онъ не могъ перенести слова «трусъ» и остался на своемъ мѣстѣ, въ первой шеренгѣ.

Его отнесли на перевязочный пунктъ, а оттуда—въ госпиталь. Расскажемъ теперь же конецъ этой грустной исторіи.

У него были раздроблены обѣ ноги. Врачи думали, что обѣ придется отнять. Генералъ Сент-Арно прислалъ ему крестъ.

Какъ извѣстно, Луи Бонапартъ успѣвши оправдать себя, съ помощью преторіанцевъ—своихъ пособниковъ. Сабля, погончивъ рѣзню, вотировала.

Вой еще дымился, когда армію призывали къ голосованію.

Парижскій гарнизонъ вотировалъ да. Онъ оправдывалъ себя самъ въ своемъ преступленіи.

Въ остальной арміи было не такъ. Военная честь возмущалась тамъ и пробудила гражданскую доблесть. Какъ ни сильно было давленіе и хотя многіе полки должны были опускать бюллетени въ кивера своихъ полковниковъ, но на многіихъ пунктахъ, во Франціи и въ Алжирѣ, армія отвѣчала—нѣтъ.

Политехническая школа вся вотировала нѣтъ. Почти всюду артиллерія — которой политехническая школа есть колыбель — вотировала такъ же, какъ и школа.

Сиднионъ Дюма, какъ вы помните, находился въ Мецѣ.

Не знаю, вслѣдствіе какой случайности, артиллерія во всѣхъ другихъ мѣстахъ, высказавшаяся противъ переворота, въ Мецѣ колебалась и, повидимому, склонилась на сторону Бонапарта.

Сиднионъ Дюма, при видѣ этого колебанія, подалъ примѣръ. Онъ вотировалъ вслухъ, открытымъ бюллетенемъ—нѣтъ.

Потомъ подалъ въ отставку. Въ то самое время какъ министръ, въ Парижѣ, получилъ эту просьбу объ отставкѣ, подписанную Сидниономъ Дюма,—Сиднионъ Дюма, въ Мецѣ, получилъ отрѣшеніе за подписью министра.

Послѣ голоса, поданнаго Сидниономъ Дюма, одна и таже мысль, въ одинъ и тотъ же часъ явилась и у правительства, что офицера опасенъ и что нельзя болѣе терпѣть его на службѣ; и у офицера— что правительство гнусно и что нельзя болѣе служить ему.

Просьба объ отставкѣ и отрѣшеніе отъ должности встрѣтились на дорогѣ.

Подъ этимъ словомъ отрѣшеніе слѣдуетъ разумѣть отставку. По нынѣшнимъ нашимъ военнымъ законамъ, такимъ образомъ совершается разжалованіе офицера. Лишеніе должности значитъ нѣтъ службы, нѣтъ жалованья, т. е. нищета.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о своемъ увольненіи, Сиднионъ Дюма получилъ извѣстіе о занятіи баррикады въ улицѣ Омеръ и о томъ, что братъ его раненъ въ обѣ ноги. Цѣлую недѣлю онъ ничего не слышалъ объ Оссіанѣ, посреди этого вихря событій.

Самъ Сиднионъ ограничился тѣмъ, что написалъ брату о своемъ нѣтъ и о своей отставкѣ и совѣтовалъ ему поступить точно также.

«Его братъ былъ раненъ! Его братъ въ Валь де-Грасѣ!» Онъ тотчасъ же поскакалъ въ Парижъ. Онъ прибѣжалъ въ госпиталь. Его подвели къ кровати Оссіана. Бѣдному молодому человѣку наизауны отяжи обѣ ноги.

Въ ту минуту, какъ Сиднионъ, глубоко взволнованный, подхо-

даль къ нему, Оссианъ держалъ въ рукѣ крестъ, присланный ему генераломъ Сент-Арно.

Раненый обернулся къ адъютанту, который привезъ его, и сказалъ:

— Мнѣ не надо этого креста... На моей груди онъ былъ бы окрашенъ кровью республики.

Но вдругъ, увидавъ Сициона, онъ протанулъ къ нему руку, державшую крестъ, и вскричалъ:

— Возьми его ты! Ты сказалъ *мать* и разбилъ свою шагу. Ты заслужилъ его!

XV.

Вопросъ выясняется.

Быль часъ по полудни.

Бонапартъ снова сдѣлался мраченъ. Эти лица проясняются не на долго. Онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, сѣлъ передъ каминномъ, положивъ обѣ ноги на рѣшетку и остался неподвиженъ. Никто уже, кромѣ Роге, не приближался къ нему. О чемъ онъ думалъ? Извѣны ехидны—неожиданны. О томъ что было сдѣлано этимъ человекомъ, въ этотъ ужасный день, я говорилъ подробно въ другой книгѣ, «Наполеонъ маленький».

По временамъ входилъ Роге и сообщалъ ему разные свѣдѣнія. Бонапартъ слушалъ молча, погруженный въ думы; мраморъ, въ которомъ кнѣзъ лава.

Онъ получилъ въ Елисейскомъ Дворцѣ тѣ же вѣсти, что и мы: для него—дурныя, для насъ—хорошія.

Въ одномъ изъ потировавшихъ батальоновъ было сто шестьдесятъ голосовъ—противъ. Этотъ батальонъ былъ потомъ раскассированъ по разнымъ полкамъ африканской арміи.

Расчитывали на 14-й полкъ, стрѣлявшій по народу въ февралѣ 48-го г. Полковникъ 14-го не захотѣлъ снова начинать то же самое. Онъ переломилъ свою шагу.

Нашъ приемъ былъ, наконецъ, услышанъ. Парижъ, положительно, подымался. Паденіе Бонапарта, казалось, обрисовывалось... Два представителя, Фабье и Крестенъ, встрѣтились въ улицѣ Royale, и Крестенъ, указывая на зданіе національнаго собранія, сказалъ Фабье: *Завтра мы будемъ тамъ.*

Отмѣчу подробность. Мавасъ представлялъ что-то необычайное. Въ тюремныхъ порядкахъ замѣчались послабленія. Внутри тюрьмы какъ будто отозвалось то, что происходило за стѣнами ея.

Должностныя лица, накануне столь нагло державшія себя съ представителями, выходившими гулять на лужайку, кланялись имъ теперь до земли. Въ это самое утро, въ четвергъ, 4-го декабря, директоръ тюрьмы посѣтилъ узниковъ и сказалъ: «Я не виновать». Онъ принесъ имъ книгъ и бумаги для писемъ, въ чемъ до сихъ поръ отказывали. Представитель Валантенъ сидѣлъ въ секретной. 4-го, по утру, его сторожъ сдѣлался вдругъ любезенъ и изъявилъ готовность доставлять ему новѣстія черезъ жену свою, бывшую служанку генерала Лефлѣ, какъ онъ узналъ. Знаменательные симптомы. Если тюремщикъ улыбается, значитъ, тюрьма должна отвориться.

Прибавимъ—и это не будетъ противорѣчіемъ—что гарнизонъ Маваса въ то же время усиливали. Туда ввели еще 1,200 солдатъ, являвшихся отрядами, человекъ по сту, и которыхъ размѣщали небольшими кучками. Позже, прибыли еще 400 человекъ. Имъ роздали сто литровъ водки; по одному литру на 16 человекъ. Узники слышали, какъ развѣзжала вокругъ тюрьмы, туда и сюда, артиллерія.

Броженіе овладѣло самыми мирными кварталами, но центръ Парижа въ особенности былъ грозенъ. Центръ Парижа, со множествомъ извилистыхъ, одна другую пересѣкающихъ улицъ, какъ будто созданъ для возмущеній. Лига, фронда, революція—повелено напомнить эти факты—14-е іюля, 10-е августа, 1792, 1830, 1848 г. вышли отсюда. Эти старыя, доблестныя улицы пробудились. Въ одиннадцать часовъ утра, на пространствѣ между соборомъ Notre Dame и Сен-Мартенскими Воротами было семь баррикадъ. Три изъ нихъ, въ улицахъ Maubise, Bertin-Roigée и Guépin-Boisseau, вышиной достигали до 3-го этажа домовъ. Баррикада у воротъ Сен-Дени смотрѣла почти такъ же грозно какъ и Сент Антуанская въ 1848. Горсть представителей народа разсыпалась по этимъ знаменитымъ, полнымъ горячаго матерьяла переулкамъ, подобно искрамъ. Пожаръ начался. Старинный, центральный кварталъ парижскаго рынка, des Halles—этого города въ городѣ—кричалъ: «Долой Бонапарта!» Полицію, войско сопровождали свистки. Нѣкоторые полки, казалось, пришли въ смущеніе. Имъ кричали: «приклады вверхъ!» Изъ оконъ верхнихъ этажей женщины ободряли строившихъ баррикады. Былъ порохъ, были ружья. Теперь мы были не одни. Мы видѣли за собой, въ туманѣ, подымавшуюся гигантскую голову народа.

Надежда была теперь на нашей сторонѣ. Колебанія, невѣстность кончились, и мы—настаиваю на этомъ—почти съ полнымъ довѣріемъ смотрѣли впередъ.

Была минута, когда, благодаря добрымъ вѣстямъ, со всѣхъ

сторонѣ доходившимъ до насъ, довѣріе это было такъ сильно, что мы, которые поставили свою жизнь на карту, въ этой послѣдней попыткѣ, въ виду близкаго успѣха, казавшагося намъ несомнѣннымъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, обнялись преисполненные восторга. Мишель де Буржъ, въ особенности, озорбленный Бонапартомъ, слову котораго онъ повѣрилъ и о которомъ даже сказалъ: «это — нашъ человѣкъ», негодовалъ, можетъ быть, сильнѣе насъ всѣхъ. Имъ овладѣлъ порывъ какого-то мрачнаго торжества. Онъ ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ: «О! злодѣи! Завтра...» и онъ еще разъ повторилъ свой ударъ... «Завтра, голова его падетъ на Гревской Площади передъ Hôtel de Ville!»

Я смотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, сказалъ я. — Его голова не падетъ.

— Какъ?

— Я не хочу.

— Почему?

— Потому, что послѣ такого преступленія, оставить въ живыхъ Бонапарта — значитъ уничтожить смертную казнь.

Этотъ великодушный Мишель де-Буржъ нѣсколько минутъ оставался въ задумчивости и потомъ пожалъ мнѣ руку.

Преступленіе — случай, предоставляющій намъ всегда возможность выбора, и потому не разумнѣе ли сдѣлать такъ, чтобы оно повело за собой прогрессъ, улучшение, а не казнь. Это помышлялъ Мишель де Буржъ.

Эта подробность показываетъ, до какой степени мы надѣялись.

Видимость была за насъ, но въ сущности было иное. Сент-Арно, какъ увидать, имѣлъ приказанія.

Произошли странныя вещи.

Около полудня, на площади Мадленъ, одинъ генералъ задумчиво сидѣлъ на лошади передъ своимъ войскомъ, имѣвшимъ нервнѣйшій видъ. Онъ колебался. Подъѣхала карета. Изъ нея вышла женщина и стала говорить съ генераломъ. Толпа могла ее видѣть. Представитель Раймонъ, жившій на площади Мадленъ, № 4, также видѣлъ ее изъ окна. Эта женщина была г-жа К. Генералъ, нагнувшись къ гривѣ своей лошади, слушалъ и потомъ сдѣлалъ отчаянный жестъ побѣжденнаго. Г-жа К. снова сѣла въ свою карету. Говорятъ, этотъ человѣкъ любилъ эту женщину. Она могла побудить и къ героизму, и къ преступленію, смотря по тому, какая сторона ея красоты, подъ обаяніемъ которой всѣ находились, брала верхъ. Эту странную

красоту составляли: бѣлизна ангела и взглядъ призрака. На этотъ разъ побѣдилъ взглядъ.

Этотъ человекъ уже не колебался—онъ применилъ къ преступному предпріятію.

Съ двѣнадцати до двухъ часовъ, въ этомъ огромномъ городѣ, отданномъ на жертву неизвѣстности, замѣчалось какое-то мрачное, суровое ожиданіе. Все было сномойно и ужасно. Поля и запряженныя батареи покидали предмѣстья и, безъ шума, сучивались вокругъ бульваровъ. Ни одного крика въ рядахъ войска. Одинъ свидѣтель говоритъ: «солдаты шли съ видомъ добряковъ» (d'un air bonhomme). На набережной Fegonperie, которая съ утра 2-го декабря была запружена батальйонами, теперь оставался только постъ муниципальной стражи. Все стремилось къ центру—народъ такъ же какъ и войско. Молчаніе армии сообщалось народу. Обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ.

У каждаго солдата былъ трехдневный запасъ провіанта и по шести пачекъ патроновъ.

Впослѣдствіи узнали, что, въ это время, отпускалось каждый день на десять тысячъ франковъ воды въ каждую бригаду.

Около часу, Маньянъ отправился въ Hôtel de Ville, велѣлъ въ своемъ присутствіи запретъ всѣ пушки резервнаго парка и не прежде уѣхалъ, какъ удостовѣрившись, что всѣ батареи были готовы двинуться.

Дѣлались разныя подозрительныя приготовленія. Около полудна, въ Монмартрскомъ Предмѣстьѣ, въ домѣ № 2, большіе служители устроили нѣчто въ родѣ обширнаго перевалочнаго пункта. Нагромодили множество носилокъ. Къ чему все это? говорила толпа. Докторъ Девиля, лечившій раненаго Эспинаса, встрѣтивъ его на бульварѣ, спросилъ: «До чего вы намѣрены идти?» Отвѣтъ Эспинаса историческій. Онъ отвѣчалъ: «До конца».

Въ два часа, пять бригадъ де Котта, Бургона, Канробера, Дюлака и Рейбеля, пять артиллерійскихъ батарей, 16,400 человекъ пѣхоты и кавалеріи, уланы, крассеры, гренадеры и канониры, были разставлены, неизвѣстно зачѣмъ, между улицей Мира и предмѣстьемъ Пуассоньеръ. Пушки стояли при входѣ въ каждую улицу. На одномъ пуассоньерскомъ бульварѣ ихъ было одиннадцать, выстроенныхъ въ батареи. Пѣхотинцы стояли подъ ружьемъ, кавалеристы обнажили сабли. Что это значило? Это была рѣдкость; это стоило посмотрѣть, и по обѣимъ сторонамъ, съ тротуаровъ, изъ лавокъ, изъ оконъ всѣхъ этажей удивленная, ироническая, довѣрчивая толпа смотрѣла...

Мало-по-малу, однакожъ, эта довѣрчивость исчезала. Проія уступала мѣсто изумленію, изумленіе переходило въ оцѣпен-

нѣ. Тѣ, которые пережили эту необычайную минуту, не забудутъ ея. Очевидно было, что подъ этимъ что-то скрывалось. Но что? Повсюду глубокій мракъ. Представьте себѣ Парижъ въ погребѣ. Всѣ чувствовали надъ собою низкій потолокъ. Всѣ были словно замурованы въ неожиданномъ и неизвѣстномъ. Угадывалось присутствіе чьей-то таинственной воли. Но что за бѣда! Мы были сильны... Мы назывались республика, Парижъ, Франція... Чего же было бояться? Нѣчего. И толпа кричала: «Долой Бонапарта!» Войско продолжало молчать, но сабли оставались обнаженными, и зажженный фитиль дымился на углахъ улицъ. Туча становилась каждую минуту все чернѣй, все беззвучнѣе, все нѣмѣй... Эта густота мрака была трагическая. Чувствовалось, что все клонится къ катастрофѣ, чувствовалось присутствіе злоумышленника. Измѣна подкрадывалась въ этой темнотѣ, а кто можетъ предвидѣть, гдѣ остановится преступная мысль, сколько шаговъ по склону, созданному событіями?

Что должно было выйти изъ этого мрака?..

XXI.

ИЗВѢСТІЕ.

Вдругъ открылось окно, окно въ адъ. Еслибы Дантъ взглянулъ съ вышины, изъ царства тѣней, онъ увидѣлъ бы въ Парижѣ восьмой кругъ своей поэмы: монмартрскій бульваръ.

Парижъ — сдѣлавшійся добычею Бонапарта. Чудовищное зрѣлище!

Вооруженные люди, собранные на этомъ бульварѣ, почувствовали, что въ нихъ вселился страшный духъ. Они перестали быть самими собой и превратились въ демоновъ. Не было болѣе ни одного французскаго солдата; были какіе-то призракъ, выполняющіе ужасное дѣло. Не было болѣе знамени, не было закона, не было человѣчества, не было отчизны, не было Франціи! Пришлись убивать.

Нѣтъ! мы не приписываемъ французской арміи того, что совершилось въ этотъ моментъ затмѣнія чести.

Исторія представляетъ намъ много примѣровъ рѣзни; они обратительны, безъ сомнѣнія, но они имѣли какое нибудь основаніе. Вароломеевская ночь и драгонадъ объяснялись религіей; сицилійскія вечерни и сентябрскія убійства объяснялись отечествомъ — уничтожаютъ врага, уничтожаютъ чужестранца. Преступство — Т. ССХХХУІІІ. — Отд. I.

пленія подъ хорошими предлогами. Но рѣзня на монмартрскомъ бульварѣ есть преступленіе, неизвѣстно за чѣмъ совершенное.

И, однакоже, причина существуетъ. Она ужасна, укажемъ ее.

Двѣ вещи существуютъ въ государствѣ: законъ и народъ. Человѣкъ убиваетъ законъ. Онъ чувствуетъ, что наказаніе приближается. Ему остается только одно: убить народъ. Онъ убиваетъ народъ.

2-е декабря, это — рискъ. 4-е, это — увѣренность.

На пробуждающееся негодованіе дѣйствуютъ страхомъ.

Эта Эвменида — правосудіе, останавливается въ отцѣненіи передъ этой фурией — Истребленіе. Эриннисъ противопоставляютъ Медузу.

Обратить въ бѣгство Немезиду — какое страшное торжество!

На долю Луи Бонапарта выпала эта слава, которая есть вершина его позора.

Разскажемъ объ этомъ; разскажемъ о томъ, чего еще не видала исторія: объ убійствѣ народа однимъ человекомъ. По цѣнному сигналу — это былъ ружейный выстрѣлъ, сдѣланный неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кѣмъ — въ народъ пустили картечью. Картечь — тоже толпа. Это — множество смертей. Она не знаетъ, куда летитъ и что дѣлаетъ. Она убиваетъ и летитъ дальше.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у ней есть что-то въ родѣ души. Она пущена намѣренно; она исполняетъ чужую волю. Эта минута была невыразимая. Слово горсть молній разсыпалась надъ народомъ. Ничего не могло быть проще. Это имѣло ясность рѣшенной задачи: картечь раздавила толпу. Что вы тутъ дѣлаете? Умирайте! Быть прохожимъ — преступленіе. Зачѣмъ вы на улицѣ? Зачѣмъ переходите дорогу правительству? Правительство — убійца! Что разъ объявили, то нужно же сдѣлать! Что начато, то должно быть кончено! Если спасаютъ общество, то нужно же уничтожить народъ.

Развѣ не существуетъ общественныхъ нуждъ? Развѣ Бемль не долженъ получать 87 тысячъ франковъ въ годъ, а Флѣри — 95? Развѣ Манжо, епископъ Нансійскій, не долженъ получать 342 франка въ день, а Вальянъ — 168; а С. Арно — 822, а Бассано и Камбаресъ по 383 франка каждый? Развѣ Луи Бонапартъ не долженъ получать 76,712 франковъ въ день? Императоромъ Франціи нельзя быть за меньшую плату.

Въ одно мгновеніе она на бульварѣ, на протяженіи четверти лѣ, произошла бойня. Одиннадцать пушекъ разрушили отель Салландрузъ. Двадцать восемь домовъ были насеквозъ пробиты ядрами. Цѣлый парижскій кварталъ бѣжалъ, спасаясь, съ раздирающимъ крикомъ. Повсюду — внезапная смерть. Человѣкъ ни-

чего не ждалъ — вдругъ падаетъ. Откуда это идетъ? Смыслие, говорятъ молебны епископовъ. Снизу, говоритъ истина. Изъ болѣе низкаго мѣста, чѣмъ каторга, чѣмъ пренеподня.

Это — мысль Калигулы, приведенная въ исполненіе Папавуаномъ.

Ксавье Дюррѣ приходитъ на бульваръ. Онъ разсказывалъ: «я сдѣлалъ шестьдесятъ шаговъ и видѣлъ шестьдесятъ труповъ»; и онъ отступать. Быть на улицѣ — преступленіе; оставаться у себя дома — преступленіе. Убийцы входятъ въ домъ и рѣжутъ. На ихъ гнусномъ, разбойническомъ аргю это называлось «*chaperder*». «*Chapardons tout!*» кричали солдаты.

Аддѣ, книгопродавецъ, на бульварѣ Пуассоньеръ № 17, стоитъ въ дверяхъ своей лавки — его убиваютъ. Въ ту же минуту, весьма далеко оттуда, потому что избіеніе происходитъ на обширномъ пространствѣ — въ улицѣ Ланкри, владѣлецъ дома № 5, г. Тиріонъ де-Монтобанъ стоитъ у себя на крыльцѣ, его убиваютъ. Въ улицѣ Трестоннъ, проходитъ семилѣтній ребенокъ, по имени Бурсье — его убиваютъ. Мадмуазель Сулакъ въ улицѣ Тамплъ № 196, открываетъ своё окно — ее убиваютъ. Въ той же улицѣ № 97, двѣ женщины, г-жи Видалъ и Рабуассонъ, швец, сидятъ у себя. Ихъ убиваютъ. Вальваль мебельщикъ въ улицѣ Луны, № 10, сидитъ у себя — его убиваютъ. Дебекъ, нагоціантъ въ улицѣ Сантье № 45, Куверсель цвѣточникъ, въ улицѣ С-Дени № 257, Лабить, ювелиръ на С-Мартенскомъ бульварѣ № 55, Монпеласъ, парфюмеръ, въ С-Мартенской улицѣ № 182 — всѣ четверо убиты у себя дома. Въ С-Мартенской улицѣ № 240, израишли саблями бѣдную золотопшвейку, мадмуазель Сегенъ, которая, не имѣя средствъ платитъ доктору, умерла въ больницѣ 1-го января 1852, г. въ тотъ самый день, когда епископъ Сибуръ служилъ благодарственный молебенъ въ соборѣ Парижской Богоматери. Другая, жидетница, Франсуаза Ноэль, въ которую выстрѣлили въ улицѣ Фобур-Монмартръ, умерла въ больницѣ Милосердія. Еще другая, г-жа Ледо, жившая въ пассажѣ du Saige, № 76, и раненая картечью передъ епископскимъ домомъ, умерла въ Моргѣ. Прохожія, мадмуазель Грессье, жившая въ С-мартенскомъ предмѣстьѣ № 209, г-жа Гиларъ, жившая въ предмѣстьи С-Дени, № 77, г-жа Гарнье, жившая на бульварѣ Воппе Nouvelle № 6, пораженныя картечью, первая — на монмартрскомъ бульварѣ, двѣ другія — на бульварѣ С-Дени, упали, но были еще живы. Пытался подняться, онъ сдѣлался мишенью для солдатъ, которые покатывались со смѣху, цѣлясь въ нихъ, и на этотъ разъ онъ уже упалъ мертвымъ. Были блистательные воннскіе подвиги. Такъ, напр.: въ улицѣ Мира, полковникъ Рошфоръ — вѣроятно получившій за это генерала —

командуя уланскимъ полкомъ, ударилъ на нянекъ, шедшихъ съ дѣтьми, и разбилъ ихъ на голову.

Такова была эта невообразимая экспедиція. Всѣ люди, участвовавшіе въ ней, дѣйствовали подъ вліяніемъ темныхъ силъ. У каждаго было что-то подтапливавшее его. Эрбиньонъ имѣлъ позади себя Заатчу; С-Арно—Кабилію; Рено—дѣло при деревняхъ Сент-Андре и Сент-Ипполитъ; Эспинасъ—Римъ и приступъ 30-го іюня; Маньянъ—свои долги.

Нужно ли продолжать? Колеблешься. Докторъ Пике, семидесятилѣтній старикъ, былъ убитъ въ своей гостиной, пулей въ животъ; художникъ Жюливаръ передъ своимъ мольбертомъ, пулей въ лобъ. Мозгъ его забрызгалъ его картину. Англійскій капитанъ Уильямъ Джессъ избѣжалъ пули, пробившей потолокъ надъ его головой. Въ книжной лавкѣ, сосѣдней съ магазинами подъ фирмой Prophète, отецъ, мать и двѣ дочери были изрублены саблями; другого книгопродавца, Лефолеля, разстрѣляли въ его магазинѣ, на бульварѣ Пуассоньеръ. Въ улицѣ Лепельтье, аптекаря Боше, сидѣвшаго за своей конторкой, закололи уланы. Одинъ капитанъ, уничтожая передъ собой все, взялъ приступомъ домъ «du Grand Balcon». Въ музыкальномъ магазинѣ Брандиса былъ убитъ слуга; и Рейбель, сквозь дождь картечи, говорилъ Саксу: «я тоже за музыку принялся». Кафе Леблонъ разграбили. Въ домѣ Билькока было пущено столько ядеръ, что на другой день оказалось нужнымъ приставить къ нему подпорки. Передъ домомъ Жувена лежала куча труповъ; и между прочимъ, какой-то старикъ съ зонтикомъ и молодой человѣкъ съ лорнетомъ. Hôtel de Castille, Maison-Dorée, La petite Jeanette, Café de Paris, Café d'Anglettere, въ продолженіи трехъ часовъ, служили мишенью для пушекъ. Домъ Рамено былъ разрушенъ граватами. Ядра разрушили базаръ Monmartre.

Никому не удавалось уйти отъ смерти: ружья и пистолеты работали въ упоръ.

Это было не задолго до новаго года; и во многихъ лавкахъ были выставлены игрушки. Въ пассажѣ Сомонъ, тринадцатилѣтній ребенокъ, бѣжавшій отъ ружейныхъ выстрѣловъ, спрятался въ одной изъ такихъ лавокъ, подъ грудой игрушекъ. Его нашли и убили. Убийцы со смѣхомъ повертывали свои сабли въ его ранахъ. Одна женщина говорила мнѣ: «по всему пассажи разносились крики бѣднякаго малютки». Четыре человѣка были разстрѣяны передъ той же лавкой. Офицеръ говорилъ мнѣ: «это васъ научить шлаться!» Пятый, по имени Мальгре, котораго сочли мертвымъ, получилъ одиннадцать ранъ и былъ на

другой день отнесетъ въ больницу Милосердія. Тамъ онъ и умеръ. Стрѣляли въ погребѣ сквозь отверстія.

Божевнигъ, по имени Муленъ, спрятавшійся въ одинъ изъ такихъ погребовъ, видѣлъ изъ окна погреба, какъ одинъ прохожій, раненый въ бедро, присѣлъ на мостовую: онъ прислонился спиной къ стѣнѣ и хрипѣлъ. Солдаты, услышавъ это хрипѣнье, приближались и добились раненаго штыками.

Одна бригада убивала прохожихъ на пространствѣ между Мадленой и Оперой. Другая—между Оперой и театромъ Gynpase, третья между бульваромъ Bonne Nouvelle и воротами С.-Дени. Послѣ того какъ 75-й полкъ овладѣлъ баррикадой у воротъ С.-Дени, борьбы больше не было, была только рѣзня; она шла отъ бульвара по всѣмъ окружающимъ улицамъ, «лучами» (ужасное, но вѣрное выраженіе). Это былъ чудовищный спрутъ, вытѣгивавшій свои щупальцы. Бѣжать? Зачѣмъ? Спрятаться? Чтѣ проку? Смерть бѣжала за вами, быстрѣе васъ. Въ улицѣ Pagevin одинъ солдатъ сказалъ прохожему: «что вы тутъ дѣлаете?»—«Я возвращаюсь домой».—«Солдатъ убиваетъ прохожаго.» Въ улицѣ Марс убиваютъ четырехъ молодыхъ людей, у нихъ на дворѣ. Полковникъ Эспинасъ кричалъ: «*послѣ штыковъ—пушки!*» Полковникъ Рошфоръ кричалъ: «*Бей, коли, рубь!*» и прибавлялъ:—«*Это—экономія порогу, да и меньше шуму.*» Передъ магазиномъ Барбедіеннъ, одинъ офицеръ хвалился передъ товарищами своимъ оружіемъ. Онъ говорилъ: «*изъ этого ружья я отлично попадаю между глазъ.*» Потомъ онъ прицѣливался въ перваго встрѣчнаго и дѣйствительно попадалъ. Бойня была немстовая, френетическая. Между тѣмъ какъ на бульварѣ избивали народъ подъ начальствомъ Каррела, бригада Бургона свирѣпствовала въ Тамплѣ, а бригада Марюлаза—въ улицѣ Рамбюто. Дивизія Рено отличалась на лѣвомъ берегу. Рено былъ тотъ самый генералъ, который въ Маскарѣ подарилъ Шаррасу свои пистолеты. Въ 1848 г. онъ говорилъ Шаррасу. «Нужно распространить революцію по всей Европѣ». Шаррасъ отвѣчалъ ему: «Потише! не торопитесь Луи Бонапартъ, въ іюлѣ 1851 г., сдѣлалъ его дивизионнымъ генераломъ. Улица aux Ours въ особенности пострадала. Морни говорилъ вечеромъ Луи Бонапарту: «спасибо 15-му. Онъ очистилъ улицу aux Ours.»

На углу улицы du Sentier, офицеръ снаговъ, махая саблей, кричалъ: «*не то, не то! Вы ничего не смыслите. Стрѣляйте въ женщинъ.*» Одна женщина бѣжала. Она была беременна. Она падаетъ. Ей наносятъ ударъ прикладомъ, и она рождаетъ. Другая, растерянная, хочетъ скрыться за поворотомъ улицы. Она несетъ на рукахъ ребѣнка. Двое солдатъ прицѣливаются. Одинъ гово-

рять: «*ce assassin!*» и класть ее на мѣстѣ. Ребѣнок падаетъ на мостовую. Другой солдатъ говоритъ «*ce rebenna!*» и убиваетъ ребѣнка.

Человѣкъ, извѣстный въ наукѣ, докторъ Жермень Сее (Sée), рассказываетъ, что въ одномъ только домѣ, гдѣ помѣщаются ванны Жувансъ, въ шесть часовъ вечера, лежало на дворѣ надъ навѣсомъ, до восьмидесяти раненныхъ, почти все старики, женщины и дѣти. Докторъ Сее подалъ имъ первую помощь.

Въ улицѣ Mandar, говоритъ одинъ свидѣтель, тянулся длинный рядъ труповъ вплоть до улицы Neuve st. Eustache. Передъ домомъ Оде двадцать шесть труповъ. Тридцать—передъ отелемъ Монморанси. Передъ театромъ Variétés—пятьдесятъ два трупа; между ними одиннадцать женскихъ. Въ Улицѣ Grange Batelière три обнаженные трупа. Домъ № 19 въ Монмартрскомъ Предмѣстьѣ былъ наполненъ убитыми и ранеными.

Женщина, съ распущенными волосами, съ поднятыми къ небу руками, совсѣмъ обезумѣвшая, бѣжала по улицѣ Пуассоньеръ крича: «убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ!»

Солдаты бились объ закладъ: «Побьемся, что я уложу воть этого!» Такъ былъ убитъ возвращавшійся къ себѣ домой, въ улицу Мира, въ № 82, графъ Понинскій.

Я хотѣлъ лично узнать, въ чемъ дѣло. Въ нѣкоторыхъ фактахъ должно лично удостовѣриться для того, чтобъ сказать утвердительно, что они существовали. Я пошелъ на мѣсто убійства.

Въ эти минуты гнетущей тоски такъ много чувствуешь, что перестаешь думать, а если и думаешь, то какъ-то безсвязно. Желаетъ только скорѣе какого-нибудь конца. Смерть другихъ вселяетъ въ тебя такое отчаяніе, что является жажда собственной смерти.—Еслибы, умирая, на что-нибудь пригодиться, по крайней мѣрѣ. Начинаешь припоминать тѣхъ, чья смерть вызвала возстанія, мечь. Быть полезнымъ трупомъ—вотъ единственное честолюбіе, какое еще у тебя остается.

Я шелъ, погруженный въ мрачную задумчивость.

Я направлялся къ бульвару. Я видѣлъ тамъ адъ; я слышалъ громъ.

Мнѣ встрѣтился Жюль-Симонъ, который, въ эти ужасные дни, мужественно подвергалъ опасности драгоцѣнную жизнь. Онъ остановилъ меня. «Куда вы идете? сказалъ онъ мнѣ.—Васъ убьютъ. Чего вы хотите?»—«Именно этого», сказалъ я.

Мы пожали другъ другу руку.

Я пришелъ на бульваръ. Онъ представлялъ зрѣлище неизобразимое. Я видѣлъ это преступленіе, эту бойню, эту трагедію. Я видѣлъ эту слѣпую смерть, видѣлъ, какъ падали вокругъ ме-

ня толпой обезумѣвшія отъ ужаса жертвы. Вотъ почему я называлъ эту книгу показавіемъ *свидѣтеля*.

У судьбы есть свои намѣренія. Она таинственно охраняетъ будущаго историка. Она допускаетъ его вмѣшаться въ борьбу, присутствовать при истребленіи и рѣзни; но не дозволяетъ умереть, желая, чтобъ онъ рассказалъ о нихъ.

Переходя обстрѣливаемый картечью бульваръ, я увидѣлъ шедшаго мнѣ на встрѣчу Ксавье Дюррѣ. «А! вотъ и вы, сказали онъ мнѣ.—Я сейчасъ встрѣтилъ г-жу Д. Она васъ ищетъ!»

Г-жа Д. и г-жа Р., двѣ великодушныя женщины, общались больной и лежавшей въ постели женѣ моей узнать, гдѣ я нахожусь, и принести обо мнѣ извѣстіе. Г-жа Д. героически пустилась отыскивать меня въ этой бойнѣ. Съ нею случилось слѣдующее: на углу одной улицы она наткнулась на груды труповъ и имѣла мужество возмутиться. При вырвавшемся у нея крикѣ ужаса, за нею погнался всадникъ съ пистолетомъ въ рукѣ, и еслибъ ей не удалось быстро отворить одну дверь, въ которую она бросилась, она была бы убита.

Число погибшихъ въ этой ужасной бойнѣ осталось неизвѣстнымъ. Бонапартъ набросилъ на него покровъ тайны. Это—привычка избивающихъ; они не допускаютъ исторію подводить итогъ избіеннымъ. Одинъ изъ двухъ полковниковъ, о которыхъ было упомянуто на первыхъ страницахъ этого тома, утверждалъ, что только однимъ его полкомъ убито по крайней мѣрѣ 2,500 человекъ. Это приходилось бы болѣе одного человека на солдата. Намъ кажется, что этотъ ревностный полковникъ преувеличиваетъ. Преступленіе иногда хвастаетъ чернотой.

Леррѣ, писатель, котораго схватили для того, чтобы разстрѣлять, и который спасся какимъ-то чудомъ, говоритъ, что онъ видѣлъ болѣе восьмисотъ труповъ.

Около четырехъ часовъ, ночовныя кареты, стоявшія на дворѣ Елисейскаго Дворца, были отпращены. Это истребленіе, которое одинъ англійскій свидѣтель Уильямъ Джессъ называлъ нальбой «отъ веселаго сердца», длилась отъ двухъ до пяти часовъ. Въ продолженіе этихъ ужасныхъ трехъ часовъ, Луи Бонапартъ исполнилъ задуманное имъ, довершилъ свое дѣло. До этой минуты несчастная, маленькая буржуазная совѣсть была почти снисходительна. Ну, что за бѣда! Это—игра принца. фокусъ въ большихъ размѣрахъ, ничто въ родѣ государственнаго мошенничества. Слѣпники и способные говорили: «Славную штуку сыграли съ этими дураками» (съ нами). Вдругъ Луи Бонапартъ, которымъ овладѣло безпокойство, долженъ былъ разоблечь «всю свою политику». Скажите С. Арно, чтобъ онъ исполнилъ

мои приказанія. Сент-Арно повнцовался, переворотъ совершилъ то, что ему слѣдовало совершить по закону вещей, и съ этой страшной минуты, огромный ручей крови протекаетъ черезъ это преступленіе.

Трупы оставляли на мостовой, блѣдые, одѣненныя отъ испуга и съ вывороченными карманами. Солдатъ, исполняющій приказанія злодѣевъ, осужденъ на это мрачное crescendo: утромъ—убійца, вечеромъ—воръ.

Съ наступленіемъ ночи, въ Елисейскомъ Дворцѣ началось ликование. Эти люди торжествовали. Конно наввно разсказалъ эту сцену. Приближенные отдались безумному восторгу. Фіаленъ говорилъ Бонапарту: *ты*. «Отвыкните отъ этого», сказалъ ему вполголоса Вьельяръ. Дѣйствительно, эта бойня дѣлала Бонапарта императоромъ. Онъ теперь былъ «Величество». Пили, курили, какъ солдаты на бульварѣ, которые послѣ дня, проведеннаго въ убійствахъ, всю ночь пропьянствовали. Елисейцы были въ восхищеніи отъ удачи. Они удивлялись, приходили въ экстазъ. «Какая великолѣпная мысль озарила принца!» И какъ это было мастерски ведено. Это получше, чѣмъ бѣжать черезъ Діеншъ, подобно д'Оссе, или черезъ Мамброль подобно Гернонь-Ранвилю; или чѣмъ нарядиться лакеемъ и чистить башмаки г-жи Сенъ Фаржо, какъ это сдѣлалъ Полиньякъ. «Гизо былъ то же не искуснѣ Полиньяка!» вскричалъ Персиньи.—Флѣри обратился къ Морни: «Вашимъ доктринѣрамъ, я полагаю, не удалось бы сдѣлать переворота?»—«Это правда», отвѣчалъ тотъ.—Они на этотъ счетъ плохи... онъ прибавилъ:—и однакожъ Луи Филиппъ, Гизо, Тьеръ, всё это—умные люди...

Луи Бонапартъ, вынувъ изъ рта сигару, прервалъ:—Если это—умные люди, то я предпочитаю быть дуракомъ...

— Дикимъ звѣремъ, поправляетъ исторія.

XVII.

Свиданіе, назначенное рабочимъ ассоціациямъ.

Что дѣлалъ нашъ комитетъ, во время этихъ трагическихъ событій? Необходимо сказать объ этомъ.

Возвратимся за нѣсколько часовъ назадъ.

Въ ту минуту, какъ началась бойня, комитетъ засѣдалъ еще въ улицѣ Ришельё: я только-что посѣтилъ нѣкоторые возставшіе кварталы и давалъ своимъ сотоварищамъ отчетъ о своей поѣздкѣ.

Мадье де-Монжо, также возвратившійся съ баррикады, въ свой чередъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ самъ. Мы слышали съ нѣко-раго времени страшную пальбу, и очень близкую, которая пере-ремѣшивалась съ нашими голосами. Вдругъ пришелъ Версиньи. Онъ сообщилъ намъ, что на бульварѣ происходитъ нѣчто ужас-ное—что нельзя еще знать въ чемъ дѣло, но что стрѣляютъ кар-течью и ядрами и вся мостовая усыпана трупами; что, по всей вѣроятности это—рѣзня, нѣчто въ родѣ варооломеевской ночи, импровизированной переворотомъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ обыскиваютъ дома и всѣхъ убиваютъ. Убийцы ходятъ изъ дома въ домъ и приближаются къ намъ. Онъ убѣждалъ насъ тотчасъ же оставить домъ Гревь. Ясно, что комитетъ возстанія былъ бы находкой для ихъ штывовъ. Мы рѣшились уйти. Человѣкъ высокаго характера и талантливый, г. Дюпонъ-Витъ, предложилъ намъ убѣжище у себя, въ улицѣ Монтаборъ, № 11. Мы прошли черезъ черную лѣстницу, выходящую въ улицу Фонтенъ-Мо-льеръ, но не слѣша и по двое: Мадье де-Монжо съ Версиньи, Мишель де-Буржъ съ Карно, я шелъ подъ руку съ Жюль-Фав-ромъ. Жюль-Фавръ, всегда мужественный и улыбающійся, по-вязалъ себѣ ротъ фуляромъ и сказалъ мнѣ:—«пускай меня раз-стрѣливаютъ, но кашля я не хочу нажать».

Мы достигли съ Жюль-Фавромъ улицы Saint Roch, навод-ненной толпой прохожихъ, которые, возвращаясь со стороны буль-варовъ, скорѣй бѣжали въ испугѣ, нежели шли. Мужчины гово-рили громко, женщины кричали. Слышались пушечные выстрѣ-лы и трескъ картечи. Всѣ лавки запирались. Де-Фаллу, подъ руку съ Альберомъ Рессегье, большими шагами шли по направленію къ улицѣ Сент-Оноре.

Вся улица Сент-Оноре была въ смятеніи. Люди сновали туда и сюда, останавливались, бѣжали, спрашивали другъ друга. Купцы, стоя у своихъ пріотворенныхъ дверей, обращались къ прохожимъ съ вопросами и слышали только крикъ: «О, Боже, Боже!» Жители выходили изъ своихъ домовъ съ открытой голо-вой и примѣшивались къ толпѣ. Шелъ мелкій дождь. Ни одного экипажа на улицѣ.

При поворотѣ изъ улицы Saint-Roch въ улицу Сент-Оноре, мы услышали за собой голоса, говорившіе: Викторъ Гюго убитъ.— «Пока еще нѣтъ», сказалъ Жюль-Фавръ, продолжая улыбаться и сжавъ мнѣ локоть. Наканунѣ говорили тоже самое Эскиросу и Мадье де-Монжо. И этотъ слухъ, пріятный людямъ реакціи, дошелъ до моихъ сыновей, сидѣвшихъ въ Консьержерн.

Толпы прохожихъ, отгѣсненныхъ отъ бульваровъ и улицы Ри-шельё, направлялись въ улицу Мира. Мы узнали нѣсколькихъ

представителей правой, за два дня передъ тѣмъ арестованныхъ и уже вынужденныхъ. Г. Бюффе, бывший министръ г. Бонапарта, въ сопровожденіи многихъ другихъ членовъ правой, шелъ къ Пале-Руайялю. Проходя мимо насъ, онъ съ проклятіемъ пронзосилъ имя Луи Бонапарта. Г. Бюффе—человѣкъ не безъ значенія. Это одинъ изъ трехъ руководителей правой, остальные два—Фулльдь и Моле.

Въ улицѣ Монтаборъ, въ двухъ шагахъ отъ улицы Сент-Оноре—тишина и молчаніе. Ни одного прохожаго, ни одной отворенной двери, ни одной головы въ окнахъ.

Въ комнатѣ третьяго этажа, куда насъ ввели, спокойствіе было не менѣе полное. Окна ея выходили на внутренней дворъ. Пять или шесть креселъ, обитыхъ краснымъ, были расставлены вокругъ камина. На столѣ лежало нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ къ области права и политической экономіи. Представители, шумно вошедшіе почти вслѣдъ за нами, бросали въ уголь этой мирной гостиной, какъ попало, свои зонтики и плащи, по которымъ струилась вода. Никто не зналъ въ точности, что происходило; каждый выражалъ свои предположенія.

Едва комитетъ успѣлъ размѣститься въ сосѣдней съ гостиной комнатѣ, какъ намъ сообщили о приходѣ нашего стараго товарища Леблон. Онъ привелъ съ собой Книга, делегата отъ рабочихъ ассоціацій. Делегатъ сказавъ намъ, что комитеты ассоціацій, собравшіеся въ непрерывное засѣданіе, прислали его къ намъ. Согласно инструкціямъ комитета восстанія, они дѣлали все, что могли, для того чтобы затянуть борьбу, избѣгая слишкомъ рѣшительныхъ столкновеній. Главная часть ассоціацій еще не выступала. Но дѣйствіе, однакожь, обозначается. Бой впродолженіе всего утра былъ очень жаркій. «Общество Правъ Человѣка» было на улицѣ. Бывшій конституціоналистъ Белъ собралъ въ пассажѣ du Saige, отъ шести до семи сотъ рабочихъ изъ Марэ и велѣлъ имъ занять позицію вокругъ банка. Вечеромъ будутъ воздвигнуты, по всей вѣроятности, новые баррикады; сопротивленіе ускоряетъ свою дѣятельность; и стычка, которую комитетъ желалъ отдалить по возможности, казалась неизбежной. Все неудержимо стремится впередъ. Слѣдовать ли за этимъ движеніемъ, или остановить его? Попытаться ли кончить однимъ ударомъ, который будетъ послѣднимъ и, очевидно, положить на мѣстѣ или имперію, или республику? Рабочія ассоціаціи требовали нашихъ инструкцій; онъ еще все удерживаютъ въ резервѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ бойцовъ и могутъ, смотря потому какое приказаніе получаютъ отъ комитета, продолжать ихъ удерживать, или тотчасъ же послать ихъ въ огонь. Они

ручаются за своих единомышленниковъ и поступать такъ, какъ рѣшить комитетъ; хотя не скрываютъ отъ насъ, что рабочіе желали бы немедленной битвы и что дать имъ успокоиться едва ли будетъ полезно.

Большинство членовъ комитета, по прежнему, склонялось къ нѣкоторой медлительности дѣйствій, имѣвшей цѣлью затянуть борьбу; и трудно было не согласиться съ этимъ. Ясно было, что, если можно продлить до слѣдующей недѣли то положеніе, въ которое Парижъ поставимъ переворотомъ, то Луи-Бонапартъ погибъ. Парижъ не дастъ войску поиграть его ногами въ теченіи восьми дней. Но что касается до меня лично, то у меня являлось слѣдующее соображеніе: рабочія ассоціаціи предлагали намъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ бойцовъ: помощь значительная. Работникъ плохо понимаетъ стратегію. Онъ живетъ энтузіазмомъ; промедленія сбиваютъ его съ толку. Его пылъ не гаснетъ, но охлаждается. Сегодня три тысячи; будетъ ли завтра пять сотъ? И потомъ что-то важное произошло на бульварахъ. Что именно—мы все еще не знали. Къ какимъ результатамъ это поведетъ—мы не могли угадать. Но мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы этотъ фактъ, хотя еще неизвѣстный, но, во всякомъ случаѣ, кровавый, не измѣнилъ положенія, а слѣдовательно, и нашего плана дѣйствій. Я сталъ говорить въ этомъ смыслѣ. Я объявилъ, что нужно было принять предложеніе ассоціацій и тотчасъ же ввести ихъ въ борьбу. Я прибавилъ, что революціонная война часто требуетъ внезапныхъ перемѣнъ тактики. Генералъ, въ открытомъ полѣ, можетъ дѣйствовать какъ онъ хочетъ. Вокругъ него свѣтло. Онъ знаетъ наличный составъ войска, число своихъ солдатъ, цифру своихъ полковъ; столько-то людей, столько-то лошадей, столько-то пушекъ; онъ знаетъ свою силу и силу непріятеля; онъ выбираетъ часъ и мѣсто, у него передъ глазами карта, онъ видитъ что дѣлаетъ.

Онъ спокоенъ на счетъ своего резерва, который никуда не уйдетъ отъ него, который всегда у него подъ рукой. Онъ можетъ употребить его въ дѣло, когда захочетъ. «Но мы, вскричалъ я:—мы находимся въ области неопредѣленнаго, неуловимаго. Мы идемъ на рискъ, мы во власти случайностей. Кто противъ насъ—мы видимъ. Но кто за насъ—мы не знаемъ. Сколько солдатъ? Сколько ружей? Сколько патроновъ? Ничего! и мракъ. Можетъ быть, весь народъ, можетъ быть—никто. Беречь резервъ! Но кто намъ отвѣчаетъ за этотъ резервъ? Сегодня это—армія, завтра—горсть пыли. Мы видимъ ясно одно—нашъ долгъ; что касается до всего остальнаго—темная ночь. Мы даемъ слѣпую битву. Будемъ наносить всѣ удары, какіе возможно наносить; пойдемъ

прямо на встрѣчу случаю; ринемся въ опасность и будемъ вѣрять, потому что мы—законъ, мы—справедливость! Богъ долженъ быть съ нами—въ этомъ мракѣ. Примемъ эту гордую и злополучную роль—безоружнаго и борющагося права!»

Лебланъ и Кингъ, спрошенные комитетомъ, применили къ моему мнѣнію. Комитетъ рѣшилъ, что ассоціаціи будутъ приглашены, отъ нашего имени, немедленно собрать всѣ свои силы и вывести ихъ на улицу. «Но мы ничего не оставляемъ на завтрашній день! возразилъ одинъ изъ членовъ комитета.—Какой союзникъ будетъ у насъ завтра?»—«Побѣда!» сказалъ Жюль Фавръ.—Карно и Мишель де-Буржъ замѣтили, что было бы не бесполезно членамъ ассоціацій, принадлежавшимъ къ національной гвардіи, надѣть свои мундиры.—Такъ и условились..

Делегатъ Кингъ всталъ. «Граждане представители! сказалъ онъ намъ:—Привезанія будутъ немедленно отданы. Наши друзья готовы. Черезъ нѣсколько часовъ они соберутся. Въ эту ночь—баррикады и битва!»

Я спросилъ его: «Не признаете ли вы полезнымъ, чтобы кто нибудь изъ представителей, членъ комитета, нынѣшней ночью находился посреди васъ, въ своемъ шарфѣ?»

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.

— Я готовъ идти съ вами. Возьмите меня, сказалъ я.

— Мы пойдемъ всѣ! вскричалъ Жюль Фавръ.

Делегатъ замѣтилъ, что достаточно, если одинъ изъ насъ будетъ присутствовать при выступленіи ассоціацій, и что потомъ дадутъ знать остальнымъ членамъ комитета, которые могутъ присоединиться къ нему.

Мы условились, что, когда пункты сбора и мѣсто свиданія будутъ назначены, онъ пришлетъ кого нибудь увѣдомить меня и проводить къ ассоціаціямъ.—Не пройдетъ часа, какъ вы получите отъ меня новѣстіе, сказалъ онъ мнѣ, оставляя насъ.

Въ ту минуту, какъ делегаты уходили, пришелъ Матьё (изъ департамента Дромы). Онъ остановился на порогѣ, блѣдный, и закричалъ намъ: «Вы болѣе не въ Парижѣ; у васъ болѣе не республика—вы въ Неаполѣ! у короля Бомбы!»

Онъ явился съ бульваровъ.

Позже я снова увидѣлся съ Матьё и сказалъ ему:

— Хуже, чѣмъ Бомба—Сатана!

XVIII.

КОНСТАТИРОВАНИЕ ПРАВСТВЕННЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Въ боиѣ на Монмартрскомъ Бульварѣ заключается оригинальность переворота. Безъ этой боиѣ 2-е декабря было бы только повтореніемъ 18-го Брюмера. Луи-Бонапартъ посредствомъ убійствъ избѣжалъ плагиата.

До сихъ поръ онъ только копировалъ. Его булонскія продѣлки, маленькая трехугольная шляпа, сѣрый сюртукъ, прирученный орелъ казались только карриатурой. Всѣ говорили: что это за пародія? Онъ смѣшился. Вдругъ онъ заставилъ дрожать.

Гнусное—это выходъ изъ смѣшного.

Онъ довелъ гнусность до злодѣянія.

Онъ завидовалъ громадности нѣкоторыхъ преступленій и захотѣлъ сравняться съ худшими изъ злодѣевъ. Эти усилія навести ужасъ отводить ему особое мѣсто въ звѣриницѣ тирановъ. Мошенничество, стремящееся достигъ размѣровъ злодѣянія, маленькій Неронъ, надувающийся въ огромнаго Ласенера—вотъ въ чемъ феноменальность явленія. Искусство для искусства, убійство для убійства.

Луи Бонапартъ создалъ жанръ.

Такъ дебютировалъ Луи Бонапартъ въ неожиданномъ. Это его изобличило.

Мозгъ нѣкоторыхъ людей — бездна. Очевидно, что мысль достигъ трона путемъ убійства давно жила въ головѣ Бонапарта. Предумышленность посѣщаетъ преступниковъ: съ этого начинается злодѣяніе. Преступленіе долго живетъ въ нихъ, но колеблющееся, смутное, почти бессознательное. Душа чернѣетъ не вдругъ, медленно. Такія гнусныя дѣла не импровизируются; они не съ разу достигаютъ до своего совершенства. Они растутъ и зрѣютъ, неопредѣленные, безформенныя, до удобной минуты. Я настаиваю, что мысль достигъ трона посредствомъ рѣзня давно гнѣздилась въ умѣ Бонапарта. Она не была противна этой душѣ; она какъ рыба въ аквариумѣ, двигалась въ ней, въ полумракѣ, среди сомнѣній, хищническихъ наклонностей, туманныхъ мечтаній о какомъ-то социалистскомъ цезаризмѣ; онъ едва зналъ, что эта безобразная мысль живетъ въ немъ. Когда она ему понадобилась, онъ нашелъ ее, во всеоружіи, готовой къ его услугамъ. Его мозгъ, эта мрачная бездна, втайнѣ питалъ ее. Въ безднахъ всегда обитають чудовища.

До этого страшнаго дня, 4-го декабря, Луи Бонапартъ, можетъ быть, и самъ не вполне зналъ себя. Люди, изучавшіе это необыкновенное животное, не считали его кровожаднымъ: въ немъ видѣли какую-то помѣсь мошенническихъ способностей съ властолюбивыми мыслями; существо, которое даже и въ коронѣ останется мошенникомъ, даже совершивъ отцеубійство, заставитъ воскликнуть: какое мошенничество! и которое не въ состояніи удержатся ни на какой вершинѣ, даже на вершинѣ позора; всегда на подорогѣ, немножко повыше мелкихъ плутовъ, немножко пониже крупныхъ злодѣевъ. Его считали способнымъ продѣлывать все, что дѣлается въ вертемахъ и игорныхъ домахъ; но только при тѣхъ условіяхъ, что онъ будетъ плутовать въ вертепѣ и рѣзать въ игорномъ домѣ.

Бульварная рѣзня вдругъ обнажила эту душу. Ее увидѣли такою, какою она есть. Забавныя прозвища *gros bec*, *Badinguet* исчезли. Увидали бандита; увидали настоящаго Контрафатто, спрятаннаго за лже-Бонапартомъ.

Всѣ содрогнулись. Такъ вотъ что было у этого чловека въ запасѣ.

Были попытки въ его восхваленію. Но эти попытки не могли имѣть успѣха. Хвалить Луи-Бонапарта очень легко, вѣдь хвалили же Дюпона; не смѣть съ него поворъ—эта операція будетъ нѣсколько посложнѣе.

Куда дѣвать 4-е декабря? Какъ выпутаться изъ этого? Оправдывать затруднительнѣе, чѣмъ прославлять; губка работаетъ не съ такою легкостью, какъ кадило. Панегристы переворота потратили даромъ трудъ свой. Сама Ж. Зандъ — хотя и великая душа—сдѣлала прискорбную попытку реабилитировать эту личность. Но что ни дѣлай, а цифра убитыхъ, всё-таки, выступаетъ послѣ этого мытья.

Нѣтъ! Никакое смягченіе невозможно! Злополучный Бонапартъ! Что ты посѣлалъ, тѣ и долженъ показать.

Дѣло въ томъ, что 4-е декабря есть самый колоссальный ударъ цивилизаци, каковой когда-либо нанесенъ былъ разбойникомъ, вторгнувшимся въ цивилизацію, мы не говоримъ народу, но всему челоѣчеству. Ударъ былъ чудовищный и сразилъ Парижъ. А сраженный Парижъ, это — совѣсть, разумъ и вся челоѣческая свобода, это — результаты прогресса цѣлыхъ столѣтій повернутые во вракъ. Это—свѣточъ истины, справедливости, жизни, опрокинутый и потушенный. Вотъ что совершилъ Бонапартъ, въ тотъ день, какъ совершилъ свое преступленіе.

Успѣхъ злодѣя былъ полный. 2-е декабря погибало; 4-е декабря спасло его. Это было нѣчто въ родѣ Герострата, спасаю-

цаго Гуду. Парижъ понималъ, что еще не всѣ ужасы были исчерпаны, что, кромѣ притѣснителей, бываютъ убійцы. Вотъ что значить мошенникъ, укравшій мантию Цезаря. Положимъ, что этотъ человѣкъ былъ ничтоженъ, но онъ былъ и страшенъ. Парижъ подчинился этому страху, отказался отъ послѣдняго слова, легъ и прикинулся мертвымъ. Преступленіе это не походило ни на какое другое. И кто, по прошествіи вѣковъ, будь то Эскиль или Тацитъ, приподыметъ крышку съ него, почувствуетъ смрадъ. Парижъ покорился. Парижъ отрѣсся; Парижъ отдался. Въ новизнѣ преступленія заключалась главная причина его успѣха. Парижъ почти пересталъ быть Парижемъ. На другой день можно было слышать во мракѣ, какъ этотъ титанъ щелкалъ зубами отъ страха.

Подтвердимъ... потому что нравственные законы должны быть констатированы, что Луи-Бонапартъ, даже послѣ 4-го декабря, остался Наполеономъ маленькимъ; даже эта громадность злодѣянія оставила его карликомъ. Размѣры преступленія не измѣняютъ роста преступника. Ничтожества убійцы не преодолеваетъ колоссальность убійства.

Какъ бы то ни было — пятней, однакоже, побѣдилъ колосса. Какъ ни унижительно это признаніе, но уклониться отъ него невозможно.

Вотъ до какого позора доведена великая обещанная исторія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

Побѣда.

I.

Событія ночи. Улица Тиветонъ.

Когда Матьё провознесилъ эти слова: «у васъ король Бомба», вошелъ Шарль Гамбонъ. Онъ опустился на стулъ и сказалъ: «это ужасно!» за нимъ слѣдовалъ Бансель: «Мы оттуда», прошепталъ онъ. Гамбону удалось укрыться гдѣ-то въ дверяхъ. Только передъ Varbedienne онъ насчиталъ 87 труповъ. Но что это значить? Съ какою цѣлью совершалось это звѣрское избиеніе всѣхъ безъ разбора? Никто не понималъ. Изъ бойни сбѣжали загадку.

Мы были въ пещерѣ сфинкса.

Пришелъ Лабруссъ. Необходимо было оставить домъ Дюпюэ-

Витта; его каждую минуту могли окружить. Улица Монтаборъ, обыкновенно пустынная, начала наполняться какими-то подозрительными личностями. Какіе-то люди внимательно наблюдаютъ за домомъ № 11. Нѣкоторые изъ этихъ личностей, какъ будто совѣщавшіяся между собой, принадлежали къ бывшему Клубу Клубовъ, въ который реакція, внесла нѣсколько полицейскій запахъ. Стѣдовало разойтись. Лабруссъ сказалъ намъ: «я видѣлъ, что около дома бродить Лонжпье.»

Мы растались. Всѣ вышли по одиночѣ, каждый пошелъ въ свою сторону. Мы не знали, гдѣ свидимся и свидимся ли, не знали, что будетъ и что ожидаетъ насъ? Мы дышали однимъ ужасомъ. Я отправился на бульвары, чтобъ посмотреть, что происходило тамъ.

Что тамъ происходило—я уже сказалъ.

Бансель и Версиньи пришли туда вслѣдъ за мной.

Когда я возвращался съ бульваровъ, смѣшавшись съ обезумѣвшей отъ страха толпой, не зная куда иду, направляясь къ центру Парижа, чей-то голосъ вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ:— «Есть нѣчто—что вы должны увидѣть». Я узналъ этотъ голосъ. Это былъ голосъ Э. П.

Э. П.—драматическій писатель, человекъ съ талантомъ, которого я, при Луи Филиппѣ, освободилъ отъ военной службы. Я не встрѣчалъ его лѣтъ пять или шесть. Онъ заговорилъ со мной такъ, какъ будто мы видѣлись только вчера. Таково свойство этихъ сумятицъ. Люди не имѣютъ возможности, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, соблюсти общепринятыхъ правилъ, и заговариваютъ такъ, какъ будто уже не сомнѣваются, что все гибнетъ и разрушается.

— Ахъ! это—вы, сказалъ я.—Что вамъ угодно?

Онъ отвѣчалъ: «Я живу здѣсь недалеко» и прибавилъ: «пойдемте».

Онъ увлекъ меня въ темную улицу. Въ глубинѣ ея слышались пушечные выстрѣлы, видѣлись развалины баррикады. Бансель и Версиньи, какъ я уже сказалъ, были со мной. Э. П. обратился въ нихъ.

— Эти господа могутъ идти съ нами.

Я спросилъ его: какая это улица?

— Улица Тиветонъ. Пойдемте.

Мы последовали за нимъ. Я уже рассказалъ въ другомъ мѣстѣ эту трагическую исторію. (Les Châtiments).

Э. П. остановился передъ высокимъ и темнымъ домомъ. Онъ толкнулъ дверь, которая была не заперта, потомъ другую дверь,

и мы вошли въ комнату нижняго этажа, гдѣ была тишина и горѣла лампа.

Эта комната, казалось, примыкала къ лавкѣ. Въ глубинѣ ея видѣлись двѣ кровати, одна подлѣ другой, большая и маленькая. Надъ маленькой кроватью висѣлъ женскій портретъ и за портретомъ была заткнута освѣщенная вѣтка. Лампа стояла на каминѣ, который топился.

У каминна, на стулѣ сидѣла старуха, сгорбленная, какъ будто надломленная и согнутая пополамъ, наклонившись надъ тѣмъ-то, что она держала въ рукахъ, но чего нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ. Я подошелъ къ ней. То, что она держала, былъ мертвый ребеночекъ. Бѣдная женщина тихо плакала. Э. П., который былъ здѣсь домашнимъ человѣкомъ, прикоснулся къ ея плечу и сказалъ: — покажите.

Старуха подняла голову, и я увидѣлъ у ней на колѣняхъ маленькаго мальчишка, блѣднаго, полураздѣтаго, съ двумя кровавыми ранами на лбу.

Старуха посмотрѣла на меня, но я понялъ, что она меня не видитъ. Она пробормотала, разговаривая сама съ собой:

— И какъ подумаешь, что нынче утромъ онъ называлъ меня «моя милая мама!»

Э. П. взялъ руку ребенка. Это рука тяжело упала.

— Семь лѣтъ, сказалъ онъ мѣ.

На полу стояла ладанъ съ водой. Ребенку омывли личико. Двѣ струи крови текли изъ его ранъ.

Въ глубинѣ комнаты, подлѣ отвореннаго шкафа, гдѣ видѣлось бѣлье, стояла женщина лѣтъ сорока, серьезная, бѣдная, чисто одѣтая, довольно красивая!

— Сосѣдка, сказалъ мнѣ Э. П.

Онъ объяснилъ мнѣ, что въ домѣ былъ докторъ, что онъ приходилъ сюда и сказалъ: «Ничего нельзя сдѣлать». Двѣ пули попали ребенку въ голову, когда онъ перебѣгалъ улицу, «спасаясь». Его понесли къ его бабушкѣ, у которой «онъ только одинъ и былъ на свѣтѣ».

Надъ маленькой постелью висѣлъ портретъ покойной матери ребенка.

Малютка лежалъ съ полуоткрытыми глазами, съ тѣмъ неизменно-разнымъ взглядомъ мертвецовъ, въ которомъ сознание действительности смѣнилось созерцаніемъ безконечнаго. Старуха, сдерживая рыданія, приговаривала по временамъ:

— Охъ! Господи, Господи! Можно ли представить себѣ такой ужасъ! Вотъ изверги!

Она вдругъ вскричала:

Т. ССКХХVIII. — Отд. I

— Такъ это-то правительство?

— Да, сказалъ я.

Мы раздѣли ребенка. Въ карманѣ у него былъ волчокъ. Голова его качалась то въ ту, то въ другую сторону. Я поддерживалъ ее и поцѣловалъ его въ лобъ. Версинья и Бансель сняли съ него чулки. Бабушка вдругъ встрепенулась: «осторожнѣй, чтобъ ему не было больно...»

Она взяла въ свои старыя руки его холодныя, бѣлыя ножки, стараясь отогрѣть ихъ.

Когда это маленькое, бѣдное тѣло совсѣмъ обнажили, надо было позаботиться о похоронахъ. Изъ шкафа вынули простыню.

Тогда бабушка разразилась страшными рыданіями.

Она вскричала: «Я кочу, чтобъ мнѣ его отдать!»

Она выпрямилась, посмотрѣла на него и стала произносить безсмысленныя, дикія рѣчи, гдѣ упоминала и Бонапарта, и Бога, и своего малютку, и школу, куда онъ ходилъ, и дочь, которой она лишилась; упрекала и насъ. Побагровѣвшая, съ неподвижнымъ взглядомъ и словно во снѣ, она болѣе походила на призракъ, нежели ея мертвый ребенокъ.

Она схватилась за голову, потомъ обняла своего ребенка и опять начала рыдать.

Женщина, находившаяся тутъ, подошла ко мнѣ и молча стерла мнѣ ротъ платкомъ. На губахъ моихъ была кровь.

Увы! Чтò было дѣлать? Мы вышли съ тяжелымъ чувствомъ.

Было совсѣмъ темно. Бансель и Версинья разстались со мной.

II.

Событія ночи. Кварталь Ринка.

Я возвратился въ свое убѣжище, въ улицу Ринальда, № 19.

Бойня, казалось, прекратилась. Не слышать было болѣе ружейной пальбы.

Я уже хотѣлъ постучаться въ дверь, какъ вдругъ остановился въ колебаніи. Я увидѣлъ человѣка, который, казалось, кого-то ждалъ. Я прямо подошелъ къ нему и спросилъ: «Вы ждете кого-нибудь?»

Онъ отвѣчалъ: Да.

— Кого?

— Васъ. И онъ прибавилъ, понизивъ голосъ:—Мнѣ надо поговорить съ вами.

Я посмотрѣлъ на этого человѣка. Фонарь освѣщаль его. Онъ не избѣгалъ его свѣта.

Это былъ молодой человѣкъ, съ русой бородой, въ синей блузѣ; у него былъ кроткій взглядъ мыслителя и сильныя руки рабочаго.

— Кто вы такой? спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ: Я изъ ассоціаціи формовщиковъ. Я васъ хорошо знаю, г. Викторъ Гюго.

— Отъ кого вы пришли?

— Отъ гражданина Кинга.

— Хорошо, отвѣчалъ я.

Тогда онъ сказалъ мнѣ свое имя. Такъ какъ онъ пережилъ событія этой ночи 4-го декабря, и до сихъ поръ избѣгалъ доносцовъ, то понятно, что мы не можемъ назвать его по имени и въ продолженіи нашего разсказа будемъ называть его просто формовщикомъ.¹

— Чтò вы мнѣ скажете? спросилъ я его.

Онъ объяснилъ мнѣ, что еще не вся надежда потеряна. Что онъ и его друзья думаютъ продолжать сопротивленіе, что сборные пункты ассоціаціи еще не назначены, но будутъ назначены въ теченіи вечера; что мое присутствіе было бы очень желательно и что, если я захочу прійти около девяти часовъ подъ арку Кольбера, то онъ или кто нибудь другой изъ его товарищей будетъ находиться тамъ и проводить меня. Мы условились, что ко мнѣ подойдутъ и скажутъ: «Чтò дѣлаетъ Жозефъ?»

Не знаю, показалось ли ему, что я колеблюсь и не совсѣмъ ему довѣраю, но онъ вдругъ прибавилъ:

— Впрочемъ, конечно, вы не обязаны мнѣ вѣрить. Всего вдругъ не придумаешь; мнѣ бы слѣдовало взять записку къ вамъ. Въ такія минуты во всѣмъ относишься подозрительно.

— Напротивъ, возразилъ я—всѣмъ довѣряешься. Въ девять часовъ, я буду подъ аркой Кольбера. И я расстался съ нимъ.

Я возвратился въ свой пріютъ. Я былъ утомленъ и голоденъ и прибѣгнувъ къ шоколаду, полученному отъ Шармоля, и къ хлѣбу, который еще у меня оставался. Я опустился въ кресло, поѣлъ и заснулъ. Бываютъ мрачныя сны. Мнѣ приснился именно такой, полный призраковъ. Я видѣлъ мертваго ребѣнка, съ его двумя кровавыми ранами, изъ которыхъ образовалось два рта: одинъ говорилъ: *Морни*, другой—*С. Арно*. Но исторія пишется

¹ Теперь, послѣ 28 лѣтъ, можно назвать этого честнаго и мужественнаго человѣка. Его имя Галуа. (Оно пишется Galou, а не Galloix, какъ писали нѣкоторые историографы переворота, рассказывавшіе эти событія по своему).

не для того, чтобъ разсказывать сны. Буду кратокъ. Я вдругъ вскочилъ. Меня точно кто нибудь толкнулъ. «Лишь бы не было болѣе девяти часовъ!» Я забылъ завести часы свои. Они остановились. Я поспѣшно вышелъ. Улица была пуста; лавки были заперты. На площади Лувра прѣбывали часы, вѣроятно, въ церкви St. Roch. Я сталъ считать и насчиталъ девять ударовъ. Два шага, и я очутился подъ аркой Кольбера. Я присматривался въ темнотѣ. Никого подъ аркой.

Я чувствовалъ, что нельзя было оставаться тутъ, съ видомъ человѣка, который кого-то ждетъ. По близости отъ арки Кольбера находился полицейскій постъ и каждую минуту обходили патрули. Я пошелъ вдоль улицы и никого не встрѣтилъ. Я достигъ улицы Вивьеннѣ. На углу ея стоялъ какой-то человѣкъ, старавшійся сорвать со стѣны афишу. Я приблизился къ этому человѣку, который принялъ меня, вѣроятно, за полицейскаго и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Я повернулъ назадъ. У арки Кольбера, когда я поравнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наклеиваютъ театральныя афиши, мимо меня прошелъ работникъ.

— Что дѣлаетъ Жозефъ?

Я узналъ формовщика.

— Идемте, сказалъ онъ мнѣ.

Мы отправились въ путь, не говоря другъ съ другомъ и не подавая виду, что мы знакомы. Онъ пошелъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня—впереди. Мы сначала пошли по двумъ адресамъ, которыхъ я не могу назвать здѣсь, потому что это значило бы указывать преслѣдователямъ новыя жертвы. Въ обоихъ этихъ домахъ—ничего, никакой вѣсти. Никто не явился отъ имени ассоціаціи.

— Пойдемте въ третье мѣсто, сказалъ мнѣ формовщикъ; и онъ объяснилъ мнѣ, что они назначили свиданіе въ трехъ мѣстахъ, для того чтобы имѣть возможность встрѣтиться, еслибы даже полиціи сдѣлались извѣстны два первые адреса; предосторожность, которую и мы, съ своей стороны, принимали часто, во время сходовъ лѣвой и комитета.

Мы находились въ кварталѣ Рынка. Тамъ весь день дрались. На улицахъ не было уже фонарей. Мы останавливались по временамъ, прислушиваясь, чтобъ не наткнуться на патруль. Мы перелѣзли черезъ досчатый, почти разрушенный заборъ, безъ сомнѣнія, послужившій матеріаломъ для баррикады, и миновали постройки, которые загромождена была въ то время нижняя часть улицъ Монмартрской и Мантергейльской. На высокихъ отбѣнахъ домовъ видѣлся красноватый свѣтъ, вѣроятно, отраженіе

блвучныхъ огней войска, расположеннаго въ рыночномъ кварталѣ и около St.-Eustache. Этотъ отблескъ свѣтилъ намъ. Однако же, формовщикъ едва не упалъ въ яму, которая была не что иное, какъ погребъ сломаннаго дома. Выбравшись изъ этихъ развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались деревья — остатки старыхъ, исчезнувшихъ садовъ — мы очутились въ узкихъ, извилистыхъ, совершенно темныхъ улицахъ, гдѣ невозможно было узнать другъ друга. Но формовщикъ шелъ свободно, какъ днемъ и какъ человекъ, прямо идущій къ цѣли. Разъ онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ.

— Весь кварталъ въ баррикадахъ, и, если наши пойдутъ, какъ я надѣюсь, то отвѣчаю вамъ, что они здѣсь продержатся долго.

Вдругъ онъ остановился. — «Вотъ одна», сказалъ онъ. Дѣйствительно, передъ нами, въ семи или восьми шагахъ, баррикада, вся изъ булыжника, не превышавшая человѣческаго роста, предстала во мракѣ, точно полуразрушенная стѣна. Въ одномъ концѣ ея устроенъ былъ узкій проходъ. Мы перебрались черезъ нее; позади баррикады не было никого.

— Здѣсь уже дрались сегодня, сказалъ мнѣ вполголоса формовщикъ и, помолчавъ, прибавилъ: — мы приближаемся.

На мостовой, вслѣдствіе вырытыхъ камней, образовались ямы, которыхъ надо было избѣгать. Мы шагали черезъ нихъ, а иногда даже перескакивали съ камня на камень. Какъ бы ни была темна ночь, но въ ней всегда есть отсвѣтъ. Продолжая идти впередъ, мы вдругъ увидали на землѣ, подлѣ тротуара, что-то, имѣвшее длинную форму. «Чортъ возьми, пробормоталъ мой проводникъ: — мы чуть-чуть не наступили на это». Онъ вынулъ изъ кармана восковую свичку, шаркнулъ ею объ рукавъ свой, свичка вспыхнула. Свѣтъ упалъ на блѣдное лицо, которое смотрѣло на насъ неподвижными глазами. Это лежалъ трупъ, трупъ старика. Формовщикъ, быстро проведя свичкой отъ головы до ногъ, освѣтилъ всю фигуру.

Мертвый лежалъ почти въ положеніи распятаго человека. Обѣ руки его были распростерты, волосы, съ окрашенными кровью концами, лежали въ грязи. Подъ нимъ была лужа крови. Широкое черноватое отверстіе на жилетѣ показывало мѣсто, гдѣ пуля ударила въ грудь; одна подтяжка разстегнулась; на ногахъ были грубые зашнурованные башмаки. Формовщикъ приподнял одну руку старика и сказалъ: ключица сломана. Отъ этого движенія, голова трупа съ открытымъ ртомъ повернулась къ намъ, какъ будто хотѣла заговорить съ нами. Я смотрѣлъ на это видѣніе, а почти слушалъ... Вдругъ оно исчезло.

Спичка погасла, и облик мертвеца опять погрузился во мракъ...

Мы удалились въ молчаніи; сдѣлавъ еще шаговъ двадцать, формовщикъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой, произнесъ въ полголоса: «не знаю кто это».

Мы все подвигались впередъ. Отъ погребовъ до крышъ, отъ подваловъ до чердаковъ — нигдѣ ни одного огонька въ домахъ. Казалось, мы блуждаемъ въ какой-то огромной могилѣ.

Вдругъ въ этомъ мракѣ раздался твердый, звучный, мужественный голосъ и крикнулъ намъ: кто идетъ?

— А! вотъ они! сказали формовщикъ и сталъ свистать особеннымъ образомъ.

— Идите, прозвучалъ голосъ.

Это была опять баррикада. Она была нѣсколько выше первой и находилась отъ нея въ ста шагахъ, построенная, насколько я могъ различить, изъ бочекъ, наполненныхъ булыжникомъ. На самомъ верху ея виднѣлись колеса телеги, заваленной бочками. Между всѣмъ этимъ попадались также бревна и доски. Проходъ, оставленный на этой баррикадѣ, былъ еще уже нежели на предъидущей.

— Сколько васъ тутъ, граждане? спросилъ формовщикъ, входя на баррикаду.

Голосъ оживившій насъ отвѣчалъ:

— Двое.

— Какъ? только?

— Только.

Ихъ, дѣйствительно, было двое; и въ двоимъ-то они, въ эту темную ночь, въ этой пустынной улицѣ, за этими грудями булыжника, ожидали нападенія цѣлаго полка.

— «Пойдемте, наши еще не приходили», съ отгнѣвомъ не терпѣнія въ голосѣ сказалъ формовщикъ.

— Такъ подождете ихъ здѣсь, возразилъ я ему.

Формовщикъ нѣсколько минутъ говорилъ вполголоса съ однимъ изъ защитниковъ баррикады и, вѣроятно, назвалъ ему меня, потому что тотъ подошелъ ко мнѣ и поклонился. «Гражданскій-представитель, сказалъ онъ:—здѣсь скоро будетъ жаронько».

— А пока еще холодно, отвѣчалъ я ему, смѣясь.

Дѣйствительно, было очень холодно. Позади баррикады, вся улица, изъ которой вырыты были каменья, превратилась въ kloaku. Вода въ ней стояла по щиколду.

— Я говорю вамъ, что будетъ жарко, продолжалъ работникъ:—и вы хорошо сдѣлаете если уйдете подальше.

Формовщикъ положилъ свою руку ему на плечо: «Мы долж-

ны здѣсь остаться, товарищ! Свиданіе назначено рядомъ, во временномъ госпиталѣ».

— Все равно, возранилъ работникъ, который былъ очень маленькаго роста и стоялъ на камнѣ:—гражданинъ-представитель хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ ушелъ подальше.

— Гдѣ находитесь вы, тамъ могу быть и я, сказалъ я ему.

Улица была совсѣмъ темна. Не видать было даже неба. Внутри барракады, влѣво отъ прохода, можно было различить высокий, плохо склоченный досчатый заборъ, сквозь щели котораго мѣстами пробивался слабый свѣтъ. За этимъ заборомъ возвышался огромный шести или семнадцатиэтажный домъ. Нижний этажъ его чинился, и заборъ закрывалъ то мѣсто, гдѣ производились работы. Узкая полоса свѣта, выходявшаго изъ щелей забора, падала на противоположную стѣну и освѣщала старую, изодранную афишу, на которой читалось: *Амьеръ, сраженіе на оодъ. Большой балъ.*

— Есть у васъ другое ружье? спросилъ формовщикъ работника, который былъ выше ростомъ.

— Еслибы у насъ было три ружья, насъ было бы три человѣка, отвѣчалъ работникъ и прибавилъ: — Развѣ вы думаете, что намъ недостаетъ доброй воли? Музыканты нашлись бы, да ибѣтъ кларнетовъ.

Подлѣ досчатаго забора видѣлась низенькая и узкая дверь, походившая скорѣе на дверь какой-нибудь лачуги, нежели лавки. Лавка, въ которую вела эта дверь, была герметически заперта. Дверь казалась также запертой. Формовщикъ подошелъ къ ней и слегка толкнулъ ее. Она отворилась.

— Пойдемте, сказалъ онъ.

Я вошелъ первый. Онъ слѣдовалъ за мной и тотчасъ же заперъ дверь. Мы очутились въ низкой комнатѣ. Въ глубинѣ ея, влѣво отъ насъ, изъ полуотворенной двери выходилъ свѣтъ, которымъ только и освѣщалась вся эта комната, гдѣ я могъ разглядѣть конторку и что-то въ родѣ печи, выкрашенной черной и бѣлой краской.

Въ соседней комнатѣ, гдѣ былъ свѣтъ, слышалось глухое хрипѣніе, короткое, перемежающееся. Формовщикъ быстро направился къ полуотворенной двери. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ, и нашимъ глазамъ представился какой-то пространнѣй подвалъ, освѣщенный свѣчкой. Мы находились по другую сторону досчатаго забора. Только этотъ заборъ отдѣлялъ насъ теперь отъ барракады.

Подвалъ этотъ и былъ тотъ самый низъ дома, гдѣ происходила перестройка. Маленькія желѣзныя колонки, выкрашенные

красной краской и вделанныя въ камни, поддерживали тамъ и самъ потолочныя балки. Впередѣ огромный срубъ, поставленный въ самой серединѣ забора, подпиралъ большую поперечную балку второго этажа, т. е. поддерживалъ весь домъ. Въ углу лежали инструменты каменщиковъ, груды штукатурки и большая двойная лѣстница; кое-гдѣ стояли соломенные стулья; вмѣсто пола—сырая земля. Подлѣ стола, на которомъ горѣла свѣчка и уставленнаго аптечными стеклянками, старуха и дѣвочка, лѣтъ восьми—старуха, сидя на стулѣ, дѣвочка, присѣвши на корточки—щипали корнѣ, передъ большой корзиной, съ старикомъ бѣльемъ. Въ глубинѣ подвала, терявшейся во мракѣ, на соломенную подстилку брошено было три тюфика. Храпѣніе слышалось оттуда.

— Это—госпиталь, сказалъ мнѣ формовщикъ.

Старуха обернулась и, увидѣвъ насъ, судорожно надрогнула; потомъ, вѣроатно, успоксенная блузой формовщика, встала и подошла къ намъ.

Формовщикъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо. Она отвѣчала: «я никого не видѣла».—Потомъ она прибавила: — Не меня беспокоить, что мужъ мой до сихъ поръ не вернулся. Сегодня весь вечеръ то и дѣло стрѣляли изъ ружей.

На двухъ тюфикахъ лежали два человѣка.—Третій тюфикъ былъ порожній; онъ ждалъ.

Человѣкъ, лежавшій ближе ко мнѣ, былъ раненъ картечью въ животъ. Это онъ хрипѣлъ. Старуха подошла къ тюфику со свѣчкой и сказала намъ, почти шопотомъ, показывая кулакъ свой:—Вы вотъ сколько корнѣ напихали ему въ животъ. Если-бы вы только видѣли, что у него за рана!

Она прибавила:—лѣтъ двадцати пяти, не больше. Завтра умиретъ.

Другой былъ еще моложе. Ему едва ли было 18 лѣтъ.

— У него хорошенькій сиртучекъ, сказалъ старуха.—Должно быть, студентъ.

Вся нижняя часть лица этого юноши была обвѣзана окровавленными трапками. Старуха объяснила намъ, что нули попали ему въ ротъ и раздробила челюсть. Онъ лежалъ въ сильномъ жару и смотрѣлъ на насъ блестящими глазами. По временамъ, онъ проталкивалъ свою правую руку къ лажани, наполненной водой, гдѣ плавала губка; онъ бралъ губку, прикладывалъ ее къ лицу и самъ обмывалъ свою рану.

Мнѣ казалось, что взглядъ его устремлялся на меня, особенно пристально. Я подошелъ къ нему, нагнулся и протанулъ ему руку, которую онъ ваялъ къ себѣ.—«Развѣ вы меня знаете?» спро-

силъ я его. Онъ отвѣчалъ мнѣ *да*, пожатіемъ руки, тронувшимъ меня до глубины сердца.

Формовщикъ сказалъ мнѣ:—Подождите меня съ минуту, я сейчасъ возвращусь. Поищу, нельзя ли гдѣ раздобиться ружьемъ.

Онъ прибавилъ:—Не нужно ли и вамъ также?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—я останусь безъ ружья. Я только на половину участвую въ междоусобной войнѣ. Я готовъ умереть, но не хочу убивать.

Я спросилъ его: рассчитываетъ ли онъ, что друзья его придутъ? Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что онъ ничего не понимаетъ; что они должны бы давно прійти и что, вмѣсто двухъ человекъ на баррикадѣ, ихъ должно бы быть двадцать и, вмѣсто двухъ баррикадъ на улицѣ, должно бы быть десять; что, вѣроятно, что-нибудь случилось.

Онъ прибавилъ: «Впрочемъ, я узнаю; общайте мнѣ подождать меня здѣсь.

— Общайю, отвѣчалъ я:—и прожду, если нужно, всю ночь.

Онъ оставилъ меня.

Старуха снова усѣлась подлѣ дѣвочки, которая, повидимому, не очень-то понимала, что воеругъ нея происходить, и по временамъ взглядывала на меня своими большими спокойными глазами. Обѣ они были бѣдно одѣты, и мнѣ показалось, что у дѣвочки нѣтъ на ногахъ чулокъ. «А мой мужъ все неидетъ, говорила старуха.—Только бы съ нимъ чего не случилось!» Надрывая мнѣ сердце своими «Ахъ Воже мой, Воже мой» и торопясь щипать корию, она плакала. Я подумалъ съ невольнымъ страхомъ о томъ старикѣ, котораго мы видѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, распростертаго на мостовой...

На столѣ лежалъ номеръ газеты. Я взялъ его и раскрылъ; это была la P... остальная часть заглавія была оторвана. На газетѣ широко отпечаталась окровавленная рука. Вѣроятно, какой-нибудь раненый, войдя, положилъ руку на столъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала газета. Глаза мои упали на слѣдующія строки:

«Г. Викторъ Гюго обнародовалъ призывъ къ грабежу и убійствамъ».

Такими словами характеризовалъ органъ елисейцевъ прокламацію, продиктованную мною Водену и которую можно прочесть въ 1-мъ томѣ этой исторіи.

Въ ту минуту, какъ я отбросилъ газету на столъ, вошелъ одинъ изъ защитниковъ баррикады. Это былъ маленькій.

— Стаканъ воды! сказалъ онъ. Посреди стѣлянокъ стоялъ графинъ съ водой и стаканъ. Онъ наполнился съ жадностью. Онъ держалъ въ рукѣ кусокъ хлѣба и мозговую колбасу, которую ѣлъ.

Вдруг мы услышали нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся послѣдовательно одинъ за другимъ и, казалось, довольно близко. Это походило, посреди безмолвія темной ночи, на стукъ дровъ, вываливаемыхъ изъ тележки на мостовую.

Серьезный и спокойный голосъ другого бойца кричалъ съ улицы: начинается.

— Успѣю ли я доѣхать свой хлѣбъ? спросилъ маленький.

— Успѣешь еще, отвѣчалъ тотъ.

Тогда маленький обратился ко мнѣ.

— Гражданинъ представитель! сказалъ онъ... Вотъ и пальба по взводно. Съ той стороны атакуютъ баррикаду. Право, вамъ нужно уйти.

Я отвѣчалъ ему:

— Но вѣдь вы же остаетесь.

— Мы вооружены, возразилъ онъ:— а вы — нѣтъ. Вы не пригодитесь ни къ чему; васъ только могутъ убить безъ пользы для кого бы то ни было. Еслибы у васъ было ружье, тогда— другое дѣло; но вы его не имѣете. Вы должны уйти.

— Я не могу, сказалъ я ему:— я поджидаю кое-кого.

Онъ хотѣлъ продолжать и настаивать. Я пожалъ ему руку.

— Не мѣшайте мнѣ, сказалъ я.

Онъ понялъ, что мой долгъ былъ—остаться на мѣстѣ, и не настаивалъ болѣе.

Послѣдовало молчаніе. Онъ снова принялся жевать свой хлѣбъ. Не слышно было ничего, кромѣ хрипѣнія умирающаго. Въ эту минуту до насъ донесся какой-то глухой и глубокой ударъ. Старуха привскочила на своемъ стулѣ и прошептала:

— Это—пушка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ маленький человѣкъ:— это запираютъ калитку. Затѣмъ продолжалъ:

— Ба! я кончилъ свой хлѣбъ. Съ этими словами онъ похлопалъ одною рукою о другую и вышелъ.

Между тѣмъ, удары продолжали раздаваться и, повидимому, приближались. Въ лавѣ слышался шумъ. Это возвращался формовщикъ. Онъ показался на порогѣ лазарета. Онъ былъ блѣденъ.

— Вотъ и я, сказалъ онъ:— я пришелъ за вами. Нужно вернуться домой. Уйдемте сейчасъ же.

Я всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ.

— Что это значитъ? Развѣ они не придутъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:— никто не придетъ. Дѣло кончено.

Затѣмъ онъ наскоро объяснилъ мнѣ, что онъ исходилъ цѣлый кварталъ, чтобы найти ружье, но напрасно; что онъ говорилъ

съ «двумя или тремя»; что нужно отказаться отъ ассоціацій, что онѣ не придуть, что происшествія дня навели страхъ, что наилучшіе люди напуганы, что бульвары наполнены трупами, что войско дѣлаетъ «ужасы», что готовится нападеніе на баррикаду, что, подходя къ ней, онъ слышалъ шумъ шаговъ по направленію къ перекрестку и что это шло войско; что тамъ дѣлать намъ уже нечего, что мы должны уходить, что этотъ домъ «выбранъ глупо», что въ немъ нѣтъ задняго выхода, что, можетъ быть, намъ уже трудно будетъ выйти изъ улицы и что намъ остается только воспользоваться временемъ.

Все это онъ проговорилъ, задыхаясь, коротко, отрывисто и прерывая безпрестанно свою рѣчь восклицаніемъ:—И подумать, что мы не имѣемъ оружія! и подумать, что у меня нѣтъ ружья!

Когда онъ оканчивалъ, мы услышали крикъ съ баррикады:—Слушай! И почти вслѣдъ затѣмъ раздался ружейный выстрѣлъ.

Сильный залпъ отвѣчалъ на этотъ выстрѣлъ. Множество пуль попало въ перегородку лазарета, но удары послѣдовали въ слишкомъ косвенномъ направленіи и, ни одна пуля не пробивала ея. Мы услышали шумный трескъ отъ паденія множества разбитыхъ оконъ на улицѣ.

— Теперь уже не время, спокойно сказалъ формовщикъ.—Баррикада атакована.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ. Два работника были, очевидно, превосходные стрѣлки. По баррикадѣ сдѣлали два залпа сряду. Баррикада отвѣтила энергически. Затѣмъ выстрѣлы смолкли. Наступилъ промежутокъ тишины.

— Они идутъ въ штаны! Они наступаютъ бѣглымъ шагомъ! сказалъ одинъ голосъ на баррикадѣ.

Другой голосъ сказалъ:—Бѣжимъ!

Раздался послѣдній ружейный выстрѣлъ. Затѣмъ—ударъ, который мы приняли за предостереженіе, поколебалъ нашу досчатую стѣну. Это одинъ изъ рабочихъ бросилъ свое ружье, уходя; ружье падая, толкнуло перегородку временнаго лазарета. Мы услышали быстрые шаги двухъ бойцовъ, которые удалялись.

Почти въ тотъ же моментъ, шумъ голосовъ и стукъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую наполнили баррикаду.

— Кончено, сказалъ формовщикъ и задулъ свѣчу.

За безмолвіемъ, охватившимъ улицу за минуту передъ тѣмъ, послѣдовала какая-то злобѣщая суматоха. Солдаты стучали въ двери домовъ ружейными прикладами. Только благодаря какому-то чуду, дверь лавки ими не была тронута. Еслибы они толкнули ее хоть локтемъ, то увидали бы, что она не заперта и вошли бы туда.

Какой-то голосъ, принадлежавшій, должно быть, офицеру, кричалъ:

— Освѣтите окна. Солдаты ругались. Мы слышали, какъ они говорили:—Гдѣ они, эти подлецы, красные? Обшаримъ дома.— Лаваретъ былъ погруженъ въ глубокой мракъ. Тамъ не произошло ни одного слова, тамъ не слышно было ничего дыханія; даже умирающій, точно чувствуя опасность, пересталъ хрипѣть. Я чувствовалъ, какъ дѣвочка прижалась къ моимъ колѣнямъ.

Одинъ солдатъ стучалъ въ бочки и говорилъ, смѣясь:

— Это годится на костеръ, въ эту ночь.

Другой повторялъ:—Куда они дѣвались? Ихъ было, по крайней мѣрѣ, тридцать человекъ. Осмотримъ домъ.

Третій возражалъ:

— Ва! что ты будешь дѣлать въ такую ночь? Повти къ буржуа! Но тамъ есть лазейки. Они улизнули.

— Все равно, повторяли другіе:—обшаримъ домъ.

Въ эту минуту изъ глубины улицы послышался ружейный выстрѣлъ.

Онъ былъ нашимъ спасеніемъ. Это выстрѣлилъ, вѣроятно, одинъ изъ двухъ рабочихъ, чтобы выручить насъ.

— Это отсюда! вскричали солдаты:—они—тамъ! И, бросившись всѣ разомъ къ мѣсту, откуда послышался выстрѣлъ, они оставили баррикаду и побѣжали въ улицу.

Формовщикъ и я встали.

— Ихъ уже нѣтъ, тихо сказалъ онъ мнѣ:—скорѣй! уйдемъ.

— Но эта бѣдная женщина, возразилъ я:—неужели мы оставимъ ее?

— О! вскричала она, не бойтесь, мнѣ опасаться нѣчего: я—сидѣла. У меня на рукахъ раненые. Я даже зажгу опять свѣчу, когда вы уйдете. Но мой бѣдный мужъ, который не вернулся!

Мы прошли черезъ лавку на ципочкахъ. Формовщикъ пріотворилъ дверь и окинулъ улицу взглядомъ. Нѣкоторые изъ жителей повиновались приказанію освѣтить окна, и пламя четырехъ или пяти зажженныхъ свѣчей тамъ и сямъ колебалось отъ вѣтра на карнизкахъ оконницъ. Улица была нѣсколько освѣщена.

— Ничего нѣтъ! сказалъ мнѣ формовщикъ:—но поторопился, потому что они, вѣроятно, сейчасъ вернутся.

Мы кинули, старуха захопнула за нами дверь, и мы очутились на улицѣ. Мы перелѣзли черезъ баррикаду и удалились большими шагами. Мы прошли возлѣ мертвого старика. Онъ былъ все еще тамъ, распростертый на мостовой, тускло освѣщаемый невѣрнымъ свѣтомъ оконъ; казалось, что онъ спитъ.

Дойдя до второй баррикады, мы услышали позади насъ шаги возвращавшихся солдатъ.

Намъ удалось дойти до перестроекъ. Тамъ мы были уже въ безопасности. Шумъ ружейной пальбы все еще доходилъ до насъ. Формовщикъ говорилъ:

— Въ сторонѣ улицы Клері дерутся.

Выйдя изъ развалинъ, мы обогнули рынокъ, дѣлая множество обходовъ и переходя изъ одной маленькой улицы въ другую, причежъ подвергались опасности наткнуться на патруль. Мы дошли до улицы Сент-Онорэ.

На углу улицы Сухого Дерева (de l'Arbre Sec) мы, т. е. я и формовщикъ, разстались, такъ какъ, по его словамъ, «двоимъ опаснѣе идти, чѣмъ одному». И я добрался до своего 19 номера въ Рашельёвской Улицѣ.

Проходя по улицѣ Бурдонэ, мы замѣтили бивуакъ на площади St.-Eustache. Войска, отправившіяся для атаки, еще не вернулись. Площадь охранялась только нѣсколькими ротами. Слышны были взрывы хохота. Солдаты тамъ и сямъ грѣлись у большихъ костровъ. На ближайшемъ къ намъ кострѣ среди горящихъ угольевъ можно было различить колеса телегъ, служившія для устройства баррикадъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не оставалось ничего кромѣ большой шиши изъ раскаленного жѣлѣза.

III.

Событія ночи. Улица Petit-Carreau.

Въ эту же ночь, почти въ ту же самую минуту, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда происходила кровавая расправа.

Послѣ взятія баррикады, гдѣ было убито Пьеръ Тисье, семьдесятъ или восемьдесятъ человѣкъ сражавшихся отступало въ порядкѣ улицю Сен-Совёръ. Они достигли улицы Монторгёиль и собрались въ пунктѣ соединенія улицъ Пти-Карро и Кадранъ. Въ этомъ мѣстѣ улица подымается въ гору. Въ пунктѣ, гдѣ улица Пти-Карро примыкаетъ къ улицѣ Клері, находилась оставленная баррикада, довольно высокая и хорошо устроенная. Тамъ утромъ происходила битва. Солдаты взяли эту баррикаду, но не разрушили ея. Почему? Въ этотъ день, какъ мы уже сказали, было много загадокъ подобнаго рода.

Группа вооруженныхъ людей, которые шли съ улицы Сен-Дени, остановилась тамъ въ ожиданіи. Эти люди удивлялись тому, что ихъ не преслѣдуютъ. Не побоялось ли войско проникнуть че

ихъ слѣдамъ въ эти маленькія тѣсныя улицы, гдѣ за каждымъ угломъ дома могла скрываться засада? Не былъ ли отиѣненъ приказъ? Они дѣлали множество догадокъ. Впрочемъ, они слышали, какъ разъ возлѣ, должно быть, на бульварѣ, страшный трескъ ружейной пальбы и канонаду, походившую на непрерывный громъ. Не имѣя боевыхъ припасовъ, они поневолѣ ограничивались тѣмъ, что слушали въ бездѣйствіи. Еслибы они знали, что происходило тамъ, то поняли бы, почему ихъ не преслѣдуютъ. Это начиналось избиеніе на бульварѣ. Генералы, употребленные для этой боины, оставили битву.

Къ нимъ прилиwała толпа людей, бѣжавшихъ съ бульвара, но, замѣтивъ баррикаду, бѣглецы возвращались назадъ. Однакоже, нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ группѣ, негодуя и крича о мщениіи. Одинъ изъ нихъ, жившій въ этой сторонѣ, побѣжалъ жъ себѣ въ домъ и принесъ оттуда маленькій жестяной боченокъ, наполненный патронами.

Оттого запаса было достаточно для того, чтобы сражаться въ теченіи одного часа. Они принялись строить баррикаду на углу улицы Кадранъ. Такимъ образомъ, улица Пти-Карро, замкнутая двумя баррикадами, одною къ улицѣ Клерн и другою на углу улицы Кадранъ, командовала надъ всею улицей Монторгейль. Подъ защитою этихъ двухъ баррикадъ они находились какъ бы въ цитадели. Вторая баррикада была сильнѣе первой.

Эти люди почти всѣ были одѣты въ платье буржуа, нѣкоторые воровали камни мостовыхъ въ перчаткахъ. Между ними было мало рабочихъ, но эти рабочіе были люди смышленные и энергичные, ихъ можно было бы назвать отборнымъ цѣлкомъ толпы.

Къ нимъ присоединился Жантн Сарръ; онъ тотчасъ же сдѣлался начальникомъ.

Его сопровождалъ Шарпантъе, слышкомъ храбрый для того, чтобы отказаться отъ битвы, но слышкомъ мечтательный для того, чтобы командовать.

На высотѣ улицы Моконсейль только-что были устроены двѣ баррикады, замыкавшія такимъ же образомъ около сорока метровъ улицы Монторгейль.

Еще три баррикады, но очень слабыя, пересѣкали улицу Монторгейль въ промежуткѣ, отдѣляющемъ улицу Моконсейль отъ площади St. Eustache.

Вечеръ приближался. Ружейная пальба стихала на бульварѣ. Возможно было нечаянное нападеніе. Они поставили часовыхъ на углу улицы Кадранъ и послали большой караулъ къ улицѣ Монкартеръ. Ихъ развѣдчики возвратились и сообщили имъ нѣ-

которыя свидѣнія. Одинъ полкъ, повидному, готовился расположиться бивуакомъ на площади Побѣды.

Ихъ позиція, сильная, повидному, не была таковою въ дѣйствительности. Ихъ число было слишкомъ незначительно для того, чтобы защищать на улицахъ Клерн и Монторгёйль разомъ двѣ баррикады, и войско, зайдя имъ съ тыла, подъ прикрытіемъ второй баррикады, могло надвинуться на нихъ прежде, чѣмъ оно было бы замѣчено. Это побудило ихъ поставить сторожевой постъ на улицѣ Клерн. Они вошли въ сообщеніе съ баррикадами улицы Кагранъ и съ двумя баррикадами улицы Моконсебль. Эти двѣ послѣднія баррикады были отдѣлены отъ нихъ только пространствомъ около ста шаговъ. Онѣ имѣли болѣе шести футовъ высоты, были довольно крѣпки, но охранились только шестью рабочими, которые пострѣли ихъ.

Около четырехъ часовъ съ половиною, въ сумеркахъ—сумерки въ декабрѣ наступаютъ рано—Жанти-Сарръ взялъ съ собою четырехъ чловѣкъ и пошелъ на рекогносцировку. Онъ думалъ устроить также передовую баррикаду въ какой нибудь изъ маленькихъ сосѣднихъ улицъ. По пути они нашли одну оставленную баррикаду, выстроенную изъ бочекъ. Но эти бочки были пусты, только въ одной было нѣсколько камней, и тамъ нельзя было продержаться и двухъ минутъ. Выходя изъ этой баррикады, они были встрѣчены висящимъ залпомъ. Какъ разъ вблизи находился заводъ пѣкоти, едва видный въ сумеркахъ. Они быстро отступили, но одинъ изъ нихъ, балмачинъ изъ Тампльскаго Предмѣстья, былъ раненъ и остался на мостовой. Онъ вернулся и унесъ его. Ему перебили большой палецъ правой руки.

— Слава Богу, сказалъ Жанти Сарръ:—они не убили его.

— Нѣтъ, сказалъ Свѣдникъ:—они убили мой хлебъ.—Затѣмъ онъ прибавилъ:—ужь мнѣ нельзя будетъ работать. Кто будетъ кормить моихъ дѣтей?

Они вернулись, неся раненаго. Одинъ изъ нихъ, медицинскій студентъ, сдѣлалъ ему перевязку.

Ведеты, которыя они должны были ставить повсюду и которыя были выбраны изъ самыхъ надежныхъ людей, истощали и уничтожали небольшую центральную силу. На баррикадѣ оставалось не болѣе тридцати чловѣкъ.

Тамъ, такъ же какъ въ кварталѣ Тампль, всѣ фонари были погашены, газопроводы заперты, окна закрыты и темны. Не видно было луны, даже звѣздъ. Царствовала глубокая ночь.

Вдали была слышна ружейная пальба. Войско стрѣляло съ окончности S-té Eustache и послало имъ оттуда каждыя три

минуты по одной пулѣ, какъ бы желая этимъ сказать: — Я здѣсь. Однако же, они не ждали нападенія ранѣе утра.

Между ними происходили разговоры въ такомъ родѣ:

— Очень желалъ бы я имѣть пулѣ соломѣ, говорилъ Шарпантье.— Мнѣ кажется, что въ эту ночь намъ придется спать здѣсь.

— Развѣ ты будешь въ состоянн заснуть? спросилъ его Жан-ти Сарръ.

— Я то засну навѣрное.

Дѣйствительно, онъ заснулъ, нѣсколько минутъ спустя.

Въ этой темной сѣти маленькихъ улицъ, пересѣченныхъ баррикадами и блокированныхъ войсками, два винные погреба оставались открытыми. Тамъ занимались больше ципаніемъ корнѣ, чѣмъ питьемъ вина: начальники запретили пить всякіе напитки, кромѣ воды съ краснымъ виномъ.

Дверь одной изъ этихъ винныхъ лавокъ выходила какъ разъ въ промежутокъ между двумя баррикадами улицы Пти-Карро. Тамъ были стѣнные часы, по вторымъ производили смѣну карауловъ. Въ задней частѣ лавки были закрыты двѣ подозрительныя личности, которыя присоединились къ сражавшимся. Одна изъ этихъ людей, въ ту минуту, какъ его арестовали, спалъ.

— Я пришелъ драться за Генриха V.

Его держали подъ замкомъ, поставивъ часового у двери.

Въ сосѣдней залѣ былъ устроенъ подвижной лазаретъ. Тамъ, на матрасѣ, брошенномъ на полъ, лежалъ раненный баллиадинъ.

Въ улицѣ Кадранъ устроили, на всякій случай, другой подвижной лазаретъ. Съ этой стороны, на углу баррикады былъ сдѣланъ прокъ, для того чтобы было удобно носить раненыхъ.

Около половины десятого вечеромъ, на баррикаду пришелъ одинъ человѣкъ.

Жан-ти Сарръ узналъ его.

— Здравствуй, Денисъ, сказалъ онъ ему.

— Называй меня Гастономъ, отвѣчалъ тотъ.

— Почему это?

— Такъ нужно.

— Развѣ ты — твой братъ?

— Да, я — мой братъ. На сегодня.

— Пусть будетъ такъ. Здравствуй, Гастонъ.

Они пожали руки другъ другу.

Это былъ Денисъ Дюссубъ.

Онъ былъ блѣдень, спохобенъ и окровавленъ, онъ уже драмса утромъ. На одной баррикадѣ Сен-мартенскаго Предвѣстна: пули

попала ему въ грудь, скользнула по нѣсколькимъ монетамъ, лежащимъ у него въ жилетѣ, и пробила ему только кожу. Онъ имѣлъ рѣдкое счастье—быть только оцарапаннымъ пулею. Это былъ, такъ сказать, первый ударъ когтей смерти. На головѣ у него была фуражка, такъ какъ его шляпа осталась на баррикадѣ, гдѣ онъ сражался, а свое пальто изъ беляйскаго драпа, продыравленное пулей, онъ замѣнилъ плащомъ, купленнымъ у старьевщика.

Какимъ образомъ добрался онъ до баррикады въ улицу Шти-Карро? Онъ этого не могъ объяснить. Онъ шелъ куда глаза глядятъ. Онъ проскальзывалъ изъ улицы въ улицу. Судьба беретъ отиѣченныхъ ею людей за руку и ведетъ ихъ во тьмѣ прямо къ цѣли.

Когда онъ входилъ во внутренность баррикады, ему крикнули:

— Кто идетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Республика!

Видя, что Жанти-Сарръ жметъ ему руку, спрашивали у перваго:

— Кто это?

Жанти-Сарръ отвѣчалъ:

— Это — нѣкто.

И онъ прибавилъ:

— Сейчасъ насъ было всего шестьдесятъ человѣкъ, а теперь мы составляемъ сотню.

Всѣ тѣснились вокругъ новоприбывшаго. Жанти-Сарръ предложилъ ему командование.

— Нѣтъ, сказалъ тотъ:— для баррикады существуетъ особая тактика, которой я не знаю. Я былъ бы плохимъ начальникомъ, но я—хорошій солдатъ. Дайте мнѣ ружье.

Усѣлись на камняхъ мостовой. Обмѣнивались разсказами о происшествіяхъ дня. Денисъ разсказалъ о сраженіяхъ, о битвахъ въ Сенмартенскомъ Предмѣстьѣ, а Жанти-Сарръ разсказалъ ему о схваткахъ въ улицѣ Сен-Дени.

Между тѣмъ, генералы готовили послѣднюю атаку.

Во всемъ Парижѣ оставался только этотъ пунктъ сопротивленія. Этотъ узелъ баррикады, эта сѣть улицъ, покрытая зубцами подобно редуту—была послѣднею цитаделью народа и права. Генералы осаждали ее медленно, шагъ-за-шагомъ и со всѣхъ сторонъ. Они сосредоточили свои силы. А бойцы роковой минуты не знали ничего о происходившемъ. Только отъ времени до времени они прерывали свои разсказы и прислушивались. Спра-

ва, слѣва, спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ разомъ до нихъ доходилъ съвозъ ночную тишину шумъ, ясный, слышавшійся все громче и отчетливѣй каждую минуту, хриплый, громкій, грозный. Это шли батальоны, по сигналу горнистовъ распылвшіеся по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ. Они снова заводили свои мужественные разговоры, затѣмъ, черезъ минуту, останавливались опять и прислушивались къ этому зловѣщему шуму приближавшейся смерти.

Однако же, нѣкоторые все еще думали, что на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе только утромъ. Ночныя сраженія въ уличной войнѣ рѣдки. Они больше, чѣмъ всякія другія битвы, подвержены «рису». Немногіе генералы отваживаются на нихъ. Но ветераны баррикадъ, по нѣкоторымъ, никогда не обманывающимъ признакамъ, ожидали немедленнаго нападенія.

Дѣйствительно, въ половинѣ одиннадцатаго (а не въ восемь часовъ, какъ говоритъ генералъ Маньянъ въ гнусномъ документѣ, который онъ называетъ своимъ рапортомъ), со стороны рынка послышалось какое-то странное движеніе. Это заколыхалось войско. Полковникъ де-Лурмель рѣшился сдѣлать нападеніе. 51-й линейный батальонъ, поставленный на оконечности площади S-te Eustache шолъ въ улицу Монторгейль. 2-й батальонъ составлялъ авангардъ. Гренадеры и стрѣлки, пущенные бѣглымъ шагомъ, быстро овладѣли тремя небольшими баррикадами, находившимися, такъ сказать, за ширмами улицы Моконсейль и слабо защищенными баррикадами сосѣднихъ улицъ. Въ этотъ-то моментъ была прорвана та, возлѣ которой находился я.

Съ баррикады Пти Карро слышно было приближеніе ночной битвы, сопровождавшаея непрерывнымъ, страннымъ и грознымъ шумомъ. Сперва громкіе крики, потомъ—батальный огонь, затѣмъ—молчаніе; далѣе опять возобновлялось то же. При блескѣ молніи ружейной палубы, фасады домовъ внезапно выступили изъ мрака и имѣли какой-то испуганный видъ.

Критическая минута приближалась.

Ведеты отступали въ баррикаду; передовые посты въ улицѣ Клеря вернулись туда же. Число всѣхъ бойцовъ было сосчитано. Изъ находившихся утромъ всѣ были на-лицо.

Мы сказали, что всѣхъ было шестьдесятъ человекъ, а не сто, какъ утверждаетъ въ своемъ разсказѣ Маньянъ.

Изъ этой верхней оконечности улицы, гдѣ они помѣщались, было трудно дать себѣ ясный отчетъ о происходившемъ. Они не знали въ точности, сколько баррикадъ въ улицѣ Монторгейль между ихъ баррикадой и оконечностью площади отсюда шло войско. Имъ было извѣстно только то, что ближайшій пунктъ

сопротивленія представляла двойная баррикада улицы Моконсейль и что какъ только тамъ будетъ все кончено наступить ихъ очередь.

Дениса помѣстили на внутреннемъ изгибѣ баррикады, такимъ образомъ, что половина его тѣла возвышалась надъ ея гребнемъ, и оттуда онъ дѣлалъ наблюденія. Свѣтъ, выходявшій изъ лавки виноторговца, давалъ возможность видѣть его жесты.

Вдругъ онъ подалъ знакъ. Начинаясь атака на редутъ Моконсейль.

Солдаты, послѣ нѣкотораго колебанія передъ этою двойною довольно высокою и хорошо построеною стѣною изъ булыжника, которую они считали хорошо защищенною, наконецъ, бросились на нее, стрѣляли.

Они не ошибались: баррикада была хорошо защищена. Мы уже сказали, что тамъ было только шесть человѣкъ—шесть работниковъ, которые построили ее. Изъ нихъ только одинъ имѣлъ три патрона, другіе могли сдѣлать только по два выстрѣла. Эти шесть человѣкъ слышали приближеніе батальона и слѣдовавшей за нимъ батареи, но не трогались съ мѣста. Каждый остался безмолвно на своемъ посту, положивъ дуло своего ружья между двумя камнями. Когда войско подошло на надлежащее разстояніе, они выстрѣлили; батальонъ отвѣчалъ имъ.

— Ладно, побѣситесь голубчики! смѣясь, сказалъ тотъ, у котораго было три заряда.

Позади нихъ защитники баррикады Пти-Карро сгруппировались вокругъ Дениса и Жантисарра и, облокотившись на гребень баррикады, вытанувъ шею къ редуту Моконсейль, ожидали своей очереди, подобно гладиаторамъ.

Шестеро бойцовъ этого редута выдерживали нападеніе батальона около четверти часа. Они не стрѣляли всѣ разомъ, чтобы, по словамъ одного изъ нихъ, *продлить это удовольствіе*.

Удовольствіе дать убитъ себя за исполненіе долга, это—великія слова въ устахъ работника. Они отступили въ сосѣднія улицы только по совершенномъ истощеніи ихъ боевыхъ припасовъ. Послѣдній, именно тотъ, который имѣлъ три патрона, оставался на мѣстѣ до той самой минуты, когда солдаты взобрались на вершину баррикады.

Въ баррикадѣ Пти-Карро никто не произносилъ ни слова; тамъ слѣдили за всѣми фазами этой борьбы и пожимали руки другъ другу.

Внезапно, шумъ прекратился: послѣдній ружейный выстрѣлъ былъ сдѣланъ. Минуту спустя, во всѣхъ окнахъ, выходящихъ къ

редуту Моконсейль, показались зажженные свѣчи. Штыки и бляхи на киверахъ блестѣли отъ этого свѣта. Баррикада была звата.

Начальникъ батальйона, по существующему въ подобныхъ случаяхъ обыкновению, послалъ въ сосѣдніе дома приказъ освѣтить всѣ дома.

Съ редутомъ Моконсейль все было покончено.

Шестьдесятъ человекъ, сражавшіеся на баррикадѣ Пти-Карро, вида, что ихъ часъ наступилъ, взошли на свою грудь камня и въ одинъ голосъ крикнули:—Да здравствуетъ республика!

Никто не отвѣчалъ имъ.

Они слышали только, что батальйонъ заряжаетъ ружья.

Между ними поднялось нѣчто въ родѣ боевой тревоги. Всѣ они изнемогали отъ усталости; со вчерашняго дня они были на ногахъ, таская камни или сражаясь; большинство изъ нихъ не ѣло и не спало.

Шарпантье сказалъ Жанги-Сарру:

— Намъ всѣхъ убьютъ.

— Parbleu! сказалъ Жанги-Сарръ.

Жанги-Сарръ велѣлъ затворить дверь лавки виноторговца, чтобы ихъ баррикада, совершенно погруженная въ тѣму, давала имъ нѣкоторое преимущество надъ баррикадою, занятою солдатами, которая была освѣщена.

Между тѣмъ, 51-й батальйонъ осматривалъ улицы, носилъ раненыхъ на перевязочные пункты и занималъ позиціи въ двойной баррикадѣ Моконсейль. Такъ прошло полчаса.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, что послѣдовало далѣе, нужно вообразить себѣ—въ этой безмолвной улицѣ, среди мрака ночи, на промежуткѣхъ шестидесяти или восьмидесяти метровъ—эти два редута, стоящіе другъ противъ друга и могущіе обмѣниваться между собою словами.

Съ одной стороны армія, съ другой—народъ; вракъ надъ всѣмъ.

Нѣчто въ родѣ перемирія, которое всегда предшествуетъ рѣшительнымъ ударамъ, приходило къ концу, и съ той, и съ другой стороны приготовленія были окончены. Съ баррикады слышались движеніе солдатъ и команда офицеровъ. Было очевидно, что скоро начнется борьба.

— Начнемъ, сказалъ Шарпантье и зарядилъ свой карабинъ.

Денись удержалъ его руку.—Подождите, сказалъ онъ.

Тогда произошло нѣчто эпическое.

Денись медленно взобрался на камни баррикады и сталъ на ея вершинѣ безъ оружія, съ обнаженной головой.

Оттуда онъ возвысилъ голосъ и, обратившись къ солдатамъ, вскричалъ имъ:—Граждане!

При этомъ словѣ произошло какое-то электрическое сотрясеніе, пробѣжавшее отъ одной баррикады до другой. Всякій шумъ прекратился, всѣ голоса замолчали, съ обѣихъ сторонъ наступило безмолвіе—глубокое, религиозное, торжественное. При отдаленномъ мерцаніи освѣщенныхъ оконъ, солдаты смутно видѣли человѣка, стоявшаго на какой-то темной массѣ, подобно призраку, который въ глубинѣ ночи обращался къ нимъ съ рѣчью.

Денисъ продолжалъ.

— Граждане арміи! выслушайте меня.

Безмолвіе удвоилось.

Онъ началъ снова.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? И вы, и мы — всѣ мы, находящіеся въ этой улицѣ, въ этотъ часъ, съ ружьемъ или саблею въ рукѣ, что хотимъ мы дѣлать? Убить другъ друга. Убить другъ друга, граждане? Почему? Потому что между нами посѣяно недоразумѣніе! потому что всѣ мы повинемся: вы—вашей дисциплинѣ, а мы — нашему праву! Вы думаете, что исполняете данный вамъ приказъ; а мы знаемъ, что мы исполняемъ свой долгъ. Да, мы защищаемъ общую подачу голосовъ, право республики, мы защищаемъ наше право, а наше право, солдаты, есть также и ваше! Армія есть народъ, такъ же какъ и народъ есть армія. Мы всѣ—одна и та же нація, одна и та же страна, одни и тѣ же люди! Слушайте, развѣ есть русская кровь въ моихъ жилахъ, во мнѣ, говорящемъ съ вами? Есть ли прусская кровь въ вашихъ жилахъ, у васъ, которые меня слушаете? Нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, изъ-за чего же мы сражаемся другъ съ другомъ? человѣкъ стрѣляющій въ человѣка это — всегда прискорбно. Однакоже, ружейный выстрѣлъ француза въ англичанина понятенъ, но выстрѣлъ француза въ такого же француза—о! это оскорбляетъ разумъ, это оскорбляетъ Францію, это оскорбляетъ нашу матъ!

Его слушали съ безпокойствомъ. Въ эту минуту съ противоположной баррикады какой-то голосъ крикнулъ ему:

— Въ такомъ случаѣ, уходите домой!

Этотъ грубый перерывъ вызвалъ въ средѣ товарищей Дениса гнѣвное содроганіе. Послышался шумъ заряжаемыхъ ружей, Денисъ остановилъ ихъ жестомъ.

Этотъ жестъ обладалъ какимъ-то страннымъ могуществомъ.

— Кто этотъ человѣкъ? спрашивали другъ друга защитники баррикады. Вдругъ они вскричали:

— Это—представитель народа.

Дѣйствительно, Денисъ внезапно опоясался шарфомъ своего брата Гастона.

Его замыселъ долженъ былъ осуществиться, часъ героической лжи насталъ. Онъ вскричалъ:

— Солдаты, знаете ли вы кто тотъ человекъ, который говорить съ вами въ эту минуту? Это — не только гражданинъ, это — законодатель! Это — избранникъ всеобщаго голосованья! Меня зовутъ Дюссубъ, и я — представитель народа. Я, во имя Национальнаго Собранья, во имя верховнаго собранія, во имя народа, во имя закона, требую, чтобы вы меня выслушали. Солдаты, вы — сила. Хорошо! когда законъ говорить, то сила слушаетъ!

На этотъ разъ молчаніе не было прервано.

Мы приводимъ эти слова почти буквально, въ такомъ видѣ, какъ они запечатлѣлись въ памяти людей, которые ихъ слышали; но, чтобы понять ихъ дѣйствіе, къ нимъ должно прибавить позу, тонъ, трепетъ волненья, вибрацію словъ, выходящихъ изъ этой благородной груди, торжественную и грозную обстановку времени и мѣста.

«Онъ говорилъ около двадцати минутъ», говоритъ одинъ свидѣтель. По словамъ другого, «онъ говорилъ громко, вся улица слыхала его.» Онъ былъ пылокъ, краснорѣчивъ, глубокъ, являясь судьею Бонапарта и другомъ солдатъ. Онъ старался расшевелить ихъ всѣмъ, что еще могло найти отголосокъ въ ихъ душѣ; онъ напомнилъ имъ истинныя войны, истинныя побѣды, національную славу, истинную военную честь, знамя. Онъ сказалъ имъ, что все это они намереваются убить своими пулями. Онъ заклиналъ ихъ, приказывалъ имъ — присоединиться къ защитникамъ народа и закона; затѣмъ, вдругъ возвращаясь къ первымъ произнесеннымъ имъ словамъ, увлеченный чувствомъ братства, переполнявшимъ его душу, онъ прервалъ свою рѣчь въ половинѣ начатой фразы и вскричалъ:

— Но къ чему всѣ эти слова? Нужно не это, а пожатіе рукъ между братьями! Солдаты, вы стойте тамъ, лицомъ къ лицу съ нами, въ сотнѣ шаговъ отъ насъ, на баррикадахъ, съ обнаженными саблями, съ наведенными ружьями, вы прицѣпляетесь въ меня — пусть такъ, но мы всѣ, находящіеся здѣсь, любимъ васъ! Между нами нѣтъ ни одного, который не отдалъ бы своей жизни за cadaго изъ васъ. Вы — крестьяне французскихъ деревень, мы — парижскіе работники. Что же намъ нужно дѣлать! Просто повиноваться, поговорить, а не душить другъ друга. Скажите, не попытаться ли намъ? О, что касается меня, то на этомъ ужасномъ полѣ битвы, среди междоусобной войны, я желаю лучше умереть, чѣмъ убивать. Слушайте, а сейчасъ спущусь съ этой баррикады и пойду къ вамъ; у меня нѣтъ оружія, я знаю только,

что вы—мой братъ. Я твердь, я спокоенъ, и если кто изъ васъ приставитъ къ моей груди штыкъ, я протяну ему руку.

Онъ замолчалъ.

Съ противоположной баррикады раздался голосъ: —Подходи!

Тогда увидѣли, какъ онъ медленно сошелъ съ едва освѣщеннаго гребня баррикады и какъ его высоко поднятая голова исчезла въ темнотѣ.

Изъ баррикады слѣдили за нимъ глазами съ невыразимымъ безпокойствомъ. Сердца перестали биться, губы—дышать.

Никто не пытался удержать Дениса Дюссуба. Каждый чувствовалъ, что онъ идетъ туда, куда долженъ былъ идти. Шарпанть хотѣлъ сопровождать его.

— Хочешь, чтобы я шелъ съ тобою? вскричалъ онъ. Дюссубъ отрицательно покачалъ головой.

Дюссубъ, одинокій и величественный, приблизился къ баррикадѣ Моконсейль. Ночь была такъ темна, что его почти тотчасъ же потеряли изъ виду. Только на нѣсколько секундъ можно было различить его спокойную и неустрашимую осанку. Затѣмъ ничего не было видно болѣе. Это былъ зловѣщій моментъ. Ночь была черна и безмолвна. Въ этой тьмѣ слышали только мѣрный и твердый звукъ удалявшихся шаговъ.

Спустя нѣкоторое время, продолжительность, котораго никто не могъ опредѣлять, до того сильно было волненіе свидѣтелей этой необычайной сцены на баррикадѣ, занятой солдатами, появился свѣтъ. Это, вѣроятно, принесли и поставили тамъ фонарь. При этомъ свѣтѣ увидѣли Дюссуба; онъ былъ вблизи баррикады, онъ уже подходилъ къ ней съ открытыми объятіями.

Вдругъ послышалась команда: — Пли!

Раздался ружейный залпъ.

Они выстрѣлили въ Дюссуба, въ упоръ.

Дюссубъ упалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и вскричалъ: — Да здравствуетъ республика!

Его поразила другая пуля, и онъ упалъ снова. Затѣмъ видѣли, какъ онъ поднялся еще разъ, и услышали, какъ онъ громкимъ голосомъ вскричалъ: — Я умираю съ республикой.

Это были его послѣднія слова.

Такъ умеръ Денисъ Дюссубъ.

Не даромъ онъ сказалъ своему брату: твой шарфъ будетъ тамъ.

Онъ желалъ, чтобы этотъ шарфъ исполнилъ свой долгъ. Въ глубинѣ своей великой души онъ рѣшилъ, что этотъ шарфъ

восторжествуетъ посредствомъ закона или же посредствомъ смерти.

То есть, что въ первомъ случаѣ онъ спасетъ право, а во второмъ — честь.

Умирая, онъ могъ сказать себѣ: я достигъ успѣха.

Изъ двухъ возможныхъ триумфовъ, о которыхъ онъ мечталъ, этотъ мрачный триумфъ не менѣе прекрасенъ.

Елисейскій крамольникъ думалъ, что онъ убилъ представителя народа, и похвалялся этимъ. Единственный журналъ, издававшійся государственнымъ переворотомъ подъ разнообразными заглавіями—Patrie, Univers, Moniteur parisien и проч., возвѣстилъ на другой день, въ пятницу 5 декабря, что «экс-представитель Дюссубъ (Гастонъ)» убитъ на баррикадѣ въ улицѣ Neuve Saint Eustache и что «въ рукахъ у него было красное знамя».

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАША МИРОВАЯ ЮСТИЦІЯ.

Je n'impose rien, je ne propose même rien: j'expose.

(Dunoyer).

Петръ Великій, войдя въ одинъ изъ лондонскихъ судовъ, былъ пораженъ страннымъ видомъ судей и адвокатовъ, облеченныхъ въ средневѣковый костюмъ. Когда онъ освѣдомился, кто были эти занятые люди въ напудренныхъ парикахъ и черныхъ мантияхъ, ему отвѣчали, что это — законовѣды. «Законовѣды! воскликнулъ императоръ. Зачѣмъ же ихъ такъ много? у меня только два законовѣда во всемъ моемъ обширномъ царствѣ, и то, я думаю повѣсить одного изъ нихъ по возвращеніи домой»¹. Спустя слѣшкомъ три четверти столѣтія послѣ того, какъ русскій царь выразилъ въ разсказанномъ сейчасъ случаѣ свое нерасположеніе къ законовѣдамъ, прусскій король, побуждаемый тѣмъ же чувствомъ, задумалъ издать такое уложеніе гражданскихъ законовъ, при дѣйствіи котораго юристы стали бы почти излишними. Всякій гражданинъ могъ бы обходиться безъ помощи адвоката. Для отправленія судейскихъ обязанностей не требовалось бы особыхъ спеціальныхъ познаній, потому что, при общедоступности и всеобъемлющей полнотѣ законодательныхъ опредѣленій, основанныхъ только на естественномъ разумѣ (blos auf die natürliche Vernunft), дѣятельность судьи походила бы на работу какого то интеллигентнаго механизма для примѣненія закона. Такимъ образомъ, утратилось бы прежнее значеніе законовѣдовъ, а, пожалуй, устранилась бы даже самая надобность въ нихъ. Почти повсемѣстно въ Европѣ обнаружившееся, въ XVIII вѣкѣ, нерасположеніе къ кристамъ пронстекало, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ. Крайняя неудовлетворительность судоустройства и

¹ М. Н. Зарудный, общественный бытъ Англіи. 1865, стр. 14.
Т. ССХХVІІІ. — Отд. II.

судопроизводства постоянно давали себя чувствовать практически людямъ. Они тяготились неуловимыми формами тогдашнего процесса и блужданіемъ въ безконечномъ лабиринтѣ судебныхъ инстанцій. Подавляющій формализмъ, сквозь который рѣдо могла пробиваться естественная справедливость, не могъ привлечь ихъ симпатій къ органамъ правосудія. Злоупотребленія властей, въ свою очередь, также не мало содѣйствовали зарожденію предубѣжденія противъ всѣхъ вообще законовѣдовъ. Что касается мыслителей прошлаго столѣтія, то они свое нерасположеніе къ юриспруденціи перенесли и на ея служителей. Наука права не удовлетворяла ихъ умственныхъ потребностей. Она была еще слишкомъ загромождена казуистикою, и добытый ея матеріалъ оказывался непригоднымъ для широкихъ философскихъ обобщеній. Отвлеченные умы гораздо болѣе тяготѣли къ процвѣтавшей тогда теоріи естественнаго права, которая являлась какъ бы противовѣсомъ формальной юриспруденціи. Приверженцы этой теоріи не могли относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ судебнымъ дѣятелямъ, въ которыхъ они видѣли представителей казуистики и схоластическаго формализма. Тяжелый процессъ казался всѣмъ системою брющкотворства, терпимомъ въ государствѣ только какъ очень печальная необходимость. Во Франціи, въ бурную эпоху революціи, стали помышлять чуть-ли не объ упраздненіи даже и самыхъ судебныхъ учрежденій и тогда вспомнили о томъ средствѣ по возможности обходиться безъ ихъ содѣйствія, о которомъ нѣкогда было упомянуто въ литературѣ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, Вольтеръ писалъ: «Въ Голландіи существуетъ самый лучшій и полезный законъ, каковой я когда-либо видалъ: желающіе затѣять тяжбу обязаны сперва обратиться въ судъ примирителей, называемыхъ миротворцами (*faiseurs de paix*). Если стороны являются туда съ адвокатами, то прежде всего устраняютъ этихъ послѣднихъ, какъ удаляютъ дерево отъ огня, который хотятъ потушить, а затѣмъ миротворцы говорятъ имъ: должно быть, вы — величайшіе глупцы, коли хотите бросать деньги на то, чтобъ сдѣлать другъ друга несчастными, тогда какъ мы можемъ уладить дѣло между вами полюбовно, да еще и безъ всякихъ затратъ». Думаятъ, что приведенный отрывокъ изъ одного письма фернейскаго философа остался не безъ вліянія на введеніе во Франціи примирительнаго начала въ судопроизводственные законы, обсуждавшіеся въ 1790 году въ учредительномъ собраніи¹. Депутатъ Турэ (Thouret) предложилъ собранію проектъ устройства мировой юстиціи, органами которой должны бы служить мировые судьи. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ, какъ вполне соответствовавшій общему умственному настроенію той эпохи. Закономъ 24 августа 1790 года, были введены во Франціи мировые судьи. Съ теченіемъ времени, первоначальная организація мирозаго суда и

¹ *Leçons de procédure civile par Boitard*, ed. 1872, t. I, стр. 42.

его юрисдикція подвергались различнымъ преобразованіямъ; но всё эти преобразованія не коснулись основной и самой существенной его функціи — склоненія тяжущихся къ миролюбивому соглашенію.

По дѣйствующему нынѣ во Франціи уставу гражданскаго судопроизводства, мировому судѣ подсудны иски по обязательствамъ личнымъ и о движимомъ имуществѣ до 50 рублей. При производствѣ подобныхъ дѣлъ, мировой судья дѣйствуетъ одновременно и какъ примиритель, и какъ представитель судебной власти, т. е. совершенно такъ же, какъ должны дѣйствовать и наши мировые судьи: если всё попытки склонить тяжущихся къ примиренію оказываются тщетными, то онъ постановляетъ судебное рѣшеніе. Но французскій мировой судья несетъ еще иную обязанность. За немногими исключеніями, всякое тяжбное дѣло, подсудное окружному суду, должно предварительно поступить къ подлежащему мировому судѣ для склоненія сторонъ къ примиренію. Производство по такому дѣлу въ окружномъ судѣ можетъ быть начато лишь по представленіи удостовѣренія, что тяжущіяся стороны являлись къ мировому судѣ для склоненія ихъ къ миру, но что примиренія между ними не состоялось, или же что одна изъ сторонъ не явилась по вызову и тѣмъ косвенно выразила нежеланіе вступать въ какое-либо соглашеніе. Мировой судья не располагаетъ никакою судебною властью въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ, поступающихъ къ нему для предварительнаго примиренія. Онъ не только не можетъ разрѣшать споръ тяжущихся по существу, но даже не вправѣ обсуждать какіе-бы то ни было возникающіе при производствѣ у него дѣла побочные юридическіе вопросы, подлежащіе разрѣшенію судебной власти. Такъ, напримѣръ, если отвѣтчикъ заявляетъ, что примирительное производство начато истцемъ у неподлежащаго мирового судьи, послѣдній не имѣетъ права разсматривать вопросъ о томъ, подвѣдомственна-ли ему дѣло, или нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, онъ просто на-просто записываетъ въ протоколъ, что примиренія между сторонами не состоялось. Правильность же предъявленнаго отвѣтчикомъ отвѣда подлежитъ разсмотрѣнію того окружного суда, въ которомъ должно производиться дѣло въ тяжбномъ порядкѣ. За неявку по вызову мирового судьи для примирительнаго разбирательства полагается штрафъ въ 10 франковъ, но самъ судья штрафа не налагаетъ, а только констатируетъ въ протоколѣ фактъ неявки тяжущагося. Начало полного отдѣленія примирительной функціи отъ судебной проведено во французскомъ законодательствѣ съ такою тщательностью и послѣдовательностью, которыя заставляютъ предполагать, что присвоеніе ихъ двумъ совершенно различнымъ органамъ представлялось законодателю существеннымъ условіемъ нормальнаго отправленія каждого изъ нихъ. Хотя гражданскія дѣла, подсудныя мировому судѣ, не проходятъ чрезъ особую примирительную инстанцію и въ отношеніи такихъ дѣлъ судья является одновременно и примирителемъ.

телемъ, и органомъ судебной власти, но это представляется уступкою практическимъ соображеніямъ о неудобствѣ и дороговизнѣ заводить особыхъ представителей примирительнаго начала и для малоцѣнныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ. Нѣкогда были учреждены во Франціи особыя *bureaux de conciliation*, исключительно занимавшіяся склоненіемъ тяжущихся къ примиренію по всякимъ гражданскимъ дѣламъ, независимо отъ той или другой ихъ подсудности; но въ послѣдствіи эти *bureaux* были упразднены, а обязанности ихъ возложены на мировыхъ судей. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ обязанностей примирителя и судьи было допущено просто ради сокращенія расходовъ на содержаніе служебнаго персонала. Вообще же, по основной идее примирительнаго разбирательства, мировой судья является въ качествѣ беспристрастнаго и авторитетнаго совѣтника тяжущихся, не обремененнаго судебною властью.

Многіе считаютъ крайне стѣснительнымъ обрядъ примиренія сторонъ до предъявленія иска и готовы признать его пустомъ и совершенно излишнею формальностью. Нельзя, конечно, не согласиться, что для нѣкоторыхъ лицъ, намѣреющихся обратиться къ посредству судебной власти, установленный во Франціи порядокъ примиренія оказывается стѣснительнымъ и составляетъ для нихъ бесполезную формальность. Но этого еще недостаточно для признанія его вообще излишнимъ. Для опредѣленія значенія примирительнаго производства въ общемъ ходѣ правосудія необходимо удостовѣриться, на сколько имъ достигаются тѣ полезныя результаты, ради которыхъ оно установлено. Въ 1834 году, изъ числа 97,558 дѣлъ, поступившихъ къ мировымъ судьямъ для склоненія тяжущихся къ миру, болѣе одной трети окончилась примиреніемъ. Въ 1847 году, изъ 64,593 дѣлъ прекращено за примиреніемъ сторонъ 28,446. Въ 1856 г., изъ числа всѣхъ дѣлъ, производившихся у мировыхъ судей 70% на сто окончилась миромъ ¹. Въ 1861 году, къ 2,938 мировымъ судьямъ поступило собственно только для примирительнаго производства 60,555 дѣлъ, изъ которыхъ по 10,703 дѣламъ отвѣтчики вовсе не явились къ мировому судѣ — что исключало возможность склоненія къ примиренію, а по 6,072 дѣламъ они прислали повѣренныхъ, что уменьшало шансы на примиреніе; въ 20,488 дѣлахъ состоялось примиреніе ². Должно замѣтить, что порядокъ предварительнаго примиренія не вездѣ даетъ такіе же полезныя результаты, какъ во Франціи. До введенія судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, тамъ дѣйствовалъ французскій кодексъ гражданского судпроизводства и, слѣдовательно, практиковался обрядъ предварительнаго примиренія. Въ 1855 году, изъ числа 2,828 дѣлъ, поступившихъ къ 80 мировымъ судьямъ для склоненія

¹ Laferrière, *Essai sur l'histoire du droit français*, 1859, t. II, стр. 56.

² Block et Guillaumin, *Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1864*, стр. 75, 76.

сторонъ къ примиренію, окончено миромъ 221 дѣло; въ 1861 г., изъ 3,587 дѣлъ—196 дѣлъ, а въ 1873 г., изъ 4,181 дѣла—175 дѣлъ¹. Очевидно, миролюбивый исходъ дѣлъ зависитъ не отъ одного только порядка примиренія тяжущихся, но также и отъ наличности условий его успешности.

У насъ обрядъ предварительнаго примиренія встрѣчается только въ уставѣ уголовного судопроизводства. По 35 статьѣ этого устава, вѣдомству мирового судьи подлежатъ, собственно только для склоненія сторонъ къ миру, дѣла, влекущія за собою наказанія, болѣе строгія, чѣмъ какія можетъ налагать мировой судья, но которыя начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ и могутъ быть прекращены примиреніемъ. Обрядъ предварительнаго примиренія до предъявленія гражданскаго иска былъ отвергнутъ. Однако же, примирительная дѣятельность не устранена совершенно и въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Хотя, при обсужденіи основныхъ началъ судебной реформы, предполагалось не возлагать на члена общихъ судебныхъ учреждений разнородныхъ обязанностей примирителя и судьи²; но впоследствии, при разработкѣ правилъ гражданскаго судопроизводства, найдено нужнымъ предоставить предсѣдательствующему въ засѣданіи окружнаго суда по гражданскому дѣлу склонять тяжущихся къ примиренію въ томъ случаѣ, когда онъ «признаетъ это возможнымъ» (ст. 337 уст. гражд. судопр.). Если обрядъ предварительнаго примиренія по дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, и былъ отвергнутъ, а склоненіе тяжущихся къ примиренію при производствѣ дѣлъ въ окружномъ судѣ поставлено въ зависимость личнаго усмотрѣнія предсѣдателя, то за то примирительное начало должно было получить самое обширное примѣненіе въ мировомъ судѣ.

По первоначальному замыслу составителей судебныхъ уставовъ, наши мировые судьи должны были, по характеру своей дѣятельности, походить на тѣхъ *faiseurs de paix*, о которыхъ писалъ Вольтеръ. При начертаніи правилъ мирового судопроизводства, коммиссія по составленію уставовъ 20-го ноября 1864 года исходила изъ того мнѣнія, что мировой судья «долженъ быть, по преимуществу, судья-примиритель, такъ что рѣшенія мировымъ судьей поставляются только въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи». Предполагалось, что судебная функція будетъ у мировыхъ судей дѣломъ побочнымъ; главное же ихъ назначеніе должно составлять примиреніе тяжущихся. Согласно этому, намѣревались «поставить мирового судью въ такое положеніе, чтобы онъ дѣйствовалъ, по возможности, примирительно». Къ доставленію

¹ Журналъ гражданскаго и уголовного права за 1875 годъ, кн. 6, стр. 18.

² Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года, съ изложениемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Изданіе государственной канцеляріи. 1866, г. III, стр. 24 и 25.

мировому судѣ такого положенія разсчитывали приспособить правила судопроизводства въ мировыхъ установленіяхъ. Конструкция процесса въ мировомъ судѣ должна была быть до послѣдней степени несложная и доступная пониманію всѣхъ и каждаго. Главнымъ упрощеніемъ процесса признавалось освобожденіе его отъ всякихъ сложныхъ формальностей, стѣснительныхъ для суда и затруднительныхъ для тяжущихся. Что же касается системы формальныхъ доказательствъ въ гражданскомъ процессѣ, то имѣлось въ виду совершенно выжить ее изъ мирового суда. Да она и не соответствовала-бы его назначенію. «На мирового судью возлагается разсмотрѣніе маловажныхъ дѣлъ, возникающихъ почти ежедневно между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма, уважаетъ только естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ, на своихъ понятіяхъ о справедливости основанномъ рѣшеніи. Главная задача мирового судьи — удовлетворить насущнымъ потребностямъ народа въ судѣ по совѣсти». Поэтому нужно предоставить ему постановлять рѣшенія по внутреннему своему убѣжденію, сложившемуся на основаніи совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла. Всякій судья, конечно, долженъ разрѣшать дѣла «по убѣжденію совѣсти», но въ отношеніи мирового судьи это выраженіе имѣетъ особенный, специальный смыслъ. Въ гражданскомъ процессѣ для убѣжденія судьи есть, такъ сказать, обязательныя основы; какое бы ни сложилось у него личное мнѣніе, онъ не можетъ счесть недоказаннымъ то, что законъ признаетъ доказаннымъ при наличности извѣстныхъ данныхъ, которыя сами по себѣ могли бы показаться судѣ и необидительными. Но мировой судья не долженъ быть связанъ формальными доказательствами. Онъ вникаетъ въ индивидуальныя особенности каждаго дѣла, принимаетъ въ соображеніе различныя мѣстныя условія и обычаи, характеръ народонаселенія, его экономическій бытъ и т. д. Можетъ случиться, что, по конкретнымъ обстоятельствамъ дѣла, формальная законность окажется въ противорѣчій съ естественной справедливостью. Такъ какъ мировой судья постановляетъ рѣшенія «по убѣжденію совѣсти», то онъ можетъ, не стѣсняясь требованіями формальной законности, разрѣшить дѣло согласно съ естественной справедливостью. Однимъ словомъ, въ законодательной комиссіи рѣчь шла о томъ, чтобъ мировой судъ былъ судомъ по совѣсти, а не по писанному закону; чтобъ онъ, въ противоположность общимъ судебнымъ учрежденіямъ, согласовалъ свои рѣшенія не столько съ абстрактною, сколько съ конкретной справедливостью, но «главнѣйшая задача его, и высшее качество его правосудія — примиреніе».

Содѣйствовать окончанію дѣла примиреніемъ мировой судья можетъ двоякимъ образомъ: онъ можетъ предлагать тяжущимся примириться, т. е., въ сущности, просто освѣдомляться, не явилось-ли

у нихъ желанія къ примиренію, причежь самъ онъ ничѣмъ не способствуетъ зарожденію у нихъ такого желанія, или же судья склоняетъ стороны къ примиренію, т. е. употребляетъ извѣстныя старанія къ миролюбивому между ними окончанію дѣла. Склонять тяжущихся къ примиренію возможно опять-таки двумя различными способами. Во первыхъ, судья можетъ увѣщевать стороны примириться, выставляя имъ на видъ чисто нравственныя преимущества миролюбиваго исхода дѣла, не предлагая какихъ-либо условій, на которыхъ могло бы состояться примиреніе; во вторыхъ, онъ можетъ указывать имъ такой способъ разрѣшенія возникшаго между ними спора, при которомъ судебное рѣшеніе становится излишнимъ, то-есть указывать справедливыя, по его мнѣнію, ободныя или одностороннія уступки, ведущія къ заключенію мировой сдѣлки. Само собою разумѣется, что этого второй способъ склоненія къ примиренію не исключаетъ возможности употребленія и тѣхъ приемовъ, какіе свойственны первому изъ нихъ. Не безынтересно будетъ опредѣлить, въ чемъ, по нашимъ законамъ, должна заключаться примирительная дѣятельность судьи. По 120 ст. устава уголовного судопроизводства, въ дѣлахъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ, «мировой судья обязанъ склонять ихъ къ миру»; а по 165 ст. того же устава въ—подобныхъ дѣлахъ и предсѣдатель суда «старается примирить обвинителя съ обвиняемымъ». Въ уставѣ гражданского судопроизводства повелѣніе о склоненіи судьей къ примиренію выражено такъ: «по предварительномъ объясненіи съ обѣими сторонами, мировой судья предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, указывая дѣйствительныя, по его мнѣнію, къ тому способы. Мѣри для склоненія тяжущихся къ примиренію мировой судья обязанъ принимать и во время производства дѣла, и, только въ случаѣ неуспѣха, приступаетъ къ постановленію рѣшенія» (ст. 70). При сравненіи этихъ законоположеній, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе въ выраженіи велѣнія законодателя о примирительной дѣятельности мирового судьи въ уголовномъ и въ гражданскомъ процессахъ. Но на чемъ основывается это различіе? Имѣлъ ли въ виду законодатель выразить, что для примиренія обвинителя съ обвиняемымъ мировой судья долженъ употреблять иной способъ, чѣмъ при склоненіи къ миру истца съ отвѣтчикомъ, или же все сводится къ тому, что въ одномъ случаѣ, онъ изъяснилъ свою волю подробнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ другомъ? Наконецъ, не слѣдуетъ ли изъ указаннаго различія вывести заключеніе, что отъ судьи требуется большее усердіе при склоненіи къ примиренію въ гражданскихъ дѣлахъ, нежели въ уголовныхъ? Для разрѣшенія поставленныхъ нами вопросовъ приходится разсмотрѣть возможныя условія примиренія въ уголовномъ процессѣ. Примиреніе обвинителя съ обвиняемымъ можетъ состояться вслѣдствіе того, что первый изъ нихъ прощаетъ послѣднему правонарушеніе безусловно или же подѣ

условіемъ формальнаго извиненія. Единственно возможнымъ уступкою со стороны обвинителя будетъ согласіе удовлетвориться извиненіемъ обвиняемаго, а со стороны послѣдняго—готовность дать обвинителю такое удовлетвореніе. Никакой иной «сдѣлки» произойти между ними не можетъ. Правда, бываетъ и то, что уголовное дѣло иногда оканчивается примиреніемъ, вслѣдствіе того, что обвинитель получаетъ отъ обвиняемаго какую-нибудь общественную выгоду; но такъ какъ корыстная причина примиренія въ уголовной сферѣ признается противоправденною, то законодатель игнорируетъ ее. Такимъ образомъ, мировой судья не можетъ указывать противникамъ такіа условия примиренія, которыхъ они сами не имѣли бы въ виду. Его примирительныя старанія, по самой сущности дѣла, должны ограничиваться увѣщаніями чисто правоучительнаго характера. Но совсѣмъ не то въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь возможны очень разнообразныя уступки со стороны тяжущихся въ пользу другъ друга, а потому и примиреніе между ними можетъ состояться на столь же разнообразныхъ условіяхъ. Мировой судья можетъ убѣдить тяжущихся въ существованіи основательнаго повода къ уступкѣ, согласить ихъ относительно ея справедливаго размѣра и указать надлежащіе способы къ упроченію и огражденію интересовъ, выговоренныхъ каждою изъ сторонъ. Выступая въ роли примирителя въ уголовномъ процессѣ, мировой судья можетъ вліять на убѣжденія протавниковъ исключительно какъ моралистъ; въ гражданскомъ же процессѣ онъ можетъ повліять на него еще и какъ опытный знатокъ экономическаго быта, а въ извѣстныхъ предѣлахъ—даже и какъ юристъ-консультантъ. Это различіе зависитъ отъ свойствъ, дѣлей и интересовъ, преслѣдуемыхъ въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ. Ими же опредѣляется и особенный характеръ примирительной дѣятельности судьи въ томъ и другомъ процессѣ. Отсюда вытекаетъ также и различіе въ содержаніи ст. 120-ой устава уголовного и 70-ой ст. устава гражданскаго судопроизводства. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что законодатель не можетъ желать, чтобы примирительная дѣятельность судьи была энергичнѣе въ гражданскомъ процессѣ, чѣмъ въ уголовномъ, потому что дѣль склоненія гражданъ къ миролюбивому окончанію возникающихъ между ними несогласій одинакова въ обоихъ процессахъ.

Въ виду того, что склоненіе тяжущихся къ примиренію составляетъ главнѣйшую обязанность мировыхъ установленій, было бы чрезвычайно интересно узнать, въ какой мѣрѣ успѣшна ихъ примирительная дѣятельность. Но, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія нашей судебной статистики, не представляется возможности указать точныя числовыя данныя о количествѣ дѣлъ, оканчивающихся примиреніемъ тяжущихся. Мы думаемъ, однако же, что количество это должно быть относительно очень не велико. Къ такому заключенію приводитъ насъ

всѣмъ извѣстный способъ примѣненія мировыми судьями 70 ой статьи устава гражданскаго судопроизводства. Обыкновенно практикуемый приѣмъ склоненія тяжущихся къ примиренію заключается въ обращеніи къ нимъ, въ извѣстный моментъ процесса, съ стереотипною фразою: «не желаете ли вы окончить дѣло миромъ?» По полученіи отвѣта отрицательнаго, а чаще всего уклончиваго, благодаря тому, что ни одна изъ сторонъ не знаетъ даже, на какія уступки пошелъ бы его противникъ — мировой судья, безъ дальнѣйшихъ околичностей, записываетъ въ протоколъ, что примиренія между сторонами не состоялось. Ни о какомъ «склоненіи» тяжущихся къ примиренію нѣтъ и поминна. Исполняется только процессуальная формальность, да и то не какъ слѣдуетъ. Большая или меньшая степень усердія мирового судьи при склоненіи тяжущихся къ примиренію зависитъ отъ усмотрѣнія самого судьи, и никакой обязательной мѣры усердія съ его стороны, разумѣется, не можетъ быть установлено закономъ; но подробности обряда примиренія указаны въ 70-ой ст. устава гражданскаго судопроизводства, въ которой говорится, что «мировой судья предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, *указывая действительные, по его мнѣнію, къ тому способы*». Отъ болѣе или меньшей степени усердія судьи при примѣненіи этой мѣры къ примиренію, можетъ зависить миролюбивый исходъ дѣла. Хотя, при исключительно формальномъ отношеніи къ своей примирительной обязанности, мировой судья скорѣе всего и не достигнетъ тѣхъ цѣлей, ради которыхъ установленъ обрядъ примиренія, но онъ, при извѣстномъ взглядѣ на эту обязанность, можетъ успокоить свое чувство легальности точнымъ выполненіемъ формальностей, изъ коихъ состоитъ обрядъ. Въ практикѣ же нашихъ мировыхъ судей, склоненіе тяжущихся къ примиренію не исполняется даже и ради хотя бы одного только соблюденія формальности, потому что при этомъ не выполняются всѣ тѣ мѣропріятія, изъ которыхъ слагается обрядъ примиренія. Мы знаемъ, что законъ требуетъ содѣйствія судьи миролюбивому окончанію дѣла въ видѣ «склоненія» противниковъ къ примиренію, а не въ видѣ простого осѣдженія о томъ, не желаютъ ли они примириться, даже не въ видѣ однихъ только увѣщаній. Практикуемый мировыми судьями способъ умиротворенія тяжущихся ничего общаго съ «склоненіемъ» ихъ къ примиренію не имѣетъ. Участіе въ дѣлѣ мирового судьи въ качествѣ примирителя, обыкновенно, нисколько не содѣйствуетъ окончанію дѣла миромъ. Если же тяжущіяся и примиряются при производствѣ дѣла у мирового судьи, то это происходитъ совершенно независимо отъ его примирительной дѣятельности. Вообще же можно сказать, что въ настоящее время лишь незначительный процентъ на общее количество поступающихъ къ мировымъ судьямъ дѣлъ оканчивается примиреніемъ.

Очень часто приходится слышать нареканія на мировыхъ судей за формалистическій характеръ ихъ примирительной дѣя-

тельности. Что она оказывается малоуспѣшною — это ми для кого уже не тайна. Многие склонны думать, что одна только лѣнность и невниманіе мировыхъ судей къ своей главной обязанности заставляють ихъ относиться къ примиренію тяжущихся, какъ къ простой формальности, въ исполненіе которой они не впадаютъ никакого усердія. Мы не можемъ съ этимъ согласиться, думая, что примирительному началу въ судебномъ процессѣ не посчастливилось у насъ, и по другимъ, болѣе серьезнымъ и труднѣе устранимымъ причинамъ.

Возвратимся опять къ типу мирового судьи эпохи составленія основныхъ положеній судебной реформы. Тогда предполагалось, что мировой судья будетъ избираемъ изъ числа мѣстныхъ жителей; что онъ будетъ имѣть внѣшнюю связь съ своимъ участкомъ при посредствѣ имущественнаго ценза. При обсужденіи проекта мирового судоустройства, постоянно налегали на то, что мировой судья будетъ «кореннымъ» жителемъ той мѣстности, гдѣ будетъ находиться кругъ его дѣятельности. Этому обстоятельству придавали въ то время огромное значеніе. Дѣло въ томъ, что на знаніе мировымъ судьей мѣстныхъ отношеній и обычаевъ, хозяйственнаго быта и характера населенія возлагались тогда большія надежды, какъ на главное подспорье къ успѣшному отправленію имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Судить не по строгому правилу, а по совѣсти и обычаю, точно такъ же, какъ и быть примирителемъ, только и можно подъ условіемъ полнаго и всесторонняго знакомства съ мѣстными нуждами, интересами, обычаями и понатіями населенія. А такое знакомство можетъ быть вполне доступно только для мѣстнаго же жителя. Чтобы указывать сторонамъ «дѣйствительные» способы къ примиренію, часто нужно знать даже ихъ личныя свойства, вникать въ ихъ временныя отношенія, для чего недостаточно тѣхъ матеріаловъ, какіе можетъ доставить производство дѣла у мирового судьи, не исключая представляемыхъ тяжущимися документовъ и словесныхъ объясненій. Только будучи мѣстнымъ жителемъ, мировой судья можетъ обладать тѣми свѣдѣніями, какія ему необходимы для отправленія правосудія не по писанному закону, а по совѣсти и обычаю. Для обезпеченія за мировыми судьями задатковъ успѣшной дѣятельности, предполагалось косвеннымъ образомъ, а именно при посредствѣ имущественнаго ценза, достигнуть того, чтобы они избирались изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ 19-ой ст. учрежденія судебныхъ установленийъ такъ-таки и говорится: «въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ мѣстныхъ жителей», которые удовлетворяютъ известнымъ требованіямъ, поименованнымъ въ той же статьѣ. Въ числѣ этихъ требованій значится обладаніе опредѣленнымъ количествомъ недвижимаго имущества, которое, однако же, можетъ находиться не въ той мѣстности, даже и не въ той губерніи, гдѣ его владѣлецъ баллотированъ въ мировые судьи. Если въ намѣреніе законодателя входило установить, посредствомъ

имущественного ценза, известную связь между лицом, избираемым въ мировые судьи, и тою мѣстностью, въ которой должна совершаться его дѣятельность, то нужно признать, что такая связь совершенно порвана допущеніемъ представлять въ цензъ недвижимое имущество, находящееся и не въ той мѣстности, гдѣ его владѣлецъ выступаетъ кандидатомъ на должность мирового судьи. Такой кандидатъ можетъ не имѣть ничего общаго съ тою мѣстностью, гдѣ онъ будетъ избранъ въ мировые судьи. Кроме того, развѣ, ради формальнаго удовлетворенія требованію закона объ имущественномъ цензѣ, не изобрѣтены такъ называемыя «фигтивные» цензы? Развѣ сонскатели должности мирового судьи не додумались до приобрѣтенія для ценза гдѣ-нибудь на сторонѣ сыпучихъ песковъ по 50 копеекъ за десятину? Да и, наконецъ, оставя всѣ эти практическія приспособленія къ удовлетворенію требованія закона о цензѣ, развѣ мѣстный землевладѣлецъ непременно бываетъ и мѣстнымъ жителемъ? Въ дѣйствительности, сплошь да рядомъ, мировой судья оказывается совершенно чуждымъ той мѣстности, гдѣ онъ служитъ. Говоря «чуждымъ», я подразумеваю только отсутствіе той тѣсной связи между нимъ и мѣстомъ его служебной дѣятельности, какая первоначально имѣлась въ виду; но само собою разумѣется, что, при выборномъ порядкѣ замѣщенія должности мирового судьи, лицо, занявшее эту должность, должно имѣть известныя отношенія къ той мѣстности, въ которой послѣдовало избраніе его въ мировые судьи. Однако же, отношенія эти могутъ быть таковы, что результатомъ ихъ не будетъ приобрѣтеніе обстоятельнаго знанія условій мѣстной жизни. Дѣло можетъ ограничиваться знакомствомъ съ вліятельными избирателями или хорошею репутациею; но этимъ еще не обезпечивается всестороннее знаніе известной мѣстности. Брядъ ли можно предположить, что мировой судья, чуждый той сферы, въ которой ему приходится дѣйствовать, окажется хорошимъ совѣтникомъ тяжущихся, какимъ онъ непременно долженъ быть при склоненіи ихъ къ примиренію. Для этого недостаточно знакомства съ лицевой стороною дѣла, которая одна только и обнаруживается тяжущимися передъ судомъ. Трудно указать противникамъ подходящія для нихъ условія мировой сдѣлки, не зная ихъ понатій, ихъ экономическихъ интересовъ. Вотъ волостные судьи, такъ тѣ могутъ быть убѣдительными совѣтниками, а потому также и дѣятельными примирителями тяжущихся, потому что они обладаютъ не только знаніемъ всего этого, но еще даже и знаніемъ индивидуальныхъ свойствъ характера каждаго изъ нихъ. Мировой судья, если онъ — не мѣстный житель, ознакомившійся съ интересами и понятіями населенія, можетъ вліять на тяжущихся развѣ только авторитетомъ своего почетнаго положенія, но отнюдь не убѣдительностью его мнѣнія о справедливыхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ мировой сдѣлки. Поэтому-то чаще всего попытки мировыхъ судей къ примиренію тяжущихся не достигаютъ цѣли.

а затѣмъ уже они, сознавая или нѣтъ настоящую причину неудачи своихъ попытокъ, но имѣя въ виду ихъ результаты, смотрять на обязанность склонять тажущихся къ примиренію, какъ на одну только формальность. Ихъ дѣятельность становится чисто судебною. Посмотримъ теперь, каково можетъ быть ея направленіе.

При разработкѣ правилъ гражданскаго судопроизводства, мысль составителей основныхъ началъ судебной реформы—предоставить мировымъ судьямъ право судить по совѣсти, а не по писанному закону—значительно поблекла. Здѣсь рѣчь шла уже только о томъ, чтобы возможно менѣе стѣснять мирового судью формальною законностью. При практическомъ осуществленіи этого намѣренія, представилась трудно разрѣшимая дилемма. Упростить правила мирового судопроизводства, освободивъ ихъ отъ сложныхъ и стѣснительныхъ формальностей общаго процесса, можно было безъ всякаго затрудненія; но какимъ образомъ согласовать право рѣшать дѣла по совѣсти и обязательность примѣненія свода законовъ? Въ 129 ст. устава гражд. судопр. мы встрѣчаемъ такое разрѣшеніе этой трудной задачи: «мировой судья, опредѣливъ, по убѣжденію совѣсти, значеніе и силу доказательствъ, постановляетъ рѣшеніе, которое не должно противорѣчить закону». Смыслъ приведенной статьи преграждаетъ мировому судья всякую возможность обойти постановленіе писаннаго права, ради достиженія въ своемъ рѣшеніи конкретной справедливости. Какъ бы ни было правильно его рѣшеніе съ точки зрѣнія естественной справедливости, оно непремѣнно подлежитъ кассациі, если не будетъ согласоваться съ закономъ. Такимъ образомъ, мировой судья, при разрѣшеніи дѣлъ, долженъ руководиться не субъективнымъ понятіемъ о справедливости, а исключительно положительнымъ закономъ.

Разсчитывали, что въ мировомъ судѣ вспомогательнымъ источникомъ права будетъ служить обычай. «Значеніе и сила обычая въ жизни, разсуждали составители судебныхъ уставовъ:—требуютъ, чтобы онъ былъ допущенъ и при разборѣ дѣлъ у мирового судьи, ибо въ противномъ случаѣ стѣснялась бы, безъ всякой надобности, самая жизнь, и рѣшеніе мирового судьи было бы явно несправедливымъ». Примѣненіе обычая обставлено условіями, очень сходными съ тѣми, при наличности которыхъ дозволяется рѣшать дѣла по совѣсти. По 130 ст. уст. гражд. судопр., мировой судья можетъ руководствоваться мѣстными обычаями «лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами». По замѣчанію покойнаго И. Г. Орнанскаго, статья 130 носитъ въ себѣ зародыши своей неосуществимости. Условія возможности примѣненія обычая оказываются слишкомъ затруднительными и сложными. Сюда въ особенности относится то правило, что обычай можетъ быть примѣняемъ лишь къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые не разрѣшены

закономъ. На основаніи 9 ст. уст. гражд. судопр., обязательной и для мировыхъ учреждений, въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія существующихъ законовъ, судъ обязанъ основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ закона. Поэтому, не можетъ возникнуть въ дѣлѣ такого юридическаго вопроса, который не разрѣшался бы если не буквальнымъ, то общимъ смысломъ закона. Стало быть, мировой судья вовсе не имѣетъ возможности примѣнять когда-либо обычай по случаю неполноты законовъ¹. Еще того менѣе возможно примѣненіе обычая, противорѣчащаго закону (*consuetudo legi contraria*).

При обсужденіи правилъ гражданского судопроизводства, въ мировыхъ учрежденіяхъ, было высказано много очень вѣскихъ доводовъ въ пользу ихъ простоты и немногосложности. Указывали, между прочимъ, на желательную общедоступность мирового суда, которому будутъ подсудны дѣла, возникающія изъ случаевъ повседневной жизни. Простота конструкции процесса должна соответствовать объему юрисдикціи этого суда. Зачѣмъ было бы обременять производство мировыхъ судей балластомъ сложныхъ формальностей, когда въ вѣдомству ихъ отнеслись «малоцѣбныя» и «маловажныя» дѣла, не требующія особенныхъ юридическихъ мудрствованій? «Малоцѣбность» и «маловажность» дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ, имѣли самое рѣшительное влияние во всѣ периоды разработки основъ судебной реформы и притомъ не только на организацію процесса, но и на судоустройство. «Къ предметамъ вѣдомства мирового судьи, значитъ въ журналѣ законодательной комиссіи:—должны быть отнесены только дѣла самыя простыя и несложныя, не представляющія трудности въ разрѣшеніи. Сюда относятся: вообще малоцѣбные иски, основанные на личныхъ обязательствахъ и договорахъ, иски о движимости, о вознагражденіи за ущербъ и убытки...» По поводу раздѣленія дѣлъ на цѣбныя и малоцѣбныя, Миттермайеръ замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи «Ueber den gegenwärtigen Zustand der Civilprozessgesetzgebung in Deutschland», что такое раздѣленіе совершенно произвольно и не основывается на какомъ-либо принципѣ. Почему искъ въ 500 рублей, подсудный, по нашему уставу гражданского судопроизводства, мировому судѣ, съ увеличеніемъ исковой суммы на одинъ рубль, перестаетъ быть малоцѣбнымъ, вслѣдствіе чего измѣняется его подсудность? ужь, конечно, никакъ не потому, что различіе относительнаго значенія цѣбности этихъ двухъ исковъ выжидается на какомъ-нибудь рациональномъ основаніи. Тутъ все дѣло заключается въ томъ, что чисто практическія соображенія вызываютъ надобность установить какой-нибудь тахімумъ цѣбны иска, за предѣлами котораго измѣняется его подсудность. Этотъ тахімумъ, опредѣляя подсудность дѣлъ, имѣетъ исключительно лишь процессуальное значеніе. Юридическая сложность дѣла не находится ни въ какой

¹ Журналъ гражданского и уголовного права. 1875 г. кн. 5, стр. 31—32.

зависимости отъ его цѣнности. Разрѣшеніе тысячнаго иска можетъ представлять менѣе юридическихъ трудностей, чѣмъ какъ могутъ представиться въ искѣ о десяти рубляхъ. А что это возможно не теоретически только, а и въ дѣйствительности часто такъ бываетъ, то простѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить сборникъ рѣшеній гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената, изъ котораго легко убѣдиться, что большую часть сложныхъ и трудныхъ юридическихъ вопросовъ сенату приходилось разрѣшать при повѣркѣ рѣшеній мировыхъ сѣздовъ. Отсюда слѣдуетъ, что юридическая сложность дѣла нисколько не зависитъ отъ его цѣнности. Въ заключеніе приведенныхъ соображеній относительно раздѣленія дѣла на цѣнныя и малоцѣнныя, слѣдуетъ уюмануть, что, при опредѣленіи степени состоятельности такого раздѣленія, должна быть принята во вниманіе и относительность понятія о малоцѣнности. Для бѣдныхъ людей, говоритъ Миттермайеръ, небольшая сумма имѣетъ такое же значеніе, какъ для богатыхъ большая. Но, кромѣ того, въ отношеніи принятаго у насъ maximum'a исковой суммы дѣлъ, относимыхъ къ категоріи малоцѣнныхъ, нужно еще замѣтить, что дѣло въ 500 рублей можетъ быть признано малоцѣннымъ развѣ въ богатой Англій или въ Соединенныхъ Штатахъ.

Говоря о «маловажныхъ» дѣлахъ, составители судебныхъ уставовъ часто подъ маловажностью понимали собственно малоцѣнность и употребляли эти слова, какъ синонимы; но болѣею частію «маловажными» дѣлами они называли такіа дѣла, въ которыхъ предположительно не можетъ представляться трудныхъ и сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Сюда они относили иски по личнымъ обязательствамъ и о движимости; всѣ же дѣла о недвижимомъ имуществѣ изъяты изъ категоріи маловажныхъ дѣлъ. Раздѣленіе дѣлъ по вышеуказаннымъ признакамъ на важныя и маловажныя такъ же произвольно, какъ и дѣленіе ихъ на цѣнныя и малоцѣнныя. Пожалуй, съ извѣстной точки зрѣнія, дѣла о недвижимой собственности, дѣйствительно, представляются важнѣе дѣлъ о движимости и личныхъ искахъ, но только такая точка зрѣнія будетъ уже не цивилистическая. Ни которая изъ этихъ двухъ категорій дѣлъ не отличается преимущественною юридическою трудностью. При разрѣшеніи дѣлъ, какъ о недвижимости, такъ и о движимости, а равно исковъ по личнымъ обязательствамъ, могутъ потребоваться одинаково тонкій юридическій анализъ и глубокія познанія въ юриспруденціи. Впрочемъ, Миттермайеръ совершенно раздѣляетъ мнѣніе того члена баварской законодательной комиссіи, который, при обсужденіи проекта кодекса гражданского судопроизводства, утверждалъ, что дѣла по обязательствамъ труднѣе дѣлъ о недвижимости.

Если признать, что малоцѣнности дѣла не соответствуетъ всегда юридическая простота и что дѣла о недвижимости не отличаются несравненными трудностями, то окажется, что наши мировые судьи разрѣшаютъ столь же трудныя и сложныя во-

проси гражданского права, какъ и общія судебныя мѣста. Нужно при томъ имѣть въ виду, что они должны разрѣшать ихъ по тѣмъ же самымъ юридическимъ началамъ, какими руководствуются окружныя суды и судебныя палаты. Мы уже видѣли, что право мировыхъ судей основывать рѣшенія на субъективномъ чувствѣ справедливости и на обычаяхъ хотя и признано въ принципѣ, но осуществленіе его допускается лишь при наличности такихъ условій, которыя едва ли могутъ встрѣтиться на самомъ дѣлѣ. Въ концѣ-концовъ, наши мировые судьи, при разрѣшеніи дѣлъ, могутъ руководствоваться только положительнымъ правомъ, пользуясь, какъ пособіемъ, общими научными началами. Хотя уже и самый текстъ судебныхъ уставовъ свидѣлствуетъ объ этомъ съ достаточною ясностію, однако же, практика поняла это не сразу. Для вразумленія ея понадобилась многолѣтняя регулирующая дѣятельность сената. Но теперь уже дѣло выяснилось на чистоту. Если же и въ послѣднее время нѣкоторые мировые сѣзды разрѣшаютъ дѣла «на основаніи *трогательнаго* объясненія истины» (см. гражд. кас. рѣш. 1875 г. № 545), то это объясняется тѣмъ, что ихъ члены не одержимы склонностію слѣдить за кассационною практикою и спеціальною литературою, или же что они, и при всемъ добромъ желаніи, не могли преобразиться въ юристовъ.

Законодательная коммиссія, обсуждавшая проектъ устава гражданского судопроизводства, никогда не переставала считать въ числѣ источниковъ права, на которыхъ мировые судьи будутъ основывать свои рѣшенія, обычай и естественную справедливость. Если же оказалось, что пользование этими источниками допущено лишь при наличности такихъ условій, которыя вовсе не могутъ наступить, то это, конечно, не было создаваемо коммиссіею. Нельзя же предположить, чтобъ доступъ къ признаннымъ самою коммиссіею источникамъ права былъ ею же прегражденъ сознательно. Разсчитывая, что мировой судъ будетъ органомъ не одного только формальнаго правосудія, она располагала установить соотвѣтствующія этому судопроизводственнымъ правиламъ. Только спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, выяснилось, что, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ, мировые судьи должны руководствоваться исключительно сводомъ законовъ. Причина исключенія изъ числа источниковъ права обычая и естественной справедливости явилась, какъ мы видѣли, въ постановленіяхъ устава гражданского судопроизводства, а не въ нерасположеніи мировой практики къ разрѣшенію дѣлъ по совѣсти и обычаю, подъ влияніемъ котораго могло бы произойти извращеніе смысла этихъ постановленій. Напротивъ того: въ первое время, мировая практика, раздѣляя господствовавшую въ обществѣ увѣренность, что судебная дѣятельность мировыхъ судей будетъ отличаться патриархальнымъ характеромъ, недостаточно внимала въ смыслъ законоположеній, опредѣлявшихъ дѣйствительный характеръ дѣятель-

ности мировых учреждений, и воображала, что она может не стѣсняться требованиями формальной законности. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой иллюзіи была масса отиѣненныхъ сенатомъ рѣшеній мировыхъ сѣздовъ. Когда съ теченіемъ времени выяснилось, что мировые судьи должны разрѣшать вопросы гражданскаго права «на точномъ основаніи законовъ», тогда обнаружилась недостаточность правилъ устава гражданскаго судопроизводства въ мировыхъ установленіяхъ, предназначеннаго преимущественно для суда по совѣсти и обычаю, а не по строгимъ и сложнымъ началамъ положительнаго права.

Формы процесса должны, по возможности, содѣйствовать раскрытію матеріальной истины. Чѣмъ эти формы совершеннѣе, тѣмъ онѣ болѣе способствуютъ проявленію конкретной справедливости. Но въ гражданскомъ процессѣ послѣдняя пока составляетъ только *pium desiderium* законодателя и ученыхъ. Современная наука права указываетъ лишь такую конструкцію процесса, которая способствуетъ обнаруженію условной, формальной правды, возможно болѣе согласующейся съ дѣйствительною, конкретной правдою. Процессуальныя правила, предназначенныя содѣйствовать открытію истины, составляютъ гарантію правосудія. Такъ думали и составители судебныхъ уставовъ, заключившіе свои соображенія по этому поводу замѣчаніемъ, что никакой судъ не можетъ обойтись безъ этихъ правилъ, «ибо безъ нихъ онъ былъ бы не судомъ, а произвольною расправою». Объ освобожденіи производства мировыхъ судей отъ всякихъ процессуальныхъ формальностей не могло быть и рѣчи, такъ какъ отъ нихъ не освобождено даже производство волостныхъ судовъ. Вопросъ сводился къ опредѣленію степени простоты и несложности порядка мирового судопроизводства. По мнѣнію законодательной комиссіи, общій характеръ его опредѣлялся свойствомъ подѣломственныхыхъ мировому суду дѣлъ, относящихся къ числу «маловажныхъ» и «малоцѣнныхъ». Правильность разрѣшенія такихъ дѣлъ не представляется надобности обеспечивать сложными формами процесса. Соответственно этому мнѣнію, были установлены самыя простыя и немногосложныя правила судопроизводства въ мировыхъ учрежденіяхъ. Когда же обнаружилось, что мировые судьи должны разрѣшать дѣла по тѣмъ же юридическимъ началамъ, какъ и общія судебныя мѣста, а съ другой стороны оказалось, что трудность и сложность дѣлъ не зависятъ отъ ихъ цѣнности, тогда стала чувствоваться недостатокъ общепринятыхъ гарантій правосудія въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, предназначенномъ для мирового суда. Явилась надобность почти въ такомъ же сложномъ процессуальномъ аппаратѣ, какимъ дѣйствуютъ общія судебныя учрежденія. Но безъ мнѣшательства законодательной власти гдѣ было взять процессуальныя гарантіи правосудія, которыхъ не заключалось въ уставѣ? На этотъ разъ дѣло обошлось безъ той «ломки» судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, которой такъ страхались нѣкоторые

ихъ почитатели, со стороны законодательной власти не послѣд-
вало измѣненія ни одной буквы въ уставахъ; а между тѣмъ,
формы гражданскаго процесса въ мировомъ судѣ подверглись
весьма значительнымъ преобразованіямъ. Передѣлка устава гра-
жданскаго судопроизводства производилась такимъ способомъ, что
ходъ ея былъ замѣтенъ далеко не для всѣхъ. Пополненіе уста-
ва недостававшими въ немъ процессуальными правилами было
совершено сенатомъ; но само собою разумѣется, что кассацион-
ный судъ, не обладающій законодательною властью, не могъ бы,
оставаясь въ предѣлахъ присвоенной ему власти, восполнять про-
бѣлы устава, еслибъ въ самомъ уставѣ не заключалось извѣст-
ной точки опоры для дѣятельности его въ этомъ направленіи.
Такою точкою опоры послужило содержаніе 80-й статьи устава
гражданскаго судопроизводства. Въ этой статьѣ говорится, что
«случаи, въ которыхъ мировой судья встрѣтитъ въ порядкѣ судо-
производства какое-либо затрудненіе, разрѣшаются имъ по со-
ображеніи постановленій, возложенныхъ въ настоящей книгѣ (т. е.
въ уставѣ мирового судопроизводства), съ подробными правила-
ми судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ». Граждан-
скій кассационный департаментъ сената пояснилъ, что правила
судопроизводства, установленныя для общихъ судебныхъ мѣстъ,
должны быть примѣняемы по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ
установленіямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не устано-
влено особыхъ изъятій для этихъ установленій и въ которыхъ при-
мѣненію тѣхъ правилъ не препятствуютъ нѣкоторыя особенности
въ порядкѣ производства, опредѣленныя исключительно для ми-
ровыхъ установленій. Во всѣхъ случаяхъ, для которыхъ въ уста-
вѣ особаго постановленія для мировыхъ судей не содержится,
они безусловно должны руководствоваться правилами судопроиз-
водства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ¹. Смыслъ одного позд-
нѣйшаго кассационнаго рѣшенія приводить къ заключенію, что
въ тѣхъ случаяхъ, когда особенности въ порядкѣ судопроизвод-
ства, опредѣленныя исключительно для мирового суда, препят-
ствуютъ примѣненію правила, установленнаго для общихъ судеб-
ныхъ мѣстъ, то правило это все-таки можетъ быть примѣняемо
мировыми судьями, но только «не безусловно», а лишь въ той
мѣрѣ, насколько оно можетъ быть принаровлено къ связаннымъ
особенностямъ» (гражд. кас. рѣш. 1875 г. № 264). Ближайшія цѣ-
ли настоящей статьи не требуютъ разрѣшенія вопроса о томъ,
насколько формулированное сенатомъ общее правило руководства
мировыми судьями законоположеніями, опредѣляющими порядокъ
судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, правильно при-

¹ См., наприм., кас. рѣш. 1867 г. № 187; 25 апр. и 9 окт. 1874 г. по дѣлу
Гаянцкой (Клирмихъ и Ковалевскій, Систематическій сборникъ рѣшеній гра-
жданскаго кассационнаго департамента правит. сената за 1874 годъ, т. II стр.
588); 9 янв. 1876 г. по дѣлу правленія товарищества никольской мануфакту-
ры («Судеб. Вѣстникъ» 1876 г. № 153) и мн. др.

мѣнялся имъ въ частнымъ случаямъ, т. е. насколько основательно сенатъ считаетъ обязательнымъ для мировыхъ учреждений примѣненіе той или другой статьи, помѣщенной въ отдѣлѣ устава гражданскаго судопроизводства, предназначенномъ для окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Для насъ достаточно знать, что указаннымъ путемъ постепенно были введены въ производство мировыхъ судей всѣ формы общаго процесса. Въ настоящее время, уже никакъ нельзя сказать, что правила гражданскаго судопроизводства въ мировомъ судѣ отличаются простотою и немногогосложностью. Ошибочно было бы думать, что, при знаніи корочекаго устава для мировыхъ учреждений, можно вести дѣло у мирового судьи, не рискуя натворить непоправимыхъ процессуальныхъ ошибокъ и упущеній. Теперь въ мировой судъ можно являться безъ опасенія проиграть вѣрное дѣло только во всеоружіи знанія судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и полнаго знакомства съ кассационною практикою. Но къ этому нужно еще присоединить почти совершенно такой же обширный запасъ свѣдѣній по гражданскому праву, какой требуется для веденія дѣлъ въ окружномъ судѣ. Неспециальность справиться со всѣмъ этимъ отнюдь не можетъ. А между тѣмъ, надъ всѣмъ, обращаясь въ мировой судъ, тагуетъ юридическая фикція, что правильно обнародованный законъ считается известнымъ каждому гражданину. Никакихъ послабленій и изъятій изъ этого общаго начала не допускается, а потому и въ мировомъ судѣ не можетъ имѣть примѣненія правило, по которому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для лицъ извѣстнаго сословія и общественнаго положенія, *ius ignorare permissum est*.

Теперь своевременно будетъ обратиться къ указанію той причины исключительно формальнаго отношенія нашихъ мировыхъ судей къ обязанности примирять тяжущихся, которую ранѣе мы должны были обойти молчаніемъ. Мы говорили уже, что, при склоненіи ихъ къ примиренію, мировому судѣ приходится указывать имъ на справедливость взаимныхъ уступокъ и опредѣлять размѣръ послѣднихъ. Предлагая сторонамъ безобидныя, по его мнѣнію, условія мироваго сдѣлки, судья руководствуется чисто субъективнымъ понятіемъ справедливости, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что въ извѣстномъ частномъ случаѣ оно можетъ и не согласоваться съ формальною справедливостью. Если старанія мироваго судьи о примиреніи тяжущихся не увѣчатся успѣхомъ, а это легко можетъ случиться, если одинъ изъ противниковъ понимаетъ, что формальная правда на его сторонѣ, то судѣ приходится постановить судебное рѣшеніе. При рѣшеніи судьею дѣлъ по совѣсти и обычаю, оно можетъ быть постановлено какъ разъ въ духѣ тѣхъ условій, на которыхъ онъ предлагалъ окончить дѣло миромъ. Въ случаѣ же сужденія дѣлъ по строгому праву, рѣшеніе мироваго судьи непременно должно согласоваться съ формальною законностью, хотя бы смыслъ его былъ диаметрально противоположенъ тѣмъ условіямъ, которыя,

при склоненіи тяжущихся къ примиренію, онъ самъ же предлагать или только одобрять, какъ справедливыя. Въ гражданскихъ дѣлахъ коллизія между формальною и естественною справедливостію можетъ встрѣтиться очень нерѣдко. Для не-юриста трудно примириться съ предпочтеніемъ первой, дѣлаемымъ, однакоже, ради достиженія послѣдней изъ нихъ, при чемъ предпочтеніе формальной законности разсматривается какъ гарантія конечнаго стремленія къ конкретной справедливости; для человѣка же малообразованнаго подобныя тонкости и вовсе недоступны. Разнорѣчіе формальной законности съ естественною справедливостію, выражающееся какимъ-нибудь практически ощутительнымъ для него образомъ, представляется ему просто беззаконіемъ. Выраженія: «законно» и «справедливо» онъ считаетъ синонимами. На такого человѣка должно произвести глубокое впечатлѣніе рѣшеніе мирового судьи, разрѣшающее споръ между тяжущимися несогласно съ тѣмъ, какъ онъ считалъ справедливымъ его окончить, когда склонялъ ихъ къ примиренію. Въ его головахъ возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Почему, напримѣръ, мировой судья, признавъ, при склоненіи тяжущихся къ примиренію, какую-нибудь уступку со стороны того или другого изъ нихъ справедливою, не принудилъ къ ней въ рѣшеніи? Если силою закона нельзя заставить сдѣлать такую уступку, то почему же мировой судья выдавалъ ее за справедливую? Не выходитъ ли, что онъ тянулъ въ сторону противоположную закону? Какъ могло случиться, что рѣшеніе судьи находится въ противорѣчій съ его же собственнымъ понятіемъ о справедливости? Я не буду утверждать, что каждый изъ тяжущихся дѣйствительно станетъ задаваться такими вопросами; но полагаю, что мировой судья всегда имѣетъ основаніе думать, что онъ можетъ ими задаться. Сознаніе возможности щекотливаго недоумѣнія со стороны тяжущагося по поводу несогласія, основаннаго на формальныхъ соображеніяхъ рѣшенія мирового судьи съ началами естественной справедливости, къ примѣненію которыхъ онъ собственно склонялъ ихъ, ставитъ его въ ненормальное и тягостное положеніе. Опасеніе стать въ такое положеніе можетъ иногда ослабить усердіе мирового судьи при склоненіи тяжущихся къ миру и заставить его исполнять обрядъ примиренія только для соблюденія формальности.

В. Исаковъ.

Воскресенское, 11 нояб. 1877 г.

НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЫИ.

(Мотивы и выводы.)

VIII.

Послѣ Вѣны Пешть — важный центр славянства. На это у насъ никто, хорошенко, не обращалъ вниманія. Вообще, наши отношенія къ мадьярамъ — самыя одностороннія. Нашу печать вовсе не оправдываетъ то обстоятельство, что сами мадьяры, въ послѣднее время, предались немстовому антагонизму со всѣми, что носить на себѣ отпечатокъ славянскихъ идей. Мы, ни въ журналистикѣ, ни въ книжной литературѣ, не занимаемся серьезно этимъ своеобразнымъ и страннымъ народомъ, который, во всякомъ случаѣ, будетъ долго играть роль въ борьбѣ южнаго и югозападнаго славянства. Ниже, я выскажу свое мнѣніе, въ какой степени мадьяры будутъ вліять на судьбы славянства; но значеніе ихъ, какъ антиславянской націи въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, несомнѣнно, и они заслуживаютъ болѣе точнаго изученія и даже (насколько это возможно для друзей славянства) безпристрастнаго отношенія къ ихъ исторической роли, къ ихъ стремленіямъ, національнымъ задачамъ, достоинствамъ и недостаткамъ. Сообразите только, что Пешть теперь — не провинціальныи городъ, какъ 12 лѣтъ тому назадъ, а настоящая, всѣми признанная, узаконенная столица государства чуть не въ 20 миллионновъ жителей, изъ которыхъ почти половина принадлежитъ къ славянскому племени.

Мадьяры, въ силу своего сглаженія съ Австрійской Имперіей или, лучше сказать, съ домомъ Габсбурговъ, заняли, какъ извѣстно, исключительное положеніе не только въ своей собственной Транслейтаніи, но и вообще въ Австріи. (Сказать въ скобкахъ: они не любятъ слово «Транслейтанія»; они просто говорятъ «корона святаго Стефана» или «Венгерское королевство», прибавляя, что Транслейтанію выдумали иѣмцы, чтобы смягчить значеніе весьма невыгоднаго для нихъ дуализма).

Чтобы возможно-объективнѣе посмотреть на мадьяровъ, слѣдуетъ припомнить, что они, какъ нація, въ своемъ общественномъ и

культурномъ характерѣ, очень и очень напоминаютъ *наше* социальный складъ. Собственно говоря, это—земледѣльческій народъ съ помѣщичьимъ сильнымъ и вліятельнымъ сословіемъ и съ массою крестьянства, находящагося отъ помѣщиковъ въ матеріальной зависимости. Цѣлыя губерніи Русской Имперіи, въ особенности наши западныя окраины въ Литвѣ и Польшѣ, представляютъ или недавно еще представляли почти такую же картину; разница состоитъ только въ степени довольства крестьянъ и въ той политической фizioноміи, которую землевладѣльческое сословіе приобрѣло въ Венгріи. Кто на своемъ вѣку встрѣчался со старыми венгерскими помѣщиками, бесѣдовалъ съ ними, изучалъ немножко ихъ типъ, взгляды и отношенія къ сельскому сословію, тотъ во многомъ узнавалъ нашу родную Русь. Опять повторяю: разница заключается только въ новѣйшемъ, чисто-политическомъ развитіи высшаго сословія. Средняго класса, буржуазіи, въ Венгріи сравнительно мало. Города, за исключеніемъ Пешта, скорѣе—огромныя села, чѣмъ настоящіе города. Въ странѣ національное промышленное развитіе самое слабое, а торговля и городская индустрія находятся, по большей части, въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ. Мадьяръ, оставаясь вѣрныя традиціямъ своего національнаго типа—воинъ, помѣстный баринъ, земледѣлецъ, винодѣль или спотоводъ. Торговля и промышленность и все то, что составляетъ жизненную струю буржуазнаго сословія, до сихъ поръ не развито въ Венгріи и не находится въ почетѣ въ глазахъ истыхъ мадьяровъ. Я припоминаю рассказъ одного русскаго чиновника, человека развитаго и наблюдательнаго, который былъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, посланъ изучать табачное производство въ Западной Европѣ. Онъ жилъ и въ Венгріи и пораженъ былъ этимъ отсутствіемъ промышленнаго развитія богатой страны. Венгерскіе землевладѣльцы такъ равнодушны къ успѣхамъ технического и торговаго дѣла, что даже не пользуются, какъ слѣдуетъ, продуктами своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, не строятъ даже фабрикъ, заводовъ въ такомъ количествѣ, какое могло бы соответствовать хлѣбородію венгерской земли; но тѣ же помѣщики, въ смыслѣ государственнаго, политическаго развитія страны, играютъ самую выдающуюся роль. Русскимъ читателямъ извѣстно, что мадьяры создали свою новѣйшую конституцію въ духѣ консервативнаго либерализма, консервативнаго въ томъ смыслѣ, что они удержали всѣ права и преимущества высшаго сословія, оставили у себя палату господъ, т. е. титулованныхъ дворянъ, и даже съ сохраненіемъ такихъ правъ, которыя и въ Англіи не существуютъ: по венгерской конституціи, *есть члены* каждой титулованной фамиліи имѣютъ право засѣдать въ палатѣ господъ, а не одни только старшіе сыновья, какъ это мы видимъ въ англійской и прусской конституціяхъ. Но, несмотря на такую приверженность къ историческому старью, на такое противорѣчіе съ общимъ либеральнымъ духомъ, господствующимъ въ современной Венгріи, мадьярскіе помѣщики, въ

особенности изъ негитолованныхъ, приобрѣли въ послѣднее время значительное вліяніе на весь внутренней политической строй своей земли. Мадыарскіе патриоты либеральнаго оттѣнка возлагають самыя лучшія надежды на землевладѣльческой классъ, соотвѣствующій тому, что въ Англіи называется «джентри». Въ этомъ классѣ собственно сидятъ вся суть теперешняго мадыарскаго «духа», т. е. сильное національное чувство, желаніе обособиться отъ нѣмцевъ, антагонизмъ съ славянствомъ, стремленіе сдѣлать свою національную культуру очень либеральной. Все это, конечно, въ рамкахъ мадыаризма. Съ этой джентри и надо бороться каждому другу славянства, ее и нужно, по преимуществу, изучать и слѣдить за тѣмъ, что въ ней происходитъ, а она, сколько мнѣ извѣстно, такъ же мало изучается нашими публицистами, путешественниками и даже славянолюбцами, какъ и многое другое, что слѣдовало бы знать не по наслышкѣ и не въ видѣ общихъ мѣстъ.

IX.

Въ Пешть попалъ я въ началѣ лѣта 1877 года, т. е. въ самый разгаръ антирусскихъ и антиславянскихъ чувствъ, послѣ тѣхъ туркофильскихъ манифестацій, которыя возмутили такъ всю русскую публику. Это туркофильство, на взглядъ безпристрастнаго человѣка, являлось, дѣйствительно, непослѣдовательнымъ и смѣшноватымъ. Самое поверхностное знакомство съ исторіей венгерскаго народа показываетъ, что турки должны бы считаться мадыарами своими исконными, историческими врагами. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, турецкій паша господствовалъ въ Будѣ, т. е. въ томъ же Пештѣ, только въ задунайской его половинѣ, и занималъ крѣпость и окрестныя мѣстности въ теченіи болѣе столѣтія? Вся Западная Европа (съ того момента, какъ турки овладѣли Константинополемъ) смотрѣла на венгерцевъ (и отчасти на поляковъ), какъ на особаго рода крестоносцевъ, предназначенныхъ своимъ географическимъ положеніемъ къ непрестанной борьбѣ съ нѣвѣрными. Эта вражда входила въ плоть и кровь каждаго мадыара-воина, каждаго крестьянина и пастуха. До сихъ поръ въ любомъ ресторанѣ Пешта вы найдете, на картѣ вина, вино, называющееся *турецкая кровь*. Униженіе, какое турки нанесли венгерскому народу своимъ господствомъ—самое недавнее; оно немногимъ старше сербскаго гнѣта; оно продолжалось до XVIII-го столѣтія; но въ томъ-то и дѣло, что политическія событія, которыя сопровождаются напряженіемъ всѣхъ силъ націи, если за ними слѣдуетъ достиженіе извѣстныхъ цѣлей, такъ вліяютъ на національный духъ, что старое слишкомъ быстро забывается. На что уже сильна и продолжительна была борьба и вражда между нѣмцами и мадыарами! 27 лѣтъ тому назадъ, габс-

бургская имперія, дѣйствительно, одну минуту, находилась въ рукахъ венгерскаго «мятежника» Кошута, и что же мы видимъ? Что самые завзятые мадьяры, бывшіе эмигранты, люди, приговоренные по нѣскольку разъ къ повѣшенію и разстрѣлію, теперь совершенно помирились съ нѣмцами, въ лицѣ австрійцевъ нѣмецкаго происхожденія—помирились не сердечно, а головой, съ сознаніемъ своей выгоды, съ сознаніемъ того, что эти самые нѣмцы, по разнымъ соображеніямъ, утвердили ихъ первенство въ Транслейтаніи, сдѣлали ихъ настоящими хозяевами и владѣльцами «короны святаго Стефана». Быть можетъ, современемъ, и даже не въ далекомъ будущемъ, столкновение опять произойдетъ; но теперь всякій мадьяръ (и чѣмъ онъ—болѣе патриотъ, тѣмъ сильнѣе будетъ вамъ это утверждать) доказываетъ, что время остраго антагонизма съ нѣмцами прошло, что, въ настоящую минуту, каждый венгерскій патриотъ долженъ хлопотать о соглашеніи съ Австріей и забывать все болѣе и болѣе недавнія обиды, кровавую борьбу и продолжительный габсбургскій гнѣтъ. Точно тоже произошло и относительно Турціи. Все лѣтосчисленіе новѣйшіе мадьярскіе патриоты начинаютъ съ 1849 года; это для нихъ—какая-то, особаго рода, магометанская эра; дальше ея они не хотятъ идти въ вопросахъ текущей политики, дальше они пронижаютъ только для подрѣзленія своихъ историческихъ претензій, о чемъ можно будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ. Кто оказался ихъ другомъ или, по крайней мѣрѣ, кто не былъ ихъ врагомъ въ тотъ моментъ, когда они возстали противъ Австріи, тотъ и получилъ естественное право на ихъ признательность и сочувствіе. Турки принимали ихъ бѣглецовъ, давали имъ хорошія мѣста и денежную поддержку; съ тѣхъ поръ патриоты-мадьяры и считаютъ турокъ дружественнымъ народомъ; да, вдобавокъ, въ самой Турціи есть миллионы славянъ, стремящихся къ освобожденію; а это освобожденіе, прямо и всецѣло, нарушаетъ интересы мадьяровъ, какъ они понимаются интеллигенціей этого властолюбиваго, исключительнаго и пылкаго народа. Но, несмотря на манифестаціи, бывшія въ Пештѣ во время пріѣзда константинопольскихъ софтовъ, я смѣло могу утверждать, что далеко не всѣ представители мадьярской интеллигенціи заражены крайнимъ туркофильствомъ; скажу даже болѣе: есть не мало хорошихъ мадьярскихъ патриотовъ, принадлежащихъ къ очень либеральному оттѣнку, депутатовъ, профессоровъ, землевладѣльцевъ, которые совсѣмъ не преданы туркофильству, смѣются надъ нимъ не менѣе нашихъ русскихъ публицистовъ, очень хорошо сознавая, что нація, считающая себя культурной, только компрометируется, необузданно проявляя свои симпатіи къ мусульманскому преобладанію. Я такихъ людей знаю, бесѣдовалъ съ ними въ Пештѣ и прибавлю, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ кружку настоящихъ западниковъ и, въ то же время, хорошихъ патриотовъ. Одинъ изъ нихъ—сынъ извѣстнаго эмигранта 1849 года и ученаго археолога Пульскаго, о которомъ

читатели моихъ корреспонденцій имѣютъ понятіе. Отецъ и сынъ расходятся радикально на этомъ пунктѣ, и такой антагонизмъ, въ данномъ случаѣ—весьма характеристиченъ. Сынъ, въ общемъ политическомъ смыслѣ—воспитанникъ своего отца: провелъ дѣтство заграницей, въ изгнаніи, въ Лондонѣ, воспитался подъ вліяніемъ западнаго радикализма и рѣзкихъ мадыарскихъ стремленій; занимаетъ мѣсто профессора философіи права въ пеншскомъ университетѣ и депутата въ нижней палатѣ. И въ то время, какъ отецъ его, искренно или нѣтъ, председательствовалъ на митингѣ араго туркофильскаго отѣнка, сынъ не принималъ въ немъ ни малѣйшаго участія и даже въ интимныхъ домашнихъ бесѣдахъ полемизировалъ съ нимъ, что и мнѣ приходилось слышать; а меня лично увѣрялъ, что не мало молодыхъ депутатовъ, землевладѣльцевъ и вообще интеллигентныхъ людей, въ Пенсѣ и въ странѣ, воздерживаются отъ этого комическаго пристрастія къ софтамъ и отъ неумѣренныхъ надеждъ на турецкую цивилизацію. Молодой Пульскій и его единомышленники увѣряли меня даже, что и во время пламенныхъ проявленій сочувствія, бывшихъ въ Пенсѣ, все мыслящее и трезвое воздерживалось отъ нихъ, стояло въ сторонѣ и относилось къ увлеченіямъ города Пешта болѣе, чѣмъ скептически. И нельзя не согласиться съ ними, что подъ этимъ напускнымъ турколюбіемъ кроется одинъ существенный и вполне понятный мотивъ—непріязнь къ славянамъ, которые явились въ 1848 и 1849 годахъ врагами либеральныхъ стремленій мадыаровъ.

Х.

Тутъ я предвижу сейчасъ же возраженіе безусловныхъ защитниковъ славянъ. Они скажутъ: «славяне дѣйствовали подъ вліяніемъ здраваго инстинкта, ставши на сторону габсбургскаго дома; они чувствовали, что торжество мадыаровъ вело за собой ихъ униженіе, ихъ дальнѣйшее, еще болѣе сильное, порабощеніе чуждой національности». Я не буду доказывать, что такой взглядъ не имѣетъ никакой основательности; но я, все таки, приглашу каждаго изъ моихъ читателей стать, прежде всего, на точку зрѣнія мадыаровъ, враговъ австрійскаго деспотизма, стремившихся къ освобожденію своей національности и, вдобавокъ, въ то время, въ эпоху 1848 года, бывшихъ гораздо менѣе исключительными, допуславшихъ даже идею *федеративнаго* венгерскаго государства. Стать на такую точку зрѣнія мы обязаны, потому что положеніе насъ, русскихъ, въ этомъ смыслѣ, самое выгодное: мы можемъ и *должны* быть безпристрастны. И что же говорить намъ факты? Они говорятъ, что славяне, населявшіе ту территорію, которую мадыары считали, по праву или нѣтъ, *своею*, явились покорными защитниками *чужою*? Меттерниховскихъ при-

ценовъ. Этому отрицать невозможно. Если и было у венгерскихъ славянъ, т. е. у сербовъ и хорватовъ, тайное желаніе явленіемъ своей преданности Габсбургскому дому отстоять мѣстную автономію, то это, опять-таки, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ либерализмомъ, какимъ одушевлялась Европа въ 1848 г. У хорватовъ, сыгравшихъ такую антилиберальную роль подъ предводительствомъ своего бана Елачича, былъ, въ крайнемъ случаѣ, простой *разсчетъ*, да и то еще разсчетъ полусознательный; гораздо же болѣе дѣйствовали страстный антагонизмъ съ мадьярами и славянская привычка къ династической вѣрности. Событія 1849 г. слишкомъ еще близки. Какъ же мы можемъ требовать, чтобы истый мадьярскій патриотъ забылъ ихъ, чтобы онъ не чувствовалъ, до сихъ поръ, до какой степени поддержка, оказанная венгерскими славянами вѣнскому правительству, была фатальна для мадьярской свободы? Эта поддержка почти такъ же доканала мадьяровъ, какъ и русская военная сила. Но и раньше, въ теченіи вѣговъ, вражда между сербами и мадьярами не переставала. Была эпоха, когда сербы побѣдоносно дрались и подчиняли себѣ мадьяровъ; и, надо сказать правду, сербскіе патриоты вовсе не стѣсняются въ своей страстной полемикѣ и сплошь и рядомъ напоминаютъ о томъ фактѣ, что ихъ предки «рѣзали табакъ на мадьярскихъ головахъ». Бана Елачича нѣтъ въ живыхъ; но другаго сербскаго полководца изъ той же эпохи, Стратимировича, я знаю лично. Онъ — образованный и талантливый военный человекъ, искренній другъ славянства и сербскій патриотъ; въ немъ, вѣроятно, жило болѣе сознательное чувство, чѣмъ въ массѣ сербовъ и хорватовъ, пошедшихъ на помощь меттерниховской политикѣ; но и въ немъ, до сихъ поръ, сказывается племенной антагонизмъ, въ которомъ чересчуръ много того же высокомерія, нетерпимости и историческаго хвастовства, какими сербы попрекаютъ мадьяровъ. Врядъ ли, какая бы то ни было нація, очутившись въ теперешнемъ положеніи венгерцевъ, способна была отрѣшиться отъ всякаго чувства возмездія или, по крайней мѣрѣ, горечи. Они не могутъ переварить и тотъ фактъ, что въ предѣлахъ ихъ «короны» существуетъ небольшое автономное государство, Хорватія, съ своими историческими славянскими правами; они должны были сдѣлать эту уступку, пойти на подобный компромиссъ; но мириться съ нимъ не въ состояніи, и тутъ, по моему мнѣнію, чувство исторической вражды, поддерживаемой событіями 1849 г., играетъ самую выдающуюся роль. Каждый мадьяръ, какъ бы онъ ни былъ умѣренъ, говоритъ: — «Хорватія приобрѣла свои права измѣной дѣлу свободы, а теперь каждый хорватъ насъ же считаетъ притѣснителями, хотя всѣ они пользуются совершенно исключительными правами, считаясь подданными венгерскаго королевства».

И хорваты, и сербы венгерскихъ комитатовъ, и граничары (т. е. жители Военной Границы) одинаково антипатичны мадьярамъ. Съ граничарами венгерскій воинъ могъ бы имѣть общность

воинственныхъ привычекъ и героическаго духа; но этотъ граничарь, опять-таки, былъ всегда вѣрнѣйшимъ слугою габсбургскаго дома и до сихъ поръ не признаетъ надъ собой никакого авторитета, кромѣ австрійскаго, *оооооооо*. Не въ правѣ ли, послѣ того, мыслящій венгерскій патриотъ говорить, что въ цѣломъ населеніи славянскихъ національностей живетъ до сихъ поръ духъ рабскаго подчиненія авторитетамъ; что даже сами сербы, которые кричатъ о своемъ анти-нѣмецкомъ политическомъ движеніи, могутъ, въ видѣ жителей Военной Границы, превращаться въ вѣрныхъ слугъ габсбургскаго дома, поддерживая нѣмецкую гегемонію, которая не имѣетъ никакого преимущества, ни въ государственномъ, ни въ національномъ смыслѣ, надъ гегемоніей мадьярской, по крайней мѣрѣ въ глазахъ каждого славянина?

Мы, русскіе, волей или неволей, не какъ народъ, но какъ матеріалъ правительственной власти, явились тоже поддержкой дракѣющей Австрійской Монархіи въ 1849 году. Нетолько каждый мадьярскій эмигрантъ, депутатъ, образованный буржуа, но всякій старый крестьянинъ, отставной солдатъ и безграмотный первобытный пастухъ мадьярскихъ равнинъ сохранилъ до сихъ поръ чувство вражды къ имени русскаго. Подите, убѣдите его, что Россія поддерживала Австрію безкорыстно. Онъ какъ, съ своимъ простымъ здравымъ смысломъ, навѣрно отвѣтитъ, что никто русскихъ не звалъ въ Венгрію, кромѣ тогдашняго заклятаго врага мадьярской свободы, австрійскаго императора; что этихъ пришлыхъ войскамъ должны были сдать предводители восстанія и увеличить, такимъ образомъ, поворъ мадьярской націи; и если такой первобытный мадьяръ начнетъ проповѣдывать, что русскіе дрались въ угоду и въ интересахъ исконнаго врага славянскаго племени, онъ будетъ нетолько *по своему*, но и вообще, правъ, какими бы хитросплетеніями ни запутывали вопроса иные славянолюбцы.

Все, что я сказалъ сейчасъ—факты общеизвѣстны; но почему-то ихъ обѣгаютъ, и въ нашей печати привыкли брать исходной точкой всякихъ политическихъ разсужденій только одинъ притязанія мадьяръ на гегемонію, на эксплуатацію и подавленіе славянъ. Односторонность очевидна.

Надо, прежде всего, присмотрѣться немного къ складу извѣстнаго народа, а не довольствоваться готовыми фразами и произвольными соображеніями. Мнѣ кажется, что мадьяры, сами по себѣ, не хуже и не лучше тѣхъ славянъ, надъ которыми они теперь господствуютъ. Ихъ главный политическій недостатокъ—стремленіе къ гегемоніи, несоотвѣтствующее ни ихъ численности, ни культурному развитію—есть, какъ разъ, *недостатокъ общеславянский*. Врядъ ли я впадаю въ парадоксъ. Развѣ не справедливо, что каждая, даже самая маленькая славянская народность, какъ только она возрождается или приходитъ къ своему самосознанію, тотчасъ же проявляетъ склонность къ самовѣднью, къ преувеличенію своей силы и, главное, къ захвату, къ господ-

отву, къ подчиненію другихъ славянскихъ племенъ? Эта исторія повторяется въ теченіи многихъ вѣковъ, и, въ настоящую минуту, можно ее прослѣдить во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Хотя на это и указали многіе до меня, но не мѣшаетъ припомнить, что чехи страдаютъ въ высшей степени этой склонностью къ гегемоніи; они провозгласили себя передовымъ народомъ западнаго славянства и безъ церемоній причислили словаковъ къ своей національности, враждуютъ съ ними за то, что тѣ стали разрабатывать свою литературу, и, дай имъ только власть и силу, прибрали бы этихъ словаковъ преспокойно къ своимъ рукамъ не хуже мадяровъ. Тоже самое мы видимъ и въ двухъ развѣтвленіяхъ сербскаго племени: хорватахъ и собственно сербахъ, о чемъ я еще буду говорить подробнѣе ниже. Ихъ антагонизмъ извѣстенъ вмѣстѣ съ ихъ взаимными притязаніями, между которыми стоятъ и притязанія Сербіи на другую, уже совсѣмъ не сербскую разновидность славянскаго племени—на болгаръ. Въ исторіи Польши повторился тотъ же фактъ славянской национальной психологіи; да и мы, русскіе (если хотимъ быть безпристрастны), должны сознаться, что очень и очень хромаемъ на ту же ножку. Почему же не быть безпристрастными относительно мадяровъ? Боритесь съ ними, не позволяйте имъ заявлять фактически свои притязанія, отстаивайте свою самобытность, подкапывайтесь подъ венгерское владычество; но согласитесь, что этотъ духъ господства и исключительнаго преобладанія—общій вамъ и съ монголо-тюркскимъ племенемъ, которое врѣзалось клиномъ въ восточныя окраины Европы и перекутало тамъ всѣ народности. Вся бѣда мадяровъ и заключается въ этомъ ненормальномъ географическомъ положеніи; имъ нужно или погибнуть, или основать націю, именно *націю*, а не народъ; къ этому они и стремятся; успѣшно или нѣтъ—покажетъ будущее. Въ сущности, что такое венгерское королевство, какъ оно теперь существуетъ, по конституціи дуалистической имперіи? Это есть полу-федеративный политическій организмъ, въ которомъ народность средней численности, вслѣдствіе своего политическаго развитія, имѣетъ возможность домогаться государственнаго господства; но и крайнія притязанія мадяровъ (если признать, что существуетъ королевство венгерское) сводятся только къ проведенію національнаго единства. Потолкуйте-ка вы съ либеральнымъ мадяромъ на эту тему! Онъ вамъ сейчасъ укажетъ на примѣры Франціи, Пруссіи и Англіи (не говоря уже о Россіи), гдѣ національное единство точно также попираетъ племенные особенности. Другой вопросъ: какими путями достигнуто это единство? Да и тутъ на сторонѣ Венгріи не окажется *никакихъ особенныхъ прерогативъ*; вездѣ это единство достигнуто, болѣе или менѣе, путемъ силы и насилія. Во Франціи мы имѣемъ нѣсколько племенъ, не говорящихъ французскимъ языкомъ, не имѣющихъ, по типу, историческимъ преданіямъ и культурнымъ особенностямъ, почти ничего общаго съ типомъ средняго француза: это—баски, провансальцы,

бретонцы, оверцы. Въ Англіи мы видимъ цѣлую страну, какъ Ирландія, которая до сихъ поръ всецѣсно бьется изъ-за своей самобытности и не можетъ этого достигнуть; мы видимъ цѣлый народъ чисто кельтическаго происхожденія, населяющій княжество Уэльсъ. Въ Пруссіи и даже въ Саксоніи цѣлыя области населены чистѣйшими славянами: въ первой—поляками, во второй—верхними и нижними лужицанами, а въ Венгріи оказывается, что цѣлое славянское племя, хорваты, такъ или иначе, добилось весьма серьезной автономіи и прикрѣплено къ общему венгерскому государственному организму самыми тонкими нитями, которыя почти не вліяютъ на внутренній бытъ страны. Все же остальное, что заключается въ предѣлахъ «венгерской короны»—сербовъ, словаковъ, румыновъ—мадьяры желаютъ непремѣнно подвести къ одному знаменателю, образовать изъ этого націю съ однимъ государственнымъ языкомъ и съ единствомъ учреждений политическихъ, социальныхъ, культурныхъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Вещь—самая простая; она кажется ужасною и возмутительною только съ исключительно-славянской точки зрѣнія; но опять-таки проявляетъ собой отрицательныя свойства, общія всѣмъ славянамъ, какъ я указалъ на это сейчасъ. Разъ вы хоть сколько-нибудь помирились съ тѣмъ, что мадьяры не могутъ не стремиться къ національному единству, вы должны будете признать и положительныя черты венгерскаго государственнаго строя; на нихъ вамъ мадьярскіе патриоты сейчасъ же и укажутъ. Эти черты: народное представительство, которое, несмотря на противорѣчія, указанныя мною выше, придаетъ политическому устройству характеръ весьма широкаго народоуправства. *Палата магнатовъ* уже теперь не играетъ роли, а нижняя палата все болѣе и болѣе наполняется людьми средняго достатка и представителями городской интеллигенціи. Мадьяры выработали себѣ обязательный либерализмъ, и они отъ него не могутъ отступить; всякій венгерскій подданный пользуется существенными правами конституціоннаго государства: неприкосновенностью личности, свободой слова, свободой сходокъ и ассоціацій, свободой совѣсти, полнѣйшей религіозной терпимостью. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, венгерцы, кто бы что ни говорилъ, неизмѣримо выше восточныхъ и западныхъ славянъ. Хотя они были долгіе вѣка сильно католической націей, но сумѣли высвободиться изъ-подъ клерикальнаго гнета, и въ простомъ венгерскомъ народѣ католицизмъ держится рядомъ съ протестантизмомъ. Кто хоть сколько-нибудь жила въ Венгріи, долженъ сознаться, что тамъ религіозныхъ вопросовъ, вѣроисповѣдной вражды не существуетъ; даже весьма странно видѣть, какъ въ этой пылкой національности сложилось такое широкое отношеніе къ религію; никто даже и не толкуетъ о какихъ-нибудь национальныхъ вѣражахъ, о томъ, какая вѣра связана съ какою народностью; а эти толки до сихъ поръ еще врежутся въ славянскому міру. Никому въ Венгріи никакого нѣтъ дѣла до того, что те-

перешнй первый министр, т. е., по-просту, правитель Венгрии, Тисса, по религии своей—протестантъ. И какъ только вы помиритеcь съ тѣмъ, что мадьярамъ, по ихъ понятіямъ, нельзя иначе быть, какъ стремиться къ образованію націи, вы должны будете согласиться, что каждой народности или, лучше сказать, каждому племени конституція Венгрии предоставляетъ совершенно равныя права и въ политическомъ, и въ религіозномъ, и въ социальномъ, и въ культурномъ отношеніи. Но обособленной автономіи словаковъ, сербовъ, румыновъ она не допускаетъ, и тутъ является на сцену цѣлый рядъ обличеній, доказывающихъ, какъ ревниво мадьярская администрація старается задушить славянскую обособленность тамъ, гдѣ она имѣетъ на это официальное право, особливо въ средѣ словаковъ, бѣднаго, забытаго племени, не имѣющаго до сихъ поръ вліятельнаго класса и, вдобавокъ, разселеннаго самымъ невыгоднымъ для себя образомъ, среди мадяровъ и нѣмцевъ. Словакамъ и сербамъ можно развиваться, сохраняя всю племенную физіономію, только въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, т. е. употреблять языкъ въ частной жизни, писать и печатать на немъ журналы и книги, заводить элементарныя и частныя среднія училища, образовывать ученыхъ и литературныя общества; опять-таки—по-тихоньку, безъ большой огласки, иначе мадьярская администрація съумѣетъ затормозить всякое опасное для венгерской короны дѣло и даже не поцеремонится пустить въ ходъ и произволь, на законномъ основаніи. Жалобъ на такія «беззаконія» вы наслушаетесь отъ всякаго словака и серба.

Я уже замѣтилъ выше, что конституція венгерскаго королевства страдаетъ различными противорѣчіями, сдѣланными въ угоду отчасти сословному духу, отчасти традиціямъ такъ называемаго «историческаго» характера; но эти противорѣчія служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и славянскимъ домогательствамъ. Такъ, напримѣръ, въ верхней палатѣ рядомъ съ католическими епископами и архіепископами сидятъ высшіе православные духовные; и въ тоже время, сербская православная церковь въ Венгрии пользуется совершенною самостоятельностью, управляется своимъ «соборомъ» и не только не находится ни въ какой зависимости отъ католической іерархіи, но распространяетъ свою церковную юрисдикцію и за предѣлы Венгрии. Другое противорѣчіе идеѣ государственнаго единства, это—хорватскіе депутаты въ нижней палатѣ; они составляютъ въ ней такое же государство въ государствѣ, какъ Хорватія въ коронѣ св. Стефана; на нихъ не распространяется обязанность депутатовъ говорить по-мадьярски; имъ предоставляется право употреблять свой національный языкъ, участвовать въ преніяхъ по вопросамъ обще-государственнаго интереса; въ обсужденіи же и вотированіи чисто венгерскихъ интересовъ они не принимаютъ участія. Можно радоваться, съ славянской точки зрѣнія, что цѣлая группа депутатовъ изъ хорватовъ пользуется такой прерогативой; но не нужно много безпристрастія, чтобы увидать ея непрактичность въ такой палатѣ, во-

торая представляет собою высшую законодательную власть государства, стремящегося къ національному единству.

Какъ только хорватскій депутатъ начинаетъ говорить на своемъ языкѣ, его никто не понимаетъ: ни мадьяръ, ни словакъ, ни румынъ, ни угорскій русскій; а по обычаю всякаго представительства, гдѣ дѣла рѣшаются большинствомъ, слѣдуетъ, конечно, употребить одинъ каковой нибудь языкъ, понятный для всѣхъ. Хорватскіе депутаты, съ своей стороны, не понимая по-мадьярски (такихъ не мало), не могутъ какъ слѣдуетъ участвовать въ преніяхъ по вопросамъ обще-государственнаго интереса. Такая уступка мѣстной автономіи была дѣлаема когда-то въ пьемонтскомъ парламентѣ: тамъ савойскіе депутаты имѣли право говорить по-французски; но надо припомнить, что савойцы, находясь подъ пьемонтскимъ господствомъ, нискогда не мечтали о своей политической автономіи, между тѣмъ какъ хорваты не ограничиваются даже въ своихъ мечтанияхъ и единствомъ теперешней хорватской территоріи, о чемъ мы еще потолкуемъ ниже.

XI.

Мнѣ необходимо было распространиться нѣсколько о мадьярскомъ государственномъ бытѣ и національномъ характерѣ этого, во всякомъ случаѣ, своеобразнаго племени, чтобы яснѣе и тверже поставить вопросъ: *Какая опасность грозитъ славянству отъ мадьяровъ?*—Вопросъ этотъ тревожитъ всѣхъ друзей славянства, а между тѣмъ, для его практической разработки, для серьезнаго противоудѣйствія мадьярству до сихъ поръ ничего не дѣлается со стороны тѣхъ, кто толкуетъ о нашей солидарности съ западными и юго-восточными «братьями». У мадьяровъ есть положительныя государственныя качества. Смѣшно и даже постыдно довольствоваться шуточками и остротами надъ ихъ претензіями, доказывать, что, кромѣ «гуляша» и узкихъ панталонъ, они ничего не выдумали культурнаго. Возьмемъ только теперешній status quo мадьярскаго общества: мы видимъ въ немъ несомнѣнный политическій смыслъ, большое единство направленія во всей либеральной половинѣ націи; а эта половина представляетъ собой безусловное большинство; мы видимъ единство національныхъ задачъ, замѣчательную спѣтность, выдержку, несмотря на частыя порывы, выходы и непоследовательность; мы видимъ любовь во всемъ, что касается политической и общественной жизни, и сосредоточеніе въ рукахъ достаточныхъ и развитыхъ классовъ матеріальныхъ средствъ и всѣхъ существенныхъ традицій мадьярства. Нетолько у себя въ Венгріи, но и въ Вѣнѣ, мадьярскіе дворяне и буржуа успѣли прибрать къ своимъ рукамъ высшую администрацію, занимая самыя видныя мѣста въ войскѣ и, въ особенности, въ дипломатіи. Еслибы они застыли въ средневѣко-

выхъ формахъ и сословныхъ рамкахъ, то имъ бы, конечно, не удалось играть теперешней роли; но высшее и среднее ихъ дворянство начинаетъ подражать лучшимъ традициямъ англійской аристократіи и джентри и не мѣшаетъ развитію демократическаго духа. Въ городахъ масса все болѣе и болѣе принимаетъ участіе въ общественной и политической жизни, дѣлается развитѣе и сознательнѣе въ достиженіи цѣлей національнаго и культурнаго прогресса, какъ онъ понимается теперь мадьярскимъ большинствомъ. Ко всему этому надо присоединить давнишнія симпатіи къ Венгріи западной Европы, въ особенности Франціи, которыя сохранились въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ, напримѣръ, симпатіи къ Польшѣ и польской эмиграціи. Но славянамъ не трудно было бы, при другомъ умѣньи и другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, воспользоваться цѣлой группой недостатковъ мадьярскаго характера и слабыми сторонами государственнаго склада Венгріи. Прежде всего, мадьяры, какъ извѣстно въ абсолютномъ меньшинствѣ по своей численности; ихъ претензіи превышаютъ ихъ матеріальныя и духовныя силы, но надо прибавить: эти претензіи, все-таки и законнѣе, чѣмъ притязанія равныхъ мелкихъ славянскихъ народностей, въ родѣ хорватовъ, на гегемонію и созданіе цѣлыхъ большихъ государствъ. Военная исторія венгровъ придала имъ особый душевный типъ высокохврія, правда, наивнаго, но до сихъ поръ очень живучаго. Даже нѣмцы всечаски подсмѣиваются надъ постоянными прибаутками каждаго мадьяра о преимуществѣ его расы и величіи венгерской короны. Все ихъ политическое развитіе одностороннее, именно вслѣдствіе этого преувеличеннаго сознанія своей силы и культурности; поэтому-то они стоятъ въ Европѣ особнякомъ и должны будутъ всегда опираться на кого-нибудь (какъ теперь на нѣмцевъ), чтобы осуществить свои національные и государственные идеалы, неразрывные съ поглощеніемъ славянскихъ племенъ. Ихъ происхожденіе и языкъ уединяютъ ихъ въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ и не могутъ позволить имъ вступить когда-либо въ настоящее политическое общеніе съ какимъ-нибудь крупнымъ цивилизованнымъ народомъ Европы. Теперешній ихъ союзъ съ австрійскими нѣмцами—временный и чисто искусственный, хотя они и толкуютъ, что историческія вражды можно передѣлывать, увѣряютъ въ своемъ искреннемъ примиреніи съ недавними завзятыми врагами; но факты противорѣчатъ этому на каждомъ шагѣ. Стоить только вспомнить исторію комическаго «соглашенія» съ Цisleйтаніей по промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, общимъ Австро Венгерской Имперіи. И тутъ они не могли столковаться съ нѣмцами; что же было бы, еслибы на сцену выступили снова вопросы племенные и чисто-политическіе? Физиологическій и бытовій типъ мадьяръ не пригоденъ или мало пригоденъ для послѣдовательной, упорной культуры. Мадьяръ слишкомъ пылокъ и легокъ по своей натурѣ, не любитъ тяжелаго труда, черезчуръ рабъ своихъ страстей, стремится только играть

роль и наслаждаться жизнью, не заботится о нравильномъ и широкомъ развитіи производительныхъ силъ страны. Пока онъ господствуетъ политически надъ другими народностями Венгріи, славянами и румынами, онъ умѣетъ загребать жаръ чужими руками. Вы прѣзжаете въ Пешту и изумляетесь, какъ эта новая «столица», въ какіе-нибудь 7—8 лѣтъ изумрасилась, расширилась и обогатилась; но это—на половину искусственный прогрессъ; въ Пешта хотятъ мадьяры сдѣлать центръ національнаго единства, и какъ бы отводить имъ глаза отъ культурной бѣдности другихъ городовъ; тутъ роскошь зданій, размѣры всякихъ музеевъ, отелей, прогулокъ, общественныхъ учрежденій не соответствуютъ размѣрамъ мадьярской націи, ни значенію Венгріи (даже въ теperшнемъ ея составѣ) въ ряду другихъ государствъ Европы.

Всего лучше изучить существенныя черты мадьярства, съ которыми славянамъ нужно бороться, на нѣкоторыхъ яркихъ типахъ интеллигенціи, взятыхъ между депутатами, профессорами, бывшими эмигрантами, журналистами и литераторами. Мнѣ лично удалось познакомиться со многими выдающимися мадьярами; въ нихъ я считаю четыре личности чрезвычайно типичными, именно въ томъ смыслѣ, о какомъ я сейчасъ говорилъ. Это — старикъ *Пульскій*, инсургентъ 1849 года, теперешній директоръ національнаго музея, депутатъ и ораторъ *Гельфи*, профессоръ университета и тоже депутатъ *Силли* и крупнѣйшій мадьярскій писатель, опять-таки—членъ нижней палаты, *Искай*. Я говорилъ объ нихъ въ своихъ корреспонденціяхъ и не стану здѣсь повторять, въ какихъ обстоятельствахъ я съ ними познакомился; но обращу вниманіе на нихъ еще разъ, какъ на характерныя мадьярскіе типы. Въ Пульскомъ засѣдо революціонно-государственное мадьярство со всѣми историческими, племенными и культурными претензіями. Такіе люди померились даже и съ прерогативами высшаго дворянства послѣ того, какъ корона св. Стефана стала опять политическимъ фактомъ; въ нихъ вы найдете всю талантливость, ловкость и всю фразу мадьярскаго политика и выветъ съ энергіей и даже наивностью, составляющей ихъ главную живучесть. Ярый туркофилъ Гельфи достаточно извѣстенъ читателямъ русскихъ газетъ. Онъ новѣе, какъ политическій типъ, и демократичнѣе; въ немъ олицетворилась уже послѣдняя фаза мадьярскаго либерализма; въ немъ уже нѣтъ того дворянскаго лоска, какой вы находите у эмигрантовъ 1849 г.; онъ не мыслитъ безъ уличной массы, безъ народныхъ сходокъ и безъ постоянного протеста противъ существующаго правительства, между тѣмъ какъ въ рядахъ мадьяръ того типа, къ которому принадлежитъ Пульскій, видно гораздо болѣе покладливости, уступчивости, способности идти на компромиссъ съ большинствомъ, которому они безусловно и служатъ. Новая университетская интеллигенція зашѣчательно воплощается въ типѣ профессора Силли. Это—очень умѣренные либералы, возлагающіе свои надежды всего болѣе на средній классъ землевладѣльцевъ, люди начи-

таинные, сравнительно словесные, желающие убѣдить всѣхъ въ томъ, что мадьярская конституція даетъ каждому славянину возможность развивать всѣ свои политическія и культурныя права: свойства и особенности; они — такіе же завзятые мадьяры, какъ и люди предыдущихъ двухъ типовъ, но только безъ крайностей туркофильства и безъ склонности къ смѣннымъ выходкамъ необузданнаго темперамента. Наконецъ, Юкай представляетъ собой типъ чисто венгерской даровитости и весьма неширокаго міровоззрѣнія, мирящагося со многими, что въ другой странѣ писателя такого же таланта возмущало бы или тревожило гораздо сильнѣе. Сколько мнѣ удалось видѣться съ Юкаемъ и говорить съ нимъ на разныхъ томахъ, я сказалъ бы, что его идеалы не особенно крѣпки, что отражается и на личной его писательской жизни, на той растратѣ авторскихъ силъ, какой онъ предается, превращая дѣло романиста въ ремесло. Въ самое послѣднее время нарождается въ Пештѣ и типъ крайняго радикала въ родѣ извѣстнаго журналиста *Верхова*; но и въ такихъ людяхъ радикализмъ обходится безъ рѣзкой постановки социальныхъ вопросовъ. Мадьярскіе патриоты, и въ томъ числѣ Юкай, не разъ вторяли мнѣ, что социализму нѣтъ мѣста въ Венгріи, что трудъ слишкомъ хорошо вознаграждается и что даже въ средѣ учащейся молодежи социальные идеи Запада не находятъ до сихъ поръ никакого отклика.

XII.

Все, что въ венгерской интеллигенціи и даже въ массѣ населения накопилось анти-славянскаго, нашло себѣ рѣзкое выраженіе въ митингахъ прошлаго года, изъ которыхъ самымъ эффектнымъ и значительнымъ былъ по счету первый, состоявшійся въ Пештѣ. Читатели моихъ корреспонденцій знаютъ его подробности; онъ сдѣлался типомъ всѣхъ послѣдующихъ анти-русскихъ демонстрацій, вплоть до тѣхъ, довольно таки скандальныхъ сценъ, какія венгерская публика устраивала во время императорскихъ маневровъ въ Кашау. Я не стану возвращаться къ эпизодамъ этого перваго митинга. Скажу только, что въ немъ проявилась замѣчательная политическая дисциплина, къ которой приучена уже венгерская масса въ городахъ. Устроители и руководители митинга врядъ ли были вполне убѣждены въ томъ, что русскія войска позволяли себѣ звѣрское обращеніе съ своими врагами; но они въ этомъ случаѣ дѣйствовали по обыкновенному рецепту политики партій: имъ нужно было мирнымъ путемъ заставить центральное австрійское правительство дѣйствовать энергичнѣе, т. е. въ мадьярскомъ духѣ. Цѣлый рядъ митинговъ и манифестацій туркофильскаго и анти-русскаго свойства не имѣли никакихъ прямыхъ послѣдствій, благодаря умѣренности австрійской

политики или, лучше сказать, тому соглашению: съ Россіей, которому и австрійскій императоръ, и его канцлеръ оставались да и теперь остаются вѣрными; но, какъ симптомы, эти митинги и манифестаціи имѣли свое значеніе. Для Россіи, а въ особенности для нашихъ славянолюбцевъ, навогда еще не представлялось ничего настолько выразительнаго, явнѣе въ смыслѣ мадьярскаго антагонизма. Но и тутъ русская интеллигенція осталась вѣрной себѣ и не полюбопытствовала даже изслѣдовать на мѣстѣ, въ самую горячую эпоху, до какихъ предѣловъ идетъ мадьярская враждебность, какъ настроены массы; какія слабыя и сильныя стороны мадьяризма проявились на венгерскихъ митингахъ? Сколько мнѣ извѣстно, на нихъ не попалъ ни одинъ русскій корреспондентъ, кромѣ пинущаго эти строки. Правда, русскому не особенно пріятно было бы присутствовать на нихъ; но безъ подобныхъ жертвъ невозможно никакое разслѣдованіе настоящей фазіономіи даннаго политическаго момента. Вотъ тутъ то и является естественный вопросъ: что мы подготовили въ отпоръ бурнымъ проявленіямъ мадьяризма? Имѣли ли наши славянофилы и люди, просто сочувствующіе славянству, своимъ объектомъ мадьярскую интеллигенцію и ея центръ? Эта представляла наши интересы въ столицѣ венгерскаго королевства? Сдѣлано ли хоть что-нибудь для завязыванія спонсорнѣ, для умственной и нравственной солидарности съ венгерскими славянами? Оффиціальное наше представительство сводится къ должности генеральнаго консула, который довольствуется исполненіемъ чисто консульскихъ обязанностей; да господа мадьяры, влици своихъ министровъ, и не захотѣли придавать ему значенія политическаго агента. Я не стану строго разбирать дипломатическія качества теперешняго генеральнаго консула въ Пештѣ, но скажу еще разъ по этому поводу, что большинство нашихъ дипломатическихъ агентовъ въ славянскихъ земляхъ или такихъ пунктахъ, какъ Пештѣ, попадають на эти мѣста, или канцелярской служебной дорогой, безъ всякой специальной подготовки, не имѣють никакой душевной связи съ своимъ назначеніемъ, не работаютъ надъ тѣми вопросами, которые сами собой напрашиваются каждому живому и мыслящему человѣку изъ русскихъ. Въ Пештѣ то и слѣдовало бы имѣть агентомъ человека съ обширнымъ образованіемъ, направленнымъ въ интересамъ славянства; съ умѣніемъ изслѣдовать всѣ стороны и условія племенныхъ отношеній въ предѣлахъ венгерскаго королевства. Для каждаго другого генеральнаго консула — нѣмецкаго, французскаго, англійскаго — славянорусскій вопросъ есть только одинъ изъ политическихъ мотивовъ, достойныхъ изученія; а для русскаго агента онъ долженъ быть на первомъ планѣ, къ какому бы возрѣвію онъ самъ ни принадлежалъ, какой бы оффиціальной политики онъ ни обязанъ былъ держаться. Но у насъ почему-то такъ дѣлается, что людей, посидѣвшихъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ мѣстѣ съ интересомъ и склонностью къ наблюденію

тельности, переводятъ въ другой пунктъ, вмѣсто того, чтобы дать ему тутъ же высшее назначеніе; поэтому, и не можетъ быть никакихъ традицій, никакой преемственности, а происходитъ только простая смѣна чиновниковъ. — Понятно, что генеральное консульство въ Пештѣ не можетъ, въ такихъ условіяхъ, сдѣлаться центромъ для разноплеменной славянской интеллигенціи, которая, волей или неволей, тяготеетъ къ столицѣ. Есть, напримеръ, нѣсколько славянскихъ депутатовъ въ нижней венгерской палатѣ, извѣстныхъ своей энергіей, образованіемъ, симпатіями къ русскому племени, къ нашей исторической роли, къ нашей литературѣ и народному характеру, но ихъ никто изъ русскихъ не грядруетъ. Если вы, отправляясь въ Пештъ, наводите справки у человѣка бывалаго, онъ вамъ навѣрно будетъ говорить про депутата, доктора Полита, или про такого же депутата, хорватскаго журналиста и литератора, Мишатовича; вы ихъ найдете во время парламента сезона, потолкуете съ ними и увидите, что каждый изъ нихъ долженъ дѣйствовать особнякомъ, что они, проживая годами въ такомъ центрѣ, какъ Пештъ или Аграмъ, чрезвычайно мало сносятся съ русскими, видятъ ихъ урывками и рѣдко и будутъ вамъ сейчасъ же говорить объ отсутствіи всякой разумной инициативы со стороны славянскихъ комитетовъ или вообще русскихъ друзей славянства въ дѣлѣ устройства какихъ нибудь способовъ и формъ сближенія, взаимнаго знакомства, племенной и культурной солидарности. Поживя въ Пештѣ, вы и убѣдитесь въ томъ, что въ этой столицѣ транслейтванскаго славянства нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія нашихъ славянолюбцевъ: никто тутъ постоянно не живетъ, никто не прѣзжаетъ съ определенными цѣлями; никто не старается сближить разныя кружки венгерскихъ славянъ, помочь имъ знакомиться съ нашимъ языкомъ, исторіей, современнымъ общественнымъ бытомъ, нѣ у кого учиться по-русски, нѣгдѣ прочесть русскую книгу, нѣ къ кому пойти за справкой...

Лично мнѣ чрезвычайно противны были всегда сѣтованія нашихъ соотечественниковъ о судьбѣ забытыхъ и загнанныхъ словаковъ; это, какъ извѣстно—любимая и самая первая тема, когда рѣчь зайдетъ у русскихъ о мадьярахъ. А что же мы дѣлаемъ для этихъ словаковъ? Конечно, политически, мы не можемъ вмѣшиваться и производить анти-государственную пропаганду; но, еслибы господа славянолюбцы хотѣли дѣйствовать послѣдовательно, не ограничиваться только возгласами и бесплоднымъ нытьемъ, они, конечно, сумѣли бы оказывать гораздо больше матеріальнаго и нравственнаго содѣйствія возрожденію словаковъ: сходиться съ ихъ интеллигенціей, изучать бытъ простого словацкаго народа, помогать смягченію и устраненію той распри, которая завязалась между чехами и словаками въ новѣйшее время. И ничего такого не дѣлается. Славянолюбцы не позаботились даже о томъ, чтобы въ русской публикѣ было распространено болѣе фактическихъ свѣдѣній объ этихъ загнанныхъ «братьяхъ». Возв-

жите вы русскаго средняго образованія! Что онъ знаетъ о словакахъ? Врядъ ли его представленіе объ этомъ племени идетъ дальше оборванной несчастной фигуры, расхаживающей, въ морозъ, по улицамъ Петербурга и Москвы, съ мышеловками и жестяной посудой. А между тѣмъ, изъ этого племени вышли ученые патриоты, создатели славянской археологіи, именами которыхъ чехи до сихъ поръ злоупотребляютъ, выдавая ихъ за своихъ единоплеменниковъ. Уже потому слѣдовало бы заняться искрѣпленіемъ и поворотомъ этимъ, дѣйствительно забытымъ племенемъ, что изъ среды его вышелъ самый пламенный руссофилъ и панславистъ Штуръ, который возлагалъ когда-то всѣ надежды славянства на русское государство. Но одни ли словаки? Вѣдь, въ венгерскомъ королевствѣ существуетъ цѣлый отпрыскъ русскаго племени—такъ называемые *угорскіе русскіе*. Они, дѣйствительно—плоть отъ плоти нашей. Обруженные мадьярами и нѣмцами, эти угорскіе русскіе сохранили не только свой типъ и свой вѣру, но и языкъ, гораздо ближе подходящій къ нашему современному, чѣмъ тотъ, которымъ говорятъ галицкіе русскіе. Они хитрились, собственными силами, завести у себя кой-какую литературу или, по крайней мѣрѣ, письменность и прессу, стараются писать на довольно сносномъ русскомъ языкѣ, болѣе чистомъ отъ полонизмовъ и семинарскихъ курьезовъ, чѣмъ языкъ Львовскаго «Слѣва». Какихъ же еще правъ на симпатію славянолюбцевъ? Но и тутъ симпатія эта ограничивается субсидіей изъ Москвы—мѣстной церковной газеткѣ. Гдѣ угорскій русскій найдетъ себѣ поддержку? Къ кому обратится онъ въ Пештѣ? А у себя дома черезъ кого войдетъ въ общеніе съ центрами нашей культурной жизни? Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они сносились съ Вѣной; но теперь, когда тамошній русскій священникъ сталъ очень остороженъ по славянскому дѣлу, и эта поддержка почти исчезла. Никто не станетъ требовать, чтобы каждый русскій, отправляющійся по своимъ дѣламъ въ Австрію предпринималъ специальное путешествіе въ тотъ уголокъ Венгріи, гдѣ держится русское племя; но болѣе чѣмъ странно видѣть и знать, что наши славянолюбцы такъ мало дѣлаютъ для этого племени во имя той солидарности, о которой такъ много кричать. И, точно въ видѣ насмѣшки, не вдалекѣ отъ Пешта существуетъ, со времени царствованія императора Павла, ни для кого не нужная, заброшенная въ глуши русская церковь, гдѣ и служить то не для кого; она была построена для великой княгини, отданной въ замужество за тогдашняго «Палатина».

XIII.

Хорошо было бы тѣмъ, кто, въ теоріи, скорбитъ о братьяхъ-словакахъ, ограничиться хоть однимъ Пештомъ, какъ средоточіемъ государственной и экономической жизни славяно-венгер-

свого королевства. Поживите вы немного въ этомъ городѣ и вы увидите, что, несмотря на желаніе мадяровъ наложить на все печать своей національности и языка, славянскій элементъ, все-таки, даетъ себя знать. Да иначе и не можетъ быть, потому что гегемонія мадяровъ распространяется на общія учрежденія страны, на административные порядки; но она не можетъ производить ежедневно такое давленіе, которое уничтожаетъ извѣстную народность въ корень. И словаки, и сербы, и угорскіе русскіе продолжаютъ говорить и писать на своихъ языкахъ; хорваты и подавно. Вы идете по любой улицѣ Пешта и на каждомъ шагу наталкиваетесь на вывѣски, переведенныя съ мадярскаго на славянскій языкъ и даже *написанныя кириллицей*. И Пештъ — не единственный городъ, гдѣ вы увидите вообще сербскія вывѣски, гдѣ кириллица имѣетъ, такъ сказать, право гражданства; даже въ большихъ модныхъ отеляхъ сербскія надписи считаются необходимыми, напримѣръ, надъ столовыми, и никто тамъ этимъ не возмущается. На каждомъ шагу вы встрѣчаете также національные славянскіе костюмы и слышите славянскій говоръ на улицѣ. Изучить это государственное средоточіе венгерскихъ славянъ было бы гораздо легче, чѣмъ, напримѣръ, перезнакомиться съ славянскимъ населеніемъ Вѣны. Мадьяры могутъ устраивать анти-русскіе митинги и встрѣчать софты, но въ личныхъ сношеніяхъ они — люди удобные: добродушны, вѣжливы, гостеприимны до тѣхъ поръ, пока вы ихъ не раздражите какой-нибудь анти-мадярской рѣзвостью. Мнѣ лично приходилось убѣждаться въ томъ, что развитые мадяры чрезвычайно обязательны: доставятъ вамъ всякія свѣдѣнія даже и тогда, когда знаютъ, что вы ихъ собираете не съ цѣлью прославленія короны св. Стефана; а не нужно забывать, что я проживалъ въ Пештѣ въ самое горячее время, когда страсти были въ высшей степени возбуждены противъ Россіи; въ болѣе же спокойныя эпохи каждому русскому, задавшемуся определенной программой, было бы еще удобнѣе обслѣдовать все, что онъ считалъ бы достойнымъ изученія въ интересахъ славяно-русской солидарности. Полицейскій духъ царить въ Пештѣ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Но, помню вопросъ по венгерскому славянству, изученіе смнѣхъ-то мадяровъ, какъ я сказала выше, необходимо для всѣхъ нашихъ славянолюбцевъ; а еще болѣе необходимо для двателей прессы; только этимъ путемъ очистится языкъ нашихъ газетъ отъ разныхъ непродуманныхъ выводовъ и задорныхъ фразъ. Забавно то, что даже люди, не имѣющіе ничего общаго съ такъ называемыми славянофилами, повторяютъ ихъ прибаутки, когда рѣчь зайдетъ о мадярахъ, говорятъ и разсуждаютъ односторонне, поверхностно, съ закоренѣлымъ незнаніемъ. Наше высокоуміе къ этимъ врагамъ питается и питалось такимъ же невѣжествомъ, какъ и относительно турокъ; но невѣжествомъ эта менѣе прощительна, такъ какъ изучить Венгрію несравненно легче. Турофильство мадяровъ несколько не отрезвило насъ, а,

напротивъ, прибавило еще большаго задора ко всему предъидущему. Едва ли не въ 1877-мъ только году явилась, въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, небольшая статья, знакомищая не много съ исторіей мадяровъ и ихъ теперешнимъ положеніемъ; да и то она написана славянномъ съ исключительной точки зрѣнія. Передовныя статьи нашихъ газетъ только сбиваютъ съ толку венгерскихъ славянъ, безъ нужды раздражаютъ ихъ, причають смотрѣть на Россію и на русское общество, какъ на олово въ непримиримой враждѣ съ мадярами, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Корреспонденты, пишущіе о венгерскихъ дѣлахъ, болѣею частію ни мало не подготовлены къ своей роли, если они пріѣхали изъ Россіи; составляютъ свои письма по газетнымъ извѣстіямъ и сидятъ въ Вѣнѣ, а не въ Пештѣ. Изъ Пешта пишутъ иногда славянскіе рецензенты, но односторонне, въ противномъ тонѣ постоянного самовосхваленія и постоянныхъ жалобъ, которыя сдѣлались типическими для всѣхъ корреспондентовъ, статей и замѣтокъ, посылаемыхъ изъ славянской Австріи. Добро бы московскіе византіицы, а то совершенно случайныя поденщики прессы, не имѣвшіе, ни по своему прошедшему, ни по связямъ, никакой солидарности съ славянствомъ, какъ только попадутъ въ Австрію и начинаютъ писать корреспонденціи, сейчасъ же впадаютъ въ этотъ легкомысленный и невѣжественный тонъ. Одинъ изъ такихъ корреспондентовъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, дошелъ до того, что отрицалъ въ Венгріи существованіе парламента, а называлъ его *сеймомъ*, предполагая, вѣроятно, что Венгрія относительно австрійскаго правительства играетъ такую же роль, какъ Чехія или Галиція. И подобная невѣжественность гуляетъ на всей своей волѣ; она руководитъ мнѣніями и симпатіями русской публики. Иначе и быть не можетъ: и въ присяжныхъ славянолюбцахъ, и въ простыхъ дилетантахъ газетной политики въ основѣ лежатъ: высокобѣрный задоръ, непродуманные порывы, отсутствіе трезваго изученія фактовъ.

И приходится повторять опять все тотъ же выводъ и на счетъ Пешта, какъ государственнаго центра трехъ славянскихъ племенъ. Къ четвертымъ, въ хорватамъ, занимающимъ особое мѣсто въ венгерской коронѣ, мы перейдемъ сейчасъ же для того, чтобы и въ центрѣ хорватскаго національнаго движенія найти тоже отсутствіе серьезнаго единенія, при гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

XIV.

Но прежде, чѣмъ перейти къ автономнымъ сербамъ венгерской короны, необходимо указать на цѣлое движеніе въ средѣ сербской интеллигенціи, которое развилось именно въ Венгріи: я разумю такъ называемую «омладину». Въ свое время, чита-

теле русскія газетъ познакомились съ именемъ депутата венгерской нижней палаты, Милетича, и преслѣдованіемъ его венгерскими властями по государственному преступленію. Въ мою программу не входитъ распространяться объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что подробности его каждый можетъ найти въ газетахъ. Милетичъ, сколько мнѣ привелось объ немъ слышать и читать—представитель національно-политическихъ стремленій того сербства, которое мечтаетъ не только объ освобожденіи изъ-подъ венгерскаго и нѣмецкаго ига, но и о созданіи большаго сербскаго государства. Далеко не всѣ интеллигентныя люди современной Сербіи, съ каковыми мнѣ приходилось бесѣдовать, смотря на него, какъ на своего политическаго вождя; но его личность, во всякомъ случаѣ, интересна; а постигая его судьба указываетъ на то, что австро-венгерское правительство придаетъ такъ называемому оmlадинскому движенію весьма серьезное и опасное для себя значеніе. Центръ литературной жизни для венгерскихъ славянъ есть городъ Новый Садъ, гдѣ издаются почти исключительно всѣ сербскія книги, выходящія въ Австріи, и гдѣ существуютъ, кромѣ того, и пресса на сербскомъ языкѣ, пресса очень воинствующая, задорная и въ борьбѣ съ нѣмецко-венгерскимъ элементомъ и съ своими единоплеменниками, бѣлградскими и загребскими. Сербъ Новаго Сада считаетъ себя самымъ лучшимъ патриотомъ, радикально смотрящимъ на дѣло сербской эмансипаціи; они безпрестанно уличаютъ и сербовъ княжества, и, въ особенности, хорватовъ, въ отступничествахъ, въ разныхъ эгоистичныхъ замыслахъ, въ стремленіяхъ къ узкому партикуляризму. Словомъ, изъ культурнаго центра венгерской Сербіи исходитъ постоянно политическая и литературная инициатива. Всѣ иностранцы, занимавшіеся въ послѣднее время славянами венгерской короны, обращали вниманіе на это сербское движеніе. Въ первой половинѣ статьи я упоминалъ о книгѣ бывшаго французскаго генеральнаго консула въ Пештѣ, Пико. Въ ней читатель найдетъ также и цѣлыя главы, посвященныя оmlадинѣ и ея вожакамъ вмѣстѣ съ очеркомъ всей національно-политической жизни, какая сказывается въ литературѣ и прессѣ, появляющейся въ Новомъ Садѣ¹. Но мы, русскіе, въ новѣйшее время (именно съ тѣхъ поръ, какъ прошлогоднія событія дали стремленіямъ оmlадины широкую фактическую подкладку), не считаемъ почему-то нужнымъ познакомиться поближе съ венгерскими сербами. Нельзя привести ни одного обстоятельства, показывающаго, что между дѣятелями венгерской Сербіи и нашими славянолюбцами существуетъ какая-нибудь солидарность. Очень можетъ быть, что московскіе византіицы и отвращаютъ лицо свое отъ оmlадинскаго движенія, хотя оно и происходитъ въ средѣ православныхъ славянъ. А вѣрнѣе то, что они, и въ этомъ случаѣ, играютъ роль лю-

¹ *Les Serbes de Hongrie*. Prague et Paris. Глава VIII и XII.

дей книжныхъ, кабинетныхъ, незнающихъ и неумѣющихъ. Между тѣмъ, для каждого, кто интересуется политическимъ и культурнымъ развитіемъ южнаго славянства, чрезвычайно важно было бы указать и опредѣлить: въ какой степени венгерскіе сербы, въ лицѣ ихъ интеллигенціи, могутъ быть полезны дѣлу объединенія славянъ, что въ ихъ программѣ есть такого, къ чему каждый мыслящій русскій въ состояніи отнестись съ сочувствіемъ, и какая доля исключительно себялюбивыхъ мечтаній сербства должна быть отброшена или парализована противодѣйствіемъ со стороны интеллигенціи другихъ славянскихъ племенъ? Слово «омладина», произносится зря всѣми: и нѣмцами, и мадьярами, и русскими журналистами, и корреспондентами, а его давно бы пора очистить отъ всего фантастическаго, преувеличеннаго, вздорнаго. Теперь омладинистами зовутъ людей самыхъ противоположныхъ стремленій, взглядовъ и политическихъ замашекъ. Для европейской прессы и теперешнее сербское министерство съ г. Ристичемъ во главѣ состоитъ изъ настоящихъ омладинистовъ, хотя между Ристичемъ и упомянутымъ мною Милетичемъ — порядочная пропасть. А намъ, русскимъ, слѣдуетъ воспользоваться тутъ преимуществами своего положенія: отнестись ко всѣмъ отбѣнкамъ омладинизма одинаково широко и прослѣдить его непосредственное вліяніе и на хорватскую интеллигенцію, и на то, что въ послѣдніи 30 лѣтъ происходило въ княжествѣ сербскомъ. Вопросъ объ омладинѣ настолько интересенъ и обширенъ, что я врядъ ли могъ бы его исчерпать, еслибъ желалъ ввести его въ этотъ этюдъ. Но и ограничиваюсь только тѣмъ, что ставлю вѣхи и намѣчаю выдающіеся моменты славянства, показывая, въ какой степени наша славянофильская интеллигенція и всѣ новѣйшіе послѣдователи того же направленія далеки отъ знанія и пониманія фактическаго status quo, въ какомъ пребываютъ братья-славяне. Мое дѣло — указать еще и на тотъ сумбуръ, который господствуетъ въ средѣ венгерскихъ сербовъ, принадлежащихъ къ разряду патріотовъ, мечтающихъ о полной эмансипаціи славянства. Милетица я не засталъ на свободѣ, но сталкивался съ нѣкоторыми изъ его послѣдователей и единомышленниковъ. Галлерей этихъ омладинистовъ представляетъ собою, съ нашей точки зрѣнія, курьезное зрѣлище. Въ этой интеллигентной Сербіи вы найдете всего понемногу: и политическаго радикализма, и племеннаго задора (задора больше всего), и признанія превосходства западной культуры, и пылкихъ надеждъ на федеративно-устройство славянъ, и такихъ же пылкихъ надеждъ на Россію. ея вмѣшательство и даже ея гегемонію. Самымъ курьезнымъ типомъ послѣдняго отбѣнка, считаю я одного серба изъ *Восточной Границы*, называющаго себя, несмотря на то, что онъ — православный, не сербомъ, а *хорватомъ*. На этой личности всецѣло удобнѣе было бы каждому мыслящему русскому прослѣдить, до какой степени Москва съ ея мистической и національно

хвастливой фразой можетъ извратить мосьгъ иного «брата». Я просто въ ужасъ пришелъ, когда познакомился съ славяно-русскимъ мировоззрѣніемъ этого интеллигентнаго *граничара*. Онъ получилъ довольно обширное образованіе и въ университетѣ, и въ одной высшей военной школѣ, знаетъ (какъ и всѣ почти образованные австрійскіе славяне) нѣсколько языковъ, жила въ-заграницей, на Западѣ, въ томъ числѣ и въ Парижѣ, открылъ въ себѣ стихотворный талантъ, поѣхалъ въ Россію, слушалъ тамъ лекціи и сошелся съ славянофильскимъ кружкомъ, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ работалъ довольно много, какъ переводчикъ, переложилъ на сербскіе стихи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятникоевъ нашей древне-русской народной поэзіи. И надо слышать, какую изувѣрско-абсолютную теорію славянскаго возрожденія проповѣдуетъ этотъ несчастный «братъ»! Это — какой-то конвентинецъ московскаго византийства; все у него должно быть сдѣлано русскимъ кулакомъ; для всего ему понадобится какой-то татарская деспотія; и тутъ же вы слышите, въ переводѣ на комическій сербско-русскій языкъ, всѣ прибаутки московскаго славянофильства: и мистическую теорію православія, и обличеніе гнилаго Запада, и восхваленіе древне-русскихъ и древне-славянскихъ добродѣтелей, и политическое ретроградство, и хвастливое рабство. И все это оканчивается обыкновенно врывами самой разнузданной умственной блажи и яростства. Читатель пойметъ, сколько пріятности было въ разговорахъ съ подобнымъ продуктомъ московско-омладинскаго пошиба въ разгаръ войны, когда приходилось каждый день встрѣчаться въ кафе и на улицѣ и перебирать наши военные дѣла. Ничего не могло бы быть поучительнѣе, какъ научныя «демонстраціи» подобнаго субъекта передъ цѣлой аудиторіей, немного наклонной къ усвоенію славянофильскихъ взглядовъ; но, къ счастью, такіе, зашибленные московскимъ византийствомъ, славяно-попадаются чрезвычайно рѣдко, да и въ ихъ-то исторіи развитія участвуетъ собственная инициатива, а не дѣятельная пропаганда со стороны славянофиловъ; они сами ѣздятъ въ Москву, большею частію на свои средства, и тутъ слышывается наша насильность, бѣдность и валость темперамента. Но еслибы побольше развелось такихъ сербовъ и вообще славянъ съ слабыми головами, московское славянофильство превратилось бы въ настоящую язву западнаго и южнаго славянства, между тѣмъ какъ теперь оно лишь отрывочно, такъ сказать, *спорадически* отравляетъ умъ и національно-политическій смыслъ «братьевъ».

XV.

Граничаръ, именующій себя хорватомъ, а не сербомъ, хотя онъ и православный, и родился въ Военной Границѣ, а не въ Хорватіи, можетъ послужить намъ самымъ естественнымъ пере-

хотимъ въ вопросахъ хорватскаго движенія. Для человѣка, мало читавшаго о южныхъ славянахъ, все это звучитъ чрезвычайно дивно: почему это настоящій сербъ, печатающій свои статисторичныя и прозаическія вещи не латинскимъ шрифтомъ, а кириллицей, родившійся въ землѣ, населенной несомнѣнными выходцами изъ Сербіи, считаетъ себя вдругъ хорватомъ, проповѣдуя великое значеніе православія для всѣхъ славянъ и заявляя, на каждомъ шагѣ, свою ненависть къ католичеству? Это—опять одинъ изъ самыхъ яркихъ симптомовъ славянской психологіи; тутъ снова мы сталкиваемся съ несчастной слабостью всѣхъ славянъ безъ исключенія—возиться со всякимъ старьемъ, превращать въ символы ибры случайныя обстоятельства, спорить изъ за словъ, кичиться древностью происхожденія, вдаваться въ междоусобныя драги и смуты.

О Загребѣ и хорватахъ я довольно говорилъ съ читателями моихъ корреспонденцій; повторяться я здѣсь не стану, резюмирую только въ нѣсколькихъ словахъ, что такое это сербское племя и какъ я понимаю его современное значеніе для славянъ. Кромѣ княжества сербскаго и Черногоріи, въ юго западной Европѣ нѣтъ ни одной славянской области, имѣющей такую автономию, какъ Хорватія, подъ государственными владѣтельствами другаго народа. Это—фактъ весьма крупный, потому я и считаю пугливымъ, въ своихъ походахъ, ознакомиться, насколько мнѣ позволяло время, съ Загребомъ, какъ столицей Хорватіи, и выдающимися сторонами хорватскаго движенія. Про распрю между сербами и хорватами я уже говорилъ въ печати; она—несомнѣнный фактъ и врядъ ли уладится сама собой, особенно если хорватамъ удастся, съ перемѣнной политической обстановкѣ, объединить подъ одной короной три славянскія области, составлявшія когда-то «триединое» королевство, а присоединить къ нему, быть можетъ, Боснію и Герцеговину. Тогда изъ племенное чувство еще болѣе разгорится, и сербы, какъ въ княжествѣ, такъ и въ венгерскихъ комитатахъ, оменчатально ихъ возненавидятъ. Самые умѣренные хорваты объясняли мнѣ, что они вовсе не считаютъ себя хорватами, вслѣдствіе разницы религии. Въ Хорватіи не мало уже сербовъ православнаго исповѣданія, называющихъ себя, подобно моему границару, не сербами, а хорватами. Они, быть можетъ, и правы, хотя это—спорный вопросъ славянской древности. Московскій спеціалистъ по сербскому языку, г. Майковъ и, вѣроятно, многие другіе славяны держатся такого взгляда, что особаго хорватскаго племени не существуетъ; туземные же ученые доказываютъ, что хорватское племя существовало искони на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь сидитъ, что оно дало свое историческое имя всей этой южно славянской расѣ и что сербами назывались жители одной небольшой области, носившей въ древности имя *Рации*. Мы не будемъ вдаваться въ эти тонкости: для насъ онѣ не существенны. Чѣмъ бы ни кончилась теперешняя распря сербовъ съ хорватами, не-

сомнѣнно лишь то, что хорватское королевство, представляющее собой отдѣльное маленькое государство Транслейтанія, можно бы сдѣлать, во всёхъ смыслахъ, пробнымъ камнемъ для тѣхъ, кто у насъ толкуетъ о славянской солидарности или о благодѣтельномъ вліаніи московскихъ взглядовъ на славянский міръ. Съ полнѣйшей объективностію каждый изъ насъ, людей другого лагера, сказалъ бы господамъ славянофиламъ, указывая на Загребъ и Хорватію: *«Вотъ для васъ лакомый кусокъ; отправляйтесь и дѣйствуйте там!»*

Чтобы читателю было ясно, до какой степени эта славянская небольшая земля, не имѣющая и милліона жителей, пригодна для эксплуатаціи московскихъ славянолюбивцевъ, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, охарактеризовать разныя стороны хорватскаго движенія и государственныя и культурныя особенности этой земли.

Начну съ автономіи, уже нѣсколько разъ упомянутой мною. Она добыта въ новѣйшее время всего болѣе услугами габсбургскому дому хорватскаго бана Елачича, но основывается на историческомъ правѣ, которое уважаютъ, хотя и скрѣпя сердце, сами мадьяры. Когда вы толкуете съ мадьярами о подчиненномъ положеніи словаковъ, сербовъ и румыновъ и указываете имъ на хорватовъ, они обыкновенно отвѣчаютъ вамъ: «Хорватская корона имѣла всегда свои прерогативы; даже до 48-го года», что совершенно вѣрно. Тутъ, стало быть, любезная для нашихъ славянофиловъ историческая почва, санкція, налагаемая и новымъ государственнымъ строемъ на формы стараго быта. Къ этому надо присоединить несомнѣнную древность племени, назовете-ли вы его сербами или хорватами, и его способность удержатъ въ теченіи вѣковъ свой бытовой типъ, языкъ, обычай (по крайней мѣрѣ, въ сельскомъ населеніи), нравы, вѣру. Если въ глазахъ славянофиловъ хорваты-католики — отщепенцы, то не нужно забывать, что ветолю въ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ, есть хорваты православные, которые не хотѣтъ, чтобы изъ, вслѣдствіе этого православія, причисляли къ сербскому племени. Да, кромѣ того, одноплеменные хорватамъ и сербамъ далматинцы (которые, очень вѣроятно, сольются со временемъ, въ политическомъ отношеніи, съ хорватами) сохранили также православіе; а они — самые крайніе юго-западніе славяне, прошедшіе чрезъ множество иноземныхъ вліаній, на долговину обитавшіе въ своей внѣшней городской культурѣ. Затѣмъ антагонизмъ между православіемъ и католичествомъ существуетъ на одной территоріи, въ предѣлахъ одной области; это получило надѣльно-политическое значеніе гораздо болѣе въ глазахъ сербовъ, чѣмъ въ глазахъ хорватовъ. Фактически же, въ государственной и общественной жизни хорватовъ этотъ антагонизмъ скучивается; и тутъ славянофилы могли бы столкнуть съ вліаніемъ обще-европейскаго прогресса, который не желаетъ держаться вѣроисповѣдной распри; они увидали бы, что въ этой маленькой

Хорватин католики и православные пользуются, абсолютно, одними и теми же правами; что на высших мѣстахъ вы встрѣчаете людей и той и другой религій. Если бы завтра *банъ*, т. е. наместникъ хорватской короны, попалъ изъ православныхъ депутатовъ или чиновниковъ, никто бы этому не удивился. Борьба между католичествомъ и православіемъ сводится къ борьбѣ духовенства. Духовенство православное бѣднѣе, необразованнѣе и исключительнѣе; католическіе же прелаты пользуются большою матеріальной поддержкой; и все сѣльское духовенство сильнѣе и непосредственнѣе вліяетъ на прихожанъ. Этотъ фактъ повторяется почти вездѣ и вѣдь Хорватин. Но тѣмъ больше чести было бы для нашихъ славянолюбцевъ отыскать въ средѣ хорватскаго православнаго духовенства элементы плодотворной борьбы съ католичествомъ. Теперь же факты показываютъ, что для поднятiя не только узко хорватскаго, но и южно-славянскаго самосознанiя въ формѣ литературы, просвѣщенiя, всякаго рода національныхъ стремленiй католическіе духовные столпы на первомъ планѣ. Въ средѣ православныхъ нѣтъ такого дѣятеля, какъ епископъ Штросмайеръ. Какъ бы вы ни объясняли мотивы его дѣятельности, дѣйствительность возьметъ свое и заставить васъ сообразиться, что онъ не перестаетъ поддерживать науку, народную школу и литературу хорватовъ больше, чѣмъ кто-либо. Имъ основана южно-славянская академія; на его же деньги, главнымъ образомъ, основана и поддерживается музей. Кто его встрѣчалъ и бесѣдовалъ съ нимъ, за исключеніемъ развѣ православныхъ священниковъ, признаетъ въ немъ искренняго славянина, съ очень широкими взглядами на все славянство, отдѣляющимъ свою личную духовную карьеру и вопросъ вѣрноподданiя отъ славянскаго дѣла, которому онъ служитъ, несмотря на то, что ему, какъ прелату, было бы выгодно вѣрстать къ лагерю нѣмцевъ или мадяровъ. Предсѣдателемъ южно-славянской академіи (этого единственнаго учрежденiя для всего славянства, говорящаго и пишущаго на сербскомъ нарѣчiи) мы, опять таки, видимъ католическаго патера Рачкаго, съ личностью котораго я уже знакомилъ читателей моихъ корреспонденцій. Если бы наши славянолюбцы дѣйствовали умѣло и ловко, они могли бы, несколько не насилуя своей совѣсти, пользоваться дѣятельностию и рвеніемъ такихъ католическихъ патеровъ и, при случаѣ, противодействовать ихъ вліянію, когда оно шло бы въ разрѣзъ православному сербству. У насъ и не повѣрять, что такой *камоникъ*, какъ Рачкiй, едва ли не одинъ, во всемъ Загребѣ поддерживаетъ связь съ русской интеллигенціей, которую онъ, къ сожалѣнію, ограничиваетъ известными только кружкомъ нашихъ писателей и публицистовъ. Это происходитъ отъ незнанiя, отъ недостатка сношенiй, въ чемъ онъ мнѣ и самъ признавался. Но не забавно ли читать громовыя филиппики, которыя наши московскіе византійцы направляютъ на католицизмъ и католическіхъ славянъ, и въ то же самое время видѣть, что католическіи

наторъ, состои въ званіи президента вѣно-славянской академіи, читаетъ и печатаетъ подробную біографію покойнаго Погодина, гдѣ восхваляетъ всё его труды и даже его направленіе, которое, кажется, было достаточно преисполнено принципами «уваровской формулы?» И умри теперь какой-нибудь изъ славянофильскихъ дѣятелей, тотъ-же Рачкій напишетъ новую біографію и распространится въ похвалахъ русскому дѣятелю, очень хорошо зная, какихъ воззрѣній на православіе держатся наши славянофилы. Нигдѣ такъ выгодно не сложились элементы совместнаго существованія двухъ религій, какъ въ Хорватіи, и нигдѣ быть можетъ, теорія исключительнаго православія не потерпѣла бы такого фіаско, еслибы вздумали энергически проводить ее, тѣмъ болѣе, что въ средѣ хорватской молодежи есть цѣлое направленіе, уже намѣченное мною въ корреспонденціяхъ—такъ называемое «великохорватство». Эта теорія исключительно хорватскаго патриотизма, увы! также себалубива, какъ и стремленіе къ господству другихъ славянскихъ племенъ; но въ ней вопрѣсъ о католичествѣ получаетъ другой смыслъ: послѣдователи великохорватства (которыхъ можно было бы назвать *хорватскими омадимистами*) держатся за католичество не потому, чтобы они были религіозны и придавали вѣрнопочвѣнному вопросу первенствующее значеніе, а потому, что они не хотятъ имѣть ничего общаго съ восточной культурой сербства, съ Москвою, съ византизмомъ; потому-то они такъ и обращаютъ лицо свое къ крайнему западу, считаютъ романскія племена своимъ идеаломъ, возлагаютъ на Францію какія-то мечтательныя надежды. Опять такъ—прекрасный пробный камень для дѣятельности настоящихъ эмиссаровъ славянофильства. Никто не мѣшаетъ сближаться съ этою молодежью, толковать съ нею, разубѣждать ее, показывать ей призрачность и односторонность великохорватства или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться ея несомнѣннымъ патриотизмомъ въ интересахъ общаго единенія. Этой партіи всего-то какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ отъ роду. Одинъ человѣкъ сгруппировалъ ее около себя, и если этотъ вошакъ хорватской молодежи приобрѣлъ въ скорое время такое вліяніе, то единственно своею убѣжденностью, извѣстнаго рода эрудиціей съ прибавкой рѣзкости и нетерпимости; онъ уже далъ партіи свое имя. Теперь всё, занимающіеся славянскимъ міромъ, знаютъ, что такое *старчевичанин*. Сколько мѣнъ приводилось разспрашивать объ адвокатѣ Старчевичѣ, онъ представляетъ собой яркую разновидность того же омадинства, только обратившагося на искусственное обособленіе хорватскаго племени. Самая живучая сторона его взглядовъ, это—антагонизмъ ко всему, что отзывается восточнымъ византизмомъ. По личнымъ качествамъ, онъ, какъ слышно—человѣкъ безкорыстный, живетъ бѣднякомъ и цѣникомъ, имѣетъ репутацію очень способнаго адвоката и писателя съ огромною памятью, начитанностію и искренностію. Умѣреннѣе хорваты увѣрили меня, что только одна доля молоде-

же предана идеямъ Старишчица, и нельзя отрицать того, что большинство хорватской интеллигенции имѣло общеславянскія симпатіи, сочувствовало, въ прошломъ году, сербской войнѣ, поддерживало, хотя и не особенно сильно, Боснію и Герцеговину, а теперь радуется успѣхамъ русскаго оружія. Если оно такъ, то тѣмъ болѣе поводовъ было бы нашимъ славянофиламъ противодействовать на мѣстѣ вліянію Старишчица и клеветать о томъ, чтобы въ средѣ хорватской интеллигенціи установилось болѣе ладу и гармонія въ стремленіяхъ и задачахъ, чтобы молодежь не воспитывала въ себѣ предрасудковъ и предубѣжденій противъ Россіи, а напротивъ искала общихъ интересовъ, равняла бы въ себѣ болѣе терпимости, изучала бы науку литературу, исторію и современный общественный бытъ.

XVI.

Далѣе, нашимъ славянолюбцамъ слѣдовало бы узнать умѣреннѣе хорватскихъ патриотовъ, среди которыхъ всего болѣе симпатій къ общеславянскому развитію, безъ уни-національных претензій, и всего болѣе наклонности къ сближенію съ русскими. При ближайшемъ анализѣ, окажется, конечно, что хорваты, не имѣющіе предубѣжденій противъ Россіи и русскія, все-таки, далеки отъ московскихъ идей, за исключеніемъ такихъ экземпляровъ, къ числу которыхъ принадлежитъ характеризованный мною выше граничаръ. Война Россіи съ Турціей (возбужденная между австрійскими славянами довольно сильное анти-турецкое волненіе) была для хорватовъ гораздо болѣе правдивъ и жизненнымъ вопросомъ, чѣмъ для чеховъ и венгерскихъ сербовъ. Даже самыя умѣренныя хорваты-патриоты имѣютъ виды на Боснію и Герцеговину. На этой-то почвѣ, опять-таки, слѣдовало бы вступить съ ними въ непосредственныя сношенія для того, чтобы вліять не только на ихъ интеллигенцію, но и на массу, которая въ городахъ проявила свои славянскія симпатіи. Въ Загребѣ былъ я два раза на протяженіи 2—3 мѣсяцевъ, и оба раза въ очень горячее время. Мнѣ хотѣлось убѣдиться къ тому, найдется ли между хорватами, принадлежащими къ интеллигенціи, хотя, 2—3 человѣка, которые бы искренно, безъ фразы желали полного освобожденія Боснии и Герцеговины, съ образованіемъ изъ нихъ особой территоріи, совершенно ли самостоятельной, или связанной федеративными узамъ съ другими славянскими государствами, т. е., приблизительно, съ Черногоріей или съ княжествомъ сербскимъ? На эту тему говорилъ со мною не мало народу, въ томъ числѣ и каноникъ Рачкичъ; но я сомнѣваюсь, чтобы дѣйствительно кто-нибудь изъ самыхъ умѣренныхъ хорватовъ въ душѣ желалъ этого. На счетъ же *просоюдимости* я видѣлъ большое единство мнѣній, хотя нисколько и прикрывали это

разныи доводами, какъ бы выгораживая свое племенное безкористіе. Врядъ ли иначе и могло видѣти. Вся Хорватія—небольшая земляца съ населеніемъ, не достигающимъ даже полнаго мильона, а формы ея государственнаго устройства почти совершенно самостоятельны; такъ что хорватамъ-патріотамъ трудно не считать своей землѣ будущиимъ ядромъ для образованія южно-славянскаго государства. Боснія и Герцеговина—подъ бокомъ, въ особенности Боснія. Еслибъ такое присоединеніе произошло, то и дальнѣйшія мечтанія хорватовъ, т. е. присоединеніе Далмаціи, можетъ осуществиться тѣмъ легче, что для этого нужна только административная перетасовка, перечисленіе одной области изъ Цислейтаніи, куда она отнесена очень неловко, въ Транслейтанію. За сербами княжества хорваты не признаютъ никакого нравственнаго или историческаго права на обладаніе Босніей и Герцеговиной. Въ этомъ они всѣ согласны между собой. Тутъ, помимо племенной распри, является и старое соперничество чисто-политическаго характера. Они опираются, въ этомъ случаѣ, на чувства самихъ босняковъ, не только магометавъ и католиковъ, но и православныхъ, говоря, что въ Босніи сербы не пользуются ни малѣйшей популярностью. Они идутъ далѣе и мирятся даже съ тѣмъ возможнымъ фактомъ, что австрійское правительство съумѣетъ, присоединивъ Боснію и Герцеговину, создать для этихъ двухъ земель особое иоложеніе, превратить ихъ въ имперскія земли, какъ обь этомъ и шла довольно долго рѣчь, въ началѣ кампаніи. И эта комбинація не особенно возмущаетъ хорватскихъ патріотовъ, хотя они и не перестаютъ, въ разговорахъ съ русскими, фрондировать австрійское правительство и по ихъ толкованію выходить, что Боснія и Герцеговина, даже и въ формѣ имперскихъ областей, все-таки подпали бы подъ прямое культурное вліяніе Хорватіи. Съ финансовой же точки зрѣнія, такой переходный періодъ былъ бы даже весьма пріятенъ имъ, потому что въ такомъ, случаѣ расходы, на обь эти имперскія области должны были бы пасть на всю дуалистическую имперію. Вотъ почему не только мадьяры, но и австрійскіе нѣмцы противятся, въ принципѣ, присоединенію Босніи и Герцеговины. Они прямо говорятъ, что имъ же придется тратиться на культурные расходы въ пользу неизвестныхъ имъ и на половину варварскихъ славянскихъ земель.—Наконецъ, въ сильнѣйшемъ антагонизмѣ, которымъ мадьяры встрѣтили идею присоединенія Босніи и Герцеговины къ Транслейтаніи, хорваты видятъ страхъ передъ возростаніемъ славянскаго элемента. Уже изъ одного этого они не могутъ не желать такого присоединенія. Теперь въ средѣ мадьяровъ, заправляющихъ общественнымъ мнѣніемъ, этотъ антагонизмъ значительно ослабѣлъ, и есть мадьярскіе патріоты, рассуждающіе диаметрально-противоположно. Но, такъ или иначе, вопросъ Босніи и Герцеговины рѣшенъ въ душѣ всѣми хорватскими патріотами одинаково, т. е. въ смыслѣ мѣстнаго патріотизма, а вовсе не общеславянской идеи, и наши

славянофилы могли бы еще разъ убѣдиться въ томъ, какъ братья-славяне вѣрны истиннымъ племеннаго партикуларизма, наклонности къ захвату, присоединенію и гегемоніи.

До сихъ поръ наши славянофилы (по крайней мѣрѣ, въ печати) не возмущались особенно мечтаніями хорватовъ о «тріединомъ» королевствѣ, т. е. слитіемъ Хорватіи съ Далмаціей и Славоніей въ одно цѣлое. Теперь же слѣдовало бы привести эти два вопроса въ извѣстную гармонию, рассмотреть, въ какой степени притязанія хорватовъ на Боснію и Герцеговину менѣе разумны и полезны въ смыслѣ славянской культуры, чѣмъ ихъ мечты о «тріединой королевствѣ». Вѣдь и въ Далмаціи существуютъ элементы сильнаго антагонизма съ чисто хорватской культурой. Тамъ живутъ такіе-же православные, какъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Если быть послѣдовательнымъ въ смыслѣ московскаго славянолюбія, то, конечно, надо противодѣйствовать всѣми силами тому, чтобы государственная область, гдѣ преобладаетъ католичество, ни въ какомъ случаѣ не дѣлалась адромъ не только юго-славянской націи, но и федеративнаго союза. Отношенія далматинцевъ къ хорватамъ заслуживали бы, опять-таки, спеціальнаго изученія. Тѣмъ болѣе, что далматинцы, въ городахъ, сильно обитальничали въ языкѣ и культурѣ. Извѣстная-же доля далматинцевъ, наклонныхъ къ слитію съ хорватами и словинцами, ладятъ съ хорватской интеллигенціей. Мнѣ самому пришлось познакомиться въ Загребѣ съ такими далматинцами. Но этимъ вопросомъ далеко не исчерпывается. Людямъ, которые выдаютъ себя за сознательныхъ защитниковъ славянства, надо все это досконально изслѣдовать, а не ограничиваться только вѣстными гадательными соображеніями и заявленіемъ своихъ произвольныхъ взглядовъ. Крайній юго-западный уголъ славянства представляетъ собою арѣнище постоянной борьбы между племенами, сжатыми съ двухъ сторонъ двумя культурами—итальянской и нѣмецкой. Нѣмцы, въ силу своего государственнаго преобладанія, уже сильнѣйшимъ образомъ обнѣмчали словинцевъ въ городахъ, а итальянцы обитальничали далматинцевъ, не въ силу государственнаго господства, а одной только культурой и пограничными сношеніями. Поэтому-то вопросъ о томъ, желать ли для Хорватіи центральнаго положенія на юго-западѣ славянскаго міра, и дѣлается однимъ изъ самыхъ крушкихъ.

Какъ бы кто ни относился къ претензіямъ хорватовъ, даже съ узкому патриотизму кружка старчевичанцевъ, онъ долженъ будетъ согласиться, что въ теперешнемъ своемъ видѣ Хорватія не въ состояніи побѣдоносно бороться съ вліяніемъ чуждыхъ городскихъ культуръ. Когда вы попадете въ столицу Хорватіи, Загребъ, и поживете въ немъ, вы должны будете признать, что нѣмецко-австрійская оболочка скрывается рѣшительно во всѣхъ формахъ общественнаго, матеріальной и даже нравственной культуры. Забудьте: *нѣмецко-австрійская*, а не мадыарская, несмотря на то, что Хорватія и до австрійскаго дуализма жила особ-

някомъ, пользуясь своими историческими правами. Какъ бы теперь ни былъ возбужденъ племенной духъ хорватовъ, какъ бы они ни хлопотали о развитіи своей литературы, какъ бы ревниво ни держались за разныя формы администраціи, суда, носящія на себѣ отпечатокъ старины, все-таки нѣмецко-австрійское культурное вліяніе будетъ значительно парализовать развитіе настоящей народной самобытности до тѣхъ поръ, пока не образуются государства или группы федеративныхъ земель, связанныхъ между собой единствомъ національныхъ задачъ. Не нужно быть славянофиломъ, чтобы желать для южныхъ и западныхъ славянъ выработки своей національной физиономіи даже во всѣхъ подробностяхъ быта: въ искусствахъ, въ нравахъ, въ особенностяхъ общежитія.

Тутъ самъ собой является вопросъ: кѣмъ-же приготовлена серьезная жизненная связь между русскимъ обществомъ и интеллигенціей южно-славянскихъ племенъ? Мы, русскіе, въ состояніи ли значительно способствовать этому освобожденію южнаго славянства изъ-подъ формальнаго вліянія австро-нѣмецкой культуры? Для этого необходимы, кромѣ частныхъ и непосредственныхъ сношеній, а также и матеріальныхъ средствъ: единство программы, а, главное, выдѣленіе всякаго вѣроисповѣднаго мотива изъ общей племенной и культурной связи. Съ притязаніями же нашихъ византійцевъ ничего нельзя будетъ достигнуть, даже еслибы и взялись за это энергически. Хорватская интеллигенція, которой, во всякомъ случаѣ, предстоитъ извѣстная будущность, ни малѣйшимъ образомъ не податлива въ сторону притязаній руссофиловъ. Я въ этомъ безусловно убѣдился, присмотрѣвшись къ ея типамъ. Ни въ комъ не находилъ я наклонностей къ московскому византіизму: ни въ каноникѣ Рачкомъ, ни въ такомъ литераторѣ и исследователѣ старины, какъ извѣстный Кукульевичъ, ни въ редакторѣ «Обзора» Мишеатовичѣ, ни въ молодыхъ дѣятеляхъ изъ далматинцевъ и словинцевъ въ родѣ адвоката Мазуры и филолога Целестина. Всѣ эти люди сидятъ на своей почвѣ и не въ состояніи раздѣлять теоріи нашихъ московскихъ руссофиловъ, по которой западный міръ гниетъ, вслѣдствіе того, что не воспринялъ свѣта истины изъ Царьграда. Зато ничего не было бы исполнимѣе, какъ слѣдять изъ всѣхъ представителей южно-славянской интеллигенціи (за исключеніемъ развѣ ярыхъ старчевичанцевъ) истинныхъ друзей передоваго русскаго общества, готовыхъ сочувствовать намъ во всѣхъ лучшихъ нашихъ стремленіяхъ. Но для этого нужно поработать долгіе годы и хлопотать о томъ, чтобы южно-славянская интеллигенція освобождалась отъ всякой узости, исключительности, мелкаго племеннаго себялюбія. Намъ, русскимъ, можно этого достигнуть легче, чѣмъ другимъ славянамъ, напр., чехамъ, желающимъ играть роль передовой западно-славянской націи. Я видѣлъ доказательство этому и въ Загребѣ. Въ тамошнемъ университетѣ нашелъ я двухъ молодыхъ чешскихъ ученыхъ, людей зна-

щихъ, нешковерканныхъ чешскимъ шовинизмомъ, весьма сочувственно относящихся къ русскому передовому движенію. Они могли бы значительно освѣжать воздухъ хорватскаго патриотизма, вносить больше широты и серьёзности во взгляды, стремленія и задачи мѣстной интеллигенціи. Но имъ мѣшало то, что они — чехи; въ нихъ сказывалось бессознательное, инстинктивное пренебреженіе къ южнымъ славянамъ; они не могли относиться къ хорватскому интеллигентному мірку пообъективнѣе, съ болѣею выдержкой и терпѣливостію; въ нихъ самихъ живетъ слишкомъ сильно чувство племенной индивидуальности, не нашедшей, до сихъ поръ, правильнаго выраженія въ борьбѣ съ нѣмцами. А солидарность на почвѣ племеннаго родства и общечеловѣческой культуры возможна въ Загребѣ, какъ центрѣ южно-славянскаго движенія, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Молодой загребскій университетъ долженъ этому способствовать. Въ составъ его профессоръ вошли люди разныхъ славянскихъ народностей. Университетская наука всѣхъ и каждого сближаетъ и дѣлаетъ терпимѣе; она можетъ окончательно устранить всякую религіозную вражду, которая, какъ я уже и сказалъ, поддерживается гораздо болѣе невѣжественностію и нетерпимостію православнаго сербскаго духовенства, чѣмъ пропагандой католическихъ патеровъ.

XVII.

Загребъ, тотчасъ послѣ антирусскаго митинга въ Пештѣ, устроилъ у себя народную сходку. Мнѣ удалось присутствовать и на ней. Тогда, въ званіи корреспондента, я не могъ не держаться приѣмовъ репортера, т. е. какъ можно вѣрнѣе фотографировать физиономію митинга, не скрывая отъ русской публики ничего, не маскируя тѣхъ двойственныхъ впечатлѣній, которые оставило во мнѣ это народное собраніе. Увлечаться хорватскими симпатіями не слѣдовало. Вся мелкая анархія партій и кружковъ сказалась въ рѣчахъ ораторовъ. И я не считалъ себя въ правѣ смягчать факты или комментировать ихъ слишкомъ слащаво и общѣ. И тогда, и теперь для меня было ясно, что намъ, русскимъ, не слѣдуетъ поддаваться пустымъ и звонкимъ фразамъ московскихъ и петербургскихъ обрусителей, которые способны видѣть вездѣ могучіе элементы единенія съ Россіей. Напротивъ, слѣдовало показывать, какъ, сравнительно съ мадьярами, у хорватовъ мало развито политическое чутье, какъ они еще задорноны, какъ ихъ микроскопическая интеллигенція страдаетъ духомъ партій, а, главное, какъ симпатіи къ Россіи не выяснены даже и въ болѣе здоровой, умѣренной хорватской партіи. И сколько мнѣ помнится, этотъ митингъ въ Загребѣ подалъ поводъ разнымъ русскимъ корреспондентамъ (изъ нихъ, опять-таки, *мнѣ это не была на мѣсть*) не только толковать объ немъ въразъ и

взросъ, но и просто перевернуть фактическую сторону, выдумывать разныя подробности, дѣльныя фразы, возгласы и сцены, какихъ не было въ дѣйствительности. Еслибы наши славянолюбцы поменьше сидѣли въ Москвѣ, они могли бы, попавъ на такой митингъ, въ сокращенномъ видѣ ознакомиться съ тѣми существенными недостатками славянскаго душевнаго типа, которые мѣшаютъ и будутъ мѣшать дѣлу общаго объединенія. Они убѣдились бы и въ томъ, какъ русскимъ слѣдуетъ болѣе, чѣмъ какой-либо славянской народности, освободиться отъ такихъ же себялюбивыхъ инстинктовъ, если они хотятъ играть роль руководящей славянской націи. Но во время войны средняя хорватская интеллигенція чувствовала въ себѣ, все таки, настолько солидарности съ нами, что сейчасъ же воспользовалась автономными правами Хорватіи и заявила свой протестъ противъ мадыарскихъ манифестацій въ видѣ политической народной сходки; она и теперь, когда русское оружіе сдѣлалось опять побѣдоноснымъ, не боится мадыаровъ, правдууетъ наши побѣды и привлекаетъ къ тому же далматинцевъ и словинцевъ. Уже одни эти факты должны бы заставить нашихъ славянолюбцевъ заняться хорватами, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и чехами. А между тѣмъ, мы и относительно Хорватіи должны придти къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ.

Въ Загребѣ, въ настоящее время, несравненно болѣе условій для завязыванія всякаго рода связей съ мѣстнымъ славянствомъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ въ Австріи. Хотя первый сановникъ Хорватіи, *банъ*, зависитъ отъ венгерскаго министерства, но онъ непременно назначается изъ бывшихъ сеймовыхъ депутатовъ, побывавшихъ въ помощникахъ бана или министрахъ, какъ ихъ громко называютъ хорваты. Онъ всегда—славянинъ. Его министры держатся также за большинство. Эти парламентскіе порядки приобрѣли уже полное право гражданства. Сеймъ Хорватіи, опять таки, исключительно славянской, ревнивый къ своимъ правамъ, способный поддержать всякую мѣру, вносящуюся къ возрожденію Хорватіи, какъ будущаго южно-славянскаго большаго государства. Вы отъ мѣстныхъ радикаловъ услышите, конечно, протесты и жалобы на большинство сейма, на его податливость въ правительственную сторону; но все-таки для дѣятельности людей, преданныхъ идеѣ славянскаго общенія, ни въ конституціонныхъ, ни въ административныхъ порядкахъ Хорватіи не предвидится никакихъ препятствій и опасностей. Это—не Галиція и не Львовъ, гдѣ мѣстная прокуратура и чиновничество готовы ловить каждаго русскаго, провѣзжающаго простымъ туристомъ. Университетъ, опять-таки, исключительно славянской по составу своихъ профессоровъ. Въ южно-славянской академіи (основанной исключительно для закрѣпленія полной солидарности между южно-славянскими племенами) нѣтъ ничего враждебнаго русской интеллигенціи. Напротивъ: ея основатель и темершій ея президентъ—гораздо болѣе обще-славя-

не, чѣмъ хорваты: по крайней мѣрѣ, сами выдаютъ себя за та-кихъ. И что же наши славянолюбцы сдѣлали до сихъ поръ? Устроили ли они въ городѣ Загребѣ хоть простую русскую читальню? Дали ли молодымъ хорватамъ возможность ознакомиться съ нашимъ языкомъ, литературой и общественнымъ бытомъ? Случай для этого представлялся и до сихъ поръ имѣется на лицо, что я лично могъ засвидѣтельствовать въ обѣ мои поѣздки въ Загребъ. Тамъ проживаетъ теперь молодой филологъ, докторъ Целестинъ, авторъ весьма толково и талантливо составленной книги о Россіи. Онъ, по окончаніи курса въ вѣнскомъ университетѣ, поѣхалъ въ Москву, готовился на экзаменъ учителя классическихъ языковъ и былъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ сначала во Владимірѣ, а потомъ въ одномъ изъ важныхъ городовъ. Съ русскимъ языкомъ ознакомился онъ очень хорошо, и его книга показываетъ, что русское общество, наши государственные и общественные порядки изучены имъ довольно старательно и безъ предубѣжденій. Съ самого основанія загребскаго университета полагается въ немъ катедра русскаго языка, но жалованье лектору маленькое, что-то въ родѣ 800 гульденовъ; да вдобавокъ, открывши катедру русскаго языка, совѣтъ университета долженъ былъ бы похлопотать и о скорѣйшемъ открытіи катедры мадьярскаго; иначе изъ Пешта стали бы дѣлать запросы, и пошли бы разныя интриги. Доктору Целестину предлагалъ мѣсто лектора; но онъ — человѣкъ бѣдный, и его гораздо болѣе привлекаетъ возвращеніе въ Россію, гдѣ онъ, даже въ званіи старшаго учителя, можетъ получать больше, чѣмъ втрое. Чего же лучше нашимъ славянскимъ комитетамъ, какъ не воспользоваться такимъ обстоятельствомъ и не предоставить лектору отъ себя частной поддержки, за что онъ могъ бы, кромѣ университетскихъ лекцій, открыть и безвозмездный курсъ? Такой мѣстный молодой ученый, хорошо знающій нашъ языкъ и сохранившій русскія симпатіи, могъ бы сдѣлаться центромъ общенія между хорватской и русской интеллигенціей; но для этого необходимы постоянныя сношенія, поѣздки, обмѣнъ изданій, пожертвованія книгъ, составленіе статей и сочиненій на русскомъ языкѣ, которыя знакомили бы наше общество съ современной Хорватіей и вообще съ южно-славянскимъ политическимъ и культурнымъ движеніемъ, а по этой части у насъ такой же недочетъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ славянскихъ земляхъ. Если и заѣдетъ въ Загребъ какой-нибудь славистъ, то онъ почти всегда принадлежитъ къ новѣйшему типу московскихъ обрусителей, къ тѣмъ магистрантамъ и докторантамъ филологин, которые поражаютъ всякаго свѣжаго человѣка затхлостью своего направленія, угловатостію всего своего умственнаго и нравственнаго типа. Безъ дѣремонія можно сказать, что это, по преимуществу — бездарные книжники, неспособные изучать живую жизнь. И въ Прагѣ, и Вѣнѣ, и въ Загребѣ они такъ и остаются книжниками, не складаясь съ болѣе свѣжими мѣстными дѣятелями или окружаютъ

себя какими-нибудь забытыми «братьями», поддакивающими византийскимъ идеямъ. Такого рода личности положительно вредны дѣлу славянской солидарности; они вносятъ всюду свои заткные взгляды и принципы, сейчасъ же начинаютъ съ осужденія и съ нетерпимости и способны только вызвать непріязненные чувства въ самыхъ лучшихъ представителяхъ славянской интеллигенціи.

П. Беберыинъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Открытие всемирной выставки.—Дурные предвѣщанія.—Гроза въ день открытия.—Описание Трокадеро.—Официальная рѣчь.—Маршалъ впервые рѣшается на произнесение словъ: «французская республика».—26 оркестровъ музыки.—Переходъ черезъ Иенскій мостъ.—Общій видъ Марсова Поля.—Довольство публики.—Удивительная «улица націй». — Открытіе иностранныхъ отдѣленій выставки.

«Республиканцамъ никогда не удастся открытіе *ихъ* выставки!» повторяли на всѣ лады, въ теченіи двухъ лѣтъ, бонапартисты.

— Если выставка когда-нибудь осуществится, говорилъ де-Брольи до переворота 16-го мая, во время его и даже послѣ:— то открывать ее буду я! Мое происхожденіе даетъ мнѣ на это право, если въ числѣ нашихъ гостей будутъ члены царствующихъ династій.

Въ то время, когда клерикализмъ еще былъ у насъ грозною силою и прусское правительство не разрѣшало германской промышленности отправки ея произведеній въ Парижъ, князь Бисмаркъ, какъ носились слухи, предсказывалъ, что открытіе выставки, если оно и произойдетъ, не будетъ замѣчено среди громовъ европейской войны.

Ни одно изъ этихъ предсказаній, къ счастью, не сбылось. Выставка 1878-го года открылась въ назначенный срокъ, и хотя приготовления къ ней заняли несравненно менѣе времени, чѣмъ приготовления къ выставкѣ 1867-го года, ко дню открытія все было въ большемъ порядкѣ, чѣмъ въ 1867 году. Никто изъ династическихъ гостей, почтившихъ нашъ промышленный праздникъ — ни принцъ Уэльскій, ни герцогъ д'Аоста, ни даже супругъ экс-королевы испанской, дон-Францискъ Ассизскій — даже не замѣтили, что у кормила правленія Франціи не стоятъ болѣе герцоги де-Брольи, Деказы и т. д. Никто изъ нихъ даже не поморщился, когда маршалъ произнесъ торжественную фразу открытія: «Именемъ республики, объявляю выставку открытой!» Даже Бисмаркъ ошибся — войны пока еще нѣтъ, и если въ день открытія происходила въ Парижѣ пушечная пальба, то это было праздничное салютваніе.

Страшный ливень съ бурей накатнулъ перваго мая и сильная гроза съ дождемъ въ самое утро открытїя выставки исполнили несказанною радостью сердца еврикаловъ. Они надѣялись, что никакія празднества не состоятся, а нѣкоторые ожидали даже, что грозу разобьетъ самое нечестивое зданіе площади Тровадердъ—эти новыя «вавилонскія башни». Вѣильд даже настроилъ въ этомъ смыслѣ, утромъ 1 го мая, въ своей вечерней газетѣ «Univers», пророческую статью, предсказанїя которой однако же тоже не сбылись. Хотя густыя толпы народа, собравшіяся съ раннаго утра на Марсовомъ Полѣ и возвышенности Тровадердъ, и вымочило-таки порядкомъ дождемъ, но съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ и звуками барабановъ, извѣщавшими публику, что официальный кортежъ приближается къ мѣсту праздника, на небѣ проглянуло ослѣпительное солнце, исполнившее радостью десятки тысячъ людей. Нужно было слышать, какииъ единодушнымъ крикомъ встрѣтила 50-ти-тысячная толпа это солнечное сіяніе. Я думаю, что солнце рѣдко встрѣчалось съ такими оваціями даже самими солнцепоклонниками. Погода внезапно разгулялась, и съ этого времени, продолженїи цѣлыхъ двѣнадцати часовъ (съ 2-хъ по-полудни до 2-хъ по полуночи), цѣлыя волны народа не переставали двигаться оживленными массами въ мѣстности, отведенной подъ выставочныя постройки. Я лично, во всю свою жизнь, не видалъ еще ни разу скученїя такихъ массъ публики, одушевленной такимъ единодушнымъ энтузіазмомъ.

Прежде, однако, чѣмъ я приступлю къ описанію торжества самого открытїя, считаю необходимымъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, познать васъ съ мѣстомъ дѣйствїя.

Декретъ о настоящей выставкѣ подписанъ 4-го апрѣля 1876-го года. Ассигнованїе палатами необходимыхъ для нея фондовъ, назначенїе главнымъ ея директоромъ Кранца, выборъ и утвержденїе мѣстности, назначенїе администрацій, составленїе и утвержденїе плановъ, прозектовъ, сметъ и т. д.—заняли время до ноября 1876-го года. Собственно постройки начались только съ этого мѣсяца, но зато уже не прерывались, ни вслѣдствїе опасенїй обще-европейской войны, ни вслѣдствїе внутреннаго кризиса, пережитаго Франціей и танувшагося чуть не цѣлый годъ. Нужна была чуть не сверхъестественная энергія, чтобы соорудить въ такое короткое время такую массу всевозможныхъ построекъ, какими покрылись какъ Марсово Поле, такъ и возвышенность Тровадердъ. Тотъ, кто, зная эти мѣстности и не посѣщавши ихъ года полтора, увидалъ бы ихъ внезапно теперь, вѣроятно, не повѣрилъ бы своимъ глазамъ или нашелъ бы, что въ волшебныхъ сказкахъ, въ которыхъ феи строятъ въ одну ночь цѣлые дворцы, нѣтъ ничего невѣроятнаго.

На самой вершинѣ Тровадердъ помѣщается главное зданїе, вышность котораго настолько же грандіозна, какъ и изящна. Дворецъ этотъ не будетъ сломанъ, такъ какъ онъ составляетъ

собственность города Парижа, участвовавшего съ похвальнорощедностью въ поддержкѣхъ сооруженія. Центръ зданія представлялъ собою массивную ротонду, отъ которой идутъ двѣ полукруглыя, легкія галлерей. Надъ ротондою возвышаются двѣ башни, которыя нѣсколько узки у своихъ основаній и, по-моему, недостаточно высоки относительно размѣровъ ротонды. Если же этихъ башенъ вовсе не было, то громадная статуя скульптора Мерсье «Извѣстность» (la Réputaііe), помѣщенная надъ большимъ куполомъ, значительно выиграла бы въ своемъ эффектѣ, хотя она и теперь представляется чудомъ скульптурно-архитектурной смѣлости. Подъ нею, на ажурной баллюстрадѣ галлерей, отъ которыхъ начинается куполь, расположены тридцать монументальныхъ статуй различныхъ искусствъ, науки и отраслей промышленности. Рядомъ съ олицетвореніемъ медицины вы увидите тутъ статую металлурга, рядомъ съ астрономіей — гончарное искусство, педагогію, живопись, этнографію и т. д. Ниже ихъ, въ первомъ ряду галлерей, помѣщаются шесть массивныхъ фигуръ, изъ позолоченнаго чугуна, представляющихъ части свѣта, причемъ Сѣверная и Южная Америки представлены отдѣльно. Наконецъ, на четырехъ углахъ овальнаго бассейна, куда впадаетъ каскадъ, устроенный передъ главнымъ балкономъ, отлиты тоже чугунныя позолоченныя изображенія животныхъ: быка, лошади, носорога и слона.

Ровно въ 2 часа по-полудни, сообразно назначенному церемоніалу, президентъ республики, въ полной парадной формѣ маршала Франціи, появился въ этомъ дворцѣ и сѣлъ на кресло, приготовленное ему въ главной залѣ зданія у большого балкона. Едва онъ занялъ свое мѣсто, какъ со всѣхъ краевъ балкона громадною водяною скатертью съ бѣлою пѣною стали падать каскады, что вызвало продолжительное рукоплесканіе толпы, тѣмъ болѣе довольной, что, передъ тѣмъ, всѣ реакціонныя газеты предсказывали, что каскадъ не будетъ дѣйствовать, такъ какъ механизмъ его не удался.

Вслѣдъ затѣмъ министръ торговли и земледѣлія, главному управленію котораго подчинена выставка, обратился къ маршалу и всему блестящему собранію, съ торжественною рѣчью, въ которой напомнилъ, что первая мысль объ этомъ великомъ конкурсѣ труда и искусствъ, объ этомъ новомъ торжественномъ праздникѣ цивилизаціи и прогресса родилась «на слѣдующій же день послѣ того, какъ республика получила окончательную санкцію приведеніемъ въ дѣйствіе конституціи». Этия правительство республики «засвидѣтельствовало свою увѣренность въ устойчивости и плодотворности тѣхъ учрежденій, какія страна для себя содала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразило свою полнѣйшую увѣренность, что иностранныя державы не откажутъ ему въ своемъ сочувствіи». Затѣмъ, Тейссеренъ де Боръ напомнилъ, что первые рабочіе появились на Марсоломъ Пюгѣ 1-го декабря 1876 года и что 20 мѣсяцевъ было достаточно для возведенія

всѣхъ построекъ, несмотря на непредвидѣнную необходимость увеличить число ихъ, вслѣдствіе громаднаго количества экспонентовъ со всѣхъ странъ міра, для достойнаго размѣщенія всѣхъ чудесъ искусства земледѣлія и промышленности. Затѣмъ, онъ отдалъ благодарность какъ иностраннымъ, такъ и отечественнымъ экспонентамъ, равно и главному организатору выставки, сенатору Кранцу, его помощникамъ и всѣмъ рабочимъ, которые «патріотически не пощадили никакихъ усилій и сочли дѣломъ своей личной чести, чтобы слово, данное Франціей, осуществилось». Окончилъ свою рѣчь министръ слѣдующими словами, обращенными уже прямо къ маршалу Мак Магону: «Настоящая выставка вполне удовлетворитъ ваши патріотическія стремленія; она послужитъ для васъ очевиднымъ доказательствомъ того, что Франція, переставшая сомнѣваться въ своей будущности, прониклась подъ покровомъ политической формы правленія. пользуящейся ея сочувствіемъ, новымъ одушевленіемъ и удвоила свою дѣятельность и энергію. Вы невольно признаете что нація стала трудиться съ неслыханнымъ до сихъ поръ для нея рвеніемъ, что и помогло ей увеличить значительно количество такихъ произведеній ея труда, которыя приносятъ честь своимъ производителямъ, украшаютъ и дѣлаютъ болѣе легкою жизнь народовъ, поднимаютъ нравственный уровень общества и усиливаютъ, для счастья и славы человѣчества, благодѣанія цивилизаціи». Еслибы на мѣстѣ маршала находилось другое лицо, то оно непременно воспользовалось бы этимъ случаемъ для произнесенія краснорѣчивой отвѣтной рѣчи, которая облетѣла бы всю Европу. Но маршалъ ограничился заявленіемъ благодарности оратору и ближайшимъ изъ иностранныхъ гостей, окружавшихъ его, и затѣмъ объявилъ отъ имени республики, что выставка открыта. Такимъ образомъ, избраннику 24 го мая 1873 года и инициатору 16-го мая 1877 года пришлось таки впервые произнести ненавистное для него слово «французская республика». Уже одно это было настоящимъ событіемъ, и эта новость быстро разнеслась между всѣми массамя публики, толпившейся на Трокадеро и Марсовомъ Полѣ, и вызвала единодушное восклицаніе «да здравствуетъ республика» въ ту самую минуту, когда церемоніймейстеръ съ верху террасы выставилъ знамя, что послужило сигналомъ для всѣхъ хоровъ музыки, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Сены. Эти оркестры, число которыхъ, какъ говорить, было 26, произвели бы несравненно болѣшій эффектъ, еслибы были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ и потомъ двинулись во главѣ кортежа. Играя на значительныхъ разстояніяхъ одно и то же, они никакъ не могли попасть въ одинъ ладъ, такъ что произошло нѣчто весьма нестройное, заставившее насмѣшниковъ назвать исполнявшуюся пьесу кантатой въ честь Св. Сердца пополамъ съ Марселлезой, между тѣмъ какъ это былъ просто извѣстный гимнъ Гуно въ честь Франціи. Потомъ, когда кортежъ тронулся, каждый оркестръ игралъ что хотѣлъ. Особенно хорошо были исполнены передъ

китайскимъ домикомъ отрывки и маршъ изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Мендельсона. Сбитый съ толку музыкой, церемоніальный кортежъ, формировавшійся у лѣвой лѣстницы дворца Троядеро, не удался. Маршалъ, никого не дожидаясь, ринулся впередъ, за нимъ едва поспѣвали иностранные принцы, которыхъ сенаторамъ, въ свою очередь, пришлось догонять съ большими усиліями. Депутаты вѣзались въ кортежъ только на Іенскомъ Мосту, причѣмъ, несмотря на то, что они были облечены въ знаки своего званія и перевязаны трехцвѣтными шарфами, войска едва послѣ долгихъ переговоровъ ихъ пропустили. Послѣдній случай произошелъ по винѣ и, вѣроятно, даже преднамѣренности распорядителей церемоніала — лицъ, состоящихъ въ штатѣ чиновъ Елисейскаго Дворца еще со времени имперіи. Въ группахъ, ближайшихъ къ кортежу, то тамъ, то сямъ, какіе то индивидуумы пытались кричать: «да здравствуетъ маршалъ Мак-Магонъ!»; но крики ихъ немедленно заглушались другими: сначала «да здравствуетъ президентъ республики!», а потомъ просто — «да здравствуетъ республика!»

Если съ Іенскаго Моста, обратясь спиной къ Троядеро смотрѣть на Марсово Поле, то дворецъ этой мѣстности, представлявшійся и въ 1867 году весьма громаднымъ, кажется еще больше, чѣмъ прежній, колоссальнымъ. Онъ возвышается на террасѣ, на которую ведутъ особня лѣстницы изъ пятнадцати ступеней; расположенъ онъ на мѣстности въ 260 метровъ длины и 20 ширины. Восемь лѣстницъ, ведущихъ къ нему, украшены прудами, группами растений и цвѣтовъ и статуями, что придаетъ имъ чрезвычайную красоту. Наружный фасадъ громаденъ и раздѣленъ на три выдающіеся павильона, куполы которыхъ напоминаютъ куполы Тюильрійскаго Дворца. На вершинѣ центрального павильона развѣвается огромный развѣтровъ трехцвѣтный флагъ, на которомъ золотыми буквами изобразжено: R. F. (французская республика) и Pax (миръ). Кромѣ этого флага, надъ зданіемъ видѣется множество флаговъ другихъ національностей, на которыхъ красуются различныя эмблемы. Подъ стекляннымъ перистилемъ по всему протяженію фасада расположены на доколахъ въ полтора метра, при каждомъ пиластрѣ, статуи въ четыре метра вышины, олицетворяющія страны, принявшія участіе въ настоящей выставкѣ; ихъ 22: Голландія, Португалія, Египетъ, Персія, Южная Америка, Данія, Греція, Бельгія, Швейцарія, Россія, Венгрія, Австрія, Испанія, Битай, Японія, Италія, Швеція, Норвегія, Соединенные Штаты, Австралія, Англія и Англіійская Индія. Недостаетъ только Германіи, такъ какъ разрѣшеніе правительства на выставку художественныхъ произведеній этой страны дано было такъ поздно, что исполнить статую Германіи не было уже ни времени, ни возможности.

При вступленіи кортежа, съ маршаломъ во главѣ, въ первый залъ центрального павильона, изъ выставочныхъ зданій послышались единодушные крики: «да здравствуетъ республика!» и «да

здравствуетъ иврѣ», служившіе какъ бы отвѣтомъ на крики съ Марсова Поля. Кортѣжъ приняли делегаты экспонентовъ и направилъ ихъ къ англійскому отдѣленію, находящемуся справа и откуда начинается громадная аллея подь открытымъ небомъ, прозванная администраціей выставки «улицей націй».

Улица эта—главнѣйшая замѣчательность настоящей выставки—производитъ чрезвычайный эффектъ, но производила бы его еще болѣе, если бы фасады выставочныхъ зданій различныхъ національностей, представляющіе собою типы національныхъ архитектуръ, были расположены не по одной сторонѣ улицы, а по обѣмъ. Теперь же глазамъ какъ-то странно видѣть налѣво разнообразнѣйшіе архитектурные стили и затѣи, а справа—цѣлый рядъ голыхъ стѣнъ и непривлекательныхъ крышъ. Улица эта простирается на 650 метровъ длины, 150 изъ которыхъ заняты выставкою предметовъ англійской производительности. Однѣ англійскія постройки представляютъ пять фасадовъ, не считая массивныхъ ажурныхъ воротъ изъ желѣза, служащихъ входомъ въ паркъ. Домъ для англійскихъ выставочныхъ жюри построенъ изъ простаго кирпича съ балкономъ изъ бѣлаго камня. Помѣщеніе для принца Уэльскаго выстроено въ стилѣ XVI столѣтія. Кромѣ того, англичанами выстроены домъ въ готическомъ стилѣ, котеджъ съ окнами изъ мелкихъ стеколъ и деревянный домикъ во вкусѣ построекъ времени Елизаветы. За Англіей слѣдуетъ Америка. Америка построила только одну модель современнаго американскаго дома. Снаружи онъ ничѣмъ не замѣчателенъ, зато внутри вы увидите всевозможныя приспособленія, могущія послужить къ удобству и пользѣ его обитателей. Кромѣ того—и это его главнѣйшая замѣчательность—онъ складной и весь состоитъ изъ частей, которыя весьма легко разнять, чтобы уложить въ вагонъ любой желѣзной дороги. Не болѣе полусутокъ довольно для того, чтобы его разнять и снова сложить въ полнѣйшемъ порядкѣ. Швеція и Норвегія, слѣдующія за Америкой, своими постройками вполне солидарны между собою. Оба ихъ загородные домика украшены одинаковою рѣзьбою въ романскомъ вкусѣ XII столѣтія и соединены между собою общимъ балкономъ. Италия построила цѣлый паллацо, на манеръ миланскихъ, котораго монументальный порталъ раздѣляетъ двѣ аркады съ мраморными колонами, украшенными мозаиками, на золотомъ фонѣ которыхъ красуются коня съ Тициана, Рафаэля, Микель-Анджело и т. д. Рядомъ съ итальянскимъ отдѣломъ находится японскій. Японія ограничилась постройкою небольшого загороднаго домика съ тяжелой дверью изъ сандаловаго дерева, на стѣнахъ котораго находятся карта всей страны и планъ новой резиденціи Микадо въ Токио. При домикѣ садъ съ затѣйливымъ фонтанчикомъ. Особенный интересъ этой постройкѣ представителей крайняго Востока заключается въ томъ, что она населена, и японцы, и японки расположились въ ней совершенно какъ дома. Рядомъ съ Японіей слѣдуетъ Китай, въ отдѣлъ котораго ведетъ

красная дверь въ стѣнѣ, выкрашенной черною и зеленою краскою, а вверху крыша съ колокольчиками—точная модель входа во дворец богдыхана въ Тонкинѣ.

Опасаясь показаться наивнымъ, маршалъ сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе и спокойствіе при видѣ этихъ оригинальныхъ образцовъ китайскаго и японскаго жанра, но онъ не могъ сохранить своей серьезности и невольно улыбнулся передъ испанскимъ отдѣломъ. Дѣло въ томъ, что Испанія, для доказательства своего *военнаго могущества*, расположила передъ фасадомъ своей постройки образцы формъ и вооруженій всѣхъ родовъ своихъ армій. Самый фасадъ здания, построенный по образцу гренадской Альгамбры въ мавританскомъ вкусѣ, арко выкрашенный, а мѣстами посеребренный и позолоченный, очень красивъ, изященъ и эффектенъ.

Весьма красива и австро-венгерская постройка съ длиннымъ портикомъ изъ колонъ, украшенныхъ рядомъ статуй, и арко красною стѣною, на которой расположены, подъ гирляндой въ помпейскомъ вкусѣ, портреты различныхъ великихъ людей, родившихся въ этой странѣ, начиная съ Ветховена и кончая венгерскимъ поэтомъ Петёфи-Шамборомъ.

За Австро-Венгріей слѣдуетъ Россія. Массивная бревенчатая постройка ея обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Лѣстницы и крыши произвели значительный эффектъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы, напримѣръ, никогда не думали бы, что деревяннымъ лѣстницамъ можно придавать прочность каменныхъ. Жаль только, что онѣ должны быть неудобны при пожарахъ.

Рядомъ съ Россіею—Швейцарія; но, вѣсто обычнаго и легендарнаго швейцарскаго палеа, постройка швейцарцевъ представляетъ длинную колонаду неопредѣленнаго стиля съ небольшими баянами, на которыхъ помѣщается нѣсколько часовъ. Надъ колонами возвышается сводъ, окрашенный въ голубую краску, усыянный золотыми звѣздами. Куполь этотъ некрасивъ и понадобился гельветической республикѣ вѣроятно для того, чтобы изобразить на немъ гербы всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ и гуманный девизъ федераціи «Всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ!»

Далѣе Бельгія — тоже съ своимъ девизомъ: «Всѣ бельгийцы равны передъ закономъ: всѣ власти въ зависимости отъ націи». Бельгийское зданіе ратуша (Hôtel de Ville)—той эпохи, когда Бельгія вела неутомимую борьбу за религиозныя и гражданскія вольности, какими она пользуется теперь. Зданіе это украшено множествомъ колонъ изъ разныхъ сортовъ мрамора, добываемаго въ Бельгіи, и какъ въ цѣломъ, такъ и въ частномъ, представляетъ собою чудо архитектуры, что было тотчасъ же замѣчено посетителями, такъ что едва, вортажъ поровнялся съ этимъ зданіемъ, тысячи рукъ инстинктивно стали аплодировать, какъ удачной театральной декорациі.

Греція построила небольшой домикъ изъ бѣлаго пентелинскаго мрамора — по образцу жилища эпохи Праксителя. При входѣ,

подъ балкономъ стоитъ изображеніе покровительницы дома — Паллады-Афинны — изъ разноцвѣтнаго мрамора.

Данія построила домъ, напоминающій одну изъ англійскихъ построекъ. Кортельжъ остановился передъ нимъ для отдыха, въ честь находившагося въ его рядахъ датскаго наследнаго принца. Затѣмъ идетъ вилла въ испанско-мавританскомъ вкусѣ, служащая для помѣщенія представителей государствъ Центральной и Южной Америки. За нею пестрѣли постройки Персіи, Сіама, Туниса и Марокко — и что имъ придаетъ особенный интересъ — населенныя туземцами. За тѣмъ является небольшое общее зданіе трехъ микроскопическихъ еврейскихъ владѣній: республики Сан-Марино, княжества Монако и великаго герцогства Люксембургскаго. За ними — португальская постройка по образцу готической Белемской Часовни въ Лиссабонѣ. Послѣднее зданіе въ улицѣ націй принадлежитъ Голландіи: это — модель красиваго кирпичнаго дома XVII столѣтія, съ скульптурными украшениями изъ бѣлаго камня и традиціонной башней, часы которой играютъ торжественный гимнь, но звуки эти, заглушаются гуломъ органовъ и стукомъ инструментовъ, раздающихся изъ имѣющейся здѣсь большой галлерей, прозванной «галлереею ручнаго труда» и расположенной по всему протяженію края Марсова Поля, со стороны Военной Школы.

Тамъ какъ я уже не вернусь къ описанію улицы націй, служащей какъ бы общей оградой пространства, занимаемаго выставкой произведеній иностранныхъ экспонентовъ, то чтобы дать вамъ понятіе объ этомъ пространствѣ, приведу нѣкоторые цифры. Фасады, какъ я уже сказалъ, простираются на протяженіи 650 метровъ. Протяженіе это раздѣлено на 125 участковъ, простирающихся въ глубь (до машинной галлерей) на 85 метровъ. Англійскими экспонентами занято 35 такихъ участковъ, австро-венгерскими и бельгійскими 12, русскими, сѣвероамериканскими, швейцарскими, итальянскими и испанскими — по 7, шведо-норвежскими, центрально и южноамериканскими и голландскими — по 4, португальскими, японскими, китайскими, персидскими, сіамскими, марокскими и тунисскими — по 3, греческими, датскими, люксембургскими, монакскими и сан-маринскими — по 2.

II.

Продолженіе описанія открытія выставки и празничествъ, устроенныхъ въ честь этого открытія. — Посѣщеніе галлерей ручныхъ работъ во время ихъ производства. — Добровольная иллюминація Парижа. — Фейерверки. — Поднимаемая иллюминація на улицахъ и люющая публика: конецъ траура Франціи. — Тоска принца Уэльскаго и его свиданіе съ Гамбеттой. — Открытіе отдѣла изящныхъ искусствъ Германіи. — Выставка отвергнутыхъ издѣлій произведеній (exposition des exclus). — Будущія празничества.

Ряды кортежа постоянно увеличивались присоединеніемъ къ нему делегацій всѣхъ иностранныхъ отдѣловъ — по мѣрѣ того какъ

кортеж доходилъ по улицѣ націй, до того или другаго отдѣленія выставки. Вступленіе кортежа въ первую галлерей выставки было привѣтствовано единодушнымъ крикомъ «да здравствуетъ республика!» экспонентовъ и всѣхъ рабочихъ, принявшихъ тотчасъ же за различные производства. Такихъ производствъ въ этой галлерей болѣе пятидесяти. Въ самомъ центрѣ обширной мастерской помѣщается гранитная для драгоценныхъ камней. Необходимые камни обрабатываются здѣсь при помощи стальныхъ жернововъ, обращающихся вокругъ своей оси отъ 2500 до 3 тысячъ разъ въ минуту, и превращается въ многогранники, блестящіе всѣми цвѣтами радуги. Вблизи приготовляются вѣера, и вы видите, какъ въ какія нибудь три минуты изъ полосонокъ дерева всѣхъ родовъ, изъ пластинокъ слоновой кости, кусочковъ кружевъ и т. д. приготовляются роскошные вѣера, которые тутъ же на мѣстѣ и покупаются публикой на расхватъ. Подлѣ расположены мастерицы шалей высшихъ сортовъ, такъ называемыхъ набобскихъ кашемировъ, и нужно удивляться терпѣнію бѣдныхъ ткачихъ, которыя несмотря на все свое производство и ловкость въ подбораніи одной къ другой тысячи разноцвѣтныхъ шелковинокъ, не успеваютъ въ теченіи часа приготовить и верхка дорогой ткани. Надъ такою шалью подобная мастерица должна провозиться болѣе года. Рядомъ съ мастерицами шалей находятся кружевницы, по болѣе части изъ Сѣверной Нормандіи и Франш-Конте. Онѣ заняты тѣмъ, что обводятъ нескончаемую нитью безчисленное количество булавокъ, воткнутыхъ въ картонъ и подвижную кожу, на которой изображенъ рисунокъ будущихъ кружевъ. Подлѣ кружевницъ расположились парикмахеры или, какъ они себя величаютъ, «артисты волосныхъ работъ». Здѣсь публику брѣвютъ, стригутъ, завиваютъ и готовятъ всевозможные парики, накладки и шпильки, кромѣ того дѣлаютъ кольца, браслеты и цѣлыя картины изъ волосъ умершихъ, памятью которыхъ дорожать близкіе.

За парикмахерами сдѣлуютъ производителями чисто парижской специальности всякихъ мелочей и бездѣлицъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «articles de Paris» и которыхъ вамъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Парижа, не сдѣлаютъ. Тутъ вы найдете всѣя неожиданности: кольца для ключей, которыя въ тоже время могутъ служить гильотинками для сигаръ, такія же кольца, служащія вмѣстѣ и пробочниками, палочки, заключающія въ себѣ и ручку для пера, и чернильницу, и разрѣзку для бумаги, и зубочистку, и еще богъ знаетъ что. На изобрѣтательность подобныя пустячковъ Парижъ неистощимъ — и большая часть подобныхъ вещей является передъ вашими глазами сдѣланной въ пять минутъ изъ какой-то особенной массы, подъ страннымъ названіемъ «минеральной слоновой кости» (ivoirine minérale). Тутъ же готовятъ и пуговицы, начиная съ простыхъ костяжекъ и кончая прихотливѣйшими образцами изысканнѣйшей фантазіи. При васъ ихъ вырѣзываютъ при помощи особаго механизма, про-

сверливаютъ, покрываютъ фольгой, матеріями, золотомъ, серебромъ и т. п. и потомъ протыкаютъ на бумажки по полдюжинамъ, какъ они продаются въ магазинахъ. Здѣсь же приготавливаютъ вещи изъ стекла въ подражаніе брилліантамъ, кольца, серги, броши и т. д., которыя такъ блестятъ, что могутъ рѣшительно очаровать какого либо властелина изъ внутренней Африки. Здѣсь же изъ латуни вамъ сдѣлаютъ цѣпочку, которую изъ-далека не отличить отъ золотой, и коробочку для спичекъ, которую можно принять за серебряную. Искусственная эмаль, между прочимъ, служитъ здѣсь для приготовленія рыбокъ и морскихъ животныхъ, для кабинетныхъ авариумовъ. Изъ слоновой кости вытачиваютъ руло на салфетки, разрѣзки, ручки для тростей—однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь, но еще большее разнообразіе рядомъ, въ отдѣлѣ дѣтскихъ игрушекъ.

За игрушками слѣдуетъ отдѣлъ искусственныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ многихъ нельзя не принять за натуральные; за цвѣтами—парфюмеры, приготовляющіе духи, помады и всяческіе душистые воды и спирты; за ними—вязальницы штормъ и филейныхъ тканей; дальше—рисовальщицы на фарфоръ, которыя на вашихъ глазахъ и рисуютъ, и красятъ, и обжигаютъ формы въ небольшихъ печахъ.

Далѣе идутъ токарныя мастерства. Выпиливаніе всевозможныхъ предметовъ изъ дерева и кости составляетъ тоже такую спеціальность парижскихъ рабочихъ, въ которой у нихъ есть чему поучиться даже японцамъ и китайцамъ, какъ извѣстно, великимъ въ этомъ дѣлѣ искусникамъ. Сравниться съ такими рабочими по искусству могутъ развѣ только производители мундштуконъ изъ пѣнки. Всякій невольно заинтересуется при видѣ того, какъ грубый кусокъ пѣнки, пройдя черезъ руки десяти, пятнадцати спеціалистовъ, обращается въ скульптурное произведеніе и принимаетъ самыя фантастическія формы человѣческихъ и звѣриныхъ головъ, мнѳологическихъ боговъ и богинь, и т. п. Не съ меньшимъ искусствомъ наши рабочіе (преимущественно изъ Сент-Антуанскаго и Тампльскаго Предмѣстій) *поддѣлываютъ* турецкія и алжирскія произведенія, начиная съ фонарей, какими украшаются театры и кафешантаны Стамбула и Перы, и до мельчайшихъ туалетныхъ принадлежностей жителейца любого серала и гаремовъ. Я готовъ держать пари, что множество предметовъ этого рода продается на турецкихъ базарахъ не только небольшихъ городовъ, но даже и самого Константинополя, такъ какъ они съ провозомъ должны обходиться гораздо дешевле мѣстныхъ произведеній этого рода, производство которыхъ, при старыхъ способахъ его, какихъ придерживаются восточные рабочіе, должно стѣить крайне дорого. Производство поддѣлокъ всякаго рода чрезвычайно соблазняетъ парижскихъ рабочихъ, и они не ограничиваются въ этомъ отношеніи однимъ Востокомъ, а поддѣлываютъ произведенія и всѣхъ другихъ народовъ. Такъ, на примѣръ, на выставкѣ вы увидите

очень изящные портсигары, якобы из *русской кожи*, стоящие всего на всего по 65 сантимовъ, т. е. дешево, чѣмъ обошелся бы кусокъ дѣйствительно привозной русской кожи. Замѣчательное мѣсто занимаютъ также литейщики такъ называемыхъ авто литографическихъ прессовъ, которые начинаютъ все болѣе и болѣе входить въ общее употребленіе. За 25 франковъ на выставкѣ вы можете получить чуть не цѣлую переносную типографію и можете при ея пособіи напечатать хоть цѣлую книгу. Рядомъ съ литейщиками помѣщаются гребенщики и щеточники, вслѣдъ за которыми начинается уже галерея французскихъ машинъ. Официальный кортежъ былъ такъ утомленъ осмотромъ залы ручныхъ работъ, что, почти не останавливаясь, прошелъ галерею машинъ, изъ которыхъ многія, впрочемъ, не успѣли еще и пустить въ ходъ, и также наскоро прошелъ и по двумъ галереямъ, расположеннымъ со стороны дома Инвалидовъ, въ которыхъ выставлены мѣбель и шелковыя ткани. Дойдя до того выхода съ выставки, который называется воротами Раппа, маршалъ распростился съ кортежемъ и когда сѣлъ въ карету, ему пришлось еще разъ услышать возгласъ: «Да здравствуетъ республика!», вырвавшійся въ этотъ разъ изъ среды болѣе чѣмъ трехсотъ-тысячной публики, толпившейся съ раннего утра по смежнымъ улицамъ и аллеямъ въ ожиданіи, когда для нея будетъ открытъ входъ на выставку по билетамъ. Большинству, однакоже, въ этотъ день, конечно, на выставку попасть не удалось и пришлось вернуться домой ни съ чѣмъ, кромѣ развѣ увѣренности, что выставка дѣйствительно открыта. Однѣхъ каретъ—я беру цифру, опубликованную полицейской префектурой—находилось въ этотъ день у входа на выставку 19,088.

Достать хотя какой-нибудь экипажъ для возвращенія домой съ выставки не было никакой возможности. Мнѣ пришлось вернуться попросту, по желѣзной дорогѣ, и когда я, въ 6 часовъ, вышелъ съ парижской станціи улицы Сен-Лазаръ, чтобы возвратиться домой по улицѣ Пигаль и вѣнскимъ бульваромъ, то я былъ крайне пораженъ видомъ, какой представляли далеко не центральныя мѣста города. Всѣ дома были украшены всевозможными флагамъ и знаменами всѣхъ странъ, не исключая и Германіи (какъ нанануѣ предлагали это жителямъ республиканскія газеты). Выйдя послѣ обѣда на главные бульвары по улицамъ Мучениковъ, Лафайетъ и Пуассоньеръ, я увидалъ, что, кромѣ флаговъ и знаменъ, повсюду горѣла самая разнообразная иллюминація. Я взялъ коляску и приказалъ кучеру возить меня повсюду, гдѣ ему вздумается—и вездѣ, въ самыхъ маленькихъ улицахъ и даже внутри дворовъ, я видѣлъ венеціанскіе фонари, шкаликы и свѣча. Толпа уличныхъ мальчишекъ завладѣла Шомонскими Высотами и пускала оттуда ракеты и римскія свѣчи тысячами, которыя, своею многочисленностью, образовывали чрезвычайно эффектный фейерверкъ. На Монмартрскихъ Высотахъ устроили блистательный фейерверкъ со всевозможными затѣями извѣстнаго Руджіери, быв-

ний фейерверкмейстеромъ при дворѣ Наполеона III. Фейерверкъ этотъ вызвалъ восторгъ въ демократической средѣ обитателей этой мѣстности, и гулъ криковъ въ честь республики здѣсь во весь вечеръ не смолкалъ ни на минуту. Лѣвнй берегъ Сены не отсталъ отъ правой. По всему протяженію улицы Сен Жака и широкаго бульвара, проходящаго черезъ Сену, отъ коммерческаго суда до судебной палаты — рядъ блестящихъ иллюминацій не прерывался. Въ небольшихъ переулкахъ, между центральнымъ рынокомъ и зданіемъ биржи, были развѣшаны гирлянды изъ цвѣтныхъ фонарей и горѣло множество транспарантовъ съ словами: «Свобода, равенство, братство!», «Франція вѣчно останется республикой!», «Да здравствуетъ миръ!», «Да здравствуетъ выставка!», «Трудъ свободы», «Миръ со всѣми и для всѣхъ», и т. д. Между зданіями театра «Французской Комедіи» и «Оперы» частные дома были такъ ярко освѣщены газовой и всякою другою иллюминаціею, что электрическое освѣщеніе національной Академіи Музыки, усиленное въ этотъ вечеръ впа-терю противъ обыкновеннаго, не производило рѣшительно никакого эффекта. Колосальный Апполонъ, украшающій куполь этого театра, не былъ положительно замѣтенъ, и его приходилось освѣщать время отъ времени, цѣлыми массами краснаго, голубато- и зеленаго бенгальскаго огня.

Доѣхавъ до внутреннихъ бульваровъ, я, какъ и всѣ, вынужденъ былъ выйти изъ экипажа и уже пѣшкомъ продолжалъ свое странствованіе. Увлеченный буквально людскою волною, я совершенно отдался ея теченію. Кое-какъ двигаясь употребивъ немало усилій и потративъ столько же времени и терпѣнія, я могъ проникнуть и на Площадь Согласія, въ Елисейскія Поля и въ Елисейскому Дворцу. Эти обычныя мѣстности народныхъ праздниковъ были сравнительно мало освѣщены. Правительство не рѣшилось на затрату такихъ суммъ, какія въ прежнее время расходывались на иллюминированіе этихъ мѣстъ газовыми гирляндами. Сады Елисейскаго Дворца, гдѣ въ этотъ вечеръ происходилъ приемъ лицъ, участвовавшихъ въ открытіи выставки, были иллюминированы а гіогно; но черезъ стѣны и рѣшетки дворца нельзя было разглядѣть, удалась ли эта иллюминація. Вообще, правительство, соблюдая строгую экономію, ограничилось повсюду только тѣмъ, что всѣ газовые аппараты, находящіеся передъ принадлежащими ему зданіями и памятниками, были зажжены. Такимъ же способомъ оно освѣтило и церкви, духовенство же, разумѣется, не прибавило отъ себя ни одного су на усиленіе такого освѣщенія. Нѣсколько щедрѣе оказалось городское управленіе, такъ какъ республиканскій муниципальный совѣтъ ассигновалъ на иллюминацію сумму въ 50,000 франкъ. Но, говоря вообще, официальная иллюминація почти не было замѣтно среди того блеска, съ какимъ иллюминировали свои дома парижскіе обыватели. Мало того: иллюминація подъ конецъ вечера сдѣлалась подвижною. Появились цѣлыя тысячи молодыхъ

людей, со всевозможными цветными фонарями на движущих местах, на лбах, или просто на шляпах. Особенно эффектны были зонтики, на которых были нацвѣлены по восемь, десять и даже двѣнадцать фонариковъ. Я думаю, что видъ этихъ безчисленныхъ свѣтящихся точекъ среди движущейся толпы, по крайней мѣрѣ, въ полтора милліона человекъ, изъ верхнихъ этажей долженъ былъ быть восхитителенъ. Гулъ, несшійся изъ толпы, имѣлъ характеръ какого-то страннаго журчанія, среди котораго вырывался то гигантскій взрывъ смѣха 10,000 человекъ, то звуки громаднаго хора, пѣвшаго какую-нибудь патристическую пѣсню. Чаше всего раздавались звуки извѣстной пѣсни жирондистовъ и Марсельезы. На нее въ позднѣе время такъ нападала реакціонная печать, что ни одинъ изъ 26 военныхъ оркестровъ Трокадеро и Марсова Поля не позволялъ себѣ ея исполнить между брабантскимъ гимномъ бельгійцевъ и «God save the Queen» англичанъ. Зато публика его пѣла, и можно было даже опасаться, чтобы народъ, изъ протеста къ нелѣпному распоряженію военного начальства, не придавъ характера революціоннаго и воинственнаго припѣву этой пѣсни, подъ звуки которой столько разъ освобождалась Франція и совершалось нѣсколько революцій; но варшавяне и въ этомъ случаѣ выказали удивительный тактъ: опасаясь чѣмъ-либо оскорбить своихъ гостей иностранцевъ и несвоевременно раздражить своихъ соотечественниковъ-реакціонеровъ, они пѣли Марсельезу совсѣмъ особеннымъ образомъ. Такъ, запѣвали пропуская всѣ тѣ строфы, въ которыхъ заключаются намеки на жажду отмщенія, и смягчали тонъ признанія даже самыхъ мирныхъ строкъ, въ которыхъ говорится о священной любви къ отечеству и свободѣ, а массы не повторяли за ними извѣстной строки припѣва: «Къ оружію, граждане!» Кроме того, вслѣдъ за каждымъ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!», раздавался еще болѣе сильный крикъ: «Да здравствуетъ мир!»

Парижскіе старожилы не помнятъ ничего подобнаго этому ночному празднику. Его праздновалъ весь городъ со всѣми своими предмѣстьями и окрестностями, и едва ли когда-нибудь подобный искренній энтузіазмъ одушевлялъ въ Парижѣ одновременно столь громадныя массы такъ, чтобы при этомъ сохранялся полнѣйшій порядокъ. Полиція, которая едва ли и въ состояніи была бы что либо дѣлать въ такой колоссально многочисленной толпѣ блистая полнѣйшимъ своимъ отсутствіемъ. Роль ея ограничивалась тѣмъ, что она приводила въ порядокъ въ улицахъ, паралельныхъ съ бульварами, ряды омнибусовъ и всякихъ экипажей, проѣздъ которыхъ по главнымъ улицамъ съ 9-ти часовъ вечера сдѣлался буквально невозможнымъ. Такимъ образомъ, милліонная толпа безъ всякой полиціи сумѣла такъ сама съ собою управиться, что, на слѣдующее утро, ни одинъ изъ самыхъ ретроградныхъ журналовъ не имѣлъ возможности аперационо указать на какое-

либо нарушение порядка или несчастный случай от неосторожности.

Съ 15-го августа 1869 г., когда Франція послѣдній разъ справляла именины Наполеона III, французскій народъ, увлекающійся всякими національными празднествами, въ теченіи чуть что не десяти лѣтъ не имѣлъ поводовъ что-либо праздновать. Поэтому-то празднованіе открытія выставки главнѣйшимъ образомъ и устроилось, какъ мы видѣли, самимъ народомъ. Одинъ рабочий въ весьма меткихъ словахъ выразилъ мысль, которую, безъ сомнѣнія, раздѣлялъ весь Парижъ: «сегодня оканчивается трауръ нашего отечества—снимемте же его и съ нашихъ одеждъ». Въ самомъ дѣлѣ, какой праздникъ для всякаго француза—соверпаніе отечества, вставшаго изъ могилы, куда его погребла имперія, возродившагося послѣ потери своей военной славы, единственно благодаря мирному труду его гражданъ, и послѣ всевозможныхъ невгодъ, разразившихся надъ нимъ во всемъ лѣтъ тому назадъ, способнаго оказать такое блестящее гостепріимство всему цивилизованному міру! Понятно, что въ подобный моментъ должны смолкнуть всѣ нечаша, исчезнуть всякая ненависть и раздоръ между французами. Парижане это хорошо поняли, такъ что даже изъ среды обитателей рабочихъ предмѣстій, пользующихся всякимъ случаемъ политическихъ похоронъ для возгласовъ о необходимости амнистіи, не раздалось ни одною восклицаніемъ, которое напоминало бы о коммунахъ въ эту достопамятную ночь 1-го мая 1878 года—ночь всеобщаго примиренія французомъ. Замѣтилъ это на слѣдующее же утро «Le XIX-e Siècle», неперемѣнный изъ всѣхъ республиканскихъ журналовъ относительно коммуны, и въ немъ было заявлено, что наступила пора амнистіи. При этомъ тотъ же «Siècle» обратилъ вниманіе, что у дверей многихъ отелей и кофеенъ, гдѣ знамена разныхъ націй были соединены въ одинъ пучекъ для ознаменованія братства народовъ, нѣмецкое знамя, не было исключено изъ пучка. Только передъ однимъ здаміемъ, гдѣ пруссаки выставили свое знамя какихъ-то необычайныхъ размѣровъ, что показалось публикѣ провокаціей, послышался нѣкоторый ропотъ неудовольствія, который тотчасъ же прекратился вслѣдъ за замѣчаніемъ кого-то, что, такъ какъ германцы участвуютъ въ выставкѣ, то они—наши добрые гости. Замѣчаніе это такъ удовлетворило толпу, что она стала аплодировать и прошла мимо съ криками: «Да здравствуетъ миръ» и «Да здравствуетъ республика».

Образъ дѣйствій Франціи—и, я говорю, всей Франціи, такъ какъ въ этотъ вечеръ въ большей части ея городовъ произошли такія же, какъ и въ Парижѣ, празднества, украшенія знаменами и иллюминаціи—вызвалъ самое живое сочувствіе къ намъ со стороны иностранцевъ, находящихся въ Парижѣ.

На банкетѣ англійскихъ экспонентовъ принцъ Уэльскій произнесъ тостъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующую мысль: «Все мое сердце на сторонѣ Франціи. Всѣмъ присут-

ствующимъ здѣсь, точно такъ же, какъ и всѣмъ лицамъ, знающимъ меня, должно быть извѣстно, что я всѣмъ моимъ сердцемъ сочувствую величію Франціи». Черезъ нѣсколько дней, на одномъ изъ министерскихъ обѣдовъ наследникъ великобританской короны, когда ему былъ представленъ Гамбетта, повторилъ ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, насколько онъ удивляется могуществу націи, счумѣвшей возродиться послѣ столькихъ невзгодъ, и политическому такту тѣхъ лицъ, которые счумѣли вывести страну, посреди столькихъ интригъ и обѣдствій, на широкую дорогу свободы и благосостоянія. Что дипломаты увидали въ этихъ словахъ только авансъ, дѣлаемый Франціи Великобританіей въ виду возможности союза противъ Россіи, это — дѣло весьма естественное; но за исключеніемъ ихъ и представителей журнальнаго міра, большинство французовъ приняло эти слова за наличную монету, такъ какъ — повторяю еще разъ — французы рѣшительно не желаютъ вмѣшиваться, и народъ нашъ, можетъ быть, никогда еще не былъ такъ миролюбиво настроенъ, какъ въ настоящую минуту открытія своего промышленнаго праздника. Мы положительно не питаемъ никакой непріязни и желаемъ, прежде всего и больше всего, мира со всѣми, такъ какъ, благодаря такому миру, мы могли достигнуть нашего настоящаго торжества.

Открытіе германскаго отдѣла изящныхъ искусствъ на Марсовомъ Поляхъ происходило съ большою торжественностью 11-го мая. Генеральный комиссаръ секціи, директоръ берлинской академіи изящныхъ искусствъ Вернеръ, поручилъ официально нѣмецкую выставку высокой протекціи посланника своего императора. Обращаясь къ этому лицу, онъ, въ своей рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, высказалъ сожалѣніе, что германскіе художники не имѣли достаточно времени, чтобы собрать такую коллекцію своихъ современныхъ произведеній, которая давала бы вѣрное понятіе о прогрессивномъ артистическомъ движеніи ихъ страны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ свою признательность, главнымъ распорядителямъ выставки, отнесшимся «любезно и сердечно» къ его соотечественникамъ-экспонентамъ. Германскій посланникъ, князь Гогенлоз, отвѣчалъ ему также по-нѣмецки; а затѣмъ онъ обратился къ министру земледѣлія и торговли Теиссерену де-Бору съ весьма любезной рѣчью уже на французскомъ языкѣ. Поблагодаривъ его за дружественный пріемъ, сдѣланный нѣмецкимъ артистамъ, онъ сказалъ: «Наша выставка, несмотря на всю скромность своихъ размѣровъ, должна доказать вамъ, что, если Германія не могла принять болѣе значительнаго участія въ громадномъ конкурсѣ, на который Франція созвала народы со всего міра, то это произошло рѣшительно не вслѣдствіе какихъ-либо чувствъ враждебности или соперничества къ вашей странѣ, но единственно вслѣдствіе причинъ эконоическаго характера. Не сомнѣвайтесь, господа, прибавилъ онъ, возвышая голосъ и обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ: — Германія умѣетъ оцѣнить по достоинству великія идеи, обусловившія возникнове-

ніе настоящей выставки — дѣло прогресса и умиротворенія; она видить въ немъ новую гарантію добрыхъ отношеній, которыя такъ счастливо установились между нашими обѣими странами». Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ отвѣчалъ ему и министръ, поблагодаривъ посланника за то участіе, какое онъ принялъ въ рѣшеніи Германіи участвовать въ конкурсѣ, открытомъ Франціей, и заявилъ, «что произведенія германскаго искусства привлекутъ своимъ совершенствомъ исключительное вниманіе публики и послужатъ хорошею школою для французскихъ художниковъ». Послѣ такого обмѣна привѣтствій, князь Гогенлоэ и министръ Тейссеренъ пожали другъ другу руки, и вмѣстѣ съ лицами, окружавшими ихъ, начали осматривать галлерею, куда, черезъ полчаса была допущена и публика. Церемонія эта получила особенное значеніе, когда стало извѣстно, что въ Берлинѣ, почти въ то же время, рабочій Гёдель покушался на жизнь императора. Протоколъ объ открытіи нѣмецкаго отдѣла, такимъ образомъ, былъ отправленъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ поздравительной депешей маршала къ императору о счастливомъ избавленіи его отъ преступнаго покушенія.

Описание статуй, картинъ и рисунковъ германскаго отдѣла я оставляю до слѣдующаго раза, когда у насъ пойдетъ рѣчь о произведеніяхъ италянскихъ искусствъ другихъ странъ; теперь же ограничусь только замѣчаніемъ, что германцы-организаторы этого отдѣла, безъ всякаго намѣка со стороны французскихъ распорядителей выставки, не допустили ничего, что, хотя отдаленно, напоминало бы войну 1870—71 годовъ. Зато и французскіе распорядители съ такою же тщательностью не допустили на выставку ни одной картины французскихъ художниковъ, сюжетомъ которой были бы сцены изъ франко-прусской войны. Такъ, разумѣется, и слѣдовало поступить; но я рѣшительно отказываюсь понимать, чѣмъ было вызвано нелѣпное распоряженіе, чтобы такія картины не появлялись и на обычной ежегодной выставкѣ Елисейскихъ Полей. Такое распоряженіе даже противозаконно, такъ какъ, по уставу, картины художниковъ, получившихъ награду на предшествовавшихъ выставкахъ, какъ не подлежащія конкурсу, должны приниматься безусловно на выставку. Извѣстный издатель гравюръ и продавецъ картинъ, Гупиль, пріютилъ въ своемъ помѣщеніи произведенія художниковъ, которымъ было отказано въ чести появленія ихъ на выставкахъ. Въ числѣ такихъ картинъ особенное вниманіе публики привлекаютъ «le Bourget» и «Alerte» де-Нёвилля, (художника, получившаго уже большую извѣстность за свою картину: «Послѣдній патронъ») «Гусары», «Постоянный билетъ», «Парламентёръ», и «Благодарность» Деталя, «Полкъ» Протэ, «Посѣщеніе аваяпостовъ», «Сент-Денисская караульня», «Въ траншеяхъ», «Сенскіе стрѣлки» Верна-Белькура. Всѣ эти картины исполнены всевозможныхъ художественныхъ достоинствъ, да и самые сюжеты ихъ, собственно говоря, совершенно невинны, такъ какъ не возбуждаютъ въ

зрителѣ воинственныхъ чувствъ мести, а изображаютъ только то, что ни одинъ народъ не можетъ забыть, пока существуетъ.

Праздникъ 1-го мая, такъ удобно самъ собой организовавшійся, подалъ поводъ къ предложенію устройства другихъ праздниковъ. «XIX-е Siècle» Эдмона Абу предлагаетъ устройство «банкета націй» на одной изъ большихъ площадей, для рабочихъ всѣхъ національностей, которые такъ или иначе способствовали постройкѣ или устройству выставки. «France» Эмиля де-Жирардена жалеетъ, чтобы, около 15-го сентября, былъ устроенъ «праздникъ награды» въ честь всѣхъ экспонентовъ, которые получаютъ награды. Для награжденныхъ въ этотъ день, долженъ быть, по плану «France», устроенъ даровой торжественный спектакль въ зданіи Большой Оперы, а потомъ весь Парижъ долженъ снова освѣтиться иллюминаціями и пустить нѣсколько фейерверковъ въ честь труда и всеобщаго умиротворенія.

«La Petite République Française» откопала гдѣ то въ старыхъ газетахъ, что будто бы, въ 1789 году, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о взятіи Бастиліи, прохожіе, при встрѣчахъ между собою, цѣловались въ знакъ радости по поводу этого событія. «Почему же, замѣчаетъ газета: — и намъ, наконецъ, не отпраздновать достойно этого событія, годовщина котораго будетъ 14-го іюля, какимъ-нибудь праздникомъ Свободы или всеобщимъ праздникомъ освобожденнаго человѣчества?»

Въ ожиданіи осуществленія подобныхъ проектовъ, 30-го мая произойдетъ торжество въ честь памяти Вольтера. Приготовленія къ этому торжеству неудачны, но я увѣренъ, что самый праздникъ удался — недаромъ клерикалы уже заранѣе его побаиваются.

III.

Политическія новости.—Снятіе флаговъ по случаю годовщины 16-го мая.—Батастрофа въ улицѣ Беранже.—Судебная медицина и дѣло Дювалля.—Открытіе засѣданій палаты.—Продолженіе провѣрки полномочій и слѣдствія.—Новая бюджетная коммиссія и программа Гамбетты.—Побѣда министра Фрейсине въ сенатѣ.—Военные законы.—Данферъ, его смерть и погребеніе.—Восстаніе клерикаловъ противъ празднованія юбилея Вольтера.—Парижскій муниципальный совѣтъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.—Неудача Дюваллю въ сенатѣ.

Хотя Парижъ былъ иллюминированъ только въ самый день открытія выставки, но флаги, знамена и ковры, которыми были украшены окна и балконы его домовъ, почти нигдѣ не были сняты. Общественныя зданія рѣшено также оставить украшенными на все время выставки. Исключеніе было сдѣлано только въ день 16-го мая, годовщину печальнаго политическаго событія прошлаго года, когда со всѣхъ общественныхъ зданій и со многихъ частныхъ домовъ флаги были сняты. Въ Тампльскомъ кварталѣ флаги эти не вывѣшивались въ теченіи нѣсколькихъ

дней по случаю печального происшествія въ улицѣ Веранже, находившейся въ этомъ кварталѣ, именно взрыва одного дома, сопровождавшагося пожаромъ. Катастрофа произошла въ 8 часовъ вечера, когда, по французскимъ обычаямъ, всѣ семьи собираются по домамъ для обѣда. Домъ, въ которомъ произошелъ взрывъ, въ нѣсколько минутъ обратился въ груду развалинъ; два сосѣдніе дома тоже полуразрушились, а вслѣдъ затѣмъ подверглись пожару. И все это бѣдствіе, какъ говорятъ, произошло отъ неосторожности служанки, уронившей керосиновую лампу въ печь, гдѣ хранилось нѣкоторое количество скоро-воспламеняемаго состава, служившаго для приготовления игрушечныхъ пистолетиковъ. Всѣхъ раненыхъ удалось очень скоро собрать, но не такъ легко было розыскать трупы убитыхъ, такъ какъ розыски эти пришлось дѣлать съ крайней осторожностью, изъ опасенія произвести новый взрывъ; въ теченіи двухъ недѣль открыто до 20-ти труповъ. Катастрофа эта произвела на общественное мнѣніе еще большее впечатлѣніе, чѣмъ извѣстный случай взрыва въ лабораторіи приготовления химическихъ препаратовъ на Сорбонской Площади въ послѣдній годъ имперіи. Общество обратило вниманіе на то, что наши законоположенія о храненіи быстро-воспламеняющихся веществъ далеко неудовлетворительны. При пособіи ученыхъ различныхъ специальностей, немедленно образовалась комиссія для составленія проекта новаго закона, которымъ въ будущемъ отстранялась бы всякая возможность повторенія чего-либо подобнаго. Нѣсколько семействъ совершенно разорены этою катастрофою, такъ какъ хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ имущества и были застрахованы, но ниши страховыя общества не берутъ на себя отвѣтственности за пожары, происходящіе отъ взрывовъ, если это — не взрывы газа. На помощь къ пострадавшимъ поспѣшили частная и общественная благотворительность; открылось нѣсколько подписокъ при газетахъ, а театры, цирки и кафе-шантаны заявили о своей готовности дать представленія въ ихъ пользу. Такъ, сегодня же, въ зданіи американскаго цирка будетъ происходить публичное чтеніе депутата округа, гдѣ произошла катастрофа — Спюллера, а устройство этого вечера принималъ на себя Гамбетта.

Не менѣе шумъ произвела почти одновременно уголовная исторія аптекаря улицы Мобезъ — Данвала. Онъ былъ заподозрѣнъ въ отравленіи своей жены и приговоренъ ассизнымъ судомъ къ смертной казни, а благодаря смягчающимъ обстоятельствамъ, признаннымъ присяжными — въ вѣчныхъ каторжныхъ работахъ. Дѣло это волновало общественное мнѣніе не менѣе извѣстнаго дѣла вдовы Лафаржъ. Какъ и во время дѣла Лафаржъ произошелъ шумный споръ между Орфилой и Распайлемъ, такъ подобный же ученый споръ возникъ и теперь между экспертомъ Вержерономъ и профессоромъ фармацевтической школы — Вунсомъ. И теперь, какъ и тогда, споръ возникъ о мышьякѣ. Этотъ-то споръ и заставилъ присяжныхъ признать смягчаю-

щія обстоятельства; можетъ быть, при неясности вопроса о томъ, была ли дѣйствительно отравлена жена подсудимаго, его и совершенно бы оправдали, еслибы на судѣ не выяснилось, что онъ самымъ возмутительнымъ образомъ съ нею обращался при ея жизни. Она любила его, а онъ былъ ее безъ пощады, заставляя выманивать деньги у ея отца; самъ же онъ содержалъ любовницу, съ которой видѣлся каждый день и даже тотчасъ послѣ смерти жены. Последнее обстоятельство, конечно, и заставило присяжныхъ признать его виновнымъ; но только имъ слѣдовало обвинить его въ жестокостяхъ съ женою и побояхъ, угрожавшихъ ея жизни, а не въ отравленіи ея, для чего, по нашему законодательству, они не имѣли достаточной свободы. Журналистика по поводу этого дѣла весьма справедливо нагнулась на судебную медицину, пользующуюся названіемъ науки, а не способную доказать было ли дѣйствительно отравленіе. Кстати при этомъ досталось и произволу прокуратуры, стѣсняющей, по нашимъ судебнымъ законоположеніямъ, свободу у присяжныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ поднятъ еще болѣе важный вопросъ о секретныхъ свѣдѣніяхъ, при которыхъ привлеченный подвергается всѣмъ неудобствамъ разслѣдованія, предпринимаемаго для его обвиненія, и безсиленъ производить какія бы то ни было дѣйствія въ свою защиту. Въ этомъ смыслѣ въ министерствѣ юстиціи вырабатывается новый законопроектъ, но едва ли онъ пройдетъ ранѣе возобновленія состава сената 1879 г., т. е. когда и сенатъ будетъ такъ же расположенъ къ судебнымъ реформамъ, какъ теперь расположена къ нимъ палата депутатовъ.

Сессіи обѣихъ палатъ открылись за нѣсколько дней до выставки, а именно 26-го апрѣля, но отложили на время вслѣдствіе важныя работы. Палата депутатовъ продолжала провѣрку полномочій и произвела нѣсколько новыхъ инвалидацій официальныхъ кандидатовъ тѣмъ съ болѣею увѣренностью въ правотѣ своего дѣла, что выборы 5-го мая вполне подтвердили ея вердиктъ: никто изъ непризнанныхъ ею кандидатовъ ни въ одномъ изъ округовъ не былъ снова выбранъ. Къ годовщинѣ 16-го мая въ средѣ палаты оказалось какъ разъ 363 республиканскіе депутаты, что доказываетъ какъ нельзя лучше, что всѣ реакціонныя прошлогоднія затѣи интригановъ нравственнаго порядка были совершенно напраснымъ безумствомъ. Изъ всѣхъ новыхъ провѣрокъ полномочій наиболѣе интересною представилась провѣрка извѣстнаго кирасира де-Мёна, прошедшаго значительнымъ большинствомъ бонапартистовъ. Дѣло его, однако, отложено до окончанія парламентскаго слѣдствія, когда всѣ члены духовенства будутъ выведены на свѣжую воду. Самое слѣдствіе подвигается впередъ и, благодаря поѣздкамъ подкомиссій въ провинціи, обличительный матеріалъ собранъ въ громадномъ количествѣ. Первый докладъ слѣдственной комиссіи, вѣроятно, будетъ оконченъ до лѣтнихъ вакацій, до начала іюня; но палата депутатовъ приступитъ къ его обсужденію не ранѣе осе-

ни. Результатомъ этого будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, преда-
ніе суду де-Брольи и его сообщниковъ и будетъ тѣмъ дѣйстви-
тельно, чѣмъ поздиѣ произойдетъ рѣшеніе. Судить будетъ сенатъ,
и если слѣдствіе начнется въ ноябрѣ, то къ январю, когда оно
будетъ окончено, треть состава сената будетъ уже обновлена
послѣ департаментскихъ выборовъ. Если эта треть будетъ въ
большинствѣ состоятъ изъ республиканцевъ, то и герцогу и ин-
тригану придется понести достойное наказаніе за всѣ противо-
законныя продѣлки.

Прямые налоги, распредѣленіе которыхъ лежитъ на обяза-
ности генеральныхъ совѣтовъ, будутъ вотированы въ началѣ
іюня для того, чтобы, согласно обычаю, департаментскія собранія
имѣли возможность заняться этимъ дѣломъ въ ихъ обыкновен-
ную августовскую сессію. Косвенные налоги и расходы будутъ
обсуждаться несравненно серьезнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и
главное—бюджетная коммиссія уже назначена и приступила къ
своимъ работамъ. Коммиссія эта, какъ и въ прошломъ году, состав-
лена исключительно изъ республиканцевъ, такъ какъ было бы
нелѣпо вводить въ нее элементы раздора и назначать туда чле-
нами представителей меньшинства, непризнающаго легальности
существующаго порядка и продолжающаго конспирировать про-
тивъ него. Нѣчего и говорить, что Гамбетта почти единогласно
былъ снова выбранъ предсѣдателемъ этой коммиссіи. Благодаря
своимъ товарищамъ-избирателямъ, Гамбетта обратился къ нимъ
съ рѣчью, въ которой высказалъ программу своихъ будущихъ дѣй-
ствій, главныя основанія которой суть слѣдующія: поддерживать
ненарушимо союзъ республиканцевъ; окончить организацію арміи,
какъ оборонительной силы Франціи, въ видахъ поддержанія мира
и согласія, и облегчить, насколько это только будетъ возможно,
тяжести налоговъ. Очевидно Гамбетта понимаетъ, что послѣ вы-
ставочнаго триумфа Франція придется считаться съ социаль-
ными вопросами. Въ самомъ дѣлѣ, если массы и спасли ин-
стинктивно республику отъ монархическихъ коалицій, то и ей,
чтобы сдѣлаться прочною, пора стать дѣйствительною респуб-
ликою, правительствомъ всѣхъ для каждаго, а не тѣмъ, чѣмъ была
она до сихъ поръ во время долгаго и томительнаго переходна-
го періода; пора ей, однимъ словомъ, позаботиться о дѣйстви-
тельномъ благѣ народа.

Для народа же, кромѣ облегченія налоговъ, въ высшей степени
затруднительнаго, вслѣдствіе необходимости уплаты процентовъ
за 5 миллиардовъ контрибуціи и громадной стоимости реоргани-
заціи арміи—увеличеніе національныхъ работъ составляетъ пер-
вую и существеннѣйшую необходимость, не терпящую ни ма-
лѣйшей отсрочки. Начая этому важному дѣлу уже положено
проектомъ выкупа небольшихъ западныхъ и юго-западныхъ же-
лѣзнодорожныхъ компаній, одобреннымъ въ апрѣлѣ палатою и
обсужденіе котораго было отсрочено сенатомъ въ видахъ проти-
водѣйствія сенатскихъ реакціонеровъ, рѣшившихся его отверг-

нуть. Въ то время, когда министр Фрейссингъ знакомилъ со своимъ планомъ палату, онъ обнаружилъ замѣчательный ораторскій талантъ, указавши всѣ полезныя стороны своего проекта и убѣдивши въ необходимости его принятія. Еще болѣшій талантъ проявилъ онъ въ сенатѣ, разбивъ своими доводами на голову оппозицію. Игнѣ передъ собою двухъ экс-министровъ, Бюффе и Байльо, главнѣйшихъ представителей реакціонной ненависти и интересовъ финансовыхъ феодаловъ—онъ достигъ такой полной побѣды, которая далеко превзошла самыя смѣлыя надежды его друзей: когда дошло дѣло до вотированія законопроекта противъ него оказалось лишь 74. Такимъ образомъ, Фрейссингъ побѣдилъ сенатъ и разрушилъ главнѣйшую надежду реакціи возбудить въ народѣ неудовольствіе противъ республики, препятствуя ему къ полученію достаточнаго количества работы.

Послѣ этого пораженія, разбитая сенатская оппозиція не могла уже воспрепятствовать и тому, чтобы и другіе законопроекты, такъ коварно отсроченные сенатомъ передъ пасхальными ваканціями, не прошли. И дѣйствительно, какъ законъ объ увеличеніи содержанія лицъ, находящихся на государственной службѣ въ Парижѣ, равно и рабочихъ, занятыхъ выставкой такъ и законъ объ образованіи школьныхъ кассъ, и нѣкоторые другіе не менѣе важныя, были приняты сенатомъ.

Послѣ довольно продолжительной болѣзни, скончался почти внезапно въ Версальскомъ дворцѣ одинъ изъ квесторовъ палаты Данферъ-Рошперо. Имя это, конечно, извѣстно нашимъ читателямъ, такъ какъ онъ заслужилъ себѣ громадную славу защитой Вальфора, который не согласился сдать на капитуляцію пруссакамъ. Онъ былъ однимъ изъ депутатовъ Париза послѣ того, какъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе гоненій реакціоннаго военнаго начальства. Еслибы его похороны происходили въ Парижѣ, то народъ сошелся бы провѣщать его огромными массами и произвелъ бы грандіозную манифестацію; въ Версалѣ же, хотя погребеніе происходило и на государственныя счеты—оно было только прилично. Семья его, отъ избытка скромности, воспротивилась произнесенію рѣчей надъ его могилою, такъ что бельфорская депутація, возложившая на гробъ его громадный вѣнокъ иммортелей, едва добилась позволенія сказать послѣднее «прости» тому человѣку, который, по ея выраженію, «былъ душою народной обороны въ несчастномъ Эльзасѣ, своимъ живымъ патриотизмомъ и непоколебимомъ твердостью сумѣлъ отстоять отчизну до послѣдней крайности». Во время богослуженія въ протестантскомъ храмѣ, пастырѣ, произносившій слово, высказалъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Франція не забудетъ внести въ гѣтоиши своихъ несчастій и славы имя этого храбраго солдата, который далъ ей возможность гордиться собой даже при своемъ пораженіи». Останки Данфера отвезены въ Монбеліаръ для погребенія ихъ въ фамильномъ склепѣ. Когда гробъ провозили мимо бельфорской крѣпости, то изъ всѣхъ ея орудій въ честь покойника былъ произве-

дней залгъ, а начальникъ гарнизона, полковникъ Дуазильонъ, въ шортыгахъ, но весьма прочувствованныхъ словахъ привѣтствовалъ память покойнаго. Въ палатѣ, отъ имени республиканскаго большинства вообще и дубской депутаціи въ частности, депутатъ Виеттъ сказалъ нѣсколько словъ въ честь «солдата гражданина, достойнаго наследника доблестей той эпохи, когда крѣпости не капитулировали, а арміи считали своимъ главнѣйшимъ долгомъ подчиненіе народной волѣ». По инициативѣ парижскаго депутата Локруа, военный министръ способствовалъ подписанію маршаломъ декрета, которымъ одному изъ фортовъ Бельфора разрѣшено называться именемъ Данфера. Его же именемъ будетъ называться и одна парижская улица, по рѣшенію муниципальнаго совѣта.

Юбилей Вольтера, должествующій справляться 30-го мая, въ столѣтнюю годовщину дня смерти величайшаго изъ философовъ XVIII столѣтія—несмотря на то, что до сихъ поръ въ нему ничего еще порядочно не подготовлено, успѣлъ уже вызвать цѣлую бурю со стороны духовенства. Парижскій муниципальный совѣтъ, постановивъ, чтобы на площади Шатола была воздвигнута въ честь Вольтера его статуя, рѣшилъ произвести это открытіе вполнѣ официальнымъ образомъ, т. е. собравшись на него въ полномъ своемъ составѣ, и пригласилъ обывателей къ иллюминаціи и украшенію ихъ домовъ въ этотъ день. Такое постановленіе заставило орлеанскаго епископа Дюпанлу прискакать внезапно въ Парижъ съ юга Франціи, гдѣ онъ лечится отъ желчныхъ припадковъ, вызванныхъ тѣмъ, что ни Пій IX, умирая, ни Левъ XIII, вступивъ на папскій престолъ, не удостоили его званіемъ кардинала. Онъ заявилъ, что 30 мая настоящаго года приходится одновременно Вознесеніе и память Іоанны д'Аркъ, осмѣянной, какъ извѣстно, Вольтеромъ въ его поэмі «Pucelle». Дюпанлу написалъ по этому поводу до десятка статей въ своей «Défense sociale et religieuse», потомъ оттиснулъ ихъ особой брошюрой и разослалъ послѣднюю всѣмъ 80 муниципальнымъ совѣтникамъ и болѣе чѣмъ двумъ сенаторамъ и депутатамъ, въ томъ числѣ и президенту Грови, подписавъ подъ брошюрой, что это—«с печальное приношеніе автора». Эта жалкая обругивающая Вольтера брошюрка, въ которой Дюпанлу цитируетъ фернейскаго философа по подтасованнымъ выдержкамъ извѣстнаго католическаго памфлетиста Николарде, была какъ бы прелюдіей въ тѣмъ слововверженіямъ, произвести которыхъ Дюпанлу порѣшилъ въ сенатѣ. Когда онъ туда для этого явился, то произвелъ этимъ ликованіе въ средѣ разбитой реакціи. Какъ новый Петръ-пустынникъ, онъ заявилъ о необходимости въ наши дни новаго крестоваго похода противъ... разума и встрѣтилъ въ этомъ поддержку въ воинственныхъ рыцаряхъ де-Ларейнти и де-Брольи. Атаку свою они повели такимъ образомъ, что, нападая на Вольтера, въ дѣйствительности направляли ее противъ министерства, якобы поддерживающаго въ городѣ нечестіе и агентамъ. Правительство и сторонники политич. уступчивости сочли борьбу съ клерикалами въ настоящую

минуту почему-то особенно опасною, министр внутреннихъ дѣлъ де-Марсэръ отказался утвердить рѣшенія муниципальнаго совѣта, какъ не имѣющаго права, по существующимъ законамъ, назначать общественныя празднества. Казалось этимъ можно было бы удовлетвориться Дюпанлу — какой большей радости нужно было бы еще? Но онъ слишкомъ раскопался и, видя невозможность интерpellировать правительство, не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать ему хоть вопроса. Дѣло въ томъ, что Дюпанлу — учредитель значительнаго ультрамонтанскаго общества, главною цѣлью котораго — противодействовать всѣми способами пропагандѣ вольтерянскихъ идей, въ какихъ бы формахъ онѣ ни проявлялись. Въ видахъ этого общества, ему необходимо было достигнуть запрещенія дешеваго тома сочиненія Вольтера, изданнаго группою Менне. Поэтому, 21-го мая, онъ явился въ сенатъ съ цѣлою кипкою выписокъ изъ этого тома, подобранныхъ съ крайнимъ ехидствомъ, прочелъ ихъ громогласно и обратился къ правительству съ торжественнымъ вопросомъ: не сочтеть ли оно необходимымъ 1) запретить его разносную продажу и 2) предать суду его издателей, какъ сообщниковъ самыхъ дерзкихъ оскорбленій католической религiи, христіанства и всѣхъ исповѣданій, признаваемыхъ государствомъ?

Первый министр Дюфоръ, конечно — христіанинъ; но онъ, въ то же время — и юристъ-консулъ. Онъ отвѣтилъ, что, какъ христіанинъ, онъ скорбитъ о томъ, что Вольтеръ позволялъ себѣ такіа противорелигіозныя вольности, «но, прибавилъ онъ строгимъ тономъ: — среда, въ которой жилъ Вольтеръ, и общество, въ которомъ онъ вращался, были сообщниками во всемъ, что находится достойнаго осужденія въ его сочиненіяхъ. Возможно ли, однако, предать на судъ присяжныхъ все XVIII столѣтіе вмѣстѣ съ Вольтеромъ?»

При этихъ словахъ, громкій и всеобщій смѣхъ раздался въ сенатѣ. Демократическія газеты и каррикатуристы воспользовались этимъ случаемъ, и орлеанскій епископъ былъ осмѣянъ въ сотнѣ статей и безчисленномъ множествѣ каррикатуръ, гдѣ онъ изображается инквизиторомъ, совершающимъ аутодафе надъ философiей XVIII вѣка и ея ужаснымъ представителемъ. Такимъ образомъ, память великаго человѣка, такъ высоко ставившаго значеніе смѣха, была смѣхомъ же и отомщена.

Дюфоръ ничего не отвѣчалъ на требованіе запрещенія разносной продажи, которое и не было произведено; онъ только заявилъ, что слѣдующія за изданіями власти не сочли возможнымъ что либо преслѣдовать въ книгѣ, въ которой помѣщены отрывки изъ сочиненій, находящихся въ каждой библіотекѣ и во всѣхъ рукахъ. Но онъ этимъ не ограничился и, въ крайнему озлобленію клерикаловъ, отдалъ достойную честь генію писателя, благодаря трудамъ котораго, по его словамъ, «общественныя нравы смягчились, терпимость распространилась повсюду, а уголовныя законы измѣнились въ такомъ направленіи, что общество

охранено ими отъ тѣхъ юридическихъ несправедливостей, какимъ оно безпрестанно подвергалось при старыхъ порядкахъ».

Не выѣшайся такъ неудачно Дюпанлу, и празднованіе юбилея Вольтера, пожалуй, могло бы совсѣмъ не состояться, такъ какъ въ средѣ учредителей его происходило передъ этимъ значительное несогласіе. Общество писателей, съ Викторомъ Гюго во главѣ, отдѣлилось отъ комитета Менье. Съ одной стороны, редакторъ «*Bien public*» Ивъ Гюйд, личность неособенно авторитетная, хотѣлъ играть въ этомъ дѣлѣ слишкомъ видную роль, съ другой — редакция и сторонники «*République Française*» не могли допустить и мысли, чтобы такое важное общественное торжество могло бы происходить помимо ихъ инициативы и главнаго управленія дѣломъ. Между тѣмъ, какъ непримиримые настаивали на своемъ противопоставленіи Руссо Вольтеру, подобно взгляду, высказанному объ этомъ въ предисловіи въ «*Исторіи Революціи*» Луи Блана; партія же В. Гюго, подобно Мишле, смотрѣла на этихъ обоихъ мыслителей, какъ на представителей только крайнихъ полюсовъ одного и того же французскаго духа, произведшаго революцію. Послѣ же сенатскаго случая, всѣ демократическія газеты, какъ непримиримыя, такъ и уступчивыя, единодушно и вполне тождественно почтили память геніальнаго мыслителя; комитетъ однакоже, все-таки, раздѣлился.

Еще неизвѣстно, что организуетъ комитетъ непримиримыхъ; кромѣ дешеваго изданія сочиненій Вольтера, но существенное дѣло въ томъ, что, благодаря неблагоразумію орлеанскаго епископа, правительство положительно призвало заслуги Вольтера общечеловѣческому развитію, и на его сочиненія обращено усиленное вниманіе всей Франціи. Благодаря этому, изданіе Менье будетъ читаться и тамъ, куда оно безъ этого едва ли бы и проникло — въ самыхъ глухихъ и заколустныхъ деревушкахъ Франціи. Свѣтъ же, который такъ щедро изливаетъ въ своихъ сочиненіяхъ фернейскій мыслитель, при такомъ распространеніи, разумѣется, послужитъ немало къ тому, чтобы католическій и метафизическій мракъ обскурантизма во Франціи разсѣялся какъ можно скорѣе.

Людовикъ.

Парижъ, 26-го мая 1878 года.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЯЕВА.

Господинъ редакторъ!

Въ январьской книжкѣ издаваемого вами журнала, въ отдѣлѣ «Внутреннее обозрѣніе», помѣщенъ очень обстоятельный отвѣтъ на письмо генерала Черняева, напечатанное въ № 353 газеты «Современныя Извѣстія».

Авторъ настоящаго письма, прослужившій добровольцемъ всю послѣднюю и, можно сказать, самую интересную половину сѣрбско-турецкой войны 1876 года (съ 1 сентября по 17 ноября), въ настоящее время задается однимъ желаніемъ, преслѣдуетъ единственную цѣль — *разяснить темное и некрасивое дѣло о расходованіи штабомъ генерала Черняева денежныя суммы, довольно значительныхъ и присланныхъ въ различное время въ штабъ тимокско-моравской арміи изъ Россіи, гдѣ средства тѣ собирались добровольными пожертвованіями по преимуществу простаго, бѣднаго люда.* Съ этою-то цѣлью я и обращаюсь въ редакцію съ просьбою напечатать настоящее письмо, въ которомъ я, радомъ несомнѣнныхъ данныхъ и ссылками на многихъ сослуживцевъ и начальствующихъ лицъ тимокско-моравской арміи, *смѣлаю отвѣрнуть некоторыя статьи расхода, указанныя генераломъ Черняевымъ въ его письмѣ.*

Однако, я считаю необходимымъ напередъ сдѣлать одну важную оговорку. Совершенно сходясь во мнѣніяхъ съ большинствомъ сколько-нибудь добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ корреспондентовъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ, а также со значительною частью русскихъ добровольцевъ, я не только исключая и отстраняю отъ всякой отвѣтственности самого генерала Черняева, почитая его за человѣка безупречной честности, но даже во многомъ не могу согласиться съ выводами автора отвѣта генералу Черняеву, въ особенности же съ мнѣніемъ автора о нѣкоторыхъ политическихъ и стратегическихъ ошибкахъ генерала Черняева. Такъ, мнѣ кажется, напримѣръ, что генераль Черняевъ хорошо чувствовалъ и сознавалъ невозможность побѣдить Турцію при помощи одной только 80—100 т. арміи, составленной изъ всякаго сброду, взятаго отъ сохи и виноградниковъ, почти необученнаго, плохо вооруженнаго, дурно одѣтаго и обутаго, очень падекаго притомъ же до своей «лучи».

среди котораго насчитывалось не болѣе 2000 русских добровольцевъ. Отсюда, однако, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы генералъ Черняевъ долженъ былъ «посоветовать Сербіи немедленно заключить миръ» (см. «Отеч. Записки», январь, отдѣлъ «внутр. обзоръ», стр. 771) не подвергая себя опасности полнаго опустошенія и раззоренія» (тамъ же), послѣ того какъ «вторженіе въ Болгарію не удалось» и князь Миланъ вступилъ въ переговоры о мирѣ. Ни для кого не новость, что армія и сербское правительство, все почти русское общество, самъ генералъ Черняевъ и вслѣдъ за нимъ всѣ добровольцы—всѣ до послѣдней, страшной минуты (до 17 октября) надѣялись на вооруженное заступничество Россіи. Мы, добровольцы, хорошо помнимъ и теперь, съ какою тревогою и съ какимъ безпокойствомъ ожидали мы въ то время наступленія всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемой минуты дѣятельнаго, вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ вопросъ о судьбахъ Сербіи. Отъ мала до велика, всѣ вѣрили въ близость этого заступничества и мечтали только о томъ, какъ бы продержаться до наступленія минуты объявленія войны Россією и прибытія вспомогательныхъ войскъ. Генералъ Черняевъ могъ, конечно, ошибаться; но, добросовѣстно (что не подлежитъ никакому сомнѣнію) вѣра въ близкую возможность, даже въ неминуемость этого вмѣшательства, *онъ не долженъ былъ оканчивать войны* даже послѣ неудачъ сербской арміи въ Болгаріи и потери всякой надежды на возстаніе болгаръ. Разъ затѣявъ войну, которая, вѣроятно, никогда и не была бы предпринята безъ надежды и даже увѣренности въ вооруженномъ вмѣшательствѣ Россіи, не слѣдовало и прекращать ее, а нужно было вести до послѣдней крайности. Быстро смѣняющіяся, сложныя политическія комбинаціи той критической эпохи, пережитой Сербією, Турцією, Россією, могли привести не только къ ускоренію объявленія войны Россією, но даже къ измѣненію отношеній нѣкоторыхъ заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ державъ къ Турціи и Сербіи.

Медлительность и нерѣшительность турецкихъ военачальниковъ, дознанная по личному опыту генераломъ Черняевымъ, дали бы сербской арміи возможность продолжать войну еще нѣкоторое время, особенно при помощи добровольцевъ, которые, при первой вѣсти о послѣдовавшемъ объявленіи Россією войны Турціи, вѣроятно, тысячами посѣщили бы на помощь изнемогающей, но ожидающей поддержанія изъ Россіи сербской арміи. Хладнокровно завѣсивъ и обсудивъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ очутилась сербская армія послѣ джунитскаго погрома, и шансы ея на дальнѣйшее сопротивленіе, я лично пришелъ къ заключенію, что сербы съ генераломъ Черняевымъ во главѣ могли бы еще продержаться нѣсколько дней въ Дебриградѣ и недѣли 2—3 на чупрійской оборонительной линіи, т. е. приблизительно столько времени, сколько необходимо было для прибытія

русскихъ подкрѣпленій, надежда на прибытіе которыхъ непременно подняла бы упавшій духъ арміи.

Есть нѣкоторое основаніе полагать, что такъ думалъ и самъ генералъ Черняевъ, чѣмъ отчасти и объясняется, по моему мнѣнію, рѣшимость генерала продолжать начатую кампанію, хотя, конечно, невозможно отрицать того несомнѣннаго факта, что имъ дѣлались нѣкоторые довольно важныя стратегическія и политическія ошибки, какъ напр.: 1) принятіе послѣ неудачнаго сраженія 16 сентября на Криветѣ, плана активной обороны и даже прямо наступательныхъ дѣйствій, тогда какъ слѣдовало бы, очистивъ Криветь, стануть всё силы арміи для пассивной обороны Дь-ниша, какъ совѣтовалъ генералу Черняеву полковникъ Меженновъ; 2) рядъ противорѣчивыхъ и пагубныхъ попытокъ къ отбитію у турокъ Кривета, нами добровольно очищеннаго послѣ боя 8-го октября; 3) неумѣстное и неполитичное провозглашеніе князя Милана королемъ и т. д., и т. д. Но дѣло въ томъ, что стратегическія и политическія ошибки, еще болѣе важныя, совершались и прежде другими, самыми выдающимися полководцами.

Все это, впрочемъ, я высказываю только какъ мое личное мнѣніе и убѣжденіе, и я не могу отрицать того, что весьма многое изъ приведеннаго авторомъ отъѣта генералу Черняеву вполне справедливо и доказательно.

Обращаясь за симъ къ злосчастному, все еще интересному и неполюнъ разъясненному вопросу объ отчетѣ въ употребленіи денежныхъ суммъ, присланныхъ въ распоряженіе штаба тимокско-моравской арміи. Если личность генерала Черняева пользовалась, вообще говоря, значительными симпатіями и сочувствіемъ со стороны сербовъ и особенно русскихъ добровольцевъ, то съ другой стороны, даже трудно представить себѣ ту ненависть, то неуваженіе, съ которыми относились къ его штабу и его начальнику, «генералу» Комарову, и притомъ одинаково, какъ русскіе, такъ и сербы. Самыя высшія русскія (я могъ бы указать даже фамиліи и привести рѣчи) и сербскія начальствующія лица о «штабныхъ герояхъ» и «генералѣ Комаровѣ» говорили не иначе, какъ съ улыбкою весьма подозрительнаго и недобряго свойства, иногда же просто съ междоуваніемъ. И замѣчательно, что ни отъ кого и нигдѣ въ Сербіи не приходилось мнѣ слышать ничего одобрительнаго о штабѣ генерала Черняева, пользовавшагося, за исключеніемъ полковника Дохтурова, по моему мнѣнію, вполне справедливо, самою незавидною репутаціею. Vox populi—vox dei! А этотъ «вохъ» громко и весьма единодушно обвинялъ штабъ генерала въ неправильномъ и даже незаконномъ расходованіи денежныхъ суммъ. Въ настоящее время я, лично глубоко уважая и вполне симпатизируя генералу Черняеву, какъ талантливому и мужественному военачальнику и честному человеку, готовъ путемъ печати протестовать противъ справедли-

вості одного важнаго пункта изъ представленнаго имъ отчета въ расходованіи суммъ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ этого отчета говорится о томъ, что изъ числа 200 т. металлическихъ рублей, присланныхъ въ разное время генералу Черняеву изъ Россіи на нужды арміи и добровольцевъ, было отпускаемо содержаніе 646 русскимъ офицерамъ по 7—15 дукатовъ въ мѣсяць, а также 1806 рядовымъ по 1 червонцу (12 франковъ) въ мѣсяць на человѣка. Что касается до офицеровъ, то я ничего не имѣю сказать противъ этого показанія цифры расхода, но все это совершенно невѣрно по отношенію къ нижнимъ чинамъ, и для меня ясно, что самъ генералъ Черняевъ введенъ въ обманъ безтолковыми и неправильными показаніями и отчетами своего «знаменитаго» штаба. Я положительно удостовѣряю, что никому изъ нижнихъ чиновъ, унтеръ-офицеровъ и фельдъ-белей, числившихся, по известнымъ мнѣ спискамъ (къ 17 октября), въ количествѣ 1806 человекъ, ни одной копейки ни за все время ихъ пребыванія на службѣ, ни за одинъ мѣсяць выдаваемо не было до 18 ноября 1876 годъ. При этомъ я, вполне полагаясь на добросовѣстность двухъ наиболее отличившихся русскихъ героевъ этой войны — полковниковъ Александра Павловича Меженинова и Ѳедора Михайловича де-Прерадовича, моихъ ближайшихъ начальниковъ, заслужившихъ себѣ громкую и не менѣе противу генерала Черняева популярную въ тимокско моравской арміи извѣстность своею храбростью, неустрашимостью и распорядительностью — могу сослаться на нихъ, какъ на лицъ наиболѣе компетентныхъ въ подобномъ случаѣ и хорошо знавшихъ о томъ, что содержаніе это намъ выдаваемо не было. Кромѣ того, я могу указать еще на ротныхъ командировъ 1-й роты 4-го, имени генерала Черняева, батальона, въ которомъ я служилъ все время, именно — на поручиковъ Выденскаго, Константинова, субалтернъ офицера той-же роты Иванова и, вообще, на всѣхъ добросовѣстныхъ и честныхъ добровольцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые, безъ сомнѣнія, отълиенутся на мой печатный вызовъ въ интересахъ истины и разслѣдованія этого темнаго дѣла.

Я былъ тринадцатымъ человѣкомъ, поступившимъ въ первую русскую роту, формировавшуюся тогда (съ 1 по 6 сентября) въ Бѣлградѣ, находившуюся подъ командованіемъ капитана Вешенскаго и вошедшую послѣ въ составъ 4-го батальона (имени генерала Черняева). Съ этою ротою прибылъ я въ дегриградскій лагерь (12 сентября). Въ продолженіи всего сентября мѣсяца и до 17 октября, не переставали прибывать къ намъ въ Дегриградъ, а затѣмъ уже прямо на дьюиншскую позицію (послѣ сраженія 8 октября вновь сформированныя русскія роты, входившія въ составъ 4, 5, 6 батальоновъ въ бригадѣ (русско-сербской) полковника А. П. Меженинова. Къ 17 октября всѣхъ русскихъ ротъ было 14. На моихъ глазахъ всѣ онѣ выросли, на моихъ же глазахъ жестоко побиты 17 октября, значительно уменьшившись въ

количественномъ отношеніи. Со многими офицерами и добровольцами всѣхъ ротъ былъ я знакомъ, частью состоялъ даже въ дружественныхъ отношеніяхъ. Отъ всѣхъ и всегда слышалъ я одинъ вопросъ: выдадутъ-ли и когда обѣщанное нижнимъ чинамъ содержаніе (по 1 дукату), въ которомъ большинство ихъ очень нуждались? Помню также, какъ я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей-добровольцевъ занимали деньги у *Θ. М. де-Прерадовича*, нашего заботливаго начальника, дававшего намъ въ займы деньги изъ своего собственнаго кармана въ *счетъ будущаго слѣдующаго намъ къ полученію содержанія*; но займы эти уплачены мною и другими не изъ содержанія, котораго мы и въ глаза не видывали, а изъ собственныхъ нашихъ средствъ, по полученіи денегъ изъ Россіи. Послѣ дьбнишскаго пораженія, какъ на зло захватившаго русскихъ добровольцевъ въ расплохъ, безъ денегъ, въ пріятномъ ожиданіи слѣдующаго имъ жалованья, разбитые остатки русскихъ батальоновъ собрались въ Парачинѣ, затѣмъ частью въ Семендрія (Смедерево) на Дунай, частью въ Бѣлградѣ, куда, наконецъ, собрались къ первымъ числамъ ноября мѣсяца *все русскіе*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ припоминается мнѣ картина всеобщаго бѣдствія—безденежья, особенно тяжело отразившагося на той очень многочисленной братіи (нижняго звѣнія), которая, получивъ, согласно имъ выраженному желанію, отпуски и отставки, послѣ заключенія перемирія, для возвращенія въ Россію и переставъ пользоваться пищею при своихъ командахъ и ротахъ, очутилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Не получивъ ни одной копейки жалованья, принужденные ждать по 5—6 дней въ Парачинѣ подводы, многіе буквально почти голодали, другіе въ проголодь тащились пѣшкомъ отъ Парачина до Семендрія (слишкомъ 120 верстъ). Отовсюду и громко жаловались на неполученіе содержанія: «отставку дали, жалованья, хотя бы на харчи—ни алтына!» Вотъ какія жалобы слышалъ я своими собственными ушами отъ нѣкоторыхъ лицъ, составившихъ въ одной изъ кафанъ (гостинницъ) Парачина группу человекъ въ 30—40, «единымъ гласомъ» жаловавшихся на то, что у нихъ, за неполученіемъ жалованья, гроша нѣтъ въ карманѣ. Мнѣ самому до полученія денегъ изъ Россіи приходилось такъ жутко, что я, скрѣпя сердце, обратился съ прошеніемъ къ тогдашнему начальнику штаба полковнику Дохтурову о выдачѣ мнѣ, во избѣжаніе чуть не голодной смерти, нѣсколькихъ франковъ, каковая просьба не была удовлетворена, видите-ли, за неимѣніемъ денегъ. Въ это же время штабъ генерала Черняева роскошествовалъ въ томъ же Парачинѣ.

Справедливость этого факта, да и вообще всего мною изложеннаго, подтвердить, вѣроятно, мой товарищъ по оружію и бѣдствіямъ, студентъ петербургскаго университета г. Суворовъ. Въ Бѣлградѣ, еще 16 ноября, спрашиваемые мною добровольцы жаловались на неполученіе ими содержанія за все время службы, а фельдфебель 1-й роты, Кузьма Парфеновъ, 17 ноября, въ день

моего отъезда изъ Бѣлграда, прощаясь со мною, говорили, что «рота такъ таки ничего изъ жалованья и не видала».

Итакъ, слѣдовательно, если содержаніе нижнимъ чинамъ и было выплачиваемо, то: во 1-хъ) уже послѣ 17 ноября, во 2-хъ) далеко не всѣмъ добровольцамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были перебиты въ кровопролитномъ сраженіи 16 сентября, но особенно 8, 10, 11 и 17 октября на Криветѣ и Дьюнишѣ; другіе же, тоже въ очень значительномъ числѣ, по заключеніи перемирія уѣхали въ Россію, прѣ чемъ большинство ихъ, принимавшее участіе въ войнѣ и служившее довольно продолжительное время, покинуло Сербію до 17 ноября и, слѣдовательно, жалованья не получало. Послѣ же этого времени, все дѣло забрали уже въ руки генералы Никитинъ и Дандевиль, а генералъ Черняевъ уѣхалъ въ Вѣну (18 ноября); штабъ же его разсыпался еще съ большою быстротою, чѣмъ нѣкогда собрался.

Между тѣмъ, сумма, выставленная генераломъ Черняевымъ и употребленная яко бы на удовлетвореніе содержаніемъ добровольцевъ «по 6 ноября 1876 года», очень значительна и составляетъ 6—7 червонцевъ, т. е. около 25 т. руб. кредитными, считая червонецъ по 3 руб. 50 коп сер. (минимум). Весь приходъ—въ 200 тысячъ рублей, расходъ—въ 160 тысячъ; изъ послѣднихъ неправильно показанъ расходъ въ 20 тысячъ металлическихъ рублей, т. е. одна восьмая часть того расхода!..

Наконецъ, за исключеніемъ, *быть можетъ*, нѣкоторыхъ гг. офицеровъ и добровольцевъ, къ которымъ особенно благоволилъ штабъ генерала Черняева, всѣ офицеры и добровольцы, возвратившіеся въ Россію послѣ перемирія, получали путевныя издержки отъ генерала Дандевилья, а не изъ кассы главнаго штаба.

Жаль, очень жаль также, что пунктъ расхода—«содержаніе штаба денежное и общій столъ»—приведенный въ письмѣ генерала Черняева, не изложенъ въ цифрахъ, хотя бы только приблизительно! Было бы очень интересно для русскаго общества, а намъ, добровольцамъ, въ особенности, узнать на какую сумму потреблялъ тотъ штабъ, много потреблявшій, но очень миниатюрную приносявшій пользу.

Вотъ тѣ важныя, интересныя соображенія, подтвержденныя фактическими данными, которыя я желаю предать гласности въ интересахъ истины и того великаго дѣла, за которое сражались и гибли сотни русскихъ. Дѣло объ отчетности въ употребленныхъ деньгахъ вопіетъ о разьясненіи.

Очень, очень желательно, чтобы г. Комаровъ послѣдшилъ представленіемъ подробныхъ, фактическихъ, *цифровыхъ* данныхъ, которыя могли бы опровергнуть выставленные авторомъ отвѣта генералу Черняеву и мною доказательства и очистить отъ всякихъ подозрѣній штабъ. Но только, ради Господа Бога, не представляйте отчетовъ, ничего не разьясняющихъ, въ родѣ, напри- мѣръ, письма генерала Черняева, изъ 11 пунктовъ котораго въ шести нѣтъ никакихъ цифровыхъ данныхъ, въ пунктахъ 3 и 4

только весьма общія и неопредѣленныя, первый же пунктъ положительнаго опровергается рядомъ несомнѣнныхъ и всякому добровольцу извѣстныхъ фактовъ.

Примите, господинъ редакторъ, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть: приватъ-доцентъ харьковскаго университета, Всеволодъ Даневскій (бывшій подпоручикъ сербской службы).

Село Отрада. Моск. Губ., Серпуховск. Уѣзда.

27 мая 1878 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Полемика старобѣльскаго земства.—Майоръ Мариновъ и отношеніе къ нему земцевъ. — Постановленіе земскаго собранія по поводу взятія истраченныхъ подъ стражу одного гласнаго изъ крестьянъ во время сессіи. — Исравинки-подрачки по содержанію земскихъ лошадей.—Предсѣдатель земской управы въ качествѣ руководителя крестьянскими выборами.—Привлеченіе гласнаго изъ крестьянъ Саранн къ слѣдствію. — Какъ трудно крестьянамъ получить въ аренду казенныя земли, отдаваемыя съ торговъ въ управленіяхъ государственныхъ имуществами и безучастіе въ этомъ случаѣ къ крестьянамъ и негласность земства.—О старобѣльской земской гимназіи.—Многосложная дѣятельность г. предсѣдателя земской управы.—Курьеръ.—Книга: «Н. А. Некрасовъ», составленная г. А. Голубенинымъ.

Въ одномъ изъ моихъ прошлогоднихъ обзорнѣй я говорилъ, что, находясь вдали отъ мѣста дѣйствій того или другого земства, трудно судить о его дѣятельности по тѣмъ отчетамъ, которые публикуются имъ самими; что по отчетамъ никогда не доберешься до того, что дѣйствительно хорошо и что дурно, въ особенности если земство составляетъ отчетъ съ шаровкою, чтобы не выносить сору изъ избы; что только люди, живущіе на мѣстѣ дѣятельности земствъ, могутъ вполне ясно и правильно понимать эти отчеты, видѣть что въ нихъ представлено въ ложномъ свѣтѣ, о чемъ намъ рено умолчено и т. д., и что, поэтому, лучшими критиками и цѣнителями дѣятельности каждаго земства могутъ быть только мѣстные жители каждаго земства, т. е., сами же земцы, и что самообозрѣнія каждаго мѣстнаго самоуправленія, дѣлаемыя время отъ времени самими земцами, суть самое лучшее, чего можно желать въ видахъ правильнаго развитія и преуспѣянія земскаго дѣла. Въ доказательство этого, я представилъ нѣсколько выдержекъ изъ двухъ самообозрѣній мѣстной работы, присланныхъ мнѣ изъ Полтавы и Старобѣльскаго Уѣзда. Эти самообозрѣнія давали такія поясненія къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ земства, которыя не могутъ быть извѣстны никому, кромѣ мѣстныхъ жителей, и которыхъ изъ отчетовъ земства, конечно, добыть нельзя.

Сдѣланныя мною выдержки произвели, какъ того и слѣдовалъ

ожидать, страшную бурю въ правящей партіи земствъ и въ Полтавѣ, и въ Старобѣльскѣ. Въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» прислано было столько увѣснстыхъ тетрадей съ отвѣтами на эти выдержки, что этими отвѣтами, еслибъ ихъ напечатать, можно было бы наполнить цѣлую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Кромѣ того, такіе же отвѣты посланы были и въ разныя газеты, и въ нѣкоторыхъ напечатаны. На этомъ Полтава, какъ кажется, и успокоилась. Но старобѣльское земство пошло дальше. Оно нашло себѣ пріютъ въ политической и литературной газетѣ «Харьковъ»—ну, и пошла писать провинція... грязь полилась потоками. Еслибъ гг. старобѣльскіе земцы осыпали бранью только «Отечественныя Записки» и меня, то объ этомъ и говорить бы не стоило, ибо на подобную брань мы смотримъ, какъ на похвалу себѣ. Но они обрушиваются, главнымъ образомъ, не на насъ, а на автора самообозрѣнія, у котораго мы взяли наши выдержки, называютъ его по имени, взводятъ на него равныя обвиненія, и, такъ какъ съ литературною инкриминаціею въ провинціи, какъ извѣстно, обыкновенно рядомъ идетъ, съ одной стороны, еще болѣе усердная работа провинціальнахъ языковъ, всегда очень длинныхъ, съ другой—интриги, то положеніе его становится невыносимымъ. При такомъ направленіи дѣла, я всегда считалъ бы своею обязанностію вступить въ мѣстную полемику земства и дать надлежащія разъясненія. Теперь же сдѣлавъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что почтенный авторъ самообозрѣнія прислалъ мнѣ, за полною подписью своего имени, цѣлую серію разныхъ фактовъ, освѣщающихъ дѣятельность старобѣльскаго земства, облегчая мнѣ такимъ образомъ работу и давая возможность представить болѣе или менѣе цѣльную картину этой дѣятельности, которая можетъ быть поучительна и не для одного старобѣльскаго земства.

Авторъ самообозрѣнія, изъ котораго сдѣланы были мною выдержки о дѣятельности старобѣльскаго земства, майоръ Александръ Львовичъ Мариновъ, не есть какое-нибудь пришлое лицо въ старобѣльскомъ земствѣ: онъ—коренной тамошній житель, крупный землевладѣлецъ и лицо, надобно полагать, уважаемое въ уѣздѣ, потому что постоянно онъ состоялъ на службѣ по выборамъ дворянства и земства и въ настоящее время состоитъ земскимъ гласнымъ. Онъ находится въ оппозиціи съ нынѣшнимъ старобѣльскимъ земскимъ правительствомъ, но борется съ нимъ не изъ-за угла, не интригами, а ведетъ борьбу честную и открытую. Все, въ чемъ онъ обвиняетъ земство, онъ высказываетъ открыто всѣмъ въ лицо на земскихъ собраніяхъ, какъ это видно по журналамъ земскаго старобѣльскаго собранія. Это одно уже дѣлаетъ ему честь. А затѣмъ, всякій кто внимательно проштудируетъ журналы земскаго собранія, убѣдится, что всѣ обвиненія майора Маринова противъ земства и всѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ, волюнѣ справедливы и резонны, и потому мы не можемъ не приз-

нать, что г. майоръ Мариновъ въ старобѣльскомъ земствѣ — лицо весьма почтенное и полезное.

Главнымъ образомъ, г. Мариновъ нападаетъ на старобѣльское земство за то, что оно не бережетъ земскихъ денегъ, тратитъ ихъ нерезонно или безъ надлежащаго контроля, или вмѣстѣ и нерезонно, и безконтрольно, и тѣмъ разоряетъ и безъ того бѣдный, и обремененный разными поборами народъ. Нападеніе, какъ увидимъ ниже, вполне справедливое. Но старобѣльскіе земцы, вмѣсто того, чтобы разъяснять тѣ факты или, если угодно даже, тѣ недоразумѣнія, по поводу которыхъ дѣлаются эти обвиненія, стараются набросить тѣнь на самого г. Маринова. Не земство, говорятъ они, разоряетъ народъ, а онъ, Мариновъ, и ему по добнымъ, потому что, дескать, онъ, Мариновъ, беретъ съ крестьянъ, какъ то видно изъ исполнительныхъ листовъ, данныхъ ему на Іуду Безсмертнаго и другихъ — за 8 рублей долга неустойки 360 рублей. Но позвольте, гг. земцы! Если майоръ Мариновъ — такой завѣдомый разоритель народа, каковымъ вы его изображаете, то зачѣмъ же вы выбираете его въ земскіе гласные? Да и не только выбираете въ гласные, а даже предоставляете ему особенно почетныя должности по земству? Такъ, въ журналѣ земскаго старобѣльскаго собранія 27 сентября 1877 г. значится, что «закрытою» баллотировкою (замѣтьте: закрытою!) въ попечители старобѣльской Александровской прогимназіи избранъ майоръ Александръ Львовичъ Мариновъ». Вы въ примѣръ и поученіе, что ли, вашимъ дѣтямъ выбираете на такія должности разорителей народа? — Этотъ выборъ доказываетъ одно изъ двухъ: или вамъ все равно, разоряетъ человекъ крестьянъ, или не разоряетъ, и потому, какой бы онъ разоритель ни былъ, но вы все равно выберете его въ какую угодно высокую и почетную должность, если только онъ вашъ кумъ — или что выше обвиненіе майора Маринова въ разореніи крестьянъ есть не болѣе, какъ пустой извѣтъ, недостойная инсинуація. Предположимъ даже невозможное, предположимъ, что вы узнали, что майоръ Мариновъ — разоритель крестьянъ уже послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ попечители старобѣльской прогимназіи: и въ такомъ случаѣ, чего же вы хотите и требуете? Чтобы майоръ Мариновъ, разоряющій крестьянъ, въ качествѣ частнаго землевладѣльца, разорялъ ихъ и въ качествѣ общественнаго дѣятеля, т. е. когда вы расходуете нерезонно и безконтрольно земскія деньги, не обличая бы васъ, а напротивъ поощрялъ, говорилъ бы: берите съ этихъ каналій мужиковъ какъ можно больше! Это было бы, по вашему мнѣнію, лучше! Ясно ли вамъ теперь, гг. земцы, что ваша инсинуація на майора Маринова, если бы она была и справедлива, служитъ никакъ не въ вашу пользу, а напротивъ — въ его пользу: она показываетъ, что майоръ Мариновъ, даже если онъ — и разоритель народа, какъ частный землевладѣлецъ, все таки есть человекъ, сколько нибудь *Бога боялся* и людей *срама стыдился*, и не хочетъ брать на себя того же грѣха въ качествѣ обще-

ственнаго дѣателя. Теперь посмотримъ: есть ли какое нибудь серьезное основаніе для этой инсинуаціи и вѣрять ли ей сами земцы, такъ усердно ее распространяющіе?—Майоръ Мариновъ прислалъ намъ цѣлый пукъ приговоровъ отъ разныхъ крестьянскихъ обществъ и свидѣтельствъ, удостовѣренныхъ въ подлинности волостными правленіями и мировымъ судьей, въ которыхъ эта инсинуація земцевъ называется прямо злонамѣренной клеветой, а о майорѣ Мариновѣ говорится, что онъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ самъ добровольно спѣшилъ на помощь крестьянамъ, ссужая ихъ или деньгами за обыкновенные проценты, или хлѣбомъ по цѣнамъ, иногда низшимъ существующихъ. Одно изъ волостныхъ правленій, именно Боровское, поименовавъ, начиная отъ Іуды Безсмертнаго, имена всѣхъ тѣхъ крестьянъ, съ которыхъ, по инсинуаціи земцовъ, бралъ будто бы майоръ Мариновъ неустойки, говоритъ, что не только съ этихъ крестьянъ онъ не взыскивалъ неустоекъ, но—что «за все время его жизни ни до кого изъ крестьянъ сей волости не были приняты мѣры, рѣшительно подвергающія разоренію жителей, имѣвшихъ съ нимъ какія либо сношенія по договорамъ, и ничье имущество даже въ самой малой мѣрѣ продаваемо по его искамъ не было; пшеницу уступилъ крестьянамъ для посѣва г. Мариновъ въ долгъ по 8 р., тогда какъ другіе владѣльцы продавали такой же хлѣбъ за наличныя деньги по 10 р.» и т. д. Таковы приговоры и свидѣтельства отъ крестьянъ и волостныхъ правленій. Самъ г. Мариновъ говоритъ, что во всю его жизнь, какъ то знаютъ, дескать, и всѣ земцы, распространяющіе противъ него клеветы, «по его искамъ никогда никто не подвергался разоренію, при взысканіи присужденныхъ въ пользу его неустоекъ: неустойки пишутся ради понужденій къ выполненію договора». Положимъ, можетъ еще возникнуть сомнѣніе относительно крестьянскихъ приговоровъ и свидѣтельствъ волостныхъ правленій, потому что Богъ ихъ знаетъ, какъ и кѣмъ они составляются; положимъ, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно искренности показанія о себѣ майора Маринова, ибо кто же себѣ врагъ? Но вотъ въ чемъ не можетъ уже возникнуть никакого сомнѣнія и что даетъ полную достовѣрность и крестьянскимъ приговорамъ, и свидѣтельствамъ волостныхъ правленій, и показанію о себѣ майора Маринова: «я, пишетъ г. Мариновъ:—отнесся въ старобѣльскій мировой съѣздъ съ просьбой о выдачѣ мнѣ удостовѣренія въ томъ, сколько вообще продано по моимъ искамъ крестьянскихъ имуществъ со дня открытія мировыхъ учреждений и до времени подачи просьбы, и вотъ, подѣ разными предлогами, при состоявшейся уже резолюціи о выдачѣ мнѣ просимаго свидѣнія, полгода тянетъ мировой съѣздъ исполненіе этой моей просьбы, тогда какъ ни откуда, кромѣ самой канцеляріи мирового съѣзда, въ которую сданы были исполнительныя листы, не могли быть извлечены матеріалы для оглашенія ихъ въ томъ искаженномъ видѣ, какъ я упомянулъ, съ цѣлю недобросовѣст-

ной. Присужденіе неустоекъ, договоромъ обусловленныхъ, въ размѣрѣ еще большемъ, чѣмъ какія значатся въ монхъ исполнительныхъ листахъ, дѣлается и у другихъ на основаніи извѣстнаго закона, помимо всѣхъ судей Старобѣльскаго Уѣзда, предсѣдателемъ сѣзда». Этому сообщенію г. Маринова, т. е. что онъ дѣйствительно просилъ мировой сѣздъ о выдачѣ ему свидѣтельства о количествѣ проданныхъ по его искамъ крестьянскихъ имуществъ—просилъ, конечно, потому что таковой продажи никогда не бывало, иначе и просить бы не сталъ—что мировой сѣздъ дѣйствительно цѣлые полгода не выдаетъ ему требуемое свидѣтельство—этому, говорю, сообщенію я вполне вѣрю. Майоръ Мариновъ уже не въ первый разъ просить опубликовать это свое сообщеніе за подписью полнаго своего имени. Онъ просилъ бы объ этомъ журналъ «Дѣло»; онъ теперь о томъ же проситъ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», чего г. Мариновъ никакъ не могъ бы желать, если бы сообщеніе его было несправедливо. Понзвѣстно, почему мировой сѣздъ медлитъ цѣлые полгода выдачею майору Маринову удостовѣренія, которое могло бы вполне его очистить отъ клеветы враговъ, ибо тогда всѣмъ бы стало ясно, что, хотя въ контрактахъ и исполнительныхъ листахъ и писались огромныя неустойки, но въ дѣйствительности никогда никакихъ взысканій по этимъ неустойкамъ не было. Между тѣмъ, изъ того же мирового сѣзда враги Маринова, какъ сообщаетъ онъ, какими-то образомъ ухитряются доставать исполнительные листы, доставлять ихъ въ разныя даже столичные изданія, напримѣръ, газету «Новости», журналъ «Дѣло» и на основаніи ихъ увѣряютъ, что майоръ Мариновъ разоряетъ народъ. Надобно полагать, какъ полагаетъ и майоръ Мариновъ, что, по какимъ-нибудь интригамъ враговъ, и мировой сѣздъ задерживаетъ болѣе уже полугодомъ требуемое имъ удостовѣреніе, которое такъ важно и которое мировой сѣздъ, даже по чувству гуманности, долженъ былъ бы дать по первому требованію. Ничему этому мы, впрочемъ, не удивляемся. Изъ враговъ г. Маринова среди земцевъ есть, очевидно, не мало такихъ темныхъ личностей, которыя неразборчивы въ средствахъ, когда дѣло идетъ о мести, которыя не брезгаютъ даже и клеветой. Но намъ удивительно, что тоже самое, что говорятъ они, извѣстна и старобѣльскій городской голова, онъ же—предсѣдатель земской управы, г. Кириловъ, человѣкъ несомнѣнно образованный и, пожалуй, даже ученый: онъ—кандидатъ харьковскаго университета. Онъ и самъ лично отъ крестьянъ и волостныхъ начальниковъ могъ узнать о несправедливости слуховъ, распускаемыхъ относительно взысканія Мариновымъ огромныхъ неустоекъ, могъ справки объ этомъ забрать и въ мировомъ сѣздѣ. Какъ-то не вѣрится, чтобы г. Кириловъ зазнамо сталъ распространять несомнѣнную клевету за истину, а, съ другой стороны, какъ-то трудно представить, чтобы кандидатъ университета, занимающій два такіе важные поста въ Старобѣльскѣ, могъ ненамѣренно, по одному только легкомыслію, основываясь на однихъ ложныхъ

слухахъ, взводить подобныя тяжелыя обвиненія на своего сочлена въ земствѣ!

Сказаннаго мною достаточно для характеристики личности майора Маринова и отношеній къ нему земства. Теперь я обращусь къ разсмотрѣнію: насколько справедливы тѣ обвиненія и протесты, которые дѣлаетъ г. Мариновъ противъ разныхъ дѣйствій и дѣателей правящей нынѣ партіи старобѣльскаго земства?

Одно изъ главныхъ обвиненій майора Маринова противъ земства состоитъ въ неблаговидномъ отношеніи земства къ земской полиціи или, точнѣе сказать, къ ея исправнику Меранди. Разсматривая тѣ случаи, которые приведены майоромъ Мариновымъ въ доказательство этого, нельзя не признаться, что эти случаи представляются дѣйствительно неблаговидными или, по крайней мѣрѣ, настолько странными, что требуютъ разъясненія. Вотъ эти случаи:

Собирается, въ сентябрѣ прошедшаго года, земское старобѣльское собраніе. Вдругъ, на другой день по открытіи собранія, исправникъ одного изъ гласныхъ, прибывшихъ на собраніе, именно волостнаго старшину Шопина, беретъ и сажаетъ въ кутузку. Какъ? За что? Про что? Самъ этотъ гласный, въ собственноручной запискѣ, доставленной намъ майоромъ Мариновымъ, объясняетъ свой арестъ слѣдующимъ образомъ:

«1878 года апрѣля 15-го дня снѣз удостовѣряю, что, будучи въ очередномъ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго при занятіяхъ, я былъ арестованъ старобѣльскимъ исправникомъ Меранди и посаженъ въ арестантскую, куда посажены были также три волостные старшины и какой-то преступникъ, гдѣ заперты были подъ замкомъ за желѣзною рѣшеткой. Предлогомъ къ арестоваціи меня было то, что по волости, мною управляемой, не собирается успѣшно недоимка; но въ числѣ гласныхъ было нѣсколько волостныхъ старшинъ, въ волостяхъ которыхъ также существуетъ недоимка, но отвѣтственность пала на меня одного. Это произошло 25-го сентября 1877 года».

«Къ этому краткому объясненію крестьянина-гласнаго Шопина, говоритъ майоръ Мариновъ:—слѣдуетъ прибавить слѣдующее былое: онъ засталъ въ острогѣ трехъ старшинъ; это были блѣдные, истомленные люди, точно послѣ продолжительной болѣзни, съ ними посаженъ былъ преступникъ пьяный. Какъ только Шопинъ былъ втолкнутъ въ шею въ ту же камеру, преступникъ бросился на него съ кулаками и началъ его толкать въ грудь, въ бока и бранить отвратительными словами. Сидѣвшіе старшины, люди лучшіе, изъ нѣсколькихъ селъ избранные, подвергались уже по трое сутокъ такой же пыткѣ, и вдобавокъ имъ не давали ѣсть».

Какъ видитъ читатель, случай весьма важный, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ! Не въ томъ здѣсь вопросъ: исправно ли старшина Шопинъ несетъ свои обязанности, или нѣтъ, по небрежности ли его не собиралась успѣшно въ время недоимка, или по бѣдности крестьянъ, и слѣдовательно, имѣлъ ли право исправникъ посадить его въ кутузку, или нѣтъ. Предположимъ самое худшее, т. е., что Шопинъ былъ старшина неисправный, изъ рукъ

вонъ плохъ по небрежности и что исправникъ имѣлъ полное право посадить и арестовать его. Но вѣдь земское собраніе продолжается всего нѣсколько дней. То, во время котораго арестованъ былъ Шопинъ, продолжалось всего шесть дней, съ 24-го по 29-е сентября. Исправникъ могъ арестовать его и до начала собранія, и по окончаніи собранія; но онъ арестовалъ его именно во время собранія. Это—уже не просто арестъ волостнаго старшины за небрежное исправленіе имъ своихъ обязанностей, а оскорбленіе, брошенное въ лицо всему собранію, и, мало того—оскорбленіе, а давленіе на свободу рѣшеній собранія, посягательство на высочайше дарованное земству самоуправленіе! Представьте себѣ, что даже такой незначительный въ администраціи чинъ, какъ исправникъ, будетъ, по произволу, во время самаго собранія, хватать гласныхъ изъ крестьянъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ собраніи одинъ голосъ на рѣшеніе дѣлъ цѣлаго уѣзда, онъ однимъ взятіемъ этого голоса изъ собранія будетъ наклонять рѣшенія собранія въ ту или другую сторону. Я уже не говорю о томъ, что одною угрозою передъ началомъ собранія нанести подобный позоръ ваятія подъ стражу каждому изъ гласныхъ крестьянъ, который будетъ поддерживать не тѣхъ лицъ или не тѣхъ мѣръ, которыя хочетъ исправнику, исправникъ можетъ вліять на всѣ рѣшенія земскаго собранія. Ясно, что арестованіе гласнаго изъ земскаго собранія не по какому нибудь тяжкому уголовному преступленію, а за небрежность въ исполненіи своей должности, за что онъ могъ быть подвергнутъ аресту и до, и послѣ собранія, для старобѣльскаго земскаго собранія было не пустое дѣло, а предметъ особенной важности. Примите при этомъ во вниманіе обстоятельства, сопровождавшія, по словамъ Маринова, арестъ Шопина: волостнаго старшину и гласнаго земскаго собранія *столкнули въ одну камеру съ уголовнымъ преступникомъ, который притомъ его билъ, какъ и другихъ трехъ сидѣвшихъ съ нимъ старшинъ.* Развѣ это—не униженіе и не тяжкое оскорбленіе для земскаго собранія, что одного изъ его сочленовъ, не сдѣлавшаго никакого преступленія, какой нибудь исправникъ можетъ бросить въ одну тюрьму вмѣстѣ съ преступникомъ и позволить послѣднему даже бить его? Земскому собранію слѣдовало немедленно составить протоколъ о дѣйствіяхъ исправника, позволившаго себѣ, безъ всякой нужды, схватить одного изъ его членовъ и бросить въ тюрьму и, вмѣстѣ съ показаніемъ Шопина, какъ онъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ, отправить этотъ протоколъ на разсмотрѣніе подлежащаго начальства; а потомъ оно могло уже заняться разсужденіемъ о томъ: какъ предупредить подобныя возмутительныя случаи, подрывавшія притомъ въ основаніи высочайше дарованное земству самоуправленіе, на будущее время? Но земское собраніе, въ которомъ по поводу ареста Шопина шли оживленныя пренія, хотя въ чемъ состояли эти пренія—въ журналѣ не означено, ограничилось тѣмъ, что, по предложенію гласнаго Кярилова, положило:

«ходатайствовать черезъ губернское начальство объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ закона, дающаго исправникамъ право собственной властію арестовывать волостное начальство за неправильный сборъ податей и недоимокъ». Постановленіе очень либеральное и широкое, и дай Богъ, чтобы оно осуществилось; но, тѣмъ не менѣе, въ сущности, оно весьма непрактичное. Извѣстно, что разрѣшеніе всякихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ тянется очень долго, годами. Пока постановленіе старобѣльскаго земскаго собранія будетъ ходить по разнымъ инстанціямъ — да еще послѣдуетъ ли на него согласіе — исправникъ, по-прежнему, будетъ все въ правѣ хватать гласныхъ изъ крестьянъ во время земскихъ собраній и сажать въ кутузку. Земскому собранію, вмѣстѣ съ этимъ своимъ либеральнымъ постановленіемъ, слѣдовало составить протоколъ о данномъ случаѣ, и оба эти акта пошли бы каждый своей дорогой: одинъ — въ законодательномъ порядкѣ, а другой — въ административно-судебномъ. Можно сказать, что для старобѣльскаго земскаго собранія послѣдній путь былъ самый прямой, ближайшій и надежный; на законодательные проекты его можетъ не обратить вниманія ни его ближайшее, ни высшее начальство; но то и другое начальства немедленно возстановятъ его нарушенныя вѣдь бы то ни было права и всякую власть, позволяющую себѣ посягнуть на эти права, поставятъ въ должныя границы, такъ какъ это можно сдѣлать легко и скоро, безъ ожиданія новыхъ законовъ, при помощи давно уже существующихъ. Такимъ образомъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, либеральное постановленіе земскаго собранія оказывается только ловкимъ обходомъ дѣла, который, не удовлетворяя ни оскорбленнаго земскаго собранія, ни потерпѣвшаго гласнаго Шопина и не касаясь совсѣмъ виновника совершенныхъ правонарушеній, создаетъ вопросъ общій, до замѣта вообще не касающійся только стороной, а до данного случая вовсе не касающійся, такъ что, еслибы онъ былъ разрѣшонъ и въ смыслѣ сдѣланнаго земствомъ постановленія, то данный случай остался бы, все-таки, не разслѣдованнымъ и сдѣланое правонарушеніе не возстановленнымъ. И что всего замѣчательнѣе: этотъ обходъ предложенъ главнымъ представителемъ земскихъ интересовъ, предсѣдателемъ земской управы Кириловымъ, на обязанности котораго, напротивъ, лежало, даже еслибы и всѣ члены земскаго собранія желали ограничиться только вышереченнымъ либеральнымъ постановленіемъ — требовать и настаивать, чтобы данный случай арестованія гласнаго во время земскаго собранія и самого способа его содержанія въ тюрьмѣ не остался безъ законнаго разслѣдованія. Мы не удивляемся, что майоръ Мариновъ приписываетъ это опущеніе преимущественно предсѣдателю земской управы Кирилову. Такое впечатлѣніе получается при чтеніи журналовъ земскихъ даже стороннимъ членомъ. Майоръ же Мариновъ присутствуетъ лично на засѣданіяхъ земства, слышитъ пренія по всѣмъ вопросамъ и, кромѣ

того, знаетъ тѣ или другія отношенія другъ къ другу дѣйствующихъ лицъ. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы впечатлѣнія и предположенія майора Маринова были безошибочны, несомнѣнны; можетъ быть, они и совсѣмъ невѣрны, но вся постановка дѣла такова, что ему трудно отъ нихъ отдѣлаться.

Возьмите, наприимѣръ, хоть слѣдующій фактъ. Г. Кириловъ, городской голова и предсѣдатель земской управы, вмѣстѣ съ тѣмъ — и подрядчикъ по продовольствію пожарной команды и тюремнаго замка. Исправникъ — главный начальникъ и надъ пожарной командою, и надъ тюремнымъ замкомъ, и главный наблюдатель за продовольствіемъ и адѣсь, и тамъ. Кстати замѣтите при этомъ, что даже канцелярскою частію въ тюремномъ замкѣ завѣдываетъ всего за 200 р. исправникъ! Слышанное ли это гдѣ-нибудь дѣло? Я никакъ не думаю, чтобы начальникъ дѣлага города и уѣзда, при его многосложныхъ занятіяхъ, имѣлъ время исполнить и должность писмоводителя при тюремномъ замкѣ. Вѣроятно, дѣлаетъ все это какой-нибудь полицейской писецъ. За что же получаютъ деньги исправникъ? Или; можетъ, тутъ вовсе и не въ деньгахъ сила? Кто разберетъ основу тѣхъ странныхъ непонятныхъ слетеній, какія представляютъ изъ себя члены земскаго самоуправления въ связи съ земскою полиціей.

Мы видѣли одну сторону этого слетенія, гдѣ предсѣдатель земской управы, въ качествѣ подрядчика по продовольствію пожарной команды и тюремнаго замка, находится подъ надзоромъ исправника; посмотримъ теперь на другую, гдѣ исправникъ находится подъ надзоромъ предсѣдателя земской управы, въ качествѣ подрядчика по содержанію земскихъ лошадей въ Старобѣльскѣ. Я не знаю: состоятъ ли гдѣ-нибудь, кромѣ Старобѣльска, исправники подрядчиками по содержанію земскихъ лошадей; но если состоятъ гдѣ-нибудь, то и это уже есть великое злоупотребленіе; потому, во первыхъ, что подрядъ на содержаніе лошадей долженъ отдаваться не иначе, какъ съ торговъ; но когда исправникъ является на торгъ, кто же изъ подчиненныхъ ему обывателей города и уѣзда рѣшится съ нимъ конкурировать и понижать цѣну? Вѣдь это значило бы обывателю нажать себѣ въ лицѣ исправника вѣчнаго врага; во-вторыхъ, большая часть чиновъ, имѣющихъ нужду въ земскихъ лошадяхъ, или прямо подчинены исправнику, какъ, наприимѣръ, становые, или косвенно состоятъ отъ него въ зависимости; слѣдовательно, какъ бы исправникъ не исправно ни исполнялъ своего подряда, никто не будетъ смѣть пикнуть противъ него — все будетъ шито-крыто. Но старобѣльское земство сдѣлало гораздо болѣе этого. Оно не сочло нужнымъ, даже хоть только ради видимости и приличія, соблюдать законныя формы при отдачѣ подряда исправнику: оно отдало исправнику содержаніе земскихъ лошадей при старобѣльской полиціи не только безъ торговъ, притомъ за цѣну гораздо болѣе, чѣмъ берутъ другіе содержатели земскихъ лошадей въ уѣздѣ и городѣ, но въ некоторомъ образѣ открыто само помогаетъ злоупотре-

требленіямъ исправника. Къ удивленію нашему, мы читаемъ слѣдующія пренія въ земскомъ собраніи 27-го сентября. Гласный Мариновъ дѣлаетъ такое заявленіе:

«Постановленіемъ одного изъ прошлыхъ собраній содержаніе лошадей при старобѣльской полиціи отдано безъ торговъ исправнику по увеличенной цѣнѣ 180 р. за лошадь, когда остальные почтосодержатели получаютъ только по 130 р. Но при этой цѣнѣ исправникъ содержитъ не девять, какъ должно, лошадей, а двѣ, что, конечно, не можетъ удовлетворять дѣйствительныхъ надобностей лицъ, для которыхъ означенная почта создана; вслѣдствіе чего чины полиціи, пріѣзжающіе изъ уѣзда въ городъ, задерживаютъ почтовыхъ лошадей изъ ближайшихъ пригородныхъ станцій и возвращаются на нихъ обратно. Если же на это нѣтъ жалобъ почтосодержателей, то это объясняется тѣмъ, что каждый изъ нихъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ чиновъ полиціи, молчаливо переноситъ это неудобство во имя своего личнаго спокойствія. Но такъ какъ земскія лошади есть общая, такъ сказать, земская собственность, пользоваться которою каждому члену можно только при соблюденіи извѣстныхъ условій, то прямая обязанность собранія пресѣчь это зло». На это одинъ изъ гласныхъ замѣчаетъ: «Исправникъ съ лицами, имѣющими право требовать лошадей на земской станціи при старобѣльской полиціи, содержащей ихъ, *вступилъ въ соглашеніе и вознаграждаетъ за потерю ихъ прѣва ѣздить даромъ извѣстнаго количества денегъ, а для своихъ надобностей держитъ три лошади*» (!!!). Другой гласный говоритъ, что, такъ какъ никакихъ жалобъ на неудобство содержащей исправникомъ станціи нѣтъ, то онъ находитъ заявленіе Маринова бездоказательнымъ.

Итакъ, вотъ какіе гласные находятся въ старобѣльскомъ земствѣ. Они не находятъ ничего ни страннаго, ни противузаконнаго въ томъ, что исправникъ, обязанный по контракту содержать девять лошадей, содержитъ, вмѣсто 9, всего три лошади, потому что въ случаѣ, дескать, недостатка лошадей, онъ имѣющимъ право на земскихъ лошадей платитъ деньгами. Во-первыхъ, разъ по контракту, исправникъ взялся содержать лошадей натурой, онъ и долженъ ихъ такъ содержать и не имѣть права содержать ихъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и расплачиваться деньгами съ требующими лошадей; а во-вторыхъ, майоръ Мариновъ правъ, что, при подобномъ порядкѣ, злоупотребленія неизбежны. Каждый становой, чтобы не принести убытку исправнику, будетъ обременять почтосодержателей уѣзда. Такъ, въ журналѣ того же собранія, отъ 28-го сентября, значится, что «въ собраніе явился почто-содержатель Ново-Астраханской почтовой станціи и заявилъ, что становой чисто измучилъ его лошадей; экипажъ тяжелый, ему полагается пара, а онъ беретъ по тройкѣ и даже по пяти лошадей, разсылныхъ же посылаетъ по три и болѣе человекъ въ день». Такъ, значитъ, туго пришлось бѣдному почто-содержателю отъ разгона, что и исправника не побоялся придти

съ жалобой въ земское собраніе! — Помянутое выше заявленіе г. Маринова не осталось безъ послѣдствій только потому, конечно, что, во время преній, было заявлено, что «въ послѣдній проѣздъ свой, начальникъ губерніи предложилъ исправнику, по окончаніи срока, не принимать больше непосредственнаго участія въ содержаніи лошадей при старобѣльской полиціи, и земское собраніе постановило: станцію при старобѣльской полиціи отдать, съ 1-го января 1878 г., съ торговъ». — Казалось бы, конецъ дѣлу! Нѣтъ, майоръ Мариновъ пишетъ, что все «осталось по-старому», не объяснивъ, впрочемъ, какъ это случилось.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ, очевидно, что связь между земствомъ и полиціей существуетъ самая тѣсная. Я говорю это никакъ не въ ту силу, чтобы желалъ вражды между полиціей и земствомъ. Напротивъ, когда они живутъ въ ладу, да въ согласіи, то и слава Богу; нужно только, чтобы это было не во вредъ дѣлу, чтобы дружба была дружбой, а служба службой. Но когда земство и полиція, переплетаются такъ, что не разберешь, гдѣ земство, гдѣ полиція тогда хорошаго ожидать ничего нельзя: тогда земство никакъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно, по закону, должно быть, т. е. защитникомъ и охранителемъ интересовъ народныхъ.

Насколько далеко идетъ связь старобѣльскаго земства съ полиціей, этого я, конечно, не могу опредѣлить, но что земство въ отношеніяхъ съ полиціей находится не на подобающей высотѣ своего положенія, это для меня очевидно и изъ предыдущихъ фактовъ, а тѣмъ болѣе, изъ нижеслѣдующихъ:

Было въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ такое дѣло: при дознаніи, производившемся неизвѣстно мнѣ по какому случаю, нѣскольکو крестьянъ сдѣлали показаніе о лихоимствѣ полиціи. Дознаніе это для полиціи не имѣло никакихъ послѣдствій, но для крестьянъ оно не осталось безъ послѣдствій. Явился фальшивый приговоръ о дурномъ яко бы поведеніи крестьянъ и о необходимости ихъ отправить въ Сибирь; дѣло поведено было такъ быстро и ловко, что подлежащее начальство не успѣло разсмотрѣть его какъ слѣдуетъ и утвердило; крестьянъ посадили, въ октябрѣ, въ острогъ, а въ маѣ отправили въ Сибирь. Къ счастью, дѣло дошло до сената, гдѣ защищать его присажный повѣренный Ольхинъ. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе мѣстныхъ властей, и оправданные крестьяне были возвращены раззоренные, убитые, а одинъ умеръ въ дорогѣ.

Какъ читатель можетъ судить уже по рѣшенію сената, дѣло было вопіющее. Ссылка въ Сибирь крестьянъ ни въ чемъ не повинныхъ! Земство, конечно, должно было это знать и не могло этого не знать. Кому ближе было придти на помощь невинно раззореннымъ, заточаемымъ и изгоняемымъ крестьянамъ, какъ не ему? — Однакожъ, пришло къ нимъ на помощь не оно. Вотъ что пишутъ, между прочимъ, крестьяне села Садвовъ Ново-Боровской Волости въ приговорѣ, выданномъ ими майору Маринову въ

февралѣ нынѣшняго года, по поводу вышеупомянутыхъ распу-
скаемыхъ о немъ земцами слуховъ въ разореніи крестьянъ:

«Какъ мы, такъ равно и другіе крестьяне всего уѣзда, всегда находили въ майорѣ Мариновѣ защиту противъ какихъ бы то ни было несправедливостей и обидъ, причиняемыхъ людьми, силу имѣющими. Мы можемъ удостовѣрить это слѣдующимъ фактомъ: изъ Ново-Айдарской волости нашего уѣзда было отправлено восемь семействъ въ ссылку въ Сибирь самымъ несправедливымъ образомъ: сперва томилась они въ старобѣльскомъ тюремномъ замкѣ, а затѣмъ отправлены были въ путь, и въ московскомъ пересыльномъ пунктѣ застыгло ихъ распоряженіе о возвратѣ на родину, такъ какъ правительствующій сенатъ призналъ ихъ напрасно приговоренными къ ссылке, а результата такого достигли они чрезъ единственное ходатайство г. Маринова, что можетъ свидѣтельствовать присяжный повѣренный г. Ольхинъ, принявшій на себя безвозмездную защиту въ правительствующемъ сенатѣ. Но этотъ случай, нами представленный — не единственный; такихъ очень много, и не пройдетъ дня, чтобы къ г. Маринову не обращались вуждающіеся въ помощи по сдѣланнымъ обидамъ, и онъ не отказываетъ въ дѣлѣ правомъ въ совѣтѣ и матеріальной помощи».

Я долженъ, впрочемъ, оговориться. Я не знаю, когда проис-
дила означенная высылка крестьянъ въ Сибирь — при нынѣшней
ли правящей партіи земства, или до нея; если это было при преж-
немъ земствѣ, то и прежде, значить, не было радѣтелемъ крестья-
нъ, какъ и нынѣшнее. А что нынѣшнее также страдаетъ этимъ
грѣхомъ, это мы увидимъ ниже, хотя оно состоитъ въ непосред-
ственныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, слѣдовательно, знакомо со
всѣмъ, что среди нихъ дѣлается, и могло бы употреблять свою
силу и вліяніе для ихъ пользы и защиты, а никакъ не для
тѣхъ предосудительныхъ дѣлей, для которыхъ иногда пользуются
ими члены земской управы. Вотъ что пишетъ, напримѣръ,
майоръ Мариновъ:

«Предсѣдатель земской управы Кириловъ принялъ на себя обязанность ру-
ководить сельскими выборами въ трехъ участкахъ уѣзда, именно: въ Ново-
Айдарскомъ, Осиновскомъ и Старобѣльскомъ. Въ Осиновскомъ г. Кириловъ
желалъ во что бы то ни стало провести въ гласные тамошняго торгова и на-
званнаго его выборщикомъ три раза въ гласные, а для болѣе успѣшнаго до-
стиженія своего желанія онъ прибѣгалъ къ различнымъ приѣмамъ, именно:
прежде всего черезъ поднатіе рукъ, потомъ, когда этотъ приѣмъ не удался,
онъ приказалъ толпѣ раздѣлиться направо и налево, тогда какъ явная его
обязанность заключалась лишь въ наблюденіи за правильностію выборовъ, но
отнюдь не въ командованіи массою выборщиковъ и не въ навязываніи имъ сво-
ихъ желанныхъ. По третьему предложенію г. Кирилова выбрать указанное имъ
лице, крестьяне съ негодованіемъ и шумомъ отвергли его кандидата. По по-
воду такихъ дѣйствій г. Кирилова поступили жалобы отъ крестьянъ къ на-
чальнику губерніи, а уѣздное земское собраніе, по моему предложенію, поста-
новило на будущее время на сельскихъ сѣздахъ производить выборы закры-
той баллотировкою».

Какъ-то даже не вѣрится, чтобы такіа штуки могъ продѣлы-
вать кандидатъ университета! А между тѣмъ, фактъ не подле-
житъ сомнѣнію: въ журналѣ земскаго собранія 2 сентября дѣй-
ствительно значится, что г. Мариновъ дѣлалъ заявленіе объ
опредѣленіи порядка баллотировки на сельскихъ избиратель-

ныхъ съѣздахъ, конечно, въ силу тѣхъ мотивовъ, которые онъ теперь сообщаетъ, и собраніе постановило: производить впредь баллотировку закрытою подачею голосовъ.

Въ другихъ случаяхъ, гдѣ желательно бы видѣть участіе земской управы въ дѣлахъ крестьянъ и гдѣ, по моему мнѣнію, самыя существенныя интересы земства даже обязываютъ его идти на помощь къ крестьянамъ со своимъ вліяніемъ и силою, управа блвтаеть своимъ отсутствіемъ. Г. Мариновъ рассказываетъ, напимѣръ, такой случай. По постановленію земскаго старобльскаго собранія, всѣмъ гласнымъ, которыхъ командировали, во время голодованія уѣзда, провѣрять имущество и запасы въ волостяхъ, нуждающихся въ хлѣбѣ крестьянъ, положено было выдавать суточнаго содержанія по три рубля. «Одинъ простой неграмотный гласный изъ крестьянъ Ново астраханской волости Иванъ Сарана, выполнившій подобное порученіе управы, отпѣлъ ей, что въ виду бѣдствія народа, въ которомъ онъ удостовѣрился, ни его сердце, ни совѣсть, не позволяютъ ему воспользоваться предлагаемымъ управой 3-хъ рублевымъ суточнымъ вознагражденіемъ за провѣрку двухъ обширныхъ волостей, отнявшихъ у него много времени, такъ какъ вознагражденіе это должно упадать на тѣхъ же немущихъ крестьянъ и поэтому онъ отказывается отъ него». «Здѣсь, присовокупляетъ майоръ Мариновъ:—я считаю необходимымъ добавить, что чѣмъ-то наитіемъ, вскорѣ послѣ описаннаго отвѣта, этотъ же самый гласный, весьма наглымъ образомъ, былъ подвергнутъ подь слѣдствіе, а потомъ и преданъ суду, будто бы за личное оскорбленіе волостного старшины на сельскомъ сходѣ, каковое оскорбленіе отрицаетъ и сельскій староста, и крестьянскій сходъ». Я, конечно, никакъ не могу согласиться съ майоромъ Мариновымъ, чтобы суточные деньги, выдаваемые гласнымъ, командруемымъ съ особымъ порученіемъ и на долгое время, были тратою неправильною, если только эти гласные—не члены управы: они тратятъ время, опускаютъ свои дѣла и должны быть вознаграждены. Вопросъ тутъ можетъ быть только развѣ о томъ или другомъ количествѣ суточныхъ денегъ. Точно также не согласенъ я и съ намекомъ г. Маринова о *наитіи*: подобный поступокъ былъ бы очень гнусенъ даже и для самыхъ темныхъ личностей въ земствѣ. Но если дѣло стойтъ такъ, какъ описываетъ его г. Мариновъ, если дѣйствительно и сельскій староста, и весь крестьянскій сходъ утверждаютъ, что гласный Сарана никакого оскорбленія волостному старшинѣ не наносилъ, то я не могу понять: какимъ образомъ земство могло оставить это дѣло безъ вниманія? Земство, конечно, не имѣетъ права вмѣшиваться непосредственно въ полицейскую и слѣдственную часть, но, разъ оно знаетъ, а оно можетъ и обязано знать, что полиція нарушила чьи-нибудь права изъ крестьянъ, а также привлекла кого-нибудь изъ нихъ къ слѣдствію несправедливо, оно имѣетъ возможность и должно довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго мѣстнаго

начальства и требовать восстановленія нарушеннаго права, а также переслѣдованія дѣла. Въ особенности оно должно быть внимательно и ревниво къ неправильнымъ дѣйствіямъ полиціи по отношенію къ гласнымъ. Неправильнымъ преслѣдованіемъ гласныхъ изъ крестьянъ полиція можетъ загнѣвать лучшихъ изъ крестьянъ, избираемыхъ въ гласные, и заставлять ихъ отказываться отъ службы въ земствѣ, черезъ это способствовать подбору гласныхъ себѣ подручныхъ, а черезъ нихъ вліять на то или другое рѣшеніе интересныхъ дѣлъ въ земскомъ собраніи. Но и помимо этихъ соображеній, для всякаго земскаго управленія не можетъ не быть оскорбительно, если его гласные будутъ подвергаться ни за что, ни про что преслѣдованіямъ полиціи, въ особенности такіе почтенные и рѣдкіе въ земствѣ гласные, какъ гласный Сарана.

Кстати я коснусь здѣсь и еще одного обстоятельства, которое касается практики не одного старобѣльскаго, а вообще земствъ, и которое показываетъ, какъ мало земства заботятся объ интересахъ крестьянства или, что—тоже, о своихъ собственныхъ. Мнѣ присланъ приговоръ государственныхъ крестьянъ Старобѣльскаго Уѣзда, Городищенской Волости, который былъ составленъ 28-го августа 1876 года и представленъ въ управленіе государственными имуществами. Въ приговорѣ этомъ крестьяне пишутъ, что, за отрѣзкою у нихъ земель, земли у нихъ стало мало и они каждыя годъ поставлены бывають въ необходимость брать въ аренду ихъ же бывшія земли у купцовъ, которые берутъ эти земли въ управленіи государственными имуществами за дешевую цѣну, съ нихъ же берутъ такую цѣну, что многіе изъ крестьянъ не въ состояніи заплатить даже и за нѣсколько десятинъ. Потому, крестьяне просятъ управленіе государственными имуществами отдать имъ въ аренду на шесть лѣтъ отрѣзанную у нихъ землю *за цѣну, какая будетъ существовать отъ правительства*. «Но крестьянамъ—такъ помѣчено на приговорѣ—было отказано, а одинъ промышленникъ взялъ 22,000 десятинъ по 28 копеекъ за десятину; впрочемъ, по сильному протесту крестьянъ—и имъ въ этомъ дѣлѣ помогли добрые люди—отъ промышленника землю взяли, а крестьянамъ все-таки недали». Признаюсь, во всемъ этомъ я ничего не понялъ и обратился за разъясненіемъ къ одному изъ знающихъ лицъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Но и онъ мнѣ всего разъяснить не могъ. Онъ сказалъ только, что крестьянамъ отказали въ просьбѣ потому, вѣроятно, что на шесть лѣтъ въ аренду отдавать земли можетъ только министерство государственныхъ имуществъ, а, можетъ быть, и потому, что управленіе государственными имуществами отдаетъ земли въ аренду не иначе, какъ съ торговъ. Затѣмъ: какими образомъ могли быть отданы 22,000 десятинъ промышленнику, какъ тутъ вышелъ протестъ крестьянъ, почему земля была взята у промышленника, почему не отдана крестьянамъ?—этого онъ объяс-

нить не могъ. «Это, говорить:—что-то смутное; тутъ надобны справки изъ мѣстныхъ дѣлъ, да и тамъ, пожалуй, не найдешь». Ну, такъ мы это и оставимъ, а будемъ говорить только о томъ, что болѣе ясно. По всей вѣроятности, очень часто и во многихъ мѣстахъ крестьянамъ отказывается въ арендѣ государственныхъ земель или потому, что они просятъ на болѣе долгій срокъ, чѣмъ могутъ дать управленія государственными имуществами, или потому, что просятъ такъ же, какъ въ вышеозначенномъ примѣрѣ: дескать, дадимъ цѣну всякую, какую казна положитъ. Управление же государственными имуществами не будетъ писать такъ, что, дескать, проси на меньшій срокъ, тогда дамъ, или что, дескать, безъ торговъ я не могу дать, а явись на торги, тогда и получишь землю, если дашь болѣе противъ другихъ цѣну: оно просто откажетъ. Изъ крестьянъ же самихъ кой кто, т. е. нѣкоторые кулаки и грамотники, знаютъ, что земли казенной безъ торговъ брать они не могутъ, пожалуй, и слѣдятъ за тѣмъ, когда будутъ торги. Цѣны же крестьянскія общества, конечно, ничего этого не знаютъ. Да, кромѣ того, сюда можетъ приходиться и еще одно весьма важное обстоятельство, которое можетъ крестьянамъ служить препятствіемъ къ снятію казенныхъ земель въ аренду, именно: какъ велики будутъ куски земли, нарѣзываемые управленіемъ государственными имуществами въ аренду? Если это будутъ площади въ 22,000 десятинъ и т. п., то нынѣ крестьянскія общества, и при полномъ вѣнаніи, какъ заполучить въ аренду казенную землю, явившись на торги, найдутъ для себя не подъ силу нарѣзанные участки, какъ по величинѣ ихъ, такъ и по требуемому за нихъ на торгахъ залогоу. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ причинъ бываетъ то, что на торги на отдаваемые въ аренду казенныя земли являются въ управленіе государственными имуществами не крестьяне-землепашцы, не крестьянскія общества, а промышленникъ-купецъ съ двумя или тремя подставными лицами, и комедія торга кончается тѣмъ, что десятина земли отдается за 28 копейекъ. Посмотримъ теперь, что выигрываетъ отъ такого порядка или, правильнѣе сказать, безпорядка отдачи государственныхъ земель казна? Я не знаю, какія стоятъ арендныя цѣны на землю въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ — будемъ говорить о немъ—но думаю не дешевле пяти рублей за десятину. Еслибы крестьяне торговались на землю, то, при существующихъ такъ предположенныхъ общихъ цѣнахъ за арендованную десятину, они выдавали бы на торгахъ навѣрно не менѣе двухъ рублей за десятину. Слѣдовательно, казна за 22,000 десятины получила бы 44,000 рублей. Да, сверхъ того, при большомъ количествѣ земли у крестьянина и при болѣе запашкѣ, навѣрное, недомки у крестьянъ уменьшились въ годъ, но крайней мѣрѣ, настолько же; слѣдовательно, казна получила бы minimum 88,000 руб. въ годъ. Теперь же дѣло стоитъ такимъ образомъ: промышленникъ за 22,000 десятины, по 28 коп. десятина, заплатитъ казѣ всего 6,360 р. Но какъ промышленникъ своего не упу-

стать и за каждую арендованную или десятину земли полностью выбрать ту арендную плату, какая существует в Старобельском Уезде по сдѣланному нами предположенію, т. е. по пяти рублей за десятину, то за 22,000 десятинъ онъ получитъ съ крестьянъ 110,000 р. Но, какъ получить?—Когда землю беретъ съ торговъ цѣло крестьянское общество, то, по разверсткѣ, каждый крестьянинъ получитъ себѣ изъ арендованной земли участокъ, соотвѣтствующій числу рабочихъ силъ въ его семействѣ, и, слѣдовательно, всѣ крестьяне относительно будутъ равно богаты, равно состоятельны передъ казною. Но у промышленника будутъ арендовать землю по частямъ крестьяне болѣе состоятельны и кулаки; для бѣдныхъ крестьянъ цѣна аренды будетъ недоступная—и недомка будетъ оставаться прежняя. Слѣдовательно, выгода казна отъ аренды ей промышленникомъ представится въ слѣдующемъ видѣ: + 6,360 р. аренды, — 103,640 р., взятыхъ промышленникомъ съ крестьянъ,—44,000 р. недомки, т. е., говоря другими словами, казна, отдавая земли промышленникамъ, теряетъ на 22,000 десятинахъ земли минимумъ 147,640 р. на поступившихъ въ нее денежныхъ суммахъ, которыя должны бы были поступить, и на уменьшеніи суммъ, долженствовавшихъ остаться въ карманѣ народа.

Несомѣнно, что управленіе государственными имуществами все это понимаетъ и крайне скорбитъ, что оно отдачею избранныхъ въ его распоряженіе арендныхъ земель приноситъ не прибыли, а очевидный убытокъ государству. Но оно не въ силахъ сдѣлать что нибудь другое: оно стѣснено разными формальностями, *volens poleus* должно отдавать оно пахатныя земли не тѣмъ лицамъ, которыя ихъ разрабатываютъ и доставляютъ дѣйствительную пользу государству, а разнымъ спекулянтамъ, аферистамъ, кулакамъ, вообще побѣдителямъ чужого труда. Вотъ тутъ-то земство имѣетъ не только право, но и обязанность, оказать помощь управленію государственными имуществами. Оно имѣетъ всегда возможность заблаговременно собрать свѣдѣнія какъ о томъ: какія крестьянскія общества желаютъ арендовать казенныя земли и въ какомъ количествѣ, такъ и о томъ: какія поземельные участки будутъ отдаваться управленіемъ государственными имуществами. Далѣе, оно можетъ войти въ соглашеніе съ управленіемъ государственными имуществами: на какіе участки въ томъ или другомъ мѣстѣ лучше разбить отдаваемые въ аренду казенныя земли, чтобы крестьянскія общества могли явиться конкурентами на торгахъ; въ случаѣ, еслибы у крестьянскихъ обществъ не оказалось требуемаго количества денегъ для залоговъ, земство можетъ сдѣлать имъ для этого ссуду; наконецъ, имѣя въ рукахъ приговоры крестьянскихъ обществъ объ арендованіи тѣхъ или другихъ крестьянскихъ обществъ, земство можетъ само, по порученію крестьянъ, чрезъ уполномоченныхъ имъ гласныхъ, являться на торги въ управленіе государственными имуществами и взятая такимъ образомъ съ торговъ земли отъ

давать крестьянамъ съ взиманіемъ даже небольшого процента въ пользу земства. Еслибы всѣ земства усердно и дружно взялись помогать крестьянскимъ обществамъ въ арендованіи казенныхъ земель, то, навѣрное, очень скоро исчезли бы арендаторы-спекулянты, которые причиняютъ арендованіемъ безысленный вредъ государству, отнимая у него громадный доходъ съ земель, который оно могло бы получить при отдачѣ земель крестьянамъ, эксплуатируя крестьянъ и истощая почву иногда собственной хищнической обработкой. А, съ исчезновеніемъ такихъ арендаторовъ, и управленіе государственными имуществами избавилось бы отъ той печальной необходимости, въ какую поставлено теперь—отдавать казенныя земли за ничтожную цѣну, въ очевидный ущербъ государства, спекулянтамъ, истощающимъ въ одно и то же время, и государство, и народъ, и почву, и отказывать въ ней крестьянскимъ обществамъ, дающимъ за аренды хороша цѣны, что, конечно, управленія государственными имуществами дѣлаютъ съ великимъ сокрушеніемъ сердца.

Обращусь теперь снова къ старобѣльсвой земской управѣ. Въ прошедшемъ моемъ обзорѣніи о старобѣльскомъ земствѣ я сообщилъ, между прочимъ, такую замѣтку г. Маринова, что «лучше было бы деньги 40,000 р., ассигнуемыя земствомъ на постройку прогимназія, въ которой, мимоходомъ будь сказано, учатся лишь дѣти привилегированныхъ лицъ, употребить на позанимствовавше бѣдствующихъ крестьянъ, а также на учительскія курсы, чтобы приготовить такихъ учителей въ школы, которые бы приготовили изъ крестьянскаго населенія соотвѣтственный процентъ учениковъ въ земскую прогимназію». Г. Кириловъ на это возражаетъ въ газетѣ «Харьковъ»: «Въ старобѣльской прогимназіи, содержимой на средства старобѣльскаго земства, съ пособіемъ отъ правительства, воспитывается: 46 дворянъ, 12 чиновниковъ, 82 духовнаго званія, 17 купеческаго, 12 мѣщанъ, 19 государственныхъ крестьянъ и 3 солдатскихъ дѣтей. Спрашивается: кому же придется въ голову, кромѣ, конечно, корреспондента «Староб. земст.», изъ приведенныхъ только-что статистическихъ данныхъ утверждать, что въ прогимназіи *учатся лишь дѣти привилегированныхъ лицъ?*». Мысль въ приведенной фразѣ г. Маринова дѣйствительно выражена не точно: вмѣсто *лишь*, ему надобно бы было сказать: главнымъ образомъ или почти только. Впрочемъ, неточность эта ясна каждому безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ. Нельзя же вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, основать земскую прогимназію, преимущественно на крестьянскія деньги, запретивъ туда пріемъ крестьянскихъ дѣтей и не нѣтъ ихъ, хотя бы только на показъ и изъ приличія, нѣсколько процентовъ, Г. Мариновъ пишетъ теперь, въ объясненіе своей неточности, что онъ только то и хотѣлъ сказать, что между плательщиками на содержаніе этого учебнаго заведенія не можетъ быть равномерно распредѣлена польза, получаемая отъ него, такъ какъ крестьянскаго сословія находится въ уѣздѣ 220 тысячъ, а привилегированныхъ не болѣе 10.000 душъ; воспитывающихся же

дѣтей изъ крестьянъ, самый незначительный процентъ, но сравненіи съ дѣтьми привилегированныхъ сословій, какъ это видно изъ приведенныхъ самимъ г. Кириловымъ цифръ. Далѣе, и г. Кириловъ говоритъ: «старобѣльскія прогимназія еще дорога старобѣльскому земству и тѣмъ, что она учреждена въ честь имени *имени царствующаго Государя Императора*». По существу, этотъ доводъ составляетъ такую аксіому, противъ которой нѣкто возражать не будетъ. Ибо, само собою разумѣется, что для каждаго вѣрноощающаго должно быть дорого все то, что освящено именемъ его монарха; но г. Кириловъ забываетъ, что для сердца монарха равно дороги всѣ учрежденія на пользу государства и народа. Именемъ государя украшаются не только прогимназіи, но и учительскія семинаріи, и даже низшія училища. Слѣдовательно, предполагая, что оказалось бы полезнымъ для общаго блага преобразовать существующую прогимназію въ учительскую семинарію, дорогое для земства имя могло остаться по прежнему украшеніемъ заведенія. Но главное: въ данномъ случаѣ г. Кириловъ обращается къ сказанному доводу и совсѣмъ безъ нужды. Майоръ Мариновъ не требуетъ вовсе уничтоженія прогимназіи, а говоритъ только, что не нужно было ассигновать 40,000 на постройку прогимназіи, что лучше было бы часть этихъ денегъ употребить на учрежденіе учительскихъ курсовъ для образованія такихъ учителей, которые могли бы поставятъ большій процентъ изъ крестьянскихъ дѣтей для мѣстной прогимназіи. Правда, когда становится въ принципѣ вопросъ о томъ: что лучше было имѣть, прогимназію или учительскую семинарію то г. Мариновъ, на томъ основаніи, что крестьянъ въ 20 разъ больше въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ, чѣмъ дворянъ, думаетъ, что было лучше завести учительскую семинарію, чѣмъ прогимназію. Впрочемъ, такъ думаетъ не одинъ Мариновъ, а и другіе и, какъ кажется, самъ г. Кириловъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ майоръ Мариновъ. И когда читаешь обличеніе, которое дѣлаетъ г. Мариновъ г. Кирилову, то, признаюсь, неволью получается впечатлѣніе; что майоръ Мариновъ не самъ дошелъ до той мысли, что на крестьянскія деньги гимназію строить не слѣдовало, а занялъ ее отъ г. Кирилова, часто громившаго подобную непроизводительную трату земскихъ денегъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ г. Мариновъ, обращаясь къ г. Кирилову:

«На вашу теперешнюю подслащенную соловьиною пѣсню о прогимназіи я отвѣчу слѣдующее: до порученія управою вамъ производства постройки зданія въ 40 тысячъ рублей, вы пѣли о прогимназіи пѣсню злобѣдлага ворона, говоря, не стѣсняясь въ присутствіи многихъ лицъ, что прогимназію слѣдуетъ закрыть, что она содержится по преимуществу крестьянами, а на ихъ карманы воспитываютъ дѣтей лицъ привилегированныхъ сословій, что такое положеніе прогимназіи неправильно и многое тому подобное; слѣдовательно, вы сами имѣли поползновеніе (до начатія вами постройки зданія) подвергнуть прогимназію пертурбаціи, забывая именно то важное условіе, почему еще прогимназію должно быть дорого Старобѣльскому земству; теперь только вы поняли такое ея значеніе, а оно съ самаго начала открытія ея существовало, такъ какъ про-

гимназіи именовалась Александровскою. Инокритическіе въ этомъ дѣлѣ стаетъ еще болѣе опредѣлительнымъ и яснимъ, еслии мы приведемъ на память тотъ періодъ, когда земское собраніе, ассигновавъ сумму на постройку гимназіи, поручило это дѣло особому комитету, и когда всѣ дѣйствія этого комитета ии, г. Кириловъ, подвергали различнымъ пертурбаціямъ и довели его до того, что члены его должны были отказаться отъ своего назначенія и комитетъ по постройкѣ зданія самъ собою закрылся; тогда дѣло это перешло въ ваши руки. Съ этого именно момента вы воспламенились горячею привязанностью къ прогимназіи, она вамъ сдѣлалась дорогою, и тутъ-то начались ваши тѣ мудрыя и предусмотрительныя распоряженія, по которымъ постоянный архитекторъ улетучился и замѣненъ временно-пріѣзжающимъ и стоящимъ земству, пожалуй, дороже постоянного, такъ какъ и наводра не можетъ быть за правильной кладкой стѣнъ и за другими сооружеиіями, устраиваемыми въ уѣздѣ, ни за качествомъ матеріала, употребляемаго въ каменное зданіе, а это все лежало на обязанности г. Садовскаго (бывшаго архитектора); по тѣмъ же распоряженіямъ, кромѣ васъ, никто изъ членовъ не вправѣ вмѣшиваться въ покупку строительнаго матеріала, а такое устраненіе прочихъ членовъ управы отъ участія въ дѣлѣ денежномъ едва ли можетъ быть согласовано съ заботой о сохраненіи чистоты своей репутаціи».

Не могу не замѣтить здѣсь, что г. Мариновъ очень недовѣрчиво смотритъ на г. Кирилова и во всѣхъ его дѣйствіяхъ хочетъ видѣть нѣчто предосудительное, умышенное. Я же думаю, многое, если не все, можетъ быть объяснено гораздо проще. Г. Кириловъ, по моему мнѣнію, человѣкъ очень ретивый, берется за все, во всемъ хочетъ быть самостоятельнымъ, но у него не хватаетъ для этого ни умѣнья, ни знанія каждаго того дѣла, за которое онъ берется, ни умѣнья выбирать себѣ способныхъ исполнителей, ни, наконецъ, даже рутинной осторожности и практичности, отличающей каждаго дѣльца. Оттого разныя дѣйствія его, въ существѣ дѣла, можетъ быть вовсе невинныя, для сторонняго человѣка принимаютъ какой-то криминальный отбѣнокъ. Возьмемъ, на примѣръ, хоть слѣдующій фактъ, передаваемый г. Мариновымъ. Губернская управа поручаетъ старобѣльскаго земской управѣ произвести торги на устройство по Старобѣльскому Уѣзду мостовъ и гатей. Г. Кириловъ доноситъ губернской управѣ, что желающіе принять означенный подрядъ не соглашаются на цѣну, опредѣленную сметнымъ исчисленіемъ, и требуютъ добавки 30% къ той цѣнѣ. Губернская управа командировуетъ своего члена въ уѣздъ, и этотъ послѣдній, безъ всякаго затрудненія, сдаетъ подрядъ безъ всякой надбавки. Вотъ фактъ, на первый взглядъ, незначительный, но, который, на самомъ дѣлѣ, говоритъ очень много. Подъ нимъ можетъ не быть никакой подкладки и можетъ предполагаться самая неблаговидная. Я стою за г. Кирилова и утверждаю, что этотъ фактъ есть фактъ совершенно невинный; что истинный дѣлецъ никогда не сдѣлалъ бы такого промаха; и тѣмъ не менѣе, я не могу не признать, что предсѣдатель управы, который въ своемъ уѣздѣ не можетъ отдать устройство мостовъ и гатей за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ временно пріѣхавшій туда изъ губерніи членъ управы, никакъ не удовлетворяетъ требованіямъ своего поста, что, впрочемъ, въ

данномъ случаѣ, можетъ зависѣть не отъ тѣхъ или другихъ способностей лица, занимающаго постъ, а отъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ. Г. Кириловъ, напримѣръ, обремененъ самыми разнообразными занятіями: онъ—городской голова, предсѣдатель губернской земской управы, строитель прогимназій, продовольствователь тюремнаго замка, пожарной команды и лошадей, поставщикъ дровъ воинскимъ командамъ. Это разнообразіе занатій разрываетъ его на части и не даетъ ни на чемъ серьезно сосредоточиться. Оттого онъ—нигдѣ не хозяинъ, нигдѣ не у себя. Въ этомъ, я полагаю—вся его бѣда.

Къ журналамъ старобѣльскаго земскаго собранія приложенъ протестъ гласнаго этого собранія, г. Морозова, противъ избранія гласнаго Кирилова въ должность предсѣдателя земской управы. Въ протестѣ этомъ говорится, что министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ, что «одновременное исполненіе двухъ должностей—члена управы—и городского головы (г. Кириловъ кромѣ того членъ училищнаго совѣта и губернской гласный)—рѣшительно невозможно, такъ какъ должность городского головы требуетъ безотлучнаго пребыванія въ городѣ, а другія должности, занимаемая Кириловымъ, требуютъ частыхъ отлучекъ изъ города, и что, при подобномъ порядкѣ вещей, не могутъ не страдать интересы земства и города; что, вслѣдствіе этого, г. министръ, съ разрѣшенія правительствующаго сената, распорядился объ увольненіи лица, изъ за котораго былъ возбужденъ вопросъ, отъ должности городского головы, такъ какъ онъ былъ избранъ членомъ управы прежде». Если, дѣйствительно, существуетъ такое распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, исполненіемъ котораго только и можетъ сколько-нибудь обезпечиваться успѣшное и законное теченіе дѣлъ и въ городскомъ, и земскомъ самоуправленіяхъ, то надобно удивляться не только тому, какъ земцы обходятъ это распоряженіе, но и почему его обходятъ, къ очевидному ущербу земскихъ интересовъ? Вѣдь, не нужно, кажется, употреблять никакихъ головоломныхъ ухищленій для того, чтобы понять, что, стѣбитъ только лицу, занимающему должность городского головы и предсѣдателя земской управы (я говорю здѣсь, конечно, не о г. Кириловѣ лично, а о всякомъ лицѣ, которое совмѣщаетъ эти должности). быть обремененнымъ еще властію исправника, чтобы Старобѣльскъ съ своимъ уѣдомъ превратился въ старинное воеводство и управленіе въ немъ сдѣлалось ничуть не лучше, чѣмъ, по сказанію г. Щедрина, было въ Голодномъ Городѣ во время управленія послѣдняго бригадиромъ Петромъ Петровичемъ Одыршинкой.

Объ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ сѣверныхъ земствъ, очень бѣдномъ, намъ сообщаютъ слѣдующее курьезное извѣстіе:

«Члены нашей управы, пишетъ корреспондентъ:—растратили, какъ извѣстно изъ газетъ, земскихъ денегъ около трехъ тысячъ рублей, за что и преданы суду съ устраненіемъ отъ должностей; одинъ изъ членовъ сознался въ растратѣ; предсѣдатель же

управы, на долю котораго приходится около 2,000 руб., не признается и говоритъ, что деньги *ушли съ дыру*, которую онъ открылъ въ ящикѣ стола, гдѣ хранились земскіе деньги». Фактъ этотъ должны принять къ свѣдѣнію все земства и прилагать тщательную заботливость къ своевременному устраненію дыръ, въ которыя могутъ утекать земскіе деньги.

На дняхъ намъ прислана книга, подъ заглавіемъ: «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», составленная г. А. Голубевымъ. Въ предисловіи, г. Голубевъ говоритъ, что «чистый сборъ отъ продажи изданія будетъ переданъ сестрѣ Н. А. Некрасова, Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, для лучшаго устройства находящейся на мѣстѣ родины поэта сельской школы, которая пользовалась особеннымъ вниманіемъ и попеченіемъ поэта». Въ книгѣ слѣдующіе отдѣлы: I) Биографія; II) Критическій обзоръ произведеній Некрасова въ связи съ тѣми отзывами, которые уже даны критикою; III) Стихотворенія, посвященныя памяти поэта (изъ газетъ и журналовъ); IV) Сводъ журнальныхъ и газетныхъ статей о Некрасовѣ съ 1840 года, составленный С. И. Пономаревымъ (изъ «Отч. Зап.»). — Самый главный отдѣлъ въ книгѣ, критическій обзоръ произведеній Некрасова, занимаетъ 22—115 страницъ. Составленъ онъ добросовѣстно, но рукою въ дѣлѣ критики недостаточно опытною. При книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Портретъ снятъ до болѣзни поэта, очень похожъ, и, по нашему мнѣнію, одинъ изъ лучшихъ его портретовъ.

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

I.

Письмо къ профессору Цитовичу

Милостивый государь!

Къ вамъ, патентованному жрецу науки, раздающему ея великія и богатія милости одесскому юношеству, осмѣливается обратиться съ открытымъ письмомъ человекъ, не имѣющій ни малѣйшихъ претензій на титулъ представителя науки, но глубоко уважающій науку и искренно желающій уважать ея представителей. Другими словами, я горячо желаю бы, чтобы представители науки были достойны уваженія, если не въ такой же мѣрѣ, какъ сама безплотная и, слѣдовательно, безгрѣшная наука, то насколько это возможно для смертныхъ.

Вы понимаете, что можно уважать науку, благоговѣть передъ нею и въ то же время не уважать, даже презирать тѣхъ или другихъ ея представителей, потому что наука и ея представители, это — двѣ вещи разныя. Не восходя къ Везону, который—признавая его заслуги передъ лицомъ науки — былъ негодай, предатель и воръ, вы, безъ сомнѣнія, даже среди ближайшихъ своихъ товарищей по новороссійскому предѣлу храма науки найдете не одного патентованнаго ученаго, которому должны будете отказывать въ своемъ уваженіи. Мало того, положи руку на сердце, вы должны, я думаю, признать, что огромное большинство патентованныхъ представителей русской науки только при значительномъ безстыдствѣ можете заявлять претензіи на уваженіе къ себѣ. Исключенія, конечно, есть, но, говоря вообще, за чтѣ въ самомъ дѣлѣ станемъ мы, уважающіе науку, уважать ваше словіе? Помните, милостивый государь, у Гёте великолѣпное, по простотѣ и силѣ упрека, обращеніе Прометея къ Зевесу:

Ich dich' ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängsteten?

Вспоминая то время, когда «легковѣренъ и молодъ я былъ», когда, «духовной жаждою томимъ», я прибѣгалъ еще къ кладезю оффиціальной и, разумеется, преимущественно русской науки, я всегда вспоминаю и чудныя слова Прометея. Въ кладезѣ, убѣряю васъ, вода была очень плохая, а часто ея и вовсе не было, и трескавшіяся отъ жара губы, и высохшій языкъ сплошь и рядомъ не освѣжались ни единой каплей божественной влаги, несмотря на проливной дождь лекцій и книгъ. Грѣшно, впрочемъ, сказать, чтобы русскіе ученые производили черезчуръ много книгъ. Чѣмъ другимъ, а этимъ они не грѣшны. Какъ бы то ни было, но жажда не утолялась, и если вы представите мнѣ казенное возраженіе, что не дѣло науки—утолять горести des Beladenen и утирать слезы des Geängsteten, я вамъ укажу именно на эту жажду. Не вижу надобности бесѣдовать именно съ вами объ обязанностяхъ и роли науки вообще, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что «духовную жажду» представители науки удовлетворять обязаны. Исполняютъ ли они эту свою обязанность? Вы, можетъ быть, скажете: да. Я навѣрное скажу: нѣтъ. Вы опять повторите свое утвержденіе, я повторю свое отричаніе и, такъ далѣе, до бесконечности. Есть, однако, объективные, наблюдаемъ каждому доступные факты, которые могутъ, кажется, положить конецъ этой сказкѣ про благо быка.

Думали ли вы когда нибудь, милостивый государь, объ томъ, что мы, журналисты, можемъ обратиться къ вашему сословію съ заключительными словами Прометея:

Hier sitz' ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Zu leiden, zu weinen,

Zu genießen und zu freuen sich,
Und dein nicht zu achten,
Wie ich!

Да, здѣсь, на этихъ страницахъ, мы создаемъ людей по образу своему, людей, намъ подобныхъ, страдающихъ, плачущихъ, наслаждающихся, радущихся и васъ не уважающихъ, какъ мы. Я очень хорошо знаю, что по послѣднему пункту вы платите намъ подобной же монетой, только другого чекана, и склонны презирать нашего брата, какъ людей, болѣе или менѣе даровитыхъ, но легкомысленныхъ и идущихъ въ походъ съ недостаточнымъ багажемъ. Не вы лично, конечно—васъ я не имѣю чести знать. Вы лично представляетесь мнѣ чѣмъ-то въ родѣ милорда Георга англійскаго, объ которомъ мнѣ извѣстно только, что онъ — герой дубочной сказки, никогда, однако не попадавшей мнѣ въ руки. Относительно васъ мнѣ извѣстно только, что вы недавно опубликовали обвинительный актъ противъ своего товарища, профессора Посникова, первоначально въ «Запискахъ новороссійскаго университета», а затѣмъ и отдѣльной брошюрой. Припоминаю еще, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ Харьковѣ былъ изданъ переводъ одного сочиненія Бана, слѣдланый нѣкимъ Цитовичемъ, но вамъ ли принадлежитъ этотъ изъ рукъ вонъ плохой переводъ—не знаю. Охотно вѣрю, что ваши подвиги въ области науки не уступаютъ ни количествомъ, ни качествомъ тѣмъ подвигамъ, которые, по всей вѣроятности, совершаетъ въ дубочной сказкѣ милордъ Георгъ англійскій, но ни тѣ, ни другіе мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, догадываюсь, что вамъ приличествуетъ титулъ не менѣе громкій, звучный и важный, чѣмъ милорду Георгу англійскому.

Итакъ, милордъ, оставляя васъ лично въ сторонѣ, я говорю, что ваше сословіе склонно нѣсколько презирать нашего брата. Законно или незаконно это презрѣніе, но оно не иѣшаетъ существовать тому несомнѣнному факту, что люди, духовной жаждой томимые, прибѣгаютъ къ намъ, а не къ вамъ. Надѣюсь, вы не можете отрицать этотъ общезвѣстный фактъ, но не знавъ, вдумываясь ли вы въ его причины и слѣдствія и во все его значеніе. Казалось бы, кому, какъ не вамъ, носящимъ мушкетръ и вооруженіе науки, быть руководителями духовной жаждою томимыхъ? Кому, какъ не вамъ, занимать умы и сердца и призывая къ себѣ вниманіе всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ правды, всѣхъ трудящихся надъ разрѣшеніемъ многообразныхъ задачъ жизни, всѣхъ, обремененныхъ ея вопросами? И однако, этого нѣтъ. Конечно, положеніе, занимаемое русскою наукою, вытекаетъ изъ общаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, но, за всѣмъ тѣмъ исторія заправской, академической, школьной, патентованной русской науки не имѣетъ ничего общаго съ исторіей русскаго общества. Наоборотъ, съ послѣднею самымъ тѣснымъ образомъ связана исторія русской журналистики. Будущій

историкъ нашего времени, боюсь, не помянетъ ни единымъ, ни добрымъ, ни худымъ словомъ, какъ васъ лично, такъ и огромное большинство вашихъ собратьевъ, но навѣрное не обойдетъ журналистики. Точно также и нынѣ, мы имѣемъ своихъ не личныхъ друзей и враговъ, а вы ихъ не имѣете. Мы создаемъ людей по образу и подобию своему, а вы—нѣтъ. Васъ читаютъ для поученія, васъ слушаютъ для окончанія курса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Харьковѣ защищала диссертацию на степень магистра или доктора молодой ученый, нынѣ благополучно профессорствующій на кафедрѣ одного изъ многочисленныхъ «справъ». Диссертация была весьма плоха, и одинъ изъ оппонентовъ (кажется, даже официальныхъ) замѣтилъ, между прочимъ, что, дескать, литература и безъ того уже постоянно непреважаетъ университетъ пропускомъ и увѣнчаніемъ плохихъ диссертаций. На это молодой, но уже достаточно наглый ученый возразилъ: «Мнѣ. Иванъ Ивановичъ (или какъ тамъ), вашей почетной коллегіи мнѣнне дорого, а до литературы»... И молодой, но уже достаточно наглый ученый махнулъ рукой въ знакъ полного презрѣнія къ литературѣ. Слова эти не прошли однако даромъ диспутанту: онъ былъ немедленно опиканъ публикой. Это натурально. Среди публики, по всей вѣроятности, было не мало людей, чья нравственная и умственная физіономія слагалась или сложилась подъ вліяніемъ литературы, но навѣрное не было ни одного, испитавшаго на себѣ хотя бы въ приближенительно равной мѣрѣ вліяніе академической науки.

Все это къ тому, милордъ Георгъ, что представители русской науки, очевидно, не исполняютъ своихъ прямыхъ обязанностей, если томимые духовной жаждой устремляются къ другимъ источникамъ. Вы можете скорбѣть объ этомъ (я искренно готовъ раздѣлить вашу скорбь), но фактъ остается фактомъ, и наша скорбь не шелохнетъ его. А скорбѣть есть о чемъ. Пожалуйста, не думайте, что вы имѣете дѣло съ пламеннымъ патриотомъ своего профессиональнаго отечества, который, видя сучекъ въ глазу дальняго своего, не видитъ бревна въ глазу ближняго. У меня ближнихъ въ литературѣ, къ большому моему горю, мало. Я очень хорошо знаю, чего не достаетъ большинству моихъ собратьевъ по профессіи и до какихъ страшныхъ размѣровъ доходитъ этотъ минусъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ журналистики. Но теперь не объ нихъ рѣчь, и если они не хороши, то тѣмъ паче не хороши вы, имѣющіе возможность властно, въ силу науки, вмѣшаться въ наши отношенія къ обществу и все таки не могущіе, не желающіе или не умѣющіе вмѣшаться. Да, въ журналистикѣ можно наткнуться на страшную дикость и невѣжество. Но чего же вы смотрите? Почему мечъ науки ржавѣетъ въ вашихъ ножнахъ и не разить кого слѣдуетъ?

Если вы уважаете мнѣ кое какихъ представителей академической науки, часто фигурирующихъ на страницахъ журналовъ и газетъ, то я вамъ слажу... Я не хочу никого обижать, но согла-

свитеся сами, что О. Э. Миллеръ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ его ума и особенно сердца, есть мизантропъ; почти такой же маленький, безпомощный и неуспѣшный мизантропъ, какъ какой нибудь г. Гайдебуровъ. Пожалуй, вы можете указать даже настоящихъ людей даже изъ среды академической науки — профессоровъ, подвизающихся на поприщѣ городского самоуправленія, обрусенія окраинъ, финансовыхъ предпріятій и проч. А одинъ изъ этой «стаи славной» даже устроилъ финансы освобожденной Болгаріи. Но дѣянія этихъ профессоровъ-дѣльцовъ давно уже ждутъ своего лѣтописца, и, можетъ быть, я вскорѣ осмѣлюсь отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ публики ихъ дѣятельность¹. Ими, во всякомъ случаѣ, русской наукѣ гордиться не приходится, и ужь, конечно, не къ нимъ прибѣгнуть живой душа, ищущая отвѣтовъ на вопросы жизни.

И такъ, милордъ, допуская даже полную законность презрѣнія ученыхъ людей къ нашему брату, журналисту, мы этимъ весьма мало возвеличимъ ваше сословіе. Напротивъ, если мы, не навѣвшие къ строго научной работѣ, страдаемъ по части логики и знаній, то тѣмъ обязательнѣе было бы для людей ученыхъ вырвать у насъ ту живую жатву, которую мы пожинаемъ передъ самимъ, такъ сказать, вашимъ носомъ. Недавно русские ученые всполошились было по поводу спиритическаго ѣснованія и раздѣлились на два лагеря, мужественно ломавшие другъ съ другомъ копыя. И за то, конечно, спасибо, но замѣтите, что, кромѣ небольшой сравнительно кучки ѣсноватыхъ, преимущественно аристократическихъ, вопросъ мало кого интересовалъ, да и то вѣдь не былъ приведенъ къ благополучному концу: гг. Бутлеровъ, Вагнеръ остались при своемъ, а гг. Менделѣевъ, Шиллеревскій — при своемъ. Что же касается болѣе сильныхъ, глубокихъ и свѣжихъ теченій нашей общественной жизни, то, чтобы не трогать настоящей минуты, потрудитесь припомнить, напримеръ, наши увлеченія временемъ Писарева. Кто удовлетворялъ тогда духовную жажду живыхъ душъ? Талантливый молодой человекъ, почти мальчикъ, историко-филологъ по образованію, промѣнявшій свою спеціальность на журнальную дѣятельность, литературную критику и пропаганду — популяризацию естествознанія, самъ набравшійся знаній среди журнальной работы. За нимъ или другіе, помельче. Сдѣлало ли ваше сословіе хоть что-нибудь для усиленія или предотвращенія этого увлеченія, вообще какого бы то ни было регулированія его въ какомъ бы то ни было смыслѣ, положительномъ, или отрицательномъ? Ровно ничего. Мы должны были выкарабкиваться собственными силами, безъ малѣйшей помощи ученыхъ людей, лезть себѣ на ихъ глазахъ шею, падать и опять карабкаться. Слѣдовательно,

¹ Прошу людей, интересующихся дѣломъ, доставлять мнѣ соотвѣтственные матеріалы и свѣдѣнія.

Ich dich ehren? Wofür?

Можетъ быть, вы скажете, что представители русской науки наѣвно уединяютъ себя отъ тревоженій текущей жизни, дабы спокойно, въ тиши своихъ кабинетовъ, предаваться разработкѣ чистой науки, предоставляя всѣмъ и каждому замствовать у нихъ что кому нужно. Плохая это доктрина, милордъ, плохая и въ нравственномъ, и въ логическомъ смыслѣ. Но если она очень даже превосходна, то гдѣ же плоды вашихъ уединенныхъ трудовъ? Простите откровенность бѣднаго чловека, но я ихъ не вижу, за весьма малыми исключеніями. Правда, иногда говорятъ о «молодой неокрѣпшей русской наукѣ», съ которой, дескать, нельзя много требовать. Надѣюсь, вы понимаете однако, что это—чистый вздоръ. Еслибы русская наука росла на необитаемомъ островѣ, отъ вѣка отрѣзанномъ отъ цѣлага мѣра, тогда, можетъ быть, она имѣла бы право на мало почетный титулъ молодой и неокрѣпшей. Но русская наука можетъ, а слѣдовательно и должна быть богата всѣмъ громаднымъ богатствомъ европейской науки. Если не только, какъ говорятъ нѣмцы, erschuetzende изслѣдованія и открытія, но и второстепенныя и первостепенныя научныя работы, имѣющія, однако, известное значеніе, производятся европейцами, а не русскими, то въ этомъ виноваты личныя свойства членовъ вашего сословія, а совсѣмъ не фантастическая молодость русской науки. И, конечно, эти личныя свойства—не въ тѣхъ, которыя способны возбуждать уваженіе къ ихъ обладателямъ. Это, въ лучшемъ случаѣ, дѣль и чисто формальное, безучастное отношеніе къ своему дѣлу. Забудьте: въ лучшемъ случаѣ. Можетъ быть и гораздо хуже. Представители науки могутъ отклоняться отъ своего прямого дѣла въ сторону банковыхъ и биржевыхъ операций, интригъ, взаимныхъ подсиживаній и разной другой мерзости.

Впрочемъ, милордъ, если я готовъ выдать вамъ головой подавляющее большинство своихъ собратьевъ по профессіи, то и вы, кажется, не станете защищать своихъ товарищей quand-même. По крайней мѣрѣ, относительно своего ближайшаго товарища, профессора новороссійскаго же университета Посникова, вы являетесь образчикъ, повидямому, полнѣйшаго въ этомъ отношеніи безпристрастія въ статьѣ-брошюрѣ «Новые приемы защиты обидливаго землевладѣнія». Это-то безпристрастіе и служитъ ближайшимъ поводомъ настоящаго моего письма къ вамъ.

Позвольте прежде всего сдѣлать одно замѣчаніе: вы не остроумны, очень неостроумны. Въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды—не всѣмъ же быть остроумнымъ; остроуміе есть очень пріятный пріятный соусъ, безъ котораго можно, однако, обойтись, если только есть что подавать подъ этимъ соусомъ. Но ваша бѣда состоитъ въ томъ, что вы, при природномъ недостаткѣ остроумія, за который вы ни передъ кѣмъ не отвѣтственны, пытаетесь острить. Лучше бы вамъ предоставить остроуміе и иронію другимъ. Это—совѣтъ... дружескій совѣтъ, сказалъ бы я, еслибы не

зналъ, что вы такъ же мало склонны принять мою дружбу, какъ я ее предложить вамъ. Вѣрнѣе, поэтому, будетъ сказать, что я просто, въ качествѣ читателя, не лишняго и втораго эстетическаго вкуса, рекомендую вамъ воздержаться отъ приѣмовъ изложенія, вамъ не свойственныхъ.

Впрочемъ, если хорошее наложеніе — хорошо, а дурное — дурно, то это, все-таки — вопросъ второстепенный. Будемъ смотрѣть въ корень вещей.

Странное впечатлѣніе производитъ ваша критика сочиненія г. Посникова. Уже то странно или, по крайней мѣрѣ, неприлично, что одинъ ученый критикуетъ другого ученаго съ такою язвительностью и озлобленіемъ. Мы привыкли совсѣмъ къ инымъ отношеніямъ въ средѣ ученыхъ людей. Изрѣдка, и то въ видѣ болѣе или менѣе темныхъ слуховъ, доносятся до насъ свѣдѣнія объ интригахъ и взаимныхъ подсиживаніяхъ, практикуемыхъ священнослужителями одного и того же прѣдѣла храма науки. Но снаружи все чинно, все тишь, гладь и божья благодать; все взаимныя и любезнѣйшія производства въ самъ магистра и доктора. Публика даже совсѣмъ привыкла къ той мысли, что вы другъ друга покрываете, что среди васъ одинъ великодушнѣе другого, и другой великодушнѣе одного. И вдругъ такое страстное безпристрастіе! А страстное безпристрастіе и само по себѣ — любопытная вещь.

Профессоръ новороссійскаго университета получаетъ степень доктора за защиту диссертациі «Общинное землевладѣніе». Защита (правда, не въ Одессѣ) проходитъ блистательно, до рѣдкости блистательно. А между тѣмъ, въ «Запискахъ новороссійскаго университета» подымается злѣйшая критика диссертациі, клонящаяся къ совершенному разгромленію только-что увѣнчаннаго труда. Критику эту пишете вы, товарищъ г. Посникова, вѣроятно, очень часто сталкивающийся съ нимъ въ коридорахъ и аудиторияхъ университета. Лежащая передо мною брошюра помѣчена извѣстною надписью: «Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ Н. А. Головкинскій». Чтò за удивительное, благороднѣйшее безпристрастіе! Но ваше личное безпристрастіе идетъ еще далѣе. Вы торопитесь забыть: «Авторъ настоящей статьи напередъ протестуетъ противъ зачисленія его въ ряды сторонниковъ или противниковъ общиннаго землевладѣнія; говоритъ въ извѣстномъ вопросѣ за или противъ того, чтò говорятъ другіе, еще не значить говорить за или противъ самого предмета вопроса». И вы остаетесь вѣрны этому заявленію: оставляете «предметъ вопроса» совершенно въ сторонѣ и на протяженіи трехъ слишкомъ печатныхъ листовъ только шипуете г. Посникова. Опять-таки удивительное и благороднѣйшее безпристрастіе. Столь удивительное и благороднѣйшее, что намъ, простымъ смертнымъ, и не понять его. Мы можемъ, въ своей неученой слѣпотѣ, даже заподозрить благородство такого безпристрастія. Намъ можетъ придти въ

голову такое соображеніе: какъ это такъ на дѣлѣхъ трехъ печатныхъ листахъ держать «предметъ вопроса» подъ спудомъ и все свое остроуміе, и всю свою ученость направлять на личность автора разбираемаго сочиненія? до чего нужно изломаться и извратить въ себѣ самыя простыя требованія приличія и здраваго смысла, чтобы благополучно совершить такой фокусъ? Много говорятъ о неблаговидности полемическихъ приемовъ, часто практикуемыхъ журналистами, и говорятъ иногда совершенно справедливо, но ничего подобнаго вашимъ приемамъ я не помню. Бываетъ такъ, что иной газетчикъ, вмѣсто разговора о «предметѣ вопроса», наговоритъ сплетень, наберетъ нападокъ на шрифтъ и опечатки и т. п.—но не на трехъ же печатныхъ листахъ! Если къ этому объему статьи прибавить придирчивость, съ которою вы дѣплетесь даже за отдѣльныя фразы и слова г. Посникова, язвительность, съ которою стараетесь острить на его счетъ, и старательность, съ которою вы провѣряли его цитаты—то получится въ высшей степени страстное безпристрастіе, весьма рѣдко встрѣчающееся въ природѣ. Чтò же такъ задѣло васъ? Очевидно, не «предметъ вопроса», потому что въ такомъ случаѣ вы не обнаружили бы такой холодности къ нему и не ухитрились бы промолчать объ немъ, вертась около него столько времени. Задѣли васъ, надо думать, высшіе, общіе интересы науки и ея достоинство, поруганное г. Посниковымъ.

О, безъ сомнѣнія такъ! Вы—поклонникъ чистой, дѣвственной науки и не могли стерпѣть оскорбленія, нанесеннаго этой прекрасной дѣвѣ г. Посниковымъ. Оскорбленіе кровное, ибо, если вѣрить вамъ, г. Посниковъ: а) не понимаетъ смысла вопроса и не знаетъ его литературы, а желаетъ лишь сочувствовать вопросу; б) научно незнакомъ съ политической экономіей, а между тѣмъ взялся рѣшать вопросъ въ экономическомъ смыслѣ. Но этого мало. Васъ въ особенности возмущаютъ тѣ «приемы, при помощи которыхъ авторъ успѣлъ составить свое «общинное землевладѣніе» въ двухъ выпускахъ (около 25 печатныхъ листовъ), не вложивши туда никакой мысли, никакого серьезнаго содержанія. И, при всемъ томъ, онъ сумѣлъ придать своему произведенію такой внѣшній видъ, что оно можетъ вводить въ заблужденіе даже такихъ серьезныхъ людей, какъ напр. профес. Кавелинъ или князь Васильчиковъ». Эти коварные приемы состоятъ, по вашему объясненію, въ пользованіи неавторитетными источниками, въ заимствованіи цитатъ изъ вторыхъ рукъ и въ умолчаніи о такомъ заимствованіи. Таково резюме вашей ученой критики.

Замѣчу мимоходомъ, что, несмотря на весь свой ученый апломбъ, граничащій даже съ наглостью, вы немножко отстали. Вы еще считаете князя Васильчикова «серьезнымъ» человекомъ и признаете за нимъ авторитетъ, тогда какъ гг. Герье и Черныи соединенными силами доказали, что это—ничтожѣйшій изъ писателей, ничего ни въ чемъ не смыслищій. Обработали

они бѣднаго князя даже много старательнѣе и азвительнѣе чѣмъ вы г. Посникова. Это вамъ—урокъ, милордъ: не лейте изъ колодца, наплевать придется, и, для пущей ученой важности, не ссылайтесь ни на одного, еще неполнѣ признанный авторитетъ.

Какъ бы то ни было, но обвиненія, выдѣвленные вами противъ г. Посникова, очень тяжелы. Принимая въ соображеніе вашу алломбъ и очевидную старательность, съ которою вы рылись въ книжкахъ для уличенія г. Посникова въ неправильныхъ цитатахъ, вамъ, можетъ быть, повѣрять. Я бы и самъ, чего добраго, повѣрилъ, еслибы мнѣ не пришла въ голову слѣдующая свѣтлическая мысль. Вы уличаете г. Посникова, между прочимъ, въ томъ, что онъ «не понимаетъ смысла вопроса», и въ то же время сознательно, намѣренно оставляете «предметъ вопроса» подъ спудомъ. Тутъ что-нибудь да не такъ, подумалъ я въ своей неученой слѣпотѣ и сталъ попристательнѣе перечитывать вашу обвинительный актъ, слыхая его мѣстами съ данными судебного слѣдствія, то есть съ указываемыми вами страницами труда г. Посникова. Результатъ получился совершенно неожиданный и, прямо сказать, для васъ, милордъ Георгъ англійскій, герой лубочной сказки, не лестный.

Значительную долю своего остроумія (еслибы вы только могли догадываться, до какой степени обдѣлила васъ природа даромъ остроумія!) вы тратите на уличеніе своей жертвы въ пользованіи десятку нѣмецкими брошюрами таксаторско-межевого содержанія. Вы придаете этому обстоятельству громадную важность. Вы перечислите всѣ эти брошюры, рассказываете ихъ содержаніе, рассказываете какъ и гдѣ онѣ продаются и покупаются, кто ихъ писалъ и почему писалъ.

Вполнѣ презирая десятокъ несчастныхъ брошюръ, вы, однако, не безъ самодовольства замѣчаете, что, дескать, «сдва ли кто въ Россіи, кромѣ насъ съ г. Посниковымъ, окажется счастливымъ обладателемъ этихъ летучихъ произведеній по таксаторско-межевой части». Изъ-за чего же столько усердія, азвительности и ярости? Изъ-за того, что г. Посниковъ заимствуетъ слѣдствія изъ несчастныхъ брошюръ разныхъ нѣмецкихъ «совѣтниковъ» Кнауца, Браунварта, Лѣбе, Шенка и проч. Такое преступленіе! Но оно отягчается еще тѣмъ, что, если вамъ вѣрять, г. Посниковъ негласно производитъ почтенныхъ нѣмецкихъ совѣтниковъ въ самъ научныхъ авторитетовъ по предмету политической экономіи, приписывая имъ при этомъ защиту общиннаго землевладѣнія, и вдобавокъ обращаетъ ихъ, выдаетъ ихъ мысли и слова за свои собственные. Да, если вамъ вѣрять, то г. Посниковъ поступаетъ до послѣдней степени неблаговидно. Только по одному пункту нѣмецкихъ совѣтниковъ онъ оказывается фальсификаторомъ, своего рода фальшивымъ монетчикомъ и злостнымъ эксплуататоромъ чужихъ трудовъ. А кромѣ того, онъ вѣдь еще уличается въ совершенномъ невѣжествѣ, нагло выдаваемомъ за об-

ладаніе истиной! Нуженъ ли лучший образецъ патентованнаго ученаго, безусловно недостойнаго уваженія? Да, если вамъ вѣрять. Но я, признаться сказать, не повѣрилъ: необыкновенная страстность вашего безпристрастія слишкомъ подозрительна.

Замѣтите, милордъ, что, испещряя свою критику ссылками на страницы труда г. Посникова и тѣмъ являя видъ чрезвычайной точности, вы, однако, не говорите точнымъ образомъ, гдѣ именно жертва вашего убійственнаго остроумія и эрудиціи выдаетъ Браунварта, Лебе и проч. за авторитеты по предмету политической экономіи, и именно за авторитеты, защищающіе общинное землевладѣніе. Не потому вы этого не дѣлаете, что не хотите — вы бы, очевидно рады были г. Посникова въ порошокъ стереть — а потому, что не можете. Дѣло просто въ томъ, что, говоря о системахъ межеванія, г. Посниковъ цитируетъ «произведенія по таксаторско-межевой части». Иныхъ, достопочтенный герой лубочной сказки, онъ и не могъ, кажется, въ настоящемъ случаѣ, цитировать. Что же касается заимствованій у Браунварта, Вильгельми и проч., заимствованій, сдѣланныхъ будто бы чрезвычайно хитро и скрытно отъ читателей, то они состоятъ въ объясненіи плановъ, совершенно откровенно взятыхъ у Браунварта и проч. Полагаю, что, если бы г. Посниковъ взялъ у Браунварта планъ, а объясненіе къ нему написалъ бы самъ, то отъ этого наука выиграла бы весьма мало.

Въ качествѣ профана, милордъ, я не могъ бы огорчаться поведеніемъ г. Посникова относительно цитатъ даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ ваши обвиненія были безусловно справедливы. Съ нашей профанской точки зрѣнія, неособенно важно: заимствуетъ ли писатель свѣдѣнія изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ, если только онъ достаточно увѣренъ въ подлинности свѣдѣній. Но, полагаю, и съ профанской, и съ ученой, и со всякой другой точки зрѣнія, напримѣръ, стр. 39-я вашей критики совершенно валишня. На этой страницѣ (на пѣлой страницѣ!) вы доказываете, что г. Посниковъ не знаетъ подлиннаго сочиненія Waolrich'a, которое цитуетъ, и знакомъ съ нимъ только по книжкѣ Мацдонелли. Вы съ обычнымъ тонкимъ остроуміемъ замѣчаете при этомъ, что о книжкѣ Мацдонелли «едва ли кто знаетъ въ Россіи, кромѣ насъ съ г. Посниковымъ и еще одного третьяго, которому здѣсь и приносится искренная благодарность за указаніе». Но зачѣмъ же вы тратите столько проміи, эрудиціи и намековъ тонкихъ на то, чего не вѣдаетъ никто, когда г. Посниковъ прямо указываетъ источникъ, откуда онъ взялъ эту цитату? Никакой «однѣй третій» не выведетъ васъ, я полагаю, изъ того комическаго положенія, въ которое вы становитесь, пространно уличая человѣка въ томъ, что онъ и не думаетъ скрывать. Одинъ четвертый, прочитавъ вашу стр. 39, спросилъ: «зачѣмъ это Цитовичъ такъ бѣшено стучится въ отворенную дверь?» А одинъ пятый выразился по этому поводу на счетъ вашего лордства съ такою рѣзкостью, что я не посмѣю оскор-

бить вашу слухъ его словами. Онъ васъ... Онъ васъ очень похвалилъ; не могу и я, къ сожалѣнiю, похвалить...

Такъ какъ я пишу вамъ откровенное письмо, а далеко не всѣмъ читателямъ извѣстна ваша митральза, то позвольте мнѣ привести хоть одинъ образчикъ вашихъ учено-сатирическихъ выстрѣловъ. На стр. 35 вы пишете: «Бралось (г. Посниковымъ) все, что попадалось подъ руки и на глаза. Подвернулось «Обычное Право» профессора Пахмана — «крайне интересный трудъ» — въ цитату его 106); попался «Опытъ профессора Янсона» — превосходное изслѣдованiе» — въ плѣтъ его 107); довлѣлъ «Московского Общества» сельскаго хозяйства и по давню пригоденъ — въ цитату и его 108), хотя «идиллическiй» 109) вопросъ о хуторахъ собственно внѣ сферы общиннаго землевладѣнiя; встрѣтился г. Переташковичъ съ Поволжьемъ въ XV и XVI вѣкахъ — и его въ плѣтъ 110). Какой-то военный писарь канцелярiи генераль-адъютанта Крыжановскаго обронилъ бумагу за № 1291 по Главному Управленiю иррегулярныхъ войскъ, Отдѣленiе II, Столъ 5; бумага говорить лишь о скотоводствѣ и рыболовствѣ уральскихъ казаковъ — она составила длинную цитату и притомъ цитату изъ первыхъ рукъ 111)» и т. д.

Теперь, когда вы излили по крайней мѣрѣ, хоть, часть своей желчи на бумагу, вы, можетъ быть, въ состоянiи рассуждать съ нѣкоторымъ хладнокровiемъ. Ну и рассудите же сами, что вы такое написали? Зачѣмъ эти инсинуирующiя подчеркиванiя самихъ обыкновенныхъ словъ и ссылокъ? «Одинъ третiй», одинъ сотый и т. д. — читатель видитъ, что вы, дойдя только до 36 стр. своей критики, уже сто одиннадцать разъ уличали въ чѣмъ-то г. Посникова, ибо сдѣлали сто одиннадцать выписокъ въ свидѣтельство того, что на такой-то страницѣ г. Посниковъ совершилъ такое то преступленiе. Какiя же это преступленiя? Вѣдь вы сами должны понимать, что трудъ г. Пахмана, въ самомъ дѣлѣ, «крайне интересенъ», что трудъ г. Янсона въ, самомъ дѣлѣ, «превосходное изслѣдованiе», что цитированiе ихъ въ сочиненiи объ общинномъ землевладѣнiи вполнѣ естественно и даже неизбѣжно. А вы надѣваетесь! «Чего смѣешься? — надъ собой смѣешься!» Когда человекъ очень разсердится, такъ разсердится, что даже теряетъ способность отличать оскорбительное отъ неоскорбительнаго, онъ именно такъ и поступаетъ. Конечно, человекъ не самыхъ высшихъ сортовъ, потому что кто почище, тотъ и ведетъ себя почтительнѣе. Торговки рыночныя такъ бранятся. Одна, на примѣръ, скажетъ: «я огурцовъ на гривенникъ продала». Кажется, чего бы проще? даже и достоинствительнаго ничего

106) Выпускъ II, стр. 56, примѣч. 7.

107) Тамъ-же, стр. 74, примѣч. 7.

108) Тамъ-же стр. 169, примѣч. 1.

109) Тамъ-же, стр. 174, примѣч. 3.

110) Тамъ-же, стр. 177, примѣч. 1.

111) Тамъ-же, стр. 63—64, примѣч. 8.

нѣтъ. А неизвестно за что сердитая сосѣдка подхватываетъ: «продала! ишь ты! на гривенникъ продала! фу-ты, ну-ты! на гривенникъ огурцовъ продала!» Очень-бы интересно было проникнуть: чѣмъ вы собственно, милордъ, торгуете? Я, кажется, впрочемъ, проникъ; но объ этомъ потомъ, а теперь еще два-три различія вашей рыночной полемики.

Г. Посниковъ сообщаетъ, между прочимъ, свои собственныя наблюденія въ Англіи, слѣданныя имъ при посѣщеніи фермъ. Мало того, что вы всѣ свои, далеко, впрочемъ, не геркулесовскія силы напрягаете для нащипыванія тѣни на подлинность этихъ наблюденій, вы торопитесь еще ехидно вставить: «Посѣщеніе фермъ—занятіе не трудное, благодаря частымъ и быстрымъ поѣздамъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, и кромѣ того, занятіе пріятное, благодаря гостепримству фермеровъ». Но г. Посниковъ и не выдаетъ своихъ посѣщеній за аскетическій подвигъ. А кромѣ того, вы хоть бы то сообразили: если посѣщеніе фермъ составляетъ не трудъ, а удовольствіе, то съ какой же стати заподозривать подлинность наблюденій г. Посникова? Отъ удовольствіа вѣдь никто не прочь. Но «умъ со страстью не совмѣстимъ», какъ говоритъ кто то у Шекспира, и когда «всаицѣль Бульонъ, потелъ во храмъ», онъ не вполнѣ владелъ своимъ разумомъ. Обуреваемый слѣпою страстью своего безпристрастія, вы теряете всякую сообразительность и заводите на свою жертву обвиненія, или сами по себѣ недѣльны, или взаимно другъ друга пожирающія. Кому, кромѣ «вскипѣвшаго бульона» (простите, что пишу не съ прописной буквы: Готфридъ Бульонскій все таки, какъ слѣдуетъ, крестовый походъ отломалъ, ну, а вы маленько не дошли до святой земли), можетъ придти въ голову такое, напримѣръ, соображеніе: «если нашъ авторъ имѣлъ въ виду ознакомить крестьянъ съ нассауской и прусской системой размещенія, то... Но., кромѣ того, его книга едва ли можетъ быть вполнѣ вразумительна для крестьянъ, такъ какъ свои «исподніе и нижніе гоны» онъ намѣтилъ буквами греческаго алфавита». При этомъ, вы опять съ торжествующимъ видомъ указываете страницы, на которыхъ г. Посниковъ совершалъ такое тяжкое преступленіе, какъ употребленіе буквъ греческаго алфавита въ сочиненіи, будто бы предназначенномъ для чтенія русскіхъ крестьянъ.

Это — шутовство, милордъ, если вы позволите мнѣ откровенно высказать свое мнѣніе. А шутовство можетъ оказаться, смотря по вкусамъ и темпераментамъ присутствующей публики, либо смѣшнымъ, либо омерзительнымъ. Самому шуту не возбраняется, впрочемъ, свободно выбрать любую квалификацію...

Но шутовство шутовствомъ, а, главное, злобы-то противъ г. Посникова въ васъ очень много. До сихъ поръ у насъ шла рѣчь больше о томъ, какъ и какими цитатами пользуется г. Посниковъ. Изъ этой части обвинительнаго акта довольно трудно вывести заключеніе, что вашъ товарищъ по новороссійскому уни-

верситету (профессоръ, вѣроятно, политической экономіи), торжественно увѣнчанный въ московскомъ университетѣ, «незнакомъ съ политической экономіей» и «непонимаетъ смысла вопроса» объ общинномъ землевладѣніи. Оправдательныхъ документовъ къ этому заключенію надо искать въ другой части вашей критики. Эта часть для насъ, конечно, имѣетъ первостепенный интересъ, потому что, еслибы даже дѣйствительно вся работа г. Посникова была искажена мошенническимъ образомъ (*c'est le mot*, если вамъ вѣрить), но была бы хороша по существу, то мы все-таки были бы въ выигрышѣ. Но, увы! эта часть критики разработана съ несравненно меньшимъ стараніемъ, чѣмъ великій вопросъ о десяти брошюрахъ нѣмецкихъ совѣтниковъ. Оно и естественно, конечно, при твердомъ желаніи оставить «предметъ вопроса» въ сторонѣ.

Вы говорите, что изслѣдованіе отношеній общиннаго землевладѣнія къ слабому развитію городовъ и фабрикъ въ Россіи, а также связи вопроса объ общинѣ съ вопросомъ народонаселенія—было бы чрезвычайно важно, а г. Посниковъ его не даетъ. Совершенно справедливо. Я первый готовъ етъ души пожелать, чтобы эти важныя стороны вопроса объ общинѣ въ ближайшемъ будущемъ сосредоточили на себѣ вниманіе г. Посникова или другаго столь же добросовѣстнаго и хорошо подготовленнаго писателя. Но границы настоящаго труда г. Посникова обозначены имъ самимъ такъ точно и обстоятельно, что я, простите, не вижу никакого смысла въ вашемъ упрекѣ человѣку, который сознательно и добросовѣстно ограничилъ свое изслѣдованіе известными сторонами предмета. Здѣсь еще нѣтъ, милордъ, ни неумѣщества, ни «непониманія смысла вопроса».

Не менѣе—опять такъ прошу прощенія—безсмысленны ваши нападки на употребленный г. Посниковымъ приемъ сличенія нѣкоторыхъ сторонъ частной и общественной собственности. Вы находите, что это—приемъ старый, несостоятельность котораго доказана скудостью результатовъ полемики конца пятидесятыхъ годовъ. Мимоходомъ сказать, величественно презирая эту полемику, вы протягиваете свои комариныя ножки совсѣмъ не по приличествующей вамъ скромной одежкѣ. Но это мимоходомъ. Главное же дѣло въ томъ, что вы не хотите или не умѣете понять задачу г. Посникова, несмотря на всю ясность ея постановки. Вѣрнѣе, а думаю, сказать: не хотите понять, потому дѣло-то ужъ слышеюмъ ясное.

Позвольте на этомъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Вы не хотите понять, потому что, повидному, «предметъ вопроса», общинное землевладѣніе, интересуется васъ несравненно меньше, чѣмъ г. Посниковъ. Вы на него за что-то ужасно сердиты. За что? Отнюдь не за оскорбленіе высшихъ интересовъ науки, ибо г. Посниковъ ихъ не оскорбляетъ. А затѣмъ остаются два мотива вашей сердитости: личный и, если можно такъ выразиться общественный. Первый очень простъ: зависть, какъ толчокъ, ни-

трига, какъ орудіе, устраненіе противника, какъ дѣль — вотъ, можетъ быть, исторія вашего похода. Я ничего не утверждаю, я только предполагаю и подъясываю объясненіе вашему странно-му поведенію. Всѣ — люди, всѣ — человѣки, милордъ, и патентованные ученые люди, быть можетъ, менѣ простыхъ смертныхъ свободны отъ такихъ неблаговидныхъ вещей, какъ зависть и интрига. Гораздо интереснѣе другой возможный мотивъ.

Вы знаете, милордъ, что политическая экономія есть наука, далеко не установившаяся. Пожалуй, каждый считаетъ извѣстныя дѣйствительно научныя или якобы научныя положенія несомнѣнными. Но если такой ученый человѣкъ, какъ г. Чичеринъ, могъ, въ дѣло отъ Р. X. 1878, среди бѣла дня и на глазахъ у всѣхъ, уцѣпиться за Фридерика Бастіа, блаженной памяти, какъ за новѣйшій научный авторитетъ, то одно это показываетъ, какая анархія господствуетъ въ этой отрасли знанія. Не возможно, что и г. Чичеринъ въ непродолжительномъ времени окажется въ чьихъ нибудь глазахъ новѣйшимъ авторитетомъ по предмету политической экономіи, и какой нибудь «одинъ третій» къ глупостямъ Бастіа, осложненнымъ глупостями г. Чичерина, прибавитъ еще новый слой собственныхъ глупостей. Ничего подобнаго съ науками установившимися случиться не можетъ. Въ нихъ Чичеринъ невозможенъ или, по крайней мѣрѣ, нисколько до роли того полуумнаго нѣмца (не помню его фамиліи), брошюры котораго «Земля неподвижна» и «Противорѣчія въ астрономіи» вамъ, вѣроятно, извѣстны. Неустановленность вашей науки зависитъ, между прочимъ, въ значительной степени отъ того, что она соприкасается съ самыми непосредственными житейскими интересами. Теоретическіе и практическіе экономическіе вопросы такъ тѣсно связаны, что разогнать ихъ въ разныя стороны представляется часто дѣломъ очень мудренымъ. И вотъ почему не только положенія, но самыя термины экономической науки сколько и увертливы, какъ угри. Тѣмъ не менѣе, сквозь происходящій отсюда туманъ, можно очень явственно усмотрѣть, по крайней мѣрѣ, два способа группировки научныхъ фактовъ. Одному изъ нихъ очень давно посчастливилось проникнуть въ оффиціальныя храмы науки, другому — очень недавно, и то только отчасти. Пока дѣло идетъ о фактическомъ ростѣ и распредѣленіи «богатства народовъ», какъ у насъ несовсѣмъ правильно переводятъ заглавіе знаменитаго сочиненія Адама Смита, обѣ точки зрѣнія мало противорѣчатъ другъ другу. Но вотъ является предположеніе, быстро перекодащее въ увѣренность, что ростъ «богатства народовъ», при настоящихъ условіяхъ, сопровождается абсолютнымъ или относительнымъ обѣдненіемъ рабочихъ массъ. Какъ фактъ, это признается умными элементарно-добросовѣстными людьми всѣхъ партій. Но относящіяся сюда практическіе вопросы, а также неизбежное присутствіе людей глупыхъ и недобросовѣстныхъ, обращаютъ поле науки въ арену борьбы, отзвуки которой слышатся въ постановкѣ и разрѣшеніи даже самыхъ общихъ теоре-

тическихъ вопросовъ, каковъ вопросъ о дѣяности. Игнѣ въ виду, что «богатство народовъ» не совпадаетъ съ благосостояніемъ непосредственныхъ производителей, необходимо опредѣлить: который изъ этихъ элементовъ долженъ быть поставленъ во главу угла зданія науки. Отсюда—двѣ главныя школы.

Вы, все-таки—не г. Чичеринъ, не самоувѣренный невѣжда, косящій направо и налево, не знающій азбуки предмета. Вы, все-таки, слѣдите за литературой экономической науки. Вы, значитъ, знаете, что школа богатства народовъ, дарившая когда-то на кафедрѣхъ и въ книгахъ, все болѣе отступаетъ передъ своей противницей. Последняя, напротивъ, поддерживается всѣмъ кодомъ историческаго теченія, проникла, наконецъ, даже туда, гдѣ обыкновенно всего позже появляется свѣтъ новой истины—въ академическую науку. Вы знаете, какъ далеко зашелъ этотъ оборотъ дѣла въ Германіи. Что касается нашего отечества, то въ немъ новое (теперь-то далеко уже не новое) направленіе научной мысли до послѣдняго времени имѣло сторонниковъ и глашатаевъ только въ журналистикѣ. И на этомъ, какъ на многихъ другихъ пунктахъ, журналистика оказалась много болѣе чуткою въ голосу истины и справедливости, чѣмъ ваше сословіе. Алчущіе и жаждущіе правды выслушивали старую, высохшую, какъ пожелтѣвшій осенній листъ, дребедень съ высоты кафедры и находили живое слово на страницахъ журналовъ. Понятно, въ которую сторону ихъ влекло. Журналистика одна выносила на своихъ плечахъ задачу водворенія научной мысли въ Россіи. Вы скажете, что, тѣмъ не менѣе, журналистикѣ случалось и обнаруживать легкомысліе, и впадать въ ошибки. Я, пожалуй, уступлю вамъ это; но вѣрно то, что ваше сословіе ничѣмъ ей не помогало. Оно занималось даже не охраненіемъ рутинъ—это было бы, все-таки, лучше—а простымъ пережевываніемъ ея въ университетскихъ аудиторіахъ и изрѣдка въ книгахъ.

Милордъ, этому порядку наступаетъ, къ счастью и къ чести русскаго ученаго сословія, конецъ. За послѣднее время объявилась маленькая кучка молодыхъ профессоровъ, болѣе или менѣе рѣшительно разорвавшихъ свое дѣло съ рутинной. Вы догадываетесь, что я говорю о гг. Чупровѣ, Зиберѣ, Янжулѣ, Посниковѣ; можетъ быть, еще два-три найдутся, труды которыхъ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что являются безъ всякой нелѣпой помпы «русской науки», оторванной отъ науки европейской. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку работъ названныхъ писателей, но несомнѣнно, что общая ихъ характеристическая черта—различеніе «богатства народовъ» и благосостоянія массъ—ставить ихъ особнякомъ въ русской ученой литературѣ. Направленію этому неизбежно предстоитъ вѣрнѣе, развиваться, становиться опредѣленнѣе и рѣзче. Но это не даромъ дается, не безъ борьбы. Далеко не всѣ встрѣтятъ новое научное направленіе съ распростертыми объятіями, и много явится желающихъ затормозить какъ ходъ исторіи вообще, такъ и ходъ развитія

науки въ частности. Вы понимаете, что, если известное научное направление пробивается даже сквозь толстыя стѣны шеольныхъ зданій, такъ это—не простая случайность. Не въ томъ дѣло, что Иванъ, Сидоръ, Карпъ и Егоръ, подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ своей личной жизни, усвоили себѣ известный образъ мыслей. Нѣтъ, если вы потрудитесь окинуть своимъ пророрливымъ умственнымъ окомъ всю совокупность нашихъ русскихъ и европейскихъ дѣлъ, то увидите, что известнаго рода вопросы настолько назрѣли, что сама жизнь выставляетъ новую ихъ постановку и новое рѣшеніе. Но новая постановка и новое рѣшеніе предполагаютъ существованіе старой постановки и стараго рѣшенія. Значитъ, борьба неизбежна. Это фатально. Мы можемъ даже предвидѣть ближайшія формы борьбы. Да и чего тутъ предвидѣть, когда мы уже присутствуемъ при началѣ борьбы, когда вы сами, милордъ, въ полномъ облаченіи героя лубочной сказки, являетесь застрѣльщикомъ въ рядяхъ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Я очень радъ, что мнѣ попалось подъ руку это выраженіе «воюющая сторона». Дѣло, видите ли, въ томъ, что, пока направление (разумѣю общую характеристическую черту этого направления), котораго придерживаются вышеупомянутые ученые, отстаивалось только известною частью журналистики, рутинеры изъ вашего сословія гордо драпировались въ плащъ презрѣнія и величественно заграждали себѣ уста печатью молчанія. Такъ, въ видѣ монументовъ стояли. Журналистику они нискоимъ образомъ не соглашались признать воюющей стороной и видѣли въ ней только нѣчто въ родѣ неорганизованной, необмундированной шайки разбойниковъ, связаться съ которою значить уронить честь мундира чиновниковъ министерства народного просвѣщенія. Положимъ, тутъ, можетъ быть, примѣнялся нѣкоторый страхъ передъ нашими привычными, такъ называемыми бойкими перьями и опасеніе нѣкоторыхъ неприяностей въ родѣ рассказаннаго выше эпизода харьковскаго диспута. Но не въ этомъ дѣло. Такихъ же, какъ и вы сами, патентованныхъ ученыхъ, а равно кое-кого изъ солидныхъ или сливущихъ солидными практиковъ, непричастныхъ специально ни наукѣ, ни журналистикѣ, вы должны признать воюющей стороной. И вотъ сигналъ поданъ, вы бросаетесь въ атаку.

Замѣчательно, что почти одновременно съ вашимъ разборомъ сочиненія г. Посникова появилась убійственная критика книги князя Васильчикова «Землевлдѣніе и земледѣліе», написанная гг. Герье и Чичеринимъ. Въ то же время, г. Чичеринъ побивалъ камнями современное направленіе экономической науки на гостеприимныхъ страницахъ «Сборника государственнаго новѣжества». Можете сюда же г. Ю. Жуковскаго пристегнуть, хотя и непатентованнаго, но совершенно какъ бы патентованнаго ученаго. Это—тоже не простая случайность; это—начало борьбы, за которымъ послѣдуетъ продолженіе, а потомъ, съ Божіей по-

моцью, и конецъ. Гг. Герье и Чичерину я буду имѣть честь писать особо. Но собственно г. Чичерина не могу обойти и здѣсь.

Возьмемъ хоть то же общинное землевладѣніе. Вы знаете, вѣроятно, лучше меня, какъ подкапывались и подкапываются подъ это учрежденіе съ чисто практическими цѣлями, а именно въ видахъ великодушнаго освобожденія мужика отъ земли и препровожденія его, «свободнаго какъ птица», по добровольному этапу, въ руки тѣхъ, кому нужны безземельные рабочіе. Несмотря на полную прозрачность этихъ практическихъ цѣлей, онѣ облевались извѣстными историческими, политико-экономическими, политическими, вообще якобы научными антуражемъ. Теперь изготовленіе этого научнаго соуса становится все затруднительнѣе. Выручавшая прежде ссылка на европейскіе авторитеты неудобна. Нетолько потому, что европейскіе ученые люди стали много больше прежняго оказывать вниманія именно общинѣ, но и потому, что весь обликъ европейской науки значительно измѣнился. Г. Чичеринъ не знаетъ, но вы знаете, что любой, мало мальски порядочный нѣмецкій учебникъ или курсъ политической экономіи, любая, мало-мальски выдающаяся монографія имѣютъ нынѣ весьма мало общаго съ тѣмъ, что господствовало въ школьной наукѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Въ этомъ смыслѣ усилились ресурсы не противниковъ, а защитниковъ общиннаго землевладѣнія. Послѣдніе имѣютъ полное право утверждать, что они не отстали отъ поступательнаго движенія науки. А между тѣмъ, для извѣстнаго сорта практиковъ распушеніе общины представляется все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью. Какъ же быть? Очень просто: о волкѣ помолва, а волкъ и тутъ. Можно просто найти наемныхъ писакъ, которые за извѣстное вознагражденіе стануть фальсифицировать науку, подтасовывать факты, брать наглостью и мѣднымъ лбомъ. У насъ до наемныхъ писаекъ еще, кажется, не дошло. Но, исполняя не выраженный заказъ практиковъ, являются ученые люди, связанные съ ними общностью воззрѣній, наклонностей, а отчасти и интересовъ, которые начинаютъ дѣйствовать. Какъ они дѣйствуютъ, какъ они могутъ дѣйствовать при настоящемъ положеніи вещей, тому мы имѣемъ прекрасные образчики въ вашей критикѣ и въ критикѣ г. Чичерина. Вы, безъ сомнѣнія—историческіе дѣятели. Васъ выставила та же исторія, та же жизнь, другая сторона которой выставила вашихъ противниковъ. Рутинна, опирающаяся на практическіе интересы, не можетъ сдаться безъ боя. Она должна наперечъ всѣ свои силы, нестать себѣ паладиновъ вездѣ, гдѣ борьба возможна, значить, и въ ученномъ мірѣ. Жребій палъ коза на васъ и на г. Чичерина. Вы—жертва исторіи, милордъ, задняго двора исторіи. Впрочемъ, г. Чичеринъ гордо проходитъ параднымъ крыльцомъ. Но онъ—особь статья, и далеко не всякій обладаетъ такимъ мужествомъ, чтобы публично обнаруживать свое круглое невѣжество. Г. Чичерина задній дворъ исторіи вынулъ на сцену именно въ качествѣ такого человѣка, который,

совершенно ничего не понимая въ политической экономіи, тѣмъ самымъ окрыляется къ побѣдамъ. А это, все-таки, имѣетъ свою цѣну. Изволь тутъ еще разбирать, что, обладая въ такой-то отрасли человѣческаго вѣдѣнія значительными знаніями, Z совершенно не знаѣмъ съ такою-то. На виду у всѣхъ и всѣмъ понятенъ тотъ фактъ, что г. Чичеринъ, несомнѣнно, ученый человѣкъ, при помощи старичка Бастіа (которому, вѣдь, монументъ гдѣ-то воздвигнуть), такъ расправился съ разными мудрецами, что отъ нихъ только мокрошко осталось. Это «духу придаетъ». При случаѣ, можно ссылку сдѣлать: извѣстный нашъ ученый, г. Чичеринъ, подробно разсмотрѣлъ и доказалъ и проч. Вашъ приемъ тоже очень хорошъ, но онъ—другого сорта. Вы понимаете, что душевнаго жерла шляпой не заткнешь, а потому и не трогаете самой пушки. Вы оставляете «предметъ вопроса» подъ спудомъ и только изъ всѣхъ силъ стараетесь облить помоями г. Посникова. Чрезвычайно цѣлесообразный приемъ въ томъ отношеніи, что въ читателѣ можетъ родиться такое соображеніе: эге! вотъ они каковы защитники общины и новаго слова въ наукѣ! И далеко не всякій сообразитъ, что, еслибы г. Посниковъ былъ вами фотографически вѣрно изображенъ, то это нисколько не компрометируетъ научной точки зрѣнія, на которую онъ всталъ. Точно такъ же, какъ наука вообще ни мало не компрометируется вашимъ, служителя науки, зазорнымъ поведеніемъ. Хорошъ приемъ, что и говорить, но, все-таки, не всѣмъ онъ можетъ нравиться. Главная ваша бѣда въ томъ, что вы пересолили, обнаружили черезчуръ уже много страстности въ полемикѣ. Это выдаетъ заднюю мысль.

Вы находите, что приемъ сличенія выгодъ и невыгодъ частной и общинной собственности старъ и несостоятеленъ. Но, герой лубочной сказки, какъ же быть, если со всѣхъ сторонъ раздаются проекты замѣны общинной собственности частною? Нужно или не нужно говорить о преимуществахъ той или другой?

Вы утверждаете, что рассматриваемые г. Посниковымъ вопросы о срочныхъ передѣлахъ, о принудительной обработкѣ, чрезполосицѣ и дробимости земли, за исключеніемъ перваго, не имѣютъ прямой связи съ вопросомъ объ общинѣ. Но, величайшій изъ героев лубочныхъ сказокъ, развѣ не это именно доказываетъ г. Посниковъ? Это называется: моимъ же добромъ, да мнѣ же челою, да еще съ попреками.

Вы утверждаете, что г. Посниковъ переноситъ огуломъ всю аргументацію англійскаго ноземельнаго вопроса въ разрѣшеніе вопросовъ о русской общинѣ. Это, просто—неправда, милордъ. Въ книгѣ г. Посникова ничего подобнаго нѣтъ, и самое примѣненіе линкольнширскаго tenant right, надъ которымъ вы такъ глумитесь, сводится на простое вознагражденіе при передѣлахъ за приложенное къ землѣ удобреніе, въ чемъ ничего особеннаго утопическаго усмотрѣть нельзя, тѣмъ болѣе, что и теперь уже

известны случаи, когда крестьяне отличаютъ, при передѣлахъ, хорошо удобренную землю отъ неудобренной.

Вы очень сердиты, милордъ, сердитѣе, чѣмъ вамъ позволяеть ваша духовная комплекція. Особенно сердитесь вы за нѣсколько неодобрительныхъ словъ, сказанныхъ г. Посниковымъ о такъ называемыхъ экономистахъ и ихъ наукѣ. Но ни на одно возраженіе у васъ пороку не хватило или вы его не посмѣли сдѣлать. Вы ограничились ироніей, и я напомню вамъ эту достопамятную въ лѣтописяхъ сатиры и ироніи фдкую остроуту. Вы говорите: «Очевидно, что нашъ авторъ разумѣетъ и себя подъ тѣмъ «всякимъ», «кто возвысился надъ узкой точкой частныхъ интересовъ», «кто понимаетъ» и т. д. Вѣроятно, въ доказательство такой возвышенности, принципъ раздѣленія труда онъ сравнилъ свиньями, подсвинками и поросятами, которымъ на этотъ разъ не помѣшало то «энергическое средство», какое указано имъ же самимъ — продергиваніе въ ноздри проволочныхъ колець». Въ примѣчаніи вы поясняете, что «преувеличенія здѣсь нѣтъ никакого», и приводите подлинное мѣсто изъ книги г. Посникова. При этомъ оказывается, однако, что дѣло идетъ совсѣмъ не о раздѣленіи труда, а о способахъ пастьбы и потравахъ. Поводомъ же къ остроумному увѣренію, что г. Посниковъ «сравнилъ принципъ раздѣленія труда свиньями», послужила собственно фраза, которою начинается это мѣсто: «въ тѣхъ, пока относительно счастливыхъ селеніяхъ, на которыхъ не распространилось еще дѣйствіе пресловутаго раздѣленія труда, въ селеніяхъ, гдѣ крестьяне удовлетворяютъ своимъ главнѣйшимъ потребностямъ продуктами домашняго изготовленія—принято держать, для пропитанія семьи, въ числѣ прочаго скота и свиней» и т. д. Далѣе идетъ описаніе способовъ пастьбы.

Такъ не возражаютъ, остроумный милордъ, такъ говорятъ неправду, глупости и пустяки. И если издыхающая форма науки не можетъ выставить иныхъ, лучшихъ способовъ самозащиты, такъ, значитъ, торжество правды близко. Подумайте объ этомъ въ часы досуга. Отъ васъ лично, отъ вашего сословія вообще, будетъ зависѣть ваша собственная судьба при этомъ торжествѣ. Припомните оваціи, которыми сопровождался диспутъ г. Посникова. Это былъ залогъ сближенія между наукой и жизнью, залогъ того, что мы, уважающіе науку, горячо желаемъ уважать ея представителей. А пока —

Hier sitz' ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Zu leiden, zu weinen,
Zu geniessen und zu freu'en sich
Und dein nicht zu achten,
Wie ich!

. Н. М.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 Г.

(По общей нумерации тома ССXXXIV).

Май № 5.

	СТРАН.
ЖЕНИТЪБА БЪЛУГИНА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Соловьева	5
НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. (Его жизнь и поэзія)	93
УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратскаго	117
БУЗНЕЦЪ. (Памяти Н. А. Милютна). (<i>Стихотвореніе</i>). Н. Некрасова	166
ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ). Н. Максимова.	167
РАЦИОНАЛИЗМЪ НА ЮГЪ РОССИИ. Емельянова	199
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго.	231
ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕМПЛА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ. Романъ Джемса Гринвуда, автора «Исторія Найденыша». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—64).	

Июнь № 6.

ГРЫЗУНЫ. (Разсказъ). И. Салова.	273
ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ. (Изъ Риппена). (<i>Стихотвореніе</i>). А. Барыкова	333
ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ). Н. Максимова.	337
НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. (Его жизнь и поэзія). А. Снабичевскаго	365
ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера	407
СВАДЪБА ПО ТЕЛЕФОНУ. Юмористическій разсказъ Марка Твена.	433
ЭКОНОМИЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ. (По Максу Вирту).	447

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго. 519
**ПОХОЖДЕНІЕ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО
 ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ.** Романъ Джемса
 Гринвуда, автора «Исторія Найденныша». (Приложеніе
 въ концѣ книги. Стр. 65—96).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

ЭКСКУРСІИ ДѢЛЬЦОВЪ ВЪ ОБЛАСТЬ НАУКИ И ЛИ- ТЕРАТУРЫ	1
ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ ВЪ МІРѢ НОВЫХЪ СУДОВЪ. Н. С.	32
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Стачки и ихъ быстрое прекращеніе.—Банкетъ рабочихъ ассоціацій и рѣчь Луи Блана.—Приостановка парламентской сессіи.—Амнистія по дѣламъ печати въ сенатѣ.—Де-Брольи и Парисъ противъ Савари и Дюфора.—Окончательное принятіе бюджета.—Увеличеніе содержаній по поводу выставки.— Фарсъ, разыгранный сенаторомъ.—Мирная сессія гене- ральныхъ совѣтовъ.—Рѣчь Барду при открытіи «коллежа Паскаля».—Выборы 7-го апрѣля.—Разстройство въ ра- дахъ бонапартистовъ.—Заявленія Рауля Дювала, До- пона и Дюге де-ла-Фоконри.—Статьи о союзахъ 1870 г.—Исторіи съ военнымъ министромъ.—Случай съ Гелзномъ и Мирибелемъ.—Территоріальная армія и циркуляръ къ жандармамъ.—Антиреспубликанская магистратура.—Поѣздка Гамбетты и наслѣдство Тьера.—II. Театръ и музыка.—«Семейство Фуршамб», комедія Эмиля Ожье, на сценѣ театра «Французской Комедіи».—«Бразилька», мелодрама Поля Мѣрса въ театрѣ «Ambigu».—Возобновленіе на сценѣ Комической Оперы «Сѣверной Звѣзды», Мейербера.—«Статуя» Рей- ера «Торжество мира», на сценѣ Итальянскаго Театра.— Духовная музыка. Людовина	54
НОВЫЯ КНИГИ. Педагогическая психологія. П. Каптере- ва.—Очерки семейныхъ отношеній. Алекс. Смирнова.— Литературная, музыкальная и художественная собствен- ность. Исслѣдованіе И. Табашникова.—Подсѣзники. Стихотворенія А. Н. Плещеева.—Новая русская энци- клопедія, издаваемая А. О. Жолкѣвичемъ	81
ПО ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛАХЪ. В. Час- лавскаго	101

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Уставъ новаго уголовного судопроизводства, отнимающій у полиціи право сажать російскихъ гражданъ въ кутузку собственной властію.— Игнорированіе этого устава російскими Держимордами и прежнія безчинія и произволъ полиціи при взятіи подъ стражу.— Необходимость какихъ-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для обузданія произвола полиціи и для огражденія свободы личности російскихъ гражданъ.— Назначеніе комиссіи для изслѣдованія дѣйствій товарищества Горвица, Когана, Грегера.— Необходимость извѣдованія дѣйствія разныхъ товариществъ по поставкѣ сухарей для арміи.— Дѣло о погонцахъ.— Неправильное отношеніе къ этому дѣлу гражданскихъ властей.— Капитанъ одесскаго порта, Вейсъ.— Необходимость строгаго слѣдствія и преданія суду подрачниковъ и агентовъ по найму погонцевъ.— Опасность раззоренія, угрожающая всей Россіи отъ обманныхъ условій, заключаемыхъ разными подрачниками-предпринимателями съ рабочими.— Почтеніе, оказываемое русскому мужику въ Семирѣченскомъ Краѣ.— Письма студентки Некрасовой 105

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М. 128

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ 152

Июль № 6.

НАША МИРОВАЯ ЮСТИЦІЯ. В. Иванова. 153

НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬИ. (Мотивы и выводы). П. Боборыкина. 172

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Открытіе всемірной выставки. Дурныя предвѣщанія.— Гроза въ день открытія.— Описаніе Трокадерд.— Оффиціальная рѣчь.— Маршалъ впервые рѣшается на произнесеніе словъ: «французская республика». — 26 оркестровъ музыки.— Переходъ черезъ Іенскій Мостъ.— Общій видъ Марсова Поля.— Довольство публики.— Удивительная «улица націй». — Открытіе иностранныхъ отдѣленій выставки.— II. Продолженіе описанія открытія выставки и праздниковъ, устроенныхъ въ честь этого открытія.— Посѣщеніе галлерей ручныхъ работъ во время ихъ производства.— Добровольная иллюминація Парижа. — Фей-

- ерверки.—Подвижная иллюминація на улицахъ и поющая публика: конецъ траура Франціи.—Тостъ принца Уэльскаго и его свиданіе съ Гамбеттой.—Открытие отдѣла изящныхъ искусствъ Германіи.—Выставка отвергнутыхъ изящныхъ произведеній (exposition des éclus).—Будущія празднества.—Ш. Политическія новости.—Снятіе флаговъ по случаю годовщины 16-го мая.—Катастрофа въ улицѣ Беранже.—Судебная медицина и дѣло Данваля.—Открытіе засѣданій палаты.—Продолженіе провѣрки полномочій и слѣдствіе.—Новая бюджетная коммисія и программа Гамбетты.—Побѣда министра Фрейсине въ сенатѣ.—Военные законы.—Данферъ, его смерть и погребеніе.—Возстаніе клерикаловъ противъ празднованія юбилея Вольтера.—Парижскій муниципальный совѣтъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.—Неудача Дюпанлу въ сенатѣ. Людовика 222
- ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЯЕВА.** Всеволода Даневскаго. 246
- ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Полемика старобѣльскаго земства.—Майоръ Мариновъ и отношеніе къ нему земцевъ.—Постановленіе земскаго собранія по поводу взятія исправникомъ подъ стражу одного гласнаго изъ крестьянъ во время сессіи.—Исправникъ-подрядчикъ по содержанію земскихъ лошадей.—Предсѣдатель земской управы въ качествѣ руководителя крестьянскими выборами.—Привлеченіе гласнаго изъ крестьянъ Сараны къ слѣдствію.—Какъ трудно крестьянамъ получать въ аренду казенныя земли, отдаваемыя съ торговъ въ управленіяхъ государственными имуществами и безучастіе въ этомъ случаѣ къ крестьянамъ и недѣятельность земства.—О старобѣльской земской прогимназіи.—Многосложная дѣятельность г. предсѣдателя земской управы.—Бурьѣзъ.—Книга: «Н. А. Некрасовъ», составленная г. А. Голубевымъ 252
- ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.** Н. М. 272

1-го Іюня вышла и разослана подписчикамъ VI-я, Іюньская, книга
Историческаго Журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Очерки, рассказы и воспоминанія:
Глава I. Ссылно-наторжные въ Восточной Сибири. — II. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вербѣ, 21-го ноября 1830 г., рассказъ Іоахима Лелевеля. — III. Андрей Николаевичъ Карамзинъ въ дѣлѣ 16-го мая 1854 г. — IV. Воспоминанія доктора А. Генрици о Восточной войнѣ, 1854—1855 гг. (окончаніе). — V. Георгій Новицкій, біографическій очеркъ. — VI. Къ исторіи заселенія Западнаго Кавказа, 1861 — 1863 гг. Сообщ. М. И. Венюковъ. — VII. Разназы, заѣтки, преданія: 1) Зоричъ, Пассекъ и Потемкинъ въ 1788—1789 гг. — 2) Княгиня М. Н. Волконская, рожд. Раевская. — 3) Кюхельбекеръ. — 4) Стихъ о раззореніи раскольничьихъ скитовъ и проч. — VIII. О Царѣ Горохѣ. Подарокъ ученымъ на 1834-й годъ: когда царствовалъ царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешель, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства — шутка-сатира К. Н. Лебедева. Сообщ. Д. Ѳ. Кобеко. — IX. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ князя Василя Долгорукаго, казненаго въ Новгородѣ, въ 1739-мъ году, гравировалъ въ Парижѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ. II. Снимокъ съ собственноручно-написаннаго стихотворенія И. А. Крылова.

ПРИ ЭТОЙ КНИГѢ РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
портретъ **Н. В. Гоголя**

отпечатанъ въ Парижѣ, у Лемерсье, красками, снимокъ съ портрета, писаннаго въ 1841 г. А. А. Ивановымъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ»

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ «Русской Старины» 1878 г., съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою восемь рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиного Двора). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прошедшихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить—изд. 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. Каждого года всѣ 12 книгъ, съ портретами 8 руб., съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Сомовскій.

- Подвижная иллюминація на улицахъ и новая пуб-
лика: конецъ траура Франціи. — Тостъ принца
Уэльскаго и его свиданіе съ Гамбеттой. — Открытіе
отдѣла изящныхъ искусствъ Германіи. — Выставка
отвергнутыхъ изящныхъ произведеній (exposition des
éclus). — Будущія празднества. — III. Политическія
новости. — Снятіе флаговъ по случаю годовщины
16-го мая. — Катастрофа въ улицѣ Беранже. — Су-
дебная медицина и дѣло Данвали. — Открытіе за-
даній палаты. — Продолженіе провѣрки полномочій и
парламентское слѣдствіе. — Новая бюджетная комис-
сія и программа Гамбетты. — Побѣда министра Фрей-
сингъ въ сенатѣ. — Военные законы. — Данферъ, его
смерть и погребеніе. — Возстаніе клерикаловъ про-
тивъ празднованія юбилея Вольтера. — Парижскій
муниципальный совѣтъ и министръ внутреннихъ
дѣлъ. — Неудача Дюпанлу въ сенатѣ. *Людovina.* 222
- XIII. — ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЯЕВА.
Всесолода Даневскаго. 246
- XIV. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Полемика старобѣль-
скаго земства. — Майоръ Мариновъ и отношеніе къ
нему земцовъ. — Постановленіе земскаго собранія по
поводу взятія исправникомъ подъ стражу одного
гласнаго изъ крестьянъ во время сессіи. — Исправ-
никъ — подрядчикъ по содержанію земскихъ лоша-
дей. — Предсѣдатель земской управы въ качествѣ
руководителя крестьянскими выборами. — Привлече-
ніе гласнаго изъ крестьянъ Сараны къ слѣд-
ствію. — Какъ трудно крестьянамъ получать въ арен-
ду казенныя земли, отдаваемыя съ торговъ въ
управленіяхъ государственными имуществомъ и без-
участіе въ этомъ случаѣ къ крестьянамъ и недѣя-
тельность земства. — О старобѣльской земской про-
гимназии. — Многосложная дѣятельность г. предсѣ-
дателя земской управы. — Курьезъ. — Книга: «Н. А.
Некрасова», составленная г. А. Голубевымъ. . . 252
- XV. — ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ. Н. М. . . 272

Объявленія: О выходѣ іюньской книжки «Русской Старины».
Отъ книжныхъ магазиновъ И. И. Мамонтова и Мелье.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Дакію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

